NLRK 00390925

353489

V

2010

91(47)
С494
13.II.1930.

К. К. Случевскій

ПО СѢВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ

ТОМЪ II.

„ПО ЗАПАДУ РОССІИ“

Съ картою западнаго края, отпечатанною въ **6** красокъ, и **159** рисунками.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

353489 КР
КАБИНЕТ КРАЕВЕДЕНИЯ
ОБМ
11634

Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср Подъяч., № 1.

Дозволено цензурою 2 сентября 1897 г. СПБ.

Очеркъ путешествія.

Предпринятое въ 1886 году путешествіе длилось съ 8 іюня по 4 іюля, причемъ сдѣлано всего около 3.000 верстъ. Посѣщенныя въ этомъ путешествіи мѣстности были чрезвычайно разнообразны какъ въ историческомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи.

Какъ художественную противоположность прибалтійскому краю, посѣщенному почти на всемъ его протяженіи, будто для сравненія, путешественники видѣли небольшой уголокъ скалистой Финляндіи,—Выборгъ, который, по взятіи крѣпости въ іюнѣ 1710 года, императоръ Петръ, въ письмѣ къ императрицѣ, назвалъ «крѣпкою подушкой С.-Петербургу, устроенною чрезъ помощь Божію». Они посѣтили Транзундскій рейдъ, бывшій свидѣтелемъ знаменитой побѣды адмирала Чичагова надъ шведскимъ флотомъ,—побѣды, обусловившей заключеніе мира и давшей Чичагову: Георгія первой степени, похвальную грамоту, шпагу съ алмазами и 2.417 крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Посѣщены были: Вильманстрандъ, могучій водопадъ Иматра и извѣстный паркъ Монрепо. Финляндія очень характерная страна, въ отношеніи распредѣленія поземельной собственности, въ особенности по сравненію съ прибалтійскимъ краемъ. Въ прибалтійскомъ краѣ нѣмецкое дворянство окончательно облагодѣтельствовано майскимъ указомъ 1783 года, даннымъ императрицею Екатериною II, повелѣвшей: «отъ нынѣ на всегда въ губерніяхъ рижской и ревельской почитать одинъ родъ недвижимыхъ имѣній подъ именемъ вотчинъ». Въ Финляндіи, напротивъ того, землевладѣніе распредѣляется, приблизительно, слѣдующимъ образомъ:

Дворянъ	46
Не-дворянъ	305
Крестьянъ	25.000
Разночинцевъ	117

Другою противоположностью прибалтійскому краю были: Двинскъ и Псковъ. Въ глубокой древности, въ IX вѣкѣ, теплилось здѣсь имя св. великой княгини Ольги; это коренная русская земля, лежавшая бокъ-о-бокъ съ землями

мечеиосцевъ прибалтійскаго края; здѣсь тоже имѣлся свой мечъ,—мечъ князя псковскаго Довмонта; тутъ совершилась побѣда св. Александра Невскаго, тутъ шумѣло вѣче и сидѣли посадники и, какъ память былаго величія и богатства, сохранилось краснорѣчивое извѣстіе о томъ, что и Псковъ былъ членомъ гордаго Ганзейскаго союза. Но на Псковъ, въ свое время, опустилась мощная рука объединявшей Русь Москвы. Тихо и безлюдно Псковское озеро теперь, а въ срединѣ XIII вѣка, въ одномъ изъ походовъ своихъ на Псковъ, рыцари направлялись по озеру флотиліею, имѣвшею до 9.000 человѣкъ однихъ только матросовъ; сколько же было у нихъ воиновъ? Одна изъ эстонскихъ легендъ гласитъ, что озеро это находилось когда-то въ прибалтійскомъ краѣ, но, недовольное людьми, переселось сюда по небу облакомъ и, вполнѣ удовлетворенное перемѣной, покоится на новомъ мѣстѣ который уже вѣкъ.

Историческая жизнь прибалтійскихъ губерній, какъ сложилась дробною, самостоятельною по мѣстностямъ, по преданіямъ, такою осталась она и до сихъ поръ, и только мѣропріятія самаго послѣдняго времени вносятъ въ эту жизнь правительственное объединеніе. Каждая изъ губерній, каждый изъ городовъ имѣетъ тутъ свои историческія особенности, и студентамъ юридическаго факультета въ Юрьевѣ должно быть чрезвычайно трудно изученіе всякихъ готскихъ, гамбургскихъ, любекскихъ и мѣстныхъ правъ, имѣющихъ и нынѣ свое примѣненіе *). Если не ошибаемся, тутъ дѣйствуютъ въ настоящее время десять частныхъ правъ, три рыцарскія, три городскія, четыре крестьянскія и, какъ помощь имъ, римское право; различныхъ формъ присяги имѣется не менѣе десяти. Насколько пестры были условія мѣстной жизни еще не очень давно, видно изъ того, что на ландтагѣ 1780 года подвергалось серьезному обсужденію и принято рыцарствомъ постановленіе «о платьяхъ» (Kleiderordnung) въ силу котораго: возбранялось носить иностранныя кружева и блонды дѣвушкамъ-дворянкамъ, ранѣе двѣнадцатилѣтняго возраста не позволялось носить шелковыя платья, а мальчикамъ, того же сословія, раньше пятнадцати лѣтъ — шелковыя панталоны. Задумано было это постановленіе въ Эстляндіи, а затѣмъ заимствовано и сосѣднею съ нею Лифляндіею. Оно является какъ бы продолженіемъ того длиннаго ряда споровъ объ одеждѣ, который вызвалъ требованія орденскаго великаго магистра Книпроде, въ XII вѣкѣ, чтобы бороды были обязательны для всѣхъ, а золотыя кольца на пальцахъ — для купцовъ. Книпроде имѣлъ въ то время дѣло съ такими неуклюжими рыцарями, которые едва могли двигаться, вслѣдствіе разныхъ связывавшихъ ихъ движеніе и то и дѣло лопавшихся ремешковъ. Эти рыцари красились, носили фальшивые волосы и щедро обматывались ватой, для приданія тѣлу красивыхъ формъ. О точномъ опредѣленіи формы одежды ордена и духовенства мѣстные

*) Въ теченіе десяти лѣтъ, истекшихъ со времени этого путешествія, правительствомъ сдѣлано не мало на пользу объединенія прибалтійскаго края; въ особенности много достигнуто было по народному образованію; но для послѣдовательности, а главное, чтобы не нарушить нить разсказа, наглядно рисующаго историческое прошлое прибалтійскаго края, всѣ упомянутыя нововведенія и преобразованія будутъ приведены въ концѣ очерка этого путешествія.

нѣмцы обращались даже къ папѣ и въ 1431 году, и нѣсколько раньше, и позже, причемъ много и жарко спорили. Постановленіе 1780 года явилось, слѣдовательно, только блѣднымъ откликомъ на ту же тему, но на новый ладъ.

Особенности городовъ, предстоявшихъ посѣщенію, представлялись дѣйствительно очень типичными. При описаніи посѣщеній ихъ, необходимо было дать мѣсто какъ историческимъ воспоминаніямъ, такъ и современнымъ даннымъ.

Раньше другихъ посѣщенъ Ревель, главный городъ древней Эстляндіи и губернскій городъ нынѣшней Эстляндской губерніи. Здѣсь починъ исторической жизни принадлежитъ датчанамъ, сокрушившимъ эстонскій замокъ Линданиссе. Датскій орденъ Данеброга основанъ въ память одной изъ датскихъ побѣдъ, одержанныхъ подъ Ревелемъ. Ослабленіе датской королевской власти обусловило то, что эстляндское рыцарство, откупившись деньгами отъ короля раньше другихъ въ прибалтійскомъ краѣ, стало самостоятельнымъ. Хотя изъ пяти епископствъ края ревельское считалось слабѣйшимъ, но это не мѣшало епископамъ, при обозрѣніи церквей, принимать широкія угощенія, длинныя меню которыхъ, какъ мясныя, такъ и рыбныя, еще имѣются налицо въ древнихъ церковныхъ книгахъ. О богатствѣ Ревеля, какъ одного изъ видныхъ членовъ Ганзейскаго союза, свидѣтельствуютъ его глубоко древнія, характерныя церкви; въ одной изъ нихъ имѣется даже «Пляска Смерти»; первый суперъ-интендентъ этой же церкви поступилъ въ нее проповѣдникомъ по непосредственной рекомендаціи Лютера и Меланхтона, письма которыхъ, равно какъ и многія хартіи королей, бережно хранятся въ магистратскомъ архивѣ и музеѣ. Тутъ, въ Ревелѣ, существовалъ и красуется замѣчательный своими развалинами и другими особенностями монастырь св. Бригитты, о которомъ еще придется сказать нѣсколько словъ. Кто не слыхалъ разсказа о томъ, что въ Ревелѣ долгое время показывался жителямъ несхороненный за долги Дюкъ-де-Кроа; кто не знаетъ, наконецъ, ревельскихъ килекъ? И у килекъ существуетъ нѣкоторымъ образомъ исторія и даже очень любопытная; теперь кильки остались почти единственнымъ продуктомъ рыбной ловли, составляющимъ предметъ отпускной торговли, тогда какъ до 1313—1315 годовъ по всему балтійскому побережью обильно ловилась сельдь, съ той поры Богъ вѣсть куда и почему исчезнувшая.

За Ревелемъ слѣдовали: Гапсаль, извѣстный своими морскими купаніями, дважды подвергавшійся въ XVI и XVII столѣтіяхъ продажѣ и однажды залогу, что составляло довольно обычное въ тѣ дни явленіе въ этомъ своеобразномъ краѣ, и Перновъ, тоже не менѣе насиженное, старое мѣсто. Изъ сосѣднихъ песковъ послѣдняго выдвигается въ туманѣ обликъ другого, несуществующаго уже города, стараго Пернова, который, чтобы не было новому Пернову praejudicio, по его настояніямъ, благодаря шведскимъ и польскимъ королямъ, погибъ, затравленный новымъ Перновымъ, оставивъ за собою чуть ли не единственнымъ слѣдомъ существованія старую и новую городскія печати, изъ которыхъ юнѣйшей 450 лѣтъ. Отъ самаго города нѣтъ и слѣда.

Не далеко отъ Пернова на островѣ Эзелѣ лежитъ Аренсбургъ, извѣстный своими грязями. Аренсбургскія цѣлебныя грязи представляютъ илъ, содержащій сѣрнистое желѣзо. Лѣченіе этимъ иломъ производится въ видѣ ваннъ, причемъ

илъ разбавляютъ морскою водою. Аренсбургскія грязи считаются особенно полезными при внутреннихъ и наружныхъ болѣзняхъ, происходящихъ отъ худосочія золотушнаго, чесоточнаго, ревматическаго и сифилитическаго; онѣ цѣлебны при лѣченіи лишаевъ; съ нѣкоторымъ успѣхомъ можно пользоваться ими и отъ страшной болѣзни—проказы. Островъ этотъ, какъ и сосѣдніе съ нимъ острова, во времена доисторическія, былъ центромъ таинственныхъ личностей, называемыхъ обыкновенно морскими разбойниками; едва ли это вѣрно, это было скорѣе самостоятельно развивавшееся морское государство, не менѣе грабительское, чѣмъ всѣ ему современныя; едва ли можно считать простыми разбойниками людей, которые въ XIII столѣтіи, въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ, произвели семнадцать воинственныхъ нападеній и выдержали цѣлыхъ три; только въ 1343 году, орденскія силы, воспользовавшись льдомъ, сковавшимъ въ холодную зиму Балтійское море, окончательно овладѣли островомъ и обязали эзельцевъ, въ наказаніе и искупленіе, построить замки Аренсбурга и Зюнебурга. Съ того времени островъ раздѣляетъ общую судьбу края. Существуетъ преданіе, что рыцари-владѣтели побережій острововъ Эзеля и Даго содержали въ древности фальшивые маяки и грабили терпѣвшіе чрезъ это крушеніе купеческіе корабли. Въ настоящее время помѣщики этихъ прибрежій пользуются до сихъ поръ «береговымъ правомъ», т. е. получаютъ извѣстную часть съ товара, который будетъ спасенъ при ихъ помощи съ разбитыхъ судовъ.

Дальнѣйшій путь шелъ на Виндаву и Либаву, на тѣ два города, въ отношеніи которыхъ, въ связи съ другими стратегическими пунктами побережья, назрѣвалъ въ описываемое время еще вопросъ государственной важности: сдѣлать тотъ или иной пунктъ портомъ коммерческимъ и военнымъ одновременно, или же, предоставивъ одинъ изъ нихъ торговлѣ, устроить въ другомъ военную стоянку. Судьба, какъ извѣстно, рѣшила этотъ вопросъ въ пользу второго города. Виндава и Либава мѣста не менѣе древнія, не менѣе насиженныя, тоже семисотлѣтнія существованія. Слѣдовала Митава съ бироновскимъ замкомъ, построеннымъ Растрелли. Здѣсь центръ курляндскаго рыцарства, средоточіе той малой частицы орденскихъ земель, которая, одно время, жила почти самостоятельною жизнью при своихъ собственныхъ герцогахъ. Въ герцогскомъ склепѣ занято ихъ тѣлами тридцать мѣстъ. Въ этой небольшой губерніи насчитывается до семидесяти семи майоратовъ; въ Митавѣ дважды жилъ графъ Прованскій, впослѣдствіи король Людовикъ XVIII; тутъ же разыгралась исторія двухъ претендентовъ на герцогскую корону: знаменитаго тюильрійскаго героя, красавца, графа Морица Саксонскаго, и старика, любимца Петрова, Меншикова; въ іюлѣ 1727 года произошла ночная уличная схватка между солдатами обоихъ претендентовъ; въ августѣ мѣсяцѣ Морицъ бѣжалъ, а въ декабрѣ Меншиковъ находился на пути въ Березовъ. Еще недавно существовалъ въ Митавѣ мостъ, называвшійся Kriwebrücke, отъ имени представителя языческаго богослуженія, верховнаго жреца Криве; не далѣе какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія по Курляндіи, странѣ особенной стойкости древнихъ обычаевъ, высились «священныя деревья», слѣды до-христіанскаго культа, и даже до настоящаго времени, какъ увѣряютъ, въ окрестностяхъ города женихъ вы

ходитъ въ поле и трубитъ въ тауре», испрашивая у добрыхъ духовъ благословенія на бракъ. Митава столица латышей, какъ Ревель столица эстовъ. Первыхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ немного болѣе, чѣмъ вторыхъ.

По послѣдней переписи (1881) населеніе всего края состояло:

Латышей	970.000
Эстовъ	840.000
Лявовъ	2.500
Русскихъ	62.000
Нѣмцевъ	200.000 *)
Евреевъ.	55.000
Литовцевъ	15.000
Поляковъ	10.000
Шведовъ	5.600
Всего . . .	2.160.100

Первымъ по времени (въ XIII вѣкѣ) хроникеромъ края и, надо сказать, самымъ добросовѣстнымъ, былъ, какъ извѣстно, Генрихъ Латышъ, и не далѣе какъ въ 1880 году умеръ нѣкто Пличъ, латышъ, учитель, оставившій накопленныя имъ за трудовую жизнь нѣсколько тысячъ рублей на учрежденіе въ Венденѣ чрезъ 150 лѣтъ «крестьянскаго университета», когда капиталъ достигнетъ внушительной суммы трехъ милліоновъ рублей.

Если Митава городъ дворянъ, безъ торговли и безъ капиталовъ, то въ этомъ отношеніи она прямая противоположность, посѣщенной вслѣдъ за тѣмъ, Ригѣ. Рига самый богатый городъ Россіи, имѣвшій къ тому времени 3.374.618 рублей капитала (Петербургъ 2.543.593, Иркутскъ 2.006.133, Москва 1.616.726, Варшава 1.048.516 и Одесса 951.390 рублей), въ которомъ живетъ ровно одна треть всѣхъ нѣмцевъ прибалтійскихъ губерній, изъ таможни котораго за одно трехлѣтіе вывезено товаровъ на 166.763.838 рублей, привезено на 90.632.832 рубля и поступило одной пошлины золотомъ съ привоза 8.465.999 рублей съ копейками, тогда какъ весь ввозъ по западно-европейской границѣ нашей, напримѣръ, въ 1880 году, не превышалъ 297.793.806 рублей; кромѣ того, Рига богатѣйшій собственникъ въ Лифляндіи; она, отдѣльно отъ Лифляндіи, покорилась Петру I; ея земли имѣютъ свою консисторію и своего городскаго суперъ-интенданта; въ Ревелѣ есть также особый городской суперъ-интендентъ; на коронацію въ Москву Рига посылала отъ себя бюргермейстера, отъ прибалтійской страны ѣздило другое лицо.

Первая искра нѣмецкой образованности, въ самомъ концѣ XII вѣка, была заронена именно въ Ригу. Здѣсь сѣлъ первый епископъ, тутъ укрѣпился орденъ меченосцевъ, здѣсь впервые, какъ противовѣсъ рыцарству, окрѣпло бюргерство. Здѣсь, на Двинѣ, вдоль рѣки, до моря, издревле столкнулись два культурныя вліянія: нѣмецкое съ запада и русское съ востока. Большая часть этихъ земель, до прихода нѣмцевъ, были русскими, платили полоцкимъ князьямъ дань, и старѣйшая хроника Генриха Латыша подтверждаетъ это.

---

*) Сюда попало, вѣроятно, много туземцевъ, потому что они показали себя говорящими по-нѣмецки.

Selhen, Liven, Letten lant
Waren in der Rusen hant.

Генрихъ Латышъ писалъ по-латыни прозою; приведенное мѣсто взято изъ нѣмецкой рифмованной лѣтописи неизвѣстнаго автора, жившаго нѣсколько позднѣе Генриха Латыша. Имѣлась еще и другая, болѣе поздняя, рифмованная лѣтопись, но въ ней описываются преимущественно исторіи возстаній эстовъ противъ нѣмцевъ, и самая лѣтопись, нигдѣ до сихъ поръ не отысканная, сохранилась только въ ссылкахъ, приводимыхъ нѣкоторыми историками края.

Что наши поселенія, до прихода нѣмцевъ, придвигались къ самому морю, документально свидѣтельствуетъ, на-ряду съ другими, Бѣляевъ въ «*Исторіи Полотска*», и только значительная безхарактерность личностей полоцкихъ князей, съ одной стороны, и великая энергія первыхъ нѣмецкихъ епископовъ, съ другой, привели къ подчиненію Западу всего побережья, на которое впослѣдствіи цари московскіе смотрѣли совершенно правильно, какъ на «свою» землю.

Въ Ригѣ полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обрисовались въ своихъ очертаніяхъ орденъ, епископство и бюргерство. Длинною мартирологіей тянутся хроники о враждѣ этихъ трехъ элементовъ. Одинъ изъ процессовъ ордена съ архіепископомъ, разбиравшійся въ Римѣ, хранится въ архивѣ Кенигсберга и имѣетъ пятьдесятъ одну рижскую аллю, т. е. около тридцати четырехъ аршинъ длины, несмотря на то, что начало и конецъ этого чудовищнаго документа объѣдены крысами. Когда, въ одно изъ возстаній города противъ ордена, въ 1319 году, послѣдній осилилъ, то, помимо болѣе непосредственной расправы, за убійство восемнадцати человѣкъ, городъ былъ вынужденъ: отслужить во всѣхъ монастыряхъ между Двиной и Нарвой и въ девяти ганзейскихъ городахъ по 1.000 литургій и 1.000 панихидъ, основать въ трехъ церквахъ по три алтаря съ ежедневною при нихъ службой, а въ Ивановъ день, во всѣхъ церквахъ Риги, ставить по восемнадцати гробовъ, со всѣми принадлежностями, какъ бы въ нихъ дѣйствительно лежали покойники, съ покровами, молитвословіемъ и звономъ колоколовъ. Этихъ гробовъ теперь, конечно, не ставятъ и такихъ панихидъ не служатъ. Надо замѣтить, что съ XIV вѣка въ Ригѣ существовало три отдѣльныхъ по характеру похоронныхъ пѣсни—для ратсгеровъ, бюргеровъ и купцовъ.

Только въ 1491 году Рига, въ лицѣ своихъ бюргерства и епископства, окончательно подчинилась ордену, и этимъ заканчивается тройственная жизнь Лифляндіи того времени; съ той поры царитъ одинъ только орденъ; все поземельное владѣніе шло отъ него и дробилось между вассалами его, изъ которыхъ и возникли новѣйшія мѣстныя сословія и, главнымъ образомъ, могущественное сословіе дворянства-рыцарства. Орденскія и епископскія земли, значительно, впрочемъ, сокращенныя, отошли въ казну и состоятъ теперь въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Историкъ-юристъ прибалтійскаго края Бунге особенно настойчиво выдѣляетъ фактъ происхожденія нынѣшняго дворянства именно отъ позднѣйшихъ вассаловъ ордена въ XIV вѣкѣ, а не отъ рыцарей прежняго времени. Желаніе Бунге и справедливо, и понятно, потому что никому не охота родниться со страшными дѣятелями орденскаго житья-бытья, начиная отъ времени знаменитой папской буллы 1258 года, отпу-

скавшей всѣ грѣхи и преступленія рыцарямъ Западной Европы, одѣвавшимъ орденское платье съ краснымъ крестомъ и мечомъ на бѣломъ плащѣ,—буллы, обратившей, по словамъ Рутенберга, древнюю Fraternitas militae Christi балтійскаго края, въ отборную колонію преступниковъ.

Въ древнихъ храмахъ рижскихъ, какъ въ храмахъ ревельскихъ, живописана исторія этого характернаго, удивительнаго края. Мирно покоятся въ соборѣ его первый и послѣдній епископы: Мейнгардъ († 1196) и Вильгельмъ († 1563 г.). Католическіе монахи были изгнаны изъ Риги реформаціей еще въ 1523 году, въ память чего поставлена небольшая статуэтка монаха на одномъ изъ домовъ, въ улицѣ, ведущей отъ Гердеровой площадки къ Двинѣ. Католическій архіепископъ Вильгельмъ, благоразумно уступая знаменіямъ времени, удаляясь отъ паствы, продалъ принявшему протестантство городу соборъ за 18.000 марокъ, и съ тѣхъ поръ этотъ проданный соборъ превратился въ протестантскій. Надъ воротами зáмка, разрушеннаго бюргерами въ 1484 году и вновь отстроеннаго магистромъ ордена Плетенбергомъ въ 1515 г., красуется въ полномъ орденскомъ орнатѣ самъ строитель, когда-то доходившій со своими рыцарями до Пскова. Въ домѣ Черноголовыхъ, сохранившемся какъ учрежденіе только въ Ревелѣ и Ригѣ, имѣется часть исторіи края, въ портретахъ бывшихъ властителей; въ Ригѣ также существуетъ «городское войско», численностью по штату сто человѣкъ (налицо гораздо меньше), составленное изъ добровольцевъ, штандарты которому даны императрицей Анной Іоанновной; подобныя «гвардіи» имѣются еще въ Либавѣ и Митавѣ; въ Ревелѣ тоже до сихъ поръ существуетъ, подобная рижской, гвардія со своимъ ритмейстеромъ; она состоитъ изъ мѣстныхъ бюргеровъ, членовъ клуба Черноголовыхъ. Современная форма всѣхъ здѣшнихъ гвардій установлена при императорѣ Николаѣ I. Въ 1852 г. упразднена конная команда въ Ригѣ, тогда какъ прежде рижская гвардія состояла изъ двухъ отрядовъ, пѣшаго и коннаго. Имѣлась прежде подобная же гвардія въ Гольдингенѣ, которая упразднилась сама собой; но учредительный актъ 1794 года и штандартъ, подаренный ей курляндскою герцогиней Доротеей, хранятся, пережив самое учрежденіе, которое, при существованіи общей воинской повинности, не имѣло бы смысла. Всѣ особенности Риги находили себѣ фактическое воплощеніе въ существованіи здѣсь, въ теченіе 165 лѣтъ, до смерти князя Багратіона въ 1876 году, особаго генералъ-губернаторства.

Вслѣдъ за Ригой посѣщенъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ уголковъ края, такъ называемыя Польскія Инфланты. Это уѣзды Фридрихштадтскій и Илькстскій. Когда курляндскій ландтагъ 1795 года вотировалъ безусловное присоединеніе къ Россіи, депутатъ отъ Илькста не нашелъ ничего лучшаго, какъ уѣхать съ ландтага и по пути оскорбить русскаго посланника, закричавъ ему на улицѣ «ein Haful»—на охотничьемъ жаргонѣ: «волкъ идетъ!» Здѣсь значительная часть старыхъ протестантскихъ семействъ давно уже приняли католичество; сюда же, во время послѣдняго польскаго возстанія, убѣгали многіе изъ крупныхъ его дѣятелей, скрываясь такимъ образомъ изъ областей, подвластныхъ умѣлымъ распоряженіямъ Муравьева, и все-таки оставаясь подлѣ нихъ;

здѣсь, наконецъ, долгое время сидѣли іезуиты, и страна полна такъ называемыхъ «церковищъ», слѣдовъ кладбищъ обнимавшаго когда-то весь край православія. Въ сосѣднемъ съ этими мѣстами Двинскѣ путешественники посѣтили крѣпость и направились въ древній Псковъ, о современномъ положеніи котораго и историческихъ данныхъ придется въ своемъ мѣстѣ сказать нѣсколько словъ; чрезъ Гдовъ по Псковскому озеру они проѣхали въ Юрьевъ, то-есть снова въ прибалтійскій край.

Если Рига служитъ торгово-промышленнымъ и административнымъ центромъ края, то Юрьевъ является его умственно-научнымъ центромъ. Любопытная исторія университета будетъ вкратцѣ изложена впослѣдствіи. Здѣсь необходимо только сказать, что Александръ I, возобновляя 12-го декабря 1802 года старое дѣтище Густава-Адольфа шведскаго, предназначалъ его «на пользу всего Россійскаго государства», «на распространеніе человѣческихъ познаній въ Русскомъ государствѣ и купно образованіе юношества на службу отечества». Судьбы древняго Юрьева, отъ временъ основателя его Ярослава, сквозь всю неоглядную историческую даль власти орденской, епископской и чужеземныхъ королей, чрезвычайно пестры. Въ 1472 году, проѣздомъ въ Москву, Юрьевъ былъ посѣщенъ невѣстой царя Іоанна III, Софіею Палеологъ, сопутствуемою послами и приставами, съ царскими почестями; съ нею вмѣстѣ направлялись въ Русь мечты римскаго двора о присоединеніи восточной церкви къ западной. Въ Юрьевѣ, въ январѣ того же года, схвачены были, на одномъ изъ православныхъ крестныхъ ходовъ, латинянами пресвитеръ Исидоръ и съ нимъ 72 человѣка и, послѣ суда и пытки, пущены подъ ледъ рѣки Амовжи, нынѣшняго Эмбаха; позже сопричислены они къ лику святыхъ и были одною изъ причинъ основанія порубежной обители нашей — монастыря Печерскаго. Было въ Юрьевѣ и такое время, когда, въ теченіе шести лѣтъ, по улицамъ обезлюдѣвшаго города «жили гады и хищные звѣри». Петръ I, недовольный сочувствіемъ горожанъ къ шведамъ, взявъ городъ, отправилъ весь магистратъ и бюргеровъ въ Вологду; любопытныя свѣдѣнія объ этомъ переданы пасторомъ Гротіаномъ, тоже отбывшимъ ссылку; въ 1714 г. Петръ I дозволилъ имъ возвратиться. Теперь это красивый городокъ, полный жизни и довольства, будущія судьбы котораго въ его собственныхъ рукахъ.

Чрезъ Вейсенштейнъ, Везенбергъ, Нарву, полную историческихъ воспоминаній, не заглушаемыхъ шумомъ ея замѣчательнаго водопада и стукомъ двухъ гигантскихъ мануфактуръ, пользующихся его силой, и чрезъ Ямбургъ путешественники къ четвертому іюля возвратились въ Царское Село, сдѣлавъ, какъ сказано, всего около 3.000 верстъ.

Хорошею, свѣтлою чертой нѣмцевъ является ихъ умѣнье устроиться, ихъ заботливость о своей собственности. Рѣзко, очень рѣзко обозначаются границы балтійскихъ губерній отъ смежныхъ съ ними русско-польскихъ земель. Живя постоянно въ своихъ помѣстьяхъ, помѣщики умѣло воспользовались трудомъ своихъ безземельныхъ крестьянъ и обратили болота въ луга и нивы; при взаимной поддержкѣ, балтійскіе нѣмцы всегда умѣютъ какъ въ природѣ, такъ и въ жизни достигать того, что имъ желательно.

Если въ 1885 году, при путешествіи на сѣверъ, на Мурманъ, трудно было добраться до скудныхъ историческихъ матеріаловъ, приходилось ихъ разыскивать и подбирать, здѣсь же, въ прибалтійскомъ краѣ, обиліе всякихъ книжныхъ источниковъ безконечно. Тутъ являются древнія хроники Генриха Латыша, Альнпеке, Луки Давида, Рюссова и другія позднѣйшія; съ добросовѣстностью чисто нѣмецкою, съ полнымъ знаніемъ дѣла разработаны мѣстными людьми самыя подробныя свѣдѣнія по исторіи, этнографіи, статистикѣ,— разработаны такъ, какъ и подобаетъ родинѣ такихъ первоклассныхъ ученыхъ, какъ Беръ, которому въ Юрьевѣ, вполнѣ по праву, вмѣсто снятой статуи Рейна, воздвигнутъ памятникъ. Цѣльны и характерны полныя исторіи края, писанныя Рихтеромъ, Крёгеромъ, Рутенборгомъ, Фоттомъ, каждая со своей точки зрѣнія, конечно, съ бо́льшимъ или меньшимъ сочувствіемъ къ тому или другому сословію, къ той или другой народности, но отлично пополняющія одна другую; чрезвычайно любопытны и богаты, какъ справочный матеріалъ, писанія Ширрена и Эккарта, отличающіяся, чего не слѣдуетъ забывать, крайне враждебнымъ по отношенію къ Россіи направленіемъ, и потому не всегда заслуживающія вѣры; изслѣдованія мѣстныхъ ученыхъ обществъ, статистическія изданія ландратской коллегіи, обширные труды по спеціальностямъ, напримѣръ, юридическіе—Бунге, монографіи по самымъ разнообразнымъ предметамъ вѣдѣнія,—все это дастъ обильный матеріалъ для исторіи края. Если бы хотя малая часть подобной разработки для изученія нашихъ инородческихъ палестинъ могла имѣть мѣсто у насъ, то писать о нихъ не представляло бы тѣхъ трудностей, съ которыми приходится встрѣчаться на каждомъ шагу. Имѣются, впрочемъ, работы и русскихъ ученыхъ о балтійскомъ краѣ. Помимо Карамзина, С. Соловьева, Костомарова, Иловайскаго, насколько касались они его въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, поучительны труды: Погодина, Аксакова, Каткова, Самарина, Чешихина, М. Соловьева и, наконецъ, попадавшіе своевременно въ печать матеріалы и замѣтки за время послѣдней сенаторской ревизіи. Требуетъ еще особаго упоминанія работа автора, скрывшаго свое имя, а именно — обстоятельная статья о прибалтійскомъ краѣ, помѣщенная во II томѣ «Живописной Россіи».

Транзундъ. Вильманстрандъ. Иматра.

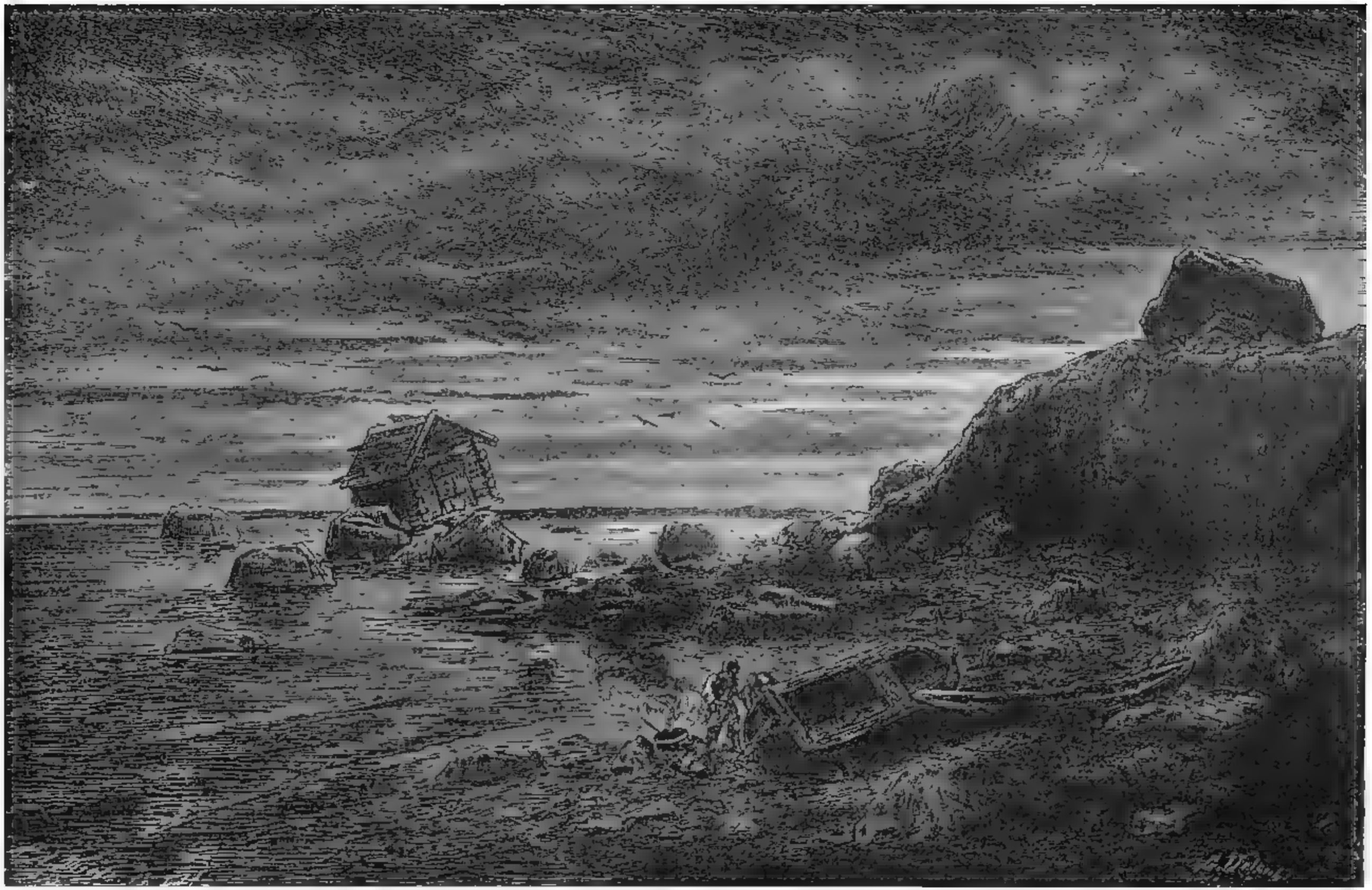
Посѣщеніе Бьерке. Транзундскій архипелагъ и рейдъ. Въ честь побѣды. Практическая эскадра. Путь въ Вильманстранду. Саймянское озеро. Харрака. Истокъ Вуоксы. Рыбная ловля. Путь къ Иматрѣ. Сравненіе ея съ другими водопадами. Фантазія финляндскаго поэта Топеліуса. Отъѣздъ въ Выборгъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера, восьмаго іюня, съ малаго рейда, въ Кронштадтѣ, пароходъ, на которомъ находились путешественники, двинулся въ путь. Вечеръ былъ душный, солнце садилось въ сѣрой мглѣ, барометръ падалъ, и очертанія Кронштадта, съ остріями мачтъ, съ очень длинными складами и гигантскими бѣлыми буквами, написанными вдоль берега, для опредѣленія девіаціи, скрылись незамѣтно.

На слѣдующій день, утромъ, въ восьмомъ часу, судно находилось близъ острова Бьерке. Вдали виднѣлась кирка Койвисто, было разбросано нѣсколько строеній по скалистому пологому берегу и стоялъ лоцманскій домъ. Отсюда до Петербурга сто верстъ, до Выборга—сорокъ пять.

Островъ Бьерке, должно быть, тотъ самый, что посѣщался моряками, какъ гласятъ хроники, еще въ X вѣкѣ. Длина его 20 верстъ, ширина 3—4 и въ срединѣ только 1½ версты. Глубина воды между нимъ и материкомъ отъ 8 до 15 саж., такъ что здѣсь имѣется отличнѣйшая стоянка для цѣлаго флота, приготовленная самою природою. На островѣ видѣется небольшое укрѣпленіе. Быть вѣсть кѣмъ построенное, очевидно, старинное: пятидесятилѣтняя сосна, выросшая на валу, является доказательствомъ этого.

Пароходъ снялся съ якоря, чтобы слѣдовать непрямымъ Транзундскимъ плесомъ на Транзундскій рейдъ, къ Выборгу. Судя по картѣ, это мѣсто по-



Финляндскій берегъ близъ Выборга.

Ориг. рис. Урлаубъ, грав. Тилэ.

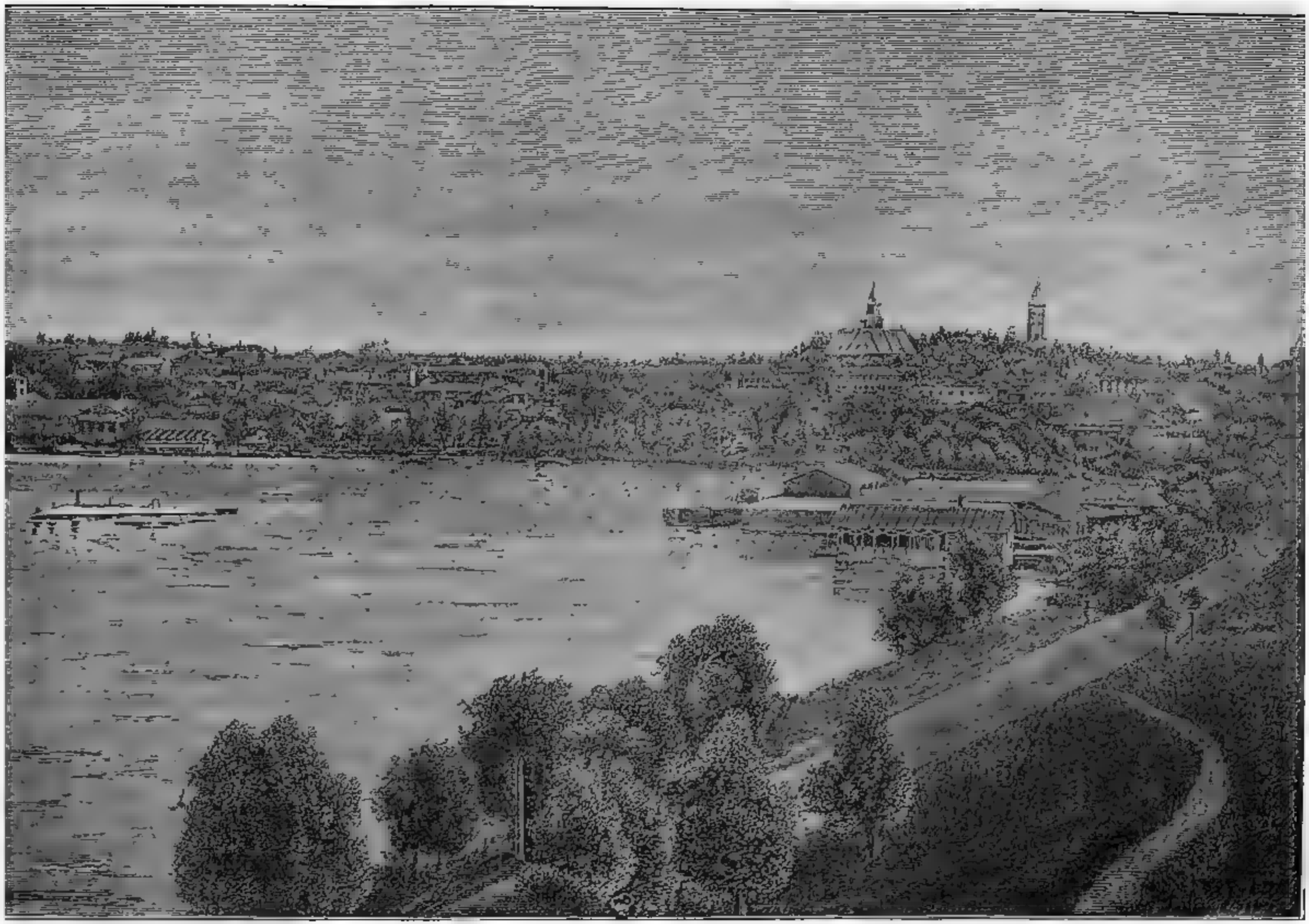
бережья кишмя-кишитъ островами, и всѣ они, какъ озера и горы олонецкаго края, тянутся отъ юго-востока къ сѣверо-западу; видимо, что тутъ работали тѣ же геологическія силы.

Выборгскій заливъ вдается въ материкъ отъ Транзундскаго архипелага на двадцать пять верстъ; въ шести верстахъ отъ Выборга, на половинномъ разстояніи между нимъ и Транзундомъ, заливъ сѣуживается на 600 саж., и тутъ, посрединѣ, лежитъ островокъ Харкисари съ остаткомъ петровскаго редута. Онъ сохранился хорошо, кладка камней совершенно ясна, и густая трава покрываетъ его бархатною подушкою. Транзундскіе острова, съ ихъ тремя главными проливами, защищенными рядомъ укрѣпленій, составляющихъ позицію въ двѣнадцать верстъ, находятся отъ Выборга въ двѣнадцати верстахъ. Къ югу, къ морю, Транзундскій рейдъ одинъ изъ лучшихъ въ Балтійскомъ морѣ, имѣетъ глубины 6—10 саж., скрытъ отъ вѣтровъ и способенъ пріютить въ себѣ весь балтійскій флотъ. Недалеко отъ Харкисари, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ фарфатеръ дѣлаетъ крутой оборотный сгибъ, на двухъ островахъ, Уранъ-Сари и Равенъ-Сари, высятся очень почтенныя земляныя укрѣпленія, и по зелени травы чернѣютъ пушки. Немного далѣе слѣва виднѣлся островокъ съ укрѣпленіемъ, заложеннымъ собственноручно Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ.

Одинъ изъ проходовъ между островами навѣки памятенъ морскою побѣдой нашею въ 1790 году. Знаменитый Чичаговъ, умершій въ 1809 году и покоящійся въ Александро-Невской лаврѣ, начальствовалъ тогда надъ флотомъ. Еще въ 1789 году удачно сразился онъ со шведами близъ Эланда, и 2 мая 1790 года вторично одержалъ на Ревельскомъ рейдѣ верхъ надъ шведскимъ флотомъ, находившимся подъ начальствомъ герцога Зюдерманландскаго; орденъ Андрея Первозваннаго и 1.388 крестьянъ въ Могилевской губерніи послужили ему наградой за эту побѣду. Испытавъ пораженіе, шведскій флотъ поспѣшилъ укрыться къ Выборгу; не давъ ему времени опомниться, Чичаговъ, уже научившійся побѣждать шведовъ, соединясь съ эскадрой Крузе, заперъ, 20 мая, находившихся подъ начальствомъ самого короля шведовъ въ Выборгскомъ заливѣ. 21 и 22 іюня пытались они прорваться, причемъ нѣсколько фрегатовъ, кораблей и другихъ судовъ, съ 5.000 команды и 200 офицеровъ взяты были Чичаговымъ. Шведы должны были заключить миръ, а побѣдителю даны за побѣду: Георгій 1-й степени, 2.417 крестьянъ въ Бѣлоруссіи, похвальная грамота, шпага съ алмазами и серебряный сервизъ. Отъ мѣста чичаговской побѣды до Выборга, какъ сказано, всего двѣнадцать верстъ.

Въ третьемъ часу дня пароходъ прибылъ въ Выборгъ, и путешественники, приставъ къ берегу въ виду древняго *Шлосса*, отправились далѣе по желѣзной дорогѣ въ Вильманстрандъ, къ пристани, для проѣзда далѣе Сайменскимъ озеромъ на пароходѣ. При роскошномъ солнечномъ освѣщеніи городокъ и высившіеся, справа отъ пути, высокіе, обросшіе травой валы укрѣпленій смотрѣли очень красиво; прихотливые берега Сайменскаго озера, всѣ поросшіе густою, темною хвоей, обрисовывались надъ синевой воды великолѣпно.

Вильманстрандъ основанъ въ 1451 году шведами съ прямою цѣлью помѣ-



Видъ города Вильманстранда.

По фотогр. грав. М. Ратневскій.

шать русскимъ войскамъ обходу Выборга. Много нашей крови пролито въ этихъ мѣстахъ. По фридрихсгамскому миру городокъ перешелъ къ намъ. Подлѣ него расположенъ лагерь финскихъ войскъ. Жителей въ немъ около двухъ тысячъ человѣкъ, имѣется православная церковь съ 1785 года и, что радостно,—русская первоначальная школа. Былъ здѣсь не долгое время Суворовъ; въ 1771 г., когда, получивъ повелѣніе возобновить наши укрѣпленія на шведской границѣ, онъ принялъ начальство надъ финскими войсками, то очаровалъ, какъ гласитъ легенда, мѣстное населеніе тѣмъ, что посѣтилъ крѣпость Нейшлотъ, одѣвъ чухонское одѣяніе поверхъ мундира, съ георгіевской лентой черезъ плечо.

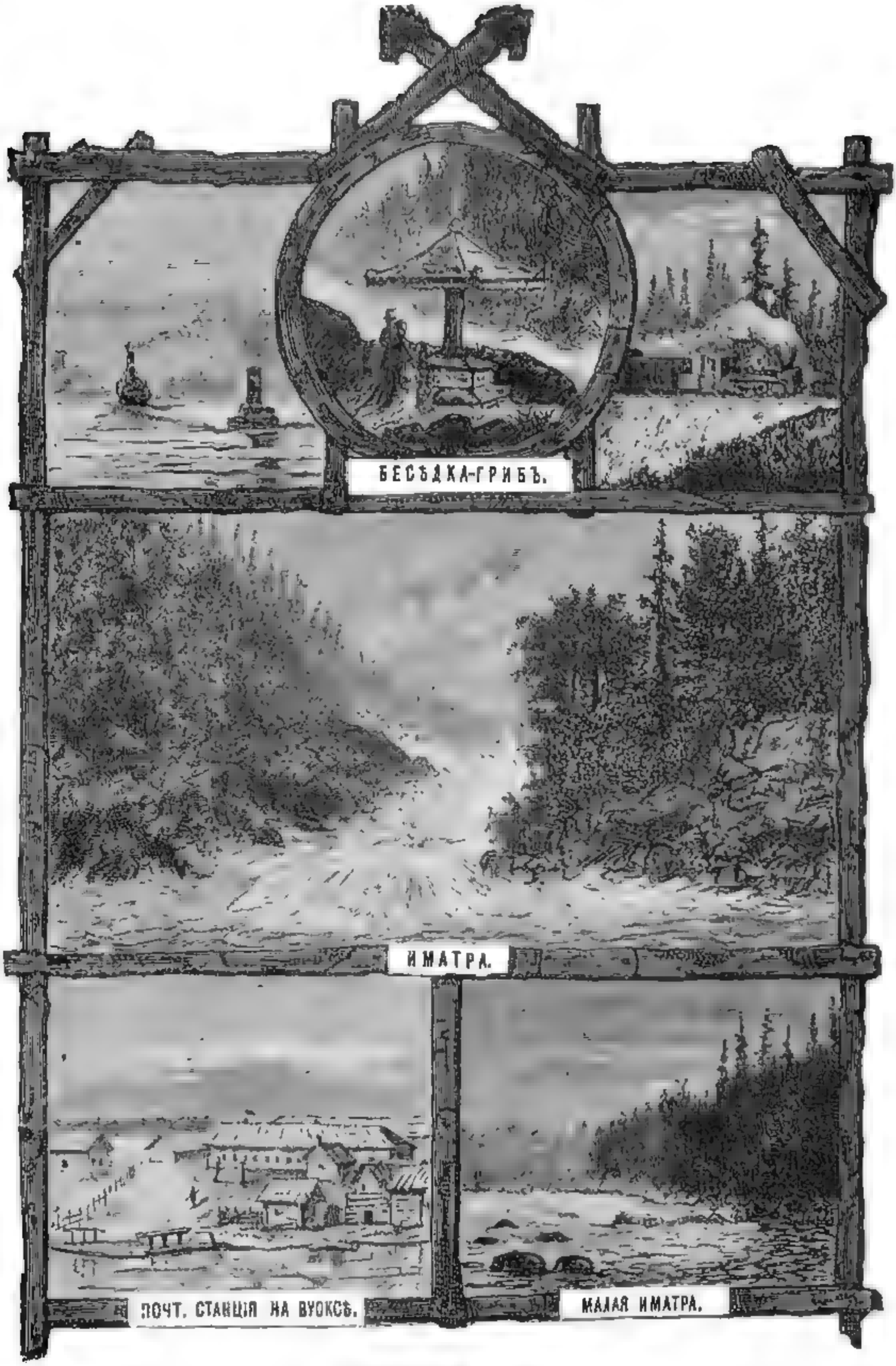
Саймонское озеро, соединяющееся каналомъ съ Выборгскимъ заливомъ, занимаетъ пространство въ 600 верстъ и разными водяными путями связано на огромныя пространства со внутреннимп частями Финляндіи, что, при существованіи въ Княжествѣ 7.080 верстъ безупречныхъ дорогъ, очень важно.

Начало канала виднѣлось съ палубы парохода. Самое озеро, изрѣзанное множествомъ бухтъ, изобилуетъ островами и отдѣльными скалами и представляетъ множество художественныхъ мотивовъ, какъ двѣ капли воды напоминая шхеры, опоясывающія сѣверный берегъ Финскаго залива. Пароходъ шелъ быстро, и къ восьми часамъ вечера завидѣли съ палубы красивыя строенія, балконы и веранды дачи В. И. Асташева, высящіеся подлѣ самаго истока изъ озера рѣки Вуоксы, направляющейся отсюда, чтобы образовать Иматру, сбѣжать въ Ладожское озеро и направить воды свои къ гранитнымъ набережнымъ Петербурга.

До 1882 года мѣста эти были совершенно безлюдны. Владѣлецъ Харраки есть и ея создатель. Будучи рьянымъ и знающимъ дѣло рыболовомъ, онъ не могъ не прельститься тѣмъ, что у самаго истока Вуоксы, по заливу озера, въ вечерній часъ плещутся десятками аршинные лососки, поблескиваетъ форель и ходятъ харіусъ и окунь. Располагая большими средствами, еще большимъ вкусомъ и не меньшею настойчивостью, В. И. Асташевъ, гдѣ выпималъ, гдѣ присыпалъ земли, снесъ булыжники, разбилъ садъ, устроилъ длинную гранитную набережную, имѣющую для мѣстной рыбной ловли особое значеніе, воздвигъ пристань и поставилъ надъ этимъ нѣсколько жилыхъ помѣщеній, изъ которыхъ два назначены собственно для хозяина и его гостей. Эти два помѣщенія очень красивы, а видъ съ ихъ балконовъ на широкое озеро, на многіе острова и убѣгающіе въ даль берега, на клокочущую подлѣ своего истока Вуоксу относится, безспорно, къ лучшимъ, типическимъ финляндскимъ видамъ. Это—русскій поселокъ съ его радушіемъ и гостепріимствомъ.

Отъѣздъ на Иматру послѣдовалъ ровно въ девять часовъ утра; до дороги, ведущей къ Иматрѣ, пришлось ѣхать на пароходѣ, а затѣмъ пять верстъ пути сдѣлано въ экипажѣ.

Иматра была извѣстна издревле, и еще пѣвецъ «Калевалы» говоритъ о Финляндіи: «Въ моемъ отечествѣ три водопада, но ни одинъ изъ нихъ не сравнится съ Иматрою, образуемою Вуоксой». Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Иматра отнюдь не водопадъ, а водоскатъ, быстрина, пучина, имѣю-



Виды на Иматрѣ.

Орнг. рис. П. Гнѣдича, грав. Діамантовскій.

щая много грандіознаго и совершенно исключительная для Европы, если не считать нѣкоторыхъ финляндскихъ и олонецкихъ собратьевъ ея, менѣе значительныхъ. Названіе водопада во всякомъ случаѣ не удачное, которымъ могутъ обидѣться, не говоря уже о Шафгаузенскомъ, сосѣдніе настоящіе водопады Нарвскій и Кивачъ. Нѣтъ города на свѣтѣ, который имѣлъ бы по сосѣдству столько водяныхъ чудесъ, какъ Петербургъ: Иматра, Нарва и Кивачъ близки къ нему.

Задолго до того мѣста, гдѣ волны Вуоксы, весьма быстрыя и широкія, сираются въ узкое, съ пологими боками ущелье водоската Иматры, уже бурлятъ онѣ и клокочутъ, какъ бы подготовляясь къ тѣмъ адскимъ терзаніямъ, которымъ подвергнутся въ самой стремнинѣ. Здѣсь, при ширинѣ потока въ 139 футовъ, на протяженіи 2.950 футовъ по наклонной плоскости скатываются онѣ, а отнюдь не падаютъ, на 63 фута вышиною, съ тѣмъ, чтобы временно успокоиться и въ трехъ верстахъ ниже, у такъ называемаго Валенъ-Коски, образовать нѣчто менѣе грандіозное, въ смыслѣ водяной картины, но болѣе живописное по общей рамѣ и ширинѣ пейзажа.

Если въ Нарвскомъ водопадѣ и Кивачѣ огромныя массы воды, падая съ утесовъ вглубь, ломаются, дробятся, крошатся, · въ Иматрѣ онѣ распластываются, мнутся, рѣжутся, четвертуются. Тамъ и здѣсь мученія, пытки; тамъ и здѣсь ни одно живое существо, даже смѣлый и могучій здѣшній лосось, не проходитъ стремнины живымъ, не отваживается пускаться въ нее и развѣ только попадаетъ случайно, чтобы исчезнуть безъ слѣда. Нѣкоторые врачи увѣряютъ, будто различныя страданія людскія вызываютъ различнаго рода крики, то же и здѣсь: Нарва и Кивачъ ревутъ, гремятъ, грохочутъ, гудятъ; Иматра стонетъ, свищетъ, визжитъ и неистово плачетъ. Гранвилль рисовалъ животныхъ людьми и людей животными; если позволено обратиться къ подобной же перефразировкѣ природы, то Нарва и Кивачъ—львы, Иматра—чудовищная, безумная, страдающая змѣя.

Сохраняя за собою полную самостоятельность, не будучи водопадомъ, Иматра, по массѣ воды ее составляющей, величественнѣе даже Ніагары, не говоря уже о Кивачѣ и Нарвѣ. Вотъ любопытная сравнительная табличка въ футахъ:

	Ніагара.	Иматра.
Ширина	720	139
Вышина.	160	63
Кубическихъ футовъ воды въ одинъ часъ .	42.000.000	61.764.000

то-есть, Иматра низвергаетъ въ часъ почти на 23 милліона куб. футовъ воды болѣе, чѣмъ Ніагара: можно представить себѣ размѣры свиста, визга и стоновъ Иматры.

Стенанія Иматры слышны за шесть верстъ. Извѣстны всѣмъ камни, обточенные водоскатомъ и увозимые отсюда путешественниками. По мнѣнію естествоиспытателя Парота, это окаменѣлыя ракушки; другія мнѣнія, болѣе правдоподобныя, видятъ въ нихъ окаменѣлыя глины; это послѣднее подтверждается еще и тѣмъ, что встрѣчаются катышки, окаменѣлые только на половину.

Водопадъ Иматра (послѣ постройки моста).

Съ фотогр. Зейферта, изд. Шалупа.

Надъ самою Иматрой имѣется довольно хорошая и доступная по цѣнамъ гостиница, и посѣщаютъ ее изъ Петербурга очень многіе. Это дѣло моды, потому что Нарвскій водопадъ, находящійся гораздо ближе, съ сообщеніемъ самымъ удобнымъ по желѣзной дорогѣ и безъ всякихъ пересадокъ, не менѣе живописный,—остается для петербургскихъ жителей какъ бы terra incognita.

Финляндскій поэтъ Топеліусъ, описывая Иматру, говоритъ, что въ ней имѣются всѣ три момента драмы: борьба, паденіе и примиреніе; что, до вступленія въ жерло пучины, вода Вуоксы обуревается тѣми же предчувствіями, какія посѣщали въ великіе моменты жизни Александра Македонскаго, Цезаря, Наполеона. «Иматра,—говоритъ Топеліусъ,—это настоящая революція природы, низвергающая первобытныя силы, заброшенныя въ полузамерзшую страну, посреди спокойнѣйшаго народа, чтобы пробудить ихъ обоихъ изъ забытья». «Эти воды,—продолжаетъ онъ,—часто уподобляются покореннымъ націямъ, пробивающимъ себѣ дорогу къ свободѣ». Фантазія Топеліуса достаточно сильна, такъ какъ онъ видитъ даже въ очертаніяхъ Балтійскаго моря какую-то сирену, голова которой расположена у Торнео и разсматриваетъ Финляндію; на спинѣ ея Скандинавія, края одежды сирены составляютъ Эстляндія и Лифляндія, а «руки протянуты къ Россіи, съ угрозою или ласкою—неизвѣстно».

Покинувъ Иматру, путники проѣхали до Вальнъ-Коски, откуда, тѣмъ же путемъ, возвратились въ Харраку. Отъѣздъ въ Выборгъ на пароходѣ послѣдовалъ въ два часа. Берега Сайменскаго озера встрѣтили путешествовавшихъ роскошнымъ лѣтнимъ днемъ; ландышъ и сирень отцвѣли, но колокольчикъ, мальва и гвоздика чуть не глушили собою сочную траву, небольшихъ, но тщательно охраняемыхъ, между голыми скалами, луговъ.

Выборгъ.

Древность Выборга. Взятіе его Петромъ I. Нынѣшнее его торговое значеніе. Паркъ Монрепо и его исторія. Поэтическія арабески. Древній Шлоссъ. Отъѣздъ въ Ревель.

Тихъ и ясенъ былъ день возвращенія путешественниковъ съ Иматры въ Выборгъ. Ровно 196 лѣтъ предъ тѣмъ, а именно 12-го іюня, тогда еще шведская крѣпость Выборгъ только-что сдалась русскимъ и была изрыта и простреляна разрушительнымъ дѣйствіемъ нашихъ 98 пушекъ и 28 мортиръ, а 15-го іюня Петръ I, во главѣ преображенцевъ, вступилъ въ городъ. Этимъ закончилась длинная боевая судьба Выборга—одного изъ городовъ, гдѣ наболѣе и многократно пролита была русская кровь. Рано, очень рано, проснулись гранитныя пажити, окружающія Выборгъ, для исторіи. Сосѣднее съ Выборгомъ Бьерке было посѣщаемо судами еще въ X вѣкѣ, а основаніе города Выборга, называвшагося тогда Суоме-Линна, состоялось въ 1118 году; это было, вѣроятно, нѣчто въ родѣ приморской столицы кореловъ и финновъ; о шведахъ въ то время еще не было здѣсь и помину, о нихъ услыхали только въ 1157 году, когда Эрикъ IX Святой, въ сопровожденіи епископа Генриха, первымъ прибылъ изъ Швеціи въ нынѣшнюю Финляндію, частью подчинилъ ее и частью окрестилъ; епископъ не могъ возвратиться со своимъ королемъ: онъ былъ убитъ туземцами въ честь мѣстныхъ боговъ, на озерѣ Кіуло.

Важность Выборга, какъ оплота Швеціи противъ Востока, то-есть противъ насъ, понята была шведскимъ государственнымъ министромъ Торкелемъ Кнутсономъ еще въ 1293 году, и Выборгъ обращенъ въ крѣпость. Не менѣе девяти разъ приступали русскіе къ Выборгу, начиная съ 1332 года по 1710 годъ. Въ 1339 году, согласно изслѣдованію Божерянова, при Іоаннѣ Калитѣ «ходила молодцы новгородскіе и съ воеводами и воеваша городецкую (выборгскую) карелу нѣмецкую». Въ 1495 г., въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, стояли подъ Выборгомъ 60.000 русскихъ; былъ сдѣланъ приступъ, наши видѣлись уже на стѣ-

нахъ, когда шведы взорвали пороховую башню и много русскихъ погибло; это такъ называемый «Выборгскій трескъ». Въ 1706 году Петръ I, съ 20.000 войска и морскими судами, окружилъ городъ и крѣпость; комендантомъ былъ тогда Майдель съ 6.000 человѣкъ гарнизона; пущено нами, но безполезно, 1.067 бомбъ, и царь, опасаясь быть отрѣзаннымъ, удалился.

Послѣдній, завершительный актъ имѣлъ мѣсто въ 1710 году. Шведскій гарнизонъ, съ комендантомъ Шерпстроле, состоялъ изъ 4.000 человѣкъ; наши, въ числѣ 18.000, подъ начальствомъ Апраксина, осаждали крѣпость и долгое время сильно нуждались въ припасахъ; только 28 апрѣля флотъ нашъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Крюйса, направился къ Выборгу, но долженъ былъ остановиться у Березовыхъ острововъ и припасовъ доставить не могъ. Контръ-адмираломъ этого флота значился самъ царь Петръ Алексѣевичъ, и писалъ онъ тогда Апраксину: «истинно всѣмъ бы сердцемъ рады, да натуральная невозможность не допускаетъ». Осаждающимъ пришлось ожидать. Бомбардировка крѣпости началась 1-го іюня, и Петръ разсчитывалъ на содѣйствіе флота, такъ какъ предполагалось одинъ бастіонъ «брандеромъ сжечь», а другой «машиною инфернальсъ подорвать».

Въ ожиданіи послѣдствій бомбардировки, Петръ уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда по поводу предстоявшаго штурма писалъ Апраксину характерныя наставленія: 1) помолиться: 2) добрую диспозицію учинить; 3) «понежъ всѣ дѣла человѣческія отъ сердца происходятъ, того ради солдатское сердце Давидовымъ весельемъ увеселить». Орудія тѣмъ временемъ сдѣлали свое дѣло и открыли широчайшую брешь. 10-го іюня пришло заявленіе отъ коменданта, желавшаго сдаться на условіяхъ; 11 іюня прибылъ Петръ къ Выборгу, условій не принялъ, и 12 іюня гарнизонъ сдался военноплѣннымъ и отведенъ въ Россію. Извѣщая о взятіи крѣпости императрицу, царь называлъ Выборгъ «крѣпкою подушкой С.-Петербургу, устроенною чрезъ помощь Божію». Первымъ русскимъ комендантомъ былъ назначенъ бригадиръ Чернышевъ, онъ же озаботился объ устройствѣ первыхъ русскихъ поселковъ между Петербургомъ и Выборгомъ.

Небольшимъ, но многозначительнымъ памятникомъ пребыванія здѣсь Петра I является Казакъ-Камень, за желѣзнодорожнымъ мостомъ: донской казакъ,—говоритъ преданіе,—завидѣвъ (?) ядро, направлявшееся къ царю, загородилъ его своею грудью и палъ мертвымъ. А имя этого казака? Другое историческое мѣсто, то, на которомъ стояла ставка императора въ кронверкѣ св. Анны, обнесено рѣшеткой, и разсчитываютъ со временемъ построить тутъ часовню.

Хотя, по словамъ Петра, занятіе Выборга «доставило городу С.-Петербургу конечное безопасеніе», и онъ находилъ, что Выборгъ «гораздо крѣпить надлежитъ», но только въ 1737 году стали мы усиливать выборгскія укрѣпленія и обороняли ихъ отъ шведовъ въ 1741, 1788 и 1790 годахъ; въ 1808 году Выборгъ служилъ операціоннымъ базисомъ для завоеванія Финляндіи Александромъ I; съ 1811 г. онъ губернскій городъ, въ 1812 г. считался первоклассною крѣпостью; теперь это скорѣе укрѣпленный лагерь.

Есть охотники производить названіе Выборга (по-фински Вуури) отъ Viehburg, вслѣдствіе того, будто бы, что здѣсь издавна покупали нѣмцы скотъ.

Въ настоящее время въ немъ 14.563 жителей, изъ нихъ только 6.501 женщины; по національностямъ жители распредѣляются такъ:

Финновъ.	7.440
Русскихъ, ...	3.881
Шведовъ.	2.237
Нѣмцевъ.	520

Торговое значеніе Выборга съ проведеніемъ Сайменскаго канала и финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, постепенно возростало и выражается теперь въ слѣдующихъ цифрахъ, въ маркахъ:

	За границу.	Внутренній.
Вывозъ	7.500.000	1.700.000
Привозъ, ...	6.500.000	2.000.000

Есть, впрочемъ, мнѣніе, будто ближайшее будущее откроетъ, помимо Выборга, другіе пути; такъ, указываютъ на Роченсальмъ-Котку, которая въ короткое время развилась очень сильно.

Одною изъ любопытнѣйшихъ достопримѣчательностей окрестностей Выборга является паркъ Монрепо, несомнѣнно, прелестный и для Финляндіи единственный.

Въ 1725 году выборгскій военный губернаторъ Ступишинъ устроилъ нѣчто въ родѣ парка, близехонько отъ города, на берегу залива. Онъ расширенъ бывшимъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ-Карломъ, отцомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, впослѣдствіи, съ 1805 года, королемъ Виртембергскимъ. Мѣсто, занимаемое паркомъ, народъ называетъ иногда и теперь еще Старымъ Выборгомъ; не стоялъ ли на этомъ мѣстѣ предшественникъ города, его родоначальникъ? Петръ I подарилъ Выборгу находившіеся здѣсь источники «Лилла-Ладугардъ», и ихъ, говоритъ легенда, сторожилъ, будто бы, нѣкій старикъ, называвшійся тоже Выборгомъ.

Съ конца прошлаго столѣтія паркъ Монрепо принадлежитъ баронамъ Николаи. Первымъ собственникомъ его былъ Людвигъ Николаи, впослѣдствіи баронъ, призванный изъ страсбургскаго университета, гдѣ онъ читалъ логику, быть воспитателемъ цесаревича Павла Петровича; отъ него получилъ онъ въ даръ это Монрепо, гдѣ и умеръ въ 1820 году. Сынъ его, Павелъ, былъ русскимъ посланникомъ въ Даніи и умеръ здѣсь, въ Монрепо, въ 1866 году; майоратъ перешелъ къ его сыну Николаю, бывшему тоже нашимъ посланникомъ въ Даніи и умершему въ Баденъ-Баденѣ въ 1869 году; затѣмъ, собственникомъ Монрепо является баронъ Павелъ Николаи. Сорокъ пенни сбору, взимаемыхъ съ гуляющихъ, предназначены въ пользу сиротъ.

Паркъ, разбитый по финляндскимъ гранитамъ, отѣненный сѣверною хвоей и богатымъ лиственнымъ насажденіемъ, составляетъ одну изъ любимѣйшихъ прогулокъ горожанъ. Въ небольшой книжечкѣ, продающейся въ Выборгѣ, подробно описаны всѣ замѣчательности парка: посредственная статуя Вейнемейнена, финскаго Аполлона, изобрѣтателя музыки, цитры, духовнаго развитія вообще, пѣвшаго такъ сладко, что птицы и звѣри слушали его, а самъ онъ

Рынокъ въ Выборгѣ
Съ фотогр. грав. Флюгель.

Общій видъ города Выборга.

Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Финляндія. Паркъ Монрепо подъ Выборгомъ.

Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

плакалъ; описаны въ книжечкѣ павильоны, памятники и источникъ Сильміи. Источникъ этотъ воспѣтъ, между прочимъ, и первымъ владѣльцемъ Монрепо въ очень типичной идилліи; въ ней разсказано, будто король Эрикъ XIV со своею любовницей, впослѣдствіи женой. Катериной Мансдотеръ, проводилъ счастливые часы любви именно здѣсь, что нимфа Сильмія (сильми по-фински глаза), вѣроятно, самая сѣверная изо всѣхъ немерзнущихъ нимфъ, вызвала здѣсь изъ земли ключъ, носящій и по-сегодня ея имя, съ тѣмъ, чтобы возвратить зрѣніе неплакавшемуся, влюбленному въ нее, пастушку; авторъ вспоминаетъ въ стихахъ и благодѣянія Августѣйшаго своего ученика, причемъ, какъ значится въ подстрочномъ примѣчаніи къ идилліи, подъ ласкательнымъ и уменьшительнымъ именемъ «памушшинька», значащемся въ стихахъ, слѣдуетъ разумѣть цесаревича Павла.

Другою любопытною достопримѣчательстью является древнѣйшее обиталище города, служащее нынѣ складомъ,— замокъ «Шлоссъ».

Свидѣтель 1293 года, замокъ «Шлоссъ» расположенъ на островкѣ, надъ южнымъ устьемъ Сайменскаго канала, и если бы въ немъ жило древнее рыцарство, оно не преминуло бы взимать съ грузовъ. на четыре милліона марокъ, проходящихъ подъ стѣнами замка, соотвѣтствующій процентъ. Богато жили тутъ когда-то шведскіе коменданты; когда Карлъ Кнутсонъ шелъ отсюда на коронацію въ Стокгольмъ, его окружали восемьсотъ нарядныхъ рыцарей, изъ которыхъ каждый представлялъ изъ себя капиталъ съ многочисленными рейткнехтами, подъ вѣяніемъ значковъ, украшенныхъ леопардами, орлами и грифами. Замокъ сохранился очень не дурно, но внутренній дворъ все-таки— груда мусора, и не совсѣмъ безопасно ходить по немъ, въ виду нависающихъ безъ опоръ камней и даже цѣлыхъ частей зданія.

Ревель.

Красивая панорама Ревеля. Преображенскій соборъ и эстонская церковь. Вышгородскій замокъ. Историческое. Орденъ Данеброга. Возстанія эстовъ. Встрѣча русскаго и нѣмецкаго вліяній. Зависимость отъ датчанъ и шведовъ. Покупка дворянскихъ привилегій. Борьба рыцарей и бюргеровъ. Монастырь св. Бригитты. Его особенности. Взятіе Ревеля русскими. Позднѣйшая судьба. Типичность Ревеля. Посѣщеніе Домкирхе. Екатерингентальскій дворецъ. Его исторія. Различныя народности. Что такое матрикуловашное дворянство? Лотусъ и Гусли. Училища. Церкви Олая и Николая и ихъ замѣчательности. Дюкъ-де-Кроа. Гильдія св. Канута. Странности присяги. Черноголовые и ихъ особенности. Что такое городскія гвардіи? Храмъ св. Николая. Цифровыя данныя.

Отъ Ревеля отъ Выборга 157 миль. 12-го іюня утромъ, около восьми часовъ, вырисовалась впереди парохода одна изъ красивѣйшихъ декорацій, какія можно себѣ представить,—древній городъ Ревель съ его башнями и шпилями, взбѣгающій въ розовомъ свѣтѣ утра отъ голубой волны моря на соборную гору, Домбергъ, Вышгородъ,—взбѣгающій могучею каменною волною, застывшею въ своей вѣковой неподвижности. Вправо, вдали, виднѣлся островъ Наргенъ, лѣвѣе — Суропскій маякъ, еще лѣвѣе — острова Карлосы, одинъ изъ нихъ, прострѣлянный вдоль и поперекъ выстрѣлами артиллерійской практической эскадры, дѣлающей это много лѣтъ. Почти бокъ-о-бокъ съ ними поднимался надъ гладью горизонта Домбергъ и на одной изъ старыхъ башенъ его, на такъ называемомъ Длинномъ Германѣ, виднѣлся нашъ національный флагъ, которому только очень недавно, дано это подобающее ему у входа въ Финскій заливъ мѣсто. Еще лѣвѣе обозначалась густая листва Екатерингентальскаго парка, поднимались песчаные откосы Лаксберга, виднѣлись его маяки, и, наконецъ, острымъ треугольникомъ фронтона выступали развалины монастыря св. Бригитты. Маяковъ въ этомъ мѣстѣ много: два Суропскихъ, Наргенскій, Ревельштейнскій ловучій и Кокшерскій, что ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣсто это не особенно безопасно, что тутъ много камней, а вѣтеръ зачастую шутитъ совершенно неожиданно.

По мѣрѣ приближенія къ берегу, совершенно ясно очертились профили судовъ практической эскадры, стоявшей недалеко отъ входа въ портъ. Все дробнѣе и яснѣе выступали отдѣльные предметы на берегу: массивная старая батарея, обращенная теперь въ казармы, узкій входъ въ гавань, по которому надлежало войти между двухъ старыхъ молокъ, съ ихъ разбитою и полуразвалившеюся деревянною обшивкой, множество илюпокъ, катеровъ и судовъ покрупнѣе. Декорація берега будто двигалась, будто переставлявалась; вдали обозначались высокіе шпили, считая слѣва, въ такомъ порядкѣ: Олаикирхе, Николаикирхе, Домкирхе и, наконецъ, башня „Длинный Германъ"; но, по мѣрѣ приближенія къ берегу, они забѣгали, словно засуетились, и когда пароходъ

Ревельскій коммерческій портъ.

остановился и путешественники стали пересаживаться на катеръ, чтобы переѣхать къ пристани шаговъ на 300 разстоянія, „Домкирхе и „Длинный Германъ очутились въ средпнѣ.

Сѣвъ въ коляску, путешественники направились въ соборъ. Мѣстный православный Преображенскій соборъ очень не великъ, можетъ быть, не больше хорошей сельской церкви; онъ о двухъ алтаряхъ, низокъ и не отличается, достаточнымъ благолѣпіемъ. Это былъ когда-то католическій во имя св. Михаила монастырь цистерціанокъ, которому до 1346 года принадлежала и гордо высящаяся надъ Ревелемъ лютеранская церковь св. Олая. О русской церкви, какъ о «старой церкви», упоминается уже въ 1413 году; въ 1137 она не имѣла выхода на улицу, на устройство котораго нѣмцы согласились только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ Новгородѣ въ нѣмецкій дворъ дозволено было

провести водопроводъ. По повелѣнію Петра, послѣ долгихъ споровъ и сопротивленія, церковь, тогда уже лютеранская, сдана православнымъ. Затѣмъ, она передѣлана на 84.000 руб., отпущенныхъ императоромъ Николаемъ I, причемъ навсегда исчезли массы надгробныхъ плитъ, ее наполнявшихъ. Цѣлыхъ 294 года шло здѣсь католическое богослуженіе, 173 -лютеранское, и вотъ уже 173-й годъ совершается православное. Лучшимъ украшеніемъ собора является его иконостасъ. Онъ былъ заказанъ въ Италіи и подаренъ собору, кажется, Екатериною II. Безконечно бѣднѣе, даже не выдерживаетъ сравненія съ бѣдною сельскою церковью, православная эстонская церковь, стоящая бокъ-о-бокъ съ соборомъ.

Отсюда путь лежалъ въ гору, на Домбергъ, въ губернаторскій домъ, въ замокъ; находящаяся подлѣ вышгородская тюрьма соединена съ помѣщеніемъ губернатора цѣлымъ рядомъ лѣстницъ и переходовъ, свидѣтельствующихъ о древности замка. Замокъ построенъ въ 1237 году, но много разъ горѣлъ, перестраивался, и только старая башня «Длинный Германъ», да остатки другихъ и нѣкоторыя части стѣнъ напоминаютъ о тѣхъ временахъ, когда здѣсь сидѣли и правили рыцари.

Въ современномъ типѣ бѣлокурыхъ, длинноволосыхъ эстонцевъ сохранились аборигены края, съ которыхъ, собственно говоря, и началось его бытіе, какъ только оно перестало быть легендарнымъ. Нѣкоторыя черты былого необходимо возобновить въ памяти.

15-го іюня 1219 года подъ Ревелемъ происходилъ великій бой или, правильнѣе, пиза бойня: это проявился одинъ изъ тѣхъ многихъ порывовъ мести и желанія освободиться отъ гнета иностранцевъ, со стороны порабощенныхъ эстовъ, которыми полна исторія первыхъ вѣковъ этого уголка нѣмецкой власти. На этотъ разъ епископъ Альбертъ призвалъ на помощь нѣмцамъ противъ эстовъ короля датскаго Вальдемара. Въ этомъ бою, гласитъ преданіе, упало къ датчанамъ съ неба бѣлое знамя съ краснымъ крестомъ, они побѣдили, и въ память этого основанъ датскій орденъ Данеброга, который существуетъ и до настоящаго время; этотъ же орденскій знакъ имѣется и въ маленькомъ гербѣ города Ревеля, напоминая о давнишней, долголѣтней связи его съ короною датскою: вѣдь и построенъ-то Ревель датчанами. Послѣ усмиренія эстовъ, 15-го іюня, король Вальдемаръ оставался здѣсь до окончанія постройки замка, начатой гораздо ранѣе, при взятіи датчанами стоявшаго тутъ же эстонскаго замка .Линданисе. Подъ замкомъ, построеннымъ Вальдемаромъ, надобно разумѣть весь Выгородъ съ его укрѣпленіями и башнями, а тотъ замокъ, въ которомъ живетъ начальникъ губерніи, построенъ магистромъ Волквиномъ.

Строителями Ревеля, какъ сказано, считаютъ датчанъ, но это было старое эстонское мѣсто. Эсты толкуютъ, что подъ ревельскимъ Выгородомъ, Домбергомъ, покоится легендарный великанъ ихъ, Калевъ. Заболѣлъ Калевъ, и жена его .Линда послала ольховаго жука къ сверкымъ знахарямъ за помощью. Полетѣлъ жукъ черезъ лѣса и моря, разспрашивалъ встрѣчныя солнце, луну и звѣзды, но они прошли мимо него безотвѣтныя, молчаливыя; отыскавъ знахарей, жукъ услышалъ ихъ отвѣтъ: «то, что блѣднѣетъ въ свѣтѣ мѣсячномъ,—ска-

зали знахари,—что блекнетъ въ сіяніи звѣздъ и отгараетъ въ солнечномъ лучѣ, тому не судьба позеленѣть вторично». Когда жукъ вернулся съ отвѣтомъ, Калевъ былъ мертвъ, и Линда, похоронивъ его, насыпала надъ нимъ изъ камней Вышгородскую гору, нынѣшній Домбергъ. Не отсюда ли, отъ имени Калева, старорусское названіе Ревеля Колывань? Revel по-датски означаетъ рифы; эстонское названіе Ревеля—Tallina идетъ, вѣроятно, отъ Deni-lina и означаетъ городъ датчанъ.

Возстанія эстовъ послѣ 1219 года неоднократно повторялись; въ 1221 много было повѣшено эстовъ по густымъ лѣсамъ, окружавшимъ въ тѣ дни Ревель; въ 1223 снова обложили они городъ и имѣли даже свои стѣнобитныя

„Башня Гулдагъ". Виды Ревеля. Башня „Кюстерицъ".

орудія; въ 1343, въ ночь на Юрьевъ день, 22—23 апрѣля, поднялись они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, и опять обложили Ревель и Гапсаль, и страхъ наведенъ былъ ими великій. Но что могли сдѣлать эсты, молодыя поколѣнія которыхъ не успѣвали подростать отъ возстанія къ возстанію, что могли они сдѣлать, для пополненія людской убыли, противъ вѣчнаго и постояннаго наплыва свирѣпыхъ и совершеннолѣтнихъ рыцарскихъ силъ съ запада и сѣвера, подъ знаменами орденскими, епископскими, шведскими или датскими? Еще въ первой четверти XIII вѣка, отыскивая за кого придержаться, къ кому прислониться, зовутъ эсты на помощь русскаго князя Ярослава; русская сила въ тѣ дни была еще очень слаба, тѣмъ не менѣе, она идетъ на помощь, но ничего сдѣлать не можетъ. И, словно мало было всѣхъ рыцарскихъ силъ, направлен-

ныхъ противъ эстовъ, судьба призываетъ на нихъ еще и новую—Ганзейскій союзъ городовъ, видное мѣсто въ которомъ, съ 1285 года, занимаетъ Ревель.

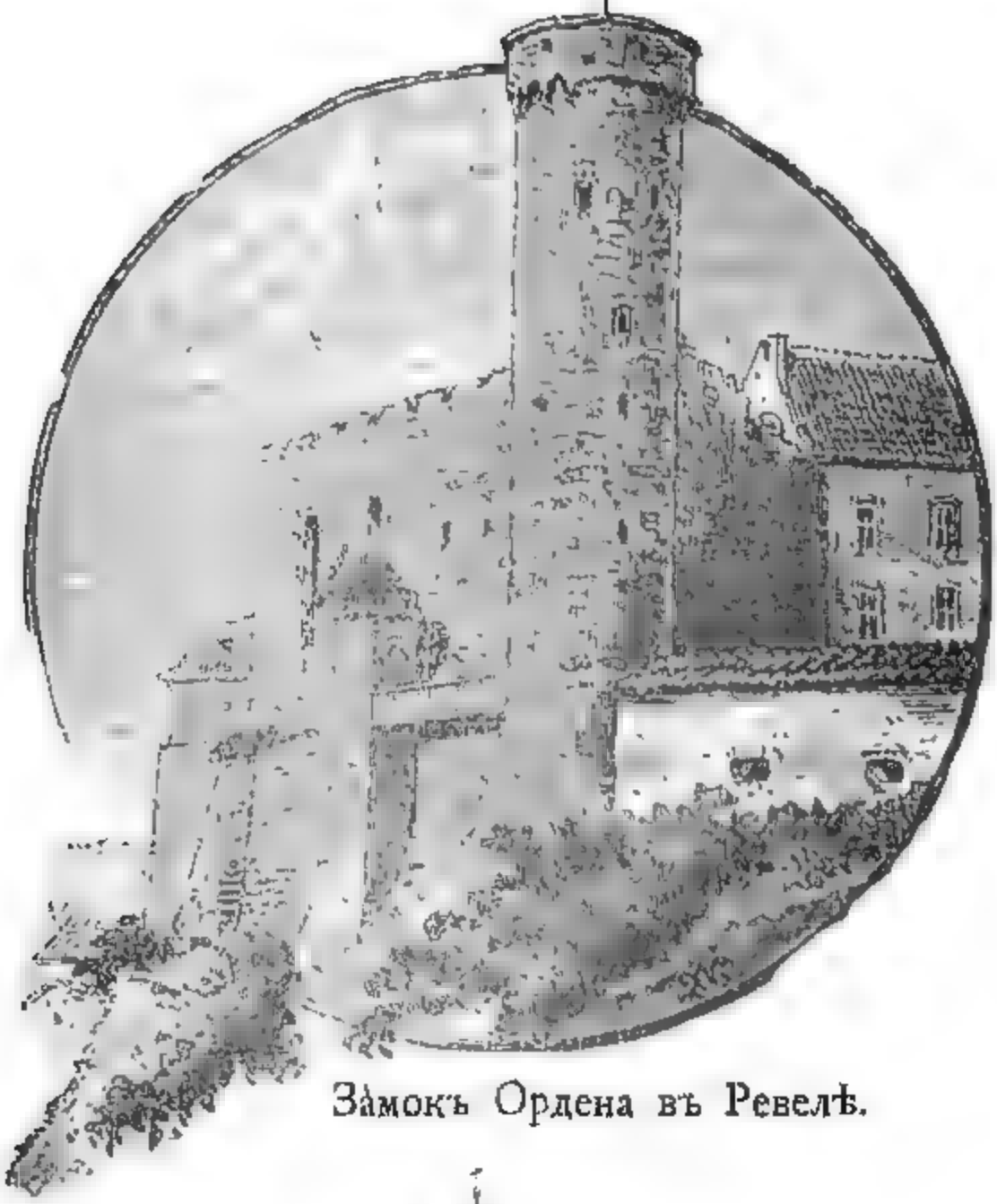
Подъ страхомъ смертной казни и отобранія товаровъ объявлено было въ 1346 году, что торговый путь на Новгородъ идетъ только черезъ Ревель, Перновъ и Ригу. Стальною стѣной латниковъ и каменными твердынями замковъ, развалины которыхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ поражаютъ своею численностью и дѣлаютъ, напримѣръ изъ долины Аа, нѣчто вродѣ маленькаго Рейна, отгораживалась возникавшая тогда Россія отъ естественнаго тяготѣнія своего къ Балтійскому морю, къ которому призывали ее и эсты. Рано, рано двинулась Русь къ этому морю, шла, придерживаясь теченія Двины и уживаясь съ

Отъ Кирке. Видъ Ревеля. Башня „Толстая Маргарита".

остами, ливами и латышами. Другая, совсѣмъ иная культура шла сюда съ востока; та же самая культурная черта, которая поражаетъ на Уралѣ, гдѣ черемисы, мордва и татары мирно уживаются съ русскими, имѣлась налицо и здѣсь. Полоцкіе колоніи, говоритъ Бѣляевъ, шли по Двинѣ вплоть до Балтійскаго моря, и русскіе собирали здѣсь дань гораздо ранѣе прибытія нѣмцевъ. Объ этомъ сообщаетъ даже Генрихъ Латышъ; позволеніе на проповѣдь получено было первымъ нѣмецкимъ епископомъ Мейнгардомъ отъ князя полоцкаго, которому языческіе ливы платили дань.

По судьбѣ было угодно имсе, и теченіе, шедшее съ запада, одолѣло въ тѣ дни теченіе, шедшее съ востока.

До XV вѣка ясно намѣчено поступательное движеніе нѣмецкаго элемента



Замокъ Ордена въ Ревелѣ.

Ворота на взморье въ Ревелѣ.

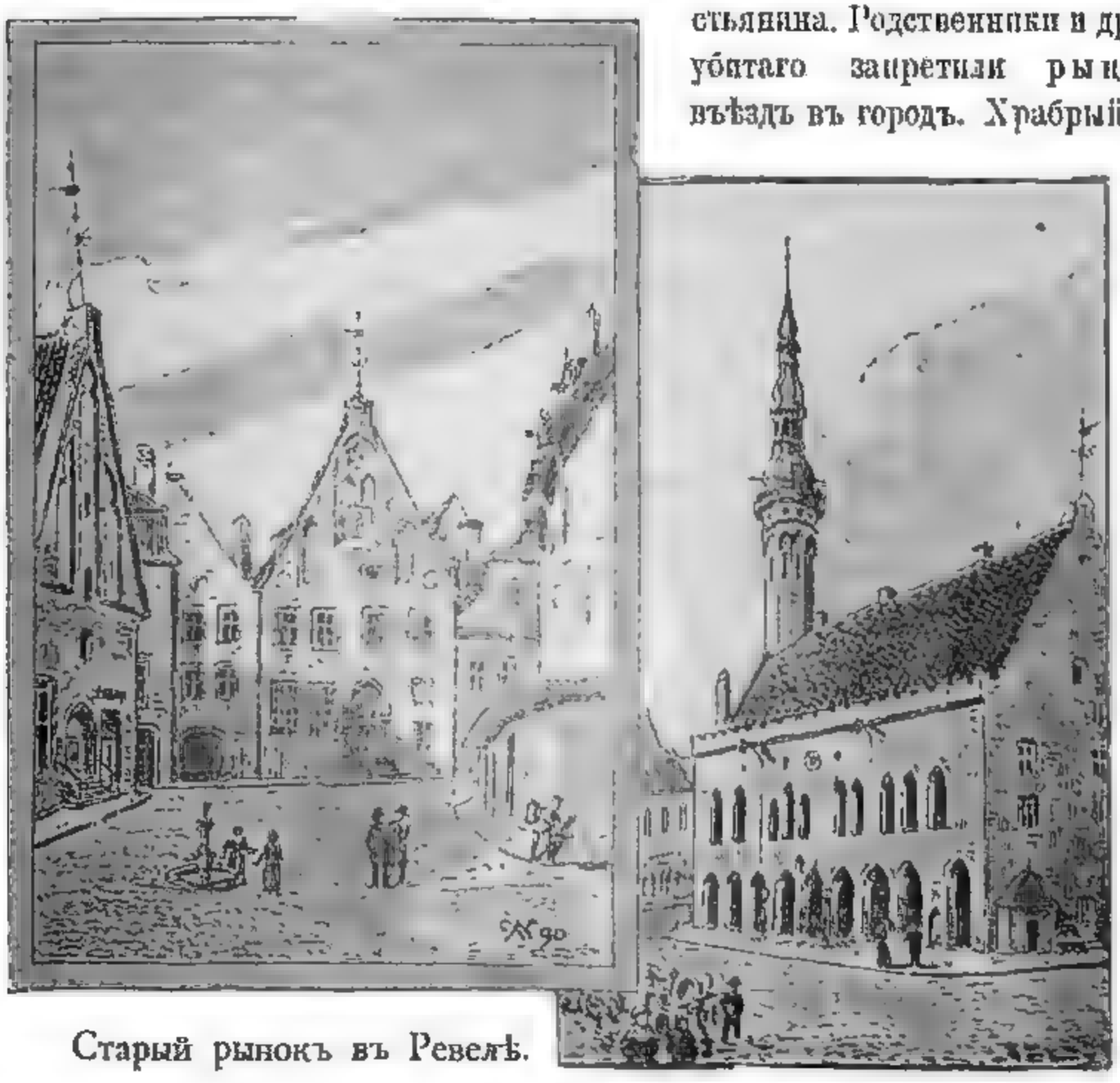
и отступленіе русскаго: основанный Ярославомъ городъ Юрьевъ сталъ Дерптомъ; лицомъ къ лицу съ Ивангородомъ на Наровѣ поднялись твердыни Нарвы; исчезла въ Ревелѣ существовавшая здѣсь съ 1371 года древняя православная церковь. Съ конца XV вѣка, со времени царствованія Іоанна III, чувствуется возникновеніе обратнаго теченія; 5-го ноября 1494 года повелѣваетъ царь закрыть полновластный, весь обвѣшанный хартіями и привилегіями, нѣмецкій дворъ въ Новѣгородѣ, а 49 купцовъ отвозитъ въ Москву; слѣдуетъ рядъ неудачныхъ войнъ нашихъ съ Плеттенбергомъ, великимъ магистромъ ордена, который, по словамъ Рутенберга, въ длинномъ, болѣе чѣмъ 300-лѣтнемъ ряду орденскихъ властителей, послѣ Зальцы и Кинроде, является только третьею и послѣднею свѣтлою личностью. Но кульминаціонный пунктъ историческаго развитія былъ достигнутъ. Если въ XIII столѣтіи нѣмецкій орденъ то и дѣло обновлялся притокомъ новыхъ силъ съ запада, а эсты постоянно рѣдѣли, то теперь, наоборотъ, предоставленный самому себѣ, орденъ чахъ и хилѣлъ въ глубочайшемъ развратѣ и ростовщичествѣ, а съ востока, что ни годъ, то настоятельнѣе и чаще напирали молодыя русскія силы, на которыя давно уже возлагали свои упованія эсты.

Въ 1558 беруть русскіе Дерпть, Нарву, Везенбергъ, Вейсенштейнъ и др. и подходятъ въ 1560 къ Ревелю. Если Юрьева ночь 1343 года послужила причиною того, что датскій король, желая избавиться отъ населенныхъ буйствующимися эстами провинцій, продалъ ихъ великому магистру тевтонскаго ордена за сумму, равную, по Рихтеру, 250.000 руб., благоразумно оговоривъ въ условіи, чтобы «палишекъ», уступленный имъ при этомъ торгѣ, «шелъ на спасеніе души короля, королевы и ихъ предковъ»,—то приближеніе русскихъ къ Ревелю въ 1560 году вызвало другое, не менѣе важное историческое событіе: такъ какъ зачахнувшій орденъ не могъ болѣе защитить страны отъ русскихъ, то Ревель присягнулъ на вѣрность Эрику XIV, королю шведскому. Замѣчательно, что въ латинскомъ текстѣ условій подчиненія нѣтъ того, что имѣется въ нѣмецкомъ, а именно: обѣщанія шведскаго короля сохранить странѣ — свободу аугсбургскаго исповѣданія, а дворянству — его привилегіи! Какъ бы то ни было, но въ добровольномъ подчиненіи Ревеля шведамъ заключалось, какъ въ зернѣ, все, что имѣло совершиться въ ближайшемъ будущемъ, включительно до великой сѣверной войны, этимъ путемъ какъ бы предопредѣленной и вызванной дворянствомъ и бюргерствомъ Ревеля.

Еще въ 1329 году «купили» эстляндскіе вассалы отъ датскаго короля обязательство никогда и никому не уступать Эстляндіи; семь недѣль спустя, король, получивъ деньги, отдастъ Эстляндію въ ленное владѣніе герцогу Голландскому и Кануту Порсе. Но дворяне, окрѣпшіе въ Эстляндіи, благодаря слабости Даніи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ балтійскомъ краѣ, не допустили обоихъ претендентовъ и стали управлять страной самостоятельно. Съ другой стороны, богатѣло и ревельское бюргерство. Дворянство и бюргерство, какъ вездѣ въ Европѣ, враждовали не на жизнь, а на смерть и въ орденскихъ земляхъ. и, не менѣе сильно, чѣмъ гдѣ-либо, въ Ревелѣ. Вышгородъ — «Dom» и Городъ—«Stadt», мѣстопребыванія того и другого, то и дѣло боролись, и еще

очень недавно, до введенія городоваго положенія, собственно городомъ заправлялъ совѣтъ — «Rath», руководствуясь «любекскимъ правомъ», кодексъ котораго въ 103 параграфа, писанный на пергаментѣ въ 1257 году, хранится въ архивѣ магистрата, а на Вышгородѣ правилъ фохтъ — «Schlossvogt», руководствуясь мѣстными узаконеніями Landrecht'а.

Эта двойственность управленія приводитъ на память очень характерную картинку, имѣвшую мѣсто въ Ревелѣ въ 1535 году. Одинъ изъ рыцарей, Икскуль, убилъ въ городѣ своего крестьянина. Родственники и друзья убитаго запретили рыцарю въѣздъ въ городъ. Храбрый рыцарь въѣхалъ, однако, былъ схваченъ, судимъ, осужденъ и 7 го мая, сквозь желѣзную рѣшетку городскихъ воротъ, видѣли рыцари, собравшіеся на помощь своему собрату, какъ совершались долгія траурныя подробности средневѣковой казни, видѣли — и ничего сдѣлать не могли. Казнь произошла въ воротахъ именно потому, что бюргеры, замѣтивъ собравшихся рыцарей, остановили процессію въ воротахъ, приказавъ запереть ихъ. Крѣпки должны были быть въ тѣ дни городскія ворота. Не очень давно эти ворота (Schmiede-Pforte) снесены.



Старый рынокъ въ Ревелѣ.

Ревельская ратуша.

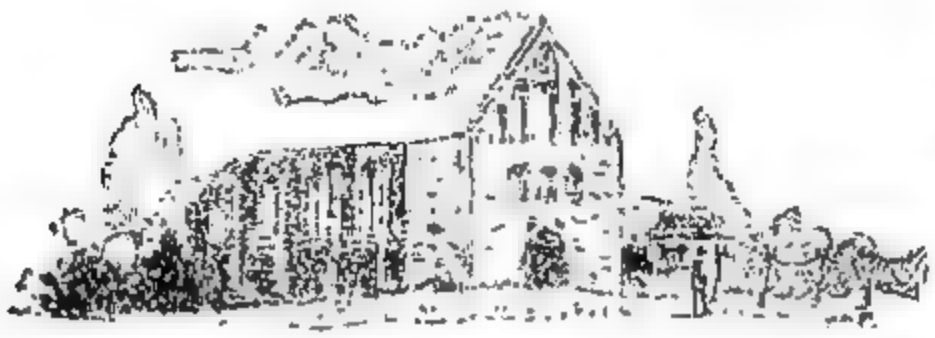
Особенно богатъ сталъ Ревель въ качествѣ члена Ганзейскаго союза въ концѣ XIII вѣка. Съ 1305 года, когда орденъ, послѣ долгой, упорной вражды съ гражданами Риги, окончательно закабалилъ ихъ и обезсилилъ себѣ въ ущербъ всю рижскую торговлю, Ревель чрезвычайно удачно воспользовался

этимъ, ставъ временно главнымъ складочнымъ мѣстомъ для транзита на русскій Востокъ. Богатѣлъ городъ, богатѣло и рыцарское дворянство и, пользуясь тѣмъ, что датскіе короли, ихъ ленные властители, вѣчно нуждались въ деньгахъ, постоянно откупалось отъ нихъ, и стало управляться самостоятельно. Эти купленныя за деньги права и предпочтеніе ленной зависимости прямому подчиненію были одною изъ причинъ того, что Ревель, боясь русскихъ, надвигавшихся особенно упорно, билъ челомъ и присягнулъ на вѣрность королю шведскому въ 1561 году.

Несмотря на это, уже въ 1579 году пришлось Ревелю снова защищаться отъ русскихъ, и тогда-то былъ сожженъ монастырь св. Бригитты, развалины котораго находятся близехонько отъ Ревеля; онѣ видны съ подходящихъ къ городу судовъ и представляютъ одно изъ лучшихъ украшеній окрестностей. Характерность этого монастыря вызываетъ перечень нѣкоторыхъ любопытныхъ, малоизвѣстныхъ подробностей.

Три богатые ревельскіе «кауфгера», съ десятью другими согражданами, согласились пожертвовать все свое имущество на постройку монастыря св. Бригитты, и въ 1436 году богатыя зданія монастырскія освящены епископомъ Икскулемъ, а сами строители поступили въ монастырь монахами; одновременно съ ними поступили 16 ревельскихъ дѣвушекъ и 6 пресвитеровъ.

Монастырь св. Бригитты чрезвычайно своеобразенъ по своему внутреннему строенію. Онъ принадлежалъ къ такъ называемымъ dublica или mixta, въ которыхъ живутъ оба пола, разъединенные стѣной на два конвента. Сама Бригитта шведка, дочь королевскаго совѣтника и королевской совѣтницы, вдова шведскаго сенатора, много странствовала по свѣту, творила чудеса, умерла въ 1373 году и канонизована Бонифаціемъ IX въ 1391 году. Много было въ ходу въ свое время любопытныхъ разсказовъ о подобныхъ монастыряхъ. Сестры должны были приготовлять кушанье и стирать бѣлье братьямъ; то и другое просовывалось сквозь стѣну въ валькахъ и, говорили, будто эти валькн, постоянно выростая въ объемѣ, способны были пропускать взрослаго человѣка; говорили, что при упраздненіи того или другого монастыря св. Бригитты, въ подземельяхъ монастырскихъ находили цѣлые вороха дѣтскихъ скелетовъ и череповъ.



Развалины монастыря св. Бригитты.

Само собою разумѣется, что все это до ревельскаго монастыря, конечно, не относится, какъ замѣчаетъ, вѣроятно, справедливо, Ганзенъ; нравы Данцига и Стральзунда сюда не достигали. Въ окончательной постройкѣ и содержаніи монастыря участвовало дворянство всѣхъ трехъ балтійскихъ провинцій, граждане города Ревеля и шведская корона. Братья-монахи жили внизу, сестры наверху и ходили отдѣльно одни отъ другихъ въ верхнюю и нижнюю церкви. Fratres и Sorores никогда не сообщались и хотя каждая половина монастыря имѣла своего главаря, но общее верховенство надъ обѣими при-

надлежало женщинѣ. Послѣ года испытанія, дѣвушка или вдова, предшествуемая краснымъ знаменемъ съ изображеніемъ Богоматери, шла въ церковь, но стояла внѣ ея, пока святили обручальное кольцо; введенная въ церковь, она выходила снова, чтобы дать возможность освятить ея платье, опять-таки безъ нея; введенная вторично, она переодѣвалась въ одномъ изъ угловъ алтаря, на нее надѣвали корону и епископъ самъ прикалывалъ черный Velum булавкой. Послѣ принятія причастія, новопосвященную уносили въ монастырь на катафалкѣ. Посреди монастыря всегда зіяла открытая могила, у входа въ церковь всегда стоялъ гробъ; на головномъ платкѣ сестеръ и на капюшонахъ братьевъ нашивалось по пяти красныхъ точекъ — эмблематическое изображеніе пяти ранъ Спасителя; на діаконѣ красовался красный крестъ съ четырьмя точками—изображеніе четырехъ огней.

Ревельскій монастырь Бригитты былъ очень богатъ: въ хроникѣ Руссова (замѣтимъ, лютеранина) есть описанія оргій, имѣвшихъ въ немъ мѣсто: они были «хуже, чѣмъ въ Венериной горѣ», но участвовали въ нихъ, конечно, не постриженные, а только посѣтители. Монастырь существовалъ еще полвѣка послѣ введенія въ Ревелѣ реформаціи и, какъ мы сказали, разрушенъ русскими. Можно себѣ представить, что подумали наши бородатые латники, когда, 1-го февраля 1577 года, при вторичной семинедѣльной осадѣ Ревеля, овладѣвъ монастырскими стѣнами, они увидѣли сестеръ и братьевъ съ красными точками, жившихъ вмѣстѣ, и зіяющую могилу и открытый гробъ!

Россія владѣетъ Ревелемъ съ 1710 года. Городъ былъ взятъ Бауэромъ, послѣ шестинедѣльной осады. Въ 1721 году находился тутъ Петръ I по пути изъ-за границы, въ 1746 году пребывала здѣсь императрица Анна; въ 1790 году, 1-го мая, въ виду Ревеля произошло знаменитое морское сраженіе, окончившееся побѣдой Чичагова надъ шведскимъ флотомъ; въ 1800 году, во время ссоры съ Англіею, знаменитый Нельсонъ, являлся гостемъ Ревеля. Въ 1854 году здѣсь объявлено военное положеніе; сначала командовалъ Бергъ, по приказанію котораго снесено цѣлое предмѣстье между городомъ и моремъ, нынѣ снова отстраиваемое, затѣмъ Граббе, а по заключеніи мира Ревель пересталъ быть крѣпостью. Въ 1870 году открыта балтійская желѣзная дорога, и она дала Ревелю новые, широкіе пути къ обогащенію.

Ни одинъ изъ городовъ прибалтійскаго края не сохранилъ такъ настойчиво своей средневѣковой физіономіи, какъ Ревель, главнымъ образомъ, въ Вышгородѣ. Какъ во времена Плеттенберга, высятся и теперь, вдоль неширокихъ, ломаныхъ и гнутыхъ улицъ, узкіе многоэтажные дома, съ высокими фронтончиками подъ крышей, гдѣ помѣщаются склады, съ башенками, вьющимися лѣстницами, кольцами для постукиванія, вмѣсто колокольчиковъ, у воротъ, съ окнами во дворъ, фонтанами на улицахъ, небольшими площадями со шведскими и русскими трофеями надъ воротами и дверьми. Тѣ же почти церкви высятся въ городѣ, что́ и въ 1524 году, когда реформація смѣнила здѣсь католичество и довольно спокойно изгнала доминиканцевъ. Здѣшнимъ Лютеромъ былъ Ланге. Тѣ же большая и малая гильдіи, тѣ же Шварцгау-

теры (Черноголовые) смотрятъ на путешественника, какъ и въ старину, только что одѣянія ихъ измѣнились.

Мѣстный лютеранскій соборъ, домкирхе, упоминается уже въ 1240 году. Въ 1684 году, при пожарѣ, сгорѣло все, даже покойники въ своихъ гробницахъ, и, вѣроятно, пожаръ этотъ—причина того, что красивыя готическія основы церкви, ея три нефа, хоръ, арки и гладкіе столбы, поддерживающіе ихъ, тщательно выбѣленные, кажутся совершенно мертвенными. Эти бѣлыя стѣны, не расчленяемыя пилястрами и гуртами, существенно важными въ готической архитектурѣ, освѣщаемыя большими окнами съ простыми, а не цвѣтными стеклами, что́ не менѣе существенно, смотрятъ безусловно пустыми, несмотря на присутствіе нѣсколькихъ памятниковъ и гербовъ. Той прелести полусвѣта и задумчивости, которыя навѣваются хорошею готическою церковью, совершенно нѣтъ въ соборѣ. Въ немъ покоится нѣсколько замѣчательныхъ людей: графъ Понтусъ-де-ла-Гарди, не разъ встрѣчавшійся съ русскими войсками и утонувшій передъ Нарвой въ Наровѣ, потому что древнее судно, на которомъ онъ находился, разсѣлось отъ выстрѣловъ нашей Ивангородской крѣпости; тутъ же и его жена, дочь шведскаго короля Іоанна XI; адмиралъ Грейгъ, англичанинъ родомъ, участникъ Чесменскаго боя, нанесшій пораженіе шведскому флоту при Гохландѣ въ 1780 году и вслѣдъ затѣмъ скончавшійся; адмиралъ Крузенштернъ, знаменитый кругосвѣтный плаватель, умершій директоромъ морскаго корпуса въ 1832 году. памятникъ которому имѣется на Васильевскомъ островѣ въ Петербургѣ. Лежатъ тутъ и многіе другіе, въ томъ числѣ сестра Густава Вазы, графиня Маргарита Гойа; но плиты поистерлись, да и пожары и люди не пощадили ихъ.

Одною изъ любопытныхъ достопримѣчательностей Ревеля является также Екатериненталь̀скій дворецъ.

Паркъ, въ которомъ находится дворецъ, вытягивается за городомъ къ Лаксбергу, начинаясь вплотную отъ крайнихъ строеній, почти вдоль морского берега. Въ 1714 году тутъ, кромѣ песковъ и суглинка, не было ничего, но когда, повелѣніемъ Петровымъ, начата была постройка ревельской гавани, царь поставилъ здѣсь для себя, чтобы слѣдить за работами, деревянный домикъ, сохранившійся и понынѣ въ томъ видѣ, въ какомъ его оставилъ великій императоръ. Въ 1718 году приступлено было къ постройкѣ дворца, которая была поручена итальянцу Микетти. Насажены деревья, кусты, опредѣлены аллеи, и степное пространство стало садомъ; много играло здѣсь водометовъ, но впослѣдствіи чугунными трубами ихъ воспользовались для усиленія гидравлическихъ сооруженій Петергофа. По окончаніи постройки и послѣ покупки значительныхъ сосѣднихъ помѣстій, все это, вмѣстѣ взятое, цѣной въ $3^1/_2$ милліона рублей, подарено императрицѣ Екатеринѣ I. Послѣ кончины Петра I, императрица ни разу не посѣтила Екатериненталя, носящаго ея имя; водометы со временемъ погибли, а помѣстья раздарены. Здѣсь, въ этомъ дворцѣ, подписанъ императрицей Елисаветой оборонительный договоръ съ Маріей-Терезіей, послужившій поводомъ къ семилѣтней войнѣ.

Зданіе дворца очень не велико; воздвигнутое на террасѣ, оно имѣетъ

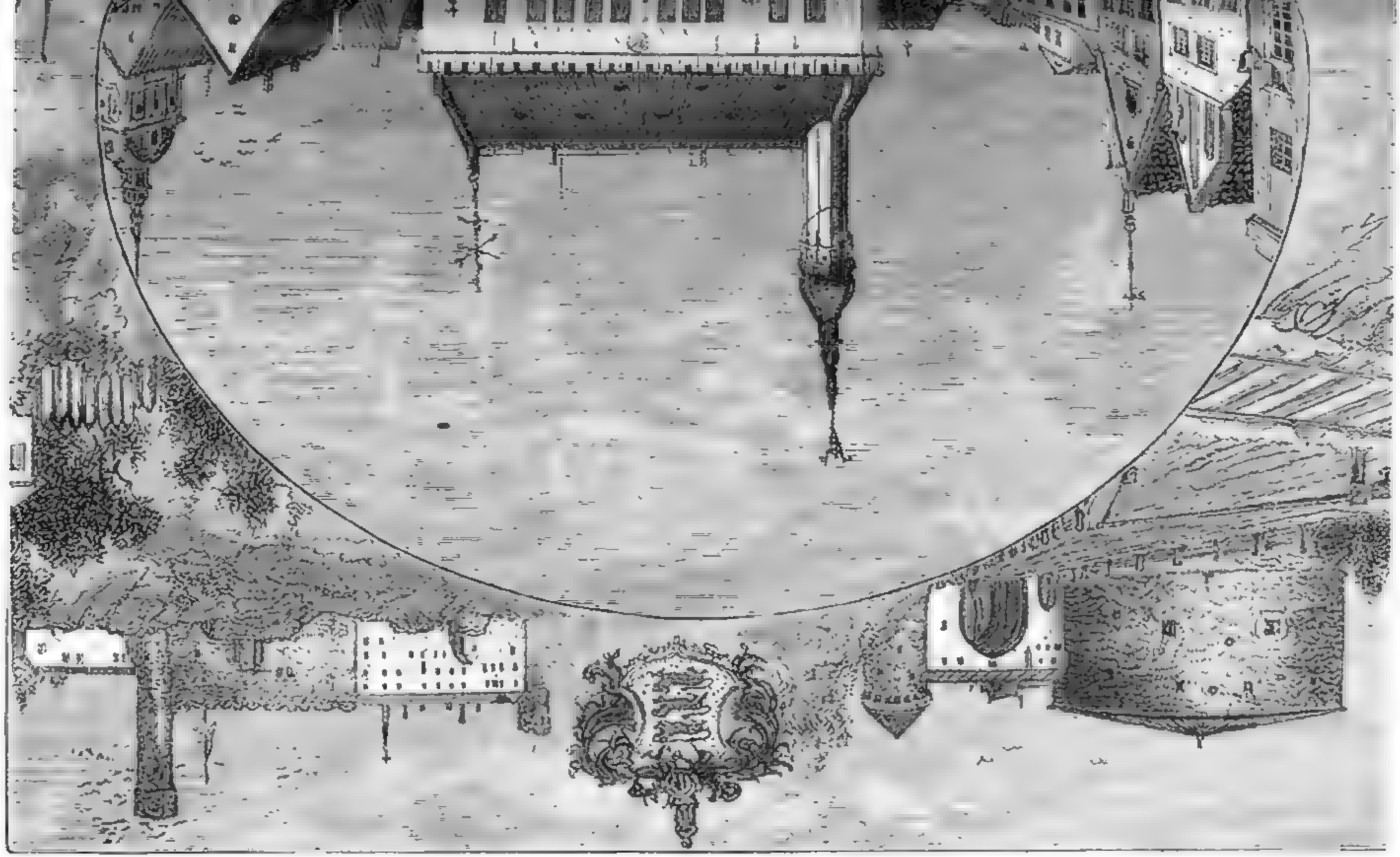
съ одной стороны три этажа, съ другой — два и отѣнено громадными липами и каштанами; оконъ въ рядъ—одиннадцать; со стороны подъѣзда надъ балкономъ—фронтончикъ, на которомъ, Богъ вѣсть почему, нѣтъ государственнаго герба, а имѣются только три кольца, когда-то державшія его или вензель. Внутри дворецъ очень простъ, но сохранился во всей своей цѣлости; главный залъ—въ два свѣта, имѣетъ типичный бѣлый камин съ четырьмя лиственными вазами и на потолкѣ громадную картину, изображающую Діану, обращающую Актеона въ оленя; на изображеніе наготы художникъ не поскупился, а опредѣлить имя его, при полномъ отсутствіи инвентарныхъ свѣдѣній на мѣстѣ, по одному виду и характеру картины — невозможно, что̀ не мѣшаетъ

Домкирхе. Башня „Кикъ-инъ-ди-Кекъ". Николаикирхе.

Виды Ревеля.

картинѣ быть характерною по времени, къ которому она относится. Если неприглядны крючья на фронтонѣ, свидѣтельствующіе о томъ, что на дворцѣ былъ когда-то гербъ, то еще непригляднѣе простыя, новенькія тюлевыя занавѣски, украшающія окна зала и производящія въ общемъ характерѣ обстановки впечатлѣніе фальшивой ноты. Въ наружной стѣнѣ замка можно видѣть нѣсколько кирпичей, положенныхъ самимъ Петромъ Великимъ; ихъ никогда не заштукатуриваютъ.

Въ Ревелѣ заслуживаютъ вниманія: школа для солдатскихъ дѣтей, существующая уже 32 года; въ этой школѣ 50 мальчиковъ; пріютъ мѣстнаго благотворительнаго общества, состоящій подъ высокимъ покровительствомъ Госу-



Морскія ворота.

Гербъ Ревеля.
Ратуша и рынокъ.
Видъ Ревеля съ рейда (Старая военная гавань).

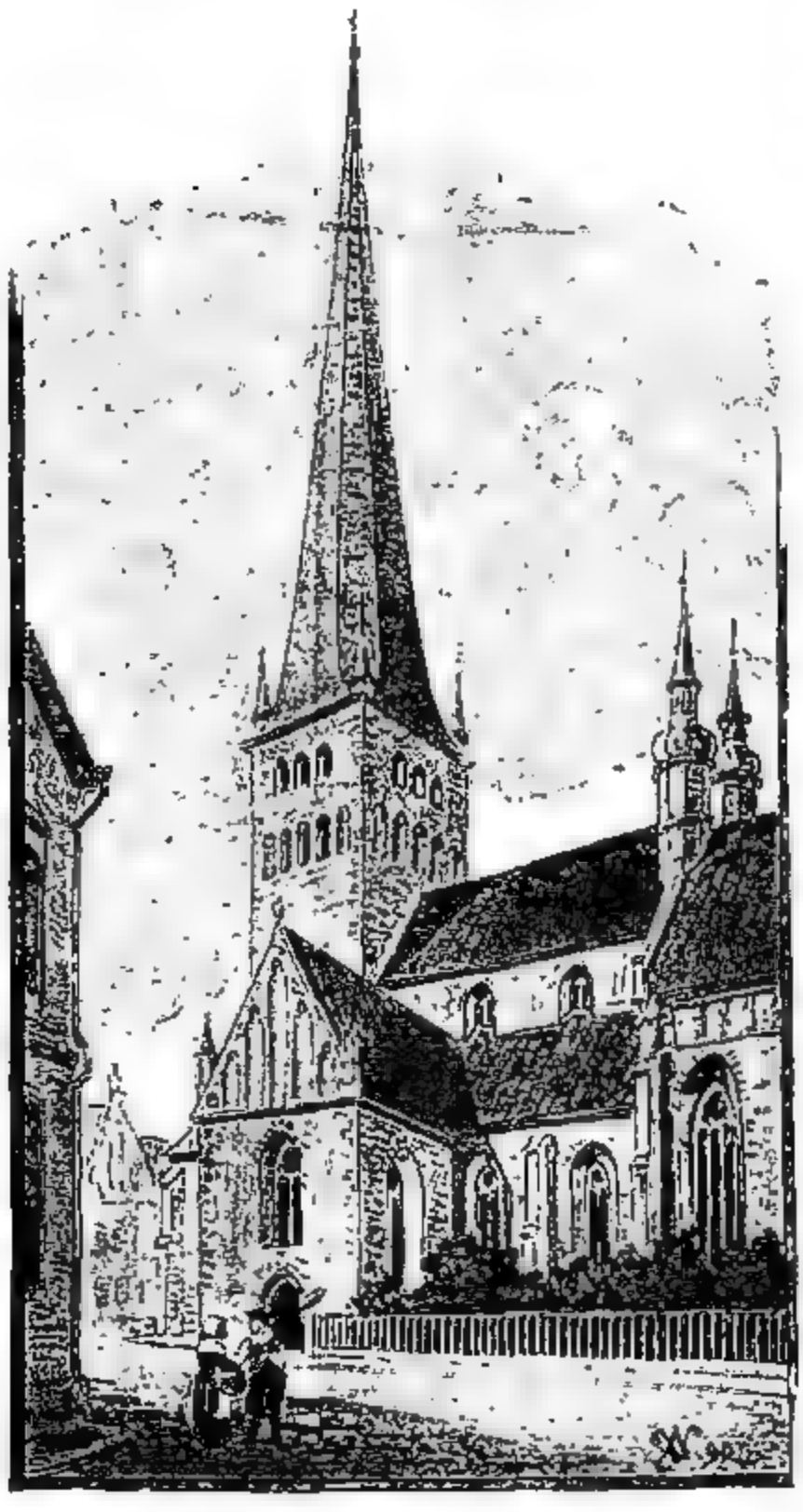
Ревельскій замокъ (твердыня).

Виды г. Ревеля.

Ориг. рис. съ натуры Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

дарыни Императрицы, и учрежденіе діакониссъ, которому еще недавно по одному изъ завѣщаній пожертвовано 100.000 руб.

Въ главномъ залѣ риттергауза, представляющемъ нѣчто вполнѣ своеобразное, стѣны сверху до низу увѣшаны изображеніями гербовъ матрикулованнаго эстляндскаго дворянства; нѣкоторыя изъ мѣстъ еще не заняты; попадаются подъ гербами и русскія имена. Матрикулы — это записи древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, составленныя въ прошломъ столѣтіи и предоставляющія здѣсь, въ краѣ, совершенно исключительныя права: въ Эстляндской губерніи въ настоящее время потомственныхъ дворянъ 3.211 человѣкъ, изъ нихъ право голоса на ландтагахъ имѣютъ только 594. Въ распоряженіи матрикулованнаго дворянства находятся всѣ важнѣйшія должности по выборамъ, судейская, полицейская власть и раскладка повинностей; другими словами говоря—все, если вспомнить, что и въ земельномъ владѣніи имъ принадлежитъ первый голосъ. Въ составъ матрикулованнаго дворянства, кромѣ рѣдкаго случая Высочайшаго пожалованія въ краѣ имѣнія, входятъ не иначе, какъ по согласію матрикулованныхъ. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что исключительно въ одной только Эстляндской губерніи, выбранный предводитель дворянства, «риттершафтсгауптманъ», Высочайшею властью не утверждается, — нѣчто совсѣмъ исключительное для всей Россійской Имперіи.



Церковь св. Олая въ Ревелѣ.

Изъ ревельскихъ древнихъ лютеранскихъ церквей выше другихъ поднимается своимъ остроконечнымъ шпилемъ въ 455 футовъ вышины церковь св. Олая. Король шведскій Олай (умеръ въ 1033 г.) былъ, какъ сообщаютъ древнія хроники, главнымъ сокрушителемъ культа языческаго Тора и впослѣдствіи канонизованъ. Въ 1270 г., королева датская Маргарита приписала церковь къ несуществующему нынѣ женскому монастырю св. Михаила, церковь котораго преобразилась въ Преображенскій православный соборъ. Эта приписка послужила поводомъ къ долгимъ, любопытнымъ спорамъ.

Около 1549 года городъ забралъ церковь въ свое распоряженіе; когда монастырская «Domina» пожелала воспользоваться своимъ старымъ правомъ,

своею привилегіей замѣщать вакансію проповѣдника и таковая открылась, то представители городскаго управленія дали слѣдующій многозначительный отвѣтъ: «Что касается до ленной зависимости св. Олая отъ монастыря, то мы ушли уже отъ старыхъ церемоній и обычаевъ; если бы намъ вернуться къ старому опять, чего не дай Богъ, ну, тогда пусть монахини воспользуются своимъ правомъ снова». «Въ этомъ случаѣ, — говоритъ добросовѣстный изслѣдователь ревельской старины Гапзенъ,—произошло то, что всегда имѣло мѣсто въ Германіи: свѣтская власть, то-есть городъ, не стѣснялся, забрала церковь себѣ». Это примѣръ для тѣхъ, кто желалъ бы ему слѣдовать. Въ 1625 году церковь св. Олая попала въ знаменитую «редукцію», то-есть взята шведскою короной, въ силу того, что она принадлежала когда-то монастырю, построенному датскимъ королемъ. Петръ I возвратилъ церковь городу. Очень важнымъ днемъ для края было 12 мая 1736 года, когда въ храмѣ Олая въ первый разъ проповѣдалъ графъ Цинцендорфъ гернгутерство; отсюда оно распространилось было по странѣ, но, какъ извѣстно, впослѣдслѣдствіи запрещено, и это запрещеніе, въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, способствовало, быть можетъ, болѣе всего сильному движенію встовъ въ православіе. Въ 1820 году, счетомъ въ восьмой разъ, ударила въ церковь Олая молнія и произвела пожаръ; въ 1825 году, при посѣщеніи Ревеля Императоромъ Александромъ I, дано было обѣщаніе отстроить церковь, исполненное Императоромъ Николаемъ I, повелѣвшимъ выдать на этотъ предметъ полмилліона рублей; строили въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, и первымъ строителемъ явился полковникъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, Фельдманъ. Главный лютеранскій храмъ Ревеля отстроенъ на русскія деньги.

Церковь св. Николая и старыя двойныя ворота.

Церковь св. Олая, въ настоящее время, кажется еще болѣе пустою, еще менѣе готическою, чѣмъ Домкирхе: то же отсутствіе полусвѣта, тѣ же огромныя окна безъ цвѣтныхъ стеколъ, тотъ же недостатокъ расчлененія стѣнъ всѣхъ трехъ нефовъ, отдѣляемыхъ одинъ отъ другого шестью столбами. Если

угодно, это готика—по общему плану, по острымъ сводамъ, по красотѣ основныхъ линій, гармонично стремящихся вверхъ; но это все, что имѣется въ ней отъ готики.

Третья большая лютеранская церковь — Николаикирхе. Общею чертою какъ русскихъ, такъ и нѣмецкихъ мореходовъ являлось всегда высокое почитаніе св. Николая Чудотворца. Ганзейскій союзъ, виднымъ членомъ котораго былъ Ревель, существовалъ, такъ сказать, на морѣ—на водѣ, и не удивительно, что и Ревель, подобно Гамбургу, Любеку, Стральзунду, Ростоку и Грейфсвальде, имѣетъ свою церковь Николая. Ганзенъ, говоря о Николаикирхе, свидѣтельствуетъ въ очень характерномъ разсказѣ о томъ, какъ силенъ былъ внутренній разладъ въ средневѣковомъ быту балтійскаго края. Въ 1426 году произошло въ церкви побоище, вслѣдствіе того, что монахи, заодно съ бюргерами, дѣйствовали противъ городскаго духовенства; это побоище являлось отвѣтомъ на скандалъ, учиненный за годъ до того духовенствомъ въ монастырской церкви Катерины, духовенствомъ, прибывшимъ въ нее въ маскахъ. Причиной вражды являлись, конечно, денежные интересы, всегда игравшіе здѣсь первенствующую роль: папа позволилъ монахамъ служить на улицахъ, на переносныхъ алтаряхъ, а это сильно уменьшило доходы городскаго духовенства; отсюда драки и вражда. Николаикирхе имѣетъ болѣе внушительный, болѣе древній обликъ, чѣмъ домкирхе и Олай, и хотя иконоборцы реформаціи лишили ее многихъ украшеній, тѣмъ не менѣе, она полна видимыхъ воспоминаній. Безконечно много въ ней гербовъ эстляндскихъ рыцарскихъ фамилій. «Очень нужны,—говоритъ съ ироніею одно духовное лицо 1603 года,—ихъ гербы церкви, если она ничего отъ этого не получила; гербы не красивое украшеніе». Едва ли, однако, можно согласиться съ этимъ духовнымъ лицомъ: гербы красивы своими воспоминаніями, своею типичностью, и для потомковъ, несомнѣнно, имѣютъ значеніе. Одни изъ гербовъ, и именно Тизенгаузеновъ, сдѣланы изъ литаго серебра. Достойна въ церкви вниманія «Пляска смерти» XV вѣка, на полотнѣ въ восемь метровъ длины, 1,75 ширины; изъ всѣхъ циклическихъ изображеній эта «Пляска смерти», безспорно, самое любопытное; въ православной церкви изображеніе смерти, подшучивающей надъ королемъ, папою, нищимъ, красавицею-женщиною, было бы немыслимо; для появленія ея на свѣтъ изъ головы художника нужны были цѣлые вѣка страданій и ужасовъ, выдержанныхъ готическою Европой. Замѣчательными гробницами Николаикирхе не богата, но зато одинъ изъ почивающихъ пріобрѣлъ широкую извѣстность. Это дюкъ де-Кроа. Этотъ де-Кроа, родомъ бельгіецъ, служилъ когда-то въ австрійской службѣ, затѣмъ перешелъ въ русскую, взятъ шведами въ плѣнъ подъ Нарвою, гдѣ начальствовалъ нашими войсками, отвезенъ въ Ревель и умеръ въ 1702 году. Разсказываютъ, будто его не хоронили въ силу закона, лишавшаго могильнаго упокоенія лицъ, умершихъ въ долгахъ, а у де-Кроа долговъ было много. 23-го января 1759 года составленъ, по какому-то поводу, очень любопытный счетъ за храненіе его тѣла: считая 1 руб. въ недѣлю, хранители требовали 2.964 руб. Печатные источники сообщаютъ, что высохшее тѣло Дюка нынѣ не показываютъ и что оно опущено въ землю. Это и правда,

и неправда, потому что, хотя въ склепъ оно и было опущено, но путешественникамъ его показываютъ. Оно лежало въ массивномъ гробу, въ особой капеллѣ, вправо отъ входа въ церковь, вмѣстѣ со всякою рухлядью. Дюкъ былъ мужчина высокаго роста, черты лица котораго сохранились; довольно глубокія морщины видны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нижняя часть щекъ переходитъ въ шею; на немъ длинное бархатное одѣяніе, вѣроятно, темно-лиловаго цвѣта. Лицо, видѣвшее тѣло Дюка много лѣтъ тому назадъ, высказывало предположеніе, что его, вѣроятно, сохраняютъ дурно, потому что исчезъ парикъ, покрывавшій его черепъ; небольшая бородка цѣлѣе усовъ; цвѣтъ тѣла—цвѣтъ стручковъ, продаваемыхъ у насъ на лоткахъ въ видѣ лакомства, любимаго народомъ. Въ числѣ другихъ замѣчательностей Николаикирхе слѣдуетъ упомянуть о древнемъ алтарѣ ея, замѣчательномъ какъ въ археологическомъ, такъ и въ художественномъ отношеніяхъ и помѣщенномъ въ настоящее время въ боковой капеллѣ, и, затѣмъ, о нишѣ съ рѣшетчатою дверью, въ которую во времена католичества сажали закоренѣлыхъ грѣшниковъ на покаяніе.

Отъ Николаикирхе очень близко до помѣщенія гильдіи св. Канута—очень древняго, но совершенно утратившаго свой характеръ, учрежденія. 600 лѣтъ тому назадъ, это былъ союзъ ремесленниковъ и мастеровыхъ. Въ весьма отдаленныя времена орденская гильдія являлась однимъ изъ шумныхъ сочленовъ въ разрѣшеніи всякихъ политическихъ вопросовъ. Гильдіи принадлежала тогда Николаикирхе, и цехи имѣли въ ней свои алтари, обезпеченные богатыми вкладами; но, во времена торжества реформаціи, проценты съ этихъ вкладовъ были обращены на содержаніе лютеранскихъ проповѣдниковъ и школьныхъ лютеранскихъ учителей. Стараго дома не существуетъ, а на постройку новаго русскою казною выдано 20.000 рублей; кромѣ того, домъ и участокъ земли для призрѣваемыхъ гильдіей двадцати вдовъ подарены Императоромъ Александромъ II. Хотя городовое положеніе 26-го марта 1877 года, учредивъ думу, отчасти парализовало участіе въ городскихъ дѣлахъ магистратовъ и гильдій, тѣмъ не менѣе, они составляютъ и понынѣ особое «гражданство», отдѣльное отъ «городскаго общества»,—гражданство, въ которое можно поступить не иначе, какъ съ согласія магистрата и гильдій и съ принесеніемъ «присяги на послушаніе благородному магистрату». Присяга такого рода въ этомъ краѣ, повидимому, въ обычаѣ. Намъ, русскимъ, присягающимъ только Царю, это явленіе непонятно и дико. Въ гильдіи св. Канута сохраняется очень много цѣнныхъ кубковъ старыхъ временъ; древнѣйшему серебряному около 300 лѣтъ, и онъ обвѣшанъ 56 блихами, что̀ означаетъ память такого же числа старѣйшинъ; характеренъ не то жезлъ, не то булава, длиной около фута, съ массивной головкой: старѣйшина, альдерманъ, постукивая имъ, открываетъ и закрываетъ собранія; на случай призыва къ порядку, онъ имѣетъ серебряный колокольчикъ.

Очень любопытна исторія «Черноголовыхъ» (Шварцгауптеровъ). Это, вѣроятно, отпрыскъ большой гильдіи; его составили въ XIV вѣкѣ неженатые купцы, какъ свои, такъ и чужіе, и избрали своимъ гербомъ черную голову св. Маврикія, красующуюся и въ настоящее время надъ входною дверью.

Въ 1407 году установленъ статутъ; только четыре старшины, въ видѣ пріятнаго исключенія, могли быть женатыми, остальные, поженившись, тотчасъ уходили; двое изъ шварцгаултеровъ, вѣроятно, не попавшіе въ старшины, являются какъ упомянуто выше, въ числѣ основателей женскаго монастыря св. Бригитты. Въ настоящее время изъ братьевъ, которыхъ 126, избираются двѣнадцать старшинъ и четыре почетныхъ старшины; изъ числа послѣднихъ одинъ ротмистръ считается главою братства. Безбрачіе перестало быть непремѣннымъ условіемъ для вступленія въ братство. Въ силу грамоты Императрицы Екатерины II, ротмистру черноголовыхъ присвоенъ чинъ ротмистра россійской арміи.

Во время парада, черноголовые представляютъ собою какъ бы возставшій изъ гроба взводъ преображенцевъ въ тѣхъ мундирахъ, которые носили они въ началѣ царствованія Императора Александра II, по отмѣнѣ фалдъ: на груди красные отвороты, на каскахъ тогдашняго образца черные султаны, на брюкахъ широкіе красные лампасы, при бедрѣ звенящая бѣлая сабля; воротникъ на ротмистрѣ—преображенскаго шитья. Во время посѣщенія города Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, въ 1886 году, у себя дома въ главномъ залѣ взводъ черноголовыхъ стоялъ правильнымъ строемъ въ двѣ шеренги и сдѣлалъ по командѣ саблями «на-караулъ», причемъ ротмистръ, совсѣмъ по-офицерски, опустилъ саблю; «здравія желаемъ, Ваше Высочество»,—отвѣтили строевики на привѣтствіе Великаго Князя. Затѣмъ, сказано было ротмистромъ привѣтствіе на русскомъ языкѣ. Надобно думать, что нынѣ въ званіе ротмистра не будутъ избирать прусскихъ подданныхъ, ни слова не знающихъ по-русски, какимъ былъ предшественникъ ротмистра, рапортовавшаго Великому Князю. Здѣсь сохранились многіе любопытные кубки, начиная съ того кубка, который былъ подаренъ Петромъ I, въ видѣ оленьей вытянутой ноги, болѣе аршина вышиной; въ книгѣ для записыванія именъ посѣтителей, наверху первой страницы красуется знакомое всѣмъ по почерку: «Петръ». Достаточно богата и любопытна коллекція портретовъ бывшихъ властителей датскихъ, шведскихъ, русскихъ, между которыми очень хорошъ портретъ Іоанна Грознаго, гохмейстеровъ, курфюрстовъ; замѣчателенъ громадный створень, Altarbild, съ четырьмя дверцами и центральною частью, который, по преданію, спасенъ черноголовыми изъ монастыря Бригитты, при взятіи его русскими: монахи хотѣли купить его на вѣсъ серебра. Имѣются тутъ и модели старыхъ ганзейскихъ судовъ. Домъ черноголовыхъ старъ и характеренъ, XVI вѣка, но внутри много разъ передѣлывался. Строго говоря, трудно представить: что такое изображаютъ изъ себя въ настоящее время черноголовые? что изображаютъ имѣющіяся въ Ригѣ, Либавѣ и Митавѣ «городскія войска» или «гвардія»?

Посѣщеніемъ православной церкви св. Николая окончилось въ Ревелѣ обозрѣніе путешественниками церквей: начали съ православной, кончили православною, и въ ней помолились. Уже въ XIII вѣкѣ упоминается объ этой церкви. Вѣроятно даже, что и она была не самою древнею, потому что въ одномъ изъ отвѣтовъ Іоанна Грознаго датскимъ посламъ. въ 1559 году, вспоминается о

церквахъ, стоявшихъ въ Юрьевѣ, Ригѣ и Ревелѣ «тому уже 600 лѣтъ». Нынѣ существующій храмъ освященъ въ 1827 году; въ немъ отъ стариннаго не осталось ничего, кромѣ стѣнъ малаго алтаря; сохранился также иконостасъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей; подъ амвономъ главнаго алтаря погребенъ бывшій митрополитъ ростовскій Арсеній Маціевичъ, лишенный сана за противодѣйствіе отчужденію монастырскихъ и церковныхъ имуществъ Императрицею Екатериною II.

Имѣющіяся статистическія данныя свидѣтельствуютъ, что незначительность ревельской гавани и разрушенность ея дамбъ вовсе не доказательства бездоходности Ревеля. За трехлѣтіе, 1883—1885, въ ревельскій портъ приходило судовъ:

Иностранныхъ	535
Каботажныхъ	1.053
Прибрежнаго плаванія	645

Привозилось товаровъ на сумму 60.310.000 руб. Вывозилось на 17.491.000 руб. Пошлины получалось золотомъ 4.627.000 руб., причемъ стоимость содержанія таможни достигла 81.000 рублей.

Балтійскій Портъ. Гапсаль.

Пакерортскій маякъ. Апельсинный портъ и апельсинная желѣзная дорога. Попытки устройства порта. Петровскія укрѣпленія. Проливы Моонзунда. Гапсаль. Грабежъ по довѣренности. Крещеніе страны съ двухъ сторонъ. Древній замокъ. Легенды. Петръ I, дворянинъ Раммъ, баронесса Унгернъ-Штернбергъ. Русская церковь.

Юго-западный уголъ Финскаго залива, на которомъ высится Пакерортскій маякъ, состоитъ сплошь изъ глинистыхъ известняковъ, обманывающихъ глазъ своими очертаніями, кажущимися издали чѣмъ-то въ родѣ нормандскихъ гранитныхъ фалезъ. На самомъ дѣлѣ гранита вовсе нѣтъ, и берегъ, подмываемый безпокойною волной Балтійскаго моря, то и дѣло разрушается, осыпается; съ мостика на пароходѣ ясно было видно, какъ много уже осыпалось этихъ известняковъ, и они, въ видѣ длинныхъ, плоскихъ отмелей и косъ, присыпаны снизу къ отвѣсному, саженъ въ десять вышины, берегу: очень можетъ быть, что Пакерортскому маяку современемъ грозитъ опасность внесѣть на воздухѣ.

Балтійскій Портъ называется также и «апельсиннымъ» портомъ потому, что когда многія гавани побережья въ мартѣ мѣсяцѣ еще скованы льдомъ, тѣ именно злыя волны, которыя собираются сбросить въ море Пакерортскій маякъ, разбиваютъ здѣсь ледъ и даютъ возможность привести въ Петербургъ, по балтійской дорогѣ, ранніе апельсины; желѣзная дорога также слыветъ подъ названіемъ апельсинной. Въ государственномъ отношеніи эта дорога оказала Эстляндской губерніи великую услугу: болѣе чѣмъ что-либо другое способствовала она обрусѣнію лежащихъ по ея направленію мѣстностей и въ особенности Ревеля, что можетъ подтвердить всякій безпристрастный мѣстный старожилъ.

Та же свирѣпость волны, которая обусловила за дорогой и портомъ клички — апельсинные, была причиной того, что цѣлый рядъ царственныхъ попытокъ Петра I, Елисаветы и Екатерины II построить здѣсь гавань, оказался напраснымъ трудомъ: камни сносились, сваи вымывались, дамбы исче-

зали подъ водой; послѣднія изъ работъ, миниховскія, разрушились въ 1767 году окончательно и образуютъ теперь подводный рифъ, простирающійся на полверсты отъ берега. Петръ I задумалъ даже построить здѣсь крѣпость, остатки которой въ тѣхъ широкихъ, могучихъ размѣрахъ, которые придавалъ всему великій Императоръ, еще видны и нынѣ, и по валамъ ея обильно произрастаетъ особый видъ низкорослой, бѣлой гвоздики, у насъ кажется вовсе неизвѣстной и отличающейся чрезвычайно пріятнымъ запахомъ. Въ 1715 году былъ здѣсь Петръ I, въ 1764 году—Екатерина II. До 1762 года Балтійскій Портъ назывался мѣстечкомъ Рогервикъ, съ 1786 сдѣланъ городомъ уѣзднымъ, съ 1844 переименованъ въ заштатный. Въ описываемое время движеніе торговли въ немъ представлялось въ такомъ видѣ: привозилось ежегодно на 1.043.000 рублей, вывозилось на 470.000 рублей; пошлинъ, золотомъ, поступало около 111.000 рублей.

Достопримѣчательностей городъ, конечно, никакихъ не имѣетъ, если не считать непомѣрно широкихъ улицъ, составляющихъ какъ бы продолженіе пустырей его окружающихъ. Въ немъ всего было 933 жителя, что̀ не мѣшало имъ надѣяться и ходатайствовать объ устройствѣ не только коммерческой гавани, но и военной. Замѣтимъ также, что лютеранская церковь города построена, какъ и нѣкоторыя другія лютеранскія церкви прибалтійскихъ губерній, на русскія деньги, повелѣніемъ Императора Николая I, въ 1842 году. Она имѣетъ еще ту особенность, для края очень характерную, что такъ же бѣдна и невзрачна, какъ и церковь православная. Относясь скептически къ возможности и необходимости устройства здѣсь порта, слѣдуетъ сказать, однако, что рейдъ его, будучи далеко не вполнѣ спокойнымъ, тѣмъ не менѣе, имѣетъ ширины три версты, длины десять верстъ и глубины шестнадцать саженъ, при хорошемъ глинистомъ грунтѣ.

Замѣчательно, какъ много въ прибалтійскомъ краѣ вольныхъ пожарныхъ командъ, обученныхъ носить каски, ходить въ ногу, дѣлать построенія, слушать приказанія. Такой городокъ, какъ Балтійскій Портъ, въ которомъ и горѣть-то нечему, а если бы что и загорѣлось, то, при широтѣ улицъ, пожаръ не представлялъ бы опасности,—и тотъ имѣетъ свою пожарную команду со знаменемъ; понятно, что команда эта, назначаемая исключительно на тушеніе пожаровъ, очень полезна, и въ этомъ смыслѣ нельзя не похвалить предусмотрительности мѣстнаго населенія.

Переходъ отсюда въ Гапсаль, отстоящій моремъ на 60 миль, представлялъ особый интересъ въ виду важности ознакомленія съ сѣверными проливами Моонзунда, идущими между островами, настолько же изломанными въ своихъ очертаніяхъ, какъ и характерными по особенностямъ своихъ обитателей. Пароходъ шелъ проливомъ Вормскимъ, и, по мѣрѣ приближенія къ протоку, омывающему западный берегъ Вормса и восточный Даго, все болѣе уменьшалъ ходъ.

Въ полумракѣ ночи глянулъ на совершенно плоскомъ берегу не особенно живописно Гапсаль, и человѣку, незнакомому съ мѣстностью, даже трудно отличить стѣны и башни развалинъ древняго рыцарскаго замка; о немъ со-

хранилось много легендъ, замуровывающихъ въ стѣны его живыхъ женщинъ, клады и т. п.

Въ Гапсалѣ всего 3,000 жителей; но, на лѣтній сезонъ, благодаря значительному притоку гостей на морскія купанья, населеніе это возростаетъ. Въ 1279 году эзельскимъ епископомъ Германомъ основанъ городокъ; позже епископы острова Эзеля переселились сюда совсѣмъ, и такъ какъ представители духовной власти въ тѣ дни жили роскошно и имѣли нѣчто въ родѣ своего двора, то и маленькій Гапсаль изображалъ духовную столицу въ миніатюрѣ. Многіе изъ балтійскихъ городковъ, современныхъ Гапсалю, одновременно съ гибелью ордена, слабѣли, чахли, обращались въ деревеньки или даже исчезали совсѣмъ, несмотря на то, что имѣли всякія права, ратушн и гильдіи. Въ 1343 году, 23-го апрѣля, въ знаменитую Юрьеву ночь возстанія эстовъ, толпы ихъ обложили одновременно съ Ревелемъ и Гапсаль. Магистръ ордена Дрейлевенъ, только-что воевавшій счастливо съ русскими и находившійся въ Изенбургѣ, не замедлилъ явиться со своими всадниками на помощь; послѣ совершенія всевозможныхъ казней и исключительно жестокихъ пытокъ (exquisitis tormentis), нѣмецкій рыцарь въ который уже разъ на долгое время обезлюдилъ окрестную эстонскую землю.

Очень характерно по своей, если можно такъ выразиться, юридической окраскѣ одно изъ нападеній, выдержанныхъ Гапсалемъ «по довѣренности». Это случилось въ 1383 году. Когда неистовства, разбои и прочія качества необузданныхъ рыцарей, вассаловъ эзельскаго епископа, вызвали, наконецъ, съѣздъ въ Вольмарѣ, на которомъ рѣшено установить миръ и покой, главные вожаки рыцарской самодѣятельности, Шаренбекъ и Дитрихъ Икскуль, согласились на это предложеніе и благодарили за него; не успѣли разъѣхаться члены вольмарскаго съѣзда, какъ этотъ самый Икскуль, за себя и «по довѣренности» Шаренбека, съ толпами всякихъ разночинцевъ, напалъ на Гапсаль. Почью по лѣстницамъ влѣзли они въ замокъ, прошли оттуда въ церковь, многихъ убили, другихъ изувѣчили, ограбили церковь и библіотеку и что могли—пожгли. Хроники не говорятъ о томъ, что слѣдовало за этимъ преступленіемъ, но орденскія власти обѣщали крутыя мѣры противъ разбойниковъ, опустошавшихъ край. Исполнить это оказалось, однако, труднѣе, чѣмъ обѣщать, потому что грабительство составляло качество, прирожденное рыцарямъ; почти одновременно съ этимъ событіемъ, епископъ курляндскій Оттонъ самъ являлся чѣмъ-то въ родѣ атамана разбойничьей шайки орденскихъ рыцарей, и ему помогали комтуры, то-есть рыцарскіе военноначальники Гольдингена и Виндавы, и фохтъ замка Кандау, устроивъ сообща систематическій повсемѣстный разбой.

Если характернымъ является нападеніе «по довѣренности», то не менѣе любопытны тѣ способы, какими была окрещена вся близъ лежащая страна. Когда епископъ Альбертъ, въ началѣ XIII вѣка, испуганный тѣмъ, что какіе-то малопзвѣстные тогда варвары, русскіе, взяли одинъ изъ рыцарскихъ замковъ Оденпе, призвалъ на помощь короля датскаго, и онъ дѣйствительно явился и помогъ, тогда началось своеобразное крещеніе страны сразу съ двухъ сторонъ;

Гапсаль. Развалины древняго замка XIII вѣка.

по обезлюдѣвшимъ, погорѣлымъ деревнямъ ходили одновременно нѣмецкіе и датскіе крестители, для того, чтобы захватить себѣ возможно скоро какъ можно бо́льшія области, причемъ датчане разсылали святую воду даже съ лицами недуховнаго званія. Генрихъ Латышъ, древнѣйшій и достовѣрнѣйшій бытописатель тѣхъ временъ (хроника его кончается 1227 годомъ), разсказываетъ смѣшную исторію о томъ, какъ, придя въ одну деревню, собралъ онъ людей и хотѣлъ было окропить ихъ святою водой: «да вѣдь насъ обливали вчера датчане», отвѣтили ему наивные эсты, и Генрихъ не могъ не улыбнуться и ушелъ. Въ другой деревнѣ, войдя въ нее съ одного конца, встрѣтилъ онъ датскаго крестителя, вошедшаго съ другого; встрѣтившись, поглядѣли они другъ на друга и разошлись. Трагикомизмъ этихъ положеній вызываетъ на память другую исторію о томъ, какъ изъ Даніи былъ присланъ сюда, приблизительно въ эти же годы, фальшивый гоголевскій ревизоръ, исполнявшій якобы роль папскаго легата, что̀ въ тѣ времена придавало особую окраску людямъ и дѣяніямъ въ описываемой нами странѣ. Когда въ 1237 году послѣдовало гибельное для края соединеніе ордена меченосцевъ съ орденомъ тевтонскимъ, то папская булла, объявившая объ этомъ, начиналась слѣдующими словами: «Послѣ того, какъ пріятный запахъ нашего сына, великаго магистра, распространенный по странамъ земнымъ» и т. д. Пріятный запахъ этотъ дѣйствительно уже обнималъ въ тѣ дни нашу прибалтійскую окраину, и выраженіемъ этого запаха была другая папская булла 1258 года, дававшая прощеніе всякимъ преступникамъ, одѣвавшимъ рыцарское платье и шедшимъ въ Балтику для проповѣди слова Божія!.. Многознаменательны слова прибалтійскаго историка Рутенберга, гласящія такъ: «Сила, только одна сила рѣшила здѣсь за нѣмцевъ, и они должны были бы хорошо помнить, какимъ путемъ овладѣли ихъ прадѣды страной и какой святой долгъ несутъ они предъ мѣстными народностями».

Гапсаль, подобно другимъ здѣшнимъ городамъ, жилъ орденскою и епископскою жизнью и имѣетъ тоже свою развалину—древній за́мокъ. Онъ долго держался цѣлъ и невредимъ, пережилъ епископовъ и рыцарей, и только буря 1726 года, сорвавъ крышу съ николаевской за́мковой церкви, положила начало его разрушенію. Говорятъ, что подземные ходы подъ нимъ, содержащіе, по народному повѣрью, кладъ, къ отысканію котораго дѣлались попытки еще въ 1843 году, тянутся на пять верстъ, а такъ какъ никакія бури подъ землей не проходятъ, то и стоятъ они цѣлы и невредимы. Лучшая, наиболѣе сохранившаяся часть за́мка — капелла, очень хорошихъ готическихъ очертаній; но, къ несчастію, какъ говорятъ, въ ней хотятъ устроить лютеранскую церковь, что̀, конечно, нарушитъ красивый видъ развалинъ, и объ этомъ жалѣютъ даже сами лютеране. Съ за́мковою капеллою связана легенда о томъ, какъ одинъ отцеубійца, произнося въ церкви ложную присягу въ своей невинности, упалъ мертвымъ, едва переступивъ за двери церкви. Есть хорошенькая легенда объ одной изъ древнихъ осадъ Гапсаля; защитникамъ его на седьмой годъ не хватило припасовъ, а между тѣмъ осаждавшіе послали шпіона справиться именно объ этомъ любопытномъ вопросѣ. Гапсальцы, провѣдавъ о шпіонѣ,

сварили съ остатками хмеля пиво и напоили имъ послѣдняго сохранившагося быка. Пьяный быкъ, обводимый по городу, мычалъ въ разныхъ мѣстахъ, свидѣтельствуя о томъ, будто бы быковъ много, мяса достаточно да еще и пиво варятъ. Осада, говоритъ легенда, была снята.

Въ 1576 году русскіе взяли Гансаль, владѣли имъ до 1581 года, когда сдали городъ на капитуляцію шведамъ; въ 1628 году городъ проданъ былъ шведскою короной дворянину де-ла-Гарди за 66.830 шведскихъ талеровъ, но по смерти его возвращенъ казнѣ. Не продажею и куплею, обычными здѣсь способами, а политый русскою кровью, взятъ онъ въ 1710 году генераломъ Вауэромъ и ништадтскимъ миромъ присоединенъ къ Россіи навсегда.

Согласно нѣкоторымъ источникамъ, подлѣ Гансаля имѣла мѣсто очень характерная собственноручная расправа Петра Великаго. 22-го іюня 1715 года прибылъ онъ на галерахъ въ Гансаль и, осмотрѣвъ городъ, черезъ Линденъ и Падисъ, направился въ Ревель. По пути объявилъ онъ дворянину Рамму, что будетъ обѣдать у него; дворянинъ отвѣтилъ, что не желаетъ этого царскаго посѣщенія; но государь, тѣмъ не менѣе, прибылъ къ нему, собственноручно наказалъ его своею тростью и очень вкусно пообѣдалъ. За ѣдой и питьемъ царь очаровалъ приглашеннаго имъ къ столу наказаннаго хозяина, очаровалъ настолько, что, при прощаніи, Раммъ просилъ подарить ему бывшую его царскую трость. Говорятъ, что вещественный документъ этотъ и до настоящаго времени хранится у его потомковъ. Сохранился также и разсказъ о посѣщеніи царемъ въ эту же поѣздку мѣстечка Линденъ, принадлежавшаго вдовѣ барона Унгернъ-Штернберга, служившаго когда-то въ шведскихъ войскахъ. Молодая вдова, осчастливленная посѣщеніемъ, то и дѣло прятала портреты Карла XII и его монограммы, находившіеся въ дому на разныхъ мѣстахъ и предметахъ. Петръ I самъ отыскалъ одинъ изъ портретовъ за печкой, взялъ его въ руки, любовался и проговорилъ: «здорово, братецъ Карлъ! теперь вмурили за печку тебя, но достаточно будетъ, можетъ-быть, одного сраженія, чтобы отправить и меня за тобою туда же!» Вдова была глубоко опечалена этимъ случаемъ. Царь думалъ было сосватать ее за Ягужинскаго; но сердце ея принадлежало уже барону Розену, и она вышла за него. При отъѣздѣ отсюда, царя Петра чуть-чуть не понесли лошади, которыя, къ слову сказать, здѣсь очень хороши и тогда, какъ и нынѣ, отличались чрезвычайною рѣзвостью.

Русскій храмъ въ Гансалѣ не великъ, но вполнѣ благообразенъ; при незначительной вышинѣ подъ цилиндрическимъ сводомъ, онъ продолговатъ по плану, имѣетъ недурный, въ римскомъ стилѣ, золоченый иконостасъ и красивую люстру.

Изъ всѣхъ морскихъ купаній балтійскаго побережья Гансаль теплѣе другихъ, что̀ не мѣшаетъ ему, расположенному на мѣстности совершенно ровной, каменистой, частью болотистой, поросшей мелкимъ кустарникомъ и сосною, быть совершенно открытымъ сѣверо-западнымъ вѣтрамъ; климатическія условія его не дурны, но прогулокъ мало, садовъ нѣтъ, а имѣются «променады». Повидимому, задуманы нѣкоторыя приспособленія, чтобы воспользоваться развалинами за́мка и устроить здѣсь центральное гульбище; можно только пожелать исполненія этого.

Перновъ.

Общій видъ города. Исторія вражды Стараго и Новаго Пернова. Нынѣшнее значеніе магистратовъ и гильдій. Граница между эстами и латышами; возможность раздѣленія епархіи.

Къ десятомъ часу утра, 15-го іюня, пароходъ бросилъ якорь въ 4½ миляхъ отъ Пернова и путники пересѣли на паровую шхуну. На мостикѣ шхуны появился человѣкъ, во фракѣ и цилиндрѣ, съ бѣлымъ знакомъ на немъ — P. L., что означаетъ Pilot, Lothse, лоцманъ. Это былъ одинъ изъ представителей лоцманскихъ обществъ, имѣющихся, къ счастію, на всемъ балтійскомъ побережьѣ, весьма своенравномъ не только въ смыслѣ атмосферическихъ явленій, но и по характеру дна моря: много новыхъ вешекъ ставится и понынѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ неожиданно застряло то или другое судно. День былъ очень хорошъ, море спокойно; шхуна быстро подвигалась къ городку, лежащему на плоскомъ, песчаномъ берегу, и скоро вошла въ довольно узкій проходъ, тянущійся между двухъ низкихъ каменныхъ мололъ. Поверхъ множества крутыхъ, старообразныхъ, черепичныхъ крышъ городка, продвигались въ воздухѣ шпили двухъ церквей; много мельницъ виднѣлось по сторонамъ, много зелени; въ одномъ мѣстѣ обозначались лѣса новой постройки лютеранской церкви, сваленной, кажется, въ 1883 году, октябрьскою молніей. Вправо виднѣлась спасательная станція, по сторонамъ пароходы, яллки, черпальная машина, всѣ разукрашенные флагами; слышалась иногда, покрывавшая клики народа, пальба изъ какихъ-то хлопушекъ, напоминавшая отчасти выстрѣлы изъ небольшой пушки. На возвышеніи подымалась лоцманская станція, находящаяся въ связи со всѣми остальными, имѣвшая, какъ сообщали мѣстные жители, свѣдѣніе, что въ настоящую минуту у береговъ Норвегіи хозяйничаютъ штормы; это открывало непріятную перспективу. Мѣстная православная церковь невелика, крыта небольшимъ куполомъ, подъ которымъ, непонятно для чего, положена стеклянная рама; иконостасъ углубленною аркою покоится на небольшихъ витыхъ колонкахъ; высоко

надъ нимъ поднимается рельефное распятіе, составляющее, вѣроятно, часть висящаго за нимъ образа, изображающаго, такъ надо думать, хотя разобрать трудно, скалистыя окрестности Іерусалима, съ солнцемъ и луной наверху; въ приходѣ числилось около 2.500 человѣкъ.

Городокъ Перновъ очень опрятенъ и вымощенъ; въ немъ около 12,000 жителей; главный предметъ экспорта ленъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ оборотъ достигалъ 10 милліоновъ рублей, теперь онъ не превышаетъ 4½.

Подобно тому, какъ въ прибалтійскомъ краѣ имѣется своя «лифляндская Швейцарія», такъ въ Перновѣ существуетъ своя «лифляндская Помпея». Это старый, не существующій нынѣ, Перновъ, лежащій своими основаніями въ пескахъ побережья,—городъ, приблизительное мѣстонахожденіе и очертаніе котораго извѣстны, но слѣда ихъ нѣтъ. На поверхности земли, съ моря видѣнъ только Новый Перновъ, тотъ, который не далъ жить старому, лежащему подъ песками. Старый Перновъ былъ также однимъ изъ членовъ Ганзы и велъ въ древности значительную торговлю съ Россіей черезъ Юрьевъ. Лучшимъ его временемъ было то, которое предшествовало ливонской войнѣ.

Вражда этихъ двухъ городковъ составляетъ одну изъ типичныхъ страничекъ здѣшней средневѣковой жизни, когда сословія, касты, гильдіи и цехи, во взаимной враждѣ, служили такимъ отличнымъ доказательствомъ не существовавшей еще въ тѣ дни пресловутой теоріи борьбы за существованіе. Новый Перновъ восторжествовалъ, Старый покоится въ пескахъ.

Въ 1234 году епископъ эзельскій избралъ мѣсто Стараго Пернова для постройки церкви; по мѣрѣ постройки селились подлѣ нея и люди, и, вѣроятно, такъ, по словамъ Русвурма, возникъ Старый Перновъ. Въ 1251 году церковь его сдѣлана соборною, и до насъ дошелъ любопытный документъ о порядкахъ, которымъ должны были подчиняться причтъ и клиръ. Изъ числа 300 гакеновъ земли, назначенной собору, 42 шли пробсту, 32 декану, 30 схоластику, 10 звонарямъ, 6 на свѣчи, книги и масло. Всѣ домгерры, числомъ 12, должны были спать въ общей спальнѣ и ложиться одновременно, безъ шума и упрямства, безъ «insolentia et strepitu», а кто не ночевалъ дома, тотъ привлекался къ отвѣту, причемъ прочитывалъ пятьдесятъ молитвъ и двигалъ по пятидесяти шариковъ четокъ.

Въ 1263 году пришедшіе сюда литовцы сожгли старый городъ и церковь; въ 1533 году епископъ Буксгевденъ, въ войнѣ со своимъ анти-епископомъ Вильгельмомъ, снова сжегъ отстроившійся заново городъ и выкинулъ изъ церковнаго склепа останки перваго епископа эзельскаго, Германа; въ 1576 году церковь сожжена русскими.

До насъ дошли любопытные документы, такъ называемые «Burspraken», то-есть «Bürgersprachen», civiloquia, — бюргерскія права, ежегодно измѣнявшіяся; ихъ четыре раза въ годъ всенародно прочитывали, чтобы бюргеры могли вполнѣ хорошо знать ихъ. Такіе документы сохранились въ Ревелѣ, Ригѣ и Новомъ Перновѣ. Въ нихъ характерны нѣсколько параграфовъ, направленныхъ противъ эстовъ и вообще противъ всѣхъ не-нѣмцевъ. Не только при покупкѣ хлѣба нѣмцамъ предоставлялось первенство, но всѣмъ не-нѣмцамъ

не полагалось даже какихъ-либо орудій для взвѣшиванія и мѣры. Не менѣе ревниво относились старо-перновцы, соединившіеся съ 1456 года въ гильдію, къ торговлѣ иностранцевъ: ни одинъ иностранецъ не смѣлъ жить здѣсь, не сдѣлавшись бюргеромъ; но главныя усилія ихъ были направлены противъ возникавшаго рядомъ Новаго Пернова.

Запрещено было, напримѣръ, кому бы то ни было покупать въ Новомъ Перновѣ продукты и товары съ тѣмъ, чтобы перепродавать ихъ въ Старомъ. Непримиримыми врагами стояли одинъ противъ другого оба города. Въ 1568 году, король польскій, вѣроятно вслѣдствіе особаго ходатайства ново-перновцевъ, велѣлъ снести Старый Перновъ и далъ имъ привилегію слѣдить за тѣмъ, чтобы на мѣстѣ сносимаго города никто наново не строился. Не могло быть сомнѣнія въ зоркости, съ какою слѣдили за этимъ торжествовавшіе ново-перновцы; тѣмъ не менѣе, старое, насиженное мѣсто никакъ не хотѣло умирать, потому что уже въ 1599 году Новый Перновъ просилъ польскихъ комиссаровъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, чтобы срыть старый городъ. И на этотъ разъ исполненіе ходатайства фактически не удалось, такъ что при перемѣнѣ властителя, при Густавѣ Адольфѣ шведскомъ, ходатайство было возобновлено и послѣдовало сходное съ прежними королевское подтвержденіе о томъ, чтобы не смѣли строиться на старомъ мѣстѣ, чтобы разрушенной церкви не возобновлять, «дабы не было предосужденія Новому Перкову». Остатки церкви снесены окончательно въ 1660 году, и вражда, длившаяся не одно столѣтіе, погасла за насильственною смертью одной изъ сторонъ. Старый городъ и даже имя его исчезли почти безслѣдно; онъ находился противъ нынѣшняго Пернова, подлѣ рѣчки Заукъ, или Перона. Остались отъ него, точно въ насмѣшку, всего только двѣ печати: старая 1427 года, съ изображеніемъ полуепископа и полуорла, и новая, 1445 года, съ рукой, держащею крестъ подлѣ ключа. Единственный подлинный документъ, дошедшій до насъ отъ Стараго Пернова,—такъ чисто стерто съ лица земли его бытіе,—это отношеніе его магистрата къ магистрату ревельскому отъ 12-го января 1427 года, съ просьбою объ оказаніи защиты нѣкоему Гансу Омунду. Самое названіе, Перновъ, перешло къ нынѣшнему городу отъ Стараго Пернова, потому что первоначальное названіе Новаго Пернова было *Эмбеке*. Не одни эсты, слѣдовательно, склонили свои головы: тутъ не давали пощады никому.

Издавна существовали въ прибалтійскомъ краѣ гильдіи и цехи; уставы ихъ, или шраги, имѣются, напримѣръ, въ Ригѣ съ XIV вѣка. Хотя многое прекратилось, и городовое положеніе 26-го марта 1877 года достаточно основательно коснулось вопроса, но въ общихъ чертахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ все-таки существуютъ три городскія сословія: магистратъ, какъ высшее городское управленіе, и двѣ гильдіи. Въ болѣе мелкихъ городахъ граждане дѣлятся на купцовъ и мѣщанъ, а въ самыхъ маленькихъ дѣленія не существуетъ вовсе. Магистраты и гильдіи составляютъ и донынѣ то, что называется «гражданствомъ», какъ нѣчто противополагаемое «городскому обществу». Чтобы стать бюргеромъ, нужно согласіе гильдій и магистрата, и поступающимъ приносится присяга «на послушаніе благородному магистрату», или въ малыхъ

городахъ—фохтейскому суду. Совершенно явственная несогласованность между думой и магистратомъ бросается въ глаза. Магистратъ въ настоящее время, не органъ городского управленія, не представитель городского общества, а Богъ знаетъ что; онъ представляетъ изъ себя, отчасти, судебное и полицейское мѣсто, съ участіемъ въ церковномъ управленіи, въ надзорѣ за гильдіями, въ завѣдываніи за благотворительными учрежденіями и капиталами; но все это—обязанности, которыя повсюду въ Россіи распредѣлены между особыми, точно обозначенными органами.

Въ началѣ пятаго часа путешественники направились изъ Пернова въ Аренсбургъ, лежащій на островѣ Эзелѣ. Вѣтеръ замѣтно крѣпчалъ, такъ что можно было опасаться, что свѣдѣнія лоцманской станціи о норвежскихъ штормахъ могутъ, пожалуй, найти неожиданное подтвержденіе, хотя небо было ясно и бѣлыя, перистыя облака поддерживали надежду на хорошее. Впрочемъ, здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, вѣтеръ такъ перемѣнчивъ, что, за нѣсколько дней, обѣжалъ онъ всю звѣзду вѣтровъ, со всѣми ея подраздѣленіями. Покидая Перновъ, нельзя было не вспомнить о томъ, что немного южнѣе отсюда выходитъ къ морю та пограничная черта между эстами и латышами, которая дѣлитъ всѣ три прибалтійскія губерніи на двѣ, приблизительно равныя, части. Послѣ посѣщенія острова Эзеля, населеннаго исключительно эстонцами, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ путешествія опять возвратиться къ нимъ, путешественники направлялись теперь посѣтить латышскую половину края. Существуетъ, говорятъ, предположеніе, въ случаѣ развитія движенія къ православію, вмѣсто одной рижской православной епархіи образовать двѣ: сѣверную—или эстонскую и южную—или латышскую. Именно объ этомъ, если не ошибаемся, ходатайствовали мѣстные крестьяне еще въ минувшее царствованіе, и нельзя сказать, чтобы и съ точки зрѣнія государственной подобное измѣненіе не имѣло своихъ очень хорошихъ, вѣрныхъ сторонъ.

Аренсбургъ.

Островъ Эзель. Достопримѣчательности города. Риттергаузъ. Нѣчто объ островахъ. Исторія, легенды, геологія. Замокъ. Крестьянскія горы. Замѣчательныя женскія одѣянія. Пѣсни эстовъ. Легенды о лѣпивомъ Яковѣ и Вифлеемской звѣздѣ. Грязелѣчебныя заведенія.

Довольно яснымъ утромъ, 17-го іюня, съ парохода, сдѣлавшаго отъ Пернова тридцать миль и бросившаго якорь въ пяти миляхъ отъ Аренсбурга, видны были на плоскомъ, низкомъ берегу чуть-чуть поднимавшіяся розовою полоской надъ синимъ моремъ очертанія города. Огромный островъ Эзель, на которомъ имѣется около 60.000 жителей, насколько могъ видѣть глазъ, насколько уясняла подзорная труба, лежалъ плоскимъ, лѣсистымъ пространствомъ, надъ которымъ не обозначалось ни одного холмика; ближе другихъ виднѣлась пристань Лоде, къ которой пристаютъ пассажирскіе пароходы; надъ самымъ городомъ не замѣчалось ни одного высокаго церковнаго шпиля, не замѣтенъ былъ и историческій замокъ; городокъ словно притаился и не дерзалъ выглянуть изъ волны морской. Все это—и замокъ, и шпили церковные—выясняется только при приближеніи къ городу.

Аренсбургъ такъ невеликъ, что переѣзды по городу, всѣ рѣшительно, очень коротки. Къ достопримѣчательностямъ его относится риттергаузъ, главный залъ котораго очень невеликъ, небогатъ, но украшенъ гербами мѣстнаго, эзельскаго дворянства, матрикулованныхъ родовъ его, числомъ около 56. Въ одной изъ комнатъ имѣется портретъ ландмаршала Буксгевдена. Заслуживаютъ также вниманіе пріѣзжаго древній епископскій замокъ и грязелѣчебныя заведенія. Перечень нѣкоторыхъ геологическихъ и историческихъ данныхъ объ островѣ Эзелѣ и Аренсбургѣ будетъ здѣсь у мѣста.

Острова Даго, Эзель и Моонъ, несомнѣнно, поднялись со дна моря, доказательствомъ чего служатъ мелкіе зоофиты и кораллы, встрѣчающіеся на ихъ поверхности; поднятіе острововъ продолжается и теперь; это подтверждается тѣмъ, что землевладѣніе по берегу моря, какъ на островахъ, такъ и на материкѣ, на памяти старожиловъ много увеличилось, потому что море отступило. Даго и до-сегодня островъ; но останется ли онъ таковымъ въ будущемъ,

Общій видъ города Аренсбурга на островѣ Эзелѣ. Замковая улица.

Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

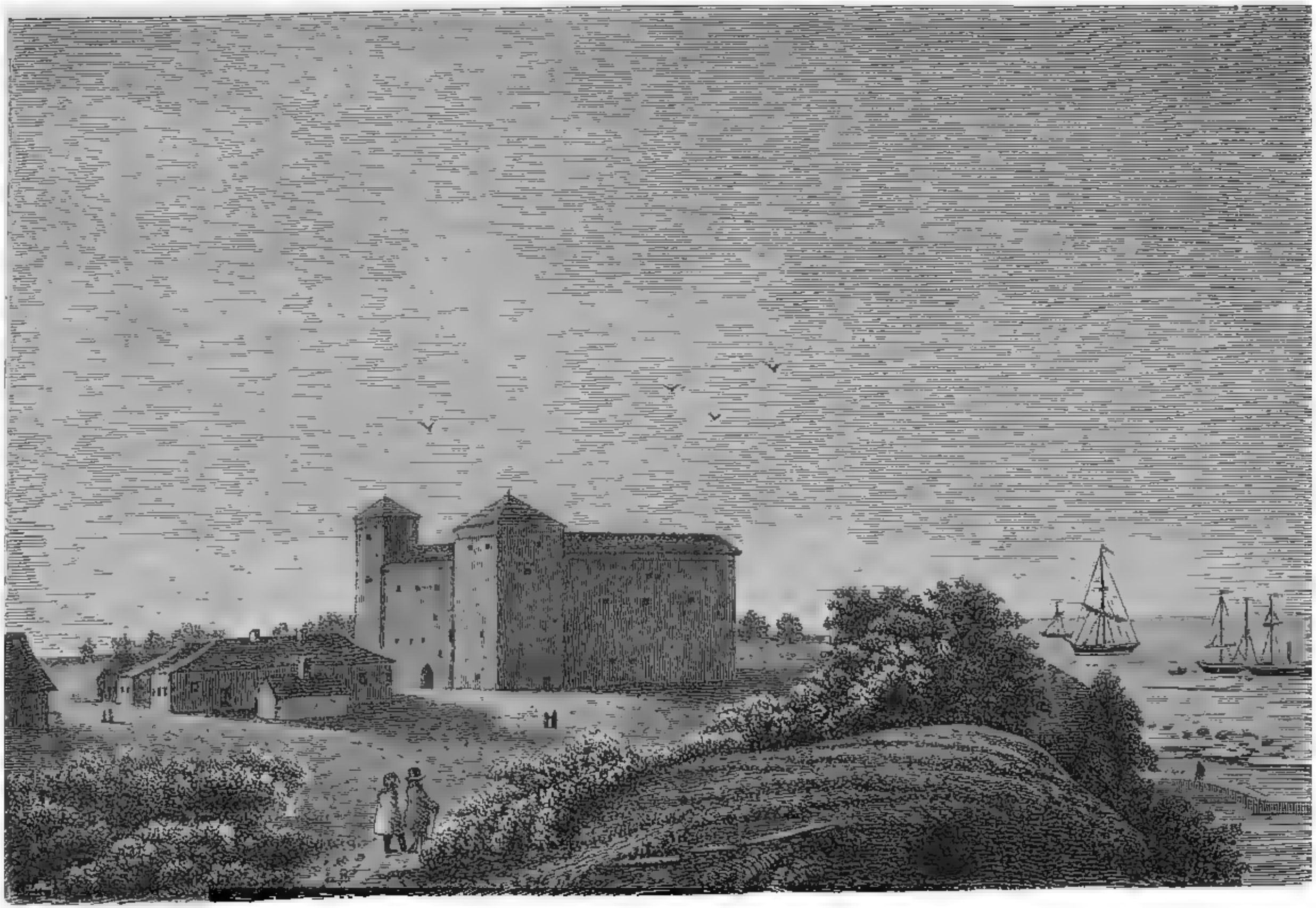
то-есть не сольется ли онъ съ материкомъ,—неизвѣстно; «Дагъ» значитъ утро, «о» значитъ островъ, то-есть утренній островъ, если смотрѣть на него отъ Гапсаля; но тамъ же существовалъ и другой островъ «Нуко»—названіе, означающее ночной островъ,—«нукъ» ночь; въ настоящее время это уже полуостровъ, часть материка, и названіе его не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Слѣдомъ древнихъ геологическихъ переворотовъ является на Эзелѣ погасшій кратеръ на Гуте-Сали, въ восемнадцати верстахъ отъ Аренсбурга, въ имѣніи, принадлежавшемъ когда-то профессору живописи Моллеру, извѣстному автору картины, повторенной въ огромномъ числѣ копій, «Поцѣлуй». Къ числу ископаемыхъ Эзеля, интересующихъ геологовъ, нужно отнести нѣкоторыхъ рыбъ. Отсюда, съ Эзеля, вывозятъ много песчаника, служащаго для колоннъ, памятниковъ, вазъ и проч., красующихся въ Ригѣ, а по западной и южной окраинамъ острова находятъ еще и теперь янтарь, за которымъ ѣздили сюда въ глубокой древности финикіяне. Этимъ открывается длиннѣйшая вереница всякихъ историческихъ соображеній. На островѣ Эзелѣ имѣли мѣстопребываніе тѣ—не то миѳическіе, не то историческіе—морскіе разбойники, которые, по завѣреніямъ хроникъ, въ 1211 году, пройдя на 300 судахъ до Трейдера по рѣкѣ Ла, лишились всѣхъ судовъ, а уже въ 1215 году, съ 200-ми новыхъ судовъ, заперли въ одной изъ сѣверныхъ гаваней рижскаго епископа на его пути въ Германію. Въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ сдѣлали они семнадцать воинственныхъ нападеній и сами выдержали три. Въ 1227 году покоряютъ островъ нѣмцы, орденъ ставитъ въ Пеуде замокъ, образуетъ эзельское епископство съ резиденціей въ Гапсалѣ. 1343-й годъ—годъ знаменитаго возстанія эстовъ, обложившихъ Ревель и Гапсаль, не прошелъ даромъ и здѣсь: эзельцы, то-есть эсты, взяли замокъ Пеуде и, обѣщавъ рыцарямъ свободный выходъ, тѣмъ не менѣе, всѣхъ ихъ перебили. Гапсаль и Ревель освобождены орденскими войсками, имѣвшими цѣлью усмирить и Эзель, но тонкость льда тою зимой помѣшала ихъ переходу. На слѣдующую зиму ледъ былъ, къ несчастію, толстъ, и наступила кровавая расправа. Рыцари взяли замокъ Каррисъ, въ которомъ укрѣпились эсты, полонили ихъ князька Вессе, изрубили девять тысячъ человѣкъ и заставили побѣжденныхъ выстроить, имъ же на страхъ, замки аренсбургскій и зюнебургскій; имя послѣдняго означаетъ «замокъ искупленія». Эзельскіе епископы имѣли столицами своими Аренсбургъ и Гапсаль попеременно, и всѣхъ епископовъ было двадцать шесть. Со времени послѣдней расправы, островъ опустѣлъ надолго. Съ 1543 года епископства курляндское и эзельское соединены воедино, а въ 1559 году оба они проданы орденомъ за тридцать тысячъ талеровъ датскому королю Фридриху II; это опять образчикъ купли и продажи, являющейся здѣсь, о чемъ уже упоминалось и раньше, довольно обыкновенною историческою сдѣлкою. Съ 1645 по 1710 годъ островомъ владѣютъ шведы; затѣмъ пришли сюда «казаки», и островъ и крѣпость уступлены русскимъ. Въ 1804 году посѣщенъ Аренсбургъ Императоромъ Александромъ I.

Крѣпость, упраздненная въ 1836 году, построена королевою Христиной въ 1645 году. Замокъ относится къ числу лучшихъ изъ сохранившихся въ балтійскомъ краѣ и напоминаетъ одинъ изъ послѣднихъ актовъ самозащиты

эзельцевъ. Изъ главныхъ его помѣщеній очень хорошо сохранилась капелла со стрѣльчатыми сводами на пяти столбахъ; ребра сводовъ обозначены крупными пажилинами; передняя часть капеллы вдвое выше задней, въ которой имѣется старый каминъ. Подлѣ капеллы хорошо сохранилась часть крестнаго хода, Kreuzgang. Башня массивная, четырехугольная, какъ въ Выборгѣ и Гапсалѣ, и вовсе не походитъ на тѣхъ стройныхъ сестрицъ своихъ, которыя торчатъ еще повсюду на берегахъ Рейна. Аренсбургскій замокъ, какъ и большинство замковъ, имѣетъ за собой цѣлый рядъ легендъ. Сообщаютъ, что въ стѣнахъ его найденъ замурованный рыцарь, понесшій эту кару за склонность къ возникавшему лютеранству; вѣрно то, что въ 1785 году отыскана въ одной изъ стѣнъ сидѣвшая на креслѣ, одѣтая фигура рыцаря, вѣроятно, посаженная такимъ образомъ уже послѣ смерти. Другими историческими памятниками острова Эзеля являются такъ называемыя «крестьянскія горы» (Bauerberg), имѣющія нѣкоторое сходство, по своему происхожденію, съ вологодскими чудскими могилами. По кругу или овалу, до тридцати трехъ футовъ вышины, окопанные рвами, замѣтны и теперь полуразрушенные валы; въ серединѣ обозначаются мѣста старыхъ колодцевъ. Такихъ «крестьянскихъ горъ» на Эзелѣ шесть, самая большая у Кергеля—525 футовъ длины и 350 ширины. Въ эти земляныя укрѣпленія, такъ слѣдуетъ думать, укрывали эзельцы на время войны своихъ женъ, дѣтей и имущества и тутъ же сами погибали.

Въ настоящее время на Эзелѣ одиннадцать лютеранскихъ приходовъ, съ 35.000 народа, и столько же православныхъ съ 16.240 чел. Зимнее сообщеніе съ материкомъ производится по льду, до острова Мона три версты, а отъ Мона до материка десять верстъ. Вѣроятно, благодаря отрѣзанности отъ материка, на Эзелѣ особенно хорошо сохранились типичные мѣстные наряды, отличающіеся чуть ли не въ каждомъ приходѣ; преимущественно останавливали на себѣ вниманіе замѣчательные образцы женскихъ одѣяній и, въ особенности, головныхъ уборовъ. Между ними не могли не бросаться въ глаза два: одного изъ приходовъ острова Мона, настоящая католическая епископская шапка, обшитая стеклярусомъ разныхъ цвѣтовъ, и прихода Шворбе—съ угловатымъ краснымъ днищемъ и двумя черными, крѣпкими рогами, носимыми съ боковъ или такъ, что одинъ приходится на лбу, а другой на затылкѣ. Бо́льшей самобытности женскихъ шапокъ, чѣмъ здѣсь, трудно найти во всей Европѣ. Множество эстонскихъ легендъ имѣютъ мѣстомъ дѣйствія именно Эзель; множество пѣсень народныхъ тоже; однимъ изъ главныхъ языческихъ боговъ является Толлъ. Предразсудки и всякія причитанія держатся здѣсь не менѣе стойко, чѣмъ одѣяніе; сообщаютъ о двухъ выдающихся способностяхъ эстовъ: одна—это умѣнье подражать, актерствовать; другая—это ловкость, отличающая нашихъ поволжскихъ кустарей дѣлать всякія замысловатыя работы какимъ-либо первобытнымъ инструментомъ. Эзельскіе православные эстонцы отличаются твердостью въ своей вѣрѣ.

Легенды и пѣсни эстовъ не лишены значительной своеобразности; въ нихъ—что очень характерно—много юмора, и, какъ прямой слѣдъ геологическаго характера страны, обильно снабженной валунами, камни играютъ въ нихъ зна-



Епископскій замокъ въ городѣ Аренсбургѣ, на островѣ Эзелѣ.

Съ фотогр. грав. М. Ратовскій.

чительную роль; христіанство и язычество смѣшаны иногда очень своеобразно. Такъ, напримѣръ, говоритъ одна изъ легендъ, когда Богъ-Отецъ пожелалъ создать на Эзелѣ, въ Каррисѣ, церковь, то и Богъ-Сынъ, не спросивъ позволенія, построилъ другую въ Кармелѣ; Богъ-Отецъ разгнѣвался и, поднявъ небесный молотъ, готовился раздробить послѣднюю, но Божественный Сынъ сохранилъ церковь отъ погибели тѣмъ, что воздвигъ наружные контрфорсы; Святой Духъ, по той же легендѣ, построилъ себѣ церковь въ Пигѣ. Другая легенда сообщаетъ о томъ, что зданіе церкви въ Рателѣ построено во времена язычества гигантскою дѣвицей, но обращено въ церковь впослѣдствіи. Есть очень нравственныя легенды, напримѣръ, о Бюсби, на островѣ Вормсѣ; тутъ кутили и весело жили и поживали пятнадцать паръ, безъ благословенія на бракъ; на одинъ изъ пировъ явился таинственный волынщикъ, и подъ его веселую музыку всѣ пирующіе пошли плясомъ въ море и потонули.

Значительный циклъ легендъ имѣетъ чисто историческую подкладку и касается той или другой личности. Такъ, сохранился въ нихъ слѣдъ объ одномъ изъ шведскихъ полководцевъ, Яковѣ де-ла-Гарди—«лѣнивомъ Яковѣ», лѣнивомъ настолько, что онъ, даже при приближеніи непріятеля, сидя въ банѣ, лѣниво одѣвался. Однажды, когда не хватило ему войскъ для сраженія, вступилъ онъ въ сдѣлку съ дьяволомъ, и когда тотъ, въ назначенный срокъ, пришелъ за его душой, Яковъ, лежавшій въ кровати, попросилъ согласія сатаны на то, чтобы дать ему время вполнѣ одѣться; согласіе было дано, но зато де-ла-Гарди никогда вполнѣ одѣтъ не былъ и ему вѣчно не доставало чего-нибудь въ одѣяніи для того, чтобы не отдаться въ руки дьяволу. Характеренъ во многихъ отношеніяхъ разсказъ о рыцарскомъ родѣ Штернберговъ. Когда короли шли на поклоненіе въ Виолеемъ, Богородица милостиво приняла ихъ и сказала одному изъ нихъ, колѣнопреклоненному: «Levez-vous, mon cousin»; отъ этого-то, юнѣйшаго изъ королей, происходитъ родъ графовъ Штернберговъ, имѣющихъ въ своемъ гербѣ Виолеемскую звѣзду надъ горой. Въ другой легендѣ о крестьянинѣ съ вышибленными зубами сказано, что зубовъ этихъ онъ лишился, когда посѣтилъ на Блоксбергѣ шабашъ колдуновъ и вѣдьмъ и видѣлъ между ними много нѣмцевъ, для которыхъ, въ особыхъ котлахъ, варилось что-то особое; онъ взглянулъ въ котелъ, и зубы его были вышиблены.

Городокъ Аренсбургъ очень миловидный и опрятный, имѣющій около трехъ тысячъ жителей, пользуется извѣстностью своего цѣлебнаго ила, привлекающаго довольно много больныхъ даже изъ Петербурга. Собственно лѣченіе иломъ началось здѣсь съ 1826 года, слѣдовательно, польза лѣченія должна быть ощутительная, если больные, въ теченіе семидесяти лѣтъ, ѣздятъ туда. Въ настоящее время здѣсь три илолѣчебныя заведенія; всѣ зданія деревянныя, равно какъ и ванны, назначенныя для больныхъ. Въ одномъ изъ заведеній виситъ отлично сохранившійся, найденный на Эзелѣ, древній мечъ совершенно невѣроятныхъ размѣровъ—болѣе двухъ аршинъ длины; если дѣйствительно живали люди, сражавшіеся подобными мечами, то это несомнѣнные потомки тѣхъ великановъ, которыми изобилуютъ мѣстныя легенды.

Виндава.

Островъ Руно. Видъ на Виндаву. Неудобство балтійскихъ гаваней. Молы. Православная церковь. Ознакомленіе съ рѣкою Виндавою. О возможности значенія Виндавы, какъ порта, по сравненію съ Либавою. Мнѣнія нашихъ министерствъ. Цифровыя данныя.

На пути отъ Аренсбурга къ Виндавѣ, ночь на 18-е іюня, была безпокойна, хотя вѣтеръ и не достигалъ той силы, которой можно было опасаться, какъ по свѣдѣніямъ отъ лоцмановъ, такъ и по состоянію барометра. Судно быстро удалялось отъ группы острововъ, могущихъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, играть значительную роль въ военномъ отношеніи,—острововъ, полныхъ патріархальныхъ особенностей. Вѣво, въ полномъ одиночествѣ среди Рижскаго залива, лежалъ, гдѣ-то недалеко, маленькій островокъ Руно, съ тридцатью дворами, населенный всего 350 шведами, потомками первыхъ поселенцевъ; здѣсь, въ одномъ и томъ же домѣ, живутъ по двѣ и по три семьи, браки заключаются только между собою, а главное и исключительное занятіе—бой тюленей; сообщеніе съ материкомъ, лѣтомъ трудное всегда, зимою совершенно прекращается на цѣлыхъ полгода; при подобныхъ условіяхъ не мудрено, что на этомъ островѣ сохранились, во множествѣ, обычаи удивительные. Весело, должно быть, жить тамъ нашему отставному моряку, смотрителю маяка. Этотъ островокъ, какъ говорятъ шутливо нѣмцы—«Freistaat en miniature».

Въ пятомъ часу утра пароходъ держалъ курсъ на Виндаву, и скоро можно было отличить на горизонтѣ нашу практическую эскадру. За ночь, отъ Аренсбурга до Виндавы, сдѣлано 65 миль; осталось еще 60 до Либавы, для того, чтобы проститься съ Балтійскимъ моремъ, къ великому удовольствію путешественниковъ, потому что продолженіе знакомства съ нимъ представлялось не особенно пріятнымъ. Множество чаекъ носилось надъ судномъ и подлѣ него и, какъ бы ложась распластанными крыльями на вѣтеръ, не двигая ими, скользили онѣ словно съ горъ до самой волны, съ тѣмъ, чтобы подняться вверхъ и продѣлать опять то же самое.

Виндава съ моря представляется гораздо лучше, чѣмъ Гапсаль и Аренс-

бургъ: берегъ возвышенѣе, отчасти волнистъ, покрытъ зеленью: выше другихъ поднималась лоцманская башня надъ старымъ замкомъ, служащимъ ей основаніемъ; влѣво обозначался шпиль лютеранской церкви, вправо—темный профиль старой мельницы. Пароходъ, чтобы подойти къ берегу возможно ближе и тѣмъ сократить переѣздъ на катерѣ, шелъ самымъ тихимъ ходомъ, и лотовый, то и дѣло забрасывая лоть, монотонно выкрикивалъ: «семь, семь съ половиной, восемь, семь»! и т. д. Когда отдали якорь, путешественники пересѣли на катеръ, и, буксируемые городскимъ пароходомъ, направились къ гавани. Эта пересадка была одною изъ самыхъ трудныхъ, такъ какъ зыбь ходила могучая и требовала большихъ усилій, чтобы катеръ, подтянутый къ трапу, не поломалъ борта. Волны были такъ велики и продолговаты, что длинный катеръ то уходилъ въ воронку между волнъ, то перекачивался на гребнѣ волны, обнажая попеременно носъ и корму.

Освѣщеніе моря было эффектно и подвижно: иногда проглядывало солнце, иногда вдругъ значительно темнѣло, и сбитыя съ толку облака не знали, гдѣ и какъ имъ размѣститься. Въ довершеніе, на полъ-пути къ берегу, разразился ливень, до такой степени сильный, что на короткое время скрылись изъ виду какъ темныя очертанія парохода, такъ и свѣтлая Виндава съ ея лоцманскою башней. Громаднымъ столбомъ, шедшимъ по морю, обозначился этотъ ливень, когда онъ миновалъ и потянулъ моремъ дальше; можно было бы обрисовать по водѣ основаніе этого летучаго столба—такъ рѣзко обозначались его границы. Непосредственно вслѣдъ за нимъ, когда катеръ подходилъ ко входу въ гавань, глянуло солнце. Картинка была очень красива: по продолженію двухъ невысокихъ, выдвигавшихся въ море, молоъ, вытянуты были въ рядъ рыбачьи лодки, разукрашенныя березками, и весело качались на якоряхъ. Чуднымъ синезеленымъ цвѣтомъ горѣло море, отъ волнъ котораго катеръ уходилъ; надъ бѣлыми зайчиками волнъ вдали поднимались, одинъ черезъ другого, два военныхъ судна, а еще далѣе на горизонтѣ обозначалась, образуя задній планъ, практическая эскадра. Рѣка Виндава по берегамъ своимъ пестрѣла народомъ: справа обозначился на спасательной станціи типичный красный крестъ, а на лоцманской башнѣ, какъ она ни толста, оказался наверху широкій зеленый вѣнокъ, изъ котораго, точно днище колоссальной шапки, выдвигался шпиль. Почти вплотную тянулись вдоль обоихъ береговъ сохнувшія рыбачьи сѣти, и виднѣлись такъ называемые «ковши», искусственные бассейники, всего въ нѣсколько саженъ, въ которые прячутся рыбачьи лодки, когда, что нерѣдко, рѣка Виндава волнуется съ моря.

Положеніе Виндавы, какъ оно создано природой, и во вниманіе къ тому, что можетъ быть тутъ сдѣлано искусствомъ, во вниманіе къ политическимъ и торговымъ интересамъ Россіи, давно уже, по той или другой причинѣ, подвергалось обсужденію. Въ настоящее время Виндава небольшой городокъ съ 6.000 жителей, расположенный отъ ближайшей желѣзной дороги въ 140 верстахъ, и поэтому на зиму обмирающій. При герцогѣ Іаковѣ († въ 1681 году) въ немъ было до 30.000 жителей, и герцогъ, занимавшійся даже колоніальною политикой,—ему принадлежалъ островъ Табаго,—сдѣлалъ изъ Виндавы военный

портъ, въ которомъ содержалъ свой флотъ. Сущность всѣхъ достоинствъ Виндавы въ томъ, что портъ ея замерзаетъ не долѣе какъ на три недѣли и что отъ него, въ глубь страны, водный путь открытъ рѣкою Виндавой на протяженіи двадцати верстъ отъ устья, потому что въ ней свыше двадцати футовъ глубины, если не считать трехъ небольшихъ перекатовъ.

Еще во времена Императора Александра I возникъ проектъ канала между рѣкою Виндавой и Дубиссой, и начаты работы; путемъ этого канала суда изъ рѣки Нѣмана могли бы направляться, обходя Пруссію, прямо въ русскій портъ; но политическія обстоятельства тѣхъ дней пріостановили работы, и самый вопросъ заглохъ. Цѣль работъ предвидѣлась чисто коммерческая. Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, и о Виндавѣ заговорили снова, но подъ инымъ угломъ зрѣнія. Еще въ 1867—1868 годахъ управлявшій морскимъ министерствомъ Краббе высказался въ томъ смыслѣ, что устройство въ Виндавѣ стоянки для нашихъ русскихъ судовъ очень важно. Въ 1881 году, въ октябрѣ, собралась особая комиссія изъ представителей трехъ министерствъ, въ которой выражено мнѣніе о необходимости стремиться къ тому, чтобы флотъ нашъ не былъ прикованъ бо́льшую часть года къ Кронштадту, а располагалъ бы стоянкой въ одной изъ наименѣе замерзающихъ гаваней, напримѣръ въ Виндавѣ. Членомъ названной комиссіи состоялъ и управлявшій тогда морскимъ министерствомъ Пещуровъ. Не далѣе какъ въ 1882 году его преемникъ, впослѣдствіи управлявшій морскимъ министерствомъ, Шестаковъ, высказался тоже за Виндаву въ томъ же смыслѣ, такъ какъ это единственный портъ Балтійскаго моря, остающійся открытымъ, когда всѣ остальные закрыты, и поэтому очень удобенъ для обезпеченія стоянки нашего флота, и что необходимо осуществленіе одного изъ возникшихъ проектовъ по устройству виндавскаго порта и къ нему, отъ Тукума, желѣзной дороги.

Проектъ разсмотрѣнъ въ министерствѣ путей сообщенія, при представителѣ морскаго министерства, и тогда же рѣшено довести глубину виндавскаго бара до 22 футовъ, съ устройствомъ набережной въ 300 погонныхъ саженъ, все это стоимостью около восьми милліоновъ рублей. При углубленіи бара до двадцати двухъ футовъ и во вниманіе къ тому, что рѣка Виндава на протяженіи $3^1/_2$ верстъ имѣетъ глубину свыше двадцати двухъ футовъ, въ нее могли бы входить суда съ такой осадкой, какая не можетъ имѣть мѣста ни въ Ригѣ (18 ф.), ни въ Либавѣ (16—17 ф.). При проектированіи виндавскаго порта имѣлось также въ виду и то, что при небольшихъ затратахъ по углубленію рѣки Виндавы, флотъ нашъ, входя въ глубь страны на цѣлыхъ двадцать верстъ, могъ бы быть обезпеченъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. При постоянномъ возрастаніи тоннажа и осадки вообще всѣхъ морскихъ судовъ, какъ военныхъ, такъ и коммерческихъ, легкость и дешевизна работъ по углубленію порта въ Виндавѣ, сравнительно съ Ригой и Либавой, составляетъ дѣйствительно условіе огромной важности. Замерзаніе устья рѣки Виндавы на короткій срокъ трехъ недѣль, при помощи пароходовъ-ледоколовъ, можетъ быть устранено даже совершенно; весеннимъ ледоходамъ рѣки Виндавы, благодаря усовершенствованіямъ ледорѣзовъ, паловъ и проч., особаго значенія придавать

не слѣдуетъ; наконецъ, не надо забывать того преимущества Виндавы передъ Ригой, что подходъ къ послѣдней задерживается на нѣсколько недѣль въ зимнее и бурное время у мыса Домеснеса скопленіями льдовъ и опасностью плаванія, тогда какъ для Виндавы Домеснеса, такъ сказать, не существуетъ.

Въ настоящее время вопросъ о балтійскихъ портахъ, кажется, вступаетъ въ третій фазисъ: военное и морское министерства склоняются къ устройству военно-морской станціи не въ Виндавѣ, а въ Либавѣ *), и, вслѣдствіе этого, въ виду неудобствъ соединенія военнаго и коммерческаго портовъ въ одномъ мѣстѣ, составлено предположеніе о перенесеніи коммерческаго порта изъ Либавы въ Виндаву, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ къ ней отъ станціи Батенъ, либаво-роменской дороги, и отъ Тукума. Въ описываемое время еще предстояло, слѣдовательно, рѣшить: необходимо ли въ Либавѣ устройство военной станціи, такъ какъ устройство таковой въ Виндавѣ имѣло много преимуществъ? если остановиться на устройствѣ ея въ Либавѣ, то можно ли оставить тутъ же портъ? не лучше ли перенести его въ Виндаву? не лучше ли избрать какой-нибудь иной пунктъ?

Маленькая Виндава, поддержка портовыхъ сооруженій которой не превышаетъ восемнадцати тысячъ рублей, чутко прислушивалась ко всѣмъ этимъ вопросамъ обще-государственной важности, способнымъ двинуть многіе десятки милліоновъ, изъ которыхъ не одинъ десятокъ процентовъ пришелся бы, конечно, и на ея долю. За послѣднее трехлѣтіе изъ Виндавы вывезено товаровъ на 2.665.000 руб., привезено на 215.000 руб., пошлинъ золотомъ собрано 24.240 руб. Либава даетъ пошлинъ 5.175.000 руб. золотомъ же; слѣдовательно, она почти въ 22 раза интереснѣе Виндавы.

Пароходъ, на которомъ слѣдовали путешественники, медленно подвигался вверхъ противъ теченія Виндавы. По берегамъ настроено много лѣсныхъ складовъ, виднѣется верфь, есть плотовый мостъ подлѣ города; берега эти песчаны, лѣсисты; говорятъ, что лѣса тянутся отсюда мимо Домеснеса вплоть до самой Риги. Вѣтеръ перемѣнился, подулъ съ юго-запада, что̀ было пріятно, потому что разгулявшаяся зыбь неминуемо должна была ослабѣть. Къ вечеру судно должно было прибыть въ Либаву. Отсюда до нея только шесть часовъ пути.

*) Вопросъ, какъ извѣстно, рѣшенъ въ пользу Либавы, которой суждено играть важную роль на Балтійскомъ морѣ: въ августѣ 1893 г. въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III лично заложилъ въ Либавѣ военный портъ.

Либава.

Входъ въ либавскую гавань. Либава какъ гавань. Историческое. Цифровыя данныя. Либава какъ мѣсто купанья. Военный и коммерческій порты.

Къ вечеру 17-го іюня пароходъ приближался къ Либавѣ и, такимъ образомъ, заканчивалъ шестьсотъ тридцать четвертую милю пути по Балтійскому морю.

Историческая судьба Либавы, лежащей въ уголку, такъ сказать, блѣднѣетъ предъ ея современнымъ значеніемъ, хотя и тутъ совершился фактъ, служащій прелестною иллюстраціей къ тѣмъ пріемамъ, къ какимъ прибѣгалъ рыцарскій орденъ во время своего могущества. Зимой 1426—1427 года отправлено было въ Римъ, отъ рижскаго архіепископа, посольство съ жалобой на орденъ; рыцари знали это и, подтащивъ посольство къ проруби лежащаго подлѣ города озера, одного за другимъ пустили подъ ледъ. Совершилось безслѣдное исчезновеніе нежелательныхъ рыцарству личностей, примѣнявшееся неоднократно, и прибавилась исторпческая черточка, не лишенная своеобразной красоты.

Какъ морская гавань, Либава существуетъ съ весьма отдаленныхъ временъ: это, вѣроятно, древняя Portas Liva. Нынѣшняя гавань устроена при герцогѣ курляндскомъ Фридрихѣ Казимирѣ въ 1697 г., а прежняя находилась въ трехъ верстахъ къ югу отъ города, гдѣ либавское озеро имѣло прежде истокъ въ море. Она была неудобна потому, что постоянно заносилась пескомъ. Торговля Либавы въ древнія времена никогда не принимала большихъ размѣровъ, и этимъ можно объяснить себѣ, почему этотъ городъ не значился въ числѣ ганзейскихъ. Начало процвѣтанія торговли Либавы относится къ эпохѣ герцога Іакова.

Выше уже говорилось о томъ, что либавскій портъ въ двадцать два раза

значительнѣе виндавскаго по количеству своихъ оборотовъ. За трехлѣтіе, 1883—1885, по приходу значилось судовъ:

Иностранныхъ паровыхъ	3.538	
» парусныхъ	713	
Каботажныхъ паровыхъ	202	
» парусныхъ	378	
Прибрежнаго плаванія	413	
Вывезено на сумму	118.711.831	руб.
Привезено.	42.950.062	»
Пошлинъ золотомъ.	5.175.180	»

При взглядѣ на планъ либавскаго порта, до послѣднихъ сооруженій, видно, что песчаная полоса тянулась отъ берега въ море на одну версту, за которою слѣдовалъ твердый грунтъ; на половину этой полосы молы въ описываемое время были уже вытянуты въ море и, чтобы быть вполнѣ обезпеченнымъ, требовалось достроить еще около четырехсотъ саженъ. Молы строились съ 1863 года, и всего затрачено казной около 4½ милліоновъ рублей.

Въ Либавѣ заслуживаютъ вниманія Маріинская богадѣльня, больница, при входѣ въ которую, съ лѣвой стороны, на дверяхъ значится надпись: «Квартира отца дома»—Wohnung des Hausvaters, т. е. лица, завѣдующаго учрежденіемъ, причемъ помощницей ему служитъ «Hausmutter»; оба они имѣютъ на своемъ попеченіи 35 мужчинъ и 38 женщинъ; сиротскій домъ съ 32 мальчиками, съ безусловно необходимымъ здѣсь во всѣхъ школахъ органомъ. Въ мѣстной лютеранской церкви имѣется замѣчательный органъ, превышающій по величинѣ своей всѣ существующіе въ Европѣ; онъ состоитъ изъ трехъ частей, въ немъ 131 регистръ и одна только поправка его стоила 60.000 руб. Сама церковь относится къ числу очень красивыхъ: три нефа, въ два свѣта, подъ круглыми сводами, отдѣлены одинъ отъ другого 12 колоннами; по яркой бѣлизнѣ стѣнъ очень гармонично выдѣляется обильная позолота; вмѣсто запрестольнаго образа виднѣется тоже бѣлое, съ позолотой, Распятіе. Органъ чрезвычайно могучъ, громовыя ноты его потрясаютъ, но мягкіе voces angelicae недостаточно нѣжны.

Либавскіе пожарные отличаются совершенно прусскимъ военнымъ одѣяніемъ: тотъ же покрой военнаго сюртука, совершенно та же каска, и на правомъ флангѣ, на конѣ, виденъ даже пожарный конный жандармъ, совершенно въ родѣ тѣхъ, какіе стоятъ въ Берлинѣ на перекресткахъ улицъ, и можно было подумать, что находишься въ Пруссіи; пожарныхъ съ небольшимъ пятьдесятъ человѣкъ, и двигаются они военнымъ строемъ.

Медленно темнѣлъ ясный, безвѣтренный день, и портовые склады, стоявшіе подлѣ воды, во многихъ мѣстахъ города, казались еще внушительнѣе, чѣмъ въ полномъ солнечномъ свѣтѣ. Для складовъ, какъ и для жилья, здѣсь еще въ ходу фахверковая, смѣсь дерева съ кирпичомъ, постройка и, въ значительной степени, крутыя черепичныя крыши. По домовымъ книгамъ, въ декабрѣ 1885 года, жителей въ Либавѣ значилось 40.467; изъ нихъ:

русскихъ	1.110
поляковъ	1.130
литовцевъ	1.945
латышей	11.000
нѣмцевъ	15.828
евреевъ	8.685

Послѣднихъ, то-есть евреевъ, кажется всегда больше, чѣмъ ихъ есть на самомъ дѣлѣ, потому что они цѣлыми толпами какъ-то умѣютъ скучиваться на виду, а типичности имъ не занимать. Сюда слѣдуетъ прибавить еще и пріѣзжихъ на купанье, количество которыхъ, впрочемъ, что ни годъ, то уменьшается съ замѣчательною послѣдовательностью:

1879.	1.203	человѣкъ
1880.	951	»
1881.	816	»
1882.	790	»
1883.	754	»
1884.	767	»
1885.	539	»

Чему приписать это уменьшеніе? Волна въ морѣ умѣренна, plage хороша, помѣщенія удобны, кургаузъ недуренъ и не лишенъ развлеченій. Очень можетъ быть, что причина—въ усиленіи торговыхъ и портовыхъ особенностей Либавы, а это, во всякомъ случаѣ, необходимымъ при лѣченіи покою и тишинѣ не способствуетъ.

За послѣднія десять лѣтъ, истекшія со времени этого путешествія, Либава пріобрѣла военный портъ, Высочайшимъ приказомъ отъ 6-го декабря 1894 года наименованный портомъ Императора Александра III. Такимъ образомъ, Либава имѣетъ два порта: военный и коммерческій.

При выходѣ изъ канала, соединяющаго море съ либавскимъ устьемъ и составляющаго *городской* коммерческій портъ, въ море, то-есть въ такъ называемый *передовой* коммерческій портъ, виденъ съ лѣвой стороны южный (коммерческій) молъ, ограждающій портъ отъ волнъ и песчаныхъ наносовъ, а по правую—короткій сѣверный молъ, удлиняющій набережную канала. Длинный южный (коммерческій) молъ начатъ постройкою много десятковъ лѣтъ тому назадъ. Такъ какъ господствующимъ вѣтромъ на либавскомъ побережьѣ является юго-западный, то въ этомъ направленіи происходитъ въ теченіе большей части года прибой волнъ. Либавцы имѣютъ возможность наглядно убѣдиться въ этомъ. Море у Либавы никогда почти не бываетъ совершенно спокойно: на немъ вѣчно несутся большей или меньшей высоты и силы волны, идущія въ юго-западномъ направленіи. Волны эти отчасти перемѣщаютъ подводный береговой песокъ по берегу съ юга на сѣверъ, отчасти приносятъ песокъ, доставляемый морю впадающими въ него рѣками (Висла, Нѣманъ и др.), и складываютъ его въ отмели и банки, которыя угрожали совершеннымъ обмелѣніемъ либавскаго коммерческаго порта. Чтобы поставить преграду движенію песковъ и избавить

портъ отъ угрожавшаго ему обмелѣнія, начали строить южный коммерческій молъ. Молъ этотъ приходилось нѣсколько разъ удлинять, такъ какъ песокъ (подводныя дюны), двигаясь вдоль наружной стороны мола, достигалъ конца его и заворачивалъ внутрь порта. Въ шестидесятыхъ годахъ инженеръ Гейдатель, призванный для дальнѣйшаго удлиненія мола, далъ ему болѣе сѣверное направленіе, почти перпендикулярное къ волнамъ. При послѣдующихъ строителяхъ молъ хотя продолжалъ удлиняться, но не по одной и той же системѣ. Часть мола, построенная за время управленія министерствомъ генерала Паукера, представляетъ входящій уголъ. Надѣялись на то, что въ этомъ углу образуется песчаный водоворотъ, и поэтому песокъ не будетъ двигаться къ сѣверу и огибать конецъ мола, а будетъ отбрасываться встрѣчной волной къ югу. Послѣдствія не оправдали надеждъ. Пришлось вести молъ дальше до глубины, для которой по существующимъ взглядамъ наносы не опасны. Въ 1893 году было, наконецъ, завершено это грандіозное оградительное сооруженіе, которое, защищая отъ песчаныхъ наносовъ коммерческій портъ, вмѣстѣ съ тѣмъ защищаетъ отъ нихъ и находящійся рядомъ военный портъ. Молъ въ концѣ загибается. Въ томъ же направленіи, въ которомъ проведенъ загибъ мола, почти параллельно съ берегомъ, съ юга на сѣверъ, тянутся дальнѣйшія оградительныя сооруженія—два волнолома, *южный* и *сѣверный*. Эти сооруженія возведены морскими инженерами и принадлежатъ морскому министерству. Назначеніе этихъ сооруженій видно отчасти изъ ихъ названія, отчасти изъ ихъ расположенія. Они ограждаютъ и защищаютъ съ запада либавскій портъ отъ волнъ и бурь. За этими волноломами, какъ за крѣпкими стѣнами, суда, въ случаѣ надобности, могутъ находиться въ безопасности. На концахъ волноломовъ имѣются маяки. Съ третьей стороны воднаго пространства, составляющаго коммерческій и военный аванпорты, находится *сѣверный военный молъ*. Въ этихъ-то границахъ, то-есть между южнымъ коммерческимъ моломъ, южнымъ и сѣвернымъ волноломами, сѣвернымъ моломъ и, наконецъ, берегомъ, и находится тотъ бассейнъ, который составляетъ коммерческій и военный аванпорты, отдѣленные другъ отъ друга *раздѣлительнымъ моломъ*, который въ 1895 году былъ уже почти наполовину сооруженъ. Хотя еще не рѣшено окончательно, какой длины будетъ раздѣлительный молъ, но, во всякомъ случаѣ, оба аванпорта будутъ сообщаться между собою. Между обоими оградительными сооруженіями, южнымъ коммерческимъ моломъ и южнымъ волноломомъ, находятся *коммерческія ворота*, шириною 100 саж. Между южнымъ и сѣвернымъ волноломами—*западныя военныя ворота*, шириною 100 саж., наконецъ между сѣвернымъ волноломомъ и сѣвернымъ моломъ — *сѣверныя военныя ворота*, шириною 125 саж. Величина порта слѣдующая: длина сѣвернаго (военнаго) мола 845 саж., длина сѣвернаго волнолома 789 саж. и южнаго волнолома 360 саж. Южный (коммерческій) молъ приблизительно такой же длины, какъ и почти параллельный съ нимъ сѣверный (военный) молъ.

О суммахъ, ассигнованныхъ на оборудованіе либавскаго коммерческаго порта, находятся интересныя данныя въ отчетѣ либавскаго биржеваго комитета за 1894 годъ. Высочайше утвержденнымъ 19 февраля 1890 года мнѣ-

шіемъ государственнаго совѣта опредѣлено, сверхъ уже ранѣе ассигнованныхъ суммъ (съ 1863 г. по 1884 годъ 4.500,000 рублей), отпустить на работы въ либавскомъ коммерческомъ портѣ въ теченіе семи лѣтъ, начиная съ 1890 г., 8.850,000 рублей. Изъ этой суммы отпущено:

По бюджету	1890 г.	394,000	руб.
»	1891 »	794,000	»
»	1892 »	768,000	»
»	1893 »	1.744,000	»
»	1894 »	1.831,450	»
»	1895 »	997,200	»

Либава. Общій видъ.

Главная часть проектированныхъ работъ должна была быть окончена, согласно контракту, къ 1 января 1897 года. Въ теченіе 1895 года намѣчены были къ исполненію слѣдующія работы: постройка ремонтной казармы и склада (35 тыс. руб.), покупка парохода-ледорѣза (210 тыс. руб.), сооруженіе рейдовой набережной въ 245 погонныхъ саженъ (516,815 руб.), землечерпательныя работы (338,000 руб.), устройство освѣщенія и др. мелкія работы.

Соперничество рижской гавани съ либавскимъ коммерческимъ портомъ, сказывается не только по отношенію къ торгово-промышленной дѣятельности обоихъ приморскихъ городовъ, но и движенію судовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рижская гавань покрывается льдомъ, число прибывающихъ ежедневно въ либавскій портъ торговыхъ пароходовъ и парусныхъ судовъ тотчасъ воз-

растаетъ. Насколько сильна конкурренція рижской гавани съ либавскою, усматривается изъ слѣдующихъ данныхъ: въ 1896 году въ декабрѣ мѣсяцѣ въ либавскую гавань прибыло всего 104 парохода и 6 парусныхъ судовъ съ грузомъ въ 25,364 тонны, между тѣмъ, какъ въ 1895 году, когда рижская гавань замерзла раньше, въ тотъ же мѣсяцъ въ эту гавань прибыло 118 пароходовъ и 2 парусныхъ судна, съ грузомъ въ 31,742 тонны. Сравнивая 1895 г. съ минувшимъ, видно, что въ 1896 году торговля Либавы сильно поднялась. Въ 1896 году въ гавань прибыли 1,206 пароходовъ и 227 парусныхъ судовъ, а въ 1895 году—пароходовъ было 1,120, парусныхъ же судовъ—148. Изъ всѣхъ товаровъ, отправлявшихся черезъ Либаву за границу, первое мѣсто занимаютъ мясные продукты. Въ послѣдній день 1896 года, 31 декабря, пароходъ «Россія» увезъ въ Лондонъ 1,188 пудовъ мяса и 12,048 пудовъ дичи. Въ декабрѣ мѣсяцѣ вывезено 5,922 пуда мяса и 23,930 пудовъ дичи. Этотъ же пароходъ «Россія» 21 декабря увезъ 2,440 пудовъ яицъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ черезъ либавскую гавань отправлено за границу 7,695 пудовъ яицъ. Вообще дѣятельность либавскаго коммерческаго порта находится въ періодѣ цвѣтущаго развитія.

Отъ Либавы до Митавы. Рингенъ.

Особенности курляндскаго пейзажа. Воспоминаніе о знаменитомъ дурбенскомъ сраженіи. Станція Рингенъ. Особенности школъ въ губерніи. Гривна. Исключительность нѣмецкаго вліянія. Передача лютеранскихъ школъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Противорѣчіе въ ландратской коллегіи. Митава.

Мирный сельскій пейзажъ, скользившій передъ окнами вагоновъ, везшихъ путниковъ въ Митаву, густая зелень луговъ и отдѣльно стоявшіе крестьянскіе дворы, далеко не всегда монументальнаго характера, роскошное солнечное освѣщеніе, ударявшее по листвѣ, серебрившейся росою и слѣдами вчерашняго ливня, вовсе не сходились съ мыслію о томъ, что поѣздъ мчится вблизи одного изъ мѣстъ, важнаго историческаго значенія, подлѣ Дурбена, гдѣ произошла 13 іюля 1260 года, шестьсотъ тридцать шесть лѣтъ назадъ, самая кровавая, самая важная битва въ исторіи порабощенія края нѣмецкими рыцарями. То, что передъ глазами мелькали не деревни, а отдѣльные крестьянскіе дворы, это тоже одинъ изъ слѣдовъ дурбенскаго и другихъ сраженій: деревни, вѣчно возмущавшіяся, еще въ тѣ дни были уничтожены и народъ разселенъ по отдѣльнымъ дворамъ, что, въ смыслѣ полицейскаго наблюденія за покоренными, было тактически и стратегически очень правильно. Деревень въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ихъ теперь, то-есть общежитій значительнаго числа крестьянъ, нѣтъ въ латышской части прибалтійскаго края и понынѣ, а имѣются фермерскія хозяйства, отдѣльные дворы, полное разъединеніе. Это же придаетъ пейзажу совсѣмъ особый видъ, и вотъ какими эстетическими послѣдствіями сказываются сотни лѣтъ спустя чисто-административныя мѣропріятія.

Къ роковому дню дурбенскаго боя нѣмецкими рыцарями рѣшено было положить конецъ всякимъ мыслямъ о свободѣ со стороны порабощенныхъ

народностей, роившихся особенно сильно именно въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ шелъ теперь поѣздъ. Къ ландмейстерскимъ знаменамъ собрались рыцари изъ Пруссіи, Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи, собрались и другіе охочіе крестоносцы и повели съ собою, въ качествѣ вспомогательнаго войска,—порабощенныхъ ими куроновъ, которыхъ въ настоящее время нѣтъ и слѣда, такъ основательно сничены они съ лица земли. Воинская сила собралась могущественная, и весь цвѣтъ рыцарства находился налицо. Дикари-мятежники расположились пестрыми полчищами близъ дурбенскаго замка, одноименнаго съ нимъ озера и окаймляющихъ его болотъ. Болота разстилались въ тѣ дни такъ широко, что на военномъ совѣтѣ рыцарей тотчасъ же возникъ вопросъ: не лучше ли имъ спѣшиться и привязать коней гдѣ-либо за боевою линіей? Большинство рыцарей высказалось противъ этого, обиднаго для ихъ гордости, маневра, равно какъ и противъ того, чтобы удовлетворить очень справедливому желанію куроновъ, помогавшихъ имъ, получить обратно, въ случаѣ побѣды, своихъ женъ и дѣтей, захваченныхъ непріятелемъ и находившихся въ его лагерѣ. Рыцари желали, оставаясь вѣрными своимъ меркантильнымъ обычаямъ, чтобы куроны, ихъ союзники, «выкупили» у нихъ этихъ женъ и дѣтей, которыя еще не были отобраны, а только имѣли быть отобранными! Не трудно, казалось бы, предвидѣть будущее; но рыцарей, какъ говорится, Богъ попуталъ, а куроны вошли въ тайное соглашеніе съ непріятелемъ и поняли очень хорошо, что значитъ стоять въ тылу своихъ собственныхъ войскъ.

Когда начался знаменитый бой и грузные рыцарскіе кони подъ столь же грузными сѣдоками вязли въ трясинахъ, въ самый разгаръ сѣчи, кинулись на рыцарей съ тылу возмущенные отказомъ ихъ куроны, и цѣлыхъ восемь часовъ длилось поголовное избіеніе попавшаго въ западню рыцарства; полегли всѣ рѣшительно военачальники, поникли долу ихъ красивые оруженосцы и пажи, фохты и комтуры, а большинство взятыхъ въ плѣнъ сожжено и четвертовано. Конечно, хранятъ и до-сегодня тинистые берега Дурбенскаго озера не одну броню, не одинъ чеканный шлемъ нѣмецкой силы, почти поголовно истребленной. Не будь у нея тогда въ запасѣ безъ малаго всей католической Европы, движимой папой и немедленно замѣстившей съ избыткомъ вакансіи убитыхъ, будь тогда чуть-чуть посильнѣе и посвободнѣе Русская земля,—и судьбы Балтики вышли бы совсѣмъ другими, и цѣлая четверть вѣка рыцарскаго хозяйничанья сгинула бы безслѣдно и навсегда. Этого не случилось, но память дурбенской битвы живетъ и будетъ жить въ преданіяхъ и легендахъ мѣстныхъ жителей, ожидая художника исторической живописи для ея воспроизведенія.

Въ настоящее время по этой дорогѣ, близъ станціи Рингенъ, находится розенъ-рингенское министерское двухклассное сельское училище. Училище это является первымъ въ краѣ съ русскимъ языкомъ и возникло только въ 1885 г. послѣ довольно долгихъ задержекъ, слѣдъ которыхъ имѣется въ одномъ изъ очень любопытныхъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія. Училище помѣщается въ прочномъ каменномъ домѣ, стоимостью около 70.000 руб., и имѣло уже въ первую зиму 270 учениковъ, тогда какъ въ мѣстномъ евангелическо-лютеранскомъ значилось только девять. Такой быстрый успѣхъ училища

съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ среди латышей обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

Съ легкой руки этой школы, уже возникло другое, совершенно сходное съ нею, училище, въ Эстляндской губерніи, Везенбергскаго уѣзда, Катентакской волости, и готовятся къ открытію два въ Лифляндской губерніи. Дай Богъ имъ всевозможнаго преуспѣянія, всѣ они будутъ на мѣстѣ, и въ Курляндской губерніи въ особенности. Много любопытнаго пришлось услышать отъ мѣстныхъ людей. Курляндская губернія, такъ сказать, покрыта явными и неявными школами, что, при смѣшанномъ населеніи губерніи, представляется особенно неудобнымъ; евреевъ въ губерніи 60.000 человѣкъ, католиковъ около 57.000. Кромѣ того, за послѣднее время географическое положеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ губерніи, вдающихся клиномъ въ польско-литовскія земли, и, рядомъ съ этимъ, распоряженія тайнаго совѣтника Сабурова, стоявшаго еще не очень давно во главѣ учебнаго дѣла въ Россіи, вызвали явленіе совсѣмъ исключительное, а именно: огромный наплывъ сюда учащихся изъ Бѣлоруссіи и Литвы; такъ какъ съ 1881 года разрѣшено было учреждать уѣздныя училища, то и возникли многія, прежде не существовавшія, и они, при своемъ рожденіи на свѣтъ, будучи избавлены отъ правительственнаго контроля, находились подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ выборныхъ нѣмецко-дворянскихъ коллегій. Самыя видныя мѣста среди такихъ, не то училищъ, не то гимназій, занимаютъ основанныя въ Гривкѣ подлѣ Двинска гофмейстеромъ, нынѣ городскимъ головой Риги, бывшимъ до того лифляндскимъ губернаторомъ, Эттингеномъ. Мужское училище открыто въ 1871 году и подарено основателемъ его курляндскому дворянству; позже оно преобразовано въ семиклассное, съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, причемъ большинство преподавателей не знаютъ вовсе русскаго языка, а нѣкоторые не подвергались испытанію въ Россіи и, кажется, не принимали даже русскаго подданства. То же самое должно сказать и о гривскомъ женскомъ училищѣ, основанномъ тѣмъ же гофмейстеромъ Эттингеномъ въ 1873 году и преобразованномъ въ шестиклассное. Эти и другія училища въ Курляндской губерніи, при томъ условіи, что здѣсь, на всемъ протяженіи отъ Риги до Ковны, ни одного русскаго училища, дающаго какія-либо права, не существуетъ, обусловливаютъ то, что поляки, литовцы и евреи, въ огромномъ количествѣ, направляются въ Курляндію и этимъ самымъ поступаютъ въ кругъ вѣдѣнія выборной отъ нѣмецкихъ дворянъ «высшей комиссіи школъ», въ которой представителемъ нашего правительства является одинъ только человѣкъ, членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а не народнаго просвѣщенія. Каковы должны быть послѣдствія такихъ порядковъ, — довольно ясно само собою.

Еще въ 1838 году министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ обратилъ вниманіе именно на Курляндію, но всѣ его добрыя начинанія быстро перешли въ архивъ. Только въ самое недавнее время новый законъ передалъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія около 2.000 лютеранскихъ школъ въ прибалтійскомъ краѣ и положилъ основаніе совершенно новой системѣ. Это вѣское правительственное мѣропріятіе находится въ прямомъ

противорѣчіи съ «Матеріалами къ изученію положенія крестьянъ въ Лифляндіи»— изданіемъ высшаго мѣстнаго административно-дворянскаго нѣмецкаго учрежденія, ландратской коллегіи. Въ изданіи этомъ, очень не задолго до утвержденія названнаго закона, изображено было слово въ слово слѣдующее: «Для борьбы противъ существующей по закону организаціи народныхъ школъ, національная агитація избрала лозунгомъ чтобы школы въ Лифляндіи были изъяты изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ и подчинены министерству народнаго просвѣщенія; въ дѣйствительности, цѣль заключается въ томъ, чтобы лишить народныя школы ихъ церковнаго характера. Это явленіе,—заключаетъ коллегія,—представляется въ одинаковомъ смыслѣ и печальнымъ, и опаснымъ». Если вѣрить этому заключенію, то правительственное мѣропріятіе передачи школъ, уже совершившееся, пошло само навстрѣчу мнимой опасности, а открытіе новыхъ русскихъ училищъ свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ печаляхъ бываютъ проблески счастья, при которыхъ возглашаются благодареніе Господу и многолѣтіе Царю.

Къ четыремъ часамъ пополудни 20-го іюня поѣздъ подошелъ къ Митавѣ, потонувшей въ зелени своихъ садовъ. Луга окружаютъ городокъ и до сихъ поръ и оправдываютъ происхожденіе его имени: «Mitte in der Aue»—посреди луга. Другіе полагаютъ, что это названіе произошло отъ того, что митавскій замокъ, давшій имя всему городу, стоитъ посреди р. Аа; а еще вѣрнѣе, происходитъ оно отъ латышскаго слова Mihtava, т. е. мѣсто обмѣна: здѣсь, на пограничной рѣкѣ Аа, въ древнія времена, рижскіе купцы и пріѣзжіе литовцы обмѣнивали свои товары на туземные. Выше другихъ поднимается надъ городомъ, подъ шапкой, каланча-башня губернской гимназіи, одного изъ лучшихъ зданій, когда-то Academia-Petrina. Въ ней изъ числа 588 учениковъ, только одиннадцать русскихъ, но, тѣмъ не менѣе, она содержится на казенный счетъ.

Митава.

Видъ на Митаву. Православная церковь. Риттергаузъ. Предводители дворянства. Историческое. Замокъ. Кто жилъ въ немъ? Герцогскій склепъ. Тѣло Бирона. Борьба двухъ претендентовъ, Морица Саксонскаго и Меншикова. Митавская гимназія. Тюрьма. Екатерининскій пріютъ благородныхъ дѣвицъ и вдовъ. Выставка и ея замѣчательности. Грамоты. Исторія дворянскихъ привилегій. Грамота Петра I и ея подтвержденія.

Митава—столица бывшаго Курляндскаго герцогства, а нынѣ губернскій городъ. Мѣсто ровное, гладкое; множество луговъ окаймляетъ городокъ; надъ красными черепичными и желѣзными крышами высоко въ воздухѣ поднимаются: упомянутая уже башня, съ шапкой, на губернской гимназіи и острые шпили лютеранскихъ церквей: Троицкой—нѣмецкой и Аннинской—латышской; православной церкви не видно, а, между тѣмъ, она существуетъ. Кое-гдѣ вдали проблескиваютъ излучины рѣки Аа, уходя въ синюю даль, по которой какъ будто оттѣняются холмы, обозначаются лѣса.

Не удивительно, что православная церковь во имя Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, церковь, единственная въ городѣ, если не считать кладбищенской, помѣщающейся въ убогой часовенькѣ, не видна отъ желѣзной дороги. Устроенная въ 1778 г. повелѣніемъ Екатерины II, на казенныя средства, церковь эта очень мала размѣрами, безъ купола, безъ алтарной и боковыхъ входныхъ дверей, безъ соотвѣтствующей утвари, и существуетъ безъ всякаго капитальнаго ремонта; кровля надъ нею обветшала и даетъ течь, слѣды двухъ пожаровъ еще имѣются на иконостасѣ и его разновременныхъ иконахъ, ризница совершенно бѣдна; колокольный звонъ небольшой колокольни едва ли способенъ донестись до ближайшей улицы и напомнить проходящему о домѣ молитвы. Это положеніе митавской православной церкви тѣмъ болѣе печально, что стоитъ она чуть не на рубежѣ Россіи, и что съ недавняго

времени, именно въ Курляндской губерніи по примѣру Эстляндской, вновь замѣчаются сочувственныя проявленія къ православію со стороны иновѣрнаго народа. Кромѣ того, церковь въ Митавѣ есть въ то же время каѳедральный соборъ, такъ какъ архіальный епископъ именуется рижскимъ и митавскимъ. Приходъ—до 500 человѣкъ (кромѣ того, военныхъ около 1.300)—поправить дѣло своими силами не можетъ, и совершенно необходимо придти къ нему на помощь; эта помощь будетъ тѣмъ вліятельнѣе, что сама ветхая церковь какъ бы озаботилась о преемницѣ себѣ и десятками лѣтъ скопила запаснаго капитала 14.000 рублей. Согласно смѣтамъ, на полное обновленіе требуется всего до 35.000 руб., и неужели никто въ Россіи на эту настоятельную нужду не откликнется? Вѣдь будетъ не хорошо, если мѣстные лютеране, вспоминая милліонныя пожертвованія русскихъ на постройку въ балтійскомъ краѣ храмовъ лютеранскихъ, задумаютъ отъ себя дополнить эти недостающіе 20.000 рублей! А вѣдь это не невозможно и свидѣтельствовало бы только о большомъ политическомъ смыслѣ... Какъ не имѣетъ наша православная церковь подобающаго ей въ губернскомъ городѣ благолѣпія, такъ не существуетъ въ Митавѣ и русскаго благотворительнаго учрежденія; въ православномъ приходѣ имѣются двѣ начальныя школы съ 84 дѣтьми на обученіи, изъ нихъ лютеранъ 43. Согласно показанію лица, вполнѣ знающаго мѣстныя условія, «взрослые православные латыши понимаютъ русскую рѣчь, а о дѣтяхъ сказать этого невозможно»; это показаніе очень вѣско и служитъ хорошей иллюстраціей къ тому, что было сказано по поводу хроническаго исчезновенія русскаго языка, и какъ настойчиво и старательно этого достигали.

Залъ здѣшняго риттергауза меньше ревельскаго, больше эзельскаго, но, какъ и тѣ два, увѣшанъ гербами матрикулованныхъ дворянъ, въ нѣсколько ярусовъ; на стѣнахъ одной изъ комнатъ повѣшены портреты трехъ предводителей дворянства и бывшаго генералъ-губернатора князя Суворова, память котораго очено высоко цѣнится нѣмецкимъ населеніемъ прибалтійскихъ губерній. Гербы въ главномъ залѣ, подъ перьями, шлемами, сѣкирами и коронами, являютъ чудную радугу цвѣтовъ и обширную коллекцію изображеній животнаго и растительнаго царствъ. Митавскій предводитель дворянства называется «Landesbevollmächtigter», въ Эстляндской губерніи его прозваніе «Ritterschaftshauptmann», въ Лифляндской и на островѣ Эзелѣ, имѣющихъ своихъ особыхъ предводителей,—«Landmarschal». Эта пестрота наименованій, систематически проводимая по всѣмъ инстанціямъ внизъ, рѣшительно сбиваетъ съ толку въ прибалтійскихъ губерніяхъ и, должно полагать, въ скоромъ времени отойдетъ въ былое, наравнѣ со многимъ другимъ.

Митава на цѣлое столѣтіе моложе Риги и почти столѣтіемъ позже другихъ прибалтійскихъ городовъ, какъ столица отдѣльнаго герцогства, въ 1795 году подчинилась Россіи.

Когда въ 1561 году, 28-го ноября, Лифляндія кончила свое отдѣльное существованіе, ставъ польской провинціей, Курляндія является ленымъ герцогствомъ Польши, и герцогомъ ея сдѣланъ бывшій гермейстеръ ордена Кетлеръ. За все время своего существованія маленькая Митава была зана-

маема различными войсками нѣсколько разъ; наши войска заняли ее въ 1705 году, съ княземъ Рѣпнинымъ во главѣ; въ 1812 году городъ былъ занятъ союзниками.

Митава, столица латышей, капиталами бѣдна, земли и торговли не имѣетъ; она не имѣла до 1831 года даже хорошей воды, такъ какъ каналъ герцога Іакова грязенъ, и только водопроводъ изъ рѣки Шведа, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, помогъ общественному горю. Есть еще одно отличіе Митавы отъ большинства другихъ прибалтійскихъ городовъ, это — обиліе евреевъ. Эккартъ, высказывавшій много занимательнаго, находилъ присутствіе ихъ здѣсь положительно вреднымъ и любезно совѣтовалъ переселить ихъ «въ малонаселенныя (?)

Митава. Общій видъ.

мѣста центральной Россіи», гдѣ они, по его словамъ, «найдутъ соотвѣтствующія своимъ способностямъ занятія и будутъ положительно полезны», а курляндская земля избавится отъ еврейскаго «пролетаріата, отягчающаго какъ свинецъ» свободное движеніе мѣстной нѣмецкой жизни.

Замокъ, отдѣленный отъ города рѣкой Дриксой, счетомъ второй, построенъ на мѣстѣ стараго, воздвигнутаго въ 1265 году гроссмейстеромъ Конрадомъ Мемемомъ; подлѣ этого, не существующаго уже, замка, въ 1345 году, разселилось предмѣстье. Нынѣшній замокъ-дворецъ задуманъ герцогомъ Эрнстомъ-Іоанномъ Бирономъ, и для того, чтобы очистить мѣсто, старый былъ взорванъ порохомъ. Бироновскій дворецъ разсчитанъ не по размѣрамъ значенія Бирона,—на

300 комнатъ, построенъ по плану Растрелли, и работы начаты въ 1736 году: скоро вслѣдъ за этимъ онѣ пріостановлены: Бирон̀ъ отправился въ Сибирь и хотя вернулся въ за́мокъ обратно и прожилъ въ немъ, уже послѣ отреченія въ пользу сына (1769), въ теченіе двадцати дней, но, тѣмъ не менѣе, планъ дворца остался невыполненнымъ. За́мокъ построенъ въ сторонѣ отъ города, на островкѣ, и окруженъ тѣнистыми деревьями; онъ имѣетъ главный корпусъ и два флигеля, расположенные покоемъ; всѣ они въ два этажа, съ мезониномъ; общая длина 186 саженъ, ширина одиннадцать, вышина семь саженъ; планъ послѣдней перестройки въ 1844 г. подписанъ графомъ Клейнмихелемъ. Названіе «за́мокъ», конечно, неправильно, это—скорѣе дворецъ, обращенный глав-

Митава. За́мокъ.

нымъ фасадомъ на востокъ, къ рѣкѣ Аа, и выпесенный, если можно такъ выразиться, изъ города въ поле. Въ настоящее время въ немъ живутъ: начальникъ губерніи, губернскій прокуроръ, митавскій оберъ-гауптманъ, добленскій гауптманъ и другія лица; помѣщаются нѣкоторыя присутственныя мѣста, и имѣются, на случай Высочайшихъ пріѣздовъ, «Царскіе покои». Какъ и всѣ постройки Растрелли, за́мокъ по соразмѣрности хорошъ и, несмотря на длину основныхъ линій, производитъ хорошее впечатлѣніе. Съ 1798 по 1800 годъ жилъ здѣсь графъ Прованскій, впослѣдствіи король Людовикъ XVIII; въ 1805 году прибылъ онъ вторично съ тѣмъ, чтобы переселиться отсюда въ Англію, и во время этого втораго пребыванія здѣсь былъ посѣщенъ императоромъ Александромъ I. Тутъ же, въ этомъ дворцѣ, жилъ и умеръ маститый

аббатъ Эджвортъ де Фирмонъ давшій послѣднее напутствіе Людовику XVI; онъ похороненъ на митавскомъ католическомъ кладбищѣ и памятникъ надъ нимъ поставленъ Людовикомъ XVIII, а украшенъ графомъ Шамборомъ. Въ этомъ же замкѣ былъ заключенъ бракъ дочери Людовика XVI, Маріи-Терезіи, съ герцогомъ Ангулемскимъ. Въ 1812 году пруссаки обратили этотъ замокъ въ госпиталь.

Не лишенъ интереса герцогскій склепъ замка, находящійся въ подвальномъ этажѣ одного изъ флигелей; вы входите въ него прямо, непосредственно отъ зеленѣющихъ куртинъ свѣтлаго двора, высокая, грузная дверь распахивается передъ вами и открываетъ жилище смерти курляндскаго герцогскаго дома, длинное, высокое, снабженное свѣтомъ помѣщеніе; въ печатномъ спискѣ, предлагаемомъ для соображеній, перечислено тридцать тѣлъ, большихъ и малыхъ. Наиболѣе замѣчательны четверо: занимающій первое мѣсто Готгардъ Кетлеръ, послѣдній гермейстеръ ливонскаго ордена, первый курляндскій герцогъ († 1587); занимающій десятое мѣсто герцогъ Іаковъ († 1681), создатель города Якобштадта, не стѣснявшій православія, любившій широкую колоніальную политику и составившій себѣ извѣстность сооруженіемъ канала, носящаго его имя. Герцогъ Іаковъ заключилъ даже торговое и мореплавательное условіе съ Кромвелемъ, думалъ купить у Испаніи островъ Тринидадъ и владѣлъ въ Вестъ-Индіи островомъ Табаго, а у береговъ Гамбіи—фортомъ св. Андрея. Нумера 21 и 22 заняты знаменитымъ герцогомъ Эрнстомъ Бирономъ († 1772) и его женою Бенигною Готлибъ († 1782). Эти два гроба открываются для посѣтителей. Черты лица Бирона сохранились очень хорошо и легко узнаваемы по портретамъ; говорятъ, будто носъ его когда-то былъ сломанъ и замѣненъ деревяннымъ; на головѣ герцога—обильный бѣлыми волосами парикъ; на побурѣвшемъ черномъ бархатномъ плащѣ вышита андреевская звѣзда; бѣлые, шелковые чулки тоже побурѣли и образуютъ складки по высохшимъ костямъ; на ногахъ—кожаные башмаки, изъ-подъ рукавовъ виднѣются пожелтѣвшія кружева. Лицо герцога, на которомъ видны червоточины, сохранилось лучше лица герцогини, одѣтой въ длинный, бѣлый шелковый балахонъ, обшитый кружевами. Такъ какъ оба они лежатъ подлѣ самой двери, то, при открываніи гробовъ, обильно заливаются дневнымъ свѣтомъ. Подлѣ нѣкоторыхъ изъ гробовъ, бо́льшею частію вычурныхъ, металлическихъ, красуются старыя китайскія вазы, сохраняющія внутренности усопшихъ.

Одна изъ любопытнѣйшихъ страничекъ исторіи Митавы подробно разработана покойнымъ Щебальскимъ. Она разыгралась здѣсь въ 1726 и 1727 годахъ, и главными лицами въ ней являются два видные дѣятеля конца прошлаго вѣка, люди до такой степени противоположные по внѣшности, обстановкѣ, взглядамъ, до такой степени особняки, каждый въ своемъ родѣ, какъ цвѣтки особыхъ культурныхъ развитій, что лучшей темы для литературнаго произведенія, какъ описаніе этой ихъ встрѣчи, найти невозможно. Дѣло шло о коронѣ маленькаго герцогства Курляндскаго, претендентами на которую явились графъ Морицъ Саксонскій, незаконный сынъ короля польскаго Августа Саксонскаго и Авроры Кенигсмаркъ, и нашъ, маститый въ тѣ дни, любимецъ

усопшаго уже Петра I, Меншиковъ. Морицъ, юный красавецъ, тюильрійскій герой, дуэлистъ, полководецъ, танцоръ, волокита, авантюристъ, игрокъ и спортсменъ одновременно, являлся воплощеніемъ идеала двора Людовика XIV и шашней Сенъ-Клу и Тріанона; нашъ Александръ Даниловичъ, въ то время уже на склонѣ лѣтъ, пережившій съ Петромъ I все его царствованіе, схоронившій Петра, стоялъ безусловнымъ почти повелителемъ судебъ Имперіи Русской,—Имперіи, чувствовавшей себя не особенно прочно въ слабыхъ женскихъ рукахъ. Судьбѣ угодно было свести этихъ двухъ людей, поставить лицомъ къ лицу въ погонѣ за однимъ и тѣмъ же лакомымъ предметомъ, за курляндской короной: Морица Саксонскаго—окруженнаго кучкой солдатъ-наем-

Митава. Паркъ.

никовъ, собранныхъ отовсюду, и Меншикова—съ усачами-солдатами, видавшими Петра Великаго, слышавшими его голосъ, людьми изъ-подъ Лѣсной и Полтавы. Сцена разыгралась въ Митавѣ.

Завязалось это дѣло еще при Петрѣ. Лютеранская Курляндія имѣла въ началѣ XVIII вѣка герцога номинальнаго, назначеннаго ей католическою Польшей, католика по вѣроисповѣданію, человѣка сомнительной храбрости, убѣжавшаго изъ-подъ Нарвы прямо въ Данцигъ и не показывавшагося въ свое герцогство; это былъ Фердинандъ. Когда, послѣ подчиненія Шлиссельбурга, Нарвы, Ревеля и Риги, Петръ I прибылъ въ Митаву, то объявилъ рыцарству-дворянству, искавшему герцога, что онъ уже условился съ королемъ

прусскимъ женить его племянника Фридриха-Вильгельма на русской принцессѣ, чѣмъ обрисовалась для Курляндіи возможность имѣть болѣе прочнаго герцога въ будущемъ.

Курляндское рыцарство, ненавидѣвшее обрѣтавшагося въ Данцигѣ Фердинанда, отправило въ Петербургъ посольство для переговоровъ о бракѣ принцессы Анны Іоанновны; выговорено 200.000 рублей денегъ приданаго и по 40.000 рублей въ годъ принцессѣ, въ случаѣ смерти мужа. Слѣдовала, какъ извѣстно, свадьба, а затѣмъ быстрая смерть отъ оспы ея молодаго супруга.

Курляндское рыцарство просило тогда вдовствующую Анну Іоанновну жить въ Курляндіи и самой управлять своими имѣніями, что она и исполнила, и находилась попеременно то въ Митавѣ, то въ Анненгофѣ. Открывшаяся снова герцогская вакансія подала мысль депутату отъ Курляндіи въ Варшавѣ, Бракелю, устроить бракосочетаніе вдовствующей русской принцессы со знаменитымъ Морицемъ Саксонскимъ, незаконнымъ сыномъ короля польскаго Августа, того именно, въ столицѣ котораго состоялъ депутатомъ отъ Курляндіи Бракель. Морицъ былъ смѣлъ, красивъ, ловокъ, славенъ въ стилѣ тюильрійскаго героизма, съ фантастическимъ и пикантнымъ прошлымъ; кромѣ того, онъ былъ сыномъ Августа польскаго, въ ленной зависимости отъ котораго находилась Курляндія; чѣмъ не женихъ для вдовствующей и скучающей молодой принцессы? Король Августъ высказался, конечно, за это предпріятіе въ пользу сына; онъ оказался даже настолько заинтересованнымъ, что, не имѣя возможности получить государственную печать Польши для приложенія ея къ документу, писанному съ этою цѣлью курляндскому ландтагу, — документу, не соотвѣтствовавшему взглядамъ польскихъ католическихъ магнатовъ, воспользовался существованіемъ другой государственной печати — литовской и нарочно съ этою цѣлью ѣздилъ въ Вильну, гдѣ дѣйствительно печать эту получилъ—и къ документу приложилъ. Согласіе короля на этотъ бракъ, устроенный депутатомъ Бракелемъ и вполнѣ любезное курляндскому рыцарству, обусловило то, что въ Митавѣ 28-го іюня 1726 года собрались сорокъ депутатовъ и порѣшили выбрать Морица Саксонскаго герцогомъ и ходатайствовать о совершеніи предположеннаго бракосочетанія.

Когда, казалось, всѣ итоги были близки къ общему своду, когда появленіе красавца Морица въ Митавѣ и впечатлѣніе, имъ произведенное на вдовствующую принцессу, только усилило надежды на свадьбу, неожиданно возникъ слухъ о появленіи русскаго кандидата. Слухъ этотъ получилъ неожиданное подкрѣпленіе въ фактѣ прибытія Меншикова въ Ригу. Меншиковъ въ тѣ дни былъ всесиленъ, и кандидатура его оказывалась далеко не шуточною, тѣмъ болѣе, что, благодаря именно этому всесилію его, многіе изъ дипломатическихъ подходовъ могли быть подтасованы и дѣйствительно подтасовывались по его изволенію.

Принцесса Анна не замедлила пріѣхать къ Меншикову въ Ригу, и между ними произошелъ какой-то разговоръ, въ которомъ, будто бы,—такъ гласитъ, по крайней мѣрѣ, письмо Меншикова къ императрицѣ въ Петербургъ,—принцесса отказалась отъ свадьбы съ «сыномъ метрессы» и желала, чтобы онъ,

Меншиковъ, ѣхалъ въ Митаву. Это было писано въ томъ же духѣ и съ тою же цѣлью, съ которою раньше того подстроено было Меншиковымъ сообщеніе изъ Митавы въ Петербургъ о томъ, «что сословія герцогства не только склонны къ кандидатурѣ его, Меншикова, но и прямо высказываютъ желаніе имѣть герцогомъ именно его».

Не дождавшись положительныхъ указаній изъ Петербурга или, правильнѣе, продолжая дѣйствовать на свой страхъ, Меншиковъ, закусивъ удила, является вдругъ въ Митавѣ, собираетъ, почти насильно, депутатовъ, говоритъ съ ними, съ геральдическимъ и гордымъ рыцарствомъ, дерзко, грубо и угрожаетъ имъ, при нежеланіи ихъ согласиться, ссылкой въ Сибирь и занятіемъ края русскими экзекуціонными войсками.

Если характерно все сказанное, то еще болѣе картиннымъ является свиданіе, состоявшееся между Меншиковымъ и Морицемъ, посѣтившимъ своего старческаго конкуррента на герцогскую корону, по пріѣздѣ его въ Митаву Что они говорили? Какъ говорили?—документовъ нѣтъ; но извѣстно, что Морицъ вызывалъ Меншикова на поединокъ и что отъ герцогскаго трона онъ не отказался. Юный графъ догадался также сообщить въ Петербургъ Остерману, между прочимъ, объ угрозахъ Меншикова депутатамъ, и тогда-то, рескриптомъ 10-го іюля, повелѣно Меншикову вернуться на берега Невы. Это ускорило развязку, и были пущены въ дѣйствіе войска.

Морицъ Саксонскій вербовалъ свои «войска» въ Западной Европѣ, и на это давали ему деньги многіе, очень многіе, а актриса Адріенна Лекувреръ заложила даже свое ожерелье... «Войска» эти, собранныя въ Люттихѣ, въ числѣ 1.800 человѣкъ, прибыли, наконецъ, въ Митаву, лишившись по пути тысячи человѣкъ; но смѣлому маршалу, въ любой рукѣ котораго сидѣла цѣлая армія, оказывалось достаточно и этой кучки — онъ былъ окруженъ своими людьми. Меншиковъ, переѣхавшій обратно въ Ригу, тоже рѣшился на крайнюю мѣру и послалъ въ Митаву 800 человѣкъ солдатъ съ приказаніемъ полонить Морица Саксонскаго въ домѣ, имъ занимаемомъ. Нападеніе послѣдовало въ глубокую ночь, и мирный сонъ жителей Митавы нарушенъ ружейными выстрѣлами. Изъ «войскъ» Морица при немъ находилось тогда только шестьдесятъ человѣкъ; но бой, тѣмъ не менѣе, состоялся, такъ какъ Морицъ былъ далеко не изъ робкихъ. Свалка длилась не долго; оказалось, однако, шестнадцать убитыхъ и шестьдесятъ раненыхъ, и прекращена она только появленіемъ лейбъ-гвардейцевъ принцессы Анны, разогнавшихъ сражавшихся. 17-го іюля Меншиковъ отправился въ Петербургъ, а въ декабрѣ шествовалъ далѣе, по пути въ Березовъ. Немного болѣе года оставался Морицъ въ Митавѣ. Послѣдній актъ его пребыванія здѣсь носитъ на себѣ, въ полномъ смыслѣ этого слова, характеръ оперетки. Имѣя по сосѣдству внушительныя военныя русскія силы, собранныя подлѣ Риги подъ начальствомъ Ласси, онъ укрѣпляется на близкомъ къ Виндавѣ Усмайтенскомъ озерѣ, на островкѣ его. Ласси былъ человѣкомъ вполнѣ подходившимъ къ той роли, которая ему предстояла: онъ обошелся привѣтливо и умѣло съ курляндскимъ рыцарствомъ и 17-го августа 1727 года обложилъ кругомъ озеро. Морицъ имѣлъ тогда до 3.000 солдатъ; въ ночь на 19-е августа,

на лодочкѣ, тайкомъ съѣхалъ онъ на берегъ и бѣжалъ къ себѣ, въ ту Западную Европу, откуда пришелъ. Послѣ не особенно долгихъ мѣропріятій, въ 1795 году, Курляндія, какъ извѣстно, подчинилась Россіи вполнѣ и безусловно.

На берегу канала Іакова, совсѣмъ за городомъ, находится образцовое учрежденіе глухонѣмыхъ, пріютившее сорокъ человѣкъ дѣтей и содержимое на счетъ дворянства и земства. Не менѣе любопытно учрежденіе діаконисскъ, естеръ милосердія, при которомъ имѣются больница и школа, основанное, кажется, въ 1865 году на капиталъ въ 35.000 руб., пожертвованный графинею Медемъ; здѣсь же, за взносъ 200—300 руб. въ годъ, находятъ помѣщеніе и содержаніе больные изъ образованныхъ классовъ.

Въ мѣстномъ Александровскомъ городскомъ училищѣ (127 учениковъ — 19 русскихъ, 80 лютеранъ и 28 евреевъ), основанномъ въ 1841 г. въ память бракосочетанія цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи императора Александра II, обученіе русскому языку идетъ настолько успѣшно, что при переходѣ во второй классъ всѣ дѣти уже говорятъ по-русски; это училище преобразовано въ двухклассное въ 1867 году, а въ трехклассное—въ 1885 года.

Въ митавской гимназіи въ 1885 году учениковъ было 588, изъ нихъ:

русскихъ	11
нѣмцевъ	315
поляковъ	64
литовцевъ	32
латышей	66
евреевъ	100

Это своеобразнѣйшая, по составу учениковъ, гимназія; слѣдуетъ замѣтить, что изъ числа показанныхъ 315 нѣмцевъ, болѣе половины латышей, причисленныхъ къ нѣмцамъ, или потому, что они онѣмечены, или потому только, что говорятъ по-нѣмецки. Гимназія эта содержится исключительно на русскія деньги. Она учреждена въ 1775 году подъ названіемъ «Academia Petrina», преобразована въ 1804 году въ такъ называемый «Gymnasium illustre» о трехъ классахъ, въ 1820 году въ гимназію съ пятью, а въ 1860 году съ семью классами. Теперь въ ней семь основныхъ и столько же параллельныхъ классовъ и два приготовительные. Русскіе мундиры синяго сукна на начальствующихъ лицахъ, несомнѣнно, свидѣтельствовали о томъ, что эта гимназія правительственная, а число русскихъ учениковъ, одиннадцать мальчиковъ на 588, доказываетъ совершенно наглядно, что о какой-либо исключительности тутъ не можетъ быть и рѣчи. Зданіе въ полномъ смыслѣ роскошно; немного такихъ гимназическихъ зданій въ Россіи. Но и тюрьмою своею можетъ Митава по справедливости гордиться; между тѣмъ какъ въ великой Россіи множество тюремныхъ замковъ вѣтшаетъ и кубическое содержаніе въ нихъ воздуха, по количеству заключенныхъ, не удовлетворяетъ самымъ основнымъ гигіеническимъ условіямъ,—митавская тюрьма, построенная на казенныя русскія деньги, является настоящимъ palazzo съ роскошными коррридорами, чугунными лѣстницами, особымъ рабочимъ домомъ. Нельзя было отклонить отъ себя докучливую мысль о томъ: почему же именно на долю прибалтійскаго края выпадали такіе

лакомые кусочки государственной смѣты? Тюрьма построена нѣсколько лѣтъ назадъ и стоила около ста тысячъ рублей; помѣщенія въ ней на 200 человѣкъ арестантовъ; зимою помѣщается и больше.

Невольно вызывалъ на подобное же сравненіе и лютеранскій соборъ. Тогда какъ православнаго храма,—дома молитвы первенствующей въ Россіи, а слѣдовательно и здѣсь, церкви,—надобно поискать, прежде чѣмъ найти,—лютеранскій храмъ о трехъ нефахъ на круглыхъ столбахъ, подъ круглыми арками, изъ которыхъ средній нефъ значительно выше, съ высокимъ шпицемъ, видѣнъ отовсюду издали; алтарь расположенъ въ углубленіи и освѣщенъ цвѣтными

Митава. Православный соборъ.

стеклами; въ церкви есть и скульптура, и живопись; много фигурокъ, совершенно бѣлыхъ, разбросано по бѣлому канцелю, а органъ хорошъ и силенъ.

Никакому сравненію не подлежитъ, по своей характерности, учрежденіе, называемое «Adelige St.-Catharinen-Stift», нѣчто въ родѣ пріюта благородныхъ престарѣлыхъ дѣвицъ и вдовъ, основанный въ 1775 году, какъ гласитъ объ этомъ старая надпись на старомъ домѣ, вдовою бывшаго лифляндскаго губернатора, Катериною фонъ-Бисмаркъ. Пріютъ былъ разсчитанъ сначала на помѣщеніе восьми женщинъ, курляндскихъ дворянокъ «безъ различія вѣроисповѣданія», причемъ дѣвицамъ отдавалось предпочтеніе предъ вдовами; но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе новыхъ вкладовъ, изъ которыхъ послѣдній внесенъ графинею Липенъ въ 1880 году, явилась возможность прибавить еще

восемь вакансій. Всѣ эти шестнадцать дамъ подчинены настоятельницѣ «Aebtissin» и куратору, т. е. двумъ начальствующимъ лицамъ изъ курляндскаго дворянства. При самомъ началѣ учрежденія, имѣющаго несомнѣнно добрую сторону, оно было утверждено королемъ польскимъ Станиславомъ Августомъ въ 1788 году; король далъ всѣмъ дамамъ и обоимъ лицамъ, завѣдывающимъ учрежденіемъ, для ношенія на шеѣ особый крестъ, голубой, подъ золотою короной, на голубой лентѣ съ бѣлымъ кантомъ, напоминающій очертаніемъ прусскій «pour le mérite». Дамы получаютъ, помимо помѣщенія и стола, ежегодную пенсію въ 125 рублей. Капиталъ учрежденія, 100.000 рублей, отъ поры

Митава. Ратуша.

до времени увеличивается пожертвованіями; кое-что даетъ отъ себя курляндское дворянство и благотворители. Мужъ основательницы учрежденія, лифляндскій губернаторъ Лудольфъ Бисмаркъ, одновременно съ Бирономъ сосланъ въ Сибирь, помилованъ въ 1750 году и умеръ въ Полтавѣ. Къ столѣтію учрежденія, въ 1875 году, пріютъ получилъ поздравительную телеграмму отъ германскаго канцлера.

Вольная пожарная команда Митавы очень многочисленна, въ ней около четырехсотъ человѣкъ, та же военная выправка, тѣ же командныя слова, что и вездѣ.

Въ тотъ же самый день, оставаясь вѣрными однажды утвержденной программѣ—оказывать равное вниманіе всѣмъ народностямъ, обитающимъ въ

балтійскихъ губерніяхъ, путешественники посѣтили такъ называемый Медемскій садъ, принадлежащій латышскому обществу, гдѣ прослушали исполненіе нѣсколькихъ хоровыхъ пѣсенъ. И тутъ, какъ при многихъ посѣщеніяхъ не-нѣмецкихъ учрежденій, отсутствовалъ, напримѣръ, городской голова, который, въ силу значенія той цѣпи, которую носитъ, обязательно долженъ бы былъ находиться налицо. Это отсутствіе нѣмецкаго элемента въ средѣ латышскаго общества не могло быть не замѣчено и должно было неминуемо войти въ число тѣхъ впечатлѣній, которымъ предстояло опредѣлиться и обусловить нѣкоторые общіе выводы за все время пути. Это «отсутствіе по народно-

Митава. Плавучій мостъ.

стямъ» свидѣтельствовало, несомнѣнно, о существованіи въ краѣ глубокой, укоренившейся и вовсе нежелательной розни.

Много любопытнаго, рѣдкаго и поучительнаго представляла устроенная въ Митавѣ, въ 1885 году, культурно-историческая выставка. Ранѣе уже упоминалось о томъ похвальномъ уваженіи, которое питаютъ нѣмцы къ своему прошлому; это уваженіе сказывается, между прочимъ, и въ томъ, какъ бережно сохраняютъ они всякія семейныя реликвіи, всякія бездѣлушки, такъ или иначе попавшія въ семью. Такъ какъ судьбы прибалтійскаго дворянства были таковы, что, съ одной стороны, оно находилось въ прямыхъ сношеніяхъ еще съ крестоносцами, съ императорами священной римской имперіи, съ корифеями католичества и протестантства, а, съ другой—съ развитіемъ Русской

Земли, въ особенности съ петровскаго времени; такъ какъ судьбѣ угодно было, чтобы уроженцы балтійскихъ губерній занимали въ Россіи множество высшихъ постовъ, военныхъ и гражданскихъ (въ XVIII вѣкѣ было изъ нихъ, въ разныхъ странахъ, не исключая, конечно, Россіи, по словамъ Экарта, двадцать одинъ фельдмаршалъ и множество генераловъ), то понятно, что и вещественныхъ воспоминаній хранится у нихъ видимо-невидимо. Предполагали устроить выставку отъ всѣхъ трехъ губерній, но состоялась отдѣльно курляндская. Справедливость требуетъ замѣтить, что выставка заслуживала самаго подробнаго осмотра, сильно облегченнаго тѣмъ, что люди, спеціально знакомые съ отдѣлами, находились тутъ же и давали объясненія.

Въ 1.400 нумерахъ каталога, распредѣленныхъ систематически по отдѣламъ, можно было видѣть предметы дѣйствительно любопытные. Старѣйшій отдѣлъ—это языческое время края, металлическіе и каменные слѣды раскопокъ, причемъ, какъ въ Египтѣ, находили сѣмена и остатки кухонныхъ приготовленій, такъ и здѣсь, въ Терветенѣ, найденъ допсторическій ячмень. Особенно любопытны ожерелья и браслеты, извѣстныя здѣсь подъ именемъ варенброкскихъ и аппенбургскихъ, и модели такъ называемыхъ «крестьянскихъ горъ», о которыхъ говорилось въ главѣ объ Аренсбургѣ; послѣднія, числомъ около 200, изслѣдованы пасторомъ Бленштейномъ, находившимся на выставкѣ и составившимъ своимъ раскопкамъ подробныя карты. Трудно перечислить все наиболѣе замѣчательное въ длинныхъ рядахъ всякихъ фарфоровъ, табакерокъ, кубковъ, рѣзьбы изъ дерева и слоновой кости, всякихъ инкрустацій, медальоновъ, оружія, мозаикъ, одѣяній, миніатюръ, рисунковъ, образчиковъ печатнаго дѣла. Приходится ограничиться обзоромъ только нѣсколькихъ, наиболѣе замѣчательныхъ, по той или другой причинѣ.

Курляндія имѣла свой собственный орденъ «de la reconnaissance»—«Благодарности», бѣлый мальтійскій крестъ, на серебряной, краснымъ окаймленной, лентѣ, носившій надпись «pour les honnêtes gens», разсчитанный на 12 курляндскихъ и 12 иностранныхъ кавалеровъ ордена и основанный, между прочимъ, для усиленія связи между герцогомъ и дворянствомъ; орденъ этотъ не пережилъ своего основателя, герцога Фридриха-Вильгельма, супруга принцессы Анны Іоанновны. Исключительно нѣмецкаго характера имѣвшіеся налицо «вѣерные альбомы», въ которыхъ на складкахъ вѣеровъ написаны автографы болѣе или менѣе замѣчательныхъ людей, знакомыхъ когда-то владѣлицѣ вѣера; наиболѣе замѣчателенъ тотъ, что принадлежалъ г-жѣ фонъ-Рекке, съ автографами Гёте, Клопштока, Гердера и др.; еще болѣе надписей въ настоящихъ альбомахъ, на которые въ XVIII вѣкѣ былъ великій урожай, и которыхъ на выставкѣ имѣлось нѣсколько. Не лишенъ былъ интереса генеалогическій рядъ портретовъ, писанныхъ масляными красками на холстѣ, съ изображеніями всѣхъ герцоговъ изъ дома Кетлера: это цвѣтныя иллюстраціи къ тѣмъ темнымъ, холоднымъ гробамъ, которые сохраняются въ подвальномъ этажѣ одного изъ флигелей митавскаго за́мка; хороши портреты Паткуля и Бирона. Слѣдуетъ помянуть о «первой латышской книгѣ», напечатанной ровно 300 лѣтъ назадъ. Въ числѣ предметовъ церковнаго характера надо вспомнить о старой

гробовой доскѣ съ изображеніемъ страшнаго суда; купель 1704 года, подарокъ баусской церкви отъ нѣкоей госпожи Шультъ, во вниманіе къ тому, что ей довелось видѣть 300 человѣкъ своего прямаго потомства. О добросовѣстности храненія вообще свидѣтельствуетъ собраніе митавскихъ афишъ съ конца XVII по начало XIX вѣка: надобно же было имѣть терпѣніе и послѣдовательность, чтобы собирать афиши въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія! Любопытенъ кубокъ, вмѣщающій восемь бутылокъ, который нѣкто Офенбергъ осушалъ сразу; замѣчательна небольшая фотографія останковъ перваго епископа Мейнгарда († 1196): при передѣлкѣ рижскаго собора въ 1883 году ихъ вскрывали и нашли, что кости сложены въ небольшой четырехъугольный ящикъ, а не во всю длину человѣка. Наглядным свидѣтельствомъ того, какъ свѣваются временемъ старые рыцарскіе за́мки, служили рисунки двадцатыхъ годовъ: развалины, которыя имѣлись тогда налицо, теперь не существуютъ.

Совершенно самостоятеленъ былъ отдѣлъ грамотъ и хартій, которыя находятся здѣсь въ великомъ почетѣ, далеко не всѣ по праву и значенію. Старѣйшая—1245 года; тутъ же имѣлись налицо копія знаменитой Pacta subjectionis 1561 Сигизмунда, о которой упоминается въ грамотѣ Петра I, Formula regiminis 1617 и всякія подтвержденія правъ и привилегій курляндскаго дворянства. Къ числу способовъ, способствовавшихъ сохраненію грамотъ въ балтійской странѣ, должно отнести, напримѣръ, и слѣдующій: когда шведское правительство потребовало отъ лифляндскаго дворянства подлинной грамоты Сигизмунда, оно представило только копію съ нея, объяснивъ, что подлинная затерялась; нѣчто сходное имѣло мѣсто и съ былыми требованіями нашего правительства. Вообще всякимъ грамотамъ въ этомъ краѣ нѣтъ числа, и митавская выставка доказывала это. Не виднѣлось между ними только самаго важнаго документа—«Грамоты Петра I», и по причинамъ весьма существеннымъ. Вотъ онѣ въ нѣсколькихъ словахъ.

Когда, въ концѣ 1709 года, Петръ I завоевалъ прибалтійскую страну и желалъ избѣгнуть лишняго кровопролитія при взятіи городовъ Риги, Ревеля и Пернова, то обнародовалъ «Универсалъ» — воззваніе, обѣщавшее сохранить евангелическое вѣроисповѣданіе и дворянству его привилегіи. На это воззваніе отвѣта не послѣдовало, и тогда приступили къ осадѣ Риги и Пернова, и они сдались на капитуляцію въ 1710 году: Рига — Шереметеву 4-го іюля, Перновъ—Бауэру 12-го августа. При сдачѣ имъ были предложены такъ называемые «аккордные пункты», частью утвержденные генералами, частью отложенные до утвержденія царемъ. Въ Эстляндіи Петръ I тоже обнародовалъ воззваніе 16-го августа 1710 года, и, вслѣдствіе неполученія отвѣта, начата вторая осад Ревеля, сдавшагося Бауэру на капитуляцію 29-го сентября 1710 года, утвердившему тоже часть аккордныхъ пунктовъ. Затѣмъ дворянство и гражданство, *до утвержденія* Высочайшею властію аккордныхъ пунктовъ, присягнули на подданство Россіи. Заключенныя капитуляціи были большею частью утверждены Петромъ I, и дворянству Лифляндіи и Эстляндіи, и городамъ Ригѣ и Ревелю выданы жалованныя грамоты. О маленькой Курляндіи, составлявшей въ то время особое герцогство, въ грамотахъ не могло быть и помину.

Вотъ дословно содержаніе основной грамоты Петра I:

«Черезъ сіе вѣрному нашему рыцарству и земству въ Лифляндіи и ихъ наслѣдникамъ всѣ ихъ напредь сего благопріобрѣтенныя привилегіи, съ которыми намъ уже поддались, а особливо привилегію Сигизмунда-Августа, данную въ Вильнѣ 1561 года, статуты, рыцарскія права вольности, принадлежности (елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются), праведныя владѣнія и особенности, какъ тѣ, которыми они дѣйствительно владѣютъ и пользуются, такъ и тѣ, которыя они отъ своихъ предковъ по своимъ правамъ и принадлежностямъ притязаніе имѣютъ; за насъ, и за нашихъ законныхъ наслѣдниковъ, симъ и силою сего милостивѣйше подтверждаемъ и укрѣпляемъ и обѣщаемъ, что они и ихъ наслѣдники какъ прямо и справедливо есть при всемъ томъ совершенно и непрестанно содержаны и охранны будутъ, однакожъ наше и нашихъ государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда».

Смыслъ этой грамоты, во вниманіе къ оговоркамъ, начинающимся словами «*елико*» и «*однакожъ*», совершенно ясенъ: привилегіи дворянству были даны условно и на время. Никакими силлогизмами, никакою схоластикою изъ этой грамоты «вѣчности» привилегій не вывести и признать ее за «договоръ» между двухъ сторонъ нельзя. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что, совершенно основательно сомнѣваясь въ непоколебимости своихъ привилегій, прибалтійское дворянство, при каждомъ новомъ царствованіи, всегда испрашивало ихъ подтвержденія. Права эти дѣйствительно подтверждались, чѣмъ не устранялось «елико» и «однакожъ» грамоты. При Петрѣ II, Елисаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II сдѣланы прямыя ссылки на конфирмацію Петра I, а въ позднѣйшихъ грамотахъ, начиная отъ Александра I, при Императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II, говорится о подтвержденіи привилегій «*елико онѣ сообразны съ общими государства нашего постановленіями и законами*».

Нельзя не замѣтить, говоря объ этомъ любопытномъ предметѣ, что одна изъ ссылокъ, которыя дѣлаются защитниками «неизмѣнности» привилегій, а именно ссылка на ништадтскій миръ 1721 года, якобы подтвердившій ихъ,— совершенно невѣрна: миръ этотъ заключенъ былъ не съ дворянскими обществами, уже находившимися въ подданствѣ Россіи, а со шведскимъ правительствомъ. Любопытно и то, что впослѣдствіи постоянно просило о подтвержденіи своихъ правъ эзельское дворянство, не имѣвшее ничего общаго ни съ жалованною грамотой Петра, ни съ подтвержденіями. Еще любопытнѣе отношеніе къ этимъ подтвержденіямъ курляндскаго дворянства: отрекшись отъ ленной зависимости отъ Польши, на ландтагахъ 6-го и 16-го марта 1795 года, дворянство это рѣшило подчиниться Россіи безусловно и непосредственно, что не помѣшало ему впослѣдствіи также ходатайствовать о подтвержденіи правъ, которыхъ оно не получало, что и исполнялось, но всегда съ оговоркою «елико», и т. д. Вотъ основныя причины, вслѣдствіе которыхъ, можно думать, на митавской культурно-исторической выставкѣ грамота Петра I, на которой нѣмецкое дворянство основываетъ гораздо больше правъ, чѣмъ слѣдуетъ, отсутствовала.

Рига.

Соборъ. Кѣмъ и какъ онъ посвящается. Вольная пожарная команда. Печальная судьба просвященнаго Ириарха. Первое движеніе въ православіе въ сороковыхъ годахъ. Историческія его причины. Вечерняя прогулка по Двинѣ. Нѣсколько историческихъ картинокъ. Воспоминаніе о «редукціяхъ». Обликъ Риги по сравненію съ Ревелемъ, Домкирхе и Петрикирхе. Риттергаузъ. Домъ Черноголовыхъ. Городская ратуша. Замокъ и его исторія. Зданія большой и малой гильдій. «Литераты» и ихъ значеніе. Александровская и Ломоносовская гимназіи. Политехническое училище, его особенности, права и корпораціи. Рижско-русскія общественныя учрежденія. Садовниковская богадѣльня. Мариинскій пріютъ и Александровское училище. Общества «Баянъ» и «Ладо». «Улей». Общество отставныхъ воинскихъ чиновъ. Латышское общество. Домъ моряковъ. Памятникъ 1812 года.

Ровно въ десять часовъ утра, 22-го іюня, поѣздъ подходилъ къ Ригѣ. Пройдя мостъ чрезъ Двину, онъ двигался по высокой насыпи, и далеко внизу, въ городскихъ улицахъ, подходящихъ къ вокзалу самыми людными частями своими, виднѣлись толпы народа. День былъ воскресный, и путешественники отправились прямо въ православный соборъ. Роскошный солнечный свѣтъ и толпы народа придавали зрѣлищу яркія краски жизни. Отрадно было подъѣзжать къ величавому православному храму, вполнѣ достойному представителю русской церкви въ космополитической Ригѣ; отрадно именно потому, что путники наглядѣлись вволю на маленькія и утлыя русскія церковки въ краѣ, съ ихъ алтариками, ветхими ризами духовенства и пѣвчими, взятыми съ бору да съ сосенки.

Соборъ въ Ригѣ красуется на широкой площади, которую городъ домогался не разъ застроить, но всегда терпѣлъ неудачу, такъ какъ имѣется Высочайше утвержденный планъ, по которому частныя постройки на этой площади допускаемы быть не могутъ; соборъ поражаетъ красотою пестрой

кладки и правильностью линій. Постройка начата въ маѣ 1876 года и сдана въ духовное вѣдомство въ апрѣлѣ 1884 года. Стоимость, по первоначальной смѣтѣ, предполагалась въ 240.000 рублей, а обошлась въ дѣйствительности въ 531.745 рублей 11 копѣекъ; трудно сказать, что̀ именно изъ роскоши отдѣлки приходится на долю послѣднихъ 11 копѣекъ? Строителемъ былъ академикъ Чагинъ.

Великолѣпный храмъ во имя Рождества Христа Спасителя о пяти полукруглыхъ куполахъ, въ византійско-русскомъ стилѣ, пестрой кладки. Внутрь церкви свѣтитъ только главный куполъ, подъ прочими просвѣтовъ нѣтъ; онъ покоится на четырехъ круглыхъ аркахъ; храмъ въ два свѣта, причемъ въ окнахъ круглыя стекла, глядящія множествомъ свѣтлыхъ глазъ; въ немъ три придѣла, средній, главный, расположенъ глубже другихъ; съ боковъ и сзади хоры на отдѣльныхъ столбахъ, причемъ пѣвчіе располагаются не у алтаря, а надъ входомъ въ церковь, противъ него; надъ алтаремъ крашеный въ голубое сводъ со звѣздами, и свѣтовое впечатлѣніе писанныхъ по стѣнамъ внутри храма орнаментовъ чрезвычайно удачно; иконы всѣ безусловно новыя, хорошія, колерами своими совершенно согласованы съ общимъ тономъ свѣтового впечатлѣнія. Входъ въ церковь черезъ пристройку; иконостасъ трехъ-ярусный, подъ тремя арочками. Есть снаружи храма невысокая звонница; говорятъ, что она въ основной проектъ не входила, а пристроена позже, во вниманіе къ размѣрамъ одного изъ колоколовъ, пожертвованныхъ храму императоромъ Александромъ II.

Много любопытнаго по исторіи русской церкви въ западной Россіи заключаетъ въ себѣ жилище преосвященнаго Доната, епископа рижскаго и митавскаго. Множество воспоминаній вызывалось цѣлымъ рядомъ собранныхъ здѣсь портретовъ предшественниковъ его по рижской каѳедрѣ. Въ святительскихъ одѣяніяхъ, съ панагіями и свѣтскими орденскими знаками на груди, каждый съ тѣмъ выраженіемъ лица, которое хорошо могъ объяснить себѣ всякій, знакомый съ исторіей епископской каѳедры въ Ригѣ, глядѣли со стѣны одинъ подлѣ другого: Иринархъ, Филаретъ, Платонъ, Веніаминъ, Серафимъ, Филаретъ. Каѳедра эта устроена въ Ригѣ въ 1836 году, какъ викаріатъ псковской епархіи для борьбы съ ведосѣевскимъ толкомъ, и Иринархъ былъ первымъ, занявшимъ ее. Извѣстно, какъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, тягость положенія мѣстныхъ крестьянъ, которая только въ то время обратила на себя доброе вниманіе такихъ сердечныхъ мѣстныхъ людей, какъ Гиммельшіернъ и Фелькерзамъ, неурожай и голодъ 1839—1840 годовъ и запрещеніе вступать въ гернгутерскія братства, котораго добилось дворянство въ 1839 году, — все это, вмѣстѣ взятое, обусловило *первое* движеніе къ православію, задержанное такъ печально вслѣдъ за командировками князя Урусова и Бутурлина. Въ другомъ мѣстѣ придется припомнить съ большею опредѣленностью все это движеніе, однимъ изъ фазисовъ котораго въ шестидесятыхъ годахъ была командировка графа Бобринскаго, назвавшаго *второе* движеніе народа въ православіе «оффиціальнымъ обманомъ!» Въ тихомъ обиталищѣ преосвященнаго съ особенною ясностью воскресали въ памяти самые тяжкіе дни православія,

Рига. Лютеранская церковь св. Петра.

когда, во что бы то ни стало, его хотѣли «изубожить»... Генералъ-губернаторъ Паленъ серьезно ходатайствовалъ о томъ, чтобы въ Венденъ, гдѣ тогда движеніе сосредоточивалось, былъ вызванъ самъ преосвященный Иринархъ, «чтобы разъяснить крестьянамъ, въ присутствіи члена губернскаго правленія, ихъ заблужденіе». Это ходатайство исполнено не было, но зато въ 1841 году преосвященный Иринархъ самъ отозванъ изъ Риги и увезенъ въ Псковъ подъ присмотромъ особаго чиновника, командированнаго оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, смотрѣвшаго въ тѣ дни совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь. И сегодня, почти полвѣка спустя, глядятъ изъ грузной золоченой рамы, какъ бы желая

Рига. Православный каѳедральный соборъ.

говорить, сосредоточенныя черты лица почтеннаго святителя, въ лицѣ котораго православная церковь понесла въ тѣ дни глубочайшее, не легко забываемое оскорбленіе.

Мрачныя воспоминанія эти вызваны, конечно, не съ цѣлью пробуждать какое-либо чувство отмести. Что главныя причины тогдашняго перваго движенія въ православіе не были дѣломъ агитаціи нашего духовенства, въ которой его обвиняли, а явились послѣдствіемъ вѣками сложившагося невыносимаго быта крестьянъ, достаточно привести слѣдующія два свидѣтельства двухъ коронованныхъ лицъ. Въ 1586 году король польскій Стефанъ Баторій, предлагая ландтагу темы для занятій, выразилъ, что «утѣсненія, которымъ подвергаются лифляндскіе крестьяне со стороны помѣщиковъ, столь жестоки и без-

Рига. Пороховая башня.

человѣчны, что во всемъ мірѣ, даже между язычниками и варварами, не встрѣчается ничего подобнаго». Когда, въ 1764 году, лѣтомъ, проѣзжала по Лифляндіи Екатерина II, то, согласно ея приказанію, ландтагу 1765 года предложено было генералъ-губернаторомъ Броуномъ обсудить «нищету крестьянъ, которую Ея Величество при проѣздѣ по провинціи Лифляндіи собственными глазами узрѣла». Вотъ въ этомъ, а ни въ чемъ другомъ заключались въ сороковыхъ годахъ причины движенія къ православію.

Блестящею, богатою, радушною представляется пріѣзжему Рига, и невольно напрашивается мысль о томъ, насколько обусловлено это богатство Риги, не говоря о трудѣ мѣстнаго населенія, тѣмъ, что подъ скипетромъ русской державы впервые, безусловно впервые, если не считать короткаго времени Шлеттенберга, послѣ почти шестисотлѣтняго существованія, вступила Рига въ періодъ мирнаго благоденствія. Необходимы нѣкоторыя историческія воспоминанія, которыя тутъ будутъ умѣстны.

Семисотлѣтіе Риги уже завершилось. Чего-чего не видалъ городъ за это время, какимъ вліяніямъ не подвергался, какихъ разнообразныхъ положеній и противоположеній не испыталъ? Мало городовъ, имѣющихъ такое великолѣпное прошлое, съ точки зрѣнія чисто художественной. Вотъ нѣсколько картинокъ, на выдержку взятыхъ изъ длиннаго ряда столѣтій.

XIII вѣкъ, 1201 годъ; по устью Двины еще дремлютъ вѣковые лѣса, полные священныхъ деревьевъ язычества; обитатели безмолвныхъ сосѣднихъ странъ—длиннокудрые эсты, латыши, куроны и ливы. Къ холму, называвшемуся Риге, подплываютъ суда съ военною силою, позванивають доспѣхи, высятся копья и бердыши; воздвигается замокъ, стѣны готовы, но обитателей еще нѣтъ, ихъ привезутъ изъ чужихъ краевъ, изъ католическихъ странъ, на самомъ рубежѣ православія. Это — основаніе города епископомъ Альбертомъ. Только восемь лѣтъ спустя уже совершается въ Ригѣ первая казнь, со всѣми мрачными подробностями средневѣковой юстиціи: казнятъ рыцаря Соеста, убившаго орденсмейстера Винно; это начало, это фронтиспись ко всѣмъ пестрымъ ужасамъ междоусобій, имѣющихъ явиться въ только-что образованномъ рыцарскомъ орденѣ.

XIV и XV вѣка—время той же безконечной вражды рыцарскаго ордена съ рижскимъ архіепископомъ, за котораго стоитъ городъ Рига. Тринадцать мѣсяцевъ продолжается одна изъ многочисленныхъ осадъ его; въ городѣ голодъ и болѣзни со всѣми ихъ ужасами. Часть городской стѣны разрушена. Рыцарство, сквозь пробоины, врывается въ городъ, осѣненное своими штандартами и хоругвями, окруженное рейткнехтами и пажами, и колѣнопреклоненный, приниженный, плачущій магистратъ встрѣчаетъ его. Есть и другія картинки того же времени. Торжественная встрѣча въ Ригѣ папскаго легата, пріѣхавшаго разбирать распрю ордена съ архіепископомъ, по 230 пунктамъ обвиненій, что̀ и совершается въ процессѣ такой длины, что одни документы измѣряются десятками аршинъ; орденъ «покупаетъ» выгодное ему рѣшеніе папы, и всѣ разбои рыцарей признаются не чѣмъ инымъ, какъ христіанскими подвигами. Это—1312 и 1319 года. Проходитъ пять лѣтъ, и, въ той же Ригѣ, другой

папскій легатъ, при погашенныхъ свѣчахъ и глухомъ колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, проклинаетъ орденъ и отлучаетъ его отъ церкви. Орденъ, владѣющій огромными богатствами и вооруженный до зубовъ, въ отвѣтъ на это смѣется.

XVI вѣкъ имѣетъ свои три картинки. Бѣгутъ изъ Риги, забравъ свои пожитки, католическіе монахи, предъ лицомъ реформаціи, проповѣдуемой Кнопке; бѣгство совершается довольно мирно, хотя и не безъ иконоборства; вѣрный преданіямъ, самъ архіепископъ предпочитаетъ «продать» рижскій соборъ за 18.000 марокъ и удаляется въ Кокенхузенъ; остался въ городѣ только одинъ католическій монахъ,—это безмолвная фигурка на одномъ изъ частныхъ домовъ Риги, красующаяся въ качествѣ воспоминанія и попятъ. Другая картинка: апоѳеозъ счастливыхъ годовъ ордена, послѣднихъ годовъ его, подъ управленіемъ Плеттенберга, каменный обликъ котораго, какъ окаменѣлое осажденіе времени, во всѣхъ орнатахъ и регаліяхъ имперскаго князя и властителя ордена, избраннаго также всѣми сословіями Лифляндіи протекторомъ, безмолвно красуется и по сей день во внутреннемъ дворѣ рижскаго замка, рядомъ съ изображеніемъ Богоматери, въ одну съ нею величину, будто pendant ей!

Третья картинка имѣетъ мѣсто въ томъ же XVI вѣкѣ. Могучаго ордена нѣтъ больше, онъ исчезъ. Въ Ригѣ властвуетъ король польскій Сигизмундъ-Августъ, давшій дворянству привилегіи; но онъ же, а еще болѣе Стефанъ Баторій, ихъ и нарушилъ. Польскіе законы замѣняютъ старые мѣстные, уничтожаются ландтаги и вводятся сеймики; лучшія староства раздаются полякамъ и литовцамъ, а изъ лифляндскихъ дворянъ—только тѣмъ, кто оказалъ польскому правительству значительныя услуги; являются іезуиты, является снова католическій епископъ въ Ригѣ, многія лютеранскія церкви, какъ здѣсь, такъ и въ Венденѣ и Юрьевѣ, обращены снова въ костелы, и лютеранство становится вѣроисповѣданіемъ «терпимымъ»; такъ называемые «календарные безпорядки», за которыми слѣдуютъ казни, совершаются тутъ въ совершенно польской обстановкѣ.

Другая картина: XVII вѣкъ — первая его половина. Поляковъ нѣтъ больше; въ Ригѣ новый властитель — это король шведскій Густавъ-Адольфъ; красуются въ Ригѣ шведскіе ратяики, шведскія эмблемы; и опять лютеранство; впервые обращено вниманіе на крестьянина, производится кадастръ и ограничивается, на время только, патримоніальная юстиція. Мало-по-малу подмѣшиваются къ картинкѣ тѣ краски, на которыхъ способна будетъ выясниться характерная и мрачная личность Паткуля. Рижское бюргерство прочно заняло упразднившееся за орденомъ и архіепископомъ мѣсто, и регентша, Гедвига-Элеонора, въ благодарность за вѣрность, даетъ членамъ городскаго совѣта дворянство, а на гербъ города надѣваетъ корону, которая красуется на немъ и до сихъ поръ.

Во второй половинѣ XVII вѣка слѣдуетъ очень быстрая и полная перемѣна декорацій: отъ дворянства отнимается всякое право вмѣшиваться въ дѣла правительства; ландратская коллегія, учрежденная въ началѣ шведскаго вла-

дычества, уничтожается за злоупотребленіе ландратами своей властью; вводится правительственный контроль за ландтагами, и, наконецъ, Карлъ XI, шведскій, отбираетъ въ казну всѣ дворянскія и другія имѣнія, «когда-либо коронѣ принадлежавшія». Что же не принадлежало когда-то коронѣ? Пять шестыхъ дворянскаго имущества переходитъ такимъ образомъ къ казнѣ. Это—знаменитыя «редукціи», явленіе совсѣмъ исключительное. Дворянство настолько обѣднѣло, что, по свидѣтельству Эккарта, ко времени ландтага 1714 года, доходы рыцарства достигали 200 талеровъ и оно просило отсрочить ему недоимку въ 15 талеровъ!? Какъ бы въ насмѣшку обобранному королемъ дворянству, ему одному позволено «держать борзыхъ собакъ». Отчасти, на эти огромныя деньги ведется сыномъ Карла XI, Карломъ XII, война противъ русскихъ. Въ самой Ригѣ, во время редукцій, хозяйничаетъ заклятый врагъ дворянства, суровый королевскій намѣстникъ Гастферъ. Испуганное и обѣднѣвшее рыцарство уходитъ на службу къ чуждымъ властителямъ, и нѣтъ европейской арміи, говоритъ Эккартъ, въ которой въ половинѣ XVIII вѣка не служили бы прибалтійскіе нѣмцы; они дали двадцать одного фельдмаршала и, безъ счета, генераловъ.

Въ началѣ XVIII вѣка опять, и въ который разъ, совершается полное преображеніе. 10-го іюня 1710 года войска Петра I вступаютъ въ Ригу вслѣдъ за долгой осадой, девятой по счету всѣхъ осадъ, выдержанныхъ городомъ за все время; дѣйствію «редукцій», благодаря царской милости, только милости, данъ обратный ходъ, дворянство опять начинаетъ богатѣть, и Рига, во главѣ всего балтійскаго побережья, впервые вступаетъ въ долгій періодъ почти двухсотлѣтняго мира подъ Русской державой.

Лѣтомъ 1764 года посѣщаетъ Ригу Императрица Екатерина II. На слѣдующемъ за этимъ ландтагѣ 1765 года генералъ-губернаторомъ Броуномъ, отъ Императорскаго имени, дѣлаются различныя «propositionen» въ пользу крестьянъ, тягость быта которыхъ государыня «видѣла своими очами»; ландмаршалъ Будбергъ произноситъ свою «harangue». Это засѣданіе ландтага чрезвычайно бурно, и фрейгерра Шульца фонъ-Ашерадена, стоявшаго за крестьянъ, дворяне собираются выкинуть въ окно, «въ наказаніе ему и въ подобающій примѣръ другимъ». Голоса за крестьянъ поднимаютъ: въ 1796 году—Меркель, въ 1849—Фелькерзамъ и вмѣстѣ съ ними наше Правительство, какъ крупнѣйшій собственникъ прибалтійскихъ губерній, унаслѣдовавшій значительную часть земель, принадлежавшихъ ордену и архіепископу. Не слѣдуетъ забывать ни въ какомъ случаѣ, что, помимо безраздѣльной принадлежности прибалтійскаго края Россіи, Правительство наше является въ немъ дѣйствительно крупнѣйшимъ собственникомъ, — крупнѣйшимъ настолько, что самые колоссальные майораты края, вмѣстѣ взятые, предъ этою собственностью ничто. Въ этомъ смыслѣ нашъ управляющій государственными имуществами въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ нѣкоторомъ смыслѣ прямой наслѣдникъ и архіепископа, и гермейстера.

1783-й годъ застаетъ въ Ригѣ опять-таки новую картину. Много молятся, много звонятъ, много стрѣляютъ: это вводятъ новое городовое положеніе. До того

собирался «рыцарскій конвентъ» въ Ригѣ, просившій Императрицу одновременно съ «ревельскимъ конвентомъ» остаться при старыхъ порядкахъ; свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, имя котораго многіе переводятъ здѣсь «князь мрака», этого ходатайства до Ея Величества не допустилъ. Новые губернскіе порядки существовали только до 1796 года, до Императора Павла.

Пестрота, эффектъ и быстрая смѣна перечисленныхъ набросковъ, выхваченныхъ изъ долгой, самостоятельной исторіи Риги, остаются, собственно говоря, такими же и за все время управленія краемъ нашими генералъ-губернаторами, — управленія, длившагося до 1876 года, до кончины князя Багратіона; перемѣнялись только имена, размѣры пожеланій и отдѣльныхъ стремленій были сокращаемы, но традиціонныя противоположности оставались. Отошедшія нынѣ въ былое генералъ-губернаторскія управленія, имѣющія каждое собственное имя, очень рѣзко отдѣлялись одно отъ другого и имѣли каждое свои очень хорошо сохранившіяся черты. Во многихъ изъ нихъ не узнаваемы были Высочайшія предначертанія, но судъ потомства еще не наступилъ. Въ замкѣ, въ помѣщеніи начальника губерніи, имѣются портреты многихъ изъ генералъ-губернаторовъ, и тутъ, какъ въ помѣщеніи преосвященнаго, можно читать по писанымъ кистью лицамъ исторію долгихъ, долгихъ лѣтъ этого своеобразнаго уголка нашей Русской Земли.

Во внѣшнемъ обликѣ Рига, помимо размѣровъ и богатства, бьющихъ въ глаза въ ея монументальныхъ сооруженіяхъ новѣйшаго времени, отличается отъ Ревеля, полнаго и до сихъ поръ многими архитектурными памятниками среднихъ вѣковъ, тѣмъ, что она «поюнѣла». Имѣетъ и Рига древніе памятники, въ ряду которыхъ стоитъ назвать, напримѣръ, домъ Черноголовыхъ, соборную церковь, замокъ, церковь св. Петра; но они какъ бы теряются въ обступившей ихъ отовсюду поросли новаго, заглушающей архитектурное представительство прежнихъ дней. Въ Ревелѣ, въ его очертаніяхъ, во многихъ, сравнительно съ народонаселеніемъ, церквахъ, въ частныхъ домахъ, въ направленіяхъ и размѣрахъ улицъ не чувствуется руки инженера, направлявшаго ихъ; они шли, тянулись, развѣтвлялись, какъ Богъ послалъ; въ Ригѣ, въ особенности въ новыхъ частяхъ ея, а они почти всѣ новыя, замѣчается общая планировка и древніе памятники ея все болѣе и болѣе сиротѣютъ, хилѣя въ постоянно сильнѣющемъ потокѣ новой торговой жизни. Трактирная и ресторанная жизнь въ Ригѣ тоже очень развиты, и пивныя являются, какъ и во всѣхъ торговыхъ центрахъ, продолженіемъ биржи. Относительно газетъ — это чуть ли не самый пестрый городъ, потому что тутъ дома—нѣмецкія, эстонскія и латышскія, каждая со своими взглядами на рѣшеніе разныхъ вопросовъ.

Лютеранскій соборъ, Маріенкирхе, болѣе извѣстный подъ именемъ Домкирхе, былъ построенъ въ 1215 году и, какъ сказано, въ 1551, во времена введенія реформаціи, совершенно «мирнымъ путемъ», «денежной сдѣлкой», перешелъ отъ послѣдняго архіепископа Вильгельма за 18.000 марокъ въ пользованіе лютеранъ; некрасивый чепчикъ на колокольнѣ помѣщенъ на нее въ 1776 году и только еще недавно освобождены боковые нефы храма, служив-

шіе складами соли и льна. Храмъ этотъ о трехъ нефахъ, изъ которыхъ средній значительно выше. Четыре массивные столба составляютъ главную внутреннюю опору; готическіе мотивы сказываются здѣсь гораздо полнѣе, чѣмъ въ ревельскихъ церквахъ, красивыми стрѣльчатыми сводами, окнами съ цвѣтными стеклами и расчлененіями верхнихъ частей столбовъ на пятигранныя колонки, алтарь подъ готическимъ верхомъ; на канцелѣ—маленькія фигурки

Рига. Домъ «Черноголовыхъ».

апостоловъ. Въ соборѣ покоятся: первый по времени епископъ Мейнгардъ († 1196), первый проповѣдникъ католичества, прибывшій на пустынные берега Двины, въ струяхъ которой до того не отражались облики меченосцевъ, и послѣдній, продавецъ собора, Вильгельмъ († 1563), видѣвшій своими глазами обмираніе орденской силы, безвозвратно затмившейся. Здѣсь же покоится знаменитый архіепископъ Стодевешеръ, самое ехидное, самое лживое воплощеніе

католическаго духовнаго лица средневѣковаго типа, настолько же обманный и лицепріятный при жизни, насколько молчаливый и поучительный собесѣдникъ въ качествѣ одного изъ характернѣйшихъ покойниковъ почтеннаго собора; Стодевешеръ руководилъ судьбами архіепископіи тридцать лѣтъ и назначенъ папскою буллой 1448 года. Всякихъ гробницъ, какъ и подобаетъ, въ соборѣ очень много, и на значительномъ числѣ ихъ читаются сразу нѣсколько надписей, потому что, вслѣдъ за торжествомъ реформаціи, лютеране начали пользоваться готовыми католическими могилами, удвоя въ натурѣ и надписями безмолвное населеніе собора. Одна изъ эпитафій гласитъ, что тутъ покоится

Рига. Внутренній видъ Риттергауза.

Магдалина Рейнъ († 1688), ста двадцати лѣтъ отъ роду, видѣвшая семьдесятъ шесть человѣкъ своихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ; «ступай, смертный, и постарайся сподобиться такого же долголѣтія»,—гласитъ эпитафія, скромно умалчивая о пожеланіи такой же плодовитости; въ Митавѣ, какъ упомянуто было выше, имѣется примѣръ плодовитости еще большей, достигавшей цифры 300. Надъ людскимъ царствомъ мертвыхъ Домкирхе зачастую поднимается голосъ самаго большаго органа въ свѣтѣ, поставленнаго въ 1883 г.; газовый двигатель его въ четыре лошадиныя силы, съ него звучитъ 6.800 трубъ, изъ которыхъ наибольшая, самая густая, имѣетъ тридцать футовъ вышины; регистровъ 125; Либава оспариваетъ, какъ сказано, первенство своего органа, но въ ангельскихъ голосахъ, vox celestis, поспорить съ нимъ не можетъ. Рига,

какъ извѣстно, имѣетъ своего суперъ-интенданта, не зависящаго отъ лифляндскаго генералъ-суперъ-интенданта; ему подчинены: въ городѣ—три церкви съ тремя пасторами, въ пригородахъ—пять церквей съ шестью пасторами и внѣ города—четыре прихода съ шестью церквами и четырьмя пасторами.

Церковь св. Петра, Петрикирхе, существуетъ съ XV вѣка; древняя колокольня ея рухнула въ 1666 году; въ 1667 году случился пожаръ; въ 1721 году слѣдовало почти полное разрушеніе молніей, и Петръ I повелѣлъ возстановить ее по древнему образцу, на русскія деньги, что̀ и было исполнено къ 1746 году. При описаніи Ревеля упоминалось о возрожденіи церкви Олая великодушіемъ Императора Александра I и о многихъ другихъ подар-

Рига. Риттергаузъ.

кахъ державныхъ властителей нашихъ различнымъ городамъ и учрежденіямъ прибалтійскихъ губерній, не изъ желанія какой-либо оплаты, а съ тѣмъ что, какъ выраженіе чувства взаимности, желательно было отмѣтить что либо подобное со стороны лютеранъ прибалтійскаго края въ пользу православныхъ церквей, которыя, мало-по-малу, возникаютъ и требуютъ только немного земли для построенія дома молитвы, скромнаго жилища причту и уголка кладбищу съ православными крестами въ память почившихъ. Въ алтарѣ Петрикирхе покоится Кнопке, первый проповѣдникъ здѣсь лютеранства. Множество гробницъ и легіонъ эпитафій свидѣтельствуютъ о далекихъ годахъ и пестромъ прошломъ. Шпицъ этой церкви, вмѣстѣ съ пѣтухомъ, достигаетъ 440 футовъ высоты.

Наиболѣе выдающіеся изъ старыхъ памятниковъ свѣтскаго характера — риттергаузъ, замокъ, ратуша и домъ Черноголовыхъ.

Въ риттергаузѣ, изъ нишъ надъ входною дверью, глядитъ изображеніе Плеттенберга; это послѣднее имя того длиннаго ряда именъ всѣхъ мейстеровъ ордена, которыя значатся въ одной изъ залъ риттергауза. Въ роскошныхъ и типичныхъ портретахъ имѣется тутъ, въ большомъ залѣ и маломъ готическомъ, цѣлая галлерея властителей Риги: Плеттенберга, короля Сигизмунда-Августа, Императоровъ Петра I, Павла I, Александра I. Николая I, Александра II и Александра III. Въ большомъ залѣ смотрятъ гербы матрикулованныхъ дворянскихъ родовъ Лифляндской губерніи, фигурныя изображенія кото-

Рига. Замковая площадь.

рыхъ имѣютъ каждое что поразсказать, и разсказы нѣкоторыхъ изъ нихъ ведутъ далеко назадъ, не ближе, чѣмъ къ крестовымъ походамъ. Въ числѣ характерныхъ украшеній главнаго зала слѣдуетъ упомянуть о бюстахъ Паткуля и Кетлера и о двѣнадцати прелестныхъ венеціанскихъ видахъ Каналетто, висящихъ въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ.

Домъ Черноголовыхъ, отличающійся отъ всѣхъ домовъ Риги самымъ типичнымъ, фигурчатымъ, острокопечнымъ, цвѣтистымъ фасадомъ, существуетъ съ XIV вѣка «Шварцгэйптеры», «Черноголовые», о которыхъ уже упоминалось ранѣе, какъ о корпораціи, пережили много вѣковъ и были чѣмъ-то совершенно противоположнымъ рыцарскимъ союзамъ, составленнымъ для грабежа и поеив-

шимъ различныя мѣстныя названія: «общество ящерицъ» въ Лифляндіи (съ 1397 года), «подорожники» въ Бранденбургѣ, и многія другія. Черноголовые въ Ригѣ не разъ проливали кровь въ защиту своего очага, и вотъ причина того глубокаго уваженія, которымъ они пользовались. Въ городскомъ соборѣ имѣли они свои почетныя мѣста съ ратсгерами рядомъ, и имена ихъ виднѣются на сѣдалищахъ и до настоящаго времени. Теперь Черноголовые имѣются только въ Ригѣ и Ревелѣ; и здѣсь, и тамъ, въ старинномъ зданіи виднѣется цѣлый рядъ изображеній былыхъ властителей Риги; есть картина побѣды Петра I надъ шведами, и хранится очень цѣнное собраніе всякихъ средневѣковыхъ кубковъ, блюдъ, канделябровъ и пр., хорошей нѣмецкой работы.

Если въ Ревелѣ «Черноголовые», въ каскахъ и красныхъ отворотахъ, напомнили собою взводъ преображенцевъ начала царствованія Императора Александра II—здѣсь было нѣчто совсѣмъ другое: черные фраки, при черныхъ штиблетахъ, складная треуголка подъ мышкой и шпага въ стальной оправѣ при бедрѣ, называемая «Galanteriedegen»—одѣянія, напоминавшія, вообще, кромѣ париковъ, салонныхъ кавалеровъ времени круглыхъ фижмъ и черныхъ мушекъ. И тутъ возникалъ вопросъ: что такое «Черноголовые?» Это не клубъ, не ученое учрежденіе, скорѣе всего благотворительное, но во всякомъ случаѣ какой-то центръ. Ихъ въ настоящее время двадцать пять человѣкъ, обязательно холостыхъ и не дворянъ; они имѣютъ капитала около 250,000 руб., платятъ пенсіи, достигающія, какъ говорятъ, до 3,000 руб.; взносы при поступленіи мѣняются отъ 600 до 800 руб.; но что такое «Черноголовые» — непостижимо.

Городская ратуша построена въ 1765 году на мѣстѣ прежде бывшей, воздвигнутой въ 1595 году; въ 1847 подверглась она значительной перестройкѣ и утратила, отчасти, типичность, не утративъ, конечно, дорогихъ для города цѣлыхъ сонмовъ воспоминаній. Тутъ въ тяжелые годы безконечно долгой борьбы между орденомъ, архіепископомъ и бюргерами шли совѣщанія, тутъ толковали граждане съ представителями королей польскихъ и шведскихъ, тутъ рѣшено было, когда пришла пора, подчиненіе Россіи. Именно въ стѣнахъ ратуши обсуждались въ осажденной нашими войсками Ригѣ и универсалъ, и аккордные пункты, и въ ратушѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, чувствуются плоды 180-лѣтняго мирнаго существованія Риги подъ скипетромъ нашей державы. Теперь помѣщается здѣсь же управленіе городской думы, и это, въ историческомъ развитіи, послѣдній по времени фазисъ жизни богатой, идущей еще къ большему богатству, Риги. На площади противъ ратуши графъ Шереметевъ въ 1710 году принималъ присягу гражданъ на подданство Россіи.

Какъ было во времена рыцарства, такъ, отчасти, и теперь, ратушѣ долженъ быть противопоставленъ замокъ, въ которомъ имѣютъ мѣстопребываніе губернаторы, съ тою разницей, конечно, что изъ оконъ замка не стрѣляютъ теперь въ народъ, какъ это бывало прежде. Замокъ этотъ—живое воспоминаніе одного изъ порабощеній города орденомъ, находившимся тогда подъ верховенствомъ Моренгейма. Это было въ мартѣ 1330 года. На Мюльграбенѣ собраны были ратсгерами горожане, послѣ долгой защиты, когда и голодъ, и болѣзни,

и измѣна духовныхъ лицъ привели ихъ въ невозможность защищаться. Со слезами на глазахъ повѣдали старѣйшины о необходимости подчиниться; униженно обращались мы, говорили они, о помощи къ папѣ, кардиналамъ, къ морскимъ и сухопутнымъ городамъ, къ разнымъ властителямъ — и не было намъ помощи. Рѣшено было сдаться. Повелѣвъ снести тридцать аллей городской стѣны, сквозь эти широкія ворота, чрезъ засыпанный ровъ, втягивался въ торжественномъ шествіи въ городъ Моренгеймъ со своими рыцарями. Въ хроникѣ Луки Давида разсказаны тяжелыя повѣсти о тогдашнихъ жестокостяхъ рыцарей. На страхъ городу, разумно предвидя непрочность его покорности, Моренгеймъ построилъ за́мокъ. Зубчатыя твердыни этого прежняго за̀мка цари-

Рига. Городская ратуша.

ли до 1484 года, до времени отмести, расплаты. Рыцари снова были вынуждены уступить его горожанамъ и, быстрѣе чѣмъ созидался за̀мокъ, разнесенъ онъ на части: магистратъ объявилъ стѣны его даровою каменоломней для желавшихъ строиться. Недовольный тѣмъ, что съ мая по іюнь могучія стѣны еще держа́лись, магистратъ распорядился о скорѣйшемъ разрушеніи, и тогда-то обусловилась одна изъ удивительнѣйшихъ, когда-либо и гдѣ-либо имѣвшихъ мѣсто картинъ. Вынуты были изъ-подъ стѣнъ каменныя основанія, подведены балки, пустота наполнена хворостомъ и соломой и пущенъ огонь. Когда все было объято пламенемъ, рухнула моренгеймовская громада, подобно гигантской декораціи, со всей вышины своей, при великомъ ликованіи народа. Прошелъ

послѣ этого только 31 годъ; сыновьямъ и внукамъ людей, сокрушавшихъ замокъ, пришлось, по повелѣнію ордена, создавать новый. Это случилось за время управленія Плеттенберга въ 1515 году, и безмолвный обликъ магистра-строителя еще виднѣется надъ воротами замка во второмъ дворѣ его. Этотъ новый замокъ подвергался тоже перестройкамъ въ 1783 и 1843—1844 годахъ, и въ настоящее время только одною изъ сторонъ своихъ, и то изъ-за другихъ строеній, смотритъ на Двину съ вершины своего холма. Въ немъ помѣщаются, кромѣ губернатора, замковая церковь съ квартирою для священника, губернское правленіе, казенная палата, камера прокурора, губернское казначейство, Hofgericht, канцелярія губернатора, чертежная, консисторія, Landgericht, Ord-

Рига. Биржа.

nungsgericht, врачебная управа, землеустроительное отдѣленіе, архивъ, приказъ общественнаго призрѣнія и много частныхъ квартиръ. Этотъ перечень свидѣтельствуетъ о громадности замка, но отнюдь не о его красотѣ.

Что касается зданій большой и малой гильдій, то они, какъ произведенія новѣйшаго времени, не относятся къ числу исторически характерныхъ построекъ и входятъ въ ряды тѣхъ, которыя, подобно театру, политехническому училищу и многимъ другимъ, свидѣтельствуя о богатствѣ города, лишили его той типичности, которая такъ хороша въ Ревелѣ и утрачена здѣсь навсегда. Большая гильдія или гильдія св. Маріи, — это собраніе купцовъ и литераторъ; малая или Іоанновская состоитъ изъ ремесленниковъ и цеховыхъ. Зданія обѣихъ гильдій совершенно новыя, но очень характерны старые портреты и

Рига. Большая гильдія.

картины, сюда перенесенные; на лѣстницѣ—изображенія альдермановъ и виды прежнихъ, не существующихъ болѣе зданій, стѣнъ и крѣпостныхъ воротъ Риги. Есть нѣкая типичная легенда о значеніи, какое имѣлъ въ прежнее время одинъ изъ залъ, такъ называемый «Brautkammer»—комната невѣстъ.

Только-что названные нами участники большой гильдіи, «литераты», составляютъ явленіе до такой степени исключительно балтійское, и въ то же время не балтійское, въ такой мѣрѣ характерное и обильное послѣдствіями, что на нихъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько дольше. Это явленіе совсѣмъ балтійское, потому что оно такъ же оригинально, какъ Катерининское женское учрежденіе съ голубыми крестами на шеѣ въ Митавѣ, какъ красные и черные Шварцгэйптеры въ Ригѣ и Ревелѣ; не балтійскимъ является оно въ смыслѣ своей сравнительной новизны, потому что историки края, безъ различія оттѣнковъ, объ историческомъ возникновеніи литератовъ, кажется, не говорятъ вовсе. Не только понятіе, но и самое слово литератъ (не литераторъ) такъ ново и туманно, что людямъ, желающимъ разъяснить себѣ его смыслъ и незнакомымъ съ путанными мѣстными законоположеніями, необходимо обращаться за разъясненіемъ къ юристамъ края. Юристы объясняютъ, что «литератъ» долженъ обозначать человѣка образованнаго и что таковые «литераты» установлены правилами 26 марта 1877 года, въ которыхъ объяснено, что это тѣ образованныя лица, которыя могутъ участвовать въ выборной дѣятельности городскаго самоуправленія, внѣ общихъ условій ценза, внося отъ 3—6 рублей въ годъ. Далѣе юристы объясняютъ, что статья 17-я названныхъ правилъ относитъ къ литератамъ «всѣхъ именуемыхъ по мѣстнымъ обычаямъ таковыми», а въ числѣ «мѣстныхъ обычаевъ», поименованныхъ въ сводѣ «мѣстныхъ узаконеній», имѣется, въ двухъ какихъ-то статьяхъ, весьма и весьма растяжимое опредѣленіе, что литераты суть лица, «имѣющія какое-либо ученое званіе». Далѣе будетъ объяснено, что губернскія присутствія обыкновенно предоставляютъ опредѣленіе этой учености думамъ, а думы признаютъ литератами всѣхъ лицъ, «посѣщавшихъ» высшія учебныя заведенія, въ предѣлахъ Россіи или за границей, съ окончаніемъ или безъ окончанія курса — безразлично. Такимъ образомъ, «ученое званіе» свода мѣстныхъ узаконеній преобразовывается на практикѣ въ «посѣщеніе» высшаго учебнаго заведенія, хотя бы безъ окончанія курса и даже только за границей, и это служитъ аттестатомъ или свидѣтельствомъ зрѣлости! Дальнѣйшее развитіе идеи литератства спутываетъ дѣло еще больше: въ Курляндской губерніи литераты дѣйствуютъ въ томъ разрядѣ думы, въ которомъ они пожелаютъ; въ Лифляндской они идутъ по III разряду, по размѣру сбора со свидѣтельствъ на мелочной торгъ. Въ настоящую минуту дѣло находится въ томъ положеніи, что мѣстныя думы, или, правильнѣе, управы, могутъ составить себѣ при выборахъ какое угодно большинство, напустивъ литератовъ, и дать этимъ собранію горожанъ любую, удобную или неудобную Правительству, окраску.

Въ Ригѣ имѣются двѣ русскія правительственныя гимназіи: Александровская мужская съ 479 учениками и Ломоносовская женская съ 266 ученицами. Оба зданія довольно помѣстительны. Можно надѣяться, что въ рус-

ской правительственной гимназіи между юношами нѣтъ ни одного члена «союза германскихъ гимназистовъ», и, что одна изъ прописей, гласящихъ со стѣнъ зала: «всякая душа властямъ предержащимъ да повинуется», понимается ими въ русскомъ духѣ, такъ, какъ понимаема быть должна. Слѣдуетъ вспомнить, что, тогда какъ правительственная русская женская гимназія Риги не выдавала дипломовъ на званіе домашнихъ учительницъ, за неимѣніемъ права,— правами этими, исходатайствованными въ 1880 году управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, Сабуровымъ, пользуется въ Юрьевѣ частное

Рига. Городской театръ.

женское заведеніе Муйшель, такъ называемое «Mellinsche Anstalt». Это—одна изъ тѣхъ несообразностей, которыя рѣжутъ глаза.

Несравненно роскошнѣе, внушительнѣе зданіе политехническаго училища. Политехники раздѣляются по корпораціямъ съ ихъ знаменами; широкіе, пестрые, шелковые шарфы черезъ плечо, маленькія шитыя золотомъ и серебромъ шапочки на головахъ, длинныя, съ невѣроятно широкими пугающими рукоятками шпаги («Schläger'ы») въ рукахъ, наклоненіе знаменъ и салюты шлегерами напоминаютъ, какъ двѣ капли воды, обстановку германскихъ университетовъ и, если бы не синіе мундиры министерства народнаго просвѣщенія на начальствующихъ лицахъ, можно было бы думать, что находишься не въ

Россіи. Корпораціи дозволены закономъ 18-го февраля 1871 года, причемъ сказано, что корпораціи имѣютъ цѣлью подготовку къ полезной дѣятельности въ «отечествѣ». Въ какомъ: большомъ или маломъ? Корпорацій въ училищѣ шесть: три нѣмецкія, одна русская и двѣ польскія. Несмотря на неоднократныя домогательства латышей учредить свою корпорацію, имъ этого до сихъ поръ не удается достигнуть, такъ какъ учрежденіе новыхъ корпорацій зависитъ отъ согласія существующихъ, а этого согласія существующія корпораціи не даютъ. Рижскій политехникумъ, какъ это видно по одной изъ таблицъ, выставленныхъ въ залахъ, по количеству учащихся первый въ свѣтѣ: Рига—

Рига. Политехническое училище.

856 человѣкъ, Берлинъ—600, Цюрихъ—400, Мюнхенъ—400, Ганноверъ—250.

Наиболѣе посѣщаемые факультеты — химическій, механико-инженерный и сельско-хозяйственный. Портретъ одного изъ бывшихъ воспитанниковъ, извѣстнаго африканскаго путешественника, считающагося вездѣ «нѣмецкимъ» путешественникомъ, Швейнфурта, бывшаго политехника, въ жилеткѣ и съ ружьемъ въ рукѣ, красуется на одной изъ стѣнъ, дѣлая честь всѣмъ факультетамъ политехникума одинаково. Согласно положенію 16-го мая 1861 года, политехникумъ содержится на средства сословій безъ «всякаго» участія казны; тѣмъ не менѣе, казна даетъ 10.000 руб. ежегодно и, кромѣ того, предоставила ему на двадцать четыре года, съ 1877, казенное имѣніе Петергофъ и выдала при этомъ 10,000 руб. на постройки въ имѣніи. Управляется политехникумъ

Русско-балтійскій вагонный заводъ въ Ригѣ. Общій видъ.

На фотогр. грав. М. Рашевскій.

совѣтомъ, въ которомъ членами состоятъ: директоръ, депутаты четырехъ дворянствъ, отъ города Риги и рижскаго купечества. Все преподаваніе нѣмецкое, но большинство воспитанниковъ поляки, литовцы, евреи и латыши. При окончаніи курса ученики получаютъ похвальный аттестатъ, носятъ на правой сторонѣ груди особый знакъ и по воинской повинности причислены къ первому разряду, то-есть къ окончившимъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ Ригѣ слишкомъ 32,000 русскихъ (по послѣдней однодневной переписи 1881 года на 170,000 человѣкъ 32,094 русскихъ кореннаго происхожденія), и отрадно заявить тутъ же, что, согласно небольшой книжкѣ, только-что изданной и озаглавленной «*Рижскія русскія общественныя учрежденія*», русскіе постепенно примѣшиваютъ къ нѣмецкой окраскѣ Риги очень существенные, самостоятельные колера. Всѣхъ такихъ учрежденій въ настоящую минуту 19, они имѣютъ до полумилліона рублей капиталовъ и на столько же собственнаго, общественнаго имущества. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія изъ рижскихъ учрежденій шесть; изъ нихъ: богадѣльня Садовникова, русское благотворительное общество, вспомогательное общество отставныхъ воинскихъ чиновъ, мужское общество пѣнія «Баянъ», литературно-музыкальное общество «Ладо» и «Улей».

Садовниковская богадѣльня основана по духовному завѣщанію умершаго въ 1853 году купца 1-й гильдіи, рижскаго уроженца, Ѳирса Садовникова, на капиталъ въ 125.000 руб., достигающій въ настоящее время 200,000 руб. При богадѣльнѣ очень хорошенькая небольшая церковь во имя св. Ѳирса; она вся въ образахъ, значительная часть стѣнъ облицована деревомъ. Зданія освящены въ 1876 году; призрѣвается изъ обѣднѣвшихъ православныхъ гражданъ Риги пятьдесятъ два лица, большинство женщинъ; по волѣ завѣщателя, богадѣльня содержитъ также двѣ безплатныя школы, для сорока мальчиковъ и столькихъ же дѣвочекъ. Ежегодный расходъ на все—9.500 руб. Капиталъ хранится почему-то въ рижской городской думѣ, выбирающей для завѣдыванія комитетъ изъ четырехъ человѣкъ. Въ одной изъ комнатъ имѣется портретъ завѣщателя: черты лица его видимо болѣзненны, но преисполнены доброты.

Принадлежащій рижскому благотворительному обществу Маріинскій дѣтскій пріютъ и при немъ Александровское училище для приходящихъ дѣтей, съ сапожнымъ классомъ, также достойны полнаго вниманія Общество учреждено въ 1862 году и имѣетъ теперь капитала до 65,000 руб. и два собственныхъ дома, въ которыхъ помѣщаются пріютъ и училище; въ первомъ 50 дѣтей-пансіонеровъ и 50 приходящихъ, въ училищѣ 26 учениковъ. Ежегодные расходы—до 13.000 руб.; общество пользуется, по пріюту, пособіями Ихъ Величествъ и устраиваетъ лотереи и базары. Внѣшній видъ и внутренніе распорядки производятъ хорошее впечатлѣніе.

Общества «Баянъ» и «Ладо, мужское и женское, собираются обыкновенно въ роскошномъ залѣ дома, принадлежащаго русскому акціонерному обществу «Улей». Залъ въ два свѣта, съ хорами. Въ Ригѣ существуетъ также единственное въ Россіи общество отставныхъ воинскихъ чиновъ. Въ настоящее

время въ обществѣ 72 почетныхъ члена, 92 дѣйствительныхъ и капитала 6.722 руб. Въ прошломъ году выдано пособій 192 руб., на погребеніе умершихъ членовъ 215 руб. и на лѣкарства больнымъ 86 руб. Основано общество семнадцать лѣтъ тому назадъ по почину одного изъ отставныхъ воинскихъ чиновъ, Ивана Петрова Петрова.

Рижское латышское общество, возникшее еще въ 1868 году, стоитъ какъ бы во главѣ прочихъ латышскихъ обществъ, разсыпанныхъ по городу и краю. У него двѣ цѣли: благотворительная и распространеніе образованія между латышами, въ смыслѣ сближенія съ русскимъ народомъ, съ русскою жизнью.

Рига. Плавучій мостъ.

Общество обладаетъ довольно значительными средствами, составившимися изъ разныхъ вкладовъ; одинъ завѣщалъ свой домъ, другой 16.000 руб. деньгами, и т. д. Однимъ изъ способовъ благотворенія является раздача стипендій латышамъ въ петербургскій, московскій и юрьевскій университеты. Во время самарскаго голода, въ 1873 году, русскія и латышскія общества собрали 40.000 руб.; въ 1877, во время войны, латышскія общества отправили солдатамъ много вещей и 12.000 руб. деньгами, на 25-лѣтіе царствованія Императора Александра II и на коронацію Императора Александра III рижское латышское общество стояло во главѣ латышей для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ. При учрежденіи общества выдающимися дѣятелями

были православные латыши—протоіерей Дрекслеръ и священникъ Крауклисъ. Рижскій «домъ моряковъ»—«Seemannshaus Peters des Grossen»—учрежденіе, безспорно, очень полезное и любопытное. Зданіе построено въ 1884 году за счетъ рижскаго купечества и имѣетъ капитала до двухсотъ тысячъ рублей. Въ немъ помѣщаются: навигаціонная школа, имѣются помѣщенія для двѣнадцати инвалидныхъ моряковъ, морское бюро и помѣщенія для матросовъ, гдѣ за пятьдесятъ копѣекъ въ сутки человѣкъ имѣетъ квартиру и столъ. Въ школѣ, на курсѣ 1884—1885 годовъ, находилось въ штурманскихъ классахъ четырнадцать учениковъ, въ приготовительномъ двѣнадцать, въ отдѣленіи ма-

Рига. Желѣзнодорожный мостъ.

шинистовъ и кочегаровъ сорокъ четыре человѣка; курсовъ два: для капитановъ и для рулевыхъ. Типичны во второмъ этажѣ комнатки въ видѣ каютъ числомъ до тридцати восьми, устроенныя для интерновъ; нѣкоторыя воспоминанія вызывались моделями двухъ, будто бы, первыхъ русскихъ военныхъ кораблей, пришедшихъ въ Ригу, «Das Rigsche Wapent»» и «Comandor». Видъ съ высокаго балкона, обращеннаго къ Двинѣ, на весь городъ, раскинутый на противоположномъ берегу, со всѣми его шпилями, со всѣми судами на рѣкѣ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ. Для увѣковѣченія дней, проведенныхъ въ Ригѣ въ 1885 году Ихъ Высочествами Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ и его Августѣйшею Супругою, рижское купечество постановило пожерт-

вовать капиталъ въ 10,000 рублей для содержанія на проценты съ него дряхлыхъ моряковъ въ пріютѣ «дома моряковъ».

Въ Ригѣ на Дворцовой площади мѣстнымъ купечествомъ сооружена въ 1814 г. такъ называемая «побѣдная колонна». Она сдѣлана изъ гранита и поставлена на 4-хъ-угольномъ пьедесталѣ; наверху — богиня побѣды съ лавровымъ вѣнкомъ и пальмовою вѣтвью въ рукахъ. По сторонамъ пьедестала — двуглавые орлы. На памятникѣ двѣ надписи: русская и латинская; русская надпись гласитъ: «Силы двадцати царствъ и народовъ съ мечемъ и огнемъ вторглись въ Россію и пали въ смерть и плѣнъ. Россія, погубя губителя, расторгла узы Европы; Александръ Первый побѣдоносною десницею возвратилъ и утвердилъ царямъ царства, законы народамъ».

Устье Западной Двины, Усть-Двинскъ, Дуббельнъ.

Гидротехническія работы на Западной Двинѣ. Шаланда. Видъ Больдераа и Усть-Двинска. Историческое. Покупка и битва. Развитіе нашего торговаго флота. Значеніе въ немъ эстовъ и латышей. Морскія школы. Остатки липовъ. Стрѣльба изъ пушекъ и вооруженіе верка. Дуббельнъ. Балтійскія морскія купанія. Ихъ общій характеръ. Дуббельнскій вокзалъ.

Быстрота весенних водъ Западной Двины служитъ прямымъ доказательствомъ трудности тѣхъ гидротехническихъ работъ, опытъ которыхъ, на протяженіи двадцати трехъ верстъ, отъ Риги до Двинска, произведенъ удачно. Работы исполнялись по двумъ проектамъ, что обусловило, такъ сказать, два періода: съ 1875 по 1883 и второй—съ 1885 г. продолжающійся и теперь. Ежегодно производилось до 15.000 куб. саж. выемки для возстановленія необходимой въ фарватерѣ 18-футовой глубины, которая, до поднятія боковыхъ дамбъ, уменьшилась лѣтомъ до 12 футовъ и не годилась морскому судоходству. Со времени возстановленія работъ въ 1885 г., съ разсчетомъ на восемь лѣтъ, истрачено еще 1.430.00 руб., свыше истраченныхъ уже 2.600,000 руб., и все это на казенный счетъ и нашими инженерами. Эти четыре милліона рублей, положенные на протяженіи двадцати трехъ верстъ, могутъ дать приблизительное понятіе о томъ, сколько же надо потратить на матушку Волгу, чтобы поставить ее на ту высоту совершенства, до котораго доведено устье Западной Двины! Виноваты ли мы въ томъ, что всѣ трудности, противопоставленныя намъ природой, такъ колоссальны? Только мощно-терпѣливому духу народа нашего по плечу онѣ, и, дасть Богъ, всѣ будутъ со временемъ осилены.

Съ высоты парохода, по пути изъ Риги въ Усть-Двинскъ отлично видны были многія поперечныя дамбы, возстановившія берегъ; виднѣлось мѣстечко Подераа, гдѣ пришлось укрѣпить берегъ, и его, съ 1875 года, не разрушало; противъ солсніа Риношъ должна находиться фашинная дамба въ 51 футъ

вышины, тогда какъ, слышно, ближайшая къ ней по размѣрамъ находится въ Америкѣ и не превышаетъ 30 футовъ; видѣли и небольшой островокъ Фогельгольмъ, къ которому передвинутъ фарватеръ, что́ обусловило то, что вода сама передвигаетъ самый островокъ, толкая его къ морю со скоростію 5—6° въ годъ, а рукавъ подлѣ него, имѣвшій всего 90° ширины, имѣетъ теперь цѣлыхъ 140. Сколько же островковъ пришлось бы передвинуть этимъ путемъ къ устью Волги, и какая обширная губернія, по направленію къ Персіи, возникла бы въ Каспійскомъ морѣ?

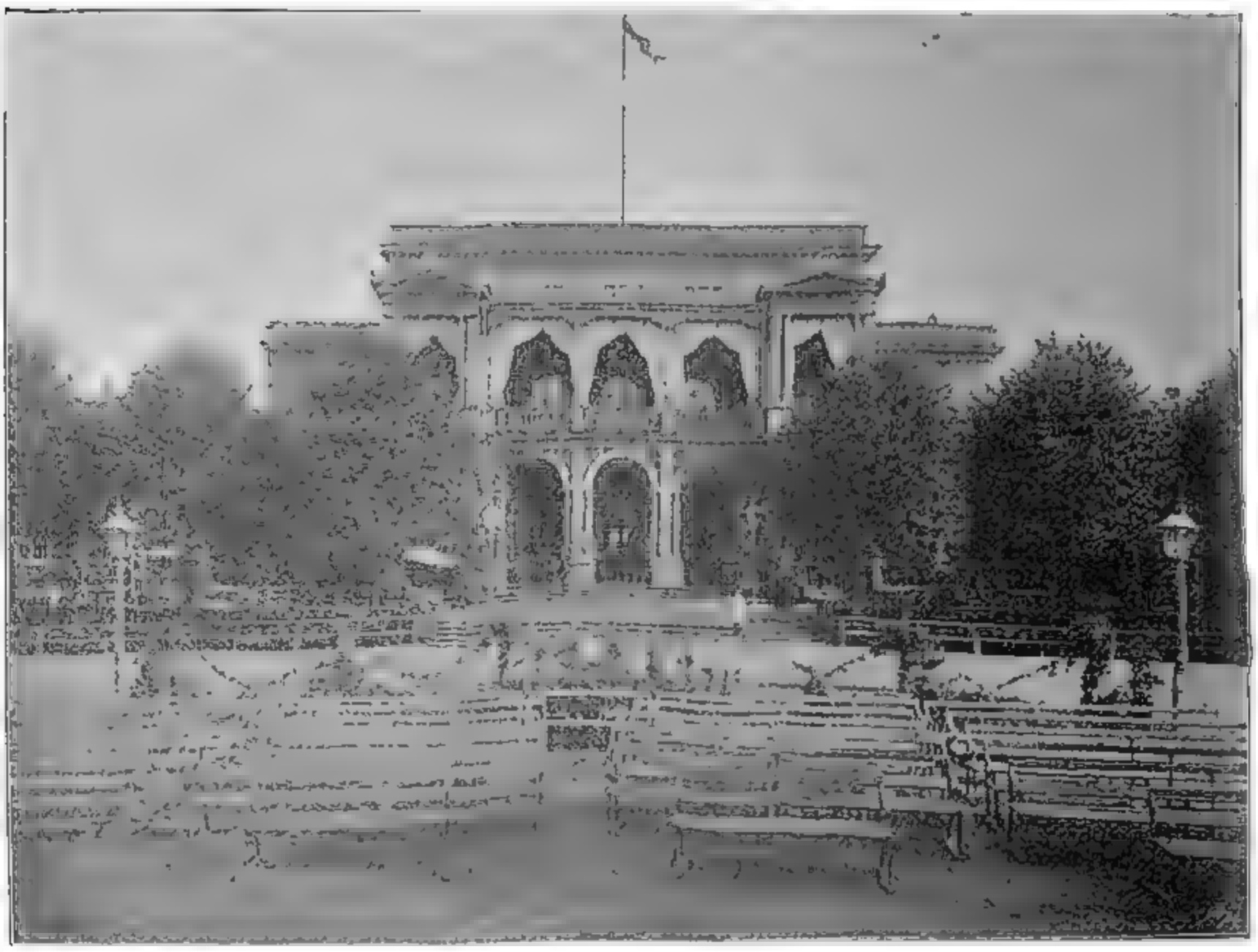
Видѣнъ также за работой пароходъ-шаланда, землечерпательный, самоотвозный, представляющій много выгодъ, сравнительно съ тѣми собратьями своими, которые выкидываютъ вынутую землю въ особыя барки; во-первыхъ, кубическая сажень съ самоотвозкой обходится по одному рублю, тогда какъ иначе она требуетъ затраты четырехъ рублей; во-вторыхъ, рабочихъ меньше; въ-третьихъ, такой пароходъ можетъ работать при волненіи, тогда какъ простая землечерпательная машина должна въ это время увести барки въ закрытое мѣсто.

Берега Западной Двины, близъ устья, очень низменны, но хорошо заселены; имѣются фабрики, напримѣръ цементная Шмидта, съ девятью своеобразными коническими трубами, лѣсопильня Тальгейма. Не прошло и часу времени, какъ стали видны бѣлопесчаныя дюны, кое-гдѣ поросшія мелкимъ ивнякомъ и ельникомъ, какъ показались Больдераа и крѣпость Усть-Двинскъ,— они обозначились низехонько на уровнѣ моря влѣво, выдвинувшись изъ-за цѣлаго лѣса мачтъ разнообразныхъ судовъ, стоявшихъ у берега и на якорѣ; пристань, суда, строенія, все это сливалось въ одну массу. Вдали, въ морѣ, виднѣлась наша практическая эскадра, составлявшая задній планъ морскаго пейзажа, разстилавшагося передъ глазами путешественниковъ.

Низменные берега Усть-Двинска, покоившіеся передъ ними въ яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца надъ безмятежнымъ моремъ, имѣли многое что́ порассказать въ дополненіе къ исторіи сосѣдней съ нею Риги, которой, искони вѣковъ, служили они жизненной артеріей, входомъ съ гавань. Одновременно съ Ригой, построенъ здѣсь епископомъ Альбертомъ уединенный цистерціенскій монастырь; впослѣдствіи онъ укрѣпленъ, и, во время вражды ордена съ архіепископомъ и городомъ, нерѣдко переходилъ изъ рукъ въ руки. Доказательствомъ того, что Усть-Двинскъ имѣлъ изстари большое значеніе, служитъ то, что при одномъ изъ нападеній языческой Литвы, подъ предводительствомъ князя Троніата, здѣсь имѣлъ мѣсто въ XIII вѣкѣ характерный бой въ глубокую полночь, при лунномъ свѣтѣ; ночныхъ боевъ въ исторіи вообще немного; къ утру Литва уступила, и заревые лучи солнца освѣтили тѣ обильные потоки крови, которые покрывали истоптанную мѣстность.

Очень важнымъ фактомъ по своимъ послѣдствіямъ было то, что орденъ, въ 1305 году, слѣдуя своей политикѣ — гдѣ похищать, а гдѣ и покупать, купилъ Усть-Двинскъ у аббата, управлявшаго монастыремъ. Этотъ торгъ былъ впослѣдствіи однимъ изъ важнѣйшихъ доводовъ епископскихъ адвокатовъ противъ орденскаго прокурора, постоянно обрѣтавшагося въ Римѣ и ловко покры-

вавшаго, гдѣ звонкою монетою, а гдѣ и рогатымъ силлогизмомъ, темныя дѣянія бѣлыхъ ливонскихъ рыцарей. Въ концѣ XV вѣка, во время полнаго развитія борьбы, не на жизнь, а на смерть, между городомъ Ригой и рыцарствомъ, здѣсь едва не совершился одинъ изъ очень дѣйствительныхъ и гибельныхъ замысловъ орденской тактики; глава ордена, Лорингтофенъ, задумалъ было подсѣчь боевую артерію рижской жизни — завалить камнями его гавань, устье Двины. Едва только провѣдали объ этомъ рижане, какъ все, что могло выйти въ бой — ратсгеры, черноголовые, гильдейцы, даже дворяне — вышли по направленію къ Усть-Двинску, называвшемуся въ то время Динаминдомъ; здѣсь,



Дуббельнъ. Вокзалъ.

у капеллы св. Николая, подъ всякими значками и знаменами, имѣя во главѣ комтуровъ и фохтовъ, ихъ ожидало рыцарское войско. На этотъ разъ рыцари были побиты нещадно, и орденъ спасся только потому, что на этотъ разъ, какъ и ранѣе бывало, побѣдители не съумѣли преслѣдовать и довершить какъ слѣдуетъ удачный бой.

Исключительно приморское значеніе Динамиида заставляетъ, на этомъ именно мѣстѣ, вспомнить о фактѣ уже не историческомъ, а вполнѣ современномъ: о замѣчательно быстромъ развитіи мореплаванія, какъ каботажнаго, такъ и дальняго, между нынѣшними латышами и эстами всего балтійскаго побережья. Не находя точки опоры съ экономической точки зрѣнія на сушѣ, гдѣ громадное большинство ихъ лишено права владѣнія землей, объ эти народности обра-

тились къ другой стихіи, къ морю, полюбили и изучили его. Подобно тому, какъ по Бѣлому морю и Мурману русская земля имѣетъ прирожденныхъ смѣлыхъ моряковъ въ тамошнихъ поморахъ, такъ и здѣсь, отъ временъ эзельскихъ разбойниковъ и по сей день, эстонецъ и латышъ—превосходный живой матеріалъ для нашего флота. По свѣдѣніямъ министерства финансовъ, въ 1883 г. весь торговый флотъ балтійскаго побережья, кромѣ Финляндіи, имѣлъ 778 судовъ (изъ нихъ паровыхъ 92), тогда какъ въ 1858 году ихъ было только 273. Третье мѣсто по числу судовъ какъ каботажныхъ, такъ и дальняго плаванія, вслѣдъ за Ригой, занимающею первое мѣсто, и Петербургомъ, занимающимъ

Дуббельнъ. Вокзалъ.

второе, принадлежитъ здѣшнему мѣстечку Гайнажъ, владѣющему 83 парусными судами. Цѣлыхъ $^2/_3$ судовъ, приписанныхъ къ Ригѣ, составляютъ собственность латышей; по числу ластовъ, латышско-эстонскій торговый флотъ далеко превосходитъ всѣ прочія балтійскія морскія суда, и по списку рижскихъ судовъ торговаго флота для дальняго плаванія, къ 1 января 1884 года первое мѣсто, а именно пять судовъ, показаны принадлежащими латышскому судовладѣльческому обществу «Аустра».

Много пользы приносятъ этому дѣлу морскія школы, обильно разсѣянныя по балтійскому побережью: въ Эстляндской губерніи—мореходные классы Балтійскаго Порта, въ Лифляндской—школы въ Магнусгофѣ и Ригѣ и классъ въ Гайнажѣ, въ Курляндской—морскіе классы: ангернскій, лубъ-эзернскій, дондан-

генскій, виндавскіе, базаусскіе, фелпксбергскій, либавскій и полангенскій. На курсѣ 1883—1884 годовъ во всѣхъ этихъ школахъ находилось около четырехсотъ учениковъ, болѣе половины изъ которыхъ латыши, около одной трети эстовъ. Самая большая школа, это гайнажская, 72 ученика (27 эстовъ и 45 латышей) и при ней классъ штурмановъ для дальняго плаванія—съ двадцатью семью учениками и шкиперовъ для дальняго плаванія—съ девятью учениками; между послѣдними одинъ только нѣмецъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ допдангенскомъ классѣ имѣются тринадцать ливовъ—остатки того племени, которое дало свое имя Лифляндіи и, какъ и куроны, почти поголовно было избито рыцарями, пришедшими въ глубокую старь занять ихъ мѣста. Небольшая горсть ливовъ живетъ близъ Донгангена, на незначительной рѣчкѣ Райя; но и ихъ дни сочтены, такъ какъ, за немнѣніемъ эстонскихъ школъ, молодыя поколѣнія посѣщаютъ латышскія народныя школы и постепенно забываютъ свой языкъ и свою національность; ливы, жившіе въ Лифляндіи, у р. Салиса уже олатышились.

Все это—какъ историческія воспоминанія, такъ и мысли о современности возникало само собой при взглядѣ на глубокую синь Балтійскаго моря и его необыкновенную тишину, нарушавшуюся въ это время паденіемъ снарядовъ во время стрѣльбы, открывшейся съ практической эскадры.

Стрѣльба изъ колоссальныхъ одиннадцатидюймовыхъ пушекъ и мортиръ производитъ могучее содроганіе воздуха, которое подъ-стать только самымъ крѣпкимъ нервамъ. Огромные клубы дыма, становясь при яркомъ солнечномъ освѣщеніи гигантскими опалами всѣхъ колеровъ, тихо плыли и относились, мѣняя краски, въ сторону, такъ какъ вѣтеръ былъ западный и направлялся вдоль побережья. Совсѣмъ особаго рода свистъ причинялся невидимыми, бороздившими воздухъ снарядами; видимыми становились только мѣста соприкосновенія съ голубою поверхностью моря тѣхъ, что пущены были изъ пушекъ. Море взрывалось рикошетами, разстоянія между которыми постепенно умалялись, пока, наконецъ, безконечная гладь воды не умиротворяла снарядъ окончательно, принявъ его въ себя. Снаряды изъ мортиръ, пущенные навѣсно, не рикошетировали, но, падая въ воду, вызывали цѣлые столпы пѣны и струй, образовывавшіе великолѣпные краткосрочные фонтаны. Стрѣляли на 800, 1,200 саженъ и болѣе, опредѣляя разстоянія до мишеней гальваническимъ дальномѣромъ Петрушевскаго; стрѣляли чугунными снарядами, стоившими каждый около полутораста рублей; если бы снаряды были стальные, стоимость ихъ возрасла бы до двухсотъ двадцати пяти рублей. Между моментомъ выстрѣла и достиженіемъ снарядомъ цѣли проходило, по крайней мѣрѣ, двадцать секундъ времени.

Пока совершалась стрѣльба и мишени крошились въ щепы, невдали происходила другая трудная, но совершенно молчаливая работа: человѣкъ сорокъ солдатиковъ вооружали веркъ и устанавливали восьмидюймовую пушку, вѣсомъ въ пятьсотъ пудовъ; между тѣмъ временемъ, когда пушка валялась на землѣ и лафета не было видно вовсе и тѣмъ, когда она, поднятая домкратами, покоилась на немъ, готовая къ стрѣльбѣ, прошло не болѣе тридцати пяти минутъ; ясна была трудность вооруженія крѣпости и достиженія такого по-

рядка, чтобы эта существенно важная работа исполнялась безъ суеты и съ полнымъ знаніемъ каждымъ человѣкомъ своего дѣла.

По длиннымъ дамбамъ путешественники проѣхали въ Больдераа, гдѣ къ этому времени открыто было новое училище. Оно помѣщается въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, съ палисадникомъ; въ школу записалось шестьдесятъ учениковъ (28 дѣвочекъ и 32 мальчика), изъ нихъ двадцать девять лютеранъ, двадцать четыре православныхъ, четыре католика и три еврея. Возвратившись на пароходѣ въ Ригу, путешественники въ тотъ же день вечеромъ были уже въ Дуббельнѣ.

Повидимому, изъ всѣхъ морскихъ купаній міра наиболѣе посѣщаемыя—это Дуббельнъ-Маіоренгофъ, находящіяся въ 30 минутахъ желѣзнодорожнаго сообщенія отъ Риги. Болѣе 50,000 человѣкъ пріѣзжаетъ сюда, причемъ главный контингентъ даютъ, конечно, балтійскія губерніи; но очень многіе ѣдутъ изъ Петербурга и даже изъ Москвы. Дуббельнъ населяется, главнымъ образомъ, еврейскимъ элементомъ, Маіоренгофъ—остальными.

Собственно говоря, линія морскихъ купаній, разсѣянныхъ по южному берегу Финскаго залива, тѣснящихся одно къ другому, иногда вплотную, непрерывна, очень длинна. Она начинается отъ Усть-Наровы или Гунгербурга, затѣмъ слѣдуютъ: Меррекюль, Силламеги съ перерывомъ до Ревеля, за которымъ, уже въ Балтійскомъ морѣ, идутъ: Гапсаль, Аренсбургъ, отчасти Перновъ, Нейбадъ, посѣщаемый почти исключительно здѣшнимъ дворянствомъ, потомъ на рижскомъ побережьѣ—Вильдерингсгофъ, Эдинбургъ, Маіоренгофъ, Старый и Новый Дуббельнъ, Карлсбадъ и Ассернъ. Всѣ названныя купанья по Финскому заливу и Балтійскому морю, по внѣшности своей, достаточно однообразны; плоская, мелко-песчаная низменность, ширина которой измѣняется не особенно сильными приливами и отливами, причиняемыми вѣтрами, потому что собственно приливовъ и отливовъ, въ настоящемъ значеніи этихъ словъ, въ Балтійскомъ морѣ нѣтъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговой черты тянутся плоскіе, невысокіе холмы песковъ, дюны, перестраивающіяся ежегодно по фантазіи вѣтра, поросшія довольно крупною сосной по вершинкамъ, а за ними, будто въ защитѣ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, ростетъ вдоль всего побережья хвойный лѣсъ, иногда чернолѣсье, между стволами котораго кастрсно видимо-невидимо дачъ. Дачи эти, по бо́льшей части, щелеваты, съ просвѣтами для солнечныхъ и лунныхъ лучей, въ стѣнахъ и въ полу. Жить въ нихъ въ августѣ уже затруднительно, въ маѣ почти невозможно, и только два лѣтніе мѣсяца служатъ онѣ, благодаря громадному наплыву пріѣзжихъ, источникомъ очень и очень крупныхъ доходовъ для мѣстнаго населенія. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей, благодаря множеству построекъ, сплоченныхъ такъ, что кухня сосѣда и его домашній обиходъ вполнѣ доступны для наблюденія, а разговоръ можетъ быть слышанъ отъ слова до слова, какъ, напримѣръ, въ Меррекюлѣ, Дуббельнѣ и Маіоренгофѣ, напоминаютъ, какъ двѣ капли воды, расположеніе Черной рѣчки и Новой Деревни. Болѣе широко, болѣе пріятно разбросаны постройки въ Силламегахъ, гдѣ берегъ выше и поднимается тремя террасами или «глиндами»; но если количество дачъ будетъ расти здѣсь такъ,

какъ выросло оно въ другихъ мѣстахъ, па что имѣются надежды, то и тутъ въ скоромъ времени послѣдуетъ то же загрязненіе атмосферы. Содержаніе соли во всѣхъ морскихъ купаньяхъ одинаково слабо, причемъ наиболѣе соленое, Либава, что ни годъ, теряетъ въ количествѣ прѣзжихъ. Берегъ моря, сравнительно, вездѣ одинаково безжизненъ, ракушки мелки и сѣры, водоросли бѣдны видами и болѣе всего замѣчается оторванныхъ поплавковъ рыбачьихъ сѣтей и каменныхъ и кирпичныхъ грузилъ ихъ.

Наиболѣе типичны и во многомъ лучше другихъ: Дуббельнъ, Маіоренгофъ и Бильдерлингсгофъ, слитые воедино и тянущіеся нескончаемою вереницей на многія версты. Во-первыхъ, у нихъ подъ бокомъ Рига, что, съ ея магазинами и концертами, является великимъ подспорьемъ; во-вторыхъ, сравнительно, постройки здѣсь лучше; въ-третьихъ, оба вокзала, какъ дуббельнскій, такъ и маіоренгофскій, въ особенности первый, отстроенный послѣ недавняго пожара и составляющій собственность акціонернаго общества, положительно хороши. Но, кромѣ названныхъ, здѣсь есть еще и четвертое преимущество,— это близость живописной рѣки Аа.

Подлѣ Дуббельна рѣка Аа выкидываетъ гидрографическій фокусъ: когда-то впивалась она въ море старымъ русломъ, такъ сказать, прямо, теперь же, недовольная этимъ, она, подбѣжавъ къ самому побережью, вдругъ повернула къ востоку и на протяженіи многихъ верстъ течетъ параллельно берегу, образуя такимъ образомъ очень длинный перешеекъ, на которомъ и расположены Дуббельнъ и Маіоренгофъ. Есть несомнѣнные слѣды того, что Карлъ XII, двигаясь вдоль берега моря къ Ригѣ, шелъ тѣми мѣстами, гдѣ теперь выросли приморскія купанья по Финскому заливу: найдены шведскія могилы, кости, вооруженія, напримѣръ, подлѣ Силламеги, въ Петгофѣ; вѣроятно, тутъ были расположены госпитали. Въ госпиталяхъ лѣтнее населеніе здѣсь не нуждается, потому что воздухъ дѣйствительно хорошъ; онъ растворенъ смолистою хвоей, но лишенъ запаха морской волны, а, въ случаѣ дождя, грунтовые пески вбираютъ въ себя воду такъ быстро, что лужи составляютъ особенности только немногихъ избранныхъ мѣстъ. Дуббельнскій вокзалъ и садъ, его окружающій, расположены на одной изъ самыхъ высокихъ группъ дюнъ.

Икскюль. Шлокмангофъ.

Древнѣйшія пажити нѣмецкаго водворенія на прежней русской землѣ. Несостоятельность Полоцкаго княжества. Икскюль. Кокенхузенъ. Дворянскія имѣнія — особый видъ собственности. Временныя уничтоженія ландратовъ. Якобштадтъ.

Поѣздъ, вышедшій изъ Риги, двигался по тѣмъ именно мѣстамъ Двины, отъ древняго холма «Риге», на которомъ возникъ первый рыцарскій замокъ, до древняго Икскюля (финское слово, означающее деревню), гдѣ основана была первая католическая церковь. Уже тогда, во второй половинѣ XII вѣка, если бы зачатки будущей ливонской жизни могли подлежать обслѣдованію, можно бы было, такъ сказать, предвидѣть главныя основныя линіи ея развитія: часть Двины, вдоль которой шелъ поѣздъ, имѣла на протяженіи одного часа желѣзнодорожнаго пути, на одномъ концѣ рыцарскій замокъ, на другомъ католическую церковь, то-есть тѣ два могучіе опорные пункта, на которыхъ предстояло вертѣться всей будущей мѣстной исторіи.

Если вдаваться въ изслѣдованіе зачатковъ этой жизни далѣе, то можно бы было замѣтить и третьяго участника будущихъ судебъ Ливоніи, а именно Россію, въ представительствѣ, правда, довольно неудачномъ, Полоцкаго княженія. Одна изъ древнѣйшихъ ливонскихъ лѣтописей, «рпемованная», говоритъ, какъ уже упомянуто выше, что земли эстовъ, ливовъ и латышей, до прихода нѣмцевъ, принадлежали русскимъ; что августинскій монахъ Мейнгардтъ, гробницу котораго можно видѣть въ рижской Domkirche, придя на берега Двины, какъ истый нѣмецъ, счелъ нужнымъ соблюсти форму испрошеніемъ «позволенія» у владѣтеля страны, князя полоцкаго Владиміра, на проповѣдь между язычниками; что добродушный русскій великій князь далъ на это свое согласіе, за что потомъ дорого и поплатился. Другое подтвержденіе—въ томъ, что папа Климентъ III, въ концѣ XII вѣка, въ одной изъ буллъ своихъ говоритъ, что епископство икскюльское было основано «въ Россіи» (Ruthenia) т. е., что

наболѣе глубоко залегшія въ этихъ мѣстахъ людскія кости, давно истлѣвшія, принадлежали русскимъ передовымъ колонизаторамъ.

Кромѣ того, стоитъ открыть «*Исторію Полоцка*» Бѣляева, стоитъ возобновить въ памяти первыя книги Карамзина, Соловьева и другихъ изслѣдователей, прочно стоящихъ на современныхъ лѣтописяхъ, чтобы не сомнѣваться ни одного мгновенія въ томъ, о чемъ не любятъ говорить источники нѣмецкіе, объ исконной принадлежности этихъ земель Россіи. Отъ Припети до Нарвы и Балтійскаго побережья шла въ тѣ дни Полоцкая земля; по свидѣтельству Генриха Латыша, полочане имѣли на Двинѣ задолго до прихода нѣмцевъ два укрѣпленные города: Кукенойсъ, нынѣшній Кокенхузенъ, и Герсикъ, отъ котораго нѣтъ и помину; мѣстонахожденія послѣдняго ищутъ подлѣ Двинска или на мѣстѣ нынѣшнихъ желѣзнодорожныхъ станцій Крейцбургъ и Штокмансгофъ. Скорѣе всего Герсикъ находился около нынѣшняго Штокмансгофа, такъ какъ до сихъ поръ невдалекѣ отъ Зельбурга находятся остатки развалинъ, называемыхъ развалинами Герсика. Въ 1030 году Ярославъ Владиміровичъ основалъ, какъ извѣстно, Юрьевъ, называвшійся позднѣе Дерптомъ и нынѣ вновь получившій свое первоначальное русское названіе. Бунге въ «*Urkundenbuch*» вспоминаетъ о нѣсколькихъ другихъ до-нѣмецкихъ русскихъ селахъ и деревняхъ. Если основываться на очень почтенномъ изданіи «*Витебской Старины*», то православіе въ край утвердилось еще въ концѣ десятаго вѣка, и, какъ справедливо замѣчаетъ Пловайскій, подвигалось оно безъ переворотовъ, безъ истребленія и обращанія туземныхъ племенъ. Не такъ ли движемся мы и теперь на дальнемъ Востокѣ, не въ томъ ли причина сочувствія къ намъ бывшихъ естовъ и латышей здѣсь, въ прибалтійской странѣ?

Полоцкое княжскіе, по древнимъ стогнамъ котораго поѣздъ двигался, пошло съ Изяслава Владиміровича, сына Рогнѣды, и лучшимъ временемъ его было время внука Изяславова—князя-чародѣя Всеслава, о которомъ «*Слово о полку Игоревѣ*» гласитъ, что онъ:

> «Судъ давалъ и рядилъ князьямъ города, а самъ волкомъ
> Рыскалъ въ ночи. Кидался изъ Кіева къ Тьмутаракани...
> Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ заутренѣ рано
> Въ колокола у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ
> Взговѣстъ тотъ...»

Всѣдъ за смертью Всеслава, въ 1101 году, Полоцкое княженіе хилѣетъ, на престолѣ его не появляется ни одной выдающейся личности, и нѣмецкое вліяніе можетъ устанавливаться вволю, что̀ и совершается. Полоцкое княженіе было придушено Литвой, погибъ въ бою князь Изяславъ Васильковичъ,—

> «...Дружину его удалую
> Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь полизали!»

И затуманилась тогда же вся исторія всей русской земли до временъ Іоанновыхъ. Когда Іоаннъ III, въ 1463 году, заключилъ съ епископомъ дерптскимъ договоръ, то послѣдній обязался, между прочимъ, оказывать въ Юрьевѣ покровительство православнымъ и «то держать по старинѣ и по старинным

грамотамъ»; когда Іоаннъ III заключилъ съ орденомъ, въ 1502 г., мирный договоръ, то епископъ юрьевскій или дерптскій обязался, за ручательствомъ магистра, платить Россіи старинную поголовную дань; съ полнымъ сознаніемъ своего «юридическаго» права, — права, которое здѣсь такъ любятъ и теперь, вспомнилъ Іоаннъ Грозный такъ называемый «Glaubenszins», дань, которую выговорилъ себѣ и своимъ преемникамъ Ярославъ съ Дерпта, о которой вспоминаетъ и Соловьевъ, какъ о «дани вѣры», взимавшейся неоднократно русскими князьями. Когда, еще ранѣе этого, пришло время реформаціи и вызвало въ Дерптѣ кровопролитіе, отразившееся и на тамошней православной церкви, Василій III, великій князь московскій, произнесъ знаменитыя слова: «Я не папа и не императоръ, которые не умѣютъ защитить своихъ храмовъ». Іоаннъ Грозный понималъ эту святую преемственность не иначе и, какъ извѣстно, покончилъ съ орденомъ, взявъ себѣ, какъ и подобало, «отчину князей московскихъ».

По этой именно «отчинѣ» двигался теперь поѣздъ, на короткое время остановившись у станціи Икскюль и торопясь въ дальнѣйшій путь: еще цѣлыя три остановки до прибытія къ ночи въ Двинскъ. Ближайшая остановка состоялась на станціи Кокенхузенъ, около 3 часовъ пополудни. Хорошо слышится въ нѣмецкомъ имени станціи старое имя Кукенойса, древне-русскаго города, о которомъ уже упоминалось.

Здѣсь, въ виду мелькающихъ мимо крупныхъ дворянскихъ имѣній, умѣстно будетъ вспомнить о томъ, что, въ силу разныхъ историческихъ обстоятельствъ, помимо той собственности дворянскихъ имѣній, какая есть вездѣ, въ прибалтійскомъ краѣ существуютъ и совершенно исключительныя «коллективныя собственности»; это такъ называемыя имѣнія, состоящія, «на особомъ положеніи», судейскія или пасторатскія видмы или собственности, приписанныя къ тому или другому мѣсту, занимаемому тѣмъ или другимъ, конечно, выборнымъ отъ дворянства, лицомъ. Это нѣчто до такой степени своеобразное, что требуетъ особаго разъясненія и должно быть причтено къ разряду такихъ же особенностей, какъ голубые орденскіе знаки на дамахъ Катеринентштифта, какъ Шварцгаупторы, какъ «литераты».

Имѣній «на особомъ положеніи» имѣется три разряда:

1) Имѣнія, Высочайше пожалованныя въ безсрочное арендное содержаніе частнымъ лицамъ; такихъ только три и пожалованы они въ прошломъ столѣтіи: Еркюль, Паббатъ-Пемпернъ и Тайферъ; особаго интереса они не представляютъ до тѣхъ поръ, конечно, пока не перейдутъ въ разрядъ выморочныхъ. Гораздо любопытнѣе категорія:

2) Два имѣнія, пожалованныя въ 1797 году на содержаніе феллинскаго общества благородныхъ дѣвицъ. Въ 1870 году лифляндская ландратская коллегія, завѣдующая феллинскимъ обществомъ, ходатайствовала у своего мѣстнаго гофгерихта объ укрѣпленіи общества въ «полной собственности», что̀ и было любезно исполнено коллегіей; но сенатъ взглянулъ немного иначе и указомъ 7 февраля 1881 года призналъ, какъ и слѣдовало, право собственности за казной. Существуютъ на подобномъ же положеніи, какъ и названныя два

имѣнія, пять другихъ имѣній на островѣ Эзелѣ; но самая любопытная категорія—это:

3) Двадцать четыре имѣнія, пожалованныя: въ Лифляндской губерніи на содержаніе ландратовъ—числомъ шесть, для той же цѣли на островѣ Эзелѣ—пять; въ Эстляндской губерніи на содержаніе канцеляріи оберъ-ландгерихта, ландратовъ и маггерихта—три, и, наконецъ, въ Курляндской «на общественныя потребности»—десять.

Имѣнія эти по юридическому своему положенію чрезвычайно любопытны, такъ какъ они представляютъ совсѣмъ особый видъ владѣнія или пользованія, но отнюдь не собственности. Грамоты, имѣвшія предметомъ эти имѣнія, говорятъ различно: въ 1798 году имѣнія эти названы «отданными въ безсрочное арендное содержаніе»; въ 1839 они оставлены «въ содержаніи» дворянства; указъ сената 1813 года разъяснилъ, что эти имѣнія «не должны исключаться изъ списковъ казенныхъ имѣній»; въ сводѣ мѣстныхъ узаконеній (II, 45) сказано, что они «должны находиться въ вѣчномъ пользованіи дворянскихъ обществъ».

Правовѣды объясняютъ, что есть дѣйствительно нѣкій способъ раздѣленія или, такъ называемой, неполной собственности, причемъ, въ данномъ случаѣ, право пользованія можетъ считаться предоставленнымъ дворянству, а владѣніе остается все-таки за государствомъ. Фактическія судьбы этихъ имѣній гласятъ слѣдующее: отнятыя отъ дворянъ королемъ шведскимъ Карломъ XI при уничтоженіи имъ ландратовъ «за возбужденіе ими безпорядковъ и превышеніе власти», они возвращены дворянамъ Петромъ I, число ихъ увеличено при Екатеринѣ I; но Екатерина II, вводя въ 1783 году имѣстничествомъ и общія дворянскія учрежденія, вторично уничтожила ландратовъ и отняла имѣнія, Павелъ I возстановилъ прежнее. Изъ этихъ фактовъ ясно, что правительство, когда оно находило нужнымъ упразднить учрежденія, уничтожало оба раза, вовсе не стѣсняясь, и самый фактъ владѣнія; припоминаются тутъ, на этомъ мѣстѣ и по этому именно вопросу, сходныя съ этимъ имѣнія Троицкаго графа Бѣдова и другихъ. Съ теченіемъ времени и за недостаткомъ надзора, часть этихъ имѣній, «данныхъ въ пользованіе», была «продана», и только сравнительно недавній указъ императора Александра III, 3-го марта 1886 г., показалъ наглядно, что правительство вовсе не находитъ достаточной причины махнуть рукой на двухмилліонный капиталъ стоимости этого имущества, собственникомъ котораго является все-таки казна.

Якобштадтъ. Крейцбургъ.

Возникающая церковь. Особенности края. Герцогъ Іаковъ и его мирная политика. Ополяченіе края. Судьба Иллукста. Возстанія 1831 и 1863 годовъ. Іезуиты и унія и что они дѣлали? Недавнее положеніе православія. Прибалтійское братство. Пожаръ церкви въ 1884 году. Крейцбургъ.

Яркимъ золотомъ заката освѣщалась роскошная панорама Двины, съ Якобштадтомъ и Крейцбургомъ на двухъ противоположныхъ берегахъ.

Исторія Якобштадта и его православной церкви настолько любопытна, такъ рѣзко отличается отъ тѣхъ бытописаній прибалтійской земли, съ которыми до сихъ поръ имѣли дѣло, что она достойна того, чтобы на ней остановиться.

Та узкая полоса земли, вдоль которой, покинувъ Ригу, съ утра до вечера двигался поѣздъ, часть Курляндской губерніи, уѣзды Иллукстскій и Якобштадтскій, замѣтна на всякой картѣ и врѣзается между привислинскими губерніями и губерніей Витебскою. Это одинъ изъ тѣхъ многострадальныхъ уголковъ земли, который, какъ знаменитый четыреугольникъ крѣпостей сѣверной Италіи, какъ центральныя части Рейна, какъ нижняя половина Дуная, лежитъ по пути большихъ историческихъ столкновеній. Тутъ, говорятъ, мѣстное дворянство не подписывало, а прострѣливало оффиціальную бумагу, въ доказательство ея прочтенія; тутъ никогда не хотѣли подчиненія Россіи, и когда ландтагъ 1795 года, собравшійся въ Митавѣ, вотировалъ это подчиненіе, «безусловное и полное», депутатъ отъ Иллукста оскорбилъ непристойными словами русскаго посла; здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, въ XII вѣкѣ стояли русскіе города, и царило православіе. Но въ какомъ видѣ вернулись эти исконно-русскія, полоцкія земли подъ родное крылышко, и что сдѣлали съ ними орденъ, поляки, іезуиты, унія?! Это возвращеніе къ Россіи началось со времени разложенія

Польши, съ 1772 года, сто двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Что же сдѣлали мы для края за это время? Чѣмъ помянуть ихъ?

Было время, когда вдоль этихъ именно мѣстъ, словно по шахматной доскѣ, выдвигались другъ противъ друга рыцарскіе замки, съ одной стороны, и русскіе укрѣпленные пункты—съ другой. Къ 1277 году русскіе были уже отодвинуты, а нѣмцы поставили свои каменные оплоты въ Двинскѣ (Динабургѣ), Люцинѣ и Маріенгаузенѣ; развалины двухъ послѣднихъ еще существуютъ. Уничтоженіе русскихъ боевыхъ форпостовъ не значило еще уничтоженіе русскихъ поселковъ; есть свѣдѣніе, что послѣ разрушенія Герсика русскіе продвинулись впередъ, за Двину, и доходили въ 1561 году до Зельбурга; имѣли тутъ свои церкви и священниковъ. Очень важенъ тотъ фактъ, что еще въ 1588 году, т. е. когда Москва стояла уже во всеоружіи собиранія русской земли и знаменитый іезуитъ Антонъ Поссевинъ возвращался изъ Россіи въ Ригу и остановился по пути въ Илукстѣ, въ первый день Пасхи, то въ городкѣ этомъ не было «ни одной католической церкви» и царило одно православіе.

Слѣдовавшій за этимъ XVII вѣкъ явился временемъ долгихъ, упорныхъ войнъ Швеціи, Польши и Россіи, разыгравшихся именно въ этихъ мѣстахъ; онъ перепуталъ историческія теченія, смыслъ народныхъ наслоеній, и значительное число жителей разбѣжалось. Послѣ оливскаго договора 1660 года, фохтейства Динабургъ, Розиттенъ, Люцинъ и Маріенгаузенъ, нынѣшніе уѣзды Двинскій, Рѣжицкій и Люцинскій, подъ именемъ «Польскихъ Ифлантовъ», были уступлены нами Польшѣ, а лѣвый берегъ Западной Двины отошелъ къ герцогству курляндскому, подъ протекторатъ Польши. Тогда жителямъ представилась снова возможность вернуться на старыя мѣста. Образовался противъ нѣмецкаго Крейцбурга русскій поселокъ, развившійся въ теченіе десяти лѣтъ въ городъ, названный въ честь Іакова, герцога курляндскаго, Якобштадтомъ. Герцогъ Іаковъ, о которомъ уже нѣсколько разъ упоминалось, далъ городу въ 1670 году грамоту, снабдилъ его магдебургскимъ правомъ, обезпечилъ существованіе русскихъ церквей, священниковъ и училищъ и отпустилъ имъ на постройки свой собственный лѣсъ. Такъ возникли между 1670 и 1675 годами церковь св. Николая и монастырь Св. Духа, съ чудотворною иконой Якобштадтской Божіей Матери.

Но несмотря на доброе вниманіе герцога Іакова, самыя печальныя времена для этого уголка земли только наступали. Унія, какъ извѣстно, началась въ октябрѣ 1596 года, съ измѣны православію восьми южно-русскихъ архіереевъ, за которыми послѣдовали и ближайшіе къ нимъ владыки полоцкіе, унаслѣдовавъ, какъ видно, непрочность и безличность древле-полоцкихъ князей. Многія православныя епархіи Западной Россіи остались тогда сразу безъ архіереевъ, и Рѣчь Посполитая не замедлила воспользоваться этимъ безначаліемъ нашей церкви, чтобы вводить унію и ополячивать край. Князья, потомки Рюриковичей и Гедиминовичей, поддались этому вѣянію; ополячивались прежде другихъ богатые мѣстные землевладѣльцы, графы Зиберы, Пляттеры, Борхи, Розенштильдъ-Паулинъ и другіе, чему немало способствовалъ успѣхъ реформаціи въ ордев-

Якобштадтъ. Видъ Свято-Духовскаго храма до взрыва.
Съ фотогр. граф. М. Рашевскій.

скихъ земляхъ, изъ которыхъ эти семьи вышли: оставаясь, въ противность своимъ соотчичамъ, вѣрными католичеству, они этимъ доказывали полякамъ свою несомнѣнную солидарность съ ними.

Тяжело поддавался ополяченію и измѣнѣ православію только простой народъ, и противъ него-то направлены были дружныя усилія какъ Рѣчи Посполитой, такъ и мѣстныхъ главарей. Въ 1607 году основанъ тутъ уніатскій монашескій орденъ, не замедливший раскинуться по всей Западной Руси; вслѣдъ за нимъ явились іезуиты. Въ Якобштадтѣ и Иллукстѣ, въ началѣ XVIII вѣка, основаны, съ цѣлью обращенія, уніатскіе монастыри; графы Зиберы «фундовали», одарили здѣшній монастырь и устроили большой іезуитскій костелъ; такіе же монастыри и костелы выросли въ Двинскѣ, гдѣ тоже прочно сѣли іезуиты, завели школы и часовни и учредили крестные ходы. Православіе не могло не угасать при такомъ дружномъ на него напорѣ со всѣхъ сторонъ, и цѣль достигалась такъ успѣшно, что въ этомъ, искони православномъ, краѣ, ко времени основанія города Якобштадта, въ Иллукстѣ уже не имѣлось православныхъ жителей. Къ концу XVIII вѣка, во всей лифляндской мѣстности, въ прежней старой вѣрѣ, въ полномъ одиночествѣ, пребывалъ только Якобштадтъ, городъ съ нѣмецкимъ именемъ, и, кромѣ него, очень малое число приходовъ. Въ этомъ многострадальномъ уголкѣ имѣло мѣсто, въ видѣ совершеннаго исключенія изъ общихъ историческихъ законовъ, то обстоятельство, что поляки и нѣмцы дѣйствовали заодно противъ общаго врага —православія. Здѣсь же и во имя того же самаго, при польскихъ возстаніяхъ 1831 и 1863 годовъ, мѣстное лютеранство брало подъ свое покровительство укрывавшееся польское католичество, что еще болѣе несообразно съ историческими преданіями. На памяти всѣхъ смута 1863 года, и пребываніе здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, близкихъ къ главному очагу, многихъ главарей возстанія; здѣсь задумывали они планъ взятія Двинска; здѣсь снабжались люди заграничными паспортами и другими документами на незаконную покупку въ Польшѣ имѣній; сюда, несмотря на непосредственную близость, не проникали энергичныя распоряженія Муравьева.

Выше сказано, что было такое время, когда православнымъ въ краѣ оставался одинъ только Якобштадтъ. Іезуитамъ удалось, однако, совратить бургомистра Зуркевича и настоятеля Николаевской церкви Боровскаго, и 8-го іюня 1721 года именемъ города приглашены были въ Якобштадтъ монахи-базиліане, немедленно построившіе монастырь Покрова Богородицы (сгорѣлъ въ 1773 г., замѣненъ въ 1783 каменнымъ, переданъ въ православное вѣдомство въ 1839 г.). Тогда-то и тутъ, какъ это было вездѣ, тотъ, кто былъ въ городѣ побогаче, да познатнѣе, билъ челомъ базиліанамъ, но все бѣдное, работящее населеніе оставалось вѣрнымъ православію. И тутъ, какъ это было вездѣ, расплодились подлоги, къ числу которыхъ должно быть отнесено подтвержденіе королемъ Августомъ въ пользу уніатовъ тѣхъ правъ, которыя даны были герцогомъ Іаковомъ въ 1744 году православнымъ; король подтвердилъ права, данныя православнымъ, какъ бы данныя католическимъ базиліанамъ, и на основаніи этого-то, «подтасованнаго документа» уніаты не замедлили отнять земли у Свято-Духов-

ского монастыря и открыли непріязненныя дѣйствія уже съ полною надеждой на успѣхъ.

Исторія гласитъ, что средствами борьбы, не лишенными значительной силы въ католическомъ мірѣ, не исключая самого Рима, нерѣдко являлись пасквили. Явились они и здѣсь на православныхъ стѣнахъ монастырскихъ; одинъ изъ такихъ пасквилей представленъ бургомистру, уніату, іеромонахомъ Пахоміемъ Венковичемъ. Городскія ратушныя книги Якобштадта 1753 года разсказываютъ, что этотъ монахъ Пахомій, вслѣдъ затѣмъ, подкараулень на улицѣ игумномъ и монахами уніатскаго монастыря, что его сволокли въ монастырь, нещадно избили и приговаривали: «вотъ тебѣ императрица! вотъ тебѣ Петербургъ и Москва! вотъ тебѣ генералы и оберъ-раты! поди теперь, жалуйся!».

Жаловаться было некому: герцогъ курляндскій оказывался безсильнымъ сдѣлать что-либо, а Польша только радовалась; одна изъ жалобъ нашему посланнику въ Митавѣ, въ 1760 году, не привела ни къ какимъ результатамъ. Съ присоединеніемъ Польскихъ Ифлантовъ къ Россіи, въ 1773 году, іезуитамъ стало не совсѣмъ ловко, и Свято-Духовскій монастырь переданъ въ вѣдѣніе псковской епархіи; въ 1817 году, выдержавъ долгую и трудную борьбу, онъ былъ упраздненъ, и обѣ церкви его обращены въ приходскія. Поникли тогда долу ихъ кресты, но зато захилѣла и враждовавшая съ ними унія. Она обмирала что ни день; послѣдовали отпаденія отъ нея въ католичество и, наконецъ, наступилъ 1839 годъ, время присоединенія уніи къ православію.

До самыхъ послѣднихъ, современныхъ намъ дней положеніе православія въ обоихъ уѣздахъ Курляндской губерніи, тянущихся вдоль Двины, почти совершенно соотвѣтствовало тѣмъ грустнымъ картинамъ, которыя очерчены были относительно Якобштадта. Въ зельбургскомъ округѣ или благочиніи,—такъ зовется эта духовно-административная единица Россійской имперіи,—въ настоящее время представителями православія являются иллукстскій женскій монастырь, преобразованный въ 1881 году изъ мужскаго, и приходы бывшаго уніатскаго деканата, къ которому присоединенъ учрежденный въ томъ же году приходъ въ мѣстечкѣ Гривка, лежащемъ противъ Двинска.

По ходатайству генералъ-губернатора, князя Суворова, въ 1819 году зельбургскій округъ, въ противность дѣйствительной потребности, присоединенъ къ рижской епархіи. Этимъ онъ выдѣленъ изъ-подъ епархіальной власти, вѣдавшей остатки уніи въ Царствѣ Польскомъ, очень хорошо знакомой съ традиціонными пріемами католичества, и былъ, такъ сказать, изъятъ изъ-подъ общаго опытнаго надзора и ввѣренъ, съ совершенно яснымъ разсчетомъ, еще очень молодому въ тѣ дни и не привыкшему къ этимъ пріемамъ епископству рижскому. Только въ самое недавнее время Святѣйшему Синоду, послѣ многихъ усилій и противодѣйствій, удалось ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ православія въ зельбургскомъ округѣ и принять нужныя мѣры къ возстановленію того значенія господствующей въ Россіи церкви, которое она должна имѣть.

Тутъ оказались невѣроятныя вещи: православными священниками состояли люди, говорящіе дома по-польски, дочери которыхъ—католички; оказа-

лась существующею такая церковь, изъ которой давно уже украдена утварь, и служенія въ ней не совершалось вовсе; оказалось до тридцати школъ при католической церкви, будто бы для приготовленія дѣтей къ первой исповѣди, съ польскимъ языкомъ обученія; оказались въ католическихъ волостяхъ малоизвѣстныя школы, почему-то подчиненныя курляндской дворянской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ; оказались православные ученики, не умѣющіе творить крестное знаменіе, не знающіе молитвы Господней; оказались школы безъ славянскихъ азбукъ, евангелій и молитвенниковъ.

Сколько требовалось настояній и умѣнья, чтобы только ознакомиться съ округомъ и этимъ сдѣлать добрую половину дѣла! Вотъ характерная статистическая табличка, служащая противоположностью тому, что видѣлъ въ Иллуктѣ іезуитъ Поссевинъ, когда царило тамъ православіе; населеніе въ Иллукстскомъ уѣздѣ въ 1883 году распредѣлилось такъ:

католиковъ	37,680
лютеранъ	10,180
евреевъ	6,710
православныхъ	5,720
раскольниковъ	4,000

Три вѣка безусловныхъ гоненій сдѣлали, значитъ, свое дѣло, и повсемѣстные католическіе, съ ex voto, кресты при дорогахъ, частые крестные ходы, постановка временныхъ алтарей у крылецъ наиболѣе щедрыхъ радѣтелей католической церкви, свидѣтельствуютъ о томъ, что инспекція святѣйшаго синода появилась очень своевременно для поданія помощи тѣмъ православнымъ людямъ господствующей въ Имперіи церкви, верховенство которой никакими привилегіями, никакимъ большинствомъ другихъ вѣроисповѣданій по окраинамъ не отмѣняется. Вполнѣ своевременно было поддержать этихъ православныхъ и дать имъ то, что имѣютъ церкви, не господствующія, а именно: домъ молитвы съ приличною утварью и школу съ букваремъ и дѣйствительнымъ, а не мнимымъ существованіемъ.

Несомнѣнно, что историческое развитіе совершило свой полный кругъ, и для этого края настаютъ другія времена. Уже лѣтъ двадцать пять назадъ стали мы приглядываться къ судьбамъ православія въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ 1869 году образовалось для поддержки православія «Братство Гольдингенское Покровское», имѣвшее дѣло только съ однимъ уѣздомъ, а въ 1870—«Прибалтійское Православное Христа Спасителя», распространявшее свою дѣятельность на всѣ три прибалтійскія губерніи, съ цѣлью поддержанія въ нихъ православія. Оба братства эти находились подъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Въ 1881—1882 годахъ Ея Величество изъявила желаніе слить оба эти учрежденія въ одно, что и исполнено. Новый уставъ утвержденъ святѣйшимъ синодомъ въ 1882 году для «Прибалтійскаго Православнаго братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери». Въ 1884 году общество обладало капиталомъ въ 201,000 руб. и имѣло обширный кругъ дѣятельности по школамъ, раздачѣ книгъ, устройству и благолѣпію церквей; оно выдаетъ также стипендіи учащимся латышамъ. Когда въ 1883 году обнаружились случаи

обращенія въ православіе въ Лсалѣ, братство не замедлило устроить тамъ молитвенный домъ. Благодаря сильнымъ ходатайствамъ и высокой милости Государыни Императрицы, братство получило крупную денежную помощь на православныя школы; находясь въ ближайшей связи съ духовенствомъ великороссійскимъ, оно привлекаетъ къ вещевымъ и денежнымъ пожертвованіямъ на прибалтійскій край и наши древнія, высокопочитаемыя лавры.

Едва только вступивъ въ дѣятельность, братство не могло не обратить вниманія на запущенную Свято-Духовскую церковь въ Якобштадтѣ. Почти все, что было сказано о судьбахъ православія въ этомъ краѣ, такъ или иначе касалось этой древнерусской святыни, служившей долгое время единственнымъ свѣточемъ его въ средѣ уніи и іезуитизма. Судьбѣ угодно было, чтобы именно въ этой церкви совершено было, въ присутствіи графа Бориса Шереметева, молитвословіе, когда исконно-русскій край этотъ снова возвратился къ Россіи. Словно отвыкшія отъ побѣднаго славословія стѣны, по уходѣ нашихъ войскъ, продолжали разрушаться; безпомощными и хилыми глядѣли остатки церкви, когда православное братство задумало отстроить ее. Послѣ долгихъ усилій и большихъ затратъ, 1-го ноября 1884 года вновь отстроенный храмъ торжественно освященъ, но 16-го января 1885 года, въ глубокую зимнюю темень, около шести часовъ вечера, часть его взорвана злоумышленниками на воздухъ, а другая часть сгорѣла; священнику удалось только спасти чудотворную икону. Страшенъ былъ звукъ взрыва; видѣли люди какъ бы огненный шаръ; на льдинѣ нашли убитую птицу,—самое же преступленіе осталось нераскрытымъ, но по мотивамъ своимъ вызвало много толковъ. Кто посѣщаетъ Якобштадтъ и видитъ эту церковь поднимающеюся вторично, тотъ непремѣнно скажетъ православному братству свое глубокое спасибо.

Прослушавъ молитвословіе во временной церкви, приложившись ко кресту и чудотворной иконѣ Якобштадтской Божіей Матери, очень небольшой, вдѣланной въ иконостасъ, путешественники прошли немедленно къ воздвигавшейся въ описываемое время заново Свято-Духовской церкви. Фундаментъ былъ готовъ весь; стѣны подняты болѣе чѣмъ въ ростъ человѣка; кладка каменная, хорошая. Весь храмъ не особенно великъ, и такъ какъ его возсоздали по образцу сгорѣвшаго, то фотографіи, снятыя съ его предшественника, такъ безвременно погибшаго, даютъ полное понятіе о томъ, чѣмъ онъ былъ. Вслѣдъ за строящимся храмомъ путешественники посѣтили одноклассную съ двумя отдѣленіями школу, число учениковъ которой въ зимнее время достигаетъ 150 мальчиковъ и дѣвочекъ.

Переѣхавъ на катерѣ на другую сторону Двины, путешественники прослѣдовали въ экипажѣ въ усадьбу Крейцбургъ, мимо которой они уже проѣзжали. Недалеко отсюда находятся самые опасные на Двинѣ пороги, тянущіеся на пять верстъ, числомъ девять, подъ общимъ названіемъ «Перекорпищъ». Самую усадьбу можно, пожалуй, назвать замкомъ; надъ воротами виднѣлась надпись: «Добро пожаловать»; на башнѣ развѣвался флагъ въ 33 аршина длины съ гербомъ барона Корфа. Это одно изъ самыхъ богатыхъ помѣстій въ краѣ; говорили, будто оно тянется на цѣлыя три станціи желѣзной дороги, и будто нынѣшній владѣлецъ его, баронъ Николай Корфъ,—счетомъ пятнадцатый

Николай въ длинномъ ряду предшествовавшихъ ему владѣльцевъ Крейцбурга. Усадьба высится надъ одноименнымъ мѣстечкомъ своею массивною башней и цѣлымъ сонмомъ монументальныхъ построекъ и обставлена зеленью стародавнихъ кленовъ, липъ и дубовъ. Внутреннее убранство вполнѣ соотвѣтствуетъ богатой внѣшности; если судить по количеству оленьихъ роговъ и тетеревиныхъ хвостовъ, красующихся на лѣстницѣ, охота въ этихъ мѣстахъ должна быть великолѣпна и зорко охраняема.

Двинскъ.

Общее впечатлѣніе города. Исторія Двинска. Воспоминанія о 1812 годѣ. Улановъ и Кульневъ. Соборъ. Николаевская дамба. Раскольники. Крѣпость. Ея соборъ и его былое.

Поѣздъ подходилъ къ Двинску въ глубокую темень. Въ ночномъ мракѣ городъ казался лишь темнымъ пятномъ, а между тѣмъ, это довольно значительный городъ, въ которомъ, по статистическимъ даннымъ, насчитывалось:

домовъ каменныхъ	473
домовъ деревянныхъ	2,924
жителей	60,296, въ томъ числѣ:
евреевъ	26,540
православныхъ	16,690
католиковъ	10,611
лютеранъ	4,470
раскольниковъ	1,986

Все это, вмѣстѣ взятое, люди и дома, и все то, что называется Двинскомъ, разбросано по песчанымъ, совершенно безлѣснымъ берегамъ Двины, черезъ которую перекинутъ желѣзнодорожный мостъ. Говорятъ, будто Двинскъ, благодаря своему пестрому населенію и расположенію при рѣкѣ и желѣзныхъ дорогахъ, между русско-польско-литовско-эсто-латышско-нѣмецкими землями, издавна почитаемъ, какъ пристанище, всякими темными безпаспортными людьми, причемъ составъ полиціи, пятьдесятъ пять человѣкъ нижнихъ чиновъ и одиннадцать начальствующихъ надъ ними лицъ, далеко неудовлетворителенъ. Говорятъ также, будто количество пьяныхъ замѣчательно мало — не болѣе тридцати человѣкъ въ годъ; чѣмъ объяснить это? Само собою разумѣется, что первоклассная двинская крѣпость, которая, согласно основнымъ правиламъ

фортификаціи, должна быть возможно мало замѣтна даже днемъ, объятая ночью притаилась совершенно.

Нынѣшній Двинскъ основанъ въ 1582 году королемъ польскимъ Стефаномъ Баторіемъ, но, какъ и многіе другіе города, не сразу нашелъ свое теперешнее мѣсто, а занималъ сперва другое, въ семнадцати верстахъ отсюда, близъ селенія Старый Замокъ: тутъ въ 1278 году высился одинъ изъ самыхъ восточныхъ нѣмецкихъ бурговъ, построенный магистромъ Ратцебургомъ, противъ Литвы; здѣсь сидѣлъ орденскій комтуръ. Много разъ разоряли и воздвигали замокъ этотъ; Іоаннъ III взялъ его приступомъ въ 1481 году; въ XVI вѣкѣ замокъ, одновременно съ другими, отданъ рыцарями въ «залогъ» королю польскому Сигизмунду-Августу; послѣ гибели ордена онъ остался за Польшей и сдѣланъ главнымъ городомъ воеводства ифлантскаго. Въ 1577 году Іоаннъ Грозный взялъ Двинскъ и нѣкоторое время жилъ въ немъ; поляки взяли городъ обратно, вслѣдствіе измѣны коменданта Плятера, напоившаго русскихъ и впустившаго ночью поляковъ. Въ 1582, Стефанъ Баторій (по другимъ источникамъ—шведы, по третьимъ—Іоаннъ Грозный) перенесъ замокъ на мѣсто нынѣшняго Двинска, а послѣдніе остатки стараго замка, еще видѣвшіеся въ началѣ нынѣшняго вѣка, снесены крестьянами на постройку крѣпости и окончательно проданы витебскою палатой государственныхъ имуществъ въ 1861 году, вопреки Высочайшему повелѣнію 31-го декабря 1826 года объ охраненіи остатковъ старины. Въ XVII вѣкѣ спорили о Двинскѣ, или, какъ онъ тогда назывался — Динабургѣ, шведы съ поляками; въ 1656 году царя Алексѣя Михайловича «государевы ратные люди городъ Динабургъ взяли и дворы и костелы выжгли, а нѣмецкихъ людей высѣкли и наряду и всякіе пушечные заряды поймали». Временно уступленный Польшѣ, Динабургъ присоединенъ къ Россіи окончательно въ 1772 году и служилъ въ 1812 однимъ изъ главныхъ пунктовъ нашихъ военныхъ заготовленій. Оборонялъ Двину отъ французовъ, отъ маршаловъ Удино и Макдональда графъ Витгенштейнъ, но при общемъ отступленіи Динабургъ сданъ непріятелю безъ боя, такъ что молодецкая, лихая защита крѣпостнаго тетъ-де-пона генераломъ Улановымъ не привела ни къ чему, а не оконченныя укрѣпленія крѣпости срыты французами; къ постройкѣ новой крѣпости приступили въ 1825 году. Недалеко отсюда, въ Рѣжицкомъ уѣздѣ, существуетъ село Ильзенбергъ, сохраняющее въ церкви Скорбящей Божіей Матери останки другого героя 1812 года, Кульнева; по разсказамъ очевидцевъ, Кульневъ, огорченный неудачей, переправляясь черезъ Дриссу подъ непріятельскими выстрѣлами, снялъ съ себя мундиръ и шелъ позади всѣхъ съ поникшею головою, когда непріятельское ядро оторвало ему обѣ ноги; чрезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ, не произнеся ни слова; ядро находится при могилѣ. Въ 1868 году, по распоряженію главноначальствующаго въ Витебской губерніи, мѣстное волостное правленіе названо Кульневскимъ; не дурно было бы послѣдовать этому примѣру и въ другихъ мѣстахъ и поискать воспоминаній, чтобы славными именами пестрѣла поверхность Русской Земли.

Соборъ, во имя св. князя Александра Невскаго, воздвигнутъ въ Двинскѣ въ 1864 году на сумму, отпущенную казною, на частныя пожертвованія и

средства, назначенныя графомъ М. П. Муравьевымъ. Онъ—объ одномъ куполѣ, покоящемся на четырехъ столбахъ, и, вслѣдствіе несоразмѣрности его съ общимъ основаніемъ, кажется снаружи меньше, чѣмъ есть; въ немъ все убранство ново; иконостасъ, бѣлый съ золотомъ, выдѣляется красиво въ голубыхъ тонахъ окраски.

Путь изъ лагеря въ городъ ведетъ здѣсь улицами и безконечно-длинной дамбой, которая составляетъ одну изъ основныхъ отличительныхъ чертъ Двинска. Она тянется по берегу Двины на шесть верстъ и дѣйствительно защищаетъ городъ отъ затопленія: вода въ рѣкѣ, несмотря на очень большую вышину дамбы, не доходитъ, иногда, до ея поверхности только фута на три: не будь дамбы, судьбы деревяннаго Двинска оказались бы плачевны. По этой дамбѣ пролегаетъ петербургское шоссе, ѣзда по которому здѣсь открыта въ 1826 г., и все это сооруженіе, въ своей колоссальной простотѣ, несомнѣнно, помѣчено общимъ характеромъ времени императора Николая I: по краямъ, на дистанціяхъ, посажены деревья, на рѣшоткахъ классическіе. съ опущенными крыльями николаевскіе орлы, мѣстами еще видны мраморные верстовые столбы, на подобіе египетскихъ обелисковъ; николаевскія шоссе, прямолинейныя, не уклоняющіяся, съ могучими профилями и прочными мостами, вызываютъ воспоминанія о характерѣ ихъ создателя съ его желѣзною волей и глубокорусскою прямотой и рѣшимостью. Двинская дамба — одна изъ характернѣйшихъ точекъ. Съ высоты дамбы, по которой, такъ или иначе, надо ѣхать, видите вы, съ одной стороны, городъ, съ другой—рѣку Двину, постоянно ополаскивающую низменные песчаные берега, но не шевелящую дамбы.

Псковъ.

Общій видъ Пскова. Два историческихъ женскихъ облика. Начало Пскова. Неесходства съ Новгородомъ. Каменныя стѣны. Тиготѣніе къ Москвѣ. Кремль. Дѣтинецъ. Основаніе собора. Св. Довмонтъ и Гавріилъ. Ризница. Гробницы. Открытіе памятника Александру II. Довмонтова стѣна. Выставки. Значеніе мѣстной культуры льна. Полувѣры. Рисовальная школа.

Ярко сіяло солнце, когда, къ девяти часамъ утра, 27-го іюня, замѣлы стали съ поѣзда почтенныя очертанія древняго Пскова, съ его высокимъ соборомъ, вѣнчающимъ историческій дѣтинецъ, и цѣлымъ ожерельемъ церквей. Есть нѣчто общее между Псковомъ и другимъ древнимъ городомъ русскимъ, посѣщеннымъ путешественниками за годъ предъ тѣмъ, Устюгомъ Великимъ, только что тутъ рѣка Великая, а тамъ несравненно болѣе могучая Сухона. тутъ—край Земли Русской, тамъ—мѣста, близкія къ сердцу ея.

Почему не прошла желѣзная дорога подлѣ самаго города? Нѣчто совершенно сходное замѣчается также въ Курскѣ и во многихъ другихъ городахъ нашихъ. Не есть ли это слѣдствіе какихъ-либо, современныхъ постройкѣ дороги, мелкихъ завистей, интригъ, результатъ давно забытыхъ, смолкнувшихъ самолюбій темныхъ, безымянныхъ, сгибнувшихъ въ ничтожествѣ людей? Самые люди пропали, а путешественникамъ, на многіе годы, приходится тащиться по пыльному шоссе и удивляться тому, почему подобное могло случиться?

Съ вокзала путь лежалъ прямо въ соборъ, въ центръ Пскова. Такъ какъ мало гдѣ, подобно Пскову, историческія воспоминанія тѣснятся съ такою настойчивостью и послѣдовательностью, а самый день прибытія совпадалъ съ годовщиной Полтавскаго боя, и предстояло присутствовать при открытіи памятника Императору Александру II, то значеніе исторіи роднаго края вообще и

непрерывная связь ея отдѣльныхъ моментовъ, называемыхъ временемъ, представлялась въ этотъ день особенно наглядною. Слѣдовательно, прежде всего, къ нѣкоторымъ историческимъ воспоминаніямъ.

«А о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомянуто отъ кого созданъ бысть и которыми людьми» — такъ повѣствуетъ составитель псковской лѣтописи XIII—XIV вѣка. Онъ же сообщаетъ, что князь Игорь «поятъ себѣ жену Ольгу отъ Плескова». Очень характерно то, что два самые раннiе женскіе облика русской исторіи смотрятъ на насъ именно отсюда, изъ

Псковъ. Кремль и древній Псковскій Троицкій соборъ.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

этихъ мѣстъ: св. великая княгиня Ольга была псковитянкой; Рогнѣда—супруга Володиміра Красное Солнышко—была уроженкою недалекой отсюда, древней полоцкой земли, настолько близкой, что, при одномъ изъ позднѣйшихъ административныхъ дѣленій, Псковская губернія была переименована въ полоцкую. Псковъ окруженъ памятью св. Ольги: въ двѣнадцати верстахъ отсюда село Выбута—ея родина; тамъ же, какъ повѣствуетъ Степенная Книга, переправила она черезъ Великую Игоря, окъ узналъ и полюбилъ ее; близехонько оттуда есть мѣсто, называемое Буденикъ, а по преданію, въ селѣ Будятинѣ родился внукъ ея, св. Владиміръ; есть тутъ Ольгины слуды — или подводные камни,

есть деревни Ольгинъ городокъ — Горино и Ольгинъ дворецъ-житникъ, есть рукавъ рѣки, называемый Ольгиными воротами. И недалеко отсюда, какъ сказано, до рогнѣдиной земли. Это сближеніе двухъ женскихъ именъ—одна изъ тѣхъ странныхъ игръ случая, которыя для историческаго изслѣдованія не говорятъ, пожалуй, ничего, но для путешествующихъ составляютъ какъ бы беллетристическую окраску историческаго разсказа и поэтому вовсе не лишены значенія: исторія—къ исторіи, беллетристика—къ беллетристикѣ.

Въ XII вѣкѣ Псковъ уже относится къ числу значительныхъ городовъ русскихъ; будучи въ началѣ только пригородомъ Новгорода, онъ, малу-по-малу, становится самостоятельнымъ и переживаетъ самый Новгородъ. Исторія его отношеній къ Новгороду, путанныя сумятицы князей, посадниковъ и вѣча еще дадутъ впослѣдствіи не одну тему, какъ для исторической разработки, такъ и для художественныхъ и литературныхъ произведеній. Исторія Пскова полна не только исключительной своеобразности мотивовъ, но и глубоко симпатична, въ особенности, если сопоставить прошлое этого города съ исторіей Новгорода. Новгородъ, при всемъ своемъ могуществѣ, при всемъ богатствѣ, ослѣпляющемъ глаза, по сравненію съ бревенчатыми, лубочными городами тогдашней Руси, при всемъ физическомъ ростѣ его пятинъ, смѣло забѣгавшихъ къ Бѣлому морю, Мурману и Выборгу,—Новгородъ былъ, прежде всего, все-таки городомъ людей торговыхъ, ставившихъ рубль выше всего. Понятны слова псковичей новгородскому князю Ярославу въ 1228 году, когда онъ заявилъ имъ желаніе идти на рижанъ, съ которыми Псковъ замирился, идти на нихъ чрезъ Псковъ: «Кланяемся тебѣ, князь, и новгородцамъ, — сказали они, — но мы на войну не пойдемъ; мы съ рижаны миръ учинили, въ этомъ намъ нѣтъ порока, всѣ бо мы вѣрніи и невѣрніи человѣки отъ единаго Адама дѣти... вы же насъ много обидѣли... вы, токмо начавъ войну и получа добычу, отходите, а мы всегда остаемся съ ними во враждѣ». Космополитическое воззрѣніе на доброе согласіе съ нѣмцами, на общее происхожденіе отъ Адама, конечно, достаточно объясняется торговымъ характеромъ Пскова, но географическое положеніе его, по сравненію съ Новгородомъ, дастъ ему еще другую, болѣе симпатичную окраску. Близкій къ нѣмцамъ, воздвигнутый на самой окраинѣ, отдѣленный отъ нихъ только водами Талабскаго озера, Псковъ не былъ окруженъ, подобно Новгороду, кольцомъ отдѣльныхъ оборонительныхъ пунктовъ, не стоялъ въ нѣкоторомъ удаленіи отъ границы. Это обусловило бо́льшую воинственность, если можно такъ выразиться, развило рыцарскій духъ среди псковичей, поставленныхъ въ необходимость постоянно отбиваться отъ сосѣдей. Цѣлыя три кольца каменныхъ стѣнъ обводили центръ города, въ который иностранцы не допускались: стѣна князя Довмонта, поднятая въ серединѣ XIII вѣка, окружавшая ее стѣна средняя и, наконецъ, третья стѣна, обѣгавшая городъ на протяженіи семи верстъ, построенная въ XV вѣкѣ, вся изрѣзанная, словно кружевомъ, бойницами, вышками и башнями или кострами; подъ землей, параллельно внѣшней стѣнѣ, шли потаенные ходы, одинъ изъ нихъ у «Свиной башни» сохранился на древнемъ рисункѣ, изображающемъ осаду Баторія; башенъ высилось тридцать семь. Между этими башнями въ особенности памятна,

по битвѣ во время осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ 8 сентября 1581 г., Покровская башня. Поляки произвели рѣшительный приступъ; они уже овладѣли одной башней (недалеко отъ Покровской) и черезъ проломы двинулись въ городъ. Послѣ ожесточенной битвы они были отброшены, но долго ихъ не могли выбить изъ Покровской башни. Стефанъ Баторій рѣшился взять эту башню или взорвать ее подкопами; но и это не удалось. Вскорѣ поляки сняли осаду и отступили. Въ память избавленія отъ осады псковичи построили церковь Рождества Богородицы. Въ одномъ современномъ документѣ написано:

Псковъ. Покровская башня и церковь Рождества Богородицы.
Ориг. рис. Векшинскаго, грав. М. Рашевскій.

«Мы любуемся Псковомъ. О, Боже! это нѣчто величественное, какъ бы другой Парижъ...». «Городъ чрезвычайно большой, въ Польшѣ нѣтъ ему равнаго», а между тѣмъ, предъ приходомъ Баторія, выжжено въ посадахъ болѣе 1,500 домовъ. Военныхъ запасовъ хранилось столько, будто весь городъ состоялъ изъ ядеръ и пороха; клѣти ломились отъ хлѣбовъ.

Подобной воинственности обличья Новгородъ не имѣлъ никогда, какъ не имѣлъ онъ и рыцарскаго духа псковитянъ. Не слилась съ исторіей Новгорода навѣки-вѣчные свѣтлая память геройскихъ защитниковъ Русской Земли отъ чужеземцевъ въ родѣ мудраго князя Довмонта или такого земнаго архистратига, какъ св. благовѣрный Александръ Невскій. Не испыталъ Новгородъ и нѣмецкаго плѣненія, какъ Псковъ въ 1240 году, когда, вслѣдствіе измѣны знатнаго псковича Твердыни Иваньковича, рыцари нѣмецкіе были впущены

въ городъ. Это краткое плѣненіе, повлекшее за собою побѣду Александра Невскаго, окончательно укрѣпило въ псковичахъ убѣжденіе въ необходимости умѣть постоять за себя, за Россію. Всѣхъ нападеній выдержалъ Псковъ двадцать шесть, и взятъ только однажды и то, какъ сказано, измѣной.

Когда въ 1347 году шведскій король Магнусъ напалъ на сѣверныя новгородскія крѣпости, новгородцы обратились за помощью къ псковичамъ, которая и была дана имъ, но съ условіемъ: считать отнынѣ Псковъ не подчиненнымъ ему городомъ, а меньшимъ братомъ, не сажать имъ своихъ новгородскихъ посадниковъ, а духовному владыкѣ новгородскому, хотя и держать во Псковѣ своего намѣстника, но назначать его не изъ новгородцевъ, а изъ

Псковъ. Развалины древнихъ воротъ Варлаамовскихъ и храмъ св. Варлаамія.
Ориг. рис. съ натуры А. Вешпискаго, грав. К. Ольшевскій.

псковичей. Отъ времени заключенія этого договора, на цѣлыя полтора столѣтія, вступаетъ Псковъ въ лучшее, блестящее время своего существованія и становится самостоятельнымъ членомъ Ганзейскаго союза, а полное подчиненіе Новгорода великому княженію Московскому обусловливаетъ, наконецъ, переходъ ко Пскову и всей заграничной торговли.

Если во многомъ отличается Псковъ отъ Новгорода, начиная съ обличья, то иначе, чѣмъ Новгородъ, покончилъ онъ и со своими вольностями. Издавна не нравилось псковскимъ князьямъ быть выборными и не смотрѣть на свое княженіе, какъ на наслѣдственное; отсюда многія насилія, неурядицы, междоусобія. Испытавъ разныхъ князей, псковичи обратились, наконецъ, и къ Москвѣ,

и въ 1399 году былъ у нихъ князь «отъ руки великаго князя Василія Дмитріевича», князь Иванъ Холмскій. Это было первымъ шагомъ на пути сліянія съ Москвой, завершившагося вполнѣ снятіемъ вѣчеваго колокола въ 1510 году, когда рыданій объ этомъ было такъ много во Псковѣ, что лѣтописецъ удивляется: «какъ зѣницы не упали со слезами въ куп҃ь, како ли не урвалося сердце отъ корени?» Для тѣхъ, кто желаетъ видѣть въ объединеніи Руси Москвою только схидство, предательство, отношенія Москвы ко Пскову даютъ дѣйствительно обильную пищу; ясно, какъ, мало-по-малу, ограничивались права мѣстнаго вѣча, какъ усиливалась власть великокняжескихъ намѣстниковъ, какъ сдѣлался городъ подсуднымъ Москвѣ, какъ пользовалась она

Псковъ. Храмъ св. Георгія (постр. въ 1494 г.).
Орлг. рис. А. Вежинскаго, грав. М. Рашевскій.

междоусобицами для утвержденія своей власти, какъ напрасно ссылались псковичи на всякія грамоты, имъ данныя,—все это, съ различныхъ узкихъ точекъ зрѣнія, можетъ подлежать осужденію, и дѣйствительно неоднократно осуждено. Уже современныя лѣтописи, смотрѣвшія на единеніе недружелюбно, гласятъ о томъ, что у московскихъ судей правда улетѣла на небо и одна кривда осталась на судѣ, что всѣ хорошіе псковичи и иностранцы разбѣжались, а остались только дурные люди, такіе, подъ которыми «земля не разступится, которымъ и на верхъ не взлетѣть», что только при установленіи господства москвичей ввелись во Псковѣ «развращенные московскіе обычаи», но все это вмѣстѣ взятое отступаетъ передъ могучею идеей московскаго

единенія мощной Руси. Если псковичи справедливо укоряли новгородцевъ въ томъ, что отъ нихъ на непріятеля помощь плохая, то Москва, наоборотъ, никогда не «оставляла Пскова въ обидѣ и вѣрно держала за своихъ», и не допускала того, чтобы русское «сердце урвалося отъ корени».

Эта мысль общности интересовъ Пскова съ Москвой была такъ сильна, что Псковъ, въ XVI столѣтіи, легко могъ бы отдаться въ руки полякамъ, при Стефанѣ Баторіи, но онъ, лишенный всѣхъ своихъ правъ, обиженный Москвой въ конецъ въ торговыхъ интересахъ, обнищалый и пригорюнившійся, поневолѣ оставленный царемъ, занятымъ въ то время другимъ дѣломъ, онъ, въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ, выдерживаетъ осаду поляковъ и доказываетъ правду своего цѣлованія Московскому государству. Не присягнулъ онъ и позже польскому Владиславу, несмотря на гермогеновскую грамоту. А что не стѣснялась Москва со Псковомъ, такъ это вѣрно. Тутъ происходило даже нѣчто въ родѣ насильнаго выселенія жителей, потому что дважды выведены были изъ Пскова по 300 семействъ, однажды 500 и замѣщены другими, болѣе покорными, московскими, менѣе вѣчевыми. Было даже и такъ, что при принесеніи одной изъ жалобъ на намѣстника, царь, пребывавшій въ то время въ Новгородѣ, питая въ умѣ своемъ заднюю, заповѣдную мысль, находя, что, будто бы, количество жалобщиковъ все еще недостаточно, требовалъ бо́льшаго ихъ количества, и когда всѣ самые значительные люди Пскова, чуть не поголовно, дѣйствительно отправились бить царю челомъ и во Псковѣ мало кто остался, тогда объявлены были всѣ челобитчики арестованными и принуждены поклясться за себя и за своихъ, что они уничтожатъ вѣче и не будутъ имѣть болѣе посадниковъ. Пойманные псковичи потребовали одной ночи на раздумье; это была знаменитая ночь на 13 января 1510 года, ночь стенаній и плача въ городѣ,—ночь, предшествовавшая снятію и посылкѣ вѣчеваго колокола въ Москву.

Блестящее положеніе Пскова въ его хорошіе дни было такъ исключительно, что дальнѣйшія судьбы его могли быть не чѣмъ инымъ, какъ долгимъ, постояннымъ паденіемъ. Значительная часть войнъ нашихъ на западномъ порубежьѣ происходила на псковскихъ земляхъ. и Псковъ былъ граневою крѣпостью; при Петрѣ Великомъ, исправившемъ стѣны, во Псковѣ находилась главная квартира, стояло много войска и строились суда для военной флотиліи, бѣгавшей по рѣкѣ Великой.

Центромъ всѣхъ святыхъ воспоминаній является, конечно, кремль, кромъ, дѣтинецъ, холмъ, отчасти искусственный, длиною въ 200 саженъ, шириною въ 30, въ отвѣсѣ около 10, омываемый рѣками Псковою и Великою. Видъ отъ остраго угла дѣтинца, оставшагося долгое время въ мусорѣ и, только благодаря бывшему начальнику губерніи, обращеннаго въ садъ — превосходенъ. Цѣпью тянутся по берегу Иваковскій монастырь, Мироносицкая церковь, Парамоновская, Николаевская, Клементьевская и замыкаются Мирожскимъ монастыремъ.

Спасо-Мирожскій монастырь одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Онъ основанъ епископомъ новгородскимъ Нифонтомъ и игуменомъ Авраміемъ въ

1156 г. на берегу р. Великой при впаденіи въ нее рѣчки Мирожи. Монастырская церковь во имя Преображенія Господня, по преданію, современна основанію монастыря. Въ монастырѣ сохраняется небольшая выточенная изъ корня чаша, принадлежавшая, по преданію, епископу Нифонту; кромѣ того, находится икона Знаменія Божіей Матери, прославленная чуднымъ изліяніемъ слезъ во время великаго мора въ городѣ въ 1569 г., хранился въ монастырѣ также посохъ епископа Нифонта, но въ 1805 году его кто-то похитилъ.

Псковъ. Успенская Пороменская церковь построенная въ XII в.
Рис. П. Павлова, грав. Панкемакеръ.

Кругомъ, какъ широкій пьедесталъ незримаго, но существующаго былого, высятся остатки громоздскихъ стѣнъ, и сквозь одну изъ нихъ, сбѣгающую внизъ, тихо двигаетъ свои тихія струи, сливаясь съ Великою, рѣка Пскова. Въ концѣ X вѣка, когда здѣсь была зелень, шумѣлъ «великъ лѣсъ и многія дубравы», св. Ольга, возвратившись изъ Царьграда и задумывая обращеніе къ христіанству народа, имѣла именно на этомъ мѣстѣ видѣніе трехъ свѣтоносныхъ лучей, озарявшихъ окрестность тройственнымъ свѣтомъ. Видѣніе это имѣла она, стоя на другомъ берегу Великой, тамъ, гдѣ воздвигнута у источника часовня св. Ольги. «Разумно да будетъ вамъ, — сказала послѣ этого окружавшему ее сиклиту княгиня—«яко на семъ мѣстѣ церковь имѣть

быти во имя Нераздѣльныя Троицы, еще же и градъ здѣ великъ будетъ и славенъ, и изобиленъ». На этомъ мѣстѣ водрузила св. Ольга крестъ, перенесенный впослѣдствіи въ соборъ, а затѣмъ воздвигла и деревянный храмъ Св. Троицы, который занималъ значительную часть поверхности кремля. Одновременно съ храмомъ сталъ возростать и самый городъ Псковъ. Совершенно справедливо замѣчаніе Князева, что было такое время, когда Псковъ и его Св. Троица были словами тождественными и псковичи благодарили великаго князя «за то, что прислалъ въ домъ Св. Троицы воеводу своего съ людьми на оборону противъ нѣмцевъ».

Въ храмѣ этомъ сажали у себя псковичи князей на княженіе, подлѣ него находился княжескій домъ и тутъ же рядомъ помѣщались и вѣче, и казна: вѣчевые документы хранились въ особомъ ларѣ въ соборѣ. Соборъ, существующій въ настоящую минуту, счетомъ третій; построеніе перваго собора предполагаютъ въ 965 г., нынѣшній соборъ начатъ строеніемъ въ 1689 году, но рушился отъ непрочности сводовъ, вновь отстроенъ въ 1698 г. и освященъ въ 1703 году; онъ не великъ (въ вышину съ крестомъ тридцать шесть саженъ два аршина, въ длину съ папертью двадцать четыре сажени два аршина, въ ширину съ придѣлами тринадцать), простое кубическое основаніе осѣнено пятью главами и окружено полукружіями придѣльныхъ церквей и алтарей, но высокое и одинокое расположеніе представляетъ его гораздо большимъ, чѣмъ онъ есть. Соборъ виденъ верстъ почти за шестьдесятъ. Бросается въ глаза полное отсутствіе въ соборѣ какой-либо стѣнной живописи, и это обусловливаетъ то, что семирусный иконостасъ въ двадцать семь аршинъ вышины, со всѣми его иконами, какъ-то не роднится съ бѣлыми стѣнами и стоитъ особнякомъ. Если судить по изображеніямъ храмовъ 1138 и 1366 годовъ, предшествовавшихъ этому и дошедшихъ до насъ на двухъ иконахъ, то они были еще меньше и имѣли только по одной главкѣ на цѣлой системѣ мелкихъ арочекъ, высившихся одна поверхъ другой. Соборъ въ два свѣта, куполъ покоится на четырехъ столбахъ, въ задней части храма хоры. Всѣ пять куполовъ свѣтятъ внутрь и напоминаютъ обиліемъ свѣта тотъ же мотивъ, который сказался такъ ясно въ другой древнерусской святынѣ, въ соборѣ Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ. Основные столбы разрисованы зелеными столбами съ капителями, и низъ ихъ вплотную обставленъ вѣнцами древнихъ иконъ. Звѣзды сіяютъ на сѣрыхъ куполахъ снаружи, звѣзды сіяютъ и по голубому фону внутри.

Святыхъ мощей имѣется въ храмѣ: строителя втораго храма св. князя Гавріила, св. князя Довмонта (во св. крещеніи Тимоѳей) и блаженнаго Николая Юродиваго. Надъ могилами князей висятъ заржавленные мечи ихъ. Молчаливы они, какъ и гробницы, но сдѣлали свое дѣло. Когда-то Довмонтъ, поднимая мечъ на Литву и Ливонію, говаривалъ: «братья муже псковичи, кто старъ, то отецъ мнѣ, а кто младъ, то братъ»,—и псковичи, отвѣчая воззванію, шли за нимъ; эти слова передаетъ лѣтопись; мечъ Гавріила несетъ на себѣ латинскую надпись, гласящую: «чести моей никому не отдамъ». Вѣсъ Довмонтова меча 3½ фунта, а Гавріилова 7½. Новгородцы думали, было, однажды перенести мощи Гавріиловы къ себѣ, такъ какъ княжилъ онъ и у нихъ, но

рака съ мощами съ мѣста не двинулась, и только по молитвѣ ихъ отпалъ самъ собою ноготь отъ руки блаженнаго князя и отнесенъ въ Новгородъ. Святые князья чествуются каждый въ свой день; но блаженному Николаю Юродивому особаго дня не назначено, и онъ поминается церковью нашею, когда поминаются и всѣ юродивые, вмѣстѣ взятые. Хорошо извѣстно преданіе о томъ, какъ говорилъ преподобный Николай съ Іоанномъ Грознымъ, какъ озлобилъ его словами: «Иванушко, Иванушко, хлѣба-соли, а не христіанской крови», какъ сталъ невидимъ послѣ приказанія схватить его, какъ испугалъ этимъ царя и тѣмъ спасъ жителей города отъ безконечныхъ казней.

Святѣйшимъ воспоминаніемъ собора былъ крестъ св. Ольги, поставленный ею надъ рѣкой Великой еще до основанія собора, позже внесенный въ него и сгорѣвшій въ 1509 году; въ воспоминаніе этого креста устроенъ въ 1623 г. другой, дубовый, по образцу старѣйшаго, виднѣющійся и донынѣ. Крестами и иконами соборъ очень богатъ, и многіе изъ предметовъ его ризницы имѣютъ большую археологическую и художественную цѣнность. Одинъ изъ воздуховъ съ жемчугами вышитъ великою княгиней Елисаветой Алексѣевной; хороши многія панагіи и кресты; Евангеліе Апракосъ, то-есть писанное не по порядку зачалъ, а по чтеніямъ въ продолженіе года—1532 года и многое другое. Подъ соборомъ находится нѣсколько гробницъ князей и архіереевъ, причемъ первыя безыменны. Архіепископъ Симонъ Тодорскій, † 1754 г., какъ гласитъ надпись, былъ большимъ лингвистомъ, такъ какъ зналъ языки: латинскій, греческій, еврейскій, сирійскій, аравійскій, халдейскій и, «въ удивленіе всѣмъ», нѣмецкій; въ эпитафіи надъ епископомъ Гедеономъ, день его смерти опредѣляется такъ:

По лѣтѣхъ же егда Христосъ воплотися.
Какъ седмь сотъ 62 къ тысячи свершися.
Третьяго жъ лѣта мало полъ не достизаше.
Іюнія день тогда двадцать второй бяше.

Различныя событія городской жизни писаны на многихъ колоколахъ собора той или другой церкви, пожертвованныхъ разными лицами. На многихъ изъ нихъ событія излагаются чрезвычайно подробно, причемъ поименованы и участники въ постройкѣ колокола — «Рыбникъ Чухна», да «всѣ сусѣди», да «при священникѣ Миките Козлѣ». Въ звонахъ этихъ колоколовъ, при всякой молитвѣ церковной, для всякаго знающаго исторію своей родины, гармонично глаголетъ былое, и нельзя не признать, что это фантастическое сочетаніе звука и историческаго дѣянія, разносимое музыкой православнаго церковнаго звона, должно трогать душу того человѣка, который знаетъ и любитъ исторію своего народа, какъ исполнена она предками и какъ намѣчена Богомъ для всѣхъ и для каждаго въ особенности.

Изъ частныхъ зданій для любителей отечественной старины любопытны: развалины палатъ Марины Мнишекъ и палаты Поганкиныхъ. Историческихъ доказательствъ, что развалины дома, выдаваемаго за жилище Марины Мнишекъ, дѣйствительно служили когда-то ея жилищемъ,—нѣтъ; сохранилось преданіе. Сколько извѣстно, Марина не была въ Псковѣ.

Палаты Поганкиныхъ (на Губернаторской улицѣ) принадлежали именитымъ купцамъ этой фамиліи; по преданію, изъ этого рода были даже псковскіе посадники. По указу Петра Великаго, домъ этотъ взятъ въ казенное вѣдомство и обращенъ въ провіантскій магазинъ. Впослѣдствіи домъ ремонтировали, но при этомъ не позаботились принять надлежащія мѣры къ сохраненію старины.

Крупнѣе всѣхъ ударовъ для Пскова (какъ и для Архангельска) было основаніе Петербурга, притянувшаго къ себѣ всю иностранную торговлю, и въ настоящую минуту Псковъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ, постоявшихъ за Русь городовъ нашихъ, совершенно обойденный новою жизнью, фактически не тронутъ и почти не оживленъ близостью желѣзнаго пути.

Въ описываемое время во Псковѣ происходило торжество открытія памятника Императору Александру II. Памятникъ изображаетъ покойнаго государя стоящимъ въ порфирѣ, на четырехгранномъ пьедесталѣ сѣраго мрамора, по угламъ котораго расположены орлы и повѣшена цѣпь. Онъ обошелся псковскому купечеству около 15,000 рублей, сдѣланъ художникомъ Опекушинымъ и возсоздаетъ обликъ государя хорошо. Множество вѣнковъ лежало на пьедесталѣ и подлѣ него; изъ нихъ многіе были серебряные.

Изъ достопримѣчательностей города заслуживаютъ вниманіе путешественника: дѣтскій пріютъ св. Ольги (основанъ въ 1881 году, имѣетъ капитала 30,000 рублей, 60 приходящихъ и 40 постоянныхъ дѣвочекъ); Маріинская женская гимназія (328 воспитанницъ); домъ призрѣнія бѣдныхъ благотворительнаго общества св. Маріи (существуетъ 31-й годъ, капитала 6,000 рублей, призрѣваемыхъ 13 старухъ и 26 дѣтей); переданный городомъ реальному училищу ботаническій садъ, разбитый вдоль древней Довмонтовой стѣны; известняки, изъ которыхъ сложена ветхая стѣна, до такой степени вывѣтрились, что достаточно весьма небольшаго усилія, чтобы отковырнуть значительную часть камня, но стѣна такъ толста и настолько уже осыпалась, что стала какъ бы произведеніемъ природы; молодая поросль ботаническаго сада жмется къ каменному дѣлу рукъ Довмонтовыхъ, и разнообразные деревца, цвѣты и кустики чудесно оттѣняются бѣлизною вывѣтривающихся известняковъ.

Много поучительнаго представляла также выставка мѣстныхъ произведеній и кустарной промышленности Псковскаго уѣзда, устроенная въ описываемое время въ саду и зданіяхъ мѣстной учительской семинаріи, противъ древняго Мирожскаго монастыря, на берегу рѣки Великой. Ленъ, холсты, личники (длинныя полотенца съ вышитыми концами, которыя носятся на головѣ какъ украшенія), салфетки, скатерти и очень хорошія шерстяныя ткани (одѣяла и платки), занимали очень видныя мѣста. Много виднѣлось земледѣльческихъ орудій, машинъ, моделей; модель водяной мельницы, сдѣланная находившимся тутъ же крестьяниномъ Рушевымъ, четырнадцати лѣтъ. Первенствовалъ на выставкѣ, конечно, ленъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ предметовъ вывоза, которому мы, на европейскомъ рынкѣ, пока конкурента не имѣемъ. Значеніе льноводства для Псковской губерніи и Россіи вообще видно изъ слѣдующихъ данныхъ: Россія производитъ въ годъ до 15 000,000 пудовъ и изъ этого числа $^1/_3$—

Псковская губернія, тогда какъ ближайшею нашею конкурренткой является Германія, производящая только 4.500,000 пудовъ. Этихъ двухъ цифръ достаточно для опредѣленія важности льна. Кромѣ льна, составлявшаго центръ выставки, привлекли на себя вниманіе предметы, касающіеся исконнаго промысла Псковскаго озера — ловли снѣтковъ: сѣти, «лодка мутница», печи для сушки снѣтковъ, сани-водовики для перевозки неводовъ зимой и проч. Тутъ же имѣлись на виду два живые лососка, пойманные въ рѣкѣ Великой въ текущемъ году,— несомнѣнное доказательство пользы Никольскаго рыборазводнаго завода.

Псковъ. Спасо-Мирожскій монастырь, основ. въ XII в. (близъ Пскова).

Рис. И. Павловъ, гр. Панненакеръ.

Полное одѣяніе ловца, треухъ (шапка), шуба, передникъ, редень, рукавицы и сапоги совершенно тѣ же, что̀ у нашихъ сѣверныхъ поморовъ. О любопытномъ и важномъ для мѣстныхъ жителей снѣтковомъ промыслѣ будетъ сказано подробнѣе при описаніи пути по Талабскому озеру.

Слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ саду имѣлись налицо нѣсколько представителей мѣстныхъ полувѣрокъ и полувѣрцевъ печерской волости, Псковскаго уѣзда; очень характерны на женщинахъ громадныя круглыя серебряныя бляхи такой величины, что одна подобная бляха покрываетъ почти всю грудь; кресты и монеты составляютъ тоже замѣтную часть украшенія. Нельзя

обойти молчаніемъ, говоря о выставкѣ, и того факта, что существуетъ тутъ недалеко табачная, махорочная фабрика, получающая табачный листъ изъ

Псковъ. Палаты Поганкина.
Рис съ натуры А. Векшинскій, грав. М. Рашевскій.

Псковъ. Развалины палатъ Марины Мнишекъ.
Рис. съ натуры А. Векшинскій, грав. М. Рашевскій.

Черниговской губерніи. Извѣстно, что массы нашего табаку провозятся въ листахъ за границу и привозятся къ намъ обратно въ видѣ гаванскихъ сигаръ; лучше производить ихъ на своихъ фабрикахъ.

Псковъ. Печерскій монастырь. Видъ древней звонницы (XV в.) и ризницы.
По фотографіи грав. М. Рашевскій.

Послѣ осмотра обѣихъ выставокъ путешественники направились въ рисовальную школу, учрежденную городомъ, существующую около двухъ лѣтъ и находящуюся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; она помѣщается въ казенномъ зданіи; въ ней, въ среднемъ, тридцать учениковъ. Отъ города отпускается въ годъ 350 рублей. Осмотрѣны были весьма удовлетворительные рисунки, выставленные въ школѣ.

На городской пристани путешественники сѣли на пароходъ, отсюда имъ предстояло спуститься по рѣкѣ Великой къ Псковскому озеру. Небольшой па-

Псковъ. Древняя церковь св. Василія Великаго (постр. въ 1377).
Ориг. рис. съ натуры А. Векшинскаго, грав. М. Рашевскій.

роходъ «Dorpat», одинъ изъ трехъ, содержащихъ постоянное сообщеніе между Юрьевомъ и Псковомъ, ожидалъ ихъ подъ парами. На немъ предстояло имъ проѣхать къ Талабскимъ островамъ, Гдову и, перерѣзавъ Псковское и Чудское озера вдоль и поперекъ, проѣхать рѣкой Эмбахомъ къ Юрьеву. Было около двухъ часовъ дня, когда «Dorpat» тронулся съ мѣста, и передъ путниками скользнула красивая декорація низовьемъ рѣки Великой, а Псковъ, со своими храмами, быстро задвинулся извилинами и холмами береговъ.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ въ историческомъ и многихъ другихъ отношеніяхъ монастырей Псковской губерніи принадлежитъ также и Псковско-Печерскій монастырь. Онъ находится на границѣ Псковской и Лифляндской

губерніи, въ 56 верстахъ отъ Пскова, въ безуѣздномъ гор. Печерахъ. Печерскимъ названъ по имени «пещеры», неизвѣстно кѣмъ ископанной и найденной въ XV в. Монастырь устроенъ въ концѣ XV в. Съ 1521 г. въ немъ находится чудотворная икона Божіей Матери. Въ XVI столѣтіи монастырь безуспѣшно осаждали поляки. Долгое время онъ служилъ пограничною крѣпостью, и послѣднія укрѣпленія устроены при Петрѣ Великомъ. Въ монастырѣ устроена въ 1827 г. церковь въ память избавленія псковскаго края отъ нашествія французовъ; построена на пожертвованія гр. Виттенштейна и чиновъ бывшихъ подъ его командою войскъ.

Псковское озеро. Талабскіе острова.

Устье Великой. Снѣтогорскій монастырь. Водяныя деревни. Характеристика обоихъ озеръ. Ихъ несходства. Сходство съ Мурманомъ. Снѣтокъ. Его особенности. Довъ и приготовленіе въ прокъ. Ихъ особенности. Значеніе снѣтка. Талабскіе острова. Посадъ. Крестный ходъ по водѣ. Дальнѣйшій путь къ Гдову

Къ двумъ часамъ дня, 28-го іюня, при полнѣйшемъ штилѣ, казавшемся еще глубже, еще нерушимѣе, благодаря самому яркому блеску солнца и безоблачности неба, въ которомъ, казалось, не было мѣста ничему, кромѣ глубочайшаго спокойствія и свѣта, пароходъ «*Dorpat*» отваливалъ отъ пристани на Великой, въ виду древнихъ стѣнъ псковскихъ. Глядѣлъ съ дѣтинца соборъ, глядѣли съ Запсковья и Завеличья другія церкви, и совершенно, какъ въ глубокой вѣчевой древности, звучалъ съ нѣмецкаго судна, подъ самыми стѣнами Пскова, нѣмецкій языкъ пароходной команды. Существенная разница была въ томъ, что судно двигалось при посредствѣ пара, а не веселъ или парусовъ.

Едва отошелъ пароходъ отъ пристани и отодвинулись святыни кремля, какъ открылось вправо устье рѣки Псковы: древнія стѣны, сбѣгая къ ней съ обѣихъ сторонъ по кручамъ, раздались, чтобы дать рѣкѣ мѣсто; теперь рѣка эта открыта, а во время оно преграждался входъ въ нее могучими рѣпотками. Влѣво отъ парохода, при самомъ выѣздѣ изъ города, виднѣлся Ивановскій монастырь, а скоро вслѣдъ затѣмъ на правомъ высокомъ берегу Великой, въ бѣлыхъ стѣнахъ своихъ, съ маленькими куполами, часовеньками, очень высокою колокольней и многими, не вполнѣ симметричными, окнами, глянулъ монастырь Снѣтогорскій, лѣтнее мѣстопребываніе, дача архіерея. Въ этомъ монастырѣ, гласитъ псковская лѣтопись подъ 1299 годомъ, убиты нѣмецкими

рыцарями игуменъ Іоасафъ съ 17 братьями; тутъ же, въ 1472 году, служила молебенъ и переодѣвалась для торжественнаго вступленія въ Псковъ Софья Ѳоминична Палеологъ. Это самое красивое мѣсто на протяженіи тѣхъ двѣнадцати верстъ, которыя отдѣляютъ Псковъ отъ одноименнаго съ нимъ озера. На кругломъ изгибѣ рѣки, вѣнчая гнилыя, вывѣтривающіяся наслоенія известняковъ древними соснами, просовывая изъ-за стѣнъ вершины деревьевъ своихъ уютныхъ садиковъ, монастырь царитъ надъ поверхностью изгибающейся рѣки. Лѣвый берегъ тутъ не ниже праваго, тоже тѣнистъ и зеленъ, и изъ листвы его проглядываютъ очертанія мызы Пріютино. Если оглянуться на пройденный пароходомъ путь отсюда, то еще видны очертанія псковскаго собора, но затѣмъ они скрываются совершенно, задвинутыя изворотами и стѣнообразными боками Великой.

Далѣе къ устью берега Великой становятся совершенно безлѣсными; наслоенія известняковъ уступаютъ мѣсто обнаженіямъ крупнаго щебня, затѣмъ проступаютъ опять наслоенія, но уже не такія высокія, и, наконецъ, припижаются совсѣмъ, чтобы дать мѣсто безконечнымъ лугамъ, разстилающимся почти на одномъ уровнѣ съ поверхностью озера. Въ нижнихъ частяхъ теченія Великая шириной почти что съ Неву близъ Дворцоваго моста; вышина береговъ, близъ Снѣтогорскаго монастыря, близка къ вышинѣ Воробьевыхъ горъ подъ Москвой

Тѣмъ площе, тѣмъ низменнѣе казались берега Псковскаго или Талабскаго озера, открывавшагося безконечнымъ зеркаломъ, по которому поблескивали маленькія волны, поднимаемыя пароходомъ, и черчѣли тоненькими силуэтами лодки рыбаковъ, разбросанныя тамъ и сямъ, иногда не въ одиночку. Берега такъ низки, что, кажется, будто торчатъ надъ водой только острія бархатистой травы. Деревня Муромицы, находящаяся справа, подлѣ самаго устья, и слѣдующая за нею—Горки, въ тридцать четыре крестьянскихъ двора, на пространствѣ не болѣе одной тысячи квадратныхъ саженъ, удивительно типичны. Онѣ поднимаются какими-то конгломератами деревянныхъ построекъ, жмущихся вплотную одна къ другой, чуть не на сваяхъ, и, кажется, да оно такъ и есть, не имѣютъ улицъ; между домами оставлены промежутки, въ которыхъ можетъ пройти только корова; оборони Богъ отъ пожара эту сѣрую, скомканную, высящуюся надъ зеленью пожней массу строеній. Можно представить себѣ положеніе этихъ людей при ледоходѣ; коровы, говорятъ, спасаются въ такихъ случаяхъ на крышахъ, а сосѣди сообщаются другъ съ другомъ по жердямъ, просунутымъ въ окна. Глыбы льда окружаютъ ихъ тогда, замѣчаетъ изслѣдователь, и они отрѣзываются отъ всего свѣта. Вотъ, дѣйствительно, уголокъ своеобразной русской жизни, достойный художника и описателя! Обыкновенно пасхальный звонъ церквей, во время ледохода и распутицы, доносится къ нимъ только издалека, и, по недостатку дома молитвы, люди устроили у себя часовню и творятъ молитвословія сами, «причемъ для чтеній избирается грамотный начетчикъ, но хорошихъ чтецовъ нѣтъ, и трудно передать, какая выходитъ безсмыслица, когда чтецъ не понимаетъ значенія удареній и останавливается на полумысли, и дробитъ предложенія». Это не мѣшаетъ, однако, глубокой вѣрѣ и сильному развитію молитвословій по всему побережью.

Камня въ мѣстныхъ постройкахъ не видно вовсе, кромѣ фундаментовъ снѣткосушильныхъ печей, выразителей того снѣтковаго промысла, которымъ живетъ все населеніе обѣихъ озеръ-близнецовъ, Псковскаго и Чудскаго, ютящееся вдоль громадной береговой линіи, обрамляющей 3,087 квадратныхъ верстъ водянаго пространства. Подлѣ устья р. Великой много острововъ, числомъ до двѣнадцати; это—сплошныя, богатѣйшія пожни, принадлежатъ Горкамъ, и нѣсколько лодокъ, попавшихся пароходу навстрѣчу, сидѣли краями бортовъ своихъ чуть не до воды, будучи нагружены изумрудною зеленью только-что скошенной на островахъ роскошнѣйшей травы.

Умѣстны нѣсколько данныхъ объ озерѣ или озерахъ, имѣющихъ слишкомъ 3,000 квадратныхъ верстъ пространства, изъ которыхъ 750 приходятся на долю маленькаго, южнаго, Псковскаго озера (40 верстъ длины), соединеннаго съ Чудскимъ (80 верстъ длины) проливомъ въ 15 верстъ длины и 5 ширины. Несмотря на полную, вѣчную связь обѣихъ озеръ, характеры ихъ совершенно различны. Тогда какъ Чудское озеро имѣетъ дно каменистое, неровное, достигающее почтенной глубины въ двадцать саженъ и болѣе, озеро Псковское глубиной своею не превышаетъ пяти саженъ; глубина эта, впрочемъ, почти вездѣ одинакова, кромѣ побережья, и дно озера, вездѣ ровное, плоское, обильно покрыто водорослями. Насколько, по словамъ изслѣдователя здѣшней озерной жизни, вода въ Чудскомъ озерѣ чиста, прозрачна, настолько же мутна она въ Псковскомъ, и, вѣроятно, эти особенности обусловливаютъ то, что въ первомъ изъ нихъ имѣется крупная рыпушка, а во второмъ безусловно царитъ мелкій снѣтокъ; эти физіологическія особенности такъ вѣски, что псковскій снѣтокъ, попавъ въ Чудское озеро, достигаетъ гораздо большей величины, но зато утрачиваетъ, почему-то, многія хорошія качества вкуса; ему, повидимому, нужна незначительная глубина, горизонтальность дна и водоросли, съ ихъ обильнымъ цвѣтеніемъ и развитіемъ моллюсковой жизни. Богатство снѣтковъ, которымъ много уже вѣковъ живетъ населеніе псковскаго побережья, огромно; не въ связи ли съ ними и самое названіе Снѣтогорскаго монастыря? Нѣтъ снѣтка вкуснѣе псковскаго,—объ этомъ скажутъ вамъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и это совершенно справедливо и это можетъ подтвердить всякій, кому удалось отвѣдать, на мѣстѣ, свѣжихъ снѣтковъ, вовсе не обладающихъ тѣмъ непріятнымъ запахомъ, который, главнымъ образомъ, зависитъ отъ первобытныхъ способовъ, какими снѣтки заготовляются въ прокъ. За послѣдніе годы мѣстные рыбаки жалуются на уменьшеніе снѣтка, но и тутъ, какъ относительно запаха, виноватъ не снѣтокъ, а люди. Снѣтокъ такъ плодовитъ, что если бы не уничтоженіе выбрасываемой имъ и оплодотворенной икры, если бы не люди, съ ихъ убійственно мелкими сѣтями, не щука и не окунь, то, не болѣе какъ въ теченіе двухъ лѣтъ, все Псковское озеро могло бы быть запружено снѣткомъ. Изъ числа многоразличныхъ мѣръ, принимавшихся и принимаемыхъ противъ хищническаго способа ловли снѣтковъ, одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ и довольно крутыхъ слѣдуетъ считать запечатываніе, на время нереста, снѣткосушильныхъ печей по всему побережью. Особенное зло заключается въ томъ, что рыбаки пользуются при ловлѣ сѣтями до такой степени

мелкими, что сквозь нихъ не проходитъ даже икра и этимъ уничтожается рыба, еще не вылупившаяся.

Удивительно сходны у насъ судьбы рыбныхъ промысловъ на далекомъ Мурманѣ и на ближнемъ Псковскомъ озерѣ, съ тою только разницей, что тамъ не хотятъ умѣть обращаться съ сельдею и треской, а здѣсь—со снѣткомъ. Богатство, тамъ и тутъ, одинаково, народонаселеніе прирождено къ промысламъ, одѣвасть на голову тотъ же треухъ, также беззавѣтно смѣло и выносливо, трехлѣтній мальчикъ уже орудуетъ весломъ, сбытъ обезпеченъ, продуктъ хорошъ, но приготовленіе плохо и первобытная лопата движется въ кучахъ живаго матеріала, доставленнаго на берегъ тамъ—океаномъ, здѣсь—озеромъ. Какъ тамъ, на Мурманѣ, на тоpосскомъ промыслѣ зимою, оторветъ, порою, льдину и уноситъ, часто безвозвратно, промышленниковъ, такъ и тутъ весенній вѣтеръ «надара» также рветъ льдины и уноситъ ихъ отъ берега съ людьми, иногда тоже безвозвратно. Конечно, Псковское озеро бѣдное Мурмана, но не одного только снѣтка и ряпушку производятъ здѣшнія воды; не говоря уже о толстомъ и неуклюжемъ сомѣ, встрѣчающемся, впрочемъ, довольно рѣдко и отличающемся самымъ невкуснымъ мясомъ, здѣсь имѣются очень вкусный лещъ и судакъ, направляющіеся для сбыта, главнымъ образомъ, къ Петербургу, щука, идущая въ Варшаву, окунь, ершъ и язи, расходящіеся на мѣстѣ. Но главный продуктъ—снѣтокъ.

Хорошенькій, маленькій снѣтокъ ходитъ обыкновенно необозримыми стаями, подлѣ которыхъ шмыгаютъ окуни, ихъ заклятые враги, а въ воздухѣ носятся чайки; сырой снѣтокъ имѣетъ непріятный запахъ, которымъ пропитаны всѣ прибрежныя деревни, но, при хорошей сушкѣ, теряетъ его совершенно; цвѣтомъ онъ синеватъ, но, по мѣрѣ замиранія, бѣлѣетъ; снѣтокъ мечетъ икру въ мартѣ и апрѣлѣ, но всегда вслѣдъ за вскрытіемъ льда; если онъ заходитъ для этого въ устья мѣстныхъ рѣкъ и рѣчекъ, то буквально запружаетъ ихъ, и тогда снѣтки могутъ быть черпаемы ковшами. Ловятъ снѣтокъ круглый годъ; самый хитростный и трудный, а по времени, самый продолжительный -это зимній ловъ, отъ замерзанія до вскрытія озеръ. Тутъ пускается въ ходъ большой неводъ, состоящій изъ матки и двухъ крыльевъ, каждое въ 150 саж. длины и 8—10 ширины, матка въ 10 саж. длины и 7 ширины; этотъ неводъ со всѣми нужными приспособленіями или то, что называется «большимъ запасомъ», стоитъ около восьмисотъ рублей и служитъ одинъ только годъ. При подобномъ неводѣ необходимы шестнадцать рабочихъ и восемь лошадей, кромѣ хозяина запаса и управляющаго ловлею или «жерника»; лошадь и два рабочіе составляютъ «гнѣздо»; всѣ, вмѣстѣ взятые, называются «дружиной».

Зимній ловъ съ большимъ запасомъ очень трудевъ и довольно сложный. Когда ледъ окрѣпнетъ, то дѣлается гдѣ-либо прорубь, ловецъ ложится на ледъ и смотритъ въ прорубь, причемъ, для того, чтобы яснѣе видѣть, накрываетъ голову. Зоркость этихъ людей, говорятъ, удивительна, и они усматриваютъ снѣтка на глубинѣ трехъ саженъ. Если снѣтокъ выслѣженъ, то тутъ вбивается въ ледъ «пѣшня», и это мѣсто принадлежитъ нашедшему. Для того, чтобы опустить подъ ледъ и протянуть подъ нимъ огромный неводъ въ 300 саж.

длины, дѣлается около шестидесяти прорубей, расположенныхъ правильнымъ четыреугольникомъ, имѣющимъ около 1/2 версты въ поперечникѣ. Вдоль двухъ боковъ этого четыреугольника протягиваютъ подо льдомъ два наружные конца невода, а между нихъ посрединѣ пойдетъ мѣшокъ матки, тоже подъ цѣлымъ рядомъ прорубей. Двѣ проруби особенно велики: та, въ которую неводъ будетъ опущенъ, «подвальное корыто», и та, въ которую его поднимутъ—«подъемное корыто».

Когда неводъ привезенъ на мѣсто на квадратныхъ, въ 2 1/2 сажени длины, саняхъ, называемыхъ «водовикомъ», и опускается, тогда, во время лова, очень характерны три дѣйствія. Одно—это тяга невода подо льдомъ; она производится такимъ способомъ, что къ обоимъ наружнымъ концамъ его, опущеннымъ въ «подвальное корыто», привязываютъ жерди, снабженныя на наружныхъ концахъ желѣзными кольцами; жерди эти, длиною саженъ въ пятнадцать, опускаются въ воду, причемъ концы ихъ, снабженные кольцами, подводятся подъ ближайшія двѣ проруби, сквозь которыя подхватываются они деревянными крюками, и лошади, или люди, тянутъ неводъ отъ проруби къ проруби. Передвиженіе этой жерди отъ проруби къ проруби можно, пожалуй, сравнить со шнуровкою дамской обуви, когда шелковый шнурокъ протягивается сквозь отверстія вслѣдъ за мѣднымъ наконечникомъ. Второе характерное дѣйствіе лова состоитъ въ глядѣніи подъ ледъ сквозь тѣ проруби, подъ которыми идетъ матка невода и которыя называются «глядѣльницами»; ложась на животъ и накрывъ чѣмъ-либо голову, одинъ изъ рыбаковъ смотритъ въ воду, и если замѣчаетъ, что рыбы достаточно, то машетъ рукою, чѣмъ даетъ знать, чтобы неводъ тянули дальше. Третье любопытное дѣйствіе имѣетъ мѣсто при вытаскиваніи невода и оно установлено обычаемъ и держится такъ же свято, какъ и значеніе «пешни» на мѣстѣ, найденномъ кѣмъ-либо для лова. Когда неводъ подтянутъ и матка находится подлѣ послѣдней проруби, тогда подбѣгаютъ къ ней дѣти, бабы, старики съ ковшами въ рукахъ, такъ называемые «кошовники», и ловятъ снѣтокъ сколько кому удастся. Несмотря на то, что ковши доставляютъ иногда больше добычи, чѣмъ остается самому хозяину, никому и въ голову не приходитъ посягнуть на обычай. Что-то подобное, только не со снѣтками, имѣется и на Мурманѣ; между прочимъ, здѣсь, какъ и тамъ, на Ледовитомъ морѣ, каждый вѣтеръ имѣетъ свое прозваніе: сѣверный называется «сѣверикъ», западный—«мокрикъ», южный—«теплякъ», а юго-восточный, дующій отъ Пскова—«вахтица».

Снѣтокъ продается обыкновенно на мѣстѣ, на глазомѣръ, огуломъ, причемъ составляется нѣчто въ родѣ аукціона. Рыбакъ выкликаетъ свою цѣну присутствующимъ тутъ купцамъ и владѣльцамъ снѣткосушильныхъ печей; если цѣна высока, послѣдніе молчатъ; если они согласны, то произносятъ слово «давотамъ»—и купля совершена. Половину всего улова натурою получаетъ хозяинъ, половину ловцы; но случаются и видоизмѣненія этого основнаго правила. Снѣтокъ поступаетъ непосредственно въ снѣткосушильныя печи, которыхъ на здѣшнихъ заводахъ имѣется по 4—16, а въ каждую печь помѣщается до четырехъ четвериковъ сыраго снѣтка; всѣхъ заводовъ по берегамъ и остро-

вамъ около ста. Послѣ всякой топки, печь выметается, и подъ ея посыпается тѣмъ бѣлымъ пескомъ, который такъ непріятно похрустываетъ въ зубахъ при употребленіи снѣтка въ пищу и который необходимъ противъ прижариванія снѣтка. Снѣтокъ набрасываютъ въ печь, солятъ и переворачиваютъ просто-напросто лопатой.

Среднимъ числомъ вывозится въ годъ псковскаго снѣтка около 200,000 пудовъ, что̀, при цѣнѣ трехъ рублей пудъ, даетъ валоваго дохода до 600,000 рублей, изъ которыхъ на долю промышленниковъ приходится около 440,000 рублей. Такъ какъ всѣхъ дворовъ, занимающихся рыбнымъ промысломъ, считается до 1,500, то на долю двора приходится 150 рублей, чего для покрытія всѣхъ домашнихъ потребностей мало и пріозерные крестьяне занимаются еще перевозкой тяжестей и торговлей глиняною посудою, приготовляемою въ Псковѣ.

Снѣтокъ составляетъ любимую нашимъ народомъ пищу, и этому есть свое основаніе: одного фунта снѣтковъ достаточно, чтобы приготовить супъ на десять человѣкъ, и въ этомъ смыслѣ онъ могъ бы представлять превосходный консервъ для войскъ. Но, какъ сказано, приготовленіе его въ прокъ очень неудовлетворительно: экономія въ дровахъ и соли вызываетъ то, что его не сушатъ, а только провяливаютъ, и снѣтокъ доходитъ къ рынкамъ въ видѣ какого-то мусора; этою же сыростью пользуются для увеличенія вѣса, чего достигаютъ также и тѣмъ безобразнымъ пріемомъ, что, не довольствуясь примѣсью песка, захваченнаго снѣткомъ изъ печи, его прибавляютъ еще нарочно. Какое удивительное сходство съ приготовленіемъ мурманской трески, въ которой для увеличенія вѣса оставляютъ хребетный столбъ, обусловливающій ея гніеніе и убійственный запахъ!

Участвуютъ въ снѣтковой ловлѣ всѣ пятьдесятъ одно селеніе, расположенныя по берегамъ Псковскаго озера, да, кромѣ того, столько же такихъ, что расположены отъ него нѣсколько подальше. Центромъ этого промысла, его рынкомъ и биржей является посадъ Александровскій, на островахъ Талабскѣ и Верхнемъ, къ которымъ и направлялся пароходъ съ путешественниками, въ полнѣйшемъ блескѣ росколиѣйшаго дня. Недалеко отсюда, близъ западнаго берега, лежитъ небольшой островъ Варанье,—Вороній камень, гдѣ имѣла мѣсто знаменитая побѣда Александра Невскаго въ 1241 году; бой произошелъ на льду и возвратилъ псковичамъ захваченный ливонцами ихъ родной городъ. Тутъ же разбили псковичи ливонцевъ и въ 1463 году.

Талабскіе острова: Талабскъ, Верхній и Талавенецъ расположены въ южной части Псковскаго озера, ближе къ западному берегу, и имѣютъ населеніе, приблизительно, въ четыре тысячи человѣкъ. Видъ на острова съ парохода, при полной тишинѣ воды, при ослѣпительномъ блескѣ полуденнаго солнца, былъ невыразимо хорошъ и типиченъ. На зеркальной поверхности озера высились одинъ подлѣ другого всѣ три острова, раздѣленные небольшими проливчиками. Основаніемъ всѣмъ имъ служатъ огромные валуны, слѣдъ доисторическаго ледянаго періода, отчасти вѣчно обнаженные, отчасти открывающіеся при малой водѣ. Только на Верхнемъ островѣ имѣется роскошный сосновый боръ, два другіе совершенно лишены растительности; розовые пески, прикры-

ающіе валуны, служатъ основаніемъ для жилыхъ строеній Александровскаго посада на островахъ Талабскѣ и Верхнемъ; населеніе ближняго, бокъ-о-бокъ лежащаго, Талавенца, почему-то причислено къ береговой остенской волости. Нельзя было не любоваться чудеснѣйшею картиной, которая развертывалась передъ глазами.

Словно нарочно, блескъ и самостоятельность картины подняты были до крайнихъ предѣловъ великолѣпія крестнымъ ходомъ по водѣ иконъ Елеазаровскаго прибрежнаго монастыря. При сходѣ на помостъ, за множествомъ тѣснившихся лодокъ, нельзя было замѣтить приближенія своеобразной флотиліи, направлявшейся къ берегу; но когда путешественники уже сѣли въ лодку для переѣзда къ берегу, флотилія эта не могла не обратить на себя ихъ вниманія. Шесть большихъ лодокъ, одна за другою, медленно шли на веслахъ полныя народомъ; всѣ эти люди, кромѣ гребцовъ, конечно, стояли въ лодкахъ и надъ ними выплись хоругви и кресты, и сіяли обложенныя золотомъ и серебромъ иконы: «*Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе*», слышались слова исполнявшагося пѣнія. Процессія эта ежегодная. Самый монастырь находится на берегу, въ восьми верстахъ растоянія.

Входъ въ находящійся на островѣ храмъ отѣненъ дикимъ каштаномъ и липой; четырехъ-парусный сводъ не высокъ; на четырехъ-ярусномъ иконостасѣ и по стѣнамъ церковнымъ много иконъ въ цѣнныхъ окладахъ—даръ часто нуждающихся въ помощи Божіей островитянъ; надъ алтаремъ красуются висящая сѣнь и престолъ въ серебряномъ одѣяніи.

Высокіе, большею частью двухъ-этажные деревянные дома посада поднимаются плотною стѣною; въ Талабскѣ имѣются два начальныя народныя училища, но, въ противоположность сельскимъ учебнымъ заведеніямъ, классныя занятія въ нихъ имѣютъ мѣсто въ лѣтнее время, а каникулы—зимой.

Около двухъ часовъ пополудни путешественники находились уже на пароходѣ, для дальнѣйшаго слѣдованія на Гдовъ. Озеро блестѣло и лучилось попрежнему. Виднѣлись тамъ и сямъ по зеркальной поверхности, воспользовавшіяся пробуждавшимся слабымъ вѣтромъ, такъ называемыя «будары», большія мелкосидящія крылатыя лодки съ однимъ прямымъ парусомъ, поднимающія до 15,000 пудовъ; виднѣлись и мелкія рыбачьи лодки. Встрѣчались суда, нагруженныя бочками со снѣтками; показался и буксирный пароходъ лѣсопромышленника Зиновьева «*Софія*». Пароходъ «*Dorpat*» двинулся проливомъ изъ Псковскаго въ Чудское озеро и взялъ курсъ на сѣверо-востокъ къ Гдову. Чудское озеро смотрѣло менѣе привѣтливо: опускалась какая-то мгла. Къ вечеру, когда значительно стемнѣло и бросили якорь саженяхъ въ 200 отъ гдовскаго берега, чтобы съѣхать на него, небо стало пасмурно и предвидѣлся скорый дождь.

Гдовъ. Отъ Гдова къ Юрьеву. Чудское озеро.

Древнее обличіе Гдова. Замѣчательный соборъ. Историческое. Крестьянскіе мемуары. Николаевская церковь. Буря на озерѣ. Проекты пониженія его уровня. Рѣка Амовжа. О русскихъ семьяхъ, матрикулованныхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Юрьевъ.

Хмуро и холодно глядѣло кругомъ вечеромъ, 28-го іюня, когда путешественники, съѣхавъ на берегъ, отправились въ экипажѣ въ Гдовъ, отстоящій отъ берега озера версты на три.

Всегда ли Гдовъ былъ такъ далекъ отъ озера? не сдѣлало ли тутъ время именно того, что предполагаютъ сдѣлать прибалтійскіе помѣщики, т. е. не понизило ли оно уровня Чудскаго озера? Хотя исторія и гласитъ, что городъ построенъ въ 1422 году псковскими посадниками и они заложили тутъ, на пятой недѣлѣ по Пасхѣ, крѣпость на рѣкѣ Гдовѣ, въ двухъ верстахъ отъ озера, что ее строили триста человѣкъ и уже къ 1-му ноября окончили и освятили; но то же свѣдѣніе утверждаетъ, что здѣсь, до того, былъ и старый посадъ; затѣмъ, въ настоящее время, разстояніе это, несомнѣнно, длиннѣе двухъ верстъ; слѣдовательно, нѣкоторое удаленіе города отъ воды все-таки совершилось. Путь къ Гдову шелъ по тундроватой мѣстности.

Гдовъ лежитъ на невысокихъ холмахъ и кое-гдѣ выползъ своими очень невзрачными домиками и немощеными улицами изъ-за старыхъ, разрушающихся, много вѣковъ уже бѣлѣющихъ въ своей смертной блѣдности, стѣнъ древней крѣпости; рѣченка Гдова тоже обростаетъ по тихимъ берегамъ ряской и стрѣльникомъ, и трудно отличить, что именно блеститъ подъ водой, замѣтною тамъ и сямъ: древній ли ровъ, или сама собою образовавшаяся лужа. Видъ Гдова унылый вообще, въ пасмурную же погоду онъ и того хуже. А вѣдь рѣка Гдова была, когда-то, глубокою и омывала неприступныя твердыни, первое нападеніе на которыя, со стороны нѣмецкихъ рыцарей, совер-

шлось сорокъ лѣтъ спустя послѣ ихъ построенія. Унылость Гдова была присуща ему и раньше, потому что когда Екатерина II прибыла въ Гдовъ и немного въ немъ отдохнула, то оставаться ей дольше помѣшали эти «скуку наводящія мѣста». И дѣйствительно, только служебныя обязанности могутъ занести кого-либо въ Гдовъ, лежащій совершенно въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было торговыхъ или военныхъ путей.

Городской соборъ не великъ, но очень характеренъ. При входѣ въ него прежде всего бросаются въ глаза два грузные столба, изъ числа четырехъ, поддерживающихъ невысокій, съ горшечными сводами, куполъ и круглыя, темныя отверстія многихъ «голосниковъ», вдѣланныхъ въ стѣны и обусловливающихъ чрезвычайную звучность, отзывчивость небольшаго храма, построеннаго въ 1540 году, во имя св. Димитрія. Эти столбы, эти голосники, совсѣмъ не симметрично разбросанныя окошечки—подъ куполомъ ихъ шесть—и круглые сводики, тоже достаточно не симметричные, придаютъ храму удивительно типичный, для исторіи нашей архитектуры важный характеръ. Нѣкоторые колокола отъ времени Іоанна Грознаго. Мало у насъ такихъ, вполнѣ сохранившихся въ древнемъ обличіи, церквей. Иконостасъ пятиярусный, по коричневому фону, когда-то малиновому, старь и увѣшанъ вилотную цѣнными, въ окладахъ, иконами, такъ что представляется раскрытою книгою, обращенною страницами своими къ молящемуся и приглашающею его читать по нимъ. Въ исторіи иностраннаго, романскаго и готическаго искусствъ хорошо извѣстны такъ называемыя «Библіи въ лицахъ»; наши иконостасы, наши циклическія фресковыя изображенія вполнѣ замѣняютъ ихъ, и если бы только мы хорошо знали бытописанія нашихъ святыхъ, хотя бы по Четьи-Минеямъ, если бы мы дали себѣ трудъ (чего мы въ большинствѣ, къ несчастью, не дѣлаемъ) знать исторію дѣятелей церковныхъ, то наши иконостасы заговорили бы любопытнымъ, поучительнымъ языкомъ. Здѣсь не мѣсто, конечно, приводить примѣры того глубокаго разнообразія, той типичности нашихъ святыхъ, которыя дѣйствительно существуютъ и о которыхъ вспомнилось такъ хорошо при взглядѣ на гдовскій иконостасъ, раскрытый громадною книгою въ лицахъ. Мы любимъ біографіи свѣтскихъ дѣятелей и поучаемся на нихъ; но мы совершенно незнакомы съ жизнеописаніями дѣятелей церкви, въ которыхъ, если отбросить нѣкоторыя нарощенія и прикрасы, добавленныя временемъ, всегда имѣется налицо глубоко знаменательное и не умирающее во времени зерно. Лики святыхъ на здѣшнемъ иконостасѣ всѣ обращены лицомъ къ царскимъ дверямъ и будто слушаютъ богослуженіе; надъ дверями — Спаситель, выше — Богоматерь, еще выше — Распятіе подъ небольшимъ куполомъ; въ алтарѣ— три части.

Гдовскій соборъ далеко не такъ богатъ въ своей обстановкѣ, какъ находящійся на далекомъ сѣверо-востокѣ, на рѣкѣ Вычегдѣ, соборъ сольвычегодскій, посвященный въ прошломъ году и дышащій въ своей святынѣ памятью именитыхъ, богатыхъ людей Строгановыхъ, но по характерности, по цѣльности впечатлѣнія XVI вѣка, онъ ему не уступаетъ. Жаль, что до него добраться трудно и путешественники въ Гдовѣ — рѣдкость, а то эта живая иллюстрація

церковной обстановки временъ Іоанна Грознаго посѣщалась бы чаще. Преданіе гласитъ, что, шествуя въ Ливонію, проходилъ чрезъ Гдовъ самъ царь; бывали тутъ шведы, поляки, литовцы, первые даже владѣли Гдовомъ до 1622 года, и дважды бралъ городъ приступомъ Густавъ-Адольфъ; въ числѣ городовъ, приставшихъ въ 1611 году къ ивангородскому Лжедимитрію, названы лѣтописью и гдовяне; въ 1705, Петръ Великій, прибывъ сюда изъ Нарвы, отправился въ Псковъ изъ Гдова на полонезныхъ шведскихъ судахъ. Для пребыванія здѣсь Екатерины II, въ 1780 году, былъ устроенъ временный деревянный дворецъ, а путь ея до Пскова освѣщался пылающими кострами. Въ 1818, со своими уланами, шелъ здѣсь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Очень любопытенъ тотъ фактъ, что память объ этомъ послѣднемъ пребываніи сохраняется между крестьянами въ весьма своеобразномъ преданіи. Въ Гдовѣ, говоритъ оно, всѣ служащіе, почему-то, разбѣжались и великій князь, очень недовольный этимъ, оставилъ городъ; въ деревняхъ, по пути, народъ встрѣчалъ его толпами; мѣстами Цесаревичъ шелъ съ ними пѣшкомъ; на одной изъ станцій побранилъ за неисправность въ лошадяхъ; въ свитѣ, говоритъ преданіе, находилась и польская графиня Радзивиллъ.

Свѣдѣнія объ этомъ сохранены, между прочимъ, въ запискахъ крестьянина села Выскатки, Ефима Андреева, составляющихъ одинъ изъ немногихъ документовъ, подлежащихъ, конечно, исправленію, по исторіи Гдова и составленныхъ въ 1865 году. Этотъ Ефимъ Андреевъ, стремящійся свято сохранить память о старинѣ, явленіе далеко не единственное въ Россіи. Можно было бы привести нѣсколько примѣровъ подобной, въ высшей степени своеобразной мемуарной литературы, изъ которой назовемъ хотя бы еще одинъ: воспоминанія крестьянина села Угодичъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Александра Артынова, котораго въ дѣлѣ писанія записокъ поощрялъ покойный Погодинъ; онѣ напечатаны въ 1883 году.

Въ Гдовѣ находится также очень маленькая и древняя, величиною съ комнату, съ маленькимъ куполомъ, Успенская церковь. Нѣкоторые считаютъ ее, и, повидимому, не безъ основанія, за древнѣйшую: колонны въ ней пѣтъ, изгибаются двѣ небольшія арки, окна тоже не симметричны, а въ наружномъ очертаніи она не лишена сходства съ соборомъ и могла служить ему прототипомъ; преданіе говоритъ, что она построена одновременно съ крѣпостью, и это весьма вѣроятно. Говорятъ также, будто съ одной стороны колокольни, восьмиугольной, въ двадцать двѣ сажени вышины, построенной позже, подлѣ которой она ютится, до 1822 года примыкала точно такая же другая церковь, во имя св. Михаила, но она «по ветхости или своеволію» сломана какимъ-то охочимъ нѣмцемъ Крейгеромъ и пережжена на известь для постройки тюрьмы и присутственнаго дома, находящихся бокъ-о-бокъ.

Тюрьма, на постройку которой Крейгеръ взялъ готовую известь древняго храма, расположена подлѣ церквей. Всѣхъ жителей въ Гдовѣ 2.287 человѣкъ. Домовъ каменныхъ имѣется только семь, деревянныхъ 785, и все это, большею частью, невзрачныя клѣтушки, съ гусями, курами и поросятами на улицѣ.

Училищъ въ Гдовѣ два, мужское и женское, всѣхъ учащихся около 120 человѣкъ; содержаніе обоихъ училищъ обходится въ 2.920 рублей (министерство народнаго просвѣщенія—1,326, городъ—764, земство—500 и сборъ за ученіе—330), помѣщенія училищъ собственныя; земская больница устроена на двадцать человѣкъ; учрежденія содержатся въ хорошемъ порядкѣ.

Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ памятниковъ древности этого города является Николаевская церковь. Тутъ стоялъ, когда-то, до упраздненія въ 1764 году, одноименный съ нею монастырь, основанный однимъ изъ псковскихъ посадниковъ въ 1424 году; заросшіе пруды и старые дубы еще видѣли его, доживавшаго четвертый вѣкъ своего существованія, послѣ двадцати игумновъ и двухъ архимандритовъ; при копаніи могилъ, говорятъ здѣшніе жители, въ нихъ находили многія волосяныя мантіи, таинственнымъ образомъ сохранившіяся послѣ неизвѣстныхъ по именамъ постриженниковъ. Говорятъ также, будто стоящая памятью монастыря церковь перенесена сюда изъ села Вейна, около 1750 года, а просуществовала она на прежнемъ мѣстѣ пятнадцать лѣтъ, такъ что ей въ настоящую минуту около ста шестидесяти лѣтъ вѣку. Она—деревянная, съ двумя преддверіями; шестигранный куполъ высится на высокой неуклюжей шестигранной шеѣ, подъ колоколообразною шапкой и поддерживается четырьмя деревянными подпорами. Иконостасъ шестиярусный, древній, обставленный иконами, украшавшими, когда-то, несуществующій нынѣ монастырь. Иконы много древнѣе самаго храма и явились на свѣтъ въ древнемъ Псковѣ; то же самое неоднократно приходилось видѣть на дальнемъ Сѣверѣ, на Мурманѣ и Бѣломъ морѣ, гдѣ въ церквахъ, сравнительно молодыхъ, хранятся святыя изображенія изъ мастерскихъ вѣчеваго Новгорода и его монастырей.

Осмотрѣвъ достопримѣчательности Гдова, путешественники отправились на томъ же пароходѣ «Dorpat» въ дальнѣйшій путь. День былъ бурный. Едва только поднятъ былъ якорь, что̀, благодаря близости дна, произошло быстро, и пароходъ двинулся поперекъ сѣверо-восточнаго вѣтра, навалившагося на насъ справа, какъ почувствовалась сильная качка. Озерная вода была такъ мутна, что напоминала очень близко невозможную муть Мезенскаго залива, обусловливаемую неустанными приливами и отливами,—муть, которая даетъ осадокъ на цѣлую треть высоты ведра. Ясно было, что покинутое побережье очень мелководно, и хотя, при той непогодѣ, которая ополчалась, трудно было соображать различныя историческія подробности о покидаемой мѣстности, но нѣкоторыя изъ нихъ все-таки припомнились. Уже со времени путешествія по Россіи Олеарія, съ XVI вѣка, затѣмъ при Екатеринѣ II, отъ поры до времени всплывалъ проектъ понизить уровень Чудскаго озера фута на четыре. Этимъ, согласно болѣе позднѣйшему разсчету академика Гельмерсена, было бы осушено, оздоровлено и предоставлено въ распоряженіе сельскаго хозяйства до 113,000 дес. пока-что совершенно непригодной болотной почвы (если прибавить къ этому цѣлую систему моховыхъ болотъ и озеръ по лифляндскому побережью, оставленную Гельмерсеномъ безъ вниманія, то указанная цифра увеличится еще на 30,000 дес.); считая доходность десятины

въ шесть руб., получилось бы, такимъ образомъ, отъ пониженія уровня воды въ озерѣ, чистой прибыли 679,000 руб. ежегодно, что̀ соотвѣтствуетъ капиталу въ 13.600,000 руб. Стоимость работъ по пониженію уровня, по приблизительному разсчету, составляла бы только одинъ милліонъ рублей. Проектъ этотъ не заглохъ; онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ подвергался даже обсужденію на лифляндскомъ сельско-хозяйственномъ «конгрессѣ». Судить о достоинствѣ проекта безъ подробнаго ознакомленія, конечно, нельзя; но нельзя не обратить вниманія на то, какъ посмотрятъ на это пониженіе чудскаго уровня крестьяне на рѣкахъ Великой и Наровѣ, что скажетъ снѣтокъ—заповѣдный кормилецъ мѣстнаго населенія, что скажутъ въ деревняхъ, схожихъ съ Горками, привыкшихъ жить на водѣ и поставленныхъ сразу на сушу? Кромѣ того, въ обсуждавшемся на «конгрессѣ» проектѣ не выяснено, почему же сельскіе хозяева Лифляндской и Эстляндской губерній, которыхъ это дѣло интересуетъ болѣе всѣхъ, не положили на него требуемаго милліона, а ищутъ правительственной затраты. Если посчитать, сколько новыхъ коровъ будетъ прокармливаться на осушенныхъ мѣстностяхъ (по приблизительному разсчету до 18,000 головъ, изображающихъ капиталъ въ 720,000 рублей), сколько масла и сыровъ будетъ понадѣлано и продано, то, право, нельзя не согласиться съ правильностью затраты и надобно только удивляться тому, почему она не сдѣлана до сихъ поръ. Если не ошибаемся, лѣтъ около тридцати пяти назадъ, полковнику Тимоееву было поручено произвести изслѣдованіе о соединеніи Чудскаго озера посредствомъ канала съ Балтійскимъ моремъ; дѣло тоже не новое. Кажется, по почину юрьевскаго купечества, производились лѣтъ двадцать назадъ развѣдки судоходности Наровы, причемъ доходили пароходомъ почти до самаго водопада, но устройство правильныхъ рейсовъ признано опаснымъ.

Пароходъ «*Dorpat*», всего въ 60 лошадиныхъ силъ, имѣетъ 110 футовъ длины и только 23 ширины — скорлупка очень небольшая для того, чтобы бороться съ настоящею бурей; не велико̀ долженъ былъ быть и переѣздъ поперекъ озера къ устью мирной рѣки Эмбахъ, бывшей Амовжи, всего только три часа времени, а между тѣмъ пришлось пережить минуты не особенно пріятныя. Буря разыгралась настоящая, могучая. Не разъ можно было наблюдать, какъ пошлепывало колесо праваго кожуха по воздуху, потому что лѣвое шло слишкомъ глубоко въ водѣ; многократно перекатывались волны поверхъ палубы, сваливая съ ногъ людей, сбивая ихъ даже съ сидѣній, проникая въ каюты сквозь закрытыя двери и доказывая совершенную непригодность людскихъ одѣяній, назначенныхъ защищать отъ воды только сверху и съ боковъ, а не снизу; съ быстротой изумительною высыхали на горячей поверхности котла и трубы капли озерной и дождевой воды, щедро осыпавшія ихъ со всѣхъ сторонъ, а отъ новенькихъ флаговъ, развѣвавшихся по канатамъ, остались скоро одни только клочья. Ни малѣйшаго порядка, никакой системы нельзя было доискаться въ движеніи мутныхъ, безпорядочныхъ волнъ; хотя вѣтеръ напиралъ, несомнѣнно, съ одной только стороны и неуклонно кренилъ пароходъ лѣвымъ бортомъ, хотя свистѣло и дуло только справа, но озеро щетинилось не правильными, болѣе или менѣе параллельными, грядами, а бур-

ляло, кипѣло, ерошилось всею своею поверхностью, и судно двигалось по какой-то неописуемой, безумной толчеѣ. Кто бывалъ въ сталактитовыхъ пещерахъ, хотя бы на нашемъ Чатырдагѣ, тотъ легко представитъ себѣ поверхность Чудскаго озера въ бурю, съ двумя существенными разницами, конечно: сталактиты опускаются остріями книзу и неподвижны, волны же поднимали острія кверху и двигались безустанно.

И такъ продолжалось ровно три часа. Въ исходѣ пятаго капитанъ, типичнѣйшій и почтеннѣйшій изъ всѣхъ капитановъ свѣта, весь въ кожѣ, съ нахлобученнымъ капюшономъ, изъ-подъ котораго рѣзко бѣлѣла сѣдая борода, выступая по-американски только снизу подбородка, объявилъ, указывая на какія-то двѣ точки, что это берегъ—входъ въ Эмбахъ. Сообщеніе было весьма пріятно. Точки росли, расширялись; это темнѣли какія-то сосны на берегу, и невольно вспомнилось, глядя на нихъ, какъ важна должна быть для мѣстныхъ рыбаковъ та красивая сосновая роща Верхняго острова, которою пассажиры любовались вчера на высокомъ песчаномъ гребнѣ его,—роща, видная отовсюду не за одинъ десятокъ верстъ, и этимъ самымъ, поистинѣ, заповѣдная.

Къ темнѣвшимъ надъ мутью воды точкамъ начали мало-по-малу прирастать снизу какія-то темныя черточки; онѣ становились шире, удлинялись; это обозначались тѣ низменные, болотистые берега, которые предназначены, при понижении озернаго уровня, къ осушкѣ; глянули какіе-то два рыбачьи домика, подлѣ нихъ два парохода — «*Peipus*» и «*Maria*», и цѣлая флотилія юрьевскаго гребнаго клуба. Еще нѣсколько поворотовъ колесъ, и пароходъ сразу вошелъ въ полнѣйшій штиль рѣки Эмбахъ, гдѣ, вмѣсто рева вѣтра, раздавалось стройное пѣніе съ палубъ обоихъ пароходовъ, стоявшихъ у самаго устья рѣки. Отсюда до Юрьева оставалось 2½ часа пути.

Ширина Эмбаха, по-старому Амовжи, подлѣ устья около двадцати саженъ, глубина восемь саженъ; тростники, болота, луга роднятся одни съ другими непосредственно, и зелени, зелени не оглядѣть. Что за роскошная охота должна быть въ этихъ мѣстахъ! Хорошъ и многочисленъ скотъ. По берегу то и дѣло скакали на коняхъ, въ шляпахъ съ широкими полями, словно жители пампасовъ, мѣстные крестьяне. Берега Эмбаха густо населены; особенно красивы здѣсь усадьбы Лунья, служащія цѣлью лѣтнихъ поѣздокъ изъ Юрьева, и Хавелау — имѣніе графа Шереметева. Фамилія графовъ Шереметевыхъ, одна изъ многихъ русскихъ фамилій, вошедшая въ составъ матрикулованнаго мѣстнаго дворянства, то-есть такого, которое, какъ сказано, пользуется въ прибалтійскомъ краѣ особыми правами, превышающими права русскаго дворянина вообще и составляющими аномалію въ томъ смыслѣ, что эти особенныя права получаются не по почину Высочайшей власти, а по выбору мѣстныхъ матрикулованныхъ дворянъ; это тѣ права, существованіе которыхъ лишаетъ русскаго дворянина, ступающаго на землю трехъ прибалтійскихъ губерній, сразу, мгновенно множества правъ и, такъ сказать, низводящихъ его. Если взять въ руки списки матрикулованныхъ мѣстныхъ дворянъ, то нельзя не замѣтить, что въ ряды ихъ вступали тѣ русскіе люди, которые, въ свое время, играли болѣе или менѣе значительныя роли; въ числѣ титулованныхъ значатся, напри-

мѣръ, въ Эстляндской губерніи: Аракчеевъ, Блудовъ, Дибичъ, Горчаковъ, Меншиковъ, Мордвиновъ, Гурьевъ, Долгорукій, Голицынъ, Шереметевъ, Шуваловъ, Сперанскій, Орловъ, Панинъ, Зубовъ, Суворовъ, Куракинъ, Левашевъ, Олсуфьевъ, Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ, Вязмитиновъ, Валуевъ, Волконскій, Васильчиковъ; есть и не титулованные: Бибиковъ, Демидовъ, Козодавлевъ, Голубцовъ, Антроповъ, Колтовской, Олсуфьевъ, Молчановъ, Муравьевъ, Жеребцовъ, Спиридовъ, Трощинскій, Чичеринъ. Это въ одной только губерніи Эстляндской; но есть свои контингенты русскихъ фамилій и въ обѣихъ другихъ губерніяхъ, и нельзя не признать того, что въ спискахъ этихъ имѣется, такъ сказать, добрая часть нашего административнаго житья-бытья за цѣлый рядъ царствованій, въ лицахъ его сильнѣйшихъ представителей, пріобщавшихся къ дворянству нѣмецкому, матрикулованному.

Вершины юрьевскихъ церквей,—города, основаннаго княземъ Ярославомъ болѣе чѣмъ 800 лѣтъ тому назадъ, стали замѣтными часу въ седьмомъ вечера довольно ясно, благодаря тому, что въ воздухѣ окончательно просвѣтлѣло. Церкви эстонская и лютеранская намѣчались особенно ясно. По мѣрѣ приближенія къ городу, слѣдуя извилинами Эмбаха, нельзя было не замѣтить очень короткихъ и широкихъ лодокъ, нагруженныхъ лѣсомъ. Лѣсовъ по пути встрѣчалось очень немного. У самаго уже города стала видна съ палубы хорошенькая, но небольшая православная церковь съ зелеными куполами; указали и на развалины замка, на обсерваторію. Городокъ, раскинутый на невысокихъ холмахъ, весь потонулъ въ зелени садовъ и глядитъ удивительно опрятно. А вѣдь когда-то по улицамъ его «жили гады и хищные звѣри», такъ какъ Петръ I, за сочувствіе къ шведамъ, нисколько не стѣсняясь, отправилъ весь магистратъ и бюргеровъ въ Вологду. Главныя части города расположены на правомъ берегу рѣки, то-есть влѣво отъ парохода, подходящаго съ озера. Вплотную съ обѣихъ сторонъ Амовжи тѣснились городскіе дома; пришлось подходить къ пристани очень медленно, чтобы не задѣть какого-нибудь суденышка, барки, лодки, которыхъ здѣсь очень много.

Юрьевъ.

Мѣстный соборъ. Эстонскія общества. Храмы. Университетъ и его былое. Три періода существованія университета. Благодѣянія Александра I и позднѣйшихъ царствованій. Характеристика всѣхъ попечителей юрьевскаго учебнаго округа. Значеніе теологическаго и юридическаго факультетовъ. Ширрень и его характеристика. Исчезновеніе русскаго языка. Богатства университета. Посѣщеніе коллекцій и библіотеки. Ея богатства. Посѣщеніе рекреаціи. Культурно-балтійское значеніе университета. Своеобразность устава. Корпораціи. Смѣна въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.

Городской соборъ въ Юрьевѣ расположенъ довольно далеко отъ пристани. Онъ о трехъ придѣлахъ подъ восьмиграннымъ куполомъ, иконостасъ бѣлый съ золотомъ, совершенно новый, а въ открытыя царскія двери виднѣется запрестольный образъ Христа Спасителя, писанный на стеклѣ.

Старый мостъ на Эмбахъ очень типиченъ: высокъ, узокъ и гранитными очертаніями своими, высящимися надъ каменными устоями, отчасти напоминаетъ тѣ два петербургскихъ моста на Фонтанкѣ, которые еще не замѣнены новыми. Въ гостинницѣ, въ нумерахъ, красовались со стѣнъ портреты Бисмарка. Это вниманіе къ Западу, а не къ Востоку, составляетъ здѣсь удивительно яркую черту. Странно видѣть, что въ этомъ исконно русскомъ краѣ, безусловно и всецѣло принадлежащемъ Россіи, протягиваются и натягиваются къ Западу всевозможныя нити, даже самыя тончайшія, лишь бы они доказывали и поддерживали связь, имѣвшую когда-то мѣсто въ далекомъ быломъ, и совершенно не признается какого бы то ни было, кромѣ административнаго, общенія съ Россіею,—общенія, которое, казалось бы, не могло подвергаться сомнѣнію въ настоящемъ. Въ исторіи здѣшней мѣстной жизни и литературы выискиваются всякія мелочи, лишь бы онѣ гласили о связи съ Германіею. Такъ, здѣсь извѣстно, напримѣръ, всякому гимназисту, что первый экземпляръ шиллеров-

скаго «Донъ-Карлоса», писанный прозою, былъ проданъ Шиллеромъ рижскому издателю; что кантовская «Критика чистаго разума» тоже издана впервые въ Ригѣ; что знаменитый Гердеръ служилъ нѣкогда тоже въ Ригѣ, а было ему тогда только 25 лѣтъ отъ роду и провелъ онъ здѣсь всего четыре года; что, наконецъ, самъ великій Гёте, когда онъ былъ «фуксомъ», ранент на студенческой дуэли не кѣмъ инымъ, какъ лифляндцемъ. Это ли не прочныя связи? Царапина на массивномъ тѣлѣ Гёте здѣсь на счету, тогда какъ развитіе русскаго самосознанія, во всей его цѣлостности и значеніи, вся самостоятельная литература Россіи, хотя бы въ крупнѣйшихъ дѣятеляхъ, для людей, руково-

Юрьевъ. Общій видъ.

димыхъ литературными воззрѣніями юрьевскаго университета, вдоль и поперекъ ничто. Это не обвиненіе, это—фактъ.

Мѣстные эстонцы, подъ вліяніемъ сосѣдей, тоже не мало измѣнились; въ особенности же бросалось здѣсь въ глаза полное отсутствіе на головахъ эстонцевъ ихъ классическихъ длинныхъ свѣтлыхъ волосъ, съ которыми вступили они въ исторію, продѣлали ее и продолжали носить до нынѣшняго столѣтія, и совершенное исчезновеніе характерныхъ женскихъ головныхъ уборовъ, такъ какъ въ большой толпѣ женщинъ только пять изъ нихъ имѣли на головахъ нешпрокія свѣтлыя кольца. Здѣсь, слѣдовательно, съ полною наглядностью сказалась, относительно эстонцевъ, та же черта обезличенія, которая была замѣчена въ латышахъ; какъ тамъ, въ Курляндской губерніи, на берегу Аа, такъ и тутъ, въ Юрьевѣ, на Эмбахѣ, въ Лифляндской губерніи, аборигены вычищены,

обриты, обстрижены и облицованы по одному безтипичному образцу, и, если видѣть въ этомъ достоинство культуры, то достоинство это довольно призрачно. Эстонцевъ въ самомъ Юрьевѣ 16,526, нѣмцевъ 10,486, собственно русскихъ 1,818, прочихъ 1,144, всего около 30,000 человѣкъ; необходимо, однако, замѣтить, что эти данныя, если считать по языку, вѣрны, но по національностямъ представляются иными: нѣмцевъ оказалось бы меньше, эстонцевъ, говорящихъ по-нѣмецки, больше.

Эстонская лютеранская церковь, въ описываемое время, еще не была достроена и не имѣла башни; единственный широкій нефъ крытъ деревяннымъ потолкомъ и обведенъ хорами на колонкахъ, такъ что въ общемъ напоминаетъ Петропавловскую церковь въ Петербургѣ, на Невскомъ; мѣстный нѣмецкій лютеранскій соборъ, о трехъ кораблях, раздѣленныхъ столбами, на которыхъ покоятся острые своды, съ трехстворчатою картиной Распятія надъ алтаремъ. Въ обоихъ храмахъ имѣются хорошіе органы.

Наибольшій и вполнѣ самостоятельный интересъ представляло, конечно, посѣщеніе юрьевскаго университета и его учрежденій, и будетъ вполнѣ умѣстно сказать болѣе подробно объ этомъ умственномъ средоточіи всего прибалтійскаго края, составляющемъ аорту его организма, не лишенную, конечно, нѣкоторыхъ хорошихъ сторонъ, но имѣющую въ себѣ и такія особенности, которыя, съ точки зрѣнія общерусскихъ государственныхъ интересовъ, подлежали бы, повидимому, существеннымъ преобразованіямъ.

Прежде всего, и на первыхъ строкахъ, является необходимымъ, насколько возможно, опровергнуть два общепринятыя мнѣнія. Во-первыхъ, хотя университетъ основанъ въ 1632 году Густавомъ-Адольфомъ, но ему нѣтъ еще 254 лѣтъ отъ роду, потому что надо вычесть тридцать четыре года его несуществованія, вслѣдъ за взятіемъ Юрьева русскими въ 1656 году, да еще тѣ годы, въ которые существовалъ онъ сле-сле въ городѣ Перновѣ въ теченіе двадцати лѣтъ, до 1710 года, затѣмъ еще почти цѣлое столѣтіе тѣневаго существованія, пока въ 1705 году окончательно поднятъ былъ вопросъ, гдѣ же быть университету—въ Митавѣ, Перновѣ или Юрьевѣ,—вопросъ окончательно рѣшенный въ 1802 году Императоромъ Александромъ I въ пользу послѣдняго. Во-вторыхъ, мѣстные люди утверждаютъ, что дерптскій университетъ «*muss* vor allem deutsch sein» то-есть *долженъ* быть прежде всего нѣмецкимъ; несмотря на подобное мнѣніе, юрьевскій университетъ за все время властвованія шведовъ былъ скорѣе шведскимъ, чѣмъ нѣмецкимъ; если взять 25-лѣтній періодъ его бытія при шведахъ и столько же при русскомъ владычествѣ, то окажется, что тогда училось въ немъ 425 нѣмцевъ и 553 шведа, а за первую четверть вѣка третичнаго бытія, подъ русскимъ главенствомъ, колесо мгновенно перевернулось и въ университетѣ оказалось нѣмцевъ 2,250, а другихъ національностей только 150. Итакъ, мѣстный университетъ гораздо моложе, чѣмъ инымъ кажется, и былъ онъ, а слѣдовательно можетъ быть и въ будущемъ не *нѣмецкимъ*.

Если согласиться съ тѣмъ, что̀ невозможно, то-есть, что университетъ существуетъ 254 года, то время это дѣлится очень рѣзко на три періода.

Юрьевъ. Зданіе университета.
Рис. А. Вежинскаго, грав. М. Ратневскій.

1) Съ 1632 по 1656 годъ. Въ лагерѣ подъ Нюренбергомъ, въ самый разгаръ тридцатилѣтней войны, подписалъ Густавъ-Адольфъ шведскій, незадолго до смерти, грамоту объ основаніи университета. Характерно, что говорившій именемъ короля при открытіи университета генералъ-губернаторъ Скитте объяснилъ цѣль возникновенія его тѣмъ, чтобы «воинственная Лифляндія была приведена на путь добродѣтели и нравственности». Балтійскіе нѣмцы хвалятъ Густава-Адольфа за то, что онъ создалъ университетъ «для Лифляндіи», а не для Швеціи, такъ сказать, для сохраненія обособленности края и его индивидуальности, и что преемники его на шведскомъ престолѣ, сдѣлавъ университетъ шведскимъ, «не поняли того, что пользующаяся всѣми своими правами, прочно развивающаяся *нѣмецкая* Лифляндія важнѣе для нихъ, чѣмъ не свободная, насильственно шведизованная». Можно, конечно, вволю спорить о томъ, хорошо или дурно поняли шведскіе властители «значеніе» обособленнаго университета, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мысль о безполезности исключительно нѣмецкаго университета въ не-нѣмецкомъ государствѣ — вовсе не нова. Этотъ первый въ Юрьевѣ университетъ, такъ называемая «Gustaviana», существовалъ до 1656 года, до взятія города русскими. Нѣтъ спора, что русскіе того времени были грубы и круты, и вполнѣ понятно, почему профессора со студентами разбѣжались тогда на цѣлые тридцать четыре года. Пытались устроить университетъ въ Ревелѣ, но неудачно. Въ этомъ первичномъ періодѣ разбѣжавшагося подъ конецъ университета имѣлось семнадцать профессоровъ-нѣмцевъ и только семь шведовъ, слѣдовательно, въ профессурѣ несомнѣнно преобладалъ элементъ нѣмецкій.

2) Въ 1690 году университетъ этотъ снова дѣйствуетъ въ Юрьевѣ или, какъ его называли нѣмцы, въ Дерптѣ, вторично потерянномъ для Россіи. Университетъ вполнѣ возсозданъ; это такъ называемая «Gustaviana-Carolina». Въ 1699 году, при самомъ началѣ сѣверной войны, университетъ перенесенъ временно въ Пернову, но скоро вслѣдъ затѣмъ возвращенъ въ Дерптъ и становится шведскимъ: большинство студентовъ шведы, шведскихъ профессоровъ 24, нѣмцевъ только 4. Прибалтійцы тѣхъ дней, говорятъ мѣстные источники, не долюбливали этого шведизованнаго университета и предпочитали, для окончанія образованія, ѣздить въ «настоящую» Германію. Сохранились свѣдѣнія о дурномъ положеніи учебнаго дѣла за это время: существуютъ протоколы о полнѣйшемъ нерадѣніи профессоровъ и студентовъ, въ которыхъ обѣ стороны обвиняютъ другъ друга въ томъ, что онѣ аудиторій не посѣщаютъ; имѣются свѣдѣнія о томъ, какъ грязенъ и безпорядоченъ былъ университетъ, «а кухарки уродливы, нечистоплотны и бьютъ студентовъ»; былъ такой фактъ, что студенты, основываясь «на своихъ привилегіяхъ», ходатайствовали о разрѣшеніи имъ варить собственное пиво, но съ этимъ не согласился мѣстный акцизный чиновникъ, и т. д. Къ этому же времени, гласятъ факты, въ студентахъ, не любившихъ вообще заниматься, развилась невозможная вражда между нѣмцами и шведами, и дракамъ, даже въ церквахъ, между студентами и военными не было конца.

Болѣе чѣмъ цѣлое столѣтіе «Gustaviana-Carolina», собственно говоря,

только прозябала. Въ капитуляціяхъ лифляндскаго дворянства Петру I, отъ 4-го іюля 1710 года, существуетъ пунктъ 4-й, касающійся университета, согласно которому ему обѣщано «скорѣе увеличеніе, чѣмъ умеьшеніе его привилегій» (ihre Beneficia und Privilegia mehr zu augmentiren als zu diminuiren), но сказано, чтобы «лютеранскіе профессора были хороши». Тутъ, какъ и въ привилегіяхъ дворянству, императорское согласіе на status quo совершенно условно и свобода дѣйствія власти отнюдь не исключена: надо, чтобы профессора были хороши, а судить о нихъ правительству. Миновало время Петра I, прошло еще нѣсколько царствованій, университетъ все-таки прозябалъ, несмотря на то, что сталъ онъ совершенно нѣмецкимъ и отъ шведскихъ элементовъ освободился вполнѣ. Только при Императорѣ Павлѣ I, въ 1798 году, поручено было всѣмъ тремъ прибалтійскимъ дворянствамъ пересмотрѣть и разработать проектъ университета, и послѣднему, Высочайшею властью, дано крупное пожертвованіе—«100 Haken» земли. Курляндское дворянство въ тѣ дни отъ непосредственнаго участія въ этомъ дѣлѣ отказалось, и, вѣроятно, въ этомъ кроется причина того, что въ университетскомъ гербѣ фигурируютъ только дворянства эстляндское и лифляндское. Лифляндія брала на свою долю 44,781 рубль расходовъ, Эстляндія 22,383 руб., Курляндія только 2,417 руб. 30 коп. Императоръ Павелъ I, возстановившій въ прибалтійскомъ краѣ старые нѣмецкіе порядки и отмѣнившій почти всѣ распоряженія Екатерины II, какъ извѣстно, до разработки университетскаго проекта не дожилъ. Спорнымъ былъ въ тѣ дни даже вопросъ о томъ, гдѣ долженъ быть открытъ «новый» университетъ: въ Нарвѣ, Митавѣ или Юрьевѣ? Слѣдовательно, и второй періодъ существованія университета какъ бы расплылся въ тѣняхъ.

3) Указомъ Императора Александра I, отъ 5 января 1802 года, университетъ открытъ, наконецъ, въ бывшемъ Дерптѣ, и этимъ вступилъ онъ, благодаря русскимъ Самодержцамъ, въ третій, блестящій, до того небывалый по роскоши, періодъ своего существованія. Тѣ два былые періода, какъ сказано, носятъ латинскія названія «Gustaviana» и «Gustaviana-Carolina», отъ королей, положившихъ имъ основы; подобнаго, производнаго, отъ имени Императора Александра, латинскаго названія этому университету, несмотря на возникшій блескъ, однако не дано. Это небольшая забывчивость, не болѣе того. 1 мая 1802 года начались лекціи, и не далѣе, какъ осенью того же года проректоръ Лоренцъ и профессоръ Парротъ ѣздили въ Петербургъ, чтобы исходатайствовать у юнаго въ тѣ дни Императора для университета, якобы, полную автономію и независимое положеніе относительно дворянства, и дѣйствительно указъ 12 ноября 1802 года подчинилъ университетъ непосредственно министерству народнаго просвѣщенія. Скоро вслѣдъ за открытіемъ университета въ Юрьевъ прибылъ Александръ I, а въ 1806 году, вмѣсто дарованной университету земли, опредѣлено выдавать ему ежегодно изъ государственнаго казначейства по 126,000 руб., то-есть даны русскія деньги взамѣнъ прежнихъ нѣмецкихъ дворянскихъ, въ чемъ и сказалась своего рода автономія.

Императоръ Александръ сохранилъ къ профессору Парроту благорас-

ложеніе на долгіе годы, что̀ явствуетъ изъ ихъ переписки. Насколько историческая критика могла взять на себя смѣлость коснуться характеристики взглядовъ Императора Александра I въ тѣ годы, она уяснила, что взгляды эти были вначалѣ далеко не такими, какъ впослѣдствіи. Молодой, цвѣтущій красотой и здоровьемъ Императоръ еще недавно вышелъ изъ воспитательства республиканца Лагарпа; тѣ дни были временемъ дружбы его съ Чарторыйскимъ, Новосильцевымъ, Кочубеемъ, Строгановымъ, этими первыми, неопытными, хотя и воодушевленными лучшими стремленіями, молодыми людьми; теоретически увлекали Императора, объясненные ему Лагарпомъ—Руссо, Гиббонъ, Монтескье; онъ положительно мыслилъ о томъ, чтобы, облагодѣтельство-

Юрьевъ. Анатомическій театръ.

вавъ Россію и человѣчество, отказаться отъ престола и жить мирнымъ гражданиномъ гдѣ-либо на Рейнѣ. При подобныхъ воззрѣніяхъ удивительно не то, что Императоръ Александръ I видѣлъ кусочекъ Рейна въ Эмбахѣ, что онъ создалъ и такъ богато снабдилъ нѣмецкій дерптскій университетъ, а то, что, несмотря на этотъ молодой порывъ великодушія, Императоръ въ указѣ объ учрежденіи университета все-таки упомянулъ о томъ, что онъ создается «для Русскаго государства» и «на службу отечеству».

За время болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтняго существованія на новыхъ условіяхъ университетъ переживалъ самыя разнообразныя эпохи бытія; взгляды и вѣянія мѣнялись, мѣнялись генералъ-губернаторы, мѣнялось непосредственное начальство—попечители учебнаго округа.

Первымъ по времени, до 1817 года, попечителемъ былъ Клингеръ, проводившій большую часть времени въ Петербургѣ, поэтъ и другъ юности знаменитаго Гёте; мѣстные источники не даютъ о немъ прямыхъ указаній, но приписываютъ первое утвержденіе самостоятельности университета профессору Парроту, о которомъ упоминалось.

Съ 1817 года попечителемъ назначенъ князь Ливенъ, дѣйствовавшій въ полномъ единеніи съ ректоромъ Эверсомъ на утвержденіе обособленности въ чисто-нѣмецкомъ духѣ; этому много способствовало назначеніе его впослѣдствіи, въ 1828 году, министромъ народнаго просвѣщенія. За время князя Ливена ежегодная смѣтная трата казны на университетъ возвышена съ 126,000 руб.

Юрьевъ. Астрономическая обсерваторія.

на 337,000, кромѣ того выхлопотано: на клиники 15,000 руб., на ботаническій садъ 31,000, на библіотеку 55,000, на анатомическій театръ 57,000, на обсерваторію 71,000, на хозяйство 65,000, на научныя путешествія 52,000 и пр. и пр., всего на 1.002,166 рублей; все это, конечно, на ассигнаціи. Крупны эти цифры, но князь Ливенъ, будучи впослѣдствіи министромъ, самъ объясняетъ въ письмѣ 1830 года, что «дерптскій округъ, и въ особенности университетъ, это моя слабая сторона, и я испытываю относительно него нѣкоторую невѣроятную болѣзненную чувствительность» (wunde Reizdarkeit). За время Ливена прочно устроились студенческія корпораціи, въ 1822 году лифляндцы и эстляндцы, въ 1823—рижане, каждая въ своей обособленности.

Преемникомъ его по попечительству, съ 1828 года, назначенъ тайный

совѣтникъ, сенаторъ, баронъ Паленъ, уволенный отъ этой должности въ 1835 году, причемъ названъ въ указѣ генералъ-лейтенантомъ. При немъ, хотя и безъ «невѣроятной болѣзненной чувствительности», исключительное положеніе университета продолжало укрѣпляться и оказалось уже настолько сильно ко времени назначенія третьяго попечителя, Крафштрема, что когда, съ конца тридцатыхъ годовъ, вслѣдъ за іюльской революціей и польскимъ возстаніемъ, началось введеніе въ наши университеты значительной большей дисциплины и число студентовъ ограничено 300, юрьевскій университетъ продолжалъ сохранять свою особую физіогномію и сдѣлался даже центромъ оппозиціи, какъ, напримѣръ, по извѣстному въ тѣ дни дѣлу профессора теологіи Ульмана.

Крафштрему наслѣдовалъ въ попечительствѣ, съ 1854 года, Брадке. Помимо основанія университетской церкви, значительнаго увеличенія средствъ и учебныхъ пособій, попечитель достигъ также возстановленія права университета выбирать самостоятельно ректора и проректора, и при немъ «признаны правительствомъ» студенческія корпораціи.

По смерти его, въ 1862 году, вступаетъ въ попечительство графъ Кейзерлингъ, и замѣчается новое увеличеніе средствъ и окончательное утвержденіе полной независимости въ избраніи профессорскаго персонала. Оба управленія, Брадке и графа Кейзерлинга, были не чужды агитаціоннаго, въ нѣмецкомъ смыслѣ, характера. Въ 1870 году назначенъ Жерве, довольствовавшійся, какъ здѣсь говорятъ и находятъ это лучшимъ въ «русскомъ чиновникѣ», тѣмъ, что предоставилъ все университетскому самоуправленію. Надо замѣтить, однако, что онъ счелъ за нужное переѣхать изъ Юрьева въ Ригу и, такъ сказать, механически, хотя отчасти, освободиться отъ угнетавшей его мѣропріятія университетской среды. Это было хорошо, и поэтому не продолжалось. Ему наслѣдовалъ Сабуровъ, которому, какъ когда-то князю Ливену, путь отсюда лежалъ къ министерскому посту.

Въ книжкѣ „*Die deutsche Universität Dorpat*“ неизвѣстнаго автора, изъ которой многое изъ сказаннаго здѣсь заимствовано, тайный совѣтникъ Сабуровъ названъ «опаснѣйшимъ» попечителемъ округа. Онъ началъ съ того, говорится въ книжкѣ, что вернулся изъ Риги въ Дерптъ. «Въ нѣсколько недѣль, замѣчаетъ авторъ, достигъ онъ такой популярности, какою не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ... Барскій домъ его былъ открытъ всѣмъ и каждому. Весь Дерптъ со своими профессорами и студентами, дворянами и гражданами лежали у ногъ попечителя...» Вотъ что значило попечителю вернуться въ Юрьевъ! Картинка эта, за правду которой, конечно, ручаться нельзя, поставлена авторомъ съ той цѣлью, чтобы доказать, что этимъ путемъ тайный совѣтникъ Сабуровъ достигалъ со стороны дворянъ и университета уступокъ quasi-невѣроятныхъ: ему не противорѣчили, напримѣръ, когда «онъ говорилъ открыто, что хочетъ русифицировать прибалтійскій край», и онъ достигъ образованія учительской семинаріи, то-есть такого учрежденія, которое, будто бы, «опасно для нѣмецкаго характера края». «Пятнадцать лѣтъ управленія такого попечителя, сказано въ

книжечкѣ,—и всѣ прибалтійскія провинціи потеряли бы свое нѣмецкое сознаніе и всю силу сопротивленія». Въ Петербургѣ «не поняли», однако, этой единственно правильной системы обрусенія, и назначенъ былъ, немногимъ чѣмъ отличавшійся отъ своего предшественника во взглядахъ на русское дѣло въ краѣ, новый попечитель -баронъ Штакельбергъ, уступившій, наконецъ, мѣсто тайному совѣтнику Капустину, который не замедлилъ перенести управленіе попечителя въ Ригу.

Совершенно правъ Эккартъ, когда говоритъ, что «только съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ юридическій факультетъ университета, можно быть увѣреннымъ въ пользованіи старымъ правомъ, кото-

Юрьевъ. Развалины замковой церкви.

рое одно служитъ залогомъ ихъ самостоятельнаго существованія». Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что именно въ юрьевскомъ университетѣ сходятся и сплетаются всѣ обособленности края, потому что еще очень недавно, вплоть до мѣропріятій самыхъ послѣднихъ дней, всѣ три губерніи получали всѣхъ своихъ дѣятелей и получаютъ ихъ въ большинствѣ до сихъ поръ изъ юрьевскаго университета, начиная отъ становыхъ (гакенрихтеровъ) до предводителей дворянства и всего обширнаго, сплоченнаго персонала лютеранскаго духовенства.

Петръ I, даруя нѣмцамъ право возобновить ступевавшійся въ 1710 году университетъ, поставилъ непремѣннымъ условіемъ существованіе въ немъ особой каѳедры славянскаго языка. Александръ I открылъ его «на пользу всего Россійскаго государства». 19 декабря 1836 года, при Уваровѣ, универ-

ситету предписано, чтобы онъ не давалъ ученыхъ званій безъ испытанія въ русскомъ языкѣ; позже, чрезъ пять лѣтъ, объяснено, чтобы, безъ строгаго экзамена въ русскомъ языкѣ, студентовъ на курсы не принимали; въ 1842 году учреждена каѳедра по русскому праву, и Высочайшее повелѣніе гласило о чтеніяхъ на обѣихъ каѳедрахъ на русскомъ языкѣ; въ 1846 году состоялось уваровское предписаніе, чтобы, кромѣ курса русской словесности, въ каждомъ факультетѣ было введено еще одно чтеніе на русскомъ языкѣ. Эти Высочайшія повелѣнія и министерскія распоряженія плохо соблюдались: въ русскомъ языкѣ не испытывали, чтенія не введены, объ обязательности посѣщенія студентами курса русскаго языка не было и помину, а одна изъ каѳедръ по русскому праву закрыта и очень ловко преобразилась въ странную каѳедру юридической практики, обратившуюся въ каѳедру балтійскаго права, съ чтеніемъ его на нѣмецкомъ языкѣ.

Юрьевскій университетъ, въ своемъ особничествѣ, никогда не былъ подчиненъ дѣйствію общаго устава 1863 года; въ 1865 году выработалъ онъ свой особый уставъ, и, замѣчательно, что какъ разъ вслѣдъ за этимъ настаетъ одинъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ здѣшней университетской жизни и ея направленія, а именно время дѣятельности, при попечительствѣ графа Кейзерлинга, въ 1867, 1868 и 1869 годахъ, профессора Ширрена, въ свое время недостаточно обращавшей на себя вниманіе слишкомъ снисходительныхъ властей. Профессоръ Ширренъ читалъ русскую исторію, а въ какомъ духѣ читалъ онъ ее, видно изъ изданной имъ въ 1869 году *„Livländische Antwort“*, вызвавшей отповѣдь покойнаго Погодина и цѣлую литературу въ нашей газетной и журнальной печати. Памятенъ также и тотъ фактъ, что названная книжка сочиненія профессора русскаго университета, Ширрена, полная хулы по адресу Россіи, для пропуска въ обращеніе была цензурирована тѣмъ же профессоромъ и пропущена имъ самимъ! Здѣсь, конечно, не мѣсто дѣлать научную оцѣнку трудовъ Ширрена, но для того, чтобы судить о справедливости дурныхъ отзывовъ его, можно вспомнить только объ одномъ, о взглядѣ его на Карла XI шведскаго, создателя знаменитыхъ *«редукцій»*, послѣдствіе которыхъ балтійское дворянство на короткое время обнищало. Руководимый ненавистью къ Карлу XI, но не исторической правдою, Ширренъ говоритъ, между прочимъ, что «королевское тупоуміе Карла XI оставило Швецію, въ концѣ его царствованія, безъ денегъ, кредита, флота и арміи» и что самъ король «умеръ болѣзнью Прода — редукціей внутренностей». На самомъ дѣлѣ, согласно шведскимъ источникамъ, которымъ ближе знать дѣло, а именно по Однеру, Фрюкселю, Эклунду и Карлсону, — Карлъ XI, всѣмъ историческимъ обликомъ своимъ, если «не самый лучшій», то одинъ изъ «замѣчательнѣйшихъ властителей Швеціи, когда-либо ею управлявшихъ». Гдѣ же здѣсь — королевское тупоуміе, гдѣ историческая правда, и на какія же средства, наконецъ, велъ съ Петромъ I войну сынъ его Карлъ XII, если покойный отецъ не оставилъ ему ни денегъ, ни флота, ни арміи? Ширреновскіе отзывы о Россіи — всѣ такого же пошиба.

Оставаясь вѣрнымъ своимъ традиціямъ, отъ крупнаго до мелочей, уни-

верситетъ не исполнялъ долгіе годы важный законъ 31 октября 1869 года о необходимости вести переписку въ краѣ на русскомъ языкѣ и до самаго послѣдняго времени, до послѣднихъ дней, словно держась въ цитадели, довольствовался писаніемъ по-нѣмецки, но на русскихъ бланкахъ. За долгіе годы преслѣдованія одной и той же цѣли въ немъ вошло, мало-по-малу, въ обыкновеніе принимать воспитанниковъ иностранныхъ гимназій безъ всякихъ дополнительныхъ испытаній въ русскомъ языкѣ, и отъ университета выдавались русскіе учительскіе дипломы людямъ, не знающимъ вовсе русскаго языка. Въ разгаръ культурной борьбы въ Германіи, юрьевскій университетъ, будто участвуя въ ней, ни къ селу, ни къ городу для Россіи, устроилъ у себя лек

Юрьевъ. Развалины замковой церкви и библіотека.

ціи объ отношеніяхъ церкви къ государству! Когда разрабатывались у насъ общія для Имперіи законоположенія, этотъ факультетъ занимался разработкой балтійскаго уголовнаго судопроизводства и образовывалъ въ своихъ студентахъ ярыхъ защитниковъ мѣстныхъ, отжившихъ установленій!

Въ настоящее время университетъ обставленъ съ роскошью, невѣдомою въ такой полнотѣ нашимъ остальнымъ университетамъ. Вотъ, для наглядности, перечень ссставныхъ частей или учрежденій юрьевскаго университета, его кабинетовъ, собраній и проч.: 1) музей изящныхъ искусствъ, 2) обсерваторія, 3) фармацевтическій институтъ, 4) химическій кабинетъ, 5) физическій кабинетъ, 6) математическій кабинетъ, 7) экономическій кабинетъ и лабораторія сельско-хозяйственной химіи, 8) минералогическій кабинетъ,

9) зоологическій музей, 10) ботаническій садъ, 11) метеорологическая обсерваторія, 12) рисовальное заведеніе, 13) анатомическій институтъ, 14) институтъ сравнительной анатоміи, 15) физіологическій институтъ, 16) фармакологическій институтъ, 17) собраніе по библейской и церковной археологіи и 18) статистическій кабинетъ.

Этотъ длинный перечень, поражающій своею полнотою, долженъ быть увеличенъ еще слѣдующимъ перечнемъ исключительно клиническихъ учрежденій: 1) терапевтическая клиника, 2) поликлиника, 3) хирургическая клиника, 4) офтальмологическая клиника, 5) родовспомогательная и гинекологическая клиника, 6) клиника нервныхъ и душевныхъ болѣзней и 7) отдѣленіе окружнаго госпиталя.

Можетъ быть, и даже навѣрное, то или другое отдѣленіе, собраніе или учрежденіе полнѣе, богаче въ другомъ какомъ-либо изъ нашихъ университетовъ, но такой полноты, такого цѣльнаго букета университетской флоры нѣтъ ни у одного. Въ немъ есть даже представители танцованія, верховой ѣзды и плаванія! Педеля получаютъ чинъ XIV класса.

Университетъ управляется совѣтомъ и директоріей и имѣетъ свои собственные университетскій и апелляціонный суды. Совершенною особенностью его является теологическій факультетъ, лютеранскій (5 профессоровъ и 186 студентовъ), который, если позволено высказать мнѣніе, повидимому, долженъ быть закрытъ и взамѣнъ его открыта евангелическо-лютеранская семинарія въ Петербургѣ или Москвѣ. Всѣхъ евангелическихъ приходовъ во всей Россіи 529, изъ нихъ только 294 въ прибалтійскомъ краѣ; но всѣ они получаютъ своихъ пасторовъ, съ малыми исключеніями, изъ Юрьева. Зачѣмъ же помѣщать разсадникъ пасторовъ на всю Россію именно въ прибалтійскій край, тѣмъ болѣе, что нѣкоторое нормированіе взглядовъ духовныхъ лицъ этого вѣроисповѣданія у насъ было бы едва ли не вполнѣ необходимо.

Находящаяся при университетѣ библіотека заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія и дѣлаетъ великую честь людямъ, потрудившимся надъ нею. Она помѣщается въ реставрированной части развалины съ 1806 года и общимъ расположеніемъ своимъ, галлерейками и лѣстничками, напоминаетъ нашу петербургскую публичную библіотеку. Въ глубокой полутѣни помѣщается на стѣнѣ, писанный во весь ростъ Кюгельхеномъ, портретъ Августѣйшаго основателя университета Императора Александра I, какимъ былъ онъ въ тѣ самые молодые годы, когда подписалъ указъ объ основаніи университета и посѣтилъ Юрьевъ. Имя художника хорошо извѣстно и обезпечиваетъ сходство; колоритъ времени рѣзко обозначился въ томъ, что государь, въ видѣ совершеннаго исключенія, представленъ въ греческомъ, бѣломъ съ розовымъ, одѣяніи бога музъ Аполлона, съ аттрибутами его. Передъ портретомъ этимъ лежатъ разложенными на столахъ библіотечныя сокровища, которымъ, право, не грѣшно было позавидовать. Отдѣлы рукописей (старѣйшая — армянскія духовныя пѣсни 1099 года; всѣхъ рукописей 746), произведеній печати (старѣйшая — Библія 1489 года), автографовъ (Гёте, Шиллера, Канта, цѣлый томикъ писемъ Густава-Адольфа и другихъ властителей), рисунковъ, инкунаблей и плановъ, потребовали бы очень

много времени для достаточнаго ознакомленія съ ними; многія изъ весьма цѣнныхъ вещей принадлежатъ состоящему при университетѣ ученому эстонскому обществу. Курьезенъ прострѣленный экземпляръ метафизики Баумгартена, съ цѣлою массой собственноручныхъ помѣтокъ Канта; имѣется и Плутархъ, взятый какимъ-то казакомъ изъ экипажа Наполеона, при бѣгствѣ его изъ Россіи. Очень богатъ отдѣлъ монетъ и медалей, причемъ имѣется серебряная монета Владиміра Святаго, которую, въ свое время, предъявляли графу Толстому и академику Кунику, двумъ авторитетамъ. Замѣтимъ, что при университетѣ имѣются, собственно говоря, два собранія монетъ и медалей: въ музеѣ искусствъ ,7,000 штукъ и въ ученомъ эстонскомъ обществѣ и центральномъ музеѣ отечественныхъ древностей 10,000. Цифровыя данныя, касающіяся

Юрьевъ. Аллея, ведущая къ Соборной лютеранской церкви.

собственно библіотеки, слѣдующія: всего томовъ 231,329, въ томъ числѣ: сочиненій (въ 137,165 книгахъ) 88,958, повременныхъ изданій 15,082, диссертацій 79,182.

Путники внимательно осмотрѣли модель реставраціи развалины замковой церкви, сдѣланную профессоромъ Краузе. Модель казалась тѣмъ любопытнѣе, что предстояло посѣтить, вслѣдъ за библіотекой, самую развалину, настолько къ ней близкую, что центральный столбъ алтарной части церкви (рѣдкій образчикъ средневѣковой архитектуры) вошелъ въ помѣщеніе самой библіотеки.

При томъ развитіи корпоративнаго духа, который существуетъ въ Юрьевѣ; при томъ условіи, что прибалтійское юношество нигдѣ лучше, какъ тутъ, не можетъ кончать своего образованія и дѣйствительно кончаетъ его;

что здѣсь, и только здѣсь, сходятся на товарищеской ногѣ дворяне и не-дворяне, нѣмцы, эсты и латыши, и идутъ отсюда, воспитанные въ одномъ духѣ, въ одномъ направленіи, подчиняясь одному паролю, по всей балтійской окраинѣ и по всей Россіи, и, такъ сказать, одѣваютъ ее всю, какъ бы, сѣтью или броней, такъ что Рига или Митава, Венденъ или Белленгофъ, Аренсбургъ или Рингенъ, это все одно и то же,—та же выправка, тѣ же пріемы; принимая, наконецъ, во вниманіе, что самыя цѣпкія звенья этой брони составляются изъ студентовъ теологическаго факультета, идущихъ къ городскому и сельскому алтарю, университетъ подлежалъ бы преобразованію. О пользѣ, которая представлялась бы упраздненіемъ теологическаго факультета и образованіемъ, вмѣсто него, въ одной

Юрьевъ. Памятникъ Барклаю-де-Толли.

изъ столицъ, евангелическо-лютеранской семинаріи, уже упоминалось. Но необходимы, кажется, и общія мѣры. Первою и главною являлось бы полное примѣненіе университетскаго устава 1884 года, а затѣмъ—введеніе штатной, отъ правительства, доцентуры, введеніе чтеній на русскомъ языкѣ, обусловленное болѣе или менѣе долгимъ льготнымъ временемъ, что нисколько не помѣшало бы нѣмецкому языку оставаться со всѣми правами его на культурность и значеніе, и, наконецъ, существенный пересмотръ и измѣненіе правилъ 1855 года о студенческихъ корпораціяхъ. Можетъ быть, что, пользуясь существованіемъ правительственныхъ стипендій въ большинствѣ нашихъ университетовъ, полезнымъ представлялось бы перевести нѣкоторыхъ дерптскихъ студентовъ въ великороссійскіе университеты, и, наоборотъ, русскихъ послать сюда, возстановивъ и развивъ то правило, которое дѣйствовало съ 1827 по 1838 годъ, когда, въ

силу Высочайшаго повелѣнія, въ Юрьевъ присылались на три года студенты петербургскаго, московскаго, казанскаго и харьковскаго университетовъ, и между ними былъ, напримѣръ, Пироговъ, занимавшій въ Юрьевѣ даже каѳедру.

Когда въ 1873 году совѣтъ университета поручилъ юридическому факультету изложить свое мнѣніе, «представить реляцію», по вопросу о распространеніи на университетъ предположенныхъ въ тѣ дни для введенія въ прибалтійскомъ краѣ правилъ о мировыхъ судахъ, факультетъ не намѣревался и считалъ «опаснымъ» отказаться отъ правъ, предоставленныхъ университету указомъ Александра I въ 1802 году. 6-я статья учредительнаго акта гласитъ: «Университетъ имѣетъ свою внутреннюю расправу и полное начальство надо

Юрьевъ. Пристань на р. Эмбахѣ.

всѣми членами, своими подчиненными, равно и *надъ ихъ семействами*»... Апелляція по приговорамъ университетскаго совѣта идетъ также въ Правительствующій Сенатъ.

Переходъ отъ помѣщенія библіотеки къ развалинамъ замка, какъ сказано, очень близкій. Вышгородскія развалины въ Юрьевѣ, благодаря той тщательности, съ которою онѣ поддерживаются, безспорно, лучшія изъ всѣхъ видимыхъ въ краѣ. Чистѣйшая готическая правильность горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій древней церкви, ея стройные восьмигранные съ вульстами столбы, раздѣляющіе три нефа, ея острыя арки и окна въ два свѣта составляютъ нѣчто вполнѣ цѣльное; эмпоріи задѣланы; тщательно и внимательно поддерживаются разстилающіеся подлѣ развалины газоны и древесныя наса-

жденія, и красные бока кирпичей обрамляются листвой вполнѣ красиво. На томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось поставить, нынѣ уже открытый, памятникъ знаменитому академику Беру, Ихъ Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и его Августѣйшая Супруга, при посѣщеніи Юрьева въ 1886 г., собственноручно посадили два деревца. Въ домѣ, который занимали Августѣйшіе гости, собрались въ то время представители дворянства, университета и горожанъ, и Великій Князь, выйдя къ нимъ, въ сопровожденіи начальника губерніи и свиты, произнесъ слѣдующія многознаменательныя слова:

«По Высочайшему повелѣнію, хотя я посѣщаю балтійское побережье исключительно для цѣлей военныхъ, но это не помѣшало мнѣ замѣтить, что среди мѣстной интеллигенціи существуютъ сомнѣнія въ устойчивости мѣръ къ объединенію прибалтійской окраины съ нашимъ общимъ дорогимъ отечествомъ. Могу вамъ объявить, что всѣ такія мѣры, по непреклонной волѣ Самодержавнаго нашего Государя, примѣняются и будутъ примѣняться твердо и безповоротно. Въ болѣе тѣсномъ сближеніи вашемъ съ русскою семьей Его Императорское Величество, мнѣ хорошо извѣстно, видитъ для здѣшняго края вѣрный залогъ къ его преуспѣянію. Сохраняя къ вамъ неизмѣнное и полное довѣріе, которое закрѣплено въ Государѣ завѣщаніемъ отца, Его Величество ожидаетъ отъ васъ, оказывающихъ на край такое всестороннее, повсюду проникающее вліяніе, безусловно сердечнаго содѣйствія мѣстнымъ труженикамъ правительства къ утвержденію здѣсь русскаго дѣла. Напоминаю вамъ слово къ Бозѣ почивающаго незабвеннаго моего родителя, въ которомъ Императоръ Александръ II, 14-го іюня 1867 года, сказалъ представлявшимся ему въ Ригѣ, чтобы они не забывали принадлежности къ единой русской семьѣ, нераздѣльную часть которой составляютъ, и чтобы содѣйствовали успѣху осуществленія предположенныхъ тогда мѣръ. Государь Императоръ, зная вашу преданность и цѣня чувство долга, преисполненъ тѣмъ же желаніемъ и, повторяю, безграничнымъ къ вамъ довѣріемъ. Такое желаніе Его Величество съ Божіею помощью приведетъ въ несомнѣнное на самомъ дѣлѣ исполненіе. Дай Богъ вамъ скорѣе и прочнѣе сплотиться съ великою русскою семьей. Въ заключеніе, пользуясь вашимъ настоящимъ собраніемъ, въ лицѣ вашемъ, отъ имени Великой Княгини и лично отъ себя, сердечно благодарю васъ за радушный пріемъ какъ здѣсь, такъ и въ остальныхъ городахъ прибалтійскихъ губерній, о чемъ и прошу передать отсутствующимъ».

Въ словахъ этихъ Великій Князь упомянулъ о рѣчи, сказанной въ Ригѣ 14-го іюня 1867 года въ Бозѣ почивающимъ родителемъ его, Императоромъ Александромъ II. Вотъ эта рѣчь дословно:

«Господа! Вы знаете, съ какою радостью Я бываю каждый разъ въ вашихъ провинціяхъ. Я умѣю цѣнить чувство нелицемѣрной преданности вашей,—чувство, которое снова такъ сильно обнаружилось послѣ того, какъ Богъ вторично спасъ меня отъ руки убійцы. Я знаю, что это чувство у васъ искреннее и наслѣдованное вами. То же могу сказать и о моемъ довѣріи къ вамъ. Оно перешло ко Мнѣ преемственно, и Я ручаюсь, что передамъ его моимъ дѣтямъ (Всеобщее «ура»). Но Я желаю, господа, чтобы вы не забы-

вали, что и вы принадлежите къ единой русской семьѣ и составляете нераздѣльную часть Россіи, за которую ваши отцы и братья и даже многіе изъ васъ самихъ проливали свою кровь. Вотъ почему Я въ правѣ надѣяться, что и въ мирное время Я найду у васъ содѣйствіе мнѣ и представителю моей верховной власти, вашему генералъ-губернатору, который пользуется Моимъ полнымъ довѣріемъ,—содѣйствіе, нужное для исполненія мѣръ и реформъ, признаваемыхъ мною необходимыми и полезными въ вашихъ провинціяхъ. Я убѣжденъ, господа, что и въ этомъ отношеніи мое довѣріе къ вамъ не будетъ обмануто, и что вы оправдаете его на дѣлѣ. Остается мнѣ только поблагодарить васъ за радушный пріемъ, глубоко тронувшій меня».

Юрьевъ. Городская ратуша

Безмолвно и глубоко-почтительно прослушали представители мѣстной интеллигенціи вѣскія слова Великаго Князя, Августѣйшаго своего гостя, отличавшіяся мощью и прямотой. Безконечное довѣріе къ слушавшимъ, завѣщанное Императоромъ Александромъ II «его дѣтямъ», было подчеркнуто, равно какъ и устойчивость правительственныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ къ объединенію прибалтійской окраины съ великою русскою семьей. Никому, конечно, какъ лицамъ, имѣвшимъ счастіе постоянно сопровождать Великаго Князя въ совершавшемся путешествіи, не могло быть такъ ясно, почему именно въ Юрьевѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, сказана была рѣчь, почему и въ силу какого именно наблюденія, какого факта произнесено было то или другое слово! Каждому изъ словъ была своя серьезная причина.

Вейсенштейнъ.

Мыза Аррокюль. Мызная полиція. Отъѣздъ въ Вейсенштейнъ. Пейзажъ. Преобладаніе деревянныхъ построекъ. Историческое о православіи въ 1849, 1865 и 1883 годахъ. Дѣятельность администраціи. Шестимѣсячные сроки и предбрачныя росписки. Проповѣди пасторовъ. Генералъ-губернаторъ Суворовъ и другіе. Пророчество Императора Николая I. Характеръ новѣйшихъ обращеній въ православіе. Якобсонъ. Свѣтскій характеръ лютеранской консисторіи. Развалины. Историческое. Церкви. Картина Ге. Параллель между русскимъ священникомъ и лютеранскимъ пасторомъ. Возвращеніе въ Аррокюль.

Въ четыре часа пополудни, 30 іюня, покинувъ Юрьевъ, путники прибыли около семи часовъ на станцію Ранке, отстоящую отъ города на 74 версты. Ровно черезъ часъ находились они въ Аррокюлѣ, имѣніи, принадлежащемъ графинѣ Толь, урожденной Игнатьевой, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы проѣхать въ городъ Вейсенштейнъ и вернуться обратно, для дальнѣйшаго слѣдованія въ городъ Везенбергъ.

Вейсенштейнъ, Везенбергъ—два небольшіе городка Эстляндской губерніи, мало кому извѣстные у насъ даже по имени, представляли тотъ интересъ, что могли дать образчикъ самыхъ маленькихъ, еще не посѣщенныхъ центровъ балтійскаго края.

Мѣстность подлѣ Аррокюля ровная, безлѣсная. Господскій домъ массивный, каменный, окруженный экономическими постройками, отѣненъ почтенными деревьями стараго сада, къ которому, почти вплотную, прилегаетъ роскошный, большой паркъ, и въ одномъ мѣстѣ его виднѣется красивая часовня — усыпальница семьи хозяевъ.

Нельзя было не обратить вниманія на тотъ порядокъ, который здѣсь, какъ и въ другихъ усадьбахъ этого края, бросался въ глаза. Чувствовалась умѣлая, опытная, очень строгая рука мѣстной администраціи и сами собою напрашивались сравненія съ нѣкоторыми особенностями нашего, отходящаго въ былое, строя сельской полиціи, требующаго значительнаго измѣненія. Конечно, не въ одной сельской полиціи дѣло, но почти полное отсутствіе ея во всякомъ случаѣ не достоинство. Если въ чемъ, такъ именно въ этомъ надо

отдать прибалтійскимъ нѣмцамъ полную справедливость, и нѣкоторыя позаимствованія будутъ вовсе не вредны.

Организація прибалтійской полиціи, насколько она еще не тронута мѣропріятіями новѣйшаго времени, представляется весьма своеобразною. Собственно говоря, тутъ двѣ полиціи: одна, имѣющая нѣкоторое, но только по внѣшности, сходство съ нашею городскою и сельскою полиціей, и другая, совершенно своеобразная, административной власти не подчиненная, «мызная» полиція, становящаяся, по самому существу своему, и очень нерѣдко, не только во враждебныя, но даже и въ комическія отношенія къ первой, въ особенности къ низшей ея инстанціи—полиціи волостной; но видимый порядокъ зависитъ отъ системы, которая основана на самыхъ дѣйствительныхъ средствахъ: денежныхъ штрафахъ, взимаемыхъ строго и безъ всякаго снисхожденія.

Вейсенштейнъ—городокъ, отстоящій отъ Аррокюля на 32 версты. Отчасти знакомый уже характерный пейзажъ, имѣющій немного деревень, снова развернулся въ блѣдномъ освѣщеніи солнца, по временамъ заволакиваемаго облаками. Дорога, тщательно размѣренная столбиками и камнями, свидѣтельствовавшими о хозяйственномъ распредѣленіи ея между тѣми, кому надлежитъ чинить, шла по мѣстности довольно ровной, только изрѣдка сбѣгая въ пологія котловины едва замѣтныхъ холмовъ. Крестьянскіе дома, попадавшіеся въ пути, были далеко не роскошны, попадались попросту хаты съ накренившимися пристройками, жердяные заборы; телѣги и лошади плохенькія.

Крестьянскіе дома далеко не роскошны и во многомъ напоминаютъ наши, тѣ, что побѣднѣе. Въ здѣшнихъ четырехъ уѣздахъ Эстляндской губерніи: Ревельскомъ, Везенбергскомъ, Вейсенштейнскомъ и Гапсальскомъ или, какъ ихъ тутъ называютъ, въ провинціяхъ Гарріи, Вирландъ, Іервенъ и Викѣ, число всѣхъ домовъ, крытыхъ тѣмъ или другимъ матеріаломъ, за 1885 годъ, представляется въ слѣдующихъ, очень краснорѣчивыхъ для пейзажа и другихъ соображеній, цифрахъ:

тесомъ	690	домовъ
черепицей	1,135	»
лубкомъ	4,626	»
соломой	33,691	»

Въ Лифляндской губерніи соотношеніе остается почти тѣмъ же для всѣхъ восьми уѣздовъ:

тесомъ	1,184	дома
лубкомъ	10,174	»
соломой	56,769	»

Изъ этихъ цифръ явствуетъ, что нѣкоторая романтичность въ прибалтійскомъ пейзажѣ, несомнѣнно, существуетъ и, съ этой точки зрѣнія, еще не утратила той художественности, которая, по словамъ извѣстнаго германскаго эстетика Фридриха Фишера, сглаживается и исчезаетъ съ развитіемъ культуры, телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ. Противъ цифръ спорить трудно.

Направляясь въ Вейсенштейнъ, путники подвигались на западъ, къ тѣмъ мѣстамъ Эстляндской губерніи, гдѣ началось или, лучше сказать, много-

кратно начиналось движеніе эстовъ въ православіе. Изъ разговоровъ съ мѣстными жителями выяснилась одна, до такой степени своеобразная, особенность Вейсенштейна, что она не могла не навести на цѣлый рядъ мыслей по вопросу объ отношеніяхъ православія къ лютеранству въ здѣшнемъ краѣ. Изъ разговоровъ этихъ можно было заключить, что здѣшній православный священникъ, или его предшественникъ, и лютеранскій пасторъ, или его предшественникъ, жили постоянно не только въ мирѣ, но даже въ дружбѣ, и что только смерть пастора прекратила ее. Это нѣчто совершенно исключительное, единственное и какъ примѣръ разрѣшенія одного изъ жгучихъ мѣстныхъ вопросовъ, крайне желательнаго. Этой дружбы, этого единенія между духовенствомъ православнымъ и лютеранскимъ, къ сожалѣнію, нѣтъ здѣсь нигдѣ. Отчего? что говоритъ прошедшее? что говоритъ настоящее?

При описаніи Риги было упомянуто вкратцѣ о первомъ движеніи въ православіе въ сороковыхъ годахъ, обусловленномъ неурожайнымъ временемъ, тяготой тогдашняго безвыходнаго положенія крестьянъ и, главное, запрещеніемъ имъ вступать въ гернгутерскія братства въ 1839 году. Упоминалось о страшно тяжелыхъ годахъ православной церкви въ краѣ. Все, что можно было сдѣлать противъ православія, было сдѣлано: преосвященному Іринарху возбранено записывать желавшихъ обратиться въ православіе и сказано не принимать никакихъ по этому предмету просьбъ; въ Петербургъ, шефу жандармовъ Бенкендорфу, написано отъ генералъ-губернатора Палена, что это движеніе въ православіе—«возмущеніе» и потребованы войска; оберъ-прокуроръ Св. Синода рекомендовалъ Іринарху «не вмѣшиваться въ это чисто гражданское дѣло» и, наконецъ, въ 1841 году самъ преосвященный, подъ присмотромъ особаго чиновника, увезенъ, черезъ Митаву, въ Псковъ. Такимъ образомъ было «усмирено» представленное «возмущеніемъ» и признано «гражданскимъ дѣломъ» стремленіе чисто духовнаго свойства. Вѣдь не проявилось же оно раньше, пока существовали гернгутерскія общины и доступъ къ нимъ народу не запрещался; общинъ этихъ, еще въ концѣ прошлаго вѣка, имѣлось въ краѣ сто сорокъ четыре, и или къ нимъ бѣдные люди потому, что проповѣдники гернгутерскіе не были тѣмъ, чѣмъ были всегда лютеранскіе пасторы — «церковными помѣщиками» — «Kirchen-Herr»; потому что гернгутерскій домъ молитвы не былъ домомъ страха, не объявлялись тутъ распоряженія помѣщиковъ, объясняемыя и подкрѣпляемыя текстами Св. Писанія съ церковной каѳедры и покорность не была единственной темой гернгутерскихъ проповѣдей. Не подтасованъ же, въ самомъ дѣлѣ, исторіей тотъ фактъ, что, какъ только запретили гернгутерство въ 1839 году, такъ тотчасъ же, словно по данному знаку, въ сороковомъ году, началось движеніе въ православіе? Что гернгутерство успокаивало, удовлетворяло людей бѣдныхъ, видно уже изъ числа общинъ,—числа, которое, ко времени ихъ закрытія, значительно возросло. Отчего же въ самомъ дѣлѣ не сказывалось стремленіе къ православію раньше? Отчего же не обвиняли тогда, безспльное теперь, гернгутерство въ томъ, въ чемъ обвиняютъ православную церковь: въ обѣщаніи, для привлеченія къ себѣ, всякихъ земныхъ благъ? Удивительно ли, что крестьяне

бросились тогда къ православію, потому что очень хорошо испытывали на себѣ практику того, что доказывали на ландтагѣ 1841 года Гиммельстіерн и Фелькерзамъ словами, а именно: что дворяне, освободивъ крестьянъ безъ земли, совершили вовсе не подвигъ, а «выгодное дѣло», «ein gutes Geschäft».

Какъ бы то ни было, но первое движеніе въ православіе, мало-по-малу, прекращено, и пламя направлено подъ пепелъ. Глубоко справедливо мнѣніе, что православная церковь въ тѣ дни, «благодаря примиряющему отношенію своему, охранила край отъ болѣе важныхъ замѣшательствъ». Но развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не достаточной причиной перехода въ православіе послужило закрытіе двухсотъ религіозныхъ гернгутерскихъ общинъ, удовлетворявшихъ тѣ потребности духа, которыя не удовлетворялись «церковными помѣщиками», объяснявшими распоряженія свѣтскихъ помѣщиковъ въ духовныхъ проповѣдяхъ? Развѣ нужно непремѣнно доказывать то, чего не было, а именно: что православіе подкупало обѣщаніемъ денегъ, земли и проч., когда дѣйствительная причина такъ ясна.

Какъ бы то ни было, но живое движеніе сороковыхъ годовъ было ослаблено, оно ушло вглубь, и тутъ встрѣчаемъ мы въ 1845—1846 годахъ достаточно своеобразную, только совсѣмъ особыми условіями объяснимую, борьбу правительственныхъ мѣропріятій и мѣстныхъ распоряженій. Съ одной стороны, Императоръ Николай I, по донесенію шефа жандармовъ, графа Орлова, поставляетъ балтійскаго генералъ-губернатора въ извѣстность, «что отказывать въ присоединеніи къ нашей церкви противно нашимъ установленіямъ и чтобы просители были немедленно присоединяемы и божественное богослуженіе совершалось на ихъ языкѣ», что «не слѣдуетъ допускать подстрекательствъ къ переходу въ православіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранять всякое тому противодѣйствіе». Съ другой стороны, рижское городское управленіе объявляетъ латышамъ, что, съ переходомъ ихъ въ православіе, они лишаются права быть возчиками, и всѣ желавшіе присоединиться высланы изъ города; православнымъ священникамъ запрещено посѣщать жилища православныхъ на помѣщичьихъ земляхъ; запрещено хоронить перешедшихъ въ православіе на лютеранскихъ кладбищахъ и т. д. Тюрьмы оказались полными, а обращеніе все шло, да шло, и въ православіе обратилось около ста тысячъ народа. Нѣкоторыя правительственныя уступки, напримѣръ: запрещеніе православнымъ священникамъ, даже въ предѣлахъ своего прихода, исполнять требы иначе, какъ въ сопровожденіи благонадежнаго чиновника; распоряженіе о томъ, чтобы записыванія на присоединеніе къ православію дѣлались тоже въ присутствіи полицейскаго чиновника и, въ особенности, установленіе въ декабрѣ 1845 года шестимѣсячнаго срока со времени заявленія желанія присоединиться къ православію (за это шестимѣсячное время «отступникъ» могъ вволю убѣждаться въ томъ, что будетъ ожидать его: онъ становился «внѣ закона»), не умиротворяли людей, метавшихъ громъ и молнію въ православіе; все ярче раздавались проповѣди Вальтера, Бергхольца, Кельбранта, Мазинга, предававшія русскихъ анаѳемѣ. Тяжело, безвыходно тяжело, было для крестьянъ это время, и все-таки генералъ-губернаторъ Головинъ свидѣтельствовалъ «о безпримѣрной кротости

народа», а особые суды, установленные для дѣлъ «о разглашателяхъ» православія, несмотря на все свое желаніе, не могли постановить ни одного приговора.

Хотя въ 1865 году рижскому архіепископу Платону, впослѣдствіи митрополиту кіевскому, и удалось исходатайствовать отмѣну шестимѣсячнаго срока наставленія, но, одновременно съ этимъ, въ томъ же году, послѣдовала совершенно сходная съ этою, по значенію своему, другая правительственная мѣра, а именно отмѣна, для прибалтійскихъ губерній, такъ называемыхъ «предбрачныхъ подписокъ», которыми, при смѣшанныхъ бракахъ, брачущіеся обязывались крестить дѣтей въ православную вѣру. Объ этой отмѣнѣ упорно ходатайствовало мѣстное дворянство; не довольствуясь антиправославною пропагандою и тѣмъ, что начались отпаденія отъ православія, совершавшіяся благодаря попустительству властей, оно желало обезпечить лютеранству будущія, нарождающіяся поколѣнія. Томъ X, часть 1, зак. гражд., глава II, ст. 67, гласитъ, что: если женихъ или невѣста принадлежатъ къ православному исповѣданію, то, въ этомъ случаѣ, вездѣ, кромѣ Финляндіи, требуется, чтобы лица другихъ исповѣданій, вступая въ бракъ съ лицомъ православнаго исповѣданія, давали подписку о томъ, что дѣти ихъ будутъ крещены въ православіе. 15 марта 1865 года послѣдовало секретное повелѣніе, отмѣнявшее *для балтійскаго края* обязательность этихъ подписокъ, и только Императоръ Александръ III, 26 іюля 1885 года, повелѣлъ «немедленно принять мѣры», къ возстановленію въ полной силѣ существующаго закона относительно отобранія, при смѣшанныхъ бракахъ, подписокъ. Возстановленіе общаго для государства закона, съ которымъ оно выросло и окрѣпло, окончательно уничтожитъ ту несообразность, что русскіе, завоевавшіе прибалтійскій край, явились въ качествѣ побѣжденныхъ, поступившись однимъ изъ своихъ основныхъ, существенныхъ законовъ. Ближайшему будущему назначено только слѣдить за точнымъ исполненіемъ его.

Прямымъ слѣдствіемъ долговременной уступчивости и непослѣдовательности административныхъ властей и безусловной неуступчивости и послѣдовательности мѣстнаго дворянства явилось то, что съ конца шестидесятыхъ годовъ, въ прибалтійскомъ краѣ, усилилось въ народѣ обратное только-что помянутому, движеніе изъ православія въ лютеранство. Много способствовалъ этому занявшій съ 1855 года мѣсто генералъ-суперъ-интенданта Вальтеръ, и съ каѳедръ церковныхъ стали громко доказывать на всѣ лады, что крестьяне обращались въ православіе путемъ обманнымъ. Характерно, что въ 1857 году генералъ-губернаторъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, ходатайствовалъ о пересмотрѣ «всѣхъ законоположеній лютеранской церкви», то-есть о такой именно мѣрѣ, о какой ходатайствовали въ 1861 году, во время возмущенія, епископы въ Варшавѣ относительно церкви католической! 9-го марта 1864 года Вальтеръ, при открытіи лифляндскаго ландтага, произнесъ рѣчь, въ которой доказывалось, что въ балтійскихъ губерніяхъ «господствующею церковью должна быть протестантская, а господствующею народностью — нѣмецкая»! Хотя послѣднее изъ упомянутыхъ ходатайствъ было отклонено комитетомъ министровъ, хотя Вальтеръ былъ высланъ, но зато въ край командировано особо довѣ-

ренное лицо, немедленно, якобы, убѣдившееся въ томъ, что движеніе въ православіе въ 1845 и въ 1846 годахъ было «оффиціальнымъ обманомъ» и что изъ 140,000 православныхъ только 1/10 часть къ 1864 году исповѣдуетъ эту вѣру!

Было время, когда цензура православныхъ изданій находилась въ рукахъ лютеранъ; когда не вѣдомство Святѣйшаго Синода, а министерство внутреннихъ дѣлъ изготовляло и представляло всеподданнѣйшіе доклады о вопросахъ чисто догматическихъ по дѣламъ церковнымъ въ балтійскомъ краѣ. Было время, когда писанія Сиверса, Бока, Экардта и Шпррена ставили насъ на непрошенный судъ Европы, и въ 1870 году, въ Женевѣ, Ени читалъ публичныя лекціи объ угнетеніи лютеранства въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и члены евангелическаго союза возымѣли дерзкую мысль испросить, по этому поводу, аудіенцію у Императора Александра II за границей!

И несмотря на все это, православіе находило людей, искавшихъ его, жертвовавшихъ всѣмъ своимъ имуществомъ, потому что, по жѣстокому возврѣнію, пользованіе усадьбами являлось привилегіей лютеранъ, и человѣкъ, становившійся православнымъ, лишался права на него. Какъ не вспомнить при этомъ случаѣ двухъ пророчествъ. Одно принадлежитъ преосвященному Иринарху, писавшему въ 1841 году въ Синодъ: «Посѣянное въ Лифляндіи сѣмя православія прозябнетъ и возрастетъ». Другое—это слова Императора Николая I. Онъ повелѣлъ составить проектъ «духовно-лютеранской академіи»,—проектъ, не понравившійся прибалтійскому дворянству, предпочитавшему, чтобы духовенство оставалось его слѣпымъ орудіемъ, и 23-го марта 1843 года *государь*, на докладѣ объ этомъ графа Уварова, начерталъ: «Когда изъ непонятныхъ видовъ сами они (дворяне) противодѣйствуютъ, то остается предоставить волѣ Божіей дальнѣйшій ходъ сего дѣла. Кто знаетъ, можетъ-быть, неисповѣдимый Промыслъ направляетъ невидимою рукой сію церковь къ разрушенію, и тогда никакая сила не остановитъ стремленія народа къ православію. Должно только все такъ подготовить, чтобы церковь наша была готова принять новыхъ чадъ. Для того уже всѣ духовныя книги и служебники переводятся на мѣстные языки». Правъ былъ преосвященный Иринархъ—сѣмя «прозябло» и дало ростки; правъ былъ Императоръ, сказавъ, что «никакая сила» не удержитъ людей отъ стремленія къ православію. Стремленіе это продолжало сказываться постоянно, несмотря на то, что люди съ достаточною наглядностью могли убѣдиться въ томъ, что всякая надежда на поддержку ихъ въ законодательныхъ и административныхъ сферахъ потеряна, и все-таки они шли, и шли не всегда въ одиночку, а даже скопомъ. Такъ, скромное посланіе преосвященнаго Филарета, переведенное на эстонскій и латышскій языки, обусловило, въ 1866 году, переходъ въ православіе большей части Тукума, хотя полиція и отбирала эти листки, «не пропущенные лютеранской цензурой», и въ мартѣ 1867 года самъ преосвященный перемѣщенъ. Вся мрачность картины положенія православія въ краѣ отразилась вполнѣ въ одномъ литературномъ произведеніи, въ *Запискахъ* священника Лѣпца, подъ псевдонимомъ Индриха Страумита; это «эпопея наболѣвшей души народа, мартирологія пра-

вославія, и когда можно будетъ ихъ напечатать, то они сдѣлаются любимѣйшимъ чтеніемъ для народа». Лійцъ кончилъ курсъ въ рижской семинаріи въ 1857 году.

Въ 1876 году уничтожено прибалтійское генералъ-губернаторство, и притупились мѣстные балтійскіе интересы, въ виду другихъ, гораздо болѣе крупныхъ историческихъ событій. Замолкъ, на ряду съ другими, и вопросъ религіозный. Къ этому времени, или немного ранѣе его, правительственная уступчивость достигла своего апогея: въ 1874 году, 22-го іюля, предписано прекратить всѣ дѣла, возбужденныя противъ лютеранскихъ пасторовъ за совершеніе требъ надъ уклоняющимися отъ православія, а въ 1880 году министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, увѣдомленный лифляндскимъ губернаторомъ о томъ, что пасторъ Гасельблатъ совратилъ въ лютеранство тридцать шесть человѣкъ, не принялъ противъ него никакихъ мѣръ «въ виду того, что онъ въ первый разъ сдѣлалъ это преступленіе»! Отпаденія отъ православія, подъ всевозможными давленіями, принесли свой плодъ: съ 1857 по 1863 отпало до 9,000 человѣкъ, въ 1864—11,000, въ 1880—до 40,000. По отчету преосвященнаго Филарета, изъ общаго числа православныхъ въ краѣ (194,787 человѣкъ) не уклонившихся только 117,238. Проповѣди пасторовъ, шестимѣсячные сроки, уничтоженіе предбрачныхъ подписокъ и, главное, взгляды дворянства, поддержанные нерѣдко и высшими административными властями, своихъ цѣлей достигали.

Мѣстные люди приглашались, какъ это видно изъ рѣшенія статсъ-секретаря Макова, на «вторичныя» преступленія. Смутно и безтолково было положеніе религіозныхъ дѣлъ въ краѣ, о которомъ можно бы было привести, въ случаѣ надобности, множество поразительнѣйшихъ фактовъ, съ именами собственными и самыми прочными датами, но, избѣгая особенно мрачныхъ красокъ, надо обойтись безъ нихъ. Вдругъ, уже очень недавно и опять-таки не по почину православной церкви, а по почину лютеранской, усилились вторичныя обращенія въ православіе, которыя совершаются и до сихъ поръ. Какъ тогда, въ сороковыхъ годахъ, главнымъ поводомъ, послѣднею каплей въ чашѣ, было уничтоженіе гернгутерскихъ общинъ, такъ тутъ явилось собираніе пожертвованій на 400-лѣтній юбилей Лютера, начавшееся въ октябрѣ 1883 года. Первообращенный явился въ Леалѣ, затѣмъ пошли обращенія въ вердерскомъ и паденормскомъ приходахъ, протянулись они на прибалтійскіе острова, на Даго, и нашли себѣ дорогу дальше, чѣмъ прежде, въ Курляндскую губернію—въ Сисмакень, Домеснесъ и Тальсенъ; переходятъ не только эсты и латыши, но даже малые остатки, какимъ-то чудомъ сохранившихся, ливовъ. Пѣтъ въ этихъ обращеніяхъ той многочисленности, которая сказывалась раньше, но въ нихъ гораздо болѣе прочности. Если въ сороковыхъ годахъ главной причиной было закрытіе гернгутерскихъ общинъ и неясное искаціе «духа жива», то теперь стремленіе это получило больше прочности, благодаря тому, что съ нимъ слился, ставшій яснымъ, вопросъ о національности. Эсты и латыши не хотятъ умирать какъ племя, они взываютъ о своемъ желаніи быть въ единствѣ съ русскимъ царемъ и русскимъ народомъ; возникло вновь понятіе и терминъ

«царской вѣры», долженствующей быть господствующею въ краѣ, терминъ, бывшій въ ходу до 1845 года, и, наконецъ, иначе смотритъ на этотъ вопросъ наше правительство, во многомъ уже возстановившее весьма старательно подпиленныя и подточенныя святыя права православія.

Эти вторичныя обращенія съ 1883 года начались прежде всего съ сектантовъ, которыхъ въ балтійскомъ краѣ много. Тогда только-что умеръ Якобсонъ, редакторъ эстонской газеты «Саккала», человѣкъ, стоявшій во главѣ движенія по вопросу о единеніи съ Россіей; насколько его не любило мѣстное дворянство, видно изъ того, что оно выхлопотало восьмимѣсячное запрещеніе «Саккалы»; насколько онъ былъ дорогъ другимъ, выказалось на его похоронахъ въ 1882 году, въ Феннерпѣ, очень недалекомъ отсюда: многія тысячи проводили его въ могилу. Онъ не дожилъ до развитія обращеній въ православіе, но на нихъ смотрятъ десятки тысячъ отпавшихъ отъ православія, смотритъ лютеранское крестьянство, связанное съ киркой, въ большинствѣ случаевъ, отъ временъ историческихъ, только внѣшними узами. О томъ, насколько вообще эсты и латыши склонны къ измѣненію вѣроисповѣданій, что обусловлено какъ насильственнымъ введеніемъ католичества въ XIII вѣкѣ, такъ и безпри, мѣрно легкимъ, такъ сказать, административнымъ обращеніемъ страны въ лютеранство въ XVI вѣкѣ, даетъ многія любопытныя указанія Трусманъ, въ своемъ трудѣ: «Введеніе христіанства въ Лифляндіи».

Перебирая и сопоставляя самые разнообразные источники по этому вопросу, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ любопытныхъ замѣчаніяхъ. Такъ, одинъ изъ доводовъ множества нѣмецкихъ памфлетовъ, направленныхъ противъ православія, это тотъ, что Императоръ Всероссійскій, воплощеніе власти свѣтской, есть, въ то же время, и глава церкви, и что это, будто бы, лютеранамъ непригодно. Мы не имѣемъ никакой причины обсуждать здѣсь суть этого вопроса; но странно, что и въ маленькомъ прибалтійскомъ краѣ и его маленькой самостоятельной лютеранской церкви, отношеніе свѣтской власти къ духовной представляется именно такимъ, противъ какого возражаютъ памфлеты. Пасторы выбираются здѣсь исключительно дворянствомъ, въ силу патронатства; суперъ-интендентовъ выбираетъ ландтагъ; хозяйствомъ завѣдуютъ въ Лифляндской губерніи ландраты, въ Курляндской — матрикулованные дворяне, и, наконецъ, мѣстныя евангелическо-лютеранскія консисторіи, составляющія высшія губернскія инстанціи по дѣламъ духовно-судебно-административнымъ, состоятъ изъ свѣтскаго президента, духовнаго вице-президента, двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ засѣдателей, и всѣ они избираются не кѣмъ инымъ, какъ дворянствомъ, несомнѣнно, свѣтскимъ. Не представляетъ ли такая консисторія, высшая духовная инстанція, доказательство того, что мѣстная свѣтская власть въ прибалтійскомъ краѣ есть, въ то же самое время, и высшее воплощеніе власти духовной? Не такъ уже это непригодно, какъ объясняютъ различные памфлеты относительно церкви православной.

Городокъ Вейсенштейнъ, имѣющій около 3,000 жителей, опрятенъ и миловиденъ, какъ и большинство городковъ въ здѣшнемъ краѣ. Красиво поднимается надъ нимъ расположенная на холмѣ изящная, о пяти куполахъ, право-

славная церковь, а на другомъ холмѣ—восьмигранная башня старой развалины. Улицы всѣ мощены; лютеранская церковь — что̀ совершенная особенность— уступаетъ русской въ благолѣпіи, но старше ея годами и очень почтенна въ своихъ скромныхъ, безъ всякихъ изворотовъ и кривляній, архитектурныхъ линіяхъ.

Какъ ни малъ Вейсенштейнъ, но и онъ имѣетъ что̀ разсказать какъ о далекомъ быломъ, такъ и о болѣе близкихъ къ намъ дняхъ. Основанъ онъ ландмейстеромъ Медемомъ въ 1265 или 1266 годахъ, одновременно съ Митавой. Въ XV вѣкѣ умеръ здѣсь комтуръ Гельвигъ фонъ-Гильзенъ, обладавшій почему-то неисчерпаемыми богатствами; по смерти его, ихъ забралъ ландмейстеръ Керсдорфъ и отправилъ въ Пруссію, и, несмотря на то, что орденъ протестовалъ, клады Вейсенштейна исчезли. Было здѣсь и другое начальствующее лицо, фохтъ фонъ-Тюленъ, носившій на груди своей золотую цѣпь въ 21 фунтъ вѣсомъ. Съ 1572 по 1581 годъ сидѣлъ здѣсь русскій воевода, послѣ него шведы, затѣмъ поляки. Очень любопытенъ длившійся не одно столѣтіе споръ города съ помѣщиками сосѣдняго Мекгофа, на землѣ котораго онъ возникъ. Уже въ 1398 году получилъ Вейсенштейнъ свои особыя «привилегіи». Королева Христина шведская, обильно раздававшая здѣсь въ край своимъ вельможамъ помѣстья, подарила замокъ Мекгофъ фельдмаршалу Торстенсону въ 1636 году; въ 1669 году продано это владѣніе Ферзену и Страсбургеру, и за первымъ изъ нихъ въ 1673 году утверждено Карломъ XI владѣніе. При редукціяхъ, Мекгофъ перешелъ къ шведской коронѣ, но вдова, наслѣдница, не убоялась спорить даже съ нею. Когда редукціямъ, по великодушію русскаго царя, данъ былъ обратный ходъ, то комиссія, разсматривавшая права владѣнія, утвердила собственность Мекгофа за барономъ Штакельбергомъ, и городъ Вейсенштейнъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, эксплоатировался новымъ помѣщикомъ не хуже старыхъ. Однимъ почеркомъ пера Екатерины II, послѣ необозримо долгихъ споровъ, былъ Вейсенштейнъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости, сдѣланъ въ 1783 году уѣзднымъ городомъ, а Штакельбергъ вознагражденъ со щедростью, имѣвшею слишкомъ частое примѣненіе въ балтійскомъ краѣ: указъ 1-го декабря 1789 года объяснятъ, что, взамѣнъ земель, луговъ и строеній, отошедшихъ въ пользу вновь созданнаго города, и въ вознагражденіе за перешедшіе къ коронѣ сборы и подати, Штакельбергамъ отданы въ вѣчное владѣніе четыре мызы съ угодьями. Споръ средневѣковаго характера былъ покончен, но заплатила за это опять-таки наша щедрая казна.

Небольшой лютеранскій храмъ въ Вейсенштейнѣ, сгорѣвшій въ 1845 году, вновь отстроенъ, какъ и многіе лютеранскіе храмы, на русскія деньги, великодушно пожертвованныя Императоромъ Николаемъ I; освященъ онъ въ 1847 г. Одно изъ украшеній его не могло не броситься въ глаза. Какъ-то странно и невѣроятно было очутиться, совершенно неожиданно, лицомъ къ лицу, съ картиной, служащею здѣсь образомъ, болѣе чѣмъ радикально-реальнаго характера, а именно съ копіей, во всю величину, «Тайной Вечери»—Ге. Кто не помнитъ очень хорошо времени возникновенія этой картины, времени «Современника» и «Русскаго Слова», времени радикализма шестидесятыхъ годовъ; въ

христіанской церкви, въ домѣ благодати, она совершенно немыслима. И гдѣ же виситъ эта картина?—Въ Вейсенштейнѣ, тюрьму котораго, какъ говорятъ, можно бы упразднить, потому что въ ней заключенныхъ не бываетъ и существованіе ея было искусственнымъ образомъ поддержано сторожемъ, посадившимъ, какъ говорятъ, въ нее своего сына, чтобы значился по спискамъ хотя какой-нибудь арестантъ; въ Вейсенштейнѣ—этомъ мирномъ городкѣ, гдѣ дружили даже пасторъ со священникомъ и гдѣ, еще въ тридцатыхъ годахъ, согласно преданію, по счастливой мысли одного врача, вполнѣ достойной подражанія, была разыграна въ лотерею семья неимущихъ: на лотерею брали билеты и выигравшій обязывался—и дѣйствительно исполнилъ обязательство,—содержать эту семью.

Достойны внимательнаго осмотра мѣстныя развалины. Теперь высится только одна восьмиугольная башня съ погребомъ, отъ которой былъ когда-то ходъ къ озеру, но еще въ 1872 году стояла тутъ другая, круглая башня, опрокинутая бурей; хотя отъ стѣнъ замка сохранилось немного, но общій планъ его совершенно ясенъ и умѣется остатокъ церкви. Молодыя деревца поднимаются по зеленѣющимъ газонамъ стараго пепелища.

Не мало интереснаго замѣчено въ этотъ день. Разсказъ о дружбѣ русскаго священника и лютеранскаго пастора упорно наводилъ мысль на параллель положенія обѣихъ церквей въ балтійскомъ краѣ. Пасторъ здѣсь—у себя дома; онъ хорошо обставленъ и пользуется доходами съ пасторатскихъ владѣній; еще въ юрьевскомъ университетѣ сходится онъ со своими однолѣтками, занимающими со временемъ въ краѣ болѣе или менѣе видныя мѣста; онъ persona gratissima у ближнихъ помѣщиковъ, гдѣ онъ креститъ, женитъ, хоронитъ. Нашъ священникъ—на чужбинѣ; онъ не получаетъ того же жалованья, а видмъ не имѣетъ; онъ имѣетъ дѣло только съ самыми бѣднѣйшими людьми, съ «изгоями» края, и тѣ, кто друзья пастора,—его несомнѣнные недоброжелатели. Трудны миссіи православныхъ въ странахъ языческихъ, но, право, гораздо труднѣе имъ въ прибалтійскомъ краѣ. И скромны же эти люди, и робки, и цѣпко стоятъ на своихъ постахъ во главѣ тѣхъ русскихъ «тружениковъ», о которыхъ въ своей юрьевской рѣчи вспоминалъ Великій Князь.

Въ третьемъ часу пополудни путники возвращались тѣмъ же путемъ, какимъ прибыли, въ Аррокюль. Влѣво отъ пути, въ имѣніи барона Штакельберга, виднѣлся курганъ, въ которомъ покоятся ратники царя Іоанна, шедшаго отсюда на Ливонію; владѣлецъ предположилъ *) поставить памятникъ. Подлѣ экипажа, справа и слѣва, потянулся тотъ же пейзажъ, тѣ же глядѣвшіе на проѣзжихъ изъ-за воротъ и изгородей молчаливые люди. На утро предстоялъ выѣздъ по желѣзной дорогѣ къ Везенбергу.

*) Намѣреніе это уже приведено въ исполненіе.

Везенбергъ.

Общій видъ города. Историческое. Процессы и русскія деньги. Различіе въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ русскихъ и нѣмцевъ. Осмотры. Развалина. Значеніе числа 12. Отсутствіе утвержденій во власти. Гауптманы. Гакенрихтеры. Крестьянство въ прибалтійскихъ губерніяхъ и его судьбы. Что было въ Курляндской губерніи? Барщина и пользованіе землею. Крестьянскія угодія и арендаторы. Починъ въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Исторія земельнаго вопроса. Упраздненія усадьбъ. Что имѣло мѣсто въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ. Положеніе нынѣшнихъ крестьянъ. Исторія послѣднихъ сорока лѣтъ.

Въ Везенбергѣ 5,500 жителей, слѣдовательно, городъ этотъ все-таки почти вдвое больше Вейсенштейна. Мѣстность ровная, улицы мощенныя, дома опрятные; гораздо замѣтнѣе надъ нимъ, чѣмъ въ Вейсенштейнѣ, расположенныя на высокомъ холмѣ развалины древняго замка. Начало города—XIII вѣкъ, и, тотчасъ вслѣдъ затѣмъ, уже имѣетъ онъ одинаковыя со своими одноліѣтками, Ревелемъ и Нарвой, права и привилегіи; у Ревеля и Нарвы имѣлись данныя имъ природой привилегіи—морскія гавани, необходима была такая же привилегія и сухопутному Везенбергу, и онъ, дѣйствительно, владѣлъ гаванью—Тольсбургомъ.

Вообще Везенбергъ, въ долгихъ судьбахъ его, будто притягивало къ водѣ; когда, въ 1802 году, предполагалось соединить Чудское озеро посредствомъ каналовъ и нѣсколькихъ рѣчекъ съ ревельскою губой, то самый длинный изъ каналовъ, около сорока верстъ длиною, долженъ былъ проходить близъ Везенберга. Въ этомъ проектѣ, сильно поддержанномъ ревельскимъ магистратомъ, помнается еще другой проектъ, болѣе древній—о соединеніи Чудскаго озера съ городомъ Нарвовомъ, и оба они свидѣтельствуютъ о томъ, что попытки торговаго сближенія балтійской окраины со внутренними губерніями Россіи не останавливались даже передъ такими трудностями, чтобы ничтожныя, безводныя рѣчки «углубить и въ иныхъ мѣстахъ сдѣлать шпре и сдѣлать плотины и

шлюзы». Юнѣйшій по времени проектъ, вызывавшій русскую казну на огромныя затраты, былъ поданъ министру коммерціи графу Румянцеву, и чрезъ него доходилъ до Александра I; проектъ не лишенъ, конечно, самыхъ смѣлыхъ предложеній и упорно поддерживался изъ Ревеля много лѣтъ. Немного противорѣчитъ, конечно, этому желанію объединенія съ внутренними губерніями Россіи другой современный документъ, а именно бумага, съ надписью «секретно», отправленная въ 1819 году генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ губерній маркизомъ Паулуччи на имя эстляндскаго губернатора барона Будберга. Она говоритъ: «Совершенное уклоненіе въ образѣ одежды отъ принятаго обычнаго порядка вызвало, наконецъ, полное мое неудовольствіе... Нѣкоторые легкомысленные люди желали, какъ оказалось по слѣдствію, выказать этимъ связь свою съ какимъ-то нѣмецкимъ братствомъ въ Германіи... Вотъ описаніе этой одежды: старонѣмецкій беретъ или шапка съ необыкновенно большими полями, плотно сидящая на головѣ; короткіе, до икръ, сапоги; узкіе брюки; фракъ темнозеленаго сукна, и, въ довершеніе всего, длинные до плечъ волосы». Вслѣдъ за этими мотивами, доказывавшими еще въ 1819 году тяготѣніе къ Германіи, идутъ подобающія распоряженія генералъ-губернатора, такъ что объединеніе, сказывавшееся въ проектированіи каналовъ, не распространялось, какъ видно, на шапки съ необыкновенно большими полями и сапогами, означавшими связь съ какимъ-то нѣмецкимъ братствомъ, и вызывало «полное неудовольствіе» мѣстной власти.

Значительное сходство между Везенбергомъ и Вейсенштейномъ по внѣшности, по привилегіямъ и правамъ, по послѣдовательному подчиненію рыцарскому ордену, шведамъ и русскимъ, имѣется и въ заключительныхъ страницахъ его шестисотлѣтняго бытія. Если Вейсенштейнъ принадлежалъ во время оно Торстенсонамъ, Ферзенамъ и Штакельбергамъ и выкупленъ на русскія деньги Императрицей Екатериной II, то Везенбергъ принадлежалъ Бредероде и Тизенгаузенамъ и выкупленъ отъ владѣльцевъ и сдѣланъ самостоятельнымъ опять-таки тѣмъ же правительствомъ и тѣми же деньгами, то-есть русскими, въ 1783 году. Сколько шло у насъ денегъ на эти примиренія мѣстныхъ интересовъ и на многое другое, право, и сказать трудно. Русскіе великодушно оставляютъ за собою только очень небольшой процентъ или, если угодно, ренту краснорѣчивыхъ воспоминаній. Мѣстные люди относятся къ своимъ экономическимъ соображеніямъ немного иначе. Кажется, верстахъ въ восьмидесяти отсюда, близъ самаго Чудскаго озера, есть имѣніе Пюхтицъ, въ которомъ, съ 1886 года, учрежденъ православный приходъ; здѣсь имѣется часовня на мѣстѣ явленія иконы Успенія, тутъ чествуютъ память побѣды Александра Невскаго, тутъ стоятъ нѣмые свидѣтели былого—холмы надъ прахомъ русскихъ ратниковъ. Изъ сосѣдняго съ Пюхтицемъ Сиренца движется къ нему 15-го августа крестный ходъ; ему надлежитъ на протяженіи ½ версты проходить по пюхтицкой землѣ, и за это молитвенное «движеніе» взимается мѣстнымъ владѣльцемъ съ православныхъ молельщиковъ нѣкоторая плата, въ качествѣ доходной статьи имѣнія! Это, конечно, вполнѣ законно, но совсѣмъ незаконна была постройка въ Пюхтицѣ мѣстной лютеранской церкви съ разрѣшенія евангелической кон-

систоріи! Въ августѣ 1885 года пришлось запечатать эту церковь, не потому, конечно, чтобы не строили вообще въ краѣ лютеранскихъ церквей, а потому, что, по закону, евангелическая консисторія никакого права на подобное разрѣшеніе не имѣетъ. По взиманію за право движенія крестнаго хода въ Шюхтицѣ, какъ сказано, вполнѣ законно, и камни того оврага, по которому онъ движется, приносятъ доходъ.

Мѣстныя развалины на пятнадцать и болѣе верстъ кругомъ видны съ высокаго холма, о прежнемъ профилѣ котораго судить нельзя, потому что обрушившіяся стѣны образовали тоже холмики, поросшіе мохомъ и травой; они, такъ сказать, облицовываютъ основаніе, естественный холмъ. Далеко внизу, между прогалинами въ остаткахъ стѣнъ, виднѣются поля и нивы; остатки эти, сохранившіеся по угламъ, даютъ понятіе о величественномъ видѣ и размѣрахъ замка, который, какъ говорятъ, вмѣщалъ въ себѣ, кромѣ жилыхъ помѣщеній, не одну церковь, монастырь и госпиталь. На томъ мѣстѣ, гдѣ, вѣроятно, былъ когда-то главный дворъ замка, въ углубленіи, находящемся на самой вершинѣ холма, пѣли эстонскіе хоры; при существованіи рыцарскаго ордена этого не могло, конечно, быть, и эстонцы, когда-то подавленные рыцарями, пѣли теперь на развалинахъ замка своихъ побѣдителей хоровую пѣсню. Историческій процессъ разрѣшенъ, но процессъ между лицомъ, которому принадлежитъ развалина, и городомъ, претендующимъ на нее, находится, какъ сообщали, и по сегодня въ правительствующемъ сенатѣ.

Вообще правительствующій сенатъ не такъ далекъ отсюда, какъ кажется, потому что жалобы на состоящій изъ двѣнадцати ландратовъ оберъ-ландгерихтъ, высшее судебное учрежденіе губерніи, приносятся прямо ему. Число двѣнадцать, повидимому, играетъ особенную роль въ строѣ своеобразной мѣстной администраціи. Дворянскій губернскій комитетъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ предводитель дворянства, состоитъ изъ двѣнадцати депутатовъ отъ дворянства, по три съ каждаго изъ четырехъ уѣздовъ; ландтаги избираютъ двѣнадцать ландратовъ, составляющихъ по дѣламъ дворянскимъ ландратскую коллегію, входящихъ въ число членовъ дворянскаго комитета и составляющихъ высшее судебное учрежденіе губерніи — оберъ-ландгерихтъ, жаловаться на который можно только въ сенатъ, съ просьбой уничтожить его рѣшеніе. Начальниковъ уѣздной полиціи, гакенрихтеровъ (по три на уѣздъ), тоже двѣнадцать.

Высшее судебное учрежденіе въ Курляндской губерніи—оберъ-гофгерихтъ, который состоитъ изъ предсѣдателя и четырехъ старшихъ совѣтниковъ: ландгофмейстера, канцлера, оберъ-бургграфа и ландмаршала, и двухъ младшихъ членовъ; судебно-полицейскую власть въ уѣздѣ составляютъ оберъ-гауптманы и гауптманы. Должностныя лица эти получаютъ жалованье отъ правительства, по Высочайше утвержденному штату, и кромѣ того пользуются особенными выгодами и доходами, закономъ имъ предоставленными. Эти доходы и выгоды состоятъ: 1) изъ отпуска отъ казны 40 куб. саженъ дровъ каждому оберъ-гауптману и гауптману; 2) изъ поставокъ отъ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣній сѣна въ пользу поименованныхъ должностныхъ лицъ, по особымъ герцогскимъ указамъ, а равно указа правительствующаго сената 11-го января 1818 года, и

Развалины зàмка Везенбергъ.

Оригъ. рис. съ натуры баронессы Е. К. Врангель, грав. М. Рашевскій.

3) изъ безплатнаго отпуска строеваго и дровянаго лѣса изъ казенныхъ дачъ, согласно постановленію «лѣсной комиссіи» 1803 года. Преоригинальную повинность представляетъ доходъ, поступающій въ пользу нѣкоторыхъ гауптмановъ отъ торгующаго класса. Такъ, напримѣръ, баускій гауптманъ получаетъ отъ каждаго мясника, занимающагося убоемъ крупнаго скота, по 20 фунтовъ сала, и отъ мясника, занимающагося убоемъ мелкаго скота, по 10 фунтовъ сала, и сверхъ того мясники обязаны, въ силу примѣчанія 2 къ инвентарю видмы баускаго гауптмана, отдавать послѣднему по 2 ребра съ крупнаго скота и по «гусаку» съ мелкаго скота; такой же подати подлежатъ и всѣ другіе мясники, привозящіе въ городъ мясо изъ деревень. Основываясь на такомъ постановленіи своего инвентаря и указѣ курляндскаго губернскаго правленія, отъ 31-го августа 1858 г., баускій гауптманъ обращался въ городской магистратъ съ просьбою о понужденіи мясниковъ къ дополнительному исполненію вышеозначенной повинности или къ уплатѣ взамѣнъ ея по 40 руб. въ годъ съ каждаго мясника, занимающагося убоемъ крупнаго скота, и по 10—съ каждаго мясника, занимающагося убоемъ мелкаго скота, за 1878, 1879 и 1880 года. Относительно исполненія этой повинности было предложено магистратомъ мясникамъ «вступить въ соглашеніе съ гауптманомъ», вслѣдствіе чего всѣ мясники г. Бауска перестали убивать скотъ, и нѣсколько дней не было въ городѣ въ продажѣ мяса. Для устраненія такого бѣдственнаго состоянія, бауская городская управа временно приняла на себя уплату слѣдуемаго гауптману сбора, и такимъ образомъ уговорила мелочныхъ торговцевъ продавать мясо; такое распоряженіе городской управы было одобрено думою единогласно. Кромѣ указанныхъ выше доходовъ, судебно-полицейскія должностныя лица, какъ-то: оберъ-гауптманы, гауптманы, секретари и министеріалы (служители) оберъ-гауптмановъ, пользуются доходомъ отъ предоставленныхъ имъ казенныхъ имѣній или, такъ называемыхъ, судейскихъ видмъ. Такихъ видмъ числится 15, онѣ заключаютъ въ себѣ до 9,000 десятинъ мызной и крестьянской земли, съ 248 крестьянскими дворами, приносящей до 16,000 рублей дохода.

Историческое происхожденіе этихъ имѣній относится ко времени владычества орденскаго правительства (существованіе его прекратилось во второй половинѣ XVI столѣтія), которымъ назначены были, вмѣсто жалованья, извѣстныя земельныя помѣстья (видма отъ нѣмецкаго слова widmen—посвятить) въ пользованіе судебныхъ и полицейскихъ чиновниковъ, а по возложеніи ихъ обязанностей на вновь учрежденныя должности оберъ-гауптмановъ и гауптмановъ перешло къ послѣднимъ, по особымъ повелѣніямъ бывшихъ курляндскихъ герцоговъ, и право владѣнія судейскими видмами. По присоединеніи Курляндіи къ Россіи, относительно судейскихъ видмъ послѣдовалъ именной указъ Императора Павла, отъ 5-го февраля 1797 года, о возстановленіи присутственныхъ мѣстъ въ томъ порядкѣ, какой существовалъ во время прежняго курляндскаго правительства. Курляндское дворянство избираетъ изъ своей среды должностныхъ лицъ судебно-полицейскаго вѣдомства и потому принимаетъ участіе въ надзорѣ за видмами, доходъ съ которыхъ составляетъ существенную часть содержанія этихъ лицъ.

Ни одно изъ лицъ, выбираемыхъ дворянствомъ, и то только матрикулованнымъ, никѣмъ не утверждается и нарождается на свѣтъ, облекаемое властью изъ дворянской избирательной урны. Губернскій предводитель дворянства, Ritterschafftshauptmann, не утверждается даже императоромъ. О ландратахъ, членахъ нидерландгерихтовъ, мангерихтовъ, магистратовъ, уѣздныхъ, приходскихъ и фохтейскихъ судовъ нечего и говорить; правительственная власть никого изъ нихъ не утверждаетъ; въ самомъ Ревелѣ, гдѣ разнообразіе въ судахъ еще значительнѣе, гдѣ имѣются суды: нижній, сиротскій, коммерческій, цеховой, морской, фрахтовый, кемерейный, ветгерихтъ, баугерихтъ и др., тоже нѣтъ и рѣчи о какомъ-либо утвержденіи. Даже гакенрихтеры, то-есть начальники уѣздной полиціи, избираемые на три года и управляющіе частями уѣзда, опредѣляются на мѣста, по выборамъ матрикулованнаго дворянства, безъ представленія объ утвержденіи ихъ губернскому начальству; они обязаны только явиться въ губериское правленіе, чтобъ оставить въ канцеляріи «свой адресъ»; это очень оригинально и вполнѣ объяснимо: гакенрихтеръ можетъ жить гдѣ хочетъ, живетъ большею частью въ своемъ имѣніи, гдѣ находится его канцелярія, архивъ и гдѣ онъ долженъ имѣть помѣщеніе для арестантовъ. Съ перемѣной лица перемѣняется, слѣдовательно, и мѣстожительство одного изъ начальниковъ уѣздной полиціи: какъ же не извѣстить объ этомъ губернское правленіе, какъ не сообщить ему своего адреса? Изъ этихъ подвижныхъ полицейскихъ центровъ гакенрихтеръ вѣдаетъ свой районъ; онъ производитъ слѣдствія по преступленіямъ и проступкамъ, онъ разбираетъ и рѣшаетъ гражданскіе иски не свыше пятнадцати рублей, онъ рѣшаетъ дѣла по полицейскимъ проступкамъ съ правомъ наложенія полицейскихъ взысканій. Въ качествѣ помѣщика, онъ, какъ начальникъ мызной полиціи, можетъ давать себѣ, какъ начальнику уѣздной полиціи, предписанія и, наоборотъ, жаловаться на него можно ему самому. Онъ, гакенрихтеръ, ни по опредѣленію своему на должность, ни по интересу, который для него лично связывается съ этою должностью, ни по служебной карьерѣ, которая вполнѣ зависитъ отъ дворянства, ни по общественному положенію, какъ дворянинъ, вовсе не зависитъ отъ начальника губерніи, которому, какъ сказано, только сообщаетъ, по вступленіи въ должность, свой адресъ. Начальникъ губерніи можетъ, въ случаѣ надобности, только «отстранить» его, но удаляется онъ отъ должности исключительно дворянскимъ оберландгерихтомъ по своему, дворянскому, суду. Предводитель дворянства даетъ подобному гакенрихтеру «предписанія», и это, такъ сказать, доказываетъ воочію только-что сказанное, то-есть полную зависимость начальника уѣздной полиціи не отъ губернскаго начальства, а отъ своихъ собственныхъ матрикулованныхъ дворянъ. Это ли не парализація административной и правительственной власти? Неудивительно, что во всякомъ преобразованіи полиціи мѣстное дворянство видитъ для себя «серьезную опасность». Но подобныя опасности заявлялись безсчетное число разъ и по введенію въ краѣ русскаго языка, и по устройству крестьянъ, и по дѣламъ православной церкви, и по школамъ, и когда на нихъ не обращали вниманія, они оказывались въ дѣйствительности не существующими.

Кстати о крестьянахъ, во вниманіе къ совершенно исключительнымъ особенностямъ ихъ своеобразнаго быта слѣдуетъ сказать, хотя нѣсколько словъ, и о нихъ.

Описаніе путешествія одна изъ самыхъ удобныхъ литературныхъ формъ для того, чтобы касаться вопросовъ, наиболѣе разнообразныхъ; ничто не мѣшаетъ говорить на одной и той же страницѣ о молочномъ хозяйствѣ, солнечномъ лучѣ и историческомъ фактѣ. Пользуясь случаемъ, при посѣщеніи послѣдняго изъ городовъ балтійскаго края, надо сказать, хотя нѣсколько словъ, и о крестьянахъ, придерживаясь, главнымъ образомъ, почерпнутыхъ на мѣстѣ данныхъ и историческаго развитія жизни края, которыя доказываютъ съ самою полною ясностью, насколько наше правительство постоянно и всегда послѣдовательно стояло во главѣ движенія по улучшенію быта мѣстныхъ крестьянъ. Здѣсь будетъ рѣчь о земельномъ вопросѣ въ краѣ только для полноты, такъ какъ, при существованіи другихъ, болѣе существенныхъ вопросовъ, онъ не долженъ считаться стоящимъ на очереди, онъ—въ тѣни.

Характерность положенія крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ не можетъ не обратить на себя вниманія всякаго пріѣзжающаго сюда, потому что, съ первыхъ же шаговъ, при первыхъ разспросахъ и разговорахъ, пріѣзжему становятся ясными нѣкоторыя замѣчательныя особенности.

Во-первыхъ, крестьяне во всѣхъ трехъ губерніяхъ, но для каждой по-своему, съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, освобождены *безъ земли*.

Во-вторыхъ, когда, съ теченіемъ времени и по примѣру правительства нашего, являющагося самымъ крупнымъ собственникомъ въ краѣ, пришлось мѣстнымъ людямъ, противъ воли, допустить выкупъ крестьянскихъ земель въ ихъ собственность, случилось нѣчто странное, и посторонній наблюдатель не можетъ не быть пораженъ свѣдѣніями, ему сообщаемыми, о томъ, что, если въ Россіи помѣщичьи и крестьянскія земли обложены тяготою равномѣрно, здѣсь вся тягота лежитъ на однѣхъ только крестьянскихъ земляхъ, называемыхъ, поэтому, въ отличіе отъ «мызныхъ» — «повинностными»; поземельнаго налога крестьяне платятъ въ 5—6 разъ болѣе помѣщика, и земскія повинности (напримѣръ, дорожная, достигающая въ одной Лифляндской губерніи 600,000 руб. въ годъ) лежатъ всѣ, цѣликомъ, на крестьянахъ, причемъ раскладка производится все-таки помѣщиками.

Въ-третьихъ, если приглядѣться къ такъ называемому здѣсь — выкупу крестьянскихъ земель въ собственность, то нельзя не обратить вниманія опять-таки на замѣчательныя особенности: а) въ Лифляндской губерніи, напримѣръ, когда, въ далекомъ будущемъ, крестьяне дѣйствительно выкупятъ всю свою землю окончательно, они заплатятъ за 1.190,755 десятинъ 87½ милліоновъ рублей; въ нашемъ юго-западномъ краѣ за 4.000,000 десятинъ выкупная сумма достигла только 81 милліона рублей, т. е. наши юго-западные, хорошо обставленные помѣщики получили въ 3—4 раза менѣе лифляндскихъ; б) самый переходъ земли въ собственность крестьянъ, запродажа усадебъ, напримѣръ въ Курляндской губерніи, обставлена здѣсь такими трудностями контрактныхъ условій (стоитъ только просмотрѣть десятокъ контрактовъ), что, до полнаго

выкупа, который еще Богъ знаетъ когда послѣдуетъ, крестьянинъ, въ силу контрактныхъ условій, исполненіе которыхъ часто совершенно невозможно, можетъ быть ежеминутно удаленъ съ своей земли, причемъ не только уничтожается самый контрактъ, но и вся «неуплаченная« сумма считается «просроченною». Это послѣднее условіе становится особенно важнымъ, во вниманіе къ тому, что судебная власть, разбирающая препирательства, находится тутъ въ рукахъ дворянства; в) самая собственность крестьянина на землю, даже при окончательномъ выкупѣ ея, самою дорогою цѣною, никогда, во вѣки-вѣковъ, *не будетъ полною собственностью*, такъ какъ, согласно многимъ запродажнымъ условіямъ, крестьянинъ-собственникъ никогда не будетъ имѣть права строить на *своей* землѣ мельницу, открывать торгово-промышленныя заведенія, охотиться и т. п., тогда какъ за помѣщиками, опять-таки во вѣки-вѣковъ, оставляется право, принадлежащее въ остальной Россіи только Верховной власти, отчуждать крестьянскія земли подъ плотины, дороги и т. п.

Уже въ XIV вѣкѣ существовало здѣсь основное дѣленіе земли на «мызную»—Hofesland, и «крестьянскую» —Bauerland. Въ далекіе дни владычества ордена, дѣленіе это было отнюдь не юридическимъ, такъ какъ вся земля принадлежала помѣщику, мѣстному представителю ордена, но, въ силу обычая и личной пользы помѣщика, крестьянская земля считалась всегда неприкосновенною и, даже, наслѣдственною. Съ теченіемъ времени началось, однако, перекраиваніе земель, и если въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія количество крестьянскихъ земель составляло $^2/_3$ мызныхъ, то въ настоящее время они составляютъ около $^1/_3$. Это перерожденіе земель имѣетъ свою, чрезвычайно назидательную, исторію, подробное изложеніе которой здѣсь, конечно, неумѣстно, но на двухъ особенностяхъ остановиться можно, выдвинувъ ихъ изъ множества другихъ. Рѣчь идетъ о «взрываніи» (Sprengung) крестьянскихъ усадьбъ и о такъ называемыхъ «квотѣ» и «батрацкихъ земляхъ».

Когда, милостью правительства, только лѣтъ тридцать тому назадъ, дано было прибалтійскимъ крестьянамъ право свободнаго передвиженія по имперіи, начали переходить въ собственность крестьянъ первыя усадьбы и барщинная система замѣнялась оброкомъ—мѣстные помѣщики сначала протестовали, но, убѣдясь въ выгодѣ этого, быстро перевели съ барщины на аренду около $^4/_5$ крестьянскихъ усадьбъ. Большая, сравнительно, производительность вольнаго труда, обусловившая возрастаніе цѣнности земли, вызвала, рядомъ съ этимъ, явленіе, продолжавшееся довольно долго, а именно — помянутое выше «взрываніе» крестьянскихъ усадебъ. Пока существовала барщина, едва достаточная для обработки мызныхъ полей, помѣщики, какъ сказано, были вынуждены, въ собственныхъ интересахъ, сохранять крестьянскую землю въ прежнихъ, не уменьшенныхъ ея предѣлахъ; но когда, съ появленіемъ труда вольнонаемнаго, гораздо болѣе производительнаго, стало возможнымъ обрабатывать и бо́льшія пространства помѣщичьей, мызной земли, явилось со стороны помѣщиковъ желаніе увеличить ея предѣлы, что̀ и было возможно насчетъ земли крестьянской. Тогда-то началось «взрываніе» крестьянскихъ усадьбъ, т. е. ихъ уничтоженіе по тому или другому поводу, причемъ въ контрактахъ и, такъ назы-

ваемыхъ, «добровольныхъ соглашеніяхъ» поводовъ имѣлось всегда достаточно. Явился также законъ 1863 года, разрѣшившій измѣненіе границъ, состава и даже уменьшеніе площади крестьянскихъ участковъ «для уничтоженія чрезполосности», а мѣстная «крестьянская комиссія», циркулярно, 13-го августа 1863 года, допустила эти уменьшенія—и для «округленія». Контракты давали помѣщикамъ полную возможность отдѣлываться и отъ нежелательныхъ имъ арендаторовъ вообще, такъ что, напримѣръ, въ Иллукстскомъ уѣздѣ, Курляндской губерніи, цѣлая 1/3 арендаторовъ не нѣмецкой народности замѣнена арендаторами нѣмецкими.

Зорко слѣдя за уменьшеніемъ крестьянскихъ земель, правительство неоднократно желало пріостановить его; но это оставалось только добрымъ пожеланіемъ. Такъ, одинъ изъ отвѣтовъ генералъ-губернатора въ 1851 году гласилъ, что «слухи о присоединеніяхъ крестьянскихъ угодій лишены всякаго основанія»; въ 1863—Императору Александру II угодно было, черезъ генералъ-губернатора, выразить курляндскому дворянству свою волю о томъ, чтобы уменьшеніе крестьянской земли прекратилось; въ этомъ же смыслѣ состоялось въ 1867 году распоряженіе «комиссіи крестьянскихъ дѣлъ», но упраздненія все-таки не останавливались, и есть свѣдѣнія о томъ, что къ 1883 году число крестьянскихъ земельныхъ единицъ уменьшилось въ краѣ на 25%.

Если сказаннымъ путемъ «взрыванія» крестьянскихъ усадьбъ количество земель, находящихся въ пользованіи помѣщиковъ, возросло, то не менѣе любопытна исторія «квоты» въ Лифляндской губерніи и «земель батрацкихъ» въ Эстляндской.

Раздѣленіе земель каждаго имѣнія на мызныя, находящіяся въ неограниченномъ распоряженіи помѣщика, и крестьянскія, состоящія въ пользованіи крестьянъ, установлено было въ Лифляндской губерніи на основаніи изданнаго въ 1804 году перваго «крестьянскаго положенія», которымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражено было и начало неприкосновенности крестьянской земли. Слѣдовавшее «положеніе 1819 года», въ силу котораго крестьянамъ дарована была личная свобода, совершенно нарушило это начало, предоставивъ помѣщику неограниченное право распоряжаться всею помѣстною землею, но впослѣдствіи пришлось вновь возвратиться къ прежнимъ основаніямъ, и при предварительномъ обсужденіи «положенія 1849 года», въ особомъ комитетѣ, единогласно рѣшено, что вся предоставленная по пакенбухамъ 1804 года и состоящая въ пользованіи крестьянъ земля должна быть предоставлена въ неотъемлемое пользованіе крестьянскаго общества. Такое рѣшеніе комитета, признанное имъ за обязательное, удостоилось Высочайшаго утвержденія 9-го іюня 1846 года и затѣмъ включено въ «положеніе 1849 года» (ст. 120) съ тѣмъ, однако, что помѣщикамъ разрѣшалось прирѣзать къ мызнымъ угодьямъ извѣстную часть крестьянской земли. Присоединеніе къ мызнымъ землямъ этой части (въ размѣрѣ 36 лофштелей пашни, съ соотвѣтственнымъ количествомъ лугонъ и выгона на каждый гакъ) въ самомъ «положеніи» ничѣмъ не мотивировано и въ немъ не указано, для чего же эта земля отъ крестьянъ отрѣзывается, но причина этой отрѣзки была очень хорошая. Вотъ она:

На основаніи дополнительныхъ статей 1809 года къ первоначальному крестьянскому «положенію 1804 года», въ предѣлахъ крестьянскихъ арендныхъ участковъ образованы были особые участки, долженствовавшіе поступить въ пользованіе безземельныхъ батраковъ. Эти постановленія имѣли цѣлью обезпечить бытъ этихъ батраковъ, печальное положеніе которыхъ обнаружилось вскорѣ и послужило одною изъ причинъ изданія дополнительныхъ статей 1809 года. При обсужденіи въ мѣстномъ комитетѣ основаній разрабатывавшагося положенія 1849 года, обращено было особое вниманіе также на необходимость постепеннаго перехода отъ барщинной аренды къ денежной — оброчной. Достиженіе этой цѣли признавалось весьма желательнымъ, но вызывало правильное опасеніе, что, при переходѣ на денежную аренду, «крестьяне-хозяева» пожелаютъ всецѣло воспользоваться своими участками и уничтожатъ участки батрацкіе. Чтобы предотвратить эти послѣдствія, грозившія батракамъ совершеннымъ обезземеленіемъ, комитетъ призналъ необходимымъ предоставить въ распоряженіе каждаго помѣщика часть крестьянской земли, для надѣленія батраковъ, «подобно тому, какъ послѣдніе до того пользовались въ каждомъ крестьянскомъ участкѣ 1½ лофами пахатной земли въ каждомъ полѣ съ лугами и сѣнокосами». Останавливаясь именно на этой мѣрѣ, комитетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлилъ, «что ближайшій ландтагъ имѣетъ установить правила, сообразно съ которыми владѣлецъ долженъ распоряжаться означенными участками, для обезпеченія благосостоянія рабочихъ (батраковъ)». Постановленіе это, наравнѣ съ упомянутымъ выше постановленіемъ того же комитета о предоставленіи въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ земли, въ пространствѣ, опредѣленномъ вакенбухами 1804 года, признано было за основное начало будущаго «положенія» и, наравнѣ съ нимъ, удостоилось Высочайшаго утвержденія 9-го іюня 1846 года.

Отсюда ясно, какое именно назначеніе имѣла земля, отрѣзанная отъ крестьянской и присоединенная къ мызнымъ угодьямъ; землю эту называютъ податной мызной землей или квотой. По обнародованіи «положенія 1849 года», часть крестьянской земли, дѣйствительно, была присоединена къ мызнымъ угодьямъ, но не получила, однако, того назначенія, которое должна была получить по мысли законодателя. Вопросъ о квотѣ оказалось необходимымъ возбудить снова при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ послѣдняго крестьянскаго «положенія 1860 года». Тогда, т. е. въ 1856 году, рыцарское дворянство объяснило, что ему показалось, будто бы, недостаточно семилѣтняго опыта для основательнаго изысканія способовъ къ уничтоженію податнаго свойства батрацкой земли; остзейскій комитетъ согласился съ дворянствомъ, и, вслѣдствіе этого, постановленіе § 21 «положенія 1849 года» перенесено безъ всякаго измѣненія въ ст. 9 новаго проекта. Государственный Совѣтъ не встрѣтилъ и со своей стороны препятствія продлить упомянутый «срокъ опыта», но призналъ, однако, необходимымъ ограничить его опредѣленнымъ временемъ. По мнѣнію Государственнаго Совѣта, для этого достаточно было назначить пять лѣтъ. Онъ положилъ также: обративъ вниманіе дворянства Лифляндской губерніи на мѣры, принимаемыя министерствомъ государственныхъ имуществъ,

для обезпеченія работниковъ въ казенныхъ имѣніяхъ,—предложить дворянству ту часть земли, которая прирѣзана отъ податной земли къ мызнымъ, употребить въ теченіе предоставляемаго пятилѣтняго срока, для обезпеченія, по возможности, участи всѣхъ вообще работниковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Это мнѣніе Государственнаго Совѣта удостоено Высочайшаго утвержденія 5-го мая 1860 года. При вторичномъ разсмотрѣніи проекта «положенія 1860 года» Государственный Совѣтъ нашелъ, однако, что только-что изложенное постановленіе, по самому содержанію своему, не можетъ быть внесено въ текстъ новаго положенія, но что оно, по окончательномъ утвержденіи въ общемъ законодательномъ порядкѣ, должно быть сообщено министромъ внутреннихъ дѣлъ къ исполненію—непосредственно чрезъ генералъ-губернатора.

Согласно этому и съ прямымъ опредѣленіемъ пятилѣтняго срока для употребленія отрѣзавлой земли въ пользу работниковъ,—мнѣніе Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденное 18-го ноября 1860 года, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, сообщено генералъ-губернатору, для зависящихъ распоряженій, 19-го ноября 1860 года. Объ исполненіи этого Высочайшаго повелѣнія «и по сегодня» не имѣется никакихъ свѣдѣній, изъ чего можно заключить, что въ дѣйствительности оно и не было исполнено, и что такимъ образомъ квота и понынѣ не получила опредѣленнаго ей назначенія.

Оно и понятно. Предположеніе о назначеніи податной мызной земли или квоты безземельнымъ батракамъ возникло какъ бы для виду, на дѣлѣ же оно имѣло цѣлью увеличить составъ мызныхъ угодій насчетъ крестьянской податной земли. Въ этомъ убѣждаетъ «положеніе 19-го февраля 1866 года о волостномъ общественномъ управленіи въ остзейскихъ губерніяхъ», явившееся въ то самое время, когда уже оканчивался опредѣленный въ 1860 году пятилѣтній срокъ для отвода батракамъ той части земли, которая прирѣзана отъ податной земли къ мызной. По примѣчанію къ § 1 означеннаго положенія, участки повинностной крестьянской земли могутъ быть предоставляемы въ арендное пользованіе и даже *продаваемы* въ собственность не принадлежащимъ къ крестьянскому сословію лицамъ, съ сохраненіемъ личныхъ сословныхъ правъ своихъ! Въ силу этого постановленія, многіе крестьянскіе участки въ частныхъ имѣніяхъ перешли въ руки мѣстныхъ дворянъ. Есть случаи такого перехода участковъ и въ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣніяхъ; напримѣръ, крестьянскій дворъ Звиргзде, около 100 десятинъ, казеннаго имѣнія Альтъ-Саукенъ, находится, какъ говорятъ, въ пользованіи мѣстнаго дворянина.

Нѣчто подобное квотѣ имѣло имѣсто въ губерніи Эстляндской; нынѣ дѣйствующее въ ней «положеніе о крестьянахъ 5-го іюля 1856 г.» составлялось подъ прямымъ вліяніемъ законодательныхъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ для обезпеченія быта крестьянъ въ Лифляндской губерніи, и положеніе о нихъ 1849 года служило образцомъ для положенія о крестьянахъ Эстляндской. Въ 9 ст. послѣдняго положенія вполнѣ опредѣленно выражено то общее начало, что, для обезпеченія быта крестьянскаго сословія, ему предоставлено неотъемлемое право пользованія всею годною къ воздѣлыванію землею, которая находилась во владѣніи крестьянъ 9-го іюня 1846 года. Въ ст. 17 значеніе

этого сильно ослабляется тѣмъ, что, по мѣрѣ прекращенія барщины, часть крестьянской арендной земли, а именно до 1/6 доли ея, предоставлено отдѣлять въ неограниченное распоряженіе помѣщика, причемъ 18 ст. положенія опредѣляетъ, что землею этою помѣщикъ хотя и можетъ пользоваться по своему произволу, но изъяснено, что она можетъ быть употреблена для поселенія на ней господскихъ работниковъ и т. п.

Совокупность этихъ довольно неясныхъ постановленій и нѣкоторыхъ другихъ неизбѣжно наводитъ на мысль, что прирѣзка 1/6 части крестьянской земли къ мызнымъ находилась и въ Эстляндской губерніи въ непосредственной связи съ вопросомъ объ обезпеченіи быта безземельныхъ работниковъ, на случай отмѣны барщины, т. е. съ тѣмъ самымъ вопросомъ, для разрѣшенія котораго признано было необходимымъ допустить присоединеніе къ вотчинамъ квоты въ Лифляндской губерніи, и что, такимъ образомъ, и самыя условія отрѣзки этой 1/6 части въ Эстляндской губерніи однородны съ условіями присоединенія лифляндской квоты. Это подтверждается еще и тѣмъ, что выраженная въ 9 ст. положенія неотъемлемость правъ крестьянъ на арендную землю въ принципѣ установлена была самимъ дворянствомъ еще на ландтагѣ 1812 года, вслѣдствіе чего Высочайше учрежденные въ 1846 году «приготовительный и главный комитеты объ эстляндскихъ крестьянахъ» тогда же ходатайствовали о Высочайшемъ утвержденіи этой мѣры. Высочайшее соизволеніе, дѣйствительно, послѣдовало, и въ рескриптѣ на имя дворянства, отъ 9-го іюня 1846 года, ему изъявлено за это Всемилостивѣйшее одобреніе. Вслѣдъ затѣмъ на ландтагѣ 1847 года дворянство постановило, что 1/6 часть крестьянской земли должна быть отграничиваема для поселенія на ней, при отмѣнѣ барщины, помѣщичьихъ рабочихъ. Но изъ представленнаго дворянствомъ проекта положенія оказалось, что, въ прямое отступленіе отъ упомянутыхъ постановленій ландтага 1847 года, дворянству должно быть предоставлено право произвольнаго распоряженія всею землею какъ крестьянскою, такъ и мызною. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помянутая 1/6 доля крестьянской земли, въ Эстляндской губерніи, подобно лифляндской квотѣ, имѣетъ вполнѣ опредѣленное назначеніе: служить для надѣленія безземельныхъ работниковъ и, до сихъ поръ, цѣли своей не достигаетъ.

Что касается количества крестьянскихъ земель, не получившихъ назначенія, опредѣленнаго имъ Высочайшими повелѣніями, то оно очень значительно.

Въ Лифляндской губерніи всей мызной земли 2.114,462 дес., крестьянской—1.490,785 дес., а часть крестьянской земли, ожидающей назначенія, опредѣленнаго ей Высочайшимъ повелѣніемъ 13-го ноября 1860 года, составляетъ около 243,648 десятинъ.

Въ Эстляндской губерніи всей мызной земли 1.039,890 дес., крестьянской—675,815 дес., а крестьянской земли, не получившей назначенія, Всемилостивѣйше одобреннаго 9-го іюня 1846 года, около 104,250 десятинъ.

Повторяемъ то, что уже выше сказано: въ балтійскихъ губерніяхъ очень много того или другого, подлежащаго, какъ это видно изъ новѣйшихъ законодательныхъ мѣропріятій, непосредственнымъ измѣненіямъ, и земельный вопросъ

надо оставить болѣе или менѣе далекому будущему. Нельзя, однако, не упомянуть здѣсь, что когда императоръ Николай I, въ 1836 году, задумалъ улучшить бытъ крестьянъ и поручилъ это дѣло П. Д. Киселеву, впослѣдствіи графу, то тогдашній министръ финансовъ графъ Канкринъ явился тоже со своимъ проектомъ. По его мнѣнію, освобожденіе крестьянъ должно было идти «тремя ступенями», и третьею, лучшею, послѣднею ступенью — было обращеніе ихъ въ положеніе крестьянъ остзейскихъ, т. е. графъ предполагалъ освободить ихъ безъ земли и обязать обрабатывать помѣщичьи земли на основаніи договоровъ. Графъ Канкринъ, какъ извѣстно, былъ совершенно отстраненъ Императоромъ Николаемъ I отъ участія въ этомъ дѣлѣ первостепенной государственной важности, и правильное направленіе его принадлежало всецѣло Императорамъ Николаю I и Александру II.

Нарва.

Красивый видъ города. Соборъ Спасо-Преображенія. Историческое о Нарвѣ. Двѣ башни. Осада 1700 и 1704 года. Двѣ собственноручныя расправы Петра I. Анна Крамеръ. Рѣка Нарова. Штиглицовская мануфактура. Водопадъ. Осмотръ Ивангородской крѣпости и Германстерскаго замка. Историческое. Дворецъ Петра Великаго и ратуша. Кренгольмская мануфактура. Отъѣздъ къ Усть-Нарвѣ.

Очень хорошъ былъ вечеръ въ день прибытія путниковъ въ Нарву, 2 іюля, и древнія очертанія города, въ которыхъ чередовались высокія башни замковъ, купола и шпили многихъ старыхъ и далеко не старыхъ церквей выдѣлялись очень красиво по блѣдноголубому небу. При началѣ путешествія красивою декораціей, высоко надъ моремъ, располагалась по Вышгородской горѣ, поднимались шпили церквей Ревеля и рыцарская башня Длиннаго Германа; здѣсь, въ Нарвѣ, основныя черты декораціи, кромѣ моря, тѣ же, имѣется тоже башня Длинный Германъ, а, вмѣсто моря, въ скалистыхъ берегахъ шумитъ и пѣнится глубокосшняя Нарова. Надо быть совершенно несправедливымъ, чтобы не признать, что Нарва, въ своей совокупности, не исключая, конечно, водопада и мануфактуръ, одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ нашихъ, и нельзя, поистинѣ, не удивляться тому, какъ это ее, Нарву, находящуюся всего въ шести часахъ желѣзнодорожнаго пути отъ Петербурга, посѣщаютъ такъ мало. Въ ней есть что посмотрѣть, есть о чемъ вспомнить, есть чему поучиться. Нарва, въ придачу ко всѣмъ своимъ особенностямъ, имѣетъ еще и ту, что она находится въ вѣдѣніи двухъ губернаторовъ: кренгольмская мануфактура и съ полсотни городскихъ домовъ расположены въ Эстляндской губерніи, а остальное — въ Петербургской, такъ что тутъ имѣлись налицо и уѣздный исправникъ, и уѣздный гакенрихтеръ. Только съ 1-го іюня 1886 года, по дѣламъ судебнымъ, Нарва подчинена вполнѣ эстляндскому губернскому прокурору.

Городской соборъ Спасо-Преображенія, съ 1708 года православный, былъ, какъ это доказываетъ историкъ Нарвы — Гапзенъ, еще въ самомъ началѣ

XVI вѣка, въ 1502 году, единственною, за время рыцарскаго ордена, и древнѣйшею церковью города; можетъ быть, онъ существовалъ еще до рыцарей, и такъ какъ цѣлый рядъ пожаровъ и разрушеній, послѣдовательно уничтожавшихъ Нарву, никогда вполнѣ церкви этой не коснулся, то и представляетъ она, хотя и не совсѣмъ въ древнемъ обличіи, свидѣтеля временъ самыхъ далекихъ. Была она, въ свое время, католическою, сдѣлалась лютеранскою и стала, наконецъ, въ присутствіи самого Петра и его Августѣйшаго семейства, православною. Соборъ о трехъ корабляхъ, трехъ придѣлахъ; десять готическихъ шестигранныхъ столбовъ, острые парусные своды, канцель, крашеный въ голубое съ золотомъ, черепа надъ входною дверью,—напоминаютъ о его неправославномъ кладбищенскомъ происхожденіи; имѣется Царское мѣсто; запрестольный образъ изображаетъ Тайную Вечерю. Въ соборѣ до сихъ поръ сохранились надгробныя плиты 1314 года, но онѣ покрыты деревяннымъ поломъ; стѣны имѣютъ до сажени толщины. Вся алтарная часть пристроена позже и отдѣляется отъ храма стѣной съ Царскими вратами и двумя дверями. Колокольня—круглый столбъ въ двадцать четыре сажени вышины—построена въ 1642 году и строилась цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ.

Въ Нарвѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія фабрики барона Штиглица, составляющія часть величественныхъ мануфактуръ, расположенныхъ на самомъ водопадѣ и, такъ сказать, старающихся заслонить его. Здѣсь, прежде всего, любопытна лежащая въ паркѣ православная церковь, совершенно новая, красивая, освященная въ 1875 году, построенная по плану архитектора Кракау, съ шатровою колокольней, подъ которой входъ въ церковь, съ пятью луковичными куполами надъ цѣлою системой плоскихъ кокошниковъ. Внутри церкви, надъ невысокимъ двухъярусным иконостасомъ, бросается въ глаза и царитъ надъ всѣмъ храмомъ огромный фрескъ, работы Плѣшанова, съ картины Бруни, изображающій одинъ изъ моментовъ *Откровенія Іоаннова*, глава IV. Это—совершенно исключительно-видное расположеніе фреска; онъ преобладаетъ надъ всею церковью и внушительно смотритъ на молящихся своими громадными апокалипсическими изображеніями чрезвычайно благодарный архитектурный мотивъ. Справа отъ алтаря сходъ по бѣлой мраморной лѣстницѣ въ склепъ церкви, гдѣ покоятся баронъ Штиглицъ и его жена; надъ могилами ихъ бѣлыя мраморныя гробницы; множество посохшихъ цвѣтовъ и вѣнковъ съ различными надписями прислонились къ бѣлымъ мраморнымъ стѣнамъ склепа, на память о днѣ погребенія.

Отъ церкви путь къ фабрикамъ ведетъ по хорошенькимъ аллеямъ; зданія фабрикъ возвышаются надъ самой пучиной нарвскаго водопада. Несмотря на свое большое историческое прошедшее, полное самыхъ долгихъ и спорныхъ войнъ, при встрѣчѣ двухъ міровоззрѣній—славянскаго и германскаго, Нарва въ настоящую минуту питается, если можно такъ выразиться, своими мануфактурами, колоссальнѣйшими созданіями современности, какъ бы сдавившими водопадъ, одно изъ роскошнѣйшихъ явленій нашей сѣверной природы. Право, трудно разобраться въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя невольно одолѣваютъ посѣтителя: жалѣть ли о дикой, пустынной красотѣ водопада, навсегда утра-

чной? Удивляться ли, или радоваться могуществу мысли человѣка, одолѣвающей неизмѣримыя силы природы и загораживающей своею торговою предпріимчивостью эту чудесную красоту? Сто тысячъ лошадиныхъ силъ шумитъ въ водопадѣ постоянно, такъ какъ онъ низвергаетъ по 60.000 куб. футовъ въ секунду, а на 1,000 силъ нужны 600 куб. футовъ: вельми мануфактурами, стоящими надъ нимъ, взято въ работу только около 10.000 силъ (7.000 крейгольмскою и 3,000 барона Штиглица), слѣдовательно $^9/_{10}$ могущества водопада еще и теперь потрачиваются на безумный ревъ и грохотъ, на безполезное подтачиваніе несокрушимыхъ скалъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти силы долгое время гулять не будутъ.

Здѣсь, въ Нарвѣ, на шумной и быстрой рѣкѣ Наровѣ, уже съ 1223 года толпились датчане, затѣмъ нѣмцы и шведы, но еще раньше были тутъ русскіе, и мѣсто называлось Ругодивъ. Нѣмецкіе рыцари, эти крестоносные банкиры и ростовщики балтійскаго побережья, купили городокъ у датчанъ въ 1347 году. XVI и XVII столѣтія — это длинный рядъ войнъ, и самыхъ кровавыхъ, за обладаніе этимъ мѣстомъ. Іоаннъ III, въ 1492 году, ставитъ противъ нѣмецкаго замка, выспвшагося на лѣвомъ берегу Наровы, свой замокъ Ивангородъ на правомъ; оба они держатся и до сегодня въ своихъ могущественныхъ сухихъ очертаніяхъ; въ 1700 году осаждалъ Нарву, отъ сентября до ноября, Петръ I, но неудачно, и только въ 1704 году, послѣ четырехмѣсячной осады и десятидневнаго бомбардированія, взялъ и городъ, и крѣпость, въ августѣ мѣсяцѣ. Различны были дни боя въ 1700 и 1704 годахъ; въ 1700 году дула въ лицо русскимъ могучая ноябрьская снѣжная буря, и остатки отступившей арміи были спасены стойкостью новосозданныхъ полковъ, преображенскаго и семеновскаго; въ день окончательнаго покоренія Нарвы, въ 1704 году, напротивъ того, стояла ясная августовская погода. Но различіе погоды и исхода боя вполнѣ покрывались однообразіемъ послѣдствій: груды убитыхъ сваливались въ Нарову, и долгое время жители города не могли употреблять въ пищу мѣстныхъ угрей, откармливавшихся этими трупами. «Не чужая эта кровь, а русская!»—воскликнулъ Петръ, бросая, по взятіи города, свой мечъ на столъ,— мечъ, которымъ, въѣзжая въ городъ бокъ-о-бокъ съ фельдмаршаломъ-лейтенантомъ Огильви, собственноручно закололъ онъ одного изъ грабившихъ солдатъ своихъ и доказалъ этой расправой, къ какимъ средствамъ надо было прибѣгать, чтобы удержать остервенѣніе давнишней, столѣтіями вскормленной ненависти. Еще и доселѣ слышится въ Нарвѣ та могучая пощечина — о ней разсказываетъ біографъ Карла XII, Адлерфельдъ, — которую далъ Петръ Великій шведскому коменданту Горну, передъ тѣмъ, чтобы запереть его въ казематъ и заставить испытать на себѣ тѣ сладости крѣпостнаго заключенія, которыя заставлялъ онъ такъ старательно испытывать русскихъ плѣнныхъ.

Свидѣтелей обоихъ послѣднихъ фактовъ было въ свое время много: одна изъ разсказчицъ — это Анна Крамеръ, дочь нарвскаго нотаріуса. Она, вмѣстѣ съ тысячами другихъ, была нѣкогда сослана Петромъ I въ Россію, именно въ Вологду, въ то время, когда въ Царѣ явилось сомнѣніе въ вѣрности жите-

лей Нарвы и бывшаго Дерпта; жители ихъ въ 1708 году отправлены были гуртомъ въ мѣста болѣе отдаленныя, и оба города въ конецъ запустѣли. Анна Крамеръ поступила служить въ домъ генерала Апраксина, въ Казани, отъ него перешла въ Петербургъ, къ генералу Балку, а отъ него къ извѣстной Гамильтонъ, послѣ казни которой поступила на должность камерфрау къ Императрицѣ Екатеринѣ I; она сопровождала Ихъ Величества въ 1716 году въ Голландію, и когда царевичъ Алексѣй Петровичъ неожиданно скончался въ Петропавловской крѣпости, Петръ I взялъ Крамеръ съ собою въ крѣпость, гдѣ она прибрала и одѣла останки скончавшагося. Позже Крамеръ состояла при принцессѣ Наталіи, по смерти которой удалилась подъ Нарву и умерла въ глубокой старости въ 1770 году, въ имѣніи, подареномъ ей Императрицей. Слѣдуетъ вспомнить, что Императрица Екатерина I, имѣвшая своею камерфрау Крамеръ, была пріемною дочерью пробста Глюка въ близкомъ отсюда Маріенбургѣ и взята въ плѣнъ войсками Шереметева въ 1702 году.

Мало городовъ, сохранившихъ до такой степени четко планировку далекихъ дней, какъ Нарва. При небольшомъ усиліи воображенія можно составить себѣ полную картину ея средневѣковой физіономіи, хотя бы такъ, какъ изображена она въ рисункахъ Олеарія, бывшаго тутъ въ 1636 году въ теченіе однѣхъ только сутокъ; нѣкоторые рисунки, помѣщенные въ его изданіи, доставлены ему, вѣроятно, позже; но какъ не узнать въ томъ, что видно сегодня, того, что было 250 лѣтъ назадъ? Главная причина этого—въ самой мѣстности: рѣку Нарову изъ ея отвѣсныхъ, скалистыхъ береговъ отвести нельзя, и оба центральные, стародавніе замка, Ивангородъ—на одной и Длинный Германъ—на другой сторонѣ, тоже не поддаются уничтоженію. Какъ стояли они другъ передъ другомъ, на двухъ противоположныхъ берегахъ, заглядывая одинъ другому во внутреніе дворы и имѣя возможность пристрѣливать въ нихъ изъ самопаловъ кого угодно, такъ стоятъ они и сегодня, не разрушенные, а, напротивъ, поддержанные и подчищенные, и служатъ жилымъ помѣщеніемъ и мѣстомъ складовъ для нашихъ войскъ. И чѣмъ полнѣе впечатлѣніе исторической жизни, тѣмъ рѣзче контрастъ, который противополагается ей тутъ, въ одной верстѣ отъ города, на самомъ водопадѣ, двумя колоссальными мануфактурами, послѣднимъ словомъ заводской техники и науки, расположенными, какъ и два старые городскіе замка, другъ противъ друга; не болѣе какъ привѣскою къ нимъ является, если можно такъ выразиться, самъ, ветхій деньми и исторіей, городъ.

Мѣсторасположеніе кренгольмской и штиглицовской мануфактуръ очень красиво. На продолговатомъ островѣ Наровы, Кренгольмѣ, раздѣляющемъ рѣку, а, слѣдовательно, и водопадъ ея, ровно на-двое, раскинулась кренгольмская мануфактура, перерабатывающая хлопокъ; ее предстояло посѣтить на слѣдующій день. На правомъ берегу рѣки, противъ острова, помѣщаются бывшія льнопрядильная и суконная фабрики барона Штиглица, называемыя теперь «нарвскою суконною и льнопрядильною мануфактурой». Для того, чтобы посѣтить кренгольмскую, направляются изъ Нарвы лѣвымъ берегомъ Наровы и переѣзжаютъ на островъ ниже водопада черезъ мостъ многораскосной системы

на двухъ каменныхъ быкахъ, поднятый надъ стремниной на тридцать пять футовъ; чтобы проѣхать на штиглицовскую, Нарову переѣзжаютъ въ самомъ городѣ, по старому мосту, расположенному какъ разъ между укрѣпленіями Ивангорода и старонѣмецкимъ замкомъ, и направляются правымъ берегомъ.

Красивыя насажденія раскинуты кругомъ штиглицовскихъ мануфактуръ, дающихъ занятія болѣе чѣмъ 2,500 рабочимъ, съ ихъ женами и дѣтьми. Штиглицовскихъ мануфактуръ, стоящихъ рядомъ, какъ сказано, двѣ: суконная и льнопрядильная. Маленькая суконная фабрика возникла на этомъ мѣстѣ еще въ 1834 году; въ 1838 ею владѣла компанія на акціяхъ, и въ числѣ пайщиковъ значились сильные въ тѣ дни графы Бенкендорфъ и Нессельродъ; въ 1845 дѣла компаніи ликвидированы, и фабрика куплена съ торговъ барономъ А. Л. Штиглицемъ, чѣмъ обусловилось ея необыкновенно быстрое развитіе подъ прямымъ завѣдываніемъ отца и двухъ сыновей Гельцеръ. Развитіе дѣятельности суконной фабрики видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Въ 1850 году.	Въ 1885 году.
Изготовлено сукна	4,000 кускъ.	12,380 кускъ.
Рабочихъ.	600 чел.	1,006 чел.
На сумму	275.000 руб.	1.480,000 руб.

Льнопрядильная мануфактура, находящаяся по близости, основана самимъ барономъ Штиглицемъ въ 1851 году и ввѣрена управленію директора Кинцеля: ея дѣятельность выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Въ 1860 году.	Въ 1885 году.
Сдѣлано парусины	38,000 кускъ.	100,000 кускъ.
Рабочихъ.	525 чел.	1,300 чел.
На сумму	610,000 руб.	1.600,000 руб.

При обѣихъ фабрикахъ имѣются училища, больницы, библіотеки, сберегательныя кассы и пѣвческія общества, русское и эстонское; русскіе поютъ въ той церкви, въ склепѣ которой похороненъ Штиглицъ. Насколько умѣлъ покойный баронъ выбирать людей, видно изъ того, что директора, поставленные имъ во главѣ дѣла, начальствуютъ и до сегодня, а производительность мануфактуръ за двадцать пять лѣтъ увеличилась въ нѣсколько разъ.

Значительно стемнѣло, когда путники, обойдя пѣшкомъ часть мануфактуры, подошли къ самому водопаду или, лучше сказать, къ восточной половинѣ его. Крайнія струи волнъ, низвергающіяся по гранитамъ, лижутъ самыя зданія фабрики; берегъ укрѣпленъ такъ прочно, что ревъ и гулъ, пѣна и брызги только потѣшаютъ идущаго надъ ними; главная линія паденія идетъ наискось Наровы. Отъ водопада недалеко видѣнъ садъ директора, расположенный надъ стремнинами рѣки, какъ разъ противъ водопада. По водопаду спускали бревна, корзины и плоты съ пылавшимъ хворостомъ, и они поглощались съ тою же быстротою и послѣдовательностью, какъ на Кивачѣ и Иматрѣ. Разница была только въ томъ, что вода въ Кивачѣ желтовата, въ Иматрѣ темна, а въ Наровѣ она темносиняя, и бѣлизна струй на ней выдѣляется особенно ярко и отчетливо. Въ довершеніе роскошной картины вечера,

Общій видъ города Нарвы. Башня Германа, мостъ, Ивангородская крѣпость. (Ямбургск. уѣзда, СПБ. губ.).
По фот. грав. М. Рашевскій.

Нарва. Видъ отъ рѣки Наровы на соборъ.
По фот. грав. М. Рашевскій.

поверхъ водянаго чудовища всплыла полная луна и залила своимъ серебристымъ свѣтомъ и глубоко молчавшія, требовавшія отдыха, безконечныя зданія мануфактуръ, и не нуждающіеся въ отдыхѣ, потому что отдыхъ былъ бы смертью, гремящіе потоки водопада.

Въ Нарвѣ любопытенъ древне-нѣмецкій гермейстерскій замокъ, изъ котораго когда-то неоднажды летали на русскую сторону каменныя ядра; послѣднихъ много было найдено въ 1835 году и вмѣстѣ съ ними нашли 2,000 рыцарскихъ латъ и шлемовъ. При взятіи Нарвы Петромъ, нами захвачено 500 всякихъ орудій, свыше 11,000 ружей, 1,600 пистолетовъ, 8,000 пушечныхъ снарядовъ, 35,000 ручныхъ гранатъ, 2,500 центнеровъ пороху, 1,200 кирасъ и проч., что свидѣтельствуетъ о томъ, какъ прочно была вооружена крѣпость и какую важность ей придавали. Гермейстерскій замокъ, нынѣ казарма, расположенъ на небольшой возвышенности и входитъ въ общую черту укрѣпленій, въ цѣлую систему стѣнъ, дворовъ, переходовъ; собственно замокъ занимаетъ сто квадратныхъ саженъ, и надъ нимъ высятся четырехъ-угольная башня—«Длинный Германъ», получившая свое имя отъ гермейстера, построившаго ее въ срединѣ XVI вѣка; въ башнѣ шесть ярусовъ, и съ вершины ея можно очень хорошо видѣть, что дѣлается за рѣкой, внутри Ивангородской крѣпости. Она и построена для этой цѣли, и высится надъ водой на тридцать четыре, а надъ поверхностью холма на двадцать четыре сажени, при толщинѣ стѣнъ, въ нижней части до двухъ саженъ, сохранилась хорошо, но углы реставрированы. Тезка этой башни, Длинный Германъ, есть и въ Ревелѣ; тутъ, какъ и тамъ, кладка такъ хороша, что желѣзо не беретъ цемента. Изъ прежнихъ дозорныхъ вышекъ крѣпости сохранилась только одна, и, если судить по слѣдамъ арокъ, то до насъ дошли далеко не всѣ постройки; мѣстами стѣны поддержаны контрфорсами; подваловъ и казематовъ много, и лежащіе теперь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ капуста и картофель мало напоминаютъ о стонахъ и вздохахъ русскихъ людей, которые томились здѣсь, пригвожденные на цѣпь. Сохранилась цистерна въ двѣнадцать саженъ глубины, до уровня Наровы.

Противъ гермейстерскаго замка, по ту сторону Наровы, расположена Ивангородская крѣпость. Сколько разъ съ обоихъ враждебныхъ береговъ стрѣляли здѣсь на выборъ въ того или другого человѣка, наши и въ нашихъ! По теперь существуетъ нѣкоторое единеніе. Почти 400 лѣтъ тому назадъ Іоаннъ III основалъ Ивангородскую крѣпость; въ «формулярѣ» крѣпости Нарвы обозначенъ день ея построенія, а гора, на которой она построена, названа «Дѣвичьею»; построена крѣпость во время перемирія съ ливонскимъ орденомъ, иначе ее никогда не позволили бы выстроить. Много разъ переходили какъ Ивангородъ, такъ и Нарва изъ рукъ въ руки, отъ русскихъ къ шведамъ и обратно. Насколько готовыми ежеминутно къ бою жили тутъ люди, видно изъ того, что однажды, въ 1558 году, когда въ Нарвѣ вспыхнулъ страшный пожаръ, русскіе неожиданно перешли рѣку и взяли городъ. Когда, въ 1590 году, царь Ѳедоръ Ивановичъ, какъ побѣдитель, въѣзжалъ въ Ивангородъ, то въѣзжалъ онъ въ очень любопытной каретѣ, имѣвшей печь съ трубой, и

карету везли люди; въ 1611 году былъ здѣсь свой Лжедимитрій, дьяконъ Исидоръ. Двое изъ лицъ, получившихъ здѣсь историческое имя, отправились отсюда на вѣчный покой въ ревельскія церкви: одинъ изъ нихъ Понтусъ-де-ла-Гарди, шведскій полководецъ, утонувшій въ Наровѣ, потому что отъ рева пушекъ Ивангородской крѣпости старое судно, на которомъ онъ находился, разсѣлось, а другой — герцогъ де-Кроа, принятый къ намъ герцогъ, начальствовавшій надъ нашими войсками подъ Нарвой въ 1700 году, во время ихъ пораженія, и лежавшій въ Ревелѣ не одинъ десятокъ лѣтъ неохороненнымъ.

И здѣсь, какъ въ гермейстерскомъ замкѣ, любопытны старыя тройныя стѣны, трехъ- и четырехъярусныя башни, которыхъ числомъ десять; Успенская церковь, почти прислонившаяся къ крѣпостной стѣнѣ, славится чудотворной иконой Тихвинской Божіей Матери, ликъ которой послѣ пожара остался «въ попелѣ цѣлъ», какъ говоритъ псковская лѣтопись; имѣется въ крѣпости и обыденная церковь или часовня, времени Іоанна IV, но древняго въ ней, кажется, одни только воспоминанія. За крѣпостью расположены: больница лифляндскаго земства на пятнадцать кроватей и богадѣльня почетнаго гражданина Орлова на двадцать человѣкъ женщинъ и мужчинъ.

Нарвскій дворецъ Петра Великаго—это небольшое зданіе, съ балкона котораго—прелестный видъ на Нарову, Ивангородскую крѣпость и форштадты, замѣчательно по цѣльности впечатлѣнія, имъ производимаго; зданіе, въ особенности относительно внутренняго убранства, должно быть отнесено къ образчикамъ самымъ характернымъ, дающимъ понятіе о внутреннемъ видѣ дома довольно богатаго человѣка конца XVII, начала XVIII вѣка. Зданіе пріобрѣтено въ собственность казны отъ одного изъ нарвскихъ бюргеровъ въ 1726 году, принадлежитъ съ 1865 года нарвскому археологическому обществу, и, если не считать кое-какой мебели новѣйшаго издѣлія, внесенной въ него сравнительно недавно, сохранило свою типичность вполнѣ. Оно двухъэтажное, съ подъѣздомъ на четырехъ колонкахъ, и весь интересъ сосредоточивается въ верхнемъ этажѣ, къ которому приходится подняться изъ сѣней по невысокой лѣстницѣ. Здѣсь имѣются: прихожая, зала и семь комнатъ. Плафонъ прихожей снабженъ изображеніями и надписями, ихъ сопровождающими: изображенъ руль и при немъ дано объясненіе—«надъ водами власть имѣетъ», горящая бомба—«горе кому достанется», якорь — «ничто сего не страшитъ», пила, на одномъ концѣ ея мечъ, на другомъ медаль или деньга, подпись: «что сіе можетъ»; менѣе понятны слѣдующія два изображенія: двухъэтажная башня съ надписью:—«непостоянство мнѣ порочно», и купидонъ, парящій на орлѣ,—«высокі іщетъ». Художественнаго достоинства въ изображеніяхъ нѣтъ никакого, что можетъ быть сказано и относительно громаднаго парусиннаго плафона, съ изображеніями Минервы и другихъ фигуръ, покрывающаго залу, но характерности очень много. Въ залѣ замѣчательны: массивный шкапъ 1647 года, въ которомъ хранится дубинка Петра, бокалы и т. п., и прочая мебель; вѣроятно, современны, но плохи портреты Петра I, Екатерины I, Карла XII и князя Меншикова; очень жестка и неудобна кровать Петра I, подъ завѣсью; любопытны

голландскіе ландшафты съ видомъ Нарвскаго водопада до постройки на немъ мануфактуръ, угломѣрные инструменты, бюро Петра I, 1702 года, восьмиугольный столъ съ изображеніемъ на немъ Балтійскаго моря масляною краской, гробъ какого-то шведскаго полковника, тоже относящійся почему-то къ мебели, и пр. Въ одной изъ комнатъ помѣщена коллекція древностей нарвскаго археологическаго общества,—прекрасное собраніе монетъ.

Еще типичнѣе общее впечатлѣніе городской ратуши. Передъ нею, какъ и подобаетъ, площадь; лѣстничка съ крутыми ступенями, крыша съ крутыми скатами, башенка съ фонарикомъ надъ срединой фасада, и много, много воспоминаній. Въ большой залѣ подобающіе портреты, звѣздное небо, зодіакъ, опять-таки парусинный, раскрашенный аллегоріями, плафонъ; тутъ, въ этой залѣ, согласно одному изъ преданій, далъ Петръ I знаменитую пощечину коменданту Горну. Совершенно переноситъ посѣтителя въ былое время зала магистрата со всею старинною обстановкой, съ массивными сѣдалищами, обитыми краснымъ сукномъ; подлѣ стола три сѣдалища: на среднемъ сидѣлъ бургграфъ, сбоку бургомистръ юстиціи, съ другого бургомистръ полиціи, на десяти боковыхъ мѣстахъ сидѣли ратманы. Кто-то будетъ сидѣть на этихъ стульяхъ въ скоромъ времени памятью магистрата и фохтейскаго суда? Нарва—Петербургской губерніи, но только еще недавно получилъ въ ней подобающее значеніе русскій элементъ: въ здѣшней думѣ, кажется, сорокъ два человѣка, изъ нихъ голова и тридцать гласныхъ — русскіе; но что скажутъ слѣдующіе выборы? Тяготѣніе многихъ, даже въ Нарвѣ, близехонько къ Петербургу, вовсе не на востокъ. Передъ ратушею, въ 1874 году, открытъ памятникъ Петру Великому; это чугунный обелискъ на гранитномъ пьедесталѣ съ надписями по-русски и по-латыни: «Петру Великому городъ Нарва, 1872 годъ».

Около полудня, покинувъ ратушу и осмотрѣвъ вольную пожарную команду, путники направились въ кренгольмскую мануфактуру. Опять открылся водопадъ, только другая, западная половина его, и массивныя, сплоченныя зданія другой мануфактуры; всѣ безсчетные механизмы ея находились въ дѣйствіи, и осмотръ представлялъ большой интересъ. Островокъ Кренгольмъ, лежащій между двухъ водопадовъ-близнецовъ, еще по геніальному соображенію Петра I, представлялъ всѣ удобства для устройства на немъ фабрики; до пятидесятыхъ годовъ тутъ стояли только два первобытные лѣсопильные завода, а въ 1856 году устроена компаніей бумаго-прядильная и ткацкая мануфактура. Въ настоящее время въ ней работаетъ 350,000 веретенъ, ткацкихъ станковъ 2,200, вырабатывается 480,000 пудовъ пряжи, изображающей изъ себя 30.000,000 аршинъ, которые могли бы уложиться между Петербургомъ и Москвой болѣе чѣмъ тридцать три раза! Водяные двигатели въ 7,000 силъ, рабочихъ 5,000 человѣкъ, и когда все это пущено въ ходъ, стучитъ, гремитъ и свищетъ, вдоль помѣщеній, обходъ которыхъ составляетъ около восьми верстъ, зрѣлище представляется дѣйствительно внушительнымъ. Это одна изъ самыхъ большихъ мануфактуръ земнаго шара, и по порядкамъ, въ ней существующимъ, по устройству помѣщеній для рабочихъ, школы, больницы и проч., не оставляетъ желать ничего лучшаго; въ сберегательной кассѣ положено рабочими около

250,000 рублей. Островъ Кренгольмъ, а слѣдовательно и мануфактура, входятъ, какъ сказано, въ составъ Эстляндской губерніи, и здѣсь опять, вмѣсто исправника, имѣется налицо гакенрихтеръ.

По осмотрѣ города, къ шести часамъ вечера, путешественники находились на пароходной пристани, чтобы спуститься по рѣкѣ къ Усть-Наровѣ — Гунгербургу. Погода благопріятствовала вполнѣ, и пароходикъ отчалилъ весело.

Усть-Нарова или Гунгербургъ. Ямбургъ.

Рѣка Нарова. Таможенная флотилія. Мѣновая торговля. Гунгербургъ. Приморскія купанія. Историческое. Гросгольмъ. Памятникъ русскимъ воинамъ. Отъѣздъ въ Ямбургъ.

Берега Наровы, между городомъ Нарвою и устьемъ рѣки, довольно низки; правый берегъ—Петербургская губернія, немного выше и лѣвѣе, лѣвый—Эстляндская, оголенъ значительно болѣе, и сосновый лѣсъ появляется только близъ самаго моря. Здѣсь, на балтійскомъ побережьи, гдѣ многое такъ исключительно, на долю пограничной стражи выпало слѣдить за однимъ изъ античнѣйшихъ видовъ торговли, за торговлею мѣновою, между Финляндіею и Эстляндскою губерніею, сохранившеюся отъ далекой древности до нашихъ дней. Мѣновые торги эти, преимущественно сырыми продуктами, имѣютъ мѣсто осенью и весною и продолжаются отъ двухъ до четырехъ недѣль въ Нурцѣ, Магольмѣ, Тольсбургѣ, Вайнолѣ, Верки, Каспервикѣ, Везо, Гаррѣ, Эзо и Фалѣ; такъ какъ они возникли въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для сообщенія моремъ, то и совпали съ мѣстами расположенія пограничной стражи, подъ надзоромъ и контролемъ которой и производятся. Необходимость подобнаго рода надзора и создала здѣсь цѣлую крейсерскую флотилію.

Не далѣе какъ въ $^3/_4$ часа пути на пароходѣ отъ Нарвы (отъ Петербурга до Нарвы по балтійской желѣзной дорогѣ, со скорымъ поѣздомъ, $3^3/_4$ часа ѣзды), въ западномъ углу, образуемомъ впаденіемъ свѣтловодной Наровы въ Финскій заливъ, противъ сліянія съ Наровой любопытной рѣки Россони, текущей параллельно заливу и соединяющей рѣки Лугу и Нарову и имѣющей стратегическое значеніе, расположена Усть-Нарова, по-нѣмецки Гунгербургъ.

Только двадцать лѣтъ тому назадъ бывшій въ то время городскимъ голо-

вою Нарвы А. Ѳ. Ганъ подалъ примѣръ постройки здѣсь первыхъ дачъ. До того Гунгербургъ, хотя и имѣющій многія почтенныя историческія воспоминанія, представлялъ изъ себя небольшую деревушку, заселенную бо́льшею

Усть-Нарова (Гунгербургъ). Храмъ св. Владиміра.

частью рыбаками и лоцманами. О прежней невзрачности этого мѣста свидѣтельствуетъ также и нѣмецкое названіе, напоминающее о томъ, что люди этой мѣстности жили впроголодь, что это было не то пустырь, не то—«голодное»

городище; такъ, по крайней мѣрѣ, относились къ нему богатые въ тѣ годы ганзейцы, давшіе мѣсту названіе. На противоположномъ берегу Наровы лежалъ другой бургъ, называвшійся Магербургомъ, носившимъ кличку отъ чьей-то «худобы». О какихъ-либо дачахъ, до построекъ А. Ѳ. Гана, здѣсь не было и помину. Только въ сосѣднемъ Шмецке имѣлось нѣсколько небольшихъ домиковъ, скромныхъ виллежіатуръ нарвскихъ горожанъ, которыя возникли тутъ съ легкой руки нѣкоего Шмецке, стараго блюхеровскаго ветерана, перваго поселенца этого пустыннаго побережья, передавшаго мѣсту и его названіе. Говорятъ, что тутъ было мѣсто контрабандное. Западнѣе Шмецке, близко другъ

Усть-Нарова. Берегъ моря.

къ дружкѣ, расположены старшіе собратья Усть-Наровы—Меррекюль, Удріасъ, Вайвара, Корфъ и Силламяги.

Удачному примѣру А. Ѳ. Гана тогда же послѣдовали—Кольбе, Сириціусъ, Лаврецовъ, многіе изъ Нарвы и Петербурга, и пустынное еще такъ недавно побережье оживилось замѣчательно быстро.

Устроился этотъ уютный уголокъ—съ прилегающей къ нему полосой Шмецке—въ предѣлахъ Эстляндской губерніи, на мызной землѣ принадлежащаго городу Нарвѣ вотчиннаго или рыцарскаго имѣнія Куттеркюль, на участкахъ отъ ста до тысячи и болѣе квадратныхъ саженъ, отдаваемыхъ въ непрерывную наслѣдственную аренду—на чиншевомъ правѣ—по $1^1/_2$ коп. за квадратную сажень въ годъ, что составитъ 36 руб. за десятину.

Въ августѣ 1873 года въ Нарвѣ было введено новое тогда городовое

положеніе. Нарвское городское общественное управленіе воспользовалось предоставленной ему этимъ положеніемъ самостоятельностью, составило планъ заселенія прилегающей къ морю полосы своей мызной земли, раздѣлило ее на участки, прорубило дороги, провело канавы, прорѣзало черезъ дюны выходы къ морю и пригласило желающихъ брать участки въ вѣчную аренду, какъ выше сказано, по 1½ коп. за квадр. сажень въ годъ — сперва безъ особой единовременной платы, а впослѣдствіи — по 100 руб., и по 500 руб. за мѣсто, такъ сказать, вступныхъ. Нарвское городское управленіе отнеслось къ начатому имъ хорошему дѣлу вполнѣ толково и способствовало, насколько позволяли ему средства, устройству имѣнія: поддержаніемъ путей, содержаніемъ сторожей, отводомъ помѣщенія для почтово-телеграфнаго отдѣленія, а главное, что весьма важно, оно не стѣсняло поселенцевъ Гунгербурга и Шмецке часто ненужными и нерѣдко отяготительными порядками. Развитіе мѣстности замѣтно сказалось въ томъ, что уже въ 1876 году построено небольшое заведеніе теплыхъ ваннъ, въ 1878 небольшой дачный водопроводъ, а въ 1881 году кургаузъ съ рестораномъ и меблированными комнатами. Въ 1886 году, 17-го августа, при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, выгорѣла бо́льшая часть стараго Гунгербурга, и пожаръ способствовалъ ему, какъ и Москвѣ, къ украшенію. Изъ лабиринта прежнихъ переулковъ и закоулковъ вышли прямыя улицы и площадь съ недурными домами. Но немалаго труда представляло уговорить

Усть-Нарова. Гавань. Маякъ.

болѣе сорока лицъ отказаться добровольно отъ своихъ старыхъ грунтовъ и согласиться на новые; задачу эту рѣшилъ блестящимъ образомъ предсѣдатель комиссіи по благоустройству Гунгербурга, нынѣшній нарвскій городской голова, В. П. Цвѣтаевъ. Можетъ быть, было бы недурно, если бы нарвское городское управленіе воспользовалось, какъ помѣщикъ Гунгербурга, 883 ст. 3 п. св. мѣст. узак. губ. остзейск., правомъ учреждать въ предѣлахъ своего имѣнія мѣстечки, и, оставивъ за собой доходы, предоставило Гунгербургу отдѣльное самостоятельное управленіе.

Быстрому росту Усть-Наровы способствовало много причинъ, и должно сказать, что одною изъ весьма важныхъ является то участіе къ однажды начатому дѣлу, которое проявлялъ и постоянно проявляетъ А. Ѳ. Ганъ, считая, вполнѣ по праву, Гунгербургъ за свое дѣтище. Главною причиною, однако, является характеръ самой мѣстности. Здѣсь, въ этомъ углу Наровы и моря, слиты воедино два очень важныхъ гигіеническихъ фактора: чистая боровая мѣстность, исключительно сосна, по глубокому песку, безъ мѣшающихъ фильтраціи воды подземныхъ наслоеній, и морской воздухъ, обвѣвающій эту мѣстность. Въ Гунгербургѣ процвѣтаетъ одна только сосна, исключая, конечно, деревьевъ, насажденныхъ въ садахъ, тогда какъ непосредственно подлѣ Шмецко появляется ель и многія лиственныя деревья, что, уже само по себѣ, свидѣтельствуетъ о значительно большой сырости почвы. Гунгербургъ тянется вдоль моря узкою полосою, а за нимъ, поясомъ версты въ четыре, чистѣйшій сосновый боръ; это—«легкія» Гунгербурга. Самый берегъ—«плажа», тянущаяся на 5 верстъ, въ совершенную противоположность сѣверному побережью Финскаго залива—отъ Терріокъ до Сестрорѣцка и далѣе, усѣянному валунами, такъ что ходить по берегу нельзя, отличается безусловнымъ отсутствіемъ камней, какъ «плажи» Трувилля, Діеппа и др.

Въ настоящее время въ Гунгербургѣ болѣе 300 дачъ, самыхъ разнообразныхъ стилей, размѣровъ и т. д.; почти всѣ онѣ меблированы и снабжены посудой, а хорошіе ледники обезпечиваютъ сохраненіе провизіи; существуютъ пансіоны. Дачи, пансіоны и кургаузъ, имѣющій тоже пансіонъ и ресторанъ, помѣщаютъ болѣе 400 семействъ пріѣзжихъ. Врачи, аптека, морское купанье, водолѣчебница, почтово-телеграфное сообщеніе, нѣкоторое количество необходимыхъ магазиновъ, какъ въ Гунгербургѣ, такъ и въ Нарвѣ, музыка утромъ и вечеромъ играющая поочередно въ кургаузѣ и на берегу моря,—все это довольно необходимыя для курорта подспорья. Устраиваются также красивыя экскурсіи — вдоль по берегу моря, къ Нарвскому водопаду и его колоссальнымъ, образцово устроеннымъ тремъ мануфактурамъ: суконной и льнопрядильной, бывшимъ барона Штиглица, и кренгольмскимъ — бумагопрядильной и ткацкой. Для любителей охоты и рыбной ловли здѣсь раздолье, и въ этомъ отношеніи очень почтенное мѣсто занимаютъ тихая рѣка Россонь и Тихое озеро; недалеко, въ Смолкѣ, на полпути пароходомъ до Нарвы,—прекрасный лѣсъ и изобиліе грибовъ. Помимо обычной музыки, по воскресеньямъ составляются въ кургаузѣ танцовальные вечера, а по средамъ — дѣтскія собранія.

Гунгербургскій оркестръ—воспитанники нарвскаго музыкальнаго общества, основаннаго въ 1884 году, по почину Е. М. Козницова. и состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ великаго князя Владиміра Александровича: въ школѣ общества около 70 воспитанниковъ, бюджетъ достигаетъ 7,000 руб., оркестръ школы игралъ, въ 1893 году, въ петербургскомъ «Акваріумѣ». Недурна, повидимому, мысль преобразовать эту школу въ капельмейстерское училище, для выпуска изъ нея въ войска совершенно подготовленныхъ людей, что облегчило бы замѣну весьма многочисленныхъ иностранцевъ — русскими.

Мѣстность отъ Нарвы до моря полна для русскихъ самыхъ священныхъ воспоминаній о Петрѣ Великомъ. Еще далѣе, въ глубь исторіи, во времена сѣдыя, въ 1223 году, сновали тутъ датчане, нѣмцы и русскіе, и мѣстность называлась Ругодивъ; въ 1492—царь Іоаннъ III поставилъ противъ нѣмецкаго замка, такъ называемаго «Длиннаго Германа», свой замокъ — Ивангородъ, — и стоятъ они теперь другъ противъ друга, но не врагами, а мирными созерцателями. Кто не помнитъ знаменитыхъ двухъ нарвскихъ боевъ 1700 и 1704 годовъ? По пути отъ Нарвы къ Гунгербургу лежитъ островокъ Гросгольмъ, и на немъ имѣется небольшой, слишкомъ небольшой, памятникъ Петру I, поставленный ко дню 200-лѣтія, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ, по преданію, великій государь сидѣлъ передъ взятіемъ Нарвы и слѣдилъ за движеніемъ войскъ.

Рѣка Нарова служитъ большую службу тремъ вышеназваннымъ громаднымъ фабрикамъ, работающимъ силою ея водопада; обширную лѣсную торговлю ведутъ въ Усть-Наровѣ съ заграницею Кочневъ и Зиновьевъ. Фирма Зиновьевъ и комп. имѣетъ, кромѣ лѣсопильныхъ, машиностроительный заводъ значительныхъ размѣровъ; фирма Кочневъ содержитъ пароходство по Наровѣ, самъ П. А. Кочневъ—основатель и попечитель мѣстнаго училища.

Регулировали Нарову еще при Екатеринѣ II, и кое-гдѣ замѣтны и до сегодня сваи, вбитыя при графѣ Минихѣ въ 1764—1765 годахъ; производятся нѣкоторыя работы и теперь. Очень замѣтны въ устьѣ Наровы сваи, очертанія брустверовъ и батареи 1855 года, когда Усть-Нарову, безъ всякой цѣли и пользы, въ теченіе шести часовъ бомбардировала англійская эскадра.

За ближайшее время скромный Гунгербургъ дважды оживлялся небывалою жизнью. Въ 1886 году, 3-го іюля, его посѣтили великій князь Владиміръ Александровичъ и великая княгиня Марія Павловна, во время путешествія Ихъ Высочествъ по прибалтійскимъ губерніямъ. Въ 1890 году, 5-го августа, Гунгербургъ былъ осчастливленъ прибытіемъ Императора Александра III и Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ сопровожденіи другихъ высочайшихъ особъ, по случаю закладки храма во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра. Храмъ этотъ построенъ архитекторомъ Ивановымъ, освященъ 17-го августа 1893 года и стоитъ на лѣвомъ возвышенномъ берегу Наровы, красуясь и производя отрадное впечатлѣніе на всѣхъ приближающихся къ Гунгербургу по величественной Наровѣ или со стороны моря, откуда виденъ, какъ и маякъ, очень далеко.

Въ 1894 году въ Гунгербургѣ сдѣлано было важное улучшеніе: вмѣсто устарѣлаго заведенія теплыхъ морскихъ ваннъ, построена вблизи кургауза во-

долѣчебница, принадлежащая д-ру Э. Е. Кругу, въ которой, кромѣ обыкновенныхъ теплыхъ морскихъ и рѣчныхъ ваннъ, можно имѣть ванны грязевыя, паровыя, электричество, массажъ, души Шарко изъ теплой и студеной до замерзанія воды, и проч.

Гунгербургъ, какъ передовая гавань-портъ Нарвы, имѣетъ маякъ, лоцманскую команду, землечерпальную машину (имени министра финансовъ С. А. Грейга), спасательную станцію. Въ 1894 году посѣтило портъ 60 пароходовъ и 43 корабля иностраннаго плаванія, въ 56,826 тоннъ. Привозятся: хлопокъ, джутъ, уголь, чугунъ, машины; вывозятся: брусья, шпалы, доски.

Для дальнѣйшаго развитія Гунгербурга и укрѣпленія за нимъ характера серьезнаго курорта имѣется въ виду:

1) Сдѣлать лѣсъ, подходящій однимъ угломъ къ кургаузу, въ центрѣ Гунгербурга, заповѣднымъ лѣсомъ, чтобы эти 400 десятинъ сосноваго насажденія не рубились, не застраивались и навсегда оставались мѣстомъ прогулки больныхъ и здоровыхъ, ищущихъ успокоенія и отдохновенія.

2) Провести желѣзную дорогу отъ нарвской станціи балтійской желѣзной дороги до Гунтербурга, Шмецке и Меррекюля—не входя непосредственно въ эти мѣста, боящіяся всякаго шума и движенія, но только подходя къ нимъ.

3) Построить евангелическо-лютеранскую капеллу для Богослуженія въ лѣтнее время какъ для дачниковъ евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія, такъ и для мореходовъ, посѣщающихъ портъ Гунгербургъ въ довольно большомъ числѣ.

Въ заключеніе, подумавъ о томъ, сколько русскихъ милліоновъ уходятъ ежегодно въ заграничные курорты, нельзя не порадоваться тому, что въ Гунгербургѣ остается, такъ сказать, дома, ежегодно до полумилліона денегъ, привозимыхъ дачниками въ теченіе лѣта и идущихъ всецѣло на крестьянскія и помѣщичьи сельскія хозяйства, на культуру ближайшихъ къ Гунгербургу мѣстностей.

Въ девять часовъ утра 4-го іюля, до отправленія изъ Нарвы въ дальнѣйшій путь, въ Ямбургъ, послѣдній изъ городовъ, предстоявшій посѣщенію, прослѣдовали къ памятнику на могилѣ нашихъ воиновъ, павшихъ при взятіи Нарвы 9-го августа 1704 года. Памятникъ этотъ, желѣзный крестъ, поставленъ очень красиво на древнемъ валу «Викторія», съ котораго начался штурмъ. Къ памятнику подходятъ по саду, составляющему одно изъ украшеній Нарвы и раскинутому вдоль высокой террасы, тянущейся надъ Наровою. Видъ изъ этого сада на рѣку, на Ивангородъ, на Длиннаго Германа, на самый городъ—замѣчательно хорошъ. Терраса упирается въ небольшой павильонъ и подлѣ него стоитъ самый памятникъ. Очертаніе стараго вала замѣтно очень хорошо; тутъ была сдѣлана брешь, сюда подносили каторжники, за этотъ подвигъ прощенные, штурмовыя лѣстницы; отсюда очень хорошо видна вся мѣстность аттаки, брешь батареи противоположнаго берега и мѣсто переправы. Ясный солнечный день и удивительная прозрачность воздуха обусловливали возможность видѣть всѣ детали мѣстности; извѣстная картина Коцебу «Взятіе Нарвы» передаетъ ее очень хорошо. Самый памятникъ

очень простъ и перенесенъ на это мѣсто только въ 1882 году; разсказывали, будто прежде на немъ была другая надпись; нынѣшняя гласитъ о «храбрыхъ воинахъ», прежняя говорила о «русскихъ воинахъ». Теперь сдѣлано распоряженіе о возстановленіи прежней редакціи.

Ямбургъ—это самый восточный пунктъ, до котораго по балтійскому побережью доходили когда-то нѣмецкіе рыцари, да и то не въ качествѣ настоящихъ, чистокровныхъ, строевыхъ, а въ лицѣ авантюриста Финка, въ 1444 году, дважды напали на русскихъ и оба раза были отбиты. Ямбургъ совершенно такъ же невзраченъ, какъ и Гдовъ; тамъ незначительная рѣка Гдова и очень видные остатки древнихъ укрѣпленій, тутъ раздѣляющая городокъ на двѣ части Луга, древнѣйшій путь новгородцевъ къ Финскому заливу, и очень мало слѣдовъ древнихъ рвовъ и валовъ; тамъ сосѣдство непривѣтливаго Чудскаго озера и совершенная удаленность отъ всякихъ путей,—тутъ балтійская желѣзная дорога, пять часовъ пути отъ Петербурга и, все-таки, глубочайшая непричастность къ жизни, какое-то странное отшельничество на торномъ и довольно бойкомъ пути. И несмотря на это, Ямбургъ не лишенъ своеобразной типичности и, даже, исключительности. Здѣсь, въ Ямбургѣ, центръ приземистыхъ городскихъ построекъ составляетъ огромная шестигранная площадь, обставленная со всѣхъ сторонъ огромнымъ каменнымъ сооруженіемъ — казармою. Когда-то зданіе это принадлежало бумагопрядильной фабрикѣ Реша и взято въ казну за неустойку; это—монументальный центръ небольшаго городка. Ямбургъ и Копорье, какъ извѣстно, были подарены въ 1710 году князю Меншикову. Большимъ подспорьемъ бѣдныхъ жителей Ямбургскаго уѣзда въ наши дни является кормленіе дѣтей воспитательнаго дома, число которыхъ достигаетъ тутъ до 5,000.

Городской соборъ съ пятью куполами и довольно вычурною колокольнею; онъ построенъ при Екатеринѣ II и освященъ въ 1782 году; иконостасъ въ три яруса, надъ престоломъ сѣнь, покоящаяся на темныхъ мраморныхъ колоннахъ; иконъ въ соборѣ немного, и впечатлѣніе довольно слабое. Легенда гласитъ, что тутъ думали поставить лютеранскую церковь и одновременно съ этимъ православный храмъ въ Лугѣ, но случилось нѣчто странное: планы обмѣнили и православная соборная церковь близкой отсюда Луги имѣетъ видъ лютеранской, а ямбургскій соборъ—несомнѣнно православныхъ очертаній.

Въ Ямбургѣ имѣются: городское училище и земская больница на сорокъ кроватей, безусловно одна изъ лучшихъ земскихъ больницъ Россіи, недавно отстроенная.

Прибалтійскій край за послѣднее десятилѣтіе.

Картина прежняго времени за послѣднія десять лѣтъ измѣнилась въ балтійскомъ краѣ настолько, въ особенности въ отношеніи успѣховъ православія и народнаго образованія, что оказалось необходимымъ въ заключеніе помѣстить слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія, позаимствованныя частью изъ мѣстныхъ газетъ, частью же изъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія.

Православіе въ прибалтійскомъ краѣ къ 1896 году сдѣлало значительные успѣхи. Такъ, число православныхъ приходовъ увеличилось шестью новыми: лайѣсарскимъ, кастаскимъ, сайковскимъ, лезинскимъ, куимецкимъ и валкскимъ. Въ настоящее время въ краѣ имѣется 195 православныхъ приходовъ, тогда какъ въ 1836 году, при открытіи рижскаго викаріатства, число православныхъ приходовъ не превышало 19; въ 1850 году при открытіи самостоятельной рижской епархіи приходовъ имѣлось уже 115, въ 1860 году—136, а при вступленіи въ управленіе рижской епархіей высокопреосвященнаго Арсенія—169.

Немаловажное значеніе для православія имѣло учрежденіе въ 1896 году въ Ригѣ перваго въ прибалтійской епархіи мужскаго монастыря Алексѣевскаго. Въ настоящее время въ краѣ существуютъ уже 4 монашескихъ обители:—2 въ Лифляндской, 1—въ Курляндской и 1—въ Эстляндской губ.

Что касается церковно-строительнаго дѣла, то закономъ 21 ноября 1889 года опредѣлено отпускать на церковно-строительное дѣло въ этомъ краѣ, въ теченіе шесть лѣтъ, по 70,000 руб. ежегодно. Такимъ образомъ, съ 1895 годомъ закончилось дѣйствіе этого кредита, вслѣдствіе чего 27 ноября 1895 года Высочайше повелѣно: отпускать изъ государственнаго казначейства, въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1 января 1896 года, по 50,000 рублей въ годъ на церковныя постройки въ рижской епархіи.

Изъ строившихся церквей слѣдуетъ упомянуть эдинбургскую, на *рижскомъ*

взморьи, снаружи совершенно законченную весною, а внутри — лѣтомъ 1896 года. Всего израсходовано было на ея сооруженіе 7,411 рублей. Въ *Юрьевѣ* въ томъ же году была закончена постройкой полковая церковь для красноярскаго полка. Продолжались постройки и въ нѣкоторыхъ сельскихъ пунктахъ.

Церковныхъ братствъ и попечительствъ въ прибалтійскомъ краѣ имѣлось къ 1896 году 18, а именно: прибалтійское, состоящее подъ Высочайшимъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны покровительствомъ; его отдѣленія: феллинское, верроское, вольмарско-сергіевское, вольмарско-всѣхсвятское (Валкъ), гольдингенское, гривское, якобштадтское николаевское, эстляндское, іеввенское; самостоятельныя братства: петропавловское, венденское спасо-преображенское, такерортское успенское, эзельское св.-николаевское, либавское св.-николаевское, туккумо-тальсенское, кальценауское, маріенбургское свято-троицкое.

Что касается народнаго образованія, то до 1886 года всѣ сельскія лютеранскія училища и учительскія семинаріи дерптскаго (рижскаго) учебнаго округа, содержимыя на мѣстныя средства, находились въ завѣдываніи министерства внутреннихъ дѣлъ и управлялись особыми коллегіальными учрежденіями;. преподаваніе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ двухъ правительственныхъ учительскихъ семинарій: юрьевской и гольдингенской, велось на нѣмецкомъ языкѣ. Тотъ же языкъ преподаванія практиковался въ уѣздныхъ училищахъ, женскихъ школахъ, реальныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Естественно, что при такой постановкѣ учебнаго дѣла не только мѣстное населеніе не могло научиться государственному языку, но и проживающіе въ краѣ русскіе стали забывать родной языкъ. Поэтому правительствомъ было обращено серьезное вниманіе на постановку учебныхъ заведеній прибалтійскихъ губерній, и въ 1884 году былъ выработанъ планъ постепеннаго ихъ преобразованія. Преобразованіе началось съ городскихъ низшихъ училищъ. До 1881 г. въ бывшемъ дерптскомъ округѣ не существовало ни одного городского училища по положенію 1872 г. съ русскимъ языкомъ преподаванія. Даже послѣ 1881 года, вопреки закону, воспрещавшему открывать новыя уѣздныя училища, въ виду преобразованія всѣхъ существующихъ въ городскія, въ прибалтійскихъ губерніяхъ открывались уѣздныя училища. Желая прежде всего доставить возможность изученія русскаго языка городскому населенію, министерство народнаго просвѣщенія озаботилось учрежденіемъ городскихъ училищъ по положенію 1872 г. съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ. Въ промежутокъ между 1881 и 1884 годами открыты городскія училища въ Ригѣ, Ревелѣ и Юрьевѣ; затѣмъ въ такія же преобразованы уѣздныя училища: второе ревельское, гапсальское, везенбергское, вейсенштейнское, венденское, вольмарское, валкское, феллинское, якобштадтское, туккумское, газенпотское, бауское, фридрихштадтское и виндавское, и вновь учреждены городскія училища: въ Илукстѣ, Либавѣ, Митавѣ, Тальсенѣ, Перновѣ и др. Въ настоящее время въ округѣ существуетъ 27 городскихъ училищъ, лишь незначительно отличающихся отъ такихъ же училищъ въ другихъ мѣст-

ностяхъ Имперіи. Во всѣхъ этихъ училищахъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, обученіе на обще-русскихъ основаніяхъ въ мужскихъ городскихъ училищахъ, приступили къ преобразованію въ томъ же направленіи и женскихъ училищъ. Законами 23 мая 1889 г. и 17-го апрѣля 1890 года было введено обязательное обученіе на русскомъ языкѣ всѣмъ предметамъ, кромѣ Закона Божія евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, во всѣхъ мужскихъ и женскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ допущено послѣдовательное примѣненіе этой мѣры въ теченіе пяти лѣтъ, такъ, чтобы къ началу 1895 года все преподаваніе въ частныхъ школахъ велось на русскомъ языкѣ. Главнымъ же предметомъ заботъ министерства было учрежденіе въ округѣ такого низшаго женскаго учебнаго заведенія, которое могло бы послужить прототипомъ для всѣхъ женскихъ училищъ. Лучшимъ и болѣе подходящимъ для этой цѣли было признано Маріинское женское училище. Нынѣ такихъ училищъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ существуетъ два: юрьевское и якобштадтское.

Вмѣстѣ съ открытіемъ и преобразованіемъ городскихъ училищъ совершалось и преобразованіе мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. До времени реформъ во всемъ округѣ насчитывалось всего четыре русскихъ учебныхъ заведенія съ курсомъ среднихъ: мужскія гимназіи въ Ригѣ и Ревелѣ и женскія: рижская Ломоносовская и ревельская. Въ 1886 году открыты: обширное русское реальное училище Петра I въ Ригѣ и прогимназія въ Полангенѣ; въ 1894 г. женская гимназія въ Перновѣ и въ 1895 г. такая же гимназія въ Митавѣ. Ко всѣмъ этимъ учебнымъ заведеніямъ примѣнены уставы среднихъ учебныхъ заведеній Имперіи. Въ 1887 г. (10-го апрѣля) Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ во всѣхъ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ дерптскаго (рижскаго) округа, въ которыхъ до сихъ поръ языкомъ преподаванія былъ нѣмецкій, если служащіе и учащіе въ этихъ заведеніяхъ пользовались правами и преимуществами, предоставленными правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ.

За воспослѣдованіемъ этого закона началась постепенная замѣна преподавателей, не знавшихъ русскаго языка, другими, вполнѣ подготовленными къ преподаванію на русскомъ языкѣ, а равно примѣненіе къ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ общихъ уставовъ этихъ учебныхъ заведеній, т. е. къ первымъ устава 1871 г. и ко вторымъ 1888 г., дѣйствующихъ на всемъ пространствѣ Имперіи. Если это мѣропріятіе вызвало закрытіе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на мѣстныя средства, какъ, напримѣръ, гимназій феллинской, биркенруэской, гольдингенской и ревельскаго дамскаго реальнаго училища, зато уцѣлѣвшія сдѣлались совершенно русскими. Общіе уставы введены уже въ большинство гимназій, за исключеніемъ двухъ, и во всѣ реальныя училища. Кромѣ того, происшедшая отъ закрытія помянутыхъ учебныхъ заведеній убыль образовательныхъ средствъ съ теченіемъ времени, несомнѣнно, будетъ пополнена открытіемъ среднихъ учебныхъ заведеній профессіональнаго характера.

Особенное вниманіе министерствомъ народнаго просвѣщенія было обращено на начальное народное образованіе. Именнымъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 19 февраля 1886 г., всѣ находящіяся въ Лифляндской губерніи евангелическо-лютеранскія волостныя и приходскія школы, а въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ евангелическо-лютеранскія сельскія народныя школы и учительскія семинаріи были подчинены вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1887 году (17 мая) Высочайше утверждены временныя дополнительныя правила объ управленіи начальными училищами въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Теперь представилась возможность устроить сельскія школы такъ, чтобы обученіе въ нихъ велось на русскомъ языкѣ и уничтожить ихъ обособленность. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было учрежденіе правильнаго правительственнаго надзора за школами. Доселѣ школы управлялись въ Лифляндіи—верховнымъ комитетомъ земскихъ школъ, а въ Эстляндіи и Курляндіи высшею комиссіею сельскихъ народныхъ школъ, изъ коихъ въ первомъ вовсе не имѣлось членовъ отъ правительства, а во второй, въ числѣ 8—9 лицъ, лишь одинъ—отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Правительственный же надзоръ находился въ рукахъ директоровъ двухъ русскихъ гимназій и двухъ инспекторовъ православныхъ сельскихъ училищъ. Но директоры гимназій, обремененные своими прямыми обязанностями, не могли удѣлять достаточно времени для правильнаго обозрѣнія школъ и не обладали достаточнымъ знакомствомъ съ ними, а въ обязанности инспекторовъ православныхъ сельскихъ училищъ входило лишь наблюденіе за православными школами. При такомъ положеніи дѣла правительственный надзоръ оставался номинальнымъ, и задача достиженія единства въ направленіи учебнаго дѣла оказывалась невыполнимою. Слѣдовало увеличить число инспекторовъ и раздѣлить округъ на правильные районы. Поэтому, предоставивъ коллегіальнымъ учрежденіямъ заботиться о матеріальной сторонѣ сельскихъ школъ, министерство народнаго просвѣщенія въ 1887 году испросило разрѣшеніе на учрежденіе въ юрьевскомъ учебномъ округѣ одной должности директора народныхъ училищъ и пяти новыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ, причемъ два бывшихъ инспектора православныхъ школъ также были переименованы въ инспекторовъ народныхъ училищъ. Затѣмъ постепенно были учреждены: одна должность директора народныхъ училищъ и три—инспекторовъ. Затѣмъ, по ходатайствамъ нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ, стали открываться двухклассныя сельскія образцовыя училища министерства народнаго просвѣщенія. Первое такое училище было открыто въ 1889 году въ Рингенѣ, Курляндской губерніи, а нынѣ число ихъ возросло до 15. Послѣ организаціи правильнаго надзора за школами было приступлено къ коренному ихъ преобразованію. Прежде всего, въ видахъ введенія преподаванія на русскомъ языкѣ, слѣдовало замѣнить прежнихъ учителей новыми, знающими этотъ языкъ; но въ такихъ учителяхъ чувствовался сильный недостатокъ. Существующія въ округѣ нѣмецкія учительскія семинаріи преобразованію не поддались и были закрыты, а двѣ правительственныя учительскія семинаріи едва въ состояніи были доставить достаточный контингентъ учителей для православныхъ школъ. Для

удовлетворенія этой насущной потребности министерствомъ народнаго просвѣщенія 21 августа 1891 г. было испрошено разрѣшеніе допускать въ гатчинскую и псковскую учительскія семинаріи воспитанниковъ-лютеранъ изъ финновъ, эстовъ и латышей. Съ 1 іюля 1894 г. открыта третья правительственная учительская семинарія. Затѣмъ Высочайше утвержденнымъ 20 декабря 1894 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрѣшено устроить, въ видѣ временной мѣры, педагогическіе классы при пяти двухклассныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ этихъ классахъ лучшіе изъ окончившихъ курсъ двухклассныхъ училищъ въ теченіе года знакомятся съ пріемами и методами преподаванія и затѣмъ тотчасъ же назначаются на должности учителей въ приходскія и волостныя школы. Въ текущемъ 1895 году (15 февраля) разрѣшено, согласно ходатайству курляндскаго дворянства, вновь открыть упраздненную въ 1893 году ирмлаускую учительскую семинарію, съ введеніемъ въ ней преподаванія на русскомъ языкѣ. Можно разсчитывать, что приведенныя мѣропріятія сдѣлаютъ нужду въ хорошо подготовленныхъ и знающихъ русскій языкъ учителяхъ менѣе ощутительною.

Для окончательнаго урегулированія начальныхъ училищъ прибалтійскихъ губерній, при министерствѣ народнаго просвѣщенія работаетъ комиссія, въ составъ которой входятъ какъ бывшій попечитель юрьевскаго учебнаго округа Капустинъ, такъ и настоящій — Лавровскій. Задача этой комиссіи выработать положеніе для сельскихъ волостныхъ и приходскихъ евангелическо-лютеранскихъ школъ, взамѣнъ дѣйствующихъ нынѣ временныхъ правилъ. Въ ряду мѣропріятій болѣе частнаго характера слѣдуетъ отмѣтить Высочайше утвержденное 26 октября 1890 г. положеніе комитета министровъ о земельныхъ участкахъ и имуществахъ школъ Лифляндской губерніи. Школьныя имущества составляли единственный источникъ содержанія церковно-приходскихъ школъ Лифляндіи. Съ изданіемъ въ 1887 году временныхъ правилъ состоящіе въ должностяхъ учителей церковно-приходскихъ школъ кистеры и кистерскіе помощники должны были оставить эти должности, какъ не знающіе русскаго языка; вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство и духовенство рѣшили отобрать отъ школъ и школьно-кистерскія имущества. Во избѣжаніе могущаго произойти отъ этого обѣдненія школъ, приведеннымъ положеніемъ комитета министровъ предоставлено министру народнаго просвѣщенія, въ случаѣ возникновенія споровъ о школьно-кистерскихъ имуществахъ, рѣшать эти споры собственною властью.

Что касается высшихъ учебныхъ заведеній, то первымъ на пути реформъ былъ ветеринарный институтъ, въ которомъ преподаваніе на русскомъ языкѣ было введено еще въ 1883 г. Въ бывшемъ дерптскомъ (юрьевскомъ) университетѣ до 1889 г. русская рѣчь раздавалась только съ двухъ каѳедръ, но и каѳедры эти были—православнаго богословія и русскаго языка. Въ 1889 г. былъ преобразованъ юридическій факультетъ, въ смыслѣ установленія на немъ всѣхъ положенныхъ, по общему уставу россійскихъ университетовъ, каѳедръ, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, къ шести существующимъ каѳед-

рамъ прибавилось пять новыхъ. Въ видахъ привлеченія на факультетъ русскихъ профессоровъ и преподавателей, министру народнаго просвѣщенія предоставлено право назначать имъ, а равно и лицамъ, обязавшимся читать лекціи по-русски, содержаніе, равное окладамъ профессоровъ и преподавателей всѣхъ университетовъ. Затѣмъ льготы эти были распространены и на профессоровъ другихъ факультетовъ, а въ 1893 году предложено попечителю рижскаго учебнаго округа ввести преподаваніе на русскомъ языкѣ во всѣхъ, кромѣ богословскаго, факультетахъ. Въ томъ же году установленъ на юридическомъ факультетѣ порядокъ производства испытаній, одинаковый съ другими университетами, а по медицинскому факультету воспрещено утверждать окончившихъ курсъ въ степени доктора медицины тотчасъ же по окончаніи испытаній. Въ 1892 году профессорамъ и преподавателямъ университета, читающимъ лекціи на русскомъ языкѣ, дарованы пенсіонныя права, общія со всѣми университетами. Въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ урегулированію строя университетской жизни, существенное значеніе имѣетъ послѣдовавшее въ 1896 году учрежденіе въ университетѣ инспекціи, въ составѣ инспектора и нѣсколькихъ помощниковъ. Въ рижскомъ политехникумѣ русское преподаваніе не было введено до 1896 года, но въ этомъ году въ министерствѣ народнаго просвѣщенія была составлена комиссія, которая выработала планъ преобразованія этого учебнаго заведенія, и планъ этотъ будетъ выполненъ въ весьма недалекомъ будущемъ. Произведенная въ 1893 г. министромъ народнаго просвѣщенія ревизія учебныхъ заведеній округа показала, что всѣ приведенныя мѣропріятія привились въ достаточной степени и приносятъ значительную пользу; мѣстное населеніе изучаетъ русскій языкъ очень охотно.

27 февраля 1893 года въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ III, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣть соизволилъ именовать дерптскій университетъ юрьевскимъ, а дерптскій учебный округъ — рижскимъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЯТОЕ

(1887 г.).

Очеркъ путешествія.

Путь 1887 года шелъ на Лугу, Порховъ, Опочку, Невель, Великія Луки, Торопецъ, Старую Руссу, Крестцы, Грузино, Тихвинъ, Новую Ладогу, Олонецъ и Валаамъ.

Въ путешествіяхъ 1884, 1885 и 1886 годовъ были посѣщены мѣстности отъ Ледовитаго океана и Бѣлаго моря до балтійскаго побережья; въ предстоявшемъ путешествіи слѣдовало посѣтить тѣ мѣста, которыя въ прежніе маршруты войти не могли и обозрѣніемъ которыхъ окончательно завершилась общая программа, составленная еще четыре года тому назадъ.

Какъ въ первое путешествіе, въ 1884 году, такъ и въ предстоявшее въ 1887 году, путь шелъ постоянно по старѣйшимъ пажитямъ Россіи, подлѣ ея колыбели, на прямой линіи озеръ Чудскаго, Ильмени и Бѣлоозера, близъ которыхъ эта колыбель находилась. Тутъ, въ этихъ мѣстахъ, гнѣздится старый миѳъ, давно отвѣянный исторіей, о старикѣ Пльмерѣ, утопившемъ свою жену Шелонь, изъ-за любви къ замужней красавицѣ Ловати; трудно не догадаться, что рѣчь идетъ объ озерѣ Ильмени и двухъ ближнихъ рѣкахъ. Недалеко отъ этихъ мѣстъ показываютъ могилу Трувора, высится Синеусовъ курганъ, изъ котораго народная фантазія поднимаетъ порою таинственнаго солдата на конѣ и обращаетъ рыбьи чешуи въ деньги; немного дальше — Рюрикова крѣпость; это уже не легенда, а нѣчто болѣе прочное.

Ближайшими мѣстами предстоявшаго путешествія являлись Луга и Порховъ; послѣдній отпраздновалъ въ маѣ 1887 года пятисотлѣтіе своихъ крѣпостныхъ стѣнъ. За ними слѣдуетъ Опочка, не менѣе древняя, съ чудотворною иконою, прострѣленною литовской пулей, — городъ, тоже захиѣвшій сравнительно съ своимъ былымъ; неизвѣстно, здѣсь или въ Псковѣ устроена была оригинальная защита отъ Витовта Литовскаго въ 1426 году: мостъ на веревкахъ, которыя въ рѣшительную минуту нападенія подрѣзаны, и тьмы темъ столпившихся на немъ враговъ попадали на заостренные колья.

По пути къ Невелю и оттуда на Великія Луки возникали воспоминанія о побѣдителѣ Пугачева—Михельсонѣ, которому, милостью Екатерины II, даро

вано здѣсь населенное имѣніе. Его сынъ, недоросль Григорій, производилъ, въ качествѣ мѣстнаго помѣщика, настоящіе набѣги на Великія Луки, причемъ купцы запирали свои лавки, а женщины пугливо прятались. Здѣсь же придется вспомнить о 1812 годѣ, о графѣ Витгенштейнѣ, Кульневѣ и знаменитомъ Клястицкомъ боѣ, парализовавшемъ попытки наполеоновскихъ маршаловъ двинуться на Ригу и Петербургъ.

Великія Луки отличались когда-то очень сердитыми помѣщиками, въ родѣ названнаго Григорія Михельсона; они были, вѣроятно, преемниками основателя города «разбойнаго человѣка Луки». Въ числѣ древне-новгородскихъ крѣпостей Великія Луки являются пунктомъ избраннымъ, прочнымъ, богатымъ, «ключомъ его южныхъ владѣній», по словамъ Карамзина. Геройская защита города отъ поляковъ въ 1580 году — одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи нашей многострадальной западной окраины, выдающаяся особенно ярко при одновременномъ съ защитою города малодушіи Іоанна Грознаго, готовившагося уступить Польшѣ цѣлыхъ пятьдесятъ шесть городовъ. Подлѣ Великихъ Лукъ, въ Сеньковѣ, заключенъ нами въ 1812 году союзъ съ Испаніей.

Сосѣдній Торопецъ еще древнѣе; одинъ изъ иноковъ, упоминаемый Несторомъ, былъ торопчаниномъ; здѣсь «чинилъ кашу» Александръ Невскій на свадьбѣ своей съ Параскевою, дочерью Брячеслава Полоцкаго. Изстари веселые, юркіе, торговые торопчане составили себѣ славу «чортовыхъ головъ», «фаоровитянъ» и т. п., и торговали не только съ Ганзою, но и съ Китаемъ. Богатство одѣяній торопчанокъ было общеизвѣстно, и жемчугъ отмѣрялся ими не счетомъ, а пригоршнями. Цѣлыя четыре характернѣйшія преданія, изъ которыхъ древнѣйшее совершается не далѣе и не ближе какъ на глазахъ Самого Христа Спасителя, свидѣтельствуютъ о прирожденномъ сутяжничествѣ прежнихъ торопчанъ. Существующія еще и теперь «субботки» и «посидѣлки» говорятъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ нравовъ, которыхъ мѣстные историки Торопца—Находкинъ, Иродіоновъ и Семевскій—не отрицаютъ.

Очень много характерныхъ воспоминаній вызвала Старая Русса. Мѣстные жители утверждаютъ, что Русса древнѣе Новгорода, потому что послѣдній названъ «Новымъ», во вниманіе къ существовавшему «Старому», именно ихъ городу. Исторія соляного дѣла въ Руссѣ почти одноліткомъ съ исторіей Россіи; но лѣчебное значеніе города много моложе, такъ какъ оно началось съ посѣщенія его въ 1828 году лейбъ-медикомъ Раухомъ, а развитіе его до нынѣшняго цвѣтущаго положенія — дѣло послѣднихъ лѣтъ. Въ Старой Руссѣ, въ одиннадцать часовъ вечера, 11 іюля 1831 года, ударили всполохъ и этимъ начался бунтъ военныхъ поселянъ, это страшное явленіе въ безобразномъ учрежденіи, возникшемъ по мысли графа Аракчеева; небольшія воспоминанія объ этомъ будутъ у мѣста. Великій князь Николай Николаевичъ Старшій родился въ тотъ самый день, когда Императоръ Николай I возвратился изъ быстро усмиренной имъ Старой Руссы, и въ городѣ говорили, что новорожденнаго назовутъ княземъ Новгородскимъ; этого не случилось, но великій князь крещенъ во имя новгородскаго угодника Николая Качанова. Помимо поселенческаго

бунта тутъ приходилось вспомнить о двухъ литературныхъ дѣятеляхъ: Посошковѣ и Достоевскомъ. Посошковъ, живший въ двадцати верстахъ отъ Руссы, когда-то противникъ реформъ Петра I, побывавшій даже въ Преображенскомъ приказѣ, но вышедшій изъ него цѣлымъ, а впослѣдствіи беззавѣтный почитатель «строгостей» царя—это самородокъ удивительный; въ знаменитой книгѣ его «О скудости и богатствѣ» цѣлая картина Петровской Россіи, и Погодинъ правъ, говоря, что Посошковъ — это политико-экономъ, родившійся на свѣтъ за пятьдесятъ лѣтъ до появленія политической экономіи; можно было бы прибавить, что Посошковъ за сто двадцать лѣтъ до графа Киселева возымѣлъ мысль о созданіи учрежденія, схожаго съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, что онъ мечталъ объ учрежденіи въ Москвѣ академіи «великой, всѣхъ наукъ исполненной», и искалъ суда «единаго» для всѣхъ. Что касается Достоевскаго, то онъ близокъ къ Старой Руссѣ тѣмъ, что часто жилъ тутъ въ послѣдніе годы писалъ «Братьевъ Карамазовыхъ»; церковно-приходская школа его имени остается живымъ его воспоминаніемъ. Критическая оцѣнка могучаго таланта его еще не наступила, такъ какъ покойный находился въ «боевой» линіи того направленія, котораго держался, и всякая оцѣнка будетъ болѣе или менѣе субъективна, но что въ немъ сказалось пророческое ясновидѣніе путемъ художественнаго творчества — это несомнѣнно; стоитъ вспомнить «Бѣсовъ» и «Идіота» и то, что совершилось въ нашемъ развитіи потомъ, вслѣдъ за ихъ написаніемъ, чтобы убѣдиться въ этомъ и въ той горячей любви его къ «милой больной», въ тѣ дни очень больной, — Россіи, садящейся послѣ изгнанія бѣсовъ къ ногамъ Христа.

Отъ Старой Руссы путь лежалъ на Крестцы — мѣсто глухое, тихое, не лишенное, однако, высокаго историческаго значенія, потому что недалеко отсюда поворотный пунктъ движенія Батыевыхъ полчищъ: влѣво отъ пути та малая часть Русской земли, которая татарамъ не подчинилась, вправо вся остальная Русь, которая похолодѣла и помертвѣла на много, много лѣтъ.

Три мѣста въ пути—Холмъ, Грузино и Новая Ладога—посѣщались вторично, потому что при составленіи маршрутовъ для четырехъ разновременныхъ объѣздовъ нельзя было миновать этихъ повтореній, и нѣкоторыя мѣстности пришлось въ полномъ смыслѣ слова исколесить. Въ описываемомъ году, по примѣру прошлыхъ, слѣдуя многими грунтовыми дорогами, путешественники побывали во многихъ захолустьяхъ, къ числу которыхъ должно быть отнесено близкое отъ Тихвина — Столбово, знаменитое миромъ, заключеннымъ между нами и шведами въ 1617 году, при извѣстномъ посредствѣ англичанина Мерика, выторговавшаго за это разныя права въ пользу Англіи, которыхъ, однако, она не получила.

Сильное впечатлѣніе оставили посѣщенныя во второй половинѣ пути двѣ монастырскія святыни—Тихвинъ и Валаамъ. Трудно представить себѣ такія безконечно разнообразныя возникновенія и развитія, какъ тѣ, которыя пришлось испытать той и другой, оставаясь въ то же время въ безконечно глубокомъ единеніи съ остальнымъ православнымъ міромъ и всѣмъ тѣмъ, что съ нимъ связано.

Тихвинскій мужской монастырь возникъ сравнительно съ другими поздно, въ половинѣ XVI вѣка; но явленная икона и надъ нею храмъ имѣлись на мѣстѣ уже въ XIV вѣкѣ; подлѣ этой святыни, находившейся въ завѣдываніи бѣлаго духовенства, успѣли обстроиться богатыя села-пригороды, шелъ шумный торговый путь и приходило сюда много паломниковъ, но монастыря все еще не существовало. Только когда паломникомъ сталъ являться сюда царь Іоаннъ Васильевичъ, то въ 1547 году основалась обитель, которая дѣйствительно и возникла какъ-то вдругъ, всецѣло, въ богатой обстановкѣ, съ готовымъ уставомъ, выработаннымъ, по сравненію съ другими уставами, нѣсколькими архимандритами. Не отъ малой келійки первоучителя, не отъ братіи, мало-по-малу окружавшей его и къ нему прислушивавшейся, съ лопатою въ рукѣ и молитвою на устахъ, не въ своеобразіи своей особой жизни возникла Тихвинская обитель, а по велѣнію царскому и по былымъ образцамъ. Составленная изъ иноковъ другихъ обителей и вѣрная ихъ преданіямъ, она выдержала долгую, убійственную осаду шведовъ въ лихолѣтье и стала подъ знамена молодого царя Михаила Ѳеодоровича. Въ настоящее время высится она надъ одною изъ трехъ водныхъ системъ, соединяющихъ Волгу съ Невою, и явленнымъ иконамъ ея поклоняются во множествѣ люди, пришлынающіе здѣсь со всѣхъ концовъ Россіи. Сюда же пришла, къ женскому Введенскому монастырю, находящемуся рядомъ съ мужскимъ Тихвинскимъ, пришла не по доброй волѣ, четвертая супруга Іоанна Грознаго изъ рода Колтовскихъ и, ставъ инокиней Дарьей, всецѣло посвятила себя обители, пережила съ нею шведскіе погромы, отстроила ее заново и мирно почиваетъ въ ней, окруженная своимъ твореніемъ.

Иначе, совсѣмъ иначе, съ монастыремъ Валаамскимъ.

Нѣтъ у насъ обители болѣе древней, потому что въ XI вѣкѣ она уже была разорена шведами; затѣмъ она находилась въ цвѣтущемъ состояніи въ XII, XIII и XIV вѣкахъ и снова уничтожена шведами до тла: обители нѣтъ, братія въ скитаніи, погибла обильная разсада православія по финляндскому берегу озера, и только въ каменной толщѣ гранитныхъ глыбъ валаамскихъ, глубоко отъ взоровъ людскихъ и руки вражеской, почивали спрятанные предусмотрительностью иноковъ мощи св. Сергія и Германа. Съ ними держалось воспоминаніе и теплилась мысль, и отъ нихъ-то, по волѣ Петра I, снова возникаетъ обитель и процвѣтаетъ по настоящій день.

Древнѣйшая исторія Валаама—потемки; вѣроятно, такими останутся онѣ навсегда. Но, тѣмъ не менѣе, извѣстно, что если въ обители Тихвинской, возросшей не изъ уединенія пустыни, не изъ созерцательной жизни пустынника, а на торжищѣ жизни и повелѣніемъ царскимъ, не было выдающихся дѣятелей монастырскихъ, то Валаамъ весь исхоженъ, вдоль и поперекъ, стопами подвижниковъ, справедливо считающихся свѣтилами монашества и причтенныхъ нашею церковью къ лику святыхъ. Если должно признать «сочиненною» могилу короля шведскаго Магнуса, находящуюся здѣсь на братскомъ кладбищѣ, такъ какъ настоящій Магнусъ утонулъ въ Готландіи, близъ Бломесгольма, зато не сочинены громкія имена просвѣтителей духовныхъ, вышедшихъ отсюда,

отъ усыпальницы св. Сергія и Германа. Таковы святые: Александръ Свирскій, Корнилій Палеостровскій, Арсеній Коневскій, Савватій Соловецкій, Аѳанасій Сяндемскій, Авраамій Ростовскій, Адріанъ Ондрусовскій. Подобнаго сонма свѣтилъ монашества, кромѣ, можетъ быть, лавры Кіево-Печерской, нѣтъ нигдѣ, и вотъ почему Валаамъ такъ назидателенъ, такъ славенъ памятью своихъ безчисленныхъ схимниковъ, въ своей дикой и пустынной красотѣ.

Эти существенныя отличія Валаама,—его древность и многочисленность преподобныхъ,—приводятъ невольно на мысль иронію судьбы: обитель эта, столько разъ ограбленная чрезъ Финляндію шведами, будучи подчинена въ епархіальномъ отношеніи митрополиту петербургскому, въ отношеніи административномъ входитъ въ составъ губерніи Выборгской, составляющей часть Финляндіи.

Луга.

Характеристика Луги. Соборъ. Легенда о планѣ.

Луга — южѣйшій городъ С.-Петербургской губерніи, имѣетъ всего 250 домовъ, изъ которыхъ только три каменные, и 2,000 жителей; улицъ проѣздныхъ въ ней, собственно говоря, одно только петербургское шоссе, всѣ остальныя, равно какъ и многіе пустыри, зелепѣютъ травкой.

Единственная церковь—соборъ, какъ и самый городъ, екатерининскаго времени, очень малъ и робко жмется подлѣ большого, новаго собора, уже совершенно готоваго, освященіе котораго должно было совершиться скоро; постройка начата въ 1872 году, длилась до 1874, затѣмъ до 1883 пріостановлена, по недостатку средствъ, и приведена къ концу только въ 1887 году. Какъ могутъ помѣщаться жители Луги, желающіе помолиться, въ старомъ соборѣ, какъ помѣстятся они даже въ новомъ, это совершенно непостижимо; остается предполагать, что они молятся дома, или ѣздятъ по деревенскимъ приходамъ. Внѣшность стараго храма, уступающаго мѣсто новому, напоминаетъ отчасти лютеранскую кирку, и для объясненія этого имѣется легенда о томъ, будто при постройкѣ перемѣшаны планы: тотъ, который назначался для Луги, воспроизведенъ въ Ямбургѣ, а кирка, долженствовавшая стоять въ Ямбургѣ, явилась православнымъ соборомъ въ Лугѣ. Несомнѣнно вѣрно въ этомъ разсказѣ то, что его разсказываютъ и теперь.

Луга относится къ числу городовъ, сложившихся не исторически, но по Высочайшему повелѣнію 1777 года, гласившему: «на рѣкѣ Лугѣ учредить новый городъ, близъ урочища, гдѣ рѣка Вревка въ Лугу впадаетъ, наимено-

вавъ новый городъ Луга». Такъ и исполнено. Какихъ-либо историческихъ воспоминаній ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ не найти, и одинъ изъ видныхъ представителей мѣстныхъ интересовъ, спрошенный объ этомъ, отвѣчаетъ обыкновенно, что, кромѣ древняго монастыря св. Іоанна Богослова, на полуостровѣ Черменецкаго озера, «другихъ памятниковъ или пунктовъ историческаго значенія не имѣется». Желѣзная дорога проходитъ близко; до Петербурга всего 132 версты, а между тѣмъ здѣсь такъ безконечно тихо, скромно, безпритязательно. Завидно это, или удивительно? Въ послѣдніе годы окрестности Луги стали населяться петербургскими дачниками, но лѣтнее время проходитъ скоро, и удѣлъ Луги—полная тишина и совершенное отсутствіе какихъ-либо общихъ интересовъ.

Порховъ.

Путь къ Порхову. Грива. Легенда Судомы-горы. Историческое. Значеніе рубленыхъ городовъ. Военныя судьбы и переходъ къ Москвѣ. Старинная опись. Соборъ. Церковь св. Николая. Древнія стѣны. Учрежденія табачнаго фабриканта Жукова. Лопухинская богадѣльня. Хиловскія минеральныя воды. Балавинскія собаки.

Отъ станціи Луга до станціи Новоселье ровно два часа пути по желѣзной дорогѣ; отсюда до Порхова предстояло сдѣлать три перегона на лошадяхъ въ 60 верстъ. Первыя двѣ станціи — Жабенецъ и Ямкино—лѣсисты, холмисты, порою виднѣются поля; послѣдняя станція въ значительной степени безлюдна. Въ селѣ Подоклинье старенькая деревянная церковь, уже заколоченная, виднѣется подлѣ, уступивъ мѣсто своей каменной, довольно нестрой, пресмницѣ. Весьма любопытна на ближайшемъ къ Порхову переѣздѣ такъ называемая «Грива»; дорога идетъ по гребню чрезвычайно высокой насыпи версты въ полторы длиной, причемъ рѣшительно нельзя объяснить себѣ: природа ли устроила здѣсь эту насыпь,—такъ она характерна,—или потрудились здѣсь въ колоссальной работѣ руки какихъ-то невѣдомыхъ людей и неизвѣстно для какой цѣли? Направо и налѣво отъ нея, далеко внизу, разстилается болото, и замѣтны многія «мочилы», ямы съ водой, назначенныя для мочки льна,—продукта, производство котораго растетъ здѣсь изъ году въ годъ; «Грива» тянется не по прямой линіи и не всегда одинаковой высоты; она обставлена для безопасности съ обѣихъ сторонъ перилами, и видъ съ нея вдаль очень хорошъ. Говорятъ, что есть совершенно подобныя возвышенія, имѣющія видъ насыпей, близъ погоста Вышгорода и Судомы-горы; всѣ они совершенно необъяснимы и при раскопкахъ обнаруживали чистѣйшій гравій; это какая-то шутка природы. Судома-гора, находящаяся въ уѣздѣ, извѣстна характерной легендой: когда мѣстные люди спорили между собой, то для того, чтобы знать, кто правъ, кто виноватъ, отправлялись на ея вершину, и тотъ, за кѣмъ была правда, доставалъ рукой до цѣпи, спускавшейся съ неба;

цѣпь эта не спускается больше, потому что одному изъ воровъ удалось обмануть Самого Господа Бога.

Порховъ, къ которому подъѣзжали путники часамъ къ восьми вечера, залитый вечернимъ солнцемъ, окруженный колосившимися полями, подлѣ излучины рѣки Шелони, лежитъ какъ бы въ котловинѣ. Съ пологаго спуска ясно виднѣлись всѣ его очертанія и тысячи народа, чисто-русскаго, плотнаго, радушнаго.

Городъ расположенъ надъ рѣкой Шелонью, которая не что иное, какъ жена Ильмера (озеро Ильмень), утопленная имъ вслѣдствіе того, что онъ прельстился женою своего сосѣда—Ловатью; говорятъ, что плачъ и воздыханія утопленницы бываютъ слышны и до-сегодня. Это легенда, а вотъ исторія.

Какъ разъ въ то время, когда кончались крестовые походы въ Палестину, папская власть, создавшая ихъ, смущенная неуспѣхами, пришла къ мысли продолжать крестовые походы, направивъ ихъ не на исламъ, на югъ, а на сѣверо-востокъ, къ нынѣшней Россіи. Тамъ, совершенно самостоятельно, въ сторонѣ отъ торныхъ историческихъ путей, начиналась въ то время своеобразная жизнь славянскихъ народностей, сосредоточивались Литва и Польша, выплыла уже Новгородъ и Псковъ, и они молились Богу по-православному. Эта окраина Руси въ полномъ смыслѣ слова истоптана людьми и конями и полита кровью за долгое время цѣлыхъ пяти столѣтій, съ двѣнадцатаго начиная. Тутъ боролись не на животъ, а на-смерть вліянія русское, шведское, литовское, польское, балтійское, и все, что зарождалось на свѣтъ въ качествѣ города, являлось непремѣнно, одновременно съ этимъ, и крѣпостью и тогда же орошалось кровью. Было замѣчено кѣмъ-то, что кровь прекрасное удобреніе, и нельзя не удивляться тому, что возникновеніе большинства нашихъ городовъ относится именно къ XII и XIII вѣку. Какъ бываютъ грибные годы, такъ были эти столѣтія временемъ нарожденія «рублеными» городовъ, возникавшихъ на мѣстахъ, удобренныхъ кровью. Десятками насчитываютъ ихъ наши лѣтописи, имена многихъ заглохли, другіе измѣнились, третьи сохранились; но всѣ въ свое время сослужили землѣ Русской нѣкоторую службу. Знаменитая глиняковская пѣсня Руслана «О, поле, поле...» оттого-то именно и западаетъ въ русское сердце такъ глубоко, что кто бы ни отправился у насъ на поиски добраго меча, тотъ вспоминаетъ пѣсню эту повсюду, гдѣ угодно: вездѣ тлѣютъ родныя кости, и мало гдѣ не поросли онѣ травой забвенья.

Вотъ хоть бы и Порховъ, одинъ изъ самыхъ невидныхъ провинціальныхъ центровъ нашихъ, только-что отпраздновалъ пятисотлѣтіе своихъ стѣнъ. Въ немъ теперь 6,749 человѣкъ жителей, девять церквей, домовъ каменныхъ 53 и деревянныхъ 645. Онъ возникъ, должно быть, въ 1239 году, когда Александръ Невскій, празднуя свою свадьбу, «вѣнчался въ Торопчи, ту кашу чини, а въ Новѣ городѣ другую» и вслѣдъ затѣмъ срубилъ «городцы» по Шелони. Въ числѣ этихъ городцовъ, возникшихъ послѣ двухъ свадебныхъ кашъ, значился, вѣроятно, и Порховъ. Первое лѣтописное упоминаніе о немъ имѣется подъ 1346 годомъ, но дань, взятая съ него Ольгердомъ литовскимъ

въ «300 рублевъ и 60 новгородскихъ»,—сумма весьма значительная по тому времени,—свидѣтельствуетъ о томъ, что возникъ онъ, несомнѣнно, раньше и входилъ въ число укрѣпленныхъ пунктовъ, окружавшихъ Новгородъ со стороны Литвы и Пскова. Позже, въ 1428 году, заплатилъ онъ Витовту литовскому 5,000 рублей. Литва или, лучше сказать, нѣмецкій мастеръ Микола стрѣлялъ тогда по городу изъ пушки «Галки», настолько большой, что ее возили съ утра до обѣда на сорока коняхъ, съ обѣда до полудня на другихъ сорока, съ полудня до вечера — на третьихъ; мастеръ Микола похвалялся сбить каменную колокольню церкви св. Николая; сбить не сбилъ, но самъ погибъ отъ ядра, обратившагося на него вспять отъ алтаря церковнаго.

Возникнувъ на-ряду съ другими укрѣпленными пунктами, окружавшими Великій Новгородъ кольцомъ, поставленный оплотомъ противъ Литвы и младшаго брата его Пскова, Порховъ пережилъ и всѣ судьбы Новгорода, и съ подчиненіемъ его вошелъ въ составъ Московскаго государства; въ завѣщаніи Іоанна III названъ онъ великокняжескою отчиной; при Іоаннѣ Грозномъ, по словамъ Карамзина, считался онъ въ числѣ двѣнадцати каменныхъ крѣпостей земли Русской; замѣтимъ, что счетъ Карамзина не совсѣмъ вѣренъ, такъ какъ были и другіе, напримѣръ Островъ.

Въ свое время, побывали въ Порховѣ Ольгердъ и Витовтъ, позднѣе, на смѣну имъ явились со своими полчищами Стефанъ Баторій и де-ла-Гарди; историческимъ курьезомъ представляется то, что въ 1616 году въ Порховѣ имѣлось два градоначальника: съ русской стороны сидѣлъ князь Мещерскій, со шведской—баронъ Грассъ; что они дѣлали оба, какъ дѣлили власть, что за зрѣлища обусловливались этимъ двойственнымъ начальствомъ? Нѣчто подобное было тогда и въ Тихвинѣ. По Столбовскому миру въ 1617 году, Порховъ возвращенъ Россіи окончательно.

Такъ какъ, до проведенія варшавско-петербургскаго шоссе, Порховъ лежалъ на трактовой дорогѣ, то въ немъ побывали въ XVI вѣкѣ іезуитъ Поссевинъ и Герберштейнъ, а въ 1787 году Императрица Екатерина II гостила здѣсь почти трое сутокъ; посѣщали Порховъ Александръ I и Николай I, причемъ Александръ Павловичъ останавливался въ близъ лежащей усадьбѣ, принадлежавшей Мягковой. Въ семнадцатомъ вѣкѣ край этотъ былъ, повидимому, гораздо населеннѣе, чѣмъ нынѣ, потому что, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ шедшему на него войной Стефану Баторію, «около Руссы, за Порховомъ, деревни были такъ густы, что въ каждой можетъ найти кровъ не одна тысяча солдатъ, а скирды ржи, ячменя и овса такъ велики, что человѣкъ едва способенъ перебросить чрезъ нихъ камень».

Вѣрно или нѣтъ показана высота скирдъ—неизвѣстно, но несомнѣнно, что послѣ подчиненія этихъ мѣстъ Москвѣ, когда обозначились другіе политическіе и стратегическіе центры, а граница отодвинута къ западу, Порховъ захирѣлъ, а въ 1699 году, согласно очень характерной смѣтной описи, дошедшей до насъ, находился въ полномъ разрушеніи. Опись эта гласитъ, что хотя въ это время еще и высились ветхія башни восьмисаженной вышины, при

семи саженяхъ ширины, и толстыя стѣны сплошь унизывались бойницами и зубцами, но это была только декорація, такъ какъ всѣ соединительные мосты и лѣстницы сгорѣли и «на башни ни на одну никоторыми дѣлы взойтить невозможно»; пушки на двухъ башняхъ лежали «на захабѣхъ», а третья валялась безъ станковъ и колесъ; свинцу оказалось немного: «двѣ свиньи цѣлыхъ, да въ кусу больше свиньи, да еще четверть свиньи», а царская пороховая казна при составленіи описи не перевѣшана, «потому что тое казны перевѣшивать не на чемъ».

Такъ, или приблизительно такъ, должны были смотрѣть укрѣпленія всѣхъ вообще крѣпкихъ мѣстъ, окружавшихъ когда-то Псковъ и Новгородъ, въ концѣ XVII вѣка, по окончательномъ переходѣ ихъ къ Москвѣ; до насъ дошли во множествѣ мелкихъ городовъ остатки стѣнъ и башенъ, разсыпающихся подъ разрушительнымъ вліяніемъ ливней и вѣтровъ, истаптываемые тамъ, гдѣ они поросли зеленью, какъ, напримѣръ, въ Гдовѣ, копытами коровъ; всѣ эти развалины —свидѣтели долгаго былого и огромной перемѣнчивости судебъ.

Въ Порховѣ, надъ самою Шелонью, каменныя стѣны древней крѣпости высятся еще въ полной ясности очень живописно; выше ихъ источеннаго временемъ гребня поднимается одна изъ башенъ, а изъ нея шпиль колокольни церкви святителя Николая, по которой стрѣлялъ когда-то нѣмецъ Микола.

Въ длинной исторіи нашихъ порубежныхъ городовъ перемѣнялись не только судьбы, но даже мѣста ихъ перваго возникновенія, и Порховъ, какъ и многіе изъ городовъ, какъ самъ Петербургъ, стоитъ теперь не на томъ мѣстѣ, на которомъ возникъ; очень вѣроятно, что древнѣйшій «рубленый» городъ находился въ одной верстѣ дальше, тамъ, гдѣ нынѣ на берегу Шелони видѣется старое городище; несомнѣнно также, что лѣвый берегъ рѣки, то-есть нынѣшняя торговая сторона, сталъ заселяться только съ конца прошлаго вѣка, когда Порховъ сдѣлали уѣзднымъ городомъ, и старожилы помнятъ еще на этомъ мѣстѣ густой лѣсъ, а тамъ, гдѣ стоятъ соборъ и присутственныя мѣста, разстилалось топкое болото.

Соборъ Спасо-Преображенія, говорятъ, древнѣйшая церковь Порхова, такъ какъ о ней упоминается въ 1399 году по поводу убіенія на Шелони князя Романа Юрьевича; при церкви существовалъ до 1764 года мужской монастырь, а построена она «на кострѣхъ», то-есть на курганѣ, на которомъ производилось сжиганіе труповъ; убитый князь Романъ покоится въ ней. Соборъ очень невеликъ и невысокъ, подъ однимъ плоскимъ куполомъ, на четырехъ столбахъ, и темносиняя окраска его стѣнъ и купола придаетъ внутренности, несмотря на яркое золото невысокаго иконостаса, задумчивый, сосредоточенный видъ. Стоящая внутри древней крѣпости церковь св. Николая, словно вросшая въ стѣны, кажется еще древнѣе, еще задумчивѣе, хотя она выше и иконостасъ въ четыре яруса.

Въ самый вечеръ пріѣзда путники посѣтили два учрежденія, сохраняющія здѣсь память извѣстнаго табачнаго фабриканта Василія Жукова, а именно: пріютъ сиротъ на восемнадцать человѣкъ и богадѣльню на сорокъ два человѣка

Третье жуковское учрежденіе, основаннос, какъ и богадѣльня, въ 1843 году, городской банкъ, одинъ изъ старѣйшихъ въ Россіи; едва ли иронизировалъ покойный, устраивая банкъ и богадѣльню одновременно? Жуковъ умеръ, кажется, въ 1881 году, и добрыя дѣла его на пользу Порхова заслуживаютъ вниманія; здѣшній уроженецъ, мѣщанинъ, не имѣвшій ни гроша денегъ, онъ сумѣлъ составить себѣ и большое состояніе, и добрую память; жуковскій табакъ, какъ извѣстно, убитъ на рынкѣ жизни появившимися въ публику достоевскими папиросами, но вызываетъ и до сихъ поръ сожалѣніе любителей, помнящихъ, на склонѣ лѣтъ, всѣ его достоинства. Не вдали отъ жуковскихъ учрежденій находится земская больница на двадцать пять человѣкъ.

Только на утро слѣдующаго дня, 17 іюня, при полномъ свѣтѣ солнца, можно было хорошо ознакомиться какъ съ общимъ очертаніемъ крѣпости, такъ и съ рѣкою Шелонью, протекающею у самыхъ стѣнъ ея подъ плотовымъ мостомъ. На Шелони, какъ говорятъ, цѣлыхъ восемьдесятъ мельницъ, изъ нихъ три въ самомъ Порховѣ; можно представить себѣ, насколько трудолюбивы волны этой кроткой исторической рѣки. Общій видъ на нее и на крѣпость одинъ изъ очень характерныхъ, вполнѣ достойныхъ художника.

По выѣздѣ за черту города, по направленію къ городу Опочкѣ, при подъемѣ въ гору, опять обозначились поля, принадлежащія городу Порхову и составляющія его крупную доходную статью. Сильно возрастаютъ здѣсь посѣвы льна, причемъ торговля имъ почти вполнѣ перешла изъ рукъ купцовъ къ крестьянамъ.

Недалеко отъ Порхова, въ селѣ Хиловѣ, существуютъ сѣрныя хиловскія воды, принадлежащія г. Балавинскому; тамъ три источника, сходные по составу съ кеммернскими въ Лифляндской и сергіевскими—въ Самарской губерніи; неудобство ихъ—это шестидесятиверстное разстояніе отъ желѣзной дороги. Г. Балавинскій пользуется также извѣстностью, какъ любитель собакъ; любопытна волчья порода, имъ разводимая; это третье поколѣніе отъ волчицы, овчаровъ и бульдога; родственники первыхъ двухъ поколѣній оказались ни къ чему негодными: они выли, не лаяли и бросались на людей и животныхъ; но третье поколѣніе — очень хорошія караульныя собаки и отличны для отысканія медвѣдей. Опыты разведенія породы начаты сравнительно недавно—въ 1867 году.

Опочка.

Посѣщеніе г. Острова. Лукаши. Пріѣздъ въ Опочку. Соборъ. Историческое. Вопросъ о подрѣзанномъ мостѣ. Двѣ чудотворныя иконы. Крестные ходы. Мѣстные историки: Травинъ, Замыцкій и Бутырскій. Поплѣшныя пошлины. Исчезнувшій водный путь. Видъ на городъ съ вала.

Покинувъ Порховъ 17-го іюня, путники проѣхали къ станціи варшавской желѣзной дороги Новоселье тѣмъ же путемъ, какимъ направлялись наканунѣ въ Порховъ. Та же довольно пустынная мѣстность, тѣ же лѣсистыя, болотистыя трущобы, та же «*Грива*»; эти мѣста, въ двойномъ смыслѣ слова, «на охотника», и не удивительно, что именно изъ Порховского уѣзда, изъ такъ называемыхъ «Острововъ», идутъ знаменитые лукаши, получающіе подъ Петербургомъ до 100 руб. въ мѣсяцъ жалованья, а лѣтомъ проживающіе здѣсь на покоѣ, въ ожиданіи новой зимы. Когда-то уѣздъ былъ богатъ помѣщиками, число которыхъ доходило, говорятъ, до 350 семействъ; теперь ихъ не болѣе 200; между ними есть и богатые люди, и у нихъ хорошія усадьбы; есть, правда, и семьи совсѣмъ захудалыя, таковы князья Костровы: это—крестьяне, пашущіе землю и даже не носящіе неподходящаго имъ по положенію титула.

Къ пяти часамъ вечера поѣздъ прибылъ въ городъ Островъ. Отсюда предстояла длиннѣйшая почтовая дорога, такъ какъ приходилось перерѣзать вдоль и поперекъ губерніи Псковскую, Новгородскую и восточную часть Петербургской, и это все на лошадяхъ.

Отъ Острова до Опочки ровно семьдесятъ верстъ пути по хорошо содержимому, отличающемуся совершенно новыми мостами, шоссе. Но погода, становившаяся очень дурною, дѣлала и безъ того унылый пейзажъ дороги еще болѣе унылымъ, и тянувшееся прямою струной шоссе вторило погодѣ и

пейзажу своимъ однообразіемъ. Въ десять часовъ вечера замелькали издали, словно порванныя огневыя нити, огоньки Опочки.

Опочецкій соборъ отличается, по сравненію съ другими соборами уѣздныхъ городовъ, своимъ высокимъ, просторнымъ куполомъ. Внутренность храма вся бѣлая, и потому съ особенною рѣзкостью выдаются темныя иконы въ рамахъ, расположенныя въ барабанѣ купола тремя горизонтальными кольцами; иконостасъ—бѣлое съ золотомъ, съ обиліемъ фигурчатыхъ украшеній. Направо и налѣво отъ входа въ церковь, въ особыхъ божницахъ, поставленныхъ посреди церкви, помѣщаются наиболѣе чтимыя иконы: въ правой божницѣ чудотворная икона Спасителя, прострѣленная въ 1426 году, въ лѣвой—чудотворная икона Богоматери Себежской, перенесенная сюда стрѣльцами въ 1634 году.

Опочка—это тоже одинъ изъ небольшихъ сиротныхъ городовъ нашихъ, съ 4,500 человѣкъ жителей, составлявшій въ былое время одно изъ воинственныхъ звеньевъ тѣхъ боевыхъ ожерелій, которыми окружали себя Господинъ Великій Новгородъ и Псковъ въ защиту отъ всякихъ враговъ—нѣмецкихъ, польскихъ, шведскихъ и литовскихъ. Опочка принадлежала къ псковскому ожерелью; земляной валъ ея, величественныя очертанія котораго видны и теперь, насыпанъ псковичами въ 1412 или 1414 году, затѣмъ подняты деревянныя стѣны и башни. Крѣпостца опиралась на двѣ горы: Безыменную и Выползавую; на постройку ея употреблено всего двѣ недѣли, и псковская лѣтопись, сообщая объ этомъ, говоритъ, что такимъ образомъ возникъ не новый городъ, а возобновленъ и передвинутъ на двѣнадцать верстъ старый городъ Коложо, разоренный литовцами за шесть лѣтъ до того. Это передвиженіе нашихъ старыхъ городовъ—отличительная черта ихъ возникновенія; всѣ они будто испытывали мѣста, пріурочивались и, если придержаться только имени, а не мѣста, то правъ будетъ митрополитъ Евгеній, историкъ княжества Псковскаго, утверждающій, что Опочка существовала еще до 1341 года.

Опочки касается одинъ изъ любопытныхъ историческихъ фактовъ, вызвавшихъ множество противоположныхъ мнѣній и окончательно не разъясненныхъ. Вопросъ идетъ объ очень хитроумномъ способѣ самозащиты, имѣвшемъ мѣсто при нападеніи Витовта Литовскаго въ 1442 году. На помощь опочанамъ Псковъ прислалъ только 50 человѣкъ; главная помощь заключалась въ ехидствѣ осаждаемыхъ. Еще до прихода непріятеля, передъ входомъ въ крѣпость, повѣшенъ былъ ими на веревкахъ тонкій мостъ; когда осаждающіе взбѣжали на него, осаждаемые подрѣзали веревки, мостъ рухнулъ, и видимо-невидимо враговъ попадали на острые колья и добиты изъ крѣпости каменьями и бревнами; послѣ этого разразилась великая буря, такъ что самъ Витовтъ, будто бы обхвативъ руками шатерный столбъ, въ ужасѣ вопилъ: «Господи, помилуй!» и испуганный отступилъ. Карамзинъ, Татищевъ, Щербатовъ, Погодинъ, Соловьевъ придерживаются разныхъ мнѣній: одни признаютъ мѣстомъ крушенія моста Опочку, другіе Псковъ, и, вѣроятно, тутъ всегда будетъ нѣкоторое сомнѣніе. Насколько витовтовскія нашествія были безпощадны, видно, между прочимъ, изъ расправы его съ сосѣдними Коложо и Воронечемъ: «Витольдъ овыхъ изсѣчи, а иныхъ поведе въ свою область. А всего въ полонъ взято 11 ты-

сячъ мужей и женъ, и дѣтей. А подъ Воронечемъ городомъ намечана рать мертвыхъ дѣтей двѣ ладьи. Не бывало пакости таковой, какъ и Псковъ сталъ». Эти «двѣ ладьи» мертвыхъ дѣтей — какая картина! И зачѣмъ они понадобились Витовту?

Какъ лежала Опочка на пути Витовта, такъ лежала она и по пути войскъ Константина Острожскаго и Стефана Баторія, но вообще отдѣлывалась довольно дешево, хотя слѣдъ литовскаго прострѣливанія имѣется налицо на чудотворной иконѣ Спасителя, причемъ остается неразрѣшеннымъ, въ которое именно нападеніе Литвы совершено чужеземцами это святотатственное дѣяніе? Много чтимыхъ образовъ на Руси, начиная отъ Соловокъ, несутъ на себѣ слѣды участія ихъ въ бояхъ, и раны эти всегда вызывали бодрость и стойкость въ защитникахъ земли Русской. Относительно времени пораненія опочецкой иконы высказано опредѣленное мнѣніе очень любознательнымъ мѣстнымъ лѣтописцемъ—Леонтіемъ Травинымъ. Этотъ Травинъ родился въ 1732 году отъ двороваго человѣка графа Ягужинскаго и написалъ собственноручную автобіографію, начинающуся 1741 и кончающуюся 1808 годомъ; писана она, говоритъ Травинъ, имъ, «уроженцемъ изъ бѣднаго состоянія родителей пропешедшаго въ достоинство благородства», — онъ умеръ провинціальнымъ секретаремъ, — «писана для свѣдѣнія и пользы потомкамъ ево» и касается различныхъ обстоятельствъ и приключеній его самого и жены. Какъ автобіографія, такъ и историческія свѣдѣнія объ Опочкѣ, собранныя Травинымъ, не лишены интереса; по его мнѣнію, икона прострѣлена Константиномъ Острожскимъ въ 142[illegible] году.

Эта чудотворная прострѣленная икона, хранящаяся въ Спасопреображенскомъ соборѣ, въ особой божницѣ, направо отъ входа, одна изъ святынь города; другая—это чудотворная икона Опочецкой Божіей Матери, называемая въ просторѣчіи Себежскою, принесенная или возвращенная изъ Себежа, вѣроятно, въ 1634 году и находящаяся въ томъ же соборѣ; въ сказаніяхъ о чудесахъ этого образа много разъ поминается объ исхожденіи слезъ изъ обѣихъ очей Богородицы.

Объ иконы совмѣстно совершаютъ ежегодно крестный ходъ ко Святымъ Горамъ, для чего выступаютъ изъ Опочки въ восьмую пятницу по Пасхѣ и возвращаются на одиннадцатый день. Существованію того крестнаго хода теперь уже двѣсти лѣтъ; причина его возникновенія неизвѣстна. Эти странствія иконъ переживаютъ у насъ города и тѣ городища, въ которыхъ зародились; напримѣръ, въ Ярославлѣ обходятъ крестнымъ ходомъ донынѣ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда стояли несуществующія болѣе стѣны, то-есть фактическій крестный ходъ совершается, если можно такъ выразиться, по очертаніямъ призрака.

Хотя исторія Опочки особеннаго интереса не представляетъ, по Травину, котораго только-что назвали, предшественникъ въ описаніи Опочки и ея уѣзда нѣкто Замыцкій—въ 1562 году, а въ 1849 окончилъ свой трудъ собранія документовъ о городѣ, до начала XVIII вѣка, Иванъ Бутырскій. «Я сдѣлалъ, что могъ, пусть сдѣлаютъ лучше люди, опытнѣйшіе и искуснѣйшіе меня»,—писалъ послѣдній въ концѣ своей работы, и нельзя не признать, что это вниманіе

скромныхъ мѣстныхъ людей къ своей старинѣ, какъ бы незначительна она ни была, достойно уваженія и могло бы служить примѣромъ очень многимъ гораздо болѣе значительнымъ городамъ. Любопытно свѣдѣніе, сообщенное Бутырскимъ о томъ, что въ Опочкѣ имѣлись свои посадники; ни въ псковской лѣтописи, ни въ исторіи княжества Псковскаго объ этомъ фактѣ не говорится; но еще недавно на здѣшней иконѣ Спасителя имѣлась дощечка, свидѣтельствовавшая о существованіи таковыхъ, и называла, даже, нѣсколькихъ по именамъ.

Въ длинномъ ряду всякихъ сообщеній старинной хроники Опочки Бутырскаго, подъ 1606 годомъ, есть сообщеніе о томъ, что въ городъ пріѣзжалъ отъ епископа боярскій сынъ Иванъ Падмихинъ для сбора «поплѣшныхъ пошлинъ». причемъ изъ Николаевскаго монастыря дано ему 23 алтына и 2 деньги. Бутырскій приводитъ нѣсколько царскихъ грамотъ, въ которыхъ упоминаются и «поплѣшныя», и объясняетъ это слово тѣмъ, что, какъ онъ слыхалъ въ дѣтствѣ, встарину наши священники и діаконы не допускали заростать волосами то мѣсто на головѣ, на которомъ совершалось іерархическое постриженіе, и что самъ онъ видалъ священниковъ, у которыхъ небольшое мѣсто на маковкѣ головы, называвшееся «гуменецъ», было выстрижено. Не за разрѣшеніе ли стригать ежегодно это мѣсто взималась въ пользу епископа или архіепископа «поплѣшная пошлина»? Жаль, что хроника умалчиваетъ о томъ, какой именно существовалъ въ 1684 году водный путь отъ Пскова къ Опочкѣ, по которому присланы были тогдашнему опочецкому начальнику отъ псковскаго воеводы, князя Щербатова, 165 тюковъ фитиля. Чего-чего у насъ не исчезало. Нѣтъ въ хроникѣ сообщенія и о томъ, что когда въ 1780 году Императрица Екатерина II совершала свое путешествіе, то сдѣлано было распоряженіе, дабы «ученые» протопопы или священники встрѣчали государыню въ церквахъ «короткою» рѣчью. Подобнаго «ученаго» духовнаго лица въ тогдашней Опочкѣ не нашлось, и надо было довольствоваться командированнымъ изъ псковской семинаріи.

Въ Опочкѣ шесть церквей, одна лютеранская кирка и одинъ еврейскій молитвенный домъ; отсюда къ югу и западу евреевъ много; главный предметъ торговли ленъ, съ годовымъ оборотомъ въ одинъ милліонъ рублей. Обороты городского общественнаго банка достигаютъ 3.766,000 руб., а гребеневскаго ссудо-сберегательнаго товарищества—1.246,000 руб.; цифры крупныя, не по внѣшности города. Ближайшій пунктъ желѣзной дороги—городъ Островъ, лежащій отсюда въ семидесяти верстахъ. Путь этотъ—роскошное шоссе времени Императора Николая, съ широкими обочинами и станціями, отнюдь не худшими многихъ вокзаловъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ города, погода, прояснившаяся еще съ утра, была настолько хороша, что предстояла возможность полюбоваться съ вала древней крѣпости прекраснымъ видомъ. Рѣка Великая, расплываясь въ этомъ мѣстѣ двумя рукавами, очень мелка и образуетъ островъ. На самой вершинѣ древней насыпи виднѣлся хорошенькій павильонъ, и подлѣ лѣстницы его торчали изъ земли найденныя на мѣстѣ двѣ пушки. Съ вершины вала открывается кругозоръ верстъ на пятнадцать—такъ высока насыпь; церкви

Успенская, Николаевская, Лукинская, соборъ ясно выдѣляются своими куполами на синѣющей дали, а Великая уходитъ отъ крѣпости довольно широкими излучинами. Чуть-чуть пониже поставленъ на муравѣ крѣпостного вала крестъ, обозначающій мѣсто алтаря церкви, сгорѣвшей въ 1774 году; икона Спасителя была простр'ѣлена именно тутъ, сюда и направлялись самыя отчаянныя вражескія нападенія. Соборная церковь выше другихъ, но во внѣшности ея бросается въ глаза одно изъ довольно обычныхъ у насъ архитектурныхъ безобразій: пять куполовъ ея синіе, а шпиль колокольни зеленый; зачѣмъ эта разноголосица красокъ?

Невель.

Николаевское шоссе. Особенности Витебской губерніи. Отсутствіе земства. Остатки панства. Бѣлорусцы. Радзивилловское имѣніе. Гоненія на православіе. Унія и іезуиты. Жанвильскія соли. Панцырные бояре. Воспоминанія о Витгенштейнѣ и Кульневѣ. Видъ Невеля. Соборъ и монастырь. Село Иваново. Какъ усмиренъ Пугачевъ. Могила Михельсона и недоросля Григорія. Сеньково.

Путники выѣхали изъ Опочки на Невель при значительно прояснившейся погодѣ, около полудня, 18-го іюня. Предстояло, покинувъ Псковскую губернію, проѣхать по двумъ уѣздамъ, Себежскому и Невельскому, Витебской, посѣтить Невель и вернуться обратно въ Псковскую губернію для дальнѣйшаго слѣдованія на Великія Луки; иначе было невозможно по недоброкачественности боковыхъ путей; здѣсь же, до самаго Невеля имѣется шоссе, открытое съ 1842 года. Шоссе это, времени Николая I, проложено почти по прямой линіи, безъ малѣйшаго вниманія къ болотамъ и горамъ, по которымъ предстояло вести его; верста обошлась около одиннадцати тысячъ рублей, не считая станцій, изъ которыхъ нѣкоторыя стоили до тридцати тысячъ рублей. Отъ Опочки до Невеля сто десять верстъ, и нельзя было не любоваться этимъ роскошнымъ шоссе, быстро перелетая по мощнымъ насыпямъ, съ которыхъ болотныя кочки, видимыя съ пути, казались мелкою сыпью. Горы высоки, есть красивыя панорамы, много лѣсу, сосны и березы, и во многихъ мѣстахъ грустные слѣды лѣсныхъ пожарищъ. Эти молчаливые некрополи растительнаго царства составляли прямую противоположность съ богатыми полями и лугами, которые въ описываемомъ году были особенно роскошны и волновались подвижными вершинами миріадовъ стеблей, образуя крупныя волны, хорошо замѣтныя во всю ихъ ширину съ высокихъ насыпей прямолинейнаго пути. Чередованію лѣсовъ и полей придавало много красоты обиліе озерныхъ водъ, синѣвшихъ въ густой зелени, то справа, то слѣва, въ яркомъ блескѣ полуденнаго солнца.

Балашово—первое село по пути въ Витебскую губернію. Всякій прибывающій въ эту губернію входитъ въ особый административный міръ: здѣсь нѣтъ земства, и власть губернатора является гораздо болѣе самостоятельною. Быстрота переѣзда по этой губерніи не дала возможности справиться о томъ, такъ ли, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ имѣется земство, исчезаютъ здѣсь со своихъ мѣстъ на долгіе мѣсяцы предводители дворянства, скитающіеся въ совершенно чуждыхъ имъ палестинахъ и ставящіе въ нѣкоторое затрудненіе лицъ, взявшихъ на себя трудъ отыскать ихъ въ случаѣ надобности; такъ ли развязны мировые судьи въ назначеніи времени разбора дѣлъ.

Помимо административныхъ особенностей, Витебская губернія составляетъ грань и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Тутъ имѣются налицо остатки послѣднихъ рыцарскихъ замковъ; доселѣ, занявъ красивыя и хорошія мѣста, надвинулось католичество Западной Европы и оттѣснило славянъ къ востоку, къ болотамъ; здѣсь исчезаютъ великоруссы, смѣняются бѣлоруссами, и несомнѣннымъ слѣдомъ былого панства является колѣнопреклоненіе и постукиваніе въ землю лбомъ при встрѣчѣ съ господами; тутъ, между свѣтловолосыми людьми, въ бѣлыхъ кожухахъ, бѣлыхъ рубахахъ и панталонахъ, въ бѣлыхъ «насовахъ», юбкахъ и платкахъ, чернѣютъ, въ обиліи удивительномъ, рѣзкіе, грязные, темные профили еврейства, изъ году въ годъ больше, и, во вниманіе къ плодовитости еврейской крови, заставляютъ серьезно опасаться за будущность края.

Къ семи часамъ пополудни, не доѣзжая двадцати пяти верстъ до Невеля, экипажъ свернулъ съ шоссе въ сторону и, проѣхавъ по грунтовой дорогѣ густымъ сосновымъ боромъ, около шести верстъ, доставилъ путешественниковъ въ усадьбу генералъ-адъютанта Жуковскаго, Канашево, гдѣ предполагался ночлегъ. Усадьба расположена на берегу озера, имѣетъ хорошій паркъ, оранжерею, обрамлена воздѣланными полями и недалека отъ селенія. Замѣчателенъ экземпляръ померанцеваго дерева, весь отягченный плодами, красовавшійся въ столовой и свидѣтельствовавшій о вниманіи и достоинствахъ садовода.

Историческія судьбы этихъ мѣстъ очень любопытны и очень стары. Въ пяти верстахъ отсюда есть озеро Озерище съ остатками городища на острову и съ какими-то слѣдами свай, тянущихся посрединѣ озера въ длину его и поэтому необъяснимыхъ; недавно, не вдали отсюда, найдено около пятисотъ монетъ Годунова, лже-Димитрія, Алексѣя Михайловича. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ о самомъ Невелѣ не упомянуто, но о находящемся въ пятнадцати верстахъ отъ него селеніи Еменецъ говорится въ новгородской лѣтописи подъ 1185 г. Въ августѣ 1562 года, въ девяти верстахъ отъ Невеля, на переписѣ между озерами Чересо и Мелкое, разбитъ поляками князь Андрей Курбскій, что послужило одною изъ причинъ осложненія отношеній между нимъ и царемъ Іоанномъ Грознымъ.

Много разъ переходили эти мѣста отъ русскихъ къ полякамъ и обратно. Въ 1649 году король Іоаннъ-Казиміръ пожаловалъ невельское староство, замокъ и городъ Невель, равно какъ и Себежъ, литовскому гетману Радзивиллу, за его успѣхи въ войнахъ съ Россіей, и этимъ основалъ одно изъ богатѣйшихъ

польскихъ состояній, существующее до сихъ поръ, но только подъ другими кличками и на другихъ мѣстахъ. Это прочное утвержденіе здѣсь кровнаго польскаго магнатства нанесло послѣдній ударъ древнему православію,—ударъ, отзывающійся и понынѣ. Еще въ 1436 году учреждена въ Литовскомъ княжествѣ инквизиція противъ «еретиковъ и отщепенцевъ», то-есть противъ православныхъ; въ 1596 году возникла унія и въ ней народилась и созрѣла личность архіепископа полоцкаго, Іосафата Кунцевича, гнавшаго православіе во всю, закрывавшаго православные храмы, убивавшаго монаховъ и убитаго, наконецъ, когда чаша долготерпѣнія переполнилась, въ Витебскѣ, въ 1623 году. Кунцевичъ, кажется, причтенъ къ лику святыхъ католической церкви.

Невель и Себежъ, владѣнія Радзивилловъ, много испытали за это время религіозныхъ и другихъ гоненій, и не отъ того ли плакали неоднократно очи Богородицы на Себежской иконѣ, находящейся нынѣ въ Опочкѣ? Въ челобитной жителей города Невеля, поданной Петру Великому, значится, между прочимъ: «Изволь подать намъ бѣдствующимъ совѣтъ и помощь, и защитить насъ отъ льва рыкающаго и денно и нощно поглотить насъ умышляющаго». По прямой помощи Петръ I оказать этой злополучной окраинѣ не могъ; въ 1707 году, въ войнѣ съ Карломъ XII, войска его заняли Себежъ и окрестности, и только въ 1772 году, при первомъ раздѣлѣ Польши, отошла къ Россіи Витебская губернія, и гоненія на православіе, измѣнивъ свою личину, стали изъ явныхъ тайными. Возсоединеніе уніатовъ послѣдовало, какъ извѣстно, 25-го марта 1839 года, но отклики давнишнихъ поползновеній католичества имѣются и теперь.

Много могилъ и городищъ разсыпано въ этихъ мѣстахъ, прямымъ слѣдомъ тяжкаго, боевого прошедшаго. Особенно характерны такъ называемые Жанвильскіе курганы или сопки, составляющіе три отдѣльныя группы, двѣ — по сотнѣ кургановъ въ каждой и одна—около семидесяти. Такой группировки слѣдовъ смерти въ количествѣ трехсотъ кургановъ — поискать; нѣкоторые изъ кургановъ вскрыты, но большинство остается нетронутыми и сохраняетъ, конечно, для будущихъ людей не одинъ подарокъ. Въ конецъ разрушенъ другой живой слѣдъ прежняго времени, это — такъ называемые «панцырные бояре» вошедшіе теперь въ общую скромную рубрику сельскихъ обывателей. Это было нѣчто въ родѣ польскаго казачества и, отчасти, аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Польскіе короли считали за нужное по окраинѣ Московскаго государства поселять мѣщанъ и вольныхъ людей, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они, пользуясь безплатно землей и другими правами, были готовы во всякое время выступить на войну противъ Россіи и имѣли для этого добраго коня, панцырь, шлемъ, мечъ, копье, цвѣтное платье и шпоры. Особая королевская грамота 1547 года точно опредѣляла права ихъ; рядъ королей, включительно до Станислава-Августа въ 1764 году, подтверждалъ эти права, сходно съ подтвержденіемъ правъ различныхъ прибалтійскихъ сословій; но въ 1772 году, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, панцырные бояре, многимъ изъ которыхъ жаловалось въ свое время дворянство, скромнымъ образомъ записаны въ «крестьянъ дворцовой канцеляріи», такъ что о прежде звенѣвшихъ здѣсь

рыцарскихъ шпорахъ, звукъ которыхъ пугалъ бы мѣстныхъ евреевъ, нѣтъ болѣе и помину.

Останавливаясь на историческихъ событіяхъ, нельзя не вспомнить, что здѣсь же, вслѣдъ за Сѣверною войною и свалками съ Польшею, совершились важныя дѣла въ 1812 году, въ іюлѣ и августѣ; здѣсь, прикрывая вторгнувшимся французамъ путь на Ригу, куда направлялся Макдональдъ, и къ Петербургу, куда должны были идти Удино и Сенъ-Сиръ, дѣйствовалъ графъ Витгенштейнъ. Съ нашей стороны имѣлось налицо до 25,000 человѣкъ, со стороны французовъ — 40,000. Воспользовавшись разобщеніемъ Макдональда и Удино, Витгенштейнъ составилъ превосходный планъ: занявъ центральную позицію, выждать переправы французовъ на правый берегъ Двины и напасть всѣми силами на ближайшій къ нему изъ корпусовъ. Планъ этотъ, какъ извѣстно, удался вполнѣ, и бой подъ Клястицами, въ двадцати пяти верстахъ отъ Невеля, окончился полнымъ пораженіемъ Удино; на слѣдующій день, 20-го іюля, подъ Боярщиной, тоже близко отсюда, палъ генералъ-маіоръ Кульневъ, одинъ изъ наиболѣе народныхъ героевъ Отечественной войны, нѣчто въ родѣ Скобелева, отважный до самозабвенія, щедрый до беззаботности и любимый солдатами безгранично; самъ онъ называлъ себя «Люцинскимъ Донъ-Кихотомъ»; Люцинъ, мѣсто его рожденія, находится близко къ тому мѣсту, гдѣ ядро оторвало ему обѣ ноги; но между колыбелью и могилой герой, лежащими по сосѣдству, юный тогда генералъ успѣлъ прославиться въ цѣломъ рядѣ походовъ на Дунаѣ, въ Польшѣ, въ Финляндіи. Лихой и настойчивый, Кульневъ возымѣлъ, между прочимъ, какъ видно изъ письма его къ брату, писанному въ 1805 году, своеобразную мысль: «поймать Бонапарта и принести его голову въ жертву первой красавицѣ; прошу не называть это химерой: заклинаю тебя, это мои чувствія»,—писалъ онъ. Характерной для времени и для Кульнева мысли этой не суждено было, однако, осуществиться; Кульневъ былъ похороненъ недалеко отъ Клястицъ, подлѣ Сивошина перевоза, но въ 1816 году тѣло его перевезено въ деревню его шурина, а затѣмъ окончательно въ церкви села Нязельбергъ, принадлежавшаго его брату.

Отъ Канашева до Невеля двадцать пять верстъ; въ Невель путники прибыли 19-го іюня около 10½ часовъ утра. Городъ лежитъ въ мѣстности довольно ровной, совершенно голой, при впаденіи небольшой рѣчки Еменки въ Невельское озеро. На небольшой возвышенности находился замокъ, но отъ него сохранилось только имя и очень небольшіе слѣды. Рѣчка Еменка, пройдя озеро, впадаетъ въ Ловать, и Петръ I, будучи въ Невелѣ въ 1705 году, думалъ соединить ея верховье съ рѣкой Оболью, впадающею въ Западную Двину, то-есть открыть внутренній путь между Ладожскимъ озеромъ и Рижскимъ заливомъ; но затраты не окупались выгодами, и дѣло было оставлено. Характерно, что водораздѣлъ, на которомъ предполагалось рыть каналъ, называется здѣсь въ простонародьи «рабщизной»; рабство, какъ извѣстно, было постояннымъ спутникомъ католичества и панства, въ смыслѣ гораздо худшемъ, чѣмъ наше крѣпостничество, и тутъ расцвѣтало оно вполнѣ и еще сказывается многими особенностями.

Видъ на Невель съ шоссе недуренъ; влѣво высится соборъ, рядомъ съ нимъ костелъ, вправо маковки православнаго монастыря. Населеніе Невеля около 7,500 человѣкъ, изъ нихъ 3,896 евреевъ, со значительнымъ придаткомъ пришлаго люда; изъ числа 1,400 домовъ, только 42 каменныхъ. Соборъ, подъ восьмиграннымъ куполомъ на четырехъ столбахъ, далеко не производитъ впечатлѣнія богатаго; образовъ мало, иконостасъ и старовать, и плохъ, такъ что благолѣпія, къ которому привыкъ русскій глазъ, здѣсь не имѣется. Храмъ построенъ въ 1809 году, но сгорѣлъ въ 1865 и подновленъ въ 1866 году.

Сосѣдній съ соборомъ заштатный мужской Преображенскій монастырь построенъ въ 1732 году, но сгорѣлъ и подновленъ одновременно съ соборомъ; куполъ въ монастырскомъ храмѣ восьмигранный, иконостасъ трехъярусный, окраска стѣнъ—желтое съ голубымъ—тѣмъ рѣзче и непріятнѣе, что образовъ очень немного, да и тѣ, что есть—бѣдны. Монаховъ всего трое, въ томъ числѣ игуменъ; послушниковъ шесть. Сравнительно съ этими данными, доходы монастыря, достигающіе, кромѣ исполненія требъ, 1,200 рублей, кажутся слишкомъ большими, а бѣдность церковной обстановки слишкомъ выразительною; несомнѣнно, что для церковнаго благолѣпія своими средствами могло бы быть сдѣлано несравненно больше.

Не далѣе, какъ въ семи верстахъ отъ Невеля, по пути къ Великимъ Лукамъ, экипажъ остановился въ селѣ Ивановѣ, подлѣ церкви, въ склепѣ которой покоится тѣло знаменитаго въ исторіи пугачевскаго бунта Михельсона.

Если въ отмѣткахъ о нашихъ боевыхъ генералахъ 1812 года, составленныхъ въ штабѣ французской арміи до начала похода, Кульневъ характеризованъ такъ: «c'est Lasalle de l'armée russe», то относительно воинскихъ особенностей генерала-отъ-инфантеріи Михельсона сказано кѣмъ-то, что онъ напоминаетъ—Блюхера. Село Иваново было подарено ему съ 1,000 душъ крестьянъ Императрицей Екатериной II. Это была одна изъ многихъ наградъ, вызванныхъ совершенно незаурядными, замѣчательно-отважными и настойчивыми дѣйствіями Михельсона по поимкѣ, въ концѣ 1774 года, разбойника Пугачева, державшаго долгое время въ страхѣ всю Россію. Сельская церковь стоитъ близъ самой дороги, массивная, каменная, построенная, какъ говорятъ, на деньги Михельсона, и въ нее-то, въ 1807 году, привезено было тѣло умершаго строителя, покончившаго жизнь, какъ и подобало солдату, въ походѣ, а именно въ Бухарестѣ, въ качествѣ главнокомандующаго нашею дунайскою арміей, при самомъ началѣ наполеоновскихъ войнъ. Михельсонъ полвѣка честно прослужилъ Россіи и долженъ быть причисленъ къ тѣмъ дворянамъ Лифляндской губерніи, имена которыхъ не забудутся нами въ доброй къ нимъ памяти. Хотя онъ не былъ лишенъ природныхъ дарованій, смѣлости и воинскаго развитія вообще, но едва ли бы многочисленные его походы, многія раны, командованія полками, корпусами, арміей успѣли сдѣлать для его имени то, что сдѣлалъ пятимѣсячный блестящій походъ противъ Пугачева.

Посланный въ мартѣ 1774 года въ распоряженіе генералъ-аншефа Бибикова, вѣдавшаго все дѣло умиротворенія нашего пылавшаго Поволжья, Михельсонъ началъ свои первыя дѣйствія подлѣ Уфы, и уже въ августѣ Пуга-

чевъ, потерпѣвъ отъ Михельсона послѣднее пораженіе на югѣ, при Черномъ Ярѣ, бѣжалъ на луговую сторону Волги, гдѣ немедленно былъ схваченъ и выданъ посланному для его поимки Суворову. Настойчивость, послѣдовательность, отвага Михельсона поистинѣ изумительны: сокрушая толпы за толпами, не давая своимъ войскамъ и часа отдыха, двигаясь безъ дорогъ, безъ мостовъ, безъ боевыхъ, вещевыхъ и пищевыхъ запасовъ, въ странѣ озлобленной, полной всякаго сброда, инородцевъ, бѣглыхъ казаковъ и освобожденныхъ изъ тюремъ и каторги острожниковъ, въ странѣ, полной пожарищъ и висѣлицъ, на громадномъ пространствѣ отъ Казани до Царицына, Михельсонъ все-таки достигъ цѣли. Преслѣдуя Пугачева по пятамъ, безостановочно, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, онъ понялъ хорошо, что только этимъ способомъ неумолчной, безустанной погони возможно его уничтоженіе, такъ какъ дать Пугачеву на роздыхъ хотя одинъ день, значило дать ему достаточное время собрать изъ всякой черни и челяди новыя полчища, навербовать новыхъ «генераловъ» и «полковниковъ», исчезнуть на болѣе или менѣе долгій срокъ въ безконечности степей и неистовствовать невыразимо, выжигая города и сокрушая крѣпости. Важность заслугъ Михельсона сказывается въ наградахъ, полученныхъ имъ: чинъ полковника, 1,000 душъ крестьянъ въ Витебской губерніи, Георгій 3-й степени, значительная сумма денегъ и, скоро вслѣдъ за тѣмъ, командованіе лейбъ-кираспрскимъ полкомъ и дальнѣйшая блестящая карьера. Не забыты были и другіе сподвижники. «Мое намѣреніе есть,—писала Екатерина II къ генералъ-маіору П. С. Потемкину, завѣдывавшему секретными комиссіями по отысканію виновныхъ въ мятежѣ, — я отъ васъ не скрою, наградить деревнями всѣхъ тѣхъ, кои во всякой другой войнѣ кресты бы получили». Такою деревнею, дополнившею, но не замѣнившею Георгіевскій крестъ, относительно Михельсона, было село Иваново, подлѣ церкви котораго путники остановились.

Еще живы люди, помнящіе раскинутый здѣсь тѣнистый паркъ, барскій домъ, театръ и другія постройки. Теперь отъ всего этого остались только четыре свидѣтеля: Божій храмъ, развалина старой вѣтряной мельницы, замѣчательно прочной кладки, нѣкоторые слѣды усадьбы или замка, на берегу Иванъ-озера, и особый родъ улитокъ, разведенныхъ Михельсономъ для борьбы съ червями и насѣкомыми въ несуществующемъ уже саду.

Храмъ построенъ въ 1805 году, окруженъ рѣшеткою, огѣненъ старыми липами, покрытъ небольшимъ куполомъ и имѣетъ восемь іонійскихъ колоннъ въ длину храма; въ куполѣ и подъ арками розетки; престолъ стоитъ подъ круглою сѣнью, опирающеюся на шесть колоннъ сѣраго мрамора; стѣны церкви почти голы; снаружи имѣетъ она на три стороны три портика подъ фронтонами и входъ въ нее сквозь нартексъ, въ которомъ красуется мраморный бюстъ Михельсона. Въ общемъ, постройка церкви прочная, разсчитанная на многіе годы и преуспѣяніе не существующей теперь усадьбы. Богата была въ свое время и обстановка церкви, если судить по тѣмъ предметамъ, которые были похищены изъ нея въ 1876 году и найдены въ окрестностяхъ Полоцка: чаша, лжица, дарохранительница, окладъ съ Евангелія и т. п. Воровское дѣло это имѣло въ свое время большую огласку; воры пробрались въ церковь, взломавъ

рѣшетку въ склепѣ; они вскрыли гробъ генерала, думая найти въ немъ золотую урну съ внутренностями, но ошиблись, обобрали ризницу, искали денегъ, для чего, какъ разсказываютъ, жгли сургучомъ жену управляющаго и, наконецъ, бѣжали. Начатые розыски доставили обратно только часть вещей, которыя и хранятся поломанныя, кучею, въ особомъ ящикѣ.

Тѣло Михельсона, потревоженное ворами, покоится подъ алтаремъ въ склепѣ, въ который можно спуститься по гнилымъ, поросшимъ травою, ступенькамъ. Своды склепа, треснувшіе глубоко, лежатъ на четырехугольномъ столбѣ, тоже не прочномъ. Дубовый гробъ генерала, съ металлическими на немъ изображеніями херувимчиковъ, помѣщенъ въ деревянный ящикъ и свидѣтельствуетъ воочію о громадности роста Михельсона; подлѣ, въ двухъ меньшихъ гробахъ, лежатъ сынъ и дочь покойнаго. Сынъ Григорій, недоросль, сдѣлалъ все возможное для крушенія благосостоянія, оставленнаго отцомъ; помѣщикъ самыхъ дикихъ свойствъ, онъ совершалъ отсюда набѣги на Великія Луки и Невель, причемъ пускалъ въ ходъ даже дарованныя отцу пушки; тучею носились по улицамъ городовъ михельсоновцы; купцы запирали лавки; женщины скрывали дѣтей и прятались сами, такъ какъ не было суда и расправы надъ именитымъ барчемъ. Думалъ ли заслуженный генералъ, что въ сынѣ его скажутся многія особенности усмиреннаго имъ Пугачева, скажутся именно въ той деревнѣ, которая послужила царственною наградой за это усмиреніе, и гдѣ, въ склепѣ забытой церкви, успокоятся они оба рядомъ, другъ подлѣ дружки, въ одинаковомъ молчаніи, отецъ и сынъ?

Дальнѣйшій путь шелъ богатымъ казеннымъ сосновымъ боромъ; вдоль пути еще виднѣются старыя березы, обрамлявшія всю дорогу; пески глубоки; мѣстность волниста; въ открытыхъ мѣстахъ красивыя панорамы на синюю даль, на поля, усадьбы, озера. Почтовыя лошади, разукрашенныя ленточками, довольныя тѣмъ, что предшествовавшіе холода обезпечивали ихъ отъ осъ и шмолей, быстро подхватывали въ горы. Около четырехъ часовъ дня путники находились снова на границѣ Псковской губерніи, въ Сеньковѣ, извѣстномъ по союзу, заключенному въ немъ съ Испаніею въ 1812 году.

Великія Луки.

Характеръ пути. Въѣздъ въ городъ. Соборъ. Лука разбойникъ. Новгородское время. Витольдъ литовскій и Стефанъ Баторій. Погромъ 1580 года. Измѣнникъ Валуевъ. Царскія посѣщенія. Дороги. Исчезновеніе женскихъ историческихъ одѣяній. Безобразія помѣщичьяго времени. Вознесенскій монастырь. Видъ съ крѣпостного вала.

По пути отъ Сенькова къ Великимъ Лукамъ окрестность не мѣняетъ своего живописнаго характера, только роскошный сосновый боръ, принадлежащій казнѣ, могучія сосны котораго прямы, какъ стрѣлы, и звучны при гуляющемъ въ вершинахъ ихъ вѣтрѣ, какъ струны, смѣнялся по временамъ мѣстами болѣе открытыми; тѣ же холмы, пески, озера, усадьбы,—все это быстро мелькало по сторонамъ, потому что дорога стала легче и почтовыя шестерки замѣнились четверками. Ленточки всѣхъ цвѣтовъ, обильно вплетенныя въ гривы и хвосты лошадей, весело развѣвались надъ ними, особенно при подхватываніяхъ въ гору; между ямщиками, собственноручно убиравшими коней, сказывалось значительное соревнованіе.

Въ Купуѣ, на послѣдней станціи передъ Великими Луками, встрѣчались одѣтыя въ мѣстное одѣяніе женщины, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, съ красными вышивками по плечамъ, такими же кушаками, красными платками на головахъ, завязанными на затылкахъ узломъ, и въ берестовыхъ лаптяхъ.

Около шести часовъ вечера открылся съ дороги видъ на Великія Луки. Видъ этотъ, когда подъѣзжаешь къ городу съ юга, не особенно красивъ: мѣстность открытая, ровная, и только маковки одиннадцати городскихъ церквей, въ томъ числѣ двухъ монастырей, оживляютъ однообразную значительно раскинутую линію построекъ.

Соборъ Великихъ Лукъ о пяти синихъ куполахъ, съ зеленымъ шпилемъ колокольни, помѣщается между валами старой крѣпости; подлѣ него находятся всѣ воинскія учрежденія. Старѣйшая часть постройки, кубическая, рѣзко выдѣляется отъ позднѣйшихъ пристроекъ. Плоскій куполъ накрываетъ церковь; желѣзныя связи и голосники виднѣются въ обшивкѣ; иконостасъ двухъярусный, довольно плоской профили, золоченый; иконы Спасителя и Богоматери по

сторонамъ Царскихъ дверей сіяютъ въ богатыхъ ризахъ; надъ иконостасомъ нарисовано синимъ по бѣлому подобіе шатра, подъ короною. Воскресенскій соборъ заложенъ Петромъ I въ 1682 году и въ немъ имѣются двѣ иконы, пожертвованныя царями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами. Оба придѣла—1819 и 1826 годовъ, иконостасъ — 1792 года.

Жителей въ Великихъ Лукахъ около 7,000 человѣкъ; евреевъ здѣсь 88 семействъ, или 505 человѣкъ; ихъ почти не знали здѣсь до 1866 года, до пожара Невеля, когда послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе поселиться здѣсь невельскимъ погорѣльцамъ-ремесленникамъ. Высочайшая милость касалась только ремесленниковъ, но кто же изъ евреевъ не ремесленникъ чего-либо? Наплывъ ихъ сюда изъ года въ годъ растетъ, главная торговля направляется на Витебскъ, и прокурорскому надзору даютъ они много работы: въ Великихъ Лукахъ, какъ извѣстно, существуетъ свой окружный судъ,—отличіе, которое имѣютъ очень немногіе изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ.

Много было у Великаго Новгорода крѣпостей и городовъ, но «ключомъ южныхъ его владѣній», какъ говоритъ Карамзинъ, служили Великія Луки. Началось тутъ, по преданію, съ разбойничьяго гнѣзда, устроеннаго будто бы на излучинахъ рѣки Ловати, въ 90 верстахъ отъ имѣвшагося города Холма,—гнѣзда, устроеннаго нѣкіимъ разбойнымъ человѣкомъ, «дородымъ и великимъ», Лукой по имени, бѣжавшимъ сюда съ товарищами изъ Новгорода. Всѣхъ грабилъ Лука, всѣхъ, кто только наваливалъ на страну: кривичей, новгородцевъ, полочанъ, чудь, финновъ, эстовъ и своихъ земляковъ холмитянъ; много ихъ было тогда всякихъ, двигавшихся съ мѣста на мѣсто людей, искавшихъ, гдѣ имъ устроиться, потому что въ этой кашѣ пестрыхъ народовъ, напиравшихъ одинъ на другого, трудно было разобраться—кто свой, кто чужой и гдѣ кому окончательно сѣсть.

Первое лѣтописное свѣдѣніе о Великихъ Лукахъ имѣется подъ 1155 годомъ; онъ названъ «Новгородскимъ, обширнымъ и укрѣпленнымъ» пунктомъ. Должно быть, крѣпкія стѣны города являлись причиной того, что онъ неоднократно принималъ участіе въ междоусобіяхъ удѣльныхъ князей, сидѣвшихъ въ немъ, что онъ отражалъ всякихъ враговъ и даже самъ, со своими горожанами, ходилъ въ 1205 году на «поискъ», и очень удачно, въ сосѣднюю Ливонію. Когда вся Русь надолго зачахла подъ монголами, Новгородъ со своими землями и самымъ юго-восточнымъ, обращеннымъ къ татарамъ, «надежнымъ оплотомъ народной державы», Великими Луками, ихъ власти не подпалъ, хотя и платилъ ордынскія дани.

Первый разъ подчинились Великія Луки чужому человѣку, а именно Витольду литовскому, въ 1405 году; вслѣдъ затѣмъ, подобно тому, какъ они служили разнымъ князьямъ въ междоусобицы опорнымъ пунктомъ, стали Великія Луки предметомъ распрей между Новгородомъ и Псковомъ до тѣхъ поръ, пока не пришелъ конецъ самому Новгороду и въ 1477 году не взялъ его, призывавшаго къ себѣ на помощь Казимира литовскаго, Іоаннъ III.

Характерно для Великихъ Лукъ то, что, думая откупиться отъ русскаго царя, новгородцы предлагали ему взять Великія Луки; не будь это пріобрѣтеніе

вкладомъ цѣннымъ, новгородцы, конечно, не смѣли бы предложить его царю, отклонившему, однако, это предложеніе вслѣдствіе простой увѣренности, что если возьметъ онъ Новгородъ, то пригороды, какъ бы они цѣнны ни были, достанутся ему и сами собою. А что Великія Луки были однимъ изъ цѣннѣйшихъ пригородовъ, видно изъ участія ихъ въ торговлѣ ганзейскаго союза, въ томъ, что онѣ имѣли свое вѣче съ колоколомъ, имѣли намѣстниковъ и князей, присылавшихся изъ Новгорода, что онѣ правили свой судъ и что разъ въ годъ, въ Петровъ день, наѣзжали въ Луки изъ Новгорода «именитые граждане» для выслушанія жалобъ на намѣстниковъ и рѣшенія важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлъ.

Если ограничиться воспоминаніемъ только самыхъ крупныхъ фактовъ изъ исторіи Великихъ Лукъ, то слѣдуетъ вспомнить 1580-й годъ, время нашествія на Россію Стефана Баторія. Польскій лѣтописецъ Стрыйковскій описываетъ, изъ какихъ именно конныхъ и пѣшихъ гетмановъ, воеводъ и старостъ, изъ какихъ поляковъ, венгерцевъ и рыцарей составлена была 44,000-ная рать Баторіева, шедшая на Луки, имѣвшія только 6,000-ный гарнизонъ. «Многолюднѣйшимъ, обширнѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ послѣ Москвы и Пскова»,—говоритъ историкъ псковскаго княжества,—были тогдашнія Великія Луки; онѣ имѣли замокъ и были хорошо укрѣплены, и въ то время, какъ царь Іоаннъ IV испрашивалъ у короля польскаго чрезъ пословъ своихъ, Сицкаго и Пивова, пощады, великолучане стойко отстаивали свой городъ, продаваемый царемъ и громимый большою артиллеріей. 5-го сентября удалось полякамъ подвести мину подъ большой пороховой погребъ, и одновременно со страшнымъ взрывомъ устремились они на приступъ. Семь тысячъ русскихъ головъ, говоритъ Стрыйковскій, меньше чѣмъ въ одинъ часъ времени, слетѣло съ плечъ, и продолжительная бойня кончилась тѣмъ, замѣчаетъ Карамзинъ, что Баторій взялъ «пепелище, облитое кровью, покрытое истерзанными тѣлами и членами».

Утвердившись на Ловати, Баторій, имѣя центръ зимнихъ квартиръ въ Великихъ Лукахъ, пошелъ далѣе къ Торопцу, Холму, на Старую Руссу. Мольбу о милости, не удавшуюся Сицкому и Пивову, Іоаннъ IV поручилъ іезуиту Поссевину, уступая врагамъ пятьдесятъ шесть городовъ, въ томъ числѣ и Великія Луки. Въ сказкахъ русскаго народа, Сахарова, имѣется пѣсня о томъ, какъ шелъ польскій король:

На первый-то городъ на Полотскій,
На другой-то городъ на Велики Луки,
На третій-то городъ на батюшку Опсковъ-градъ,
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики Луки онъ насквозь прошелъ.

Въ пѣснѣ этой говорится также, какъ защищалъ Псковъ воевода Иванъ Петровичъ князь Шуйскій и какъ, наконецъ, «насилу король самъ-третей убѣжалъ».

Не лучше были времена самозванцевъ; весь сѣверъ Россіи оказался размежеваннымъ между шведами, поляками и самозванцами; много вредили и свои воровскіе люди. Въ ночь на Рождество 1610 года нѣкій измѣнникъ Валуевъ святотатственно ворвался въ Великія Луки и напалъ на гражданъ, молившихся

въ церквахъ, перерѣзалъ, кого могъ, ограбилъ, что удалось, и предалъ городъ пламени. Двѣнадцать недѣль послѣ этого валуевскаго погрома оставался городъ пустымъ и представлялъ изъ себя великое пепелище. Съ 1668 года, послѣ нападенія польскихъ жолнеровъ на предмѣстья, Великія Луки, опустошенныя, разграбленныя, захлѣвшія, не видѣли болѣе подъ стѣнами своими непріятеля, но не пришлось имъ и до настоящаго времени приблизиться, хотя отчасти, къ блеску своего былого. Временно думали великолучане, послѣ Петра I, поправить свои дѣла контрабандной торговлей, пользуясь близостью къ западной границѣ, и только отнесеніе границы, при Екатеринѣ II, болѣе на западъ прекратило это временное, незаконное средство наживы. Печальныя, но славныя судьбы города разсказаны и изданы однимъ изъ великолучанъ, покойнымъ редакторомъ «Русской Старины» М. Семевскимъ.

За время позднѣйшаго мирнаго существованія города слѣдуетъ упомянуть, что здѣсь дважды пребывалъ Петръ I и, готовясь къ войнѣ съ Карломъ XII, повелѣлъ строить крѣпость, состоявшую изъ бастіоновъ съ равелинами и валомъ въ десять саженъ вышины, нынѣ наполовину осыпавшимся; еще въ 1852 году валы эти были такъ высоки, что изъ-за нихъ виднѣлся только крестъ соборной церкви, теперь видны и купола; на узкихъ каменныхъ воротахъ значится 1704-й годъ. Въ награду за всѣ тягости, понесенныя мѣстнымъ народомъ въ Сѣверную войну, царь Петръ далъ псковичамъ и великолучанамъ льготу исключительнаго права торговли въ Нарвскомъ портѣ, но Екатерина I уничтожила это право. Великія Луки посѣщали: Екатерина II, Александръ I и Николай I.

Что Великія Луки были нѣкогда городомъ богатымъ, видно, между прочимъ, изъ количества различныхъ кладовъ, разновременно подлѣ него найденныхъ. Въ 1802—1803 найдено до девяти пудовъ серебряныхъ монетъ IX—XI вѣковъ; что Луки были велики, ясно изъ преданій, будто городъ имѣлъ протяженія до двадцати верстъ: теперь въ его окружности только девять. Однимъ изъ доказательствъ давнишняго захлѣнія всего уѣзда служатъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи дорогъ въ 1838 году, помѣщенныя въ «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», изъ которыхъ видно, что мѣстныя дороги «болѣе похожи на извилистыя, подъ прямымъ угломъ, подобныя зигзагамъ змѣеобразныя, широкія тропины, самимъ временемъ отъ вѣковой ходьбы и ѣзды образовавшіяся, но рукъ человѣческихъ тамъ не бываетъ, грѣхъ смертный назвать ихъ дорогами».

Много отняло отъ города всепожирающее время, но краснаго расположенія надъ Ловатью оно отнять все-таки не могло; древнія укрѣпленія виднѣются очень ясно, хотя о множествѣ воротъ, о башняхъ, числомъ двѣнадцать, изъ которыхъ двѣ—шести и двѣ—четырехъугольныя имѣли до шестнадцати саженъ ширины, о кремлѣ, имѣвшемъ въ окружности цѣлую версту, нѣтъ болѣе и помину. Воинственныя воспоминанія сохранились въ гербѣ, данномъ городу Петромъ Великимъ: рука, вооруженная мечомъ, разящая чернаго змія, и въ гербѣ, данномъ Екатериною II, съ изображеніемъ трехъ натянутыхъ луковъ. Есть свѣдѣнія о городскихъ знаменахъ, «вѣчаныхъ», можетъ быть данныхъ съ

согласія вѣча, но «ихъ нѣтъ теперь; гдѣ?»—спрашиваетъ коротко и выразительно мѣстный исторіографъ 1838 года, и не даетъ отвѣта.

Какъ исчезали, словно дымъ, тотъ или другой историческій очеркъ города, такъ исчезло безслѣдно и прелестное женское одѣяніе: «ряски» съ жемчугомъ въ видѣ плоскодонной круглой шляпы съ полями—«заборами», тоже унизанными жемчугомъ, исчезли широкіе, откидные, вышитые воротники рубашки и штофныя юбки, обшитыя глазетомъ.

Ранѣе упоминалось уже о свирѣпости и безшабашности здѣшнихъ помѣщиковъ въ концѣ прошлаго вѣка, образчикомъ которыхъ служилъ Григорій Михельсонъ; такихъ людей здѣсь было много, и архивныя дѣла хранятъ множество дѣлъ возмутительнѣйшаго свойства. Стоитъ вспомнить Алексѣя Орлова, грабившаго въ теченіе десяти лѣтъ сосѣда своего Василевскаго; случайно сошлись они на молитвѣ въ церкви Св. Троицы; «не молись Троицѣ»,—говорилъ Орловъ, гордо сидѣвшій на стулѣ у лѣваго клироса, стоявшему на колѣняхъ и молившемуся Василевскому,—«не молись иконѣ, а помолись мнѣ: захочу—помилую, захочу—сгублю», и народъ слышалъ эти слова, и Орловъ убитъ громомъ небеснымъ при выходѣ изъ церкви.

При осмотрѣ достопримѣчательностей города приходилось нѣсколько разъ переѣзжать Ловать по довольно длинному мосту. Извилистая Ловать, берега которой пологи, образуетъ тутъ островки; на одномъ изъ нихъ стоитъ Преображенская церковь, противъ нея на берегу церковь Покрова, называемая въ простонародьи «Егорья», въ память когда-то бывшаго здѣсь монастыря; это еще одинъ примѣръ того, какъ слово переживаетъ камни. Изъ существующихъ здѣсь двухъ монастырей,—прежде ихъ было еще три,—Вознесенскій дѣвичій монастырь имѣетъ 16 инокинь и 90 послушницъ, съ игуменьей во главѣ; общежитія въ немъ нѣтъ, такъ какъ всѣ живущія въ немъ существуютъ на свои средства, хотя есть и такія, которыя присылаются сюда на житье и содержатся изъ общихъ доходовъ. Пятирусный иконостасъ лѣтней церкви высится подъ восьмигранным куполомъ; проходъ въ нее сквозь нартексъ и зимнюю церковь, о двухъ престолахъ, невысокую, подъ цилиндрическими сводами; въ одной изъ нихъ, въ особомъ помѣщеніи, крупный, рѣзной, крашеный обликъ Спасителя; всѣ стѣны всѣхъ храмовъ покрыты фресками въ свѣтломъ тонѣ. На мѣстѣ этого дѣвичьяго монастыря находился мужской Ильинскій, сожженный въ 1610 году въ разбойничій набѣгъ одного изъ названныхъ нами уже раньше сообщниковъ пана Лисовскаго, Валуева; граждане, послѣ пожара, воздвигли въ 1685 женскій Вознесенскій монастырь, деревянный, обращенный въ каменный въ 1751 году.

Слѣдовали посѣщенія: городского училища съ ремесленными классами, очень хорошо устроеннаго; земской больницы, отличающейся порядкомъ, причемъ комнаты такъ просторны, что на больного, не считая широкихъ коридоровъ, приходится воздуха по 5½ куб. метровъ; посѣщены: отдѣленіе сестеръ Краснаго Креста, тюрьма и домъ призрѣнія бѣдныхъ, существующій съ 1780 г.; кромѣ 16 стариковъ, 49 старухъ и 27 дѣтей, мѣстное благотворительное общество содержитъ еще въ частныхъ домахъ 57 человѣкъ, давая каждому по два

рубля въ мѣсяцъ и по одному пуду муки. Въ длинномъ рядѣ городовъ, посѣщенныхъ въ теченіе четырехлѣтнихъ путешествій, Великія Луки, какъ по воспитательной части, такъ и въ дѣлѣ благотворенія, занимаютъ очень видное мѣсто и могутъ послужить примѣромъ многимъ другимъ.

До отъѣзда въ Торопецъ, послѣдовавшаго въ часъ пополудни, посѣщена была бесѣдка, сооруженная, какъ и въ Опочкѣ, на старомъ крѣпостномъ валу. При роскошномъ полуденномъ освѣщеніи рѣка Ловать отсюда блестѣла по голубому фону подвижною сѣтью чешуйчатыхъ волнъ, и городскіе домики и храмы Божіи обрамляли ее очень красиво. Если, какъ сказано, крѣпостные валы лѣтъ тридцать назадъ были такъ высоки, что закрывали куполы собора, то и сама Ловать измѣнила свое русло, потому что она когда-то обмывала подножіе крѣпостныхъ валовъ.

Торопецъ.

Характеръ пути. Классическія березы. Прибытіе въ городъ. Историческія одѣянія торопчанокъ. Соборъ. Корсунская икона. Свадьба Александра Невскаго. Іоаннъ IV. Мѣстные историки: Находкинъ, Продіоновъ, Семевскій. Посидѣлки. Петръ I и комендантъ Алексѣевъ. Общій видъ церквей. Четыре характерныя легенды.

Отъ Великихъ Лукъ до Торопца всего девяносто съ небольшимъ верстъ; ночлегъ предполагался, не доѣзжая до города десяти верстъ, въ усадьбѣ мѣстнаго предводителя дворянства, съ тѣмъ, чтобы быть въ Торопцѣ въ воскресенье къ обѣднѣ. День стоялъ необычайно жаркій; нѣкоторыя части пути, какъ говорили, особенно тяжелы, и, дѣйствительно, на второмъ переѣздѣ пришлось взобраться на гору Собачью, на четвертомъ—перевалить гору Воробью, и добрымъ конямъ предстояла очень трудная работа. При началѣ дороги мѣстность довольно ровная, безлѣсная; затѣмъ опять начинаются холмы и горы; деревни часты, но невелики,—рѣдко больше двадцати дворовъ, такъ что трудно устроить между крестьянами круговую поруку, требующую, какъ извѣстно, сорокъ дворовъ. И тутъ, какъ до Великихъ Лукъ, почти вдоль всей дороги виднѣются съ обѣихъ сторонъ древнія березы, насажденныя когда-то добрыми людьми, для доставленія прохожимъ тѣни. Березъ этихъ теперь болѣе не подсаживаютъ; время уничтожаетъ ихъ, а люди обращаются съ ними самымъ безжалостнымъ образомъ; то и дѣло встрѣчаете вы столѣтняго великана съ прожженнымъ дупломъ: нужно было прохожему развести костеръ, какъ же не воспользоваться живымъ березовымъ матеріаломъ, пустивъ по немъ пламя съ подвѣтренной стороны? Печальны эти пораненные на-смерть старики растительнаго царства; много видѣли они бурь; ихъ щадила небесная молнія, но не пощадила спичка прохожаго, отъ котораго и слѣдъ простылъ. Если пейзажисты правы, говоря, что каждое дерево имѣетъ свою совершенно особенную физіономію, то здѣшнія березы—источникъ богатѣйшій; никакая фантазія не создастъ этихъ чудовищныхъ изворотовъ вѣтвей и ство-

ловъ, этихъ грибообразныхъ наростовъ, этихъ крючьевъ и дупелъ. Много березъ уже валяется по придорожнымъ канавкамъ и обростаетъ султанами зеленыхъ папоротниковъ и нитями павлики и другихъ вьюновъ.

Во второй половинѣ пути опять проглядывали по сторонамъ синія озера. Оберегая лошадей, иногда, при въѣздѣ на гору, путники сходили съ экипажа; такъ случилось и подлѣ озера Жижицкаго или, попросту, Жижи; здѣсь, подлѣ дороги, находились мѣстные рыбаки; старѣйшій изъ нихъ на разспросы сообщилъ, что родное ихъ озеро даетъ иногда тоню въ 1,000 пудовъ, и попадаются судаки до одного пуда вѣсомъ.

Торопецъ, со множествомъ маковокъ церковныхъ, обильно сіяющій озерными водами, глянулъ очень красиво и типично. Въѣзжая въ него, видишь могучія очертанія старыхъ валовъ, поросшихъ зеленью, которые имѣютъ много что порасказать. Экипажъ прослѣдовалъ почти поперекъ всего города, прямо къ пристани, устроенной на берегу озера, къ которой предположено было подъѣхать не съ суши, а съ воды. Здѣсь стояла группа мѣстныхъ женщинъ и дѣвушекъ, сіявшихъ золотомъ, въ роскошныхъ историческихъ одѣяніяхъ торопчанокъ, при яркомъ, ослѣпительномъ блескѣ солнца, на берегу синѣвшаго озера, посреди толпы. Тутъ впервые довелось увидѣть всю типичность этихъ одѣяній, благодаря счастливой случайности или заслугѣ мѣстныхъ женщинъ,— одѣяній, сохранившихся въ такомъ большомъ количествѣ только въ Торопцѣ. Такъ было это во время императора Александра I и позже, такъ и теперь. Между женщинами были дворянки, купчихи, мѣщанки, замужнія и незамужнія отличавшіяся одна отъ другой большимъ или меньшимъ количествомъ жемчуга на кокошникѣ, но съ классическимъ бѣлымъ шелковымъ платкомъ, идущимъ остріемъ кверху надъ головой и широко раскидывающимъ свой плоскій золотой рисунокъ по спинѣ между плечъ; сарафаны, кажется, называются здѣсь ферезями. Отличіе женщинъ отъ дѣвушекъ сказывается въ томъ, что кокошники или, вѣрнѣе, нижніе пояса ихъ, унизанные жемчугомъ, у дѣвушекъ совершенно гладки, тогда какъ у женщинъ они оторочены цѣлымъ рядомъ невысокихъ, остренькихъ, также унизанныхъ жемчугомъ, характерныхъ рожковъ.

Городской соборъ чрезвычайно свѣтелъ: въ немъ тридцать большихъ оконъ, въ три свѣта; четырехгранный куполъ также въ два свѣта; вправо божница съ иконой Богоматери Эфесской или Корсунской, писанной св. Лукой, и передъ нею семь красивыхъ лампадъ. Вся алтарная часть храма находится какъ бы подъ особымъ павильономъ, имѣющимъ восемь золоченыхъ коринѳскихъ столбовъ. Надъ круглой аркой, поднимающейся надъ алтаремъ, изображено снятіе со Креста, въ медальонѣ Господь Саваоѳъ; сбоку изображенъ пѣтухъ, возгласившій трижды, во исполненіе Христова предсказанія. На стѣнахъ—живопись масляными красками. Пѣвчіе помѣщаются сзади на хорахъ, лицомъ къ алтарю. Въ главный храмъ проходятъ сквозь теплую церковь съ двумя придѣлами. Надъ соборомъ пять куполовъ съ золоченными маковками; колокольня стоитъ отдѣльно, по другую сторону улицы. Благолѣпіе храма—полное. Изъ числа древностей, хранящихся въ соборѣ, наиболѣе замѣчательны: панагія

и крестъ изъ привѣсовъ XIV вѣка, крестъ, пожертвованный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Евангеліе, изданное въ Вильнѣ въ 1600 году, и пр.

Что Торопецъ очень старъ, видно изъ того, что Несторъ, описывая черноризца Исаакія, называетъ его торопчанином. Болѣе положительное упоминаніе имѣется о городѣ подъ 1168 годомъ: онъ сожженъ княземъ Романомъ Новгородскимъ. Древнѣйшій, первоначальный Торопецъ стоялъ тамъ, гдѣ видѣется теперь городище; онъ назывался тогда Кривитъ. Въ Торопцѣ, какъ въ удѣлѣ Смоленскаго княжества, имѣли мѣсто многія битвы споривших между собою князей. Весьма длинны повѣсти о нападеніяхъ литовцевъ, и городъ, вѣроятно, имѣлъ уже тогда укрѣпленія; сидѣлъ въ Торопцѣ свой князь, было свое народоправство и шумѣло свое вѣче. Здѣсь Александръ Невскій, пріятный голосъ котораго «гремѣлъ какъ труба на вѣчахъ», вѣнчался съ Параскевой, дочерью Брячеслава Полоцкаго, и «ту кашу чини, а въ Новѣгородѣ другую». Памятью этого бракосочетанія является чудотворная икона Богородицы Эфесской, подаренная молодой женой князя и помѣщающаяся нынѣ въ Корсунско-Богородицкомъ соборѣ. Въ XIV вѣкѣ уничтоженъ Торопецъ-Кривитъ Ольгердомъ.

Въ Торопцѣ имѣло мѣсто проявленіе добраго чувства Іоанна IV, въ хорошее его время: въ 1553 году былъ «остановленъ и допрошенъ» и уличенъ въ измѣнѣ направлявшійся въ Литву, по порученію князя Симеона Ростовскаго, князь Лобановъ-Ростовскій; когда боярская дума опредѣлила послѣднему смертную казнь, то Іоаннъ IV ограничился тѣмъ, что поставилъ его на позоръ, а затѣмъ заточилъ въ Бѣлоозерѣ. Позже Іоаннъ IV пролилъ въ Торопцѣ много крови, потому что въ синодикахъ на поминовеніе убитыхъ имъ, которые онъ разсылалъ подъ конецъ жизни въ разные монастыри, напримѣръ, на Валаамъ, въ Кириловъ и другіе, значатся и торопчане. Вокругъ и около Торопца совершались многія сраженія съ войсками Баторія; когда имъ взяты были Великія Луки, то, чтобы побороть сидѣвшаго въ Торопцѣ князя Хилкова, польскому королю, въ 1580 году, пришлось сдѣлать особое на него нападеніе; хотя Хилковъ былъ разбитъ королемъ, но уже въ слѣдующемъ году поляки не могли взять города; въ 1611 году устоялъ онъ, въ числѣ немногихъ другихъ городовъ, противъ Сапѣги. Дальнѣйшія судьбы города обозначаются довольно ясно въ переговорахъ объ уступкахъ и переуступкахъ Польшѣ и Польшей тѣхъ или другихъ областей этой многострадальной западной окраины нашей. Полное успокоеніе наступило только, когда западная граница отодвинулась и укрѣпилась окончательно, и только въ короткій срокъ Отечественной войны имя Торопца, лежавшаго близко къ главной военной дорогѣ, не разъ встрѣчается вновь въ сказаніяхъ о пути Наполеоновскихъ полчищъ къ Москвѣ и обратно. Въ августѣ 1812 года привезенъ сюда плѣнный французъ, генералъ Жюно, герцогъ Абрантесскій, лѣчившійся здѣсь отъ ранъ.

Не разъ было замѣчено, при описаніи путешествій, что мелкіе центры нашей провинціальной жизни: Опочка, Холмъ, Гдовъ, Островъ и многіе другіе, въ свое время, особенно въ концѣ прошлаго вѣка, имѣли мѣстныхъ историковъ-лѣтописцевъ, которые, съ бо́льшими или меньшими свѣдѣніями и умѣньемъ,

передали потомству сказанія о прошедшихъ дняхъ своихъ маленькихъ городовъ. Надо признаться, что былое время въ этомъ отношеніи заявляло о себѣ лучше, чѣмъ наше.

Древнѣе другихъ неизвѣстный историкъ Торопца, кажется XVII вѣка, лицо духовнаго чина, описавшій «чудодѣйственную благодать» образа Корсунской Богородицы, съ сообщеніемъ по этому поводу историческихъ событій; копія съ этого труда хранится, кажется, въ соборѣ. Большой трудъ (сто листовъ мелкаго письма), «Исторія Торопца» Находкина, въ которомъ, въ числѣ замѣчательныхъ торопецкихъ дворянъ, названъ фельдмаршалъ князь Голенищевъ-Кутузовъ, составленъ, кажется, въ первой четверти нынѣшняго вѣка; послѣдній разсказъ въ немъ о смерти императора Александра I. Въ 1788 году отпечатана книга, теперь очень рѣдкая, «Историческія, географическія и политическія извѣстія, до города Торопца касающіяся», собранныя священникомъ Покровской церкви Петромъ Продіоновымъ и посвященныя «славному имени» Сиверса, генералъ-поручика, намѣстника тверского, новгородскаго и псковскаго. Продіоновъ доказываетъ, что Торопецъ существовалъ въ до-христіанскія времена; объ этомъ свидѣтельствуютъ-де, между прочимъ, сохранившіяся въ огромномъ количествѣ въ народныхъ пѣсняхъ, прибауткахъ и причитаніяхъ имена славянскихъ языческихъ божествъ, равно какъ обычаи, не имѣющіе съ христіанскимъ воззрѣніемъ ничего общаго, какъ-то: скаканіе черезъ крапиву и огонь, подслушиваніе у замка церковнаго и т. п. Во время Продіонова существовалъ здѣсь странный обычай вести невѣсту къ вѣнчанію въ большой бобровой шапкѣ, «треухомъ» называвшейся, и въ красныхъ сапогахъ, зимой и лѣтомъ; были тутъ въ большомъ ходу отъ Рождества до Крещенья «субботки», причемъ въ красный уголъ ставился фонарь, а иконы выносились; отъ Крещенія до поста устраивались «посидѣлки», куда сходились и разговаривали «безо всякаго зазору» парни и дѣвушки; подобныя же сборища, имѣвшія мѣсто со Святой начиная, лѣтомъ назывались «танцами». Повидимому, «посидѣльщицы», «миляхи» и «камедчики» существуютъ и донынѣ.

Въ 1706 году совершилось нѣчто необычайное въ мирной жизни горожанъ, а именно: посѣтилъ Торопецъ, и къ тому же, по словамъ священника Продіонова, «нечаянно», Петръ I. Онъ осматривалъ городъ и «примѣчалъ удобство къ новому укрѣпленію онаго»; то же дѣлалъ онъ въ Великихъ Лукахъ, въ ожиданіи боя съ Карломъ XII, только тамъ его осмотры вызвали къ жизни дѣйствительную крѣпость, а здѣсь—нѣтъ. Въ городѣ былъ тогда комендантомъ Алексѣевъ, доложившій, между прочимъ, государю, что наряженые отъ города для подставы ямщики, не желая ѣхать, укрылись съ лошадьми въ Стрѣлецкую слободу, идти въ которую онъ, комендантъ, опасается, такъ какъ стрѣльцы, «нерѣдко причиняющіе городу многія нагости, ихъ защищаютъ». Царь приказалъ послать на ямщиковъ команду, и они «тотчасъ сысканы и къ своей должности доставлены». Повидимому, были и другія причины, по которымъ комендантъ Алексѣевъ не отважился идти къ стрѣльцамъ; такъ, уже по выѣздѣ изъ города въ Великія Луки, царь послалъ въ Торопецъ обратно Плещеева,

для выраженія гражданамъ своего царскаго благоволенія и для привода «къ себѣ» коменданта, на котораго подано много жалобъ. Будучи арестованъ и находясь по пути къ царю, недалеко отъ своей отчины, Алексѣевъ «упросилъ завезти себя въ оную и тамъ скоропостижно умеръ». Видно, царскія очи Петровы были страшнѣе смерти. Это, по словамъ Продіонова, было при второмъ посѣщеніи Торопца Петромъ I; первое имѣло мѣсто въ 1698 году. Тотъ же Продіоновъ сообщаетъ о тогдашнихъ мѣстныхъ дворянахъ, что они «мало упражняются въ экономіи, а больше въ обращеніи съ сосѣдними фамиліями»; что «ни въ которомъ мѣстѣ не находится въ такомъ пренебреженіи воспитаніе дѣтей, какъ въ семъ городѣ»; что въ деревняхъ распорядки худы; что горожане «любятъ праздность и всякія веселости», а дѣвицы ихъ, выходя изъ дому, всегда закрываютъ лицо покрывалами «и никогда безъ нужды не ходятъ въ церковь».

Красиво мѣстоположеніе Торопца надъ озеромъ Соломино и рѣчкой Торопой, вблизи озеръ Спасское и Бабкино, въ сосѣдствѣ древнихъ, большого и малаго, городищъ, подлѣ невысокихъ «Поклонныхъ» горъ, на которыхъ совершались когда-то языческія поклоненія; въ немъ двадцать церквей—всѣ каменныя, и много старыхъ домовъ; словомъ, мѣстоположеніе города одно изъ лучшихъ. Внѣшнее обличье его, вторя лѣтописямъ, свидѣтельствуетъ о лучшихъ прежнихъ временахъ. Самое цвѣтущее время его было въ XVIII вѣкѣ, когда льготы, данныя Петромъ Великимъ купечеству, развили торговлю. Насколько быстро послѣдовало паденіе города, видно изъ того, что въ 1806 году въ городѣ было 431 купеческое семейство, а тридцать лѣтъ спустя только 76. Торговля давно отошла въ другіе города, между прочимъ, въ Бердичевъ.

Въ «Запискахъ» географическаго общества переданы М. Семевскимъ, въ 1854 году, нѣкоторыя характерныя преданія. Одно, такъ сказать, чисто легендарное. Шелъ по землѣ Свѣтъ-Христосъ съ апостоломъ Петромъ и, увидѣвъ дерущихся, послалъ апостола мирить ихъ; дрались чортъ съ торопчаниномъ; не достигнувъ цѣли, апостолъ предпочелъ снять имъ обоимъ головы, о чемъ и повѣдалъ Христу, повелѣвшему немедленно приставить ихъ, что и было исполнено, но съ ошибкой: голова чорта была приставлена къ тѣлу торопчанина, и съ тѣхъ поръ имъ кличка «чортовы люди», «наставныя головы» и т. п. Разныхъ варіантовъ этого разсказа много, и не одинъ только Торопецкій уѣздъ является мѣстомъ ихъ дѣйствія.

Хитрость мѣстныхъ людей выразилась и въ томъ, что когда Іоаннъ IV шелъ на Псковскую и Новгородскую области и ему предшествовала вѣсть объ ужасахъ, которые онъ готовитъ, торопчане, чтобы спасти свою чудотворную икону, Корсунскую, спрятали ее, а на мѣсто настоящей иконы поставили другую, копію, разсчитывая, что если царь задумаетъ взять съ собою святыню, то возьметъ копію. Царь въ городъ не заглянулъ, и хитрость оказалась излишнею. Въ этомъ же духѣ поступили торопчане, подаривъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ церковь чудотворной Богородицы Корсунской значительное количество земли, и потомъ многіе годы оттягивали ее.

Четвертое преданіе также свидѣтельствуетъ о плутоватости горожанъ.

Не получая уплаты за забранные торопчанами товары, нѣмцы жаловались Екатеринѣ II, не замедлившей прислать изъ Пстербурга чиновниковъ, которые «показали» всѣхъ плутоватыхъ купцовъ покойниками. Императрица, продолжаетъ преданіе, заплатила иноземцамъ 90 пудовъ серебра, а торопчанамъ прислала на память чугунную медаль во столько же пудовъ вѣсу. Гдѣ эта медаль? Но пословица: «не хочешь ли чугунной медали?»—существуетъ. Монографія г. Семевскаго, изъ которой мы взяли эти преданія, самая полная изъ всѣхъ работъ, перечисленныхъ нами выше и касающихся Торопца, и по этнографіи края представляетъ богатый матеріалъ.

Главнѣйшій предметъ торговли — кожи, съ годовымъ оборотомъ въ 90,000 рублей. Главное занятіе въ уѣздѣ хлѣбопашество и начинающее развиваться льноводство. По проѣзжимъ дорогамъ большое разнообразіе въ винныхъ лавочкахъ и питейныхъ домахъ, принадлежащихъ или заѣзжимъ мѣщанамъ, или мѣстнымъ землевладѣльцамъ. Указъ Петра I, 1696 года, предоставлялъ торопчанамъ платить пошлины наравнѣ съ иностранными купцами. Въ древнія времена городъ былъ такъ богатъ, что женское одѣяніе свѣтилось жемчугомъ, который разбирался не на вѣсъ, а пригоршнями; воспоминаніемъ объ этомъ является то, что довелось увидѣть сегодня. Торопчанки имѣютъ нѣсколько одѣяній: «доброе», «поддоброе», «третье» и т. д. Самое лучшее одѣваютъ онѣ въ торжественные дни и придаютъ этимъ древнему Торопцу характерное, въ высшей степени замѣчательное обличье. Такое обличье могли бы имѣть у насъ и многіе другіе города.

Въ Торопцѣ 7,000 жителей; каменныхъ домовъ 89, деревянныхъ 1,148. Церквей въ немъ 20, всѣ онѣ каменныя, но священниковъ только 7; нѣкоторыя изъ церквей, напримѣръ, Воскресенская, вся зеленая, обложенная кафелями, и древняя Троицкая, въ предшественницѣ которой, по преданію, подлежащему сомнѣнію, вѣнчался Александръ Невскій, не говоря о соборѣ, очень типичны и придаютъ городу своеобразный, картинный видъ. Согласно преданію, городская управа помѣщается въ томъ домѣ, въ которомъ останавливался Петръ I и училъ коменданта своей классической дубинкой.

Простившимся съ Торопцомъ во второмъ часу дня путешественникамъ предстояло сдѣлать около 90 верстъ грунтовой дорогой и къ вечеру быть въ Холмѣ, уже посѣщенномъ въ 1885 году.

Отъ Торопца на Холмъ къ Старой Руссѣ.

Пожни. Замѣчательный иконостасъ. Разрушаемая усадьба. Буря. Пріѣздъ въ Холмъ. Вечеръ на берегу Ловати. Постройки въ двухъ смежныхъ губерніяхъ.

Отъ Торопца до Холма девяносто верстъ грунтовой дороги. Ко времени выѣзда, 21 іюня, около часа дня, солнце палило немилосердно. Такъ какъ метеорологи говорятъ, что самое жаркое время дня два часа пополудни, то это научное свѣдѣніе вовсе не служило отрадой при предстоявшемъ пыльномъ пути, и опять-таки по грунтовой дорогѣ. Ни разу во время четырехлѣтнихъ путешествій не приходилось ѣздить такъ много и такъ долго по этимъ ужаснымъ дорогамъ; хотя все возможное было сдѣлано для облегченія, но подобная ѣзда во всякомъ случаѣ—трудъ, и трудъ большой. Тамъ и сямъ въ окрестностяхъ проходили сильныя грозы, выпадалъ градъ, были ливни.

Дорога шла извилинами, съ горки на горку; болѣе выдающіяся изъ возвышенностей именуются: Мѣшковецкая и Конопищенская. Классическія старинныя березы, съ выжженными дуплами и корявыми отъ старости вѣтвями, имѣлись налицо и здѣсь. Всякое путешествіе имѣетъ многія неожиданности, и въ Пожняхъ довелось увидѣть нѣчто очень характерное. Если въ теченіе девяноста лѣтъ совершенно свѣяна съ лица земли усадьба генерала Михельсона, церковь которой посѣщена путниками 19 іюня, то здѣсь можно было наблюдать воочію грустную картину разрушающейся или разрушаемой почтенной старой усадьбы.

Слѣдуя пѣшкомъ въ старую церковь села, нельзя было не придти къ заключенію, что тѣ помѣщики, которые воздвигали ее, думали воздвигнуть не на одинъ день. Церковь эта каменная, подъ восьмигранньмъ куполомъ, построена въ 1714 году; надъ алтаремъ—навѣсъ на четырехъ витыхъ колонкахъ; имѣніе принадлежало въ тѣ дни Челищевымъ. Вся церковь очень хороша и прочна, но иконостасъ ея, многоярусный, рѣзной, липовый, 1716 года, въ полномъ смыслѣ слова чудо искусства. Увѣнчиваемый на высотѣ шести ярусовъ изобра-

женіемъ Распятія и подлѣ него Богоматери и Іоанна Предтечи, обильно увѣшанный образами и медальонами, онъ можетъ поспорить съ лучшими рѣзными иконостасами нашихъ богатѣйшихъ монастырей и лавръ. Кто его дѣлалъ? Преданіе говоритъ, что какіе-то иностранцы, можетъ быть, плѣнные. Липовое дерево, изъ котораго вырѣзаны всѣ эти безчисленные гроздья, листья, желуди, цвѣты, оставлено натуральнымъ, и рисунка не сбиваетъ ни позолота, ни окраска. Работа была такъ велика и трудна, что напоминаетъ извѣстные китайскіе образчики токарнаго и рѣзного искусствъ, гдѣ въ кубикѣ имѣется кубикъ, а въ этомъ послѣднемъ еще третій, самый маленькій; во многихъ мѣстахъ иконостаса приходилось видѣть вѣтку или стебелекъ, вырѣзанный полнымъ рельефомъ, съ тѣмъ, чтобы подъ ними видѣлся другой какой-нибудь цвѣтокъ, въ свою очередь, весь, до деталей, отдѣланный. Сколько такихъ и тому подобныхъ замѣчательныхъ работъ хранится по закоулкамъ святой Руси, а добраться къ нимъ можно только по непроѣзднымъ грунтовымъ дорогамъ. Если на далекомъ Сѣверѣ, въ Сольвычегодскѣ, нельзя было не поразиться художественнымъ великолѣпіемъ всей обстановки собора, дремлющей въ ненарушенномъ до сегодня обличіи XVI вѣка, то здѣсь, въ глухой Пожнѣ, предстояло увидѣть неожиданно одно изъ замѣчательнѣйшихъ созданій начала XVIII вѣка—этотъ иконостасъ.

Близехонько отъ церкви находится мыза, принадлежавшая когда-то Челищевымъ, а въ прошломъ царствованіи—одному изъ нынѣ умершихъ генералъ-адъютантовъ, имя котораго въ концѣ царствованія императора Александра II повторялось довольно часто. Въ настоящее время 4,000 десятинъ этого имѣнія арендуетъ какой-то латышъ изъ прибалтійскаго края за 2,000 рублей. Говорятъ, что нынѣшнему собственнику усадьба эта не нужна, такъ какъ онъ владѣетъ какою-то другою усадьбой на югѣ Россіи; это дѣло, конечно, частное и обсужденію не подлежащее, но фактъ совершающагося исчезновенія усадьбы въ Псковской губерніи налицо; вѣроятно, имѣется налицо фактъ возникновенія за счетъ ея усадьбы въ одной изъ южныхъ губерній. Но вѣрно то, что гибнетъ старое, насиженное мѣсто. Эти полуразрушенные шкапы безъ книгъ, столы renaissance, съ которыхъ увезены мраморныя доски, множество гравюръ, литографій и портретовъ, отчасти на стѣнахъ съ разбитыми рамами и стеклами, отчасти на полу, по стульямъ; это обиліе поломанныхъ бра и другихъ вещей могло бы дать обильную пищу для любопытнаго литературнаго описанія. Ясно, что домъ былъ устроенъ надолго и прочно; на лѣстницѣ стоятъ молча, какъ привидѣніе, длинные, старинные часы; въ кабинетѣ пустуетъ и трескается бильярдъ; тутъ же бюстъ одного изъ прежнихъ владѣльцевъ и изображенія другихъ болѣе или менѣе видныхъ дѣятелей цѣлыхъ трехъ царствованій. Ихъ кто-то, когда-то собиралъ, устанавливалъ и развѣшивалъ; тутъ цѣлая книга несомнѣнно дорогихъ воспоминаній. Окна наполовину заколочены досками; вѣтеръ, прорывающійся въ щели, шелеститъ шелковыми лохмотьями мебели и лоскутками множества ширмъ и ширмочекъ, назначавшихся въ свое время на то, чтобы сдѣлать уголки теплыми, уютными. Разрушается также и входная въ двухъэтажный домъ лѣстница, съ широкимъ портикомъ на четырехъ колоннахъ: заростаетъ садъ.

По выходѣ изъ усадьбы, зданіе которой было обойдено путниками, въ предшествіи латыша, разводящаго свое гнѣздо въ этой полуразвалинѣ, и осмотрѣно въ подробности, слѣдовало возвращеніе на станцію и отъѣздъ. Палило попрежнему немилосердно; набѣгавшія тучки и легкіе порывы вѣтра давали знать о приближеніи дождя, а можетъ быть и бури. И буря, дѣйствительно, не заставила ожидать себя; ударилъ громъ, хлынулъ ливень, и какой! Что могло быть видимо по пути до ближайшей станціи Билово, сказать нельзя, потому что окрестность мгновенно затянуло такою густою голубою завѣсой дождя съ градомъ, величиной въ каленый орѣхъ, что даже ближайшія къ дорогѣ деревья едва виднѣлись. Ямщикамъ, сидѣвшимъ на козлахъ, пришлось поднять свои руки и прикрывать ими, какъ козырьками, лица, обжигаемыя градинами, которыя, щелкая по лошадямъ, отскакивали на дорогу, превратившуюся, не болѣе какъ въ двѣ минуты, въ быстро текущую рѣку; края дороги, которые должны бы были быть ниже, для пропуска воды въ канавки, выходили наружу, въ видѣ береговъ. Буря эта нанесла много вреда и прошла отъ Петербурга къ Москвѣ въ восемь часовъ времени.

Какъ быстро налетѣла буря, такъ же быстро и прошла она. Съ переѣздомъ черезъ рѣку Сережу, подлѣ Тяполова, открылась одна изъ самыхъ красивыхъ по пути мѣстностей: только-что орошенная ливнемъ долина, въ вечернемъ освѣщеніи. Не болѣе какъ за пять минутъ до пріѣзда сюда путниковъ, молнія ударила въ одинъ изъ столбовъ; стоявшая подлѣ, приготовленная подъ поѣздъ тройка разбѣжалась, и коней пришлось ловить.

Дальнѣйшій путь до Холма носитъ тотъ же характеръ мѣстности довольно пересѣченной; лѣса и поля, возвышенія и долины чередуются быстро. Передъ самымъ Холмомъ разстилается совершенно оголенная равнина. Ровно два года назадъ путники подъѣзжали къ Холму съ западной стороны, со стороны Ловати, и древній Холмъ, съ высокихъ береговъ ея, глянулъ тогда очень красиво; при въѣздѣ въ городъ съ юга, Ловати не видать, и мѣстность является ровною, однообразною. Такъ какъ путники уже осматривали достопримѣчательности города въ 1885 году, то на этотъ разъ никакихъ осмотровъ не предполагалось, и вечеръ передъ ночлегомъ назначался на отдыхъ.

Отъ Холма до Старой Руссы—восемьдесятъ девять верстъ пути. Дальнѣйшій путь къ Старой Руссѣ, по сравненію съ тѣмъ, который былъ сдѣланъ, ровенъ и однообразенъ. Въ общемъ, села гораздо богаче, чѣмъ въ Псковской губерніи, даже въ самыхъ лѣсныхъ частяхъ ея. Эти странныя, необъяснимыя, рѣзкія отличія не только губерній и уѣздовъ, но даже волостей, бросаются въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи. Вѣроятно, въ этихъ внѣшнихъ отличіяхъ ихъ, при совершенномъ тождествѣ условій жизни, сказывается, просто-на-просто, попеченіе или примѣръ какого-либо давно забытаго человѣка, показавшаго людямъ нѣчто лучшее, послѣ чего они къ худшему вернуться не хотѣли. Правда, что Старорусскій уѣздъ житница Новгородской губерніи, такъ что жителей Псковской называютъ здѣсь «мякинниками», но лѣсу гораздо больше у послѣднихъ, а постройки, безъ всякаго сравненія, все-таки и мельче, и бѣднѣе.

Старая Русса.

Спасопреображенскій монастырь. Соборъ. Старорусская икона. Дворецъ. Древность города. Казнь новгородцевъ. Солеваренiе. Характеристика военныхъ поселенiй и поселенческаго бунта. Исторiя минеральныхъ водъ. Буренiе источника. Завѣдываніе водами. Нынѣшнее ихъ положенiе. Два литературныя воспоминанiя: Посошковъ и Достоевскій. Ихъ характеристики. Санитарная станцiя. Школы: Святодуховская и Достоевскаго. Посѣщенiе дома Достоевскаго. Церковь св. Георгiя. Цифровыя данныя. Филологическая замѣтка.

Около шести часовъ вечера, 22-го іюня, прибыли путники въ Старую Руссу. При проѣздѣ по улицамъ къ Спасопреображенскому монастырю, расположенному на противоположной сторонѣ города, въѣзжавшимъ не могли не броситься въ глаза многія знакомыя по Петербургу лица, нарядныя платья дамъ, кружевные зонтики, безконечно длинныя перчатки и преобладаніе красноватыхъ цвѣтовъ, отъ «crevette» до «cerises écrasées».

Согласно заранѣе намѣченной программѣ, рѣшено было ѣхать не въ соборъ, какъ это дѣлалось вездѣ, а въ монастырь; причина этому—въ традиціонномъ, древнемъ значенiи монастыря. Основанный въ самомъ концѣ XII вѣка св. Мартиріемъ, монастырь этотъ въ началѣ XVII вѣка былъ сожженъ шведами, сидѣвшими въ Руссѣ, и возобновленъ въ 1628 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Въ этомъ почти видѣ существуетъ онъ и нынѣ; каменная ограда съ башенками, оцѣпляющая три монастырскія церкви, начата строенiемъ въ 1808 году и окончена только въ 1881 г., при архимандритѣ Мардарiѣ. Монастырь этотъ второклассный; въ немъ по штату двѣнадцать монаховъ; онъ владѣлъ прежде 2,000 крестьянъ, теперь получаетъ съ оброчныхъ статей и капитала дохода около 7,000 рублей. Храмъ на шести столбахъ, накрытъ круглымъ узенькимъ одинокимъ куполомъ, въ два свѣта, съ пятиярусным иконостасомъ, снабженнымъ множествомъ древнихъ, потемнѣвшихъ иконъ; стѣны, окрашенныя въ свѣтло-голубую краску, напротивъ, почти лишены образовъ и слишкомъ пусты для монастыря, далеко не бѣднаго. Подлѣ Царскихъ вратъ—иконы Спасителя и Богоматери поясныя, очень большого размѣра.

Первоначальная постройка мѣстнаго собора, измѣненная временемъ и людьми, относится къ началу XIII вѣка; нынѣшній каменный соборъ оконченъ въ 1696 году, но существенно перестроенъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, при графѣ Аракчеевѣ. Соборъ въ два свѣта, подъ круглымъ куполомъ, съ изображеніемъ Деисуса, на четырехъ столбахъ, съ пятиярусным иконостасомъ, иконы котораго обрамлены витыми золотыми колонками; по стѣнамъ новыя, выдержанныя въ темномъ тонѣ, живописныя изображенія. На одномъ изъ столбовъ копія съ громадной поясной иконы Старорусской Божіей Матери, подъ готическимъ балдахиномъ съ драпировкой изъ малиноваго бархата и многими привѣсками и искусственными цвѣтами—пожертвованіями набожныхъ людей. Отчего эта громадность старорусскихъ иконъ, какія причины этого? Оригиналъ иконы, находившійся ранѣе въ Тихвинѣ, служилъ предметомъ двухсотлѣтняго спора между обоими городами; справедливость, однако, оказалась на сторонѣ Старой Руссы, и икона теперь возвращена уже городу. Пять синихъ куполовъ собора со звѣздами; вокругъ основного куба длинный рядъ нашихъ типическихъ кокошниковъ; окрашенъ соборъ сѣрой краской.

Дворецъ расположенъ на самой дальней отъ минеральныхъ водъ окраинѣ города, на берегу рѣки Полисти, довольно глубокой, если судить по типу судовъ, стоявшихъ вдоль ея береговъ, съ различными грузами. Дворецъ очень невеликъ; онъ перестроенъ въ 1830 году, по повелѣнію Императора Николая I. изъ дома, пріобрѣтеннаго у частнаго лица, а затѣмъ расширенъ; хорошій тѣнистый садъ окружаетъ его. Купленъ и отдѣланъ дворецъ на капиталъ военныхъ поселеній, памятью которыхъ такъ полна Старая Русса, и неоднократно служилъ мѣстомъ остановки многихъ Лицъ Царствующаго Дома. По берегу рѣки Полисти тянется хорошо содержимый тѣнистый бульваръ.

Въ историческо-статистическомъ очеркѣ Старой Руссы Полянскаго, хорошо знакомомъ многочисленнымъ посѣтителямъ старорусскихъ водъ, на первой страницѣ говорится, что Старая Русса древнѣйшій въ Россіи городъ; что если, согласно лѣтописи, приводимой Карамзинымъ, миѳическій Словенъ основалъ Новгородъ, то не менѣе миѳическій братъ его, Русъ, основалъ въ 3113 году по сотвореніи міра городъ Руссу; что если древній Новгородъ названъ Новгородомъ, то потому только, что до него существовалъ другой, старѣйшій, чѣмъ онъ, городъ, а именно Старая Русса. Далѣе приводится нѣсколько свидѣтельствъ арабскихъ писателей, описанія которыхъ несомнѣнно, будто бы, подтверждаются настоящимъ мѣстоположеніемъ какъ города Старой Руссы, такъ и Новгородской губерніи.

Не отваживаясь подтверждать сказанное, необходимо, однако, замѣтить, что Карамзинъ относитъ свѣдѣнія о томъ, что «братъ Словеновъ, Русъ, основалъ городъ Руссу и назвалъ тамъ одну рѣку Порусьею, а другую Полистою, по имени жены и дочери его», къ лѣтописнымъ сказаніямъ XVII вѣка. Тѣмъ не менѣе, первое упоминаніе о Руссѣ, по словамъ Карамзина, относится къ 1167 году, когда новгородцы заставили удалиться отъ нея князя Святослава Ростиславовича. Несомнѣнно и то, что въ 1192 году здѣсь основанъ св. Мартиріемъ Спасопреображенскій монастырь. Уже въ 1870 году здѣсь производи-

Общій видъ г. Старой Руссы (Новгородск. губ.).

Съ фот. грав. Рашевскій.

Старая Русса. Градирня на солеварнѣ.
Съ фот. Н. Лидова, грав. Рашевскій.

лась расчистка колодца для добыванія соляного разсола. Это начало разработки старорусской соли совпало съ тѣмъ замѣчательнымъ годомъ, когда на солнцѣ, по словамъ преданія, были такія пятна, что отъ мглы нельзя было видѣть что-либо въ разстояніи одной сажени, люди сталкивались лбами и птицы падали имъ на головы; зима стояла въ тотъ годъ такая теплая, что хлѣбъ былъ-де сжатъ въ Великомъ посту.

Очень длиненъ рядъ событій, пронесшихся надъ Старою Руссой. Послѣ битвы близъ Коростыня, 23 іюля 1471 года, прибылъ побѣдителемъ въ Руссу Іоаннъ III Васильевичъ и расположился на площади въ богато убранной парчой и коврами палаткѣ; сюда привелъ къ нему князь Даніилъ Холмскій, въ числѣ 1,700 новгородскихъ плѣнниковъ, тѣхъ четырехъ новгородскихъ воеводъ, смерть которыхъ была предсказана преподобнымъ Зосимой Соловецкимъ, когда онъ находился въ Новгородѣ, и, приглашенный Марѳой Борецкою на пиръ, увидѣлъ ихъ сидящими безъ головъ. Это были: Борецкій, Арзубьевъ, Селезневъ-Губа и Сухощокъ; они были обезглавлены по повелѣнію царя тутъ же, на площади, татариномъ Ахметкой Хабибулинымъ.

О соляныхъ источникахъ Старой Руссы упоминаетъ въ XVI вѣкѣ Герберштейнъ. Флетчеръ, посолъ англійскій, сообщаетъ, что при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ торговыхъ пошлинъ со Старой Руссы поступало въ казну по 18,000 рублей, тогда какъ Москва давала только около 12,000 рублей. Главнымъ предметомъ обогащенія города была соль, пудъ которой стоилъ въ тѣ времена около 6²/₃ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей. Насколько городъ былъ обширенъ, видно изъ того, что въ 1346 году отъ черной смерти умерло въ немъ однихъ монаховъ 1,300 человѣкъ; въ 1471 году, когда бѣжавшіе отъ войскъ Іоанна III жители, по замиренія, возвращались домой, то на озерѣ Ильмени, въ бурю, ихъ погибло 9,000 человѣкъ; когда, послѣ возвращенія Старой Руссы Москвѣ по Столбовскому договору, было составлено въ 1625 году, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, боярином Чеглоковымъ описаніе города, то улицъ въ немъ значилось тридцать пять и стояло въ нихъ множество церквей, около 300, хотя въ населеніи оказался, сравнительно съ прежнимъ, большой недочетъ; существовала, напримѣръ, улица Богородицкая, въ которой имѣлся налицо только одинъ «дворъ живущій». Главная причина этого обезлюденія города заключалась въ хозяйничаньи поляковъ, шведовъ и въ междуцарствіи; на смѣну имъ явились, какъ видно изъ лѣтописи, долгіе ряды всякихъ повѣтрій, моровъ и голодовъ; моръ 1655 года, длившійся пять мѣсяцевъ, такъ опустошилъ городъ, что на призывъ колоколовъ многочисленныхъ церквей старорусскихъ некому было идти молиться.

Правительственное вниманіе на солевареніе обратилъ въ 1693 году, какъ и на все, Петръ Великій, проѣздомъ въ Архангельскъ. По возвращеніи въ 1724 году съ олонецкихъ заводовъ, онъ осматривалъ устроенныя по его указанію солеварни и работы по старорусскому каналу, по которому царь думалъ подвозить къ солеварнямъ лѣсъ; слѣды канала имѣются еще и донынѣ. Въ настоящее время, кажется, съ 1865 года, солеваренія въ Старой Руссѣ нѣтъ вовсе; бывшія заводскія постройки распроданы; въ продолженіе пяти вѣковъ

просуществовало оно и должно было окончиться, вслѣдствіе дороговизны топлива, отмѣны акциза и конкуренціи каменной соли. На землѣ, принадлежавшей солеваренному заводу, съ 1885 года стоитъ тюрьма. Есть еще и градирни. Солено-минеральныя воды существуютъ въ Руссѣ только полвѣка; можно пожелать имъ долговѣчности прекратившагося солеваренія.

Особенно тяжелъ былъ ударъ, нанесенный городу пожаромъ 1763 года; Екатерина II выдала тогда погорѣльцамъ на десять лѣтъ безъ процентовъ 100,000 руб. и на три года освободила ихъ отъ взноса подушной подати; описаніе пожара сдѣлано посѣтившимъ городъ, вслѣдъ за пожаромъ, знаменитымъ новгородскимъ губернаторомъ Сиверсомъ, отыскавшимъ воеводскую канцелярію въ избѣ, въ нижнемъ помѣщеніи которой посреди̇нѣ хранилась казна, по одну сторону содержались колодники, а по другую архивъ, многія дѣла котораго сгнили, разсыпавшись въ прахъ.

Но это не помѣшало городу быстро оправиться, что̀ видно изъ двухъ крупныхъ его пожертвованій: въ 1806 году городское общество пожертвовало на войну со Швеціей 10,000 рублей и сформировало изъ своихъ гражданъ нѣжинскій драгунскій полкъ, въ дополненіе къ квартировавшему здѣсь кадру его, а въ 1812 году оно внесло 72,319 рублей. Почти всѣ властители земли Русской, послѣ Екатерины II, посѣтили городъ; нѣкоторые изъ Членовъ Августѣйшей Семьи пользовались водами.

Безмятежное существованіе Старой Руссы было сильно потрясено въ 1831 году; 11 іюля, въ одиннадцать часовъ ночи, загудѣлъ съ церковныхъ колоколенъ всполохъ, и вспыхнуло возмущеніе военныхъ поселянъ и мѣщанъ. Это, безспорно, одна изъ мрачнѣйшихъ страницъ нашей исторіи за все XIX столѣтіе. До насъ дошло нѣсколько разсказовъ и воспоминаній очевидцевъ: капитана Занкина, подполковника Панаева, священника Воинова, чиновника Соколова, купца Красильникова; вѣроятно, въ архивахъ хранятся цѣлые вороха дѣлъ; полной исторіи нѣтъ, да едва ли дождется этотъ печальный фактъ спеціальной разработки: такъ онъ тяжелъ, мраченъ, а главное исключителенъ.

5 марта 1820 года прибыли въ Старую Руссу лица, назначенныя Аракчеевымъ для преобразованія города въ военный и устройства военныхъ поселеній; въ 1824 году состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ города въ военное вѣдомство.

Два уѣзда, Новгородскій и Старорусскій, заключали въ себѣ военныя поселенія, состоявшія изъ четырнадцати округовъ, въ каждомъ по одному трехротному полку. Къ поселеніямъ приписано было 34,000 мужчинъ и 39,000 женщинъ.

Поселенія тянулись вдоль рѣки Волхова и начинались въ пяти верстахъ отъ Новгорода. Каждому округу принадлежали свои поля и луга; каждая рота жила отдѣльно, имѣя свою ротную площадь, гауптвахту, общія риги и гумно. Всѣ хозяйственныя работы совершались подъ надзоромъ офицеровъ; для рубки лѣса, содержанія избъ и пр. имѣлись установленныя правила, такъ что и простокваша готовили чуть ли не по артикулу. Офицеръ былъ и помѣщикомъ, и командиромъ, а шпицрутены составляли одно изъ существенныхъ орудій хо-

зяйства. Обращеніе крестьянъ въ военныхъ поселянъ, постановка подъ одинъ уровень хозяина зажиточнаго и лѣнтяя, передѣлъ полей, удаленіе полей и сѣнокосовъ отъ жилищъ и введеніе казарменныхъ порядковъ въ житье-бытье мирнаго хлѣбопашца, причемъ дѣти дѣлались кантонистами, все это возбудило множество неудовольствій. Затѣя Аракчеева пережила своего изобрѣтателя недолго, произведя чудовищный бунтъ 1831 года.

Внѣшнею причиной, каплей, переполнившею чашу, была холера 1831 г., начавшая распространяться изъ Петербурга и появившаяся въ военныхъ поселеніяхъ около 10-го іюля; уже въ началѣ іюля знали въ округахъ военныхъ поселеній о происшествіи на Сѣнной площади. Нелѣпый слухъ о томъ, будто холеру распространяютъ начальники, что ее разсылаютъ въ порошкахъ и отравляютъ ею рѣки,—слухъ, упавшій на почву озлобленія и недовольства, вызвалъ цѣлый рядъ убійствъ, истязаній и, наконецъ, открытое возстаніе. Рука объ руку съ этими проявленіями тупого звѣрства были, какъ это всегда бываетъ, и героическіе подвиги самоотверженія, перечислять которые здѣсь не мѣсто. Великимъ счастіемъ было то, что въ поселеніяхъ оставалась къ тому времени только третья часть людей, потому что по два батальона изъ каждаго полка находились въ Польшѣ и сражались противъ возставшихъ поляковъ.

Собственно мятежъ начался въ Старой Руссѣ 11-го іюля, въ одиннадцать часовъ ночи; убійства продолжались до 12-го іюля, съ меньшею силой повторились они 23-го іюля; отсюда мятежъ разошелся по всѣмъ округамъ. 20-го числа уже находился на мѣстѣ посланный сюда государемъ графъ Орловъ, а 26-го явился самъ Императоръ. Мятежъ немедленно прекратился, особая судная комиссія опредѣлила степень виновности участниковъ; наказанія были суровы, хотя и не достигали степени истязаній, которымъ подверглись замученные бунтовщиками. Изъ послѣднихъ многіе пошли въ Сибирь и въ арестантскія роты; въ первыхъ четырехъ округахъ осталась на мѣстѣ только треть коренныхъ жителей, а въ 1832 году послѣдовало совершенное преобразованіе округовъ, и военные поселяне переименованы въ пахотныхъ солдатъ.

Въ 1859 году городъ Старая Русса обратно переданъ изъ военнаго въ гражданское вѣдомство, и только многія массивныя каменныя сооруженія, какъ форштадтъ, заведеніе минеральныхъ водъ, шоссе отъ Старой Руссы до Новгорода, напоминаютъ о времени военнаго управленія. Въ общемъ, новгородское военное поселеніе существовало около сорока лѣтъ.

Старая Русса давно уже извѣстна минеральными водами. Первое изслѣдованіе водъ произведено въ 1815 году докторомъ Газомъ. Ко времени обращенія города въ центръ военныхъ поселеній, здѣсь проживалъ генералъ Самсоновъ, страдавшій ревматизмомъ и получившій исцѣленіе, благодаря отысканному имъ заброшенному соляному источнику; Самсоновъ умеръ въ свое время, но мѣстные люди продолжали пользоваться самсоновскимъ источникомъ и купались въ немъ; когда въ 1828 году лейбъ-медикъ Раухъ, въ одну изъ ревизій госпиталей, случайно натолкнулся, гуляя въ рощѣ, на купавшихся въ самсоновской ваннѣ, онъ обратилъ на источникъ вниманіе и у него явилась мысль устроить здѣсь постоянное лѣчебное заведеніе для военныхъ. Тогдаш-

ній военный министръ князь Чернышевъ встрѣтилъ эту мысль сочувственно, и въ 1834 году явилось первое маленькое зданіе близъ Директорскаго источника, всего на восемь ваннъ, назначенное исключительно для солдатъ; въ 1839 году построено другое зданіе для кадетъ; въ 1854 г. послѣдовали значительныя увеличенія, а нѣсколько позже приступили къ рытью артезіанскаго колодца, названнаго въ честь тогдашняго министра государственныхъ имуществъ Муравьевскимъ.

Исторія этого буренія очень поучительна. Работы начаты въ сентябрѣ 1858 года, потому что Директорскій источникъ началъ убывать; въ іюнѣ 1859 г. достигли могучаго минеральнаго ключа въ $1^1/_8{}^0/_0$ густоты, при количествѣ 744 ведеръ въ сутки; по мнѣнію многихъ врачей, между прочимъ, и профессора Здекауера, слѣдовало тогда же дальнѣйшее буреніе прекратить, что̀ и было приказано сдѣлать, но по «какимъ-то обстоятельствамъ» оно продолжалось какъ бы само собою, и въ сентябрѣ 1859 г., въ ожиданіи лучшаго, достигли источника, совершенно сходнаго съ Директорскимъ. Этимъ сдѣлали то, что Старая Русса лишилась, вѣроятно навсегда, минеральнаго ключа величайшихъ достоинствъ, который совершенно подходилъ бы къ знаменитому киссингенскому Ракоци.

Старорусскими водами послѣдовательно завѣдывали: военное вѣдомство, удѣлы и медицинскій департаментъ, вѣдающій ими и теперь. Замѣчательно, что, когда въ 1865 году, вслѣдствіе удачнаго лѣченія великихъ князей Владиміра и Алексѣя Александровичей, покойная императрица Марія Александровна, въ знакъ особаго своего благоволенія, изъявила желаніе передать воды въ собственность города, тогдашніе представители городскихъ интересовъ отказались отъ этой милости изъ боязни «трудности управлять сложнымъ заведеніемъ». Замѣчательно также и то, что, когда, почти одновременно съ этимъ, образовалась компанія съ полумилліоннымъ капиталомъ для снятія въ аренду водъ, медицинскій департаментъ предпочелъ сдать ее одному единоличному арендатору—доктору Рохелю.

Мѣстные жители передавали, что контрактъ, въ силу котораго воды управляются, былъ заключенъ въ 1868 году на двадцать четыре года, къ выгодѣ арендатора, въ ущербъ казнѣ, населенію и городу; что, въ виду истеченія срока контракта черезъ четыре года, на ремонтъ и улучшеніе обращено теперь очень мало вниманія, и это оказываетъ дурное вліяніе на состояніе водъ. Люди, заявляющіе подобное мнѣніе, желали бы только одного: назначенія правительственной инспекціи для наблюденія за водами, дабы дальнѣйшая судьба ихъ была болѣе обезпечена. Не касаясь сущности приведенныхъ упрековъ, нельзя не найти справедливымъ, что если бы упреки эти и не были вполнѣ основательны, то желаніе имѣть правительственную инспекцію вполнѣ умѣстно и совершенно скромно, такъ какъ на старорусскія воды нельзя смотрѣть, какъ на собственность частную,—онѣ принадлежность государства. Никто, конечно, не можетъ предполагать, чтобъ арендаторъ не имѣлъ права или не желалъ имѣть прибыли, но несомнѣнно, что вмѣсто какихъ-нибудь

18—20,000 дохода, при болѣе широкомъ взглядѣ на задачу водъ, при несомнѣнно хорошихъ качествахъ ихъ, дохода могло бы быть вдвое.

Минеральныя воды и все, что подлѣ нихъ возникло, расположены въ юго-восточномъ и юго-западномъ углахъ города. Въ юго-западномъ углу, подлѣ соляного пруда, посреднѣ котораго не высоко бьетъ соляной источникъ «Самородокъ», если не ошибаемся, старѣйшій изъ всѣхъ, подлѣ двухъ соляныхъ озеръ, имѣются налицо: довольно красивый вокзалъ съ хозяйственными строеніями и жилыми помѣщеніями, недалеко отъ него театръ, вплотную окруженный очень хорошимъ паркомъ и цвѣтниками, и полный комплектъ всякихъ ваннъ, бассейновъ, душъ и другихъ купаній, расположенныхъ вдоль соляного пруда и по прямой линіи между источниками Муравьевскимъ и Директорскимъ; тутъ же виднѣются нѣсколько галлерей для прогулокъ. Красивѣе другихъ бьетъ Муравьевскій источникъ въ особомъ павильонѣ, изъ мраморной чаши; но, по словамъ доктора Вебера, онъ служитъ только украшеніемъ, уступая мѣсто при лѣченіи своему старѣйшему собрату — Директорскому. Всѣхъ ваннъ соляныхъ, грязевыхъ и хвойныхъ 200, изъ нихъ въ солдатскомъ отдѣленіи 31; устройство номеровъ недурно; маточный разсолъ получаютъ въ градирняхъ, расположенныхъ въ юго-западномъ углу города, подлѣ источниковъ Царицынскаго и Екатерининскаго; грязи добываются въ 150—200 саженяхъ отъ ваннъ, изъ озера, и подвозятся къ нимъ съ плотовъ въ тачкахъ, совершенно патріархальнымъ образомъ.

Химическій анализъ источниковъ Директорскаго и Муравьевскаго свидѣтельствуетъ, что въ обоихъ на 1,000 частей воды 20 частей твердыхъ остатковъ и въ послѣднихъ около 13 хлористаго натра; въ минеральныхъ грязяхъ особенно велико содержаніе углекислой извести и сѣрнистаго желѣза.

Старорусскія минеральныя воды примѣняются къ лѣченію золотухи, малокровія, истощенія, ревматизма, опухолей, болѣзней женскихъ и многихъ другихъ. Существующая здѣсь съ 1882 года санитарная станція общества охраненія народнаго здравія для золотушныхъ и рахитическихъ дѣтей — первая, по времени основанія.

Сообщивъ, что можно, изъ исторіи Старой Руссы и относительно минеральныхъ водъ, нельзя умолчать о томъ, что съ городомъ связаны два литературныя воспоминанія, и о нихъ слѣдуетъ упомянуть подробнѣе въ виду особеннаго интереса обоихъ.

Недалеко отсюда, въ двадцати верстахъ, жилъ и писалъ въ концѣ предпрошлаго и началѣ прошлаго вѣка извѣстный Посошковъ, а въ послѣдніе годы своей жизни жилъ неоднократно и писалъ здѣсь «Карамазовыхъ», «Подростка» и «Дневникъ Писателя» за 1876 годъ Достоевскій.

Крестьянинъ Посошковъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ и талантливѣйшихъ личностей, самородокъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка были извѣстны нѣкоторыя изъ его сочиненій: «О ратномъ поведеніи», «О духовныхъ дѣлахъ» и «Наставленіе сыну». Въ «Словарѣ Русскихъ Писателей» 1783 года Новиковъ сообщалъ, что имъ написана цѣлая книга «О скудости и богатствѣ», но она оставалась неизвѣстною, и только въ 1840 году

попала въ руки М. П. Погодина и напечатана вмѣстѣ съ другими своеобразными трудами Посошкова. Въ предисловіи къ этому изданію сказано, что въ книгѣ «О скудости» нѣтъ ни одного государственнаго вопроса, до котораго бы Посошковъ не коснулся, о которомъ не думалъ и не дошелъ до положительнаго мнѣнія; что въ ней цѣлое изслѣдованіе о состояніи Россіи во время Петра I, и что въ этомъ смыслѣ Посошковъ родился на цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ раньше, чѣмъ родилась въ Европѣ политическая экономія. Все это совершенно справедливо и дѣлаетъ изъ Посошкова личность, вполнѣ самостоятельную и выходящую изъ ряда множества другихъ. Онъ былъ не одинъ въ средѣ народа, оцѣнившій Петра I, и покойный историкъ Соловьевъ писалъ даже о цѣлой «школѣ Посошкова». Точныхъ свѣдѣній о времени его рожденія и смерти нѣтъ, но умеръ онъ во всякомъ случаѣ послѣ 1724 года, такъ какъ этимъ годомъ помѣчено его главное сочиненіе, заканчивающееся въ подписи такъ: «Всенижайшій и мизернѣйшій рабичищь, правды же всеусердный желатель, Иванъ Посошковъ, утаенно отъ зрѣнія людскаго трилѣтнемъ трудомъ восписавъ твоему царскому величеству предлагаю». Читалъ ли его Петръ I? Оно закончено въ февралѣ, то-есть за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти государя, но Посошковъ былъ ему извѣстенъ лично, такъ какъ принялъ въ 1700 году заказъ на огнестрѣльныя рогатки. Жилъ онъ, какъ видно опять-таки изъ книги, въ двадцати верстахъ отъ Старой Руссы, подлѣ посада Устрики, гдѣ имѣлъ какой-то свой заводъ; вообще, должно полагать, Посошковъ былъ не бѣденъ, потому что могъ давать сыну, отправленному за границу, по 1,000 рублей въ годъ. Любопытно, что Посошковъ былъ вначалѣ противъ реформъ Петра I и даже подлежалъ разбору въ тайномъ Преображенскомъ приказѣ, затѣмъ сталъ горячимъ поклонникомъ царя, который «на гору аще самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ». Посошковъ выпущенъ изъ приказа ненаказаннымъ.

Книга «О скудости»—работа замѣчательная и, какъ бытовая картина, неоцѣненна. «Лучше ми каковую-либо пакость на себя понести,—пишетъ онъ,—нежели видѣть, что не полезно умолчати». Чего-чего не коснулся авторъ въ книгѣ, часто съ великимъ сарказмомъ, излагая какимъ-то своеобразнымъ языкомъ, не то народнымъ, не то церковнымъ, но удивительно яснымъ; характеристики, проекты, толкованія перемѣшиваются у него съ цѣлымъ рядомъ наблюденій, взятыхъ съ натуры, съ обозначеніемъ именъ собственныхъ и мѣста дѣйствія. Преобладаютъ у Посошкова краски темныя; но все это выражено такъ наивно, съ такимъ добрымъ расположеніемъ, что оставляетъ впечатлѣніе не мрачное. Вотъ нѣсколько замѣчаній на выдержку: «При квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что исчислить не можно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ»; онъ находитъ стрѣльбу залпами непригодною для боя, потому что «такая стрѣльба угодна при потѣхѣ и при банкетѣ веселостномъ»; относительно духовенства говоритъ онъ, что зналъ одного пресвитера въ богатомъ домѣ, который и «татаркѣ противъ ея заданія отвѣта здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рѣщи сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ». Есть, говоритъ онъ, старыя церкви съ тремя попами, которые «такъ лѣнивы, что на Святой

недѣлѣ только два дня литургію служать», «ни вечерень, ни обѣдень, ни утренихъ», причемъ, идя къ алтарю, священникъ «возложитъ на ся одежду златотканную, а на ногахъ лапти растоптанные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ». Былъ и такой діаконъ, что на литургіи «не могъ единыя страницы въ Евангеліи прочести, ежебы разовъ пяти, шести не помѣшатися»; относительно иконописанія Посошковъ замѣчаетъ, что оно такъ дурно, «что аще бы таковымъ размѣреніемъ былъ кто живой человѣкъ, то бы онъ былъ страшилищемъ»; «надлежитъ сдѣлать азбуку русскую и написать ее русскимъ манеромъ, а не

Старая Русса. Галлерея муравьевскаго источника.

нѣмецкимъ», а грамматики печатать не на плохой бумагѣ, какъ календари, потому что послѣдніе «на одинъ только годъ печатаются, а грамматика дѣло высокое и прочное». Характерны отзывы Посошкова о купечествѣ, которое у насъ «чинится весьма не право: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ добрыми и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ не прямую, другъ друга ѣдятъ, и такъ всѣ погибаютъ». Много толкуетъ Посошковъ о судѣ и желаетъ, чтобы государь устроилъ «судъ единъ, какъ земледѣльцу, такъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, такожъ и солдату, такожъ и офицеру, ни чѣмъ же отмѣненъ и полковнику, и генералу»; желаетъ, чтобы судьи «каждый день колодниковъ пересматривали и чтобы не былъ кто напрасно посаженъ»... «я истинно удивляюсь что у судей за нравъ,

что, въ тюрьму посадя, держать лѣтъ по пяти, шести и больше!» При допросахъ совѣтуетъ «всячески на словахъ челобитчика нераздробить, и что ни скажетъ записать, и кто умно будетъ разговаривать, то на тонкостныхъ словахъ можно познать, правду ль сперва сказалъ или неправду»; разбойниковъ «больше трехъ пытокъ не для чего пытать». Подробно говоритъ Посошковъ о необходимости разведенія табаку на югѣ Россіи и какая отъ того прибыль будетъ; очень заботится о сохраненіи въ лѣсахъ орѣховъ, также о томъ, чтобы мелкую рыбешку не вылавливали и, находя, что помѣщики «не вѣковые владѣльцы» крестьянъ, а только временные, что вѣковой владѣлецъ ихъ царь,

Старая Русса. Прудъ изъ воды муравьевскаго источника.

Съ фот. грав. Раменскій.

какъ бы замышляетъ, болѣе чѣмъ за сто лѣтъ впередъ, объ образованіи министерства государственныхъ имуществъ: «и ради таковаго великаго земнаго дѣла надлежитъ, чаю, особенная и канцелярія учинить и сборъ въ ней будетъ милліонный и самый основательный». Онъ же предлагалъ устроить въ Москвѣ «великую академію, всѣхъ наукъ исполненную». «Нынѣ у насъ,— пишетъ Посошковъ,—за непорядочное гражданство гніетъ добра много. Русскаго человѣка ни во что не ставятъ»... Несмотря на то, что если «много нѣмцы насъ умнѣе науками, а наши остротою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно»; послѣднее замѣчаніе имѣется не въ книгѣ «О скудости», а въ одномъ изъ другихъ писаній Посошкова.

Другое гораздо крупнѣйшее литературное воспоминаніе Старой Руссы—

это Ѳ. М. Достоевскій, въ память котораго учреждена здѣсь вдовой его, А. Г. Достоевской, церковно-приходская школа, обезпеченная очень прочно. Въ первый разъ пріѣхалъ Достоевскій въ Старую Руссу въ 1872 году и затѣмъ посѣщалъ ее ежегодно, кромѣ 1877 года, до самой смерти; имъ пріобрѣтенъ здѣсь небольшой домикъ за 1,150 р.; школа его имени занимаетъ домъ, стоящій болѣе 8,000 р., изъ которыхъ большую половину заплатила вдова покойнаго,— не считая многихъ другихъ ея взносовъ и пожертвованій, изъ тѣхъ средствъ, которыя имѣетъ семья ея по милости въ Бозѣ почившаго Императора Александра II и отъ продажи сочиненій покойнаго, достигшей послѣ смерти Достоевскаго, что чрезвычайно отрадно, очень крупныхъ размѣровъ. Учрежденію школы предшествовало здѣсь открытіе православнаго старорусскаго братства св. Ѳеодора Тирона, съ цѣлью распространенія грамотности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народѣ, основаннаго, опять-таки, по мысли вдовы Достоевскаго. Теперь и братство, и школа находятся въ полномъ развитіи; школа открыта въ 1883 году.

Литературно-образовательное значеніе Достоевскаго очень велико. Крупными, совершенно самостоятельными чертами обрисовывается его литературная личность и дастъ, на долгое-долгое время, не только предметъ для чтенія, для критическихъ оцѣнокъ всякаго рода, но и для изслѣдованій болѣзней души вообще. Въ этомъ онъ раздѣлитъ участь съ Шекспиромъ и объ этомъ свидѣтельствуютъ уже какъ самыя названія статей, написанныхъ о немъ во множествѣ: «Мистико-аскетическій романъ», «Жестокій талантъ» и т. д., такъ и необходимость придавать всякой оцѣнкѣ его сочиненій научную, психопатологическую окраску; настоящимъ, правдивымъ критикомъ Достоевскаго будетъ только врачъ психически больныхъ, обладающій въ то же время и крупнымъ критическимъ талантомъ.

Творчество Достоевскаго, какъ извѣстно, обрѣтается вполнѣ въ своей сферѣ въ необозримой массѣ всякихъ преступниковъ, идіотовъ, негодяевъ, эпилептиковъ, нравственно и умственно потрясенныхъ и поэтому всегда находящихся, такъ сказать, на волосъ отъ самоубійствъ, убійствъ и всякихъ истязаній. Читая Достоевскаго, вы какъ бы окружены всегда смраднымъ запахомъ близкаго анатомическаго театра, въ который авторъ, наконецъ, и вводитъ васъ. Разбросанныя повсюду въ его сочиненіяхъ темныя краски жизни больного человѣка, сосредоточиваются полнѣе всего въ двухъ колоссальныхъ обликахъ: Свидригайлова въ «Преступленіи и Наказаніи» и Смердякова въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»; и тотъ, и другой, несмотря на всю разницу между ними, должны были кончить самоубійствомъ, не могли кончить иначе.

Но на этомъ темномъ фонѣ скорбныхъ «скитаній» духа человѣческаго, вырисовываются у Достоевскаго другія, свѣтлыя очертанія людскія, иногда мимолетно, какъ зарницы, иногда съ неподвижною мощностью электрическаго свѣта; зачастую темный профиль человѣка, сразу, по одному слову, наливается свѣтомъ, и тамъ, гдѣ были черныя черты, искрится яркій блескъ и преображенная до неузнаваемости фигура грѣетъ васъ и любовью, и свѣтомъ, и всею силою глубокой, истинной вѣры въ Бога, въ Россію и въ ея людей. Кто не

помнитъ эту безсмертную сцену, когда убійца Раскольниковъ заставляетъ Соню прочесть главу о воскрешеніи Лазаря, кто не чувствовалъ себя поднятымъ высоко-высоко, когда Дмитрія Карамазова, въ день счастливой любви его къ Грушенькѣ, арестуютъ, полагая, что онъ отцеубійца, и Дмитрій, готовясь страдать безвинно, думаетъ искупить этимъ наказаніемъ за несовершенное имъ убійство свои прежніе грѣхи! Какъ ни мрачны люди «Мертваго Дома», но сколько въ этихъ колодникахъ и каторжникахъ искръ добра и свѣта? Сколько бы ни нагромождалось передъ вами тѣней и ужасовъ жизни, въ концѣ концовъ вы испытываете то, что испыталъ Алеша Карамазовъ, когда онъ вышелъ изъ скита, въ которомъ совершалось чтеніе Евангелія надъ тѣломъ усопшаго іеросхимонаха Зосимы. «Алеша сталъ лицомъ къ лицу со звѣзднымъ небомъ, взглянулъ на него, повергся, какъ подкошенный, на землю, и «почему такъ неудержимо хотѣлось ему цѣловать ее, цѣловать ее всю» — эту родную землю? «облей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои»... Алеша чувствовалъ тогда, что «какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала... простить хотѣлось ему всѣхъ и за все и просить прощенія»... Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ. Приливъ подобной силы чувствуется всякимъ человѣкомъ по прочтеніи Достоевскаго; возможною и необходимою становится глубокая вѣра въ Бога, и памятна и ощутима горячая неугасающая любовь въ родной землѣ. И все это достигнуто путемъ описанія негодяевъ, идіотовъ, эпилептиковъ, сумасшедшихъ, юродствующихъ, униженныхъ и оскорбленныхъ! Изъ-за черныхъ, мрачныхъ, зловѣщихъ, траурныхъ штриховъ ихъ очертаній проблескиваютъ электрически свѣтозарныя видѣнія другихъ, лучшихъ людей, и въ твореніяхъ Достоевскаго дѣлается то, что говоритъ Верховенскій въ «Бѣсахъ»: «Это бѣсы, выходящіе изъ больного и входящіе въ свиней, это всѣ язвы, всѣ міазмы, всѣ нечистоты, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи за вѣка, за вѣка!»... «Это мы, говоритъ Верховенскій, мы и тѣ... и я, можетъ-быть, первый во главѣ, и мы бросимся, безумные, взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ... но больной исцѣлится и сядетъ у ногъ Христовыхъ». Достоевскій всегда особенно сильно любилъ дѣтей, онъ, какъ и Алеша Карамазовъ, «чтобы было очевиднѣе» насколько вся земля отъ «коры до центра» пропитана слезами, часто обращается къ дѣтямъ; въ нихъ его надежда, въ нихъ будущія лучшія времена, и поэтому мысль образовать здѣсь, въ Старой Руссѣ, школу Достоевскаго, и именно «церковно-приходскую», чрезвычайно вѣрна.

Санитарная станція въ Коломцахъ расположена очень удобно; въ ней имѣется достаточный персоналъ военныхъ врачей, и въ описываемое время находилось на излѣченіи офицерскихъ чиновъ 43 и нижнихъ 515.

Видное мѣсто въ Старой Руссѣ занимаютъ двѣ школы:

1) Святодуховская церковно-приходская городская школа, существующая пять лѣтъ; домъ для нея построенъ въ прошломъ году на средства уѣзднаго предводителя дворянства князя Б. А. Васильчикова; въ ней обучается

176 мальчиковъ и дѣвочекъ; опытное руководство и денежная помощь со стороны князя Васильчикова и другихъ лицъ, равно какъ участіе въ послѣдней со стороны города и земства, обѣщаютъ ей хорошую будущность.

2) Церковно-приходская школа имени О. М. Достоевскаго открыта въ 1883 году, одновременно съ братствомъ св. Оедора Тирона; главною вкладчицей была вдова знаменитаго писателя нашего—Анна Григорьевна. 4,200 руб., оставшіеся въ излишкѣ послѣ постановки Достоевскому памятника, поступили, согласно предложенію г-жи Достоевской, въ пользу школы; но домъ съ принадлежностями, обошедшійся около 10,000 руб., поставленъ исключительно на ея средства; внимательно отнеслись къ школѣ и другіе добрые люди, и непосредственное, прямое участіе принялъ Св. Синодъ. Очень хорошій, просторный домъ построенъ недалеко отъ небольшого дома, принадлежавшаго покойному Достоевскому, бокъ-о-бокъ съ древнѣйшею церковью Старой Руссы—св. Георгія, устоявшею какимъ-то чудомъ въ 1612 году отъ шведовъ и построенною въ 1110 не изъ одного только кирпича, а изъ какой-то помѣси булыжника и плитъ; куполъ ея снабженъ голосниками; за престоломъ образъ Спасителя, писанный на стеклѣ; въ храмѣ много старыхъ иконъ и пятиярусный иконостасъ; зданіе школы находится рядомъ съ церковью.

Въ 1887 году, во время посѣщенія Старой Руссы великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, въ павильонѣ, построенномъ въ недавно разведенномъ садикѣ школы, собрано было множество дѣтей: школы Достоевскаго, во главѣ которыхъ находилась учредительница, и дѣтей лѣтней дѣтской колоніи, помѣщающейся на лѣто въ зданіи школы, устроенной обществомъ охраненія народнаго здравія, съ директоромъ ея во главѣ. Хоръ школы Достоевскаго, состоявшій изъ тридцати дѣтей (всего въ школѣ обоего пола—90), спѣлъ навстрѣчу великому князю пѣсню, нарочно къ пріѣзду его написанную; вотъ она:

Какъ подъ-рядъ четыре года,
Но путямъ и безъ путей,
Объѣзжаетъ князь Владиміръ
Сѣверъ родины своей.

Гдѣ одинъ, а гдѣ съ княгиней
Виденъ всюду братъ Царя,
И вездѣ-то начинаетъ онъ
Со святыни-алтаря.

Зазвонили въ дальней Колѣ,
Затрезвонила Мезень,
Князь повсюду поспѣваетъ,
Гдѣ съ приливомъ, гдѣ въ межéнь.

Поклонился онъ святынѣ
Ярославля, Соловковъ,
Посѣтилъ Владиміръ, Сію,
Псковъ, Кирилловъ и Ростовъ.

Въ скромной Тотьмѣ, въ гордой Ригѣ,
Православью гдѣ пріютъ,
Всюду «Господи, помилуй»
И на тотъ же ладъ поютъ.

Тѣ же все у насъ солдаты,
Надъ Онегой, надъ Двиной,
Та же выправка и служба,
Тѣ же всюду: «маршъ» да «стой».

Много видѣлъ князь народовъ:
Корелы и лопарей,
Самоѣдовъ, нѣмцевъ, эстовъ,
Поляковъ и латышей.

Врозь идти они не могутъ,
Потому что всѣ они,
Всѣ спаяны русской кровью
Воедино искони.

Видѣлъ князь, что всѣ дѣянья
Приснопамятныхъ годовъ
На Руси не умираютъ
Въ пѣсняхъ внуковъ и сыновъ.

Видѣлъ князь, Царю повѣдалъ,
И сказалъ Державный Братъ
Брату младшему спасибо
За объѣздъ и за докладъ.

Вотъ зачѣмъ четыре года,
По путямъ и безъ путей,
Объѣзжаетъ князь Владиміръ
Сѣверъ родины своей.

Вотъ и къ намъ теперь приспѣла
Необычная пора
Съ древнихъ стогнотъ, древней Русы
Возгласитъ ему ура!

Прослушавъ пѣсню и присутствовавъ въ саду при гимнастическихъ упражненіяхъ больныхъ дѣтей лѣтней колоніи, великій князь обошелъ помѣщеніе школы. Не ограничиваясь этимъ, онъ удостоилъ А. Г. Достоевскую посѣщеніемъ дома, въ которомъ жилъ и трудился покойный мужъ ея. Въ отвѣтъ на привѣтствіе хозяйки, встрѣтившей его у порога, великій князь, въ небольшомъ рабочемъ кабинетѣ покойнаго ея мужа, высказалъ, что зналъ Достоевскаго еще при проѣздѣ своемъ въ Сибири, что всегда относился сочувственно къ его литературному таланту, высказалъ глубокое сожалѣніе о томъ, что нещадная смерть такъ безвременно унесла его въ могилу, сожалѣніе тѣмъ болѣе вѣское, что направленіе, усвоенное покойнымъ, особенно въ послѣдніе годы, не могло не быть высокопоучительнымъ. Видя такое уваженіе къ памяти мужа и вниманіе къ только-что посѣщенной школѣ, г-жа Достоевская ходатайствовала предъ великимъ княземъ о принятіи школы подъ высокое покровительство Его Высочества. Великій князь отвѣтилъ согласіемъ, предупредивъ, что исполненіе въ данномъ случаѣ ея просьбы принадлежитъ всецѣло Государю Императору.

Въ заключеніе—нѣсколько статистическихъ данныхъ. Старая Русса относится къ числу богатыхъ городовъ и получаетъ съ 9,777 десятинъ пожней, расположенныхъ на многихъ рѣчкахъ, дохода до 70,000 рублей; въ этомъ, конечно, главная причина той исключительной пріятности, что жители его не уплачиваютъ никакихъ городскихъ налоговъ. Центръ богатаго хлѣбомъ уѣзда, Старая Русса, соединенъ съ Петербургомъ и рельсами, и водой. Жителей въ ней 13,648 человѣкъ; пріѣзжихъ на воды въ описываемое время было 1,659, при нихъ прислуги 147, и, надо замѣтить, что количество гостей за послѣднее время уменьшается, чему, несомнѣнно, имѣются достаточныя причины. Домовъ въ Старой Руссѣ 1,600, изъ нихъ каменныхъ 250; самые красивые расположены вблизи минеральныхъ водъ, но особенныхъ удобствъ они, по отзывамъ больныхъ, не представляютъ; для дѣтей сдѣлано очень мало, и нельзя было не вспомнить о вокзалахъ заграничныхъ водъ, гдѣ для дѣтскихъ игръ отведены особыя мѣста, и вѣчно заняты ими и каруселп, и качели. Неужели объ этомъ нельзя было подумать и здѣсь? Для любителей филологическихъ изслѣдованій можно замѣтить еще, что мѣстное старорусское нарѣчіе отличается многими особенностями, и если взять на выдержку хотя нѣсколько изъ тѣхъ своеобразныхъ словъ, которыя приводитъ въ своей книгѣ г. Полянскій, то можно, пожалуй, составить слѣдующую курьезную фразу: «Сѣлъ въ межень на мостецъ подлѣ досчана, а самъ изгиляется, калитку, хряну и другое слѣтье ѣстъ, кокоркой

прикусываетъ; дьянки на дѣдовникъ на опуко повѣсилъ, у юдка ярыги купилъ, а на что ему тын, шишко его знаетъ; вухи у него длинныя, бухтится; эко вылюдье!» На общепринятомъ языкѣ это значило бы: «сѣлъ въ свободное время на ларь, а самъ кривляется, брюкву, капусту и другіе огородные овощи ѣстъ, ватрушкой прикусываетъ, рукавицы на репейникъ на выворотъ повѣсилъ; у жида-пьяницы купилъ, а на что они ему—чортъ его знаетъ; экая красота!» Подобныя фразы можно бы, пожалуй, составить и для другихъ районовъ великой матушки Россіи, но въ Старой Руссѣ, почти на грани древне-московскаго и древне-новгородскаго вліяній, при скукѣ лѣченія, составленіе ихъ могло бы успѣшно замѣнить раскладку всякихъ пасьянсовъ и игру въ винтъ, не лишенныхъ и здѣсь своей полной всероссійской гражданственности.

Крестцы.

Отличія Крестецкаго уѣзда. Характерность мѣстныхъ ямщиковъ. Прежній булыжный путь. Историческое: поворотный пунктъ Батыева нашествія и важное мѣропріятіе Скопина-Шуйскаго. Соборъ. Дѣятельность бывшаго губернатора Э. В. Лерхе. Добрыя отношенія сословій. Тихвинская водная система.

Путь отъ Старой Руссы къ Крестцамъ и далѣе, до станціи николаевской желѣзной дороги «Торбино», проходилъ поперекъ Крестецкаго уѣзда, по дорогамъ, изъ которыхъ иныя на картахъ даже черточкой не обозначены, слѣдовательно, по настоящимъ грунтовымъ. Много встрѣчалось моховыхъ пространствъ, называемыхъ здѣсь «невы», отъ которыхъ только мало-по-малу совершался нашъ подъемъ на Валдайскую возвышенность.

Сначала мѣстность шла ровная; послѣдовали двѣ переправы на паромахъ черезъ Ловать и очень близкую къ ней и въ этихъ мѣстахъ почти параллельную Полу; затѣмъ начались холмы, доказывавшіе воочію, что насколько ровенъ Старорусскій уѣздъ, настолько холмистъ смежный съ нимъ Крестецкій, особенно въ юго-восточной части. Тутъ ѣзда на почтовыхъ дѣйствительно любопытна, потому что съ извилинами дороги, съ подъемами и спусками виды мѣняются ежеминутно. Тутъ, въ этихъ мѣстахъ, еще сохранился типъ настоящихъ ямщиковъ, имѣвшихъ когда-то центръ въ извѣстномъ Зимогорьѣ—недалеко отъ Валдая, потому что гдѣ же было имъ и образовываться, какъ не на самомъ торномъ въ былые дни трактѣ отъ Петербурга на Москву, по которому въ свое время проѣхали, и не одинъ разъ, всѣ большіе люди временъ Петра, Екатерины, Александра и Николая; по Валдайской возвышенности проходили самыя гористыя части этого тракта, и школа для ямщиковъ была великолѣпная; она чувствуется и до сихъ поръ.

Страна населена довольно густо, села очень велики и построены такъ, что, въ случаѣ пожара, должны служить разсадниками погорѣльцевъ; фабричной и заводской промышленности здѣсь нѣтъ совсѣмъ; все мѣстное дѣло сосредоточивается на хлѣбопашествѣ и сплавѣ дровъ по мелкимъ рѣчонкамъ въ

Мсту, а оттуда въ озеро Ильмень. Очень вѣроятно, что озеро это заливало когда-то своими водами тѣ низменныя пространства, которыя опушены въ настоящее время мхами и обильно поростаютъ клюквой, голубикой и брусникой. Вѣроятно, что многочисленныя рѣчонки, изъ которыхъ иныя, какъ, напримѣръ, Маять, ведутъ свое имя отъ глагола «маяться», — такъ сильно утомляется она, одолѣвая безсчетныя излучины,—что эти рѣчонки когда-то образовывали только теченія въ озерѣ, бывшемъ тогда гораздо бо́льшимъ.

Крестецкій уѣздъ расположенъ очень счастливо. Когда-то перерѣзывалъ его поперекъ широкій трактъ отъ Петербурга на Москву; теперь по немъ тянется въ длину николаевская желѣзная дорога и семь станцій, изъ нихъ двѣ первоклассныя: Вишерская — на сѣверѣ и Окуловская — на югѣ, расположены въ этомъ уѣздѣ; кромѣ того, поперекъ его протекаетъ Мста; надо сознаться, что подобной удачи въ географическомъ положеніи поискать. Уѣздъ всею своею производительностью тянетъ къ Петербургу, торгуетъ сѣномъ и молочными продуктами, и торгуетъ хорошо; здѣшнее земство имѣетъ 60,000 рублей запаснаго капитала, ничего не должно губернскому, и на немъ числится очень мало недоимокъ казнѣ; травосѣяніе здѣсь существенная статья хозяйства, и клеверъ даетъ до 400 пудовъ съ десятины.

Историческихъ воспоминаній за этими мѣстами немного; есть преданіе, что деревня Княжій Боръ зовется такъ потому, что здѣсь стоялъ съ войскомъ Іоаннъ Грозный по пути къ Новгороду и принялъ пословъ новгородскихъ; говорятъ, что деревня Випы зовется такъ потому, что здѣсь собирались когда-то какіе-то «боярчики» и угощались разными винами; показываютъ близъ села Зайцева придорожный крестъ, подъ которымъ покоится Божій человѣкъ, юродивый Симеонъ, ходившій здѣсь болѣе 40 лѣтъ тому назадъ и пользовавшійся значеніемъ.

Тихо шла ѣзда по холмамъ Валдайскимъ; пыль въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи, развѣваемая вѣтромъ, кудрилась по сторонамъ; коляски при поворотахъ круто повертывались на шкворняхъ, а въ песчаныхъ мѣстахъ, при подъемахъ, вслѣдъ за тѣмъ, какъ раздавался возгласъ: «у — ухъ! родимые!» надо было закрывать ротъ и глаза. Приблизительно на полдорогѣ къ Крестцамъ, грунтовая дорога уступила мѣсто шоссе; въ селѣ Зайцевѣ, передъ самымъ выѣздомъ на шоссе, пришлось проѣхать по весьма своеобразной древности, а именно съ грунтовой дороги перебраться, на короткое время, на сохранившійся какимъ-то чудомъ кусочекъ стараго московскаго булыжнаго тракта. Эти три представителя путей сообщенія, а именно: дороги грунтовая, булыжная и шоссе, могли быть оцѣнены по достоинству на протяженіи какихъ-нибудь десяти минутъ времени; до желѣзной дороги, т.-е. послѣдняго, новѣйшаго типа сообщеній, отсюда сорокъ пять верстъ.

Въ Крестцы путники въѣзжали около часу ночи. Совсѣмъ стемнѣло и едва виднѣлось направленіе шоссе, прорѣзавшаго городъ, когда-то опоясанный валомъ и переименованный изъ ямщичьяго яма въ городъ, въ 1776 году; въ 1779 году сталъ онъ снова ямщичьимъ ямомъ, въ 1802 произведенъ вторично въ уѣздные города, какимъ остается и до сегодня.

Несмотря на замѣчательную скудость историческихъ данныхъ, касающихся Крестцовъ и ихъ окрестностей, слѣдуетъ, однако, упомянуть о слѣдующихъ двухъ.

Есть полное основаніе полагать, что Батый, полонивъ Русь и направляясь на сѣверо-западъ къ Новгороду, доходилъ только до здѣшнихъ мѣстъ. Новгородская лѣтопись сообщаетъ, что, въ 1238 году, Батый, «гоняшися отъ Торжку оли до Игнача креста, за 100 верстъ отъ Новагорода», не пошелъ далѣе, а повернулъ вспять; Карамзинъ замѣчаетъ, что тогдашнія версты были вдвое длиннѣе теперешнихъ, такъ что указанное лѣтописью разстояніе до Новгорода вѣрно, а болота и лѣса представлялись, дѣйствительно, непроходимыми. Въ 1327 году Крестцы вспоминаются въ числѣ мѣстностей, опустошенныхъ крымцами. Какъ поворотный пунктъ Батыева похода на Русь, скромные Крестцы не лишены, слѣдовательно, самаго выдающагося значенія, и если бы ставить памятники не только людямъ, не только сраженіямъ, но и другимъ фактамъ высокаго значенія, то сгинувшій «Игначъ крестъ», несомнѣнно, подлежалъ бы возстановленію.

Другое историческое воспоминаніе несетъ на себѣ сходный съ этимъ характеръ. Оно касается 1609 года и сохранено въ Никоновской лѣтописи. Когда, побѣдивъ поляковъ подъ Калязиномъ, Михаилъ Скопинъ-Шуйскій спосился оттуда съ городами сѣвера, собирая великую защиту, онъ, желая дѣйствовать попрежнему въ союзѣ со шведами, послалъ Одадурова съ дворянами вдогонку за де-ла-Гарди, уходившимъ къ границѣ, вслѣдствіе недовольства своихъ войскъ; эти дворяне нагнали шведовъ въ Крестцахъ и отъ имени Скопина обѣщали имъ 6,000 рублей деньгами, 5,000 рублей соболями и уступку города Кекгольма за помощь нашимъ войскамъ, долженствовавшимъ идти на выручку Сергіевской лавры. Шведы согласились и пошли назадъ къ Калязину, чѣмъ и обусловились послѣдующія, очень важныя событія.

Годъ спустя, двадцатитрехлѣтній Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, освободившій лавру, взявшій Москву, «еще не спасшій, но спасавшій отечество», весь окруженный славой и поклоненіемъ народнымъ, юный и скромный въ своемъ величіи, былъ отравленъ на пиру женой Дмитрія Шуйскаго, дочерью Малюты Скуратова; де-ла-Гарди, бывшій другомъ Скопина, предупреждалъ его объ опасности. Насколько проклятое имя Малюты Скуратова являлось въ то время воплощеніемъ духа злобы, крови и тьмы, настолько яркою утреннею звѣздой свѣтитъ нетлѣнная память Михаила Скопина-Шуйскаго. Онъ, двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, въ дружбѣ съ двадцатисемилѣтнимъ де-ла-Гарди, на темномъ фонѣ лихолѣтія, съ его пожарищами и измѣнами, являетъ такой свѣтовой блескъ въ нашей исторіи, который еще ожидаетъ своего художника; едва ли подыщется нѣчто подобное Михаилу Скопину-Шуйскому въ другихъ исторіяхъ; въ немъ вся прелесть и свѣжесть Іоанны д'Аркъ и величественное очертаніе миѳологическихъ героевъ, вдохновлявшихъ Гомера.

Крестцы несутъ свое имя, вѣроятно, отъ того, что здѣсь скрещивались пути Новгородъ-Валдай и Боровичи-Демянскъ; жителей въ городѣ немного менѣе 3,000 человѣкъ; слѣды пожара 1886 года исчезли еще не совсѣмъ. Центръ

горнстаго уѣзда — городъ расположенъ въ мѣстности довольно ровной, и въ ясный солнечный день не лишенъ миловидности, въ которой главную роль играютъ, конечно, церкви съ ихъ высокими маковками и сіяніями православныхъ крестовъ.

Мѣстный соборъ екатерининскаго времени 1777 года; на восьми граняхъ купола, лежащаго не на барабанѣ, а на стѣнахъ,—изображенія святителей; надъ люстрой—Саваоѳъ; по стѣнамъ въ рисованныхъ рамахъ тоже изображенія святыхъ бытописаній; вся эта живопись не старѣе пятнадцати-двадцати лѣтъ. Въ зимней церкви три престола, въ лѣтней два; выкрашенъ соборъ снаружи въ голубую краску. Подлѣ него расположены почти всѣ учрежденія, помѣщающіяся въ зданіяхъ того же екатерининскаго времени, что и соборъ: острогъ, больница, казарма, управленіе уѣзднаго воинскаго начальника. Въ тюрьмѣ нельзя было не обратить вниманія на хорошо устроенную церковь и не припомнить при этомъ дѣятельность бывшаго новгородскаго губернатора Э. В. Лерхе. У насъ вообще легко забываютъ видныхъ административныхъ дѣятелей, и это совершенно неправильно, потому что слѣды ихъ честной, хорошей и долговременной заботливости,—въ данномъ случаѣ немного менѣе двадцати лѣтъ,—переживаютъ не одно десятилѣтіе; память названнаго губернатора, по всей Новгородской губерніи, сохраняется повсюду, и множество благотворительныхъ учрежденій и прекрасно устроенный въ Новгородѣ музей древностей, археологіи и этнографіи съ богатою библіотекой, не говоря о многомъ другомъ, живо напоминаютъ эту дѣятельность. Записывая впечатлѣнія пути, слѣдовало вспомнить и о ней.

Вѣроятно, не чуждо этой дѣятельности и другое отрадное впечатлѣніе, вынесенное изъ Крестецкаго уѣзда, а именно тотъ миръ и покой, то соревнованіе на пользу общую, которые сказываются здѣсь въ дворянствѣ, земствѣ и горожанахъ. Къ несчастію, это далеко не такъ въ другихъ уѣздахъ и губерніяхъ. Это та же нехорошая черта, которая сказалась, но только гораздо болѣе рельефно, въ прибалтійскомъ краѣ, гдѣ къ явной разноголосицѣ сословной присоединилась еще и разноголосица вѣроисповѣданій и народностей и полное особничество однихъ только нѣмцевъ. Въ этомъ нельзя было не усмотрѣть необходимости усовершенствованія мѣстнаго управленія; оно настоятельно требуетъ значительно бо́льшаго объединенія и связанности разныхъ элементовъ мѣстнаго самоуправленія и властей. Только такое объединеніе, только такая направляющая сила могли бы послужить тѣмъ важнымъ, многообразнымъ интересамъ, которые обезпечиваются единодушіемъ и взаимною поддержкой дѣйствующихъ въ своемъ мѣстѣ и имѣющихъ каждый свои обязанности людей.

Отъѣздъ изъ Крестцовъ состоялся около полудня. Далекій путь лежалъ на Тихвинъ, мимо Грузина. Отъ Крестцовъ до Грузина предстояло сдѣлать пятьдесятъ пять верстъ грунтовой дорогой, затѣмъ $2^1/_2$ часа пути по николаевской желѣзной и еще двѣнадцать верстъ, до Грузина, по Аракчеевскому шоссе.

Путь къ Тихвину.

Мѣстность подлѣ Грузина ровная и вся въ богатѣйшихъ заливныхъ лугахъ; весной, во время наводненія, она покрывается водой, и только Грузино держится поверхъ ея. Мѣстное сѣно идетъ въ Петербургъ; идутъ отсюда и дрова; доставка легка и недорога. Здѣсь же, близъ Грузина, есть нѣсколько спичечныхъ заводовъ. Едва кончаются заливные луга, какъ мѣстность совершенно преображается и становится глубоко-песчаною и для лошадей трудною; это — путь тихвинскихъ богомольцевъ; можжевельникъ, обыкновенно кустящійся, вытягивается здѣсь въ могучіе, высокіе штамбы, и такъ какъ зелень его очень похожа на зелень туи, то лѣсной пейзажъ не лишенъ красоты и своеобразности. Красивы мѣста близъ Кукуя, подлѣ станціи Липногорской; особенно красиво послѣднее мѣсто на берегу рѣки Сяси. На послѣднемъ перегонѣ къ Тихвину указывали на усадьбу Кулотино, въ которой поселилъ графъ Аракчеевъ свою супругу. Тутъ опять глубокіе пески; чернолѣсье чередуется съ голыми мѣстами.

Такъ какъ при посѣщеніи Тихвина предстоитъ къ описанію многое, то умѣстно будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о Тихвинской водной системѣ, по одной изъ важнѣйшихъ рѣкъ которой, Сяси, путники переправлялись.

Въ предшествовавшія путешествія по сѣверу Россіи путники ознакомились съ системами Вышневолоцкою и Маріинскою. На этотъ разъ предстояло ознакомленіе съ третьею, Тихвинскою системой.

Три названныя системы водныхъ путей соединяютъ Петербургъ съ Волгой. Всѣ три системы возникли по мысли Петра I, но окончены разновременно, послѣ многихъ колебаній и опытовъ, причемъ движеніе по Тихвинской открыто только въ 1811 году. По услуги народному хозяйству со стороны всѣхъ трехъ системъ оказались не одинаковыми; развилась и достигла хорошаго, прочнаго положенія только система Маріинская, тогда какъ обѣ другія зачахли въ полномъ смыслѣ этого слова; по Маріинской системѣ идетъ грузовъ въ четыре раза болѣе, чѣмъ по обѣимъ другимъ, вмѣстѣ взятымъ. Убійцами этихъ системъ были сначала желѣзныя дороги: николаевская, московско-нижс-

городская и рыбинско-бологовская, а затѣмъ счастливый ростъ и преуспѣяніе системы Маріинской, въ прямой ущербъ другимъ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробныя обсужденія того, почему оказалась такой счастливицей одна изъ системъ — Маріинская; этому имѣлось много важныхъ причинъ, и милліонныя затраты, сдѣланныя на нее, имѣли свои вѣскія основанія и принесли, и приносятъ многоцѣнные плоды.

На Тихвинской системѣ конкуренція отразилась менѣе гибельно, чѣмъ на системѣ Вышневолоцкой, лежащей теперь въ деревянныхъ и каменныхъ одѣяніяхъ шлюзовъ своихъ почти совершеннымъ мертвецомъ. На Тихвинской еще есть кое-какая жизнь, хотя безъ всякаго сравненія укороченная, трудная, жаждущая обновленія. Вмѣсто прежнихъ семи тысячъ судовъ, ходившихъ по ней вверхъ и обратно съ товарами на пятнадцать милліоновъ рублей, теперь проходитъ только нѣсколько сотенъ, и цѣлый рядъ ходатайствъ самыхъ настоятельныхъ со стороны новгородскаго губернатора, новгородскаго губернскаго, тихвинскаго и устюженскаго уѣздныхъ земствъ и тихвинскаго городского общества свидѣтельствуютъ единогласно о томъ, что угасаніе дѣятельности этой системы отразилось и отражается чрезвычайно невыгодно на благосостояніи всего населенія смежныхъ съ нею губерній и уѣздовъ. А между тѣмъ, когда-то, купцы древняго Новгорода ѣздили на ярмарку въ Холопій Городокъ, нынѣшнюю Мологу, при впаденіи Мологи въ Волгу, и эта ярмарка считалась первою въ Россіи, и одинъ лишь пошлинъ съ нея собиралось около ста восьмидесяти пудовъ серебра.

Тихвинская система имѣетъ всего протяженія отъ Волги къ Петербургу 659 верстъ, то-есть она на цѣлыхъ 250 верстъ короче Маріинской и на 550 короче Вышневолоцкой; говорятъ также, будто продолжительность навигаціи по ней на полтора мѣсяца менѣе, чѣмъ на Маріинской; казалось бы, вслѣдствіе этого система могла бы дать очень большую экономію какъ во времени, нужномъ на перевозку, такъ и въ стоимости ея. Но та, и другая только кажущіяся выгоды, вслѣдствіе многихъ существенныхъ причинъ, изъ которыхъ главныя: мелководье рѣкъ Сяси и Чагодощи и неустройство Мологи, обусловливающія необходимость перегрузки во время пути цѣлыхъ пять разъ. Можно представить себѣ потерю времени и возрастаніе путевыхъ расходовъ!

Нельзя сказать, чтобы правительство не сознавало печалей Тихвинской системы и не помогало насколько могло. Уже семь лѣтъ спустя по ея открытіи, въ 1818 году, утверждались различные на этотъ предметъ проекты и отчасти приводились въ исполненіе; то же самое имѣло мѣсто въ 1833, 1847, 1853, 1861, 1876 и 1882 годахъ. Въ 1874 году разсматривались предложенія Башмакова по улучшенію всей системы и правила для основанія съ этою цѣлью товарищества, съ капиталомъ въ 16.400,000 рублей, съ правомъ сбора съ проходящихъ судовъ въ теченіе сорока пяти лѣтъ.

До 1880 года проектъ этотъ разсмотрѣнъ не былъ; затѣмъ предположено произвести изысканія, но въ 1886 году само министерство приступило къ составленію полнаго проекта. Министерство, разсмотрѣвъ вопросъ и найдя, что осуществленіе полнаго проекта коренного улучшенія Тихвинской системы, для

обезпеченія перехода судовъ съ 7,000 пудовъ груза отъ Рыбинска къ Петербургу, безъ перегрузки, въ двѣнадцать дней потребовало бы до 3½ милліоновъ рублей расхода, что несвоевременно, ограничилось разработкой части проекта, а именно улучшеніемъ самаго больного мѣста системы — рѣки Сяси. Этотъ послѣдній проектъ обошелся бы своимъ исполненіемъ только въ 343,000 рублей, сократилъ бы продолжительность пути на пять сутокъ, стоимость перевозки на 3—4 копѣйки съ пуда и далъ бы возможность устройства правильнаго пароходства между Тихвиномъ и Петербургомъ. Съ осуществленіемъ этого проекта было бы также удалено одно изъ разрушительныхъ условій нынѣшней системы: дрова, которыя въ настоящее время, по мелководью Сяси, сплавляются розсыпью и недопущеніе сплава которыхъ было бы равносильно полному запрещенію эксплоатаціи мѣстныхъ лѣсовъ, что невозможно, пойдутъ тогда на судахъ и не будутъ засорять и разрушать береговъ и русла. Проектъ предлагалъ канализовать Сясь устройствомъ двухъ каменныхъ и шести деревянныхъ шлюзовъ, устроить, кромѣ того, въ Рождественскихъ порогахъ, а также привести въ систему и улучшить, для умоньшенія скорости теченія Сяси, расположеніе нынѣ дѣйствующихъ «Кулевыхъ запрудъ». Пока что, въ виду многихъ существенныхъ причинъ, проекту этому движенія не дано; но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что Тихвинская система и ходатайства земства забыты: есть нужды для государственнаго казначейства болѣе настоятельныя.

Тихвинъ.

Наплывъ богомольцевъ къ празднику. Тихвинскіе монастыри. Явленіе иконы. Особенности возникновенія монастыря. Построеніе храма. Цари Василій Іоанновичъ и Іоаннъ Васильевичъ. Начало обители. Славная защита въ лихолѣтіе. Описаніе соборнаго храма Успенія. Икона Тихвинской Божіей Матери. Икона Старорусской Божіей Матери. Кому принадлежитъ она? Вѣковыя ходатайства. Другія иконы. Историческая картина Истомина. Ризница и ея богатства. Другіе храмы монастырскіе. Крылечко и его иконы. О Рекопской обители. Странникъ Шапошниковъ. Легенда о могилѣ Іоанна Антоновича Ульриха. Введенскій женскій монастырь и его былое. Усыпальница царицы Дарьи Алексѣевны. Закладка памятника Петру Великому.

День праздника Тихвинской Божіей Матери въ городѣ Тихвинѣ, 26-го іюня, занялся хорошій; огромныя толпы народа размѣстились по берегамъ Тихвинки, по направленію къ монастырю, ясныя очертанія котораго, высившіяся на лѣвомъ берегу рѣки, въ стѣнахъ и башняхъ, съ остріями куполовъ и колоколенъ, видны были очень хорошо изъ оконъ помѣщенія, находившагося на правомъ берегу, въ домѣ начальника шоссейной дистанціи, построенномъ на довольно высокомъ, песчаномъ холму побережья и окруженномъ деревьями. Обѣдня назначена была въ Богородицкомъ мужскомъ большомъ монастырѣ.

Въ высшей степени типичны толпы богомольцевъ въ дни большихъ монастырскихъ праздниковъ, толпы, состоящія изъ множества представителей дальнѣйшихъ окраинъ русскихъ, со всѣми отличіями, свойственными ихъ очертаніямъ и одѣяніямъ. Большинство — сѣрый людъ и люди возрастные; затѣмъ слѣдуетъ значительное количество мелкаго купечества, на яркихъ одѣяніяхъ женщинъ котораго играютъ всѣ семь основныхъ цвѣтовъ радуги и вполнѣ отсутствуютъ тѣ смѣшанныя краски, которыми отличаются одежды дамъ, слѣдующихъ моднымъ журналамъ. Велико также количество старухъ и стариковъ, вся жизнь которыхъ распредѣлена исключительно между посѣщеніями различ-

ныхъ обителей; въ нихъ преобладаніе темныхъ и сѣрыхъ одѣяній, классическіе посохи, котомки и лица, опаленныя всѣми вьюгами сѣвера, всѣми горячими полднями нашего юга, лица, рѣзкія черты которыхъ могутъ доставить художнику по экспрессіи богатѣйшую пищу. Еще вчера, по пути сюда, вдоль песчаной, трудной дороги встрѣчались подобные странники и странницы, направлявшіеся въ Тихвинъ; другой главный путь, водяной, ведетъ сюда отъ Петербурга—Невою, озеромъ и каналами—и совершается въ пять дней. На праздникъ прибыло народу болѣе десяти тысячъ человѣкъ; въ самомъ Тихвинѣ жителей 6,554; каменныхъ домовъ 35, деревянныхъ — 1,088; но въ уѣздѣ изъ числа 18,571 дома—каменныхъ только 2.

Живописно и неподвижно стояли толпы народныя у воротъ монастырскихъ, въ ожиданіи начала богослуженія. Въ воротахъ, надъ которыми помѣщается небольшая церковь Вознесенія, времени царя Ѳедора Іоанновича, на входившихъ смотрѣли во множествѣ лики угодниковъ Божіихъ, а изъ глубины двора монастырскаго, въ концѣ густо отѣненной аллеи, стояли открытыми врата главнаго храма Успенія. Справа и слѣва, изъ-за ограды высились памятники богатаго кладбища и, гдѣ только можно было людямъ вскарабкаться повыше, чтобы лучше разсмотрѣть, всюду виднѣлись непокрытыя головы и творились крестныя знаменія. Сквозь паперть церковную, огибающую храмъ Успенія съ западной и южной стороны, украшенную потемнѣвшими изображеніями изъ Апокалипсиса и другими, путники прослѣдовали въ соборъ. Вправо отъ входа, подлѣ массивнаго столба, виднѣлась главная святыня монастырская—ликъ Богоматери Тихвинской, озаренный солнечнымъ свѣтомъ и множествомъ огней; къ празднику этой иконы, чтимой во всей Руси, и къ поклоненію ей, именно въ этотъ день прибылъ сюда народъ. Чтобы напомнить значеніе Тихвинской святыни, прежде описанія посѣщеній и осмотровъ, слѣдуетъ обратиться къ давно прошедшему времени и возстановить, хотя вкратцѣ, основныя черты ея возникновенія и исторіи, тѣсно связанныя съ бытіемъ русской державы, отъ далекихъ и мрачныхъ дней. Только вслѣдъ за такимъ напоминаніемъ одухотворятся въ полномъ значеніи твердыни монастырскія, и понятно станетъ всероссійское ея почитаніе.

Не вдали отъ Ладожскаго озера, тамъ, гдѣ кончается водное сообщеніе съ Волгой, называемое Тихвинскимъ, расположены по сосѣдству четыре монастыря. Главная обитель, это — монастырь Тихвинскій-Богородицкій, въ двухъ стахъ саженяхъ отъ него Введенскій дѣвичій, въ четырехъ верстахъ Бесѣдный Николаевскій и въ пятнадцати Дымскій Антоніевъ. Если принять въ разсчетъ многочисленные часовни и кресты, поставленные набожностію людскою и разбросанные далеко кругомъ, по лѣсамъ, дебрямъ и дорогамъ, то весь этотъ уголокъ земли Русской является святымъ мѣстомъ, изстари пользующимся извѣстностью, въ особенности въ простомъ народѣ, далеко кругомъ, даже «далѣе морей бушующихъ». Въ Дымскомъ Антоніевскомъ монастырѣ почиваютъ мощи преподобнаго Антонія; во Введенскомъ дѣвичьемъ покоится благовѣрная царица Дарья Алексѣевна, четвертая супруга Іоанна Грознаго; въ большомъ Богородицкомъ посѣтитель не встрѣчаетъ обычной святыни—мощей, или какой-

либо замѣчательной могилы, и этому есть свои причины, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Дѣвичій Введенскій монастырь расположенъ въ двухстахъ саженяхъ отъ мужского Богородицкаго. По древнему обычаю православной церкви, какъ это видно изъ житія преподобнаго Пахомія, а также Іуліана и Василисы и нѣкоторыхъ другихъ, обители мужскія и женскія устраивались иногда одна подлѣ другой, причемъ общее руководство духовное поручалось въ такихъ случаяхъ игумену. Таковы были въ Москвѣ монастыри Чудовъ и Вознесенскій, въ Новгородѣ, Владимірѣ, Ростовѣ. Настоятель Тихвинскаго Богородицкаго монастыря и то же время благочинный Введенскаго дѣвичьяго, и въ этомъ смыслѣ оба они составляютъ какъ бы одну обитель. Въ католическомъ мірѣ бывали монастыри двуполые, въ одной оградѣ; они носили имя монастырей св. Бригитты, и развалины ближайшаго къ намъ, къ Россіи, находятся подлѣ самаго Ревеля.

Одинъ изъ множества тихвинскихъ паломниковъ, подъѣзжая къ стѣнамъ монастырскимъ въ 1854 году, нашелъ ихъ «благородной полувоенной архитектуры»—опредѣленіе, рѣшительно не поддающееся критической оцѣнкѣ; этотъ паломникъ обратилъ также вниманіе на то, что въѣздныя ворота «стройныя, нѣсколько вогнутыя, съ четырьмя іоническими колоннами, съ огромными, рѣшетчатыми, прекраснаго рисунка створами, въ которыхъ болѣе 600 пудовъ вѣса»; опредѣленіе ворота «нѣсколько вогнутыя» это относительно точности сродни «благородной полувоенной» архитектурѣ; преданіе гласитъ, что ворота эти подарены императоромъ Павломъ I и украшали когда-то въѣздъ въ Аничковскій дворецъ.

Возникновеніе Тихвинской обители значительно отличается отъ большинства возникновеній другихъ на Русской землѣ. Обыкновенно начиналось съ пустынножительства того или другого отшельника, подлѣ котораго собирались другіе люди, искавшіе уединенія и молитвы, возникали келійки, созидалось монастырское общеніе, затѣмъ составлялся уставъ. Очень часто избранное богобоязненными людьми мѣсто не замедливало стать цѣлью странствій къ нему паломниковъ, или къ нему нищіе, или князья, и слава о чудесахъ и исцѣленіяхъ души и тѣла расходилась съ ними обратно, обусловливая притокъ другихъ людей, нуждавшихся въ укрѣпленіи вѣры, въ добромъ совѣтѣ, въ утѣшеніи. Видимымъ доказательствомъ являются чудотворныя и явленныя иконы и въ большинствѣ случаевъ святыя мощи тѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей церкви, отъ которыхъ начинался монастырь: совершивъ все земное, прикрытые большею частью въ «образѣ ангельскомъ» схимою, они отходили на вѣчный покой, и тогда начиналась ихъ вторая дѣятельность—предстательство за всѣхъ прибѣгающихъ къ нимъ. Не признавать воздѣйствія монастырской жизни на историческое развитіе наше—значитъ отрицать фактъ прошедшаго, настоящаго и будущаго; и сильно ошибается тотъ, кто видитъ только обрядовое значеніе монастырскаго житія и считаетъ, что только темныя, необразованныя массы людскія подчиняются его вліянію. Такъ можетъ говорить человѣкъ, не читавшій отцовъ церкви или если и читавшій, то испугавшійся синтаксическаго строя ихъ исло-

500-лѣтіе Тихвинской Божіей Матери. Видъ тихвинскаго монастыря.
Съ фот. грав. М. Рашевскій.

женія, ихъ цитатъ и текстовъ и, изъ-за внѣшности, проглядѣвшій смыслъ; но кто взялъ на себя трудъ, — а такихъ изъ числа людей свѣтскихъ безконечно мало, — дѣйствительно вникнуть въ писанное, тотъ непремѣнно измѣнитъ свое мнѣніе до основанія. Наши монастыри составляютъ одну изъ живоносныхъ артерій народной жизни. Были таковыми когда-то для своихъ странъ и монастыри католическіе, но теперь они не болѣе, какъ окаменѣлости нѣкогда живыхъ артерій, и въ дѣйствительной жизни, подобно нашимъ, не участвуютъ.

Тихвинская обитель началась, сложилась и дѣйствовала несходно съ большинствомъ другихъ. Въ концѣ XIV вѣка, при великомъ князѣ Дмитріи Іоанновичѣ Донскомъ, мѣсто, на которомъ теперь высится монастырь, было, по словамъ лѣтописца, совсѣмъ пустынно и этого мѣста «никто же знаеше и никимъ же именовано бысть, не точію человѣкомъ, но и звѣремъ земнымъ въ жилище тогда не обрѣташеся, понеже блатно бѣ и равностію не одержимо и по како же отнюдь стройно». И въ этой-то дремотной дебри, неизвѣстно кѣмъ и какъ, построенъ храмъ для помѣщенія явленной иконы, пришедшей сюда по воздуху изъ Царьграда. Икона эта шла по воздуху, останавливалась надъ нѣсколькими мѣстами и, наконецъ, нашла, избрала свое мѣсто здѣсь; она снизошла съ воздуха, говоритъ преданіе, на глазахъ многочисленной толпы, умолявшей икону сойти къ ней. Объ исчезновеніи въ это время одной изъ иконъ цареградскихъ имѣется свидѣтельство тогдашняго константинопольскаго патріарха. Относительно того, которая именно изъ иконъ прибыла къ Тихвину, можно повторить слова св. Дмитрія Ростовскаго и успокоиться на томъ, что «неизвѣстныхъ намъ вещей тщетнымъ любопытствомъ не истязующе». Кому явилась икона, кому явилась именно на этомъ мѣстѣ Матерь Божія со св. Николаемъ, кто построилъ храмъ? Все это, въ прямую противоположность другимъ нашимъ обителямъ, остается относительно Тихвина въ туманѣ. Ни къ какому имени, ни къ какому событію не пріурочивается ея возникновеніе: это дѣйствительно въ полномъ смыслѣ слова историческая дебрь, которой «никто же знаеше и никѣмъ же именована бысть» и въ которой появилась икона.

Немного позже эти историческія сумерки освѣщаются двумя послѣдовательными пожарами. Семь лѣтъ спустя послѣ построенія церкви и часовни обѣ сгораютъ отъ неногашенной свѣчи; отстроенныя вновь, онѣ, ровно чрезъ пять лѣтъ, въ соотвѣтствующую ночь, снова сгораютъ; въ обоихъ случаяхъ икона спасена: въ первый разъ она найдена невредимою на можжевеловомъ кустѣ, во второй — въ самомъ пеплѣ пожарища; спасенъ и крестъ часовни. Третій по счету, гораздо обширнѣйшій храмъ и часовня, воздвигнутые на этомъ мѣстѣ, простояли болѣе ста лѣтъ, когда великій князь Василій Іоанновичъ, прослышавъ о явленной иконѣ Тихвинской, велитъ на счетъ казны своей построить церковь каменную съ папертьми и, нѣсколько лѣтъ спустя, лично посѣщаетъ ее въ сопровожденіи преосвященнаго Макарія Новгородскаго, впослѣдствіи митрополита.

Это великокняжеское посѣщеніе фактъ уже совсѣмъ историческій, но большого Богородицкаго монастыря все-таки еще нѣтъ, а возникаетъ въ пустынѣ, по волѣ великокняжеской, малый монастырь Николаевскій Бесѣдный, вѣроятно, не задолго предшествовавшій большому Тихвинскому Богородицкому, и только

177 лѣтъ спустя послѣ явленія иконы, при посѣщеніи церкви въ 1547 году царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, онъ, видя, что икона управляется мірскимъ священствомъ и что вокругъ церкви расположено множество селеній, повелѣваетъ основать мужскую обитель.

Несходны съ судьбами другихъ монастырей, даже совсѣмъ противоположны имъ, первые годы, слѣдовавшіе за царскимъ повелѣніемъ. Тогда какъ въ Соловкахъ, въ Кирилловѣ, въ Кіевѣ, на Валаамѣ пустынножительство устраивалось подлѣ первоучителя, подлѣ его келійки, и основанія устава монастырскаго преподавались и завѣщались имъ, здѣсь,—въ Тихвинѣ, возникло монастырское братство подлѣ богатаго каменнаго храма, извѣстнаго уже на всю Россію, и дѣло постройки зданій, составленіе устава и обычаевъ монастырскихъ поручено царемъ цѣлой группѣ архимандритовъ и игумновъ другихъ обителей, нарочно собранныхъ для этого и поставленныхъ подъ главенство архіепископа новгородскаго Пимена. Если въ другихъ обителяхъ отъ малаго начала, отъ одной келійки плодились другія, шло распространеніе не вдругъ, а общежитіе, трапеза и стѣны являлись только послѣ вѣкового существованія, здѣсь сооружено сразу 44 келіи, поставлена обширная трапезная, прорыта канава, воздвигнуты стѣны, а деревянныя церкви замѣнены каменными. При возникновеніи другихъ обителей, подлѣ нихъ, и опять-таки мало-по-малу, возникали поселки, деревушки, обращавшіеся иногда, со временемъ, въ города,—въ Тихвинѣ наоборотъ: ко времени устройства монастыря, на мѣстѣ этомъ расположено было множество селеній, и для освобожденія мѣста существовавшій старый посадъ отнесенъ версты за три въ сторону. Характерною особенностью является, наконецъ, и то, что царское повелѣніе, послѣдовавшее въ 1547 году, воплотилось только 11 февраля 1560 года, съ назначеніемъ, вслѣдъ за окончаніемъ работъ и по составленіи устава, первымъ игумномъ Кирилла.

Не прошло и полувѣка со времени возникновенія обители, иноки которой сошлись къ ней изъ разныхъ другихъ монастырей и, слѣдовательно, какъ и уставъ монастырскій, не возникли на мѣстѣ, а были собраны съ разныхъ мѣстъ,—какъ уже пришлось имъ постоять за себя, за святыню, за отечество и показать, что въ этомъ они то же, что̀ остальные ихъ собратья. Наступило лихолѣтье. Самозванецъ «вѡста бо паки инъ нѣкій звѣрь, нарицая себя царевичемъ Дмитріемъ Угличкимъ», появились другіе самозванцы, а за спинами ихъ всякіе люди, «польстіи и литовстіи»; призванные нами на помощь шведы, предводимые де-ла-Гарди, вмѣсто защиты, «взяли на копье» всю великую область новгородскую и вмѣстѣ съ нею и Тихвинскую обитель.

Удрученная до глубины душевной, занятая врагами, страна тихвинская и ея монастырь не переставали молиться за судьбы раздираемой междоусобицей родины, какъ вдругъ къ нимъ, къ плѣненнымъ и окруженнымъ кольцомъ войскъ непріятельскихъ, доходитъ вѣсть о воцаренін царя Михаила и о томъ, что ко Пскову двигаются за рѣкой Устью воеводы царскіе, и что надо послать просить ихъ принять обитель и вручить ее царю православному. Предстояла двойная трудность: сговориться людямъ тихвинской стороны съ людьми въ обители, а затѣмъ, принявъ общее рѣшеніе, оповѣстить сквозь ряды не-

пріятельскіе дружины наши, шедшія на Псковъ подъ начальствомъ князя Симеона Прозоровскаго. И то, и другое исполнили Воейковъ и Арцыбашевъ и возвратились въ обитель. Скоро увидѣли со стѣнъ монастырскихъ приближеніе русскаго воинства; произошла стычка на Усть-рѣкѣ, и шведы разбиты; игуменъ Онуфрій и сидѣвшій въ занятой шведами обители воевода Трусовъ порѣшили кончить со шведами и внутри обители, ударили на нихъ и перебили.

Извѣщенный о двойномъ пораженіи, де-ла-Гарди, стоявшій въ ста верстахъ отъ Тихвина, двинулся къ нему; 13 іюня 1613 года вырѣзалъ онъ въ посадѣ Тихвинскомъ всѣхъ, не успѣвшихъ скрыться за стѣнами обители, и тогда начался длинный рядъ усилій шведскихъ одолѣть единственный русскій оплотъ, оставшійся или, лучше сказать, вышедшій изъ-подъ ихъ власти въ странѣ новгородской. Лѣтопись подробно сообщаетъ о всѣхъ судьбахъ упорной борьбы: нашелся въ обители измѣнникъ Гаврилко, родомъ изъ Смоленска, явились въ ней раздоры, и все это подъ грохотъ «огненнаго стрѣлянія изъ великихъ бранныхъ сосудъ». Пока въ осажденной обители пришли къ рѣшенію оповѣстить царя и просить о присылкѣ помощи и къ нему отправлены послы, царь уже зналъ о судьбахъ Тихвина и направилъ къ нему отъ себя рать подъ начальствомъ Сумбулова. Монастырскіе послы встрѣтили ее, но неосторожность воеводы и измѣна переяславца Ѳедора были причиною пораженія этой рати, и осада обители возобновилась съ бо́льшею противъ прежней ожесточенностью; игуменъ Онуфрій взятъ въ полонъ.

Краснорѣчиво описаніе лѣтописца о томъ, что происходило въ обители въ это время; какъ въ значительномъ сборищѣ всѣхъ возрастовъ и половъ, въ виду ярости осаждавшихъ, возникло «самонадѣяніе и нечистоты грѣховныя», и какъ Пречистая Дѣва, явившись старцу Мартиніану, пришедшему сюда изъ Соловокъ, повелѣла изгнать «развратниковъ и сквернодѣлателей», что̀ и исполнено. Одновременно съ этимъ работали шведы въ подкопахъ, противъ которыхъ наши повели подземные «слухи»; опять имѣла мѣсто измѣна: бѣжали казакъ Тяпка и помѣщикъ Пересвѣтовъ изъ предѣловъ ростовскихъ и оповѣстили шведовъ объ оскудѣніи и неурядицахъ въ обителя. Тогда рѣшенъ былъ приступъ. Понесли шведы лѣстницы и огонь для поджога, но вышедшіе на стѣны крѣпостныя, старъ и младъ, лили на нихъ кипящую воду, смолу, кидали бревна, а 14 сентября 1614 года, послѣ вторичнаго явленія двумъ старцамъ, Богородица совершила чудо: показалось шведамъ, что идутъ отъ Москвы несмѣтныя русскія полчища, и они, «возмятошася, всколебашася и яшася бѣгства, со студомъ, другъ друга со зади біюще». Во слѣдъ бѣгущимъ вышли защитники изъ крѣпости и гнали шведовъ «сѣкуще аки стебліе».

Только временно отдохнулъ монастырь: не прошло года, какъ состоялось второе нападеніе; думали тихвинскіе, захвативъ икону, бѣжать въ Москву, но икона не поддавалась, не могли ее снять съ мѣста, и тогда рѣшено было умереть, не сдавая обители. Только въ полднѣ ходьбы находились шведскія войска, и опять совершилось то же чудо: появилось передъ глазами шведовъ несмѣтное воинство, и они отъ рѣки Сяси бѣжали. Вѣсть о бѣгствѣ врагов, принесенная въ монастырь, возбудила недовѣріе; но груды оружія, брошеннаго шве-

дами, поломанные кустарники и множество людей, втоптанныхъ въ болота, подтвердили не только о бѣгствѣ, но и о его невѣроятной стремительности.

Вслѣдъ за появленіемъ двухъ призраковъ спасательныхъ ратей и бѣгствомъ шведовъ отъ Тихвина не замедлила освободиться и вся новгородская страна. Миръ, заключенный со шведами въ 1617 году, состоялся въ пятидесяти пяти верстахъ отъ Тихвина, на рѣкѣ Сяси, въ Столбовѣ, предъ копіей, снятой съ чудотворной иконы Тихвинской, и монастырская жизнь пошла навстрѣчу временамъ болѣе мирнымъ.

Соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, какъ и все въ монастырѣ, сгорѣла почти до основанія въ великій пожаръ 1626 года, но, при возобновленіи, старались возсоздать ея былой обликъ. Она имѣетъ пять луковицеобразныхъ главъ на высокихъ шейкахъ, съуживающихся подъ самыми куполами. Внутри соборъ очень свѣтелъ; круглый куполъ покоится на барабанѣ, въ которомъ прорѣзано десять очень узкихъ оконъ; внизу барабана изображенія праотцевъ—Ноя, Авеля, выше—въ два ряда—ангелы Господни, еще выше—силы небесныя, надъ ними, уже въ самомъ куполѣ, херувимы и серафимы и, наконецъ, вѣнцомъ этого живописнаго одухотворенія, на высшей вышинѣ—изображеніе Св. Троицы. Своды храма крутые, цилиндрическіе; четыре массивные столба, обставленные понизу иконами, несутъ куполъ; бѣлыя стѣны въ два свѣта; обильная стѣнопись, трудовъ ярославскихъ людей, подъ надзоромъ Логина Шустова, окончена при императорѣ Павлѣ I. Стѣны, арки, откосы, своды, алтарь, діаконникъ, паперть населены вплотную изображеніями сценъ изъ Библіи и Евангелія, важными ликами отцовъ церкви, пророковъ, святителей, мучениковъ и ихъ дѣяній; на горнемъ мѣстѣ есть изображеніе Спасителя въ видѣ архіерея; въ другомъ мѣстѣ Онъ изображенъ въ видѣ младенца; въ алтарѣ «Отче нашъ» въ шести картинахъ; сцены изъ Ветхаго Завѣта идутъ по стѣнамъ по верхнему поясу, каждое въ отдѣльной рамочкѣ и небольшой величины. Характерны изображенія страшнаго суда, темницы изъ книги Лѣствичника, Нифонта съ чудесами и видѣніями, образъ, именуемый «отрыгну сердце мое благо», и многія другія. Всѣмъ имъ далеко до художественности, но для людей простыхъ и глубоко вѣрующихъ они и ясны, и краснорѣчивы, и хороши, и это еще вопросъ: правы ли будутъ тѣ, которые предложатъ для поклоненія простому народу изображенія академически-правильныя и колоритныя, но ничего не говорящія тому сердцу и тому пониманію, для котораго они, главнымъ образомъ, назначены. Шестиярусный иконостасъ, увѣнчанный Распятіемъ, это цѣлая книга въ лицахъ, цѣлая хартія иконъ; верхній ярусъ—страсти Господни; художество не поскупилось на лѣпныя украшенія колоннъ, карнизовъ, кронштейновъ, и въ нихъ царятъ гроздья, листья, лозы, витыя колонки; чудотворная икона Богоматери Тихвинской поставлена, какъ сказано, на первомъ, правомъ отъ входа столбѣ; на лѣвомъ столбѣ помѣщена другая святыня—икона Богоматери Старорусской.

Первая изъ нихъ виднѣется подъ дробною, богатою сѣнью, не подходящею стилемъ своимъ къ иконостасу и остальной лѣпной и рѣзной работѣ, и драпируется занавѣсками, пеленами, подзорами, которыхъ имѣется въ ризницѣ

нѣсколько; на наружныхъ сторонахъ створовъ ея изображены Богоматерь и св. Николай, на внутренникѣ—архангелы Михаилъ и Гавріилъ; вся она украшена камсньями, имѣющими значительную цѣнность. Противъ иконы, въ западной стѣнкѣ, пробито широкое окно, такъ что икона видна и при запертыхъ дверяхъ церкви, и тутъ вѣчное присутствіе молящихся, собирающихся со всѣхъ далекихъ странъ земли Русской. Икона Тихвинской Божіей Матери одна изъ самыхъ богатыхъ по цѣнности украшеній, превосходящей 100,000 рублей; замѣчателенъ изумрудъ — пожертвованіе императрицы Анны Іоанновны въ 1734 году, на немъ вырѣзано Распятіе съ предстоящими; сапфиръ великой княгини Екатерины Павловны и др.; лампада передъ нею вся золотая, въ камешьяхъ, стоитъ свыше 42,000 рублей и принесена въ даръ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ въ 1803 году, по смерти жены и рожденіи сына Дмитрія, который, въ свою очередь, поднесъ иконѣ громадный серебряный подсвѣчникъ, въ три слишкомъ пуда вѣсомъ. Съ 1886 года икона переносится ежегодно въ маѣ и сентябрѣ изъ холоднаго собора въ церковь Рождества Богородицы и обратно; передъ нею постоянно теплятся 10 свѣтильниковъ въ серебряныхъ лампадахъ. Съ иконы Тихвинской Богоматери снято нѣсколько копій и многія изъ нихъ чудотворны. Такъ, имѣется копія подъ Москвою въ Драгомиловѣ и въ Малыхъ Лужицахъ, въ Кирсановской женской обители Тамбовской губерніи, въ Пензенской губерніи въ Керенскомъ женскомъ монастырѣ и въ городѣ Чембарахъ; съ послѣднею сопряжено воспоминаніе о чудесномъ спасеніи города отъ холеры въ 1848 г. Темное изображеніе лика Богоматери Тихвинской съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ хорошо извѣстно всей Россіи; въ многоцѣнной золотой ризѣ кажетъ она яснѣе, чѣмъ при снятіи ризы, потому что долгіе, долгіе годы погасили, почти совершенно, глубокою теменью черты, когда-то созданныя кистью; одно изъ преданій приписываетъ ее св. Лукѣ.

Вторая святыня храма, это икона Богоматери Старорусской, находящаяся на лѣвомъ, отъ входа въ храмъ, столбѣ. Поясной ликъ огромныхъ размѣровъ, почти четыре аршина безъ двухъ вершковъ вышины, при трехъ аршинахъ ширины, сохраняетъ черты гораздо явственнѣе, чѣмъ ликъ Тихвинской, на которомъ, кромѣ темени, видно очень немногое. Судьбы этой иконы таинственны: въ Старую Руссу доставлена она, какъ говоритъ печатный источникъ 1609 года, «когда-то» изъ Греціи; преданіе гласитъ также, что въ 1370 году перенесена она въ Тихвинъ для избавленія города отъ повѣтрія, гдѣ и пребываетъ въ настоящее время. Уже въ 1787 году ходатайствовали граждане Старой Руссы о возвращеніи своей дорогой иконы. Но имъ прислали въ утѣшеніе только копію; съ 1805 года идутъ многія усиленныя, упорныя ходатайства о возвращеніи святыни на ея древнее мѣсто, но всѣ они остаются безслѣдны, несмотря на то, что правъ Старой Руссы на икону не отрицаетъ никто; на ходатайство 1850 года Св. Синодъ положилъ опредѣленіе, въ которомъ, «не отвергая принадлежности образа Руссѣ», предложено «оставить оный въ Тихвинѣ до времени» и предоставлено гражданамъ Старой Руссы «просить у тихвинцевъ свой образъ». Какъ и почему рѣшилъ тогда Св. Синодъ такъ, а не иначе, сказать трудно; но, во всякомъ случаѣ, если бы гдѣ

предстояло возстановленіе справедливости, несомнѣнно нарушенной и никѣмъ не отрицаемой, такъ это именно въ данномъ случаѣ: болѣе пятисотъ лѣтъ тому назадъ отбыла икона со своего древняго мѣста; сто лѣтъ слишкомъ ходатайствовали люди о возвращеніи имъ ихъ многочтимой собственности, и все-таки не достигли своей цѣли. И это тѣмъ непостижимѣе, что, во-первыхъ, Тихвинъ и Старая Русса принадлежатъ къ той же епархіи; что, во-вторыхъ, Тихвинъ богатъ и безъ того своею собственною, прибывшею къ нему иконой; что недавно тамъ прославлена еще и другая икона, а Старая Русса, гораздо древнѣйшая Тихвина, несравненно болѣе, чѣмъ Тихвинъ, посѣщаемая изъ недалекой отъ нея столицы,—не имѣетъ ни одной подобной святыни и должна довольствоваться копіей съ нея и ничѣмъ неизгладимымъ воспоминаніемъ. Мы не знаемъ, слѣдовали ли за ходатайствомъ 1850 года другія ходатайства и не можемъ, конечно, предугадать рѣшенія, которое послѣдовало бы на новое, если бы таковое появилось, но вышеупомянутое опредѣленіе Св. Синода 1850 года какъ бы вызываетъ старорусскевъ на него, и собственникомъ святой иконы признается не Тихвинъ *).

Перечисленіе другихъ иконъ храма Успенія заняло бы слишкомъ много мѣста, но нельзя не обратить вниманія еще на одинъ небольшой ликъ Пресвятыя Богородицы Іерусалимской, называемой «всѣмъ скорбящимъ утѣшеніе», писанный по штукатуркѣ, съ которымъ повторилось чудо, имѣвшее нѣкогда мѣсто въ Лидѣ, гдѣ не могло быть исполнено распоряженіе Юліана Отступника, повелѣвшаго «сѣчивами и оскордами» выбить изъ стѣны краски подобнаго же образа, краски, по мѣрѣ ударовъ, только углублялись въ стѣну, такъ, какъ и тутъ, при работахъ по счисткѣ для возобновленія претлѣвшей живописи; волей-неволей пришлось только подновить очертанія; въ настоящее время изображеніе это обведено позолоченною рамой и представляется не фрескомъ, а иконой, висящею на стѣнѣ, какъ разъ напротивъ иконы Старорусской.

Литургія въ главномъ храмѣ монастырскомъ, въ день годового праздника, совершалась особенно торжественно. Здѣсь, какъ и въ Соловецкомъ монастырѣ, только въ меньшей степени, имѣются отличія въ богослуженіи, дарованныя монастырю въ разное время: рипиды, коверъ, изображенія на мантіяхъ архимандритовъ, священнослуженіе съ отверстыми царскими вратами, съ посохомъ и многое другое. Церковное пѣніе безупречно хорошо, и замѣчательно выдавался теноровый голосъ одного изъ мантійныхъ монаховъ, управлявшаго хоромъ. Существенною частью въ богослуженіи являлось также кажденіе Тихвинской иконѣ, для котораго, такъ какъ она расположена недалеко отъ входа въ церковь, священнослужащіе каждый разъ проходили вдоль всей церкви, и толпа народа, безмолвно разступаясь, давала имъ открытый путь.

Въ одномъ изъ угловъ паперти церковной замѣчается картина, не лишенная значительнаго историческаго интереса, а именно: перенесеніе императоромъ Павломъ иконы Тихвинской Божіей Матери изъ одного монастырскаго храма въ другой, писанная въ 1801 году Василіемъ Истоминымъ. На кар-

---

*) Икона эта, какъ извѣстно, въ настоящее время уже возвращена Старой Руссѣ.

тинѣ—портретныя изображенія императора и императрицы Маріи, великихъ князей Александра и Константина Павловичей, въ очень юные годы, и множество придворныхъ кавалеровъ и дамъ въ соотвѣтствующихъ времени одѣяніяхъ, а также духовенства; вѣроятно, большинство—портреты; нельзя, напримѣръ, не узнать Безбородко и нѣкоторыхъ другихъ.

Изъ главнаго храма ходъ ведетъ въ сосѣднюю ризницу. Ризница эта чрезвычайно богата вкладами, одѣяніями, сосудами, ковчегами, крестами, панагіями, пеленами на чудотворную икону. Большинство нашихъ царей и царицъ обогащали обитель дарами, о чемъ свидѣтельствуютъ многія сохранившіяся грамоты, большею частью въ копіяхъ; въ подлинникахъ, кажется, только три; много жертвовали разные вельможи и купцы; имѣется митра въ 10,000 рублей, трудъ и даръ игумены новгородскаго Духова монастыря Максимиллы (Шишкиной); имѣется покровъ 1662 года, даръ князей Прозоровскихъ, на гробницу отца ихъ, въ схимникахъ Сергія, того самаго, который защищалъ обитель Тихвинскую, видѣлъ своими глазами чудеса Богоматери, что, вѣроятно, и разсказано вышитою вязью по борту покрова, прочесть которую надобно, какъ говорятъ, очень много времени. Замѣчательны нѣкоторыя старыя Евангелія, такъ, напримѣръ, одно 1552 года, даръ богатаго новгородца, съ характерными заставками, орнаментами, писанное крупнымъ уставомъ и начинающееся съ Іоанна; въ числѣ рукописей замѣчательны «Хронографъ» XVI вѣка, «Повѣсть чюдна и зѣло полезна, сложена отъ древняго списанія о иконномъ изображеніи и о написаніи иконы» Богородицы Одигитріи; малая продолговатая книга Псалтырь царя и пророка Давида, писанная, что̀ очень характерно, съ печатной, въ 1680 году, повелѣніемъ царя Ѳеодора въ Москвѣ, въ типографіи Верхней; стихотворилъ ее Симеонъ Полоцкій, а ноты по римѣ положены, повелѣніемъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, «чрезъ композицыю, сирѣчь, чрезъ твореніе дьякомъ Василіемъ Титовымъ»; книга Іоанна Златоустаго «Маргаритъ», писанная въ 1562 году, и 532-лѣтній календарь «кругъ миротворный», писанный въ 1540 году, съ таблицами и чертежами, съ прорѣзями для круговъ лунаго обращенія. Вообще библіотека монастырская не лишена, если судить по каталогу, значенія и подобрана хорошо и богато, относительно твореній отцовъ церкви, патериковъ и духовно-философскихъ сочиненій.

Отъ соборнаго храма путь лежалъ къ другому храму монастырскому, расположенному въ одномъ изъ угловъ ограды, ближе къ святымъ воротамъ, къ храму Покрова Пресвятой Богородицы, именовавшемуся до 1871 г. храмомъ Рождества Пресвятой Богородицы. Здѣсь многое ново, многое передѣлано, и, блистая позолотой, вовсе не говоритъ о древности; образа только-что изъ-подъ кисти; обрамленія иконостасовъ и иконъ новѣйшихъ рисунковъ. То же, но только въ большей степени, слѣдуетъ сказать и о церкви Воздвиженія, сооруженной двадцать три года тому назадъ, увѣнчанной девятью главами и большимъ куполомъ; тутъ о древности нѣтъ и помину, что не мѣшаетъ, конечно, достоинствамъ произведенныхъ работъ. Зато въ обличіи древности поднимается по сосѣдству невысокая звонница, продолговатая, съ пятью пролетами, напоминающая своихъ родныхъ сестеръ Ростова Великаго и Великаго Новгорода.

Надѣлавшее въ 1856 году много шума мгновенное исцѣленіе тихвинскаго мѣщанина Боровскаго произошло не передъ главною иконой Тихвинской Божіей Матери, а передъ ликомъ Ея, писаннымъ al fresco, въ подобіе Ей, на наружной стѣнѣ Тихвинской церкви, надъ западными св. вратами. Чудо состояло въ томъ, что юноша, ползавшій на колѣняхъ два года за невозможностью ходить, болѣзнь котораго была пслѣдована и пользована врачами, сразу исцѣлился во время молитвы передъ этою иконой. Настоятель монастыря просилъ тогдашняго митрополита Никанора произвести формальное изслѣдованіе. Въ общемъ присутствіи командированныхъ съ этою цѣлью лицъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ, уѣзднаго предводителя дворянства, городничаго и врачей, спрошено подъ присягой множество свидѣтелей, и несомнѣнность факта подтверждена. Въ настоящее время, послѣ признаннаго чуда, этого мѣста не узнать: Святая икона, когда-то открытая на монастырской стѣнѣ всѣмъ непогодамъ, видиѣвшаяся высоко надъ землей, къ которой поднимались по деревянной лѣстницѣ, составляетъ теперь центръ особой, очень обширной, каменной часовни подъ куполомъ съ пятью главами, и къ ней поднимаются по двумъ широкимъ каменнымъ, идущимъ дугами лѣстницамъ. Сама икона обставлена и обвѣшена богатыми дарами вѣрующихъ, освѣщается яркимъ свѣтомъ просторной часовни и многими лампадами. До совершенія чуда это мѣсто называлось «крылечкомъ», такъ зовется оно и теперь, и будетъ, конечно, называться безконечно долгіе годы. На наружной стѣнѣ часовни, между оконъ, писаны во весь ростъ великіе подвижники Египта и Палестины. Предъ этою иконой «на крылечкѣ», какъ и на церковной паперти, подлѣ окна, продѣланнаго противъ иконы Тихвинской, постоянно находятся молящіеся.

Для полноты свѣдѣній объ осмотрѣнномъ мужскомъ монастырѣ слѣдуетъ сказать еще немногое. Въ свое время монастырь былъ богатъ, такъ что въ 1764 году, при перечисленіи его во II классъ, онъ владѣлъ 4,312 крестьянами, 4,481 десятиною земли и четырьмя приписными монастырями. Въ I классъ возведенъ въ 1853 году, но съ тѣмъ, чтобы дополнительное число братій оставалось на содержаніи обители, безъ расходовъ отъ казны; общежительный уставъ принятъ съ 1798 года.

Хотя между настоятелями и тихвинскими дѣятелями монастырскими много именъ почтенныхъ, но выдающихся все-таки нѣтъ, какъ нѣтъ и особыхъ, исторически сложившихся, подлѣ того или другого подвижника, ярко и самостоятельно очерченныхъ преданій и ученій. Одна изъ причинъ этого кроется въ самомъ характерѣ возникновенія монастыря по царскому повелѣнію, а другая въ томъ, что Тихвинъ лежитъ на торной путинѣ нашихъ водяныхъ сообщеній; путина эта существовала въ очень далекой древности и подвижничеству не способствовала; она сдѣлалась особенно людною со времени канализаціи, предпринятой Петромъ I.

Въ заключеніе еще одно очень любопытное свѣдѣніе, сообщенное на мѣстѣ и сохраняющееся въ видѣ несомнѣннаго преданія. Передаютъ, будто на монастырскомъ кладбищѣ похороненъ привезенный изъ Шлиссельбурга въ 1764 году Іоаннъ Антоновичъ Ульрихъ; говорятъ, что подъ страхомъ смертной казни

запрещалось сообщать объ этомъ кому-либо, что онъ похороненъ ночью, что памятника нѣтъ, но мѣсто показываютъ: оно находится недалеко отъ собора, вправо, если идти къ нему отъ святыхъ воротъ.

Преобладающее значеніе Тихвинской святыни, пребывающей въ мужскомъ монастырѣ, и постоянное движеніе паломниковъ и поклонниковъ къ ней, обусловило то, что въ двухстахъ саженяхъ отъ него, словно въ отѣненіи, можетъ быть еще до возникновенія монастыря мужского, держался и устроился Введенскій дѣвичій монастырь.

Исторія этого дѣвичьяго монастыря,—полнѣйшій одноліотокъ исторіи мужского. Изъ него велъ свою атаку на главный монастырь де-ла-Гарди и, въ отмщеніе за неудачи, сжегъ его 14 сентября 1613 года до основанія. Одинъ симпатичный женскій обликъ сохраняется и понынѣ и какъ бы присущъ этому монастырю: это невольная постриженица, четвертая супруга царя Іоанна Васильевича Грознаго, Анна Алексѣевна, изъ рода Колтовскихъ, находившаяся въ обители именно во время разгрома ея де-ла-Гарди.

Въ пестрой лѣтописи семи браковъ Іоанновыхъ, заключенныхъ послѣдовательно съ Юрьевою, Темрюковою, Собакиною, Колтовскою, Васильчиковою, Василисою Мелентьевой и Маріею Нагихъ, четвертый бракъ съ будущею постриженицею Тихвинскою стоялъ, такъ сказать, на рубежѣ беззаконностей Іоанновыхъ. Анна Алексѣевна была «дѣвицею весьма незнатной», и царь женился на ней «безъ требованія святительскаго благословенія» и уже потомъ созвалъ епископовъ, которые, «проливая слезы», все-таки признали этотъ бракъ и часть наложенныхъ на царя эпитимій приняли на себя; но «дабы беззаконія царя не были соблазнительны для народа, епископы грозили ужасною церковною клятвой тому, кто дерзнетъ взять четвертую жену». Это совершилось въ 1572 году, а уже въ 1577 году царица пострижена, вѣроятно насильно, въ Тихвинской обители и уступила мѣсто свое Аннѣ Васильчиковой; называлась ли эта пятая жена Іоаннова царицей, совершилось ли бракосочетаніе—неизвѣстно, но съ ея преемницею, «прекрасною вдовой» Василисою Мелентьевой, царь положительно не вѣнчался, а взялъ только молитву на сожитіе съ нею, съ «женищемъ»: отъ послѣдней, седьмой супруги Іоанновой, отъ Маріи Нагихъ, родился царевичъ Димитрій, и этимъ обусловилось все, что́ сопряжено съ именемъ Годунова.

Инокиня Дарья, бывшая царица Анна Алексѣевна, во время хозяйничанія въ монастырѣ шведовъ и литовцевъ, съ двумя племянницами своими, княжнами Леонидой и Александрой Гагариными, скиталась по лѣсамъ, какъ и другія монахини, и тайно, говоритъ преданіе, собиралась онѣ въ обитель на служеніе литургіи; жила она въ это время близъ одного озера, называемаго Царицынымъ, гдѣ теперь поставлена часовня, и еще въ 1854 году виднѣлись остатки какого-то деревяннаго жилья. Послѣ Столбовскаго мира Введенская обитель возстановлена вполнѣ и лучше прежняго инокиней-царицей, управлявшею ею. Въ монастырѣ хранится ея духовная, въ которой объяснено, что все въ храмахъ и монастырѣ устроено ею, и подробно указано, кому что наслѣдовать, причемъ не забыты и распредѣлены различные розданные ею

крестьянамъ «для ихъ скудости» денежные займы и приказано взять: съ Иванки пятьдесятъ рублевъ, съ Макарки двадцать рублевъ, съ Оедьки десять, съ Михалки два рубли и т. п. Главнымъ наслѣдникомъ оказался монастырь, ею возсозданный.

Согласно новѣйшимъ изысканіямъ Токмакова, противорѣчащимъ тому, что извѣстно было до сего дня, Введенскій монастырь основанъ въ 1560 году, т. е. позднѣе Богородицкаго, задуманнаго царемъ Іоанномъ въ 1547 году и воплотившагося въ 1560; это мнѣніе о возникновеніи обѣихъ обителей одновременно едва ли справедливо, и дѣвичью Введенскую надо, кажется, признать за древнѣйшую. Возобновленіе ея въ XVI вѣкѣ опредѣляетъ характеръ монастырской архитектуры, но въ послѣднее время зданія сильно подновлены. Надъ широкими дверями монастыря, каменными и невысокими стѣнами съ башнями, обсаженными деревьями, имѣющими нѣсколько садовъ и содержимыми въ порядкѣ, высится колокольня, выстроенная недавно въ «простомъ и пріятномъ стилѣ»; это одно изъ ничего не говорящихъ опредѣленій, часто встрѣчающихся въ любительскихъ описаніяхъ нашего зодчества, и по характеру своему близко напоминаетъ «благородную полувоенную архитектуру» большого монастыря. Монахинь и послушницъ 200, но въ полное монашеское одѣяніе пострижено только 26, въ томъ числѣ одна схимонахиня. Всѣ доходы монастыря 8,400 рублей, изъ которыхъ отъ правительства на ладанъ, просфоры и штатной суммы полагается 311 руб. 70 коп.; до 1764 года за обителью считалось 1,338 душъ, съ 380 десятинами и угодьями.

Монастырь окруженъ стѣной и внутренній дворъ его отѣненъ вѣковыми деревьями. Въ немъ два храма: холодный о трехъ куполахъ и лѣтній храмъ о двухъ. Въ первомъ изъ нихъ шестиярусный иконостасъ и обиліе иконъ, очень древнихъ; влѣво отъ входа покоится инокиня Дарья, супруга Іоаннова, и нѣчто въ родѣ раки, съ неугасаемою лампадой, обозначаетъ мѣсто ея послѣдняго упокоенія. Въ монастырѣ поютъ замѣчательно хорошо, въ чемъ можно было убѣдиться при посѣщеніи келіи игуменіи: здѣсь, какъ и въ жилищѣ архимандрита мужского монастыря, спѣто было нѣсколько духовныхъ пѣсенъ, и звучали голоса замѣчательные, свидѣтельствовавшіе о томъ, что монастырское пѣніе въ Тихвинѣ стоитъ на высокой степени совершенства и дѣлаетъ честь тѣмъ, кто завѣдуетъ и наблюдаетъ за нимъ.

Весьма продолжительный осмотръ многоцѣнныхъ предметовъ Тихвинской святыни окончился часамъ къ двумъ пополудни, и путники прослѣдовали въ свое помѣщеніе для кратковременнаго отдыха, такъ какъ къ тремъ часамъ предполагалась закладка памятника Петру Великому, которая, въ назначенный срокъ, и состоялась. Памятникъ этотъ будетъ имѣть видъ хорошенькой маленькой каменной часовни на правомъ берегу Тихвинки, противъ монастыря; нельзя не замѣтить, что сколько бы памятниковъ ни поставили великому царю надъ нашими водными системами, всѣ они будутъ у мѣста, потому что глухія дебри пробуждены имъ и, въ значительной степени, исхожены его собственными царскими стопами.

Отъ Тихвина къ Новой Ладогѣ. Столбово. Ладожскіе каналы.

Тихвинская страна. Часовни и церкви. Столбово. Историческія воспоминанія о мирѣ. Усадьба Горки. Рѣка Сясь и ея дровяники. Новая Ладога. Опасность, предстоящая нашимъ каналамъ.

Изъ Тихвина, откуда путники выѣхали 27 іюня, путь лежалъ вдоль рѣки Тихвинки до впаденія ея въ Сясь, затѣмъ по берегу Сяси до усадьбы Горки, а далѣе на Новую Ладогу.

Тихвинъ и Новая Ладога играли очень важную роль въ 1617 году, когда, послѣ долгихъ и хитрыхъ переговоровъ, заключенъ былъ наконецъ миръ въ Столбовѣ; шведскіе послы за все время переговоровъ жили въ Новой Ладогѣ, а московскіе въ Тихвинѣ. Столбово лежало на пути, и въ немъ предполагалась остановка.

По выѣздѣ изъ Тихвина — мѣсто голое, ровное, пески; затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ Сяси, попадаются холмы, одѣтые сосной, поля, села, усадьбы. Вдоль обѣихъ рѣкъ, Тихвинки и Сяси, населеніе довольно скученное, какъ и по всѣмъ воднымъ системамъ; обращаютъ на себя вниманіе большія деревянныя часовни, стоящія по деревнямъ,—часовни, на стѣнахъ которыхъ рисованы весьма отчетливо, некрасиво и пестро различныя изображенія духовнаго содержанія, при чемъ чаще другихъ виднѣются Илія Пророкъ въ колесницѣ, катающійся по пламени, и Георгій на конѣ; не менѣе рѣзки изображенія Распятія и большіе кресты съ очень мелкими надписями, разставленные вдоль пути, свидѣтельствующіе о томъ, что этотъ уголъ земли Русской особенно знакомъ богомольцамъ. Попадаются большія каменныя церкви новѣйшей постройки, возникшія рядомъ со старенькими, маленькими деревянными, какъ, напримѣръ, Ильинская, Воскресенская; подлѣ далеко не академическихъ самодѣльныхъ изображеній на

старыхъ часовняхъ встрѣчаются въ новыхъ церквахъ, въ видѣ иконъ, очень незаменитыя копіи съ извѣстнѣйшихъ картинъ итальянскихъ художниковъ, и почему-то только однихъ итальянскихъ, безъ примѣси другихъ; здѣсь нельзя не удивиться тому, что рядомъ съ древними, насущнѣйшимися во времени церковками, въ которыхъ еще сохраняются такъ называемыя «деревянныя» ризы съ позолотой, отъ времени давно почившаго духовенства, проѣзжающій замѣчаетъ вдругъ дикое наименованіе одной изъ усадебъ—Перикопою! Перикопа въ Тихвинской странѣ? Откуда тутъ, на древней путинѣ, имя опереточной нѣвицы? Какимъ своеобразнымъ умствованіемъ, въ какихъ соображеніяхъ занесено оно сюда и нѣкоторымъ образомъ увѣковѣчено? Толкуютъ, что это прозвище усадьбы не отъ оперетки, а какое-то производное отъ умершаго слова умершей народности? Пріятно думать, что это такъ. Впрочемъ, водныя системы и ихъ окрестности всегда несутъ на себѣ слѣды всякой пестроты человѣческой, и нѣтъ причины быть тутъ иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Около четырехъ часовъ пополудни путники находились на границѣ Петербургской и Новгородской губерніи, близко, совсѣмъ близко, извѣстнаго по миру, заключенному въ 1617 году, Столбова. Здѣсь, какъ сказано, назначена была временная остановка.

Деревня Столбово, имя которой извѣстно каждому мало-мальски образованному русскому, лежитъ на правомъ берегу Сяси, песчаномъ и довольно возвышенномъ, и относится къ числу совершенно заурядныхъ, даже по внѣшности своей; деревянныя постройки скучены, неказисты, и суда, идущія Сясью, предпочитаютъ паузиться въ другихъ болѣе людныхъ мѣстахъ.

Насколько важенъ былъ Столбовскій миръ для Россіи, исхоженной въ тѣ дни вдоль и поперекъ разбойничьими шайками всякихъ народностей и вѣроисповѣданій, видно изъ многаго. Когда къ намъ въ то время ѣхали голландскіе послы, то, по минованіи Старой Руссы, для того, чтобы ночевать въ опустошенныхъ деревняхъ, приходилось имъ, прежде всего, вытаскивать изъ избъ трупы, но отвратительный запахъ все-таки выгонялъ путниковъ изъ избъ на морозъ; селеній почти не существовало; кое-гдѣ попадались полуразрушенные монастыри. Молодому царю Михаилу Ѳеодоровичу приходилось объединять снова то, что было когда-то сплочено могучею десницей Іоанна III. Единовременно разосланы были послы наши къ австрійскому Двору, въ Константинополь, въ Персію, въ Крымъ, въ Англію и Голландію для того, чтобы заручиться, если не дружбой и помощью, то по крайней мѣрѣ отдѣлаться отъ вражды. Польша только-что сидѣла на Москвѣ, а Швеція отрѣзала отъ насъ всю сѣверо-западную окраину вплоть до Пскова и Тихвина, имѣла свой гарнизонъ въ Великомъ Новгородѣ, и мы попятились отъ моря. Еще держалась въ полной силѣ кандидатура на новгородскій престолъ шведскаго принца; еще зарились императоры и короли посадить на святой престолъ московскій своихъ неправославныхъ родичей; еще живо было воспоминаніе о только-что умершихъ царствахъ Казанскомъ и Астраханскомъ; изъ Константинополя требовали ихъ уступки, а крымскому хану платилось отъ насъ ежегодныя поминки. Трудны, невообразимо трудны были при этихъ условіяхъ первые шаги моло-

дого царя для объединенія Россіи, воинскія силы которой полегли во множествѣ на поляхъ сраженій, а казна стояла пуста.

Въ маленькомъ Столбовѣ, теперь совершенно забытомъ, удалось царю, хотя и съ уступками, отдѣлаться отъ врага самаго непосредственнаго, глубоко прѣзавшагося въ землю Русскую, врага, обладавшаго боевою арміей и казной,— отъ шведовъ. Главнымъ помощникомъ, не даромъ, конечно, былъ посолъ англійскаго короля Джонъ Мерикъ—купецъ, названный въ королевской грамотѣ, для пущей важности, «княземъ, рыцаремъ и дворяниномъ тайной комнаты». Мерикъ разсчитывалъ, главнымъ образомъ, на вознагражденіе для англичанъ за ихъ посредничество въ торговомъ отношеніи, искалъ свободнаго пути по Волгѣ въ Персію, по рѣкѣ Оби въ Индію и многихъ другихъ льготъ и правъ. Хитеръ былъ Мерикъ, но не плоналъ и переговаривавшійся съ нимъ князь Куракинъ, и, если принять въ разсчетъ печальное внутреннее состояніе тогдашней Россіи и политическое созвѣздіе всѣхъ державъ, такъ или иначе искавшихъ заполонить насъ, то уступки, сдѣланныя въ Столбовѣ, кажутся невѣроятно малыми: мы отказались отъ лифляндской земли и Кареліи, но получили обратно новгородскую землю, и царская грамота, присланная въ Новгородъ съ извѣстіемъ о заключеніи мира, гласила важную вѣсть, что «отторженную искони вѣчную нашу отчину Великій Новгородъ со всѣми вами православными христіанами опять намъ, великому природному христіанскому государю, въ руки Богъ далъ». Это было началомъ длиннаго ряда возвращеній того, что̀ отторгнуто отъ насъ многими путями, и трудное начало это положено въ Столбовѣ и принесло великіе плоды.

За Столбовымъ берега Сяси становятся людиѣе. Однимъ изъ бойкихъ пунктовъ является пристань Колчаны, съ массивнымъ каменнымъ храмомъ. Не далеко отъ нея пришлось переправляться черезъ Сясь на паромѣ, въ виду усадьбы Горки, стоящей на очень высокомъ, красивомъ, крутомъ берегу. Было около шести часовъ вечера.

На слѣдующее утро, въ 9 часовъ, состоялся отъѣздъ къ Новой Ладогѣ внизъ по Сяси; отъ Колчанова до Новой Ладоги, Сясью и Сяськими каналами, безъ малаго два часа пути. Въ этихъ мѣстахъ Сясь—больное мѣсто Тихвинской системы—представляется рѣкой широкою, гораздо красивѣе, чѣмъ та слава, которая о ней идетъ. Снизу, отъ Ладожскаго озера до Колчанова, могутъ ходить барки, но выше только *тихвинки* или *сомнки*, являющіяся на свѣтъ въ Тихвинѣ и Сомнѣ, отстоящемъ отъ послѣдняго въ глубь страны на сто верстъ. Оба берега Сяси нагорные, достигающіе мѣстами вышины 10—12 саженъ, и отовсюду виднѣлись цѣлыя формаціи дровъ, предназначаемыхъ Петербургу: дрова на судахъ, на берегу, по скатамъ, на краю берегового обрыва, дрова на водѣ въ запоняхъ, лежащія такъ плотно, что по нимъ можно ходить. Торговое время—время горячее, и работа кипѣла по обоимъ берегамъ, а подлѣ главныхъ пристаней народа виднѣлось очень много; между барокъ и тихвинокъ, сквозь цѣлыя сотни причальныхъ канатовъ, проскальзывали лодочки и подходили къ пароходу насколько возможно ближе. Разсказываютъ, что по веснѣ, когда идетъ разборка дровъ, прибывшихъ сверху, картинность и ожи-

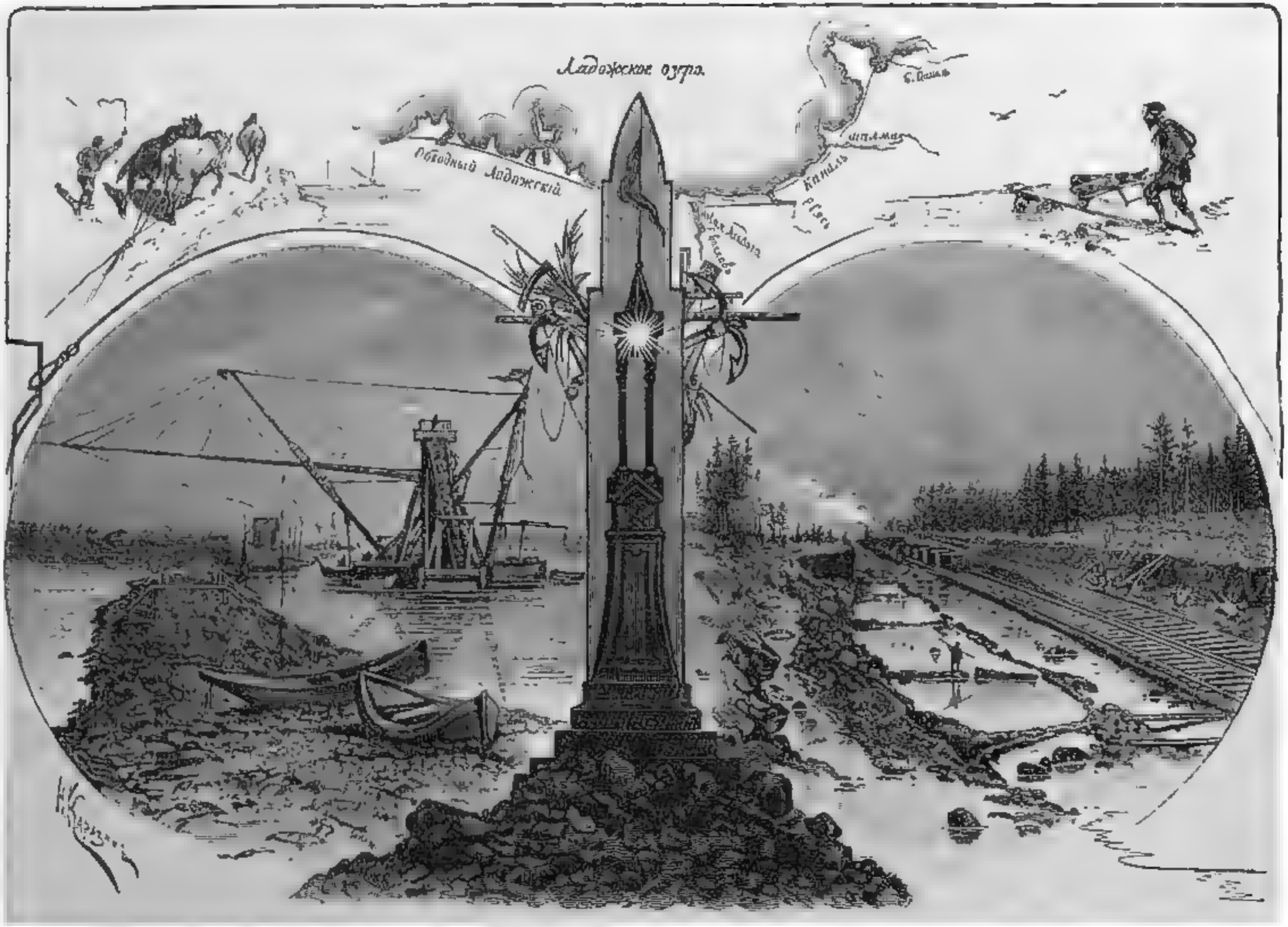
вленность береговъ Сяси дали бы не одинъ сюжетъ художнику; не одну жертву смерти даетъ это время, потому что люди, большинство бабы и подростки, работаютъ тогда по поясъ въ холодной водѣ.

Береговые откосы Сяси по бо́льшей части песчаные, но мѣстами попадаются известковыя обнаженія и видны старыя обжигательныя печи; отсюда, въ началѣ существованія Петербурга, брали этотъ существенный элементъ построекъ; его везли тогда озеромъ, что было и опасно, и дорого, но его все-таки везли, и только значительно позже передвинулись для добычи къ Шельдихѣ, на Ладожскомъ каналѣ, что не мѣшаетъ, однако, продолженію старой добычи и здѣсь.

Столицей здѣшнихъ дровяниковъ считаютъ Рыжково; лучшіе изъ домовъ въ селахъ принадлежатъ дровяникамъ, изъ которыхъ многіе быстро богатѣютъ, соединяя торговлю лѣсомъ съ содержаніемъ всякихъ лавочекъ на потребленіе судорабочихъ и съ выдачей подъ крупнѣйшіе проценты, если принять въ разсчетъ способъ уплаты этимъ же людямъ денегъ и припасовъ въ кредитъ въ тихое для заработковъ и торговли время. Но кулакъ—не ростовщикъ, его къ отвѣтственности притянуть невозможно; какъ формулировать, напримѣръ, въ обвинительномъ актѣ тотъ фактъ, что онъ, кулакъ, отпускаетъ рабочему въ кредитъ сахаръ по 25 коп., а керосинъ по 15 коп. за фунтъ, то-есть болѣе чѣмъ на 10 коп. съ каждаго фунта дороже, если судить по петербургскимъ цѣнамъ? И подобное «продовольствіе» длится цѣлыя три четверти года и даетъ 10 коп. съ каждаго фунта барыша; какъ не богатѣть? Деньгами снабжаютъ кулаки только на подати, все остальное идетъ припасами и харчами, что, конечно, для нихъ несравненно льготнѣе: сколько чаю и водки должно выпиваться здѣсь, хотя бы только по веснѣ, при разборкѣ дровяныхъ запоней, при работахъ по поясъ въ холодной, апрѣльской водѣ? На нѣкоторые изъ домовъ самыхъ крупныхъ воротилъ указываютъ путешественнику и называютъ фамиліи ихъ владѣльцевъ. Самоувѣренность этихъ людей очень велика.

Въ Сяській каналъ, соединяющій устье Сяси съ устьемъ Волхова близъ Новой Ладоги, путешественники вошли на пароходѣ «Онега». Погода хмурилась, и съ сѣвера, отъ Ладожскаго озера, дулъ сильный, холодный вѣтеръ; при движеніи парохода по каналу вѣтеръ слышался только поверхъ насыпей, но ничего хорошаго не обѣщалъ для дальнѣйшаго пути, предстоявшаго по самому озеру: штормовые конусы, поднятые еще вчера, не солгали.

Въ 11 часовъ утра, 28 іюня, въ воскресенье, «Онега», выйдя изъ Сяськаго канала и перерѣзавъ поперекъ широкій, бурливый непогодой Волховъ, подошла къ перевозной пристани Новой Ладоги; норд-остъ, навалившъ съ полною силой отъ Ладожскаго озера, покрытаго волной, сильно накренилъ «Онегу» при поворотѣ. Въ два часа пополудни, подъ сильнымъ дождемъ и рѣзкимъ вѣтромъ, «Онега», перерѣзавъ Волховъ, въ виду Ладожскаго озера, смотрѣвшаго очень мрачно, снова вошла въ Сяській каналъ, и высокія насыпи снова защитили ея палубу отъ постоянно крѣпчавшаго норд-оста. Предстояло идти каналами, затѣмъ озеромъ въ рѣку Свирь до Каномскаго перевоза, откуда ѣхать грунтовою дорогой въ Александро-Свирскій монастырь и Олонецъ.



Новый Обводный Ладожскій каналъ.

Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Плаваніе на пароходѣ каналами, въ особенности въ бурю, чрезвычайно пріятно и тепло, но оно не могло не привести на память одного изъ жгучихъ вопросовъ, весьма существенно затрогивающихъ интересы нашей внутренней торговли. Вопросъ этотъ не могъ не возникать при видѣ того, какъ, набѣгая на берега канала, пароходная волна то и дѣло обваливала глыбы земли отъ берега, и это продолжалось и днемъ, и ночью, и во все время пути. Говорятъ, напримѣръ, что каналъ императора Александра II въ значительной степени уже попорченъ отъ движенія по немъ пассажирскихъ пароходовъ. Судопромышленники и купечество неоднократно указывали на неминуемыя, гибельныя для каналовъ послѣдствія такихъ разрѣшеній; постоянное оползаніе береговъ, вслѣдъ за разводимымъ пароходомъ волненіемъ, обусловливаетъ заплываніе канала и образованіе мелей, требующихъ разгрузки судовъ, что сопряжено съ громадными расходами времени и денегъ. Убытки судопромышленниковъ, вздорожаніе для потребителей идутъ рука объ руку съ убытками казны, которой придется, въ концѣ концовъ, чистить каналы.

Каналъ императора Александра II, до открытія пароходнаго движенія, считался образцовымъ и признаковъ быстраго обмеленія не обнаруживалъ; новые Свирскій и Сясьскій каналы были испорчены въ самомъ началѣ допущеніемъ буксирныхъ пароходовъ глубокой осадки; недавно дано разрѣшеніе открыть пассажирское движеніе по старому Онежскому каналу, требующему и безъ того значительнаго подновленія, и этимъ нанесется существенный вредъ нашей главной Маріинской системѣ. Если не ошибаемся, товарищество «Первенецъ», содержащее сообщеніе между Шлиссельбургомъ и Колчановскою пристанью, существуетъ болѣе десяти лѣтъ и имѣетъ шесть пароходовъ, бѣгающихъ по различнымъ Ладожскимъ каналамъ. Сколько обсыпано ими земли и насколько затронуты торговые интересы? Конечно, пріятно мелькнуть на пароходѣ вдоль по каналу, въ особенности при сознаніи того, что въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ васъ гудитъ буря и разбиваются волны; конечно, это пріятнѣе, чѣмъ медленное движеніе на допотопномъ трешкотѣ, но не затрагиваетъ ли это пріятное чувство интересовъ, гораздо болѣе существенныхъ и несомнѣнно болѣе дорогихъ?

Водяной путь до Каномскаго перевоза былъ совершенъ благополучно, и тѣ, кто проснулся на пароходѣ, стоявшемъ на якорѣ, ранѣе прочихъ, могли видѣть только ближайшія части рѣки Свири, потому что густой туманъ и мелкій, частый дождикъ одѣвали окрестность.

Александро-Свирскій монастырь.

Олонецкій пейзажъ. Прежнее значеніе монастыря. Его обличіе. Храмы. Рака святыхъ мощей. Историческія судьбы. Архіерейская каѳедра. Ризница. Замѣчательный крестъ даръ Іоанна Грознаго. Личность архимандрита Александра и его казнь.

Отъ Каномскаго перевоза на Свири до Александро-Свирскаго монастыря около пятнадцати верстъ дороги. Олонецкій пейзажъ,—хвойный лѣсъ, холмы, валуны, подсѣчное хозяйство и скудость поселеній, проступили немедленно, сквозь дождь и туманъ. Наканунѣ, на южномъ берегу Ладожскаго озера, путники находились на пажитяхъ доисторическаго племени веси; здѣсь, отъ юго-восточнаго берега, на необозримыхъ пространствахъ къ Бѣлому морю, толкались когда-то племена кореловъ, сумь и ямь; два послѣднія исчезли совершенно, но первое, почему-то избранное судьбою, сохранилось и сидитъ теперь; въ глухихъ мѣстахъ олонецкаго края корелы до сихъ поръ не говорятъ по-русски ни слова.

Если корелы — христіане, то они обязаны этимъ въ значительной степени тому древнему монастырю, къ которому путники приближались и который возникъ здѣсь въ концѣ XV вѣка, т. е. къ концу монгольскаго ига, возникъ навстрѣчу тяжелыхъ годовъ XVI и XVII столѣтія. Центральнымъ очагомъ православія въ олонецкомъ краѣ служилъ, несомнѣнно, Валаамъ, но главнымъ отпрыскомъ этого монастыря, въ числѣ многихъ другихъ, цѣлымъ ожерельемъ одѣвшихъ озера Онежское и Ладожское,—отпрыскомъ, который, было такое время, какъ бы переросъ своего родоначальника, стоялъ даже во главѣ олонецкой епархіи, имѣлъ консисторію и семинарію, — является монастырь Александро-Свирскій. Обитель эта находится въ частомъ общеніи съ Петер-

бургомъ. За десять дней до Троицына дня, отъ Калашниковской пристани отходитъ пароходъ, буксирующій одну или двѣ соймы съ богомольцами; къ Троицыну дню люди эти уже въ Свирскомъ монастырѣ и многіе изъ нихъ направляются далѣе, въ Соловки. Въ Свирскомъ монастырѣ совершается въ это время установленное въ началѣ нынѣшняго вѣка ежегодное перенесеніе мощей св. Александра изъ Преображенскаго собора въ Троицкій; это одно изъ внушительнѣйшихъ шествій, установленныхъ нашею церковью, полное благоговѣнія и великолѣпія, и массы богомольцевъ стараются присутствовать именно при немъ.

Расположенный въ мѣстности ровной, открытой, близъ двухъ озеръ, безъ которыхъ не существуетъ олонецкаго пейзажа, въ широкомъ кольцѣ старыхъ лѣсовъ, монастырь, если подъѣзжать къ нему съ юга, возникаетъ урывками изъ-за зелени мѣстной хвои и, по первому впечатлѣнію, которое не измѣняется, впрочемъ, и впослѣдствіи, кажетъ меньше, чѣмъ обѣщала его извѣстность: массивная каменная ограда имѣетъ всего только 252 сажени протяженія, храмовъ немного, они невелики, и дворы монастырскіе кажутся какъ бы пустыми, и по нимъ виднѣются разбросанныя въ одиночку, въ зеленой травѣ, могильныя плиты. Обитель состоитъ какъ бы изъ двухъ частей: Троицкой и Преображенской, обнесенныхъ каждая оградою, саженяхъ въ полутораста разстоянія.

Въ Преображенскомъ соборѣ празднованіе дня свв. Петра и Павла придавало богослуженію въ этотъ день особенное значеніе. Невысокимъ кажетъ соборъ снаружи, со своими пятью луковичными, одѣтыми жестью главами, подъ зеленою крышей, въ стѣнахъ, окрашенныхъ голубой краской, причемъ обрамленія оконъ, для довершенія пестроты, обведены бѣлымъ; колокольня при немъ шатровая. Внутри соборъ еще приземистѣе, еще скромнѣе; своды крестовые, столбовъ шесть, круглый куполъ подъ невысокимъ барабаномъ, окраска тоже чрезвычайно пестра, и фресковая живопись, въ которой очень много мотивовъ изъ Апокалипсиса, вовсе не уменьшаетъ этой непріятной пестроты.

Мощи преподобнаго, въ серебряной ракѣ, пожертвованной царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и привезенной изъ Москвы на одиннадцати коняхъ подъ особымъ конвоемъ, покоятся влѣво отъ входа; собственно говоря, это помѣщеніе избрано противъ воли преподобнаго, говорившаго передъ смертью братіи: «Свяжите тѣло мое по ногу ужемъ и вовлеците его въ дебрь блата и, поконавше во мху, потопчите ногами». — «Ни, отче!» отвѣчала братія и опустила останки его подлѣ церкви Преображенія. Мощи обрѣтены въ 1641 году и положены въ серебряную раку въ 1644.

Преподобный Александръ Свирскій скончался въ 1533 году, восьмидесяти пяти лѣтъ отъ роду, и имѣлъ счастіе видѣть воздвигнутою обитель, обѣщанную ему въ юности, въ сновидѣніи, Самимъ Богомъ. Бѣжавъ изъ дома родителей своихъ, не поощрявшихъ въ сынѣ аскетическихъ наклонностей, Александръ постригся на Валаамѣ, и только въ 1485 году, послѣ многихъ лѣтъ жизни на Валаамѣ, возвратился на рѣку Свирь, къ тому мѣсту, гдѣ имѣлъ

видѣніе, и построилъ себѣ хижину. Отъ нея зародилась обитель. Строгости Валаамскаго монастыря, перенесенныя въ Свирскій его основателемъ, были причиною того, что Іоаннъ Грозный не разъ упрекалъ своихъ бояръ за то, что они, постригаясь въ монашество, избѣгали пострижения въ Свирской обители именно по причинѣ строгости ея жизни. Это же благочиніе монастырское, вѣроятно, было причиной того, что слава обители возрастала быстро; что уже три ближайшіе ученика преподобнаго Александра основали три самостоятельныя обители; что всѣ цари русскіе, начиная съ Іоанна Грознаго, особенно благоволили сей, одѣляли, посылали богатые вклады, обогащали угодьями; что въ концѣ XVII вѣка, воскреснувъ послѣ литовскаго погрома, при которомъ замучено въ ней 27 братьевъ и 32 работника, обитель стала во главѣ церковнаго управленія всего олонецкаго края, владѣла 34 деревнями и 24 пустошами, а въ XVIII къ ней было приписано 27 самостоятельныхъ обителей, учредилась архіерейская каѳедра, консисторія, а въ 1799 году—духовная семинарія. Въ семинаріи этой имѣлось пять классовъ, носившихъ характерныя названія: фары, инфимы, синтаксіи, піитики и риторики; желавшіе изучать высшій курсъ—философію, посылались въ архангельскую семинарію.

Какъ-то не вѣрится, глядя на сегодняшнюю довольно бѣдную обстановку монастыря, на пустоту его двора и одинокія могилы, разсыпанныя въ травѣ, что тутъ былъ когда-то центръ духовнаго управленія огромной области. А между тѣмъ несомнѣнно, что изъ Свирскаго монастыря много разъ шли деньги въ государеву казну и ратнымъ людямъ на жалованье, на работы въ Новгородѣ, въ возникшемъ въ 1647 году Олонцѣ, на устройство сосѣдней лодейнопольской верфи и, наконецъ, «для государевыхъ дѣлъ въ Петербургѣ»; что монастырь не уступалъ великолѣпіемъ лучшимъ обителямъ русскимъ и, благодаря Троицкой ярмаркѣ, искони въ немъ существовавшей, составлялъ центръ и въ торговомъ отношеніи, и что, наконецъ, во время развитія олонецкаго раскола, онъ служилъ прочнымъ и сильнымъ оплотомъ православія въ краѣ. Чѣмъ объяснить причину того, что эта обитель, холенная длиннымъ рядомъ царей и императоровъ, стоявшая, когда-то, въ особенно близкомъ общеніи съ сильными боярами московскими, напримѣръ, съ Годуновыми, такъ замѣчательно съузилась, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ была? Отмѣна монастырскихъ привилегій и взятіе многихъ оброчныхъ статей и вотчинъ въ казну, ознаменовавшія начало единодержавія Петра, были испытаны Свирскимъ монастыремъ наравнѣ съ другими, и достаточнаго объясненія этому явленію не даютъ. Но искать ли причины въ неладномъ внутреннемъ хозяйствѣ, въ экономической сторонѣ дѣла, которая во всѣхъ нашихъ монастыряхъ играетъ такую рѣшающую, выдающуюся роль? Нѣкоторыя изъ личностей настоятелей, какъ, напримѣръ, Александръ и Пахомій, съ ихъ самоуправствомъ, почти неслыханнымъ, даютъ право думать именно такъ, а не иначе.

Ризница и библіотека монастырскія невелики, но хранятъ многія замѣчательно цѣнныя вещи. Очень богатъ архивъ. Совершенно исключительнымъ является въ ризницѣ серебряный съ ковчежцами крестъ—даръ Іоанна Грознаго; на футлярѣ, въ которомъ онъ хранится, засвидѣтельствовано надписью,

что въ крестъ вложены: «части самыя Спасителя нашего Бога пречистыя Его крове и иныя святыя вещи: камень Гроба Господня, плащаница Христова, бумага, что потирали кровь въ Іерусалимѣ, камень того мѣста, гдѣ Христосъ съ апостолы молитву молвилъ: «Отче нашъ», древо Тиверитскаго моря, гдѣ Христосъ съ апостолы рыбы ловилъ; камень, какъ Христосъ крестился во Іорданѣ рѣкѣ и на немъ сидѣлъ, персть Іордана рѣки, гдѣ Христосъ крестился; камень горы Синайскія, гдѣ Моисей видѣлъ Пречистую въ купинѣ; камень дому Іоанна Богослова; камень того мѣста, гдѣ Іуда Христа предалъ». Подобныхъ реликвій немного въ другихъ обителяхъ нашихъ, да едва ли и есть онѣ. Въ ризницѣ же сохраняется долбленый гробъ, въ которомъ нѣкоторое время почивали мощи основателя монастыря, старая рака, замѣчательное изображеніе лика Спасителя на шелку, столбики и створы прежнихъ царскихъ вратъ, очень характерныхъ детальныхъ очертаній, цѣлыя груды воздуховъ, многія ризы, фелони, панагіи. Архивъ, какъ сказано, очень богатъ; между прочимъ, въ немъ имѣются акты никоновскаго времени, и въ числѣ ихъ наказъ, данный монастырямъ въ 1649 году о томъ, чтобы «женскаго полу въ бѣлилахъ въ церковь не пущали», а во время божественнаго пѣнія «никакихъ шепту и басень не говорили и не глумиться, и не садиться».

Въ небольшомъ количествѣ разсѣянныхъ по двору монастырскому могильныхъ плитъ, нѣкоторыя покрываютъ останки прежнихъ настоятелей. Нѣтъ и не можетъ быть одной могилы вышеназваннаго архимандрита Александра, возведеннаго въ этотъ санъ въ 1717 году. Корыстолюбивый и жестокій, говоритъ о немъ изслѣдователь монастырскаго архива Ивановскій, онъ тайно сочувствовалъ расколу и даже оказывалъ явно неуважение къ государю Петру I за его нововведенія. Въ одно изъ путешествій къ марціальнымъ водамъ Петръ I заболѣлъ и пробылъ въ монастырѣ три дня, слѣдствіемъ чего была раздача монастырю денегъ; едва уѣхалъ царь, какъ архимандритъ данныя больничнымъ деньги отнялъ, пожертвованныя братіи не роздалъ, многихъ билъ и истязалъ, такъ что братія составила на него прошеніе, въ которомъ, объясняя дѣло, докладывала, что архимандритъ «царскимъ ангеламъ не празднуетъ и молебнаго пѣнія въ тѣ царскіе ангелы не совершаетъ и по царскимъ родителямъ и память о преставленіи ихъ божественной службы соборно не служитъ и панихидъ не поетъ». Это опасное прошеніе было подано монахами царицѣ Парасковіи Ѳеодоровнѣ, вдовѣ покойнаго брата государева, на обратномъ пути ея изъ марціальныхъ водъ. По отъѣздѣ царицы, Александръ немедленно расправился съ братіей по-своему—палками и плетьми. Потребованный въ Петербургъ, онъ «вступилъ было въ пренія съ самимъ государемъ, но, уличенный въ своихъ винахъ, лишенъ священства и колесованъ, какъ оскорбитель и противникъ царскаго величества». Вотъ по какимъ причинамъ, какъ сказано, могилы его не искать на широкомъ порастающемъ травою монастырскомъ дворѣ, и кто знаетъ, насколько зловредная личность подобнаго архимандрита могла повліять и повліяла на монастырское оскудѣніе вообще. Лицъ, подобныхъ ему, въ другихъ монастыряхъ, кажется, не было.

Существенно полезна монастырю, при его скромныхъ доходахъ—прежде

часовня, нынѣ церковь, находящаяся въ Петербургѣ, у Мясного рынка, возникновенію которой помогъ тогдашній генералъ-губернаторъ Петербурга князь Суворовъ, такъ много порадѣвшій балтійскому краю; закладка ея происходила въ 1865 году; монастырскія ярмарки, дважды въ годъ, когда-то были очень людны, теперь обороты ихъ объѣзжъ не превышаютъ 12,000 рублей. Памятны въ монастырѣ неоднократныя посѣщенія Петра I, Александра I, въ 1858 году Александра II, со всею Августѣйшею семьей, въ 1887 году великаго князя Владиміра Александровича съ Августѣйшею супругою.

Олонецъ.

Путь вдоль Мегреги. Древнія обличія церквей. Видъ Олонца. Женскія одѣянія. Соборъ и древнѣйшіе храмы. Исторія Олонца. Судьбы нашихъ древнѣйшихъ городовъ. Посѣщеніе Александромъ I и разсказы о немъ. Сказители былинъ. Пѣсенъ Папинъ. Посѣщеніе Петра Великаго и разсказы о немъ. Память стрѣльцовъ. Рѣка Олонка.

Отъ Александро-Свирскаго монастыря до Олонца 37 верстъ. Мѣстность ровная и не проявляетъ еще тѣхъ гранитныхъ холмовъ, которые покрываютъ сплошь всю сѣверную часть Олонецкой губерніи. На первыхъ двадцати пяти верстахъ всего только двѣ деревни и въ каждой по три дома. Приблизительно на полпути почтовая дорога подходитъ къ рѣкѣ Мегрегѣ и не покидаетъ ея болѣе, слѣдуя многообразнымъ извилинамъ вплоть до сліянія ея съ Олонкой, то-есть до того именно мѣста, гдѣ построенъ Олонецъ. Старыя церковки уже появляются на глаза; села лѣпятся вдоль обоихъ береговъ Мегреги, и сообщеніе между берегами поддерживается небольшими паромами, въ родѣ тѣхъ, которые имѣются у насъ въ паркахъ, для переѣзда черезъ пруды и на островки. При селеніи Мегрега — кладбищенская церковь, въ рощѣ, въ одной верстѣ отъ жилья, — переживя уже два столѣтія, дастъ Богъ, переживетъ и третье, несмотря на то, что она деревянная. Вѣроятно дольше, чѣмъ она, будутъ жить сосѣдніе могильные курганы, безыменныя усыпальницы православныхъ кореловъ, павшихъ въ какихъ-то давнишнихъ бояхъ. Мѣстность подлѣ Олонца ровная; дома города разбросаны; улицы благополучно порастаютъ травою и служатъ пастбищемъ для домашнихъ птицъ и четвероногихъ.

Особенность общаго вида Олонца—это его старые деревянные храмы съ ихъ шатровыми и луковичными куполами, крытыми чешуйчатымъ гонтомъ или позеленѣвшею отъ времени жестью, съ колоколенками, обведенными по верху галлерейками, неправильно разбросанными по стѣнамъ мелкими, чуть не косящатыми окнами и пестрою окраской. Гостиный дворъ — типъ исчезающихъ, деревянный, двухъ-ярусный, покосившійся, обведенный галлереей на жидень-

кихъ столбикахъ, съ большими проѣздными воротами; мостъ на рѣкѣ, высокій, крутой; почти полное отсутствіе тротуаровъ, даже деревянныхъ, и невозможность съ точностью опредѣлить, гдѣ улица, гдѣ площадь,—все это чрезвычайно типично и встрѣчается очень рѣдко даже на нашемъ Сѣверѣ.

Яркія одѣянія женщинъ рѣзко выдѣлялись по глубокой грязи, лежавшей повсюду, вслѣдствіе долгаго дождя. Эти одѣянія, въ самыхъ лучшихъ образчикахъ, во всей ихъ исторической особенности, съ поднизями, кокошниками, снабженными чѣмъ-то въ родѣ козырьковъ, изогнутыхъ поперечными волнистыми складками и отороченными жемчугомъ,—виднѣлись на мѣстныхъ дѣвушкахъ; здѣсь, какъ и въ Торопцѣ, эти одѣянія не пропадаютъ, держатся, и въ торжественные дни являются на свѣтъ Божій, дѣлая честь мѣстному женскому персоналу.

Соборъ во имя Смоленской Божіей Матери стоитъ на островкѣ, при сліяніи Мегреги и Олонки, каменный, не старый, онъ подъ круглымъ куполомъ, покоящимся на четырехъ столбахъ, съ пятиярусным иконостасомъ; нельзя не замѣтить древности иконъ, украшающихъ храмъ во множествѣ: онѣ вообще довольно мелки, несомнѣнно принадлежали когда-то другому, несуществующему храму, и для любителя древней живописи нашей представляютъ обильное поле для изслѣдованій.

Всѣхъ храмовъ въ городѣ шесть. Древнѣе другихъ,—видѣвшій съ 1630 г. не одно столѣтіе,—храмъ Николая Угодника на Мегрегѣ, съ его пятью куполами и отдѣльно стоящею, снабженною галлереей, колокольней, съ очень длиннымъ центральнымъ нефомъ и алтаремъ въ кубической пристройкѣ. Это, несомнѣнно, одна изъ типичнѣйшихъ церквей. Нѣсколько моложе ея, тоже въ почтенныхъ, древнихъ очертаніяхъ, виднѣется храмъ Тихвинской Божіей Матери, 1719 года, подлѣ моста. Оба эти храма простоятъ едва ли долго и приходятъ въ ветхость не по днямъ, а по часамъ.

Древнѣйшее упоминаніе объ Олонцѣ, расположенномъ въ шестнадцати верстахъ отъ Ладожскаго озера и въ пятидесяти двухъ верстахъ отъ рѣки Свири, имѣется подъ 1137 годомъ, въ уставной грамотѣ Святополка Олеговича, подъ именемъ «Олоньсъ». Собственно городомъ названъ Олонецъ впервые въ 1634 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда повелѣно было: «посадскихъ людей изо всѣхъ погостовъ взяти, съ женами и дѣтьми, и со всѣми ихъ животы на житье въ Олонецъ». Въ 1651 году Олонцемъ управляли воеводы; въ 1670 сгорѣла окружавшая его деревянная крѣпость.

Всѣ древнѣйшія поселенія древнѣйшей Руси—колыбель государства нашего—ютились когда-то въ неприглядной мѣстности вдоль трехъ озеръ: Чудскаго, Ильмени и Бѣлоозера. Только Псковъ и Новгородъ достигли выдающагося историческаго значенія, прочіе города, городки и городища возникали и нерѣдко исчезали, какъ сны. Въ этомъ сказывается съ наглядностью удивительною «святая святыхъ» русской исторіи; всѣ эти поселенія древни, какъ и сама Россія, всѣ они своевременно создавались какъ бы для исполненія той или другой задачи, главнымъ образомъ для обороны имѣвшей сложиться Русской земли; всѣ они кровью запечатлѣли свою службу, и когда, наконецъ, настало

время, отошли, вошли въ тѣнь, даже исчезли; сказались другіе центры, другія цѣли, другія задачи государственнаго бытія. При именахъ ихъ осталась только почтенная древность, и всѣ они словно напоминаютъ путнику, ихъ посѣщающему, тѣ вѣщія слова, которыя были когда то, въ рѣшительную минуту, сказаны живымъ олицетвореніемъ русской силы: «а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, лишь бы жила Россія!»—и они дѣйствительно почти не живутъ, эти города, но живетъ Россія.

Вотъ хоть бы и Олонецъ, съ его безъ малаго тысячелѣтнею давностью и 1.500 человѣкъ жителей, съ двумя ярмарками: Крещенскою и Рождественскою, торговые обороты которыхъ за послѣднее трехлѣтіе едва ли превышаютъ 8,000 рублей.

Со времени учрежденія губерніи, войдя въ 1708 году въ составъ Ингерманландской, Олонецъ до 1801 года перебывалъ поочередно въ губерніяхъ: Петербургской, Олонецкой и Новгородской, бывалъ и уѣзднымъ, и областнымъ городомъ, находился одно время подъ вѣдѣніемъ адмиралтейства и, перемѣнивъ за 100 лѣтъ десять назначеній, окончательно успокоился въ 1801 году, въ скромномъ званіи уѣзднаго города Олонецкой губерніи. Столица губерніи—Петрозаводскъ, отстоящая отъ него на 118 верстъ, юнецъ въ сравненіи съ нимъ, и не онъ, а Олонецъ даетъ губерніи свое имя. Всякое значеніе его убито учрежденіемъ пароходства по Свири и Онежскому озеру и путь торговаго движенія на Петрозаводскъ и далѣе—заглохъ.

Торговли въ городѣ нѣтъ никакой, кромѣ бакалейной и суровской, удовлетворяющей незначительнымъ мѣстнымъ потребностямъ; немногіе занимаются сплавомъ лѣса въ Петербургъ, другіе извозомъ по тому же тракту, доставлявшимъ когда-то, до открытія пароходства, значительные заработки.

12-го іюля 1819 года управляющій министерствомъ полиціи графъ Вязмитиновъ препроводилъ къ олонецкому губернатору доставленный ему генералъ-адъютантомъ княземъ Волконскимъ маршрутъ путешествія императора Александра I отъ Петербурга до Архангельска, а оттуда чрезъ Вытегру, Петрозаводскъ, Олонецъ, Валаамъ, Куопіо въ Улеаборгъ. Государь выѣхалъ изъ Петербурга въ ночь на 23-е іюля, въ сопровожденіи князя Волконскаго, статсъ-секретаря Муравьева, полковника Соломки и лейбъ-медика Вилье. 8-го августа, въ 7 часовъ вечера, прибылъ государь въ Олонецъ. За четыре версты отъ города встрѣтили его четыре ратника бывшаго ополченія олонецкихъ стрѣлковъ 1812 года, побывавшіе подъ Парижемъ, и получили отъ государя по 25 рублей. Радость о пріѣздѣ царя была настолько велика, что горожане забыли даже хлѣбъ-соль, назначенные къ поднесенію. Государь остановился въ домѣ Серебряковыхъ и не замедлилъ объявить народу съ балкона о рожденіи племянницы своей, великой княгини Маріи Николаевны; манифестъ объ этомъ рожденіи подписанъ въ этотъ же вечеръ. Утромъ 9-го августа государь прошелъ пѣшкомъ къ литургіи въ церковь Смоленской Божіей Матери и вернулся домой пѣшкомъ же, обѣщавъ на исправленіе церкви 20,000 рублей. Около 2 часовъ пополудни Александръ I покинулъ Олонецъ. Объ этомъ сѣверномъ путешествіи Александра I сохранилось много разсказовъ.

Такъ, когда близъ деревни Педасельга у царскаго экипажа ослабли ремни, царь, выйдя изъ экипажа, самъ помогалъ перетягивать ихъ, и когда при этомъ одинъ изъ мужичковъ наступилъ ему на ногу, онъ, отдернувъ ее, сказалъ: «Ахъ, мужичокъ, какой у тебя жесткій сапогъ!» Въ церкви Святозерскаго прихода государь пѣлъ на клиросѣ съ дьячкомъ; послѣдній пѣлъ неправильно, испуганный близостью царя, и когда государь, слегка ударивъ его по плечу, сказалъ: «вмѣстѣ, старикъ, вмѣстѣ, не разноглась!» дьячокъ растерялся и упалъ на колѣни.

Вообще память у жителей Олонецкой губерніи развита замѣчательно. Стоитъ вспомнить о сказителяхъ былинъ: Щеголенкѣ, Рябининѣ и другихъ, еще недавно очень занимавшихъ петербургское общество, чтобы убѣдиться въ этомъ; былины и сказки свили себѣ въ Олонецкой губерніи прочное гнѣздо, и былое, даже мелкое, не забывается. Такъ, мѣстные жители помнятъ нѣкоего писца Панина, который въ 1628 году, «по слову мірскому», избранъ былъ налагать въ Заонежьи имена и прозвища на села; села эти чисто по-русски, съ Божіею помощью, выросли и жили безыменными, но нельзя же было оставаться имъ некрещенными всю жизнь. Пошелъ писецъ Панинъ по странѣ: видитъ, мужчина и женщина надъ водою сѣно кучатъ, — быть этой волости «Сѣнною Губою»; встрѣтилъ въ другомъ мѣстѣ дѣвушку: какъ зовутъ? спрашиваетъ — Таней! — быть деревнѣ «Потановщиной»; выходитъ въ третьемъ мѣстѣ изъ деревни писцу навстрѣчу старикъ, сѣдиной изукрашенъ,—быть деревнѣ «Морозовою»; идетъ навстрѣчу другой человѣкъ, окликаетъ его Панинъ, нѣтъ отвѣта,—пущай же это «Пустой Берегъ» будетъ, и т. д. Понятно, что если народный сказъ сохранилъ память о писцѣ Панинѣ, то о Петрѣ Великомъ говоритъ весь Сѣверъ. Одинъ изъ разсказовъ касается Олонца. Прибылъ царь «нечаянно» и, войдя въ воеводскую канцелярію, засталъ въ ней стараго посводу: «Какія есть въ канцеляріи челобитныя дѣла?»—спросилъ онъ. Воевода упалъ въ ноги и отвѣчаетъ: «Виноватъ, государь, никакихъ нѣтъ».—«Какъ никакихъ?»—«Я, отвѣчаетъ воевода, никакихъ челобитенъ не допускаю, всѣхъ челобитчиковъ мирю, а слѣдовъ ссоры въ канцеляріи не оставляю». Царь остался доволенъ. Чрезъ нѣсколько времени, замѣтивъ несогласія въ адмиралтействъ-коллегіи между господами Черныше вымъ и Крейцомъ, онъ вызвалъ олонецкаго воеводу указомъ въ Петербургъ. «Старикъ, сказалъ ему царь, я хочу, чтобы ты и здѣсь столько же былъ виноватъ, какъ въ Олонцѣ, и, не принимая объясненій, мирилъ ихъ». Имени этого воеводы въ сказѣ, къ несчастію, нѣтъ, да и воеводъ такихъ было немного.

Есть и другое преданіе о священникѣ съ ружьемъ, котораго Петръ встрѣтилъ по пути изъ Олонца въ Петербургъ, въ Мегрегѣ. Царь остановилъ его и спросилъ, куда онъ идетъ; священникъ, не зная царя, отвѣтилъ, что идетъ съ запасными Святыми Дарами къ больному. «Зачѣмъ же ты взялъ ружье?»—спросилъ Петръ. «Здѣсь не смирно: грабятъ, убиваютъ»,—отвѣтилъ священнослужитель. «Но вѣдь если ты кого застрѣлишь, возразилъ царь, то не будешь болѣе попомъ?»—«Не буду, отвѣтилъ священникъ, но если меня убьютъ, то я не буду ужъ и человѣкомъ, а теперь куда-нибудь да гожусь».

Царь записалъ имя священника и пожелалъ ему, чтобы онъ разбойниковъ не встрѣчалъ.

Преданія эти, передаваемыя устнымъ и письменнымъ словомъ, живутъ уже почти два вѣка; но въ маленькомъ Олонцѣ есть вещественные памятники, болѣе древніе.

Такъ, высится до сихъ поръ, но по ветхости не служитъ болѣе тому, для чего назначена, построенная стрѣльцами въ 1674 году деревянная церковь св. Бориса и Глѣба, тѣ же стрѣльцы въ 1619 году поставили часовню во имя Животворящаго Креста, перестроенную въ 1769 году; въ ней хранится современный основанію, съ приличествующею надписью, раскрашенный крестъ въ пять аршинъ вышины; третья память стрѣльцовъ—колоколъ 1684 года звонитъ и до-сегодня съ Тихвинской церкви, примѣшивая свой старый голосъ къ голосамъ болѣе молодымъ.

Отъ Олонца предстояло сдѣлать почтовою дорогою, вдоль рѣки Олонки, 15 верстъ, до селенія Гоммалы, къ которому, за это время, спустившись по Свири, пройдя Ладожскимъ озеромъ и втянувшись въ рѣку Олонку, должны были подойти пароходы. Путь до Гоммалы очень оживленъ; села слѣдуютъ вплотную, составляя какъ бы продолженіе Олонца, избы не знамениты; для переправъ черезъ рѣку тѣ же плотики, что̀ и на Мегрегѣ. Сѣвъ на пароходъ въ Гоммалѣ, путники спустились внизъ по Олонкѣ. Рѣка извилиста и глубока, берега покрыты лѣсомъ, и чайки и кулики то и дѣло шмыгали подъ кормой и предъ носомъ, испуганные неожиданнымъ посѣщеніемъ пароходовъ. Вечеръ наступилъ превосходный, съ чистымъ небомъ и полною тишью. Особенно красиво выдавались вдоль береговъ широкіе, яркозеленые листья лопуха и султаны папоротниковъ, растущіе надъ самою водой, никѣмъ и никогда не притаптываемые.

Недалеко отъ устья Олонки стоитъ небольшая часовня Андрусовской, близкой отсюда, пустыни; монахъ въ бѣлой ризѣ и черномъ клобукѣ съ берега благословилъ крестомъ выходившихъ въ открытое озеро путешественниковъ. Длинная песчаная коса вдается въ озеро подлѣ устья и сильно затрудняетъ входъ въ Олонку. Пароходы вышли въ озеро около восьми часовъ вечера, при полнѣйшемъ штилѣ на водѣ и въ воздухѣ. Замѣчательно, что почти такъ же тихо, какъ сегодня, было здѣсь и наканунѣ, тогда какъ въ устьѣ Волхова, къ Новой Ладогѣ, наваливалъ, казалось отсюда, сильный сѣверный вѣтеръ. Чѣмъ объяснить эту капризность Ладожскаго озера и во имя чего проходитъ здѣсь, та или другая, демаркаціонная линія между бурей и тишиной, на самыхъ близкихъ разстояніяхъ? Выходить изъ рѣки, несмотря на тишину, приходилось все-таки съ лоцманами. Невдали обозначился островъ Гачъ, имѣющій спасательную станцію; при дальнѣйшемъ пути, уже въ вечернихъ зоревыхъ огняхъ, глянула издали, слѣва, Андрусовская обитель.

Ночь на 30-е іюня прошла совершенно тихо. «Онѣга» вошла въ Валаамскую пристань къ пяти часамъ утра. Древняя обитель эта была послѣднимъ пунктомъ, предстоявшимъ посѣщенію, и прямой путь отъ нея, уже безъ всякихъ остановокъ, лежалъ на Петербургъ.

Валаамъ.

Общій видъ Валаамскаго монастырскаго залива. Литургія въ Успенской церкви. Схимонахи. Смыслъ нашихъ монастырей. Ихъ двоякое значеніе. Два главныя отличія Валаама: древность и число святыхъ. Неправильность его административной зависимости отъ Финляндіи. Характеристика архипелага. Пониженіе уровня Ладожскаго озера. Мѣсто упокоенія св. Сергія и Германа. Начало исторіи. Многократныя уничтоженія и возникновенія. Странствія монаховъ. Возрожденіе при Петрѣ I. Алеутская миссія. Посѣщенія Александромъ I и Александромъ II. Порядокъ постриженія и прохожденія монастырскаго чина. Схима. Похороны и синодики. Кладбище. Апокрифическая гробница короля Магнуса. Ризница и библіотека. Закладка новаго храма. Прогулка по островамъ. Скиты св. Николая и всѣхъ святыхъ. Чтенія Псалтири. Пустынь Дамаскина. Общія свѣдѣнія.

Въ пять часовъ утра, 30 іюня, пароходъ «Онега» стоялъ у пристани, внизу главной горы Валаамской, въ такъ называемомъ монастырскомъ заливѣ, лучшей на всемъ Ладожскомъ озерѣ гавани, приглубой, помѣстительной, продолговатой, совершенно закрытой отъ всѣхъ вѣтровъ, покоящейся въ скалахъ, поросшихъ вѣковымъ лѣсомъ и обставленной храмами, часовнями и крестами. Тутъ же виднѣлись пароходы: монастырскій, таможенный и еще шестой, пассажирскій, готовившійся отойти въ Петербургъ. Много виднѣлось лодокъ изъ числа тѣхъ, что остались со вчерашняго дня, съ праздника Петра и Павла; ихъ набѣхало около сотни, и онѣ то и дѣло отбывали, направляясь ко всѣмъ берегамъ Ладожскаго озера, преимущественно къ сѣверному, нагруженныя народомъ вплотную. Сколько было народу, видно изъ того, что накануѣ состоялись четыре монастырскія трапезы и продано болѣе 5,000 просфоръ.

Заря, во всю ночь свѣтлая и безоблачная, не переставала свѣтить надъ озеромъ во все время пути пароходовъ; но ко времени прибытія ихъ на Валаамъ, солнце, взошедшее въ три часа, стояло уже достаточно высоко, чтобы освѣтить яркимъ боковымъ свѣтомъ красивый Валаамскій архипелагъ, его обильную зелень, не менѣе обильные часовни и скиты и безконечное коли-

чество проливовъ и заливовъ. Даже къ восьми часамъ утра, ко времени схода путниковъ на берегъ, подобрался еще не весь туманъ, налегшій ночью, и мѣстами медленно курился и уносился клочьями, будто бѣлый флеръ.

Видъ съ пароходной палубы былъ прелестенъ. Прямо поднималась главная гора съ монастырскою святыней, гостинницы, часовня, колокольня съ тысячепудовымъ колоколомъ, который будетъ перемѣщенъ на новый строящійся храмъ; лѣвѣе массивное зданіе водокачки и окруженные рѣшеткой на высокой отвѣсной террасѣ цѣнные монастырскіе сады; для тѣхъ, кто видѣлъ Валаамъ раньше, казалось страннымъ, что, глядя снизу, за монастырскими стѣнами не замѣчалось на вершинѣ горы маковокъ церковныхъ: онѣ были точно срѣзаны, удалены; причина въ томъ, что главный храмъ дѣйствительно снесенъ, и приготовлено все нужное для закладки величественнаго новаго; будетъ время, и именно черезъ пять лѣтъ, когда опять глянутъ изъ-за стѣны въ глубь монастырскаго залива вновь водруженные въ лучшемъ великолѣпіи православные кресты.

По другую сторону парохода, на противоположной сторонѣ залива, нависали надъ тихой водой бурыя отвѣсныя скалы, изукрашенныя потеками воды, поблескивавшими на солнцѣ, одѣтыя густою порослью деревьевъ и травъ. Къ выходу изъ залива въ озеро, какъ бы преграждая выходъ къ сѣверу, виднѣлся совершенно обновленный, блистая позолотой своего шатроваго верха, скитъ Николая Чудотворца; съ другой, противоположной стороны къ югу заливъ замыкался по полукругу берегомъ, отѣненнымъ стройнымъ лѣсомъ; вдоль берега ожерельемъ покачивались причаленныя финляндскія ладьи. Если бы кому пришло въ голову усомниться въ томъ, что эта чудесная картина—Валаамъ, то прямымъ доказательствомъ являлся монастырскій флагъ, развѣвавшійся на пристани: два русскіе соединенные флага и между ними темнокрасный монастырскій крестъ; особенный свой флагъ имѣетъ также и Соловецкій монастырь.

Для тѣхъ, кто посѣщалъ Валаамъ раньше, внутренность монастырскаго двора показалась поразительно пустою. Древняго храма Преображенія Господня, въ нижней части котораго подъ низкими сводами почивали мощи чудотворцевъ Сергія и Германа,—храма, составлявшаго всегда главную цѣль и центръ посѣщенія, нѣтъ больше: онъ снесенъ, чтобы уступить мѣсто другому, лучшему построенію. Далеко кругомъ виднѣлись матеріалы начинаемой работы, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояли когда-то обѣ раки святыхъ, гдѣ глубоко въ землѣ почиваютъ ихъ нетлѣнныя мощи, стоялъ временный деревянный кенотафъ и подлѣ него — дежурный монахъ. Въ зимней Успенской церкви, вправо отъ входа, поставлены временно обѣ раки. Два схимонаха, не шевелясь и вдумчиво опустивъ головы, стояли подлѣ нихъ. Многія изъ святыхъ иконъ нашихъ имѣютъ внѣшнія очертанія, имъ подобныя; эти длинные черные куколи, эти аналафы съ изображеніемъ нѣсколькихъ Распятій, съ многократно повторяемыми молитвенными изреченіями; на этихъ людяхъ, отказавшихся отъ жизни, одни только сіявшія вдоль одѣяній живыми красками головки херувимчиковъ напоминали о жизни и ея цвѣтахъ, все остальное было траурныхъ тоновъ, и тѣни отъ низко опущенныхъ надо лбами куколей опускали этотъ

трауръ и на блѣдныя сухія лица. Въ особенности одинъ изъ этихъ схимонаховъ, съ длинною сѣдою бородой, съ удивительно тонкими и правильными чертами лица, былъ поразительно хорошъ въ своей аскетической, старческой красотѣ. Самый храмъ невеликъ; среди шести столбовъ подъ цилиндрическимъ сводомъ, образующимъ надъ алтаремъ невысокую круглую арку, тянется средній нефъ; надъ боковыми частями его идутъ галлерейки, низенькій четырехъ-ярусный иконостасъ отливаетъ золотомъ обрамленій иконъ по темносѣрому фону; за престоломъ виднѣется ликъ Богородицы въ ризѣ; въ общемъ впечатлѣніе храма не особенно богатое.

Прежде чѣмъ слѣдовать за обходомъ монастырской святыни и ея древностей, необходимо возстановить въ памяти основныя черты какъ исторіи, такъ и характерности природы и обстановки жизни этой замѣчательнѣйшей русской обители, имѣющей много сходства съ обителью Соловецкою, но во многихъ отношеніяхъ стоящею вполнѣ особнякомъ. Валаамъ настолько своеобразенъ, что сколько бы ни дѣлали описаній, всегда будетъ своевременно другое описаніе, потому что художественныхъ, историческихъ и монастырскихъ особенностей здѣсь не сосчитать.

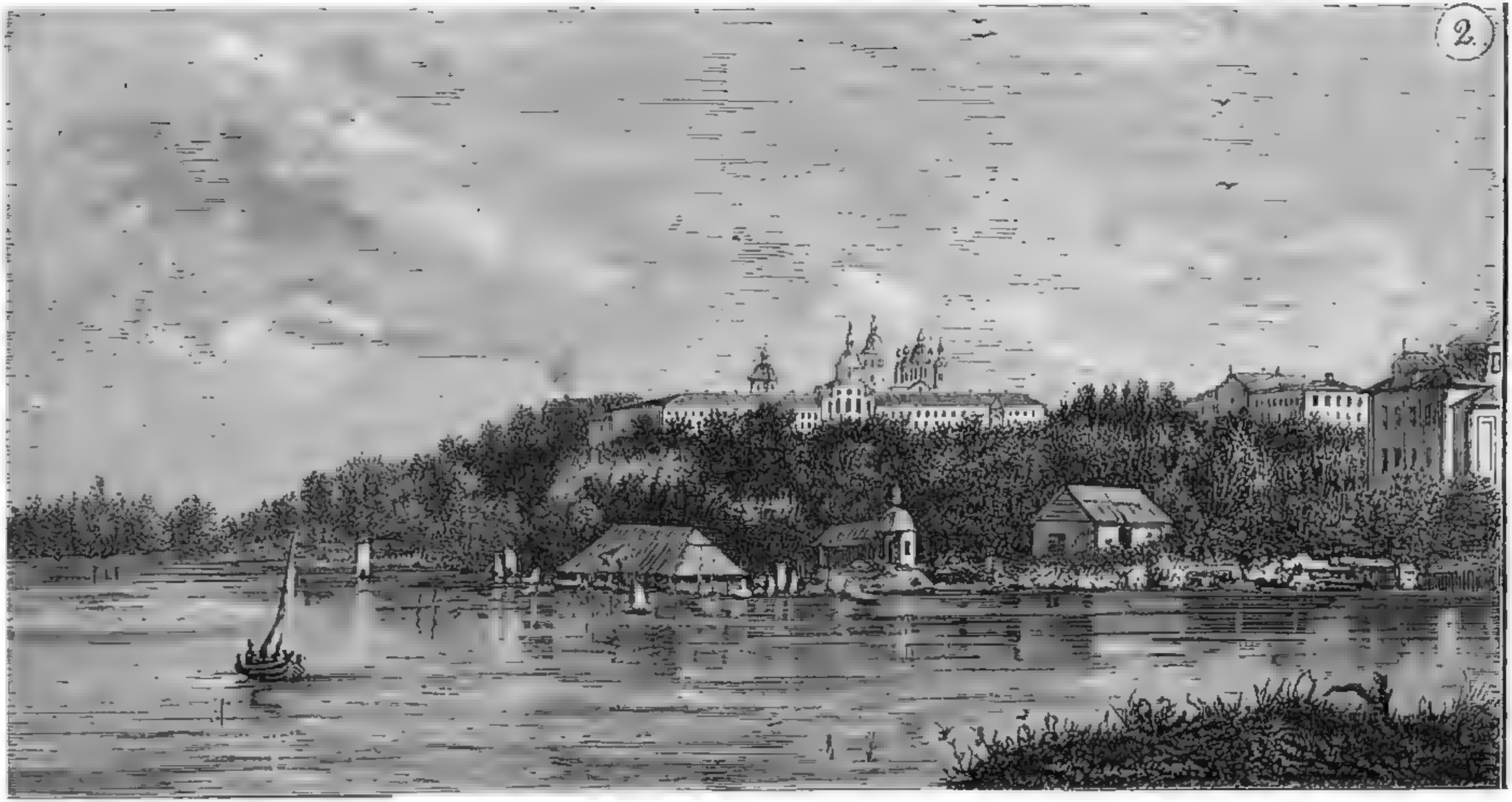
Наши монастыри—характернѣйшія страницы нашей исторіи; въ каменныхъ оградахъ монастырскихъ остаются неподвижными и замкнутыми какъ бы особыя сферы былого времени, какъ бы островки былого представительства того или другого столѣтія; въ этомъ смыслѣ монастыри наши—это лаги, брошенные въ пучину морскую съ двигающагося судна; не трогаясь съ мѣста, они опредѣляютъ быстроту хода судна, съ котораго брошены. Сказанное вовсе не значитъ, конечно, чтобы при быстромъ шествіи Державы Русской къ тому, что ей назначено въ будущемъ, монастырская жизнь, оставаясь неподвижною въ каменныхъ кольцахъ своихъ стѣнъ, являлась отсталою, чуждою жизни народной, вѣчно двигающейся впередъ; нѣтъ, тутъ происходитъ нѣчто совершенно своеобразное, исключительное. Не допуская колебаній въ древнихъ уставахъ, придерживаясь неуклонно преданій, въ полной преемственности церкви Христовой, какою была она до рокового раздробленія на части, монастыри наши всегда откликались на живыя нужды народныя. Эти отклики были двоякаго рода. Въ одномъ случаѣ они, такъ сказать, постоянны, непрерывны и даютъ себя чувствовать единичному человѣку, богатъ онъ или бѣденъ, въ тяжелую минуту его жизни, ежедневно, неумолчно, повсюду; обращеніе страждущаго духомъ къ бѣлому духовенству, къ священнику, живущему въ мірѣ, вовсе не то, что паломничество въ монастырь, гдѣ сдѣлано все для уединенія, молитвы, для общенія съ Божествомъ, для отчужденія отъ «земляности»; этотъ первый способъ воздѣйствія монастырей на жизнь людскую, какъ сказано, непрерывный, постоянный, будничный. Другой можно назвать, если угодно, праздничнымъ, онъ наступалъ и наступаетъ, и наступитъ тогда, когда какое-нибудь великое общенародное горе ложилось или ляжетъ на землю Русскую, въ такія минуты, когда условія жизненныя сбрасываютъ съ мѣстъ и сбиваютъ съ толку всѣ обычныя основанія государственнаго бытія и наступаютъ тяжкіе годы огненнаго очищенія за ошибки былого времени,—наши монастыри слу-

жили всегда оплотами, и по нимъ, какъ зимой по вешкамъ, возстановлялись засыпанные снѣгомъ пути. Для перваго, временнаго способа воздѣйствія монастырей на отдѣльнаго человѣка они открыты всегда; для другого, для праздничнаго, они распахиваютъ грудь свою только изрѣдка, по мѣрѣ надобности, а именно въ тѣ годины испытаній, горя и страданій, когда, по словамъ отцовъ церкви, наступаетъ «праздникъ очищенія».

Много, много обителей нашихъ посѣтили путники и ознакомились съ ихъ своеобразнымъ бытіемъ; но Валаамская обитель во многомъ не уступаетъ и даже превосходитъ Соловецкую и Кирилло-Бѣлозерскую. Во-первыхъ, обитель эта, несомнѣнно, древнѣе прочихъ; во-вторыхъ, нѣтъ другой обители, въ которой бы, въ свое время, жило и дѣйствовало столько святыхъ угодниковъ, какъ на Валаамѣ; скудная скалистая почва острововъ Валаамскихъ вся исхожена стопами множества людей, ставшихъ святыми, мощи которыхъ въ драгоцѣнныхъ окладахъ составляютъ притягательную силу той или другой обители.

Древность Валаамская древнѣе прочихъ на Руси. Въ изданномъ отъ монастыря описаніи обители, въ заключеніи, говорится, что Валаамская обитель основана преподобными Сергіемъ и Германомъ въ X вѣкѣ, и что, по неимѣнію точныхъ данныхъ, нельзя рѣшить теперь вопроса: началъ ли монастырь свое существованіе въ доисторическія времена Россіи или нѣтъ? Тѣмъ не менѣе, вѣрно то, что уже въ 960 году, какъ это видно изъ житія Авраамія Ростовскаго, на Валаамѣ существовало, современно св. Ольгѣ и св. Владиміру, значительно устроенное монастырское братство, а «Вселѣтникъ» митрополита Иларіона 1051 года повѣствуетъ о томъ, что мощи св. Сергія и Германа должны были быть открыты тоже въ доисторическое время, потому что уже въ 1050 году онѣ переносимы были изъ Валаама въ Новгородъ «утретіи разъ», то-есть въ третій разъ. Такихъ древнихъ цифръ хронологіи, если имъ вѣрить, не представляютъ другія обители наши; не говоря уже о Соловкахъ, о монастыряхъ Кирилло-Бѣлозерскомъ, Тихвинскомъ и Троице-Сергіевомъ, только Кіевъ по плечу Валааму, такъ какъ св. Антоній пришелъ на берегъ Днѣпра и поселился въ Варяжскихъ пещерахъ въ 1013 году. Во вниманіе къ сказанному, всякій, ступающій на скалы Валаама, топчетъ подъ собою исторически-православную почву почти тысячелѣтняго существованія. Въ названномъ «Вселѣтникѣ» имѣются также туманныя преданія о томъ, что на Валаамѣ существовало свое вѣче, по образцу новгородскаго, изъ семи истцовъ, что тутъ имѣлись будто бы свои монеты и законы какихъ-то XII князей. Но это только преданіе.

Если велика древность обители, то и число выдающихся дѣятелей церкви, святыхъ и преподобныхъ, обитавшихъ на Валаамѣ, значительно болѣе, чѣмъ въ другихъ. Опять-таки преданіе гласитъ, что святой апостолъ Андрей Первозванный, просвѣтитель скиѳовъ и славянъ, пройдя отъ Кіева къ Смоленску, Новгороду, Друзино (Грузино) и по Волхову, достигъ Валаама; объ этомъ же пути имѣются свѣдѣнія во «Вселѣтникѣ» митрополита Иларіона; но и помимо этого апостола, непосредственнаго ученика Христова, уже совершенно въ историческое время, Валаамъ изобиловалъ отцами церкви. Первыми должны



Монастырь Валаамъ.

быть названы, конечно, св. Сергій и Германъ, затѣмъ слѣдуютъ: Александръ Свирскій, основатель Александро-Свирской обители, Корнилій, создавшій обитель Палеостровскую, Арсеній, основатель Коневскаго монастыря; отсюда пошелъ на Соловки преподобный Савватій, Аѳанасій создалъ обитель Сяндемскую, Авраамій Ростовскій—Богоявленскій монастырь и преподобный Адріанъ—обитель Андрусовскую.

Такого сонма свѣтилъ монашества, такой древности происхожденія, какъ Валаамъ, ни одна изъ знаменитѣйшихъ обителей земли Русской не представляетъ, и вотъ почему страннымъ кажется, что эта первоклассная обитель, будучи подчинена въ епархіальномъ отношеніи митрополиту петербургскому,

Валаамъ. Скитъ Св. Николая.

въ отношеніи административномъ входитъ въ составъ губерніи Выборгской, составляющей, въ свою очередь, часть Великаго Княжества Финляндскаго. Если вспомнить, сколько натерпѣлась обитель, въ свое время, именно отъ шведовъ, чрезъ Финляндію, то нельзя не видѣть въ этомъ нѣкоторой ироніи судьбы, какъ бы отрѣзывающей древній Валаамъ отъ Императорскаго православнаго Царства Россійскаго.

Валаамскій архипелагъ состоитъ изъ сорока острововъ очень различной величины, растянутыхъ по параллели на двѣнадцать, а по меридіану на семь верстъ. Онъ находится въ самой сѣверной части Ладожскаго озера, въ 45 верстахъ отъ ближайшаго на берегу города Сердоболя и въ 25 верстахъ отъ берега. Не болѣе пяти острововъ удобны къ поселенію иноковъ, а поверхность всѣхъ сорока острововъ едва превышаетъ 3,100 десятинъ, при 30 верстахъ окружности; цѣлыхъ $^3/_4$ этого пространства занимаетъ центральный островъ Валаамъ, служащій нерушимой основой главной обители.

Когда подъѣзжаешь къ монастырскому архипелагу, то онъ въ ясную погоду издали прорѣзывается надъ водной гладью небольшими отдѣльными темными черточками, которыя, мало-по-малу сливаясь, образуютъ какъ бы одну сплошную общую возвышенность, такъ какъ проливчики, тянущіеся синими змѣйками между зеленою порослью скалъ, иногда такъ узки, въ сажень шириной, что устій ихъ, со стороны озера, съ палубы парохода незамѣтно,—кажется, что подъѣзжаешь къ одному большому острову.

Основная единственная толща острововъ — это темносѣрый, красноватый гранитъ. Насколько причудливы обнаженія его, навороченныя и изломанныя временемъ вдоль береговъ, настолько же — нѣтъ, еще болѣе, причудливы подводныя очертанія ихъ, скрытыя подъ теменью неспокойной волны; глубина у самаго берега очень рѣдко полога, часто обрывается сразу до четырехъ и даже до пятидесяти саженъ; въ ста саженяхъ отъ берега она достигаетъ ста саженъ. На островахъ множество заливовъ, удобныхъ какъ пристанища; но лучшимъ на всемъ Ладожскомъ озерѣ, кромѣ монастырскаго, въ этомъ отношеніи, долженъ быть названъ заливъ Никоновскій: когда на озерѣ буря, волны въ немъ едва колеблются. Высшія точки скалъ острова не выше 170 футовъ, причемъ онѣ нерѣдко, надъ самою водой, совсѣмъ отвѣсны и удивительно живописны. Научное изслѣдованіе говоритъ, что вся группа острововъ обнажается все болѣе и болѣе, потому что вода въ Ладожскомъ озерѣ убываетъ въ столѣтіе слишкомъ на полтора аршина. Скорость громадная! Если это дѣйствительно такъ, то, во вниманіе хотя бы къ Петербургу, слѣдовало бы озаботиться о сохраненіи резервуара нашей невской воды— Ладожскаго озера и пріостановить оголеніе озерныхъ рѣчекъ, которое обусловливается постоянно возрастающею эксплуатаціей лѣсовъ; рубятъ лѣса быстро, во мгновеніе ока, а растутъ они на каменистой почвѣ, при сѣверныхъ вѣтрахъ и холодномъ солнцѣ, медленнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ безмолвной толщѣ красно-сѣраго гранита главнаго острова, въ глубочайшей могилѣ, изсѣченной въ скалѣ, накрытой въ настоящую минуту временнымъ деревяннымъ кенотафомъ, почиваютъ мощи обоихъ угодниковъ монастырскихъ, св. Сергія и Германа, пришедшихъ туда «изъ восточныхъ сторонъ» и основавшихъ монастырское «общежительство». Положены они въ эту недосягаемую темную глубь въ 1180 году, съ тою цѣлью, чтобы дерзкая рука шведовъ или финляндцевъ никогда не смѣла оскорбить святыни, даже владѣя островомъ. Это переложеніе св. мощей совершилось тогда въ четвертый и въ послѣдній разъ: до того шведскіе набѣги и желаніе уберечь мощи побуждали иноковъ къ многократному перенесенію ихъ въ Новгородъ, древнее общеніе съ которымъ Валаама несомнѣнно.

Не совсѣмъ ясное начало монастыря и первые проблески его бытія, такъ сказать, доисторическое существованіе его кончаются съ X вѣкомъ. Въ письмахъ профессора русской исторіи Александровскаго университета, въ Гельсингфорсѣ, Соловьева, писанныхъ въ 1839 и 1840 годахъ къ тогдашнему игумену Дамаскину, есть свѣдѣнія о томъ, что въ различныхъ архивахъ Швеціи существуетъ много документовъ, касающихся Валаама, и что свѣдѣнія

эти должны пролить совершенно новый свѣтъ на это темное, извѣстное только урывками, время его существованія. Многое, какъ объясняетъ г. Нилъ Поповъ, сдѣлано было этимъ Соловьевымъ въ шведскихъ архивахъ; найдены, между прочимъ, сочиненія дьяка Григорія Котошихина; отысканы и другіе документы, переданные въ археографическую комиссію и, отчасти, напечатанные,— но старѣйшихъ дней Валаама они все-таки не объясняютъ. Остаются ли еще документы? Вѣрно и то, что искать этихъ документовъ надо не въ самомъ монастырѣ.

Съ 960 по 1715 годъ, то-есть до времени возобновленія обители Петромъ I, судьбы ея были крайне перемѣнчивы. Первое разореніе потерпѣла она отъ шведовъ въ XI вѣкѣ; въ XIII, XIV и XV видимъ мы ее, какъ это сказано въ житіи св. Александра Свирскаго, цвѣтущею, съ каменными зданіями, хорошими келіями, гостиницей и подъ верховнымъ владычествомъ русскихъ царей, которые неоднократно, какъ-то: Василій Іоанновичъ, Іоаннъ IV, Ѳедоръ Іоанновичъ, холили и дарили ее. Съ XVI вѣка вновь начинаются шведскія нападенія; въ 1578 году перебиты и замучены многіе монахи и послушники; немного позже моровое повѣтріе окончательно обезлюдило келіи, а шведы сожгли и уничтожили рѣшительно все до основанія, такъ что инокамъ пришлось укрыться на материкѣ въ Антоніевомъ Дымскомъ монастырѣ. Въ 1597 году, по донесенію боярина Бориса Ѳедоровича Годунова, царь Ѳедоръ Іоанновичъ возобновилъ обитель изъ своей царской казны, жаловалъ ей разныя угодья, сохранилъ за нею временно вотчины Дымскаго монастыря, а игумену валаамскому предоставилъ оставить въ Дымскомъ монастырѣ только немногихъ.

Этотъ вторичный расцвѣтъ обители продолжался недолго: въ 1611 году шведы снова предали мечу и огню все, созданное дружными усиліями свѣтской власти и монашества, казнили игумена Макарія и многихъ изъ братіи; островъ опустѣлъ, обезлюдѣлъ, и на мѣстѣ прежней обители воздвигли свои постройки шведы. Тогда началось долговременное странствованіе оставшейся безъ обители валаамской братіи. Большинство ихъ, по указу царскому, тогда же удалилось въ Новую Ладогу и помѣстилось въ несуществующемъ уже монастырѣ св. Николая; оттуда шведы, такъ сказать, нагнавъ и перебивъ многихъ изъ братіи, принудили остальныхъ бѣжать дальше къ обители Тихвинской, гдѣ предстояло братіямъ испытать осаду польскую. Бездомные валаамцы временно поселились въ монастыряхъ Антоніевомъ Дымскомъ, а потомъ въ нехотѣвшемъ принять ихъ, въ виду «утѣсненія», Ладожскомъ, Васильевскомъ, у Старой Ладоги, и совершенно преобразили послѣдній, отстроивъ его за-ново. Спасены были также многія иконы, ризы и другія вещи, увезенныя иноками и стоящія теперь снова на своихъ мѣстахъ.

Столбовскій миръ 1617 года, заключенный въ той скромной деревенькѣ, которую путники посѣтили три дня тому назадъ, болѣе чѣмъ на сто лѣтъ оставилъ Валаамъ совершенно опустѣвшимъ въ рукахъ шведовъ; иноковъ не имѣлось на немъ вовсе, и все, что успѣли они насадить православія по берегамъ Ладожскаго озера, у Сердоболя и Кексгольма,—все это погибло тогда и

замѣнено лютеранствомъ. Казалось, что сдѣлано было рѣшительно все, чтобы стереть съ лица земли даже воспоминаніе о Валаамѣ. Не ушли только со своихъ мѣстъ два святые угодника, безмолвно почивавшіе въ глубокихъ камняхъ острова, и надъ ними теплилось воспоминаніе и горѣла мысль, отъ которыхъ и началось новое бытіе. Было такое время, что отъ тихвинскаго архимандрита Макарія поступила къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ челобитная о перенесеніи этихъ мощей въ Тихвинъ, для спасенія ихъ отъ «проклятыхъ лютеровъ». Совершись это, и о Валаамѣ не осталось бы, вѣроятно, и помину.

Въ 1715 году, вслѣдствіе ходатайства архимандрита Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, Іринарха, переданнаго царю черезъ Меншикова, повелѣно приступить къ постройкѣ Валаамской обители за-ново. Царь, посѣщая олонецкій край, вѣроятно, бывалъ неоднократно на пустомъ Валаамѣ и зналъ его былое. Въ 1717 году на одиннадцати лошадяхъ присланы изъ Кириллова монастыря церковная утварь, припасы и строительныя орудія. Во вниманіе къ развившемуся за это время, съ 1611 по 1620 годъ, расколу, сдѣлано особое распоряженіе о томъ, чтобы чинъ монастырскій исполнялся по «новоисправленному Требнику». Въ началѣ возобновленія Валаамъ приписанъ къ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, но съ 1720 года получилъ самостоятельное существованіе.

Отстроенный монастырь еще разъ сгорѣлъ въ 1754 году; на мѣстѣ сгорѣвшихъ поставлены, опять-таки деревянныя, церкви, зданія и стѣна, о которыхъ въ 1785 году тогдашній путешественникъ академикъ Озерецковскій свидѣтельствуетъ, что хотя мѣстоположеніе монастыря красиво и, можно сказать, величественно, но монастырское строеніе нимало ему не соотвѣтствуетъ, такъ какъ оно обветшало. Въ томъ же году утвержденъ общій планъ построекъ каменныхъ, составленный строителемъ Назаріемъ, впослѣдствіи игуменомъ, вызваннымъ изъ Саровской пустыни по настоятельному требованію митрополита Гавріила, писавшаго о немъ въ Саровскую пустынь: «у меня много своихъ умниковъ, пришлите мнѣ вашего глупца». Митрополитъ не ошибся въ этомъ «глупцѣ», и съ 1811 года обитель стояла готовою вся въ новомъ каменномъ одѣяніи. Слѣдуетъ упомянуть, что императоръ Павелъ I особенно щедро одарилъ ее въ 1797 году доходными статьями рыбныхъ ловлей и покосовъ и мельницей, составляющими и теперь существенный доходъ монастыря. За время управленія игумена Назарія удаленъ былъ съ острова въ городъ Сердоболь послѣдній слѣдъ свѣтской жизни — ярмарка, бывшая на Валаамѣ много лѣтъ, и весь онъ отдался исключительно духовной жизни и подвижничеству.

Изъ ближайшаго былого Валаамской обители слѣдуетъ упомянуть о томъ, что когда на Алеутскихъ островахъ образовалась русская торговая компанія, то въ духовную миссію, согласно постановленію синода, поручено отцу Назарію послать своихъ валаамскихъ монаховъ. Въ 1794 году, по повелѣнію Екатерины II, миссія дѣйствительно отправилась и находилась въ пути девять мѣсяцевъ; іеромонахъ Ювеналій погибъ на полуостровѣ Аляскѣ мученическою

смертью, но на островѣ Кадьякѣ дѣло пошло лучше и совершились многія обращенія. Въ 1796 году Екатерина II повелѣла синоду посвятить начальника алеутской миссіи, архимандрита Іоасафа, во епископа кадьякскаго, съ титломъ викарія иркутской епархіи; хиротонисанный въ Иркутскѣ, Іоасафъ на обратномъ пути сѣлъ въ Охотскѣ на компанейскій корабль «Феникъ» и погибъ съ нимъ вмѣстѣ безъ вѣсти въ 1799 году. Въ 1804 году путешественникъ, іеромонахъ Александро-Невской лавры Гедеонъ, засталъ на Кадьякѣ четырехъ валаамскихъ братій; покойный митрополитъ московскій Иннокентій подвизался на Алеутскихъ островахъ съ 1823 года; еще живъ епископъ Іоаннъ, бывшій алеутскій, и миссія, по словамъ его, продолжающаяся и теперь—«одна изъ цвѣтущихъ въ ряду всѣхъ прочихъ нашихъ миссій». Другія событія на Валаамѣ имѣли мѣсто позднѣе. Въ 1819 году игуменомъ Иннокентіемъ получено отъ министра духовныхъ дѣлъ, князя Голицына, увѣдомленіе, что на Валаамъ прибудетъ императоръ Александръ I. Въ непогоду 10 августа, государь на монастырскомъ суднѣ прибылъ изъ Сольмы, послѣ трехъ часовъ пути, поздно вечеромъ. Уже въ два часа пополуночи императоръ стоялъ у заутрени и, пробывъ въ монастырѣ болѣе сутокъ, находился рѣшительно на всѣхъ службахъ церковныхъ, днемъ и ночью. Государемъ обойдена вся обитель, и посѣщены отшельники. По пути изъ монастыря въ Сердоболь, государь пожелалъ, чтобы монахи, его сопровождавшіе, пѣли духовныя пѣсни, что и было исполнено. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ повелѣлъ князю Голицыну, въ знакъ особаго своего расположенія, учредить на Валаамѣ архимандрію, о чемъ говорилъ еще въ самой обители, но, снизойдя на просьбу монаховъ, сонзволилъ: «архимандріи въ обители не уставлять, а быть игуменству, какъ болѣе приличествующему для общежитія уединеннаго монастыря»; взамѣнъ этого, тогда же, въ 1822 году, обитель сдѣлана «первоклассною» и постановлено, чтобы игумены ея впредь были избираемы только изъ братій Валаамскаго монастыря.

Въ 1858 году, 28 іюня, около шести часовъ утра, на пароходахъ «Александръ» и «Стрѣльна» прибыли къ монастырю императоръ Александръ II съ государыней, цесаревичемъ Николаемъ, великими князьями Александромъ, Владиміромъ и Алексѣемъ и великою княгиней Ольгой Николаевной, съ супругомъ ея, наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. Тогдашній генералъ-губернаторъ Финляндіи графъ Бергъ и прочія власти встрѣтили Августѣйшихъ путешественниковъ. Посѣщенія святыни, скитовъ, пустыней и братскаго кладбища слѣдовали одно за другимъ; къ $2^1/_2$ часамъ пополудни осчастливленная братія монастырская проводила высокихъ гостей въ обратный путь, и пароходы отчалили подъ звуки пѣнія: «Спаси, Господи, люди Твоя».

На многочисленныхъ островахъ Валаамскихъ разсѣяны обильно кресты, часовни, скиты, келейки, храмы, и въ центрѣ всего этого надъ широкимъ проливомъ поднимаются стѣны центральный святыни. Собственно монастырскія зданія—это два каменные четыреугольника, помѣщенные одинъ въ другомъ, входъ къ нимъ сквозь Святыя ворота, и надъ ними куполы церкви Петра и Павла; за Святыми воротами открываются другія, ведущія во внутренній дворъ,

въ которомъ расположенъ храмъ Успенія Богородицы; здѣсь же, на этомъ дворѣ, помѣщаются: келья настоятеля, трапеза, ризница, братскія келіи. Во внѣшнемъ четыреугольникѣ расположены: келіи царскія, архивъ, канцелярія, библіотека, больница, при ней церковь Троицы и подъ нею храмъ Живоноснаго Источника Пресвятой Богородицы.

На небольшомъ протяженіи монастырской святыни, вдоль и поперекъ исхоженной стопами цѣлаго сонма выдающихся свѣтилъ монашества, совершаются всѣ главныя священнодѣйствія Валаамской обители. Обитель посѣщается очень большимъ числомъ богомольцевъ, лѣтомъ до 400 человѣкъ въ день, а въ день Петра и Павла количество это достигаетъ 4,000. Въ такіе дни не диво встрѣтить здѣсь, у св. мощей, странниковъ и странницъ, побывавшихъ въ Іерусалимѣ, на Аѳонѣ, въ Соловкахъ, побывавшихъ не разъ; здѣсь же видятся всякіе больные, одержимые, кликуши, чающіе облегченія. Въ такомъ молитвенномъ мѣстѣ, какъ Валаамъ, они, несомнѣнно, чувствуютъ хотя временное облегченіе, и въ монастырѣ приняты всѣ мѣры къ точному, достовѣрному изложенію особыхъ явленій чудотворной силы Божіей.

Всякій, поступающій въ монастырь съ цѣлью остаться въ немъ, отдается подъ руководство старца, чрезъ котораго преемственно и въ полной чистотѣ передаются поступающему всѣ преданія и обычаи монастырскіе. Послѣ испытанія, болѣе или менѣе долгаго, слѣдуетъ постриженіе въ рясу и камилавку. Въ иноческій чинъ постригается братъ въ одной «срачицѣ», покрытый «мантіями иноковъ», и произноситъ обѣты: «дѣвства, нестяжанія и послушанія». Постриженіе въ мантію не можетъ имѣть мѣста ранѣе трехъ лѣтъ послушничества. Высшее—это принятіе схимы, т. е. полное отшельничество, для котораго на островахъ много удобныхъ мѣстъ; оно здѣсь настолько развито, что бывали примѣры иноковъ, подвизавшихся шестьдесятъ лѣтъ и ни разу не бывавшихъ даже на святомъ островѣ. Множество именъ отошедшихъ въ иной міръ схимниковъ значится въ книгахъ монастырскихъ. Переходъ отъ жизни къ смерти въ такихъ случаяхъ едва ли труденъ: три удара въ большой колоколъ оповѣщаютъ братію о томъ, что одинъ изъ нихъ преставился, всѣ единовременно творятъ молитву и, обивъ почившаго мантіей, возложивъ на него «клобукъ — шлемъ надежды спасенія», опускаютъ въ могилу на братскомъ кладбищѣ. Имя усопшаго тотчасъ заносится во всѣ синодики для вѣчнаго поминовенія. Братское кладбище изобилуетъ могилами, изъ которыхъ многія уравнены съ землей всепокоряющимъ временемъ; виднѣется на немъ нѣсколько каменныхъ памятниковъ, крестовъ, насыпей, и всѣ они отѣнены густыми, старыми кленами; имѣются тутъ и двѣ могилы двухъ купчихъ.

Одна изъ каменныхъ гробницъ обращаетъ на себя вниманіе: въ ней, по преданію монастырскому, схороненъ бывшій король шведскій Магнусъ, много воевавшій съ Россіей и, наконецъ, прибитый бурей къ Валааму въ 1371 году, постригшійся здѣсь въ монахи и скончавшійся по принятіи схимы. Мѣстное монашество утверждаетъ, что будто нельзя «выдумать могилы»; между тѣмъ, историческіе факты доказываютъ возможность этого. Замѣчательно, что Карамзинъ въ своей исторіи только дважды упоминаетъ о Валаамѣ, тогда какъ, по

общему строю его богатыхъ сказаній, по тому вниманію, съ которымъ онъ пользовался лѣтописями, ему объ этой обители слѣдовало бы сказать больше, чѣмъ сказано. Преданіе о могилѣ Магнуса называетъ онъ прямо «сказкой», имѣющейся во многихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ приведено и апокрифическое «рукописаніе», а именно завѣщаніе Магнуса своимъ преемникамъ, королямъ шведскимъ, о томъ, чтобъ имъ не воевать съ Россіей; настоящій Магнусъ съ ума не сходилъ, былъ дѣйствительно свергнутъ съ престола, освобожденъ своимъ сыномъ и утонулъ въ Готландіи, близъ Бломесгольма. Во всякомъ случаѣ, любопытно знать: чья могила, уже не первый вѣкъ, называется здѣсь Магнусовою? Любопытно знать также и то, кто написалъ на ней длинную стихотворную надпись, кончающуюся такъ:

Потомъ на мѣсто царскія діадимы,
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы,
Поживъ три дня здѣсь скончался,
Былъ въ коронѣ и схимою увѣнчался.

Ризница монастырская и библіотека не заключаютъ въ себѣ особенно древнихъ предметовъ, чѣмъ ясно свидѣтельствуется о тѣхъ тяжелыхъ временахъ, когда братія должна была бѣжать съ острова и унесла съ собой немногое, а остальное погибло. Въ ризницѣ имѣется нѣсколько царскихъ вкладовъ и пожертвованій частныхъ лицъ, между прочимъ, богатые покровы на мощи св. угодниковъ. Въ библіотекѣ, имѣющей болѣе 6,000 томовъ, подлинныхъ царскихъ грамотъ, данныхъ монастырю, тоже нѣтъ, такъ какъ онѣ были представлены въ 1729 году въ государственную вотчинную канцелярію, а есть только копіи. Старѣйшія книги 1620 года: Литургія Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и Преждеосвященная и Евангеліе учительное, того же года. Рукописныхъ книгъ, писанныхъ разнымъ уставомъ, довольно, но рукописей пергаментныхъ и бумажныхъ, съ изображеніями, тоже почти нѣтъ. Синодикъ, присланный Іоанномъ IV въ 1583 году, съ перечисленіемъ именъ убіенныхъ имъ людей, какъ и всѣ его синодики, перечислить всѣхъ не можетъ, такъ ихъ много, и царь проситъ Бога помянуть разомъ всѣхъ, «ихже имена самъ вѣси Владыко»; въ синодикѣ 1718 года имѣются фамиліи многихъ свѣтскихъ лицъ того времени: князья, графы, коменданты и бригадиры; въ синодикѣ 1801 г. перечислено 1,486 родовъ благотворителей.

Вслѣдъ за осмотромъ ризницы путники направились къ мѣсту предстоявшей закладки храма. Чертежъ храма виднѣлся на одномъ изъ столбовъ церкви Успенія, въ которой совершена литургія: храмъ будетъ имѣть пять куполовъ, довольно странной овальной профили, и трехъ-ярусную шатровую колокольню; онъ будетъ длиной въ двадцать пять саженъ, обойдется не смѣтѣ въ сто сорокъ тысячъ рублей, не считая монастырскихъ матеріаловъ *). Соборное служеніе при закладкѣ и въ особенности пѣніе, сопровождавшее его, были очень своеобразны; это пѣніе, столбовымъ, уставнымъ напѣвомъ, не отличается тонкостями хоральнаго, духовнаго пѣнія, которое во многихъ монастыряхъ, какъ, напримѣръ, въ тихвинскихъ, достигаетъ высокаго развитія; оно не

*) Соборъ уже построенъ; см. стр. 368.

лишено, однако, глубокой типичности и, свидѣтельствуя о давно прошедшемъ времени, дѣйствуетъ, съ художественной точки зрѣнія, точно такъ же, какъ древніе, почти утратившіе черты ликовъ, образа. Вся братія и множество пришлаго народа стояли на мѣстѣ возникновенія будущаго храма; священнодѣйствовавшіе обходили со святою водой и кадили вдоль намѣченныхъ очертаній цоколя; въ основаніе одного изъ столбовъ, въ будущемъ алтарѣ, вложена въ камень мѣдная доска съ описаніемъ дня и порядка закладки и опущены въ масло, освященное елеемъ, серебряныя монеты съ изображеніемъ императора Александра III.

Вслѣдъ за закладкой храма путники посѣтили трапезную, полную ликовъ угодниковъ, и завтракали у настоятеля, послѣ чего состоялось посѣщеніе

Валаамъ. Одна изъ дорогъ въ скиты.

нѣсколькихъ острововъ и скитовъ монастырскихъ. Роскошный ясный день способствовалъ очень много художественной красотѣ и безъ того живописныхъ, старательно сохраняемыхъ путемъ большаго труда пустыней и окружающихъ ихъ садовъ и другихъ насажденій. На десятивесельномъ катерѣ, причемъ на веслахъ и рулѣ сидѣли монахи, сопровождаемые настоятелемъ, дававшимъ всѣ необходимыя разъясненія, направились они прежде всего въ скитъ св. Николая, расположенный въ одной верстѣ отъ монастыря, на островѣ, у самаго входа въ монастырскій заливъ съ озера. Красивый храмъ и при немъ скитскій домъ, въ которомъ помѣщается двѣнадцать человѣкъ братіи, расположены на голыхъ скалахъ, значительная часть которыхъ уже скрылась подъ тщательно обработанной землей, принесенной сюда чуть не пригоршнями или добытой изъ

перегноя путемъ долгихъ стараній; на землѣ этой уже размѣстился огородъ, только-что отцвѣли яблони, и еще не отцвѣтала, несмотря на конецъ іюня, сирень. Храмъ совершенно новенькій; иконостасъ въ три яруса—весь залитъ золотомъ, куполъ—восьмигранный шатеръ. Въ скитѣ читается вѣчная псалтирь, причемъ каждому изъ монаховъ, здѣсь живущихъ, приходится отбывать эту обязанность по четыре часа въ сутки. Какой неизсякающій, постоянно растущій потокъ именъ почившихъ людей въ этомъ чтеніи псалтири! Вообще поминовеніе усопшихъ и молитвы о здравіи живущихъ дѣлятся въ монастырѣ на четыре разряда; тѣ, что записаны въ первомъ, поминаются братіей денно и нощно въ трехъ скитахъ и церкви Живоноснаго Источника, такъ что синодикъ и имена умершихъ повторяются въ теченіе сутокъ не менѣе нѣсколь-

Валаамъ. Скитъ Всѣхъ Святыхъ.

кихъ десятковъ разъ. «Христосъ посреди насъ», говоритъ на Валаамѣ при встрѣчѣ старшій младшему, «и есть и будетъ», отвѣчаетъ младшій, и это присутствіе вѣчной молитвы, какъ на словахъ, такъ и въ изображеніяхъ, слышится и видится здѣсь на каждомъ шагу.

Проѣхавъ на катерѣ по заливу обратно и повернувъ въ проливъ, находящійся почти противъ самаго монастыря, путники сдѣлали прогулку вдоль нѣсколькихъ островковъ и сошли на берегъ на одномъ изъ нихъ на богатый лугъ, весь покрытый парчей роскошнѣйшихъ полевыхъ цвѣтовъ; по ту сторону воды виднѣлся небѣленый, кирпичной кладки, скотный дворъ. Отсюда въ монастырскомъ экипажѣ, по превосходнымъ дорогамъ, черезъ многіе мостики, соединяющіе острова, проѣхали они въ скитъ Всѣхъ Святыхъ. Много встрѣ-

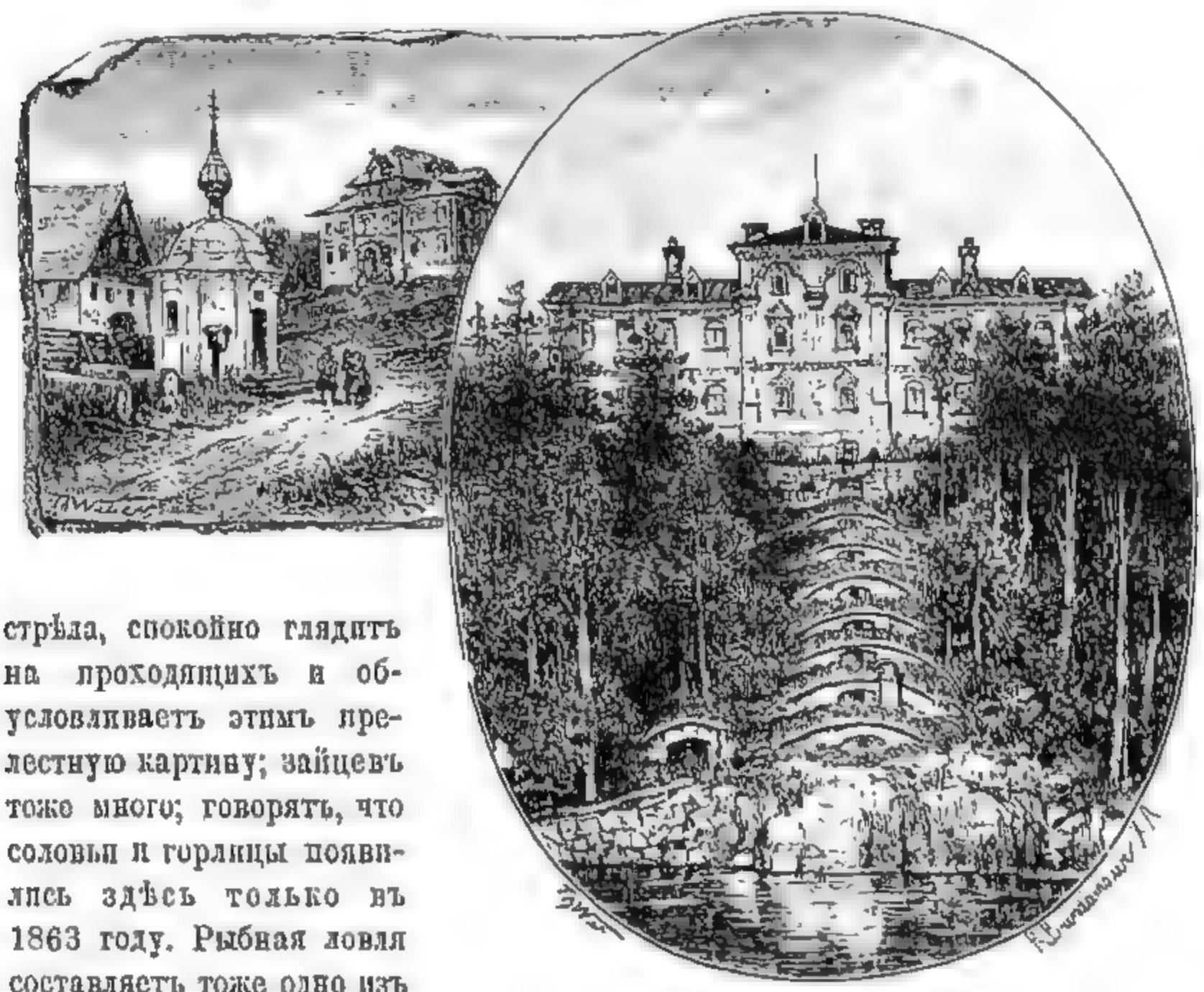
чалось по пути богомольцевъ, пользовавшихся между богослуженіями свободнымъ временемъ для ознакомленія съ островами, ими посѣщенными. День стоялъ роскошный, теплый, и богомольцевъ этихъ разсѣяно было много. Сытыя и бойкія монастырскія лошадки не замедлили доставить ихъ къ скиту, расположенному въ глубокой листвѣ древняго лѣса. При входѣ въ храмъ встрѣтились тѣ два схимонаха, что стояли подлѣ раки во время литургіи. Церковь только отдѣлывается, и внутренность ея занята лѣсами; стѣны и куполъ расписываетъ монахъ, бывшій ученикъ фигурнаго класса академіи художествъ, живущій здѣсь съ 1873 года; особенно хорошо удается ему изображеніе всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ въ куполѣ. Послѣ посѣщенія игуменской кельи, въ которой имѣются хорошія изображенія двухъ выдающихся настоятелей Валаама, Назарія и Дамаскина, путники посѣтили замѣчательную пустынь послѣдняго изъ нихъ.

Еще очень немного лѣтъ тому назадъ на этомъ мѣстѣ стояла бревенчатая хижина, въ которую уединялся Дамаскинъ, и росъ нехоленый дикій лѣсъ; теперь это одинъ изъ роскошнѣйшихъ уголковъ всѣхъ нашихъ монастырскихъ обителей безъ исключенія, тщательно взлелѣянный и украшенный всѣмъ искусствомъ современнаго зодчаго и садовода. Прелестный садъ, въ которомъ давно уже укрѣпились и красиво растутъ кедры съ ихъ острою, мягкою зеленью, окружаетъ новенькую церковь, красивыя ворота, звонницу и могилу настоятеля Дамаскина, умершаго въ 1881 году, на 86 году отъ рожденія. Превосходный гранитъ, покрывающій мѣсто его упокоенія, тесанъ братіей, и ею же планированъ и разбитъ садъ. Чѣмъ было еще недавно это мѣсто, видно изъ близкой отъ него, но сохранившейся въ прежнемъ бревенчатомъ видѣ пустыни и деревяннаго при ней памятника-колоды схимонаха Николая. Сравненіе этихъ двухъ мѣстъ свидѣтельствуетъ съ полною наглядностью о томъ, что можетъ сдѣлать искусство въ рукахъ людей опытныхъ и во имя доброй любви. Этимъ посѣщеніемъ окончилось обозрѣніе Валаамскихъ острововъ.

Въ заключеніе нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній. По штату, въ монастырѣ полагается 84 монашествующихъ; въ дѣйствительности — іеромонаховъ 15, іеродіаконовъ 10, монаховъ 106, послушниковъ 40 и вольныхъ 180 человѣкъ, схимонаховъ 6, іеросхимонахъ одинъ. Въ зданіи для рабочихъ имѣется помѣщеніе на сто человѣкъ, конюшня на шестьдесятъ лошадей; доброю памятью нынѣшняго настоятеля Іонафана и предшествовавшаго ему Дамаскина остается красивое зданіе водокачальни съ двумя баками, доставляющей въ день двѣ тысячи ведеръ и этимъ упразднившей великій трудъ тасканья воды на монастырскую гору; паровикъ—въ десять силъ. Монастырь имѣетъ много мастерскихъ: столярную, слесарную, живописную, позолотную, рѣзную, швейную, сапожную, малярную, гончарную. Трапезы для неимущихъ въ лѣтнее время не пустуютъ; женщины обѣдаютъ въ гостинницѣ для бѣдныхъ, расположенной подъ горой, а мужчины—въ монастырѣ. Въ огромномъ зданіи, назначенномъ для богомольцевъ другихъ классовъ, болѣе состоятельныхъ, отдѣльныхъ нумеровъ сто двадцать четыре, и прибывшихъ на молитву монастырь снабжаетъ пищей и питьемъ съ

братской трапезы, не требуя за это никакого вознагражденія; при отъѣздѣ каждый изъ гостей, если пожелаетъ, можетъ положить свою ленту на тарелку, которую держитъ стоящій у выхода монахъ. Великимъ лишеніемъ для многихъ является то, что куреніе табаку на Валаамѣ безусловно запрещено.

Нѣтъ другого мѣста на Руси, кромѣ Соловокъ, которое, подобно Валааму, было бы создано для монастырской жизни, для уединенія. Можно представить себѣ, чѣмъ было оно до 1843 года, до открытія пароходства. Трудами монаховъ воздѣланы въ обители, изъ обращенныхъ въ землю искрошившихся скалъ, богатые огороды, насажены фруктовые сады, проложены дороги. Не диво встрѣтить въ лѣсу оленя, оставшагося здѣсь съ зимы, который, не слыхавъ выстрѣла, спокойно глядитъ на проходящихъ и обусловливаетъ этимъ прелестную картину; зайцевъ тоже много; говорятъ, что соловьи и горлицы появились здѣсь только въ 1863 году. Рыбная ловля составляетъ тоже одно изъ необходимыхъ подспорій: рыбъ много и особенно вкусенъ сигъ, называемый «валаамка». Отапливаютъ монастырь въ теченіе десяти мѣсяцевъ въ году и теплую одежду сбрасываютъ рѣдко, а зимній путь къ материку возможенъ не во всякую зиму, такъ какъ озеро слишкомъ бурливо и вѣтры мѣшаютъ срастанію льдовъ. Въ долгую зиму Валаамъ — это обиталище темноты, льдовъ и снѣговъ; это цвѣтникъ самыхъ богатыхъ полевыхъ цвѣтовъ въ короткое лѣтнее время; маленькія лужайки, кое-гдѣ просвѣчивающія между деревьевъ и скалъ, пестрѣютъ колокольчиками, верониками, и между ними нерѣдко возвышается граціозная «чортова лапа», по имени своему острову Валааму вовсе не приличествующая.



Валаамъ.

Зданіе водопровода и мастерскихъ.

Спустя недолгое время по отбытіи пароходовъ въ озеро, на высотѣ Коневецкаго монастыря, посредп озера, термометръ показывалъ уже 10° тепла, при приближеніи къ Шлиссельбургу, ночью, было совершенно тепло. Не удивительно при этомъ странномъ климатическомъ условіи, что на Валаамѣ еще цвѣла сирень, а отапливаютъ монастырскія зданія въ теченіе десяти мѣсяцевъ. Окруженная вѣчно холодной волной Ладожскаго озера, почти не знающей, что значитъ полная тишина въ воздухѣ, обитель, даже при полной ясности іюльскихъ дней, не вѣдаетъ ни жары. ни духоты.

Къ девяти часамъ утра 1 іюля путники находились на пристани въ Петербургѣ. Переѣздъ по Ладожскому озеру и на этотъ разъ, несмотря на дурное показаніе барометра и штурмовые конусы, путешественники совершили вполнѣ благополучно, какъ это уже бывало и прежде.

Маріинская система. Валаамъ и Обонежье за послѣднее десятилѣтіе.

I.

Маріинская система.

Пересозданіе Маріинской системы — великій памятникъ царствованія Императоровъ Александра III и Николая II.

Начало всѣхъ произведенныхъ работъ, слѣдуя отъ Рыбинска къ сѣверу—у впаденія рѣки Мяксы: здѣсь снята мель Медвѣдь; это наименованіе мели одно изъ излюбленныхъ въ Россіи и встрѣчается, какъ и Черныя рѣчки, на Днѣпрѣ, на обѣихъ Двинахъ, Волгѣ, Сухонѣ и пр. Одно изъ красивыхъ мѣстъ въ этой части пути и одна изъ самыхъ крупныхъ работъ, это —перекопъ Луковицкой, длиною въ 791 сажень, сократившій путь на 7 верстъ. Работы огромной трудности, помимо ихъ сложности, характерны еще и тѣми двумя отличительными чертами, что: 1) произведенные расходы почти не превзошли смѣтнаго назначенія въ 12.500,000 руб. и 2) что работы окончены къ указанному сроку. Почитатели сѣдой древности могутъ быть даже огорчены, потому что работы эти, по размѣрамъ, стоятъ египетской пирамиды, съ тою разницею, что онѣ произведены на народную нужду и будутъ служить ежедневно и ежечасно на облегченіе великихъ задачъ. Чудовищно великъ районъ произведенныхъ работъ—650 верстъ; такихъ протяженій не бывало нигдѣ; и работы исполнены исключительно русскими инженерами. Работало ежедневно не-

рѣдко до 15,000 рабочихъ и до 8,000 лошадей, привлечена была и паровая сила и устраивались временные желѣзные пути; тутъ же примѣнялись впервые въ Россіи новые способы тунельныхъ работъ и пр. Великою заслугою строителя было и то, что имъ исполнена одна изъ труднѣйшихъ предложенныхъ ему задачъ—переустраивать путь, не препятствуя судоходству. Во исполненіе этого 50—60% работъ производилось зимою; всѣ каменныя шли лѣтомъ, и что доводилось до конца, то пускалось немедленно въ ходъ, такъ что нѣкоторыя изъ обновленныхъ частей пути работаютъ уже около пяти лѣтъ, и навигація, за всѣ девять лѣтъ работъ, не открывалась позднѣе 15-го мая и продолжалась до 15-го октября.

Извѣстно, что Маріинскій путь, въ которомъ однихъ только каналовъ 284 версты, соединяющій Балтику съ Каспіемъ, совершенно различенъ въ своихъ двухъ частяхъ: между Бѣлымъ озеромъ и Волгою тянется длинная часть, очень пологая—это бассейнъ южный, а другая, очень крутая, между Бѣлымъ озеромъ и рѣкою Вытегрою, это склонъ сѣверный, испещренный въ верхней части своей шлюзами. Вся длина пути между Рыбинскомъ и С.-Петербургомъ—1,078 верстъ, и наибольшая высота надъ уровнемъ моря, между шлюзами св. Петра и св. Александра, между озерами Ковжскимъ и Матко-озеро,—55,87 сажени. Запасы урегулированной воды въ настоящее время очень велики, потому что, несмотря на сравнительно сухое лѣто, при совершенно удобномъ проходѣ судовъ, огромный запасъ ея въ 12.000,000 куб. саженъ Ковжскаго озера еще не тронутъ и до сихъ поръ.

Русскіе неторговые люди, очень мало путешествующіе по нашимъ внутреннимъ воднымъ путямъ и поэтому мало ими интересующіеся, едва ли могутъ представить себѣ то значеніе, которое имѣютъ эти пути, какъ перевозочная сила. Достаточно указать на то, что каждая волжская баржа вмѣщаетъ въ себѣ грузъ, перевозимый 3—4 полными поѣздами желѣзной дороги, каждый въ 30 вагоновъ, а работа Волги въ теченіе одной навигаціи, выраженная въ пудоверстахъ, приблизительно равняется половинѣ годовой работы всей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ настоящее время, при томъ условіи, что постройкѣ желѣзныхъ дорогъ отведено первенствующее мѣсто, особенно отрадно появленіе и введеніе въ нашу экономическую жизнь такого мощнаго искусственнаго водянаго пути, какъ обновленная Маріинская система. Если желѣзныя дороги, по присущимъ имъ качествамъ, наиболѣе соотвѣтствуютъ успѣшному развитію фабричной и горно-металлургической промышленности, способствуя ея росту при помощи ускоренія оборота вложенныхъ въ нее капиталовъ, то водяныя сообщенія представляютъ собою неоспоримо наилучшій и наиболѣе соотвѣтствующій путь для передвиженія громоздкихъ малоцѣнныхъ и, по естественнымъ своимъ свойствамъ производимыхъ лишь одинъ разъ въ годъ, сырыхъ продуктовъ промышленности сельско-хозяйственной, наиболѣе распространенной на пространствѣ Русской Земли. Не подлежитъ сомнѣнію, что успѣшное окончаніе и благотворные результаты эксплуатаціи улучшенной Маріинской системы явятся новой эрой въ исторіи нашихъ внутреннихъ водныхъ путей и призовутъ къ

производительной работѣ на пользу и славу нашей дорогой родины могучую силу праздно утекающей воды нашихъ, доселѣ большею частью заброшенныхъ рѣчекъ и рѣкъ.

Для болѣе яснаго уразумѣнія всей цѣнности законченныхъ на Маріинскомъ пути работъ необходимо вспомнить нѣкоторыя историческія данныя и привести рядъ цифровыхъ, хотя и скучныхъ, но очень важныхъ. Императоръ Александръ III, въ своихъ отеческихъ заботахъ о водяныхъ путяхъ Имперіи, рѣшился на коренное переустройство Маріинскаго водяного пути, соотвѣтственно современнымъ потребностямъ судоходства, для прохода этимъ путемъ въ меженныя воды судовъ ёмкостью около 40,000 пудовъ. Соотвѣтственно этой ёмкости, размѣры судовъ были предположены: длина 30 саж., ширина 4½ саж. и осадка до 10 четвертей аршина. Къ работамъ было приступлено въ концѣ октября 1890 года, и срокъ ихъ окончанія былъ предположенъ къ навигаціи 1896-го года, что̀ и исполнено. Завершенное теперь съ указанною цѣлью переустройство Маріинскаго пути составляетъ такое улучшеніе его, которое является существеннѣйшимъ звеномъ въ длинной цѣпи послѣдовательныхъ улучшеній системы.

Геніальный преобразователь Россіи, Великій Петръ, въ своихъ неустанныхъ заботахъ о соединеніи основанной имъ столицы водяными путями съ Волгой, призналъ необходимымъ устройство Маріинскаго пути. Въ 1711 году онъ лично посѣтилъ водораздѣлъ рѣкъ Вытегры и Ковжи, провелъ нѣсколько дней въ этой ненаселенной мѣстности въ шалашѣ и избралъ направленіе канала для ихъ соединенія. Начало осуществленія мысли Петра послѣдовало, однако, только въ царствованіе императора Павла. Къ работамъ по прорытію канала на водораздѣлѣ приступлено въ 1799 году, на средства, предоставленныя супругою его императрицею Маріею Ѳеодоровною, почему каналъ этотъ, повелѣніемъ императора Александра I, въ царствованіе котораго онъ былъ довершенъ, именованъ Маріинскимъ; впослѣдствіи и всему пути было присвоено наименованіе Маріинскаго.

Въ 1810 году Маріинскій путь открытъ для прохода судовъ ёмкостью около 10,000 пудовъ и въ первоначальномъ видѣ представлялъ огромныя трудности судоходству, особенно при слѣдованіи судовъ озерами: Бѣлымъ и Онежскимъ, проходъ по которымъ на доморощенныхъ судахъ въ неблагопріятную погоду былъ совершенно невозможенъ. Въ царствованіе императора Александра I прорытъ каналъ протяженіемъ около 18 верстъ, въ обходъ наиболѣе бурной части Онежскаго озера; работы начаты въ 1818, окончены въ 1822 году. Въ царствованіе императора Николая I, въ періодъ времени съ 1843 по 1852 годъ, прорыты каналы: Бѣлозерскій, въ обходъ Бѣлаго озера, и Онежскій, въ обходъ остальной части Онежскаго озера. Наименованія, присвоенныя въ тѣ дни тремъ шлюзамъ Бѣлозерскаго канала: «Безопасность», «Удобство» и «Польза»—указываютъ на значеніе канала, сооруженнаго въ обходъ Бѣлаго озера.

Съ устройствомъ этихъ обходныхъ каналовъ передвиженіе грузовъ Маріинскимъ путемъ достигло такихъ размѣровъ, что провозоспособность пути въ

30 милл. уже не могла удовлетворять потребностямъ судоходства, и въ царствованіе императора Александра II, въ періодъ времени съ 1858 по 1862 г., путь былъ приспособленъ, главнымъ образомъ посредствомъ удлиненія шлюзовъ и отчасти спрямленія крутыхъ изгибовъ фарватера, для прохода судовъ ёмкостью около 18.000 пудовъ; провозоспособность пути увеличена до 60 милл. пудовъ.

Въ это же царствованіе, для удобствъ слѣдованія судовъ увеличенныхъ размѣровъ по каналамъ въ обходъ Ладожскаго озера, прорытъ, съ 1861 по 1866 г., открытый каналъ Императора Александра II, сооруженный параллельно шлюзованному каналу Императора Петра I (прорытому въ періодъ времени съ 1719 по 1731 г.) и приступлено, въ 1878 году, къ работамъ по прорытію каналовъ Императрицы Маріи Оеодоровны и Императора Александра III, сооруженныхъ параллельно каналамъ: Сясьскому (прорытому въ періодъ времени 1766—1802 г.) и Свирскому (прорытому въ періодъ времени 1802—1810 г.).

Эта вторая параллель каналовъ окончена въ 1882 году. Кромѣ того, вслѣдъ за улучшеніемъ, хотя и незначительнымъ, порожистыхъ частей рѣкъ Шексны и Свири, въ 1863 году началась паровая тяга на рѣкѣ Шекснѣ, а въ 1867 и на рѣкѣ Свири. Съ сокращеніемъ времени слѣдованія судовъ Мариинскимъ путемъ, вслѣдствіе введенія паровой тяги на рѣкахъ Шекснѣ и Свири и удобства слѣдованія по приладожскимъ каналамъ, количество грузовъ, отправляемыхъ съ Волги въ С.-Петербургъ, значительно увеличилось, такъ что водораздѣлъ пути съ искусственнымъ для его питанія водопроводомъ изъ Ковжскаго озера и множествомъ шлюзовъ для его перехода не могъ болѣе удовлетворять потребностямъ судоходства. Въ царствованіе Императора Александра III, въ періодъ времени съ 1882 по 1886 годъ, водораздѣлъ пути былъ понижен на $4{,}_{32}$ сажени, почему для его перехода, вмѣсто 11 камеръ шлюзовъ, потребовались только 2 камеры и спрямленъ фарватеръ прилегающихъ къ нему частей рѣкъ Вытегры и Ковжи. По исполненіи поименованныхъ улучшеній, грузовое движеніе приняло такіе размѣры, что провозоспособность пути въ 60.000,000 пудовъ опять-таки не могла удовлетворить развивавшимся потребностямъ судоходства.

Въ виду этого обстоятельства, съ одной стороны, а съ другой вслѣдствіе того, что изъ-года-въ-годъ значительный размѣръ непроизводительныхъ расходовъ при слѣдованіи грузовъ порожистою частью рѣки Шексны, по причинѣ мелководья, быстроты теченія и извилистости фарватера, служилъ самымъ главнымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему удешевленію стоимости доставки, и что сооруженія пути, возведенныя въ 1858—1862 годахъ, пришли въ ветхость и требовали для ихъ капитальнаго возобновленія милліонныхъ затратъ, состоялось повелѣніе Императора Александра III, завершившееся торжествомъ открытія обновленнаго пути 15-го іюня. Къ работамъ по коренному переустройству Мариинскаго пути приступлено въ 1890 году въ цѣляхъ: 1) доведенія его навигаціонной провозоспособности до 120 милл. пуд., приспособивъ его къ проходу судовъ вмѣстимостью около 40,000 пуд.; 2) удешевленія стоимости провоза, и 3) обезпеченія грузамъ срочной доставки.

Эти работы въ настоящее время исполнены; осталось только закончить

немногое по углубленію приладожскихъ каналовъ, что не препятствуетъ, однако, проходу съ Волги до С.-Петербурга судовъ предположенныхъ размѣровъ съ осадкою по состоянію уровня воды въ свободныхъ частяхъ пути.

Изъ этого краткаго историческаго очерка видно, что Маріинскій путь, начавъ свое существованіе въ 1810 году, когда въ Имперіи водяные пути играли, за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, первенствующую роль для передвиженія разнаго рода грузовъ, то и дѣло совершенствовался,—но только заботамъ Императора Александра III обязанъ онъ своимъ окончательнымъ переустройствомъ. Развивая провозоспособность до 120.000,000 пудовъ, онъ представляетъ теперь для грузовъ громоздкихъ и малоцѣнныхъ, которыми изобилуетъ Поволжье и Сибирь, самый удобный и дешевый путь. Вполнѣ осуществимая, за произведенными работами, краткосрочность доставки грузовъ, при указанныхъ выше качествахъ, дѣлаетъ его самымъ надежнымъ регуляторомъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ для земледѣльческихъ продуктовъ Поволжья.

Всѣ главныя работы по переустройству пути сосредоточивались въ вытегорскомъ округѣ путей сообщенія. Въ предѣлахъ его онъ имѣлъ 31 шлюзъ, съ 39-ю камерами; по окончаніи переустройства имѣются 38 шлюзовъ съ 38 камерами.

На рѣкѣ Шекснѣ сооружено четыре каменныхъ съ облицовкою гранитомъ шлюза съ разборчатыми при нихъ, системы Ноаре, каменными плотинами и металлическими фермами. Изъ этихъ четырехъ шлюзовъ три расположены въ порожистой части рѣки Шексны, которая, до ея шлюзованія, вслѣдствіе мелководья, быстроты теченія и извилистости фарватера, представляла огромныя затрудненія судоходству, ежегодно сопровождавшіяся непроизводительными расходами на тягу судовъ въ сотняхъ тысячъ рублей, а въ годы мелководные эти расходы простирались до 2-хъ и болѣе милліоновъ. Въ настоящее время, съ устройствомъ трехъ шлюзовъ, длиною каждый въ $^1/_3$ версты (самой значительной на всемъ земномъ шарѣ), всѣ поименованныя выше препятствія устранены. Четвертый шлюзъ, длиною около 50-ти саженъ, съ плотиною, устроенъ въ самомъ истокѣ рѣки Шексны изъ Бѣлаго озера, съ цѣлью образовать изъ этого озера искусственное водохранилище и для равномѣрнаго питанія рѣки Шексны, а также для свободнаго слѣдованія озеромъ.

Эти четыре новыхъ сооруженія будутъ носить отнынѣ нижеслѣдующія наименованія. Первый, слѣдуя съ Волги, шлюзъ съ плотиною, расположенный въ порогѣ Черная Гряда, наименованъ «шлюзомъ Императора Николая II». Второй, слѣдуя тому же направленію, шлюзъ съ плотиною, расположенный въ Иловицкомъ порогѣ, — «шлюзомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны». Третій шлюзъ, слѣдуя тому же направленію, расположенный въ порогѣ Топорня, будетъ именоваться «шлюзомъ Императора Александра III». Четвертый шлюзъ съ плотиною, расположенный въ истокѣ рѣки Шексны, будетъ называться «шлюзомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны». Одинъ изъ трехъ новыхъ шлюзовъ, построенныхъ въ величественномъ Девятинскомъ перекопѣ, названъ въ память посѣщенія Маріинской системы Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ—«шлюзомъ св. Владиміра».

О значительности работъ, исполненныхъ для вышеописаннаго переустройства Маріинской системы, можно судить изъ слѣдующаго краткаго перечня:

Вынуто грунтовъ	744,895,30	куб. саж.
Устроено насыпей и дамбъ	38,426,02	куб. саж.
Спланировано откосовъ	855,080,62	кв. саж.
Одерновано откосовъ	138,710,76	кв. саж.
Устроено перекоповъ	42	
Устроено срѣзокъ	60	
Устроено бечевниковъ	188	вер. 208 саж.
Построено шлюзовъ каменныхъ	4	
Построено шлюзовъ деревянныхъ	34	
Построено плотинъ каменныхъ	4	
Построено плотинъ деревянныхъ	4	
Построено выправительныхъ сооруженій	6,639	пог. саж.
Построено мостовъ съ разводными и подъемными частями	3	
Построено бечевыхъ мостовъ	816,65	пог. саж.
Устроено телефонной линіи	188	верстъ.

Стоимость работъ по переустройству Маріинскаго воднаго пути въ предѣлахъ вытегорскаго округа путей сообщенія составляетъ около 11.200,000 руб. Въ эту сумму не входитъ стоимость работъ, произведенныхъ на рѣкѣ Свири и Онежскомъ каналѣ, составляющая около 1.200,000 руб. и израсходованная на работы изъ средствъ, отпускавшихся правленію вытегорскаго округа на капитальный ремонтъ водяныхъ сообщеній.

Общая длина всѣхъ сдѣланныхъ перекоповъ—около 20 верстъ. Важнѣйшіе изъ перекоповъ: № 1, на рѣкѣ Вытегрѣ, у села Девятинъ, длиною 437,75 саж., устроенный въ каменистомъ грунтѣ, съ заложеніемъ дна на глубинѣ 11,91 саж., и Луковицкій перекопъ, на рѣкѣ Шекснѣ, длиною 791 саж., сокращающій длину пути на 7 верстъ. Въ общемъ количествѣ 744,895,30 куб. саж. вынутой земли заключается около 114,000 куб. саж. принадлежащей къ почвамъ каменистымъ. Длина каменнаго шлюза въ истокѣ рѣки Шексны между створами воротъ—45,30 саж. Длина деревянныхъ шлюзовъ между створами воротъ—38,45 саж. Длина каменныхъ шлюзовъ въ порожистой части рѣки Шексны между створами воротъ — 159,10 саж. Къ работамъ приступлено 28-го октября 1890 года; окончены онѣ къ 1-му мая 1896 года.

Въ ночь съ 13-го на 14-е іюня 1896 г., пароходъ «Ярославль», на которомъ ѣхали путешественники, поднимался по Шекснѣ, не переставая омывать крутою волною высокіе бока баржъ, барокъ, лодокъ и полулодокъ, причаленныхъ къ берегамъ; ночь была такъ тиха, что съ обоихъ бортовъ парохода ясно слышался скринъ дергачей-коростелей, скрывавшихся въ луговыхъ травахъ; комаровъ имѣлось достаточно въ ночи, но никакъ не болѣе, чѣмъ надоѣдливыхъ слѣпней днемъ, нестерпимо досаждающихъ своею безпримѣрною назойливостью; по сторонамъ видѣлись иногда собранныя въ кучи бечевыя лошади, безостановочно махавшія хвостами и окуриваемыя можжевельникомъ, что̀, несомнѣнно, доставляетъ нѣкоторое облегченіе бѣднымъ животнымъ.

Утромъ путешественники сошли на пристани недалекаго отъ берега Леу-

шинскаго женскаго монастыря, гдѣ было совершено молитвословіе. Дѣятельность монастыря посвящена, главнымъ образомъ, образовательнымъ цѣлямъ. Въ монастырѣ обучаются крестьянскія дѣвочки сосѣднихъ деревень и учрежденъ пансіонъ для желающихъ получить среднее образованіе. Игумення, мать Таисія, бывшая воспитанница Павловскаго института, сумѣла привлечь въ свой монастырь нѣсколькихъ лицъ, также получившихъ высшее женское образованіе, и такъ правильно и серьезно поставила дѣло воспитанія и образованія въ своей обители, что къ ней стали отдавать своихъ дочерей мѣстные купцы и помѣщики и начали поступать дочери семействъ изъ ближайшихъ губерній; понемногу, отдаленный монастырь, стоящій въ лѣсахъ и дебряхъ глухого края, сталъ источникомъ просвѣщенія для близкихъ и дальнихъ мѣстъ и воспитываетъ будущихъ женъ и матерей въ духѣ истиннаго благочестія и познаній не только научныхъ, но и необходимыхъ для домоводства, сельскаго хозяйства, рукодѣлій и т. д. Почтенная игумення, спокойно и твердо служащая столь благому дѣлу, пользуется въ краѣ глубокимъ уваженіемъ и всеобщею любовью.

Передъ прибытіемъ въ Череповецъ, на палубѣ парохода «Ярославль», начальникомъ вытегорскаго округа, А. П. Звягинцевымъ, былъ сдѣланъ весьма обстоятельный и любопытный докладъ о ходѣ завершившихся работъ и о нынѣшнемъ положеніи Маріинскаго пути. На столѣ были разложены три изготовленныя ко дню открытія таблицы: карта Маріинскаго воднаго пути, таблицы сравнительныхъ продольныхъ профилей и таблицы движенія грузовъ по Маріинскому, Тихвинскому и Вышневолоцкому путямъ. Мастерски составленныя таблицы и карта могутъ замѣнить цѣлую книгу; такъ онѣ наглядны, такъ богаты цифровыми и графическими данными. На нихъ изображено въ линіяхъ и цифрахъ состояніе Маріинскаго воднаго пути въ 1810 году (для судовъ вмѣстимостью въ 10 тысячъ пудовъ), въ 1852, въ 1862 (для судовъ въ 18 тысячъ пудовъ), въ 1886 и, наконецъ, въ 1896 г. (для судовъ вмѣстимостью 40,000 пуд.).

Нижеслѣдующія данныя, взятыя изъ таблицъ, изображаютъ полностью возрастаніе Маріинскаго пути, совершавшееся по годамъ:

	1810.	1852.	1862.	1886.	1896.
Пропускная способность суточная	24 пропуска	24	33	33	40
Пропускная способность навигаціонная . .	30 милл. пуд.	30	56	68	120
Время слѣдованія отъ Рыбинска до С.-Петерб.	110 сутокъ	90	50	45	30
		к.	к.	к.	к.
Фрахтъ	25 к. съ пуда	17	14½	11¼	09

Къ этимъ цифрамъ добавлять нечего; слѣдуетъ припомнить, однако, что въ прежніе годы деньги были дороже, а потому достигнутое нынѣ пониженіе фрахтовъ на самомъ дѣлѣ значительнѣе, чѣмъ показываютъ цифры. Кромѣ того, нельзя не признать также еще болѣе значительной экономической выгоды: съ устраненіемъ мелководья судоходство избавлено отъ совершенно непроизводительныхъ затратъ на «паузки», т.-е. перегрузки съ большихъ судовъ на меньшія, выражавшіяся въ сотняхъ тысячъ, а въ годы особенно мелководные— въ милліонахъ рублей.

Сообщеніе, сдѣланное А. П. Звягинцевымъ, было тѣмъ любопытно, что докладчикъ можетъ служить живымъ архивомъ переустройства Маріинскаго пути: онъ посвятилъ этому пути 20 лѣтъ службы, руководилъ составленіемъ проекта переустройства и, наконецъ, осуществилъ его. Чрезвычайная точность въ исполненіи работъ, по основательно выработанному проекту, обусловила то, что работы закончены къ сроку, потребовали весьма небольшого доассигнованія $3^1/_2$% (около 400,000 руб.) и, наконецъ, несмотря на ихъ сложность, трудность, разнообразіе и протяженіе въ 650 верстъ,—исполнены не препятствуя судоходству. Это осуществлено въ Россіи впервые.

Нѣкоторая часть работъ—перекопы, дамбы, шлюзы, бечевники, скрѣпленія береговъ, спрямленіе фарватера—были уже осмотрѣны; на многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде существовали мели, свободно тянулись глубоко сидящія суда. Но самыя характерныя работы оставались еще впереди: это—Черная Гряда съ ея каменнымъ шлюзомъ и капитальный Девятинскій перекопъ.

Въ шестомъ часу вечера обозначились церкви Череповца. Приставъ къ берегу и поднявшись въ гору, путешественники направились въ соборъ, а затѣмъ присутствовали при открытіи дома трудолюбія и посѣтили только-что устроенный музей.

Устроитель музея П. В. Подвысоцкій положилъ на это дѣло не мало труда. Онъ указалъ путешественникамъ на болѣе цѣнные предметы, — на фрески и изразцы, вырытые при послѣднихъ раскопкахъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и приписываемые терему Іоанна Грознаго; на окаменѣлыя голову крота и ногу человѣка и вообще довольно богатый отдѣлъ палеонтологическій, — предметовъ, найденныхъ исключительно въ Череповецкомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ Грытинской горы, самомъ возвышенномъ пунктѣ уѣзда. Интересно древнее било, относящееся къ XVI вѣку, и маленькое ручное мѣдное било, употреблявшееся старшиною Чарангской волости и составляющее историческую рѣдкость, которой не имѣлъ даже губернскій новгородскій музей древностей; имѣются образчики одѣяній Череповецкаго уѣзда; монеты временъ Владиміра Святаго. Любопытенъ отдѣлъ народно-медицинскихъ средствъ, числомъ 200. Музей открытъ 31-го марта 1896 года и привлекъ уже много посѣтителей; въ немъ шесть отдѣловъ, но помѣщеніе слишкомъ тѣсно.

Нельзя не вспомнить, говоря о Череповцѣ, о ближайшемъ времени полезной дѣятельности городского головы И. А. Милютина, которому такъ много обязанъ Череповецъ,—о выдѣлкѣ сельско-хозяйственныхъ орудій, преимущественно плуговъ. Благодаря ихъ дешевизнѣ (5 руб. 50 коп.), эти плуги стали быстро прививаться и въ настоящее время во всѣхъ сѣверныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи замѣнили сохи. Такое улучшеніе въ сельско-хозяйственной культурѣ настолько проникло въ сознаніе крестьянъ, что въ настоящее время плуги сдѣлались даже предметомъ кустарнаго производства и продаются во всѣхъ торговыхъ селахъ Череповецкаго уѣзда; уступая милютинскимъ плугамъ по выдѣлкѣ, они, благодаря дешевизнѣ ихъ на рынкѣ (3 руб. 50 коп.), быстро распространяются въ краѣ, совершенствуя, такимъ образомъ, обработку полей. Заботы Милютина имѣли самыя полезныя послѣдствія: онъ не только сумѣлъ

популяризировать улучшенный способъ культуры полей и поднять ихъ производительность, но и развилъ въ краѣ новый и весьма полезный кустарный промыселъ. Сознаніе пользы, принесенной родному краю, вознаграждаетъ почтеннаго общественнаго дѣятеля за сокращеніе дѣятельности его мастерскихъ.

Торжество открытія движенія по обновленному Маріинскому пути Высочайшею волею возложено было на Великаго Князя Владиміра Александровича. Торжество открытія этого важнаго для всей Россіи пути настолько любопытно, что заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. 15-го іюня 1896 г., въ 10 час. утра, пароходъ «Озерной», на которомъ находился Великій Князь, подошелъ въ Черной Грядѣ и втянулся въ новый, самый большой изъ каменныхъ шлюзовъ, носящій отнынѣ имя шлюза «Императора Николая II», и остановился съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы шелковая лента русскихъ цвѣтовъ, перетянутая поперекъ шлюза, приходилась посрединѣ палубы. Роскошнѣйшій день царилъ надъ Шексною, казавшеюся лазоревою и перерѣзанною, какъ темнымъ поясомъ, плотиною Поаре; многія тысячи людей покрывали всѣ откосы, всѣ уступы, всѣ низины берега. На лѣвомъ, высокомъ берегу, къ которому брошены были причалы, красовался павильонъ, обильно разукрашенный зеленью, съ трепетавшими на легкомъ вѣтрѣ флагами, построенный для торжества; вправо, между плотиною и шлюзомъ, блистали на яркомъ солнцѣ золотыя ризы аналоя, иконъ, крестовъ и одѣяній духовенства, имѣвшаго совершить освященіе. Передъ закрытымъ шлюзомъ, послѣ того, какъ въ него вошелъ «Озерной», видѣлись еще восемь пароходовъ, всѣ расцвѣченные флагами.

Привѣтствуемый радостными кликами, Великій Князь сошелъ на пристань, гдѣ ему представился М. Д. Демидовъ, начальникъ Олонецкой губерніи, въ предѣлы которой предстояло вступить въ скоромъ времени, и были представлены мѣстные чины. Затѣмъ, Великій Князь направился къ аналою. Торжественное молебствіе совершалъ соборнѣ архимандритъ бѣлозерскаго монастыря Кириллъ съ іереями городовъ Череповца и Кириллова. Послѣ молебна и многолѣтія Великій Князь перешелъ на «Озерной» и перерѣзалъ шелковую ленту, открывшую путь ожидавшему движенія каравану, во главѣ съ восемью пароходами, доставившими къ мѣсту освященія приглашенныхъ. Первымъ прошелъ «Озерной», подъ звуки музыки и клики народа. Эта картина была очень внушительна. Любопытно было видѣть, какъ принималъ въ свои каменные бока могучій шлюзъ втягивавшіеся въ него пароходы, и какъ, плавно приподнявъ, передавалъ онъ ихъ для слѣдованія на другую, болѣе высокую часть Шексны. Погода стояла превосходная, порядокъ образцовый, безъ суеты и неожиданностей, и ясно было всѣмъ и каждому, какъ важно событіе, только-что совершившееся на благо необъятной страны и трудящагося народа.

Имѣлись на берегу и непосредственные выразители этихъ чувствъ. Предсѣдатель рыбинскаго биржевого комитета М. Н. Журавлевъ поднесъ Великому Князю отъ имени рыбинскаго биржевого общества хлѣбъ-соль на роскошномъ блюдѣ и съ чувствомъ прочиталъ прекрасно составленный адресъ, полный глубокой правды и вѣрноподданнической признательности Государю Импе-

ратору. Въ адресѣ сказано было, между прочимъ: «Намъ въ высокой степени отрадно, что, по державной волѣ нашего Повелителя, именно Вы, Ваше Высочество, являетесь къ намъ отъ Его драгоцѣннаго Имени, чтобы видѣть нашу радость и нашу гордость по поводу многознаменательнаго для русской торговли и судоходства событія. Вы, Ваше Высочество, неоднократно осчастливливали Маріинскій путь Вашимъ проѣздомъ и горячо сочувствовали великой идеѣ улучшенія его». Въ адресѣ было также выражено пожеланіе, чтобы Великій Князь соблаговолилъ повергнуть выраженныя вѣрноподданническія чувства на благовоззрѣніе Государя Императора. Великому Князю поднесена была также отъ цѣннаго пароходства на Шекснѣ хлѣбъ-соль на большомъ серебряномъ блюдѣ съ большою, украшенною русскими серебряными монетами прежнихъ царствованій, чарою.

Умѣстно будетъ помянуть тутъ о заслугахъ рыбинской биржи по вопросу объ улучшеніи Маріинскаго пути. Рыбинская биржа, съ биржевымъ комитетомъ во главѣ, въ качествѣ учрежденія, призваннаго оказывать содѣйствіе интересамъ биржевого купечества и способствовать развитію рыбинской торговли, давно уже избрала, для осуществленія возложенныхъ на нее задачъ, самое вѣрное средство: стараться улучшить условія судоходства. Многочисленныя энергическія ходатайства комитета передъ правительствомъ имѣли въ результатѣ осуществленіе различныхъ мѣропріятій относительно тяги судовъ, установленія порядка и надзора по движенію каравановъ, улучшенія водныхъ путей и т. д. Сюда относятся, между прочимъ, устройство подможныхъ станцій, улучшеніе бечевниковъ, назначеніе депутацій на Маріинскую систему, организація рѣчной полиціи и противопожарной помощи на судахъ и пристаняхъ, устройство больницы для безплатнаго лѣченія рабочихъ и др. Но главною цѣлью всѣхъ попеченій биржевого комитета являлось всегда улучшеніе собственно Маріинской системы. Заботы комитета первоначально выразились въ нѣкоторыхъ частичныхъ улучшеніяхъ, а затѣмъ постепенно перешли въ цѣлый рядъ ходатайствъ предъ правительствомъ о необходимости коренного переустройства Маріинской системы. Особенно много потрудился въ этомъ М. Н. Журавлевъ, незадолго предъ тѣмъ избранный предсѣдателемъ рыбинскаго биржевого комитета на девятое трехлѣтіе.

Знаменательнымъ днемъ для рыбинской биржи было 6-е іюня 1890 года, когда въ общемъ собраніи, въ присутствіи биржевого комитета и 113 лицъ изъ среды биржевого купечества, предсѣдатель М. Н. Журавлевъ доложилъ о воспослѣдовавшемъ, 17-го апрѣля того же года, Высочайшемъ соизволеніи на коренное переустройство Маріинскаго воднаго пути и на отпускъ $12^1/_2$ милліоновъ руб. на производство работъ. По выслушаніи этого доклада, среди собранія тогда же возникло единодушное, восторженное желаніе повергнуть къ стопамъ Императора Александра III выраженіе благоговѣйныхъ чувствъ признательности за дарованную милость, и немедленно же былъ составленъ всеподданнѣйшій адресъ. Этотъ адресъ рыбинскаго биржевого общества и слова Государя по поводу этого адреса были въ свое время обнародованы въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

По окончаніи молебствія и перерѣза ленты, по древнему русскому обычаю, состоялась въ этой древней русской веси, на берегу, во временномъ павильонѣ, предложенная министерствомъ путей сообщенія трапеза, въ концѣ которой Великій Князь поднялъ бокалъ за драгоцѣнное здравіе Государя Императора. Тостъ покрытъ громкимъ, сердечнѣйшимъ «ура», перешедшимъ подъ звуки гимна изъ павильона въ толпы народа, его окружавшія. За первымъ тостомъ послѣдовали другіе. Тостъ за августѣйшаго гостя, произнесенный министромъ путей сообщенія, вызвалъ громкіе искреннѣйшіе клики. Великій Князь отвѣтилъ тостомъ за министра путей сообщенія и многочисленную семью вѣдомства путей сообщенія, трудами которой завершена замѣчательная работа, имѣющая вызвать безчисленныя благотворныя послѣдствія. Послѣ завтрака Великій Князь обошелъ всѣ шлюзовыя сооруженія, подробно знакомился съ ними и пропустилъ первый караванъ, на пяти баржахъ, съ 150,000 пудовъ хлѣбнаго груза. Караванъ велъ туэръ «Великій Князь Владиміръ». Радостнымъ кликамъ съ береговъ не было конца.

Нельзя не вспомнить, что за столомъ недоставало многихъ лицъ, заслужившихъ благодарность и память. Такъ, отсутствовалъ бывшій министръ путей сообщенія, адмиралъ К. Н. Посьетъ, при которомъ, 16-го января 1890 года, состоялось представленіе въ Государственный Совѣтъ «О коренномъ улучшеніи Маріинскаго воднаго пути»; недоставало бывшаго министра путей сообщенія А. Я. Гюббенета, при которомъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, отъ 17-го апрѣля, о разрѣшеніи кредита и началѣ работъ; не было за столомъ и бывшаго директора департамента шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній П. А. Фадѣева, при которомъ дѣло возникло и начато его осуществленіе. На имя министра путей сообщенія отъ К. Н. Посьета въ этотъ день была получена телеграмма изъ Петербурга, отъ А. Я. Гюббенета—изъ Висбадена. Передъ тѣмъ, чтобы, по завершеніи торжества, направиться въ путь дальше, сдѣлалось извѣстнымъ, что Великій Князь отправилъ къ Государю Императору въ Ильинское телеграмму.

Въ четыре часа пополудни, 15-го іюня, «Озерный» отошелъ отъ Черной Гряды на Иловицы. Приближаясь къ этимъ мѣстамъ великихъ бѣдствій сибирской язвы и другихъ заразъ, само собою приходили на память давно миновавшіе, по счастью, факты. Для того, чтобы сравнить современное положеніе дѣлъ съ тѣмъ, что имѣло мѣсто тридцать лѣтъ тому назадъ, имѣется весьма назидательный источникъ. Свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи Маріинской системы собраны были однимъ изъ членовъ извѣстной экспедиціи по изслѣдованію хлѣбной торговли и производительности Россіи И. Ѳ. Борковскимъ и напечатаны въ 1868 году, въ «Трудахъ экспедиціи», вып. I. Составитель, въ то время молодой человѣкъ, нынѣ завѣдывающій статистическимъ отдѣломъ министерства путей сообщенія, собралъ ихъ и сгруппировалъ очень искусно. Въ тѣ дни еще процвѣтали на Маріинскомъ пути, да и вообще на водныхъ путяхъ,—бурлацкая тяга, котоводки, конная тяга, кабестанный способъ, а пароходы только-что возникали. Это было то малопонятное для насъ время, когда

товары съ нижневолжскихъ пристаней попадали въ Петербургъ только въ двѣ навигаціи, зимовали въ Рыбинскѣ, и только еще возникали доставки въ одну навигацію, какъ нѣчто особенное, какъ радостное нововведеніе. Сибирская язва прочно поселилась на Шекснѣ; въ то время многія тысячи конскихъ труповъ не зарывались или только забрасывались землею, и бѣдная Шексна служила «кладбищемъ падали» и «гнѣздомъ яда», а шекснинскій, лопехонскій, край—«главнымъ центромъ періодически повторявшихся падежей». Караваны останавливались иногда не только по недостатку воды или скопленію судовъ, но также и потому, что испуганные лоцманы уводили уцѣлѣвшихъ отъ заразы лошадей; напримѣръ, въ половинѣ іюля 1867 года, между Рыбинскомъ и Ниловицами, вслѣдствіе отсутствія лошадей, стояло безъ движенія до 1,000 судовъ. До 20,000 лошадей собирались въ Рыбинскѣ для бечевой тяги, но погибало болѣе 50% живыхъ силъ. Шексна находилась почти въ естественномъ ея состояніи и пестрѣла порогами, такъ же какъ и Свирь; не существовало еще и половины озерныхъ каналовъ, дѣйствующихъ теперь, а относительно желѣзной дороги, которая связывала бы Рыбинскъ съ Петербургомъ, имѣлось два проекта: одинъ предполагалъ вести дорогу прямо на Петербургъ, а другой—на какую-нибудь станцію николаевской дороги между Бологое и Тверью. П. О. Борковскій тогда же предсказывалъ, что необходимо органическое улучшеніе водныхъ путей и, въ особенности, Маріинскаго, а рыбинско-бологовская дорога можетъ служить имъ только «дополненіемъ».

Приведенныхъ свѣдѣній вполнѣ достаточно для объясненія той неподдѣльной радости, которая разливалась по сердцамъ рабочаго русскаго люда вдоль крупнѣйшаго изъ нашихъ водныхъ путей, окончательно устроеннаго, и того восторга, съ которымъ всюду встрѣчали августѣйшаго посланца Государева—Великаго Князя Владиміра. «Озерный» подвигался къ Ниловицамъ, къ центру прежнихъ бѣдствій, не могущихъ повториться послѣ того, что̀ сдѣлано теперь.

Черная Гряда, гдѣ совершилось открытіе обновленнаго Маріинскаго пути, расположена на $^3/_4$ длины теченія Шексны, считая отъ Волги; до Бѣлаго озера остается отъ нея $^1/_4$. Здѣсь берега рѣки живописны; впадаютъ питательныя рѣчки Ковжа и Сильма; слѣдуютъ новые: роскошный шлюзъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, устье канала принца Виртембергскаго и шлюзъ Императора Александра III, городъ Кириловъ и старый шлюзъ Безопасность. Сохранилось преданіе, имѣющее слѣды въ дѣлахъ министерства путей сообщенія, объ одной изъ резолюцій графа Клейнмихеля. Во время прорытія Бѣлозерскаго канала, новымъ шлюзамъ даны были наименованія, обозначавшія ихъ качества: «Удобство», «Польза», «Безопасность»; случилось, однако, что затонуло судно. На донесеніи объ этомъ министръ путей сообщенія поставилъ, яко бы, слѣдующую замѣтку: «За такую неудобную Безопасность посадить начальника дистанціи на гауптвахту на двѣ недѣли». Это событіе имѣло мѣсто въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Въ одиннадцатомъ часу вечера, 16-го іюня, пароходъ «Озерной» остановился у пристани Горицкаго монастыря, и Великій Князь посѣтилъ обитель.

Посѣщеніе это по маршруту не значилось, и Великій Князь бывалъ уже въ Горицкой обители; но, такъ какъ на пристани видѣлось духовенство и монахини, съ игуменьей во главѣ, то и приказано было причалить. Великій Князь, проѣхавъ въ монастырь, прослушалъ молитвословіе и, сопровождаемый благословеніями инокинь, вернувшись на пристань, прослѣдовалъ далѣе. Къ полуночи втянулись, оставивъ вправо отъ себя истокъ Шексны изъ Бѣлаго озера и извѣстный, когда-то, посадъ Крохино, въ Бѣлозерскій каналъ. Судьба Крохинскаго посада — судьба всѣхъ временно обогащавшихся, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, поселеній. Когда неустройствъ и безпорядковъ было много и работали тысячи лямочниковъ и лошадей, — въ Крохинѣ закоптрактовывались и тѣ и другія, и тутъ же, при долгихъ зимовкахъ, проживались и пропивались всѣ заработки темнаго люда, оставлявшаго свои семьи голодающими. Кулаки, кабатчики, они же ростовщики, быстро богатѣли и выдавали своихъ разряженныхъ дочерей замужъ съ крупными придаными. Но — sic transit gloria mundi, — и Крохино, оставленное въ сторонѣ отъ главнаго пути, видитъ только во снѣ свое прежнее величіе. А сколько, въ свое время, было ходатайствъ о томъ, чтобы Крохино не обижали, не обходили!

Шексна, во всю длину свою, имѣетъ 406 верстъ; Бѣлозерскій каналъ — 63¼ версты. Трудно представить себѣ болѣе скучное плаваніе, чѣмъ плаваніе по одному изъ нашихъ сѣверныхъ каналовъ. Хотя, если судить по картѣ, каналъ и изгибается параллельно южному берегу озера по длинной дугѣ, но при слѣдованіи вы видите одну только безконечно длинную прямую линію, — нѣчто въ родѣ водянаго Николаевскаго шоссе, — съ низкими болотистыми или луговыми берегами, на которые иногда взбѣгаетъ лѣнивая волна, поднятая пароходомъ.

Около часу ночи «Озерной» миновалъ Бѣлозерскій каналъ и, пройдя шлюзъ «Польза», втянулся въ Ковжу. Ковжа не длиннѣе 67 верстъ, уже Шексны, но красивѣе ея. Подлѣ шлюза Анны былъ пересѣченъ архангельскій трактъ, который, пока-что, до близкаго уже открытія сѣвернаго желѣзнаго пути, все еще достаточно боекъ. Еще немного далѣе, и рѣка Ковжа, текущая на югъ, преобразовывается въ рѣку Вытегру, текущую на сѣверъ. Здѣсь — водораздѣлъ: озеро Ковжское и Матко-озеро, питающія всю Маріинскую систему; здѣсь именно гостилъ когда-то Петръ Великій, и лучезарная, ясновидящая мысль его не померкала въ непроходимыхъ тогда и малозаселенныхъ еще сегодня дебряхъ.

Бывали великіе властители народовъ, но положительно не бывало такого, который, подобно геніальному Петру, одолѣвалъ бы такія ужасныя, душу гнетущія обстановки. И какъ подумаешь, что этотъ вѣнценосецъ могъ бы пользоваться всѣми благами міра, всею роскошью восточной обстановки самодержавнаго властителя! И чего не коснулся онъ, не пошатнулъ въ государственномъ колоссѣ, ввѣренномъ ему Богомъ! «Лишь бы жила Россія» — думалось ему и днемъ, и ночью, и эта безсмертная дума его проникаетъ въ каждаго стоящаго надъ молчаливою гробницею въ Петропавловскомъ соборѣ. Безъ хвастовства можетъ сказать всякій русскій человѣкъ, что нигдѣ и ни въ какія

времена не было такого властителя. Можетъ русскій человѣкъ сказать то же самое, и, опять-таки, вполнѣ по совѣсти, о другомъ «властителѣ нашихъ думъ», въ меньшемъ размѣрѣ, конечно, но тоже самомъ крупнѣйшемъ въ мірѣ, если взять въ разсчетъ то, что̀ сдѣлано Пушкинымъ. Онъ далъ величайшіе образчики по всѣмъ родамъ творчества; великъ и одинокъ Шекспиръ, но онъ не писалъ исторіи и поэмы, великъ Байронъ, но онъ не касался ни романа, ни повѣсти; и все это сдѣлалъ Пушкинъ въ короткую, неожиданно прерванную жизнь, едва достигшую половины жизни великаго Гёте. Двигаться по скучному Бѣлозерскому каналу и имѣть у себя въ запасѣ мысли о Петрѣ и Пушкинѣ—великое и священное право русскаго человѣка.

На утро 17-го іюня Великій Князь обрадовалъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, его сопровождавшихъ, сообщеніемъ отвѣтной телеграммы, полученной изъ Ильинскаго отъ Государя Императора. Телеграмма эта, немедленно разошедшаяся по рукамъ и тутъ же неоднократно переписанная и разосланная во всѣ стороны, была слѣдующаго содержанія:

«Прошу передать всѣмъ мѣстнымъ людямъ Мою благодарность за ихъ добрыя чувства, а также и Мое удовольствіе по поводу окончанія многолѣтнихъ работъ по возрожденію Маріинской системы».

«Николай».

Всеподданнѣйшая телеграмма Великаго Князя была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«По повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, сейчасъ Мною открытъ обновленный Маріинскій водный путь. Всѣ мѣстные люди просятъ Меня повергнуть предъ Вашимъ Величествомъ чувства безпредѣльной признательности за благодѣяніе, оказанное имъ возрожденіемъ системы, возникшей по геніальной мысли Великаго Петра и окончательно благоустроенной державною волею незабвеннаго Родителя Вашего и Вашею, Государь! Осмотрѣнныя работы исполнены основательно. Сопровождавшій Меня министръ путей сообщенія будетъ имѣть счастіе всеподданнѣйше лично доложить о подробностяхъ настоящаго торжества».

Рѣка Вытегра короче Ковжи на 13 верстъ; въ ней всего 54 версты, но зато ея паденіе на сѣверѣ $39{,}_{26}$ саж., и на этомъ именно протяженіи—вся казовая сторона нашей современной путейской гидротехники. На Вытегрѣ 28 однокамерныхъ шлюзовъ, и имѣются мѣста, которыя такъ живописны, что нельзя не пожалѣть о томъ, что наши художники, живописующіе петербургскія болота, не дадутъ себѣ труда проѣхаться сюда. Августѣйшій президентъ Императорской академіи художествъ бывалъ здѣсь не разъ, а художники какъ будто не считаютъ необходимымъ ознакомиться съ природою этой мѣстности.

Роскошнѣйшимъ образчикомъ всѣхъ произведенныхъ работъ является, конечно, Девятинскій перекопъ, къ которому «Озерной» подошелъ около девяти часовъ вечера. Село Девятины и все, что̀ подлѣ него,—красивѣйшее мѣсто всей Маріинской системы, а работы здѣсь произведены самыя внушительныя.

Въ «Изданіи собранія инженеровъ путей сообщенія» помѣщено описаніе всѣхъ девятинскихъ работъ, сообщенное собранію въ декабрѣ 1895 года ближайшимъ устроителемъ ихъ, инженеромъ путей сообщенія І. С. Каннегисеромъ.

Однимъ изъ самыхъ трудныхъ, тѣсныхъ, искривленныхъ и въ то же время самыхъ живописныхъ участковъ, былъ участокъ шлюзованной рѣки Вытегры, между шлюзами св. Андрея и св. Павла. На протяженіи полутора верстъ, рѣка прихотливо извивается среди очень высокихъ береговъ, частью поросшихъ лѣсомъ, частью обнажающихся каменистыми обрывами, весьма неудобныхъ для работъ, полукрѣпкихъ, полуразрушенныхъ известковыхъ породъ. Тутъ же бѣжитъ почтовая дорога, на каждой извилинѣ которой открывается новая панорама, уходящая иногда въ голубоватую даль пологихъ холмовъ, одѣтыхъ зеленью. Въ самой изломанной части ущелья расположены три шлюза: св. Самсонія и два св. Михаила—верхній и нижній, поддерживаемые на всякій случай, но имѣющіе полную надежду отдыхать, такъ какъ вся эта часть рѣки обойдена шлюзованнымъ Девятинскимъ каналомъ, который проведенъ по лѣвому берегу Вытегры, имѣетъ почти прямолинейное направленіе и проходитъ въ сплошной, глубокой, величественной выемкѣ. Длина его—455 саженъ; выемка земли 80,000 куб. саженъ, развезенныхъ теперь по сторонамъ и отчасти завалившихъ сосѣднюю долину. На работы пошло 1½ милліона рабочихъ дней; производились онѣ 5½ лѣтъ, причемъ число рабочихъ, въ среднемъ, держалось на 1,200 человѣкъ въ день, при 500 лошадяхъ и нѣсколькихъ локомотивахъ съ соотвѣтствовавшимъ подвижнымъ составомъ. Вышина прорѣзанной горы—12 саженъ.

Приведенныя внушительныя основныя цифры имѣлись въ памяти, когда «Озерной» подошелъ къ перекопу. Роскошнѣйшій вечеръ способствовалъ прелести замѣчательной картины. Передъ носомъ парохода открывался въ могучихъ откосахъ широкій каналъ; поперекъ его, на самыхъ краяхъ откоса, высоко надъ трубою входившаго парохода, протянуты были веревки, вилотную оснащенныя разноцвѣтными флагами. Вправо виднѣлись въ красивомъ ущельѣ обойденные три шлюза. Въ яркомъ свѣтѣ вечера розовѣли всѣми тонами, въ прослойкахъ и безъ прослоекъ, бока откосовъ, только мѣстами, для пробы, обдернованные; породы осадочныхъ, каменистыхъ формацій имѣли здѣсь своихъ многочисленныхъ представителей и свидѣтельствовали, по безпорядочности своей группировки, насколько трудны и полны неожиданностей были произведенныя работы. Вотъ почему проекты откосовъ многократно перерабатывались и сдѣланы, наконецъ, четверными въ слоистомъ камнѣ, выше горизонта воды, и половинными въ подводной части.

Едва ли будетъ ошибочно сказать, что вся эта выемка—первый опытъ и превосходитъ въ шесть разъ самую большую изъ подобныхъ работъ, кѣмъ-либо описанныхъ. Работы производились англійскимъ способомъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что по дну будущей выемки проводится штольня, которая сообщается съ поверхностью рядомъ шахтъ; выламываемый грунтъ кидается черезъ шахты въ вагоны, устанавливаемые подъ ними, и затѣмъ

отвозится въ сторону. Вагоны, двухъ-осные, имѣли подъемную силу въ 500 пудовъ. Оси и колеса сдѣланы были за границею, въ Реймшейдѣ, поковка—въ Петербургѣ, а деревянныя части и сборка дѣлались на мѣстѣ; вагоны обошлись по 250 рублей каждый. Паровозы изготовлены въ Мюнхенѣ, трехъосные, въ 60 силъ, и стоили съ доставкою по 9,000 рублей. Вытяжной путь, для отвоза камня, шелъ по косогору берега, по небольшой каменной, въ 50 саженъ длины, выемкѣ, и, обойдя ближнюю деревню Каменную, выходилъ на низкій лугъ, исчезнувшій нынѣ со всею своею сочною зеленью, подъ огромнымъ пластомъ камней, которымъ, со временемъ, предоставляется свобода обрасти и не мѣшать красотѣ окрестностей. Во избѣжаніе неровности пути при отвозѣ камня, вдоль всей обширной площади, назначенной подъ свалку, построена была деревянная эстокада, въ 340 саженъ длины и 6 саженъ вышины, по которой и двигались отвальные поѣзда.

Нормальный поѣздъ, входившій въ штольню, состоялъ изъ 45 вагоновъ, подводимыхъ подъ 15 шахтъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы подъ каждую шахту изъ трехъ вагоновъ, для нея предназначенныхъ, подвозился ближайшій къ выходу; когда подъ всѣми шахтами былъ нагруженъ первый вагонъ, подъ нихъ пододвигали второй. Наверху у каждой шахты работало 16 человѣкъ; внизу, въ штольнѣ, слѣдили за нагрузкою 2 человѣка, подававшіе сигналъ, при помощи рожка, о необходимости прекращенія ломки. Во время этихъ трудныхъ и неустанныхъ работъ являлись многія неожиданности; въ одной части перекопа залегаетъ подъ плитными слоями пластъ, состоящій изъ цѣлаго ряда чередующихся прослоекъ камня и глины всѣхъ цвѣтовъ и составовъ, и вся эта масса, представлявшаяся зимою сплошною и прочною, съ наступленіемъ оттепелей приходила въ движеніе. Много вліяли также и дожди, болѣе обильные, чѣмъ гдѣ-либо, въ странѣ озеръ и болотъ Олонецкой губерніи; въ Архангельской губерніи, если вѣрить наблюденіямъ за послѣднія 12 лѣтъ, дождливыхъ дней въ году—105, въ Петербургѣ—155, а въ Олонецкой губерніи—212. Морозы зимою доходили здѣсь до 30 градусовъ. Общее число рабочихъ было, какъ сказано, ежедневно около 1,200 человѣкъ, а максимальная выработка въ сутки достигала только 180 куб. саженъ. Не трудно сообразить, что̀ это значитъ относительно всѣхъ 80,000 куб. саженъ сдѣланной выемки.

Взрываніе заряженныхъ скважинъ производилось бикфордовымъ шнуромъ, такъ какъ примѣненіе электричества оказалось невыгоднымъ; взрыванія примѣнялись гораздо чаще зимою; лѣтомъ расходъ на взрывчатые матеріалы былъ около 50 коп. въ сутки на куб. саженъ, а зимою достигалъ 3-хъ рублей. Много разъ во время работъ долженъ былъ возникать вопросъ о томъ: удастся ли открыть новый путь къ назначенному сроку; но энергія І. С. Каннегисера восторжествовала. Вечеръ 16-го іюня, день прибытія Великаго Князя въ Девятинскій перекопъ, долженъ остаться въ памяти всѣхъ тружениковъ, потому что цѣль работъ была достигнута своевременно и вполнѣ, и Августѣйшій посланецъ Государя Императора видѣлъ эти работы и сердечно за нихъ благодарилъ.

На слѣдующій день, 17-го іюня, въ первомъ часу пополудни, пароходъ «Озерной» прибылъ въ Вытегру. Передъ тѣмъ, чтобы оставить Вытегру и проститься съ шлюзованною частью Маріинской системы, путнику, совершившему этотъ долгій, въ высокой степени интересный путь, любопытно ознакомиться съ тѣми правилами, какими обязаны руководствоваться всѣ суда, идущія по системѣ. «Правила плаванія по внутреннимъ водянымъ путямъ», издающіяся министерствомъ путей сообщенія по мѣрѣ распродажи послѣдняго изданія и постоянно дополняемыя новыми, вызванными практикою, распоряженіями, совершенно необходимы всякому судохозяину. Книжечка эта заключаетъ въ себѣ всѣ основанія движенія по Волгѣ, Камѣ, Дону, Сурѣ, Бѣлой, Вяткѣ и вообще по всѣмъ системамъ. Въ данномъ случаѣ необходимо сдѣлать небольшой, возможно ясный, обзоръ того, что̀ касается Маріинской системы.

Во-первыхъ, нѣсколько словъ объ администраціи ея. Весь Маріинскій путь, отъ Рыбинска до Ладожскаго озера, находится въ предѣлахъ вытегорскаго округа путей сообщенія и дѣлится на два отдѣленія: довятинское (рѣка Свирь отъ впаденія въ Ладожское озеро, Онежскій каналъ и р. Ковжа) и кузьминское (Бѣлозерскій каналъ и рѣка Шексна); во главѣ этихъ отдѣленій находятся начальники ихъ, они же инспекторы работъ и судоходства. Для ближайшаго завѣдыванія путями въ судоходномъ отношеніи состоятъ: одинъ старшій и три младшихъ помощника инспекторовъ и пять начальниковъ судоходныхъ дистанцій.

Въ техническомъ отношеніи Маріинскимъ путемъ завѣдываютъ пять инженеровъ; кромѣ того, имѣются еще начальники отдѣльныхъ постовъ. Въ распоряженіи начальниковъ дистанцій состоитъ значительный персоналъ вольнонаемныхъ десятниковъ и постовыхъ; для провода судовъ и разстановки знаковъ—особые казенные лоцманы или правщики.

Перечисленный персоналъ, вѣдающій самую систему и движеніе по ней, имѣетъ постоянно дѣло съ огромнымъ количествомъ вѣчно передвигающагося на судахъ всѣхъ видовъ и величинъ народа. «Правила» опредѣляютъ весьма подробно, въ какихъ случаяхъ и на какихъ судахъ сколько нужно имѣть народа и лошадей. Для судовъ маломѣрныхъ (полулодки, тихвинки, коломенки, соминки и т. д.), длиною до 16 саж., при нагрузкѣ въ 20,500 пудовъ, полагается 11 тяглецовъ, если меньше — то меньше; для большемѣрныхъ судовъ (унжаки, маріинки и т. п.) на тотъ же грузъ, и въ той же постепенности, 14 тяглецовъ; для полубарокъ съ бревнами, досками, дровами и пр. — 17 человѣкъ. При наймѣ путинныхъ, судохозяева, приказчики или шкиперы должны нанимать непремѣнно полный комплектъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ число ихъ увеличивается. Принимая въ соображеніе тысячи судовъ, двигающихся по системѣ, можно вообразить, какъ велико разнопестное плавающее населеніе, увеличивающееся болѣе чѣмъ вдвое тѣмъ, что многіе изъ нихъ устраиваются на дорогу цѣлыми семьями. Особыя правила существуютъ для всякихъ лѣсныхъ гонокъ: для дровъ въ кошмахъ, для бревенъ и пр., ставится, смотря по длинѣ ихъ, 4, 6, 10 и болѣе рабочихъ.

По Шекснѣ и Свири дозволяется плавать всѣмъ вообще судамъ, безъ

различія ихъ размѣровъ, но въ шлюзованной части системы — дѣло совсѣмъ другое. Самымъ важнымъ для судна, вступающаго въ шлюзованную часть системы и канала, является осмотръ и обмѣръ его, производимый въ городѣ Бѣлозерскѣ, на судомѣрѣ, въ присутствіи депутата отъ биржевого купечества, если таковой имѣется налицо. Всякое судно, съ опредѣленнымъ числомъ рабочихъ и лошадей, должно имѣть осадку не свыше 8 четвертей, съ нѣкоторымъ вычетомъ для обходныхъ Онежскаго и Ладожскаго каналовъ; на прохожденіе черезъ шлюзы допускаются суда длиною до 21 саж. и шириною до 4 саж. Суда, имѣющія большіе размѣры, безусловно не допускаются для дальнѣйшаго слѣдованія; сидящія слишкомъ глубоко—разгружаются. Отъ м. Чайки до шлюза св. Анны допускается тяга, какъ конная, такъ и людская; отъ этого шлюза до рѣки Вытегры конная тяга воспрещена; паровая тяга, по всей вѣроятности, будетъ развиваться въ ущербъ этимъ двумъ.

Весьма точно опредѣлена «Правилами» и строго соблюдается очередь движенія судовъ черезъ шлюзы, причемъ особенно тщательно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы, такъ называемыя, «льяла», т.-е. промежутки между кормою предшествующаго судна и носомъ послѣдующаго, не допускались; судно, которое оставляетъ передъ собою «льяло», можетъ быть обойдено послѣдующимъ. Суда встрѣчныя, нагруженныя и порожнія, пропускаются чрезъ шлюзы по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, но не менѣе одного раза въ день въ теченіе двухъ часовъ. Весьма подробно выработаны также правила объ управленіи судами, о сигналахъ, якорныхъ мѣстахъ, о пожарныхъ случаяхъ. На всѣхъ судоходныхъ постахъ имѣются особыя шнуровыя книги для записыванія жалобъ судопромышленниковъ. Лишаются очереди движенія суда: не готовыя къ ходу, не имѣющія комплекта людей и снастей и имѣющія болѣе глубокую, чѣмъ должно, осадку.

Еще во время проѣзда Великаго Князя Владиміра Александровича съ объявленной стоимости грузовъ взималось въ пользу казны $^1/_4\%$. Нынѣ, державною волею Государя, этого нѣтъ болѣе. 17-го іюля 1896 года состоялся именной Высочайшій указъ сенату чрезвычайно высокаго для нашихъ водныхъ сообщеній значенія. Въ память пребыванія Государя Императора на нижегородской всероссійской художественно-промышленной выставкѣ, на главномъ средоточіи водныхъ сообщеній Имперіи, Государю Императору угодно было отмѣнить, съ 22-го іюля, вышеназванный $^1/_4$-процентный сборъ. Высочайшая милость эта, направленная на облегченіе одной изъ самыхъ широкихъ, по развѣтвленію, нуждъ народныхъ, благотворно отразилась на судоходства.

Очеркъ порядка движенія судовъ по Маріинской системѣ не можетъ, конечно, передать того впечатлѣнія, которое производитъ на путниковъ самое движеніе. Для художника и писателя предметовъ для наблюденій много и разнообразіе типовъ людскихъ безконечно. Ночь и день — имѣютъ свои отличія; полная темнота, туманъ или сильный вѣтеръ останавливаютъ движеніе; персоналъ на судахъ то и дѣло растетъ или уменьшается, причемъ тяглецы, коренные, водоливы и лоцманы, покончивъ работу на одномъ мѣстѣ, неме-

дленно отправляются на другое. Наибольшая свобода движенія предоставлена пассажирскимъ пароходамъ и тузрамъ, спускающимся по цѣпи: имъ уступаютъ путь всѣ другія суда; наиболѣе связаны и всегда даютъ мѣсто другимъ суда взвозныя или порожнія.

17-го іюня, въ четыре часа пополудни, «Озерной», сопутствуемый благопожеланіями горожанъ города Вытегры, направился къ Онежскому озеру. До выхода въ озеро, до спасательной станціи,— около 20 верстъ. Скучнѣе этихъ мѣстъ не подыскать: болота, трясины, почти полное отсутствіе всякаго жилья людского, чрезвычайно мелкая, болѣзненная поросль березъ, елей и сосенъ; зато зелени — яркой, травянистой зелени не оглядѣть; это цѣлое море зелени, и такъ какъ рѣка Вытегра бѣжитъ чрезвычайно крутыми и многочисленными извилинами, то съ «Озерного» казалось, будто шедшіе за нимъ пароходы бѣжали по землѣ, поднимая высоко надъ березками и елочками свои дымовыя трубы и мачты. Ясная погода вполнѣ благопріятствовала 40-верстному переѣзду по Онежскому озеру, до Вознесенской пристани на Свири, куда «Озерной» прибылъ около 7 часовъ вечера. Путешественники приказали причалить къ берегу и, сѣвъ въ лодку, направились на другой, правый, берегъ Свири, гдѣ и посѣтили небольшой древній храмъ; назавтра предстоялъ праздникъ запрестольнаго образа, и путешественники застали духовенство за молитвою.

Свирь — длиною 202 версты; по ней тоже происходила чистка пороговъ. «Озерной» вошелъ въ нее съ закатомъ солнца. Около 9 час. утра пароходъ прибылъ въ Лодейное-Поле, на родину всего русскаго флота. Во второмъ часу пополудни «Озерной», миновавъ Сермаксу, вступилъ въ Ладожское озеро, съ тѣмъ, чтобы на утро прибыть къ Валаамскому монастырю, сдѣлавъ по озеру около 130 верстъ пути. Погода начинала хмуриться, и послѣдовало очень быстрое пониженіе температуры. Съ первымъ дуновеніемъ ладожскаго вѣтра исчезли окончательно изъ-подъ тента парохода невозможно назойливые слѣпни.

II.

Валаамъ.

18-го іюня 1896 года, во второмъ часу пополудни, «Озерной» вышелъ изъ Свири въ Ладожское озеро, имѣя передъ собою 130 верстъ пути до Валаамскаго монастыря. Предстояло прибыть въ монастырскую бухту въ ночь на 19-е іюня; случилось, однако, не совсѣмъ такъ.

Ладожское озеро, несомнѣнно, одно изъ капризнѣйшихъ, и отвѣчать въ немъ за часъ пути—невозможно. Изстари установившееся мнѣніе о томъ, что оно и бурно, и измѣнчиво,—совершенно справедливо; думаютъ также, и мѣстные люди не прочь подтвердить это, будто оно успокаивается по ночамъ. Озеро это капризно относительно своихъ глубинъ: есть мѣста въ 100 саженъ глубины, есть цѣлые пояса—въ 6 или 7. Неуловимы законы вѣтровъ, на немъ царствующихъ: бываетъ, что съ одной стороны дуетъ довольно спокойный

сѣверный вѣтеръ, а съ другой — сердится и поднимаетъ бурливую волну юго-западный. Непостоянно озеро и относительно предсказаній на немъ погоды: во время полнаго штиля поднимается вдругъ ни съ того, ни съ сего значительное волненіе, какъ слѣдствіе сильнаго вѣтра, бывшаго гдѣ-то въ сторонѣ, не имѣвшаго времени распространиться, но раскачавшаго водную пучину въ глубину. Поразительны измѣненія въ температурѣ воздуха надъ озеромъ: въ ясный, теплый іюньскій день, когда на палубѣ даже и въ кителѣ жарко, мгновенно входите вы въ поясъ такой прохлады, которая требуетъ облаченія въ пальто; но спять его придется вамъ также быстро и неожиданно, можетъ быть, черезъ пять минутъ.

Однимъ изъ самыхъ опасныхъ, хотя и безконечно молчаливыхъ, враговъ всѣхъ плавающихъ по озеру являются классическіе туманы, которыхъ маякамъ не одолѣть. Туманы эти, какъ и вѣтры, какъ и измѣнчивыя температуры, являясь вдругъ, распространяясь по поверхности озера, въ силу особыхъ условій, совершенно неравномѣрно, оставляя нѣкоторыя части его поверхности совершенно открытыми и заволакивая другія непроглядною пеленою, постоянно вызываютъ необходимость къ уменьшенію хода, къ остановкѣ, къ свисткамъ и реву громогласныхъ паровыхъ сиренъ. Туманы эти, какъ и на Мурманѣ, какъ и на Бѣломъ морѣ, особенно любятъ слагаться въ миражи самыхъ фантастическихъ, обманныхъ очертаній, и если по этимъ, медленно измѣняющимся обликамъ, бросаетъ свой свѣтъ луна или утреннее или вечернее солнце, картина пріобрѣтаетъ совсѣмъ особую, краткосрочную прелесть. Туманъ повлiялъ и на путь парохода, шедшаго къ Валаамскому монастырю въ описываемое время. Когда «Озерной» подходилъ къ валаамскому архипелагу и мѣстами ясно видѣлись скалы его острововъ, начальство судна рѣшило, что двигаться далѣе по сгущавшимся слоямъ бѣло-синихъ испареній не безопасно, и что слѣдуетъ бросить якорь въ ближайшей по пути и лучшей изъ всѣхъ бухтъ — Никоновской. «Озерной» вошелъ въ нее, отдалъ якорь, и когда замолкъ рѣзкій звукъ машины его и выпущенъ былъ паръ, тишина вокругъ водворилась самая внушительная. Кругомъ виднѣлись покрытые вѣковою хвоею скалистые гребни ближайшихъ острововъ, грузныя колоды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ побережій, обозначающія, весьма первобытнымъ способомъ, мелкія мѣста, и нѣсколько крестовъ, ясно свидѣтельствовавшихъ о томъ, что «Озерной» покоится на темныхъ водахъ православной святыни валаамской, освящавшихся, въ долгіе-долгіе вѣки, и освящающихся и сегодня иноческою молитвою и вѣчнымъ чтеніемъ псалтыри. Густой туманъ, мѣстами не слоившійся вовсе, много способствовалъ красотѣ картины. Никоновскій заливъ считается лучшею пристанью не только въ валаамскомъ архипелагѣ, но и на всемъ Ладожскомъ озерѣ. На пароходѣ находился Великій Князь Владиміръ Александровичъ, только-что открывшій путь по обновленной Маріинской системѣ. Великій Князь желалъ присутствовать на Валаамѣ при освященіи соборнаго храма, заложеннаго при первомъ посѣщеніи имъ монастыря вмѣстѣ съ августѣйшею супругою, 30-го іюня 1887 года*). Рѣшено было ожидать здѣсь утра и двинуться къ монастырю

*) См. стр. 344.

съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы встрѣтить Ихъ Высочества Марію Павловну, Марію Александровну и Кирилла Владиміровича, направившихся къ Валааму отъ устья Невы. Существовали опасенія, что пароходъ «Онега» и сопутствовавшій ему «Петербургъ» попали въ ту грозу, которая виднѣлась, при выходѣ «Озернаго» изъ Свири, издали, къ сторонѣ Невы, и давала знать о себѣ далекими молніями и черными тучами; грома, за дальностью разстоянія, слышно не было.

Рано утромъ 19-го іюня, когда о ночномъ туманѣ не было больше и помина, а яркое солнце ударяло со всею силою своихъ лѣтнихъ лучей по темнымъ хвоямъ окружавшихъ «Озерной» скалъ и по стосаженной глубинѣ Никоновскаго залива, съ палубы замѣтили «Онегу», направлявшуюся полнымъ ходомъ къ монастырскому заливу. «Озерной», давно уже развединій пары, быстро снялся съ якоря и направился вслѣдъ за «Онегою»; за «Онегою» слѣдовалъ также «Петербургъ». Оказалось, что августѣйшіе путешественники: Великія Княгини Марія Павловна и Марія Александровна и Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ отошли изъ Петербурга отъ пристани у Смольнаго монастыря въ 3 часа пополудни, 18-го іюня. На пароходѣ «Онега» были подняты два штандарта: Великихъ Княгинь Императорской Фамиліи и кобургъ-готскій. Не успѣлъ пароходъ Великихъ Княгинь подойти къ Шлиссельбургу, какъ налетѣлъ на него, совершенно неожиданно, шквалъ отъ юга, настолько сильный, что, по увѣренію очевидцевъ, дышать на палубѣ было трудно. Какъ уже упомянуто, на «Озерномъ» ожидали чего-либо подобнаго, такъ какъ видѣли въ юго-западномъ углу Ладожскаго озера черныя тучи и сверканіе молній. Къ вечеру вѣтеръ стихъ, и «Онега» около 9 часовъ вечера вошла въ Ладожское озеро; ночь была ясная, лунная, и можно было ожидать хорошей погоды; но къ 5 часамъ потянулся отъ сѣвера густой туманъ, тотъ же, который заволокъ и «Озерного» въ Никоновской бухтѣ. Нѣкоторую опасность представляло обогнуть островъ Ганге-Пе съ его маякомъ; около 6 часовъ раздались съ этого маяка предостерегательные ружейные выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что «Онега» стала подходить къ опаснымъ мѣстамъ; пришлось уменьшить ходъ, измѣнить курсъ и производить учащенные промѣры. Промѣры эти указали, между прочимъ, на значительную неточность глубинъ, показанныхъ на картѣ: гдѣ на ней значилось 33 и болѣе саженъ, въ натурѣ ихъ оказывалось отъ 7 до 9.

«Онега» вошла въ монастырскую бухту въ 8 час. утра и стала у пристани; вслѣдъ за нею, бортъ-о-бортъ, остановился «Озерной». На пристани Великому Князю представился начальникъ Выборгской губерніи, генералъ-лейтенантъ Гриппенбергъ. На берегу виднѣлось множество богомольцевъ и братія. Толпы людскія сновали снизу вверхъ по склону крутой горы, на вершинѣ которой блистали маковки куполовъ соборнаго храма, имѣвшаго быть освященнымъ въ самомъ скоромъ времени.

Не прошло и часа послѣ прибытія пароходовъ, какъ нагорній звонъ колоколовъ возвѣстилъ о томъ, что высокопреосвященный Антоній, архіепископъ финляндскій и выборгскій, и многочисленная монастырская братія готовы при-

ступить къ священнодѣйствію. Ихъ Высочества поднялись въ гору въ экипажахъ и у Святыхъ воротъ встрѣчены монашествующими съ хоругвями, иконами, подъ звуки духовнаго пѣнія и мѣрное гудѣнье колоколовъ. Народъ стоялъ вплотную по сторонамъ пути. Августѣйшія особы и другіе путешественники прошли въ нижнюю церковь собора, освященную три года тому назадъ, и поклонились мощамъ свв. Сергія и Германа, въ ней почивающихъ, а затѣмъ поднялись въ верхнюю церковь.

Блескомъ золота и превосходными колерами живописи, массою свѣта и полною законченностью всей постройки, включительно до мелочей мозаичнаго каменнаго пола и самыхъ незначительныхъ деталей рѣзьбы и орнаментовки,— поразилъ всѣхъ вошедшихъ прекрасный храмъ этотъ, созданіе рукъ братіи валаамской, доказавшей этимъ воочію, насколько строгій уставъ монастырскій и труды иноческіе споспѣшествуютъ истинному художеству и всякому доброму труду и плодотворному ремеслу. Нельзя было ожидать лучшаго и болѣе полнаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что и солнце, приближавшееся къ полудню, изливало во храмъ такое количество свѣта, что даже очи старцовъ-схимниковъ, пришедшихъ изъ своихъ скитовъ, должны были становиться молодыми, зорко видящими. Путешественники прошли прямо въ ту часть церкви, которая черезъ нѣсколько времени должна была получить наименованіе алтаря и въ которую до ея освященія имѣли право входа и женщины. Алтарь, ризница и проч. въ этой части храма также закончены отдѣлкою, также обильно одухотворены изображеніями отцовъ церкви и бытописаніями Библіи и Евангелія.

Весьма величественный и продолжительный чинъ освященія храма совершенъ чрезвычайно торжественно высокопреосвященнымъ Антоніемъ, который, въ концѣ богослуженія, не забылъ упомянуть, въ краткой рѣчи своей, о томъ, что этотъ чудесный храмъ, въ видѣ исключенія, воздвигся, украшенъ, живописанъ и позлащенъ трудами рукъ братіи валаамской. Любопытно, однако, хотя въ краткихъ чертахъ ознакомиться съ основными данными построенія и характера этого новаго собора.

Старый соборъ, съ увеличеніемъ численности братіи и молельщиковъ, по своей маловмѣстительности сталъ тѣсенъ, и мысль о построеніи новаго, болѣе обширнаго храма, возникла еще у покойнаго, знаменитаго своею дѣятельностью, игумена Дамаскина, но недостатокъ средствъ не позволялъ привести ее въ исполненіе. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ накопилась изъ пожертвованій благотворителей настолько достаточная сумма, что съ нею можно было приступить къ постройкѣ.

По выработанному архитекторомъ Сининымъ (нынѣ умершимъ) проекту собора, одобренному с.-петербургскимъ епархіальнымъ начальствомъ, и подъ наблюденіемъ епархіальнаго архитектора Карпова монастырь приступилъ къ постройкѣ. Закладка, какъ уже сказано было раньше, происходила 30-го іюня 1887 года, въ присутствіи Великаго Князя Владиміра Александровича и его супруги Маріи Павловны и совершена тогдашнимъ настоятелемъ валаамскаго монастыря игуменомъ Іонаѳаномъ. Черезъ четыре года послѣ закладки соборъ вчернѣ былъ уже оконченъ, и 26-го іюля 1892 года освященъ преосвящен-

нымъ Антоніемъ, епископомъ выборгскимъ, главный престолъ нижней церкви— во имя преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ. 14-го іюня 1893 года освященъ боковой придѣлъ нижней церкви во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Освященіе совершалъ тогда преосвященный Антоній. Въ описываемое время освящена имъ же и верхняя церковь.

Соборъ имѣетъ слѣдующіе размѣры: длина 29 саж., ширина 13 саж., высота колокольни 33 саж., высота большого купола 20 саж., маленькихъ 15 саж. Гранитный камень, употребленный на цоколь вокругъ всего собора высотою въ 1 саж., на подоконники, колонны и проч., взятъ изъ монастырскихъ каменныхъ ломокъ, находящихся на островѣ св. Сергія, въ 20 верстахъ отъ обители, и на островѣ св. Германа—въ 40 верстахъ отъ монастыря. Кирпича употреблено болѣе 3½ милліоновъ штукъ. Кирпичъ вырабатывался на монастырскомъ кирпичномъ заводѣ; величина и вѣсъ его болѣе петербургскаго, такъ какъ каждый кирпичъ вѣситъ 16 фунт. Каменныя работы произведены исключительно наемными рабочими. Остальныя, какъ-то: плотничьи, столярныя, кровельныя, кузнечныя, штукатурныя—частью наемными рабочими, а частью (и даже бо́льшею) трудами братіи. Иконостасъ въ нижней и верхней церквахъ сдѣланъ трудами одной братіи. Образа въ верхнемъ иконостасѣ всѣ — труды братіи. Вся многочисленная, роскошная, весь храмъ одухотворяющая живопись на стѣнахъ, въ куполахъ и проч. — труды одной только братіи. Вся заслуга по росписи собора принадлежитъ теперешнему настоятелю отцу Гавріилу. Еще въ бытность свою намѣстникомъ, онъ настаивалъ предъ игуменомъ Іоанноаномъ (который хотѣлъ оставить и стѣны, и купола выбѣленными штукатуркою) о росписи верхняго собора и объ устроеніи одного престола. Покойный игуменъ непремѣнно хотѣлъ устроить, кромѣ главнаго, еще два боковыхъ придѣла, выдвинувъ иконостасы ихъ до половины церкви. Всѣ работы по росписи и размѣщенію иконъ производились подъ непосредственнымъ и личнымъ наблюденіемъ о. игумена Гавріила: онъ, можно сказать, дневалъ и ночевалъ въ соборѣ. Благодаря ему, въ монастырѣ устроилась и развилась школа рисованія и живописи. Поступившіе въ нее въ началѣ мальчики едва умѣли держать въ рукахъ карандаши, а теперь они настолько выучились живописи, что могутъ работать самостоятельно. Всѣ работы по украшенію произведены имп. То же самое можно сказать о рѣзной и позолотной: и эти работы сдѣланы руками братіи, выучившейся этимъ ремесламъ въ монастырѣ. Престолъ въ верхнемъ соборѣ—изъ чистаго серебра, вызолоченный; серебра на него пошло 6½ пудовъ.

Возвышаясь надъ главною монастырскою горою своею остроконечною колокольнею и пятью овальными куполами, на круглыхъ барабанахъ, прорѣзанныхъ романскими арками, съ круглыми арками надъ окнами, расположенными въ три яруса, прекрасной кирпичной кладки въ два цвѣта, новоосвященный соборъ производитъ впечатлѣніе величественное. Что въ немъ особенно хорошо, такъ это обиліе свѣта, та лучезарность внутренности храма Божія, которая такъ сродни древне-русскому зодчеству и которая такъ всецѣло отсутствуетъ въ готической архитектурѣ. Богъ, Которому молится православный человѣкъ,

Богъ не суровый, мрачный, пугающій, а Богъ — призывающій къ себѣ всѣхъ и не боящійся свѣта.

Планъ храма—продолговатый четырехугольникъ, имѣющій на восточной сторонѣ круглую, въ два этажа, алтарную абсиду, а съ восточной — паперть подъ колокольнею. Въ немъ—три нефа, образуемые восемью столбами. Храмъ разсчитанъ на 3,000 молящихся и имѣетъ весьма просторные, также изукрашенные прекрасною живописью, хоры; обѣ церкви, верхняя и нижняя, съ хорами. Фундаментъ, до оконъ нижняго этажа, болѣе 3-хъ аршинъ изъ сѣраго валаамскаго гранита, а выше идетъ кирпичная кладка; въ окнахъ полированныя колонны тоже изъ мѣстнаго чернаго гранита. Плита, цоколь, кирпичъ, известь, доски и проч.—все, какъ сказано, домашняго приготовленія; пять куполовъ и колокольню увѣнчиваютъ мѣдные вызолоченные кресты, тоже работа монашествующей братіи.

Нельзя не выдѣлить изъ всего описанія чудесную живопись обоихъ храмовъ. По иконописному отдѣлу это — труды іеромонаха Алипія, а по живописному—отца Луки, но при постоянномъ, неустанномъ наблюденіи отца игумена Гавріила. Подъ руководствомъ этихъ высокоталантливыхъ иноковъ работалъ и работаетъ не одинъ десятокъ послушниковъ, обучившихся живописи и иконописи здѣсь же, на Валаамѣ.

Новая колокольня звучитъ своими колоколами очень громко; одинъ только колоколъ въ честь св. апостола Андрея—вѣсомъ въ 1,000 пудовъ; онъ отлитъ при игуменѣ Дамаскинѣ въ 1873 году. Всѣхъ церквей на Валаамскихъ островахъ—5, и на нихъ гудитъ около 4,000 пудовъ мѣди. За 40 верстъ слышится, въ тихую погоду, этотъ чудный перезвонъ, получающій особенное оживленіе благодаря множеству заливовъ и проливовъ, вдоль которыхъ онъ распространяется, умѣряемый густою, столѣтнею хвойною и лиственною растительностью.

Остававшееся свободнымъ до отбытія изъ монастыря время было посвящено прогулкѣ въ экипажахъ по островамъ и поѣздкѣ на небольшомъ монастырскомъ пароходѣ «Сергій» къ живописному острову св. Александра Свирскаго, самому сѣверному изъ всѣхъ.

Трудно представить себѣ что-либо болѣе живописное, чѣмъ поѣздка по островамъ въ экипажахъ, равно какъ въ лодкѣ по многочисленнымъ проливамъ. Дороги — превосходны и тянутся по густымъ лѣснымъ участкамъ или небольшимъ полянамъ, перебѣгая нѣсколько мостиковъ. Вслѣдствіе чрезвычайной изломанности береговыхъ линій острововъ, вслѣдствіе ихъ численности и весьма неодинаковой скалистой холмистости, проѣзжающій, то и дѣло, замѣчаетъ новые виды, новыя панорамы, новыя игры свѣто-тѣни и сочетанія скалъ и воды. Для полноты пейзажа необходимо упомянуть о томъ, что вдоль пути попадаются многіе кресты, часовеньки, иконы—видимые слѣды невидимыхъ воспоминаній о молитвахъ и различномъ значеніи того или другого мѣста.

Но куда бы ни направился путникъ по монастырскимъ владѣніямъ,—вездѣ встрѣчается онъ съ именемъ умершаго настоятеля Дамаскина, вступившаго въ управленіе монастыремъ въ 1839 году и скончавшагося послѣ 42-лѣтняго настоятельствованія. Къ которому бы изъ 5 храмовъ монастырскихъ ни

приблизиться, который бы изъ 7 скитовъ ни посѣтить, какую бы хозяйственную статью ни осмотрѣть, — повсюду видится рука этого замѣчательнаго администратора и хозяина, сумѣвшаго къ красотѣ обстановки, данной природою, присоединить великое умѣнье умножить, осмыслить данное. Съ теплымъ чувствомъ истиннаго цѣнителя красоты природы, Дамаскинъ сажалъ деревья, взращивалъ новыя ихъ породы, довелъ до совершенства сады и огороды монастырскіе и оставилъ по себѣ память повсюду. Однихъ яблоковъ — бѣлаго налива, антоновки, опортовыхъ и др. — имѣется до 60-ти сортовъ, и получается въ большой урожай до 2,000 четвериковъ, правда, рѣдко вызрѣвающихъ, но все-таки имѣющихъ большое хозяйственное значеніе; а если припомнить, что на голыхъ скалахъ валаамскихъ не было ничего, кромѣ вересковыхъ и мшистыхъ покрововъ, если вспомнить, что къ высоко расположенному на горѣ саду, какъ и къ садамъ скитскимъ, приходилось не одно столѣтіе, до устройства водопровода, возить каждое ведро воды, — становится понятною заслуга трудолюбивой братіи. Въ ботаническомъ саду растутъ: мята англійская и кудрявая, маіоранъ, шалфей, полынь, иссопъ и др. Водопроводъ, значительно облегчившій произрастаніе насажденій и поднимающій воду на 40 саж. вышины, устроенъ къ 1865 году; рабочій и конюшенный домъ въ 1871 — Дамаскинымъ; позднѣе возникли монастырская ферма и смолевой заводъ. Гдѣ надо, дѣйствуютъ паровыя машины, какъ, напримѣръ, на монастырской фермѣ, весьма несложная, домашняго издѣлія, машина, для кухни и другихъ потребъ: сбиванья масла, рѣзки соломы, перемола картофеля въ муку. При водопроводѣ производится и разведеніе рыбы въ осеннее и весеннее время изъ икры, причемъ гончарные ящики для этого сдѣланы на своемъ же заводѣ; рыбка, разведенная и выкормленная, выпускается по веснѣ, въ числѣ 40,000 и болѣе особей, въ монастырскій проливъ. Весьма хорошо молочное хозяйство, причемъ творогъ и другіе молочные скопы, отъ 70 коровъ, возятся изъ погреба до пристани по рельсамъ; по рельсамъ же развозится въ коровникъ кормъ. Около монастыря расположена также каменная рига съ гумномъ и имѣются: молотильная машина, скудельный заводъ, выдѣлывающій чайники, кружки и пр. для своего употребленія, наконецъ, кирпичный заводъ. На смолевомъ заводѣ трудами братіи выгоняется изъ сосновыхъ пней смола и скипидаръ, добывается уголь и обжигается известь для своихъ надобностей изъ мѣстнаго мрамора. Лошадей въ монастырѣ около 70, большею частью доморощенныя, сытыя, плотныя, и тутъ тоже, въ упорядоченіи этой важной отрасли хозяйства, встрѣчается, опять-таки, имя Дамаскина. Машина водопровода работаетъ въ токарныхъ и въ другихъ мастерскихъ; кузница снабжена превосходно дѣйствующими мѣхами новой системы, и все это оборудовалъ Дамаскинъ.

Память Дамаскина чрезвычайно жива въ монашествующей братіи, и по пути на пароходикѣ «Сергій» къ острову св. Александра Свирскаго много говорилось о немъ. Святой островъ, первымъ обитателемъ котораго былъ преподобный Александръ Свирскій, отстоитъ отъ главной обители на 7 верстъ; на западъ и сѣверо-западъ круто поднимаются на немъ нѣсколько самыхъ высокихъ и живописныхъ скалъ валаамскихъ, къ востоку и къ югу островъ тихо

склоняется къ водѣ и весь цѣликомъ, отъ нижняго пояса, выступающаго изъ воды, до скалистаго темени, покрытъ березнякомъ и хвоею. Вокругъ него тянется дорожка, цѣпляющаяся, иногда, по отвѣснымъ кручамъ и проложенная трудами, почти-что исключительно, одного изъ братій. Островъ названъ «Святымъ» въ память перваго его обитателя, живымъ слѣдомъ котораго является пещера въ скалѣ и могила, приготовленная имъ для себя собственными руками; позже, какъ извѣстно, преподобный переселился къ сѣверу и покоится въ монастырѣ, носящемъ его имя, такъ что могила остается открытою. Скитская церковь деревянная и въ ней металлическаго только священная утварь; въ скитскомъ уставѣ не допускается вовсе употребленіе молочной пищи; чтеніе псалтири—вѣчное; здѣсь тоже свой садъ и огородъ.

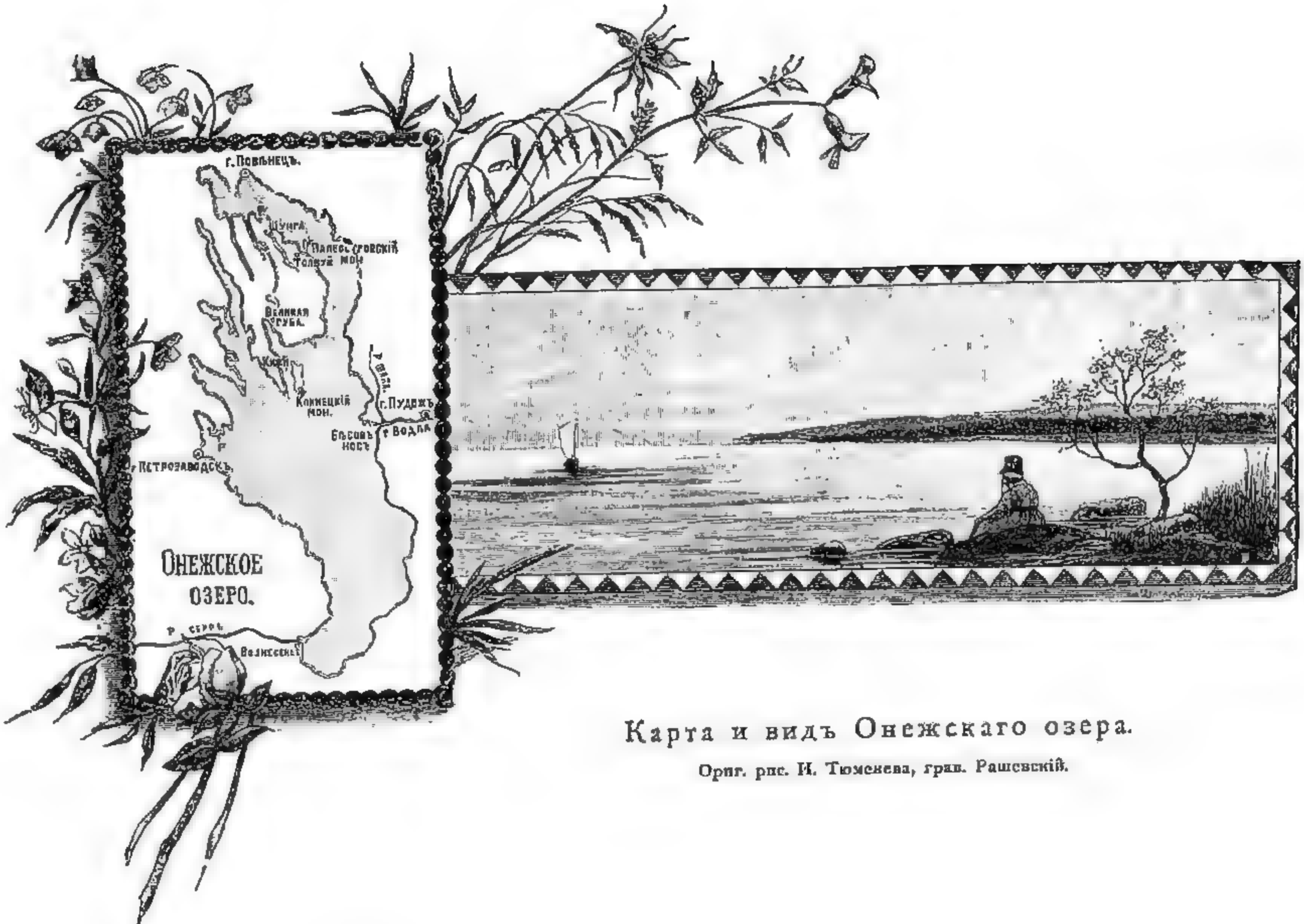
Поднявшись отъ пристани въ гору, путешественники посѣтили скитъ, церковь и осмотрѣли пещеру и могилу преподобнаго. Слѣдовало возвращеніе къ монастырю, причемъ, какъ и по пути къ скиту, братія на пароходикѣ пѣла духовныя пѣсни. Въ 7 часовъ вечера «Сергій» вбѣжалъ въ монастырскую бухту, самую красивую изъ всѣхъ; длина ея около 2 верстъ и глубина 7 саженъ.

Въ 8 часовъ вечера, напутствуемые благословеніями, пароходы съ путешественниками отошли отъ монастырской пристани. Чудный вечеръ опускался на озеро, и еще разъ, во всей красотѣ своей, представился монастырскій заливъ. При выходѣ изъ него налѣво отвѣсныя скалы, а справа, высоко на горѣ — водопроводъ, садъ, кладбище, монастырскія зданія и храмы и, наконецъ, у самаго выхода въ озеро, скитъ св. Николая на невысокомъ скалистомъ островкѣ. Великокняжескіе пароходы шли по озеру одинъ за другимъ въ кильватеръ. Плаваніе, около 300 верстъ пути, было совершено вполнѣ благополучно.

III.

По Обонежью.

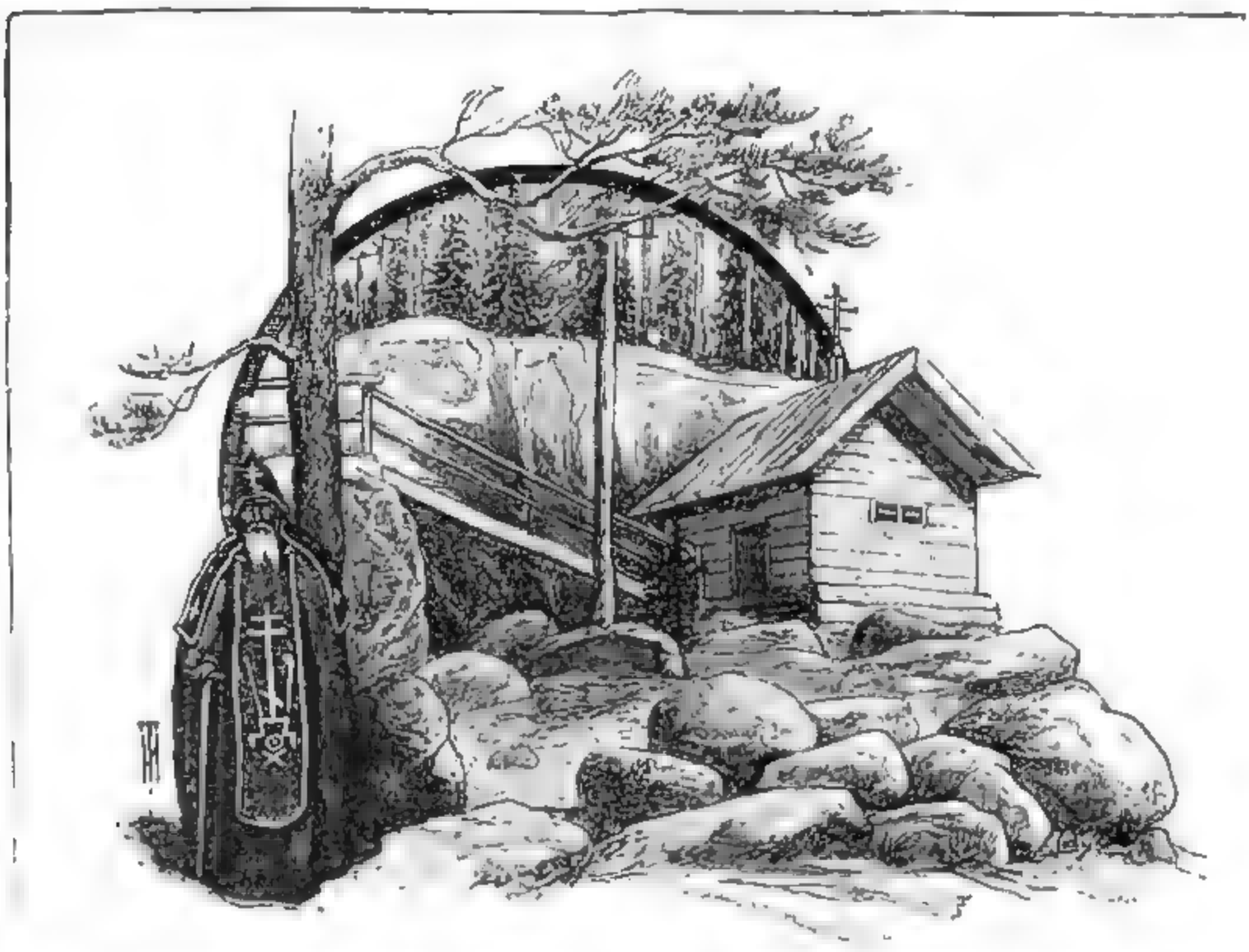
Ярко сіяетъ лѣтнее солнышко съ высоты безоблачнаго голубого неба. Цѣлые потоки свѣта льетъ оно и на сверкающую даль Онежскаго озера, и на Петрозаводскъ, раскинувшійся по скату каменистаго, березоваго кряжа. — Въ глубинѣ Петрозаводскаго залива яркимъ пятномъ бѣлѣетъ церковь Соломенскаго погоста, созданная буквально «на камени», т. е. на громадной діоритовой глыбинѣ, омываемой съ трехъ сторонъ водою и покрытой трещинами и бурымъ, желтоватымъ мхомъ. Неподалеку отъ этого каменнаго храма темнѣетъ на берегу деревянная церковь, построенная еще при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Эта вторая церковь осталась отъ бывшаго здѣсь когда-то монастыря, который, въ свое время, былъ удостоенъ приношенія собственноручныхъ трудовъ царевны Софіи Алексѣевны, состоящаго изъ холщевой шитой ризы и двухъ шелковыхъ плетеныхъ поясовъ. Но если Соломенное любопытно



Карта и видъ Онежскаго озера.

Оригг. рис. И. Тюменева, грав. Рашевскій.

своею древностью и воспоминаніями о царевнѣ Софьѣ, то Петрозаводскъ, ровесникъ Петербурга, еще болѣе приковываетъ вниманіе, какъ дѣло рукъ самого Петра. Тамъ, гдѣ сестра видитъ только монастырь и жертвуетъ въ него облаченіе, братъ открываетъ богатыя залежи металлической руды и основываетъ свой чугунный заводъ, составившій ядро, изъ котораго съ теченіемъ времени образовался нынѣшній городъ. И до нашихъ дней Петрозаводскъ еще полонъ воспоминаніями о своемъ вѣнценосномъ основателѣ. Вотъ старый деревянный соборъ, построенный Петромъ въ видѣ башни, вершина которой служила ему въ то же время и обсерваторіей; вотъ общественный

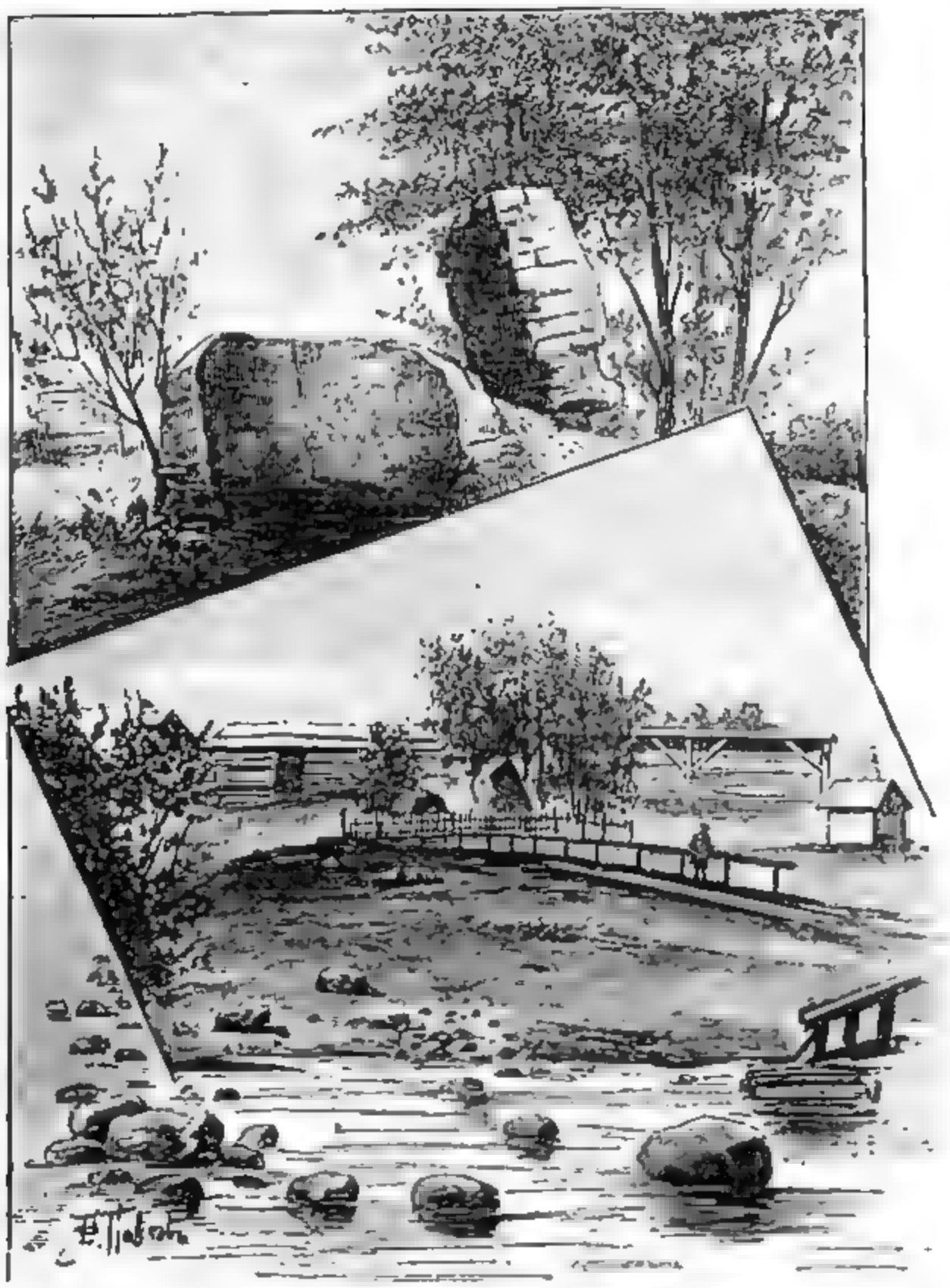


Пещера преподобнаго Корнилія, близъ Палеостровскаго монастыря.
Ориг. рис. И. Тюменева, грав. Пястушкевичъ.

садъ, въ которомъ не мало деревьевъ посажено собственными руками государя и въ которомъ стояла его походная церковь и небольшой деревянный дворецъ; вотъ, наконецъ, и остатки доменныхъ печей Петровскаго завода, перенесеннаго впослѣдствіи нѣсколько далѣе отъ берега и теперь называющагося Александровскимъ.

Отъ города, далеко вдаваясь въ заливъ, тянется длинная дамба, по которой снуетъ народъ и погромыхиваютъ старинаго покроя извозчичьи дрожки. Въ концѣ дамбы, у пристани, дымится, готовый къ отплытію, пароходъ «Петрозаводскъ». Онъ отправляется въ тотъ любопытный своеобразный край сѣвернаго и восточнаго Онежскаго побережья, гдѣ сохранилось еще такое богатство родной старины въ историческихъ воспоминаніяхъ, въ преданіяхъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, словомъ,—во всемъ складѣ жизни мѣстныхъ обитате-

лей, о которыхъ покойный А. Ф. Гильфердингъ, извѣстный собиратель народныхъ былинъ, писалъ въ свое время: «Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ: онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, сколько отсутствіемъ корысти». Народъ этотъ, потомокъ древнихъ «новгородскихъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ», основавшихъ здѣсь въ царствѣ корель-



Остатки доменной печи Петровскаго завода въ Повѣнцѣ.
Ориг. рис. В. Павлова, грав. Шюблеръ.

скаго племени свои славянскія колоніи, и посейчасъ вспоминаетъ въ пѣсняхъ о своихъ предкахъ:

Были людушки тогды да не штукавыи,
Не штукавы они были, запростѣйшіи.

Вспоминаетъ, какъ они—

Придались въ подсивѣрну сторонушку
На званы острова да эти книжскіи,

Во славное во обчество во Толвую;
Были добры у нихъ кони иноходныи,
Были славны корабли да мореходныи.

Каковы были предки, таковы и потомки.—

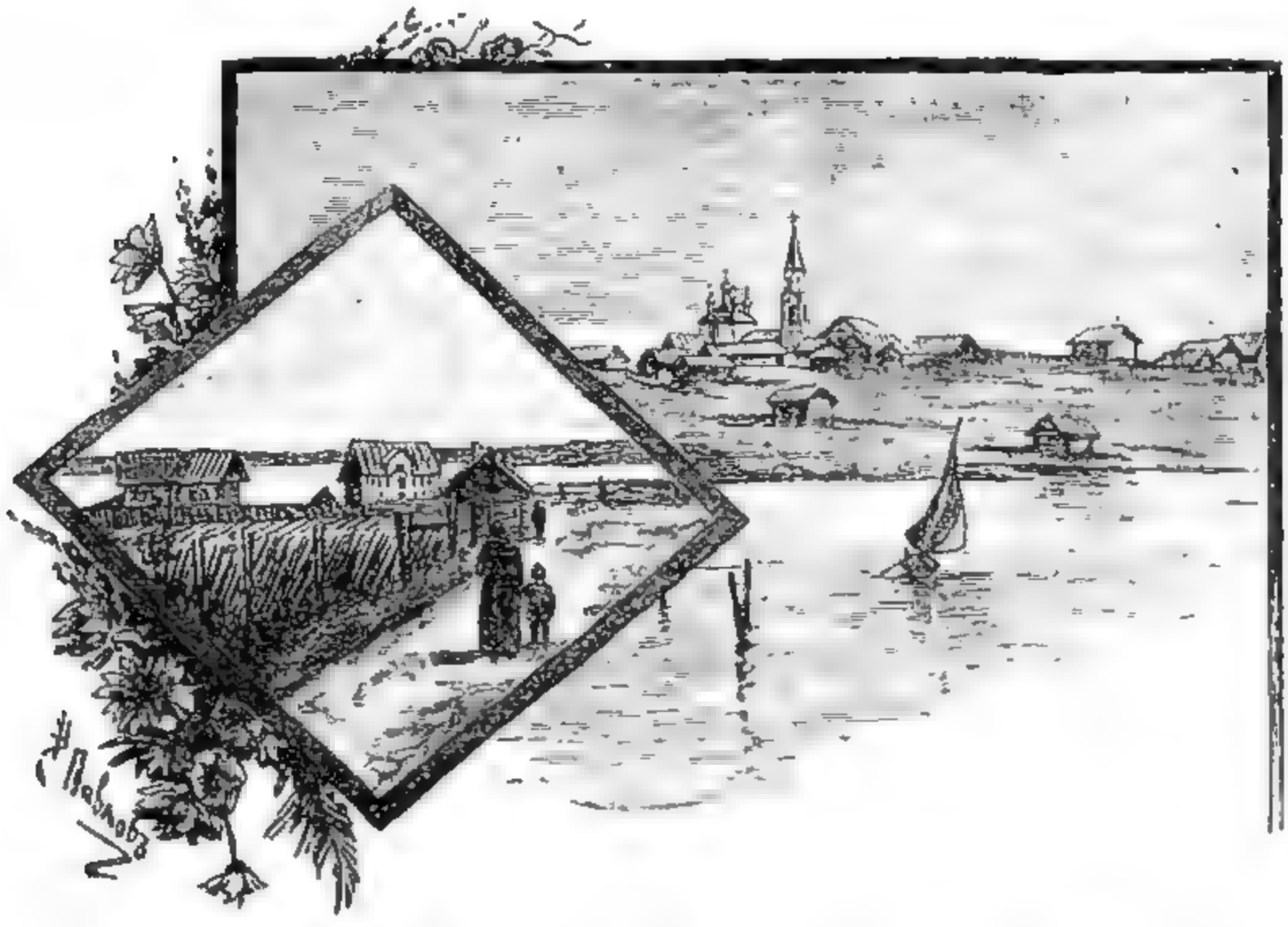
Мужики живутъ здѣсь великіи смѣлугища:
Ни на морѣ не боятся непогодья,
Ни въ лѣсахъ дремучихъ звѣрей оны рыскучіихъ,
Ни судей не боятся страховитыихъ.
Женщины здѣсь спацлавыи (?) домовушки
И великіи стряпеюшки;
Оны стряпаютъ стряпню новогородскую:
Нагольники, сканцы, припечники,
Рядовики, пироги-тонки-пряженки.

Здѣсь, говоритъ пѣсня:

Добры молодцы носятъ поддевочку дорогихъ суконъ,
На ножкахъ сапожки козловыи,
Кругъ сердечка кушачики шелковыи,
На головѣ шляпоньки пуховыи,
Оны ходятъ-то удалы,—подтяни пога.
Красны дѣвушки рядятся въ цвѣтное, баснстое платьице,
Сарафаны новоходныи, раструбистыи;
На голову кладутъ жемчужную подвѣсочку,
По подвѣсочкѣ—розову косыночку;
Въ завивную свою косу русую
Вплетаютъ золотыи, дорогіи эти ленточки;
Во ушеньки сережки бриллiантовы,
На бѣлую грудь цѣпочку золоченую.

Но отъ поэзіи до дѣйствительности существуетъ, какъ извѣстно, довольно почтенное разстояніе, и мы бы весьма ошиблись, если бы на основаніи пѣсни вообразили, что край течетъ медомъ и млекомъ, а жители только и знаютъ, что похаживать въ поддевочкахъ дорогихъ суконъ и въ «новомодныхъ», раструбистыхъ сарафанахъ. Это только казовая праздничная сторона народнаго быта, на которой пѣвецъ отводитъ свою душу; другая сторона его жизни, будничная, не требуетъ стиха для своего изображенія; оно и въ прозѣ выходитъ довольно краснорѣчиво.—«Трудно передать словами, — говоритъ Гильфердингъ:—какого тяжелаго труда требуетъ отъ человѣка эта сѣверная природа. Главныя и единственно-прибыльныя работы—распахиваніе «нивъ», т. е. полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время—сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Еще на самыхъ берегахъ Онежскаго озера крестьянину живется легче, но на сѣверъ и востокъ отъ нихъ вся сторона почти сплошь покрыта непролазными болотами и непроходимыми лѣсами. Дорогъ и теперь еще почти нѣтъ, и отъ деревни до деревни приходится пробираться по тропинкамъ, не иначе какъ пѣшкомъ, или верхомъ. Здѣсь становится немыслимою наша обыкновенная телѣга и замѣняется лѣтомъ и зимою одними дровнями, или же особымъ приспособленіемъ, носящимъ названіе «волоковъ» и состоящимъ изъ

двухъ оглобель, концы которыхъ волочатся по землѣ и скрѣплены дощечкою для привязыванія клади. Здѣсь не растетъ ни гроча, ни капуста, ни огурцы, ни лукъ, и пищу крестьянина составляетъ часто овесъ, приготовляемый различными способами. Много и упорно приходится трудиться здѣшнему жителю: но у него, съ другой стороны, есть и свои наслажденія, которыхъ другіе почти не знаютъ. Въ длинные зимніе вечера въ избѣ его раздаются звуки могучей богатырской былины. Вѣря ей во всей простотѣ своей безхитростной, отзывчивой души, онъ на время забываетъ окружающее и всѣмъ своимъ существомъ переселяется въ туманную, таинственную даль минувшаго. Передъ его во-



Голвуй. Общій видъ съ озера. Мѣстность на востокъ отъ церкви, съ домомъ Захарьевыхъ.
Ориг. рис. В. Павлова, грав. Шлиперъ.

ображеніемъ возстаютъ величавые образы «славныхъ могучихъ богатырей»: и старый матерой казакъ Илья Муромецъ, и вѣжливый Добрынюшка Никитичъ, и Алеша Поповичъ, и Михайло Потыкъ, и Чурило Пленковичъ, и наконецъ самъ Красное Солнышко, ласковый Владиміръ князь. Эти образы освѣжаютъ его душу, согрѣваютъ сердце, подкрѣпляютъ на новые труды, на новые подвиги. И всего замѣчательнѣе, что все это происходитъ всего въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ дняхъ пути не отъ Кіева, или хотя бы отъ Москвы, — а отъ Петербурга, самаго европейскаго города во всей Россіи и мѣста средоточенія всякой заморской хитрости-мудрости.

Простота нравовъ чувствуется во всемъ. Въ городѣ намъ сказали, что пароходъ отправляется въ 9 часовъ утра, но вотъ уже и 10, и 11, а пароходъ все еще продолжаетъ грузиться. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не оставить

же кладь на пристани? А относительно того, чтобы приходить и отходить въ срокъ, такъ здѣсь не Америка,—торопиться и гнать сломя голову некуда, да и не затѣмъ.

Наконецъ нагрузка окончилась, и пароходъ «Петрозаводскъ» тронулся. Вотъ онъ миновалъ красивые Ивановскіе острова, расположенные при входѣ въ Петрозаводскій заливъ и не помѣченные даже на картѣ десятиверстнаго масштаба. Путешественниковъ это нѣсколько удивило, но мѣстные жители отнеслись къ пропуску гораздо спокойнѣе; по ихъ словамъ, здѣсь и на спеціальныхъ-то картахъ многаго не найдешь, не говоря уже о картахъ общихъ. Промѣры, правда, производятся изъ-года-въ-годъ, но пока они будутъ окончены, пока составится точная и подробная карта озера, пройдетъ не мало времени, а пока приходится ходить чуть не ощупью. Между тѣмъ дно озера крайне неровно и опасно. Достигая глубины въ 200 саженъ (тогда какъ глубина Ладожскаго озера, даже въ сѣверномъ концѣ, не превышаетъ 122 саженъ), капризное Онего изобилуетъ подводными лудами, скалами и пространными отмелями, усѣянными валунами. Если прибавить къ этому частыя бури и туманы, то становится вполнѣ понятнымъ, почему жители такъ интересуются каждою новою картою, каждымъ новымъ свѣдѣніемъ относительно озера. Наверху, на штурвальной площадкѣ путешественники познакомились съ капитаномъ Абрамомъ Андреевичемъ Ишапинымъ, опытнымъ мореходомъ, который прекрасно знаетъ свои пути по озеру.

Вскорѣ завязался общій разговоръ о здѣшнемъ лѣсномъ «помѣщикѣ»,—какъ въ шутку называетъ его народъ, извѣстномъ въ остальной Россіи подъ именемъ генерала Топтыгина. Одинъ изъ собесѣдниковъ передаетъ недавній случай, слышанный имъ въ Петрозаводскѣ отъ нѣкоего Дмитрія. Шли они, человѣкъ двѣнадцать, по ложню верстахъ въ 20 отъ города; были тутъ и мужчины, и бабы, народъ все городской. Идутъ они тропкою, гуськомъ. Вдругъ изъ лѣсу что-то темное показывается. Думали сначала—лошадь бѣжитъ. Оказывается громадная медвѣдица и за нею два медвѣженка. Несутся какъ разъ наперерѣзъ тропы. За Дмитріемъ сзади баба шла, несла подъ мышкою разные припасы. Медвѣдица прямо на нихъ, да какъ вскочитъ между нимъ и бабой! Баба съ ногъ полетѣла и припасы ея всѣ въ разныя стороны покатились. Къ счастью, медвѣдица чѣмъ-то была сильно сама напугана и помчалась дальше, а медвѣжата, струсивъ общаго крика, повернули назадъ къ лѣсу.

— Городскимъ-то медвѣдь диковинка,—замѣтилъ одинъ изъ слушателей,—а въ деревнѣ это дѣло обыкновенное. У насъ одинъ мужичокъ поѣхалъ за рыбой, а вернулся съ медвѣдемъ.

— Какъ такъ?

— Выѣхалъ онъ на свое озеро въ лодкѣ съ сѣтями, глядитъ — медвѣдь плыветъ. Они вѣдь прекрасно плаваютъ,—обернулся къ намъ разсказчикъ,—верстъ по 12 проплыть могутъ. Вотъ хорошо. Парень-то нагналъ его да наудачу и брось на него сѣть,—попалъ. Онъ—другую, третью, да такъ его запуталъ, что тому и не поворотиться. Добилъ его весломъ да на буксирѣ домой везетъ, а отъ хозяина дома выговоръ получилъ, зачѣмъ сѣти попортилъ.

Слушая эти разсказы, невольно припоминаются слова В. Л. Майнова объ отношеніяхъ мѣстныхъ крестьянъ въ медвѣдю. Отношенія эти до-нельзя просты. «Право,—говоритъ онъ:—медвѣдь здѣшнему крестьянину чуть разнѣ пострашнѣе собаки.—Пошелъ этто разъ я на рябцовъ и винтовочка-то припасена у меня такая, что для нихъ посподобнѣе,—малопульная. Иду этто я

Спасо-Преображенская церковь въ Кижахъ.
Орнг. рис. В. Павлова, грав. Рашевскій.

такъ ввечеру, домой ужъ завернулъ,—а онъ вотъ онъ! (Народъ здѣсь никогда въ разсказѣ не скажетъ «медвѣдь», а всегда говоритъ или «онъ», или инымъ путемъ старается не назвать звѣря его именемъ). Что тутъ дѣлать? Взялъ этто я рогатину половчѣе, да пхнулъ ему въ подгрудье; такъ ишь она шельма не угодила! Прямо-таки ему въ кость—ни впередъ, ни назадъ. Онъ лапами-то

ухватилъ ее, нажимаетъ, а она съ кости-то никакъ не сойдетъ. Такъ полтора сутокъ мы съ нимъ сцѣпившись вокругъ березки ходили—полянку ишь какую вытоптали! Сорвалась-таки съ кости».—А вотъ другой случай: «Шелъ охотникъ полѣсовщикъ, а къ поясу-то у него привѣшены коппалы (тетерева). Только слышу я, кто этто у мене толконетъ, да какъ коппалу-то потянетъ. Думалъ все, что за сучья цѣпляюсь, анъ глядь—онъ. Я ему: эй оставь! не твое дѣло полѣсованье! а онъ опять! Я ему: эй! брось лучше! не то зарублю! Нѣтъ, братецъ ты мой, такъ и тянетъ! Я его этто маленько винтовкой-то опоясалъ; опять присталъ!» — Ну что же? спрашиваю. — «Что жъ? зарубилъ, только и толку было».

Съ медвѣдей рѣчь перешла на волковъ, и Абрамъ Андреевичъ разсказалъ довольно оригинальный случай: ѣхалъ мужичокъ зимою съ сыномъ, порядкомъ навеселѣ. По дорогѣ навстрѣчу имъ бѣжитъ волкъ: увидалъ людей, дѣлать нечего, — спрыгнулъ въ снѣгъ,— а снѣгъ-то глубокъ былъ,— и сидитъ, поджидаетъ, пока проѣдутъ. У мужичка въ головѣ хмель бродитъ; обидно ему показалось, что волкъ не бѣжитъ.—«Стой, Тимошка!»—говоритъ сыну:—«я его, каналью! Онъ у меня лѣтомъ двухъ барановъ зарѣзалъ, а теперь разсѣлся въ снѣгу, да посматриваетъ, точно такъ и надо!» — Да, не долго, думая изъ саней-то и махъ въ сугробъ!—Бросился волку на спину и схватилъ его такъ, что тому не повернуться. «Бей, Тимошка!»— кричитъ.— Да чѣмъ? — Въ саняхъ ничего не было, кромѣ бутылки съ масломъ, — бутылка-то, правда толстая, изъ-подъ шампанскаго, — закупорили пробку покрѣпче, да бутылкой волка и убили.

Пароходъ, между тѣмъ, побывавъ въ Сѣнной губѣ, подходилъ ко второй своей пристани — Кижамъ. Расположенный на островѣ Кижскій погостъ можетъ, по справедливости, гордиться своей церковью, представляющею рѣдкостный образецъ многоглаваго типа въ церковной деревянной архитектурѣ. Она построена около половины прошлаго столѣтія и освящена во имя Преображенія Господня. Въ планѣ храмъ имѣетъ форму креста, каждая сторона котораго крыта тремя уступами, и на каждомъ изъ этихъ уступовъ поставлено по главкѣ, такъ что въ общемъ крыша вѣнчается болѣе нежели 20-ю главами. Въ самой церкви хранится нѣсколько интересныхъ, древнихъ иконъ, но особенно замѣчательна, для глаза, не привыкшаго къ сѣвернымъ постройкамъ, обработка потолка въ видѣ многограннаго шатра, упирающагося вершиною въ кругъ и расписаннаго изображеніями святыхъ; такая обработка носитъ здѣсь названіе «неба». Съ постройкою церкви связано преданіе о бунтѣ, бывшемъ около того времени въ Кижахъ. «Церковь-то прежде не здѣсь ставить хотѣли, — разсказывали намъ: — вонъ пригорочекъ-то съ часовенкой, направо-то — тамъ и рѣшили, туда ужъ и бревна свезены были. Только стали въ ту пору Кижл подъ заводъ подводить. Пріѣхалъ енералъ, прочиталъ указъ, а мужички-то заупрямились, — никто подписываться не идетъ. Енералъ велѣлъ пушку навести. Солдатъ навелъ пушку.—«Много ли народу возьметъ?»—спрашиваетъ енералъто.— Человѣкъ 75 возьметъ. — «Много».— Навели пушку повыше. «Много ль возьметъ?»—Человѣкъ 25.—«Много».—Навели еще выше.—«Много ли теперь

возьметъ?»—Не могу знать,—человѣкъ пять или семь, не больше. «Валяй!» Какъ кровь пролилась, и выходитъ Климовъ старикъ,—борода сѣдая, долгая. Я, говоритъ, желаю Богу и великой государынѣ служить.—А спаралъ-то его за бороду:—«Ты, говоритъ, пушки послушался, а не указу».—Только ужъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кровь пролилась, церковь ставить было неловко, и перенесли ее сюда». А книжанъ и посейчасъ еще дразнятъ: «Не робѣй, Парамонъ: осинова пушка, ольховыя ядра,—покуда не выстрѣлено!»

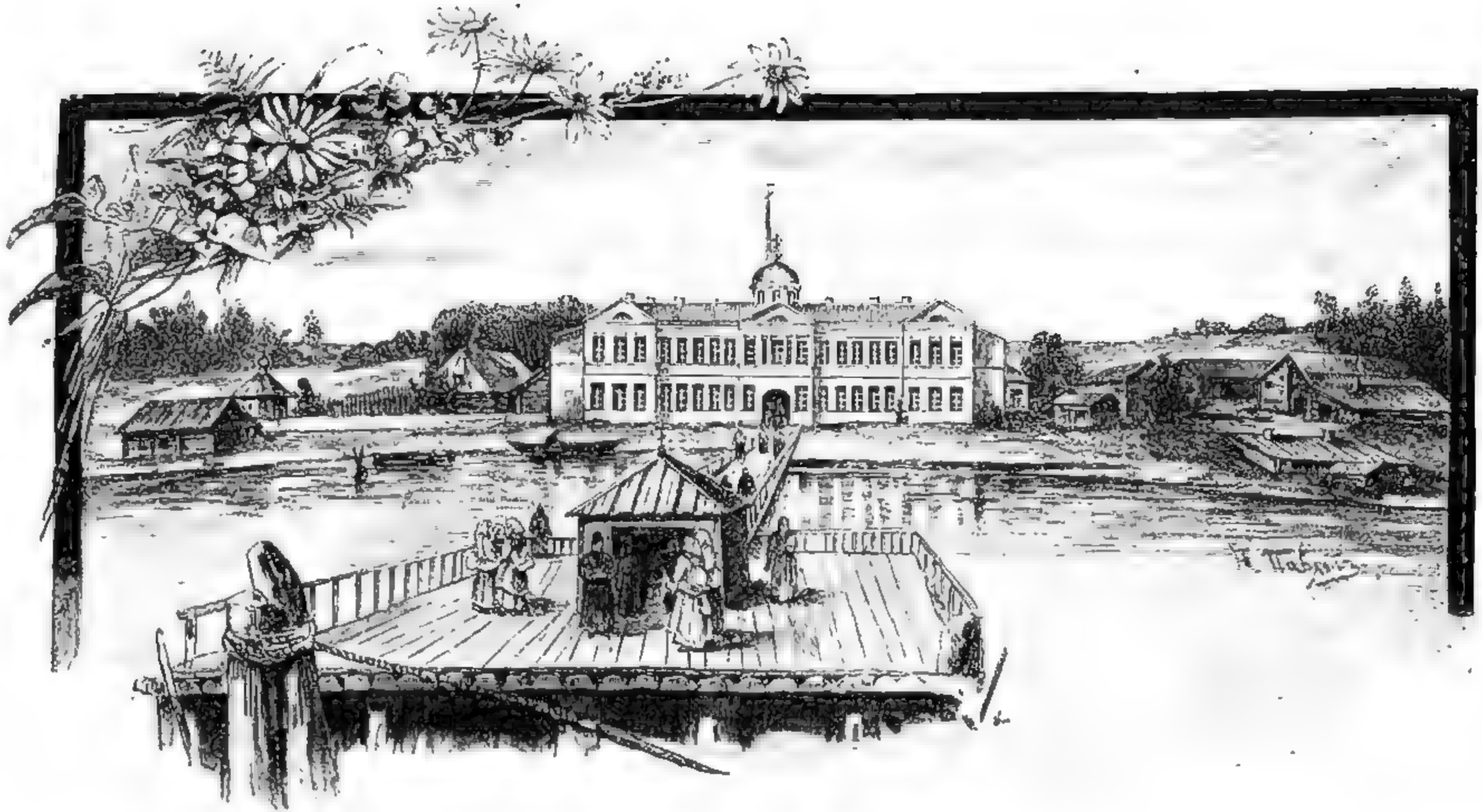
Слѣдующая за Книжами остановка была въ Великой Губѣ, по выходѣ изъ которой пароходъ вступилъ въ плёсо, называемое «Красное поле», почти сплошь усѣянное островами, мелями и подводными камнями. Пароходъ поминутно дѣлалъ различные повороты, изгибы и описывалъ самые прихотливые зигзаги. Если бы путь его по Красному полю выразить въ линіи, то получилась бы крайне интересная иллюстрація къ характеристикѣ озера.

Неподалеку отъ Краснаго поля намъ указали синѣвшую вдали сѣверную оконечность Климецкаго острова, на южномъ концѣ котораго находится извѣстный во всей мѣстности Климецкій монастырь, основанный въ первой половинѣ XVI столѣтія Іоанномъ, сыномъ новгородскаго посадника Климентова.

Къ 11 часамъ вечера пароходъ пришелъ въ село Кузаранду (названное на картѣ почему-то Казарапскою выставкою). Здѣсь жила извѣстная и Петербургу вопленица старушка Осдосова, познакомившая столичныхъ жителей съ характерными заплачками и причитаніями сѣвернаго края. Хотя здѣшнія женщины и знаютъ многія былины и поютъ ихъ въ качествѣ «сказительницъ», но главною ихъ спеціальностью остается все-таки свадебная и похоронная лирика, которая часто бываетъ настолько картинна, настолько проникнута глубокимъ, искреннимъ чувствомъ, что вызываетъ невольныя слезы у слушателей.

Надъ озеромъ давно уже спустилась бѣлая іюньская ночь, когда нашъ «Петрозаводскъ» тронулся далѣе. По сѣверной части горизонта тянулась алая полоска зари,—не то послѣдній отблескъ погаснаго заката, не то провозвѣстница новаго, приближающагося разсвѣта. Кругомъ стояла полная тишина. Угомонившееся Онего точно заснуло въ своихъ широкихъ берегахъ; въ его зеркальной глади отражалась глубокая, безпредѣльная высь неба, и ближній берегъ, и эта дальняя свѣтлая полоска не сходящей съ горизонта зари.

Въ 2 часа ночи въ рубкѣ раздался голосъ матроса: «Господа, кто желаетъ Богу молиться, такъ сейчасъ монастырь; приставать будемъ». Пароходъ подходилъ къ Палеостровской обители, находящейся въ 160 верстахъ отъ Петрозаводска. (Остановка у монастыря для парохода не обязательна и зависитъ отъ воли капитана). На пристани уже стояли разбуженные свисткомъ монахи, явился вскорѣ и настоятель, и какъ только пароходъ остановился, всѣ пассажиры гурьбою поспѣшили на островъ поклониться мощамъ основателя обители, преподобнаго Корнилія, и побывать въ его пещерѣ. Извѣстно, что Корнилій былъ родомъ псковичъ, постригся уже въ зрѣломъ возрастѣ, долгое время странствовалъ по монастырямъ, избирая мѣсто для духовныхъ подвиговъ, жилъ нѣкоторое время на Валаамѣ и, наконецъ, поселился на этомъ



Палеостровскій монастырь.
Ориг. рис. В. Павлова, грав. Шюблеръ.

островѣ, носившемъ названіе «Палья» или «Вспалья» отъ обилія водившейся вокругъ него рыбы—палья. Когда къ нему на островъ стала собираться братія, онъ построилъ церковь Рождества Богородицы и другую во имя Ильи Пророка съ трапезою. Управляя монастыремъ, онъ часто удалялся для уединен-

Толвуй. Домъ Халтурина, 1813 г. Мѣстная телѣжка.

Ориг. рис. В. Павлова, грав. Шпицеръ.

ной молитвы въ пещеру на окраинѣ острова, гдѣ и скончался. Тѣло его было перенесено въ монастырь ученикомъ и преемникомъ его Аѳанасіемъ, также прославившимся строгою подвижническою жизнью. Оно покоится теперь въ соборной церкви, въ гробницѣ, которая, по словамъ Челищева, бывшаго здѣсь

въ 1791 году, запечатана будто бы Петромъ Великимъ. Но если о жизни преподобнаго сохранились по преданію кое-какія скудныя свѣдѣнія, то вопросъ, въ какое время онъ жилъ и когда основанъ монастырь, остается и понынѣ открытымъ. На основаніи одной грамоты государей Іоанна и Петра Алексѣевичей время основанія монастыря можно, повидимому, отнести къ XII вѣку. А именно, въ ней встрѣчается слѣдующее мѣсто: «Въ прошлыхъ-де годахъ, тому съ пятьсотъ лѣтъ и болши новгородскіе посадники дали подъ строеніе того ихъ монастыря Палеостровскаго первоначальнику преподобному Корнилію на Онегѣ озерѣ Палей, Рѣчной и иные острова». Выраженіе «тому пятьсотъ лѣтъ и болши», употребленное въ 1691 году, которымъ помѣчена грамота, указываетъ на XII столѣтіе, какъ на время основанія монастыря. Но г. Звѣринскій, въ своемъ описаніи русскихъ монастырей, высказываетъ нѣкоторое сомнѣніе въ столь давнемъ существованіи обители. Замѣтивъ, что первое письменное о ней упоминаніе относится лишь къ 1391 году, онъ приводитъ выписку изъ описи 1582 года, въ которой, между прочимъ, сказано: «А на монастырѣ церкви Рождества Пречистыя Богородицы, да церковь Никола Чудотворецъ, да церковь теплая Илья Пророкъ съ трапезою. А церкви поставлены и церковное строенье прежняго игумена Корнилія». «Это извѣстіе,—говоритъ онъ,—заставляетъ усомниться, чтобы монастырь былъ основанъ въ XII столѣтіи, такъ какъ церкви и строенье деревянныя, построенныя Корниліемъ, едва ли могли сохраниться болѣе, чѣмъ въ теченіе 300 лѣтъ». Но тутъ же, впрочемъ, и самъ приводитъ примѣръ долголѣтія деревянныхъ построекъ, указывая на древнюю церковь Муромскаго монастыря. Архимандритъ Игнатій, въ краткихъ жизнеописаніяхъ русскихъ святыхъ говоря о преподобныхъ Корниліи и Авраміи Палеостровскихъ, помѣщаетъ ихъ въ отдѣлъ XV вѣка и временемъ смерти Корнилія опредѣляетъ 1420 г., а нѣсколькими строками дальше замѣчаетъ, что изъ достовѣрныхъ извѣстій «ни о времени преставленія сихъ угодниковъ, ни о времени пришествія ихъ на островъ».

Въ XVII столѣтіи на монастырь нападали литовцы. Въ 1654 году здѣсь находился въ заточеніи Павелъ, епископъ Коломенскій, извѣстный, какъ одинъ изъ главарей раскола въ православной церкви. Въ настоящее время монастырь весьма бѣденъ, несмотря на большія угодья и лѣсныя дачи, жертвуемыя ему въ разное время благотворителями и закрѣпленныя за нимъ царскими грамотами.

Отъ церкви, гдѣ предъ мощами св. Корнилія былъ отслуженъ молебенъ, путешественники отправились къ его пещерѣ, находящейся въ разстояніи около 200 саженъ отъ монастыря, на берегу, покрытомъ скалами, камнями и рѣдкимъ ельникомъ. Деревянная лѣсенка ведетъ къ часовнѣ, составляющей преддверіе пещеры. Сама пещера настолько мала, что Челищевъ даже сомнѣвается, чтобы преподобный могъ жить въ такой тѣснотѣ. «Тѣсная сія ущелина,—говоритъ онъ,—не имѣетъ довольно мѣста, чтобы лечь и вытянуться человѣку, не имѣетъ ни окна, ни печи, ни горна, ниже крышки отъ дождя, снѣга и вѣтровъ». Но и въ житіи не говорится, чтобы святой жилъ здѣсь постоянно. Онъ только удалялся сюда на время для молитвы и уединен-

ныхъ подвиговъ, для которыхъ, конечно, никакихъ удобствъ не требовалось.

На пароходѣ раздался первый свистокъ, и онъ тронулся въ обратный путь къ монастырю. Не успѣлъ нашъ «Петрозаводскъ» обогнуть Палеостровскаго мыса, какъ впереди, спускаясь по откосу кряжа, показалось на берегу селеніе Толвуй, съ именемъ котораго связано не одно историческое воспоминаніе.

Селеніе это упоминается въ грамотахъ, начиная съ XV столѣтія. Въ здѣшнемъ приходѣ родился въ небогатой крестьянской семьѣ извѣстный всей Россіи св. Зосима Соловецкій. Здѣсь же передъ уходомъ въ монастырь онъ

Село Шунга, на озерѣ Путкозерѣ.

Ориг. рис. В. Павлова, грав. Шюблеръ.

служилъ работникомъ въ зажиточномъ домѣ семьи Захарьевыхъ, родъ которыхъ и теперь существуетъ въ Толвуѣ. Сюда же въ царствованіе Бориса Годунова была прислана въ заточеніе Ксенія Ивановна, во инокиняхъ Марѳа, бывшая супруга боярина Ѳеодора Никитича Романова, какъ извѣстно, также постриженнаго подъ именемъ Филарета и сосланнаго въ Сійскій монастырь. Посланный съ нимъ приставъ Вейковъ былъ свидѣтелемъ, какъ сильно тосковалъ по женѣ и дѣтямъ Филаретъ Никитичъ. «Жена моя бѣдная, наудачу уже жива ли?—говорилъ несчастный:—Гдѣ она? Чаю, гдѣ-нибудь туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ. То мнѣ и лихо, что жена и дѣти; какъ помяну ихъ, такъ словно кто рогатиною въ сердце кольнетъ!» Но нашлись добрые люди, которые, несмотря на всѣ строгости, отваживались хотя изрѣдка переносить вѣсти изъ Толвуя въ Сійскій монастырь и обратно, то были: поп

Ермолай Герасимовъ, крестьяне Глездуновы, Тарутины и другіе. И не забыла великая инокиня своихъ толвуйскихъ доброхотовъ. По восшествіи на престолъ государя Михаила Осодоровича, попъ Ермолай сдѣланъ ключаремъ московскаго Архангельскаго собора, и ему, вмѣстѣ съ сыномъ Исакомъ, пожалована вотчина въ Чемужскомъ погостѣ. Тарутины, Глездуновы и сѣнногубскіе крестьяне Сидоровы—всѣ получили царскія обѣльныя грамоты, и потомки ихъ, до нашего времени, пользуются правами предковъ. У Ключаревыхъ въ Чёлмужахъ хранится, по слухамъ, портретъ великой инокини Марфы Ивановны, подаренный ихъ предкамъ, вѣроятно, еще въ Москвѣ.

Въ Толвуѣ путешественники познакомились съ мѣстнымъ старожиломъ Халтуринымъ, домъ котораго составляетъ также своего рода достопримѣчательность. Выстроенный въ 1812 г., онъ является типичнымъ представителемъ мѣстныхъ построекъ стараго типа. Тамъ же неподалеку они зачертили и образецъ мѣстной телѣжки, похожей скорѣе на продолговатую тачку съ колесами, вырѣзанными изъ цѣльнаго куска дерева.

Мѣсто терема царицы-инокини показываютъ на сѣверъ отъ церкви въ огородѣ, гдѣ и посейчасъ еще видны остатки какого-то фундамента, заросшаго травою. Но трудно утверждать, что это остатки именно того дома, въ которомъ томилась въ заключеніи узница. Во-первыхъ, по замѣчанію Халтурина, въ Толвуѣ прежде было три церкви, и фундаментъ могъ остаться отъ одной изъ этихъ церквей; во-вторыхъ, каменные дома въ здѣшнихъ селахъ и въ настоящее время составляютъ величайшую рѣдкость, а въ началѣ XVII вѣка здѣсь не могло и быть другихъ построекъ, кромѣ деревянныхъ. Въ свою очередь, Халтуринъ слышалъ отъ дѣда, которому было 90 лѣтъ, преданіе, что домъ находился не на сѣверъ, а на востокъ отъ церкви, въ полѣ, гдѣ теперь стоитъ небольшая крестьянская баня.

На полѣ у бани, конечно, никакихъ слѣдовъ не осталось. Впереди виднѣлся заливъ, огибающій Толвуйскій полуостровъ, на берегу стояли два дома, одинъ изъ которыхъ принадлежитъ древнему роду Захарьевыхъ. Путешественники зачертили въ альбомъ этотъ унылый сѣверный пейзажъ, эту узкую полоску земли, на которой въ былое время трудился св. Зосима, этотъ заливъ и эти дали, на которыхъ останавливались когда-то унылые взоры томившейся здѣсь царственной затворницы.

Разставаясь съ Толвуемъ, необходимо замѣтить, что въ 7-ми верстахъ отъ селенія и посейчасъ еще существуютъ два небольшихъ поселка: Ближнее Царево и Дальнее Царево, получившіе будто бы свои названія отъ времени пребыванія здѣсь царицы-инокини. Въ Ближнемъ Царевѣ есть родникъ, изъ котораго она, по преданію, пила воду. Вода въ родникѣ отличается и теперь еще чистотою и пріятнымъ вкусомъ.

Отъ Толвуя пароходъ направился къ Повѣнцу, но по дорогѣ зашелъ еще въ Шунгу, играющую здѣсь роль мѣстнаго торговаго центра. На ея ярмаркахъ производился главный торгъ поморскими мѣхами, рыбою и дичью. Изъ мѣховъ сюда привозятся лисьи, бѣличьи, заячьи и оленьи и расходятся

большими партіями: лисица—въ Петербургъ, бѣлка—въ Каргополь и Вологду, заяцъ—въ Ростовъ, олень—въ Архангельскъ. Между привозимою въ Шунгу дичью главное мѣсто занимаютъ рябчики, между рыбою—сухая треска. Еще не такъ давно обороты Крещенской ярмарки въ Шунгѣ доходили до 1.000,000 рублей, теперь они сократились болѣе чѣмъ на половину, вслѣдствіе того, что рыба стала направляться на сентябрьскую ярмарку въ Архангельскъ и дичь стали возить обозами прямо въ Петербургъ. Селеніе лежитъ на берегу Путкозера, въ полутора верстахъ отъ пристани, и издали, особенно съ высокаго

Повѣнецъ. Трактъ на Соловки.

Оригг. рис. В. Павлова, грав. Рашевскій.

горизонта окружающихъ холмовъ, представляетъ очень красивую панораму. Отсюда озеромъ до Повѣнца считается не болѣе 30 верстъ.

«Повѣнецъ—міру конецъ»,—гласитъ мѣстная поговорка, и дѣйствительно городъ находится въ самомъ дальнемъ сѣверномъ краю озера. Берегъ, на которомъ онъ расположенъ, до того низокъ, что строенія издали кажутся стоящими наполовину въ водѣ. Во всемъ городѣ только одинъ небольшой каменный домикъ—уѣздное казначейство, остальныя постройки всѣ безъ исключенія деревянныя.

Впереди города расположенъ небольшой островокъ съ часовенкой,—это Поворотный островъ, съ которымъ связано извѣстное преданіе о Петрѣ I.

Пароходная пристань находится подлѣ соборовъ, стараго и новаго, — въ самомъ центрѣ городка. Соборы освящены оба во имя Петра и Павла. Новый соборъ построенъ сравнительно недавно, именно въ 1868 году. По краю городка протекаетъ быстрая, вѣчно шумящая, порожистая рѣчка Повѣнчанка, почти сплошь усѣянная камнями и по слухамъ заключающая въ себѣ рѣчной жемчугъ. На противоположномъ отъ города берегу ея находится лѣсопильный заводъ и громадные лѣсные склады купца Лебедева, а впереди ихъ, надъ самою рѣкою — остатки доменной печи Петровскаго завода. Заводъ до 1726 г. управлялся казною, и потомъ переданъ въ частное пользованіе нѣкіимъ предпринимателямъ Мартьянову и Колчѣ, но они, проработавъ десять лѣтъ, отказались отъ завода, и съ той поры онъ былъ окончательно заброшенъ. Теперь о немъ напоминаютъ только жалкіе остатки разрушенной доменной печи, которые чья-то добрая рука обнесла небольшимъ палисадникомъ.

Противъ завода, на городской сторонѣ, стоитъ небольшая часовня, и отъ нея, съ окраины города, начинается довольно широкая дорога, вскорѣ исчезающая въ ближнемъ перелѣскѣ. Дорога эта—трактъ на Соловки, по которому то и дѣло движутся толпы богомольцевъ обоего пола. Говорятъ, что отъ Повѣнца до Сумскаго посада, находящагося уже на Бѣломъ морѣ, считается 187 верстъ, а изъ посада въ Соловки ѣдутъ уже на пароходѣ. Переходъ моремъ продолжается часовъ около десяти, — а на парусахъ, — прибавляютъ жители, — хаживали туда и въ шесть часовъ.

Путешествовавшій недавно по Обонежью И. Ѳ. Тюменевъ разсказываетъ, что на обратномъ пути отъ Повѣнца къ Петрозаводску онъ имѣлъ случай познакомиться съ извѣстнымъ здѣсь пѣвцомъ былинъ, Иваномъ Аникіевичемъ Касьяновымъ, съ которымъ провелъ около двухъ сутокъ. Иванъ Аникіевичъ обладаетъ замѣчательною памятью, благодаря которой владѣетъ почти неистощимымъ запасомъ былинъ, старинныхъ пѣсенъ, мѣстныхъ легендъ, преданій, разнаго рода стихотворныхъ «сказокъ» частью нравоучительнаго, частью юмористическаго содержанія. Въ качествѣ любознательнаго человѣка, онъ отыскалъ въ корельскомъ языкѣ объясненіе непонятныхъ для русскаго названій деревень и селеній и объяснилъ намъ имена мѣстностей, которыя мы проѣзжали. Такъ, напримѣръ, имя лежащаго на сѣверѣ Толвуя, по его словамъ, происходитъ отъ корельскаго: Тольви — зима, а названіе Кижъ, находящихся южнѣе, отъ Кези — лѣто. Кузаранда должна бы была называться по-русски Еловымъ боромъ, такъ какъ происходитъ отъ корельскихъ словъ: куза — ель и ранда—боръ. Отъ него же узнали мы интересную подробность о корелахъ, съ незапамятныхъ временъ составляющихъ коренное населеніе края. У нихъ совершенно отсутствуетъ то, чѣмъ такъ богато пришлое русское племя — народныя пѣсни. Когда же они начинаютъ пѣть, то поютъ по слуху наши же напѣвы и слова, зачастую сами не понимая ихъ смысла.

Много любопытнаго передалъ Иванъ Аникіевичъ путешественнику и, между прочимъ, легенду объ одной достопримѣчательности, находящейся на восточномъ берегу озера, неподалеку отъ уѣзднаго города Пудожа. Городъ этотъ, какъ извѣстно, лежитъ на рѣкѣ Водлѣ, которая за нѣсколько верстъ до

впаденія въ озеро принимаетъ имя своего притока Шалы, и рыбачья деревенька, раскинутая при ея впаденіи, называется уже Шальскимъ устьемъ. Почти рядомъ съ этимъ устьемъ далеко выдвигается въ озеро поросшій густымъ лѣсомъ мысъ, носящій названіе «Бѣсова носа». Мысъ круто спускается къ водѣ и заканчивается плоскою, гладкою лудою, впереди которой, какъ бы оторванная отъ нея, торчитъ изъ воды большая гранитная глыба. Народъ разсказываетъ, что на этомъ мысѣ въ незапамятныя времена жилъ бѣсъ, а на другомъ, бли-

Соборъ времени Бориса Годунова. Новый соборъ.

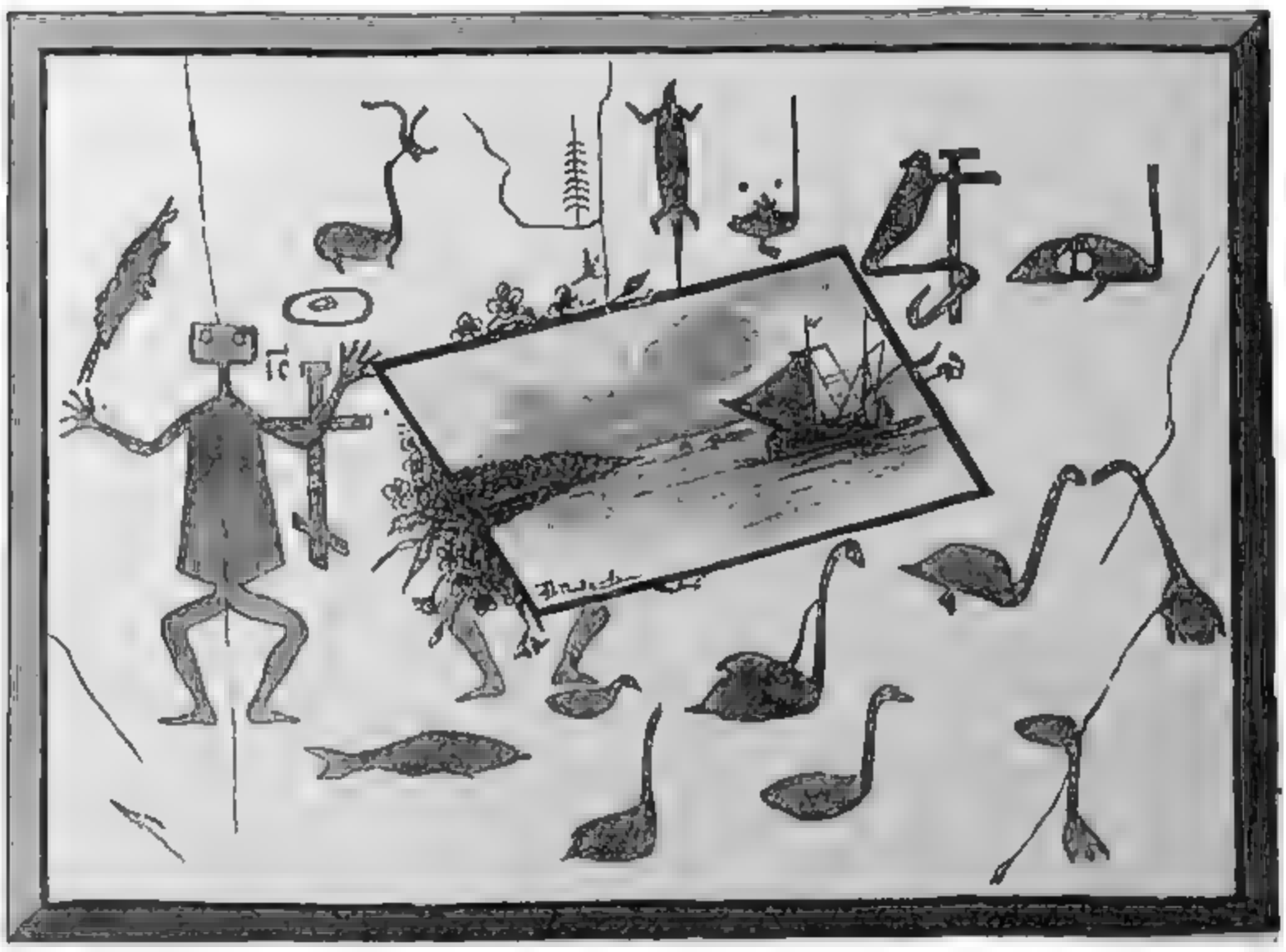
Соборы въ Повѣнцѣ.

Ориг. рис. В. Пашкова, грав. Рашевскій.

жайшемъ къ нему,—бѣсиха. Однажды бѣсъ захотѣлъ повытянуть свои владѣнія подальше въ озеро. Онъ свилъ крѣпкую веревку и сталъ тянуть оконечность мыса въ воду; но, какъ онъ ни старался, ничего подѣлать не могъ, а оторвалъ только гранитную глыбу, которая и упала въ озеро саженяхъ въ 30 отъ носа. Какъ бы въ подтвержденіе существованія здѣсь бѣса, наверху полуострова находится деревня—Бѣсовецъ. Всѣ эти названія и вышеприведенное преданіе основаны, по всей вѣроятности, на томъ обстоятельствѣ, что на лудѣ, соста-

вляющей крайнюю оконечность мыса, сохранились какія-то изображенія, начертанныя неизвѣстно чьими руками и неизвѣстно въ какое время; жители принимаютъ эти фигуры за бѣсовъ.

Г. Тюменевъ, побывавшій на лудѣ, зачертилъ вырубленныя на ней изображенія. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ человѣческія фигуры, затѣмъ встрѣчаются изображенія животныхъ, повидимому пушныхъ, и птицъ, похожихъ на лебедей; есть и небольшая рыбка, сдѣланная очень отчетливо, но, по всей вѣроятности, принадлежащая болѣе позднему времени. Грубѣе всего изображены люди. На самой большой человѣческой фигурѣ, съ подогнутыми



Бѣсовъ носъ и находящіяся на немъ древнія изображенія.

Ориг. рис. В. Павлова, грав. Шюблеръ.

ногами и растопыренными руками, очевидно принимаемой за главнаго бѣса, какимъ то благочестивымъ человѣкомъ вырублено изображеніе креста, какъ бы приковывающее бѣса къ лудѣ и не дающее ему возможности дѣлать лихо на озерѣ.

По поводу этихъ таинственныхъ изображеній г. Барсовъ, въ своемъ рефератѣ объ олонецкихъ древностяхъ, замѣчаетъ: «Полагаютъ, что въ этихъ очертаніяхъ изображенъ финскій легендарный герой Вайнемайненъ, управляющій водами и сушей и раздѣляющій власть со своей супругой. Но, принимая въ соображеніе низкій уровень нравственнаго развитія живущихъ здѣсь финскихъ племенъ, г. Тюменевъ считаетъ труднымъ допустить, чтобы эти изображенія, отличающія болѣе или менѣе развитую миѳологію, принадлежали

Пѣвецъ былинъ Иванъ Аникіевичъ Касьяновъ.

Ориг. рис. В. Павлова, грав. Пястушкевичъ.

этимъ аборигенамъ; начертаніе такихъ образовъ, какъ, напримѣръ, циркуля, пилы и чего-то въ родѣ зеркала, находящихся здѣсь, скорѣе должно быть приписано болѣе развитому новгородскому племени, лишь только въ болѣе отдаленный періодъ». Какъ бы то ни было, эти изображенія принадлежатъ къ числу весьма немногочисленныхъ остатковъ подобнаго рода, сохранившихся въ нашемъ отечествѣ, и заслуживали бы болѣе обстоятельнаго и подробнаго изслѣдованія.

ПУТЕШЕСТВІЕ ШЕСТОЕ

(1888 г.).

Очеркъ пути.

Шестое путешествіе, если взглянуть на карту и не считать начала пути отъ Петербурга до Ковны и его конца отъ Москвы до Петербурга, совершилось на протяженіи болѣе чѣмъ 3.000 верстъ желѣзнодорожнаго пути и окаймило тотъ территоріальный клинъ Имперіи, который, начинаясь широкою стороной своею въ Царствѣ Польскомъ, по его внѣшней окраинѣ, упирается остріемъ въ Москву.

Этотъ клинъ русской земли вдоль и поперекъ, въ теченіе вѣковъ, орошался нашею и вражескою кровью, взрытъ безсчетными боями и упокоиваетъ послѣднимъ сномъ несмѣтное число воиновъ русскихъ, поляковъ, литовцевъ, татаръ, рыцарей нѣмецкихъ, разношерстныхъ представителей арміи Наполеона I, съ ея двунадесятью языками, казаковъ всякихъ наименованій и, наконецъ, разныхъ воровскихъ и измѣнническихъ людей, лиходѣевъ, своихъ и чужихъ, времени междуцарствія, главныя гнѣзда которыхъ были свиты въ Калугѣ и Тулѣ.

Этотъ земельный клинъ составляетъ до сихъ поръ, по составу населенія и вѣроисповѣданіямъ, предметъ трудной и упорной заботы правительства въ видахъ окончательнаго объединенія его съ Имперіей. Здѣсь во многихъ мѣстахъ совершается то, что говорилось покойнымъ Батюшковымъ о Холмско-Подляшской Руси въ изданной имъ книгѣ «Холмская Русь»; нельзя скрывать того обстоятельства, что болѣзненныя явленія не прекратились и что приходится принимать мѣры, которыя, несомнѣнно, должны парализовать римско-католическую пропаганду. Граница съ сѣвера вплотную съ балтійскими губерніями, вызывающими цѣлый рядъ необходимыхъ преобразовательныхъ мѣропріятій, сливаясь на югѣ съ холмскими и червенскими городами, земельный клинъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ почти все то пространство, на которомъ разрѣшаются, или, лучше сказать, имѣютъ быть разрѣшены вопросы: польскій, западнаго края и слитый съ ними воедино вопросъ еврейскій. Важность этихъ вопросовъ явствуетъ сама собою.

Вотъ полный перечень мѣстностей, предстоявшихъ посѣщенію: Ковна, Юр-

бургъ, Гродна, Осовецъ, Варшава, Новогеоргіевскъ, Ивангородъ, Брестъ-Литовскъ, Полѣсье, Несвѣжъ, Минскъ, Смоленскъ, Калуга, Тула, Троицко-Сергіева Лавра. Съ быстротой необычайною мѣнялись одни за другими впечатлѣнія самыя разнообразныя и противоположныя.

Ранѣе другихъ была посѣщена Ковна; укрѣпленія существовали здѣсь еще въ XIV вѣкѣ, такъ какъ мѣсто это, расположенное при сліяніи двухъ судоходныхъ рѣкъ, Нѣмана и Виліи, давно должно было служить важнымъ стратегическимъ пунктомъ; развалины древняго замка видны и до сегодня надъ Виліей; это вторая по времени крѣпость, построенная балтійскими рыцарями въ 1383 году, послѣ разрушенія ими первой въ 1362 году. О рыцаряхъ нѣтъ здѣсь больше и помину, но зато православныхъ въ губерніи на 1.400.000 душъ (изъ нихъ 1 милл. крестьянъ и 270.000 евреевъ) всего только 4%. Въ извѣстномъ описаніи послѣдняго польскаго возстанія, составленномъ Ратчемъ, говорится, что, несмотря на дѣятельность графа Муравьева, послѣднія шайки держались именно въ Ковенской губерніи, съ ея сѣтью костеловъ.

Гродна упоминается въ лѣтописи впервые въ 1120 году, когда правнукъ Ярослава I Всеволодъ былъ княземъ городненскимъ, сыновья котораго Борисъ и Глѣбъ оставили здѣсь по себѣ память въ осыпающихся развалинахъ древняго храма «на Коложѣ». Гродна въ XII вѣкѣ была крайнимъ западнымъ предѣломъ Русской земли въ этихъ мѣстахъ. Мѣстный житель бѣлоруссъ или малороссъ рѣшительно недоумѣваетъ, замѣчаетъ Кояловичъ, когда этотъ городъ называютъ не Городня, а Гродно; непостижимо также, почему русскіе люди въ разговорѣ не склоняютъ этого имени: надо бы говорить Гродна и Вильна. Съ XIV вѣка, испытавъ разныхъ властителей, Гродна остается въ Литовскомъ великомъ княжествѣ; въ XV и XVI вѣкахъ городъ процвѣтаетъ: тутъ жили и короли польскіе, и князья литовскіе — Казимиръ IV († 1492 года), Стефанъ Баторій († 1586 года); Казимиръ IV спасался сюда отъ моровой язвы и даровалъ городу магдебургское право, то-есть неподсудность королевскимъ чиновникамъ, причемъ «войтъ» назначался королемъ, правилъ судъ заодно съ «ратманами», выбранными городомъ, и могъ произносить даже смертные приговоры. Замѣчательно, что если вѣрить новѣйшимъ мѣстнымъ официальнымъ даннымъ, то въ Гроднѣ и теперь процентъ смертности, а именно—два, наименьшій во всей Россіи. Когда въ августѣ 1831 года состоялись революціонные выборы отъ занѣманскихъ польскихъ частей, то депутатомъ отъ Гродны былъ выбранъ извѣстный впослѣдствіи маркизъ Велепольскій, но уже 9 сентября пала сама Варшава, и Велепольскій эмигрировалъ, съ тѣмъ, чтобы появиться опять во время повстанія 1863 года, но нѣсколько въ другой роли. Въ повстаніи 1862—1863 годовъ гродненскій предводитель дворянства графъ Скаржинскій, начиная съ перваго съѣзда помѣщиковъ, руководилъ мятежнымъ дѣломъ и думалъ самъ образовать гродненскую шайку, но былъ своевременно арестованъ; извѣстный его мемуаръ объяснялъ намъ, что единственное средство сохранить для Россіи сѣверо-западный край,—это дать ему польское самоуправленіе. Мысль не умирающая и сегодня и, къ сожалѣнію, близкая и нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ русскихъ дѣятелей.

Наиболѣе долгая остановка, а именно три дня, предстояла въ Варшавѣ. Варшава, какъ говорятъ, подобно Гродиѣ, всегда отличалась здоровымъ климатомъ, что̀ не помѣшало, однако, Петру Великому, прибывшему сюда 11 іюля 1706 года, заболѣть здѣсь жестокою лихорадкой, о которой писалъ онъ Кикину, что «въ самый Ильинъ день футовъ на пять былъ отъ смерти, такая жестокая была фибра».

Когда-то, восемь вѣковъ назадъ, Конрадъ, князь Мазовіи, охотясь на берегу Вислы, плѣнился мѣстомъ и построилъ замокъ; такъ, по преданію, зародилась Варшава. Только въ самомъ концѣ XVI вѣка Сигизмундъ III, король польскій, перенесъ сюда столицу изъ Кракова; говорятъ, что набожность варшавянъ была одною изъ причинъ, подвигнувшихъ этого благочестивѣйшаго изъ королей переселиться въ Варшаву.

Не дальше, какъ девяносто лѣтъ назадъ, Варшава являлась столицей шляхты, воплощеніемъ ея изумительныхъ правовыхъ порядковъ, сгубившихъ въ концѣ-концовъ Польшу и самую шляхту столицы; правовые порядки эти выразились въ такъ называвшихся «юридикахъ», уничтоженныхъ закономъ 1791 года, т.-е. только предъ самымъ раздѣломъ Польши. «Юридики», число которыхъ возросло въ Варшавѣ до многихъ десятковъ и которыя довели горожанъ до убожества, были шляхетскія собственности или, такъ сказать, отдѣльные города въ городѣ, въ которыхъ право суда и сборъ податей зависѣли не отъ городского управленія, а отъ собственниковъ «юридикъ». Исполосованная вдоль и поперекъ «юридиками», Варшава представляла изъ себя дѣйствительную столицу шляхетства, воплощеніе всей Польши въ миніатюрѣ.

Варшава была также искони воплощеніемъ другой идеи, проходящей красною нитью по всей исторіи Польши и составляющей самое непріятное наслѣдство, полученное нами отъ нея. «Отсутствіемъ инстинкта самосохраненія,—говоритъ Иловайскій,—слѣдуетъ признать призваніе на Польскую землю нѣмецкаго ордена и безучастное отношеніе къ чрезмѣрному размноженію еврейскаго населенія». Еще Казимиръ великій († 1370 года), для развитія средняго сословія, облегчалъ и покровительствовалъ колонизаціи края нѣмцами и евреями, и послѣдніе, не находя нигдѣ мѣста въ Европѣ, наплывали сюда; въ нѣмецкихъ земляхъ ихъ жгли, здѣсь имъ дарили привилегіи. Уже въ 1420 году краковскій сенатъ жаловался на то, что подавляющее большинство купцовъ и ремесленниковъ въ Польшѣ евреи. Ко времени возникновенія герцогства Варшавскаго, при Александрѣ I, число евреевъ въ Варшавѣ сильно увеличилось, потому что имъ дозволяли торговать и жить на всѣхъ улицахъ; вся Сенаторская, Маривиль и Поцеевъ были запружены ими. Участіе евреевъ въ мученіяхъ Украйны, равно какъ и въ возстаніяхъ 1830 и 1863 годовъ, всѣмъ извѣстно, и крайне характерны слѣдующіе два факта, стоящіе того, чтобы упомянуть о нихъ. Когда въ 1861 году умиралъ претендентъ на польскую корону, извѣстный устроитель въ Парижѣ «Ламберова отеля», князь Адамъ Чарторыйскій, пока находился во власти при императорѣ Александрѣ I, то онъ въ предсмертной рѣчи своей излился въ благодарности къ евреямъ, что̀ и засвидѣтельствовано присутствовавшими при смерти родственниками и дру-

гими людьми въ назиданіе потомству. Когда въ томъ же 1861 году 2 апрѣля маркизъ Велепольскій, эмигрировавшій въ 1831 году, пріѣхалъ въ Варшаву, по Высочайшему повелѣнію вступилъ въ управленіе и принималъ представителей духовныхъ и властей, то онъ обратился особенно радушно къ евреямъ, этому, какъ онъ сказалъ, «зародышу средняго сословія, пропадающему втуне»; извѣстно, что этимъ предпочтеніемъ евреевъ страшно обидѣлось католическое духовенство и тогда же открыто примкнуло къ повстанію; позже Велепольскій провелъ въ польскій государственный совѣтъ еврея Матіаса Розена. Примѣръ небывалый!

Выработавъ еврейство и шляхетство, исторія Польши осталась вѣрною себѣ до мелочей. Подобно тому какъ двигалась эта исторія между двухъ крайностей, между «nie pozwalam» каждаго отдѣльнаго дворянина, останавливавшаго этимъ возгласомъ теченіе государственныхъ дѣлъ всей страны, и «padam do nog» хлопа,—выраженіемъ, существующимъ и понынѣ въ польскомъ разговорѣ, такъ точно колебалась Польша и въ территоріальномъ отношеніи. Совершенно справедливо замѣчаетъ профессоръ Карѣевъ, что «настоящую польщизну составляли великая и малая Польша съ Мазовіей и эти земли находились справа, на востокѣ государства»; но что въ концѣ, допустивъ образованіе Габсбургской и Гогенцоллернской монархій, Польша утратила всю свою западную половину (Силезію, Поморье, Полабскихъ Славянъ) и названныя земли изъ восточныхъ сдѣлались въ ней западными. Эта земельная перекочевка настолько же своеобразна, какъ «liberum veto» шляхты, какъ «юридики» въ Варшавѣ, какъ постоянное покровительство евреямъ,—эта красная нить польской исторіи, какъ, наконецъ, эти замѣчательныя слова польскаго короля Владислава казакамъ, искавшимъ его защиты,—слова гласившія, что казаки имѣютъ сабли и имъ остается самимъ добиться своихъ правъ! Король, вызывающій своихъ подданныхъ на возстаніе, король-повстанецъ!! И Малороссія, дѣйствительно, поднялась тогда на смертельную борьбу съ Польшей, добила Польшу. Справедливо замѣчаетъ Кояловичъ, что сожалѣніе и сочувствіе, вызывавшееся и вызываемое польскою печатью къ судьбамъ поляковъ, имѣло предметомъ своимъ только шляхту, а никакъ не народъ, «присутствовавшій при паденіи Польши съ гробовымъ молчаніемъ». Это гробовое молчаніе народа, при паденіи своей страны, своего государства, просуществовавшаго около тысячи лѣтъ, поразительно!

Богатство и роскошь внѣшности Варшавы, ея палаццо, сады и бульвары, ея величественныя сооруженія, какъ, напримѣръ, городской фильтръ, составляетъ совершенный pendant богатству и роскоши Риги. Только подъ Русскою Державой достигли эти обѣ окраины наши, нѣмецкая и польская, того расцвѣта, которымъ поражаютъ онѣ теперь. По словамъ Янжула, фабричная производительность въ Польшѣ еще за предпослѣднее десятилѣтіе развилась въ два съ половиною раза болѣе, чѣмъ въ остальной Имперіи, и, запертая съ западной стороны покровительственнымъ тарифомъ, получила на востокѣ необъятный рынокъ Россійской Имперіи и все, что за нимъ. Поучительная съ этой стороны исторія польской производительности имѣетъ еще и высокое политическое зна-

ченіе, такъ какъ въ Калишской губерніи, напримѣръ, иностранное землевладѣніе сравнительно съ мѣстнымъ достигаетъ чудовищной цифры 44%.

Съ именемъ Бреста возникаетъ въ памяти, со всѣми своими непріятными и чувствуемыми до сихъ поръ послѣдствіями, исторія знаменитой уніи. Созданная для того, чтобы убить древнее, мѣстное православіе, она принята на третьемъ по счету соборѣ на этотъ предметъ, состоявшемся въ Брестѣ въ 1596 году, при брестскомъ епископѣ Игнатіи Поцѣѣ и по желанію короля Сигизмунда III. Поцѣй и Терлецкій, два православные епископа, ѣздили съ проектомъ уніи въ Римъ и привезли его съ папскимъ благословеніемъ; на третьемъ брестскомъ соборѣ большинство представителей православной церкви и земскихъ чиновъ Литвы тогда же объявили эту унію незаконною; но польское правительство все-таки ввело ее, и скоро въ Брестѣ оставалась только одна православная церковь, и имѣлось три уніатскія. На своемъ мѣстѣ придется поговорить объ уніи подробнѣе.

Вслѣдъ за Брестомъ былъ посѣщенъ Минскъ. Отсюда, когда губернаторствовалъ въ 1796—1806 годахъ Корнѣевъ, мѣстное дворянство, чрезъ представителя своего Хомпнскаго, подало императору Павлу I адресъ о возвращеніи польскаго управленія и передачѣ уніатовъ католической церкви; Хомпнскій, посланный обратно въ Минскъ, хотя и былъ арестованъ, но въ теченіе многихъ лѣтъ, будучи арестованнымъ, все-таки оставался предводителемъ дворянства. Въ архивѣ минскаго губернскаго правленія хранятся дѣла 1812 года съ Высочайшими Александра I повелѣніями о принятіи на прежнія должности польскихъ чиновниковъ, вступившихъ на службу Наполеона I, и о томъ, чтобы имѣнія ихъ не секвестровать. Въ Минскѣ же, когда, въ одно изъ путешествій императора Александра II, городъ прихорашивался, то управлявшій палатой государственныхъ имуществъ Квинтъ прямо заявлялъ, какъ сообщаетъ Ратчъ, что правительство «интересуется не церковью, а костеломъ». Эти противорусскія проявленія въ Минскѣ, въ одномъ изъ центровъ западнаго края, непримиримы съ государственнымъ строемъ Имперіи, и графъ Муравьевъ хорошо понималъ практически то, что̀ выражено теоретически Гильфердингомъ, когда онъ говоритъ, что «корень зла польскаго вопроса не въ самой Польшѣ, а въ западной Руси», и что мы, русскіе, въ теченіе трехъ поколѣній явили здѣсь то чудо, что побѣжденная народность польская, въ 1.270.000 человѣкъ, и паны, переименованные въ дворянъ, угнетала народность побѣдившую, а именно русскую, въ 6.500.000 человѣкъ. Необходимо замѣтить, что въ Минской губерніи, въ Новогрудкѣ, родился знаменитый Мицкевичъ, а съ этимъ именемъ соединена значительная часть судебъ польскаго народа за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ его посмертнаго существованія.

Съ приближеніемъ къ Смоленску путь шелъ по тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ не одно столѣтіе, въ борьбѣ за обладаніе смоленскими твердынями, сосредоточивалась, какъ въ центрѣ, борьба Россіи съ Польшей, борьба, разсѣянная въ неисчислимыхъ проявленіяхъ въ долгіе вѣка по всей западной сторонѣ; отсюда, изъ Смоленска, служившаго послѣднимъ этапомъ поляковъ по пути къ Москвѣ, шли они неоднократно на Кремль, и примѣру ихъ послѣ-

довалъ Наполеонъ, съ тѣмъ же успѣхомъ. Сюда, къ осажденному поляками Смоленску, защищаемому боярином Шеинымъ, являлись изъ отчаявшейся въ своихъ судьбахъ Москвы посольства; здѣсь, сдавъ Смоленскъ, груду окровавленныхъ развалинъ «новаго Сагунта», какъ говоритъ Карамзинъ, при другомъ царѣ и другихъ обстоятельствахъ, тотъ же самый Шеинъ, въ 1632 году, уже дряхлымъ старикомъ, явилъ при осадѣ Смоленска, когда-то имъ такъ славно защищаемаго, какое-то особенное равнодушіе, вызвавшее, между прочимъ, пререканія между двумя нашими военачальниками, причемъ Лесли, на глазахъ Шеина, застрѣлилъ Сандерсона; и Шеину въ 1643 году, по приказу царскому, отрублена голова. Олеарій подозрѣваетъ Шеина въ измѣнѣ. Сюда же, въ Смоленскъ, для наказанія стрѣльцовъ, прибылъ въ 1693 году Петръ I, и смертная казнь десятаго была отмѣнена только по усиленному ходатайству игумены Вознесенскаго монастыря Марѳы Радванской. Петръ I былъ въ Смоленскѣ много разъ; въ войнѣ съ Карломъ XII, по указу цареву, въ городъ присланъ, чтобы слѣдить за приготовленіями, царевичъ Алексѣй Петровичъ; въ 1708 году вступила сюда послѣ побѣды подъ Лѣснымъ гвардія, и привела съ собою плѣнныхъ шведовъ; чрезъ Смоленскъ провезены были двѣ жертвы Мазепы, Кочубей и Искра; доказательствомъ того, что еще въ 1735 году очень сильны были здѣсь польскія тенденціи, служитъ измѣна губернатора князя Черкасскаго, одна изъ своеобразнѣйшихъ страницъ въ исторіи нашей администраціи. Судьба Смоленска въ 1812 году, подвиги Энгельгардта и Шубина достаточно извѣстны; уборка мертвыхъ тѣлъ въ губерніи продолжалась по уходѣ французовъ три мѣсяца, и городъ Смоленскъ потерялъ цѣнностей на 6.592.000 руб.

Съ приближеніемъ къ Калугѣ и Тулѣ путники подвигались къ тѣмъ мѣстамъ, по которымъ нѣкогда пролегали главные пути татарскихъ опустошеній, такъ называемыя «сакмы». Калуга, заодно съ Коломной, Серпуховомъ и Алексинымъ, входила въ составъ «сторожевой линіи», или «украинскихъ городовъ». Въ 1598 году съ цѣлью защиты противъ татаръ поставлены были здѣсь Годуновымъ крѣпости, сдѣланы засѣки и устроена судовая или плавная рать по Окѣ. Можетъ быть, даже вѣроятно, что Калуга основана Дмитріемъ Донскимъ, потому что первое упоминаніе о ней находится въ завѣщаніи куликовскаго героя. Іоаннъ IV, желая заселить Украйну и землю Сѣверскую людьми годными на ратное дѣло, главнымъ образомъ, противъ постоянно насѣдавшихъ отсюда татаръ, не мѣшалъ укрываться въ этихъ мѣстахъ всякимъ бѣжавшимъ преступникамъ; ту же мысль проводили въ жизнь и царь Ѳеодоръ, и царь Борисъ. Время перваго самозванца прошло для Калуги, сравнительно, мирно; но тутъ-то, какъ говоритъ Авраамій Палицынъ, «болѣе двадесяти тысячъ сицевыхъ воровъ» послужили основаніемъ образованія полчищъ князей Шаховскаго и Телятевскаго, возмущавшихъ страну во имя другого, еще не пріисканнаго, второго самозванца, тутъ выросла въ преступной силѣ своей фигура бывшаго холопа князя Телятевскаго—Болотникова; здѣсь встрѣчали мощный и злой отпоръ московскія рати; сюда бѣжалъ всѣмъ извѣстный тушинскій воръ, и въ февралѣ мѣсяцѣ, на конѣ, въ конфедераткѣ, при саблѣ и пистолетахъ, прискакала къ нему Марина и составила придворный штатъ свой изъ нѣмокъ,

спасшихъ жизнь пастору Беру, исторіографу этихъ мѣстъ и дней. Сюда же бѣжалъ тушинскій воръ вторично пьянствовать и ликовать, пока, наконецъ, не былъ убитъ на охотѣ татариномъ Арасланомъ. Сидѣлъ въ свое время въ Калугѣ и князь Пожарскій, для истребленія шаекъ Лисовскаго, Чаплинскаго и Опалинскаго; владѣлъ Калугой, чтобы спалить ее, и Сагайдачный. Совершенно исчезли изъ этой страны поляки только въ 1634 году, когда царь Алексѣй Михайловичъ купилъ у нихъ Серпейскъ за 20.000 руб. Домъ Марины Мнишекъ, сравнительно недавно подаренный вдовой генералъ-адъютанта Сухозанета калужскому дворянству, — перлъ гражданскаго зодчества XVII вѣка. Пережила, наконецъ, Калуга страшныя минуты, ожидая движенія на нее Наполеона I, при отступленіи изъ Москвы, и спасена босмъ подъ Тарутиномъ. Калужане хотѣли тогда же просить Государя дозволить поминать на ектеніяхъ, послѣ царской семьи, и Кутузова, но маститый вождь отклонилъ это ходатайство. Калужская губернія, съ ея Брынскими лѣсами, ея засѣками, сбродомъ воровского населенія, и памятью недалекой самозванщины, сдѣлала то, что расколъ, съ 1700 года въ особенности, свилъ здѣсь гнѣздо въ Брынскихъ лѣсахъ, настолько сильное, что раскольники нападали на помѣщиковъ и разграбили мещовскій Георгіевскій монастырь.

Въ судьбѣ самозванцевъ и нападеніяхъ татаръ играла важную роль также и Тула съ ея уѣздами. Тутъ «вхолмились» курганы, молчаливые слѣды судьбищенскаго боя и боя при Лопасни 1555 и 1572 годовъ; тутъ появлялись полчища татарскія, которыя, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, выдвигались на Москву Крымомъ, «этимъ ядовитымъ гадомъ, издыхающимъ и язвящимъ своимъ смертоноснымъ жаломъ»; тутъ тоже устроены были по странѣ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ окопы, валы, засѣки; здѣсь тоже, по лѣсамъ и въ засѣкахъ, гнѣздилась украинская вольница, и отсюда пошла она, предводимая Косолапомъ, и взяла Калугу, а потомъ и Тулу въ 1603 и 1604 годахъ. Когда, въ 1605 году, бояре и воеводы передались Лжедмитрію, били ему челомъ, тогда Тула, которую самозванецъ объявилъ своей столицей, встрѣтила его колокольнымъ звономъ, а архіепископомъ Игнатіемъ провозглашено самозванцу первое многолѣтіе. 100.000 народа, всякой сволочи, ликовало тогда въ Тулѣ; сюда прибыли изъ Москвы съ повинною князья и бояре и привезли государственную печать, ключи отъ казны и цѣлый сонмъ царедворцевъ. Отсюда пошелъ самозванецъ торжественно на Москву, гдѣ, почти черезъ годъ, пристрѣленъ дворянами Воейковымъ и Волуевымъ. Въ Тулѣ засѣлъ въ свое время также и второй самозванецъ, и сюда-то вышелъ на него самъ царь Василій. Всѣ нападенія московской рати на Тулу были, однако, безуспѣшны, и только исполненіе совѣта боярскаго сына Кравкова, предложившаго затопить Тулу, привели къ концу: между береговъ рѣки Упы поставлена плотина, слѣды которой еще были видны въ 1850 году, и мятежники были осилены голодомъ и водой. Самозванецъ, взятый подъ Тулой 10 октября 1607 года, отвезенъ въ Каргополь и утопленъ въ озерѣ Лачѣ. Это пустынное озеро Олонецкой губерніи приняло въ себя не одного только тушинскаго вора, но и Болотникова, и Нагибу. Окончательно обратилась Тула къ закону только на голосъ Пожарскаго въ 1612 году.

Въ настоящее время любопытнѣйшую достопримѣчательность Тулы представляетъ оружейный заводъ. Еще въ 1595 году царь Ѳеодоръ Іоанновичъ даровалъ 30 самопальнымъ мастерамъ за упой земли; при Петрѣ I было уже 749 самопальниковъ. Между мастерами имѣлся тогда Никита Демидовъ, и царь Петръ лично узналъ его. Въ 1712 году состоялся указъ о построеніи въ Тулѣ казеннаго оружейнаго завода. Однимъ изъ устроителей его, вторымъ по порядку, былъ Я. В. Брюсъ, составитель знаменитаго календаря. Послѣднія крупныя перестройки завода поручены были коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Потбека. Сила завода въ настоящее время поразительна: при дневной работѣ онъ можетъ изготовить 125.000 винтовокъ въ годъ, при ночной до 200.000! Здѣсь рождался и отдѣлывался въ огнѣ и водѣ нашъ знаменитый суворовскій штыкъ, настолько же несокрушимый и сегодня, какъ въ былые годы; куда, куда не ходили изъ Тулы работать эти штыки! Вѣроятно, ранѣе оружейнаго дѣла зародилось и пошло въ Тулѣ въ ходъ кустарное производство знаменитыхъ тульскихъ самоваровъ, кофейниковъ, тазовъ и проч., плодящихся сотнями тысячъ и разсылаемыхъ не только по Россіи, но и по всему бѣлому Свѣту.

Обозрѣніемъ твердыни Троицко-Сергіевой лавры подъ Москвой завершилось путешествіе. Тутъ ли нѣтъ прошедшаго, здѣсь ли не сказалось русское сердце въ былые годы Россіи, подъ осѣненіемъ множества православныхъ крестовъ? Нѣкоторыя воспоминанія должны будутъ занять подобающее мѣсто.

Ковна.

Общій видъ города. Соборъ. Памятникъ 1812 года. Прежнее торговое и военное значеніе Ковны. Жмудины. Сравненіе православныхъ и католическихъ приходовъ. Значеніе католическаго дворянства. Евреи въ мѣщанскомъ и городскомъ самоуправленіи; роль русскихъ. Особыя мнѣнія. Воспоминанія о Николаѣ I. Красота окрестностей. Пожайскій монастырь. Отъѣздъ въ Юрбургъ.

Въ Ковнѣ, согласно офиціальнымъ даннымъ, православныхъ церквей (считая и единовѣрческую) и католическихъ костеловъ поровну, по мѣсти; тѣмъ не менѣе внѣшнее обличіе представляется, несомнѣнно, католическимъ, потому, во-первыхъ, что большинство православныхъ храмовъ передѣлано изъ католическихъ, причемъ сохранились многія свойственныя послѣднимъ отличія какъ въ планировкѣ, такъ и во внѣшности и ея деталяхъ, а во-вторыхъ, потому, что католическія церкви заняли лучшія, наиболѣе замѣтныя мѣста. Что касается еврейскихъ синагогъ и молитвенныхъ домовъ, ихъ какъ-то незамѣтно: они предпочитаютъ скромность и никогда не выдвигаются. Офиціальныя данныя сообщаютъ, что синагогъ въ Ковнѣ всего двѣ, зато еврейскихъ молитвенныхъ школъ 34. Изъ числа 50.000 жителей Ковны, православныхъ—6.800, католиковъ—9.400 и евреевъ—34.000; ясно, что молитвенныя школы должны играть роль синагогъ, иначе молящимся негдѣ помѣститься.

Есть основаніе полагать, что какая-то православная церковь имѣлась въ Ковнѣ еще въ XVI вѣкѣ, и уже въ 1620 году король Сигизмундъ III велѣлъ закрыть ее; нынѣшніе православные храмы въ губерніи почти всѣ передѣланы изъ католическихъ костеловъ.

Александро-Невскій соборъ Ковны производитъ впечатлѣніе далеко не богатое. Онъ построенъ іезуитами въ 1759 году и, послѣ ихъ изгнанія въ

1824 году преобразованъ въ православный приходскій, а въ 1813—въ соборный. Фасадъ его, сохраняющій католическое обличіе, обращенъ къ обсаженной высокими тополями площади и смотритъ на бывшій большой дворецъ, нынѣ зданіе думы, и внушительный памятникъ 1812 года. Внутри собора—впечатлѣніе пустоты; въ немъ всего одинъ только алтарь; бѣлыя стѣны, почти совершенно обнаженныя отъ иконъ, глядятъ уныло; сиротствуютъ также, глядя на небогатый иконостасъ, четыре голые основные столба церкви; имѣется еще и мѣсто бывшаго помѣщенія органа; во многихъ деталяхъ сквозитъ католичество.

Близъ собора находится чугунный памятникъ 1812 года, хорошо всѣмъ извѣстный по множеству гравюръ и фотографій; это, если судить по наружности, родной братъ памятниковъ, возвышающихся на поляхъ бородинскихъ и при Тарутинѣ. Постановка памятника въ Ковнѣ совершенно умѣстна: «на начинающаго Богъ», гласитъ надпись на памятникѣ, поставленномъ въ томъ именно городѣ, гдѣ 12 іюня 1812 года войска Наполеона вторглись въ Россію; уже 12 декабря, въ холодъ и стужу, подъ непосредственными ударами атамана графа Платова, переправлялись тутъ же черезъ Нѣманъ убѣгавшіе остатки французской арміи. Памятникъ этотъ составляетъ гербъ губерніи. Уцѣлѣлъ еще на набережной Нѣмана домъ, принадлежавшій Эссенъ, изъ окна котораго слѣдилъ Наполеонъ за переправой своихъ полчищъ, направлявшихся въ Россію.

Наполеоновою горой называется уединенно стоящій въ трехъ верстахъ выше города холмъ въ двадцать пять саженъ вышины, гдѣ, какъ говорятъ мѣстные жители, совершилась эта переправа; къ этому холму направляются иногда гуляющіе. Другая гора, прямо противъ Николаевскаго проспекта, называется Петровскою, въ память празднованія на ней въ 1872 году двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго; она тоже служитъ мѣстомъ прогулокъ, и видъ съ нея на Ковну доказываетъ воочію, что городъ этотъ, раскинутый на крутыхъ бокахъ прибрежья Нѣмана и изгибающійся въ лощинахъ, по внѣшности своей одинъ изъ самыхъ красивыхъ.

Невдали отъ памятника высится незатѣйливой архитектуры съ башенькой фасадъ бывшаго большого дворца, въ которомъ неоднократно останавливался Николай I; теперь въ немъ помѣщается городская дума. Лѣстница, коридоры, комнаты думы не велики, душны, темны и, какъ должно думать, вовсе не соотвѣтствуютъ свѣтлымъ намѣреніямъ живого персонала, ихъ одухотворяющаго. Значительно ветхъ обликомъ своимъ видный съ площади католическій костелъ, напоминающій готическіе мотивы,—одно изъ крупнѣйшихъ зданій сѣверо-западнаго края, основанный въ XV вѣкѣ; онъ принадлежалъ монахамъ Августиніанскаго ордена; въ немъ девять алтарей.

На порогѣ исторіи Ковны, какъ города, высится миѳическая личность Конаса, праотца литовскихъ князей, и 1030 годъ. Въ переулкѣ, вблизи православнаго собора и городской больницы, сохранился старинный домъ съ фронтономъ, на мѣстѣ котораго, говоритъ преданіе, стояло капище Перуна. Говорятъ, будто еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ музеѣ вар-

шавскаго общества любителей наукъ сохранялась статуэтка Перуна, найденная въ этомъ зданіи замурованною въ стѣну графомъ Косаковскимъ. Свѣдѣніе очень любопытное, но вполнѣ миѳической окраски.

Несомнѣнныя историческія цифры для Ковны начинаются съ XIV вѣка: тутъ уже существовали укрѣпленія. Расположенная при сліяніи Нѣмана и Вилін, воспѣтая Мицкевичемъ, Ковна, одинъ изъ древнѣйшихъ литовскихъ городовъ, постоянно въ теченіе столѣтій служила яблокомъ раздора между Литвой и крестоносцами балтійскаго побережья. Военное и торговое значеніе ея сливается воедино въ XVI и XVII столѣтіяхъ; здѣсь имѣлись факторіи: голландская, англійская, прусская, шведская и венеціанская, съ оборотомъ въ одинъ милліонъ дукатовъ. Въ военномъ отношеніи Ковна занимала не менѣе видную роль. Развалины древняго замка и понынѣ видны при впаденіи Вилін, ихъ называютъ замкомъ королевы Боны; такъ это или нѣтъ,—рѣшить трудно; но вѣрно то, что балтійскіе рыцари, разрушивъ въ 1362 году замокъ, построили въ 1384 году новый. Мѣсто для этого замка было уступлено нѣмецкимъ рыцарямъ, на протяженіи семи верстъ въ окружности, Витовтомъ, въ маѣ мѣсяцѣ; считая этотъ пунктъ чрезвычайно важнымъ, рыцари въ теченіе шести недѣль воздвигли укрѣпленіе, причемъ работой было занято 60.000 человѣкъ и 80.000 лошадей. Эти цифры очень краснорѣчивы для опредѣленія военнаго значенія Ковны въ былое время; замокъ названъ «Ritters-Werder»; для полной недоступности онъ отдѣленъ каналомъ, соединявшимъ Нѣманъ съ Вилісй, такъ что стоялъ на островѣ. Уже въ октябрѣ того же года замокъ взятъ обратно Ягайлой, причемъ прибывшій на помощь къ рыцарямъ магистръ Конрадъ Валленродъ (имя котораго сдѣлалось программой въ поэмѣ Мицкевича) отраженъ. Этотъ моментъ—одинъ изъ множества въ исторіи Ковны, то и дѣло переходившей изъ рукъ въ руки и игравшей незавидную роль мячика. Кирпичныя кладки развалинъ башни и стѣнъ обрамляютъ теперь зданіе католической семинаріи, переведенной сюда Муравьевымъ, для болѣе удобнаго за нею наблюденія, изъ мѣстечка Ворна.

Не останавливаясь на перечнѣ всѣхъ судебъ, касавшихся Ковны, необходимо напомнить, что по третьему раздѣлу Польши въ 1795 году жмудскія земли, то-есть Ковенская губернія, отошли къ Россіи. Входя въ составъ намѣстничества, а затѣмъ разныхъ губерній, Высочайшимъ указомъ, даннымъ сенату въ 1842 году, городъ сталъ центральнымъ пунктомъ новой губерніи, Ковенской, которая и открыта въ 1843 году, въ составѣ семи уѣздовъ.

Ковенская губернія почти цѣликомъ населена жмудью, историческое имя котораго замѣнено новѣйшимъ административнымъ именемъ, но переиначено оно въ своемъ значеніи, за долгій ходъ вѣковъ, гораздо менѣе, чѣмъ имя другого племени литовскаго—пруссовъ, давшихъ свое имя, въ качествѣ посмертнаго наслѣдія, нынѣшнему королевству Прусскому. 40% населенія Ковенской губерніи жмудины (немного имѣется ихъ налицо въ Сувалкской губерніи и въ Пруссіи); 26% литовцы, 19% евреи, остальное—смѣсь. Слѣдовательно, губернія эта жмудская и, какъ таковая, не лишена своихъ особенностей; долгое пребываніе подъ польскимъ владычествомъ обусловило то, что ксендзы изъ

жмудиновъ наиболѣе рьяные. Изъ числа 1.538.000 жителей губерніи 1.200.000 католиковъ; православныхъ въ губерніи всего только 2%, и этимъ сказана вся трудность, вся отвѣтственность ихъ положенія. Католическихъ приходовъ въ губерніи около 200, причемъ нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ почтенной цифры 10.000 человѣкъ и дѣлаютъ изъ ксендза человѣка не только обезпеченнаго, но и, сравнительно, богатаго. По одному разу въ годъ и болѣе совершаются въ костелахъ такъ называемыя «фесты», служащія поводомъ для съѣзда ксендзовъ и установленія общей программы ихъ отношеній къ паствѣ; большинство ксендзовъ литовцы и жмудины, и они постоянно пополняются изъ сыновей наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ; сдавъ экзаменъ по программѣ четвертаго класса гимназіи, эти юноши поступаютъ въ тельшевскую римско-католическую семинарію, находящуюся въ Ковнѣ и являющуюся тоже вполнѣ дисциплинированнымъ католическимъ центромъ. Ежегодные объѣзды католическихъ епископовъ, длящіеся иногда по два мѣсяца, являются тріумфальными шествіями и даютъ поводъ къ цѣлаго рода характернымъ манифестаціямъ. Православныхъ приходовъ въ губерніи только 26, и самые крупные не превышаютъ 1.000 человѣкъ, причемъ ближайшія церкви находятся иногда на семидесятиверстномъ разстояніи; понятно, что средства нашихъ священниковъ очень малы, а регулярныхъ объѣздовъ русскихъ епископовъ, кажется, не бываетъ, и внѣшнее обличіе православія, по сравненію съ католичествомъ, подлежало бы нѣкоторому подновленію. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить, что при губернаторѣ генералъ-маіорѣ Мѣльницкомъ, покинувшемъ губернію въ 1886 году, сдѣланъ переводъ Св. Писанія на жмудскій языкъ и тѣмъ выполненъ одинъ изъ важнѣйшихъ шаговъ русскаго дѣла, къ несчастію, зачастую опаздывающихъ. Названный губернаторъ оставилъ по себѣ, какъ человѣкъ истинно русскій, добрую память въ мѣстныхъ русскихъ; это—тотъ самый Мѣльницкій, который много помогъ Скобелеву на Зеленыхъ Горахъ.

Значенію католической церкви здѣсь много способствуетъ мѣстное дворянство. Изъ числа семи предводителей только одинъ—православный. Значительнымъ средствомъ воздѣйствія со стороны дворянства на крестьянъ являются «собранія ссудно-сберегательныхъ товариществъ». Если при всемъ томъ, что̀ сказано, принять во вниманіе, что существующіе еще здѣсь мировые посредники смотрятъ на себя, какъ на чиновниковъ, а не какъ на попечителей крестьянъ, въ силу обстоятельствъ, обусловливающихъ ихъ особничество и ихъ невольное отклоненіе отъ польскихъ дворянъ землевладѣльцевъ, что вся низшая администрація (менѣе 700 рублей жалованья) состоитъ исключительно изъ католиковъ, такъ какъ «свой человѣкъ» на 300 рублей казеннаго жалованья кое-какъ проживетъ, а пріѣзжій русскій непремѣнно умретъ съ голоду,—то нельзя не удивиться тому, какъ живучи до сихъ поръ сѣмена, брошенныя графомъ Муравьевымъ, не успѣвшія окончательно заглохнуть за время генералъ-губернатора Потапова.

Западный край—не Царство Польское. Край этотъ исконно литовско-жмудско-русская земля, и все, что̀ напоминаетъ о бывшемъ единеніи его съ Варшавой, хотя бы такая мелочь, какъ ѣзда цугомъ, съ уносомъ, должно быть

Ковна. Развалины древняго зданія.

устранено. Безъ участія западнаго края, какъ говорятъ несомнѣнные авторитеты, нѣтъ польскаго вопроса; безъ податливости и слѣпого довѣрія русскихъ—особничество западнаго края и его тяготѣніе къ Варшавѣ—не болѣе какъ механическій и химическій nonsense. Въ 1610 году, въ знаменитомъ сочиненіи «Оринось» Мелетій Смотрицкій оплакиваетъ переходъ въ латинство лучшихъ православныхъ дворянскихъ родовъ Западной Руси: Чарторыйскихъ, Вишневецкихъ, Сапгушекъ, Масальскихъ, Сапѣги, Гурки, Тышкевичей и многихъ, многихъ другихъ. Прошло почти 300 лѣтъ, и хотя переходъ изъ православія въ католичество закономъ запрещенъ, но не запрещено русскимъ людямъ, носящимъ старыя русскія имена, поляковать вволю, не запрещено лицамъ, стоящимъ далеко не на низшей ступени мѣстной администраціи, утверждать, «что польскаго вопроса не существуетъ» и что вѣрноподданническія чувства на западной окраинѣ нашей «таковы же какъ и въ Москвѣ»! Наркотическія средства усыпленія русскихъ очень дѣйствительны, но со временемъ дозы ихъ приходится увеличивать, и, наконецъ, онѣ теряютъ способность усыпленія совсѣмъ.

Липково поле, находящееся отъ города верстахъ въ четырехъ, расположено на высокой горѣ; путь къ нему идетъ по плотовому мосту черезъ Вилію, и съ крутого подъема видъ на городъ очень красивъ. Подлѣ моста ясно видна башня королевы Боны и остатки древней замковой стѣны. Видна и православная церковь св. Николая; здѣсь былъ до 1845 года католическій монастырь. Николай I, въ одну изъ частыхъ поѣздокъ своихъ въ западный край, едва не утонулъ въ Нѣманѣ, такъ какъ ледъ подъ экипажемъ проломился, и въ память избавленія повелѣлъ въ 1853 году освятить опустѣвшій костелъ во имя чудотворца Николая; въ монастырскихъ зданіяхъ помѣщается теперь больница.

Слѣдуетъ вспомнить объ одномъ легендарномъ разсказѣ, сохранившемся тоже отъ времени Николая I. Въ одну изъ поѣздокъ царя тогдашній губернаторъ,—имени не называютъ,—не желая, чтобы очи государевы видѣли массу сѣраго, невзрачнаго населенія всякихъ безпаспортныхъ, распорядился объ удаленіи ихъ изъ города на гору, по пути, уже сдѣланному государемъ. Легенда говоритъ, не объясняя причины, что губернаторъ почему-то не сопровождалъ государя при его отъѣздѣ; можно представить себѣ его страхъ и удивленіе, когда государь, неожиданно измѣнивъ маршрутъ, очутился именно на той горѣ, на которой были скучены всякіе порочные, и повелѣлъ всю эту массу народа послать въ распоряженіе губернатора обратно. Типична была, если только легенда—не сочиненіе досужаго человѣка, картина появленія могучаго императора на временно населенной всякимъ сбродомъ горѣ!

Сосѣдняя съ городомъ мѣстность, вдоль которой, по лѣвому берегу Нѣмана, широкимъ вѣнцомъ тянутся форты и батареи, чрезвычайно красива и напоминаетъ многія мѣста Тюрингіи и Гарца. Глубокія долины, какъ, напримѣръ, ручья Марвянки на лѣвомъ берегу и скаты близъ Наполеоновой горы, это—нескончаемый рядъ очень хорошенькихъ панорамъ пересѣченной мѣстности, покрытой мѣстами роскошною растительностью кленовъ, осокоры, лины и дубовъ. Разсказывали, что находящаяся недалеко отсюда долина Мицкевича еще красивѣе, чѣмъ то, что довелось видѣть; Мицкевичъ былъ здѣсь гдѣ-то учите-

лемъ, и имя его съ тѣхъ поръ присвоено долинѣ. Съ одного изъ фортовъ видны строенія Пожайскаго монастыря; монастырь этотъ и до сихъ поръ прозывается «Камедулами», потому что онъ построенъ въ XVII вѣкѣ для монаховъ Камедульскаго ордена литовскимъ канцлеромъ Пацомъ и стоилъ восемь бочекъ золота; въ склепѣ имѣются гробницы основателя, его семьи и прислуги; онъ сталъ православнымъ только въ 1832 году. Въ монастырской оградѣ покоится Львовъ, извѣстный авторъ народнаго гимна: «Боже, царя храни», умершій въ 1871 году, недалеко отсюда въ имѣніи своемъ—Романи; здѣсь же жилъ на покоѣ одинъ изъ главныхъ дѣятелей по возсоединенію уніатовъ, бывшій минскій архіепископъ Антоній Зубко.

На обратномъ пути съ лѣваго берега Нѣмана путники переѣхали по понтонному мосту, подлѣ деревни Понемунь, получившей историческое имя вслѣдъ за переправой Наполеона. На самомъ дѣлѣ мѣсто этой переправы, говорятъ, было выше и смотрѣлъ на нее Наполеонъ не съ Наполеоновой горы, а съ другого сосѣдняго гребня. Гравюра Шамбре, 1823—1824 года, хорошо и ясно воспроизводитъ эту мѣстность.

Мѣстность праваго берега не уступаетъ въ красотѣ и игривости мѣстности лѣваго берега; воинственный видъ фортовъ и батарей —тотъ же. Слѣдуетъ замѣтить, что крѣпостной гарнизонъ Ковны остается на зиму безъ церкви, и этому есть своя причина. Военный лазаретъ находился когда-то въ Кармелитскомъ монастырѣ; вслѣдъ за повстаніемъ, онъ закрытъ по распоряженію Муравьева, причемъ церковь его думалъ онъ перестроить въ православную. Не раздѣляя по этому вопросу мнѣнія своего предшественника, графъ Тотлебенъ, говорятъ, по особому ходатайству мѣстныхъ жителей, возвратилъ это зданіе въ лоно католической церкви. Здравый взглядъ покойнаго графа Муравьева на дѣйствительное значеніе сѣверо-западнаго края, какъ извѣстно, долженъ былъ много разъ уступать мѣсто другимъ взглядамъ, можетъ быть, болѣе гуманнымъ, но, во всякомъ случаѣ, непрактичнымъ и неспособствующимъ тому, чтобы твердо обезпечить, въ чисто русскихъ интересахъ, трудное управленіе этой областью.

Нѣманъ отъ Ковны до Юрбурга.

Значеніе этихъ мѣстъ для контрабанды. Характеръ Нѣмана и плаваніе по немъ. Желательныя улучшенія въ судоходствѣ. Древнія пажити Литвы и Жмуди. Мѣсто языческаго «Зинча» и «Рожновэ». Миѳическое значеніе перваго жреца и культа. Послѣднія убѣжища европейскаго язычества. Историческія мѣста. Характеристика литовскихъ князей, клонившихся къ Руси и православію. Пріѣздъ въ Юрбургъ.

Ровно въ часъ пополудни, 16 іюня, отошелъ пароходъ «Марія-Антуанета» отъ ковенской пристани; ему предстояло сдѣлать до Юрбурга 87 верстъ. Часть рѣки Нѣмана, съ которою предстояло ознакомиться, и самое мѣстечко Юрбургъ представляли два совершенно противоположные интереса; одинъ изъ нихъ, это—безконечно древнія пажити литовско-жмудской языческой святыни и исторіи, другой—характера вполнѣ современнаго, животрепещущаго, именно вопросъ о контрабандѣ, которая именно здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, свила свои теплѣйшія гнѣзда,—гнѣзда, до такой степени теплыя, что если, согласно свѣдѣніямъ 1886 года, по всей европейской окраинѣ нашей, включая сѣверное поморье и моря Черное и Азовское, оцѣночная цифра контрабанды достигала 422.000 рублей, то здѣсь въ одномъ вержболовскомъ таможенномъ округѣ цифра эта достигаетъ болѣе чѣмъ половины всей суммы, а именно 232.000 руб. Понятно, какъ любопытенъ этотъ округъ, включающій въ себѣ вполнѣ излюбленныя нѣмецко-еврейскою дѣятельностью мѣста. Прежде всего слѣдуетъ, однако, сдѣлать краткую характеристику самой рѣки Нѣмана, играющей далеко не послѣднюю роль въ бытовой жизни западнаго края.

Красивыя окрестности Ковны, съ ихъ холмами и долинами, съ глубокою зеленью садовъ и рощъ, какъ бы не желая отступать отъ глазъ путешествующаго, спускаются внизъ по теченію Нѣмана, сопутствуя пароходу.

Возвышенности тянулись съ обѣихъ сторонъ, зелени много, и шпили и башни костеловъ то и дѣло мелькаютъ какъ по берегамъ, такъ и вдали. Внѣшность обоихъ береговъ вполнѣ единообразна; по административныя учрежденія

справа и слѣва парохода—совсѣмъ другія. Палѣво—Царство Польское, самое имя котораго создано Александромъ I, Сувалкская губернія, въ ней уѣздные начальники—маленькіе губернаторы, и подъ ними низшія единицы власти—земскіе стражники; при этомъ всесословная волость, гмина, въ которой помѣщикъ можетъ быть войтомъ; направо — западный край, губернія Ковенская, съ исправниками и урядниками и съ волостью того же характера, что̀ и въ Великой Россіи. Не думали, конечно, древнія княжества Полоцкое и Мазовецкое, что далекое отъ нихъ будущее, то-есть настоящее время, исполосуетъ въ административномъ отношеніи такъ разнообразно ихъ долгимъ временемъ слагавшіяся и распадавшіяся тѣла.

Обличіе Нѣмана и разнохарактерность бытовой стороны обоихъ береговъ напоминали, какъ двѣ капли воды, обличіе другой рѣки, посѣщенной два года тому назадъ, а именно Западной Двины. Но существенная разница между ними та, что Двина принадлежитъ намъ вплоть до самаго устья, до Усть-Двинска, тогда какъ Нѣманъ изливается въ море въ предѣлахъ Пруссіи. Не говоря о крупныхъ неудобствахъ, зависящихъ отъ этого, измѣнить которыя не во власти нашего правительства, есть многія другія, которыя могутъ быть облегчены. Такъ, по отзывамъ мѣстныхъ жителей, мѣстныя международныя законоположенія могли бы быть пересмотрѣны для уравновѣшенія правъ обоихъ сосѣднихъ государствъ, и тогда, можетъ быть, были бы удалены также и тѣ три поперечныя сѣти, которыя поставлены теперь поперекъ рѣки Нѣмана въ Пруссіи (такъ говорили) и совершенно закрываютъ рыбѣ возможность побывать и въ русской части рѣки.

Вся длина Нѣмана 830 верстъ (суда ходятъ на 730). Въ Ковнѣ ширина его около 100 саж., въ Юрбургѣ 135, при глубинѣ отъ 3 до 12 футовъ и быстринѣ около 6 верстъ въ часъ. Самыя крупныя суда, спускающіяся сверху, это—витины, поднимающія до 15.000 пудовъ груза; затѣмъ слѣдуютъ вайдаки—4.500 пудовъ, барки и полубарки отъ 2 до 5.000 пудовъ; снизу изъ Пруссіи приходятъ баты и берлинки, грузъ которыхъ не превышаетъ 5.000 пудовъ. Плотовъ, если судить по тому, что̀ довелось видѣть въ устьяхъ Вилін, Невяжи и Дубиссы, сплавляется чрезвычайно много.

Довольно живая мѣстная дѣятельность могла бы еще болѣе развиться, если бы были исполнены нѣкоторыя справедливыя пожеланія. Въ проѣздъ путешественниковъ Нѣманъ вступилъ въ періодъ мелководья. На протяженіи 87 верстъ отъ Ковны до Юрбурга оказалось въ это время шесть препятствій, въ видѣ песчаныхъ мелей, для той осадки судовъ, при которой судоходство считается здѣсь возможнымъ, а именно при осадкѣ въ одинъ аршинъ. Наиболѣе затруднительные перекаты слѣдующіе: у деревни Вершва, въ $3^1/_2$ верстахъ ниже Ковны, у деревни Кольве, въ 47 верстахъ, и Элсоноровъ, въ 70 верстахъ. Измѣненія песчанаго русла рѣки настолько часты и капризны, что служащимъ на перекатахъ, провѣряющимъ фарватеръ, приходится почти ежедневно переставлять знаки.

Аршинная осадка судовъ и узкость хода, очевидно, препятствуютъ развитію бойкаго судоваго движенія. Между тѣмъ оно могло бы развиться въ

значительно бо́льшихъ разм'ѣрахъ, чѣмъ грузовое движеніе желѣзныхъ дорогъ, идущихъ параллельно р'ѣкѣ, такъ какъ провозная плата по р'ѣкѣ могла бы быть меньше во много разъ противъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Съ улучшеніемъ сплавного пути къ заграничнымъ рынкамъ, омывающаго съ притоками весь сѣверо-западный край, всѣ произведенія этого края, которыя не выдерживаютъ провозной платы по желѣзнымъ дорогамъ, могли бы найти удобный сбытъ за границу, а такими произведеніями мы богаты. Кромѣ м'ѣстнаго значенія, Нѣманъ им'ѣетъ огромное значеніе, какъ путь, входящій въ составъ Огинской системы, которая при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ могла бы доставить весь грузъ, отправляемый теперь съ многочисленныхъ пристаней дн'ѣпровскаго бассейна водой до полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ въ десяткахъ милліоновъ пудовъ, въ обходъ системы.

По отзывамъ грузоотправителей, улучшеніе Нѣмана до осадки судовъ въ меженное время въ $^1/_2$ сажени дало бы возможность начать правильное и бойкое товаро-пассажирское и буксирное пароходство, а по отзывамъ людей, св'ѣдущихъ въ техникѣ, выправленіе р'ѣки въ предѣлахъ всего Нѣмана потребовало бы ежегоднаго расхода только въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Слѣдуетъ зам'ѣтить, что лѣтъ десять тому назадъ Нѣманъ даже въ такомъ состояніи, въ какомъ находится онъ теперь, сплавлялъ въ двадцать разъ болѣе настоящаго количества хлѣбнаго груза; движеніе хлѣба почти прекратилось, потому что страховыя общества съ 1883 года отказались отъ страхованія груза на этой р'ѣкѣ, во-первыхъ, вслѣдствіе значительныхъ и опасныхъ препятствій, во-вторыхъ, вслѣдствіе сдѣлокъ съ агентами (евреями) относительно умышленнаго затопленія страхованныхъ грузовъ въ судахъ. Въ настоящее же время все судоходство заключается въ движеніи плотовъ за границу и небольшого количества хлѣбныхъ грузовъ съ береговъ Нѣмана.

Среднимъ числомъ р'ѣкой Нѣманомъ отправляется до 2.500 судовъ съ грузомъ, преимущественно съ хлѣбомъ, въ 7.000.000 пудовъ, и до 8.000 плотовъ, причемъ цѣнность плотовъ и груза опред'ѣляется въ 4 милліона рублей. Почти все это количество, за исключеніемъ 2.000 плотовъ (для м'ѣстныхъ нуждъ), отправляется чрезъ Ковну въ Пруссію (плоты въ Ковнѣ перевязываются болѣе длинные). Приходитъ же изъ Пруссіи въ городъ Ковну и направляется выше до 1.000 судовъ съ различнымъ грузомъ въ 1.200.000 пудовъ.

Для усиленія д'ѣятельности Нѣмана и противод'ѣйствія боевымъ пошлинамъ Пруссіи на русскія произведенія, конечно, желательно было бы возстановить старый проектъ, отчасти уже выполненный,—соединенія Нѣмана съ виндавскимъ портомъ, а именно р'ѣки Дубиссы, впадающей въ Нѣманъ ниже Ковны въ 42 верстахъ, съ глубокою р'ѣкой Виндавой; каналъ и нѣсколько шлюзовъ были построены, кажется, въ 40-хъ годахъ, но работы почему-то не окончены. Съ улучшеніемъ Огинской системы к Нѣмана можно было бы считать Черное и Балтійское моря д'ѣйствительно соединенными въ предѣлахъ русскихъ владѣній. Улучшеніе Нѣмана было бы полезно не только въ видахъ развитія отечественной торговли, но и въ стратегическомъ отношеніи, для под-

возки войскъ и провіанта къ ковенскимъ крѣпостямъ и къ укрѣпленнымъ лагерямъ и фортамъ, поднимающимся на берегахъ рѣки.

Въ лѣсѣ отъ Ковны до Юрбурга совершаютъ правильные рейсы до пяти пассажирскихъ и нѣсколько нѣмецкихъ товарныхъ пароходовъ.

На всѣхъ пароходахъ и баржахъ, кромѣ парохода «Марія-Антуанета», командиры и прислуга — прусскіе подданные. Мѣстное судоходное начальство упорно борется, заставляя ихъ плавать по русскимъ правиламъ, которыхъ они не хотятъ исполнять, считая свои, нѣмецкія, болѣе удобными. Инженеръ, завѣдующій судоходствомъ, сдѣлалъ недавно распоряженіе, чтобы команда на пароходѣ производилась не иначе какъ на русскомъ языкѣ, но, несмотря на энергическія требованія, не можетъ ничего сдѣлать, такъ какъ вся прислуга почти совершенно не говоритъ по-русски; удалить же ее нельзя, потому что нѣтъ прямыхъ законовъ о количествѣ иностранной прислуги, допускаемой на русскихъ рѣчныхъ судахъ. Вообще нѣмецкая и еврейская эксплуатація судоходства настолько велика, что борьба съ нею становится здѣсь безъ помощи правительства совершенно невозможною.

Для мѣстнаго судоходства было бы весьма полезно поддержать пароходное дѣло г. Ласси, на суднѣ котораго «Марія-Антуанета» путники слѣдовали. Съ 1855 года ковенскимъ помѣщикомъ Ласси, потомкомъ двухъ извѣстныхъ военачальниковъ нашихъ войскъ въ XVIII вѣкѣ, открыто пароходное движеніе по Нѣману въ тѣхъ частяхъ рѣки, гдѣ ранѣе его не было вовсе, какъ-то: отъ города Гродны вверхъ до мѣстечка Мосты и станціи Нѣманъ и отъ Гродны внизъ по теченію до Друскеникъ и до Ковны. Опытъ, произведенный первыми глубоко сидящими пароходами, напримѣръ, «Маріей-Антуанетой», доказалъ полную возможность развить правильное пароходное движеніе по рѣкѣ въ продолженіе всей навигаціи.

Для постройки мелкосидящихъ пароходовъ, болѣе соотвѣтствующихъ условіямъ Нѣмана, г. Ласси устроенъ машино-строительный заводъ съ верфью въ его имѣніи Горны, въ 15 верстахъ отъ Гродны, подаренномъ дѣду его генералу-отъ-инфантеріи Ласси, внуку фельдмаршала, Александромъ I. Устроить этотъ заводъ было необходимо, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія подобныхъ заводовъ въ краѣ. Спеціально изучивъ въ Англіи систему и конструкцію судовъ съ мелкой осадкой, построенныхъ въ 1885 году для англійскихъ военныхъ цѣлей на рѣкѣ Нилѣ, г. Ласси удалось создать типъ судовъ, вполнѣ удобныхъ для плаванія со значительнымъ грузомъ до 5.000 пудовъ по такимъ рѣкамъ, какъ Нѣманъ. Развитіе этого дѣла до крупныхъ размѣровъ, несомнѣнно, можетъ оказать большія услуги какъ нашей торговлѣ, такъ и судоходству по Нѣману.

Не успѣла «Марія-Антуанета» пройти мимо устья Невяжи, какъ глянули на лѣвомъ берегу Сапѣжишки, въ четырнадцати верстахъ отъ Ковны, костелъ которыхъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ священной рощѣ горѣлъ нѣкогда святой огонь «Зничъ»; немного далѣе на правомъ берегу, пройдя Вильки, древне-литовскую крѣпость XIV вѣка, на правомъ же берегу, при впаденіи рѣки Дубиссы, виднѣется Средникъ, одно изъ послѣднихъ убѣжищъ язычества, его святая святыхъ—Ромнова.

Ромновэ — это священная роща языческихъ литовцевъ, и всесильный, вполнѣ таинственный по значенію своему первый жрецъ, носившій нарицательное имя «криве-кривейто», одинъ жезлъ котораго, предъявленный его посланцемъ, повелѣвалъ языческими королями и князьями, имѣлъ свое главное мѣстопребываніе въ древнѣйшемъ Ромновэ, въ нынѣшней Восточной Пруссіи, на рѣкѣ Алле, подлѣ мѣстечка Шипенбейль; слово «ромновэ» означаетъ мѣсто, полное благочестія. Когда Болеславъ Польскій въ 1015 году вторгся въ Пруссію, онъ сжегъ древнѣйшее священное Ромновэ и обязалъ языческую страну креститься. Священный огонь языческой рощи, потушенный на древнемъ пепелищѣ, многократно возникалъ впослѣдствіи въ другихъ мѣстахъ и въ послѣдній разъ блеснулъ онъ именно здѣсь, при впаденіи Дубиссы въ Нѣманъ, на островѣ, подлѣ литовской крѣпости Биссена, построенной въ XII столѣтіи.

Въ ряду многихъ закатившихся историческихъ величинъ, верховный жрецъ языческой Литвы «криве-кривейто», съ VI по XI вѣкъ, занималъ совершенно исключительное положеніе и является богатымъ типомъ для литературнаго описанія. Наибольшія подробности объ этихъ миѳическихъ главаряхъ литовскаго язычества даетъ намъ орденскій хроникеръ Дусбургъ (XIII—XIV вѣка). Въ странѣ древняго Ромновэ высился дубъ, въ трехъ углубленіяхъ или нишахъ котораго помѣщались изображенія: Перкуна (богъ солнца, съ краснымъ лицомъ, окруженнымъ лучами), Петримпа (богъ источниковъ, плодородія—безбородый юноша) и Пикола (богъ луны, смерти, несчастій, съ лицомъ смертельной блѣдности, сѣдой, съ бѣлою повязкой на головѣ). Предъ Перкуномъ горѣлъ неугасаемый огонь; рѣшенія главнаго жреца криве-кривейто считались безконечно длиннымъ бѣлымъ поясомъ, опоясаннымъ семь разъ семь, то-есть 49 разъ, и колпакомъ, похожимъ на сахарную голову. Криве окружали вайделоты и вайделотки; послѣднія, за нарушеніе цѣломудрія, наказывались смертью. Еще лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ стояли въ Курляндіи святые дубы—память язычества, послѣдній откликъ погасшей власти верховнаго жреца, не имѣвшей себѣ равной и распространявшейся почти на всемъ протяженіи отъ Балтійскаго моря до Карпатовъ.

Разрушая древнѣйшее Ромновэ, Болеславъ Польскій уничтожилъ главный духовный центръ многочисленныхъ литовскихъ народностей; было вслѣдъ затѣмъ, какъ сказано, нѣсколько Ромновэ, нѣсколько криве-кривейто, но власть ихъ являлась только мѣстною властью, въ томъ или другомъ племени, и объединить всѣхъ литовцевъ для дружнаго отпора христіанству не могла. Эти Ромновэ находились, поочередно, въ жмудскихъ земляхъ, подлѣ Нѣмана. Послѣднее Ромновэ, говоритъ Кояловичъ, находилось въ Вильнѣ, при впаденіи Вилейки въ Вилію, гдѣ теперь высится костелъ, въ колокольнѣ котораго, будто бы, имѣются кирпичи этого послѣдняго святилища; сохранилось преданіе, будто послѣдній криве-кривейто Гинтовскій, спасшійся послѣ разоренія виленскаго Ромновэ, въ 1413 году, жилъ въ деревнѣ Опкаппѣ, на границѣ Ковенскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ. Если это справедливо, то можно предполагать, что Ромновэ, находившееся подлѣ Средника, предшествовало вилейскому. Подлѣ него шли неоднократно битвы литовцевъ съ балтійскими рыцарями, уничтожившими это

мѣстное Ромнова въ 1294 году. Не надобно забывать, что литовскія и чудскія племена въ тѣ годы были послѣдними язычниками Европы, и что мысль крестовыхъ походовъ могла примѣняться только къ нимъ однимъ.

Одинъ только перечень именъ собственныхъ тѣхъ мѣстъ, вдоль которыхъ шла «Марія-Антуанета», напоминалъ длинныя страницы мѣстныхъ лѣтописей: Велiона, Равданъ, замокъ Гелгуда, Скирстьмонь. Нынѣшнія имена мѣстечекъ и помѣстій совершенно замѣнили собою временныя имена, данныя имъ когда-то нѣмецкими рыцарями; такъ исчезли: Конрадсвердеръ, Гейлигенбургъ, Маріенвердеръ, Фридсбергъ, Байерсбургъ и др. Здѣсь именно, въ этихъ мѣстахъ, словно нанизаны одни подлѣ другихъ крупнѣйшія историческія имена князей литовскихъ: Витена, Ольгерда, Гедимина, Кейстута, Витовта, Свидригайлы, отстаивавшихъ свою независимость отъ Польши и нѣмецкихъ рыцарей. Нѣтъ мѣста вдоль этихъ красивыхъ береговъ, гдѣ бы не побывали названные князья много разъ; урочища и замки исчезали, возникали новые, перестанавливались и переходили здѣсь изъ рукъ въ руки съ быстротой театральныхъ декорацій, и этимъ свидѣтельствуется воочію, что и исторія, въ нѣкоторые свои періоды, не признаетъ медленности въ поступательномъ своемъ движеніи.

Странно и даже не совсѣмъ понятно, почему здѣшніе польскіе дворяне, владѣющіе теперь этими мѣстами, съ такою любовью разсказываютъ путнику о великихъ людяхъ литовскаго былого, дѣйствовавшихъ здѣсь; въ этомъ есть какая-то невѣроятная непослѣдовательность. Всѣ или почти всѣ, перечисленные выше государственные дѣятели, древне-литовской исторіи, принадлежали времени свободы Литвы, времени независимости ея отъ Польши; всѣ они бились съ Польшей и, что̀ еще важнѣе, тянули къ русской народности, къ православію, держались русскаго строя жизни и русскаго языка!

Для того, чтобы болѣе наглядно изобразить тотъ, почти 150-лѣтній, періодъ литовской исторіи, въ теченіе котораго она дала своихъ собственныхъ, лучшихъ князей,—періодъ, оканчивающійся первою, насильственною уніей съ Польшей въ 1413 году, періодъ въ которомъ связь Литвы съ православіемъ и русскою народностью вела ее,—такъ казалось, по крайней мѣрѣ—къ прочному объединенію съ возникавшею Россіей, необходимо привести слѣдующую табличку:

Витенъ	—	Гедиминъ
1293—1316	—	1315 — 1341
Ольгердъ	—	Кейстутъ
1341—1377	—	1383
Ягайло—Свидригайло		Витовтъ
1377 1452		1430

Отъ двухъ братьевъ Витена и Гедимина начался, послѣ смутныхъ временъ, вызванныхъ смертью Миндовга, убитаго въ 1263 году, новый, славный литовскій княжескій родъ. Хотя, надо замѣтить, уже сынъ этого полумиѳиче-

скаго Миндовга, Войшелкъ, принялъ не только православіе, но и монашество, но родственное тяготѣніе къ Востоку, къ Россіи, сказалось еще полнѣе въ династіи, утверждавшейся на литовскомъ великомъ княженіи обоими братьями.

Витенъ то и дѣло отражаетъ нѣмецкихъ рыцарей и поляковъ; но дѣйствительнымъ устроителемъ Литовскаго государства является Гедиминъ, хорошо понявшій значеніе для него русскихъ силъ, что̀ и не могло быть иначе, потому что $^2/_3$ его земель были русскими. Хотя въ тяжелую пору борьбы своей съ нѣмецкими рыцарями, пріискивая опоры, Гедиминъ переговаривался съ папой о допущеніи въ Литвѣ католичества, но уже нѣмецкіе лѣтописцы сказываютъ, что Гедиминова литовская сила возрастала отъ русскихъ и бо̀льшая часть сыновей его были православными; самъ онъ оставался, правда, язычникомъ, но жены его, Ольга и Ева, были православными княгинями, и русскій языкъ, какъ свой языкъ, распространялся далеко на югъ до самаго Кіева, присоединеннаго имъ къ своимъ владѣніямъ. По смерти Гедимина, литовское княженіе распадается на двѣ части при двухъ его сыновьяхъ Ольгердѣ и Кейстутѣ; но и тутъ продолжаютъ первенствовать тѣ же основныя черты, хотя и въ противорѣчивыхъ проявленіяхъ.

Ольгердъ настойчиво слѣдовалъ русскому направленію. Владѣнія его доходили до Коломны и Можайска, онъ покровительствовалъ Новгороду, Пскову и Твери, и могло казаться одно время возможнымъ то, что, вѣроятно, мерещилось въ мечтахъ самому Ольгерду, что онъ, а не московскій великокняжескій домъ, объединитъ подъ своимъ скиптромъ всю Россію. Онъ былъ два раза женатъ на русскихъ княжнахъ Маріи и Іуліаніи, былъ крещенъ въ православную вѣру, принялъ предъ смертью, подобно Войшелку, схиму, и, какъ справедливо замѣчаетъ Кояловичъ, при немъ русскій языкъ сталъ языкомъ высшаго литовскаго сословія, языкомъ государственнымъ, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что признаны были для русскаго населенія «Русская Правда» и уставъ Св. Владиміра. Что касается брата его Кейстута, съ помощью котораго Ольгердъ сѣлъ на великокняжескій литовскій престолъ, то онъ, правда, отличался особенною ревностью къ язычеству и сидѣлъ въ коренной Литвѣ и на Жмуди, но это не мѣшало ему, язычнику, сохранять истинно-братскія отношенія къ православному брату Ольгерду, и многократно воевать съ Польшей, въ которой онъ ясно предчувствовалъ смертельнаго врага своей земли. Онъ задавленъ въ 1383 году, по повелѣнію племянника своего Ягайлы.

Русское направленіе литовской жизни, ясно намѣченное Гедиминомъ и Ольгердомъ, и вражда съ Польшей, входившая въ программу Кейстута, уже въ слѣдующемъ колѣнѣ, въ двухъ братьяхъ Ягайлѣ и Свидригайлѣ и двоюродномъ ихъ братѣ Витовтѣ, находятъ себѣ три совершенно противоположныя воззрѣнія и измѣняютъ развитіе литовско-русской жизни въ развитіе польско-литовское.

Ягайла, сынъ русской княгини Іуліаніи, крещеный въ православіе и выросшій подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, сразу воплощаетъ въ себѣ самый отвратительный типъ политическаго проходимца. Для противодѣйствія дядѣ своему Кейстуту и двоюродному брату Витовту, въ видахъ объединенія Гедиминова княженія, онъ дружится со злѣйшими врагами страны—

балтійскими рыцарями; онъ соединяется съ ханомъ Мамаемъ во время Куликовской битвы противъ Москвы и, наконецъ, въ видахъ обезпеченія себя и противъ Витовта, и противъ Москвы, бросается въ открытыя объятія Польши. Тамъ, зналъ онъ, существуетъ молодая королева Ядвига, и любитъ она, обручена и устраиваетъ свиданія съ австрійскимъ княземъ Вильгельмомъ, что̀ не помѣшало Ягайлѣ, зная, что поляки не пожелаютъ имѣть королемъ нѣмца, явиться въ качествѣ жениха. Невзрачность Ягайлы и его «волосатость» вызвали необходимость отправить изъ Польши особаго посла для его осмотра. Осмотръ оказался удаченъ, потому что слабой, небольшой и изнуренной смутами Польшѣ нуженъ былъ союзъ съ обширною и могущественною Литвой. Австрійскій князь былъ удаленъ, и Ягайло въ 1386 году пріѣзжаетъ въ Краковъ, принимаетъ латинское крещеніе, уже будучи крещенъ въ православіе, женится на Ядвигѣ и, коронуясь польскимъ вѣнцомъ, соединяетъ его на своей головѣ съ короной великаго княжества Литовскаго. Этимъ актомъ обусловились всѣ послѣдующія судьбы Литвы и ея долгая оторванность отъ Россіи.

Однимъ изъ дѣяній, способствовавшихъ возвышенію Ягайлы, было то, что, коварно захвативъ дядю своего Кейстута, онъ удавилъ его въ тюрьмѣ, что̀ не помѣшало ему крестить въ Вильнѣ язычниковъ въ католичество, причемъ проповѣдникомъ являлся онъ самъ, подносилъ вѣру на остріи меча, а христіанскія имена давалъ «по кучкамъ» людямъ, приведеннымъ для крещенія на берегъ Виліи.

Въ Витовтѣ, двоюродномъ братѣ Ягайлы, воплощается второй типъ отношеній Литвы къ Россіи. Хотя при дворѣ его, живнемъ то въ Вильнѣ, то въ Луцкѣ, еще были въ ходу, по преданію, русскій языкъ и образованность, но онъ все-таки упустилъ изъ виду основную мысль Гедимина и Ольгерда, и отшатнулся отъ русской основы. Побывавъ въ свое время язычникомъ, православнымъ и, наконецъ, католикомъ, онъ съ 1413 года, отъ времени сейма поляковъ и литовцевъ въ Гроднѣ, обусловилъ переходъ высшаго литовскаго сословія къ польщизнѣ, съ принятіемъ имъ католичества вмѣсто православія, и надолго отстранилъ Литву отъ Россіи. Полное царство католицизма началось въ Литвѣ именно съ него, хотя и онъ, какъ извѣстно, не разъ замышлялъ отдѣлаться отъ Польши и возложить на себя самостоятельную корону.

Витовту, съ утвержденія Ягайлы, наслѣдовалъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ братъ Ягайлы—Свидригайло. Въ этомъ князѣ еще разъ, съ полною возможностью успѣха, проснулись, вспыхнули и воплотились русскія думы и православныя надежды. Хотя онъ, по примѣру Ягайла и Витовта, въ 1386 году, перешелъ изъ православія къ католичество и тоже велъ переговоры съ папой о соединеніи церквей, но опору свою чувствовалъ онъ въ русскихъ, въ православныхъ, и, будучи выдвинутъ впередъ русско-литовскою партіей, онъ не замедлилъ объявить союзъ Литвы съ Польшей пагубнымъ для Литвы. Въ іюнѣ 1431 года начались междоусобныя войны между двумя братьями, между королемъ Польши и великимъ княземъ Литвы, между католиками и православными, ставшими за Свидригайлу. Дѣло испортилъ себѣ самъ Свидригайло, и послѣдняя попытка его кончилась пораженіемъ при Вилькомирѣ въ 1435 году. Скоро

вслѣдъ за тѣмъ на польскомъ престолѣ и въ литовскомъ великомъ княженіи сидѣло одно лицо—Казимиръ, а въ Литву потянулись не только католики, но и іезуиты, введена инквизиція и, наконецъ, унія церквей.

Но могутъ возразить, что эти православно-русскія вѣянія въ литовскомъ быломъ прибѣманской страны дѣло такое далекое, что на него и ссылаться нельзя, что это все было да сплыло, и что западный край давно призналъ свое единеніе съ Польшей и католичествомъ и видитъ въ немъ, а не въ Россіи, основы своего преуспѣянія.

Что древнее единство съ Русью и съ православіемъ гораздо болѣе живуче въ западномъ краѣ, чѣмъ это полагаютъ, свидѣтельствуетъ очень многое. Что литовско-языческая народность Литвы легко могла быть преобразована въ православно-русскую, подтверждаютъ сами польскіе писатели: Нарбутъ, Ярошевичъ, Чацкій и др.; о древней прочности православія въ странѣ свидѣтельствуетъ то, что ко времени крещенія Литвы православными были 56 князей, 16 русскихъ княженъ находились въ замужествѣ за литовскими князьями и 15 литовскихъ княженъ было выдано за русскихъ князей. Литовскіе статуты въ XVI и XVII вѣкахъ издавались и печатались здѣсь на русскомъ языкѣ; въ судахъ и съ властями говорили по-русски, и 1-й пунктъ IV отдѣла литовскаго статута обязываетъ земскаго писаря писать исключительно на русскомъ языкѣ, а не на иномъ какомъ-либо. Наконецъ, крупнѣйшимъ доказательствомъ живучести православія во всемъ западномъ краѣ, который, какъ мѣстопребываніе нынѣшней польской интеллигенціи, поляки считаютъ своимъ, служитъ вся кровавая исторія уніи, отъ Вильны начатая на югъ къ Холму и дальше въ казачьи степи малороссійскаго придѣпровья.

Какая же это польская страна западный край, когда она потратила столько крови, чтобы бороться съ Польшей и католичествомъ? Какъ же объяснить себѣ любезное отношеніе нынѣшнихъ польскихъ землевладѣльцевъ западнаго края къ древнимъ именамъ литовскихъ героевъ, не желавшихъ Польши, а желавшихъ Россіи? И какъ же, если признать, что западный край не Польша и не Россія, а самъ по себѣ, какъ же не согласиться, что право считать его своимъ принадлежитъ гораздо болѣе Россіи, государству могущественному, фактически существующему, пріобрѣвшему этотъ край потоками русской крови, чѣмъ Польшѣ, государственность которой схоронена и только старается жить посмертнымъ существованіемъ? Кто же вздумаетъ утверждать безъ великаго оскорбленія истины, что надпись на выбитой при Екатеринѣ II медали по случаю второго раздѣла Польши: «отторженное возвратихъ», —несправедлива и самозванна?

Нельзя было не придти къ этимъ мыслямъ, плавая вдоль живописныхъ береговъ Нѣмана, мимо Веліоны, въ одномъ изъ холмовъ которой покоится Гедиминъ, великій князь литовскій, убитый въ 1341 году балтійскими рыцарями при осадѣ близъ лежащаго Байерсбурга; онъ убитъ каменнымъ ядромъ, изъ огнестрѣльнаго оружія, впервые примѣненнаго въ этихъ мѣстахъ нѣмцами для распространенія христіанства. Должно быть, по преданію, мѣстные польскіе люди нѣмцевъ не любятъ и выражаются иронически насчетъ того, что «нынче предпочитаютъ населять край нѣмцами, а не поляками».

Видъ рѣки Нѣмана возлѣ Гродны.

По фот. грав. Рашевскій.

Удивительна въ самомъ дѣлѣ судьба этого народа и мѣстной польской интеллигенціи. Интеллигенція эта была когда-то дѣйствительно мѣстною народною литовскою. Съ легкой руки Ягайлы и Витовта, перевалила она изъ православія въ католичество и, такъ-сказать, пропитавшись римскими взглядами, вернулась назадъ и сѣла опять на свои прежнія мѣста! Вернувшись къ старому очагу, католизовала она и католизуетъ всѣми правдами и неправдами; но живетъ она въ народѣ чуждымъ элементомъ, и вся жизнь народа западной Россіи, говоритъ совершенно справедливо Кояловичъ, остается жизнью народа уединеннаго, лишеннаго своего родного, надежнаго, образованнаго сословія и потерявшаго почти всю свою родную вѣру; нѣтъ у этого народа почти совершенно и средняго сословія, и поэтому нѣтъ въ немъ элементовъ, которые бы сознательно представляли его жизнь и развивали ее по роднымъ ея началамъ.

Юрбургъ.

Прибытіе въ Юрбургъ. Русская церковь. Пѣсни и пляски жмудиновъ и литовцовъ. Значеніе вержболовской таможни.

По времени прибытія путниковъ въ Юрбургъ, находящійся въ Россіенскомъ уѣздѣ, легкая темнота теплаго іюльскаго вечера медленно одѣвала маленькое мѣстечко. Небольшая мѣстная церковь, какъ и значительная часть домовъ мѣстечка, окружена густою зеленью; самая церковь очень не велика, имѣетъ одинъ алтарь и покрыта десятигранным шатромъ. Въ этотъ вечеръ путники присутствовали на народномъ гуляньѣ жмудиновъ, состоявшемся на широкомъ лугу.

Пляски жмудиновъ, исполнявшіяся на народномъ праздникѣ, вовсе не характерны, медленны; особенной граціи или красоты въ этихъ вертѣвшихся людяхъ не найти, полька и вальсъ пустили глубокіе корни, совершенно также какъ между эстами и латышами прибалтійскихъ губерній; народные танцы точно вытравлены. Заунывны и сродни нашимъ пѣсни. Вотъ для характеристики, насчетъ музыкальности языка, слова послѣдняго куплета одной изъ пѣсенъ, музыка которой дѣйствительно не лишена мелодичности:

Какъ ашъ шокау су сава бернелю
Мани іоуна антъ ранку неши.
Антъ ранку неши, войникели таиси.
Кадъ ашъ шокау су кему бернелю
Мани іоуна и шалисъ блашки
И шалисъ блашки войникели драски.

гъ въ подстрочномъ переводѣ:

Когда я плясала со своимъ парнемъ,
Меня молодую на рукахъ носилъ,

На рукахъ носилъ, вѣнокъ поправлялъ;
Когда я плясала съ посторонним парнемъ
Меня молодую въ стороны бросалъ,
Въ стороны бросалъ, вѣнокъ портилъ.

Особенной звучности, какъ видно, въ языкѣ нѣтъ, но довольно своеобразная, а для филологовъ любопытна, близость созвучій въ словахъ «кадъ ашъ» и «когда жъ» и «мани іоуна», «меня юную».

Хотя несомнѣнно, что на народномъ праздникѣ участвовали главнымъ образомъ жмудины, но, вѣроятно, имѣлись тутъ и представители другой части литовскаго племени, собственно литвины. Всѣхъ литовцевъ около 1.400.000, живущихъ, главнымъ образомъ, въ губерніяхъ Ковенской и Витебской; $^9/_{10}$ этого числа находятся подъ скипетромъ Россіи и только $^1/_{10}$ принадлежитъ Пруссіи. Совершенно вѣрно выдвигаетъ на видъ Гильфердингъ то, что̀ признано всѣми языковѣдами Европы, а именно, что нынѣшняя рѣчь литовскаго крестьянина во многомъ гораздо болѣе первообразна, чѣмъ языкъ древнѣйшаго литературнаго памятника Европы—Гомера; сохраненіе этого доисторическаго типа языка совершенно сходствуетъ съ сохраненіемъ въ тѣхъ же литовскихъ лѣсахъ единственнаго представителя до-историческаго царства животныхъ—зубра. Литовскій народъ былъ послѣднимъ изъ арійскихъ племенъ Европы, принявшимъ христіанство. Еще въ XVII вѣкѣ польскій писатель Ласицкій сообщалъ какъ о современномъ ему фактѣ, о поклоненіи Литвы языческимъ богамъ; литовскія преданія о происхожденіи кукушки, соловья, ласточки, вполнѣ соотвѣтствуютъ миѳическимъ легендамъ Греціи, съ нѣкоторой разницей, конечно, и если у грека были только три парки, прявшія человѣческую жизнь, то у литовца оказалось ихъ цѣлыхъ девять.

Перечислить въ этомъ любопытномъ направленіи характерныя доисторическія особенности литовскаго и жмудскаго племени можно бы было и дальше, но достаточно сказать, къ стыду нашему, на что̀ указываетъ тотъ же Гильфердингъ, что если, что̀ сдѣлано для изученія быта литвиновъ и ихъ языка, то сдѣлано это не для $^9/_{10}$ литовскаго племени, находящагося подъ русскою властію, а для $^1/_{10}$ его, находящейся подъ властію Пруссіи. Нѣмцы и литвины, принадлежащіе Пруссіи, выдвинули не одного дѣятеля этой научной разработки.

Есть, правда, и между русскими литвинами баснописецъ Станевичъ, поэты Пашкевичъ и Дроздовскій, ученый изслѣдователь Лаукисъ и другіе, но, къ сожалѣнію, вся образованная и просвѣтительная дѣятельность этихъ людей въ Литвѣ всегда оставалась монополіей руководившихъ ею ксендзовъ, и русскій человѣкъ, который пожелалъ бы узнать что-либо о литвинахъ, долженъ изучить сперва языкъ польскій и затѣмъ уже чрезъ его посредство ознакомиться съ языкомъ и народностью литовскою, безконечно любопытною во многихъ и многихъ отношеніяхъ.

Чрезвычайно трудна въ этомъ отношеніи задача мѣстныхъ дѣятелей министерства народнаго просвѣщенія. Въ сборникѣ свѣдѣній о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа, въ довольно длинномъ перечнѣ исторій гимназій, семинарій и училищъ, остается постоянно на виду

допинъ и тотъ же фактъ, имѣвшій мѣсто во всѣхъ центрахъ западнаго края—Вильнѣ, Гродно, Минскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Могилевѣ и др., фактъ съ особенною характерностью выступающій въ ковенской гимназіи, составляющей для жмудиновъ и литовцевъ ближайшій высшій образовательный центръ. На слишкомъ двухвѣковую дѣятельность заведенія, мѣнявшаго свои имена, только въ послѣднее двадцатилѣтіе русское начало воспитанія жмуди и литвы смѣнило упорное римско-католическое. Между жмудинами и евреями замѣчается въ послѣдніе годы стремленіе выселяться въ Америку; какъ на причины этого указывали—на высокія пошлины на хлѣбъ и, вслѣдствіе того, на паденіе хлѣбопашества. Избѣгнуть послѣдняго можно было бы тѣмъ, чтобы направить нашъ хлѣбъ на Англію, Швецію и Норвегію чрезъ Полангенъ, измѣнивъ нынѣшній невыгодный путь его на Либаву и Пруссію, которымъ обусловливается значительное вздорожаніе. Въ связи съ этимъ находится и выраженное здѣсь, на мѣстѣ, пожеланіе, чтобы Полангенъ былъ признанъ портомъ и въ немъ устроена портовая таможня (сухопутная уже имѣется), хотя бы низшаго класса.

Въ Россіенскомъ уѣздѣ, въ составъ котораго входитъ мѣстечко Юрбургъ, жителей, не считая мелкихъ подраздѣленій, состоитъ по вѣроисповѣданіямъ:

Православныхъ	4.291	приходовъ	2
Католиковъ	170.654	»	35
Лютеранъ	11.654	»	7
Евреевъ	44.954	молитвенныхъ дом. и синаг.	45

Главныя фабричныя и заводскія производства уѣзда:

Мукомольное	на 341.000 р.
Винокуренное.	» 188.000 »

Бо́льшая половина крестьянъ имѣетъ здѣсь надѣла свыше десяти десятинъ. Въ самомъ Юрбургѣ жителей 2.838 и въ томъ числѣ евреевъ 2.086; этою окраской отличаются почти всѣ, чтобы не сказать рѣшительно всѣ, мѣстечки нашей западной окраины.

Нѣтъ мѣста по всѣмъ неизмѣримымъ границамъ Россіи въ таможенномъ отношеніи болѣе любопытнаго, чѣмъ нашъ вержболовскій округъ, въ составъ котораго входитъ и Юрбургъ, со своими таможенными развѣтвленіями. Въ одномъ Россіенскомъ уѣздѣ четыре таможни, три таможенныя заставы, четыре переходные пункта: Полейкская брандвахта на Нѣманѣ и два отдѣла таурогенской бригады пограничной стражи. Охраненіе границы лежитъ на таурогенской и вержболовской бригадахъ (всѣхъ бригадъ по западной границѣ 9), а таможенный надзоръ сосредоточивается въ Ковнѣ, въ управленіи вержболовскаго таможеннаго округа. Путешествующимъ за границу русскимъ очень хорошо знакомо только одно имя «Вержболово», всѣ же остальныя собственныя имена перечисленныхъ выше узловъ таможенно-пограничной сѣти, оставаясь для нихъ тайной, очень хорошо извѣстны вполнѣ организованнымъ кучкамъ контрабандистовъ.

Изъ офиціальныхъ данныхъ видно, что по всей европейской границѣ, не исключая морей Ледовитаго и Чернаго съ Азовскимъ, въ 1886 году задержано было товаровъ по цѣнности ихъ на сумму 422.000 руб. Сумма эта по округамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Бѣломорскій	197
Петербургскій	498
Рижскій	3.626
Вержболовскій.	232.633
Калишскій	96.842
Радзивиловскій	7,302
Бессарабскій	76.453
Южный	582
Варшавскій.	4.490

Если судить о времени задержанія контрабанды, то особенно излюбленныхъ для ней мѣсяцевъ нѣтъ: она, такъ сказать, течетъ безвременно, всегда. Повидимому самые большіе холода (январь, февраль и декабрь) не по сердцу контрабандистамъ и цѣнность задержаній вертится около 10.000 руб., тогда какъ въ остальные девять мѣсяцевъ она близка къ 20.000 руб., причемъ около 30.000 руб. даютъ мѣсяцы августъ и сентябрь, когда ночи вполнѣ темны, а холода еще не достигли крайнихъ предѣловъ.

Не лишено значенія и то, какіе именно предметы въ наибольшихъ суммахъ значатся въ числѣ задержаній; по свѣдѣніямъ за 1885 годъ по европейской границѣ задержано:

а) *внѣ таможенной черты.*

Хлѣбные спиртные напитки . . .	на	123.066 руб.
Въ бочкахъ	»	52.919 »
Чай.	»	47.679 »
Шерстяныя издѣлія	»	46.696 »
Шелковыя »	»	26.219 »
Домашнія »	»	16.696 »
Бумажныя »	»	12.262 »
Платье и бѣлье.	»	10.671 »

б) *въ таможенной чертѣ.*

Бумажныя издѣлія.	на	5.935 руб
Шелковыя »	»	5.594 »
Шерстяныя »	»	3.561 »
Платье и бѣлье.	»	4.742 »
Чай	»	3.180 »
Хлѣбные спиртные напитки . . .	»	2.994 »
Орѣхи всякіе лѣсные.	»	2.528 »
Составныя лѣкарства.	»	2.286 »

Замѣчательно, съ какою чувствительностью отражается въ мѣстныхъ таможняхъ всякое, даже еще только обсуждаемое въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, мѣропріятіе. Таможни—это дѣйствительные пульсы жизни: такъ, съ усиленіемъ пошлины на чай, по мѣрѣ разработки вопроса о бандеролях

(совершенно необходимыхъ, такъ какъ онѣ сразу проявили бы свое воздѣйствіе на чай контрабандный, спитой и капорскій), то и дѣло возрастало тайное его водвореніе; въ «свиномъ вопросѣ» проводится въ практику русская система двухсторонней охраны, ни туда, ни сюда, сама по себѣ очень честная, но она убиваетъ свиноводство по всей западной окраинѣ нашей; увеличеніе нѣмецкихъ пошлинъ на хлѣбъ немедленно уменьшаетъ успѣхи скотоводства, земледѣлія и увеличиваетъ эмиграцію; наконецъ, за все время разработки въ правительственныхъ сферахъ закона о лѣсоохраненіи, нынѣ уже дѣйствующаго, замѣчалось значительное увеличеніе вывоза лѣса, и т. д.

Гродна. Осовецъ.

Гродна. Видъ города. Историческое. Прежнія православныя судьбы. Замѣчательныя святыни Коложанской церкви. Проѣздъ чрезъ Бѣлостокъ въ Осовецъ. Впечатлѣніе, производимое крѣпостью. Исторія ея возникновенія. Укрѣпленіе нашей западной границы.

Гродна очень хорошо видна отъ лагеря, расположеннаго на возвышеніи. Древній русскій городъ, впервые упоминаемый въ 1120 году, когда княземъ его былъ правнукъ Ярослава I, Всеволодъ, напоминаетъ собою знаменитую гравюру 1568 года, одинъ экземпляръ которой находится въ Императорской публичной библіотекѣ. Гравюра эта рѣзана Цюндтомъ, рисунокъ дѣлалъ Адельгаузеръ; въ нѣмецкомъ объяснительномъ текстѣ сказано, что въ тогдашней Гроднѣ представлялись его королевско-польскому величеству прибывшіе на сеймъ 1567 года посланцы отъ великаго князя Московскаго, въ почтенномъ числѣ 1,200 человѣкъ. Да ужъ не на этомъ ли полѣ, на которомъ раскинуты теперь палатки лагеря, приняты были по одиночкѣ королевско-польскимъ величествомъ посланцы русскіе, турецкіе, татарскіе и валахскіе? Въ извѣстномъ изданіи Ровинскаго «Достовѣрные Портреты» приведено современное описаніе этихъ посольствъ, причемъ сказано, что первымъ было принято именно русское посольство, великолѣпно одѣтое.

Помимо этой гравюры, есть еще другой видъ Гродны, снятый въ 1593 году съ литографской копіи картины, которая не сохранилась или, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно, гдѣ находится; оба вида, въ особенности послѣдній, благодаря сохранившимся очертаніямъ береговъ Нѣмана и основнымъ линіямъ шпилей церковныхъ, вполнѣ узнаваемы и сегодня. Нѣманъ въ Гроднѣ, конечно, значительнѣе уже, чѣмъ въ Ковнѣ; но извилистость теченія и крутизна береговъ совершенно сходны; зелени въ окрестностяхъ меньше, чѣмъ въ Ковнѣ, и нѣтъ здѣсь такихъ красивыхъ пригородныхъ долинъ, какъ тамъ.

Въ Гроднѣ, въ самомъ передовомъ въ эту сторону пунктѣ древняго русскаго населенія, православная святыня имѣетъ краснорѣчиваго представителя древ-

Городъ Гродна. Общій видъ.

По фот. грав. Рашевскій.

ности въ развалинахъ такъ называемаго храма «на Коложѣ». Сыновья названнаго выше князя Всеволода—Борисъ и Глѣбъ оставили по себѣ въ ней память.

Еще въ самомъ концѣ XVI вѣка существовало здѣсь, помимо Коложанской церкви, еще пять или шесть другихъ православныхъ храмовъ, поминаемыхъ въ метрикахъ и инвентаряхъ. Современный тѣмъ днямъ хроникеръ Стрыйковскій, разсказывая о пожарѣ, уничтожившемъ городъ еще въ концѣ XII вѣка, говоритъ, что въ немъ сгорѣло «множество» церквей. Эта преемственность православной святыни была рѣзко и надолго оборвана польско-литовской уніей, и польская интеллигенція признаетъ «своимъ» городомъ Гродну и теперь. Здѣсь же въ повстанье 1863 года гродненскій предводитель дворянства графъ Старжинскій, начиная съ перваго съѣзда помѣщиковъ, руководилъ всѣмъ дѣломъ, написалъ свой знаменитый «мемуаръ» о необходимости польскаго самоуправленія въ западномъ краѣ и былъ арестованъ въ моментъ подготовленія имъ повстанской шайки.

Вотъ на какое разстояніе было отдалено отъ Русской земли то мѣсто, которое еще въ XII вѣкѣ считалось самымъ западнымъ ея предѣломъ; оно то и дѣло переходило изъ рукъ въ руки, отъ нѣмцевъ къ полякамъ и обратно, но еще при Гедиминѣ, въ началѣ XIV вѣка, прославившимся правителемъ Гродны былъ человѣкъ русскій—Давидъ, напоминающій Довмонта Псковскаго и Александра Невскаго, страшный и нѣмцамъ, и полякамъ. Здѣсь, въ Гроднѣ, жилъ въ юности своей литовскій князь Казимиръ Ягайловичъ, страстно любившій Литву, не хотѣвшій знать Польши, но здѣсь же въ старости передавшійся полякамъ и ксендзамъ; здѣсь, какъ видно, изъ льготы польской королевы Боны, которая, къ слову сказать, торговала различными назначеніями на должности,—льготы, данной въ 1541 году, всѣхъ членовъ городского управленія, за исключеніемъ только одного войта, было по два: одинъ русскій и одинъ литовскій. Затѣмъ, наступило полное ополяченіе, и мѣропріятія, имѣвшія мѣсто при императорѣ Павлѣ I и, значительно позже, при генералъ-губернаторѣ Потаповѣ, конечно, не способствовали возвращенію края къ древне-русскимъ преданіямъ.

Надвинувшіяся къ самому берегу Нѣмана, то и дѣло обваливающіяся, развалины Коложанской церкви—это XII вѣкъ. Ея судьба, какъ двѣ капли воды, напоминаетъ судьбы всего православія въ западномъ краѣ. Вотъ она—согласно изслѣдованію г. Дикова. Преданіе сообщаетъ, что Витовтъ, напавъ на псковскій городъ Коложу и разрушивъ его, перевелъ 11.000 плѣнныхъ именно сюда, въ Гродну, гдѣ они и возобновили старую церковь, высившуюся здѣсь отъ времени русскихъ удѣльныхъ князей, еще до принятія Литвой христіанства. Былъ тутъ въ свое время и русскій монастырь, имѣвшій свое самоуправленіе и свои средства, но, мѣняя свѣтскихъ покровителей, бѣднѣлъ, и уже въ концѣ XVI вѣка долженъ былъ продавать священные сосуды, такъ что самое служеніе сдѣлалось невозможнымъ, а надзоръ за зданіемъ перешелъ въ руки арендатора-еврея. Внутренность церкви служила тогда логовищемъ для скота; оконъ и дверей не было, и, наконецъ, она начала осыпаться. Уже въ 1738 году, какъ это значится въ инвентарномъ описаніи церкви, пришлось подпирать ея стѣны. Въ 1845 г.

Гродна. Видъ центральной части города.

По фот. грав. М. Рашевскій.

обвалъ дошелъ до южной стѣны церкви, и богослуженіе въ ней прекращено вовсе; въ 1853 году вся южная стѣна и половина западной рухнули въ Нѣманъ. Это случилось 1 апрѣля; не приходилось ли это въ томъ году на Свя-

Гродна. Сохранившійся флигель «стараго замка».

той Пасхѣ? Проблескомъ новой жизни на старомъ пепелищѣ храма явилось впервые устройство при губернаторѣ Зуровѣ, въ 1873 году, въ алтарной части

Гродна. Развалины Коложанской церкви.

церкви часовни Бориса и Глѣба. Должно надѣяться, что остатки этого древнѣйшаго памятника православія въ этомъ краѣ не свѣются въ ничто; существующее въ Гроднѣ Борисоглѣбское братство не могло не обратить вниман

и на эти развалины. Теперь, какъ было замѣчено, настало для края благопріятное время, и мѣстные русскіе могутъ смотрѣть впередъ съ увѣренностью въ успѣхѣ своего праваго дѣла.

Гродна. «Новый замокъ» — мѣсто послѣдняго польскаго сейма 1793 г.

Гродна, какъ и вся Литва, переживала тяжелыя времена; хотя тутъ хозяйничали, главнымъ образомъ, поляки, но побывали неоднократно нѣмцы, шведы,

Гродна. Губернаторскій домъ.

русскіе, а ранѣе прочихъ, въ 1241 году, даже татары, взявшіе приступомъ замокъ, причемъ погибли въ битвѣ князь Юрій Глѣбовичъ и все его войско, и вся окрестная страна опустошена. Тутъ имѣли неоднократно мѣсто польскіе

сеймы; тутъ въ XV и XVI столѣтіяхъ жили, а теперь покоятся вѣчнымъ сномъ бывшіе властители Польши, изъ которыхъ послѣдній намъ особенно памятенъ—Казимиръ IV († 1492 года) и Стефанъ Баторій († 1586 года). Городъ Гродна отличался всегда особенно здоровымъ климатомъ, и очень любопытно свѣдѣніе о томъ, что и въ настоящее время, согласно статистическимъ даннымъ, смертность въ немъ не превышаетъ 2%, а это minimum для всей Россіи.

Перечисленіе главныхъ историческихъ данныхъ касающихся Гродны было бы не полно, если не вспомнить, что Андрусовскій миръ былъ утвержденъ со стороны поляковъ здѣсь, на сеймѣ 1678 года; что въ 1705 году въ Гродиѣ свидѣлся Петръ Великій съ королемъ польскимъ Августомъ II, для принятія оборонительныхъ мѣръ противъ Карла XII; что здѣсь же, наконецъ, совершилось и знаменитое «finis Poloniae», отреченіе отъ польскаго престола короля Станислава-Августа. Предъ раздѣломъ Польши Гродна не отставала почти ни въ чемъ отъ Вильны, но затѣмъ лишилась своего сеймоваго значенія, и блиставшій танцовщицами балетъ ея переѣхалъ въ Варшаву; съ 1802 года городъ сдѣлался губернскимъ.

Было около четырехъ часовъ дня, когда путешественники прибыли въ крѣпость Осовецъ, расположенную на самой границѣ Гродненской губерніи такъ, что одинъ изъ фортовъ ея находится въ Ломжинской губерніи. Холодная дождливая погода не помѣшала путешественникамъ объѣхать всѣ форты крѣпости, сдва только оконченной.

Вопросъ объ укрѣпленіи этой мѣстности возникъ еще въ 1873 году. Тогда же былъ выработанъ грандіознѣйшій планъ сильной крѣпости; ея ядромъ предполагалось сдѣлать мѣстечко Гоніондзь, колокольня котораго виднѣется съ высокихъ валовъ одного изъ крѣпостныхъ фортовъ Осовца. Смѣта была, конечно, обширнѣе самаго плана, и приступать къ его исполненію оказалось совершенно невозможно. Наступилъ 1881-й годъ, и вопросъ объ укрѣпленіи всѣхъ западныхъ крѣпостей нашихъ поставленъ снова на первое мѣсто, что и подобало по его важности. Не удовлетворяли и не могли удовлетворять требованіямъ военнаго времени въ значительной степени обветшалые верки Варшавы, Новогеоргіевска, Ивангорода и Брестъ-Литовска, на созданіе которыхъ положено было столько трудовъ и энергіи императоромъ Николаемъ I; болѣе точныя соображенія на предметъ обороны выдвинули, кромѣ того, и совершенно новые, до того совсѣмъ неизвѣстные, пункты нашей территоріи, и въ числѣ таковыхъ какъ по характеру, такъ и по законченности занялъ первое мѣсто Осовецъ.

Прежній проектъ переработанъ, сокращенъ и приведенъ въ исполненіе благодаря тому, что, по волѣ императора Александра III, военному министру былъ разрѣшенъ ежегодный кредитъ на постройку крѣпостей. Относительно Осовца какъ нельзя болѣе оказывается справедливою пословица о журавлѣ въ небѣ и синицѣ въ рукѣ: о грандіозномъ планѣ семидесятыхъ годовъ нѣтъ

болѣе и помину, но фактически существующая, вполнѣ законченная и снабженная всѣмъ нужнымъ крѣпость—налицо. Почти то же можно сказать и о другихъ перестроенныхъ и переродившихся крѣпостяхъ нашихъ: это безумное, но вполнѣ основательное государственное мѣропріятіе,—дѣло императора Александра III.

Небольшая рѣка Бобръ тихо протекаетъ между фортами Осовца, раздѣляя, какъ сказано выше, двѣ губерніи. Одинъ изъ фортовъ называется Шведскимъ,—это потому что когда-то переправлялись тутъ шведы, и подъ выстрѣлами одного изъ фортовъ находится именно это мѣсто съ остатками какихъ-то свай и гати.

Неоглядно далеко тянется кругомъ ровная, болотистая мѣстность, по зелени которой поблескиваютъ излучины Бобра; обстрѣлъ очень широкъ и удобенъ, топь оставлена тамъ, гдѣ ей слѣдуетъ оставаться, а тамъ, гдѣ она была излишнею, ея не существуетъ, и уже тянутся дороги и раскинулись богато зеленѣющіе гласисы. Это касается присыпки земли; чтобы судить о томъ, сколько ея снесено, срѣзано, надо только взглянуть на оставленный не тронутымъ кусочекъ холма внутри крѣпости: бока его срѣзаны отвѣсно, а на вершинкѣ растутъ сосенки и кусты такими, какими застали ихъ лопаты, кирки и топоры нашихъ инженеровъ.

Для возведенія крѣпости снесена деревня Осовецъ, оставившая крѣпости свое имя. Ко времени написанія этихъ строкъ, крѣпость Осовецъ уже была освящена, и надъ нею высится Императорскій штандартъ. Крѣпость эту воздвигали съ полнымъ знаніемъ дѣла. Можетъ случиться, что ближайшая война вовсе обойдетъ Осовецъ и направитъ свой кровавый маршрутъ на другія пажити; но если очередь дойдетъ до Осовца, то онъ свою службу сослужитъ.

По мѣрѣ приближенія путниковъ къ району нашихъ западныхъ крѣпостей и ознакомленія ихъ съ планами и съ тѣмъ, что имѣется въ нихъ налицо въ дѣйствительности, нельзя не вспомнить о томъ, что думаютъ иностранцы объ этихъ нашихъ крѣпостяхъ. Впереди всѣхъ, ближе къ западной границѣ нашей, высится Варшава, между Ивангородомъ и Новогеоргіевскомъ, въ тылу ихъ состоятъ Брестъ-Литовскъ, Ковна и Осовецъ, еще дальше вглубь Двинскъ.

Въ брошюрѣ «Die Befestigung und Vertheidigung der Deutsch-Russischen Grenze», 1887 года, сочиненія анонимнаго «нѣмецкаго офицера», изображены очень ясно взгляды нашихъ сосѣдей на линію нашей обороны. Отъ сѣверной части Германіи, говоритъ офицеръ, на Варшаву, центръ русскихъ крѣпостей, направляются изъ Пруссіи четыре желѣзныя дороги, связанныя одна съ другою сѣтью поперечныхъ линій, такъ что съ точки зрѣнія защиты германской территоріи «желать болѣе нечего». Вся германская армія «die ganze deutsche Heeresmacht»—можетъ быть не только собрана во всякую данную минуту на любой точкѣ русской границы, но и передвинута на другую точку, если бы это понадобилось. Сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ, напротивъ того, можетъ удовлетворить только самымъ насущнымъ потребностямъ мирнаго времени и способствовать только въ нѣкоторомъ смыслѣ движенію русской арміи исключительно на провинцію «Восточная Пруссія». Значительную важность имѣетъ желѣзнодорожная линія отъ Ивангорода къ австрійской границѣ; болѣе важны

желѣзныя дороги, идущія на Варшаву съ востока; но это значеніе ихъ парализуется тѣмъ, что соединеніе съ ними лѣваго берега Вислы производится только по двумъ желѣзнодорожнымъ мостамъ. Нѣмецкій офицеръ обращаетъ вниманіе и на то, что хотя Россія можетъ выставить больше войскъ, чѣмъ другое какое-либо государство Европы въ отдѣльности, но что ихъ придется разбросать по громадной территоріи, и собрать своевременно, «rechtzeitig», противъ соединенныхъ силъ Германіи и Австріи нельзя. Относительно Россіи, говоритъ далѣе офицеръ, слѣдуетъ держаться не того общаго стратегическаго пріема, который вызываетъ въ случаѣ войны занятіе возможно большей части враждебной территоріи, и тѣмъ обезсилить противника, какъ это сдѣлалъ Наполеонъ I,—относительно Россіи надо ограничиться нападеніемъ на небольшія, но самыя чувствительныя мѣста, какъ это сдѣлали союзники въ 1854—1855 гг. Подобнымъ самымъ чувствительнымъ мѣстомъ для Россіи былъ бы, говоритъ офицеръ, Петербургъ; но линія движенія къ нему слишкомъ длинна, препятствій на ней много, и постоянный подвозъ новыхъ военныхъ силъ изъ Россіи, во все время долгаго и труднаго пути вторгнувшагося и идущаго на Петербургъ непріятеля, явился бы вполнѣ обезпеченнымъ и крайне опаснымъ. Гораздо лучше для Германіи, говоритъ офицеръ, занять по Вислу Польшу, выдающуюся къ Германіи клиномъ, и этимъ именно занятіемъ достигнуть конечнаго результата войны.

Съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ авторъ значеніе нашихъ крѣпостей, причемъ говоритъ, что только со времени послѣдней Турецкой войны стали мы обновлять обветшалыя, вовсе не удовлетворявшія новымъ требованіямъ войны крѣпости; онъ вспоминаетъ о комиссіи 1876 года, состоявшей подъ руководствомъ Тотлебена, говоритъ о перестройкахъ и о томъ, что хотя въ общемъ за крѣпостями нашими сохраненъ характеръ оборонительный, но что и возможность наступленія тоже принята во вниманіе.

Мнѣніе нѣмецкаго офицера о нашихъ крѣпостяхъ, расположенныхъ по сѣверо-западной границѣ, слѣдующее: Варшава—форты строены не особенно поспѣшно; многіе даже вовсе не начаты; мысль окружить Варшаву сплошнымъ кольцомъ, кажется, оставлена вовсе. Варшава скорѣе укрѣпленный лагерь, чѣмъ крѣпость.

Новогеоргіевскъ, на правомъ флангѣ линіи,—въ послѣдніе четыре года крѣпость окружили сильными, далеко впередъ выдвинутыми фортами, постройка которыхъ ведена такъ быстро, что ихъ надо считать почти оконченными.

Ивангородъ — лѣвый флангъ, въ послѣдніе годы построено шесть сильныхъ, далеко выдвинутыхъ фортовъ, но они, вмѣстѣ взятые, не больше, какъ прикрытіе желѣзнодорожнаго моста чрезъ Вислу.

Брестъ-Литовскъ, въ тылу трехъ названныхъ крѣпостей. Сила его въ болотахъ, его окружающихъ; болота; эти совершенно отдѣлятъ одну отъ другой двѣ арміи, вторгнувшіяся въ Россію, одна со стороны Австріи, другая со стороны Пруссіи; крѣпость эта въ полной мѣрѣ заслуживаетъ того вниманія, которымъ почтили ее русскіе инженеры.

Ковна и Осовецъ (Гоніондзь), созданіе послѣднихъ лѣтъ, значительно

усилили оборону русской территоріи; судя по расположенію фортовъ Ковны, крѣпость разсчитана не только на оборону, но и на переходъ къ наступленію; этими двумя крѣпостями совершенно прикрыть путь на Петербургъ, и взяты въ стратегическую опеку «всѣ ведущія изъ Германіи въ Россію» желѣзныя дороги.

Динабургъ (т. е. Двинскъ), какъ слышно, говоритъ нѣмецкій офицеръ, вовсе не обновленъ; онъ не болѣе, какъ мостовое прикрытіе и мѣсто складовъ.

Заключеніе автора слѣдующее: мѣры послѣднихъ 10—15 лѣтъ по укрѣпленію западной русской границы свидѣтельствуютъ о томъ, что мысль о возможности войны Россіи съ Германіей стала въ Россіи болѣе вѣроятною, чѣмъ прежде, и что какія-то руководящія печатью «партіи», то и дѣло достигающія значенія и вліянія на ходъ дѣлъ, толкаютъ Россію къ войнѣ, и это должно быть принято Германіей «къ свѣдѣнію и соображенію».

Варшава.

Посѣщенія Петра Великаго. Мнѣніе Милютина о Польшѣ второго возстанія. Наши администраторы тѣхъ дней. Значеніе Рима и идеи федеративности. Посѣщеніе собора. Судьбы собора и подвальной церкви. Николай I и Паскевичъ. Ніары и Суворовъ. Польша была православною. Историческія даты. Достопримѣчательности города. Лазенковскій дворецъ. Его судьбы. Легкіе мотивы характеристики комнатъ. Знаменитый паркъ. Историческіе помераицы. Бельведерскій дворецъ.

5

— —

Въ 9 часовъ утра, 19 іюня, поѣздъ подошелъ къ Варшавѣ, бывшей столицѣ Царства Польскаго, къ вокзалу станціи Прага. Въ совершенную противоположность хмурой и дождливой, неопредѣленной и валкой погодѣ западнаго края въ Гродиѣ, Бѣлостокѣ и Осовцѣ, главный городъ привислинскихъ губерній встрѣчалъ путешественниковъ превосходною погодою и яркимъ голубымъ блескомъ безоблачнаго неба.

Какъ и всякая красавица, Варшава скрываетъ свои годы. Самое далекое прошлое—это миѳическія времена основанія города. Согласно однимъ источникамъ, городъ основанъ еще въ XI вѣкѣ какою-то эмигрировавшею сюда чешскою семьей (не православною ли?) Варшевъ или Варшавцевъ; по другимъ, имя города происходитъ отъ древнеславянскаго слова «Варшъ» или отъ венгерскаго «Варошъ», означающаго укрѣпленное село, холмистую мѣстность; по третьимъ, Варшава основана Конрадомъ, княземъ Мазовецкимъ, плѣнившимся на охотѣ красотой мѣстности; она сдѣлана столицей княжества Варшавскаго при Янушѣ, сынѣ Земовита. Исторически существуетъ несомнѣнно Варшава съ 1224 года; въ 1252 именовалась еще селеніемъ. Въ 1529 году, съ пресѣченіемъ рода князей Мазовецкихъ, владѣнія ихъ перешли къ польской коронѣ, перешла также и Варшава, но дѣйствительною столицей царства Польскаго, вмѣсто Кракова, стала она только со времени Сигизмунда III, въ XVI вѣкѣ. Съ января 1799 по сентябрь 1807, то есть слишкомъ восемь лѣтъ, Варшава принадлежала Пруссіи, и это помнятъ пруссаки очень хорошо; властвовали тутъ вслѣдъ за ними и французы; говорятъ, въ англійской гостинницѣ пока

зываютъ до сихъ поръ нумеръ, въ которомъ будто бы Наполеонъ сказалъ свою знаменитую фразу: «отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ!» Тотъ же Наполеонъ, плѣненный будто бы красотой палацъ Красинскихъ, въ которомъ собиралось правительство польское, еще во дни своего могущества (нынѣ—судебная палата) хотѣлъ перетащить его заодно съ русскими артиллерійскими лошадьми въ Парижъ.

Судьбѣ угодно было, чтобы Петръ I, прибывшій въ Варшаву въ 1707 году съ батальономъ преображенцевъ, подъ командой майора князя Долгорукова, и распоряжавшійся тогдашнею Польшей, несмотря на существованіе короля, на правахъ почти полнаго хозяина, заболѣлъ въ Варшавѣ такою страшною лихорадкою, «фиброй», что былъ, какъ самъ онъ писалъ, «въ самый Ильинъ день футовъ на пять отъ смерти». Въ этотъ пріѣздъ Петръ пробылъ въ Варшавѣ съ 11 іюня по 4 сентября. Затѣмъ былъ онъ въ Варшавѣ 23 и 24 сентября 1709 года, причемъ великій канцлеръ литовскій князь Радзивиллъ и другіе знатные польскіе господа поздравляли его съ полтавскою баталіей и провожали государя «даже до Торуня». Домъ, въ которомъ Петръ останавливался въ первый свой пріѣздъ,—это палацъ Лубенскихъ на Королевской улицѣ; во второй пріѣздъ онъ предпочелъ, однако, ночевать на суднѣ, на которомъ прибылъ.

Судьбѣ угодно было также, чтобы полтораста лѣтъ спустя другой русскій дѣятель, не Петру, конечно, чета, но глубоко почтенный Н. А. Милютинъ, назначенный въ Польшу для утвержденія въ краѣ русскаго дѣла послѣ возстанія въ 1863 году, писалъ своей женѣ въ письмѣ объ этомъ назначеніи: «On s'obstine à me creuser une fosse». Милютинъ писалъ также тогда, что, познакомившись съ мѣстными варшавскими министрами у намѣстника графа Берга, онъ нашелъ ихъ «не возбуждающими довѣрія»; самъ намѣстникъ казался ему очень любезенъ, но «серьезной помощи отъ него ждать нельзя»; что гражданскія власти въ Варшавѣ если не помогаютъ косвенно и втихомолку возстанію, то хранятъ нейтральность, и, кажется, всѣ привыкли къ этому. Въ тѣ дни, писалъ Милютинъ, только крестьяне могли утѣшить насъ въ Польшѣ; все же остальное: дворянство, духовенство, евреи, были настолько намъ вредны и такъ испорчены и деморализованы, что «съ нынѣшнимъ поколѣніемъ ничего не подѣлать. Страхъ—единственная узда для этого общества, въ которомъ всѣ основы нравственности опрокинуты, такъ что ложь, притворство, грабительство и убійство стали добродѣтелью и геройствомъ».

Это было двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ 1864 г., въ самой Польшѣ; немногимъ лучше было и въ Петербургѣ. При просмотрѣ въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина, проектовъ переустройства въ Царствѣ Польскомъ, проявилось въ средѣ русскаго чиновничества сочувствіе къ Польшѣ. Благодаря этому, преобразовательные проекты трехъ друзей, Черкасскаго, Милютина и Самарина, могли остаться неутвержденными, и только единоличная воля государя, какъ это было и въ редакціонныхъ комиссіяхъ, дала жизнь необходимымъ проектамъ.

Это все давно прошедшее, и имена этихъ русскихъ дѣятелей нѣтъ надобности называть: одни изъ нихъ сошли въ могилу, другіе еще живутъ, но

Общій видъ города Варшавы.

Съ фот. К. Бебера, грав. Діедзи.

не у дѣлъ. Милютинъ умеръ въ 1872 году, Самаринъ въ 1875, Черкасскій въ 1878 году. То поколѣніе, съ которымъ «ничего нельзя было сдѣлать», отошло, какъ и самъ Милютинъ, сказавшій это. Измѣнилось ли что-либо въ настроеніи поляковъ въ новомъ ихъ поколѣніи? Не сохраняютъ ли нѣкоторые изъ нашихъ русскихъ дѣятелей ту «нейтральность», которая втихомолку и косвенно ободряла поляковъ? Осталось ли въ насъ наше сентиментальничанье? Эти вопросы задаются далеко не изъ желанія ссоры или раскрытія заживающихъ ранъ: нѣтъ, единственно ради справедливаго выясненія дѣла, сознанія важности и поучительности фактовъ исторіи, устраненія недоразумѣній и въ убѣжденіи, что «союзъ—сила», но союзъ, основанный на искренней дружбѣ и обоюдномъ пол-

Варшава. Православный Свято-Троицкій соборъ.

номъ довѣріи. Несомнѣнно то, что въ Варшавѣ и въ привислинскихъ губерніяхъ, гдѣ хозяйничалъ генералъ Гурко, этого сентиментальничанья не было.

Въ значительной степени осложняются наши отношенія къ Польшѣ только однимъ факторомъ, очень замѣтнымъ, это правда, но далеко не способнымъ бороться съ идеей единодержавія Россіи: этотъ факторъ — католичество и роковая зависимость его отъ Рима. Но и тутъ разрѣшеніе было бы возможно при добромъ желаніи. Не мы, а умнѣйшіе и достойнѣйшіе дѣятели Польши еще въ XVI вѣкѣ заговаривали о «національной» для Польши церкви, и очень, очень близка была сама Польша даже къ тому, чтобы сдѣлаться протестантскою. Въ сожительствѣ съ Польшей, охотно пойдетъ Россія впередъ какъ идетъ съ сорока другими народностями, начиная отъ нѣмцевъ и кончая самоѣдами,

на самобытность религіи и народности которыхъ ей и въ голову не приходитъ посягать; но было бы странно думать, что, не посягая на польскую народность какъ народность, Россія допуститъ хозяйничанье римскаго католицизма въ Литвѣ, на Жмуди и на Волыни. Это значило бы допустить мысль, что казанскіе татары, въ силу того, что нѣкогда существовало царство Казанское, могутъ быть допущены хозяйничать и теперь по Камѣ, Волгѣ и Окѣ! Принципіальной разницы между Царствомъ Польскимъ и царствомъ Казанскимъ нѣтъ, а есть разница настолько, что въ титулѣ Императора Всероссійскаго имя перваго изъ нихъ поставлено выше имени второго. Федеративность и смерть единодержавной Россіи—это синонимы; на признаніи этой мысли должны сходиться всѣ русскіе люди; на этой почвѣ, если нейти навстрѣчу самоубійству государства, не можетъ быть какихъ-либо пререканій. Когда, проѣзжая въ 1863 году въ Польшу, Милютинъ посѣтилъ Вильну, онъ видѣлся и бесѣдовалъ съ Муравьевымъ; оба они — бывшіе соперники по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, одинъ заступникъ дворянскихъ привилегій, другой адвокатъ крестьянъ, сошлись въ полномъ единомысліи по вопросу о переустройствѣ еще бунтовавшаго въ тѣ дни края.

Каѳедральный соборъ въ Варшавѣ, на 30.000 православныхъ, вмѣщающій въ себѣ не болѣе 900 человѣкъ, ни въ какомъ случаѣ не удовлетворяетъ представительству господствующей, вслѣдствіе принадлежности края Россіи, православной церкви. Въ Ригѣ недавно возникъ вполнѣ соотвѣтственный значенію соборъ; слѣдуетъ сдѣлать это и въ Варшавѣ*). Подъ круглыми сводами, на четырехъ массивныхъ столбахъ, съ широкими, темными между ними проходами, онъ этою, очень дурною, темною стороной своей напоминаетъ соборъ Исаакіевскій; всѣ пилястры, всѣ карнизы и колонны тяжелы; нижняя часть облицована алебастромъ, подъ цвѣтъ гранита; сводъ частью въ розеткахъ, частью со звѣздами; иконостасъ, съ однимъ алтаремъ, позолоченъ; противъ него, надъ входомъ въ храмъ, большое окно съ хорами; образовъ на стѣнахъ очень немного, запрестольный образъ Св. Троицы писанъ Кокуляромъ. Все это темное, неприглядное пространство собора, помѣщающееся въ кубическомъ основаніи, повѣнчано пятью золочеными куполами и окрашено снаружи зеленою, неприглядною, смутною краской. Въ общемъ, какъ сказано, темень, грузность, бѣдность.

Соборъ этотъ освященъ 18 іюля 1837 года, въ присутствіи князя Паскевича, намѣстника; войска дефилировали послѣ его освященія почти цѣлый часъ времени: такъ много было тогда войска въ Варшавѣ. Мысль воздвигнуть въ Варшавѣ православный соборъ всецѣло принадлежитъ императору Николаю I, а воплощеніе ея князю Паскевичу, сказавшему довольно самоувѣренно, еще въ 1831 году, то-есть вслѣдъ за взятіемъ Варшавы и разоруженіемъ польскихъ войскъ, что если «въ странѣ невѣрной (Кавказъ) я утвердилъ христіанство, то въ странѣ христіанской поддержать и возвысить православіе мнѣ не трудно». Эти слова были сказаны Паскевичемъ по поводу разсужденій о томъ,

*) Пожеланіе, высказанное авторомъ, въ настоящее время, какъ извѣстно, исполнилось.

Варшава. Лазенковскій дворецъ.

Рис. Ал-де Баръ, грав. Паннемацеръ.

что предшествовавшая собору варшавская православная святыня, такъ называемая «подвальная церковь», устроенная въ 1818 году, оказалась слишкомъ тѣсною и невзрачною, хотя она съ 8 октября 1834 года, то-есть со времени прибытія въ Варшаву перваго православнаго епископа Антонія, заступала мѣсто каѳедральнаго собора.

Еще въ началѣ XVIII вѣка православнымъ было запрещено имѣть въ Варшавѣ свою церковь; только, по настоянію Екатерины II, удалось заручиться разрѣшеніемъ имѣть православную церковь, но и то не иначе, какъ въ жиломъ помѣщеніи; съ 1818 года существовала помянутая подвальная церковь, въ 1837 году освященъ нынѣшній соборъ.

Всѣ строенія, принадлежащія собору и архіерейскому дому, построены еще въ XVII вѣкѣ ксендзами піарами. Богатая неприкосновенность піаровъ была невѣжливо нарушена генералиссимусомъ Суворовымъ, взявшимъ Варшаву и помѣстившимъ въ этихъ зданіяхъ свой штабъ и часть войскъ; здѣсь же, въ нынѣшней столовой архіерейской братіи, поставлена и церковь. Когда, въ 1829 году, Николай I, прибывъ въ Варшаву для того, чтобы короноваться въ католическомъ соборѣ св. Яна «Королемъ Польскимъ», посѣтилъ подвальную церковь, то онъ нашелъ ее неподходящею и задумалъ постройку собора. Исполнить эту мысль повелѣно князю Паскевичу.

Паскевичъ тогда же намѣтилъ костелъ и зданія піаровъ, которыми воспользовался Суворовъ, какъ наболѣе пригодныя для воплощенія мысли императора, а самихъ піаровъ перевелъ въ зданія іезуитскія, остававшіяся пустыми со времени изгнанія іезуитовъ. Въ видѣ особенной любезности, переселеннымъ піарамъ было доплачено, за понесенные ими убытки, 53.575 руб. 75 коп. По удаленіи ихъ, начались немедленно перестройки, и соборъ, какъ сказано, освященъ въ 1837 году

Эти свѣдѣнія о соборѣ заимствованы изъ описанія Устимовича. Онъ посвятилъ также нѣсколько страницъ своего труда воспоминаніямъ о томъ, что основаніе христіанства въ древнюю Польшу проникло «не съ католическаго запада, а съ православнаго востока»; что древнѣйшіе храмы Польши (Св. Крестъ въ Краковѣ, каѳедральный соборъ въ Гнѣзнѣ, костелъ св. Николая въ Люблинѣ и холмскій православный соборъ) обращены алтарными частями на востокъ и имѣютъ структуру греческихъ церквей; что Краковъ со всѣмъ своимъ округомъ входилъ нѣкогда въ составъ митрополіи св. Кирилла; что въ самомъ Краковѣ, въ концѣ XI вѣка, архіепископствовалъ православный Прохоръ, поставленный, согласно польскому историку Длугошу, Меѳодіемъ; что меѳодіеву архипастырскому жезлу подчинялся когда-то епископъ Вреславля (древняя Сморгонь); что польскіе историки Стердовскій, Лубинскій и даже самъ Несторъ польской исторіографіи—Нарушевичъ, говоря о христіанствѣ въ Царствѣ Польскомъ въ IX и X вѣкахъ, умышленно обходятъ молчаніемъ вопросъ о томъ, по какому именно обряду, восточному или западному, совершалось въ Польшѣ христіанское богослуженіе. И развѣ не былъ польскимъ королемъ, въ 965 году, Мечиславъ, принявшій православіе и женатый на православной?

Горячая полемика о томъ, была ли Польша православною до принятія католичества, велась лѣтъ сорокъ тому назадъ, между Мацѣевскимъ, съ одной, и Рихтеромъ и Остроскимъ, съ другой стороны. Вспоминая о ней, Спасовичъ замѣчаетъ, что, хотя есть слѣды долгаго господства (въ Польшѣ) христіанства по православному обряду, но не сохранилось данныхъ о его самостоятельной организаціи. Верхъ надъ нимъ одержалъ обрядъ латинскій, укоренившійся быстро и глубоко и сдѣлавшійся одною изъ главныхъ основъ жизни народной по многимъ причинамъ. Перечисленіе этихъ причинъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, перечисленіе всего того, что̀ погубило Польшу.

Объясненіе происхожденія названія «Лазенки» имѣется и понынѣ въ ста-

Варшава. Лазенковскій дворецъ.

рѣйшей части небольшого, но очень граціознаго и миніатюрнаго зданія дворца въ тѣхъ двухъ комнатахъ, въ которыхъ, въ случаѣ пребыванія Высочайшихъ особъ, устраивается временный буфетъ, это—купальня или баня, łaznia, «лазня». На стѣнахъ этихъ комнатъ еще сохранились былые рельефы сатировъ и нимфъ, купающихся или играющихъ въ густыхъ водяныхъ зарослях. На этомъ мѣстѣ, гласитъ преданіе, существовала купальня еще во времена князей Мазовецкихъ и имѣлся звѣринецъ Уяздовскаго за́мка, неоднократно оглашавшійся пышными охотами цѣлаго ряда королей изъ династій Ягеллоновъ и Вазы. Король Станиславъ-Августъ, уже ко времени окончательнаго паденія Польши, задумалъ строить на этомъ мѣстѣ лѣтній дворецъ; постройки начаты въ 1767, окончены въ 1778 году и воздвигались по предначертаніямъ самого короля; говоритъ,

что подъ одною изъ Уяздовскихъ горъ онъ приказалъ въ 1781 году устроить фонтанъ, изъ котораго брали воду для Анны Ягеллонки, жившей въ Уяздовѣ. Отъ наслѣдниковъ королевскаго имущества дворецъ пріобрѣтенъ въ 1817 году Александромъ I и составляетъ теперь собственность Его Величества.

Играющіе, легкіе мотивы постройки вполнѣ соотвѣтствуютъ былому убранству комнатъ и тому духу при дворѣ властителя, который имѣлъ своимъ источникомъ амурозныя хроники Тріанона и Сенъ-Клу. Еще и теперь предъ главнымъ фасадомъ, на берегу пруда, бѣлѣютъ двѣ очень красивыя группы, въ особенности одна, Сатиръ и Вакханка, очень любопытныя съ разныхъ точекъ зрѣнія; еще и теперь малый, нижній кабинетъ, называемый «зеленымъ», по полинявшей обивкѣ стѣнъ, полонъ портретовъ самыхъ красивыхъ женщинъ времени Станислава Августа: герцогини Биронъ, княгинь Сапѣга, Любомирской, графинь Потоцкой, Томатисъ, Рибпиской, Дангофъ, Любинской, танцовщицы Вюркъ; еще и теперь, въ такъ называемомъ среднемъ залѣ картины Баккіорелли имѣютъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ женолюбиваго Соломона; въ чертахъ лица его можно узнать портреты самого Станислава-Августа въ разные годы его жизни. Въ такъ называемой Ротондѣ, освѣщенной сверху, поставлены неизящныя статуи королей: Казимира Великаго, Сигизмунда I, Стефана Баторія и Іоанна III. Надъ ними, по своду, которому приданъ довольно оригинальный видъ дыни, помѣщены четыре медальона того же Баккіорелли, съ изображеніемъ основныхъ качествъ нужныхъ королю: Силы, Справедливости и, наконецъ, Мудрости.

Пролетенъ по размѣрамъ своимъ «большой залъ», служащій въ настоящее время столовою, съ его бѣломраморными каминами и польскимъ орломъ на стѣнѣ; прекрасны многія картины и мраморы дворца. Самъ дворецъ расположенъ между двухъ большихъ дремлющихъ въ глубокой зелени парка прудовъ, и на заднемъ планѣ одного изъ нихъ видна бѣлая фигура на конѣ короля Іоанна III, Собѣскаго, топчущаго двухъ турокъ. Съ одной изъ террасъ замѣтенъ открытый каменный амфитеатръ, могущій вмѣстить въ себѣ до 1.500 зрителей, а противъ него, на островкѣ, открытая сцена. Паркъ, одинъ изъ самыхъ громадныхъ въ мірѣ, полонъ всякихъ мостиковъ, статуй, павильоновъ; въ разбросанныхъ домикахъ его жили нѣкогда родные Станислава-Августа и его придворные. Имѣется подлѣ дворца красивый небольшой театръ, называемый «Помаранчарня», отъ знаменитыхъ померанцовыхъ деревьевъ. Благодаря, вѣроятно, низменному расположенію, такъ какъ ко дворцу, съ Уяздовской аллеи, приходится ѣхать длиннымъ спускомъ,—паркъ щеголяетъ удивительною растительностью. Бывшій звѣринецъ преобразованъ въ паркъ по плану извѣстнаго въ исторіи садоводства Шуха и составляетъ поистинѣ своего рода перлъ. Было бы несправедливо не вспомнить знаменитыхъ померанцовыхъ деревьевъ, числомъ 103, составляющихъ своею величиною и древностью славу лазенковской оранжереи; говорятъ, будто 70 изъ нихъ имѣютъ отъ 600 до 700 лѣтъ. За ними цѣлая исторія: они происходятъ изъ дрезденскаго Цвингера, были извѣстны уже въ XVI вѣкѣ и куплены у Радзивиловъ въ 1858 году. Померанцы эти видали много видовъ.

Лазенковскій паркъ сливается воедино съ паркомъ Бельведерскаго дворца, въ которомъ живетъ лѣтомъ генералъ-губернаторъ. Императоръ Николай I останавливался обыкновенно въ Лазенкахъ, императоръ Александръ II въ Бельведерѣ. Бельведерскій дворецъ идетъ тоже отъ временъ князей Мазовецкихъ и принадлежалъ когда-то монахамъ Августинамъ, но отдѣланъ дворцомъ для жены великаго литовскаго канцлера Паца, итальянки родомъ, въ 1659 году, и тогда же названъ «Belvedere». Въ 1764 году купленъ отъ Станислава Понятовскаго; существовала въ немъ фаянсовая фабрика; затѣмъ проданъ за долги, окончательно купленъ нашимъ правительствомъ въ 1818 году, сломанъ и поднятъ заново въ 1822 году, для жительства въ немъ цесаревича Константина Павло-

Варшава. Мостъ съ памятникомъ Іоанну III Собѣскому въ Лазенкахъ.

вича. Любопытный отрывокъ исторіи дворца сопряженъ именно съ этимъ именемъ, и многія характерныя данныя объ этомъ имѣются на страницахъ «Русской Старины» и «Русскаго Архива».

Близъ Лазенокъ находится Уяздовскій госпиталь — одинъ изъ самыхъ громадныхъ въ Россіи; онъ вытягивается во всю длину одноименной съ нимъ площади. Здѣсь тоже, гласитъ преданіе, существовалъ замокъ древнихъ Мазовецкихъ князей уже въ XIII вѣкѣ. Здѣсь, въ одномъ изъ самыхъ раннихъ образчиковъ, сказалась пресловутая любовь Литвы и Польши, послужившая поводомъ къ порабощенію Литвы, существующая, къ несчастію, и по настоящій день: въ 1261 году напали на замокъ литовцы, убили князя и разграбили замокъ. Послѣ длиннаго ряда всякихъ перипетій устроенъ королевскій

Варшава. Резервуаръ въ Лазенкахъ.

Рис. Ад-де Баръ, грав. Пашемакеръ.

дворецъ, и въ немъ живали Сигизмундъ I, Сигизмундъ Августъ, Стефанъ Баторій съ Анною Ягеллонкою и Сигизмундъ III, такъ что многія дѣянія, тяжко отзывавшіяся на Россіи, задумывались именно здѣсь. Послѣ взятія Варшавы шведами въ немъ жилъ Карлъ XII; когда имъ владѣлъ Любомірскій, онъ, согласно показаніямъ современнаго туриста, блисталъ богатствомъ и изяществомъ. Всего этого нѣтъ теперь и слѣда; побывали зданія эти казармами литовской гвардіи, и въ 1809 году въ нихъ помѣщенъ госпиталь. Старѣйшая часть его, служившая, какъ говорятъ, охотничьимъ замкомъ Станислава Понятовскаго, обозначается и теперь четырьмя башнями и имѣетъ внутренній дворъ; слѣдовъ фонтана Анны Ягеллонки, кажется, нѣтъ.

Варшава. Замковая площадь.

Порядокъ въ госпиталѣ примѣрный; больныхъ въ описываемое время состояло налицо 1.024 ч.; изъ 10.000 находившихся на излѣченіи въ теченіе года, въ среднемъ, смертныхъ случаевъ было не свыше 150. Въ отдѣленіи психически больныхъ состояло 63, изъ нихъ офицеровъ 17. На лѣтнее время больные помѣщаются въ палаткахъ.

Хорошъ, по устройству своему, находящійся на Смольной улицѣ и построенный въ 1870 году, офтальмическій институтъ князя Любомірскаго. На фасадѣ виденъ бюстъ основателя. Говорятъ, что поводомъ къ основанію послужилъ accide ut de chasse: Князь Любомірскій на охотѣ прострѣлилъ одному изъ своихъ пріятелей глазъ и это обусловило возникновеніе глазной лѣчебницы: мысль счастливая. Надъ дверями комнатъ надписи: Saba St.-Josefa, Ludvika,

Salomei, Teressy, Jadwigi, Magdaleni и пр. Сестры-шаритки, въ длинныхъ черныхъ шляпахъ, множество изваяній Богоматери и, наконецъ, просторная капелла.

Лазенковскій за́мокъ имѣетъ, какъ говорятъ, свою «бѣлую даму», которую видѣли въ его залахъ тогда-то и тамъ-то и которая показывается изрѣдка въ особо-знаменательныхъ случаяхъ. Самый за́мокъ или, лучше сказать, его предшественникъ—древнѣе привидѣнія бѣлой дамы и былъ сначала деревяннымъ, а въ XVI вѣкѣ сталъ каменнымъ. До разоренія шведами, въ 1655 году, башенька, возвышающаяся надъ нимъ и теперь, имѣла, говорятъ, уже тотъ же самый видъ что́ и теперь. Она воздвигнута повелѣніемъ Сигизмунда III, перенесшаго столицу изъ Кракова въ Варшаву, такъ что является вполнѣ современницей когда-то принадлежавшаго Варшавѣ титула — столица. Названный король особенно тщательно отдѣлалъ за́мокъ, и одинъ только онъ изо всѣхъ жившихъ здѣсь королей умеръ въ этомъ за́мкѣ. Въ подземельяхъ содержались преступники и совершались казни. Послѣ пожара отстроенъ за́мокъ заново въ 1771—86 годахъ ко времени смерти Польши; при отбытіи изъ Варшавы послѣдняго короля, въ 1795 году, онъ захиллъ окончательно, и нижнія части его отдавались даже внаймы; временно жилъ въ немъ, въ 1806 году, Наполеонъ и затѣмъ король Саксонскій, герцогъ Варшавскій. Затѣмъ слѣдовали перестройки 1821 и 54 годовъ. За́мокъ неизященъ снаружи, со стороны площади, но красива терраса, обращенная къ Вислѣ въ 200 футовъ длины. Внутренность парадныхъ покоевъ лучше наружности; очень хороши залы: мраморный и бальный; въ бывшемъ тронномъ залѣ, на той стѣнѣ, подлѣ которой стоялъ королевскій тронъ, виситъ портретъ императора Николая I, на конѣ, въ конно-піонерномъ мундирѣ. Въ числѣ убранствъ заслуживаютъ вниманія плафонъ и картины колонной залы, писанные тѣмъ же Баккіорелли, который работалъ и для Лазенокъ; эффектны часы, мраморная фигура, въ ростъ, Сатурна; замѣчательно красивы были фарфоры «Vieux Berlin» и бронзы «Thomire à Paris» украшавшіе буфеты. Когда-то видалъ этотъ за́мокъ и не такіе поставцы; видалъ онъ и другія своеобразныя вещи. Такъ, сохранилось воспоминаніе о томъ, что еще не очень давно въ одной изъ комнатъ, кажется, подлѣ троннаго зала, существовали на стѣнахъ какія-то живописныя украшенія, совершенно родственныя эротическимъ мотивамъ Лазенковскаго дворца; это было въ духѣ двора и времени.

Въ рабочемъ кабинетѣ генералъ-губернатора помѣщаются два громадные стола, изъ которыхъ одинъ предназначенъ для дѣлъ военныхъ, а другой для гражданскихъ. Весьма прямолинейныя распоряженія идутъ по Царству Польскому съ этихъ двухъ столовъ. Въ 1863 году Н. А. Милютинъ писалъ своему брату: «разница между Вильной и Варшавой огромная; въ Вильнѣ авторитетъ власти возстановленъ, здѣсь, въ Варшавѣ, нѣтъ ничего подобнаго». Слова относились къ тому времени; теперь это далеко не такъ. Милютину въ Петербургѣ и его другу, alter ego, князю Черкасскому—въ Варшавѣ (временно съ Самаринымъ заодно) приходилось, какъ извѣстно, много воевать за русское дѣло съ несочувственною пассивностью и неискренностью тогдашняго намѣстника

Варшава. Прежній видъ «Стараго Мѣста».

Ориг. рис. Мальшвцкаго, грав. Пущъ.

графа Берга и большинства администраціи. Характерно, что когда была задумана секуляризація католическихъ монастырей, нашъ посолъ въ Парижѣ баронъ Будбергъ, не имѣвшій никакого прямого отношенія къ Польшѣ, писалъ Милютину противъ этой необходимой мѣры; въ видѣ отвѣта, Милютинъ поручилъ тогда же Гильфердингу составить историческій мемуаръ, напоминавшій кому слѣдовало о томъ, что и въ другихъ католическихъ странахъ католическіе монастыри своевременно секуляризованы. Милютину приходилось сводить итоги той валкости администраціи, которая очень красиво выражается тѣмъ, что когда повстаніе уже, несомнѣнно, готовилось, въ одномъ 1861 году, по смерти намѣстника князя Горчакова, послѣдовавшей 17 мая, намѣстника весьма удачно названнаго «мягкимъ» и стоявшаго во главѣ управленія съ 1856 года, его замѣщали: Сухозанетъ, съ 18 мая по 11 августа, графъ Ламбертъ съ 11 августа по 14 октября, опять Сухозанетъ, по 24 октября и, затѣмъ, графъ Лидерсъ. Качался центръ,—что же должна была дѣлать окружность круга?

Для путешественника, знакомящагося съ достопримѣчательностями Варшавы, большій интересъ представляетъ старая часть города, центромъ которой является площадь Старое Мѣсто. Старый городъ ограничивается улицами Медовой, Долгой, Мостовой, Болѣсть, р. Вислой, Новымъ Съѣздомъ и Замковой площадью. Квадратная площадь Старое Мѣсто сохранила почти вполнѣ свой старинный характеръ. Она окружена каменными домами самой разнообразной архитектуры, имѣющими лишь ту общую особенность, что они всѣ отличаются очень узкими лицевыми фасадами, въ два-три окна. Въ старые годы, на срединѣ площади стояло зданіе ратуши на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится фонтанъ съ сиреной. Нынѣ на Старомъ Мѣстѣ устроена асфальтированная площадка для базара. Почти всѣ дома, окружающіе площадь, построены въ XVII, а нѣкоторые даже въ XV и XVI вѣкахъ. Многіе дома Стараго Мѣста украшены старинными барельефами. Особенностями двухъ угловыхъ домовъ на Старомъ Мѣстѣ являются такъ-называемые «выкушп», башенки, прилѣпившіяся ко второму этажу домовъ словно ласточкины гнѣзда. Назначеніемъ этихъ «выкушей» была защита въѣздовъ въ старый городъ.

Отъ Стараго Мѣста расходятся въ разныя стороны слѣдующія улицы: св. Іоанна, Іезуитская, Пекарская, Узкій Дунай, Новомейская, Кривое Коло, Каменныя Сходки и Цѣльная. Всѣ эти улицы узки и застроены домами старинной архитектуры, точно такъ же, какъ и другія улицы стараго города. Наиболѣе своеобразной является улица Каменныя Сходки между Березовой и Бугаемъ, представляющая большую каменную лѣстницу въ тѣсномъ проходѣ между двумя рядами высокихъ домовъ. Въ старые годы, до устройства водопровода, по этой улицѣ съ ранняго утра до поздней ночи спускались и всходили водоносы. Изъ другихъ перечисленныхъ выше улицъ слѣдуетъ остановиться также на Іезуитской, ведущей изъ улицы Каноніи въ Деканію. Всѣ эти улицы составляли нѣкогда собственность духовенства, ютившагося около каѳедральнаго костела. Входъ на Канонію съ улицы св. Іоанна устроенъ подъ крытымъ коридоромъ, ведущимъ изъ Замка въ каѳедральный костелъ. На Іезуитской улицѣ находится архивъ древнихъ актовъ и бывшей герольдіи Царства

Польскаго. Въ большомъ зданіи архива, очень незатѣйливой архитектуры, хранится множество книгъ и старинныхъ рукописей, цѣнныхъ въ научномъ отношеніи.

Изъ зданій стараго города особый интересъ представляютъ бывшій Королевскій замокъ и каѳедральный костелъ св. Іоанна. Сооруженіе нынѣшняго каменнаго зданія замка относится къ 1610 году (раньше на его мѣстѣ стоялъ

Варшава. Каѳедральный соборъ св. Іоанна.

деревянный дворецъ Мазовецкихъ князей). Замокъ, украшенный картинами итальянца Долебеллы, сдѣлался резиденціей королей со временъ Сигизмунда III Вазы. Въ 1655 году замокъ былъ ограбленъ и сожженъ шведами и реставрированъ лишь по окончаніи шведской войны, но безъ слѣда прежней роскоши. Полная перестройка замка произведена была уже въ концѣ XVIII вѣка по планамъ Доминика Мерлини. Въ это время были устроены залы: тронный, колонный и рыцарскій. Наибольшій изъ нихъ—тронный залъ въ два свѣта съ

галлерею на колоннахъ внутри зала. Отъ временъ Понятовскаго въ залѣ сохранились жирандоль, зеркало и мраморный каминъ. Колонный или бальный залъ украшенъ колоннами изъ мрамора съ золоченою бронзой и картиною Баккіорелли на потолкѣ, изображающею Юпитера, выводящаго міръ изъ хаоса. Картина, нарисованная на гипсѣ, благодаря этому, осталась въ замкѣ, когда французы забрали въ Парижъ все, что только могли увезти. Изъ колоннаго зала ходъ въ церковь, въ которой находится походный иконостасъ императора Александра I. Рыцарскій залъ украшенъ шестью картинами Баккіорелли и портретами. Въ 1818 году около замка устроенъ на аркахъ садъ, длиною въ 200 саженъ. Рядомъ съ замкомъ, параллельно съ Новымъ Съѣздомъ, находится дворецъ «Подъ бляхою», получившій свое названіе оттого, что построивший этотъ дворецъ въ концѣ прошлаго вѣка Георгій Любомірскій покрылъ его, вмѣсто черепицы, жестью (blacha), которою тогда дома въ Варшавѣ еще не покрывались.

Каоедральный соборъ св. Іоанна тоже принадлежитъ къ достопримѣчательностямъ стараго города. Этотъ древнѣйшій въ городѣ костелъ построенъ, какъ полагаютъ, въ 1250 году и обыкновенно назывался «фарою». Сначала это былъ деревянный храмъ при замкѣ Мазовецкихъ князей. Каменнымъ онъ сталъ въ 1390 г., много разъ перестраивался и пріобрѣлъ современный видъ лишь въ 1840 г. Внутренность костела—въ готическомъ стилѣ, состоитъ изъ пресбитерія (алтарнаго мѣста), трехъ часовенъ (каплицъ), главной навы и двухъ боковыхъ, отдѣленныхъ высокими готическими колоннами. Въ большомъ алтарѣ, устроенномъ Сигизмундомъ III, прекрасный образъ кисти Якова Пальмы-младшаго, маэстро венеціанской школы. Въ верхней части образа—Пресвятая Дѣва съ Іисусомъ Младенцемъ, окруженная ангелами и херувимами, а въ нижней — изображенія св. Іоанна и св. Станислава епископа. Образъ этотъ былъ увезенъ въ 1807 году французами и возвращенъ лишь въ 1815 г. русскими, отобравшими его въ Парижѣ. Алтарь, въ стилѣ Возрожденія, воздвигнутъ въ 1618 году; въ верхней его части надъ образомъ Пальмы находится рѣзное изображеніе Крещенія Господня. Въ пресбитеріи заслуживаютъ вниманія рѣзныя мѣста канониковъ и деревянные хоры съ рѣзными гербами и украшеніями. Налѣво отъ пресбитерія—часовня Іисуса съ прекрасными дверями изъ чернаго мрамора и распятіемъ работы нѣмецкихъ художниковъ, пріобрѣтеннымъ въ Нюренбергѣ въ 1539 году въ то время, когда тамъ католическіе храмы обращались въ лютеранскіе. Съ другой стороны пресбитерія находится часовня Непорочнаго Зачатія Пресвятой Дѣвы, называемая также Литератской каплицей, такъ какъ она принадлежитъ «литератской архиконфратерніи». На хорахъ этой часовни помѣщается 13 портретовъ покровителей и покровительницъ братства, а въ стѣну вдѣлано барельефное изображеніе Станислава-Августа изъ бѣлаго мрамора. Въ третьей часовнѣ Св. Причастія, находящейся налѣво отъ входа и устроенной въ 1450 г., помѣщается алтарь изъ чернаго мрамора съ бѣломраморнымъ распятіемъ. У стѣнъ и на стѣнахъ каоедральнаго костела находятся памятники послѣднихъ князей Мазовецкихъ, разныхъ историческихъ дѣятелей и духовныхъ лицъ. Въ костельной ризницѣ сохранено не

мало цѣнныхъ по своей древности и стоимости предметовъ: готическая дарохранительница изъ позлащеннаго серебра,—даръ Сигизмунда III, по преданію, его собственной работы, большой серебряный крестъ съ пятью смарагдами, золотой ящикъ въ видѣ арбуза съ топазомъ и рубиномъ, чаша и патена и т. д. Въ архивѣ костела хранится много старинныхъ актовъ: дата нѣкоторыхъ изъ нихъ восходитъ къ 1402 г.

Таковы въ общемъ наиболѣе выдающіяся достопримѣчательности Стараго Мѣста. Что касается новаго города, Новаго Мѣста, то онъ назывался такъ въ противоположность «Старому Мѣсту», отъ котораго отдѣлялся до конца прошлаго вѣка стѣною. Теперь стѣны этой давно нѣтъ, и Старое Мѣсто вмѣстѣ съ Новымъ слились въ одинъ старый городъ, въ противоположность новымъ выросшимъ въ этомъ столѣтіи, кварталамъ. Новое Мѣсто составляютъ кварталы, образуемые улицами: Болѣстью, Фретой, Костельной, Козлиной, Пѣшей, Прирынкомъ, Рыбаки, Самборской, Старой, Войтовской, Закопной, Закрочимской, и площадью.

Упомянутая выше крѣпостная стѣна, отдѣлявшая Новое Мѣсто отъ Стараго и окружавшая послѣднее, теперь почти совершенно исчезла, и лишь мѣстами, войдя въ составъ домовъ, проглядываетъ изъ-за болѣе новыхъ каменныхъ стѣнъ. Лучше сохранился другой остатокъ старыхъ безпокойныхъ временъ—башня на улицѣ Болѣсть, такъ называемая «Проховня», защищавшая нѣкогда доступъ къ бывшему въ этомъ мѣстѣ на Вислѣ мосту, а затѣмъ обращенная въ пороховой складъ. Теперь зданіе башни находится въ полуразрушенномъ состояніи. Другая достопримѣчательность Новаго Мѣста—костелъ Пресвятой Богородицы на углу улицъ Костельной и Прирынка. По преданію, костелъ этотъ построенъ на мѣстѣ языческаго капища. Во всякомъ случаѣ, онъ существовалъ уже въ концѣ XIV вѣка. Стиль зданія смѣшанный, вслѣдствіе многочисленныхъ передѣлокъ и пристроекъ. Новое Мѣсто на западъ граничитъ съ эспланадой Александровской цитадели, построенной по повелѣнію императора Николая I въ 1832—35 гг. на мѣстѣ Жолибожа. Въ цитадели—православная церковь во имя св. Александра Невскаго, сооруженная въ 1835 г., въ одинъ придѣлъ. Иконостасъ церкви написанъ петербургскими художниками, колокола отлиты изъ пушекъ, отбитыхъ въ 1831 году. Въ цитадели же находится памятникъ императору Александру I, воздвигнутый одновременно съ церковью. Это—обелискъ высотою въ 21 аршинъ; въ углахъ основанія—четыре двуглавыхъ орла; на памятникѣ надпись: «Александру I, императору Всероссійскому, покорителю и благодѣтелю Польши. Воздвигнутъ по окончаніи варшавской Александровской цитадели, 19-го ноября 1835 года».

Возвращаясь въ городъ, по улицѣ Закрочимской и Фретѣ, мимо находящагося на послѣдней подоминиканскаго костела, путешественникъ выходитъ на Долгую улицу, бывшую не такъ давно одною изъ лучшихъ въ Варшавѣ и носившую нѣкогда названіе Влонской. На Долгой улицѣ, при выходѣ ея на Красинскую площадь, красуется пятиглавый православный каѳедральный соборъ во имя Пресвятой Троицы.

Противъ православнаго Свято-Троицкаго собора находится Красинская

площадь, одна изъ самыхъ большихъ въ городѣ, простирающаяся между параллельными другъ другу улицами Долгой и св. Георгія. Площадь эта, въ послѣднее время украшенная скверами, получила свое названіе отъ палаца Красинскихъ, въ которомъ нынѣ помѣщается варшавская судебная палата. Палацъ построенъ въ 1692 году Яномъ-Доброгостомъ Красинскимъ, коронным референдаріемъ, въ стилѣ итальянскаго возрожденія итальянскими же художниками. За зданіемъ судебной палаты—довольно обширный садъ съ прудомъ и фонтанами, посѣщаемый преимущественно жителями сосѣднихъ, населенныхъ евреями, кварталовъ. Въ настоящее время садъ переустраивается по новому плану.

Варшава. Большой театръ.

Красинская площадь соединяется съ главными артеріями города, Краковскимъ-Предмѣстьемъ и Сенаторской,—Медовою улицей *), на которой находятся церкви: Преображенская, открытая въ 1837 г. и принадлежащая вмѣстѣ съ Покровскою (въ томъ же домѣ, входъ съ Долгой, рядомъ съ соборомъ) архіерейскому дому, и Успенія Пресвятой Богородицы на Медовой улицѣ, построенная въ 1783 году и бывшая до 25 января 1876 года греко-уніатскою. Въ 1883 году при церкви устроенъ нынѣшній чугунный порталъ въ византійскомъ стилѣ съ иконою Холмской Божіей Матери. Напротивъ Успенской церкви зданіе окружнаго суда, такъ называемый «палацъ Паца», построенный въ

*) Названіе свое Медовая улица получила отъ находившихся на ней въ XVI вѣкѣ фабрикъ пряниковъ—«медовниковъ».

XVII столѣтіи. Залы въ главномъ корпусѣ зданія украшены старинною живописью. Рядомъ съ домомъ Успенской церкви, на углу Капитульной улицы—старинное зданіе довольно непригляднаго вида, извѣстное подъ названіемъ «палаца Кохановскихъ».

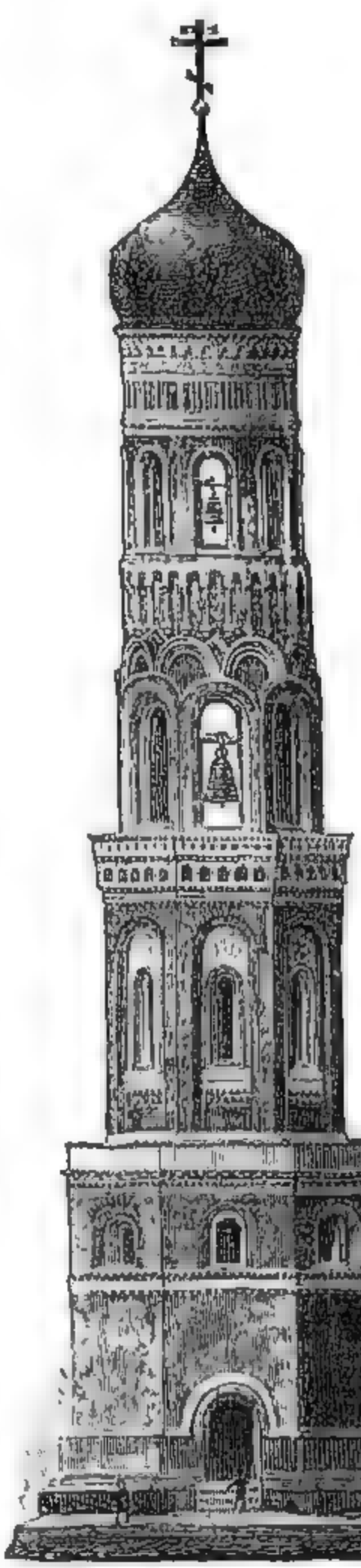
По Капитульной улицѣ путешественникъ выходитъ на площадку Пекелко на Подвальной улицѣ, бывшей когда-то «подъ валомъ» или крѣпостною стѣной. На Подвальной находится Свято-Троицкая церковь, построенная въ 1818 году греками, по плану архитектора Кубицкаго. До построенія собора на Долгой улицѣ этотъ храмъ былъ единственною православною святынею въ Варшавѣ. До 1808 г. церковь помѣщалась въ Сапѣгиномъ дворцѣ, гдѣ она была осно-

Варшава. Зданіе ратуши.

вана въ 1796 году богатыми греками, выходцами изъ Турціи, а затѣмъ до 1818 года—на Козьей улицѣ. Церковь украшена иконами бывшей русской посольской церкви, помѣщавшейся въ Брюлевскомъ дворцѣ, и церковною утварью, перекупленною отъ французовъ, бѣжавшихъ въ 1813 г. изъ Москвы, или отнятою русскими войсками. До 1837 года Тропицкая Подвальная церковь была соборнымъ храмомъ.

На Театральной площади другъ противъ друга стоятъ два зданія величественной архитектуры: городская ратуша и Большой театръ съ редутными залами. Свой современный видъ зданіе ратуши пріобрѣло въ 1868 году, когда оно было послѣ пожара перестроено архитекторомъ Орловскимъ во вкусѣ Воз-

рожденія. Главный Александровскій залъ магистрата украшенъ статуями и большимъ портретомъ Императора Александра III. Въ одномъ изъ залъ хранятся знамена варшавскихъ цеховъ. Съ высокой башни (190 фут.) съ часами открывается прекрасный видъ на Варшаву. На мѣстѣ Большого театра до начала истекающаго столѣтія находились торговые ряды «Марывилль», предназначенные для иностранныхъ купцовъ; съ 1819 года городомъ здѣсь устраивались ярмарки. Нынѣшнее зданіе театра сооружено по плану Антоніо Корраччи въ 1833 году, но подвергалось впослѣдствіи многимъ передѣлкамъ. Послѣдняя перестройка Большого театра произведена въ 1890—1891 гг., а Драматическаго, помѣщающагося въ крылѣ зданія, выходящемъ на Вербовую улицу, — въ 1883 году. Въ фойе Большого театра имѣются статуи знаменитыхъ польскихъ артистовъ. Въ томъ же крылѣ, гдѣ и Драматическій театръ, находятся редутные залы, въ которыхъ даются концерты и устраиваются разныя увеселенія.



Соборная колокольня.

На части Сенаторской улицы, между Театральной и Банковскою площадями, находится палацъ ординатовъ Замойскихъ («Голубой палацъ»), построенный въ 1815 году и замѣчательный по хранящемуся въ немъ богатому собранію книгъ и рукописей. Сенаторская улица выходитъ на Банковскую площадь, получившую свое имя отъ зданія варшавской конторы государственнаго банка (на углу Электоральной ул.), построеннаго въ 1830 году архитекторомъ Корраччи. Рядомъ съ банкомъ — первая женская гимназія съ церковью во имя Казанской Божіей Матери. Въ залѣ гимназіи — мраморная доска съ надписью въ память посѣщенія Императора Александра III съ Августѣйшимъ Семействомъ (27 августа 1884 года).

Отъ Театральной площади, составляя продолженіе Бѣлянской улицы, идутъ, какъ мы уже упомянали, Вербовая и Чистая улицы. Помѣщающаяся на Вербовой Англійская гостиница замѣчательна тѣмъ, что въ ней въ теченіе нѣсколькихъ часовъ пребывалъ Наполеонъ I во время бѣгства своего изъ Москвы. На другой сторонѣ Вербовой улицы находится, такъ называемый, Брюлевскій дворецъ, выходящій фасадомъ своимъ на Саксонскую площадь. Еще въ 1787 году дворецъ этотъ былъ пріобрѣтенъ правительственною казною для русскаго посольства; въ 1815 году

здѣсь жилъ фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Бельведеромъ, домъ этотъ служилъ резиденціею великаго князя Константина Павло-

Главный фасадъ.

Варшава. Новый православный соборъ во имя св. Александра Невскаго.

Проектъ проф. Л. Н. Бенуа.

вича. Названіе свое дворецъ получилъ отъ имени перваго министра Августа III Генриха Брюля, владѣвшаго этимъ домомъ въ прошломъ столѣтіи. По-

строенъ онъ въ стилѣ саксонскаго барокко и украшенъ статуями скульптора Дейбля.

Рядомъ съ Брюлевскимъ дворцомъ на Саксонской площади высится громадное зданіе окружнаго штаба, состоящее изъ двухъ каменныхъ домовъ, соединенныхъ колоннадою, отдѣляющею отъ площади Саксонскій садъ. Зданіе принадлежало нѣкогда русскому купцу Скворцову, который и соорудилъ эту довольно эффектную колоннаду. Напротивъ окружнаго штаба, за недавно разбитымъ сквeромъ,—обелискъ, поставленный въ 1844 г., съ надписью: «Полякамъ, павшимъ 17 (29) ноября за вѣрность своему Государю»; съ другой стороны поименованы погибшіе въ этотъ день генералы и сенаторы: графъ Гауке, гр. Потоцкій, Новицкій, Трембицкій, Блюммеръ, Сементковскій и Мецишевскій. Надписи сдѣланы по-русски и по-польски. Нынѣ памятникъ предположено перенести на Зеленую площадь.

Саксонская площадь избрана мѣстомъ сооруженія новаго православнаго соборнаго храма во имя св. Александра Невскаго. Стѣны храма уже довольно высоко поднялись отъ поверхности земли. Строится онъ по плану проф. Л. Н. Бенуа. Здѣсь же, противъ описаннаго выше зданія окружнаго штаба, находится временная часовня, освященная во имя св. князя Александра Невскаго, открытая съ ранняго утра до поздняго вечера. Новый православный соборъ будетъ, по проекту, имѣть величественный видъ. Кромѣ пяти большихъ куполовъ, три меньшихъ купола возвышаются надъ входными порталами съ западной, южной и сѣверной сторонъ. Всѣ купола—золоченые, у основанія украшенные цѣлымъ рядомъ государственныхъ гербовъ, сдѣланныхъ штампомъ по окружности. Входныя двери—отчасти дубовыя, окованныя мѣдью, отчасти кованныя желѣзныя, украшенныя византійскими колоннами. Надъ входами и надъ окнами главнаго квадрата—мозаика. Орнаменты, колонки и скульптурныя изображенія по вкусѣ XII вѣка. Иконостасъ собора, по древнему обычаю, будетъ въ нѣсколько ярусовъ, освѣщенный массою свѣта изъ пяти куполовъ. Четыре каменныхъ пилона внутри храма будутъ расписаны живописью по золоченому фону, какъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Вообще весь стиль храма строго византійскій, по образцу древнѣйшихъ нашихъ храмовъ—церкви св. Георгія въ Юрьевѣ, Владимірскаго дмитровскаго и московскаго Успенскаго соборовъ. Опоясывающая соборъ съ трехъ сторонъ паперть можетъ вмѣстить значительную часть молящихся въ томъ случаѣ, если будетъ переполненъ храмъ, разсчитанный на двѣ съ половиною тысячи человѣкъ. Ризница храма, съ двумя лѣстницами по угламъ, будетъ помѣщаться въ подвальной части собора. Вся площадь будетъ обнесена рѣшеткою, внутри которой предполагается разбить садъ, окружающій соборъ со всѣхъ сторонъ. Колокольня, по образцу колокольни Ивана Великаго, сооружается отдѣльно отъ собора, на южной сторонѣ площади, и будетъ имѣть въ вышину около 34 саженъ, на двѣ сажени выше собора. Стоимость собора, помимо стѣнной живописи и мозаики въ наружныхъ верхнихъ аркахъ, опредѣлена по проекту въ 1.269,481 рубль, а колокольни—въ 158,000 рублей, кромѣ стоимости колоколовъ.

Пройдя подъ колоннадой зданія окружнаго штаба, путешественникъ всту-

паетъ въ «лѣтній салонъ Варшавы», — Саксонскій садъ, не безъ основанія называемый также «легкими» ея центра. Въ концѣ XVI вѣка на мѣстѣ сада были поля варшавскаго фольварка съ усадьбами разныхъ лицъ, одно изъ которыхъ и устроило небольшой садъ Морштына, бывшій, такъ сказать, родоначальникомъ нынѣшняго. Расширеніе и переустройство сада послѣдовало въ 1723 г., когда Августомъ II былъ разбитъ на территоріи усадьбы Морштына и сосѣднихъ съ ней большой садъ во французскомъ вкусѣ. Для публики «садъ саксонца» (Августа II) былъ открытъ впервые 27 мая 1727 года. Въ 1797 году саксонскій садъ сталъ собственностью города и подвергся въ 1816 г. коренному переустройству въ англійскомъ вкусѣ. Въ послѣдующіе годы продолжа-

Варшава. Саксонскій садъ.

лось расширеніе и украшеніе сада, занимающаго теперь около 14 десятинъ съ семью выходами: на Саксонскую площадь, Королевскую, за Желѣзную Браму, на Жабью, Нецѣлую и улицу гр. Коцебу. Нѣкоторыя аллеи извѣстны у варшавянъ подъ особыми названіями: есть въ саду аллея вздоховъ, литературная, пенсіонеровъ, театральная, фруктовая и т. д. Аллеи украшены многочисленными статуями, изображающими науки, искусства, времена года и миѳологическія существа. На площадкѣ предъ колоннадой окружнаго штаба—большой фонтанъ, около котораго мраморные солнечные часы. Близъ улицы Нецѣлой на пригоркѣ стоитъ башня, служащая резервуаромъ для фонтановъ. Съ одной стороны этой башни—прудъ съ фонтаномъ, а съ другой—деревянный лѣтній драматическій театръ, построенный въ 1871 году. Въ аллеѣ изъ стри-

женыхъ липъ, ведущей въ Королевской улицѣ, стоитъ кіоскъ съ термометромъ, барометромъ и часами.

Отъ Варецкой площади по направленію къ Королевской тянется застроенная домами новѣйшей архитектуры Мазовецкая улица. Изъ находящихся здѣсь зданій останавливаетъ на себѣ вниманіе домъ земскаго кредитнаго общества, построенный къ 1856 г. по образцу венеціанскаго палаццо. Противъ зданія земскаго кредитнаго общества высится евангелическо-аугсбургскій храмъ, сооруженный въ 1781 г. архитекторомъ Цугомъ на пожертвованія, присланныя императрицей Екатериной II, Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ, шведскимъ королемъ и различными банкирами. Храмъ построенъ въ видѣ ротонды съ четырьмя пристройками, у одной изъ которыхъ поставлены четыре колонны дорическо-римскаго ордена. На храмѣ устроенъ большой куполъ съ фонаремъ съ 12 іоническими полуколоннами. Съ балкона, окружающаго фонарь, открывается прекрасный видъ на городъ, такъ какъ храмъ стоитъ на самомъ возвышенномъ пунктѣ Варшавы. Въ алтарѣ находится образъ работы Богумила Шиффнера, изображающій Спасителя въ масляничномъ саду, окруженнаго учениками. Около храма—тѣнистый скверъ. Въ кварталѣ Королевской улицы между Мазовецкой и Краковскимъ Предмѣстьемъ, помѣщается Новый театръ, построенный въ 1881 году на мѣстѣ садовой сцены «Альказаръ». Въ Новый театръ переселяются на лѣто изъ Малаго оперетка и фарсы.

По близости театра по Королевской улицѣ находится Краковское Предмѣстье, достопримѣчательности котораго заслуживаютъ большого вниманія. Стоящій на Замковой площади у входа на Предмѣстье памятникъ короля Сигизмунда III состоитъ изъ мраморной коринѳской колонны 16 аршинъ высоты, и на ней наверху поставлена статуя короля въ коронѣ, съ крестомъ и саблею въ рукахъ. Памятникъ воздвигнутъ въ 1644 году и реставрированъ въ 1887 году. Противъ Медовой находится костелъ св. Анны, основанный въ 1454 году княгиней Анной Мазовецкой. Въ костелѣ лѣпныя работы изъ гипса. Скамейки, исповѣдальни, изящно выложенныя деревомъ разныхъ цвѣтовъ,— все работа монаховъ. Рядомъ съ костеломъ четырехугольная башня, въ которой одно время, по преданію, жилъ митрополитъ Филаретъ, томившійся девять лѣтъ въ плѣну съ 1610 г. Къ костелу прилегаетъ зданіе музея промышленности и земледѣлія, за нимъ слѣдуютъ дома обывательскаго клуба и благотворительнаго общества. Противъ послѣдняго, окруженная деревьями, стоитъ статуя Пресвятой Дѣвы Насавской. Статуя сооружена въ 1683 году архитекторомъ-итальянцемъ Беллоти въ благодарность за избавленіе его съ семействомъ отъ моровой язвы и въ память побѣды Яна Собѣскаго надъ турками подъ Вѣной. На пьедесталѣ надписи на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ. Статуя Богоматери находится въ началѣ Константиновскаго сквера, устроеннаго въ 1865 году на мѣстѣ дома Мальча. Въ скверѣ имѣется фонтанъ. Въ концѣ Константиновскаго сквера Краковское Предмѣстье, состоящее до этого мѣста изъ двухъ улицъ, охватывающихъ скверъ, суживается, но затѣмъ опять постепенно расширяется до Королевской улицы, здѣсь суживается снова и потомъ

превращается постепенно въ широкую площадь, около памятника Коперника, гдѣ и раздѣляется на улицы Новый Свѣтъ и Александрію.

По лѣвой сторонѣ Краковскаго Предмѣстья находится такъ называемый Намѣстниковскій палацъ, построенный покоемъ, съ дворомъ, отдѣляющимся отъ улицы рѣшеткой. Въ домѣ этомъ, сооруженномъ въ 1643 году и принадлежавшемъ сначала Конецпольскимъ, а потомъ Любомирскимъ и Радзивилламъ, жилъ въ 1709 году императоръ Петръ I. Нынѣ во флигеляхъ помѣщается канцелярія генералъ-губернатора, а въ главномъ корпусѣ—губернское правленіе. Фасадъ зданія любопытенъ потому, что его украшаютъ колонны, барельефы, балюстрады и статуи, бывшія нѣкогда на Краковскихъ воротахъ, стоявшихъ у начала Краковскаго Предмѣстья на Замковой площади. При входѣ во дворъ Намѣстниковскаго дома поставлено четыре каменныхъ льва работы Лекоцдини, а посреди площадки въ 1870 г. сооруженъ памятникъ знаменитому князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому, по проекту профессора Пименова. Бронзовая статуя фельдмаршала стоитъ на высокомъ пьедесталѣ, въ плащѣ и съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукахъ. Пьедесталъ украшенъ барельефами, изображающими взятіе Эривани, штурмъ Варшавы, въѣздъ императора Николая I въ Варшаву въ 1840 г. съ императрицей и августѣйшимъ семействомъ и гербъ Паскевича.

Зданія мѣстнаго университета расположены въ глубинѣ небольшого переулка, отдѣляющагося отъ Краковскаго Предмѣстья. Прямо противъ входа въ засаженный деревьями университетскій дворъ высится новое библіотечное зданіе весьма изящной архитектуры. Налѣво отъ него—университетскія аудиторіи, направо—канцелярія попечителя учебнаго округа. На мѣстности, занятой въ настоящее время этими зданіями, во времена Мазовецкихъ князей находился ихъ лѣтній дворецъ со звѣринцемъ по склону къ Вислѣ. Впослѣдствіи дворецъ перешелъ въ собственность Яна-Казимира, по имени котораго и сталъ именоваться Казимировскимъ. При Станиславѣ-Августѣ тутъ помѣщалось рыцарское или кадетское училище («кадетскія казармы»). При университетѣ состоитъ богатое хранилище книгъ и рукописей, а также цѣнныя коллекціи по живописи, ваянію, этнографіи, химіи, физикѣ и зоологіи. Зоологическій кабинетъ открытъ для публики. Напротивъ университета—палацъ Красинскихъ съ богатымъ книгохранилищемъ.

Изъ другихъ достопримѣчательностей Краковскаго Предмѣстья можно указать прежде всего на зданіе первой мужской гимназіи, часть котораго, обращенная къ памятнику Коперника, нынѣ перестроена въ древне-русскомъ стилѣ. Въ этой части зданія устраивается церковь во имя свв. Кирилла и Меѳодія. На ея мѣстѣ, во времена Сигизмунда III, стояла такъ называемая Московская каплица, въ которой были погребены царь Василій Ивановичъ Шуйскій и братъ его Димитрій, умершіе въ 1611 году. Слѣды каплицы существуютъ и до сихъ поръ въ видѣ бесѣдки въ саду гимназіи. Предъ гимназіей стоитъ памятникъ знаменитому астроному Копернику, отлитый изъ бронзы по рисунку Торвальдсена (въ 1830 году). Астрономъ сидитъ на пьедесталѣ изъ чернаго мрамора съ планетаріемъ и циркулемъ въ рукахъ. На пьедесталѣ надпись по-

латыни и по-польски: «Николаю Копернику—земляки». Недавно около памятника устроенъ небольшой красивый цвѣтникъ.

Отъ находящейся по близости площади св. Александра расходятся улицы: Вейская, Уяздовская аллея, Мокотовская, Гожая, Журавлиная и Братская. По Уяздовской аллеѣ, застроенной прекрасными домами-особняками, мимо новоустроеннаго Уяздовскаго парка, съ прудомъ и искусственными пригорками, и Швейцарской долины, гдѣ даются лѣтомъ концерты, дорога ведетъ къ церкви литовскаго полка, пять главъ и колокольня которой привѣтливо блестятъ изъ-за деревьевъ аллеи. Церковь эта, недавно освященная, выстроена по плану архитектора Покровскаго въ древне-русскомъ стилѣ. Иконостасъ въ этой церкви

Варшава. Памятникъ гр. Паскевичу-Эриванскому.

сооруженъ въ два яруса, куполъ золоченый, въ мозаикѣ. Четыре пилона поддерживаютъ главный куполъ; хоры на четырехъ колоннахъ изъ песчаника. На стѣнахъ живописныя иконы по золотому фону, работы кіевскаго художника Мурашко. Входы украшены колоннами изъ песчаника. Цоколь и ступени гранитные. Большая часть образовъ въ иконостасѣ—копіи съ иконъ Владимірскаго собора въ Кіевѣ или съ образцовъ, находящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. По другую сторону улицы Агриколи, прилегающей къ храму, расположенъ Ботаническій садъ съ обсерваторіей. Садъ, основанный въ 1819 году, славится богатствомъ и разнообразіемъ собранныхъ въ немъ образцовъ флоры. Ботаническій садъ граничитъ съ двухъ сторонъ съ обширнымъ Лазенковскимъ паркомъ, любимымъ мѣстомъ прогулокъ варшавянъ. Изъ предмѣстій города

первое мѣсто принадлежитъ расположенной на правомъ берегу Вислы Прагѣ, соединенной съ Варшавой двумя желѣзными мостами. Главный изъ нихъ—Александровскій, сооруженный въ 1864 г. инженеромъ Кербедзомъ. Мостъ этотъ—чугунный, висячій, на балкахъ американской системы, имѣетъ въ длину 240 саж. Къ мосту ведетъ отъ замка такъ называемый Новый Съѣздъ на каменныхъ аркахъ, раскинувшихся надъ улицами нижней части города (Повислья), заселенной преимущественно рабочимъ людомъ. Другой мостъ—желѣзнодорожный съ проѣздомъ для колеснаго движенія, построенъ около цитадели привислинской желѣзной дорогой. Изъ достопримѣчательностей Праги укажемъ прежде всего на церковь во имя св. Маріи Магдалины, на Александровской

Варшава. Зданіе университета.

улицѣ, соединяющей вокзалы тересполькій и петербургскій съ Варшавой. Церковь сооружена въ 1868 г. въ византійско-венеціанскомъ стилѣ. Колокола при церкви изъ литой стали. Образа—работы художниковъ Васильева и Виноградова. Въ церкви хранится икона св. Маріи Магдалины, пожертвованная императрицею Маріею Александровною. Достопримѣчательностью Праги является также памятникъ Гроховской битвы, поставленный въ 1816 г. подъ Гроховомъ около брестскаго шоссе. Памятникъ по внѣшнему виду напоминаетъ часовню. Изъ другихъ предмѣстій города слѣдуетъ упомянуть о Волѣ съ православнымъ кладбищемъ на мѣстѣ бывшаго здѣсь редута и церковью во имя Владимірской Божіей Матери, сооруженною въ 1841 г. Внутри церкви шесть металлическихъ таблицъ, на которыхъ вырѣзано описаніе всѣхъ событій войны 1831 года.

Въ стѣнахъ храма и теперь еще сохранились осколки гранатъ и картечи. Близъ Воли находится памятникъ павшимъ въ 1831 г. «за дѣло Государя и отечество», похожій по наружному виду на памятникъ Гроховской битвы.

Мѣстное управленіе Краснаго Креста основано въ Варшавѣ еще въ 1872 году при графѣ Бергѣ, и предсѣдали въ немъ послѣдовательно графъ Коцебу (при графинѣ Коцебу основанъ отдѣльный варшавскій дамскій комитетъ), а затѣмъ Альбединскій; хотя уже въ Турецкую войну здѣшній Красный Крестъ имѣлъ возможность снарядить два санитарные поѣзда и основалъ три подвижные лазарета, на 180 больныхъ, а по окончаніи войны были учреждены инвалидный домъ и варшавская община сестеръ милосердія, но только за послѣднія пятнадцать лѣтъ мѣстный Красный Крестъ получилъ очень широкое, многостороннее развитіе. Съ 1883 года осуществлены баракъ императора Александра II, зданіе школы сестеръ милосердія съ домовою церковью, отдѣльный домъ для сестеръ милосердія, богадѣльня на Прагѣ для стариковъ военныхъ и ихъ вдовъ, дешевыя для нихъ квартиры, пріютъ для дѣтей отставныхъ чиновъ и два дневные пріюта. За это же время оказалось возможнымъ снабдить сестрами милосердія, помимо всѣхъ военныхъ госпиталей округа, еще и гражданскія больницы въ губерніяхъ Люблинской и Сѣдлецкой, чѣмъ замѣнены въ этихъ мѣстахъ католическія шаритки.

Посѣтивъ общину нашихъ сестеръ милосердія, путешественники осматривали домовую церковь, школу, классныя и спальныя комнаты ученицъ, и перешли затѣмъ въ баракъ императора Александра II. Баракъ этотъ устроенъ для 20 безплатныхъ хирургическихъ больныхъ; любопытно, что въ этомъ православномъ баракѣ больныхъ, пользовавшихся въ описываемое время, было по вѣроисповѣданіямъ:

Православныхъ	18
Католиковъ	146
Лютеранъ	12

Это совершенно вѣрная картинка, если угодно, схема нашей вѣротерпимости, того повсюднаго, вѣчнаго, неизмѣннаго русскаго чувства, которое всегда лежало и будетъ лежать въ нашей натурѣ и не будетъ признано во вѣки вѣковъ никѣмъ и никогда. Но уходъ за больными—не единственная задача барака: въ немъ получаютъ практическое обученіе ученики школы сестеръ милосердія, число которыхъ достигло 21. Въ платныхъ комнатахъ пользовалось 29 больныхъ, въ амбулаторіи получили совѣты, помощь и лѣкарства 14.263 лица; лѣчебница эта особенно популярна между рабочимъ людомъ Варшавы, большею частью католиками, находящимися въ ней также и духовное утѣшеніе, благодаря приглашенному для этой цѣли канонику-ксендзу. Въ военно-лѣчебныхъ заведеніяхъ округа община имѣетъ 41 сестру и въ гражданскихъ больницахъ 18.

Совершенно противоположна по характеру своему городская больница Св. Духа. Если баракъ Александра II и все, что при немъ, только-что возникли, то больница Св. Духа сразу переноситъ посѣтителя ко временамъ давно прошедшимъ. Она очень, очень ветха деньми, такъ какъ основана еще въ

1442 году княжной Анной Мазовецкою, то-есть въ тѣ далекіе годы, когда еще не погасъ самый родъ князей Мазовецкихъ, когда Варшава еще не готовилась стать столицей Царства Польскаго. И не на этомъ мѣстѣ помѣщалась она, такъ какъ нынѣшнія зданія, три параллельные флигеля въ саду, воздвигнуты только въ 1861 году, а въ концѣ прошлаго вѣка здѣсь существовала извѣстная фабрика экипажей Дангеля; въ 1816 старыя зданія куплены правительствомъ для помѣщенія военнаго коммисаріата, затѣмъ обращены въ складочную таможню и окончательно снесены въ 1856 году.

Кроватей по штату полагается 188, во время посѣщенія занято было 161. Здѣсь опять, какъ и въ институтѣ князя Любомірскаго, видѣлась капелла съ молившимся ксендзомъ, шаритки въ широкополыхъ черныхъ плащахъ, числомъ 15; опять названія отдѣльныхъ помѣщеній: залы св. Варвары, св. Роха и т. д.; довольно искусныя изображенія мадоннъ и цвѣтовъ подъ ними. Средства больницы достаточно велики, чуть ли не до 60.000 руб. въ годъ, главное основаніе которыхъ положено въ лѣсахъ и имѣніяхъ, князьями Мазовецкими, около 500 лѣтъ тому назадъ; при больницѣ состоитъ университетская госпитальная клиника и лабораторія для клиническихъ изслѣдованій; при больницѣ содержится двѣнадцать сирота-мальчиковъ. Въ общемъ впечатлѣніе прекрасное, больной порядокъ, любопытные аппараты для химическаго изслѣдованія воздуха, очень практична дезинфекціонная камера. Въ капеллѣ имѣется художественная картина Пальма Веккіо; въ числѣ старѣйшихъ документовъ, первое по времени мѣсто занимаетъ хартія, данная Анной Мазовецкою въ 1413 году.

Характернѣе этой городской больницы является другое давнишнее учрежденіе, а именно институтъ св. Казимира, въ которомъ призрѣвается до 100 дѣвочекъ, существующій, какъ значится офиціально, на собственныя средства и на содержаніе котораго расходуютъ 25.000 руб.

Здѣсь тоже значительная древность, хотя и не такая, какъ у больницы Св. Духа, а именно: основаніе институту положено Маріей-Людовикою, женой короля Іоанна-Казимира, урожденною княжной Мантуанскою, и королевская грамота 1681 года послужила ему утвержденіемъ. Особенно любопытенъ состоящій при институтѣ домъ сестеръ милосердія—шаритокъ, которыя, какъ сказано выше, въ значительной степени пополняются мало-по-малу нашими сестрами Краснаго Креста. Всѣхъ сестеръ-шаритокъ, включая настоятельницу и «новиціатокъ», состояло на лицо 71, по штату могло бы быть 79; всѣхъ же шаритокъ этой общины, трудящихся по больницамъ и при больныхъ въ частныхъ домахъ—210; въ этомъ числѣ значатся 50 «эмеритокъ», не могущихъ продолжать службу въ больницахъ.

Общее впечатлѣніе дома сестеръ милосердія, ихъ спальнъ, столовой, капеллы, ихъ одѣянія, изображеній Св. Дѣвы и др. святыхъ, напоминаетъ, какъ двѣ капли воды, соотвѣтствующія учрежденія Италіи и Франціи.

Внутренніе распорядки въ учрежденіи шаритокъ общіе всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ. «Пробантки», т. е. желающія быть сестрами, испытываются въ теченіе пяти лѣтъ и затѣмъ уже даютъ обѣтъ, не вполнѣ, однако, монашескій;

такъ, въ теченіе пятнадцати послѣднихъ лѣтъ три шаритки покинули общину. «Эмеритки», т.-е. сестры престарѣлыя или немощныя, помѣщаются отдѣльно отъ прочихъ. Характерно, даже очень характерно, что четыре раза въ годъ шаритки этой общины со всего Царства Польскаго должны возвращаться въ общину для того, чтобы говѣть и утверждаться въ правилахъ и получить наставленіе. Не лишена интереса нѣкоторая особенность этой общины: сестры могутъ принимать пищу внѣ своей общины, только находясь на службѣ при больныхъ.

Матеріальныя средства благотворительности Варшавы громадны. Расходы по такъ называемымъ правительственнымъ учрежденіямъ, то-есть состоящимъ въ непосредственномъ вѣдѣніи варшавскаго городского совѣта общественнаго призрѣнія, достигаютъ 610.000 руб. въ годъ, и по частнымъ, состоящимъ подъ контролемъ названнаго совѣта, болѣе 200.000 руб. Этой чертѣ польской жизни нельзя не отдать должной справедливости; жаль только, что большинству благотворительныхъ учрежденій присуща исключительно католическая окраска, ясно свидѣтельствующая о томъ, что благотворенія существуютъ не для всѣхъ.

Въ Варшавѣ заслуживаетъ вниманія путешественника нѣчто вполнѣ замѣчательное, пока единственное на Руси и вполнѣ достойное подражанія, это станція фильтровъ городскихъ водопроводовъ. Здѣсь, въ этихъ фильтрахъ, имѣлось налицо наглядное рѣшеніе вопроса о фильтрахъ, продолжающаго волновать все петербургское общество. Варшавскій фильтръ очень близокъ къ полному осуществленію, дѣйствительно достоинъ зависти и дѣлаетъ честь магистрату города Варшавы. Проектъ канализаціи и водоснабженія города Варшавы былъ составленъ еще въ 1878 году, по порученію магистрата, инженеромъ В. Линдлеемъ, и магистратомъ же напечатанъ. Канализація обнимаетъ всю застроенную территорію города и имѣетъ цѣлью удалять изъ предѣловъ его какъ можно скорѣе всю потребленную и дождевую воду, всѣ нечистоты и т. п. и отводить ихъ по главному коллектору прямо въ рѣку Вислу, близъ Вѣлянскаго монастыря, расположеннаго въ шести верстахъ отъ города ниже по теченію, что̀ будетъ имѣть мѣсто до тѣхъ поръ, пока городъ не будетъ имѣть возможности очищать сточную воду, примѣняя ее къ орошенію назначенныхъ для этой цѣли земляныхъ участковъ.

Общіе расходы по проекту составляютъ 4.444.000 металл. рублей; изъ нихъ уже издержано 1.800.000 кред. рублей; на эту сумму, кромѣ главнаго коллектора, исполнены и уже находятся въ дѣйствіи нѣкоторые главные каналы, общею длиной 56.000 фут. Водопроводъ получаетъ воду изъ рѣки Вислы повыше города, близъ Чернявской улицы. Находящіяся тамъ машины поднимаютъ ее до высоты 120 фут. на станцію фильтровъ Кошики. Здѣсь для очистки воды служатъ въ настоящее время шесть отдѣленій фильтровъ, изъ нихъ каждое представляетъ 22.000 кв. фут. поверхности песку и доставляетъ въ сутки около 120.000 куб. фут. совершенно чистой воды. Профильтрованная вода вгоняется машинами въ городскую сѣть трубъ, съ разницею давленія въ 2,5 атмосферы, такъ что жители всѣхъ этажей имѣютъ воду для своей надобности безпрерывно во всякіе часы дня и ночи.

Кромѣ уложенной въ настоящее время сѣти городскихъ трубъ длиной во 110.000 футовъ, устроены еще и находятся въ дѣйствіи слѣдующія сооруженія на Кошикахъ: шесть отдѣленій фильтровъ съ фильтрующею поверхностью песку во 132.000 кв. фут., одинъ резервуаръ для чистой воды объемомъ въ 360.000 куб. фут., одно машинное зданіе съ двумя машинами въ 240 лошадиныхъ силъ, одно зданіе съ тремя паровиками, одно зданіе для угля, одна водонапорная башня, одинъ жилой домъ для служащихъ, шесть отдѣленій фильтровъ со всѣми принадлежностями. На станціи насосовъ по Черняковской улицѣ устроены и находятся въ дѣйствіи одно зданіе для машинъ, паровиковъ и угля, съ разными добавочными сооруженіями. По проекту, общіе расходы на устройство водоснабженія, со включеніемъ предмѣстья Праги, составляютъ 3.650.000 металл. руб. Изъ этой суммы издержано уже 2.060.000 кред. руб. Въ настоящее время городъ потребляетъ въ сутки среднимъ числомъ 400.000 куб. фут. воды. Работы начаты были въ 1884 году.

Все сооруженіе, подземные бассейны были отчасти наполнены уже профильтрованною водой, отчасти стояли пустыми для очищенія пластовъ фильтра и замѣны ихъ новымъ гравіемъ, что̀ дѣлается, поочередно, каждые шесть недѣль. Благодаря совершенно ясному солнечному дню, безконечныя колонны и аркады надъ бассейнами производили впечатлѣніе, близкое къ впечатлѣнію арабскихъ построекъ въ Испаніи. Точность каменной кладки, отдѣлка колоннъ— верхъ совершенства, и отстоявшаяся вода, готовая быть вогнанною въ трубы, насквозь пронизываемая солнечными лучами, своею безупречною чистотой вовсе не напоминала своего первообраза — мутно-желтой воды Вислы. Должно признать, что магистратъ Варшавы и инженеры-строители исполнили свое дѣло мастерски.

Одною изъ предпріятнѣйшихъ сторонъ въ промышленной жизни этого края является постепенно усиливающійся наплывъ западно-европейскихъ рабочихъ, отнимающихъ заработки у мѣстнаго населенія. Они нашли себѣ вполнѣ подходящую почву въ здѣшнихъ промышленныхъ центрахъ: Лодзи, Жирардовѣ, Томашовѣ и др., и нѣмецкія идеи находили и находятъ путь къ своимъ собратьямъ, отъ которыхъ они идутъ и дальше, такъ какъ число нѣмецкихъ рабочихъ на фабрикахъ Царства Польскаго громадно.

Профессоръ Янжулъ, подробно изслѣдовавшій въ 1886 году фабрично-заводскую промышленность польскаго края, обращаетъ вниманіе на германизацію западной окраины, совершающуюся съ быстротой, несравненно большею, чѣмъ быстрота роста польской промышленности (въ Калишской губерніи иностранное землевладѣніе достигаетъ 44%). Если принять во вниманіе и распространяемую здѣсь иностранцами пропаганду соціалистическую, то вопросъ этотъ становится втройнѣ серьезнымъ, и тутъ, какъ во всемъ, насадителями явились опять-таки мы сами. Профессоръ Янжулъ даетъ перечень тѣхъ невѣроятныхъ льготъ, которыми съ 1815 года осчастливливалъ Александръ I иностранцевъ въ Польшѣ: имъ давали даромъ земли, лѣсъ, освобождали отъ пошлинъ, рекрутчины и т. д. Въ 1828 году учрежденъ «Польскій Банкъ», безъ котораго современное состояніе промышленности Царства Польскаго было бы немыслимо;

въ 1850 году уничтожена таможенная линія между Царствомъ и Имперіей, и иностранный товаръ хлынулъ въ Русь.

Въ заключеніе необходимо сказать, что всѣ помѣщенные здѣсь историческіе факты, возмущающіе чувство русскаго человѣка — настоящаго хозяина края, приведены не изъ желанія ссоры двухъ родственныхъ славянскихъ народовъ, а, напротивъ, ради сердечнаго стремленія къ укрѣпленію между ними взаимнаго довѣрія и единства, успѣхъ чего достигается утвержденіемъ въ управленіи краемъ непоколебимой и строгой системы, неизбѣжная необходимость которой, конечно, краснорѣчиво подтверждается правдивыми, хотя и мрачными, красками описанныхъ событій. Исторія должна же быть для насъ поучительнымъ урокомъ, въ особенности, если прошедшіе факты сопровождались немалыми для интересовъ русскаго дѣла бѣдами.

Новогеоргіевскъ.

Крѣпостной соборъ. Императорскія комнаты и историческій балконъ. Воспоминаніе о Николаѣ I. Посѣщеніе Александровской колоніи. Мысль о возвореніи въ Царствѣ Польскомъ русскаго крестьянства. Судьба колоній. Замѣчательная отписка графа Берга. Нѣсколько словъ о городѣ Плоцкѣ и древнихъ Сигизмундовыхъ вратахъ въ Новогородѣ.

Іюня 22, въ часъ дня, поѣздъ остановился не вдали, или даже между верковъ Новогеоргіевской крѣпости, одной изъ самыхъ передовыхъ или, лучше сказать, самой передовой твердыни нашей къ сторонѣ западной границы, въ предѣлахъ Плоцкой губерніи. Отсюда до Варшавы съ небольшимъ 30 верстъ, и, слѣдовательно, нѣкоторая совокупность этихъ двухъ опорныхъ пунктовъ, несомнѣнно, существуетъ.

Крѣпостной соборъ—ровесникъ собору варшавской цитадели, сходному съ нимъ по очертаніямъ: большой подъ плоскимъ потолкомъ длинный залъ съ однимъ алтаремъ, небольшимъ поперечнымъ нефомъ, и на соединеніи ихъ обоихъ круглый куполъ; все это безъ всякихъ украшеній, въ прямолинейномъ сухомъ стилѣ николаевскихъ временъ.

Новогеоргіевская крѣпость—тоже созданіе императора Николая I, и въ ней сохраняется одно изъ очень своеобразныхъ вещественныхъ воспоминаній о немъ въ комнатахъ комендантскаго дома, въ которыхъ неоднократно Николай I останавливался по пути за границу и для инспекторскихъ смотровъ; существуетъ балконъ, рѣшетка котораго сдѣлана настолько высоко, чтобы императору, любуясь съ балкона на очень красивыя окрестности, можно было опираться на нее. Видъ съ балкона, висящаго на высокой стѣнѣ массивной центральной постройки, на сліяніи Вислы и Нарева, замѣчательно широкъ и красивъ. Далеко внизу поблескиваютъ струи двухъ почтенныхъ рѣкъ, естественное соединеніе которыхъ скрѣплено искусственно ломаными линіями центральныхъ верковъ крѣпости и разставленныхъ въ окрестности фортовъ; въ глубокой

зелени старыхъ деревьевъ повсюду обозначаются крутыя крыши ближнихъ казармъ и складовъ, которымъ нѣтъ числа, и, становясь по мѣрѣ удаленія все мельче и мельче, виднѣются между полей дворы и усадьбы частныхъ владѣльцевъ. Эти усадьбы находятся въ сферѣ выстрѣловъ крѣпости и хотя способствуютъ красотѣ вида съ историческаго балкона, но подлежатъ немедленному сносу въ случаѣ войны.

Въ царскихъ покояхъ подолгу проживалъ императоръ Николай I; готическій стиль ихъ, который въ силу какой-то странной случайности очень нравился императору, примѣненъ согласно его волѣ и тутъ. Здѣсь, какъ говоритъ преданіе, увѣдомленный со стороны о нѣкоторой недобросовѣстности строителей, императоръ отвѣтилъ саркастическимъ приказаніемъ: не трогать «моихъ половинщиковъ»; здѣсь же на вопросъ о томъ, что̀ стоятъ всѣ эти крѣпостныя работы, императоръ далъ характерное объясненіе, что «объ этомъ знаютъ только Богъ и генералъ Z.». Въ этихъ послѣднихъ словахъ слѣдуетъ, конечно, видѣть не оправданіе «половинщиковъ», которые въ тѣ годы плодились не по днямъ, а по часамъ, и многимъ изъ нихъ пришлось испытать на себѣ силу императорскаго недовольства. Широко раскинулись здѣсь одинъ отъ другого форты: Остроленскій, Закрочимскій и Помѣховскій. Отличныя шоссейныя дороги соединяютъ ихъ между собой.

По волѣ государя, выраженной въ 1839 году при осмотрѣ Новогеоргіевской крѣпости, вблизи ея образовано пять русскихъ поселеній, изъ которыхъ четыре, а именно: Александровское (25 усадебъ), Щиборно (20 усадебъ), войтовство Закрочимъ (7 усадебъ), Косевко (10 усадебъ) — въ Плонскомъ уѣздѣ и одно—Константиновское (12 усадебъ) въ Варшавскомъ уѣздѣ; деревни Плонскаго уѣзда населены тогда же русскими крестьянами, вызванными преимущественно изъ Псковской губерніи, въ числѣ шестидесяти семействъ; поселеніе же Константиновское, Варшавскаго уѣзда, образовалось изъ русскихъ торговыхъ людей и старовѣровъ, переселившихся гораздо ранѣе образованія названныхъ поселеній. Усадьбы, выдѣленныя поселенцамъ, составляли около 20 морговъ каждая; владѣть ими и пріобрѣтать ихъ можно было, по правилу устройства этихъ деревень, только лицамъ православнаго исповѣданія. Поселенія эти находились подъ особой опекой правительства; оно отстроило ихъ на свой счетъ, за исключеніемъ войтовства Закрочимъ, и впослѣдствіи оказывало имъ всякія пособія: отпускало живой инвентарь, лѣсной матеріалъ и дозволило пасти скотъ въ прилегающихъ казенныхъ лѣсахъ; для наблюденія за поселеніями было установлено особое управленіе отъ министерства финансовъ.

Особая заботливость правительства объ этихъ поселеніяхъ продолжалась только до обнародованія указовъ 19 февраля 1864 г.; съ этого времени бытъ поселенцевъ сталъ ухудшаться, вслѣдствіе прекращенія поддержки и обособленности ихъ положенія среди чуждаго имъ по языку и вѣрѣ населенія; этому же отчасти способствовало ограниченіе въ правахъ распоряженія усадьбами, доведшее владѣльцевъ ихъ до того, что въ случаѣ необходимости продажи усадебъ (для дѣлежа при наслѣдствахъ, при невозможности вести хозяйство вдовами и т. п.), онѣ шли за безцѣнокъ; вслѣдствіе этихъ причинъ, число

поселенцевъ изъ русскихъ крестьянъ стало быстро уменьшаться, дворы ихъ и усадьбы разными путями и подъ разными предлогами стали переходить къ крестьянамъ не православнаго исповѣданія или къ лицамъ хотя и православнаго вѣроисповѣданія, но принадлежащимъ къ привилегированному сословію. Вслѣдствіе этого, 14 декабря 1875 года состоялось Высочайшее повелѣніе о поземельныхъ правахъ владѣльцевъ усадебъ въ селеніяхъ, расположенныхъ около Новогеоргіевской крѣпости, по которому право владѣнія землями по отношенію къ помянутымъ пяти селеніямъ подтверждено и, кромѣ того, распространено право лицъ православнаго исповѣданія всѣхъ званій владѣть крестьянскими землями въ селеніяхъ: Галахи, староство Закрочимъ, Новый Модлинъ, Брониславка, Косево, Вымыслы и Помѣхово.

Положеніе нашихъ православныхъ поселенцевъ въ настоящее время далеко не изъ блестящихъ, въ 1839 году считалось здѣсь до 100 дворовъ, въ 1885 году ихъ оставалось только 37. Причина этого — выселеніе въ 1866 году 60 семействъ обратно въ Псковскую и отчасти въ Самарскую губерніи. За время съ 1849 по 1869 годъ присоединено было къ православію по двумъ уѣздамъ 137 человѣкъ.

Мысль императора Николая I о поселеніи въ Польшѣ русскихъ крестьянъ была чрезвычайно вѣрна. Позже, яко бы съ цѣлью обрусѣнія края, прибѣгли исключительно къ другому способу, къ раздачѣ майоратовъ, то-есть къ водворенію крупнаго землевладѣнія. При раздачѣ майоратовъ, послѣ повстаній 1831 и 1863 годовъ, могла бы быть достигнута практическая польза только въ томъ случаѣ, если бы майораты раздавались въ избранной съ политическимъ разсчетомъ мѣстности, одинъ подлѣ другого, а не въ разбросъ, если бы ихъ количество было больше, а объемъ меньше, и фактическіе (а не фиктивные) владѣльцы ихъ изъ русскихъ могли сплотиться. Но какъ при князѣ Паскевичѣ, такъ и при графѣ Бергѣ майораты розданы безъ всякихъ политическихъ соображеній, безъ всякихъ обязательствъ для владѣльцевъ, ихъ разбросали по границамъ Пруссіи и Австріи и этимъ совершенно уничтожили намѣченную цѣль. Мысль водворенія русскихъ крестьянъ была плодотворна, если бы только ее довели до конца.

Храмъ селенія Александровскаго, заложеннаго въ 1844 году, освященъ въ 1846 году и обошелся съ домами для причта только 24.000 руб. Пять голубыхъ куполовъ осѣняютъ его кубическое основаніе: въ храмѣ только одинъ алтарь, образовъ мало, но иконостасъ, бѣлое съ золотомъ, благолѣпенъ; большинство образовъ писано польскими художниками, Кокуляромъ и Годзевскимъ. Въ описываемое время въ приходѣ числилось всего 613 человѣкъ.

Хотя Плоцкая губернія, въ которой эти колоніи расположены, и составляетъ нѣчто особенное въ ряду другихъ привислинскихъ губерній, такъ какъ главное занятіе ея крестьянъ земледѣліе, а фабрично-промышленное дѣло стоитъ на второмъ планѣ, тѣмъ не менѣе и въ ней, какъ въ другихъ польскихъ губерніяхъ, согласно отчету начальника губерніи за 1887 годъ, преподаваніе Закона Божія ксендзами не лишено «оттѣнка фанатизма», а значеніе евреевъ, завладѣвшихъ почти всей торговлей, еще усилено въ послѣдніе годы тѣмъ,

что землевладѣльцы, вынужденные продавать свои имѣнія въ виду убыточности хозяйства и обремененія долгами, продаютъ ихъ «преимущественно капиталистамъ изъ евреевъ».

Евреи, по мнѣнію ихъ защитниковъ, представляютъ самую жизненную артерію исторіи Царства Польскаго, начиная съ XIV вѣка; они заслужили самыя великія похвалы отъ такихъ крупныхъ польскихъ дѣятелей, какъ Адамъ Чарторыйскій и Маркизъ Велепольскій, причемъ послѣдній видѣлъ въ нихъ ни болѣе, ни менѣе, какъ «зародышъ средняго сословія, пропадающій втуне», изъ котораго думалось ему создать въ Польшѣ эту недостающую ей въ общественномъ строѣ величину. Отсюда изъ Мазовіи, изъ Плоцка, согласно нѣкоторымъ лѣтописнымъ указаніямъ, народилась сама Варшава, основанная однимъ изъ князей Мазовецкихъ—Конрадомъ. Самый Плоцкъ такъ старъ, что покоящіяся въ соборѣ мощи короля Сигизмунда, утопленнаго въ колодцѣ съ женой и дѣтьми, присланы сюда еще во времена Фридриха Барбароссы. Любопытенъ, между прочимъ, фактъ, что въ XIV вѣкѣ Плоцкомъ владѣли въ теченіе 44 лѣтъ чехи.

Заговоривъ къ слову о Плоцкѣ, нельзя пройти молчаніемъ одного очень любопытнаго соображенія, касающагося одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ Великаго Новгорода, а именно такъ называемыхъ Сигтунскихъ или Шведскихъ врать Софійскаго собора. Соображенія эти высказаны Церковымъ, въ памятной книгѣ Плоцкой губерніи; онъ говоритъ, что знаменитыя Сигтунскія или Шведскія врата, которыя, согласно Карамзину, повидимому, «работаны» нѣмецкими художниками, принадлежали именно плоцкому каѳедральному собору, похищены изъ него шведами и проданы ими, на возвратномъ пути домой, въ Новгородѣ. Этого весьма основательно доказываемаго соображенія, повидимому, не знаютъ въ Новгородѣ, такъ какъ въ послѣднемъ описаніи новгородскаго собора, изданномъ въ 1886 году (на основаніи «Описанія древностей» Макарія), придерживаются стараго легендарнаго мнѣнія, находящагося въ полномъ противорѣчіи съ внѣшностью и надписями дверей. Мнѣніе это утверждаетъ, будто Сигтунскія двери привезены новгородцами изъ шведской столицы Сигтуны, разоренной разбойниками, въ числѣ которыхъ находились и новгородцы, въ 1187 году. Въ безчисленныхъ памятныхъ книжкахъ разныхъ губерній, которыя издаются ежегодно и гибнутъ въ полной неизвѣстности, очень многія богаты безцѣнными матеріалами.

Ивангородъ.

Историческое о крѣпости. Новѣйшее время. Измѣненіе значенія комендантовъ. Фортъ Ванновскій. Отторженіе Холмской земли. Пограничное положеніе. Изъ исторіи возсоединенія уніатовъ. Ивангородская крѣпость. Имѣніе Демблинъ. Общее о деревенскомъ населеніи. Хозяйство. Историческіе памятники. Сѣцѣховскій монастырь и его группа. Село Ивановское. Дворецъ Паскевича и его могила. Паркъ. Развалины Опатства.

Ивангородская крѣпость находится въ Люблинской губерніи, при впаденіи рѣки Вѣпржа въ Вислу, причемъ главное укрѣпленіе, ядро-цитадель, расположено на правомъ берегу Вислы, нѣсколько ниже устья Вѣпржа, а отдѣльныя передовыя укрѣпленія по обоимъ берегамъ этихъ рѣкъ. Первоначально крѣпость состояла лишь изъ одного укрѣпленнаго ядра; впослѣдствіи, въ семидесятыхъ и въ восьмидесятыхъ годахъ, къ нему были приданы передовые форты, что̀ поставило крѣпость въ положеніе вполнѣ современной «крѣпости-лагеря». Время возникновенія Ивангородской крѣпости относится къ началу сороковыхъ годовъ (1843—1846), и судя по тому, что вначалѣ она расположена была только на правомъ берегу Вислы, фронтомъ къ Бресту, а тыломъ къ Пруссіи и внѣ главнѣйшихъ путей наступленія вѣроятнаго непріятеля, австрійцевъ, къ жизненному центру и столицѣ Царства Польскаго — Варшавѣ, есть основаніе предполагать, что назначеніе крѣпости было не противъ внѣшняго непріятеля, а противъ внутренняго, на случай повторенія возстанія, бывшаго въ 1830—1831 годахъ, какъ опорный пунктъ для войскъ дѣйствующихъ по направленію Радинскихъ, Краснославскихъ и Грубешовскихъ лѣсовъ и болотъ, весьма благопріятныхъ для образованія инсуррекціонныхъ скопищъ. Во время возстанія 1863 года крѣпость вполнѣ оправдала свое назначеніе, и тогда-то впервые родилась мысль устроить здѣсь крѣпость-лагерь, способную остановить не только внутреннихъ, но и внѣшнихъ враговъ. Съ 1870 года крѣпость растетъ съ каждымъ годомъ, увеличивая и безъ того уже значительную силу сопротивленія.

Въ настоящее время, вслѣдствіе весьма сильныхъ вооруженій и развитія

военной системы у нашихъ сосѣдей, крѣпостное дѣло и у насъ, подъ вліяніемъ истинно-русскаго и сердечнаго отношенія къ военнымъ интересамъ отечества со стороны современнаго высшаго военнаго управленія, быстро двинулось впередъ и пріобрѣло надлежащее ему значеніе. Издано новое крѣпостное положеніе, возвысившее значеніе коменданта и придавшее его голосу въ оборонительныхъ вопросахъ ту авторитетность, которая ему и подобаетъ въ силу смысла самаго дѣла. Сами коменданты стали назначаться изъ людей боевого опыта и науки, вмѣсто прежнихъ престарѣлыхъ генераловъ, получавшихъ эти должности въ видѣ синекуры. Явился новый вопросъ во внутреннемъ бытѣ крѣпости, и сразу выдвинулось на первое мѣсто великое значеніе плана мобилизаціи крѣпости. Словомъ, крѣпости стали превращаться въ живые, правильно дѣйствующіе организмы, одушевляемые и управляемые комендантскимъ режимомъ; такимъ образомъ, теперь только отъ энергіи и личныхъ качествъ коменданта въ большинствѣ случаевъ будутъ зависѣть сила сопротивленія крѣпости непріятелю и вліяніе ея на театръ военныхъ дѣйствій.

Подъ давленіемъ новыхъ требованій и Ивангородская крѣпость стала постепенно совершенствоваться извнѣ и внутри. На ея валахъ явилась могущественная артиллерія; устроены огромные запасы зерна, муки, вина и консервовъ на весь мобилизованный гарнизонъ. Появились для надобностей обороны новѣйшіе усовершенствованные электродинамическіе и паровые двигатели.

Центръ тяжести обороны, естественно, переносится на лѣвый, угрожаемый непріятелемъ, берегъ Вислы.

Выросъ грозный фортъ, получившій имя создателя современныхъ крѣпостей, «Вапноскій», сообщившій лѣвобережной главной крѣпости необыкновенную твердость.

Силой порядка вещей и требованіемъ безусловной необходимости возведутся еще новыя укрѣпленія и оборонительныя постройки, проложатся дороги, усилятся передовыя позиціи, и Ивангородъ превратится въ такую твердыню, что непріятелю много придется потратить людей, денегъ и времени на попытку достичь того, чтобы былъ спущенъ крѣпостной флагъ.

Ивангородъ находится на рубежѣ Холмской Руси, которая представляетъ собою и понынѣ больное мѣсто нашей православной церкви. Наша церковь стоитъ здѣсь лицомъ къ лицу, какъ это сказано въ недавно изданной по Высочайшему повелѣнію книгѣ «Холмская Русь», съ непрекратившимися болѣзненными явленіями, вызывающими правительство на принятіе мѣръ, *которыя несомнѣнно должны обуздать католическую пропаганду.*

Въ Радзивиловской лѣтописи, стр. 360, изображено, между прочимъ, что когда князь Романъ «угре и ляхи побѣди и всю Русь подъ себѣ подведе», папа римскій отправилъ къ нему своего посла звать въ латинство, подъ защиту «меча Петрова». Принявъ посла, князь Романъ изъялъ изъ ноженъ свой мечъ и сказалъ послу: «Такой ли мечъ Петровъ у папы? Ижъ имать такой, то можетъ города давати, а азъ доколѣ имамъ и при бедрѣ, не хочу куновати иною кровію, яко же отцы и дѣды наши размножили землю Русскую».

Это папское посольство и отвѣтъ князя Романа Мстиславовича имѣли мѣсто въ 1204 или 1205 году; могущество, достигнутое Романомъ въ Юго-Западной Руси, было причиной обращенія къ нему папы Иннокентія III; память князя Романа ненавистна полякамъ, такъ какъ онъ намѣревался смирить Польшу и возвратить захваченныя ею русскія области; этому князю Роману приписываютъ постановку двухглаваго орла, внѣшняго признака связи съ Византіей, на древней Бѣлзинской башнѣ, близъ Холма. Не угодно было судьбѣ осуществить его начинанія; но сынъ его Даніилъ пошелъ тою же дорогой, и вещественною памятью его русскаго величія остается городъ Холмъ, возобновленный имъ около 1235 года и представлявшій изъ себя уже черезъ пять лѣтъ такую твердыню, что полчища татарскія не одолѣли его.

Понятія наши объ исторической географіи этихъ такъ называемыхъ «польскихъ мѣстъ» совершенно неточны. Старыя географическія карты, изображающія широкое распространеніе Царства Польскаго при Ягеллонахъ, и карты такъ называемой «конгресувки», эти два географическіе призрака совершенно затмили собою въ нашихъ понятіяхъ древнѣйшее этнографическое очертаніе этихъ земель. Совершенно такъ же, какъ постарались мы забыть, что земля, на которой стоитъ теперь нѣмецкая «Рига», была, до основанія ея, землей князей Полоцкихъ, и что «позволеніе» нѣмцамъ поселиться въ этихъ мѣстахъ дано именно этими русскими князьями;—забыли мы и то, что глубже всѣхъ костей людскихъ въ Холмской и Червонной Руси, въ земляхъ литовскихъ и польскихъ тлѣютъ именно кости русскихъ православныхъ людей.

Еще при описаніи Варшавы было упомянуто, что даже на основаніи польскихъ источниковъ польскія земли, до того, чтобы стать католическими, были православными. Если глубока та древность, о которой только-что сказано,—XII вѣкъ, время возобновленія города Холма княземъ Даніиломъ, то уже и эта древность является молодою сравнительно съ православною церковью св. Николая въ Люблинѣ, близкомъ отъ Холма, которая, по свидѣтельству Кадлубка, построена въ концѣ X вѣка. Чѣмъ была въ тѣ годы Польша? О Варшавѣ не было еще тогда и помину!

Но если могущество Даніила, простиравшееся почти на всю нынѣшнюю Галицію, на Волынь, Подолію, части губерній: Кіевской, Минской, Гродненской и Люблинской, на нѣкоторую часть Молдавіи и даже на Кіевъ, въ которомъ сидѣлъ его намѣстникъ, вслѣдствіе множества причинъ, сдѣлалось призракомъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы теперь, когда земли Холмская и Польская стали принадлежностью Русской Имперіи, забывать, что эта принадлежность была и исконною, и кровною. Правду гласила сложившаяся еще встарину казацкая пѣсня, въ которой говорится:

Покынь, Ляшку, покынь о Руси гадаты;
Не твоя-то головонька всю Русь звоюваты.

Когда же, однако, было отторгнуто Забужье, Холмская область (нынѣшнія восточныя половины губерній Люблинской и Сѣдлецкой) отъ Русской земли и православной вѣры? Костомаровъ, не особенно щедрый на признаніе значенія русской православной народности, какъ въ смыслѣ ея распростране-

нія, такъ и относительно той роли, которую она играла въ исторіи, говоритъ, что Хмѣльницкій являлся въ борьбѣ своей съ Польшей защитникомъ «русской вѣры», онъ стоялъ за Кіевщину, Волынь, Забужье и вообще за Западную Русь. «Переходя отъ Львова до Замостья,—далѣе говоритъ Костомаровъ,—Хмѣльницкій былъ сопровождаемъ восторгомъ русскаго народа, и народъ этотъ помогалъ отдѣльнымъ отрядамъ, «загонамъ» казачьяго войска, жегъ костелы и панскіе дворы даже вблизи самой Варшавы». Это распространеніе православнаго элемента имѣло, слѣдовательно, мѣсто еще только двѣсти лѣтъ назадъ. Затѣмъ, императрица Екатерина II совершила роковую ошибку, присоединяя къ своей Имперіи Западную Русь только до Буга; Забужье было, такъ сказать, отрѣзано и уступлено Австріи, и это имѣло мѣсто менѣе ста лѣтъ тому назадъ. Слѣдовало, какъ извѣстно, созданіе герцогства Варшавскаго и воскресеніе изъ мертвыхъ самого Царства Польскаго императоромъ Александромъ I, и тогда-то Забужье, какъ будто бы оно было польскою землей, отошло къ нему, къ этому призраку.

Вотъ, въ этомъ-то видѣ привѣски къ бывшему Царству Польскому, возвратилось къ Россіи, послѣ пятисотлѣтняго отбытія изъ родного дома, пройдя сквозь католичество и унію, Забужье, Холмская земля. Неузнаваема была эта многострадальная страна; оставленная въ завѣдываніи римско-католическаго духовенства, Холмская земля отчуждалась отъ насъ все болѣе и болѣе.

Въ настоящее время въ Забужьѣ находится 268 православныхъ церквей и 346 начальныхъ училищъ, не считая среднихъ учебныхъ заведеній, вполнѣ русскихъ. Благодаря поддержкѣ со стороны правительства, построены церкви, учреждены братства (замостское Свято-Николаевское въ 1876 г., и холмское Свято-Богородицкое въ 1879 году), и т. д. Думалъ ли князь Романъ, слова котораго о «мечѣ Петровомъ у папы», по Радзивиловской лѣтописи, приведены выше, что именно Холмская земля испытаетъ на себѣ всю сладость его долгихъ жгучихъ усѣкновеній? Римъ, казалось, былъ такъ далекъ въ тѣ дни, но время приблизило его и занесло въ самое сердце мѣстнаго православнаго народа.

Недалеко отъ Ивангородской крѣпости расположенъ Демблинъ, имѣніе, дарованное покойному фельдмаршалу Паскевичу императоромъ Николаемъ I, одновременно со множествомъ огромныхъ правъ и привилегій, сохраняющихся за владѣльцемъ его и до-сегодня и составляющихъ неисчерпаемый и постоянно прочный источникъ богатства. Самое имѣніе Демблинъ громадно; оно подходитъ подъ самые форты и тянется вдоль рѣки Вѣпржа на двадцать верстъ. Оно и безъ всякихъ привилегій чрезвычайно доходно само по себѣ, такъ какъ сельское хозяйство въ этой мѣстности стоитъ очень высоко.

Въ отношеніи этнографическомъ Ивангородъ составляетъ узелъ желѣзныхъ путей, расходящихся въ Млаву, Луковъ, Брестъ, Домброву, Ковель, Колюшки и Островецъ, и граничный узелъ трехъ губерній: Радомской, Сѣдлецкой и Люблинской. Главная масса населенія состоитъ изъ польско-еврейскаго элемента съ небольшою примѣсью нѣмецкой народности. Главное занятіе жителей христіанъ—земледѣліе, а евреевъ—торговля, преимущественно виномъ,

и мелкая кустарная промышленность. Еврейскій элементъ замѣтно ступается по мѣрѣ приближенія къ крѣпости, военное населеніе которой представляетъ наиболѣе благодарный матеріалъ для несолидной промышленности сыновъ Израиля. Главная масса польскаго населенія, не отличаясь особою зажиточностію, не терпитъ, однако, и недостатка. Нищихъ вообще немного, а богатство распредѣлено въ населеніи болѣе равномѣрно, нежели между русскимъ крестьянствомъ. Міроѣды и кулаки составляютъ здѣсь чрезвычайную рѣдкость. Малая обширность земельныхъ надѣловъ восполняется прекрасной обработкой почвы и замѣчательнымъ трудолюбіемъ, благодаря чему урожаи не только покрываютъ мѣстную потребность, но еще даютъ не малый процентъ для сбыта за границу, чему особенно способствуетъ близость ея и выгодное направленіе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ.

Въ нравственномъ отношеніи сельское населеніе стоитъ здѣсь на довольно высокой степени. Пьянство развито мало: пьянаго, даже въ большой праздникъ, рѣдко можно встрѣтить на улицѣ. Въ общемъ, сознаніе законности весьма развито среди крестьянскаго населенія. Оно охотно повинуется властямъ и безпрекословно исполняетъ всѣ ихъ приказанія и распоряженія. Какихъ-либо недоразумѣній по постойной или подводной повинности не бываетъ.

Образованіе и вообще умственное развитіе находится тоже въ очень хорошемъ состояніи. Почти все населеніе, за малыми исключеніями, читаетъ и пишетъ по-польски. Въ послѣднее время у жителей становится весьма замѣтною склонность учиться русскому языку; говорящіе и знающіе русскую грамоту въ деревняхъ теперь не рѣдкость. Причина этого утѣшительнаго явленія въ массѣ возвращающихся по отбытіи воинской повинности изъ Великой Россіи, а также и постоянныя сношенія съ русскими солдатами.

Религіозность сильно развита въ крестьянахъ, особенно среди женской части населенія, впрочемъ любовь къ пышнымъ церковнымъ процессіямъ и общему пѣнію священныхъ гимновъ имѣется и среди мужчинъ. Многочисленные, красивые и обширные костелы усердно посѣщаются и украшаются; но надо замѣтить, что привольная, сытая и веселая жизнь католическаго духовенства служитъ неисчерпаемымъ источникомъ для юмора и добродушныхъ народныхъ поговорокъ. Дѣйствительно, польскому ксендзу живется, сравнительно, лучше, чѣмъ русскому священнику.

Въ политическомъ отношеніи польскихъ крестьянъ можно считать благонадежными. Нетерпимости къ русскимъ рѣшительно не замѣчается никакой. Съ солдатами они не только ладятъ, но и дружатъ. Вообще взаимныя отношенія между польскими хозяевами и русскими солдатами самыя отрадныя и желательныя. Особа Государя въ понятіи здѣшняго крестьянина представляется не иначе, какъ окруженная самымъ лучезарнымъ ореоломъ. Портреты Царской Фамиліи охотно покупаются у многочисленныхъ ходебщиковъ владимірцевъ. Почти во всякой хатѣ Царскій портретъ обязательно помѣщается въ самомъ почетномъ углу, рядомъ съ весьма чтимою Ченстоховскою иконою и папой, и въ большинствѣ случаевъ украшается искусственными цвѣтами. Тутъ же нѣсколько поодаль развѣшиваются портреты прочихъ Членовъ Царскаго Дома,

большею частью изображенные на одномъ общемъ листѣ. Иногда попадаются картинки изъ русскаго быта, преимущественно буколическаго и батальныхъ сюжетовъ, и портреты генераловъ минувшей войны, съ «бѣлымъ генераломъ» на самомъ видномъ мѣстѣ.

Здѣшняя интеллигенція очень измельчала и обѣдпѣла. Попадаются, правда, подобно дубамъ въ вырубленномъ лѣсу, крупные, родовитые польскіе дворяне, но очень немногіе живутъ въ своихъ имѣніяхъ; въ большинствѣ случаевъ они доканчиваютъ отцовскія наслѣдія гдѣ-нибудь въ Варшавѣ или за границей. Преобладающій же элементъ представляютъ изъ себя мелкіе «шляхтичи», служащіе гдѣ-нибудь въ магистратахъ или уѣздныхъ управленіяхъ.

Сельское хозяйство въ окрестностяхъ Ивангорода, какъ сказано, поставлено на отличную ногу. Система земледѣлія здѣсь плодопеременная и семипольная. Лѣса расходуются бережливо, чему способствуютъ также и богатыя залежи каменнаго угля, продающагося въ одной цѣнѣ съ дровами (10 коп. пудъ). Скотъ рослый, крупный и молочный; скотоводство, кромѣ главнаго продукта—навоза, даетъ весьма значительные доходы съ молочнаго скота, отдаваемаго, обыкновенно, въ аренду (пахту) по 15—20 руб. съ коровы. Молоко, сыръ, масло здѣсь дешевы и хорошаго качества. Коннозаводства въ обширныхъ размѣрахъ нѣтъ. Владѣльцы майоратовъ, которыхъ здѣсь не мало, а также крупные землевладѣльцы, вовсе не занимаются хозяйствомъ, сдавая таковое или на руки управляющимъ, или же, мелкими участками, арендаторамъ, между которыми, опять-таки, не мало евреевъ; вредъ системы крупныхъ майоратовъ сказался и здѣсь.

Хотя почва не можетъ назваться особенно плодородною, но, благодаря толковому хозяйству и прекрасной обработкѣ, урожаи бываютъ ровные и очень хорошіе. Сѣются всѣ хлѣба, а въ послѣднее время стали производить много фабричныхъ растеній—свекловицы и рапса, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ хлѣбный нашъ экспортъ затруднился боевыми нѣмецкими пошлинами.

Близъ Ивангорода, въ Новой Александріи уже давно открытъ земледѣльческій институтъ, но пока существованіе его особеннымъ вліяніемъ на улучшеніе земледѣлія не отражается. Крупныхъ заведеній обрабатывающей промышленности тоже нѣтъ. Есть двѣ-три винокурни, нѣсколько кирпичныхъ, сахарныхъ, пивоваренныхъ и крахмальныхъ заводовъ, да еще одинъ стекляный въ Пилицѣ. Торговая и мелкая кустарная промышленность вся находится въ рукахъ евреевъ. И та и другая, главнымъ образомъ, поддерживаются одними войсками и вообще не процвѣтаютъ. Скученность еврейскаго населенія, невозможность переселенія, ненависть и неспособность его къ какому-либо серьезному физическому труду, страсть къ легкой наживѣ, обусловливаютъ нерѣдко среди евреевъ страшную бѣдность; необходимость же ѣсть и пить вынуждаетъ ихъ къ покупкѣ и продажѣ краденыхъ вещей, что, въ общемъ, вліяетъ на развитіе и поощреніе въ странѣ систематическаго профессіональнаго воровства.

Историческихъ памятниковъ въ странѣ очень много. Вся мѣстность ивангородскаго крѣпостного района служила, и не разъ, театромъ кровавыхъ войнъ. И теперь еще замѣтны остатки шведскихъ окоповъ, развалины крѣпкихъ зам-

конъ и другіе памятники старины, весьма цѣнные для археолога. Изъ этихъ памятниковъ старины наилучше сохранились древніе костелы, изъ которыхъ особенно достопримѣчателенъ Сѣцѣховскій. Относительно этого костела можно сказать нѣсколько словъ во вниманіе къ своеобразной причинѣ—къ грушамъ, носящимъ имя одного польскаго короля. Время основанія Сѣцѣховскаго монастыря бенедиктинцами относится къ самой глубокой древности. Онъ построенъ въ 1110 году. Одновременно съ устройствомъ монастыря, отцы бенедиктинцы открыли въ замкѣ и окрестныхъ городахъ нѣсколько агрономическихъ училищъ, положившихъ начало той прекрасной обработкѣ земли, которая существуетъ и понынѣ. Особенно процвѣтало у монаховъ садоводство. Когда король Іоаннъ III Собѣскій, въ походѣ на турокъ, во время ночлега въ монастырѣ, попробовалъ знаменитыхъ грушъ монастырскаго сада, то онѣ ему понравились до такой степени, что онъ просилъ настоятеля посылать ежегодно ему въ Варшаву двѣ коны этихъ грушъ. Съ тѣхъ поръ эти знаменитые плоды, которые разводятся и теперь, называются въ честь побѣдителя турокъ подъ Вѣной «Собѣсчанками». Эти монастырскія груши играютъ, слѣдовательно, ту же роль глашатая монастырской славы, какъ ликеры бенедиктинъ и шартрезъ, относительно двухъ одноименныхъ съ ними аббатствъ. Сѣцѣховскій монастырь на своемъ вѣку видѣлъ не мало крови и огня. Въ 1810 году онъ былъ упраздненъ, съ оставленіемъ, впрочемъ, костела, превратившагося въ приходскій. Земли и угодья монастырскія поступили въ казну, частью пошли въ надѣлъ крестьянамъ, а частью на раздачу майоратовъ. Въ 1834 году закрылся и самый костелъ. Все его цѣнное имущество и сосуды распредѣлены были по костеламъ сандомирской епархіи, а собранная вѣками огромная монастырская библіотека перевезена въ Варшаву. По преданію, книгъ было столько, что, за невозможностью перевезти ихъ на повозкахъ, ихъ сплавляли по Вислѣ полными галерами. Принимали библіотеку самъ тогдашній польскій министръ внутреннихъ дѣлъ князь Лубенскій и профессоръ варшавскаго университета Линде. Самый приходъ переведенъ былъ въ городъ, нынѣ посадъ, Сѣцѣховъ. Но прошло сорокъ лѣтъ, и въ 1874 году, снисходя на просьбу прихожанъ, императоръ Александръ II Всемилостивѣйше разрѣшилъ возстановить закрытый костелъ средствами жителей. Въ 1884 году реставрація окончена, и костелъ торжественно освященъ сандомирскимъ епископомъ и открытъ для служенія. Реставрація обошлась въ 30,000 руб.

Чрезвычайно достопримѣчательно расположенное недалеко отъ Ивангородскаго крѣпостного района село Ивановское-Демблинъ. Въ сущности села, какъ это повсемѣстно принято у насъ понимать, — нѣтъ. Подъ этимъ именемъ въ дневникѣ Законовъ Царства Польскаго извѣстны всѣ деревни и фольварки по правую сторону рѣки Вѣпржа, до границы Гарволинскаго уѣзда, подаренные императоромъ Николаемъ I фельдмаршалу князю Паскевичу и названные, какъ и крѣпость, его именемъ.

Кромѣ весьма значительнаго земельнаго пространства, равнаго по площади нѣмецкому средней руки княжеству, покойному князю дарованы еще на вѣчныя времена права: «пропинаціи», то-есть исключительнаго права водочной тор-

говли, распространяющейся и на крѣпость, рыбныхъ ловель по обѣимъ берегамъ Вислы и Вѣпржа, а также и монополія поставки кирпича для крѣпости на все время ея существованія. Доходность этихъ исключительныхъ правъ явствуетъ сама собою.

Главный пунктъ и барская резиденція имѣнія находятся въ селѣ Демблинѣ. Имѣніе это, до послѣдняго пожалованія, принадлежало польскимъ магнатамъ графамъ Яблоновскимъ, изъ которыхъ одинъ, при Станиславѣ Августѣ, выстроилъ и нынѣшній Демблинскій дворецъ. Дворецъ этотъ выстроенъ по плану и подъ непосредственнымъ руководствомъ того же самаго архитектора, который строилъ и Лазенковскій дворецъ. Одно это обстоятельство должно говорить въ пользу вкуса и изящества зданія: дворецъ выстроенъ въ строго классическомъ стилѣ; по обоимъ его фасадамъ высятся легкіе и необыкновенно красивые порталы дорическаго ордена; онъ окруженъ роскошнымъ, старымъ паркомъ съ прудами, вода въ которые проведена изъ обширныхъ Рыкскихъ водомоевъ. На одномъ изъ острововъ пруда, скрытая въ тѣни липъ, возвышается величавая, въ формѣ римскаго храма Весты, ротонда, гдѣ покоятся останки князя Паскевича и его жены; въ этомъ же паркѣ показываютъ тотъ дубъ, подъ сѣнью котораго самозванецъ будто бы сдѣлалъ Маринѣ Мнишекъ предложеніе.

Внутренняя роскошь разрушающагося дворца вполнѣ соотвѣтствовала внѣшнему его великолѣпію. Теперь весь онъ передѣланъ на частныя квартиры, казармы и цейхгаузы. Роскошное зданіе, не поддерживаемое ремонтировкой, быстро приходитъ къ печальному разрушенію. Но и въ настоящемъ запущенномъ своемъ видѣ оно все же очень хорошо, несмотря на осыпающуюся штукатурку стѣнъ и ветхіе карнизы. Угрюмымъ, мрачнымъ видомъ дворецъ видимо негодуетъ на настоящее свое назначеніе, тѣмъ не менѣе его античные, хотя и облупившіеся портики попрежнему высятся гордо и свѣтло, окружающая зелень старается своею могучею листвой скрыть, припрятать неприглядную наготу.

Покойный князь фельдмаршалъ по-часту и по-долгу живалъ въ своемъ царско-роскошномъ дворцѣ. Въ скоромъ времени лежащій здѣсь прахъ сотрудника могущественнѣйшаго монарха въ свѣтѣ, прахъ покойнаго фельдмаршала и его жены будетъ перевезенъ въ Гомель, гдѣ для его принятія строится богатая церковь. Тогда въ Демблинѣ исчезнетъ, вѣроятно, и послѣднее воспоминаніе о знаменитомъ князѣ. Близъ крѣпости находятся такъ называемыя развалины Опатства—католическаго монастыря, всего въ одной верстѣ отъ форта. Опатство, если угодно, дѣйствительно развалина, но точно такая, какою являются на нашихъ глазахъ сносимыя съ мѣста негодныя городскія постройки: обнажены подвалы, лѣстницы, окна, пустуютъ на вѣтрѣ кельи отошедшихъ въ вѣчность монаховъ, но красоты и романтичности нѣтъ никакой. Даже и растительность, любящая одѣвать развалины своими причудливыми проблесками, отступилась отъ этихъ непривѣтливыхъ стѣнъ и оставляетъ ихъ голыми и некрасивыми. Здѣсь тоже чуть-ли не семисотлѣтнее погасшее существованіе.

Любопытно, что въ XV вѣкѣ, какъ говорятъ, Висла протекала подлѣ са-

маго монастыря. Теперь до нея около шести верстъ разстоянія. Сообщали также, что еще въ 1888 году капризная Висла оторвала, невдали отсюда, 150 десятинъ берега, обезземелила крестьянъ, зато подарила одному счастливому собственнику почти такое же пространство удобной и дорогой земли. Въ костелѣ три алтаря; размѣры его величественны и свидѣтельствуютъ о быломъ богатствѣ; множество рисованныхъ по стѣнамъ орнаментовъ, замѣняющихъ скульптуру, гласятъ объ архитектурной неискренности; говорятъ, что еще въ 1819 г. костелъ стоялъ въ запустѣніи, и въ немъ не служили; позднѣйшее, болѣе снисходительное вѣяніе снова дало ему жизнь. Недалеко отсюда находится городъ Пулавы, когда-то имѣвшій женскій институтъ, переведенный впослѣдствіи, за участіе институтокъ въ мятежѣ, въ Варшаву, и только при бывшей начальницѣ его, А. И. Случевской, принявшей его въ свое управленіе, послѣ десяти лѣтъ большихъ усилій, институту возвращены всѣ его права и, въ ряду ихъ самое видное—Императорскій шифръ, служащій наградой воспитанницамъ при выпускѣ.

Брестъ-Литовскъ. Полѣсье.

Древнѣйшая исторія города. Воспоминанія о военныхъ дѣлахъ. Очеркъ политической уніи Польши и Литвы и уніи религіозной. Значеніе іезуитовъ. Терлецкій. Поцѣй Кунцевичъ. Цесаревичъ Константинъ и графъ Замойскій. Связь съ казачествомъ. Переломъ въ польской исторіографіи. Отношенія къ нимъ. Исторія постройки крѣпости. Соборъ. Преподобный Аѳанасій и его исторія. Полѣсье. Колоссальныя работы по осушенію болотъ. Ихъ значеніе и исторія. Сыноирессовальныя заведенія. Несвижъ и замокъ князя Радзивилла.

Брестъ-Литовскъ городъ и Брестъ-Литовскъ крѣпость — двѣ самостоятельныя, очень любопытныя, съ разныхъ точекъ зрѣнія, величины. Какъ городъ, онъ замѣчателенъ тѣмъ, между прочимъ, что послужилъ колыбелью церковной уніи, столько годовъ терзавшей и еще терзающей, въ качествѣ похмелья, нѣкоторыя части нашей западной окраины; какъ крѣпость, это одна изъ прочнѣйшихъ твердынь нашихъ, важность которой предусмотрѣлъ еще фельдмаршалъ Морицъ, въ своихъ «Rêveries militaires», «важность», которую еще недавно подтвердилъ одинъ изъ солидныхъ прусскихъ военныхъ авторитетовъ, скрывшійся подъ именемъ «Ein Officier».

Городъ Брестъ, столько разъ ополяченный,—русскій городъ—Берестье, принадлежавшій Туровскому княжеству въ 1015 году. Вѣроятно, здѣсь въ Брестѣ умеръ отъ ранъ въ 1019 году одинъ изъ рѣзко очерченныхъ въ нашей древней исторіи характеровъ—князь Святополкъ Окаянный; знаменитому русскому-князю Даніилу Романовичу Брестъ служилъ опорнымъ пунктомъ противъ ятвяговъ, а въ 1241 году онъ опустошенъ татарами настолько, что князь Романъ не могъ въѣхать въ него «отъ смрада».

Много разъ мѣняя властителей, Брестъ, въ 1390 году, взятъ поляками, послѣ упорнаго девятидневнаго приступа короля Владислава Ягайлы, того самаго, который воплотилъ насильственную связь, «политическую унію» Польши съ Литвой, измѣнилъ православію и даже союзился съ ханомъ Мамаемъ про-

тивъ Москвы. Этотъ Ягайло отличался своею «волосатостію» и былъ однажды, какъ говорятъ, на пиру подерганъ за бороду своимъ братомъ Свидригайлой, въ которомъ воплощались и русскія думы, и православныя надежды (довольно оригинальное и типичное воплощеніе этихъ думъ и надеждъ!). Здѣсь, въ Брестѣ, въ 1590, 1594 и 1596 годахъ имѣли мѣсто знаменитые соборы, обусловившіе существованіе въ краѣ двухъ церквей: самостоятельной несоединенной и уніатской соединенной; подъ Брестомъ, въ конфедератскую войну 1769 года, бригадиръ Суворовъ забралъ два уланскіе конфедератскіе полка, а ровно двадцать пять лѣтъ спустя генералъ графъ Суворовъ-Рымникскій, перейдя рѣку Бугъ въ бродъ, въ виду польскихъ войскъ, въ девятичасовомъ бою саблями и штыками разбилъ 16,000-ый корпусъ Сераковскаго, Красинскаго и Понятовскаго и отнялъ у него всю артиллерію; подъ Брестомъ орудовали въ 1812 году австрійцы, подъ начальствомъ князя Шварценберга, назначеннаго Наполеономъ дѣйствовать противъ южной Россіи; въ 1823 году происходили тутъ большіе маневры русскихъ и польскихъ войскъ, тогда еще самостоятельно существовавшихъ.

Послѣднимъ по времени событіемъ въ исторіи Бреста отмѣчено, подъ 1886 годомъ, посѣщеніе его Государемъ, Государыней, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великими Князьями Георгіемъ и Владиміромъ Александровичами и обоими Великими Князьями фельдмаршалами. Высочайшія Особы принимали тутъ принца Прусскаго Вильгельма, впослѣдствіи императора Германскаго.

Можетъ быть, очень мало другихъ городовъ, подпавшихъ власти Рѣчи Посполитой, которые, подобно Бресту, къ 1810 году, то-есть ко времени Отечественной войны, цвѣли такимъ обиліемъ католическаго монашества. Одинъ перечень именъ собственныхъ всякихъ монашескихъ орденовъ, имѣвшихъ тутъ прочную осѣдлость, представляетъ роскошнѣйшій букетъ когда-то живыхъ, теперь посохшихъ цвѣтовъ; здѣсь имѣлись налицо: іезуиты, бернардины, бригиты, доминиканцы, тринитары, базиліанцы, августіане; на томъ необширномъ мѣстѣ, которое занимаетъ крѣпостная цитадель, стояло четыре монастыря, а по предмѣстьямъ разсѣяны были другіе, не считая костеловъ. Подобнаго количества католическихъ храмовъ поискать въ другомъ городѣ; но отъ самыхъ зданій монастырскихъ и костельныхъ осталось очень немногое, какъ какъ всѣ они заняты и перестроены для военнаго вѣдомства и служатъ гдѣ лабораторіей, гдѣ госпиталемъ или батареей; на томъ мѣстѣ, гдѣ высился августіанскій монастырь, построенъ крѣпостной соборъ.

Перемѣнивъ свое русское имя Берестье на польское Брестъ или Подлясье въ самомъ концѣ XIV вѣка, городъ этотъ, какъ сказано, сдѣлался мѣстомъ окончательнаго появленія на свѣтъ той знаменитой уніатской вѣры, съ послѣдними слѣдами существованія которой приходится еще и теперь имѣть дѣло православію какъ въ Холмской землѣ, такъ и въ Подлясьѣ.

Какая-то немилость Божія тяготѣла на этихъ пошатнувшихся въ православіи мѣстахъ и сказывается въ томъ, что слово и понятіе «унія», которое должно бы изображать союзъ, братство, связь, для Польши и Литвы стало роковымъ не единожды, а дважды.

Одна унія, первая по времени, была политическою и должна была свя-

дѣтельствовать о родственномъ сліяніи, о братствѣ, чуть ли не тождествѣ Польши и Литвы. Эта унія, задуманная и воплощенная въ своемъ первообразѣ Ягайлой со стороны Литвы и Ядвигой со стороны Польши, ставшихъ супругами, переживала цѣлый рядъ подтвержденій, толкованій и объясненій. Подтверждаютъ, какъ извѣстно, только то, что̀ шатко. Несмотря на то, что эта унія юридически воплотилась въ XIV вѣкѣ, при Ягайлѣ, ее снова, но въ измѣненномъ видѣ, уже болѣе похожемъ на петлю для несчастной Литвы, навязываетъ Литвѣ князь Литовскій Александръ (женатый на дочери царя Іоанна III Еленѣ и первое мѣсто при дворѣ котораго занималъ русскій князь Михаилъ Глинскій), ставъ королемъ Польскимъ; но литовскіе депутаты не освящаютъ этой петлеобразной уніи своимъ руконрикладствомъ. Наконецъ, на сеймѣ въ Люблинѣ король Польскій Сигизмундъ силится скрѣпить ее снова, но уже не петлей, а настоящимъ мертвымъ узломъ, и приказываетъ Литву присягнуть Польшѣ, несмотря на то, что одинъ изъ представителей Литвы, жмудскій староста Юрій Котковичъ (Хоткевичъ) представилъ королю, въ живыхъ и яркихъ краскахъ, всю горечь, все отчаяніе Литвы, теряющей свою самобытность, причемъ всѣ бывшіе при этомъ литовцы пали предъ убивающимъ ихъ самобытность королемъ на колѣна! Не такимъ, конечно, изображено это грустное историческое событіе (которое весьма мѣтко характеризуетъ Коялович̀ъ) художникомъ Матейкой: у него только и есть на картинѣ уніи общій восторгъ; совершенно такой единодушный, полный дѣтской увлекательности восторгъ изображенъ въ другой извѣстной картинѣ Поля Деларош̀а «Клятвѣ якобинцевъ»; но относительно якобинцевъ это правда, относительно люблинскаго сейма это завѣдомое искаженіе историческихъ фактовъ. Петлей, мертвымъ узломъ оказалась для Литвы, въ своемъ послѣднемъ преобразованіи, эта знаменитая политическая унія, явившаяся на свѣтъ въ видѣ свадебнаго бантика, связавшаго предъ католическимъ алтаремъ Ягайлу съ Ядвигой.

Другая унія, религіозная, ставшая по немилости Божіей тоже роковою, началась также въ Брестѣ. Историческія даты ея вкратцѣ должны быть помянуты. Было такое время въ Польшѣ, когда протестантство обуяло Рѣчь Посполитую и папство было очень близко къ тому, чтобы потерять Польшу и Литву, эти очень цѣнные камни въ своей тіарѣ; именно здѣсь, въ Брестѣ, напечатана была въ тѣ дни на польскомъ языкѣ, въ 1563 году, иждивеніемъ князя Николая Радзивилла, Библія, что̀ обошлось ему 10,000 червонцевъ,—сумма огромная для тѣхъ временъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ протестантскихъ центровъ была Вильна, и туда-то въ самый годъ люблинской уніи втянулись съ Запада приглашенные по совѣту добрыхъ людей для борьбы съ протестантствомъ іезуиты. Протестантство скоро измаялось въ борьбѣ съ іезуитами. При Стефанѣ Баторіи, въ области, отторгаемыя имъ отъ Москвы, немедленно вводились іезуиты; это было также временемъ знаменитаго визита Антона Поссевина въ нашу первопрестольную столицу.

Король Сигизмундъ III оказался вполнѣ выгоднымъ и послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, и тогда-то затеплилась мысль о религіозной уніи, то-есть объ убійствѣ православія, бывшаго у себя дома по всей западной окраинѣ

нашей,—убійствѣ, основанномъ на томъ недобромъ замыслѣ, чтобы создать нѣкое вѣроисповѣданіе, очень близкое по обрядности къ тому, которое намѣревались убить, но съ однимъ только существеннымъ измѣненіемъ, а именно: съ признаніемъ главенства не нашей восточной церкви, а далекаго папы римскаго. Простой народъ, массы, на обращеніе которыхъ разсчитывали, долженъ былъ, такъ думали іезуиты,— не замѣтить измѣненія мелкихъ формальностей и принять унію. Для составленія плана этой новой религіи, іезуиты обратились къ луцкому епископу Кириллу Терлецкому, что̀ и было имъ исполнено; въ 1592 году ему высказали сочувствіе другіе подкупленные и устрашенные епископы, а когда въ 1593 году на брестскую епископію возведенъ Іоасій, то всѣмъ имъ удалось привлечь на свою сторону слабаго митрополита Михаила Рагозу, и въ 1595 году планъ уніи повезенъ на благословеніе папы въ Римъ. Это паломничество православныхъ епископовъ въ Римъ—фактъ совершенно исключительный и роковой.

Въ 1596 году, по возвращеніи путешественниковъ изъ Рима, состоялся наконецъ, тотъ знаменитый соборъ въ Брестѣ, на которомъ узаконенъ великій расколъ западно-русской церкви, введена унія и достигнуто подчиненіе папѣ. Но какъ была она введена? Здѣсь совершилось совершенно то же, что съ люблинскою политическою уніею; подобно тому, какъ тамъ съ небывалымъ цинизмомъ оставлены были за флагомъ всѣ представители Литвы, такъ и здѣсь за унію высказывались только девять высшихъ духовныхъ чиновъ, а противъ нея тринадцать высшихъ (въ томъ числѣ два представителя восточныхъ патріарховъ) и при нихъ болѣе ста священниковъ и монаховъ; обѣ стороны взаимно отлучили одна другую отъ церкви, но унія все-таки была узаконена.

Вслѣдъ за утвержденіемъ религіозной уніи, начались, совершенно одновременно, съ одной стороны, извѣстные по исторіи подвиги такихъ людей, какъ Поцѣй, Терлецкій, Іосафатъ Кунцевичъ, съ другой—возгорѣлась, на весь XVII вѣкъ, страшная борьба Польши съ Малороссіей.

Одинъ изъ новѣйшихъ русскихъ изслѣдователей исторіи Польши, профессоръ Карѣевъ, доказываетъ, что въ польской исторіографіи за послѣднее время совершился переворотъ, что вмѣсто романтической идеализаціи польской исторіи,—идеализаціи, начавшейся вслѣдъ за повстаніемъ 1830 года и доказывавшей, что Польша нѣчто совсѣмъ исключительное, единственное въ человѣчествѣ, нѣчто въ родѣ Мессіи, искупающаго своею временною смертью грѣхи всего человѣчества, явился, вслѣдъ за повстаніемъ 1863 года, другой взглядъ, болѣе правильный, а именно критическая оцѣнка причинъ паденія Польши и доказательствъ ея виновности. Это новѣйшее развитіе польской исторіи въ трудахъ Шуйскаго, Калинки, Корзона, Крашевскаго, Бобржинскаго и другихъ совершенно упразднило взгляды прежней школы Лелевеля и его послѣдователей. Если прежняя школа считала Польшу первымъ народомъ міра, новѣйшая, въ лицѣ Шуйскаго, говоритъ, напримѣръ, что, будучи однимъ изъ младшихъ народовъ, выступившихъ на арену цивилизаціи европейскаго Запада, «мы, поляки, стали въ собственныхъ глазахъ народомъ, опережающимъ весь Западъ развитіемъ у себя конституціонныхъ республиканскихъ формъ; изъ ошибокъ и заблужденій поли-

Брестъ-Литовскъ. *Новая церковь (во имя св. Николая) въ крѣпости.*

Рис. Афонасенко, грав. Даугель.

тической мысли мы, поляки, свили себѣ идеальные лавровые вѣнки, очень вредные; въ вольной элекціи королей, въ конфедераціяхъ, даже въ liberum veto,

Брестъ-Литовскъ. Внутренній видъ церкви (во имя св. Николая) въ крѣпости.

мы, поляки, усматривали положительныя явленія, которыми слѣдуетъ гордиться». Все это чрезвычайно мѣтко и справедливо. Пересчитывая многократныя поли

тическія ошибки Польши, обусловившія ея паденіе, другой историкъ, Бобржинскій, находитъ, что въ числѣ ошибокъ видное мѣсто занимаетъ также и унія и что самый «католицизмъ многократно заставлялъ Польшу дѣйствовать въ разрѣзъ съ ея политико-національными интересами». Истину, подобно послѣдней, не могли высказать и считали бы святотатствомъ историки школы Лелевеля; тутъ, въ этомъ признаніи уже очень много теплой правды, но послѣдняго слова все-таки еще не сказано: не въ католичествѣ, а въ папскомъ католичествѣ—все дѣло; въ безусловномъ царствованіи его, въ пропагандѣ ксендзовъ, быть можетъ, слѣпо направляемой изъ Рима, былая, грустная исторія Польши продолжаетъ шествовать въ своихъ посмертныхъ грезахъ тѣмъ же путемъ, и на этой дорогѣ съ православною Россіей ей нѣтъ никакой возможности примиренія. Было такое время въ исторіи Польши, когда лучшіе ея люди стояли за отдѣленіе Польши отъ папы, за образованіе національной церкви, католической церкви, но не папской. Если бы это случилось тогда, если бы это поняли теперь, объединенію съ Россіей Польшѣ была бы подготовлена почва прочная, никакими подземными ключами не подмываемая; до освобожденія отъ Рима—хотя бы испытывать сотни системъ примиренія и дружелюбнаго сожительства—оно не возможно, какъ соединеніе огня съ водой! Мысль о народной для Польши, независимой отъ папы, церкви была плодомъ долгаго и здраваго мышленія лучшихъ польскихъ людей, и въ ней единственный способъ разрушенія всѣхъ преградъ, стоящихъ на нравственныхъ путяхъ объединенія двухъ славянскихъ странъ Россіи и Польши. Трудно было при посѣщеніи Бреста отказаться отъ историческихъ воспоминаній, возникавшихъ совершенно противъ воли. Не розпь и разладъ желательны были бы на этой, столько разъ окровавленной землѣ, а доброе и вполнѣ искреннее совмѣстное житье двухъ славянскихъ народностей, домашними распрями которыхъ такъ умѣло и такъ настойчиво всегда пользовался Западъ и пользуется и до сихъ поръ.

Крѣпостной соборъ въ Брест-Литовскѣ — весьма красивая постройка нашихъ инженеровъ, оконченная въ 1876 году; самая постройка и все необходимое для церковной службы обошлось въ 140,000 рублей. Подъ довольно плоскимъ куполомъ, имѣющимъ съ двухъ сторонъ, передней и задней, полукруглыя конхи, тянется длинная центральная часть съ двумя боковыми нефами; алтарь одинъ; церковь изобилуетъ свѣтомъ: семь оконъ въ алтарной части и по семи съ каждой стороны, въ два свѣта; колонны, отдѣляющія нефы, и колонки между оконъ, равно какъ красивая разрисовка стѣнъ цвѣтными поясами, напоминаютъ романскіе мотивы.

Крѣпость, пользующаяся теперь, и совершенно по праву, громкимъ именемъ—твердыня первоклассная. Она расположена при впаденіи Мухавца двумя рукавами въ Западный Бугъ. Эти рѣки не шутятъ, и здѣсь случались наводненія, имѣвшія очень печальныя послѣдствія; въ 1841 году вода поднялась на 13 футовъ, въ 1877 на 14½ и, наконецъ, въ 1888 году на 15½ футовъ; всѣ наводненія имѣли мѣсто въ мартѣ. На обиліи воды основанъ былъ, между прочимъ, составленный путейскимъ инженеромъ Шуберскимъ въ 1825 году проектъ обороны крѣпости, при помощи искусственнаго наводненія безъ укрѣпленій.

Военное значеніе Бреста было оцѣнено, какъ сказано, давно; но вопросъ о сооруженіи укрѣпленій поднятъ только послѣ третьяго раздѣла Польши. Генералъ Деволанъ представилъ первый проектъ. Слѣдовали проекты: Сухтелена въ 1807, Малецкаго въ 1823, Жаксона въ 1825 годахъ. Но Высочайше утвержденъ въ 1833 году проектъ генераловъ Оппермана и Малецкаго и полковника Фельдмана. Онъ исправленъ собственноручно императоромъ Николаемъ I, занимавшимся съ такою любовью укрѣпленіемъ нашей западной и другихъ границъ, а постройка производилась подъ наблюденіемъ генерала Дена.

Городской соборъ имѣетъ одинъ алтарь и покрытъ пятью шатровыми куполами, центральный покоится на четырехъ столбахъ; сѣрыя стѣны храма почти совсѣмъ лишены иконописныхъ изображеній; направо отъ входа покоятся мощи св. Аѳанасія,—вещественное доказательство кровавыхъ дней уніи.

Преподобный Аѳанасій Филипповичъ состоялъ игумномъ брестскаго Симеоновскаго монастыря. Безмолвно покоятся теперь останки его въ металлической ракѣ, а когда-то громко умолялъ онъ польскихъ королей спасти православныхъ «отъ битья, мордованья, уруганія, на монастырь нападенія, зобороненья идти черезъ рынокъ со св. дарами и незносныя утрапенья»; онъ доказывалъ королямъ также, что «на каждомъ мѣстцѣ, въ дворахъ и судахъ ругаются съ насъ и гучатъ на насъ: гугу, русинъ, люпусь (волкъ), помулуйко, схизматикъ, туркогречинъ!» Предстательство игумна, конечно, не помогло; много разъ сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ, и ему принадлежитъ пророчество, что римскій папа долженъ соединиться съ православною церковью. Во время послѣдняго его тюремнаго заключенія въ Брестѣ, въ замкѣ, по обвиненію въ томъ, что онъ якобы сочувствуетъ казакамъ и доставляетъ имъ порохъ и какіе-то листы, толпа, подзадориваемая ксендзами, орала: «стяти, чвертовати, на паль вбивати такого схизматика», а онъ въ отвѣтъ на это, изъ окна своей темницы, предрекъ шляхтичамъ несомнѣнную погибель уніи. Унія теперь дѣйствительно погибла, но тогда, въ тѣ дни, отвели св. Аѳанасія въ ближній лѣсокъ, гдѣ его «наньродь пекли огнемъ», приказывая не ругать уніи, а онъ ругалъ, и тогда велѣли гайдуку застрѣлить мученика.

Это случилось въ ночь на 5-е сентября: гайдукъ убилъ его двумя выстрѣлами, но предъ тѣмъ все-таки спросилъ у него благословенія. Тѣло его тутъ же въ лѣсу зарыли, и только случайно видѣвшій это дѣло мальчикъ указалъ мѣсто погребенія и далъ возможность отрыть изуродованное тѣло и погребсти его въ храмѣ св. Симеона Столпника. Сохранилось преданіе о томъ, что будто бы Петръ I, находясь въ Брестѣ, взялъ голову преподобнаго Аѳанасія и отослалъ ее въ Петербургъ. Мощи его мирно почивали до пожара въ 1816 году, послѣ котораго въ растопленной ракѣ подобраны были только небольшія частицы ихъ и сложены снова въ другую раку, предъ которою и совершается нынѣ поклоненіе.

Почти на полпути отъ Брестъ-Литовска къ станціи Городѣя поѣздъ проходилъ мимо станціи Косово, близъ которой подходятъ къ полотну желѣзной дороги самымъ сѣвернымъ краемъ своимъ колоссальныя работы канализаціи и осушки Полѣсья. Работы эти имѣютъ для края такое преобладающее, важное

значеніе, ихъ успѣхъ такъ неожиданно великъ, а примѣненіе опыта этихъ работъ въ другихъ частяхъ Россіи увѣнчивается такими блестящими результатами въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ, что о нихъ слѣдуетъ сказать подробнѣе. Починъ этого поистинѣ государственнаго дѣла принадлежитъ бывшему министру государственныхъ имуществъ графу Валуеву, а развитіе и широкое распространеніе его преемнику, статсъ-секретарю Островскому.

Именно подлѣ станціи Косово, въ двадцати верстахъ отъ нея, находилось болото, исконно принадлежавшее казнѣ, въ 40,000 десятинъ; болота этого нѣтъ больше; оно осушено въ періодъ 1879—1887 годовъ, а до того представляло мокрую, моховую, лишенную всякой растительности мертвую равнину. До 1880 года доходъ казны съ этого громаднаго мертваго пространства не превышалъ 1,000 руб., въ 1887 году онъ достигъ 13,000 р., а при дальнѣйшемъ перерожденіи травъ изъ твердыхъ въ болѣе тонкія можно будетъ ожидать съ этой площади сбора не менѣе трехъ милліоновъ пудовъ сѣна. Эти цифры говорятъ сами за себя и дѣлаютъ далеко не лишними нѣсколько словъ объ осушеніи Полѣсья.

Болотистое пространство, заключающее въ себѣ 8.000,000 десятинъ и извѣстное подъ именемъ Полѣсья или Пинскихъ болотъ, образуетъ треугольникъ, между городами: Брестъ-Литовскомъ, Могилевомъ и Кіевомъ. Величиною своею онъ очень близокъ къ королевству Саксонскому. Полѣсье представляетъ двѣ незамѣтныя для глаза плоскія покатости, слегка наклоненныя къ рѣкѣ Припети, прорѣзывающей треугольникъ посрединѣ, съ запада на востокъ. По этимъ покатостямъ стекаютъ къ Припети ея многочисленные притоки; правые притоки берутъ начало въ высотахъ, составляющихъ послѣдніе уступы Карпатовъ.

Долгое время предполагали, что Пинскія болота произошли вслѣдствіе чрезмѣрной равнинности мѣстности и особыхъ геологическихъ причинъ, и на этомъ основаніи отвергалась всякая возможность ихъ осушенія. Между тѣмъ, ближайшія изслѣдованія доказали, что причины ихъ образованія имѣютъ исключительно внѣшній характеръ и что устраненіе ихъ не представляетъ непреодолимыхъ препятствій. Дѣло въ томъ, что весеннія воды въ разливѣ, слишкомъ долго застаиваясь вдоль Припети и ея притоковъ, откладываютъ наносы, запружающіе устья второстепенныхъ рѣчонокъ и рѣчекъ, вслѣдствіе чего вдоль ихъ образуются замкнутыя со всѣхъ сторонъ безчисленныя котловины, въ которыхъ задерживается значительная часть весеннихъ водъ. Оставшаяся такимъ образомъ въ котловинахъ вода въ продолженіе лѣта большею частью испаряется, оставляя на днѣ ихъ болѣе или менѣе толстый слой грязи, ила и песка. Отъ постояннаго, изъ года въ годъ, повторенія этихъ явленій, въ долинѣ Припети распространился рядъ продолговатыхъ болотъ, а отъ новыхъ отложеній и наносовъ происходило дальнѣйшее засореніе русла, притоковъ и заболачиваніе береговъ. Кромѣ этихъ естественныхъ причинъ, рѣчки Полѣсья подвергались отъ очень далекихъ дней искусственной порчѣ отъ мельничныхъ запрудъ и заколовъ для рыбной ловли, производившихъ то же дѣйствіе, какъ и засореніе осадкой наносовъ.

Вслѣдствіе этихъ причинъ, Полѣсье, по обѣ стороны рѣки Припети, усѣялось сплошнымъ рядомъ болотъ, расположенныхъ амфитеатромъ, одно выше другого, по мѣрѣ удаленія отъ Припети, такъ что разность уровней средней Припети и болотъ, расположенныхъ по окраинамъ Полѣсья, въ разстояніи 150 верстъ отъ русла этой рѣки, достигаетъ 24 саженъ. Бо́льшая часть болотъ связана между собою посредствомъ узкихъ топей, какими-то болотными, вязкими проливами и представляетъ, въ совокупности, неприглядную громадную

Пинскъ.

сѣть не только безполезныхъ, но и положительно вредныхъ хлябей подъ торфянымъ покроемъ. Болота эти или вовсе лишены растительности, или покрыты негодною для корма травой, тощею березой, тонкою, кривою и подгнившею сосной. По жидкой массѣ ихъ, не просачивающейся сквозь твердое дно, еще и до сегодня существуетъ невѣроятный классическій способъ передвиженія въ лодочкахъ, которыя тянутся запряженными въ нихъ тощими лошадками или еще болѣе тощими представителями рогатаго скота; ихъ погоняетъ одержимый

безобразнымъ колтуномъ мѣстный житель. Камышъ, ситникъ, остроребрая осока, водяной трилистникъ, скашиваемый косцами, стоящими по поясъ въ ржавой водѣ, или порѣдко въ кормъ чахлому скоту, погибавшему иногда, напримѣръ въ 1877 году, тысячами головъ отъ болотной мошкары, заползавшей въ ноздри. Заселенныя мѣста и нашли и теперь еще раскинуты на небольшихъ сухихъ островахъ, сообщеніе между которыми, даже въ лодочкахъ, весьма затруднительно, а иногда возможно только зимой, во время замерзанія.

Заболоченіе Полѣсья не только отнимаетъ у культуры огромныя пространства земель, по климатическимъ условіямъ очень способныхъ къ высокой производительности, но также весьма гибельно вліяетъ на физическія силы населенія, получившаго печальную извѣстность своимъ слабосиліемъ и колтуномъ. Не несправедливо, вѣроятно, предположеніе г. Кояловича, что одинъ изъ древнихъ полоцкихъ князей, такъ много виновныхъ предъ Россіей въ отторженіи всей западной окраины нашей, до Риги включительно, князь Всеславъ Брячиславовичъ, прославленный чародѣемъ, рыскавшій волкомъ и переносившійся съ мѣста на мѣсто мгновенно и невидимо, что легендарная язва на его челѣ, прикрывавшаяся повязкой, была не чѣмъ инымъ, какъ бѣлорусскимъ колтуномъ; Всеславъ чародѣйствовалъ въ XII вѣкѣ.

Нынѣшнее матеріальное благосостояніе мѣстныхъ крестьянъ стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ. Разъединенное болотами, населеніе не превышаетъ 6 человѣкъ на квадратную версту, или около 300 человѣкъ на квадратную милю. Обширныя площади лѣсныхъ дачъ, большею частью казенныхъ, до начала осушенія не были доступны для правильной эксплуатаціи, а деревья въ нихъ, отъ избытка влаги, не достигали надлежащаго развитія; отъ этого значительныя естественныя богатства казны и частныхъ лицъ или вовсе не приносили пользы, или польза эта, сравнительно, была весьма незначительна.

Необходимость избавить населеніе Полѣсья отъ вреднаго вліянія окружающихъ болотъ и создать для него лучшія условія быта была первоначально причиной, вызвавшей мысль объ осушеніи болотъ. Къ этому побужденію присоединились еще и серьезные экономическіе виды отъ пріобщенія къ лѣсной и сельскохозяйственной культурѣ обширныхъ, дотолѣ непроизводительныхъ, пространствъ.

Мысль объ осушеніи Полѣсья вначалѣ весьма многимъ представлялась слишкомъ смѣлою, а при ошибочномъ взглядѣ на причины образованія и свойство болотъ Полѣсья даже неисполнимою. Несмотря на это, въ 1872 г. полковнику Жилинскому поручено произвести въ Полѣсьѣ необходимыя изысканія. Изысканія эти представляли большія затрудненія, и инженеры, производившіе нивеллированіе и промѣры, неоднократно подвергались серьезной опасности; но все-таки результаты ихъ трудовъ дали возможность правильно опредѣлить характеръ болотъ, причины ихъ образованія и средства къ осушенію. На основаніи собранныхъ данныхъ, былъ составленъ генеральный планъ осушенія Полѣсья посредствомъ громадной сѣти каналовъ, открывающихъ водамъ выходъ изъ замкнутыхъ котловинъ и устанавливающихъ болѣе равномѣрное распредѣленіе водъ на всемъ пространствѣ принепскаго бассейна. Изы-

сканія, устранивъ сомнѣнія въ возможности осушенія, не устранили высказывавшагося опасенія, будто осушеніе болотъ можетъ вызвать обмелѣніе рѣкъ, въ особенности сосѣдняго Днѣпра. Но и это опасеніе было разсѣяно мнѣніями академиковъ Миддендорфа и Веселовскаго, впослѣдствіи подтвердившимися: каналы, предотвращая затопленіе въ лѣтнее время болотъ, отводятъ излишекъ водъ въ долину Припети и Днѣпра и тѣмъ содѣйствуютъ питанію этихъ рѣкъ.

Съ 1874 года приступлено къ работамъ. Съ 1874 по 1888 годъ онѣ заключались въ устройствѣ канализаціонной сѣти общимъ громаднымъ протяженіемъ въ 2,450 верстъ; магистральные каналы этой сѣти имѣютъ ширину отъ 5 до 20 аршинъ и глубину отъ $1^1/_2$ до $4^1/_2$ аршинъ, а боковые каналы—шириной отъ 3 до 5 аршинъ и глубиной отъ 1 до $1^1/_2$ аршина. Посредствомъ этой канализаціи, общее и частное осушеніе распространилось въ началѣ 1888 года на 1.800,000 десятинъ, причемъ на этомъ пространствѣ произошли слѣдующія измѣненія, перечисленіе которыхъ наглядно свидѣтельствуетъ объ ихъ важности: а) около 260,000 десятинъ болотъ, вовсе недоступныхъ, превращены въ луга; б) около 380,000 десятинъ мокрыхъ зарослей и лѣсовъ, подгнивавшихъ отъ постояннаго затопленія и лишенныхъ путей сообщенія, получили правильный ростъ и стали ближе къ сплавнымъ каналамъ; в) около 270,000 десятинъ хорошихъ и цѣнныхъ, преимущественно казенныхъ, лѣсовъ, не имѣвшихъ сбыта по отдаленности отъ путей сплава, находятся теперь не далѣе 7 верстъ отъ сплавныхъ каналовъ; г) около 70,000 десятинъ пахотныхъ, огородныхъ и усадебныхъ земель, страдавшихъ отъ подмочки или не обрабатывавшихся вовсе, вслѣдствіе того, что они находились на недоступныхъ островахъ среди болотъ, теперь уже воздѣлываются и представляютъ собой лучшіе земельные участки; д) около 900,000 десятинъ поставлены въ гораздо болѣе выгодныя, чѣмъ прежде, условія эксплуатаціи, и е) пользуясь удобопроходимостью осушенныхъ болотъ, проложено къ началу 1888 года 132 версты новыхъ дорогъ, открывающихъ доступъ къ прежде уединеннымъ населеннымъ пунктамъ и значительно сокращающихъ прежнія сообщенія.

Чтобы судить о томъ, насколько прибыльно осушеніе болотъ, помимо устраненія вреднаго вліянія ихъ на населеніе и улучшеніе его благосостоянія, достаточно сказать о возвышеніи доходности казенныхъ участковъ. Первый осушенный казенный участокъ, дача Василевичская, Минской губерніи, до осушенія приносившая въ годъ только 155 руб. дохода, чрезъ 5 лѣтъ послѣ осушенія давала уже 6.719 руб. въ годъ. Общій доходъ за сѣнокошеніе въ осушенныхъ казенныхъ дачахъ Бобруйскаго, Рѣчицкаго и Мозырскаго уѣздовъ, Минской губерніи, и Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи, до канализаціи не превышалъ 1.410 р.; къ исходу же 1887 года онъ достигъ почтенной цифры 37.786 р., и доходъ этотъ, по мѣрѣ постояннаго улучшенія травъ, будетъ постоянно возвышаться. Кромѣ того, казна получила возможность правильнаго сбыта своего лѣса, а за сплавъ по каналамъ лѣса частныхъ владѣльцевъ получаетъ тоже довольно значительный доходъ.

На всѣ работы по осушенію въ Полѣсьѣ и въ губерніяхъ: Московской, Рязанской, Петербургской и Псковской израсходовано казной по настоящее

Неосушенное болото.

Экспедиція генерала Жилинскаго. Осушеніе болотъ въ Минской губ.

Экспедиція генерала Жилинскаго. Осушеніе болотъ въ Минской губ.

Молебенъ въ лѣсу при началѣ прорытія канала.

время, какъ это значится въ недавно отпечатанномъ офиціальномъ юбилейномъ изданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, - изданіи, изъ котораго почерпнуто большинство приведенныхъ свѣдѣній—всего только 2.826.000 руб.

Помимо возвышенія доходности и благосостоянія, вѣроятно, въ очень скоромъ времени работы по осушенію Полѣсья отразятся и на хозяйствѣ войскъ. Вопросъ о сѣнѣ въ Западномъ краѣ, гдѣ расположено очень много войскъ и воздвигнуто большинство нашихъ крѣпостей западной окраины, вопросъ существенный. Опыты послѣднихъ войнъ послужили основаніемъ для особенной заботливости нашего военнаго министерства къ изысканію способовъ обезпеченія фуражемъ лошадей и порціоннаго скота, какъ на случай мобилизаціи, такъ и на случай осады въ крѣпостяхъ; это тѣмъ болѣе необходимо, что всякіе другіе запасы, хотя бы и по очень дорогой цѣнѣ, можно получать во всякое время года, тогда какъ скудные запасы сѣна, обыкновенно къ веснѣ, совершенно исчерпывались на мѣстныя нужды. При сосредоточеніи въ извѣстныхъ пунктахъ, во время мобилизаціи, преимущественно весной, большого количества лошадей, войска находились въ совершенно безпомощномъ состояніи, такъ какъ именно сѣно трудно было получить въ это время года, и пріобрѣтать его во всякомъ случаѣ приходилось по весьма дорогой цѣнѣ.

Мысль примѣненія прессовъ, значительно уменьшающихъ объемъ громоздкихъ продуктовъ (какъ, напримѣръ, хлопка и т. п.), съ цѣлью достиженія удобствъ храненія, а главное удешевленія перевозки ихъ на значительныя разстоянія, мысль примѣненія такихъ прессовъ къ сѣну, давшая за границею блестящіе результаты по обезпеченію довольствіемъ скота и лошадей въ годы неурожайные, на время безкормицы и неминуемыхъ падежей скота, а также по вліянію на урегулированіе цѣнъ этого продукта, побудила наше военное министерство испытать эти средства и у насъ.

При громадности нашей территоріи, когда въ одной мѣстности сказывается избытокъ продукта, а въ другой—полное его отсутствіе и дороговизна, такой опытъ не могъ не дать хорошихъ результатовъ. Еще въ 1883 году въ Полѣсье, въ мѣста дѣятельности экспедиціи по осушкѣ болотъ, гдѣ образовались новыя громадныя луговыя пространства, преимущественно принадлежащія казнѣ, и гдѣ предполагалось тогда провести желѣзныя дороги, были командированы особыя лица съ цѣлью осмотра луговъ въ качественномъ отношеніи и для опредѣленія—не окажется ли выгоднымъ устроить тамъ казенныя сѣнокосныя заведенія. Лица эти нашли, однако, что трава недавно осушенныхъ мѣстностей Полѣсья не вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, что даже на мѣстахъ, осушенныхъ 10 — 12 лѣтъ тому назадъ, произрастающія травы по своимъ качествамъ, будучи пригодны для скота, вовсе неудовлетворительны для кавалерійскихъ лошадей. Военному министерству пришлось на первое время, пока природа сдѣлаетъ свое и переродитъ окончательно травы Полѣсья, обратиться къ травамъ громадныхъ заливныхъ луговъ частныхъ владѣльцевъ, главнымъ образомъ по берегамъ Днѣпра, и пользоваться ими для образованія запасовъ. Вопросъ о перевозкѣ сѣна, а слѣдовательно и о прессовальныхъ заведеніяхъ сталъ вопросомъ, требовавшимъ быстраго разрѣшенія, и

Главный каналъ, входящій въ рѣку Днѣпръ (протяженіе болѣе 170 в.)

Экспедиція генерала Жилинскаго. Осушеніе болотъ въ Минской губ.

доброе начало уже положено. Въ настоящее время уже имѣются съ 1886 года два сѣнопрессовальныя заведенія по Днѣпру: одно казенное по либаво-роменской дорогѣ, на станціи Остерманскъ-Жлобинъ, и другое частное, но на особыхъ основаніяхъ, по брянско-брестской желѣзной дорогѣ, вблизи станціи Рѣчица. Появленіе на мѣстныхъ рынкахъ прессованнаго сѣна сразу понизило стоимость мѣстнаго непрессованнаго продукта на 10 коп. съ пуда, что̀ при громадныхъ требованіяхъ нашихъ войскъ составляетъ выгоду весьма ощутимыхъ размѣровъ. Выгода эта будетъ постоянно возрастать по мѣрѣ улучшенія луговъ Полѣсья, такъ какъ стоимость перевозки сѣна въ военные округа: варшавскій и виленскій, съ уменьшеніемъ разстоянія, сократится.

Нельзя было не вспомнить объ осушеніи Полѣсья, а также о прессовальномъ дѣлѣ, проѣзжая мимо станціи Косово, съ ея осушеннымъ болотомъ, вдоль той мѣстности, экономическое возрожденіе которой представляетъ одно изъ лучшихъ и цѣннѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятій послѣдняго десятилѣтія.

Несвижъ.

Историческое поле. Похвальная черта поляковъ. Родъ Радзивилловъ. Легенда и исторія. Двѣ отрасли рода—русская и прусская. Описаніе зáмка. Портреты. Архивъ. Костелъ. Назидательная исторія протестантства въ Польшѣ и его значеніе. Сеймы и соборы. Личность короля Сигизмунда-Августа. Призваніе іезуитовъ и смерть протестантства.

Близъ города Несвижа находится историческое поле, любопытное, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что на немъ имѣется столбъ въ память перваго раздѣла Польши, въ 1772 году, — раздѣла, при которомъ мы получили Бѣлоруссію, и, во-вторыхъ, что именно это поле, въ 1812 году, вѣроятно, огласилось бы бряцаніемъ оружія нашихъ солдатъ обѣихъ армій, соединеніе которыхъ должно было произойти здѣсь, но не совершилось. Вторая армія, багратіоновская, отступая въ разсчетѣ на это соединеніе, дѣйствительно прибыла сюда 26 іюня; но Барклай-де-Толли съ первою арміей, отступившею отъ Дриссы, былъ принужденъ маршаломъ Даву, имѣвшимъ силы болѣе значительныя, отступить дальше, въ глубь Россіи, къ Смоленску, гдѣ обѣ наши арміи и сошлись 20—22 іюля. Такимъ образомъ, исторической извѣстности Несвижа нанесенъ былъ маршаломъ Даву значительный ударъ, и если бы не множество другихъ, чрезвычайно назидательныхъ историческихъ фактовъ, касающихся, впрочемъ, польской исторіи, а не русской, то маленькій еврейскій городъ почти совершенно потонулъ бы во мракѣ неизвѣстности.

Въ ряду достопримѣчательностей города Несвижа первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, зáмку князей Радзивилловъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что не иначе, какъ съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, можно отнестись къ той отличительной чертѣ древнѣйшихъ и родовитѣйшихъ семействъ Польши и западнаго края, — чертѣ, общей съ такими же чертами въ семьяхъ нѣмцевъ прибалтійскихъ губерній, которая сказывалась и сказывается повсюду, это—благоговѣніе къ памяти предковъ и сохраненіе воспоминаній о нихъ, какъ священныхъ реликвій. Само собою разумѣется, что чѣмъ древнѣе и славнѣе родъ, тѣмъ больше этихъ воспоминаній, и въ этомъ отношеніи зáмокъ

Радзивилловъ представляетъ весьма поучительный и завидный примѣръ. Прежде всего нѣсколько словъ о родѣ князей Радзивилловъ.

Нѣтъ, кажется, ни одной литовской лѣтописи, въ которой бы имени Радзивилловъ не поминалось; неоднократно вступали Радзивиллы въ родство съ владѣтельными домами. Въ началѣ ихъ рода имѣется, какъ и слѣдуетъ, легенда. Гедиминъ, устроитель литовскаго государства, хорошо понимавшій значеніе для него въ наступавшей борьбѣ съ Польшей и нѣмецкими рыцарями русскихъ силъ, потому что бо́льшая часть земель его были русскія, — тотъ Гедиминъ, бо́льшая часть сыновей котораго были православными, также какъ и объ жены, Ольга и Ева, а владѣнія котораго шли до самаго Кіева включительно и языкомъ которыхъ былъ языкъ русскій—далъ предку Радзивилловъ—Лиздейко, великому жрецу литовскаго народа, во владѣніе столько земли, насколько слышенъ звукъ охотничьяго рога. Земля эта служила наградой за совѣтъ, данный Лиздейкою при переправѣ литовскаго войска черезъ какую-то рѣку: завернуть хвосты лошадей трубами или рогомъ, и держась за нихъ, очутиться у цѣли; въ тѣ далекіе дни охотничьи рога были больше и звучнѣе нынѣшнихъ, тѣмъ не менѣе первое поземельное владѣніе Радзивилловъ едва ли могло быть особенно велико. Но съ теченіемъ времени оно все росло, а къ концу прошлаго столѣтія достигло размѣровъ неимовѣрныхъ. Въ настоящее время оно представляетъ одну изъ крупнѣйшихъ частныхъ поземельныхъ собственностей міра: князь Антонъ Радзивиллъ имѣетъ въ одной Минской губерніи 277.000 десятинъ, а наслѣдники князя Витгенштейна, бывшаго мужемъ Стефаніи Радзивиллъ, —743.000.

Разумѣется, что вслѣдъ за легендой, но уже въ полномъ свѣтѣ лѣтописей и исторіи, являются одинъ за другимъ Радзивиллы, хорошо извѣстные въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ по прозваніямъ имъ даннымъ: Христофоръ-Громъ, Юрій-Геркулесъ, Янушъ-Вице-Король, Станиславъ—блюститель закона, Николай-Рудый, Николай-Черный, Николай-Сиротка, Альбертъ-хлѣбодатель, Карлъ-пане Коханку и др.

Не вдаваясь въ подробный перечень именъ, замѣтимъ, что князья Радзивиллы дважды роднялись съ владѣтельными особами: въ XVI вѣкѣ княжна Радзивиллъ, Варвара, стала супругой короля Польскаго Сигизмунда-Августа, а въ концѣ XVIII вѣка родная племянница Фридриха Великаго, принцесса прусская Луиза, была замужемъ за княземъ Антономъ Радзивилломъ.

Предстояло и еще одно родство: королю Польскому Сигизмунду-Августу († 1572), желавшему развестись съ первою женой, прочили въ невѣсты дочь Николая Радзивилла, лица очень ему близкаго, протестанта, какъ и его дочь; но бракъ этотъ не состоялся потому, что смерть короля послѣдовала ранѣе развода. Что касается родства съ прусскимъ королевскимъ Домомъ вслѣдствіе брака принцессы Луизы, то бракъ этотъ хорошо объясняетъ, почему имѣнія князей Радзивилловъ перешли въ нынѣшнимъ владѣльцамъ, состоящимъ въ прусскомъ подданствѣ.

На громадныя имѣнія князей Радзивилловъ въ Россіи, вслѣдствіе того, что князь Доминикъ командовалъ кавалерійской бригадой въ арміи Наполеона I,

наложенъ былъ секвестръ; Доминикъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ при Ганау, и тогда племянникъ его (сынъ ближайшаго наслѣдника князя Михаила), князь Антонъ, отправился въ главную квартиру союзныхъ государей въ Шомонъ съ ходатайствомъ о снятіи секвестра. Милость императора Александра I къ полякамъ сказалась и тутъ—въ именномъ указѣ, данномъ въ 1814 году въ Шомонѣ: княжескія имѣнія были возвращены наслѣдникамъ по принадлежности. Въ числѣ позднѣйшихъ представителей ихъ рода одинъ князь Левъ, умершій въ 1882 году, былъ генералъ-адъютантомъ Императора Всероссійскаго, а князь Антонъ, нынѣшній владѣлецъ имѣній, состоялъ въ описываемое время генералъ-адъютантомъ императора Германскаго.

Громадность многоэтажныхъ шести стѣнъ радзивилловскаго замка, окружающихъ мощеный круглымъ булыжникомъ дворъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ разсчитанъ когда-то на жизнь въ болѣе широкихъ размѣрахъ, на богатѣйшую обстановку. Нынѣ же этой жизни нѣтъ: она сосредоточивается только въ нѣкоторыхъ частяхъ замка. Именно главныя части его, тѣ что должны были составлять центръ, нынѣ находятся почти въ запустѣніи. Главный подъѣздъ не служитъ главнымъ подъѣздомъ; на широкую лѣстницу послѣдняго съ высокихъ стѣнъ глядятъ значительно поветшавшія большія картины; на одной изображено принятіе княземъ Николаемъ Чернымъ, въ 1547 году, княжескаго титула отъ императора Карла V, на другой — гетманъ князь Михаилъ на конѣ, на парадѣ предъ королемъ Августомъ, въ 1744 году, причемъ королю отведено очень маленькое мѣсто въ очень маленькой палаткѣ. Подновленный плафонъ лѣстницы значительно новѣе остального, и на немъ есть классическія изображенія козерога, рака, нагихъ амурчиковъ и т. д. Недалеко отъ главнаго входа, въ главномъ этажѣ, помѣщаются конторы по управленію многочисленными имѣніями и арендными статьями Радзивилловъ; это цѣлый департаментъ, и надо отдать полную справедливость удивительному порядку въ распредѣленіи дѣлъ и документовъ для наведенія справокъ по всѣмъ статьямъ огромнаго хозяйства.

Множество комнатъ замка пусты, но зато жилое отдѣленіе изобилуетъ богатой обстановкой—свидѣтельницей старыхъ дней. Особенно много имѣется семейныхъ портретовъ, въ ростъ и грудныхъ, со старыми датами ихъ написанія, съ живописью давно минувшихъ дней.

Въ столовой глядятъ со стѣнъ изображенія во весь ростъ: гетмана Михаила Казимира, того самаго, который изображенъ на парадной лѣстницѣ; Януша, вице-короля, стоящаго между двухъ женъ своихъ; тутъ же въ черномъ одѣяніи видны: основатель имѣнія,—Станиславъ и Христофоръ въ одѣяніи пунцовомъ, Георгій-Геркулесъ въ кольчугѣ и королева Варвара Радзивиллъ, въ тотъ моментъ, когда архіепископъ надѣваетъ ей на голову корону: портретъ князя Карла, «пане Коханку», виленскаго воеводы, за которымъ сохранилось прозвище отъ любимой его пословицы, находится въ комнатѣ, назначенной для куренія. Ближайшіе представители рода: дѣдъ нынѣшняго владѣльца, Антонъ, намѣстникъ познанскій († 1831), имѣющій на головѣ конфедератку, его жена, принцесса прусская Луиза, чрезвычайно миловидная, и, наконецъ, отецъ, вла-

дѣльца, Вильгельмъ, въ прусскомъ генеральскомъ мундирѣ, — изображены въ грудныхъ портретахъ въ кабинетѣ.

Эти и другія многочисленныя изображенія служатъ превосходными иллюстраціями къ архиву князей Радзивилловъ, помѣщающемуся въ особомъ отдѣленіи замка. Архивъ этотъ и теперь достаточно великъ; но, говорятъ, это только десятая часть того, что̀ имѣлось налицо прежде и что̀ расхищено разными способами; драгоцѣннѣйшія семейныя бумаги, однако, сохранились: шесть шкаповъ хранятъ письма разныхъ лицъ, разобранныя по алфавиту, но не по содержанію; въ двухъ шкапахъ собраны грамоты и планы. Помимо длиннаго ряда именъ разныхъ польскихъ королей, архивъ сохраняетъ пять писемъ Петра Великаго, 1707 года, т. е. современныхъ первому посѣщенію имъ Варшавы, когда царь, «благодаря жестокой фибрѣ», былъ «футовъ на пять отъ смерти», какъ значится въ его письмахъ къ Кикину; тутъ же имѣются письма императора Карла V, даровавшаго Радзивилламъ княжескій титулъ, короля Англійскаго Іакова, Французскихъ Лудовика XV и XVI, Христины Шведской, Карла XII; имѣется нѣсколько писемъ Богдана Хмѣльницкаго; множество грамотъ съ тяжеловѣсными доказательствами значенія тѣхъ лицъ, портреты которыхъ украшаютъ внутренніе, жилые покои замка; по шкапамъ и стѣнамъ архива виднѣются остатки скульптурныхъ украшеній, церковной утвари и т. п.

Любопытно, что въ числѣ документовъ есть грамота короля Сигизмунда, 1551 года, о дарованіи Радзивилламъ Клецка и Давидъ-Городка, писанная по-латыни, а подтверждена эта грамота тѣмъ же королемъ въ 1558 году, но только писана она на языкѣ церковно-славянскомъ.

Несомнѣннымъ доказательствомъ долговременнаго бытія рода Радзивилловъ и того, достойнаго всякой похвалы, уваженія, съ которымъ чтятъ своихъ предковъ потомки, является родовой склепъ, помѣщающійся въ нижней части несвижскаго костела.

Костелъ, сіявшій въ ночи, ко времени прибытія, огнями, былъ залитъ золотистымъ свѣтомъ горячаго іюньскаго дня. Онъ построенъ въ 1588 году, имѣетъ три нефа, восемь алтарей, по стѣнамъ его множество фресокъ; и онъ накрытъ куполомъ. Размѣрами своими костелъ величественъ, изобилуетъ мраморами и гербами. Несвижскій костелъ внушительный, вѣками простоявшій костелъ; православный храмъ, стоящій подлѣ него, тоже бывшій костелъ, по сравненію и пусть, и бѣденъ, и впечатлѣніе, производимое обоими на мѣстное населеніе, должно быть чрезвычайно различно. Если бы предположить, что католическое духовенство въ Несвижѣ, подстрекаемое отъ Рима, вздумало, для привлеченія къ себѣ населенія, пустить въ ходъ всю возможную при богатствѣ костела помпу богослуженія, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно достигло бы цѣли своей вполнѣ. Въ этой помпѣ участвовали бы: богатыя облаченія ксендзовъ и органъ, и мраморы гробницъ, и бюсты почившихъ, и колонны на алтаряхъ, и окруженные всякими регаліями гербы и различныя знамена. Многія даты на гробницахъ свидѣтельствовали бы о томъ, что подобная католическая помпа имѣла здѣсь мѣсто не одинъ и не два вѣка тому назадъ, а гораздо больше, что такъ это и должно тутъ быть, по сравненію съ право-

славіемъ, потому что имѣются несомнѣнные свидѣтели закрѣпленія этихъ мѣстъ Риму не только въ храмѣ, но и въ мірскомъ быту, а наглядное доказательство этого — въ пушкахъ князя Николая Сиротки съ іерусалимскимъ на нихъ крестомъ.

Склепъ рода Радзивилловъ чрезвычайно свѣтелъ, и въ немъ помѣщено шестьдесятъ два гроба, подъ гербами, съ надписями, всѣ гробы черные; согласно обычаю, иногда рядомъ съ господами находила упокоеніе въ семейной усыпальницѣ ближайшая ихъ прислуга, и, такимъ образомъ, подлѣ князя Сиротки лежитъ его громадный гайдукъ. Подлѣ самаго окна стоитъ, въ полномъ свѣту, гробъ пана Коханку, умершаго въ 1790 году; почивающій въ этомъ гробѣ Радзивиллъ, въ огромныхъ ботфортахъ, съ орденомъ Бѣлаго Орла, нисколько не отличается степенью сохраненія отъ герцога Бирона въ Митавѣ и дюка де-Кроа въ Ревелѣ: та же бурая пергаментность кожи, то же сохраненіе чертъ лица и цвѣта волосъ. Послѣднимъ, по времени помѣщенія въ склепѣ, является генералъ-адъютантъ нашей службы князь Левъ Радзивиллъ, умершій въ 1882 году. При входѣ въ склепъ виситъ на стѣнѣ копія разрѣшительной буллы папы Григорія XV, данная въ 1750 году; внутренность склепа видна сквозь рѣшетку.

Тѣ же признаки старины, что̀ и костелъ, являетъ на себѣ домашняя капелла въ замкѣ. Въ ней имѣется небольшой образъ Богоматери, сопровождавшій Іоанна Собѣсскаго подъ Вѣну и найденный въ обозѣ; на немъ надпись: «Этимъ изображеніемъ побѣдишь!» Основана капелла въ XVII вѣкѣ, въ ней когда-то слушали богослуженіе находившіеся въ замкѣ заключенные, въ особомъ прикрытомъ помѣщеніи; въ преддверіи капеллы висятъ портреты двухъ монахинь изъ рода Радзивилловъ и четырехъ, особенно благоволившихъ Радзивиллямъ, папъ. Помѣщеніе для слушанія заключенными богослуженія въ капеллѣ не единственное, что̀ сохранилось стараго въ самомъ зданіи замка: казематы, зарастающіе зеленью рвы тоже говорятъ о быломъ, но все это окружено красивою растительностью сада и яркими клумбами цвѣтовъ. Въ исторіи замка памятуется то, что его осаждалъ Карлъ XII, взялъ и жилъ въ немъ нѣсколько времени; здѣсь однажды останавливался, какъ утверждаютъ, Петръ I, а Александръ I посѣтилъ замокъ два раза и ѣздилъ отсюда въ имѣніе Заушъ къ генералу Моравскому. Слѣдуетъ вспомнить о другомъ любопытномъ остаткѣ прежнихъ дней, о близкихъ отсюда, расположенныхъ въ двѣнадцати верстахъ, татарскихъ поселеніяхъ; поляки, говорятъ, селили здѣсь татаръ, желая имѣть въ нихъ нѣчто въ родѣ поселенческаго войска противъ Россіи. Селеній этихъ два: Орда и Асмолово и говоръ въ нихъ русско-польскій; они существуютъ будто бы съ XVI вѣка, когда Михаилъ Глинскій разбилъ подъ Клецкомъ 60,000 татарскаго войска.

Что въ городѣ Несвижѣ, двѣ трети населенія котораго—евреи, есть удивительные мастера на различныя ремесла, доказательство, между прочимъ, въ самомъ замкѣ, въ которомъ указываютъ, предлагая отличить поддѣланные и настоящіе шкапчики и бронзы. Но безконечно выше стояло здѣсь когда-то типографское дѣло, при князѣ Николаѣ Сироткѣ,—доказательство этого въ

картѣ Литвы (отъ Кіева почти до Бѣлаго моря!), хранящейся въ архивѣ, и въ переводѣ на польскій языкъ Библіи, напечатанномъ тѣмъ же Сироткою въ 1616 году, переводѣ стоившемъ 10.000 червонцевъ и извѣстномъ подъ именемъ «Брестской Библіи». Николай Сиротка и напечатаніе имъ перевода Библіи неминуемо приводятъ къ воспоминаніямъ, весьма вѣскимъ и чрезвычайно назидательнымъ, о времени возникновенія протестантства въ Польшѣ, о томъ громадномъ значеніи, котораго оно достигло, и какъ быстро и умѣло было оно вытравлено съ корнемъ іезуитами, призванными для этого.

Радзивиллъ Черный, одинъ изъ самыхъ видныхъ протестантовъ въ Литвѣ, былъ очень близкимъ человѣкомъ къ королю Сигизмунду-Августу, при которомъ протестантство въ Польшѣ переживало свои лучшіе годы; дочь этого Радзивилла, тоже протестантку, прочили даже королю въ невѣсты. Протестанты въ Польшѣ, было такое время, стояли чуть ли не во главѣ правленія, и это настолько характерно, какъ назиданіе, что требовало бы нѣкотораго отступленія.

Крѣпкій, на первый взглядъ, католицизмъ въ Польшѣ подлежитъ, благодаря этому факту, сомнѣнію въ его несокрушимости. Въ краткомъ изложеніи судьбы этого протестантства лучше всего ссылаться на авторитетныя мнѣнія профессора Карѣева, самаго новаго и самаго прилежнаго изслѣдователя исторіи Польши изъ числа русскихъ ученыхъ; притомъ вопросъ о быломъ развитіи протестантства въ Польшѣ чрезвычайно важенъ.

Польскій историкъ графъ Красинскій прямо говоритъ, что все спасеніе Польши заключалось въ XVII вѣкѣ въ переходѣ ея въ протестантизмъ. Всего только четверть вѣка, то-есть время царствованія короля Сигизмунда II Августа (1548—1572), процвѣтала польская реформація, и, тѣмъ не менѣе, если въ Польшѣ былъ моментъ когда-либо, до 1791 года, способный вывести ее на дорогу болѣе правильнаго политическаго развитія и сохранить отъ неминуемой гибели, такъ это было время сеймовъ реформаціонной эпохи.

Уже въ срединѣ XV вѣкѣ, подъ вліяніемъ итальянскаго гуманизма (бракъ Сигизмунда Старшаго съ миланскою принцессой Боной и наплывъ въ Польшу итальянцевъ), Янъ Остророгъ, первый видный политическій писатель Польши, требовалъ подчиненія ксендзовъ и монаховъ государственной власти, требовалъ секвестра церковныхъ имуществъ въ пользу государства, уничтоженія всѣхъ римскихъ поборовъ и полной независимости страны отъ папы. При королевѣ Боны, торговавшей назначеніями, епископіи доставались за деньги, и польскій клиръ, какъ и клиръ Западной Европы вообще, не отличался добродѣтелями; лицъ, насажденныхъ королевой Боной, одинъ изъ современниковъ прямо характеризуетъ: пустельгой, пьяницей, прелюбодѣемъ, барышникомъ, убійцей и т. д. Очень можетъ быть, что на могущество католичества въ Польшѣ никто бы и не посягнулъ, если бы не постоянно возраставшее озлобленіе шляхты, то и дѣло усиливавшейся, противъ духовенства, то и дѣло становившагося поперекъ самовластныхъ, кипучихъ вольностей шляхты. Противъ католиковъ во всей Европѣ ратовало, какъ извѣстно, протестантство, и, такимъ образомъ, оказывалось, что въ Польшѣ шляхта и возникавшее мало-по-малу

протестантство, имѣя одного и того же врага — католическое духовенство, вступили въ неестественный союзъ.

Уже въ 1558—1559 годахъ, въ программу піотроковскаго сейма вошло разсмотрѣніе привилегій духовенства; въ сеймѣ этомъ однимъ изъ видныхъ протестантовъ — Оссолинскимъ была сказана замѣчательная рѣчь на тотъ предметъ, что присяга епископовъ папѣ опасна, что опасны для шляхетской вольности привилегіи духовенства, что польскіе духовные не признаютъ апелляціи къ королю, а апеллируютъ къ папѣ, такъ что всякій ксендзъ можетъ перенести свое дѣло въ Римъ, а «панъ римскій скорѣе согласится, чтобы Польша въ ничто обратилась, чѣмъ чтобы изъ его власти и вліянія что-нибудь убыло». Понятно, что, вслѣдствіе такихъ рѣчей, сеймъ піотроковскій оказался однимъ изъ самыхъ шумныхъ.

Эта борьба шляхты съ католическимъ духовенствомъ при посредствѣ протестантовъ объясняетъ очень хорошо, почему протестанты, не составлявшіе никогда большинства въ шляхетскомъ обществѣ и дурно организованные, тѣмъ не менѣе на цѣломъ рядѣ сеймовъ съ 1552 по 1565 годы играютъ, несомнѣнно, первенствующую роль, -«Діаріи», дневники сеймовъ, ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Представители протестантства то и дѣло попадали въ маршалки и послы, громко называли католическое духовенство: «волками въ овечьей шкурѣ» и «змѣинымъ отродьемъ»; говорили объ идолопоклонствѣ римской церкви; требовали религіозной свободы и вольнаго христіанскаго собора. Когда въ Люблинѣ, въ 1564 году, нѣкто вырвалъ изъ рукъ ксендза Св. Дары, растопталъ ихъ ногами, сеймъ судилъ его и оправдалъ, предоставивъ «оскорбленіе Бога выдать Богу».

Но въ неестественномъ союзѣ католической шляхты и нарождавшихся протестантовъ на первыхъ порахъ же сказалась смертельная болѣзнь союза: не свободы совѣсти вообще хотѣла шляхта, а желала только забрать реформацію въ свои руки, обезпечить религіозную свободу за собою, въ своихъ владѣніяхъ. Уже чрезъ годъ послѣ знаменитыхъ тезисовъ Лютера, а именно въ 1518 году, монахъ Яковъ Кнаде вышелъ изъ монастыря, женился и выступилъ въ Польшѣ съ антикатолическою проповѣдью. Хотя и принимались различныя мѣры противъ наплыва еретиковъ, противъ лютеранскихъ книжекъ, противъ посылки католиковъ для ученія въ еретическую заграницу, но все это не мѣшало новому ученію проникать глубже и глубже. Къ сороковымъ годамъ имѣлись уже цѣлые кружки вольнодумцевъ, напримѣръ въ Краковѣ, съ участіемъ каноника, будущаго примаса Польши, Уханскаго, и выступили на ратоборство противъ католицизма писатели: Рей, Модржевскій, Оржеховскій. Замѣтимъ кстати, что въ то время существовало между поляками даже примирительное направленіе относительно православія и что многихъ духовныхъ подозрѣвали въ сочувствіи къ русской «схизмѣ». Оржеховскій, внукъ по матери православнаго священника, издалъ, между прочимъ, брошюру: «Крещеніе русскихъ», въ которой доказывалъ, что православіе недалеко отъ Римской церкви и что поэтому русскихъ, переходящихъ въ католичество, крестить не надо; Морджевскій говорилъ о себѣ: «Я русскій,

шляхтичъ польскій», считалъ возможнымъ, для женитьбы, перейти въ православіе и совѣтовалъ пригласить на соборъ и представителей Восточной церкви.

Развитіе протестантскаго движенія не замедлило выйти изъ книгъ и кружковъ на улицу, и въ Краковѣ въ маскарадныхъ процессіяхъ 1549 и 1550 годахъ всенародно осмѣивалась обрядность католической церкви. Не замедлили появленіемъ своимъ многочисленные протестантскіе съѣзды, открыто разсуждавшіе о томъ, какъ двигать реформацію; состоялись одинъ за другимъ, съ 1554 года начиная, настоящіе протестантскіе синоды; начался переходъ въ протестантскія руки костеловъ, причемъ выбрасывались изъ нихъ католическія иконы.

Движеніе росло не по днямъ, а по часамъ, вслѣдствіе неопредѣленности характера, перемѣнчивости взглядовъ и вѣчной нерѣшительности короля Сигизмунда-Августа, вѣчно откладывавшаго «до завтра» свои настоятельнѣйшія рѣшенія. Нельзя сказать, чтобы король не видѣлъ того, въ чемъ нуждалась Польша; онъ предсказывалъ даже ея паденіе, но стать господиномъ своего положенія, ухватить шедшее ему въ руки счастье, освободиться отъ Рима образовать народную, польскую церковь,—онъ не могъ, или, вѣрнѣе, не смѣлъ.

Для этого нужна была или циническая энергія Генриха VIII Англійскаго, или ясное пониманіе значенія минуты для цѣли дѣйствія, какъ въ Густавѣ-Вазѣ Шведскомъ; въ Сигизмундѣ-Августѣ ничего подобнаго не было: онъ угождалъ и католикамъ, и протестантамъ, и обѣщалъ даже послѣднимъ, на сеймѣ 1555 года, создать національный соборъ; онъ разрѣшилъ каждому у себя въ домѣ держать какихъ угодно капелановъ, служить по какому угодно обряду, принимать причастіе подъ двумя видами, а ксендзамъ — жениться. Годъ спустя онъ уже приравниваетъ протестантскую ересь къ государственной измѣнѣ. Завѣряя папу въ самомъ тепломъ правовѣріи, онъ переписывается съ Кальвиномъ и даетъ въ Вильнѣ аудіенцію призванному изъ Европы знаменитому реформатору поляку Яну Ласкому, и даже бесѣдуетъ нѣсколько разъ съ антитринитаріемъ Леліемъ Социномъ.

Здѣсь не мѣсто упоминать болѣе подробно о томъ, какъ раздѣлилось польское протестантство на партіи лютеранъ, гусситовъ, кальвинистовъ, аріанъ, антитринитаріевъ; какъ развѣялся въ прахъ искусственный союзъ протестантовъ со шляхтой, противъ Рима, на томъ основаніи, что идея освобожденія церкви въ государствѣ была для шляхты идеей господства шляхты въ церкви, чего протестантское нововѣріе не хотѣло никоимъ образомъ; какъ искали протестанты союза съ православными на синодѣ въ Торнѣ 1595 и на соборѣ въ Брестѣ 1596 года; какъ силенъ былъ въ Польшѣ даже подрывающій христіанство въ корнѣ, подрывающій Св. Троицу, антитринитаризмъ, потому что на синодѣ 1563 года цѣлыхъ сорокъ два проповѣдника подписали исповѣданіе вѣры, отвергавшее ученіе о тройственности Божества! Здѣсь не мѣсто вспоминать подробно, какъ свилъ себѣ въ мѣстечкѣ Раковѣ гнѣздо социніанизмъ, благодаря личному присутствію здѣсь знаменитаго Социна, отвергавшаго божественность Спасителя, и признававшаго Святой Духъ не лицомъ, а силою, что и изложено въ извѣстномъ «Раковскомъ катехизисѣ»; какъ, наконецъ, въ

самомъ Несвижѣ имѣлся центръ польскихъ антитринитаріевъ, сбивавшихъ съ толку православныхъ людей. Все это быстро развилось, но еще быстрѣе отошло въ ничтожество. Началось съ подавленія самыхъ крайнихъ, съ антитринитаріевъ, кончилось уничтоженіемъ всего протестантизма, а орудіемъ этого были—іезуиты. Одинъ изъ польскихъ епископовъ, Гозій, засѣдавшій на тридентскомъ соборѣ, въ качествѣ папскаго легата, и бывшій центромъ строго-католической преданности папѣ, призвалъ ихъ въ Польшу для борьбы съ ересью; они явились сюда только 25 лѣтъ спустя послѣ основанія ихъ черной фаланги Игнатіемъ Лойолой, и явились людьми, уже очень искушенными и опытными.

Какъ именно вели свое дѣло іезуиты, видно, хотя бы, въ одномъ Несвижѣ. Николай Радзивиллъ Черный, протестантъ, одинъ изъ ближайшихъ людей короля Сигизмунда-Августа, послалъ сына своего, прозваннаго Сироткой, въ молодыхъ годахъ, за границу для утвержденія въ кальвинизмѣ, и послѣдній не замедлилъ, во время ночныхъ оргій, одѣвать своихъ слугъ въ католическія священныя облаченія; но уже въ 1572 году этотъ Сиротка дѣлается отчаяннымъ папистомъ: возвращаетъ костелы католикамъ, отдаетъ школы и типографіи іезуитамъ, сжигаетъ въ Вильнѣ, на рынкѣ, протестантскія книги; десять лѣтъ спустя онъ предпринимаетъ пилигримство въ Палестину, по чистымъ четвергамъ омываетъ нищимъ ноги и т. п. Братья его становятся тоже рьяными папистами. Подобно тому, какъ іезуиты обратили тогдашнихъ Радзивилловъ, обратили они одновременно съ ними и множество другихъ польско-литовскихъ семействъ.

Вступленіе на польскій престолъ Стефана Баторія было побѣдой іезуитовъ, а король Сигизмундъ III былъ уже самъ іезуитъ, ихъ воспитанникъ, а этимъ сказано все. Если, согласно донесенію папскаго нунція, во второй половинѣ XVI вѣка изъ всей Польши одна только Мазовія оставалась истинно католическою, подобно Испаніи, то при Сигизмундѣ III къ началу XVII в. вся Польша, цѣликомъ, продѣлавъ реформацію и пройдя сквозь нее, какъ сквозь сонъ, была не менѣе католическою, чѣмъ Испанія, и справедливо замѣчаетъ профессоръ Карѣевъ, что она, Польша эта, «одно изъ самыхъ громадныхъ завоеваній, занесенныхъ въ лѣтописи общества іезуитовъ».

Вся исторія протестантства въ Польшѣ, о которой пришлось напомнить въ бѣгломъ очеркѣ, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что исключительной прирожденности Польши и Литвы къ папскому католичеству,—прирожденности, о которой такъ много говорятъ поляки и держатъ на знамени, вовсе не существуетъ. Интересы гораздо болѣе земные обусловливаютъ этотъ говоръ, необходимый, какъ вѣчное противодѣйствіе православной Россіи. Можетъ быть, и даже вѣроятно, такъ же призрачно и раздуто въ аксіому и вѣчное смотрѣніе польской интеллигенціи на Краковъ и Львовъ —смотрѣніе, постоянно поддерживающее смуту въ краѣ при несокрушимомъ условіи полной принадлежности Польши и Литвы къ единодержавной православной Россіи.

Никогда никому не приходило, конечно, въ голову посягнуть на католичество въ Польшѣ, но зато не можетъ придти кому-либо въ голову ставить

наши Императорскія регаліи въ зависимость отъ Рима. До тѣхъ поръ, пока папскій Римъ будетъ протягивать свои длинныя руки досюда, пока польская интеллигенція не воскреситъ, пожалуй, съ помощью русской власти, мыслей своихъ лучшихъ и дальновидѣйшихъ предковъ XVI вѣка, изъ которыхъ многіе выше названы, — мыслей о необходимости народной, совершенно независимой отъ Рима католической польской церкви, пока Римъ будетъ усиленно снабжать Польшу антирусскими посланіями, какъ это было еще недавно, не можетъ быть никакого сердечнаго единенія.

Минскъ.

Городской соборъ. Былое Минска. Время императоровъ Павла I и Александра I. Древность православія. Туровъ и Изяславль. Владиміръ и Рогнѣда. Исторія древнѣйшихъ храмовъ. Значеніе для края еврейства. Исторія еврейства въ Польшѣ. Нѣчто о русскомъ землевладѣніи въ западномъ краѣ.

Около семи часовъ пополудни, 25 іюня, поѣздъ подошелъ къ минскому вокзалу; сильная гроза, разразившаяся надъ городомъ за часъ до прихода поѣзда, прибила пыль, освѣжила воздухъ и дала вздохнуть деревьямъ: долгая засуха совсѣмъ обезсилила ихъ.

Городской соборъ въ Минскѣ—въ три свѣта, съ 58 окнами, подъ четырехскатнымъ высокимъ куполомъ съ шестнадцатью окнами и изображеніями пророковъ; въ соборѣ—три алтаря, иконостасъ красный съ золотомъ, въ четыре яруса, на стѣнахъ фресковыя изображенія; икона Минской Богоматери изъ Десятинной церкви св. Владиміра, явившаяся въ Минскѣ въ 1550 году; вѣроятно, что соборъ построенъ около 1616 года; онъ испыталъ въ свое время католическое и уніатское богослуженіе и сталъ православнымъ только въ 1795 г. Въ общемъ онъ благолѣпенъ.

Былое города Минска не лишено очень любопытныхъ страницъ. Еще недавно входила Минская губернія въ составъ генералъ-губернаторства графа Муравьева и играла не послѣднюю роль въ послѣднемъ польскомъ возстаніи.

Если коснуться первоначальной исторіи края, то придется вспомнить даже о кривичахъ: Минскъ, какъ Смоленскъ, какъ Полоцкъ, былъ ихъ городомъ; если вѣрить характерному заявленію лѣтописи, то онъ, стольный городъ Глѣба, вначалѣ былъ весь заселенъ рабами. Первое упоминаніе о немъ имѣется подъ 1066 годомъ; входилъ онъ въ удѣлъ князей Полоцкихъ, неоднократно терпѣлъ отъ татаръ, шведовъ, русскихъ и поляковъ; религіозная унія придушила въ немъ православіе настолько, что въ концѣ концовъ православнымъ въ городѣ остался только одинъ Петропавловскій мужской монастырь.

Въ 1793 году, по первому раздѣлу Польши, Минскъ присоединенъ былъ

къ Россіи, и образована Минская губернія; въ 1812 году Наполеонъ I, которому такъ горячо сочувствовало мѣстное польское дворянство, учредилъ здѣсь минское интендантство и ввелъ французскіе законы, но это длилось не долго: городъ былъ взятъ обратно графомъ Ламбертомъ.

Что мѣстное польское дворянство отнесется къ Наполеону I вполнѣ сочувственно, можно было, конечно, предвидѣть. Когда съ 1796 года по 1806 губернаторствовалъ тутъ Корнѣевъ, мѣстное дворянство, чрезъ предводителя своего Хоминскаго, подало императору Павлу I адресъ съ ходатайствомъ о

Минскъ. Видъ собора и соборной площади.

возстановленіи польскаго управленія, о передачѣ католикамъ костеловъ, по возвращеніи бывшихъ уніатовъ изъ православія. Хотя Хоминскій и былъ посланъ изъ Петербурга въ Минскъ обратно арестованнымъ, но все-таки продолжалъ, подъ арестомъ, оставаться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ предводителемъ дворянства. Можетъ быть, поданный имъ адресъ былъ причиной того, что Павелъ I приказалъ Корнѣеву объѣхать губернію и убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли обращенія уніатовъ въ православіе были насильственны? Вслѣдъ за этимъ объѣздомъ, въ 1797 г., послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы какъ со стороны православныхъ, такъ и со стороны католиковъ никакихъ насилій въ дѣлѣ вѣры не происходило. Годъ спустя самъ императоръ Павелъ I посѣтилъ Минскъ,

наградилъ Корнѣева и повелѣлъ открыть римско-католическую минскую епархію.

Во время занятія Минска французами генералъ-интендантомъ польскихъ войскъ князя Понятовскаго былъ здѣсь Брониковскій, вѣдавшій Минскъ съ 9 августа по 7 сентября 1812 года; онъ устроилъ тутъ обширные склады, которые всѣ достались нашимъ войскамъ при занятіи города графомъ Ламбертомъ. По дѣламъ мѣстнаго архива, за это смутное время должно значиться, что императоръ Александръ I, по безконечной милости своей, повелѣлъ, принять на прежнія должности чиновниковъ, вступившихъ на службу Наполеона I, совершенно такъ, какъ и въ прибалтійскомъ краѣ, и имѣній, имъ принадлежавшихъ, не

Минскъ. Архіерейскій домъ.

секвестровать. Есть свѣдѣніе, что по обозрѣніи губерніи Добринскимъ за время Отечественной войны изъ жителей ея пропало безъ вѣсти 35.000 человѣкъ, а убытки губерніи простирались будто бы до 70.000.000 руб. асс.

Присоединеніе уніатовъ совершилось здѣсь при губернаторѣ Сушковѣ въ 1839 и 1841 годахъ; въ 1840 отмѣненъ былъ навсегда литовскій статутъ, и введены общіе для Имперіи законы, а при губернаторѣ Чарыковѣ, въ теченіе 1876—1877 годовъ, для полнаго омовенія губерніи, построено въ селахъ пятьсотъ бань, до того, повидимому, не входившихъ въ потребности населенія.

Не всѣмъ извѣстно, можетъ быть, почему мѣстный преосвященный называется минскимъ и туровскимъ? Туровскій—имя мало извѣстное, а объясне-

ніе имѣется въ очень далекихъ временахъ Владиміра Святаго. Именно въ Минской губерніи расположены тѣ два древнѣйшія мѣста — Изяславль и Туровъ,—старѣйшіе разсадники христіанства, и притомъ православнаго, въ Бѣлоруссіи, о которыхъ недавно вспомнили по поводу девятисотлѣтія крещенія Руси.

Одно изъ нихъ, нынѣшній Туровъ, малое мѣстечко Мозырскаго уѣзда, съ преданіями: о Туръ-колодцѣ, забросанномъ грудными младенцами, при нападеніи татаръ, изъ котораго цѣлое семилѣтіе било, будто бы, ключомъ женское молоко, о Туровой горѣ, подлѣ которой стоялъ нѣкогда соборъ, древнѣйшая

Минскъ. Костелъ на Соборной площади.

православная каѳедра здѣшнихъ епископовъ, а при немъ монастырь со столбомъ, на которомъ спасался св. Кириллъ Туровскій.

Другая историческая мѣстность, это древній Изяславль, нынѣшній Заславль, расположенный въ 30 верстахъ отъ Минска: здѣсь основанъ былъ св. Владиміромъ женскій монастырь для новопостриженной инокини Анастасіи, бывшей жены Владиміровой, Рогнѣды, умершей въ этомъ монастырѣ въ 999 или 1,000 году. Когда-то городъ и даже столица княжества, Заславль, теперь небольшое еврейское мѣстечко, окруженное многими курганами, «копцами», изъ которыхъ разрыто только очень малое число. Могилу Рогнѣды, по

мнѣнію мѣстнаго изслѣдователя, слѣдуетъ искать не между ними, а на томъ мѣстѣ, за рѣчкой Черницей, гдѣ стоялъ монастырь, отъ котораго нѣтъ теперь и слѣда; все это мѣсто въ наши дни прилежно распахивается; въ 1866 году здѣсь, случайно, открытъ былъ склепъ, а въ немъ отличной отдѣлки древній гробъ, обшитый красною матеріей. Склепъ тогда же засыпали и о дальнѣйшихъ раскопкахъ перестали думать.

Дворецъ Владиміра, по преданію, находился тамъ, гдѣ теперь стоитъ каменная еврейская корчма, между двумя церквами, Рождественскою и Преображенскою. Послѣдняя церковь напоминаетъ о томъ, что въ Изяславлѣ находился

Минскъ. Губернаторская улица.

нѣкогда и другой православный храмъ, построенный тоже св. Владиміромъ, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ стоитъ церковь Преображенія, испытавшая на себѣ судьбы многихъ храмовъ западной окраины: при королѣ Ягайлѣ изъ православнаго храма она обращена была въ костелъ; въ XVI вѣкѣ, когда Заславлемъ владѣла семья Глѣбовичей, храмъ этотъ сталъ протестантскимъ, потому что владѣлецъ его былъ однимъ изъ тѣхъ послѣдователей новаго ученія, о значеніи которыхъ уже говорилось; но храмъ не замедлилъ возвратиться снова въ лоно католической церкви; позже онъ сталъ центромъ Доминиканскаго монастыря, затѣмъ опустѣлъ; при графѣ же Муравьевѣ, въ 1863 году, онъ былъ возобновленъ и передѣланъ внутри въ православную церковь, но

снаружи остался костеломъ. Въ подвалахъ его, теперь уже задѣланныхъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ хранились три набальзамированные трупа князей Сапѣгъ, нѣкогда владѣвшихъ Заславлемъ; но такъ какъ про нихъ начали было ходить въ народѣ разсказы о чудесахъ, то губернаторъ Шкляревичъ распорядился объ упокоеніи ихъ въ землѣ и засыпкѣ подваловъ.

Грустно, конечно, что на мѣстѣ дворца Володимірова стоитъ еврейская корчма и продается вино, и что могила Рогнѣды распахивается; но должно надѣяться, что рано или поздно люди науки тронутъ непочатое кладбище древняго Изяславля, и тогда, можетъ быть, свѣдѣнія о склепѣ и гробѣ въ красной

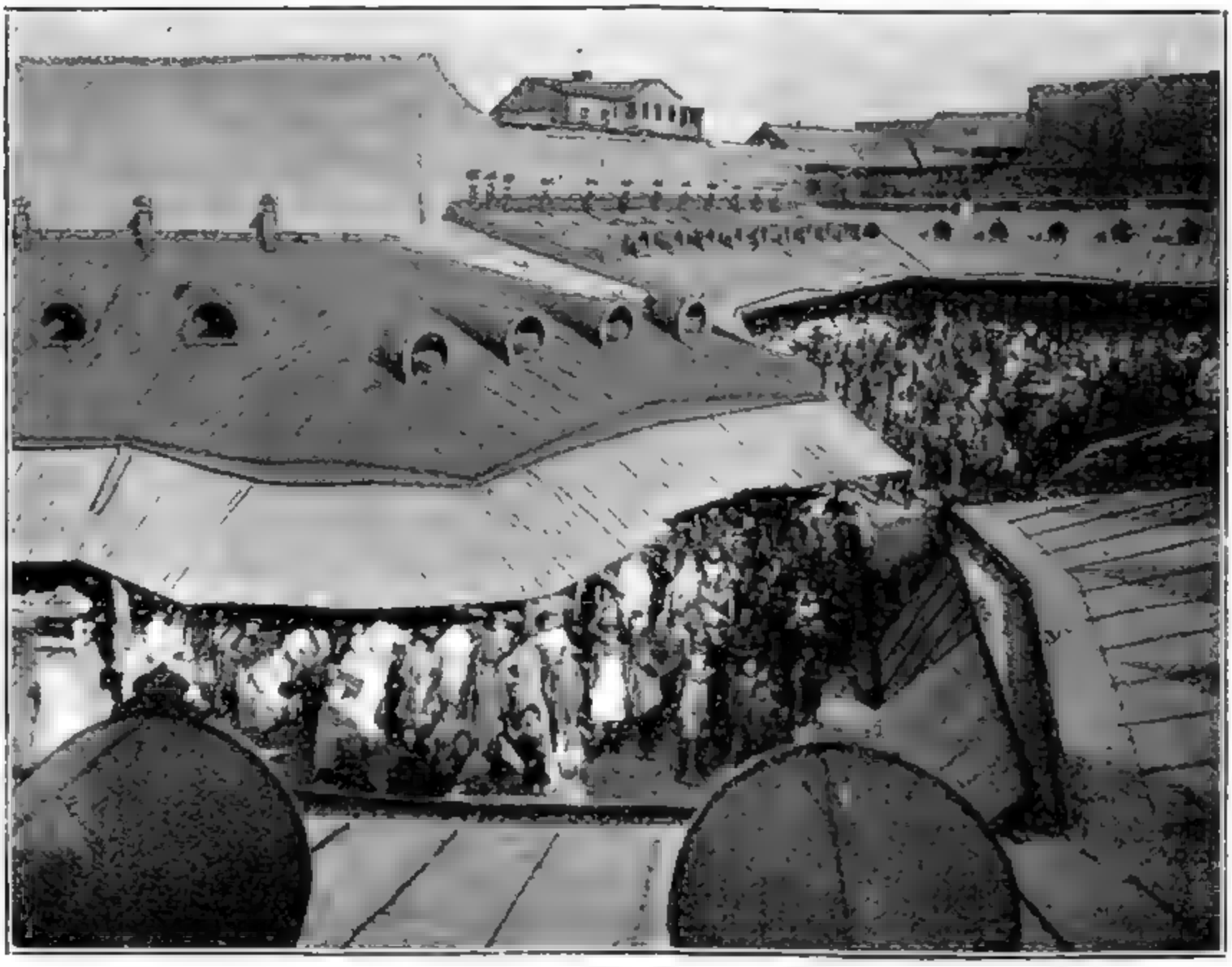
Минскъ. Театръ и скверъ на Петропавловской ул.

обшивкѣ, ушедшемъ опять подъ землю, и о многомъ другомъ всплывутъ снова и станутъ болѣе поучительными. Еврейская корчма на мѣстѣ Великокняжескаго дворца просвѣтителя Россіи невольно вызываетъ на нѣсколько словъ о важномъ, для западнаго края вообще, значеніи евреевъ и о томъ, какъ отражается отсюда еврейство и на Великую Россію вообще.

Вопросъ еврейскій не нашъ мѣстный вопросъ, а вопросъ міровой, только у насъ, благодаря «чертѣ осѣдлости», еще не окончательно пробуравленной, евреи все-таки сбиты въ кучу, подлежатъ наблюденію, тогда какъ тамъ, въ Европѣ, они разсѣяны повсюду. Эта наша «черта осѣдлости» величайшее благо, величайшій даръ, завѣщанный намъ исторіей, который слѣдуетъ беречь какъ

зѣлицу ока. Такъ понималъ вопросъ о разселеніи по Россіи евреевъ императоръ Александръ II, когда въ 1871 году на отчетѣ черниговскаго губернатора, говорившаго въ пользу ихъ разселенія, государь поставилъ резолюцію: «Съ этимъ я никакъ не могу согласиться».

Вотъ главныя основныя цифры, касающіяся евреевъ въ Россіи. Къ 1881 году ихъ было во всей Имперіи 4.086.000 душъ—всего 4%; изъ того числа въ Царствѣ Польскомъ 1.010.378 душъ, т.-е. 13,8%; изъ того же числа въ чертѣ осѣдлости, въ пятнадцати сѣверо- и юго-западныхъ губерніяхъ 2.912.165 душъ, т.-е. 12,5% населенія; въ прибалтійскихъ губерніяхъ 66.431—



Минскъ. Мясные ряды.

3% и, наконецъ, въ великорусскихъ губерніяхъ 53.574, то-есть $0{,}_{10}$% всего населенія.

Евреи въ Россіи—самое тяжелое наслѣдіе, оставленное намъ бывшимъ Царствомъ Польскимъ, наслѣдіе гораздо тяжелѣйшее, чѣмъ два бывшія повстанія, чѣмъ всякая «пассивная» и всякая «активная» польская противъ насъ оборона. На это удручающее вліяніе умершей Польши, чрезъ посредство евреевъ, на живую Россію хотя указывали многіе, но только вскользь, мимоходомъ, какъ бы недостаточно вникая въ историческія данныя, которыя, однако, вполнѣ ясны и неопровержимы.

Иловайскій говоритъ, что «отсутствіемъ инстинкта самосохраненія слѣдуетъ

признать призваніе на Польскую землю нѣмецкаго ордена и пассивное отношеніе къ чрезмѣрному размноженію еврейскаго населенія». Онъ ошибся. Отношеніе это вовсе не было пассивнымъ, а совершенно активнымъ. Когда евреи не находили нигдѣ мѣста въ Европѣ, когда ихъ повсюду жгли и четвертовали, Казимиръ Великій, король Польскій († 1370), для развитія въ Царствѣ Польскомъ отсутствовавшаго, но необходимаго ему средняго сословія, прямо покровительствовалъ колонизаціи края евреями и нѣмцами. Уже въ 1420 году краковскій сенатъ жаловался на то, что подавляющее большинство купцовъ и ремесленниковъ въ Польшѣ—евреи.

Какъ сказано, во всей Западной Европѣ евреевъ жгли и четвертовали, здѣсь, въ Польшѣ и Литвѣ, давали имъ права. Могли ли они не устремляться сюда, въ обѣтованныя земли Литвы и Польши? Знаменитая «черта осѣдлости» нашихъ евреевъ, отгораживающая 15 западныхъ губерній, черта, которую желательно добрымъ людямъ, такъ или иначе, уничтожить, не есть, какъ многіе думаютъ, «учрежденіе» русскаго правительства; черта осѣдлости создалась и окрѣпла не какимъ-либо особымъ нерасположеніемъ нашего правительства къ евреямъ, а заключаетъ въ себѣ тѣ именно мѣстности, которыя отличены многочисленными привилегіями, данными евреямъ со стороны великихъ князей литовскихъ и польскихъ королей.

И помогали же евреи Польшѣ много и разновременно: они украшали, одѣвали и снабжали деньгами панство и шляхту, они были дѣятельными арендаторами православныхъ церквей Украйны, они доставали для поляковъ каштаны изъ огня во время уніи, они, во время двухъ послѣднихъ повстаній, служили таинственною, только изрѣдка обнажавшеюся, сѣтью всякой вражды къ Россіи. Не случайно слитіе евреевъ съ нашею западною окраиной.

На второй день пребыванія въ Минскѣ путники осматривали устроенную въ это время выставку различныхъ предметовъ археологіи мѣстныхъ раскопокъ. Многіе предметы, найденные въ предѣлахъ губерній, отправлены были въ Петербургъ и въ московское археологическое общество; но и то, что имѣлось налицо, было достойно вниманія, напримѣръ, небольшая золотая монета съ надписью: «Царь и великій князь Ладиславъ Жигимонтовичъ всея Руси», очень древній галунный головной уборъ, картофель страннымъ образомъ очутившійся въ сферѣ бронзоваго вѣка и др.; въ Игуменскомъ уѣздѣ имѣются свайныя постройки; по Березинѣ, Припети, Случи и Нѣману—много кургановъ и городищъ желѣзнаго вѣка, причемъ, по мнѣнію мѣстнаго изслѣдователя, въ желѣзный вѣкъ умершихъ клали на поверхность земли и насыпали надъ ними курганы, тогда какъ въ бронзовое время клали въ землю и курганы насыпали надъ могилой.

Смоленскъ.

Прибытіе и посѣщеніе собора. Знаменитая икона. Ризница. Церковь надворотная. Историки Смоленска. Князь Юрій Смоленскій. Обманъ Витовта. Споръ Москвы съ Литвою. Смольняне подъ Грюнвальдомъ. Цѣна. Защита города Шеиннымъ. Смоленская шляхта. Измѣна губернатора. Принцъ Антонъ Ульрихъ. Петръ I. Екатерина II и ихъ посѣщенія. Смоленскъ въ 1812 году. Энгельгардтъ и Шубинъ. Памятники 1812 году и Глинкѣ. Лопухинскій садъ. Свирская церковь. Археологическія свѣдѣнія. Вознесенскій и Аврааміевъ монастыри. Городскія стѣны. Башня Веселуха. Общій видъ города. Сравненіе со Псковомъ и Кіевомъ. Музей.

Въ девять часовъ утра, 27 іюня, поѣздъ остановился у вокзала въ Смоленскѣ. Городъ этотъ является крайнею со стороны запада твердынею государственнаго тѣла, когда-то отторженною надолго, но, наконецъ, не только вернувшеюся, но и сплотившеюся съ нимъ воедино.

Переѣздъ отъ вокзала въ мѣстный соборъ весьма продолжителенъ, такъ какъ онъ высится на другомъ берегу Днѣпра, и экипажъ только минуть черезъ двадцать послѣ остановки поѣзда быстро въѣхалъ по красивой Благовѣщенской улицѣ на крутую соборную гору, въ узкія ворота стѣнъ, по изломанному проѣзду, свидѣтельствующему этимъ самымъ о томъ, что возникли эти стѣны и этотъ проѣздъ давно, возникли не по заранѣе установленному плану, а такъ—какъ возникали всѣ наши древнія твердыни, какъ Богъ послалъ.

Островъ Успенскаго каѳедральнаго собора покоится на шести столбахъ, подъ крутыми арками и плоскими куполками, каждый съ шестью окнами; соборъ изобилуетъ свѣтомъ, расположеннымъ въ четыре яруса; въ третьемъ свѣту окна круглыя, равно какъ большое окно надъ входомъ; низъ столбовъ обрамленъ иконами, изъ которыхъ многія древни; фресковыя изображенія имѣются въ сводикахъ; изображенія изъ Апокалипсиса и бракъ въ Канѣ видны на задней сторонѣ; тутъ же хоры. Замѣчательно хорошъ и богатъ трехъ-ярусный, не очень древній иконостасъ, весь въ богатыхъ золоченыхъ обрамленіяхъ листвы; соборъ о двухъ алтаряхъ и надъ главнымъ — сѣнь на витыхъ колон-

Смоленскъ. Общій видъ города съ Тихвинскаго кладбища.

кахъ; по стѣнамъ собора, кругомъ на верху, деревянная галлерея, противъ алтаря справа—царское мѣсто, слѣва амвонъ. Любопытно, что иконостасъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ подновленный, работанъ при Екатеринѣ II малороссомъ Силою Михайловымъ, съ тремя помощниками, въ теченіе десяти лѣтъ, за 1.000 р., а живопись исполнена тоже малороссомъ Трусицкимъ, съ двѣнадцатью помощниками, тоже въ десять лѣтъ времени, за 2,000 р. и съ выдачей провизіи на 500 р.

Успенскій соборъ въ Смоленскѣ, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ Россіи. Онъ почти вдвое больше московскаго Успенскаго собора и, вѣнчая вершину горы, царитъ надъ городомъ своими пятью жестяными, четырехгранными куполами съ фонариками; выкрашенъ онъ въ блѣдно-голубую краску, и колокольня его, одного съ нимъ характера, высится отъ него отдѣльно, и стоитъ къ нему бокомъ.

Смоленскъ. Видъ на Успенскій соборъ съ Воскресенской горы.

Нынѣшнее обличіе собора далеко не первое. Древнѣйшій каменный былъ основанъ Владиміромъ Мономахомъ въ 1101 году; но стоялъ ли онъ именно на этомъ мѣстѣ—неизвѣстно. Этотъ прашуръ собора исчезъ съ лица земли при взятіи Смоленска королемъ польскимъ Сигизмундомъ III; въ 1611 году онъ былъ разрушенъ, на мѣсто его воздвигнутъ католическій костелъ, и этотъ по-

слѣдній, въ 1654 году, при взятіи нами Смоленска обратно, обращенъ въ православный. Къ концу XVII вѣка оказался онъ недостаточно просторнымъ, разобранъ, строился долго и не аккуратно,—до такой степени что куполъ его обрушился, падали шеи со сводами, отпалъ алтарь, и вновь освященъ онъ только въ 1772 году, такъ что древности, ни въ какомъ случаѣ, не представляетъ.

Это не мѣшаетъ ему, однако, быть очень внушительнымъ по своимъ очертаніямъ; извѣстно, что Наполеонъ I, войдя въ него, не только снялъ шляпу, но и повелѣлъ приставить часовыхъ, которые сняты только при обратномъ шествіи французовъ изъ Москвы.

Но если стѣны собора сравнительно молоды, то мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, то столѣтіе, которое онъ пережилъ, тѣ воспоминанія, которыя покоятся на немъ, почтенны и внушительны. Святыня собора—икона Смоленской Божіей Матери, копіями которой изобилуетъ православная Россія, и многія изъ нихъ, какъ и оригиналъ, прославлены чудесами. По словамъ Никифора Каллиста, икона писана евангелистомъ Лукою, написавшимъ еще двѣ подобныя иконы; Смоленская икона была первою. Легенда сообщаетъ, будто она была показана евангелистомъ-художникомъ самой Богоматери, и онъ слышалъ слова, Ею произнесенныя: «Благодать родившагося отъ меня да будетъ съ сими иконами!» Смоленская икона пребывала въ Антіохіи, Іерусалимѣ и уже въ V вѣкѣ помѣщена въ Константинополѣ во Влахернскомъ храмѣ, гдѣ отъ нея исходили многія чудеса, и названа «Одигитріей». Легенда сообщаетъ, что въ длинномъ ряду чудесъ ея имѣло, между прочимъ, мѣсто дарованіе человѣку несвѣдущему и неимѣвшему голоса, діакону Роману, какъ голоса, такъ и знанія, и первымъ благодарственнымъ произношеніемъ его послѣ этого чуда былъ извѣстный имъ сочиненный кондакъ: «Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ»... Діаконъ Романъ составилъ и еще нѣсколько извѣстныхъ каноновъ. Любопытно то, что побѣдная пѣснь «Взбранной воеводѣ» и весь Богородичный акаѳистъ, знакомые всѣмъ намъ съ дѣтскихъ лѣтъ, были составлены патріархомъ Фотіемъ въ память избавленія Византіи Божіею Матерью отъ одного изъ предковъ нашихъ, Аскольда.

Когда княгиня Анна, дочь греческаго императора, прибыла въ Черниговъ въ качествѣ невѣсты одного изъ сыновей великаго князя Ярослава-Всеволода Черниговскаго, икона Одигитріи сопутствовала ей; въ Черниговѣ икона оставалась съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ до смерти княгини, благословившей ею своего сына князя Владиміра Смоленскаго въ 1103 году, и поставлена имъ во вновь устроенномъ смоленскомъ соборѣ. Здѣсь она находится понынѣ, отбывая отсюда только по временамъ: послѣ занятія Смоленска Витовтомъ—въ Москву, вторично во время осады города Сигизмундомъ—въ Москву и Ярославль и, наконецъ, въ Москву и Ярославль—въ 1812 году. Три отдѣльныя ежегодныя празднованія напоминаютъ смольнянамъ три послѣдовательныя возвращенія иконы на свое мѣсто въ Успенскій храмъ. Икона не велика, около аршина въ квадратѣ, темный ликъ Богоматери и Предвѣчнаго Младенца отъ времени исчезли почти совершенно.

Почти совсѣмъ поржавѣлъ хранящійся въ соборѣ желѣзный шишакъ, и

совершенно истлѣла обувь св. Меркурія, бывшіе на немъ во время единоборства его съ татарскимъ военачальникомъ, убитымъ имъ въ 1239 году, чѣмъ остановлено нашествіе татаръ на Смоленскъ; къ единоборству этому вызванъ былъ витязь Меркурій въ ночномъ видѣніи Богоматерью; но самъ онъ, когда заснулъ вслѣдъ за побѣдой, былъ убитъ сыномъ сраженнаго имъ татарина, погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, причтенъ къ лику святыхъ, названъ смоленскимъ чудотворцемъ, но мощей его, какъ и стараго собора, не существуетъ, онѣ взорваны поляками въ 1611 году. Этимъ уничтоженіемъ объясняется и то, что въ

Благовѣщенская церковь. Церковь Смоленской Божіей Матери. Воскресенская церковь.

Городъ Смоленскъ.

нынѣшнемъ храмѣ и его ризницѣ особенно древнихъ предметовъ почти не имѣется; высокохудожественныхъ работъ тоже нѣтъ.

Спускъ отъ собора къ Днѣпру длиненъ и красивъ; почти на половинѣ его протяженія расположена церковь Смоленской Божіей Матери надворотная, Одигитріевская, мѣсто историческое, тоже съ чудотворною иконой. Храмъ въ настоящемъ его видѣ далеко не роскошный, скорѣе большой залъ, чѣмъ храмъ, былъ уже совершенно готовъ въ 1812 году, но еще не освященъ, и Наполеонъ, смотрѣвшій съ балкона этого храма, выходящаго на Днѣпръ, на назойливую стрѣльбу нашихъ двухъ пушекъ, немедленно велѣлъ втащить на бал-

конъ два своихъ орудія и самъ наводилъ ихъ для стрѣльбы по нашимъ. Освященіе церкви послѣдовало только по удаленіи непріятеля.

Неудивительно, что древность Смоленска и его порубежное значеніе для Россіи и Польши вызывало съ давнихъ дней многократныя историческія описанія и монографіи. Еще въ 1804 отпечатана исторія губернскаго города Смоленска, собранная изъ разныхъ лѣтописей и россійскихъ писателей трудами Д. И. Мурзакевича; гораздо полнѣе составлена «Исторія города Смоленска» П. Никитинымъ, 1848 года; огромное количество матеріаловъ разбросано въ трудахъ нашихъ историковъ, по спеціальнымъ изданіямъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, и несомнѣнно, что полное описаніе города, какъ по значенію фактовъ, такъ и по ихъ разнообразію, будетъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ.

Уже ко времени прибытія Рюрика Смоленскъ является городомъ; только, какъ почти всѣ наши города, онъ передвинулся съ мѣста: древнѣйшіе храмы его находятся въ предмѣстьяхъ, а не строили же ихъ давно почившіе князья внѣ города.

Несомнѣнно и то, что тамъ, гдѣ теперь раскидываются слободы, старики еще помнятъ грозно шумѣвшій лѣсъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ расположена Никольская слобода, въ 1780 году, въ проѣздъ Екатерины II, лежало чистое поле, и на немъ поставленъ въ тѣ дни временной оперный домъ. Смоленскъ—городъ кривичей, пищу которыхъ составляли, какъ говоритъ лѣтопись, «звѣри и всякая нечистота». Въ 1103 году Мономахъ, предводительствуя союзными княжескими войсками, разбилъ у Хортическаго урочища половцевъ, назвалъ день побѣды «днемъ праздника русскихъ земель» и, вернувшись въ Смоленскъ со множествомъ овецъ, коней и верблюдовъ, поставилъ церковь Успенія и внесъ въ нее описанную выше икону Одигитріи. Слѣдовалъ длинный рядъ княжескихъ усобицъ, нападеніе татаръ, моровыя язвы и повѣтрія, изъ которыхъ та, что имѣла мѣсто въ 1387 году, была особенно сильна: тогда какъ богатые горожане, кто могъ, давно уже покинули городъ, бѣдные продолжали умирать и, наконецъ, оставшіеся въ живыхъ пять человѣкъ покинули зараженное смрадомъ и наполненное трупами пепелище и заперли городъ. Этимъ завершается, якобы, очень типично, но невѣроятно, первый актъ существованія Смоленска.

Второй актъ начинается въ тѣ дни, когда на западъ отъ Смоленска сложились Польша и Литва, на востокѣ чуть-чуть глянула Москва и еще не было извѣстно, кто соберетъ православную землю Русскую воедино — великокняжескіе домы: Московскій или Литовскій. Литва была въ тѣ дни страной православною и стоять за нее не значило измѣнять русскому дѣлу. Ольгерду Литовскому мечтался общерусскій скипетръ; при немъ, союзные съ нимъ славяне вступили въ Москву и пожгли ее, въ 1370 году подступили они вторично, но не взяли. Пять лѣтъ спустя, въ 1375 году, смольняне, все еще не забывшіе своего единенія съ землею Русскою, участвовали, подъ начальствомъ своего князя Святослава Іоанновича, въ Куликовской битвѣ; но затѣмъ, съ воцареніемъ въ Литвѣ Витовта, приступлено было поляками къ заболачиванію Смо-

ленска всякими не русскими элементами. Задумавъ вовсе уничтожить на Литвѣ православіе, Витовтъ почелъ за лучшее уничтожить смоленское княженіе; для этого онъ завлекъ довѣрчивыхъ князей Смоленскихъ въ свой станъ, нежданно объявилъ ихъ плѣнными, а городъ, открытый со всѣхъ сторонъ, взялъ врасплохъ.

Витовтъ жилъ въ Смоленскѣ нѣсколько мѣсяцевъ и продолжалъ въ это время дружески переписываться съ зятемъ своимъ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ. Скорбѣлъ, конечно, князь Василій о потерѣ для Русской земли Смоленска; но цѣлость Московскаго государства, едва-едва

Смоленскъ. Древняя городская стѣна съ башнями.

собиравшагося, была ему важнѣе, и онъ послалъ даже супругу свою Софію Витовтовну въ Смоленскъ съ боярами и «привѣтными словами»; она гостила здѣсь у отца, въ 1399 году, двѣ недѣли. Когда Витовтъ былъ разбитъ татарами на Ворсклѣ, «по неже отвержеся православныя вѣры», говоритъ лѣтописецъ Авраамко, то смоленскіе князья въ 1401 году осадили Смоленскъ, и тутъ уже очень ясно сказалась та отличительная черта исторіи западной окраины нашей, которая видима вездѣ и повсюду: вельможи и богатые стояли

за католическаго Витовта, но народъ отворилъ русскимъ православнымъ князьямъ ворота. Войдя въ городъ, князь смоленскій Юрій не съумѣлъ, къ несчастью, воспользоваться своимъ положеніемъ, казнилъ многихъ вельможъ и возбудилъ въ друзьяхъ ихъ и родственникахъ такую ненависть, что когда, въ 1404 году, онъ уѣхалъ въ Москву, то вельможи тайно позвали Витовта, отворили, въ свою очередь, ворота городскія войскамъ литовскимъ, и «такъ было, гласитъ лѣтопись, послѣднее плѣненіе Смоленску отъ Витовта». Городъ утвержденъ за Литвой на цѣлыхъ сто десять лѣтъ.

Хотя Витовтъ взялъ Смоленскъ въ первый разъ обманомъ, а вторично измѣной, тѣмъ не менѣе никто другой, какъ смоленскія дружины спасли его отъ нѣмцевъ въ знаменитомъ грюнвальденскомъ бою, въ 1410 году. Это была одна изъ вершительнѣйшихъ битвъ въ міровой исторіи; она происходила, какъ гласятъ лѣтописи, «между грады Дубровны и Острада» и соединила всю Литву и всю Польшу противъ общаго ихъ врага—прусскаго нѣмецкаго рыцарскаго ордена. Если бы тогда побѣдили нѣмцы, вѣроятно, вся исторія восточной Европы сложилась бы совершенно иначе. Рыцари и побѣдили бы непремѣнно, потому что король польскій Ягайло медлилъ вступить въ бой, слушалъ цѣлыхъ двѣ обѣдни и даже, сѣвъ на коня, продолжалъ исповѣдываться, потому-то онъ не исполнилъ условленнаго съ Витовтомъ Литовскимъ общаго нападенія, далъ время нѣмцамъ смять все правое крыло союзной арміи и даже открыть тылъ ея, если бы не смоленскіе витовтовскіе полки: легъ костьми первый ихъ отрядъ, но устояли второй и третій, и побѣда славянъ надъ нѣмцами была рѣшительная. Какой художественный моментъ! Какъ не воспользоваться имъ живописцамъ, въ особенности польскимъ, и они дѣйствительно воспользовались: Матейко далъ картину этой битвы, вершителями которой являются у него, однако, поляки, далъ совершенно съ тою же историческою правдой, которую вложилъ онъ въ другую свою картину: «Люблинская унія Польши и Литвы», гдѣ изображена эта унія съ обоюднымъ восторгомъ обѣихъ сторонъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, представители Литвы умоляли короля польскаго, умоляли стоя на колѣняхъ не убивать Литвы этою злосчастною уніей и, не успѣвъ этого достигнуть, разъѣхались въ ужасѣ и отчаяніи по домамъ.

Не за Литву, не за Польшу стояли смоленскіе полки подъ Грюнвальденомъ: еще не совсѣмъ ясно было въ то время, измѣнитъ ли Русской землѣ Литва, еще не вполнѣ сказалась нерѣшительность Польши, но зато нѣмецкіе рыцари обнажили уже всѣ свои лютые инстинкты вполнѣ, и потому-то, избравъ изъ двухъ золъ меньшее, смольняне бились противъ нѣмцевъ, бились такъ, какъ бьются русскіе люди вездѣ и всегда. Не простой народъ передалъ въ тѣ годы Смоленскъ въ польскія руки: повинны въ этомъ мѣстные вельможные роды, повинны, какъ и князья полоцкіе, смоленскіе князья. Такъ, послѣдній смоленскій князь Юрій, не съумѣвшій, какъ сказано, удержаться въ принявшемъ его городѣ, является чѣмъ-то въ родѣ Святополка Окаяннаго. Не усидѣвъ въ Смоленскѣ, не усидѣвъ въ Новгородѣ, онъ былъ отправленъ великимъ княземъ московскимъ намѣстникомъ въ Торжокъ, гдѣ и совершилъ свое

знаменитое преступленіе: убилъ на пиру своего друга и товарища князя Вяземскаго для того, чтобы воспользоваться его цѣломудренною женой Іуліаніей, которая, ранивъ посягавшаго на нее ножомъ въ руку и пустившись бѣжать, была настигнута Юріемъ, изрублена въ куски и куски эти брошены въ рѣку. Скрывшись вслѣдъ затѣмъ въ Орду, Юрій скитался гдѣ-то въ степяхъ и, наконецъ, умеръ въ Веневской обители въ 1408 году. Это былъ послѣдній князь смоленскій; до паденія Смоленска на княженіи этомъ сидѣло 25 князей и 17 православныхъ епископовъ.

Не принесъ литовскому православію пользы бракъ великаго князя Василія Дмитріевича съ Софіей Витовтовной; не лучше оказался по своимъ послѣдствіямъ бракъ Александра Казимировича Литовскаго съ дочерью великаго князя Іоанна Васильевича московскаго Еленой. Опыты слитія крови св. Владиміра съ кровью гедиминовою цѣли своей не достигли, а заболачиваніе Литвы католичествомъ шло своимъ чередомъ.

По рядомъ съ этимъ отчужденіемъ отъ насъ исконныхъ земель нашихъ, совершался другой историческій процессъ: быстро крѣпла и начинала сознавать свои задачи Москва. Отторженный отъ насъ Смоленскъ, покрывавшійся въ тѣ дни сѣтью костеловъ, былъ великому князю московскому что бѣльмо на глазу, и съ 1513 года начинаются попытки наши отнять Смоленскъ у поляковъ, попытки упорныя, часто неудачныя. Третья счетомъ попытка имѣло мѣсто въ 1514 году. Благодаря преданнымъ намъ людямъ и отвѣчая на призывъ смольнянъ, говорившихъ великому князю Московскому: «земля наша, и твоя отчизна, пустѣетъ, пріими градъ сей съ тихостью», Іоаннъ повелѣлъ нашей конницѣ, съ княземъ Даніиломъ Щенею во главѣ, войти въ Смоленскъ, и стража московская смѣнила у всѣхъ воротъ стражу литовскую.

Этимъ кончились 110 лѣтъ полнаго литовскаго плѣненія Смоленска, но еще не кончились притязанія на него Литвы и Польши и временное пользованіе имъ нашихъ враговъ.

Столѣтнее подчиненіе Польшѣ пустило глубокіе корни въ Смоленскѣ, и измѣна Россіи стояла на знамени многихъ смольнянъ; это обнаружилось, вслѣдъ за разбитіемъ русскихъ близъ Орши, когда намѣстнику смоленскому князю Василію Шуйскому пришлось на глазахъ подошедшихъ къ городу литовцевъ повѣсить измѣнниковъ, надѣвъ на нихъ шубы, бархаты, ковши и чарки, разновременно пожалованныя имъ отъ великаго князя. Что измѣна гнѣздилась въ Смоленскѣ, это явствуетъ также и изъ того, что когда въ 1596 году его посѣтилъ Годуновъ и планировалъ могучую крѣпость, назвавъ Смоленскъ «ожерельемъ Россіи», ему замѣтилъ тогда же князь Трубецкой, что въ этомъ ожерельѣ легко могутъ завестись «насѣкомыя, которыхъ мы не скоро выживемъ».

Эти слова были совершенно справедливы: укрѣпленный нами Смоленскъ не замедлилъ стать литовско-польскою твердыней противъ насъ. Слѣдуетъ вспомнить, что здѣсь въ 1606 году, по пути въ Москву, гостила невѣста самозванца Марина Мнишекъ. Она въѣхала въ городъ, какъ сообщаетъ Авраамій

Палицынъ, со свитой въ 6,000 человѣкъ, въ саняхъ, на которыхъ двигалась цѣлая комната, обитая соболями; старый Мнишекъ везъ съ собой грамоту на смоленское княжество.

Къ этому времени на исторической сценѣ выдвигается загадочная, необъяснимая дѣятельность боярина Шеина. Въ 1609 году нашимъ воеводой въ Смоленскѣ сидѣлъ Шеинъ; твердыня, намѣченная Годуновымъ, воплотилась въ могучія стѣны съ 36 башнями и 9 воротами, и къ ней-то въ половинѣ сентября подступилъ, требуя сдачи, польскій король Сигизмундъ. Отказъ Шеина обусловилъ то, что уже къ концу сентября въ Смоленскѣ все было выжжено. Несмотря на то, что въ Москвѣ въ тѣ дни царили поляки, что царь Василій былъ лишенъ престола и отосланъ въ Варшаву, что подъ Смоленскъ прибыло изъ Москвы знаменитое, печальной памяти, посольство съ хартіей на избраніе королевича Владислава въ цари московскіе, и что въ концѣ февраля 1611 года дума изъ Москвы послала Шеину приказъ сдать Сигизмунду Смоленскъ, Шеинъ не сдавалъ твердыни. Множество штурмовъ было отбито имъ; двадцать мѣсяцевъ длилась осада; только одна пятая часть защитниковъ оставалась налицо; но если бы не измѣна Дѣдешина, указавшаго полякамъ слабое мѣсто крѣпости и вызвавшаго этимъ роковой штурмъ 3 іюня, усилія Шеина увѣнчались бы успѣхомъ. Когда все кругомъ было разрушено, Шеинъ съ окровавленнымъ мечомъ въ рукахъ все еще стоялъ на одной изъ башенъ, не желая сдаваться, и только слезы жены и дѣтей убѣдили его въ необходимости покориться.

Такъ палъ Смоленскъ, «Новый Сагунтъ», по словамъ Карамзина, причемъ погибло всего до 70,000 человѣкъ, въ томъ числѣ однихъ дворянъ до 25,000; 400 дѣтей боярскихъ сосланы въ Литву; улица, по которой вторгались тогда поляки, называется и до сегодня Рѣзницкою. Самого Шеина поляки пытали и закованнаго въ цѣпи отвезли въ Варшаву на десятилѣтнюю неволю.

На цѣлые сорокъ четыре года Смоленскъ сталъ снова городомъ польскимъ.

Прошло двадцать съ небольшимъ лѣтъ послѣ взятія Смоленска, и тотъ же самый Шеинъ, но уже будучи глубокимъ старикомъ, по повелѣнію царя Михаила Ѳедоровича, подступилъ къ городу, чтобы взять его, съ громаднымъ стотысячнымъ войскомъ и многочисленною, въ 300 орудій, артиллеріей. Русскіе окружили крѣпость такъ плотно, что только одинъ человѣкъ «преобразясь въ кустарникъ» успѣлъ выбраться изъ нея и извѣстить о нуждахъ гарнизона самого Владислава, приведшаго къ ней на помощь. Неизвѣстно, что бы случилось тогда, если бы вдругъ, 4 сентября, совершенно неожиданно для всѣхъ, Шеинъ не отступилъ отъ Смоленска. Доказательствомъ того, что вокругъ нашего военачальника происходило нѣчто таинственное, до сегодня необъясненное, служитъ то, что одинъ изъ ближайшихъ къ Шеину людей, Лесли, застрѣлилъ на глазахъ самого Шеина генерала Сандерсона. Олеарій прямо подозрѣваетъ Шеина въ измѣнѣ. Какъ бы то ни было, но послѣ долгихъ переговоровъ русское войско, почти безъ потерь, со свернутыми знаменами, безъ трубъ и

барабановъ, съ потушенными фитилями, отошло къ востоку, причемъ Шеинъ со своимъ штабомъ, сойдя съ коней, преклонилъ колѣна предъ польскимъ величествомъ... 28 апрѣля 1634 года Шеину, Измайлову и сыну его, по суду и царскому повелѣнію, отрублены головы, а многіе прочіе сѣчены кнутомъ и отправлены въ Сибирь.

По вяземскому миру, въ 1634 году, мы, къ великому горю, опять оставили Смоленскъ за Польшей; но въ 1654 г. царь Алексѣй Михайловичъ, лично предводительствуя 200,000 войскомъ, 5 іюля подошелъ къ Смоленску и сталъ

Смоленскъ. Молоховскія ворота съ церковью Благовѣщенія.

на Дѣвичью гору. 10 сентября городъ сдался, и польскіе полки, въ свою очередь, проходя мимо царя, складывали у него знамена. Въ общемъ, Смоленскъ оставался за Польшей около 150 лѣтъ. Существуетъ характерное описаніе Смоленска тѣхъ дней, оставленное проѣзжавшимъ черезъ городъ при послѣ отъ императора Леопольда къ царю Алексѣю, въ 1676 году, секретаремъ посольства Лизеки.

Имѣется также очень любопытное свѣдѣніе о смоленскомъ шляхетскомъ полку. Смоленская шляхта—это несомнѣнное доказательство долгаго ополяченія края, а также того, какими именно культурными способами проявляла себя здѣсь Польша. Изъ этого примѣра видно что̀ ожидало бы Россію, если бы

первое мѣсто въ славянскомъ мірѣ заняли поляки. Алексѣй Михайловичъ почелъ за нужное временно оставить смоленской шляхтѣ ея права; составленъ былъ шляхетный полкъ, изъ семи ротъ; люди жалованья не получали, продовольствуясь на свой счетъ, но зато освобождались отъ податей и ихъ семьи — отъ рекрутской повинности. Полкъ этотъ ежегодно служилъ только съ мая по сентябрь; большинство въ немъ были люди богатые; состоялъ онъ до 1761 года въ непосредственномъ вѣдѣніи правительствующаго сената, а затѣмъ герольдмейстерской конторы. Въ 1765 году, по докладу военной комиссіи, полкъ этотъ, какъ безполезный для государства и несогласный съ вольностями, уничтоженъ навсегда, а для охраны 285 верстъ польской границы образованъ конный «ландмилицкій» смоленскій полкъ.

Петръ I бывалъ въ Смоленскѣ трижды: въ 1693 году, для наказанія стрѣльцовъ, въ 1698 году — по пути изъ-за границы и, наконецъ, во главѣ гвардейцевъ, вступилъ въ городъ послѣ побѣды подъ Лѣсной. Въ 1707 году, для надзора за военными приготовленіями, здѣсь находился царевичъ Алексѣй Петровичъ, а въ іюлѣ 1708-года провезены черезъ Смоленскъ объ жертвы Мазепы—Кочубей и Искра. Здѣсь же послѣдовало, въ 1709 году, распоряженіе о печатаніи календарей.

Доказательствомъ былой силы мѣстнаго шляхетства можетъ служить совершенно исключительная дѣятельность смоленскаго губернатора князя Черкасскаго, которому Екатерина II дала ранѣе званіе камергера и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и который переписывался въ 1735 году «съ преступными цѣлями» съ поляками; хотя императрица и оставила ему жизнь, но сослала, по лишеніи всѣхъ правъ, на житье въ Сибирь, въ Джигайское зимовье.

Здѣсь же, въ Смоленскѣ, имѣли мѣсто послѣдніе, такъ сказать, шаги въ жизни несчастнаго принца Антона Ульриха. По заключеніи семьи его, вслѣдъ за восшествіемъ на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ рижскую крѣпость, ее сослали потомъ въ Усть-Двинскъ, затѣмъ въ Раненбургъ, Рязанской губерніи, наконецъ, въ Холмогоры. Въ Раненбургѣ Іоаннъ Антоновичъ былъ разлученъ съ своею матерью и, въ сообществѣ одного монаха, бѣжалъ, но пойманъ именно въ Смоленскѣ, откуда и направленъ въ Шлиссельбургъ, изъ котораго оставался ему одинъ только путь—въ загробную жизнь.

Императрица Екатерина II посѣтила Смоленскъ дважды. 1 іюля 1780 года она прибыла сюда съ графомъ Фалькенштейномъ, то-есть съ императоромъ Іосифомъ II; въ изъявленіе особеннаго къ нему расположенія, императрица выѣхала къ нему навстрѣчу, какъ бы для обозрѣнія западнаго края, до самаго Могилева, а въ Смоленскъ прибыли оба вѣнценосца вмѣстѣ и пробыли здѣсь три дня, послѣ чего государыня поѣхала въ Петербургъ, а австрійскій императоръ въ нашу первопрестольную.

Въ то время генералъ-губернаторомъ здѣсь былъ извѣстный князь Николай Васильевичъ Репнинъ (заключившій въ 1775 году кучукъ-кайнарджійскій миръ, получившій впослѣдствіи, за вторую войну съ турками, Георгія 1-й степени, а при Павлѣ I званіе фельдмаршала, одинъ изъ виднѣйшихъ

массоновъ). Онъ устроилъ по поводу прибытія высокихъ гостей въ Смоленскъ великолѣпныя торжества, описанія которыхъ сохранились: но великолѣпный оперный домъ, поставленный за городомъ, исчезъ, такъ же какъ и царскій дворецъ, существовавшій въ Смоленскѣ до 1812 года, съ огромнымъ садомъ, о которомъ теперь уже нѣтъ и помина; онъ находился, приблизительно, на мѣстѣ гулянья, называемомъ Блонья, подлѣ котораго сосредоточены всѣ присутственныя мѣста. Вторично посѣщенъ Смоленскъ Екатериной II въ 1787 году, по пути въ Крымъ; тогда она гостила здѣсь шесть дней. Однимъ изъ воспоминаній объ этомъ пребываніи въ городѣ государыни является нынѣшній гербъ Смоленска: пушка и на ней райская птица — гамаюнъ; это настоящій его гербъ, замѣнившій польскій, данный ему Сигизмундомъ III въ 1611 году.

Меньшею заботливостью о русскомъ дѣлѣ, такъ глубоко потрясенномъ въ Смоленскѣ, отличалось, какъ извѣстно, путешествіе въ пріобрѣтенныя литовскія губерніи императора Павла I; въ Смоленскъ онъ прибылъ въ маѣ 1797 года, сопутствуемый цесаревичемъ Александромъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Но дни величайшей печали повторились для Смоленска въ 1812 году. Еще до объявленія манифеста, смоленское дворянство, при предводителѣ Лесли, подало государю адресъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи вооружить 20,000 человѣкъ. 9 іюля прибылъ въ Смоленскъ Александръ I. Здѣсь оставленъ былъ баронъ Винцингероде, для поддержанія сообщенія между нашими двумя арміями и запасными частями. Здѣсь, какъ извѣстно, 20 — 22 іюля сошлись обѣ наши арміи, и Бородино находится въ Смоленской губерніи. 5 августа въ Смоленскѣ рѣшительно все горѣло; только толстыя и прочныя годуновскія стѣны противостояли французскому чугуну, но, наконецъ, должны были уступить и онѣ. Отчасти укрѣпилъ къ этому времени Смоленскъ генералъ Раевскій, но защищалъ его Дохтуровъ; у Молоховскихъ вороть стоялъ Коновницынъ; французы шли тремя путями, подъ начальствомъ Даву, Нея и Понятовскаго, и главный натискъ направленъ былъ на Молоховскія ворота. Самъ Наполеонъ въѣхалъ въ городъ шестого августа; но уже здѣсь, повидимому, словно предчувствуя въ пожарѣ Смоленска пожаръ Москвы, онъ задумывался о судьбахъ дальнѣйшаго похода въ глубь Россіи, вовсе непохожаго на тѣ походы что онъ прежде дѣлалъ. Хотя онъ и тутъ учредилъ верховную комиссію для управленія губерніей, муниципалитетъ, и назначилъ военнаго губернатора, но это не помѣшало ему воспользоваться тѣмъ, что въ Смоленскѣ находился въ это время генералъ-маіоръ Тучковъ, перевезенный сюда съ лубинскаго сраженія, и онъ отправилъ его въ нашу главную квартиру съ мирными предложеніями. Отвѣтомъ послужило полное молчаніе, и дальнѣйшее движеніе Наполеона на Москву началось; самъ онъ выѣхалъ изъ Смоленска одиннадцатаго августа.

Уже 22 октября Наполеонъ возвращался изъ Москвы и провелъ въ Смоленскѣ три дня. Такъ какъ французы вовсе не разсчитывали возвратиться такъ скоро, и въ томъ видѣ, въ какомъ они возвращались, то никакихъ запасовъ въ Смоленскѣ приготовлено не было, и Наполеонъ долженъ былъ присутствовать при ужасныхъ картинахъ голодной смерти и замерзаній. Свидѣтели гово-

рили, что когда онъ входилъ въ Смоленскъ и посѣтилъ соборъ, то въ храмѣ Божіемъ увидѣлъ кучи больныхъ людей, боровшихся со смертію, видѣлъ роженицъ, разрѣшавшихся отъ бремени, пришедшихъ сюда за невозможностью выйти изъ города, и, не моргнувъ бровію, только смотрѣлъ, но не говорилъ ни слова утѣшенія въ этой юдоли страданія. Должно думать, что и въ тѣ три дня, которые онъ провелъ въ Смоленскѣ на обратномъ пути, окружавшій его пейзажъ былъ не менѣе безотраденъ; но внутреннее состояніе его надломленнаго духа должно было быть совершенно инымъ. Съ чисто психологической точки зрѣнія любопытно было бы знать: проскользали ли въ его душу воспоминанія о числѣ сотенъ тысячъ людей, отправленныхъ имъ въ загробное бытіе, скромныхъ обликахъ подполковника Энгельгардта и коллежскаго ассесора Шубина, разстрѣлянныхъ имъ въ Смоленскѣ? Вѣроятно, нѣтъ. Но для Русской земли эти имена безсмертны и, по справедливости, должны бы пользоваться совершенно одинаковою славою, тогда какъ, почему-то, вслѣдствіе странной, но очень нерѣдкой игры случая, о Шубинѣ почти забываютъ, а помнятъ только одного Энгельгардта. Оба они были помѣщиками; оба они, вооруживъ крестьянъ и дворовыхъ людей, защищались отъ мародеровъ и истребляли ихъ; оба были схвачены французами и посажены въ Спасскую церковь, служившую, повидимому, мѣстомъ заключенія преступниковъ, тогда какъ другіе храмы обращались въ конюшни; оба они были, наконецъ, разстрѣляны имп. Энгельгардтъ, не согласившись присягнуть Наполеону, не позволилъ завязать себѣ глаза предъ разстрѣляніемъ.

5-го ноября, въ полночь, тронулся изъ Смоленска во-свояси Ней и разрушилъ взрывами Королевскую крѣпость и восемь годуновскихъ башенъ; вслѣдъ за очищеніемъ французами города, въ него вступилъ маіоръ Горихвостовъ. Когда стали сводить итоги убытковъ, то оказалось, что Смоленская губернія, не считая муки, овса и пр., пожертвовала 9.824,000 руб., а городъ Смоленскъ понесъ убытковъ на 6.592.000 р. Уборка тѣлъ по губерніямъ продолжалась цѣлые три мѣсяца; ихъ клали скирдами, по двѣ сажени вышины, и, прежде зарытія, сожигали.

Одна изъ площадей Смоленска украшена чугуннымъ памятникомъ 1812 г., въ видѣ обелиска, осѣненнаго крестомъ, съ бронзовыми украшеніями, орлами и французскими пушками, открытымъ въ 1841 году; имѣется также памятникъ Глинкѣ, поставленный на Блоньѣ, противъ дворянскаго собранія, и открытый въ 1885 году, по подпискѣ со всей Россіи; скульпторомъ избранъ по конкурсу профессоръ Бокъ; отлитъ памятникъ на бронзовомъ заводѣ Морана. Глинка, въ сюртукѣ, изображенъ стоящимъ и задумавшимся, будто слушающимъ тѣ мотивы изъ «Жизни за Царя» и «Руслана и Людмилы, которые изображены бронзовыми нотными знаками на желѣзной рѣшеткѣ памятника.

Изъ общественныхъ садовъ Смоленска особенно замѣчателенъ Лопатинскій садъ. Вечеромъ, при освѣщеніи фонарями и бенгальскими огнями, типичныя очертанія этого замѣчательнаго по своему расположенію сада исчезаютъ. Надо видѣть его днемъ: тогда замѣтно, что онъ очень красиво разбитъ въ древнихъ стѣнахъ Королевской крѣпости, сооруженной Сигизмундомъ III; по-

крытыя зеленью стѣны эти, такъ сказать, внѣдряются между садовыхъ дорожекъ; всюду по сторонамъ видны бастіоны, куртины, башни чернѣютъ своими отверстіями потерны. Изъ бесѣдки, поставленной на самомъ высокомъ мѣстѣ,

Смоленскъ. Памятникъ Глинкѣ.

замѣчаешь, что стѣны эти, словно не умѣстясь на вершинѣ горы, сбѣгаютъ внизъ къ еле замѣтному отсюда Днѣпру. Садъ этотъ, имѣющій право на гораздо большее вниманіе со стороны города, чѣмъ то, которымъ пользуется,

называется Лопатинскимъ, потому что онъ разбитъ по почину бывшаго смоленскаго губернатора Лопатина.

Изъ старинныхъ храмовъ города, Свирская церковь Архангела Михаила, несмотря на нѣкоторыя пристройки, несомнѣнно, очень древняя, конца XII вѣка, и во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ особаго вниманія. Во-первыхъ, она служитъ прямымъ доказательствомъ того, что древній Смоленскъ, чтобы стать Смоленскомъ нашихъ дней, передвинулся съ прежняго мѣста, что́ является общею чертою всѣхъ нашихъ древнѣйшихъ городовъ. Чтобы добраться до храма, надо выѣхать за городъ, въ пригородъ, по песчаному пути, и, только миновавъ пригородъ, путникъ видитъ эту небольшую, но старинную церковь, окруженную кладбищемъ, на вершинѣ песчанаго холма. Проходитъ въ церковь можно только сквозь отдѣльно стоящую шатровую колокольню и портикъ; храмъ кубической формы съ абсидой, подъ одною головкой; куполъ, съ четырьмя окнами въ барабанѣ, покоится на четырехъ столбахъ; освѣщена церковь въ три свѣта, небольшими окнами въ рѣшеткахъ; арки съ правой и лѣвой стороны неправильной подковообразной профили. Когда-то, очень давно, здѣсь находился центръ города, жили иностранцы и шла торговля; церковь эта служила придворною церковью смоленскихъ князей; подлѣ нея находился дворецъ и еще четыре храма. Сама она славилась красотой во всей «полунощной» и, какъ гласитъ Ипатіевская лѣтопись, на удивленіе людей, изобиловала серебромъ, золотомъ и жемчугомъ. При польскомъ владычествѣ, съ 1611 года, она обращена въ католическую или уніатскую, объ этомъ времени свидѣтельствуютъ польскія фрески съ латинскими надписями. Не безъ участія осталась Польша въ выборѣ сюжетовъ: взяты тѣ изъ нихъ, которые могутъ наводить мысль на превосходство вѣры католической: паденіе стѣнъ іерихонскихъ, то-есть стѣнъ смоленскихъ, состязаніе Христа съ книжниками, апокалипсическая книга съ семью печатями—знакъ побѣды, видѣніе апостоломъ Петромъ сосуда съ гадами, и т. д. Еще характернѣе древняя икона Божіей Матери, на одной сторонѣ которой имѣется живопись православная, а на другой — католическая. Криптографическая надпись на хитонѣ Богоматери читается различно и до сихъ поръ окончательно не разобрана, какъ и многія другія надписи польской иконописи на иконостасѣ. Много потерпѣла эта икона отъ французовъ: часть доски отколота и, вѣроятно, одновременно съ поломанными поломъ, клиросомъ и иконостасомъ, пошла на подтопку въ холодную зиму. Характеръ письма и выборъ предстоящихъ святыхъ на этой иконѣ тѣ же, что́ и на иконѣ московскаго Успенскаго Собора, находящейся на правомъ столбѣ за патріаршимъ мѣстомъ и привезенной изъ Херсонеса. Заслуживаетъ также довѣрія мнѣніе С. Писарева (мѣстный археологъ, церковный староста и завѣдующій смоленскимъ музеемъ) о томъ, что находящійся здѣсь съ 1833 года гробъ, вытесанный изъ бѣлаго известняка, не имѣющій крышки, разбитой при вынутіи гроба изъ земли, въ развалинахъ смоленскаго Борисоглѣбскаго монастыря, на рѣчкѣ Смядынкѣ, принадлежитъ смоленскому князю Давиду Ростиславовичу († 1197 года), а найденный тогда же небольшой гробокъ — его сыну Изяславу; князь Давидъ умеръ, приявъ иноческій санъ, и похороненъ безъ княжескихъ принадлежностей,

а сынъ его—въ золотомъ вѣнчикѣ и съ сѣкирой. По пути въ этотъ храмъ съ береговъ Смядынки, гробъ гостилъ два года въ городской полиціи, а разбитую его крышку маляры употребляли для растиранія красокъ.

Главная церковь Вознесенскаго монастыря—каменная, двухпрестольная, подъ невысокимъ плоскимъ четырехпарусным куполомъ; она построена, какъ разсказываютъ, по плану, собственноручно начертанному Петромъ I. Этимъ великій императоръ хотѣлъ засвидѣтельствовать заслугу игуменьи Маріи Родіанской, которая, по прибытіи Петра въ Смоленскъ въ 1693 году для казни стрѣльцовъ, вошла, будто бы, въ комнату государя и, бросившись къ ногамъ его, упросила отмѣнить казнь. Въ благодарность за то, что игуменья Родіан-

Смоленскъ. Памятникъ 1812 года.

ская «отдала миръ и покой сердцу цареву», деревянная церковь замѣнена, по государеву повелѣнію, каменною. Въ настоящее время въ монастырѣ около 200 сестеръ и послушницъ. Основанъ монастырь въ 1505 году, по повелѣнію великаго князя Василія Іоанновича; при полякахъ въ немъ поселились іезуиты.

Спасо-Аврааміевскій монастырь очень старъ, такъ какъ онъ основанъ за четыреста лѣтъ до постройки старой городской стѣны, что было въ XVI вѣкѣ. Онъ, по завѣту прежнихъ дней, придерживается древнихъ напѣвовъ церковнаго пѣнія. Монастырь, видимо, очень небогатъ, — въ немъ всего четыре монаха и пятнадцать послушниковъ,—и, по сравненію съ женскимъ Вознесенскимъ, доказываетъ, какъ и множество другихъ нашихъ монастырей, преуспѣяніе жен-

скихъ предъ мужскими. Этотъ фактъ, повсемѣстный въ Россіи, можетъ дать содержаніе для безконечнаго множества всякихъ заключеній.

До 1611 года въ монастырѣ покоились мощи перваго архимандрита его, св. Авраамія, неизвѣстно куда скрытыя поляками, тогда какъ мощи св. Меркурія были взорваны ими на воздухъ вмѣстѣ съ городскимъ соборомъ, такъ что въ Смоленскѣ чтятъ память двухъ угодниковъ, когда-то въ немъ покоившихся. Одинъ изъ учениковъ преподобнаго Авраамія, Ефремъ, составилъ жизнеописаніе свв. Меркурія и Авраамія, послужившее основаніемъ для ихъ житій, составленныхъ св. Димитріемъ Ростовскимъ въ Четьи Минеяхъ. Ефремовская рукопись, писанная древнѣйшимъ полууставомъ, хранится въ библіотекѣ мѣстной духовной семинаріи. Жилыя монастырскія зданія послужили въ 1812 году французамъ для помѣщенія лазарета, а храмъ былъ обращенъ въ хлѣбный магазинъ. При полякахъ въ этомъ монастырѣ сидѣли доминиканцы.

При многочисленныхъ переѣздахъ по городу и за городъ, многократно приходилось встрѣчать древнюю городскую стѣну. Этимъ стѣнамъ, дѣлу Годунова, теперь триста лѣтъ; онѣ возникли благодаря обилію рабочихъ рукъ во время голодныхъ годовъ; стѣны имѣли длины болѣе шести верстъ, при ширинѣ отъ полутора до трехъ саженъ, и дробились на части тридцатью шестью башнями колоссальныхъ размѣровъ и разнообразныхъ очертаній. Должно быть, видъ этой стѣны, то взбѣгавшей на горы, то опускавшейся къ Днѣпру, при безсчетномъ количествѣ вышекъ, зубцовъ и бойницъ, былъ однимъ изъ внушительнѣйшихъ. Стѣны Пскова древнѣе смоленскихъ, такъ какъ внутренняя стѣна построена въ XIII вѣкѣ, а наружная въ XV, то-есть когда смоленская еще и не строилась. Замѣчательно, что наружная псковская стѣна имѣла тоже около семи верстъ длины и тридцать семь башенъ. Въ Смоленскѣ сохранилось теперь только семнадцать башенъ; большинство изъ нихъ очень ветхи; одна обращена въ архивъ судебныхъ мѣстъ, другая въ военный архивъ, третья въ тюремную церковь.

Удобна для осмотра, и достойна этого, башня—круглая Веселуха, снабженная внутренними лѣстницами нѣсколько лѣтъ тому назадъ для одного изъ императорскихъ посѣщеній. Она высится на самомъ краю города, на высокомъ холмѣ, по скатамъ котораго разсыпанъ выѣтривающійся кирпичъ и темнѣютъ чахлые кустарники. Кладка башни своеобразная: кирпичи положены не горизонтально, а слѣдуютъ наклону поверхности холма; въ устояхъ стѣнъ кирпичъ клали поперечно, въ стѣнѣ — продольно общему ея направленію. Говорятъ, будто, при постройкѣ башенъ и стѣны, кирпичи эти не подвозились, а передавались изъ рукъ въ руки, отъ самаго Дорогобужа, съ платой по денежкѣ въ день... Низъ башни и стѣны бутовые. Подлѣ самой башни, на краю ската, небольшая церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Мѣстами на стѣнѣ виднѣются деревья.

Видъ съ Веселухи превосходный. Долина Днѣпра не широка, но живописна, благодаря холмистымъ очертаніямъ обоихъ береговъ; замѣтны слѣды старыхъ «окоповъ», а вдали вьется путь двухъ желѣзныхъ дорогъ — московско-брестской и орловско-витебской. Пригороды, какъ и городъ, изобилуютъ

Смоленскъ. Видъ на башню «Веселуху» и Покровскую церковь.

садами; въ разнообразныхъ очертаніяхъ и краскахъ высятся верхи церквей и ихъ колоколенъ. Въ общемъ, видъ Смоленска, несомнѣнно, одинъ изъ красивѣйшихъ и не лишенъ нѣкотораго сходства съ видомъ Кіева: тутъ, такъ же какъ и тамъ, городъ поднимается отъ рѣки уступами, увѣнчанными верхами церквей, и потонулъ въ садахъ; недаромъ смоленскіе сушеные фрукты начинаютъ соперничать въ торговлѣ съ кіевскими, пользующимися извѣстностью еще со времени Екатерины II.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что древнія стѣны Смоленска во многихъ мѣстахъ города могутъ мѣшать будничнымъ требованіямъ жизни, но для сохраненія ихъ слѣдуетъ все-таки сдѣлать все, что можно. Когда, въ 1867 году, по положенію комитета министровъ, нѣкоторыя части стѣны предназначались къ ломкѣ, Александру II угодно было выразить: «Было бы желательно болѣе внимательное охраненіе древнихъ памятниковъ, имѣющихъ, подобно Смоленской стѣнѣ, особое, историческое значеніе». Въ 1869 году, по Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, стѣна эта передана въ хозяйственное распоряженіе смоленскаго губернскаго земства, такъ какъ городу поддержка ея оказалась не подъ силу, а земство выразило на это свое согласіе. Примѣръ этотъ очень назидателенъ и дѣлаетъ смоленскому губернскому земству величайшую честь.

Но если стѣны городскія требуютъ сохраненія и поддержки, то деревянный, на четырехъ устояхъ, мостъ на Днѣпрѣ могъ бы быть замѣненъ болѣе подходящимъ; объ этомъ уже неоднократно заговаривали; стоимость его опредѣлена приблизительно въ 120.000 рублей. Днѣпръ здѣсь мелокъ; къ числу особенностей его слѣдуетъ упомянуть о крупной рыбѣ «вырѣзубъ», очень вкусной, но чрезвычайно костистой, которая, какъ разсказываютъ, держится только въ этихъ мѣстахъ теченія Днѣпра. Не лишено интереса свѣдѣніе о томъ, что въ Днѣпрѣ водились нѣкогда бобры, теперь совершенно исчезнувшіе; изъ записи короля Казимира, 1453 года, подтверждающей оклады, установленные Витовтомъ, явствуетъ этотъ несомнѣнный фактъ. Исчезъ боберъ по всей Европейской Россіи, также точно какъ исчезла сельдь въ Балтійскомъ морѣ по всему его побережью, обильно плававшая до 1313 — 1315 годовъ и замѣненная съ тѣхъ поръ килькой. Измѣнились ли очертанія холмовъ смоленскихъ отъ землетрясенія, бывшаго здѣсь въ 1801 году, неизвѣстно.

Длинный рядъ обозрѣній достопримѣчательностей Смоленска завершился осмотромъ историко-археологическаго музея, помѣщающагося въ зданіи городской думы. Музей открытъ недавно, на пожертвованія, и въ будущемъ представитъ не мало интереса. Любопытны въ немъ изображенія соборной церкви, взорванной поляками въ 1611 году, и медаль Сигизмундова, увѣковѣчивающая этотъ взрывъ; курьезно одѣяніе русскаго консула въ Вильнѣ Давыдова, временъ Екатерины II; есть кой-что изъ курганныхъ раскопокъ, и желающіе отваживаться на смѣлыя заключенія могутъ придраться къ ольвіопольской монетѣ, найденной около Дорогобужа, для того чтобы говорить о торговыхъ сношеніяхъ смольнянъ во времена близкія къ Рождеству Христову.

Въ заключеніе описанія достопримѣчательностей Смоленска не лишнее

будетъ привести нѣсколько строкъ изъ помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» біографіи Хмѣльницкаго, автора извѣстной комедіи «Воздушные замки» и смоленскаго губернатора. Губернаторомъ Хмѣльницкій былъ хорошимъ. Онъ много сдѣлалъ для украшенія города, еще не успѣвшаго поправиться послѣ 1812 года, устроилъ первую въ Россіи губернскую выставку, исправилъ крѣпостную стѣну, снесъ часть горы, мѣшавшей сообщенію нагорной сторонѣ Смоленска съ Заднѣпровьемъ, но, тѣмъ не менѣе, ему пришлось пострадать жестоко по слѣдующему поводу.

Государь приказалъ Хмѣльницкому возобновить въ Смоленскѣ одну изъ башенъ крѣпостной стѣны, разрушенную при нашествіи французовъ въ 1812 г. Башня была возобновлена, но постройка ея обошлась въ такую невѣроятную сумму (что-то около 200.000 рублей), что государь, осмотрѣвши ее въ бытность свою въ Смоленскѣ въ 1832 году, замѣтилъ, обращаясь къ Наслѣднику Александру Николаевичу: «Ну, братъ Саша, кажется въ Россіи только мы съ тобою и не воруемъ».

Хмѣльницкаго сперва перевели губернаторомъ въ Архангельскъ, но такъ какъ ревизіонная комиссія по устройству шоссе набросила подозрѣніе на него, то онъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ просидѣлъ пять лѣтъ, прежде чѣмъ признана была его невинность.

Калуга.

Соборъ. Замѣчательный куполъ. Иконопись. Знамя Старичкова. Калужская икона Божіей Матери. Древнія городища. Сѣверская страна. Разбойники и раскольники. Ромоданово. Видъ города. Кречетниковскія постройки. Былое богатство Калуги и его образчики. Печальное положеніе Оки. Историческія воспоминанія.

Соборъ въ Калугѣ не отличается древностію, такъ какъ еще только недавно вступилъ во второе столѣтіе своего существованія; онъ построенъ во времена Кречетникова, перваго намѣстника тульскаго и калужскаго, бывшаго начальникомъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, Литвѣ и Малороссіи во время раздѣла Польши, умершаго въ званіи графа, пожалованномъ ему, когда онъ лежалъ уже въ гробу, въ 1793 году.

Соборъ очень красивъ и обширенъ. Поверхъ стѣнъ, облицованныхъ разноцвѣтнымъ алебастромъ, на четырехъ массивныхъ опорахъ поднимается очень красивый круглый куполъ, по времени и смѣлости постройки — 56 футовъ въ діаметрѣ—первый въ Россіи. Смѣлая идея его принадлежитъ бывшему городскому архитектору Ясныгину; возможность ея осуществленія оспаривалъ тогдашній профессоръ архитектуры Захаровъ, разсматривавшій, по порученію академіи художествъ, планы этой церкви; неизвѣстно, чѣмъ окончилась переписка по этому дѣлу, но смѣлый, красивый куполъ высится и до сегодня. Внизу, на барабанѣ, въ круглыхъ медальонахъ помѣщаются изображенія святыхъ, между восемью окнами — пророки и апостолы. Въ соборѣ два придѣла; центральный алтарь круглый и между окнами его—колонны; основой иконостаса служатъ четыре коринѳскія колонны. Разсказываютъ, будто лѣтъ двадцать назадъ уничтожена прежняя иконопись иконостаса, исполненная хорошими иностранными художниками, и замѣнена другою, русскою, посредственною, причемъ, будто бы, допущено было на иконахъ старообрядческое сложеніе перстовъ; добавляютъ, будто это было сдѣлано во вниманіе къ тому, что въ Калугѣ много всякихъ старообрядцевъ, чтобы этимъ увеличить число молящихся въ

соборѣ... Правда ли это? О томъ, что многія мѣстности нынѣшней Калужской губерніи, напримѣръ, знаменитые Брынскіе лѣса, дѣйствительно служили центромъ раскола, придется сказать нѣсколько словъ впослѣдствіи.

Въ соборѣ имѣется копія знаменитой, чествуемой во всемъ православномъ мірѣ иконы Калужской Божіей Матери, оригиналъ которой хранится въ семи верстахъ отъ Калуги, на рѣкѣ Калужкѣ, въ мѣстной церкви. Икона эта

Калуга. Каѳедральный Свято-Троицкій соборъ.

явилась въ 1748 году, въ домѣ боярина Хитрова, на чердакѣ, двумъ дѣвушкамъ. По времени появленія, равно какъ по письму (Богоматерь держитъ въ рукахъ книгу) эта икона, конечно, одна изъ самыхъ новѣйшихъ.

Въ соборѣ обращаетъ вниманіе на себя также одна изъ извѣстныхъ всей Россіи военныхъ реликвій—знамя, спасенное калужаниномъ Старичковымъ. Во время войны съ французами, въ 1805 году, знаменщикъ азовскаго пѣхотнаго

полка унтеръ-офицеръ Старичковъ, будучи раненъ, попалъ въ плѣнъ и, сорвавъ знамя съ древка, хранилъ его до самой смерти; умирая, онъ передалъ полковую святыню рядовому Чайкѣ, тоже бывшему съ нимъ въ плѣну, который и представилъ знамя, по освобожденіи изъ плѣна, по принадлежности. Императоръ Александръ I повелѣлъ выдавать семьѣ Старичкова по 400 руб. въ годъ; жители Калуги, чествуя память калужанина, сложились и подарили женѣ Старичкова и его семьѣ домъ, а самое знамя достойно занимаетъ подобающее ему мѣсто въ соборѣ.

Въ русской исторіи Калужская губернія занимаетъ весьма видное мѣсто.

Калуга. Часовня на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило татарское побоище.

Здѣсь, въ 1238 году, когда города Калуги, упоминаемаго впервые въ завѣщаніи Дмитрія Донского, въ 1382 году, вѣроятно, еще не существовало, Батый, послѣ семинедѣльной осады, взялъ Козельскъ, названный имъ за упорную защиту «злымъ городомъ»; татары тогда перебили въ Козельскѣ всѣхъ «отъ отрочатъ до сосущихъ млеко», а о томъ, куда дѣлся малолѣтній князь козельскій Василій, говорится въ лѣтописи такъ: «не вѣдомо есть, инїи глаголаху, яко въ крови утонулъ есть, понеже убо младъ бяше». Вѣрно то, что съ 1238 года началось на Руси иго татарское.

Здѣсь же, въ 1480 году, на берегахъ рѣкъ Угры и Оки, въ 12 верстахъ отъ Калуги, остановился сарайскій ханъ Ахматъ, пришедшій сюда съ намѣреніемъ наказать Іоанна III, отказавшагося платить ему дань. Переправа че-

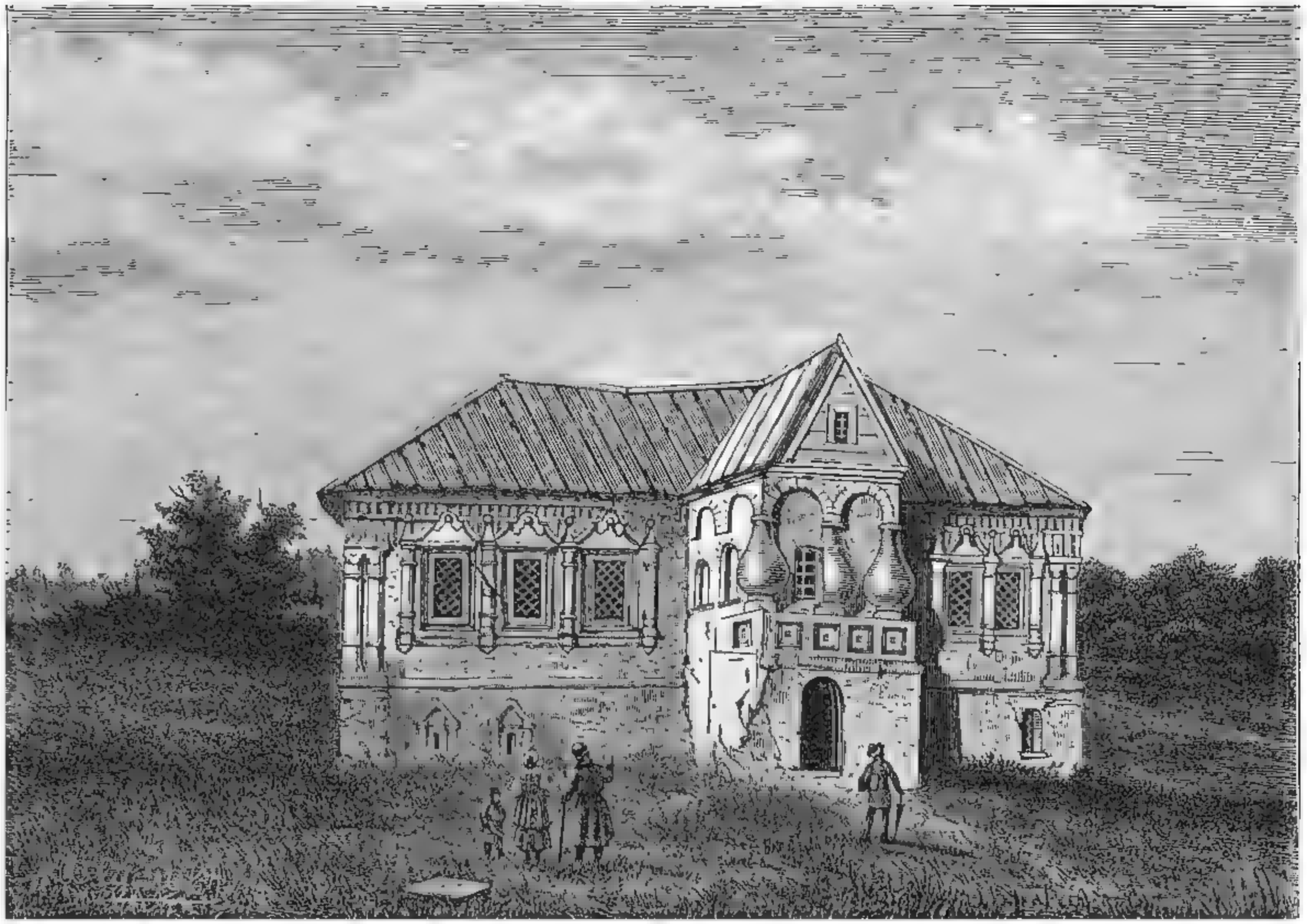
резъ Оку татарской конницы у Опакова городища была отбита, а наступившая зима вынудила хана уйти во-свояси. Этимъ нашествіемъ татарское иго окончилось; зима въ этомъ случаѣ, какъ и въ 1812 году, была пособницей освобожденія. Говорятъ, что то мѣсто при сліяніи рѣкъ Оки и Угры, гдѣ сблизились противники, очень красиво; здѣсь стоитъ старинная церковь, остатокъ бывшаго Спасскаго монастыря, служившаго усыпальницей рода князей Воротынскихъ. Стѣнъ монастырскихъ теперь нѣтъ, но остатки укрѣпленій еще замѣтны; въ верстѣ отъ храма, въ деревнѣ Городцѣ, есть два или три искусственно сдѣланные крытые спуска въ долину рѣки Оки. Не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ при церкви еще имѣлась библіотека со старинными книгами и рукописями; было много могильныхъ плитъ съ надписями о княженіи князей Воротынскихъ. Теперь библіотека куда-то исчезла, а могильныя плиты разбиты. Рѣка Угра, преграждавшая татарамъ дальнѣйшій путь, названа въ мѣстныхъ лѣтописяхъ типичнымъ именемъ «Пояса Богоматери».

Здѣсь же, въ Калугѣ, убитъ тушинскій воръ въ 1610 году. Ближайшимъ, главнымъ очагомъ московской неурядицы тогда служили Калуга и Тула, и судьбѣ угодно было, чтобы именно въ Калугѣ, когда-то гораздо болѣе богатой и людной, чѣмъ теперь, убитъ былъ тушинскій самозванецъ и притомъ рукою татарина.

Здѣсь же, наконецъ, въ 1812 году, послѣ боя подъ Малымъ-Ярославцемъ, Наполеонъ принужденъ былъ отказаться отъ отступленія по мѣстнымъ, не опустошеннымъ войной, и идти тѣмъ же путемъ, по которому шелъ къ Москвѣ: прорвись онъ на югъ, неизвѣстно еще, что бы было. Удача этого славнаго боя очень много зависѣла отъ нѣкоего секретаря малоярославецкаго уѣзднаго суда, чиновника Бѣляева, и вотъ почему. Когда Наполеонъ уже подходилъ отъ Москвы къ Малоярославцу, нашихъ войскъ, кромѣ, кажется, сотни казаковъ, тутъ еще не имѣлось. Французы подошли со стороны рѣки Лужи, запруженной нѣсколькими плотинами и очень многоводной. Кликнувъ кличъ народу, канцелярист Бѣляевъ принялся разносить плотины, что и было исполнено подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ; вода хлынула, разметала мосты, наводимые французами, и, заливъ городскіе луга на много верстъ, задержала вражескую переправу и дала время нашимъ сосредоточиться и начать славный трехдневный бой. По докладу бывшаго губернатора императору Александру III,—докладу, основанному на документахъ и показаніяхъ недавно умершаго генерала Мирковича, состоявшаго ординарцемъ при князѣ Кутузовѣ, разрѣшена подписка по всей Россіи на постановку въ Малоярославцѣ памятника находчивому канцеляристу. Подписка эта дала къ 1888 году сумму въ 9.300 руб. О подвигѣ Бѣляева не упоминаютъ ни Богдановичъ, ни Михайловскій *).

Заговоривъ о необходимости почтить память канцеляриста Бѣляева, слѣдуетъ сказать также о томъ, что правильнѣе было бы называть знаменитый Тарутинскій бой боемъ подъ Чернишней. Въ Тарутинѣ, гдѣ поставленъ па-

*) Постановка памятника Бѣляеву состоялась въ 1895 году.



Калуга. Прежній видъ дома, гдѣ жилъ (1609 г.) второй самозванецъ съ Мариной Мнишекъ.

мятникъ, помѣщался только штабъ Кутузова, и, слѣдовательно, своею славою село это пользуется совершенно несправедливо; самый бой въ офиціальныхъ документахъ называется «боемъ подъ Чернишней», и происходилъ онъ не въ Калужской, а въ Московской губерніи, на берегахъ рѣчки Чернишни, предъ помѣщичьею усадьбой, при сельцѣ Рождественскомъ; знаменитая атака Мюрата у Дешинскаго лѣса происходила въ самой усадьбѣ, продолженіемъ сада которой является этотъ лѣсъ; убитый въ этомъ дѣлѣ генералъ Багговутъ былъ похороненъ въ церкви Рождественскаго села, и уже послѣ тѣло его перевезено въ Лаврентьевскій монастырь подъ Калугой; наконецъ, находящаяся въ Зимнемъ

Калуга. Современный видъ дома, въ которомъ жила Марина Мнишекъ.

Дворцѣ картина Тарутинскаго боя, подтверждая сказанное выше, изображаетъ совершенно наглядно мѣстность подлѣ названной старинной усадьбы, остававшейся, что̀ очень любопытно и рѣдко, около цѣлыхъ 400 лѣтъ въ родѣ Жуковыхъ.

Исторія самаго города мало чѣмъ отличается отъ другихъ нашихъ городовъ. Калуга, сравнительно, моложе другихъ, потому что впервые упоминается, какъ сказано, только подъ 1382 годомъ въ завѣщаніи Дмитрія Донского, которымъ, вѣроятно, и основана для защиты отъ Литвы. Въ XI, XII вѣкахъ здѣсь хозяйничали вятичи, и просвѣщены они изъ Кіева св. Кукшею; ему и его ученику язычники отрубили головы въ селѣ Серенѣ, въ двадцати верстахъ

отъ Мещовска. Сходна исторія Калуги съ исторіей другихъ городовъ нашихъ еще и потому, что Калуга стоитъ вовсе не на томъ мѣстѣ, на которомъ возникла, а передвинулась, съ теченіемъ времени, на четвертое мѣсто, на которомъ и находится съ XVII столѣтія. Эти этапы, замѣтные по древнимъ городищамъ, были изучены еще въ 1871 году профессоромъ академіи наукъ Зуевымъ, при проѣздѣ его черезъ Калугу въ Херсонъ; этапы эти слѣдующіе: въ восьми верстахъ, въ селѣ Калужскѣ; другой, ближе, въ шести верстахъ, при впаденіи рѣки Калужки въ Оку; третій, еще ближе, нынѣ совершенно исчезнувшій, подлѣ самаго города, по пути къ монастырю св. Лаврентія. Говорятъ, что многія мѣста нынѣшней Калуги служили кладбищемъ для старой; еще недавно, при прорытіи трубъ на одной изъ улицъ, обнаружили цѣлое кладбище; говорятъ также, будто около загороднаго сада, погреба многихъ домовъ вырыты посреди другого обширнаго кладбища, причемъ живые люди вступали въ странное общеніе съ умершими, такъ какъ въ этихъ погребахъ нерѣдко провизія лежала на крышкахъ высунувшихся изъ земли гробовъ. Собственно княжескою резиденціею Калуга служила недолго: по смерти Іоанна III она дана, въ 1505 году, князю Симеону, да еще на короткое время, въ 1600 году, Борисомъ Годуновымъ Густаву Шведскому, но замѣнена вскорѣ Угличемъ. Но, прозябая долгіе годы въ тѣни, Калуга пріобрѣла неожиданно важное значеніе къ концу XVI вѣка, ко времени самозванцевъ.

Причины этого заключались въ цѣломъ рядѣ особыхъ условій, содѣйствовавшихъ тому, чтобы Калуга стала опорной точкой для дѣятельности тушинскаго вора. Такъ какъ торной дорогой татаръ съ юга на Москву были всегда калужскіе предѣлы, то уже Іоаннъ IV не мѣшалъ укрываться въ калужскихъ лѣсахъ всякимъ бѣглымъ. Это служило какъ бы подспорьемъ къ осуществленію одной изъ мыслей его—заселить землю Сѣверскую людьми годными на ратное дѣло. Тѣ же взгляды раздѣляли цари Ѳедоръ и Борисъ Годуновъ, такъ что, согласно заявленію Авраамія Палицына, болѣе «двадесяти тысячъ сицевыхъ воровъ, по многѣ времени, въ свѣдѣніи въ Калугѣ и Тулѣ обрѣташеся, кромѣ тамошнихъ собравшихся воровъ». Это пестрое населеніе составляло, какъ замѣчаетъ Щаповъ, готовыя полчища для самозванцевъ, съ одной, и для развитія раскола—съ другой стороны. Скрываясь по засѣкамъ въ Брынскихъ (Мещовскаго уѣзда) и другихъ лѣсахъ, бѣглые разбойники и всякіе отщепенцы только и ждали удобнаго для своей преступной дѣятельности времени. Если служба ихъ самозванцамъ была кратковременна, зато въ исторіи раскола дѣятельность этихъ людей сказывалась гораздо дольше. Она стала особенно рѣзкою со временъ Петра I и управленія св. Дмитрія Ростовскаго (1702—1709), когда, согласно указаніямъ іеромонаха Леонида, въ его «Исторіи церкви въ предѣлахъ Калужской губерніи», расколъ цвѣлъ здѣсь полнымъ цвѣтомъ. Отсюда въ 1668 году бѣжалъ попъ Косьма съ товарищами въ Польшу, гдѣ образовали знаменитую въ исторіи раскола «Вѣтку». Здѣсь раскольники держались въ такой силѣ, что, какъ видно изъ сенатскихъ указовъ 1712 года, они цѣлыми шайками нападали на помѣщиковъ, а въ 1718 даже ограбили Мещовскій Георгіевскій монастырь. Здѣсь, въ Пафнутіевомъ монастырѣ, си-

дѣлъ въ заключеніи попъ Аввакумъ. Наконецъ, какъ видно изъ губернаторскихъ отчетовъ, еще до 1876 года самыми упорными изъ раскольниковъ были здѣшніе боровскіе и бѣлевскіе.

Недалеко отъ Калуги расположено село Ромоданово, съ названіемъ котораго связываютъ имя извѣстнаго князя кесаря, на обязанности котораго было, между прочимъ, выслушивать доклады Петра I объ его военныхъ подвигахъ производить его во всѣ чины, и называвшагося «величествомъ». Кесарскій титулъ перешелъ къ сыну его, пользовавшемуся милостями Екатерины I и Петра II; одному изъ Ромодановскихъ, какъ сообщали, подарено это имѣніе,

Калуга. Никитская улица.

находящееся противъ Калуги, на другомъ берегу рѣки Оки, въ нѣсколькихъ верстахъ.

Красивый барскій домъ въ селѣ Ромодановѣ окруженъ старымъ садомъ, многія аллеи котораго, обсаженныя подрѣзанными деревьями, свидѣтельствуютъ о старыхъ дняхъ, когда у насъ по деревнямъ еще возникали парки, въ настоящее время быстро исчезающіе.

Если смотрѣть изъ долины Оки, Калуга городъ нагорный, что̀ замѣтно и въ самомъ городѣ, въ особенности подлѣ каменнаго моста перекинутаго черезъ сухой Березуйскій оврагъ. Съ моста этого видны и долина Оки, и за-окская сторона. Этотъ мостъ составляетъ одно изъ замѣчательныхъ сооруженій временъ Кречетникова; въ немъ 74 сажени длины и около 15 вышины; онъ со-

стоитъ изъ двухъ ярусовъ каменныхъ арокъ. Мостъ этотъ въ свое время, какъ и куполъ собора, вызвалъ восторженныя описанія современниковъ «на назиданіе и общее свѣдѣніе»; на немъ помѣщалось 28 каменныхъ лавокъ и гранитную кладку связывали желѣзныя полосы. Въ пятидесятыхъ годахъ эти типичныя лавки, при губернаторѣ Смирновѣ, снесены, а желѣзныя связи раскрадены, но мостъ продолжаетъ спокойно выситься, какъ и прежде. Вообще время Кречетникова оставило тутъ много монументальныхъ слѣдовъ: корпуса присутственныхъ мѣстъ, соединенные арками съ крытыми галлереями, губернаторскій домъ и пр.; гостиный дворъ или «красный дворъ» съ нелишенною игривости внѣшностью, окруженный галлереей на круглыхъ столбахъ, съ балюстрадой вдоль крыши, построенъ, кажется, въ 1826 году и производитъ торговли въ годъ на 500.000 руб.

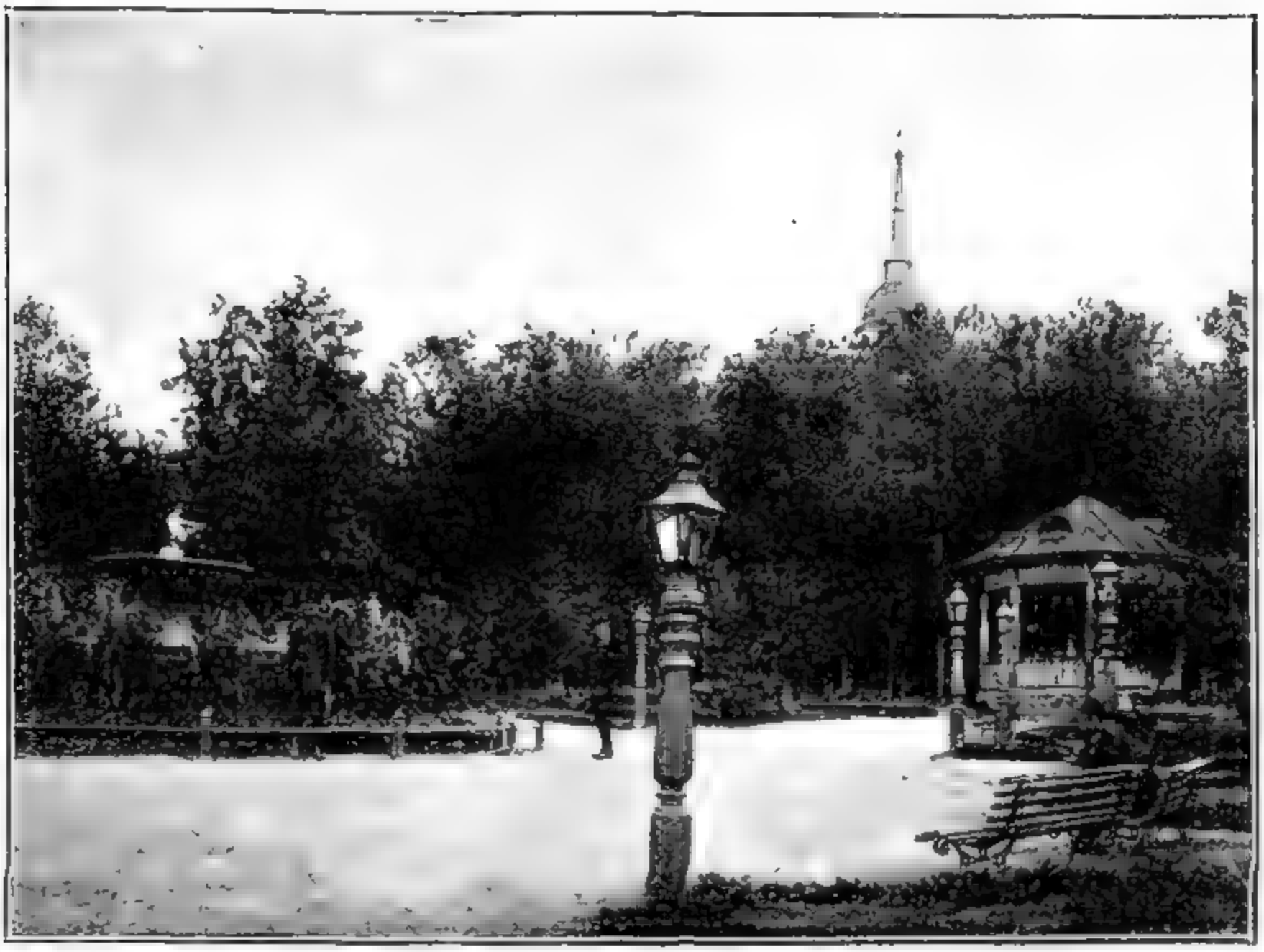
Въ 1886 году сооруженъ въ Калугѣ городской водопроводъ; вода идетъ изъ родника, способнаго дать до 400.000 ведеръ въ сутки, и поднимается на десятисаженную башню; говорятъ, что это мѣсто было подарено когда-то царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ собору или попу Никитѣ. Улицы города въ большинствѣ широки, мощены крупнымъ камнемъ, что, однако, не мѣшаетъ имъ быть иногда непроѣздно грязными. Любопытна легенда, сложившаяся въ народѣ о томъ, будто въ воротахъ между старымъ торгомъ и соборомъ даже зимой таетъ снѣгъ, въ силу того, что тутъ, будто бы, погребенъ тушинскій воръ...

Нынѣшняя Калуга далеко не то, чѣмъ была она въ прежнее время. Любопытенъ въ этомъ отношеніи фактъ, подлежащій, впрочемъ, провѣркѣ, будто послѣ того какъ Наполеонъ I разгромилъ Лейпцигъ, современный тѣмъ днямъ городской голова Калуги, кажется Золотаревъ, простилъ Лейпцигу, отъ имени Калуги, съ которымъ она торговала, 12 милліоновъ рублей долгу, вслѣдствіе чего въ Лейпцигѣ на биржѣ былъ, будто бы, вывѣшенъ портретъ, или поставленъ бюстъ, съ надписью «благодѣтелю города Лейпцига»... Но и гораздо раньше этого имѣлись въ Калугѣ представители очень крупныхъ торговыхъ предпріятій; такъ, въ 1756 году калужскій «первостатейный» купецъ Шемякинъ, заодно съ ярославскимъ купцомъ Ярославцевымъ, учредилъ «Константиновскую коммерческую компанію», существовавшую до 1762 года, а въ 1757 году, тотъ же Шемякинъ взялъ на шестилѣтній откупъ всѣ россійскія портовыя, пограничныя и внутреннія пошлины. Факты эти очень убѣдительны; они значатся въ калужской лѣтописи, рукописи Руссова и приведены въ очень хорошемъ изслѣдованіи исторіи Калуги («Памятная книжка» на 1861 годъ) Щепетовымъ-Самгинымъ.

Къ открытію намѣстничества въ 1776 году, а въ особенности послѣ этого открытія, Калуга могла считаться городомъ очень богатымъ и, въ торговомъ отношеніи, очень важнымъ. Она въ свое время, по торговлѣ хлѣбными и мясными грузами, саломъ, щетиной и пр., какъ центральный пунктъ окскаго бассейна, служила посредницей между нашимъ югомъ и Орломъ, съ одной стороны, и Тулой, Смоленскомъ, Царствомъ Польскимъ, Петербургомъ и Ригой, а слѣдовательно и съ заграницей (Лейпцигъ, Берлинъ),—съ другой; въ

ней имѣлось нѣсколько различныхъ заводовъ, парусныхъ, кафельныхъ, писчебумажныхъ, пивоваренныхъ; кожевенное производство стояло такъ высоко, что старожилы еще помнятъ, какъ пріѣзжалъ сюда извѣстный кожевенный заводчикъ американецъ Диксонъ и приходилъ въ восторгъ отъ выдѣлки кожъ. Говорятъ, въ Калугѣ сосредоточивалась также торговля жемчугомъ, отпускавшимся отсюда на сумму до 200.000 р. Съ Царствомъ Польскимъ торговали всякимъ товаромъ на 300.000 р.; однихъ яблоковъ и грушъ шло въ Москву на 100.000 р.; деревянная посуда вывозилась отсюда за границу еще въ XVI вѣкѣ.

Насколько точны эти цифры, взятыя съ показаній мѣстныхъ людей, сказать трудно; но несомнѣнно, что нынѣшняя Калуга далеко отстала отъ прежней.



Калуга. Городской садъ.

Еще дѣйствуютъ, это правда, нѣсколько кожевенныхъ заводовъ, да работаетъ сотня кустарей-веревочниковъ; еще имѣется налицо извѣстное «калужское тѣсто», бѣлое и черное, лакомство очень древняго происхожденія, которое продавалось, говорятъ, не вѣсомъ, а мѣрой «на локоть», то-есть сколько его оставалось на рукѣ, опущенной въ кадку по локоть, но это, конечно, не важная торговля. Все былое богатство Калуги являлось, безспорно, слѣдствіемъ судоходства по Окѣ и ея притокамъ.

По описаніямъ тѣхъ дней, обильная хорошею рыбой Ока была многоводна, глубока, снабжалась водой изъ семнадцати славныхъ рѣкъ, не считая ручьевъ; если допускалось запруженіе рѣкъ, то не иначе, какъ со шлюзами для про-

пуска судовъ и плотовъ. Центральнымъ пунктомъ верховьевъ Оки была Калуга съ рѣкой Угрой, приближавшею ее къ Смоленску, и рѣкою Упой, приближавшею къ Тулѣ. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, подъ городомъ стояли цѣлые караваны судовъ, отъ Бора до Плашкоутнаго моста; видѣлись суда изъ-подъ Нижняго, съ Волги, а по берегамъ высились въ три ряда хлѣбные магазины, амбары и лѣсныя биржи; барки устанавливались на протяженіи трехъ верстъ, — тогда какъ теперь, какъ это значится въ «Памятной книжкѣ» 1885 года, барокъ бываетъ отъ 10 до 20, не болѣе. «Какъ все это мало похоже на современную Калугу», —говоритъ мѣстный, заслуживающій полнаго довѣрія, изслѣдователь. «Ока, продолжаетъ онъ, имѣетъ самый печальный видъ и едва доступна самому ничтожному судоходству; маленькіе плоскодонные пароходики, числомъ пять, едва добираются до Серпухова, съ одной, и до Бѣляева, съ другой стороны, да и то не безъ того, чтобы нѣсколько разъ не сѣсть на мель, а барки съ капустой едва добираются до Калуги. Ока стала въ этихъ мѣстахъ чуть-ли не сплавной рѣкой; изъ семнадцати сплавныхъ притоковъ ея, остались сплавными только Угра, Жиздра и можетъ быть еще Болва, всѣ остальныя обратились въ запруженныя цѣлымъ рядомъ плотинъ рѣчонки, едва питающія нѣсколько мельницъ. Ни о какой заграничной торговлѣ не можетъ быть и рѣчи; большое кожевенное и другія производства почти совсѣмъ не существуютъ; торговые дома Фалѣевыхъ, Игнатьевыхъ и другихъ, получавшіе, лѣтъ тридцать назадъ, пушные товары прямо изъ Сибири, прекратили свои дѣла; Калуга не только не посредница между нашимъ югомъ и заграницей, но сама живетъ милостями Ельца и Ряжска, а сало и щетина развѣ только грезятся во снѣ мѣстнымъ старикамъ».

Причины всего этого заключаются въ измѣненіи общаго строя Россіи, въ особенностяхъ развитія желѣзнодорожныхъ путей сообщенія и, главное, въ полномъ невниманіи къ кормилицѣ Окѣ. Съ одной стороны, высохла Ока, потому что погибли лѣса, потому что изсякли ея притоки, а о сохраненіи Оки не заботились; глубина ея въ Калугѣ нынѣ наибольшая только три сажени, а поднялась она весной 1888 года на цѣлые 22 аршина; правда, говорятъ, будто въ сороковыхъ годахъ крупный помѣщикъ Шепелевъ составилъ проектъ охраненія и урегулированія Упы и Угры и подалъ его въ министерство путей сообщенія, но отвѣта на проектъ не послѣдовало. Съ другой стороны, при постройкѣ желѣзныхъ путей, Калуга, переставъ быть пунктомъ центральнымъ, складочнымъ, стала проходною станціей, потому что какъ Смоленскъ, такъ и Тула получили, черезъ Москву, прямое сообщеніе съ Орломъ, Курскомъ и всѣмъ югомъ Россіи. Слѣдуетъ замѣтить, что причины приниженія Калуги обусловили возникновеніе новыхъ центровъ; такъ, лѣсная и рыбная торговля перебрались въ Алексинъ, занимающій по товарному движенію первое мѣсто въ губерніи, а хлѣбная торговля перешла на станцію Мятлево, занимающую по товарному движенію третье мѣсто въ губерніи. Во всемъ этомъ несетъ Калуга отвѣтственность за своихъ дѣдовъ и отцовъ, допустившихъ засореніе Оки и ея притоковъ.

Находящійся недалеко отъ Калуги Лаврентьевскій монастырь основанъ,

какъ говоритъ преданіе, княземъ Симеономъ Іоанновичемъ надъ гробомъ калужскаго чудотворца св. Лаврентія юродиваго, умершаго въ 1515 году. Мощи его покоятся въ нижней, теплой церкви соборнаго храма, въ богатой ракѣ, крытой малиновою сѣнью съ подзорами, на золоченыхъ столбахъ. Самъ соборный храмъ достаточно великъ, покрытъ четырехъ-ярусным сводомъ и имѣетъ очень не художественную стѣнопись; древностей не представляетъ онъ никакихъ. Приближаясь къ монастырю отъ города, приходится проѣзжать слободу Подзаволье, населенную, въ значительной степени, сапожниками, и довольно старый сосновый боръ; недалеко отсюда другой, гораздо бо̀льшій сосновый боръ, принадлежитъ городу. Самый монастырь не великъ, такъ какъ въ немъ всего четыре монаха и семь послушниковъ, но здѣсь изстари пребываетъ калужскій преосвященный.

Калужская епархія открыта въ 1800 году, и первымъ іерархомъ ея былъ Ѳеоктистъ; онъ поселился тогда же на жительство въ Лаврентьевскомъ монастырѣ. Любившій блескъ и пышность, статный и высокій, носившій даже дома богатые, бархатные подрясники и шитые золотомъ башмаки, дорогіе чулки, цѣнныя подвязки, ходившій на прогулки не иначе какъ въ шляпѣ и съ дорогою тростью въ рукахъ (Исторія церкви въ Калужской губерніи, Леонида), купившій для архіерейскихъ выѣздовъ лучшую карету, которую можно было отыскать въ Москвѣ, а именно императорскій берлинъ, оказавшійся почему-то неудобнымъ для Высочайшихъ особъ, Ѳеоктистъ, первый калужскій преосвященный, отличался также высокою образованностью и дѣлалъ много добра. «Кто не умѣетъ устроить своего дома, говорилъ онъ, тотъ плохой строитель и въ домѣ Божіемъ, гдѣ всѣ мы лишь работники», и этимъ давалъ онъ нѣкоторое объясненіе своимъ взглядамъ на хорошую обстановку жизни. Его преемникъ Евлампій, переживший страшное время наполеоновскаго погрома, несмотря на свою болѣзненность, тоже любилъ дорогія платья и ввелъ здѣсь обычай носить монахамъ камилавки, широкія вверхъ, тогда какъ до того носили камилавки святогорскаго покроя, низкія, кверху нѣсколько съуженныя; онъ имѣлъ обычай платить за всякую работу не иначе какъ по рублю: за сшитую новую рясу и за пришитую пуговицу. Характеренъ способъ насажденія имъ сада въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, котораго въ немъ до него недоставало. Это случилось такъ; съ приближеніемъ весны, приказалъ преосвященный изготовить множество лопатъ, кирокъ, топоровъ, пригласилъ на рекреацію ректора семинаріи со всѣми служащими и учениками, угостилъ ихъ и, самъ подавъ примѣръ, разбилъ и народилъ садъ, такъ-сказать, во мгновеніе ока. Характерно то, что оба первые названные калужскіе преосвященные любили также держать хорошихъ лошадей, рысаковъ, и крупный рогатый скотъ; оба они развели въ Лаврентьевскомъ монастырѣ съ большимъ успѣхомъ холмогорскую породу. Не лишнее будетъ замѣтить, что Ѳеофилакту обязанъ своею фамиліей извѣстный профессоръ Надеждинъ, названный имъ такъ въ семинаріи, вслѣдствіе бойкости его отвѣтовъ на экзаменѣ. Монастырское кладбище имѣетъ много красивыхъ памятниковъ; между прочимъ, на немъ похоронены: поэтъ Нелединскій-Мелецкій († 1829), генералъ Багговутъ, убитый подъ

Тарутинымъ-Чернишней и бывшій военный министръ Сухозанетъ. Здѣсь же, въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, прибывъ къ Калугѣ, остановился нѣкогда тушинскій воръ и нѣсколько позже убитъ и обезглавленъ по сосѣдству съ этимъ монастыремъ.

Въ Калугѣ заслуживаютъ вниманія земскій инвалидный домъ и училища: женское епархіальное, желѣзнодорожное, техническое и реальное; въ домѣ, за-

Калуга. Церковь св. Георгія «За верхомъ».

нимаемомъ нынѣ городскимъ трехкласснымъ училищемъ, жилъ когда-то знаменитый имамъ Кавказа рыжебородый Шамиль.

Замѣчательнѣйшій въ Калугѣ домъ,—это такъ-называемый домъ Марины Мнишекъ, въ которомъ, по преданію, жилъ тушинскій воръ. Домъ этотъ принадлежалъ Коробову, умершему четверть вѣка тому назадъ, человѣку, способному служить темой для легенды; онъ торговалъ жемчугомъ, никого не принималъ къ себѣ, нерѣдко уходилъ гулять по длиннымъ подземнымъ ходамъ, существующимъ подъ домомъ якобы и теперь, но предъ этими прогулками тщательно запиралъ всѣ наружныя двери; не подъ землей ли находилъ онъ мари-

нинскіе жемчуги? Позже домомъ этимъ владѣла вдова генерала Сухозанета, подарившая его калужскому дворянству.

Трудно представить себѣ болѣе наглядный памятникъ богатаго каменнаго частнаго дома времени самозванцевъ, и нигдѣ, конечно, какъ въ Калугѣ, не сказалось это дикое время болѣе ясно, болѣе рельефно.

Время перваго самозванца прошло для Калуги, какъ извѣстно, сравнительно тихо, но взбаломученныя страсти обусловили то, что князья Шаховской и Телятевскій взволновали, во имя другого, еще не пріисканнаго ими, самозванца, всю сѣверную, населенную всякимъ сбродомъ, страну, и тогда же

Калуга. Церковь Женъ Мироносицъ.

выдвинулась впередъ замѣчательная, не вполнѣ объяснимая, личность холопа князя Телятевскаго—Болотникова. Ставъ во главѣ этого сброда, во имя царя Дмитрія, идетъ онъ отъ Калуги въ Москву; разбитый Скопинымъ 2 декабря 1606 года, онъ прячется въ Калугу и становится снова во главѣ 10.000 войска; разбитый Шуйскимъ, онъ вторично прячется въ Калугу, укрѣпляетъ ее, обводитъ валомъ и двойнымъ рвомъ. Посланный царемъ осадить и взять его, Шуйскій не можетъ, однако, достичь желаемаго; не болѣе того дѣлаютъ другіе, посланные противъ Болотникова, князья; не удается князю Мстиславскому сжечь острогъ, стоявшій на мѣстѣ нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ, при помощи «деревянной горы», подведенной къ острогу: Болотниковъ дѣлаетъ

самъ вылазку и самъ сжигаетъ деревянную гору. Попытки царя склонить Болотникова къ покорности остаются тщетны; Москва принимаетъ даже предложеніе врача Фидлера—отравить Болотникова; Фидлеръ, получивъ московскія деньги, пріѣзжаетъ въ Калугу и, увѣдомивъ Болотникова о цѣли своего пріѣзда, получаетъ другія деньги. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ осады, при томъ условіи, что Болотникову передавались 15.000 царскихъ воиновъ, 3 мая 1607 года приходится царскимъ войскамъ снять осаду Калуги.

Только въ августѣ 1607 года въ Стародубѣ явился человѣкъ, принявшій на себя роль самозванца, названнаго тушинскимъ воромъ, ему отворили ворота почти всѣ сѣверскіе города, вокругъ него стало войско, и онъ явился подъ Москву, въ село Тушино, куда прибыла и красавица Марина, не замедлившая признать его за своего перваго мужа и тайно съ нимъ обвѣнчавшаяся. Здѣсь сослужилъ службу Россіи, самъ того не предвидя и не желая, король польскій Сигизмундъ; въ надеждѣ переманить къ себѣ тушинцевъ, онъ устроилъ противъ вора заговоръ, узнавъ о которомъ, воръ ночью 29 декабря 1609 года въ навозныхъ саняхъ, въ сопровожденіи своего шута, — у него уже завелся шутъ,—и немногихъ приближенныхъ, оставивъ Марину, бѣжалъ въ Калугу, куда и прибылъ 1 января и остановился въ Лаврентьевскомъ монастырѣ. Калужане не замедлили признать его, и этимъ началось его, тушинскаго вора, калужское царствованіе, образовался калужскій дворъ. Въ февралѣ, въ трескучій морозъ, сопровождаемая слугой и служанкой, прибыла въ Калугу на конѣ Марина; прибыла она ночью, одѣтая въ польскій мужской кафтанъ изъ краснаго бархата, въ сапогахъ со шпорами, съ лукомъ и туломъ за плечами, а можетъ-быть съ пистолетомъ и при саблѣ. Она тоже не замедлила составить свой штатъ, но только исключительно изъ однѣхъ нѣмокъ, потому что полекъ налицо не имѣлось. Жители Калуги оказались очень довольны ея пріѣздомъ. Она остановилась, вѣроятно, въ домѣ, носящемъ ея имя.

Это были кровавые, пестрые, дикіе дни Калуги! Желая отомстить полякамъ за тушинскую измѣну, а заодно уже и нѣмцамъ, тушинскій воръ повелѣлъ истреблять ихъ вездѣ и всегда. Такъ провѣдалъ онъ, что много нѣмцевъ обрѣтается къ Козельскѣ и велѣлъ притащить ихъ оттуда, чтобы утопить въ Окѣ. Въ числѣ этихъ 52 человѣкъ прибылъ и пасторъ Мартинъ Беръ, оставившій намъ извѣстное описаніе событій того времени; онъ чрезъ посредство нѣмокъ, окружавшихъ Марину Мнишекъ, успѣлъ выхлопотать какъ себѣ, такъ и прибывшимъ съ нимъ товарищамъ помилованіе.

Калуга тѣмъ временемъ веселилась и пировала. Походъ самозванца на Москву, состоявшійся въ іюлѣ, оказался неудаченъ, и онъ снова вернулся въ Калугу. Казни слѣдовали за казнями; не довольствуясь избіеніемъ поляковъ и нѣмцевъ, воръ началъ избивать своихъ преданныхъ ему татаръ, и на этомъ погибъ: онъ пристрѣленъ въ 1611 году въ верстѣ отъ города, при выѣздѣ на охоту, княземъ Арасланомъ, отрубившимъ ему вслѣдъ затѣмъ голову. Шутъ Кошелевъ, сопровождавшій убитаго, вернулся въ городъ, поднялъ тревогу; ударили въ колокола, палили изъ пушекъ; Марина, готовившаяся въ то время стать матерью, призывая калужанъ къ мести, бѣгала изъ улицы въ

улицу, даже ночью, полунагая, съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ. Толпы народа то и дѣло ходили къ Лаврентьевскому монастырю смотрѣть обезглавленнаго царька, лежавшаго не вдали, а затѣмъ, обмывъ самозванца, похоронили его въ Троицкомъ соборѣ. Соборъ этотъ, немного позже, когда Калугой владѣлъ Сагайдачный, былъ сожженъ имъ наравнѣ со многими другими церквами; скоро вслѣдъ затѣмъ родила Марина сына «царевича», названнаго Иваномъ.

Сколько во всемъ этомъ красокъ, ожидающихъ художественнаго воспроизведенія; тутъ даны исторіей величайшіе сюжеты трагедіи и любопытнѣйшія темы для оперетокъ. Бредъ и неистовства не замедлили прекратиться, и близилось время успокоенія; извѣстно, что уже подъ знаменитою уставною грамотой земской думы, по слову Гермогена и Ляпунова, въ числѣ 25 городовъ подписались и калужане.

Не въ томъ ли именно домѣ, который носитъ теперь звучное имя Марины Мнишекъ и по подземнымъ ходамъ котораго искалъ свой жемчугъ таинственный Коробовъ, происходило или предначертывалось многое изъ того, что разсказано?

Посрединѣ широкаго двора, поросшаго за долгіе годы не только густою травой, но и могучими деревьями, отѣняющими значительную его часть,—двора, кое-гдѣ изрытаго грядками и никогда ничьею рукой не прибираемаго, почти не видный съ улицы изъ-за деревяннаго забора, стоитъ домъ Марины Мнишекъ. Въ немъ, принадлежащемъ калужскому дворянству, поселены бѣдные люди, и, согласно требованіямъ этой бѣдной жизни, внутренность дома совершенно передѣлана; внизу четыре комнаты подъ тяжелыми сводами и столько же наверху подъ потолкомъ. Одна изъ старухъ, живущихъ въ домѣ, разсказала, что въ крайней комнатѣ, внизу, не было вовсе дверей, и что она, старуха, сама спускалась въ нее сквозь какое-то отверстіе; имѣется, говорятъ, заложенная лѣстница въ одной изъ стѣнъ. Грязь въ домѣ неописуемая; свѣту въ комнатахъ внизу очень немного, такъ какъ окна малыя, рѣшетчатыя; въ одномъ изъ темныхъ угловъ является груда мусора, главною составною частью которой являются изразцы и кафели разобранныхъ старыхъ печей и желѣзные прутья древняго громаднаго фонаря, высившагося когда-то на шпилѣ, торчащемъ и теперь надъ крышей.

Но если отъ внутренняго убранства дома не сохранилось ничего, то внѣшность его, за малыми исключеніями, сохранилась полностью. Граціозное крыльцо на столбикахъ, каменныя колонковыя обрамленія оконъ, фигурчатые пояса стѣнъ, молчаливо выносятъ непріятное лицезрѣніе сорнаго двора, оживляемаго поросятами, курами и драпируемаго сохнущимъ бѣльемъ.

Почтенныхъ остатковъ древности, подобныхъ дому Марины Мнишекъ, въ Калугѣ немного, если не считать остатковъ древнихъ стѣнъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ одной только Калугѣ, и именно въ губернаторскомъ домѣ, сохранились какимъ-то чудомъ екатерининскіе часы. Говорятъ, будто, при учрежденіи намѣстничествъ, Екатерина II разослала такіе часы и въ другія намѣстничества; но о нихъ какъ-то не слышно. Часы эти старые, портоновскіе,

съ музыкой. Кажется, имѣлись въ Калугѣ и другіе подобные, присланные императрицей губернскому прокурору. Современенъ этимъ часамъ ковчегъ—соединеніе дерева съ бронзой, въ которомъ, въ помѣщеніи дворянскаго собора, хранится грамота, данная тою же императрицей.

Сама Екатерина II посѣтила Калугу въ 1775 году, причемъ пріѣзжала «нарочно» для ея осмотра; мѣстное женское одѣяніе, теперь почти совершенно исчезнувшее, полюбилось императрицѣ настолько, что на двухъ медаляхъ, выбитыхъ въ 1766 и 1779 годахъ, изображена она въ этомъ калужскомъ одѣяніи, причемъ на послѣдней медали имѣется надпись: «Се како любитъ ю». Въ такомъ же нарядѣ повелѣла императрица написать и свой портретъ. Тогда же посѣтила она полотняную фабрику Гончарова въ Медынскомъ уѣздѣ, въ селѣ Полотняный Заводъ, въ память чего отлито было въ Италіи изображеніе императрицы во весь ростъ, въ греческомъ одѣяніи, переданное впослѣдствіи Гончаровыми въ Екатеринославъ, гдѣ оно и находится. Въ селѣ Полотняный Заводъ, въ тридцатыхъ годахъ, гостилъ зачастую у своихъ родственниковъ А. С. Пушкинъ, и тамъ существовала, говорятъ, бесѣдка, нынѣ сломанная, вся исписанная его стихами. Село это замѣчательно и до сегодня разведеніемъ канареекъ; ихъ продано въ 1887 году на 7.500 рублей, и дѣломъ этимъ занимались сто домохозяевъ. Въ былое время нѣкоторые изъ нихъ возили канареекъ въ Томскъ и Иркутскъ и даже до Китая.

Если мало въ Россіи городовъ, имѣющихъ такія любопытныя страницы исторіи, какъ Калуга; если мало такихъ, которые, въ силу множества причинъ, потеряли такъ много въ своемъ значеніи, какъ она, то и Калужская губернія, въ нынѣшнемъ ея быту, представляетъ нѣсколько вполнѣ характерныхъ особенностей. Во-первыхъ, несмотря на то, что губернія эта одна изъ бѣднѣйшихъ по качеству и количеству земляныхъ угодій, исключая роскошныя долины Оки и Угры, здѣшній народъ все-таки не бѣднѣетъ, и губернія является чуть ли не второю или третьею губерніей въ Имперіи, по производимымъ ею платежамъ и сборамъ; она, изъ-года-въ-годъ, почти безнедоимочна; изъ двухмилліоннаго оклада, въ ней не добирается не болѣе двадцати или тридцати тысячъ рублей, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ недоимкѣ оказалась одна копейка. Есть уѣзды, въ которыхъ по взысканію недоимокъ вовсе не прибѣгаютъ, народъ платитъ самъ, и казначейства въ концѣ декабря едва успѣваютъ принимать платежи. Другою особенностью губерніи является подвижность ея населенія; такъ, въ 1887 году уходило на заработки мужчинъ, женщинъ и дѣтей—135.953 человѣка, то-есть четвертая часть всего населенія, въ рабочемъ возрастѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что недавнее обложеніе акцизомъ спичекъ коснулось, главнымъ образомъ, Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи, потому что изъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 4 января 1888 года видно, что изъ всего ожидавшагося сбора на этотъ предметъ по всей Имперіи, до 1 милліона рублей, около половины, то-есть 450.000 руб., падало на Калужскую губернію.

Замѣтимъ въ заключеніе, разставаясь съ Калужской губерніей, что, какъ древне-русское насиженное мѣсто, она изобилуетъ очень многими обителями.

Упомянемъ изъ нихъ только о трехъ. Пафнутьевскій монастырь извѣстенъ знаменитой защитой князя Волконскаго противъ войскъ Лжедмитрія II, въ 1610 г., князя, убитаго у лѣваго клироса во главѣ другихъ 12.000 человѣкъ, тоже сразу избіенныхъ; Георгіевскій монастырь испыталъ на себѣ когда-то отважную дерзость раскольниковъ, разграбившихъ его; наконецъ Оптина пустынь, основанная преподобнымъ Оптой, раскаявшимся разбойникомъ. Послѣднюю изъ нихъ посѣтилъ, незадолго до смерти, покойный Ѳ. М. Достоевскій; основныя черты земного бытія основателя пустыни, бывшаго разбойника, отличающіяся большою характерностью въ ряду жизнеописаній другихъ преподобныхъ, основавшихъ другія обители, послужили, конечно, притягательною силой этого посѣщенія; для объясненія этого достаточно припомнить фундаментальныя линіи всѣхъ крупнѣйшихъ произведеній автора «Преступленія и Наказанія» и «Братьевъ Карамазовыхъ», идущія отъ глубочайшаго паденія человѣка, путемъ раскаянія, вѣры и подвига, къ его нравственному перерожденію; преподобный Опта фактически пережилъ нѣчто подобное, и посѣщеніе его обители Ѳ. М. Достоевскимъ вполнѣ объяснимо.

Тула.

Тульскій кремль. Соборъ. Замѣчательная стѣнопись и ея исторія. Исторія Тулы. Самозванцы. Болотниковъ. Затопленіе Тулы. Оружейный заводъ и его исторія. Значеніе Тулы для Россіи. Родъ Демидовыхъ. Арсеналъ. Древнехранилище архіерейскаго дома и замѣчательный храмъ. О живописныхъ фигурахъ.

Успенскій соборъ въ Тулѣ находится въ Кремлѣ, расположенномъ подлѣ рѣки Упы и ея плотины и канала, игравшихъ такую видную роль въ исторіи города. Стѣны стараго Кремля сохранились до нашихъ дней почти въ цѣлости. Онѣ расположены четырехугольникомъ, изрѣзаны по верху зубцами, имѣютъ длины около версты и десять башенъ, и кажутся новѣе, чѣмъ стѣны другихъ нашихъ кремлей; прежній каменный кремль былъ построенъ въ 1520 году при великомъ князѣ Василіи, внутри еще болѣе древней деревянной стѣны, и назначался для защиты города отъ татаръ и литовцевъ; въ 1784 году, по повелѣнію Екатерины II, при намѣстникѣ Кречетниковѣ, обветшалыя стѣны подновлены; башни вторично надстроены въ 1821 году при Балашовѣ, и вотъ почему тульскій Кремль выглядитъ гораздо юнѣе и бодрѣе всѣхъ своихъ маститыхъ однолѣтковъ. На площади, въ Кремлѣ, поднимаются рядомъ два собора: лѣтній и зимній. Соборъ этотъ еще издали замѣтенъ своими пятью луковичными маковками, окрашенными рѣзкою синею краской, по которой разсыпаны золоченныя звѣзды, и очень высокою 33-саженною, отдѣльно сидящею, колокольней. Соборъ просторенъ и красивъ. Восьмигранный куполъ его имѣетъ восемь оконъ и покоится на четырехъ опорахъ; въ храмѣ—три нефа, накрытые круглыми сводами; окна, по десяти съ каждой стороны, расположены въ два свѣта; иконостасъ золоченый, четырехъ-ярусный; нижнія части столбовъ обрамлены иконами въ богатыхъ ризахъ, большею частью посильными вкладами богатыхъ тульскихъ купцовъ. Храмъ изобилуетъ фресковою живописью: она разстилается по всей верхней части стѣнъ; живопись имѣется также въ куполѣ и въ боковыхъ нефахъ; между оконъ, на стѣнахъ, помѣщены изображенія извѣстнѣйшихъ ликовъ Богородицы,

наиболѣе чествуемыхъ въ народѣ; въ каждомъ изъ оконъ, въ аркахъ, — по изображенію Спасителя, а подъ окнами—изображенія церковныхъ соборовъ. Это обильное «постѣнное расписаніе»—однолѣтокъ самому собору, освященному въ 1766 году; въ современной тѣмъ днямъ «описи собора» значится: «два лѣта росписывали 36 человѣкъ стѣннымъ писаніемъ ярославскіе иконники Аоанасій Андреевъ Шустовъ съ товарищами, дано имъ... (въ текстѣ пропускъ), а потомъ имъ же уступлено прежнихъ около 750 руб.»; «еще же на оныхъ иконниковъ стало харчей привести изъ Ярославля и обратно отвести въ Ярославль и дано стѣноносѣдцемъ, подмощикомъ и левкащикомъ толкачамъ извести, тирщикамъ

Тула. Развалины старинныхъ зданій.

красокъ, за посуду и кисти пшеницы, клею, вина и пива: а было тирщиковъ на каждый день по 8 человѣкъ, да еще поденщиковъ было толкачей, подмощиковъ, водоносовъ извести на каждый день расположено было по 30 человѣкъ и иное росписаніе со всѣми означенными припасами и съ золотомъ всего вышло денегъ 3.000 рублей». Начали они свои работы въ маѣ 1765 года, окончили въ сентябрѣ 1767 года, и, какъ по сохранности, такъ и по обилію живописи, фрески тульскаго собора достойны довольно обстоятельнаго изслѣдованія. Между множествомъ иконъ есть очень богатыя, но древнихъ нѣтъ. Три иконы собора принадлежатъ кисти извѣстнаго сто лѣтъ тому назадъ въ Тулѣ иконописца Григорія Бѣлоусова. Этотъ Бѣлоусовъ былъ тульскимъ оружейникомъ и пользовался доброй славой и хорошими заработками, когда въ 1768 году коломенская консисторія указала, чтобы «въ Тулѣ за иконописными худож-

никами имѣть смотрѣніе иконописцу купцу Уральскому». Бѣлоусовъ обидѣлся этой опекѣ и писалъ въ прошеніи слѣдующее: «Я нижайшій имѣю живописное художество, писанное изъ яйца на подобіе греческаго писанія, а онъ, Уральскій, пишетъ изъ масла живописнымъ художествомъ, и такъ ему, за неимѣніемъ яишнымъ мастерствомъ писанія, за мною присмотра имѣть невозможно». Чѣмъ кончилось это характерное пререканіе,—неизвѣстно. Любопытенъ и слѣдующій фактъ изъ тульскаго иконописанія. На одномъ изъ столбовъ собора имѣется образъ Казанской Богоматери съ предстоящими Гуріемъ, Варсонофіемъ, Алексіемъ и Маріей Египетскою; слѣдуетъ замѣтить, что иконы съ такимъ же рѣдкимъ сочетаніемъ изображеній этихъ именно святыхъ есть почти во всѣхъ церквахъ Тулы, что̀ заставляетъ предполагать одного какого-либо таинственнаго, богатаго жертвователя. Сообщая объ особенностяхъ собора, слѣдуетъ вспомнить также что, согласно свѣдѣнію «Тульскихъ Губернскихъ

Тула. Развалины старинныхъ воротъ.

Вѣдомостей» 1854 года, бархатный балдахинъ съ золотою бахромой и кистями, подъ которымъ въ 1826 году помѣщался здѣсь, по пути въ Петербургъ, гробъ императора Александра I, назначенъ былъ осѣнять алтарь собора.

Тула возникла, въ видѣ острога, очень давно, гораздо ранѣе Москвы и Калуги, а именно, если вѣрить лѣтописи, въ 1147 г. и на томъ именно мѣстѣ, на рѣкѣ Тулицѣ, при впаденіи ея въ Упу, на которомъ находится и по настоящій день заводъ; имѣется также свѣдѣніе, будто бы Тула основана выходцами изъ Рязани и что въ странѣ этой обитали нѣкогда вятичи. Лѣтъ за сорокъ до Куликовской битвы, въ 1380 году, городокъ Тула принадлежалъ татарской царицѣ Тайдулѣ, той именно, которая исцѣлена отъ слѣпоты св. Алексѣемъ митрополитомъ и отъ имени которой, едва ли, впрочемъ, основательно, произвели Карамзинъ и Полевой названіе Тулы. Временно принадлежала Тула Москвѣ, но окончательно уступлена она, одновременно съ Рязанью, Іоанну III, племянникомъ его, княземъ Ѳедоромъ Васильевичемъ, въ 1503 году.

Много осадъ стѣны не старѣющаго тульскаго Кремля выдержали отъ

татаръ, ходившихъ съ этой стороны на Москву; какъ не вспомнить, что знаменитое Куликово поле находится въ Тульской губерніи? Какъ не вспомнить, что не далеко отъ Тулы, къ югу, на торномъ пути татаръ, на такъ называемомъ Муровскомъ шляхѣ, имѣла мѣсто знаменитая Судьбищенская битва 1555 г., составившая славу Шереметева; тоже недалеко отсюда, къ сѣверу, на берегахъ

Тула. Успенскій соборъ.

Лопасни, въ 1572 году, стяжалъ себѣ безсмертіе Воротынскій, и «всхолмились» знаменитые курганы надъ сотнею тысячъ татарскихъ тѣлъ.

Съ окончаніемъ татарскихъ погромовъ тульскіе предѣлы пошли навстрѣчу еще болѣе печальнымъ событіямъ: въ 1604 году бродяги и украинская вольница подъ начальствомъ Хлопки Косолапа взяли Тулу, и въ городѣ началось тогда десятилѣтнее управленіе разбойниковъ.

Въ самомъ началѣ этихъ мрачныхъ дней, Тула била челомъ самозванцу; онъ объявилъ ее своею столицей и 1 іюня 1605 года, при звонѣ всѣхъ колоколовъ церковныхъ, вступилъ въ нее во главѣ своихъ полчищъ. Здѣсь, въ Тулѣ, архіепископъ Игнатій первый провозгласилъ самозванцу многолѣтіе и привелъ людей къ присягѣ ему; изъ тульскаго Кремля послалъ Лжедимитрій въ Москву свою грамоту, и народъ московскій низложилъ царя Оедора Бори-

Воскресенская церковъ. Древнѣйшій храмъ Тулы, существующій болѣе 700 лѣтъ.

совича; сюда, въ Тулу, прибыли къ самозванцу большіе бояре, сонмъ царедворцевъ, синклитъ московскій, представили Лжедимитрію печать государственную и ключи отъ казны; отсюда посланъ былъ наказъ въ Москву убить царя Ѳедора и мать его Марью Григорьевну, причемъ красавицу Ксенію Борисовну представили самозванцу, и онъ держалъ ее при себѣ, въ печальной службѣ, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ; отсюда, наконецъ, послѣ двухнедѣльнаго сидѣнія, отправился самозванецъ на Москву, чтобы стать лжецаремъ, и былъ пристрѣленъ почти ровно черезъ годъ послѣ этого.

Окончаніе отношеній бунтовавшей Тулы къ Лжедимитрію имѣло продолженіемъ своимъ властвованіе въ ней мятежа подъ знаменемъ самозванца Лжепетра, вора Илейки и перенесеніе изъ Калуги въ Тулу главной дѣятельности Болотникова.

Здѣсь, съ 10 іюня 1607 года, началась долгая осада болотниковскихъ мятежниковъ громаднымъ стотысячнымъ войскомъ московскимъ, подъ предводительствомъ самого царя Василія. Ничего не могли сдѣлать царскія силы противъ храбрости предводимыхъ Болотниковымъ мятежниковъ, и только въ сентябрѣ принялись московскіе ратные люди, по совѣту боярскаго сына Кровкова, затоплять Тулу. Собраны были мельники и повелѣно многимъ тысячамъ

Тула. Кремлевскій валъ.

ратниковъ носить въ мѣшкахъ землю на берегъ Упы, къ устью Воронки, двѣ съ половиною версты ниже Кремля, поднимать тамъ плотину и прудить рѣку иструбами, набитыми землей. Быстро поднявшаяся вода не замедлила залить всѣ улицы города, острогъ и Кремль и вынудила главарей мятежа—князей Телятевскаго и Шаховского и самого Болотникова, повести съ царемъ переговоры и сдаться ему подъ условіемъ помилованія. Царь, зная, что другой врагъ, новый Лжедимитрій, недалеко, далъ свое согласіе; но, тѣмъ не менѣе, Илейка былъ закованъ и послѣ повѣшенъ въ Москвѣ, Болотниковъ отвезенъ въ Каргополь и утопленъ въ пустынномъ озерѣ Лачѣ, Шаховской, «всей крови заводчикъ», сосланъ за Вологду и принялъ позже преступное участіе въ дѣлахъ слѣдовавшаго самозванца, а князя Телятевскаго «изъ уваженія къ его родственникамъ», говоритъ Карамзинъ, «не лишили ни свободы, ни боярства, къ

посрамленію сего вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному: слабость безстыдная, вреднѣйшая жестокости!» Телятевскій спокойно умеръ бояриномъ въ 1612 году.

Взятіе Тулы праздновали въ Москвѣ не меньше, чѣмъ взятіе Казани: такъ важно считалось ея паденіе. Присягнувъ Владиславу, Тула еще разъ возмущена была дѣятелемъ обоихъ Лжедимитріевъ Заруцкимъ, во имя сына Марины, калужскаго царика-Іоанна, повѣшеннаго, какъ извѣстно, на четвертомъ году отъ рожденія, и только въ 1612 году на голосъ Пожарскаго приведена къ закону окончательно.

Если за время междуцарствія въ исторіи Калуги великую роль сыгралъ огонь, спаливший деревянную гору,—въ Тулѣ за то же время много сдѣлала вода; еще въ 1850 году видны были остатки исторически важной плотины противъ села Мяснова, а сонныя воды, когда-то уничтожившія великую крамолу, смиренно дѣйствуютъ въ мастерскихъ тульскаго завода. Осмотръ этого завода, замѣчательнаго не только въ Россіи, но и во всемъ Свѣтѣ, представляетъ громадный интересъ.

Оружейное дѣло въ древней Руси было дѣломъ довольно распространеннымъ. Такъ, источники гласятъ, будто оно процвѣтало, напримѣръ, въ Устюжнѣ, Новгородской губерніи, гдѣ во времена Іоанна Грознаго стояло до 800 кузницъ, исполнявшихъ заказы царскіе на оружіе, и вѣчный грохотъ поднимался въ тѣ дни надъ этою пустынною теперь мѣстностью, бывшею въ тѣ дни чѣмъ-то въ родѣ современной намъ Тулы. Въ Устюжнѣ жили тогда «устюжане-кузнецы, люди каменны», въ настоящее время переведшіеся совершенно. Въ Тулѣ оружейное дѣло, возникшее тоже кустарнымъ путемъ, то-есть самородкомъ, едва ли моложе, такъ какъ историческія свѣдѣнія о немъ уже совершенно документальны съ 1595 года. Несомнѣнно то, что если царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ даровали въ только-что названномъ году 30 самопальнымъ тульскимъ мастерамъ за рѣкой Упой землю, то, значитъ, мѣстное мастерство требовало вниманія и было уже достаточно развито.

Быстрота этого развитія видна, между прочимъ, и изъ того, что уже при Петрѣ I, ровно чрезъ сто лѣтъ, самопальниковъ налицо имѣлось 749.

Насколько серьезно смотрѣло правительство на тульское оружейное дѣло, видно, между прочимъ, изъ тѣхъ крутыхъ мѣръ, которыя въ защиту и развитіе его принимались. Въ 1703 году, когда повелѣно было дѣлать въ Тулѣ ежегодно вмѣсто 8.000 фузей 15.000, для сбереженія лѣса отъ усиленной плавки чугуна частными людьми, посланъ былъ стольникъ Тютчевъ съ приказаніемъ «истребить» въ Тулѣ и окрестностяхъ всѣ плавильныя и ручныя домны, предоставивъ право сохраненія 10 доменъ однимъ только казеннымъ кузнецамъ. Около 1705 года вводится очень строгая браковка ружей при пріемѣ ихъ въ казну, причемъ дѣло это поручено старостѣ Мосолову, и пріемщикамъ объявлено, что за ихъ нерадѣніе «учинено имъ будетъ наказаніе безо всякаго милосердія кнутомъ», а «мастера по розыску и свидѣтельству клеймъ повинны будутъ смертнаго казненія»; въ 1709 году, опять-таки подъ страхомъ смертной казни,

Общій видъ Тульскаго оружейнаго завода.

запрещено выдѣлывать въ Тулѣ оружіе изъ мѣстнаго желѣза, а повелѣно дѣлать таковое изъ сибирскаго.

Собственно основателемъ завода былъ, конечно, Петръ I. Указъ его объ этомъ 12 февраля 1712 года свидѣтельствуетъ также несомнѣнно о томъ, что до того производство оружія въ Тулѣ было дѣломъ исключительно кустарнымъ, такъ какъ, по волѣ императора, оружейные заводы, «на которыхъ бы можно ружья, фузеи и пистолеты сверлить и обтирать, а палаши и ножи точить водою», возникали именно съ тою цѣлью, «чтобы по домамъ гдѣ кто живетъ ружья впредь не дѣлать».

Начало заводу положено именно тамъ, гдѣ, по преданію, основалась сама Тула, при сліяніи рѣкъ Упы и Тулицы.

И тутъ для развитія завода крутыя мѣры прежнихъ лѣтъ получили свое продолженіе. Императрица Анна, въ 1754 году, по ходатайству тульскихъ оружейниковъ, повелѣла уничтожить всѣ находившіеся на 200-верстномъ разстояніи отъ Москвы желѣзные, хрустальные и стеклянные заводы, но зато и оружейникамъ въ 1755 году, подъ страхомъ смертной казни, повелѣно употреблять желѣзо сибирское, а не мѣстное. Оружейное дѣло развивалось настолько быстро, что уже въ 1775 году, при посѣщеніи завода Екатериной II, утвердившей положеніе о заводѣ и собственный судъ для оружейниковъ, пришлось подумать о перестройкѣ завода, и въ 1781 году на мѣстѣ стараго появляется новый деревянный, въ которомъ отъ поры до времени стали возникать отдѣльныя каменныя постройки; первая паровая машина поставлена въ 1810 году. Въ 1834 году пожаръ уничтожилъ почти все, что̀ имѣлось налицо, и тогда-то, послѣ восьмилѣтнихъ построекъ, въ 1843 году, освященъ новый каменный заводъ, обошедшійся казнѣ въ 2.600.000 рублей.

Въ 1864 году тульскіе оружейники сдѣлались свободными отъ обязательныхъ отношеній къ заводу, а самый заводъ переданъ, на что̀ была въ то время мода, въ арендно-коммерческое управленіе; выдѣлка оружія доходила до 60.000 въ годъ, причемъ, въ прямое противорѣчіе съ указомъ Петра I, въ силу давности и привычки, значительная часть работъ производилась все-таки ручнымъ способомъ и по домамъ оружейниковъ.

Въ 1870 году заводъ долженъ былъ перейти снова въ казенное управленіе, и тогда же въ Тулѣ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, подъ предсѣдательствомъ свиты его величества генералъ-майора Нотбека, собралась и принялась за дѣло комиссія для выработки программы лучшаго переустройства завода, согласно новѣйшимъ требованіямъ при условіи совершеннаго уничтоженія работъ оружейниковъ по домамъ и съ тѣмъ, чтобы воспользоваться, насколько это возможно, уже существовавшими устройствами и приспособленіями. Проекты этой комиссіи, безспорно, одной изъ самыхъ удачныхъ, энергичныхъ и добросовѣстныхъ, утверждены въ октябрѣ того же года, вслѣдъ затѣмъ заключены контракты, приступлено къ работамъ, и когда въ августѣ 1873 года всѣ строительныя работы были окончены, паровые и водяные двигатели и проводы въ $2^1/_4$ версты длиной установлены и приведены въ дѣйствіе, водоснабженіе и газовое освѣщеніе готовы и изъ числа предположенныхъ 900 машинъ 700 на-

ходились уже въ работѣ,—рѣшено было произвести торжественное освященіе завода. Общіе расходы по переустройству завода достигли 2.900.000 рублей.

Насколько выгодна и неотразима была эта затрата, видно, между прочимъ, хотя бы изъ одного только примѣра. Задѣльная плата при изготовленіи малокалиберной винтовки до переустройства завода при полуручной работѣ достигала 3 руб. 84 коп., послѣ переустройства при вполнѣ машинной работѣ, она понизилась до 1 руб. 58 коп., что̀ при годовомъ заказѣ хотя бы въ 75.000 штукъ даетъ сбереженія на однѣ только малокалиберныя винтовки около 170.000 руб.

Одинъ перечень мастерскихъ, изъ которыхъ каждая вполнѣ типична по характеру ея дѣятельности, уже заслуживаетъ вниманія. Вотъ эти мастерскія: ложевая, штыковая, турбиновый домъ, пушечная, приборная, перезубки слесарныхъ пилъ, полировочная, сборки стволовъ къ пушкамъ системы Гочкиса, лакировки ложъ, столярная, стрѣльбище, кузнечная, инструментальная, замочная, ствольная, пріемный покой, пріемная комиссія и музей. Для того, чтобы еще нагляднѣе убѣдиться въ томъ, какія огромныя силы работаютъ на оружейномъ заводѣ во всѣхъ этихъ безконечныхъ вереницахъ мастерскихъ, слѣдуетъ указать только на нѣсколько главныхъ цифровыхъ данныхъ:

1) Съ 4 марта 1872 года по 14 августа 1883 года заводомъ было сдано 1.000.000 винтовокъ, причемъ въ одномъ 1878 году—160.000 штукъ. Нарядъ на 1888 годъ достигалъ только 24.900 штукъ.

2) Самой большой стоимости заказы достигали въ 1878 году, а именно—3.105.601 руб.

3) Наибольшее количество рабочихъ имѣлось въ 1877 году—5.330 человѣкъ; въ 1888 работало только 2.280 человѣкъ.

4) Къ числу наиболѣе крупныхъ измѣненій въ механической части завода, съ 1873 года, слѣдуетъ отнести: замѣну турбинъ Жонваля въ 360 силъ турбинами Франсиса въ 400 силъ, дѣйствующими при меньшемъ паденіи воды, и 4 паровыхъ котловъ, во 120 силъ, для малой машины — 3 котлами въ 60 силъ каждый.

При обходѣ мастерскихъ по длинѣ приводовъ въ $2^1/_4$ версты длиной и при работахъ почти 3.000 человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, нельзя не любоваться не только удивительнымъ качествомъ машинъ, движенія которыхъ, несмотря на всю силу, даже не слышно, но и правильностью распредѣленія работы и умѣлостью рабочихъ. Видно было, что въ рукахъ и глазахъ этихъ людей сказывалась болѣе чѣмъ трехсотлѣтняя преемственность работы, и нельзя было не припомнить разсказа Н. Лѣскова «О тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ», который такъ хорошо всѣмъ извѣстенъ.

Въ разсказѣ этомъ перепутаны: и Твердиземное море, и графъ Киселъвроде, и атаманъ Платовъ, и дѣйствуютъ два императора: Александръ и Николай Павловичи; но самая суть ясна, какъ Божій день. Англичане съумѣли поднести царю Николаю I на удивленіе въ брилліантовомъ орѣхѣ стальную блоху, «аглицкую нимфозорію», двигавшуюся и дѣлавшую всякія «вѣрояціи», если только ея «брюшную машинку» заводили ключикомъ въ семь поворотовъ,

а тульскіе оружейники ухитрились эту самую аглицкую блоху на подковы подковать, что̀ Государь самъ въ «мелкоскопъ» увидѣть изволилъ.

Насколько дробны работы оружейниковъ и машинъ, можно убѣдиться чуть ли не на всякомъ станкѣ, чуть ли не при всякомъ «переходѣ» того или другого предмета. «Переходомъ» называются странствіе какой-либо отдѣльной составной части оружія, или даже отдѣльной части, отъ машины къ машинѣ и отъ станка къ станку. Такъ, напримѣръ, въ одной только замочной мастерской, части замка драгунскихъ ружей дѣлаютъ:

Коробка	59	переходовъ.
Затворъ	40	»

Тула. Оружейный заводъ.

Замочная трубка . . .	37	»
Ударникъ	18	»
Боевая личинка . . .	13	»

Стволы къ бердановской винтовкѣ путешествуютъ по 63 переходамъ, ложа по 28 переходамъ, составныя части штыка совершаютъ не менѣе 106 переходовъ, и даже такой, повидимому, не хитрый предметъ, какъ шомполъ, дѣлаетъ ихъ не менѣе 10. А если принять въ разсчетъ, что въ предметахъ мелкихъ требуется удивительная точность, даже въ десятыхъ частяхъ точки, то нельзя не воздать должнаго распорядкамъ завода и не признавать полной справедливости его славы.

Не мало любопытнаго представляетъ музей завода, въ которомъ, во множествѣ образцовъ, хранятся всѣ видоизмѣненія огнестрѣльнаго оружія, чуть ли

не за все время отъ изобрѣтенія пороха. Да и гдѣ же какъ не тутъ быть собраннымъ этимъ образцамъ, такъ какъ именно изъ Тулы образовались у насъ Сестрорѣцкъ, Екатеринбургъ, Ижевскъ. Отсюда же, по желанію графа П. П. Шереметева, въ очень давнее время пошли мастера въ знаменитыя съ тѣхъ поръ Павлово и Ворсму. Тулякомъ былъ, наконецъ, старикъ Никита Демидовъ, посѣявшій счастливою рукой горнозаводскую дѣятельность на Уралѣ.

Объ этомъ тулякѣ Демидовѣ, да вообще о Демидовыхъ, очень немного воспоминаній въ Тулѣ, хотя родъ ихъ пошелъ отсюда. Извѣстно, что Петръ I, посѣщая Воронежъ, часто проѣзжалъ Тулу; онъ ознакомился въ 1696 году съ работой оружейника Никиты Демидова и тогда же позволилъ ему устроить при

Тула. Арсеналъ.

впаденіи Тулицы въ Упу заводъ, опередившій, такимъ образомъ, основаніе казеннаго завода на цѣлыхъ 16 лѣтъ. Тутъ испытана была, по волѣ Петра I, желѣзная руда съ рѣчки Невьи на Уралѣ, и указомъ 1702 года Демидову для добычи этой прекрасной руды отданы желѣзные заводы на Невьѣ, чѣмъ и положено начало уральскому производству; нужные для постройки завода на Уралѣ мастера взяты были Демидовымъ изъ Тулы.

Демидовъ умеръ въ 1725 году, на 69 году отъ роду. Судьба семьи Демидовыхъ въ Тулѣ не лишена трагизма, потому что одинъ изъ братьевъ, Григорій Никитичъ, застрѣленъ старшимъ сыномъ, за это самое казненнымъ; имѣется налицо и процессъ между Акинфіемъ Никитичемъ и его сыномъ Прокофіемъ. Очень немногіе изъ ближайшихъ родныхъ основателя рода старика «Демидыча» покоятся въ мѣстныхъ гробницахъ чеканной работы въ

Христорождественской или Николо-Зарѣцкой церкви, построенной въ Тулѣ Акинфіемъ Никитичемъ, унаслѣдовавшимъ умъ и энергію отца, вмѣсто старой деревянной Никольской, въ которой былъ похороненъ старикъ Демидычъ. Церковь эта, по времени постройки, въ 1734 году, явилась одною изъ величественнѣйшихъ въ Тулѣ: въ два этажа съ чугунными помостами на желѣзѣ, съ крутою желѣзною галлереей, обѣгавшею весь второй этажъ храма и сообщавшеюся, черезъ улицу, съ отдѣльною колокольней. Много было пожертвовано въ эту церковь цѣнной утвари; на колокольнѣ играли огромные часы съ курантами; но, повидимому, разрушеніе послѣдовало весьма скоро, и мѣстный изслѣдователь старины Афремовъ, въ своей «Исторіи Тулы», разказываетъ о томъ, какъ засыпаны были гробницы Демидовыхъ мусоромъ и какъ виденъ былъ въ головахъ второго отъ стѣны гроба невредимый женскій черепъ Аѳимьи Ивановны. Говорятъ, что этому разрушенію много способствовали различные искатели кладовъ, хозяйничавшіе какъ въ храмѣ, такъ и въ подземельяхъ бывшаго дома Демидовыхъ,—дома, поражавшаго нѣкогда своимъ богатствомъ, но отъ котораго теперь нѣтъ болѣе и слѣда, дома, въ которомъ Акинфій Никитичъ дважды угощалъ въ 1744 году императрицу Елисавету и наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича и его невѣсту Екатерину Алексѣевну по пути ихъ на богомолье въ Кіевъ и обратно.

Въ этомъ же домѣ, въ 1775 году, останавливалась, по прибытіи изъ Москвы, императрица Екатерина II; пожаръ 1779 года уничтожилъ этотъ домъ; его не возобновляли, а самое мѣсто продано Баташовымъ. Баташовы, Мосоловы, Лугинины пошли тоже изъ Тулы, отъ тѣхъ же исторически извѣстныхъ «молотобойцевъ», людей дѣла и энергіи, какъ и Демидовъ; всѣ эти имена хорошо извѣстны на Уралѣ и понынѣ.

Неисчерпаемыя богатства Демидовыхъ никогда не изсякали, и поэтому поистинѣ удивительно, какъ это черезъ сотню лѣтъ съ небольшимъ памяти Демидовыхъ на древнемъ ихъ пепелищѣ, Тулѣ, почти не существуетъ, тогда какъ въ далекой Италіи, на одной изъ городскихъ площадей высится, говорятъ, богатый памятникъ одному изъ представителей ихъ рода. Позднѣйшіе представители рода Демидовыхъ, знаменитые жертвователи и создатели московскаго воспитательнаго дома, ярославскаго лицея, дома трудящихся, Демидовской преміи и цѣлаго ряда другихъ высокополезныхъ учрежденій, поглотившихъ многіе милліоны, покоятся теперь,—кто въ Москвѣ, кто въ Петербургѣ, а родная тульская усыпальница могла бы собрать ихъ вмѣстѣ, и ужъ, конечно, не недостатокъ въ средствахъ явился бы этому помѣхой.

Между туляками встрѣчаются настоящіе артисты на гармоникѣ—этомъ родномъ намъ инструментѣ, который, въ pendant самовару, здѣсь, въ Тулѣ, вполнѣ дома и расходится отсюда по всей Россіи въ неисчислимомъ количествѣ. Гармонное дѣло—одна изъ важныхъ отраслей мѣстнаго кустарнаго производства, которое, въ свою очередь, въ Тульской губерніи свило себѣ одно изъ самыхъ прочныхъ гнѣздъ.

Тульскій арсеналъ очень хорошо дополняетъ картину современной техники производства оружія: на заводѣ сказывается, въ шумѣ и грохотѣ, послѣднее

слово этого производства,—въ мертвомъ молчаніи арсенала сохраняются образчики прежнихъ дней. На мѣстѣ существующаго теперь арсенала, или, правильнѣе, отдѣленія оружейнаго завода, въ 1711 году, при стольникѣ Климентіи Матвѣевичѣ Чулковѣ, для храненія оружія, былъ устроенъ Оружейный дворъ, на которомъ строенія были деревянныя; въ 1715 году, по предписанію Брюса, генералъ-фельдцейхмейстера, прославившагося, между прочимъ, своимъ календаремъ, о которомъ добрые люди толкуютъ не рѣдко и теперь, на оружейномъ дворѣ заложено вмѣсто деревяннаго каменное зданіе, оконченное только въ 1718 году плѣнными шведами. Въ 1786 и 1787 годахъ зданіе это разобрано, и на старомъ фундаментѣ поставленъ новый арсеналъ. Въ немъ хранились,

Тула. Богадѣльня у Васильковскаго моста.

между прочимъ: оружейный стволъ, по которому императрица Екатерина Великая три раза ударила молоткомъ, и стальное блюдо, на которомъ былъ поднесенъ этотъ стволъ (предметы эти въ настоящее время находятся въ музеѣ оружейнаго завода); нѣсколько древнихъ орудій—пищали, самопалы и пушки, бывшія на стѣнахъ тульской крѣпости и поражавшія татаръ и московскую рать царя Василія Іоанновича Шуйскаго; древніе мечи, сѣкиры и бердыши и взятыя подъ Полтавой шведскія ружья. Орудія и бо́льшая часть оружія взяты въ московскую Оружейную Палату и въ московскій арсеналъ. Въ имѣющихся въ настоящее время въ арсеналѣ налицо образцахъ оружія нѣтъ ни одного экземпляра старше пистолета 1774 года и ружья 1758 года. Бывшія ранѣе въ арсеналѣ двѣ чугунныя пищали 8-фунтоваго калибра, длиной 2 аршина 10 вершковъ, отлитыя въ 1646 году, съ титуломъ царя Алексѣя Михайловича,

и одна чугунная корабельная пушка, вырытая въ 1843 году изъ земли близъ плотины бывшаго демидовскаго завода, въ настоящее время тоже находятся въ Москвѣ. Въ главномъ зданіи отдѣла съ боковыми палатами хранятся малокалиберныя пѣхотныя и драгунскія винтовки, пѣхотныя винтовки Крынка, кавалерійскіе карабины и револьверы системы Смита и Весона. Все упомянутое оружіе изготовлено на тульскомъ оружейномъ заводѣ, и имъ можно вооружить армію до 100 тысячъ человѣкъ. Отдѣлъ имѣетъ въ настоящее время своимъ назначеніемъ: 1) пріемъ и храненіе изготовляемаго на заводѣ оружія и запасныхъ къ нему частей; 2) снабженіе этими предметами артиллерійскихъ складовъ Имперіи и войскъ; съ 1880 года къ этимъ дѣйствіямъ отдѣла присоединились: пріемъ и храненіе оружейныхъ патроновъ и снабженіе ими частей войскъ и складовъ, за все это время принято въ отдѣлъ 206½ милліоновъ патроновъ, количество почти достаточное для веденія порядочной войны. Среди тульскихъ благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденій заслуживаютъ особеннаго вниманія домъ призрѣнія бѣдныхъ, обезпечивающій 150 старпковъ и старухъ, затѣмъ Николаевскій, Маріинскій и Красноглазовскій дѣтскіе пріюты. Въ женскомъ епархіальномъ училищѣ особое вниманіе обращается на успѣхи воспитанницъ въ живописи. Успенскій женскій монастырь въ Тулѣ построенъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, но въ которомъ именно году его царствованія—неизвѣстно.

Тульскій архіепископъ пребываетъ на архіерейскомъ дворѣ. Это, дѣйствительно, дворъ, на которомъ красуется одна изъ древнѣйшихъ церквей Тулы — Похвалы Пресв. Богородицы, когда-то принадлежавшая Предтечеву монастырю, основанному тульскими боярами и посадскими людьми въ память обороны Тулы отъ Девлетъ-Гирея въ 1552 году. Отъ прежнихъ трехъ церквей монастырскихъ осталась только эта одна, подновленная въ 1865 году. Церковь, дѣйствительно, любопытна во многихъ отношеніяхъ. Хотя многое въ ней перестроено, въ трапезѣ выведены своды, расширены пролеты арокъ, открытъ новый входъ, а галлерея съ сѣверной стороны обращена въ ризницу, тѣмъ не менѣе старое обличіе храма выступаетъ очень хорошо. Храмъ не великъ, на немъ три пирамидальные верха; средняя часть его меньше трапезы и алтаря, но значительно выше ихъ; подъ сводомъ голосники; связи въ стѣнахъ деревянныя, а самыя стѣны, сложенныя изъ большихъ кирпичей, засыпаны въ срединѣ щебнемъ и залиты цементомъ. Яркость свѣжей окраски, новый мозаичный полъ, нѣсколько новыхъ иконописныхъ изображеній, хотя и не вполнѣ соотвѣтствуютъ старинѣ основныхъ линій построенія, но и не уничтожаютъ ихъ, а это,—при томъ условіи, что реставраціи у насъ, къ несчастію, почти всегда равносильны уничтоженію былого—уже заслуга, и не изъ послѣднихъ. Любовь и уваженіе къ глубокой старинѣ сказались здѣсь также и въ томъ, что сюда, въ нижній этажъ церкви, перенесено въ 1887 году тульское епархіальное древлехранилище, возникшее по почину самого высокопреосвященнаго. Иконы, напрестольные кресты, многіе сосуды, панагіи, палицы и пр. достойны полнаго вниманія. Характерна лахань-блюдо и при немъ рукомойникъ для омовенія рукъ епископа предъ священнодѣйствіемъ, работы 1697 года, съ изображеніями

на морскихъ волнахъ чудовищъ и обнаженныхъ фигуръ языческаго миоа: похищеніе Юпитеромъ Европы, поэта Аріона на дельфинѣ и т. д. Надпись, вырѣзанная на блюдѣ, свидѣтельствуетъ, что оно дано было нѣкіимъ гостемъ Шустовымъ «7205 г. маія въ 11 день въ градѣ Коломны въ соборную церковь Пресвятыя Владычицы Богородицы» на вѣчное поминовеніе о его сынѣ и другихъ родныхъ. Подобныхъ изображеній имѣется въ нашихъ ризницахъ не малое количество; таково, напримѣръ, старинное блюдо великаго князя Мстислава въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ, Новгородской губерніи, съ изображеніемъ Персея и Андромеды. Здѣсь же имѣется въ древлехранилищѣ примѣръ изображенія ветхозавѣтныхъ пророковъ на предметахъ священ-

Тула. Видъ на Кіевскую (главную) улицу съ горы.

ныхъ, какъ, напримѣръ, на иконѣ «Похвала Богородицы», XVII вѣка, гдѣ подлѣ Богоматери, возсѣдающей на тронѣ, виднѣются: Захарія, Даніилъ, Іаковъ, Моисей, цари Соломонъ и Давидъ, Исаія, Аввакумъ, Авдѣй, Іеремія, Іезекіилъ, всѣ въ сіяніяхъ, а внизу, колѣнопреклоненный, безъ сіянія и не названный пророкомъ, Валаамъ. Подобному изображенію пророковъ имѣются также другіе примѣры; есть даже на иконостасѣ Успенской церкви въ селѣ Веневомъ монастырѣ, Веневскаго уѣзда, изображенія Гомера, Менандра, Аристотеля, Дуфина, Афроіана.

По пути къ выставкѣ промышленныхъ издѣлій Тульской губерніи, преимущественно кустарныхъ, путниками посѣщено зданіе окружного суда, въ которомъ имѣется памятникъ императору Александру II, сооруженный въ 1886 году чинами судебнаго вѣдомства.

Въ исторіи развитія кустарнаго дѣла въ Тульской губерніи особенно выдѣляется 1817 годъ, когда на мѣстный заводъ поступилъ англичанинъ Джонсъ; въ этомъ году, впервые устраиваются штампы для ковки частей ружейнаго замка, чрезъ это освободилось отъ работъ на заводѣ огромное количество рабочихъ рукъ, главнымъ образомъ, кузнецовъ и слесарей, которые и разнесли кустарное дѣло, и безъ того сильно развитое, по городу и деревнямъ. Развилось оно совершенно органически, изъ цеховъ или отдѣленій разныхъ работъ, существовавшихъ на заводѣ, въ особыя отрасли.

Ствольный цехъ, или ствольное отдѣленіе, состоявшій главнымъ образомъ изъ кузнецовъ, развилъ между кустарями производство задвижекъ, замковъ, скобъ, тисковъ, напилковъ, клещей; мастера замочнаго цеха занялись работой дверныхъ замковъ; рабочіе бѣлаго оружія, т. е. сабель, шпагъ и тесаковъ, занялись выдѣлкой ножей и различныхъ стальныхъ вещей съ оловянною, золотою, серебряною или мѣдною насѣчкой, извѣстныхъ за границей подъ именемъ Vieux Toula, а также на вытравливаніе на стали различныхъ рисунковъ; изъ мастеровъ приборнаго цеха выработались скобяники, развилось производство дверныхъ и оконныхъ задвижекъ, самоваровъ, подсвѣчниковъ и галантерейнаго товара; ложевой цехъ пополнилъ ряды гармонщиковъ.

Количество освободившихся изъ крѣпостного состоянія рабочихъ рукъ было громадно. Мастера имѣлись налицо замѣчательные; такъ, говорятъ, и до сихъ поръ въ Тулѣ можно встрѣтить иногда часы работы конца прошлаго вѣка. Изъ безконечнаго ряда кустарныхъ производствъ, для того, чтобы не утомлять подробнымъ перечнемъ, достаточно упомянуть о наиболѣе характерныхъ, составляющихъ славу Тулы.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить, конечно, самоварное производство, возникшее здѣсь между 1810 и 1820 годами; освободившіеся отъ казенной работы, кузнецы нашли себѣ въ немъ совершенно подходящее занятіе, такъ какъ наводка самовара или ковка его стѣнокъ производится и до сихъ поръ не машинною работою, а ручнымъ способомъ. Сначала самовары дѣлали изъ желѣзныхъ и жестяныхъ листовъ, затѣмъ уже перешли къ латуни; самоварное производство, возникшее въ городѣ Тулѣ, съ теченіемъ времени перешло въ деревни въ руки кустарей, и нѣтъ возможности опредѣлить даже приблизительно количество самоваровъ, чайниковъ, кофейниковъ и пр., расходящихся по всей Россіи и далѣе изъ Тульской губерніи. Гдѣ только ихъ нѣтъ? Извѣстно также, что наши русскіе самовары полюбились и за границею, и нѣтъ хорошей гостиницы въ Германіи, Франціи и, даже, Италіи, гдѣ-бы не подали вамъ, если вы спросите, «le samowar russe».

Замочное дѣло какъ въ Тулѣ, такъ и въ деревняхъ очень распространено; дѣлаются замки цѣной отъ 2 — 3 копеекъ до 5 рублей, и являются иногда произведенія тончайшей работы, очень характерные висячіе французскіе замки и дверные замки для парадныхъ дверей англійскаго и американскаго образцовъ. Превосходныя задвижки для дверей Храма Спасителя въ Москвѣ, задвижки для иконъ и громадныя дверныя петли, пару которыхъ

едва могла поднять одна лошадь, сдѣланы здѣшними кустарями по деревнямъ.

Выдѣляется также изъ другихъ кустарныхъ производствъ дѣло гармонное. Гармоника появилась немного позже самовара, а именно между 1830 и 1835 годами; ея изобрѣтеніе приписываютъ оружейникамъ Сидову и Шкунаеву; потомки послѣдняго работаютъ еще и понынѣ. Началась гармоника съ длинной игральной планки или дощечки съ посаженными на нее игральными язычками или «пищиками», стоимостью въ 2—3 копейки, и развилась до гармоники въ 60—75 рублей. Понятно, что здѣсь же, въ Тулѣ, находились и находятся великіе артисты гармонной игры. Они странствуютъ хорами въ шесть и болѣе человѣкъ повсюду. Слышите ихъ порою и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Любо-

Тула. Техническое желѣзнодорожное училище.

пытно, что появленіе на свѣтъ гармоники почти совершенно изгнало всенародную балалайку. Замѣчательно и слѣдуетъ непремѣнно отмѣтить также чрезвычайно характерное и неизмѣнное явленіе, что, по статистическимъ данныхъ, урожайный годъ вызываетъ огромный спросъ на гармоники, а въ неурожайный—гармонщики бѣдствуютъ.

Пересчитывать остальные многообразные промыслы Тульской губерніи: кружева, полотна, ковры, сукна, хозяйственныя машины, глиняныя игрушки и проч. было бы трудно и, просто, невозможно. Не погибло въ Тулѣ и кустарное ружейное производство, причемъ имѣются въ продажѣ ружья въ 90 копеекъ и одновременно съ ними ружья до 800 рублей. Согласно очень вѣ-

роятнымъ свѣдѣніямъ, все кустарное дѣло въ Тульской губерніи не превышаетъ четырехъ милліоновъ рублей въ годъ; заработки кустарей весьма разнообразны и колеблются на одного рабочаго между 40 коп. и 5 руб. въ недѣлю. Въ 1886 году въ Тулѣ устроена весьма удачно работающая артель тульскихъ кустарей.

Троице-Сергіева Лавра.

Государственное значеніе св. Сергія и Троице-Сергіевой лавры. Историческія указанія. Достопримѣчательности лавры. Житіе и подвиги св. Сергія. Важнѣйшія сооруженія Троице-Сергіевой лавры. Усыпальницы Годуновыхъ. Лаврскія святыни. Богатства обители.

— —

Посѣщеніемъ Троице-Сергіевой лавры, въ іюлѣ 1888 года, заканчивается шестое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднее путешествіе.

Трудно, очень трудно сказать что-либо новое о величайшей святынѣ Русской земли, о Троице-Сергіевой лаврѣ. Но отъ поры до времени необходимы подобныя повторенія. Во-первыхъ, все то, что въ свое время сказано о лаврѣ Карамзинымъ, Снегиревымъ, Шевыревымъ, Муравьевымъ, Горскимъ и другими писателями, вовсе не было прочитано многими по разнымъ, часто неуважительнымъ причинамъ; во-вторыхъ, потому что есть цѣлый рядъ такихъ историческихъ событій, такихъ памятниковъ искусствъ, такихъ отдѣловъ знаній, которые, въ силу того, что они какъ бы извѣстны всякому гимназисту, остаются именно поэтому неизвѣстными или, лучше сказать, забытыми взрослымъ человѣкомъ. Напоминаніе въ подобномъ случаѣ — совершенная необходимость, оправдывающая смѣлость попытки сдѣлать очеркъ такой обширной и древней обители, какою является Троице-Сергіева лавра.

Немного мечтательный паломникъ Муравьевъ, талантливость и заслуги котораго въ описаніяхъ русской святыни, къ сожалѣнію, забываются, начинаетъ свое описаніе лавры съ лунной ночи; старцы на молитвѣ еще стоятъ въ келіяхъ, несется ароматный запахъ отъ скошеннаго сѣна, золотятся въ мѣсячномъ свѣтѣ маковки храмовъ и слышится порою крикъ ворона, бьющаго крыломъ въ желѣзную крышу древней башни. Шевыревъ, по преимуществу ученый эпикъ, подъѣзжалъ къ лаврѣ яснымъ вечеромъ, причемъ надъ лаврой сіяла радуга; въ Москвѣ, замѣчаетъ онъ, радуга ломается о верхи колоколенъ, въ лаврѣ, въ лучахъ заходившаго солнца, оба конца ея уперлись въ чистое

поле и ярко горѣли всѣ ея семь цвѣтовъ. Снегиревъ начинаетъ съ перечня того, какъ отъ XII вѣка, начиная съ игумена Даніила и полоцкой княжны Евфросиніи, многіе русскіе люди ходили на поклоненіе святынѣ вообще и Сергіевой въ особенности, и даетъ много цѣнныхъ историческихъ указаній о пути между Москвой и лаврой, совершавшемся пѣшкомъ или на долгихъ,— пути, уже болѣе не существующемъ, благодаря желѣзной дорогѣ.

Эти снегиревскія указанія крайне любопытны и свидѣтельствуютъ очень наглядно о томъ, какъ быстро слизываетъ у насъ время историческіе памятники еще очень близкаго былого, и то, что въ концѣ концовъ прочнѣе всего сохраняются они, все-таки, въ письменномъ и изустномъ словѣ, какъ бы въ насмѣшку надъ камнемъ, желѣзомъ и бронзой.

Всѣ московскіе патріархи, и нѣкоторые другіе святители далекаго Востока и почти всѣ великіе князья, цари и императоры посѣщали Сергіеву обитель именно этой дорогой отъ Москвы на село Алексѣевское, Таинское, Мытищи, Хотьковъ монастырь, Радонежъ. Путешествія царей назывались «Троицкими походами»; церемоніалъ ихъ бывалъ великолѣпенъ, и часто, по примѣру Сергія, «никогда не ѣздившаго на конѣ», совершались эти походы «пѣшкомъ». По пути стояли въ пяти мѣстахъ великолѣпные «путевые дворцы», въ трехъ мѣстахъ имѣлись «станы въ шатрахъ», и, кромѣ того, устраивались «слазки», въ которыхъ выходили изъ каретъ, возковъ и колымагъ для переодѣванія. О подобномъ путешествіи царя оповѣщались задолго впередъ лавра и попутныя къ ней мѣста; игумну съ братіей писали: «его величества пришествіе къ нимъ будетъ». Шествіе растягивалось очень длинно. Шли и ѣхали на коняхъ стрѣльцы и пушкари, скороходы, бояре, дворяне, спальники, стряпчіе и другіе; за царевымъ поѣздомъ слѣдовалъ не менѣе пышный царицынъ; возки и телѣги имѣли особыя назначенія: «образной» съ образами для царскаго моленія, «постельной» съ путною царскою постелью, «портомойной» съ бѣльемъ; въ особую «поборную» телѣгу складывались подносимыя государю дорогой вещи; особый «укладничій» смотрѣлъ за укладываніемъ вещей. Походы царскіе совершались очень медленно, «со всею прохладою»; по пути раздавали милостыню (царица Евдокія въ 1636 году раздала 1 рубль 12 алтынъ; пышный патріархъ Никонъ въ 1683 году выдалъ за весь походъ, считая тутъ и угощеніе царя Алексѣя Михайловича, 50 р. 29 алтынъ и 4 деньги); во многихъ мѣстахъ дороги существовали «блинны», причемъ блины, уничтоженіе которыхъ искони соединялось у насъ съ поминками, многократно подносились по пути также и странствовавшимъ державцамъ.

Отъ «путевыхъ дворцовъ» въ настоящее время нѣтъ почти и слѣдовъ. Такъ, въ селѣ Алексѣевскомъ дворецъ еще существовалъ, но уже разрушался въ началѣ XIX вѣка, и былъ осмотрѣнъ Карамзинымъ: «Потолки и стѣны были обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными скобами; окна выкрашены земляною краской». Другой путевой дворецъ стоялъ въ Таинскомъ надъ Яузой, и его нашелъ Карамзинъ тоже разрушавшимся; этотъ дворецъ, пишетъ онъ, построила Елисавета Петровна, подлѣ развалинъ бывшаго дворца Алексѣя

Михайловича; тутъ былъ роскошный паркъ и въ одномъ изъ прудовъ «купывалась императрица Елисавета Петровна съ сельскими дѣвицами, изъ которыхъ одна, говоритъ Карамзинъ, еще хранившая объ этомъ воспоминаніе, недавно умерла на 110 году отъ роду». Здѣсь же, въ Тайнинскомъ, своевременно укрылся Іоаннъ Грозный съ царицей и царевнами, когда выяснилась измѣна Курбскаго и замыслы Сигизмунда; тутъ же царь Борисъ давалъ богатые обѣды своимъ ближнимъ; свиданіе царицы Маріи со Лжедимитріемъ имѣло мѣсто здѣсь же, и вслѣдъ за этимъ свиданіемъ признала она его своимъ сыномъ. Стояли въ Братовщинѣ, быстро уступая мѣсто одинъ другому, дворцы Алексѣя Михайловича, Елисаветы Петровны, Екатерины II; имѣлся дворецъ въ Воздвиженскомъ, до котораго въ 1689 году доѣхала царевна Софія съ сестрами и иконой Спасителя, тщетно ходатайствуя, чтобы братья пустили ее въ Троицкій монастырь, и ей было отказано, съ предупрежденіемъ, что если она появится, «то съ нею нечестно будетъ поступлено»; въ этомъ же селѣ казнены Хованскіе, отецъ и сынъ, причемъ когда отцу отрубили голову, то сынъ, взявъ ее, поцѣловалъ и потомъ положилъ на плаху свою... Что̀ это были за крѣпкіе люди! Какихъ нѣтъ на Троицкомъ пути воспоминаній! Этою дорогой перевезены своевременно изъ Соловокъ мощи митрополита Филиппа и тѣло патріарха Никона съ Бѣлоозера; здѣсь направлялись изъ Москвы, для новыхъ, третьихъ похоронъ, останки Годуновыхъ; тутъ, наконецъ, совершались судьбы лихолѣтія, и стучала боевая артерія возникавшей изъ гибели и срама державной жизни Россіи.

Теперь всѣхъ перечисленныхъ историческихъ мѣстъ едва-едва касается путешественникъ, проскальзывающій отъ Москвы къ Сергіеву посаду въ два часа времени; имена четырехъ желѣзнодорожныхъ станцій, для большинства, совершенно нѣмы, а про сосѣднія съ ними мѣста нечего и говорить. Вотъ хоть бы станція Мытищи; тутъ родина рѣки Яузы, и здѣсь молнія, ударивъ въ 1779 году въ болото, открыла ключи «громовой святой» воды, и Екатерина II поручила генералу Бауру устройство знаменитаго водопровода; сюда доходили въ 1812 году французы, не осмѣлившіеся итти далѣе на лавру, потому что, какъ говорилъ народъ, «св. Сергій ослѣпилъ ихъ»; замѣчательно, что императрица Елисавета, которой это село принадлежало, сама защищала въ сенатѣ дѣло одного изъ своихъ здѣшнихъ мытищовъ. Въ Пушкинѣ, вторая станція, былъ сельскій патріаршій дворъ съ хоромами; четвертая станція— это Хотьково съ историческимъ монастыремъ, въ которомъ почиваютъ родители Сергіевы, схимонахъ Кириллъ и схимонахиня Марія, когда-то киновія, обитель чернецовъ и черницъ, съ древнѣйшею во всей Россіи, по словамъ Снегирева, церковью Покрова Богородицы, основанною въ 1309 году; Петръ I, посѣтивъ Хотьково, увидѣлъ тамъ много досужихъ крылошанокъ, бѣлицъ и послушницъ, и выписалъ изъ Голландіи мастерицъ тонкой пряжи, для ихъ обученія; пряжи эти составляютъ и теперь предметъ келейной работы; императрица Елисавета взяла къ себѣ одну изъ здѣшнихъ крылошанокъ, Мароу, сѣнною дѣвушкой, а затѣмъ приставила ее мамушкой къ цесаревичу Павлу Петровичу. Мѣстные мальчишки собираютъ, какъ говорятъ, и въ наши дни

милостыню «на башмачки» спящимъ во гробахъ родителямъ Сергіевымъ, якобы шествующимъ иногда отсюда въ лавру на поклоненіе мощамъ своего знаменитаго сына. Какое милое, полное внутренней красоты повѣріе!

Все здѣсь перечисленное составляетъ, конечно, только малую долю того что̀ могла бы разсказать исторія и легенда о мѣстности между Москвой и лаврой,—мѣстности, столько разъ исхоженной св. Сергіемъ. Путникъ за шумомъ и быстротой поѣзда не услышитъ по сторонамъ пути, какъ это слышалъ еще Шевыревъ, чтенія Псалтири, ему не поднесутъ поминальныхъ блиновъ; но общій видъ лавры, какъ она предстанетъ его глазамъ впервые, почти тотъ же, что̀ отражался когда-то въ погасшихъ теперь очахъ властителей московскихъ и всероссійскихъ, въ кроткихъ очахъ маститыхъ святителей церкви, когда-то глядѣвшихъ на лавру, съ любовью, въ лютыхъ глазахъ Сапѣги, Лисовскаго и Чаплинскаго, зарившихся на лавру, но не смогшихъ взять ея; такъ же точно отражалась она и въ безконечномъ количествѣ глазъ всякихъ паломниковъ и паломницъ, разошедшихся отсюда и полегшихъ въ разныхъ мѣстахъ, за пять долгихъ вѣковъ, въ родную землю. Сколько свѣта горѣло въ этихъ глазахъ и какъ глубоко погасли бы они, если бы не было надежды и вѣрованія... а въ дѣлѣ вѣры Сергіева лавра сдѣлала много, очень много!

Почти въ центрѣ Троице-Сергіевой лавры, въ широкомъ кольцѣ, имѣющемъ болѣе версты въ окружности, ея древнихъ стѣнъ, осѣняемыхъ высокими маковками соборовъ и колокольни, вышками башенъ и длиннымъ гребнемъ трапезы, скромно ютится довольно большой обелискъ изъ дикаго камня, въ четырнадцать аршинъ вышиной, повѣствующій надписями своими о томъ, что были три несчастныя для «Россіи времена» и въ нихъ-то именно лавра «сохраненію отечества содѣйствовала и спомоществовала». Эти времена: татарское иго, злоключеніе отъ поляковъ и стрѣлецкіе мятежи. Характерно и очень наглядно для сравненія то, что обелискъ этотъ поставленъ въ 1792 году, то есть въ тотъ именно годъ, когда во Франціи уже дѣйствовалъ конвентъ и близилось сверженіе христіанства! Какая разница! Странно и то другое совпаденіе, что комнатная икона несчастнаго Людовика XVI, находящаяся въ одной изъ здѣшнихъ монастырскихъ церквей, въ Виѳаніи, словно бѣжала сюда, такъ какъ была привезена именно въ разгаръ революціи.

Но историческія указанія обелиска не говорятъ о томъ единственномъ, исключительномъ значеніи, какое всегда имѣла лавра, не только въ перечисленныя времена бѣдствій въ нашей исторической жизни, но и на самую суть этой жизни, на ростъ Русской державы, изъ смертельной розни удѣловъ въ могущественное объединеніе московское. Если безконечно важны въ этомъ отношеніи заслуги митрополитовъ Петра и Алексія, то въ томъ же направленіи еще безцѣннѣе заслуги основателя лавры святаго Сергія: самъ онъ и школа іерарховъ, имъ образованная, стоявшая во главѣ лавры, въ этомъ смыслѣ сдѣлали свое.

Несомнѣнно, что въ жизни смиреннаго отшельника, основателя лавры, свѣтится чрезвычайно ярко ему одному принадлежащая, если можно такъ

выразиться, политическая окраска; въ этомъ имѣетъ нашъ преподобный очень много общаго со святымъ первоверховнымъ апостоломъ Павломъ. Сергій, избранный Богомъ подвижникъ, провидѣлъ съ зоркостью удивительною то, чего недоставало еще расщепленной тогда на удѣлы Россіи или, лучше сказать, провидѣлъ еще несуществовавшую Россію; его именно характерная подпись красуется на знаменитомъ завѣщаніи Дмитрія Донского, опредѣлившемъ переходъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну и этимъ разрушившемъ въ основаніи все горе, все зло удѣльной системы. Этимъ народилось московское единодержавіе, и его дементировало православіе, нерѣдко строгою, но всегда попечительною рукою. Чрезвычайно вѣрно характеризуетъ Муравьевъ особенность тѣхъ отношеній, какія мы, русскіе, должны имѣть къ основателю лавры, когда онъ говоритъ: «полюби святаго Сергія, онъ былъ русскій въ душѣ!» И понятна становится та мечтательность, которая сказалась въ Муравьевѣ, когда онъ лѣтнею ночью бродилъ по стѣнамъ лавры и ему свѣтилъ «молодой мѣсяцъ въ колыбели облаковъ» и горѣли золотыя маковки соборовъ, звенѣлъ по московской дорогѣ колокольчикъ, мелькали огни въ домахъ посадскихъ, воронъ въ башнѣ билъ крыломъ о желѣзную крышу, по дорожкамъ шли богомольцы, а старцы въ келіяхъ еще стояли на молитвахъ; воображенію Муравьева, объятому воспоминаніями, представились тогда двѣ таинственныя лѣстницы: одна—глубоко нисходившая на дно старины русской, другая—молитвенно воздвизавшаяся къ небу, рядомъ чудесныхъ подвиговъ святаго Сергія. Несомнѣнно вѣрно, что ни одна изъ обителей нашихъ не стояла такъ близко къ причинамъ возрастанія Россіи, не являлась такою существенною причиною и направленіемъ этого роста, какъ именно обитель святаго Сергія и въ особенности ея основатель. Народъ чрезвычайно чутокъ, и если гласъ народа—гласъ Божій, то замѣчательно и то, что едва минуло тридцать лѣтъ по смерти преподобнаго, какъ уже явились на свѣтъ его мощи и совершился рядъ чудесъ. Преданіе гласитъ, что преподобный самъ предсталъ тогда одному изъ посадскихъ людей въ видѣніи и сказалъ: «Вскую мя остависте толико времени во гробѣ, землею покровенна, водѣ утѣсняющей тѣло мое?»

Въ прекрасно задуманномъ и изложенномъ іеромонахомъ Никономъ «Житіи и подвигахъ святаго Сергія» приведены всѣ самыя видныя особенности этого замѣчательнаго, исключительнаго бытія.

Въ церкви новгородскаго архіерейскаго дома существуетъ икона съ поясным изображеніемъ преподобнаго Сергія, написанная, по преданію, въ самый годъ обрѣтенія его мощей, однимъ изъ учениковъ его. Коротко обстриженные волосы на мощномъ, сильно развитомъ черепѣ; длинные опадающіе къ низу усы и не особенно большая борода, строгое, сосредоточенное выраженіе лица, съ невеликими, узкими очами, подъ осѣненіемъ дугъ сильно очерченныхъ бровей и нѣсколькими глубокими морщинами на лбу,—вотъ тѣ вѣроятныя черты лика Преподобнаго, которыя сохраняются несокрушимыми въ богатой ракѣ лаврскаго храма. Несокрушимыя во времени черты эти оставались, конечно, тѣми же, когда въ раку святителя положенъ былъ новорожденный въ 1530 году Іоаннъ, будущій Грозный, «данный» отцомъ своимъ великимъ княземъ Васи-

лѣмъ чудотворцу и впослѣдствіи всегда особенно благоволившій его монастырю; такимъ долженъ былъ предстать ликъ Сергіевъ и патріарху іерусалимскому Ѳеофану, посланному отъ вселенскихъ патріарховъ, для поддержанія на Руси православія, когда онъ посѣтилъ монастырь въ игуменство Діонисія, непосредственно вслѣдъ за лихолѣтіемъ, велѣлъ открыть лицо Сергіево, отеръ его губкой, и, въ ужасѣ созерцанія нетлѣнія, осязалъ его руки и ноги; таковы, или приблизительно таковы, должны быть черты Сергіевы во гробѣ его и теперь; это и аскетъ, и мыслитель, и человѣкъ желѣзной воли, глубоко угодный Богу.

Святой Сергій, какъ и первосвятители славянства свв. Кириллъ и Меѳодій, принадлежалъ къ роду знатныхъ бояръ, а именно ростовскихъ, и родился въ четырехъ верстахъ отъ Ростова Великаго, тамъ, гдѣ стояла когда-то обронившая гдѣ-то въ исторіи свое имя «нѣкая весь», а теперь расположена небольшая обитель Варницкая. Первый жизнеописатель св. Сергія, его ученикъ, блаженный Епифаній, говоритъ о томъ, что еще во чревѣ матери своей младенецъ, во время одного изъ праздничныхъ богослуженій въ церкви, слышимо для всѣхъ, трижды въ главныя минуты литургіи вскрикнулъ. Митрополитъ Филаретъ замѣчаетъ по этому поводу, что въ наше время «люди болѣе проницательные можетъ быть осмѣливались бы догадываться, что таинственный восторгъ благочестивой матери въ три важные періода священнодѣйствія сообщилъ необыкновенное возбужденіе жизни плоду, который она носила во чревѣ», но въ то время, когда жилъ Епифаній «любили не столько любопытныя умствованія», какъ нынѣ, и признавали только совершившійся фактъ. Если, какъ выше замѣчено было, существуетъ нѣкоторое сходство въ очертаніяхъ дѣятельности св. апостола Павла и св. Сергія, то и тутъ, въ этомъ преданіи, передаваемомъ Епифаніемъ, сказывается желаніе народное пріобщить сродственностью судьбы лаврскаго преподобнаго съ судьбами другихъ очень важныхъ его предшественниковъ, а именно: пророковъ Іереміи, Исаіи, Іоанна Крестителя, Николая Чудотворца и нѣсколькихъ другихъ, включительно до Петра, митрополита московскаго. Подобно тому, какъ посвятила св. Анна и ея мужъ своего будущаго сына Самуила на служеніе Богу, посвященъ былъ тому же еще до рожденія и преподобный Сергій своими родителями. Онъ родился 3 мая 1319 года и окрещенъ именемъ Варѳоломея.

Первые дни жизни преподобнаго опять-таки ознаменовывались чудесами: младенецъ не бралъ груди матери своей, когда матери случалось насыщаться мясной пищей, а также по средамъ и пятницамъ; истолкователь этого свѣдѣнія, митрополитъ Филаретъ замѣчаетъ, что въ этомъ сказывались «предшествовавшія расположенія матери и проявлялись сѣмена будущихъ его, Сергія, расположеній».

Ученіе грамотѣ давалось подраставшему мальчику очень трудно; только благословеніе какого-то неизвѣстнаго старца, принятаго въ ихъ домъ, неожиданно пробуждаетъ въ немъ способности, и влеченіе къ уединенію и молитвѣ сказывается съ годами все сильнѣе. Замѣчательно, что тяготу первыхъ ударовъ Москвы, объединявшей Русскую землю, пришлось испытать на себѣ

именно тому ребенку, который впослѣдствіи, ставъ взрослымъ, отдастъ себя всего именно этому единенію съ Москвой, во имя Бога. Случилось это такъ, что въ Ростовъ Великій приглашены были изъ Москвы великокняжескіе воеводы, начавшіе хозяйничать въ немъ съ такимъ упорствомъ, что забирали имущество частныхъ лицъ и даже повѣсили вверхъ головой ростовскаго градоначальника боярина Аверкія; многіе рѣшились тогда покинуть Ростовъ, и въ числѣ ихъ находились и родители Варѳоломеевы. Вопросъ о томъ, куда имъ направиться, разрѣшенъ былъ тѣмъ, что именно въ то время въ село Радонежское, данное въ удѣлъ великой княгинѣ Еленѣ, призывали переселенцевъ и давали имъ льготы; туда-то и направилась семья Варѳоломеева.

Не позже 1339 года умерли родители Варѳоломеевы, постригшись въ Хотьковскомъ монастырѣ; ушелъ въ тотъ же монастырь и Стефанъ, старшій братъ Варѳоломеевъ, и, наконецъ, на 21 году пришелъ туда же и самъ Варѳоломей. Оба брата, отыскивая уединенія и пустынножительства, скоро покинули монастырь и поселились въ лѣсу, въ десяти верстахъ отъ Хотьковскаго монастыря, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ красуется теперь лавра, поставили своими руками, въ 1340 году, церквицу во имя св. Троицы. Отсюда—начало будущаго монастыря, поставленнаго не инокомъ, не постриженникомъ, а юношей боярскаго рода. Постриженіе принялъ Варѳоломей уже послѣ ухода брата Стефана въ этой самой церквицѣ въ 1342 году отъ нѣкоего старца игумена Митрофана и назвался тогда Сергіемъ,—имя, съ которымъ перешелъ онъ въ безсмертіе.

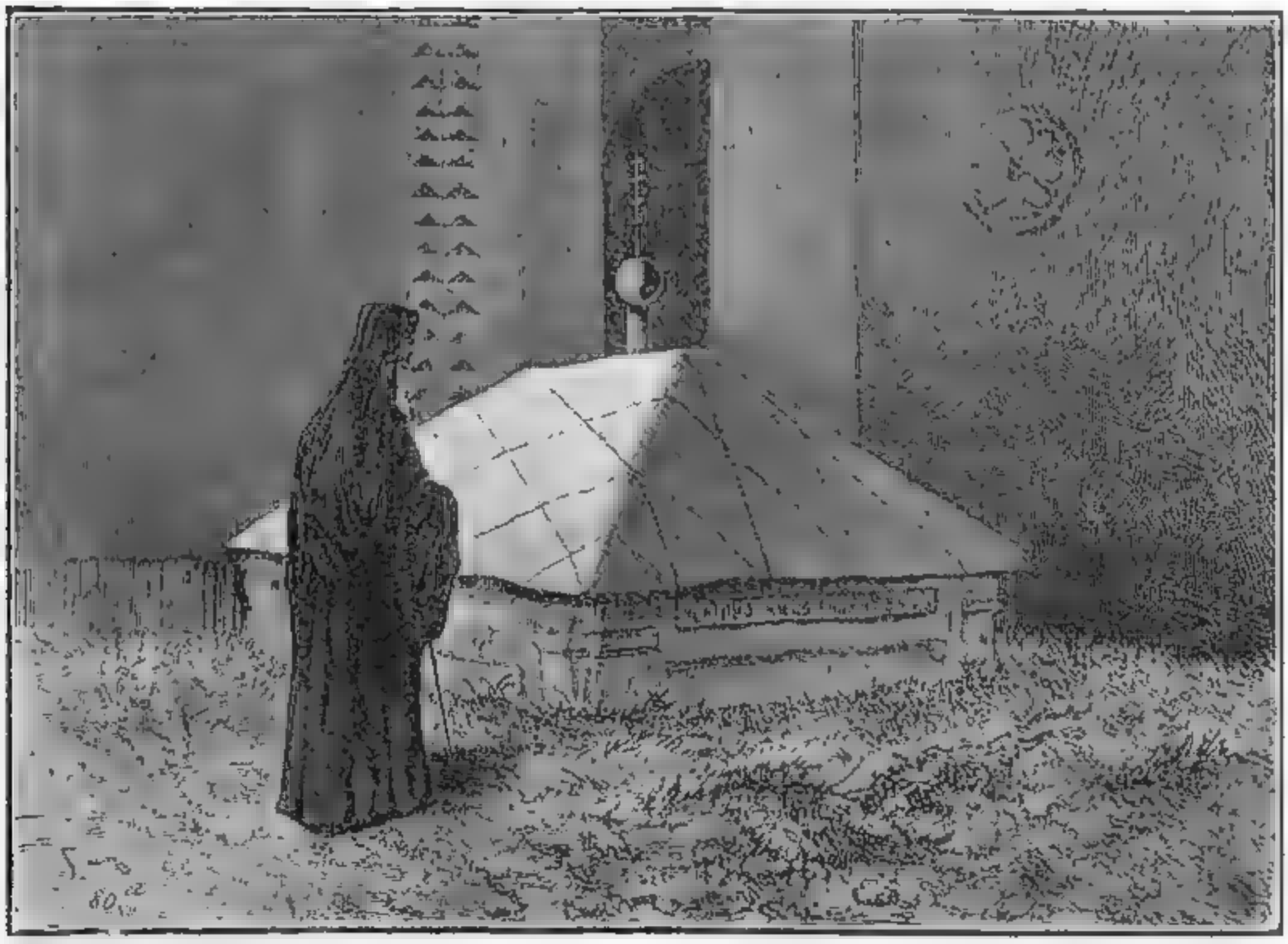
Безусловное уединеніе, исполненное молитвъ и, если судить по разсказамъ самого преподобнаго, записаннымъ его ученикомъ и жизнеописателемъ, долгой борьбы съ различными воплощеніями бѣсовскими, не нарушалось для юноши въ теченіе трехъ лѣтъ. Только къ этому сроку провѣдали люди о замѣчательномъ отшельникѣ и его святой жизни, и начали мало-по-малу приходить къ нему нѣкоторые для того, чтобы поселиться съ нимъ вмѣстѣ.

Вначалѣ имѣлось всего двѣнадцать человѣкъ братіи. Большую часть работъ, напримѣръ, постройку хижинъ, заготовленіе дровъ и пищи, омовеніе и погребеніе усопшихъ, шитье одежды, бралъ на себя самъ Сергій, причемъ, несмотря на холодъ, труды и долгія молитвы, сохранилъ большую физическую силу, такъ что, какъ говоритъ Епифатій, «имѣлъ силу противу двухъ человѣкъ». Въ этомъ небольшомъ поселеніи отшельниковъ не имѣлось ни устава, ни начальника, и самая церковка, построенная преподобнымъ, служила только мѣстомъ сбора для молитвы, но не имѣла еще своего постояннаго священнослужителя.

Если цѣлые три года оставался Сергій безусловно одинокимъ, то не менѣе двѣнадцати лѣтъ длилось это, такъ сказать, безформенное нарождавшееся развитіе общежитія, съ небольшими перемѣнами личнаго состава вслѣдствіе смерти того или другого, но все еще непризнаннаго, неосвященнаго. Имѣлись уже въ пустынѣ налицо могилы нѣсколькихъ отошедшихъ и между ними игумна Митрофана, того же, можетъ быть, который постригъ преподобнаго Сергія и пришелъ умереть подлѣ него; но ни своего игумна, ни опредѣленнаго устава

Общій видъ Троице-Сергіевой Лавры.

еще не существовало. Только послѣ неодпократныхъ настояній братіи, просившей Сергія принять, наконецъ, игуменство, рѣшилъ онъ отправиться къ святителю Аѳанасію, все еще надѣясь, что не его, а кого-либо другого дадутъ въ необходимые, законные руководители возникавшаго общежитія. Онъ ошибся, однако: несмотря на полное отчужденіе отъ жизни, несмотря на тогдашнюю пустынность мѣстъ радонежскихъ, въ которыхъ еще полвѣка спустя ловились бобры, и цари московскіе потѣшались охотой на бобровъ, лосей и медвѣдей, далеко еще не старый Сергій сталъ уже извѣстенъ даже нѣкоторымъ далекимъ святителямъ церкви; онъ долженъ былъ, наконецъ, уступить настояніямъ



Усыпальница царской семьи Годуновыхъ.

Аѳанасія, когда тотъ сказалъ ему: «Возлюбленный! ты все стяжалъ, а послушанія не имѣешь!»

Легко сказать, конечно: «ты все стяжалъ»; но если принять въ разсчетъ, что эти вѣскія слова обращены были маститымъ представителемъ церкви, управлявшимъ митрополіей, къ тридцатипятилѣтнему иноку, не имѣвшему, такъ сказать, никакого офиціальнаго значенія, то становится понятнымъ, какъ возрастало легендарное значеніе Сергія еще въ то время, когда онъ не совершилъ, кромѣ основанія общежитія, ровно ничего изъ тѣхъ дѣяній, которыя даютъ ему великое право на историческое значеніе. Необыкновенно было и самое посвященіе его въ игумены: поставленный немедленно по изъявленіи согласія въ иподіакона, онъ, при совершеніи литургіи, произведенъ въ іеродіаконы и на другой уже день облеченъ благодатію священства. Церковка,

построенная руками Сергія, получила право освящаться служеніемъ литургіи, а безформенное бытіе братіи обращалось въ правильное, монастырское, и какое монастырское: воплотился монастырь Троице-Сергіевъ!

Ничего общаго съ тѣмъ, что̀ имѣется теперь налицо въ богатой, вѣнчанной золотыми маковками лаврѣ, не было тогда. По свидѣтельству извѣстнаго Іосифа Волоколамскаго, жившаго сто лѣтъ позже, нищета въ Сергіевомъ монастырѣ была такъ велика, что книги писались не на пергаментѣ или хартіи, а на берестахъ; не всегда хватало инокамъ пшеницы для просфоръ, которыя, начиная отъ молотьбы пшеницы, Сергій любилъ изготовлять самъ; оказывался недостатокъ елеіама для кажденія, недоставало воска для свѣчъ, которыя опять-таки скатывалъ самъ игуменъ, и вмѣсто свѣчъ и лампадъ зачастую горѣли при богослуженіи лучины. Реликвіями этого далекаго времени являются хранимые въ лаврской ризницѣ деревянные сосуды, употреблявшіеся Сергіемъ при священнодѣйствіи, и его простое крашенинное облаченіе. Въ этой именно бѣдной ризѣ съ убогимъ посохомъ Сергія и древнѣйшимъ крестомъ его въ рукахъ, имѣя на груди старую бѣдную панагію, а на головѣ болѣе чѣмъ убогую митру, которую носилъ еще преподобный Діонисій, митрополитъ Платонъ, окруженный всѣмъ золотомъ, всѣмъ великолѣпіемъ своего клира, встрѣчалъ однажды Державныхъ Посѣтителей Лавры; этому именно митрополиту Платону обязана Лавра наибольшимъ своимъ великолѣпіемъ.

Прошло еще десять, двѣнадцать лѣтъ,—дремучія лѣса, окружавшіе юную обитель, все еще существовали, и только мало-по-малу, благодаря бѣжавшей въ народѣ славѣ Сергія, пустыня стала давать прогалины и, наконецъ, подлѣ самаго монастыря проложена большая торная дорога въ сѣверные города. Тогда къ обители стали прибѣгать не только простые люди, но бояре и князья; слухи о воскрешеніи преподобнымъ мертваго ребенка, объ исцѣленіи бѣснуватаго вельможи, о вызовѣ имъ изъ земли ключа живой воды, не достававшей обители, служили къ тому, что дороги къ монастырю становились людными, шло заселеніе мѣстности, и, наконецъ, еще при жизни самого Сергія поселенцы «исказиша пустыню и не пощадѣша, и составиша села и дворы многи». Если принять въ разсчетъ, что во время земного бытія Сергія учениками его основано до 25 монастырей, а вообще отъ Сергіевой обители и ея подвижниковъ возникло впослѣдствіи до 70 монастырей, повсюду сѣявшихъ вѣру, трудъ, грамотность и развитіе, то одно уже культурное значеніе насажденій Сергія чрезвычайно велико.

Въ длинномъ ряду многочисленныхъ легендъ и преданій, нижзывающихъ жизнеописаніе Сергія, есть, между прочимъ, одно, очень красивое, вполнѣ ясно обрисовывающее эту именно сторону дѣятельности монастыря. Вотъ это преданіе.

Стояла тихая лѣтняя ночь надъ обителью, и преподобный Сергій въ келіи своей стоялъ на обычной молитвѣ; молился онъ, на этотъ разъ, за духовныхъ дѣтей своихъ, за братію, и неожиданно слышитъ голосъ, зовущій его: «Сергій». Открывъ волоковое оконце келіи, какъ бы на чей-то простой зовъ, видитъ онъ сквозь листву древесную все небо объятымъ неописуемо-прелестнымъ свѣтомъ

и по свѣту этому, по всему монастырю, вдоль всей его ограды, летаютъ какія-то красивыя, невиданныя имъ птицы и поютъ, поютъ необычайно сладостно! Неизвѣстный голосъ объяснилъ Сергію, что такъ именно умножится число учениковъ его. Тотчасъ же оповѣщенный объ этомъ видѣніи самимъ Сергіемъ, одинъ изъ братіи успѣлъ увидѣть только частицу этого убѣгавшаго прелестнаго явленія, этого непонятнаго, таявшаго въ ночи свѣта и услышать несказанно сладко распѣвавшихъ невиданныхъ птицъ...

Сергію минуло пятьдесятъ лѣтъ, когда, по желанію вселенскаго патріарха и митрополита, введено въ обители общежитіе. Пришлось устроить особыя помѣщенія, назначены: келарь, духовникъ, экклесіархъ и пр.; употреблявшійся прежде въ обители уставъ студійскій, какъ болѣе простой, замѣненъ уставомъ іерусалимскимъ, требующимъ достаточнаго числа священниковъ, имѣвшихся уже въ обители. Сергій требовалъ отъ братіи безпрекословнаго послушанія и находилъ необходимымъ, чтобы даже поступь монаховъ была тихая и спокойная, съ наклоненною головой, и чтобы наружность вполнѣ соотвѣтствовала внутреннему смиренію. Позже Іосифъ Волоколамскій, взявшій себѣ Сергія за образецъ, опредѣляетъ даже то, какъ стоять монахамъ на молитвѣ: «стисни свои руцѣ и соедини свои нозѣ и очи смежи и умъ собери» и прибавляетъ, что, когда смотрятъ міряне, «тогда паче». Одновременно съ устройствомъ въ обители общежитія, введено въ ней странноприимство, отличающее ее и до сихъ поръ.

Если Сергію не удалось отклонить отъ себя игуменства, то другой, гораздо высшій санъ духовный, а именно предложеніе, сдѣланное ему митрополитомъ Алексіемъ, посвятить его во епископа, а засимъ принять послѣ него и престолъ митрополичій, игуменъ Сергій отклонилъ. Этотъ отказъ вовсе не означалъ того, чтобы преподобный, посвятившій всего себя молитвѣ, подвигу и устроенію обители, какъ бы чуждался соприкосновенія со свѣтскою жизнью. Вовсе нѣтъ; тамъ гдѣ благо народа и православіе требовали этого участія, оно проявлялось полной мѣрой, и въ этомъ отношеніи стоитъ Сергій превыше многихъ, если не всѣхъ, дѣятелей церкви нашей и очерченъ на историческомъ горизонтѣ великою, поразительною своеобразностью.

Годы дѣятельности св. Сергія были послѣдними годами существованія у насъ удѣльной системы, весьма много повинной какъ въ татарскомъ игѣ, такъ и въ нарожденіи на западной границѣ нашей великихъ враждебныхъ силъ въ лицѣ умирающаго балтійскаго рыцарства и давно умершаго Царства Польскаго, со всѣми ихъ тяжкими послѣдствіями. Въ историческомъ развитіи большихъ народовъ, въ нѣкоторые болѣе или менѣе продолжительные періоды ихъ, возникаютъ и имѣются налицо такія задачи, отъ удачнаго или неудачнаго рѣшенія которыхъ зависитъ вся дальнѣйшая жизнь этихъ народовъ. По самому существу своему непостижимыя, путанныя, не усвоиваемыя современниками, онѣ составляютъ мучительную, неопредѣленную медицинскимъ діагнозомъ болѣзнь времени, тѣмъ болѣе опасную, что для многихъ, очень многихъ, болѣзнь эта кажется здоровьемъ, и потому что она пріятна имъ. Разобрать въ чемъ дѣло, прочесть имѣющееся налицо заданіе, какъ ту знаменитую огненную подпись на пиру Валтасаровомъ, которую начертала таинственная рука, можетъ

далеко не всякій, могутъ очень немногіе, можетъ статься—одинъ только человѣкъ. Такою надписью, горѣвшею въ тѣ дни надъ русскими землями, еще находившимися въ полномъ броженіи, было уничтоженіе удѣльной системы, въ силу которой престолонаслѣдіе переходило не отъ отца къ сыну, а къ старшему въ родѣ. Кровью людскою и безконечнымъ ослабленіемъ страны свидѣтельствовалось послѣднее царство этой системы. Прямымъ слѣдствіемъ ея, понятнымъ, однако, въ тѣ дни очень немногимъ, явилось иго татарское, тяготѣвшее надъ Русью, сложилась Польша, возникло балтійское рыцарство.

Если теперь причина этого зла совершенно ясна намъ; если мы, далекіе потомки, тѣмъ болѣе ясно понимаемъ ее, что видимъ въ нынѣшнемъ могуществѣ Россіи прямое слѣдствіе того, что̀ совершила другая система престолонаслѣдія, то догадываться о ней въ тѣ дни было далеко не легко, и для этого требовалась особенно яркая государственная прозорливость. Возможность такого предвидѣнія, такой прозорливости была тѣмъ труднѣе, что тогдашнее общеніе между отдѣльными княжествами, между частями будущей Россіи являлось слабымъ, неполнымъ; что о судьбахъ одного изъ княженій узнавалось въ другомъ только урывками, случайно и во всякомъ случаѣ не иначе, какъ послѣ совершившагося факта; что самая мысль о возможности цѣльной Россіи, что простое представленіе себѣ карты Россіи, въ тѣ годы могли быть дѣломъ только особенно сильнаго, великаго ума,—того—что̀ называемъ мы теперь на обиходномъ языкѣ нашемъ дѣломъ государственной геніальности.

Нельзя, конечно, и, пожалуй, не имѣетъ права изслѣдователь дѣятельности преподобнаго Сергія и принимать свои соображенія за соображенія, якобы руководившія имъ; но нѣкоторая догадливость, нѣкоторое наведеніе будутъ все-таки у мѣста. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что мысль задумчиваго, сосредоточеннаго ребенка, уже въ самые ранніе дни его жизни, поставленная къ лицу съ какимъ-то ему неизвѣстнымъ, но могущественнымъ положеніемъ вещей, заставившимъ его родителей покинуть родной имъ Ростовъ и переселиться въ весь Радонежскую, чтобы эта мысль не имѣла для Сергія никакого значенія. Нельзя также не обратить вниманія на то, что юноша Сергій, почувствовавъ потребность уединенія и молитвы въ пустынѣ, ушелъ не куда-либо очень далеко, въ дебри Олонецкаго края, или Пермской земли, или еще далѣе, къ Соловкамъ, какъ это сдѣлали другіе подвижники, поселившись тамъ, гдѣ уединеніе могло быть дѣйствительно совершеннымъ, а ограничился удаленіемъ въ ближніе предѣлы ростовскіе, сравнительно все-таки болѣе населенные и, во всякомъ случаѣ, очень близкіе отъ Москвы. Кто рѣшитъ: было это дѣломъ случая, или историческаго соображенія и провидѣнія?

Далѣе, если присмотрѣться внимательнѣе къ тѣмъ случаямъ жизни, въ которыхъ Сергій проступалъ, продвигался въ кипучую дѣятельность общественныхъ задачъ и судебъ дня, то и въ этомъ сказывается опять-таки цѣлая своеобразная система. Если, какъ сказано, несомнѣнно то, что мысль о значеніи единодержавія для Россіи теплилась уже давно въ свѣтлѣйшихъ умахъ нашихъ князей и святителей; если она нашла себѣ сознательное воплощеніе въ томъ, напримѣръ, что святитель митрополитъ Петръ нашелъ нужнымъ пе-

реселиться навсегда изъ внушительнаго, богатаго, блиставшаго своими храмами Владиміра-на-Клязьмѣ въ только-что возникшій тогда городокъ Москву; если преемникъ его, святитель Алексій, устоялъ противъ искушеній обратнаго перенесенія митрополичьяго престола изъ Москвы во Владиміръ, то гораздо болѣе долгою, упорною, замѣчательною послѣдовательностью поражаетъ ясность этой мысли именно въ Сергіи.

Сергію не было еще и сорока лѣтъ, когда, вполнѣ сознавъ значеніе для Россіи Москвы, онъ, покинувшій родные ростовскіе предѣлы, именно вслѣдствіе московскихъ притязаній, посѣтилъ въ 1358 и 1363 году свой родной Ростовъ, чтобы уговорить князя Константина признать надъ собою власть великаго княженія московскаго, что̀ и было исполнено. Когда немного позже, а именно—въ 1365 году, нижегородскій князь Борисъ вздумалъ бороться съ Москвой и не подчиняться ей, то смирить князя посланъ былъ Сергій, который, по данной ему отъ митрополита власти, не остановился предъ тѣмъ, чтобы затворить въ Нижнемъ-Новгородѣ всѣ храмы, прекратилъ богослуженіе и смирилъ непокорнаго князя Бориса. Есть основаніе полагать, что въ 1371 году Сергій много способствовалъ примиренію князей тверского и московскаго. Въ 1385 году, по личной просьбѣ князя Дмитрія, Сергій отправился въ Рязань, для умиротворенія безпокойнаго князя Олега, достигъ этой цѣли и скрѣпилъ миръ и любовь семейнымъ союзомъ обоихъ княжескихъ домовъ, такъ какъ Софья Дмитріевна обвѣнчалась съ сыномъ Олеговымъ, Осодоромъ. Всѣ эти великія по своимъ послѣдствіямъ странствія въ Нижній, въ Ростовъ и Рязань Сергій совершалъ, по своему обыкновенію, пѣшкомъ.

Но не одно только умиротвореніе князей подъ знаменемъ московскимъ поставилъ себѣ задачей Сергій: онъ дѣйствовалъ и въ другихъ случаяхъ, но исключительно подъ однимъ только угломъ зрѣнія, въ силу одной только Богомъ навѣянной мысли.

Когда послѣ Успеньева дня 1380 года по вновь проложенной на востокѣ столбовой дорогѣ, мимо Сергіевой обители, съ отборною дружиной, окруженный князьями и боярами, выступилъ изъ Москвы великій князь Дмитрій Іоанновичъ противъ Мамая, Сергій благословилъ его и далъ ему двухъ иноковъ своихъ, бывшихъ бояръ и воиновъ, Пересвѣта и Ослябя. Никто иной, какъ Сергій, вполнѣ ясно сознавая значеніе побѣды надъ татарами для возникавшаго великаго княженія московскаго, прислалъ на берега Непрядвы и Мечи старца Нектарія съ просфорой и собственноручною грамоткой къ князю, оканчивавшеюся ободрительнымъ совѣтомъ: «чтобы ты, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Троица». Прибытіе сергіевыхъ посланца, просфоры и грамотки къ князю было разсчитано съ умилительною сообразительностью: они появились въ станѣ въ самое утро боя, и можно представить себѣ, какъ своевременно разнеслась тогда по войску вѣсть о преподанномъ изъ Троицы Сергіевомъ благословеніи? Въ числѣ ударовъ мечей нашихъ, несомнѣнно, участвовала святость этого благословенія. Пока гудѣла сѣча Куликовская, ясновидѣніе Сергія, скликнувшаго на молитву всю братію,—такъ сообщаетъ преданіе,—и прозрѣвавшаго, какъ бы былъ онъ очевидцемъ, все, происходившее на полѣ

битвы, дѣлало свое: преподобный произносилъ поименныя заупокойныя молитвы за тѣхъ, кто палъ въ бою, и, наконецъ, въ соотвѣтствующій часъ возвѣстилъ о полномъ пораженіи Мамая. Куликовская побѣда была первымъ лавровымъ листкомъ въ вѣнкѣ возникшей тогда знаменемъ единой для русскихъ Россіи—Москвы; особенно тщательно вплеталъ его Сергій.

Въ 1389 году, 19 мая, ровно пять столѣтій тому назадъ, въ полномъ расцвѣтѣ жизни и славный своимъ княженіемъ, умиралъ Дмитрій Іоанновичъ Донской. Въ безмолвіи и горести стояли у его смертнаго ядра бояре, собраны были дѣти и пришла, слабая отъ родовъ послѣ шестого сына, супруга его Евдокія. Сказавъ нѣсколько вѣщихъ словъ, умиравшій великій князь представилъ своимъ боярамъ семнадцатилѣтняго Василія, какъ будущаго ихъ государя, простился и сказавъ: «Богъ мира да будетъ съ вами», сложилъ руки на груди и скончался. Новый порядокъ княженія, наслѣдованіе отъ отца къ сыну, установился, потому что еще при жизни Донского подписано было призванными съ этою цѣлью десятью главными боярами и двумя игумнами духовное его завѣщаніе, отстранявшее навсегда наслѣдованіе старшихъ въ родѣ и убившее въ корнѣ всѣ печали, всю смертельную немощь удѣльной системы Подъ этимъ важнымъ историческимъ документомъ имѣется и подпись преподобнаго Сергія.

Всѣ перечисленные историческіе факты являются, такъ сказать, цѣлымъ ожерельемъ сознательныхъ, яркою системой проступающихъ дѣяній, въ политическомъ смыслѣ чрезвычайно вѣскихъ, которымъ можетъ быть украшена историческая дѣятельность Сергія. Удивительно, что тогда же, на концѣ земной жизни его, народное преданіе уже облюбовало художественный обликъ Сергія и заставляетъ его дѣйствовать въ томъ же смыслѣ и въ послѣдующіе вѣка. Такъ, сто тридцать лѣтъ спустя послѣ битвы съ Мамаемъ, когда Москва уже собралась, уже сказала во многомъ свое вѣское слово, ей предстояло довершать начатое, и царь Іоаннъ Грозный долженъ былъ итти на Казань, ключомъ ко взятію Казани основанъ былъ въ 1551 году городъ Свіяжскъ. Преданіе весьма опредѣлительно говоритъ, что основаніе Свіяжска и самое мѣсто будущаго города предварено многократными явленіями на этомъ мѣстѣ преподобнаго Сергія. Преданіе говоритъ также, что въ часы рѣшительной битвы подъ Казанью, въ шатеръ царя прибылъ съ благословеніемъ опять-таки отъ Сергіевой обители, а не отъ какой-либо другой, инокъ Адріанъ. Чрезвычайно краспво и художественно другое современное тѣмъ днямъ преданіе, касающееся опять-таки Москвы. Много уже лѣтъ почивалъ въ гробу своемъ святитель Сергій, когда, въ 1521 году, нечестіе Москвы подняло его изъ гроба. Дѣло въ томъ, что въ нѣкій таинственный часъ, какъ разъ въ годъ нашествія на Россію Махметъ-Гирея, истосковавшись нечестіемъ Москвы, цѣлый сонмъ ея святителей всталъ изъ гробовъ своихъ и думалъ удалиться изъ города. Необыкновенный шумъ сопровождалъ это таинственное, лучезарное шествіе почившихъ, двигавшихся неслышною поступью въ своихъ великолѣпныхъ священническихъ одѣяніяхъ изъ Кремля во Флоровскія (Спасскія) ворота. Возставшіе изъ гробовъ святые митрополиты: Петръ, Алексій, Іона, Леонтій Ро-

стовскій и многіе другіе уносили съ собою также чудотворный образъ Божіей Матери; они уже покинули Кремль и направились по Ильинской улицѣ, когда неожиданно повстрѣчали св. Сергія и Варлаама Хутынскаго. Сонмъ усопшихъ остановился. Спросивъ святителей, почему они уходятъ, и получивъ отвѣтъ, что уходятъ они изъ Москвы за ея нечестіе и по волѣ Божіей, Сергій и Варлаамъ уговорили ихъ остаться, сохранить городу его святыню и умилостивить Бога. Тутъ же совершено было всѣмъ сонмомъ почившихъ молитвословіе, и возставшіе возвратились во свои гробы, полегли въ нихъ и вновь стерегутъ нашу православную матушку Москву. Спаслись тогда отъ погрома татарскаго какъ Москва, такъ и обитель святаго Сергія.

Если въ нашемъ быломъ историческая дѣятельность св. Сергія вмѣстѣ вполнѣ опредѣлительно и своеобразно, то и въ длинномъ ряду нашихъ святыхъ помѣчена она тоже нѣсколькими исключительными, только ей принадлежащими, особенностями. Уже самый фактъ открытія мощей его только тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти, когда еще живы были тысячи людей лично видѣвшихъ, слышавшихъ и знавшихъ Сергія, является чуть-ли не единичнымъ, свидѣтельствующимъ съ поразительною наглядностью о томъ исключительномъ благоговѣніи, какимъ окружена была въ народѣ память преподобнаго Сергія. Но и, кромѣ того, въ земномъ бытіи его имѣется много чертъ вполнѣ самостоятельныхъ, другимъ преподобнымъ не принадлежащихъ. Такъ, передано жизнеописателемъ его Епифаніемъ, что ему, какъ это видѣли другіе, при священнодѣйствіи литургіи сослужили ангелы, и что это, по словамъ Сергія, бывало «не теперь только, а и всегда»; видѣли другіе, что на Святыя Тайны, при службѣ Сергія, сходилъ огонь небесный, двигался по престолу, обвивался вокругъ трапезы, сходилъ внутрь хранящагося въ ризницѣ лавры и теперь деревяннаго потира, и Сергій причащался этого огня «невольно, какъ древле купина неопально горѣвшая». Но почти совершенно исключительнымъ является посѣщеніе святаго Сергія самою Богоматерью.

Это случилось въ глубокую ночь, послѣ молитвы преподобнаго къ Богоматери о сохраненіи и преуспѣяніи обители. Усталый сѣлъ онъ на скамью и, какъ бы предощущая приближеніе необыкновеннаго явленія, предупредилъ о немъ находившагося тутъ же келейнаго ученика своего Михея. Явленіе это дѣйствительно не только совершилось, причемъ Богородицу сопровождали апостолы Петръ и Іоаннъ Богословъ, но Богоматерь даже прикоснулась къ Сергію Своею небесною рукой, когда, ослѣпленный лучезарностію явленія, онъ палъ предъ Нею ницъ. Небесная Пришелица объявила ему, что явилась посѣтить его именно потому, что Она всегда останется при обители и будетъ покрывать ее Своею всемогущею защитой. Михей, находившійся тутъ же, не удостоился видѣть Богоматерь, не слышалъ ея голоса и, будто низвергнутый на-земь великимъ ужасомъ, замѣтилъ только свѣтъ небесный...

Видѣть на яву Богородицу, слышать Ея голосъ и даже испытать Ея прикосновеніе, этого не было дано никому изъ святыхъ; видѣть на яву довелось, кажется, только преподобному Аѳанасію Аѳонскому. Лаврскій образъ этого Сергіева видѣнія, складной, устроенъ въ монастырскомъ соборномъ храмѣ

Троицы надъ южною дверью; надпись на задней сторонѣ его свидѣтельствуетъ о томъ, что доска, на которой онъ писанъ, взята отъ гроба Сергіева. Это одна изъ наиболѣе почитаемыхъ иконъ нашихъ и вполнѣ единственная тѣмъ, что довелось ей самой видѣть. Такъ, въ 1654 году царь Алексѣй Михайловичъ бралъ ее съ собою въ польскій походъ; въ 1703 году царь Петръ послалъ ее въ станъ графа Шереметева во время войны съ Карломъ XII; въ 1812 году митрополитъ Платонъ вручилъ ее Александру I, передавшему ее московскому ополченію; въ 1855 году митрополитъ Филаретъ передалъ ее Александру II и образъ находился при арміи въ Крыму; наконецъ, въ 1877 г. Александръ II принялъ икону отъ митрополита Иннокентія и она находилась въ Турціи при нашихъ войскахъ до заключенія мира. Въ настоящую минуту снова высится этотъ образъ на завѣтномъ мѣстѣ: надъ южною дверью собора, и ожидаетъ дальнѣйшихъ судебъ Провидѣнія: гдѣ быть ему снова и откуда возвратиться? Могущественный «печальникъ земли Русской» Сергій безмолвно слѣдитъ за судьбами дорогой ему Россіи, для возрастанія которой сдѣлалъ онъ такъ исключительно много. «Время общественныхъ бѣдствій,—говоритъ Муравьевъ,—есть его, Сергіево, время; когда все уже кажется гибнущимъ, тогда воздвигается Сергій!»

«Полюби святаго Сергія.—повторяетъ Муравьевъ въ другомъ мѣстѣ,—онъ былъ русскій въ душѣ!» И это дѣйствительно такъ, и неудивительно, что всѣ великіе князья московскіе, всѣ цари наши съ царицами, всѣ императоры и ихъ вѣнценосныя супруги, всѣ лица Царствующаго Дома, почившіе и живые, побывали съ свое время у святаго Сергія и поклонились ему. Особенно сильно, если можно такъ выразиться, съ какою-то страстностью чтилъ его память Іоаннъ IV Васильевичъ; имѣется свѣдѣніе о томъ, что новорожденный, будущій Грозный, былъ положенъ въ раку святителя; это еще вопросъ далеко не рѣшеный: не была ли насущною необходимостью тѣхъ дней жестокость Іоаннова, направленная на крамольныхъ бояръ, а что въ этой жестокости, выродившейся, въ силу многихъ условій, въ болѣзненное неистовство, что въ основаніи ея лежала благая мысль объединенія Россіи, заповѣдная мысль Сергіева, въ этомъ нѣтъ, и не можетъ быть никакого сомнѣнія, и это никогда и никѣмъ не отрицалось.

Великую трудность представляетъ изслѣдованіе дѣятельности крупнѣйшихъ представителей святоотеческой жизни нашей православной церкви! Причина кроется въ томъ, что за ними, за этими дѣятелями, если можно такъ выразиться, поличнаго, документальнаго осталось, и должно было остаться, очень мало. Они прошли надъ родиной своею незримымъ, благотворнымъ вѣяніемъ, остающимся и понынѣ какою-то свѣтлою весной, не единожды только въ году, призывающею къ жизни, но пробуждающею ее молчаливо, но настоятельно и постоянно. Молитва, совѣтъ, наставленіе, когда-либо сказанные ими, не поличное, не документъ, а между тѣмъ, въ свое время, эти люди имѣли громадное, вершительное значеніе. Какъ разъ крупнѣйшіе, самостоятельнѣйшіе святители церкви нашей, высящіеся въ далекомъ быломъ, оставили за собою очень немного вещественныхъ доказательствъ своихъ воззрѣній. Оно и понятно:

монашество должно быть скромно и молчаливо. Намъ положительно извѣстны почти только тѣ моменты дѣятельности святителей, въ которые они соприкасались съ дѣятельностью свѣтскихъ представителей власти; въ этихъ случаяхъ принимался за привычное дѣло дьякъ или лѣтописецъ, оставлялъ какой-либо слѣдъ въ хартіи, или на пергаментѣ, или, наконецъ, на лоскуткѣ, длиной съ небольшимъ въ вершокъ, шириной около двухъ, какъ та грамотка, одна изъ древнѣйшихъ, сохраняемыхъ въ монастырскомъ архивѣ, которая дана однимъ изъ князей на владѣніе озеромъ преподобному Никону, преемнику св. Сергія. Дѣятельности нашихъ былыхъ святителей, подобно тому, какъ читается дѣятельность властителей свѣтскихъ, въ буквенныхъ знакахъ, полностью не прочесть: ихъ надо угадывать, возсоздавать, достраивать собственною мыслію. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если церковная живопись успѣла за изображеніемъ святыхъ не только особенности чертъ лица, краски волосъ, но даже особые колера одѣяній каждаго изъ нихъ, то и въ очертаніяхъ ихъ духовно-этическихъ типовъ есть не менѣе особыя, только тому или другому принадлежащія черты. Какъ безконечно разнятся одинъ отъ другого, при полномъ сходствѣ въ исповѣданіи православія, Нилъ Сорскій, Іосифъ Волоколамскій, Зосима Соловецкій, митрополитъ Филиппъ, Кириллъ Бѣлозерскій, Сергій Радонежскій? Не замѣтить этихъ несходствъ нельзя,—на нихъ сложились цѣлые циклы историческихъ развитій.

Если, какъ сказано выше, еще при жизни Сергіевой ученики его основали 25 монастырей, а отъ Троице-Сергіева монастыря образовалось ихъ около 70, то, ознакомившись съ земнымъ бытіемъ Сергія, нельзя не ознакомиться и съ судьбами самаго монастыря. Наиболѣе цѣльною, касающеюся монастыря работой, остается и понынѣ описаніе, сдѣланное еще въ 1841 году покойнымъ ректоромъ московской духовной академіи Горскимъ, профессоромъ церковной исторіи, авторомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій и открытій въ древней словесности русской; книга эта исправлена митрополитомъ Филаретомъ и дополнена архимандритомъ Леонидомъ. Очень важны также: «Путеводитель изъ Москвы въ Троице-Сергіевскую Лавру» Снегирева, «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» Шевырева, «Путешествія по святымъ мѣстамъ русскимъ» Муравьева, «Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути въ Троицу» Карамзина. Но всѣ эти труды, сами по себѣ очень хорошіе, въ значительной степени устарѣли; слѣдуетъ ожидать болѣе полнаго описанія, потому что состоявшееся обнародованіе многихъ документовъ въ нашихъ историческихъ изданіяхъ и изслѣдованіе новѣйшихъ историковъ бросили новый свѣтъ на нѣкоторыя страницы бытія Лавры.

Еще при жизни Сергія, монастырь, начавшійся съ малой церкви и нѣсколькихъ келій, построенныхъ имъ самимъ, съ нѣсколькихъ могилъ, вырытыхъ тоже имъ самимъ, основателемъ, является уже весьма значительнымъ и окруженнымъ поселками: лѣсная пустыня, въ ея молчаніи, была «искажена». Первыя средства на построеніе доставлены самому Сергію нѣкіимъ смоленскимъ архимандритомъ Симономъ, принесшимъ «въ руцѣ святому многое имѣніе». По сожженіи монастыря Едигеемъ, семь лѣтъ спустя по смерти основателя, онъ на-

чалъ отстраиваться снова, но все еще оставался снова огороженнымъ деревяннымъ тыномъ и имѣлъ постройки большею частью деревянныя. Особенно много сдѣлалъ для монастыря Іоаннъ Грозный, и лучшія зданія принадлежатъ ему; хотя каменная ограда начала подниматься еще во время малолѣтства Іоаннова, но какъ главныя средства, такъ и исключительныя распоряженія для ея окончанія, какъ, напримѣръ, разрѣшеніе брать даромъ, гдѣ бы они по сосѣдству ни нашлись, камень и известь и то, чтобы крестьяне ближнихъ мѣстъ не были занимаемы никакими иными работами кромѣ построенія стѣны, доколѣ стѣна не устроится, — сдѣланы и даны были Грознымъ. Каждое слѣдовавшее царствованіе совершало для многочтимой обители свое, и изъ описи, составленной въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, видно, что святыня монастырская, послѣ литовскаго погрома, красовалась опять во всемъ великолѣпіи, окруженная готовою стѣной въ 550 саженъ длины, съ 12 башнями, вооруженными 90 орудіями, изъ которыхъ иныя, въ память ихъ плѣненія отъ враговъ, назывались «полонянками». Очень многое сдѣлано для монастыря митрополитомъ Платономъ, законоучителемъ великаго князя Павла Петровича, умершимъ въ 1812 году и покоящимся не вдали отъ лавры, въ устроенной имъ Вноаніи, и, наконецъ, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, умершимъ въ 1867 году и покоящимся въ одной изъ церквей лаврскихъ, не вдали отъ ученаго Максима Грека, когда-то злобно оклеветаннаго, подъ вѣчное чтеніе псалтири.

Кто изъ русскихъ не посѣщалъ лавры? Кто не помнитъ впечатлѣнія, производимаго ею, если подъѣзжать къ ней, а такъ именно и подъѣзжаютъ теперь отъ желѣзной дороги, съ южной стороны. Именно отсюда, съ южной и западной стороны, смотрѣли когда-то на монастырь поляки и литовцы, какъ на недоступное лакомство, не поддававшееся ихъ вожделѣнію; почти такою же съ очень малыми измѣненіями должна она была представляться имъ, какъ представляется теперь и намъ. Мѣстность волниста и, несмотря на то, что она вся густо застроена, нельзя не отличить того основного холма, той «маковицы», отъ которой идетъ древнѣйшее названіе обители «иже на Маковцѣ». Самъ Сергій въ одномъ изъ многочисленныхъ явленій своихъ говоритъ о себѣ: «Азъ есмь Сергіе Маковскый».

Выше всего поднимается колокольня, въ сорокъ слишкомъ саженъ вышины, построенная по плану Растрелли; на ней виситъ не менѣе сорока звучныхъ языковъ колокольныхъ, и во всѣхъ колоколахъ, вмѣстѣ взятыхъ, гудятъ, когда нужно, 8.600 пудовъ мѣди; если припомнить, что маленькій валдайскій колокольчикъ, заливающійся и донынѣ подъ дугами ямщичьихъ троекъ, тамъ гдѣ не глянула желѣзная дорога, а такихъ мѣстъ у насъ еще видимо-невидимо,— что если такой колокольчикъ въ два фунта вѣса слышенъ за версту и болѣе, то становится совершенно понятнымъ, какую внушительную наступательную тьму темъ катящихся звуковъ можетъ послать въ воздухъ одна эта колокольня и какъ далеко слышенъ мелодичный голосъ монастыря. Но вѣдь въ монастырѣ имѣется и много другихъ колоколовъ, и лавра можетъ звучать вся цѣликомъ. Съ колокольни кругозоръ очень великъ; хорошо видна церковь сосѣдняго

села Деулина, воздвигнутая царемъ Михаиломъ и его отцомъ-патріархомъ на память знаменитаго мира, заключеннаго именно въ этомъ селѣ. Самый могучій голосъ принадлежитъ крупнѣйшему во всей Россіи изъ числа всѣхъ дѣйствующихъ колоколовъ «Царю-колоколу», въ 4.000 пуд. вѣсу, перелитому при Елисаветѣ Петровнѣ изъ другого разбитаго съ прибавкой къ нему 1.000 пуд. мѣди; онъ повѣшенъ ровно 130 лѣтъ тому назадъ. Между другихъ его товарищей одинъ—даръ боярина Бориса Годунова, другой— царя Бориса; не въ душѣ ли своей думалъ заглушить царь Борисъ множествомъ дарованныхъ имъ въ разные храмы колоколовъ голосъ вспуганной совѣсти своей? Впрочемъ, рѣшенъ ли еще вопросъ о силѣ этой виновности?

Два другія сооруженія, выдающіяся въ общемъ видѣ лавры подъ купами окружающихъ ихъ деревьевъ,—это Успенскій соборъ и зданіе трапезы съ церковью преподобнаго Сергія. Очень ясны по гранямъ обрамленія лаврскихъ стѣнъ ея девять башенъ; ближайшею справа высится Пятницкая, цвѣтомъ красная, слѣва—Водяная. На верху первой изъ нихъ устроены помѣщенія для студентовъ духовной академіи, мирно подготовляющихся къ исполненію своихъ будущихъ важныхъ обязанностей, а въ тяжелую годину осады именно на эту башню обращены были главныя усилія поляковъ: сюда стрѣлялъ панъ Лисовскій, сюда веденъ былъ подкопъ, устье котораго найдено осажденными при одной изъ удачныхъ вылазокъ. На первомъ планѣ за рѣчкой Кончурой разстилается лаврскій садъ; онъ называется также Пафнутьевымъ, въ силу преданія о томъ, будто бы сынъ стрѣлецкаго головы Пафнутій Сагалаевъ, во время стрѣлецкаго бунта, когда Петръ находился уже въ монастырѣ, узнавъ объ умыслѣ на жизнь его, поспѣшилъ сюда и сообщилъ объ этомъ царю, гулявшему по саду; царь поцѣловалъ юношу и повелѣлъ саду этому именоваться впредь Пафнутьевымъ.

Общее впечатлѣніе обители чрезвычайно богато; множество золотыхъ маковокъ искрятся въ небѣ; пестрѣютъ краски зданія трапезы и куполовъ и все это объято кольцомъ бѣлыхъ стѣнъ, скрѣпленныхъ, спаянныхъ пестрыми башнями, стѣнъ изрѣзанныхъ бойницами и достигающихъ мѣстами шестисаженной вышины, при ширинѣ въ три сажени. По этой каменной, возвышенной дорогѣ совершаются крестные ходы; на этихъ же стѣнахъ является иногда святой Сергій, когда въ тяжелыя минуты жизни обители считаетъ онъ это нужнымъ; являлся онъ, какъ извѣстно, въ станѣ нашихъ войскъ и подъ Казанью. Въ пестротѣ и блескѣ общей картины лавры, полное особенное единеніе даютъ всѣмъ раздробленнымъ частямъ ея зелень вѣковыхъ деревьевъ, разсѣянная повсюду, и православные кресты на высшихъ точкахъ сооруженій. Вся совокупность ихъ, если глядѣть на нее издали, напримѣръ, отъ Вознесенія, не лишена, какъ это замѣтилъ Муравьевъ, сходства съ блестящею золотомъ короной. Лавра окружена почти сплошною массой слободскихъ и другихъ строеній, множествомъ лавокъ и торговыхъ ларей, вполнѣ необходимыхъ для вѣчно присущей и снующей здѣсь пестрой толпы богомольцевъ и другихъ пришлыхъ людей. Замѣтные мѣстами по сторонамъ лавры церкви и скиты составляютъ какъ бы архитектурное продолженіе ея въ далекую окрестность

и исчезаютъ, наконецъ, вдали въ волнистыхъ очертаніяхъ и синеватой дали чисто русскаго пейзажа.

Если въѣхать въ обитель въ Святыя ворота подъ одною изъ башенъ, то почти всѣ главныя сооруженія становятся видимы сразу; между ними разбиты отъѣненныя деревьями куртины; по дорожкамъ, уложеннымъ плитами, толпится народъ. Отовсюду являются сюда люди, поклоняются святынѣ и, воспользовавшись болѣе или менѣе долго монастырскимъ гостепріимствомъ, уносятъ съ собою на память образки, четки, рисунки и книжки, всегда находящіеся налицо въ достаточномъ количествѣ; тутъ имѣется для этой цѣли своя живописная мастерская, помѣщающаяся въ одной изъ линій братскихъ келій, съ 60 мальчиками, обучающимися, подъ руководствомъ іеромонаха, греческой живописи, а также литографія и фотографія, устроенныя въ Плотничной башнѣ.

Описаніе лаврской святыни, ея достопримѣчательностей, ея воспоминаній, можетъ быть сдѣлано или въ краткомъ болѣе или менѣе живописномъ очеркѣ, или въ обстоятельномъ подробномъ изслѣдованіи. Очеркъ предпочтительнѣе потому, что въ немъ можетъ быть намѣчено только главное, основное, красочное, достаточно яркое, однако, для того, чтобы дать о лаврѣ понятіе незнающему ея и воскресить полностью воспоминаніе въ человѣкѣ посѣтившемъ святыню. Очень любопытно было бы, напримѣръ, сообщить данныя о духовной академіи, выпустившей столькихъ выдающихся дѣятелей и помѣщающейся въ сѣверо-восточномъ углу обители, въ нѣсколькихъ зданіяхъ, извѣстныхъ, когда-то, подъ именемъ «чертоговъ»; чертоги эти еще носятъ черты временъ Елисаветы Петровны: картины, эмблемы, надписи; назидательно было бы подробное ознакомленіе рѣшительно со всѣми храмами обители, съ домомъ призрѣнія больныхъ и безпомощныхъ, съ лаврскимъ училищемъ, имѣющимъ до 250 мальчиковъ, съ гостинницами и помѣщеніями для странниковъ и странницъ, съ больницами; но все это общее у Троицкой обители съ другими. Слѣдуетъ ограничиться главнѣйшимъ, исключительнымъ, ей одной по праву принадлежащимъ.

Велика и внушительна каменная масса обители; но, какъ прятался нѣкогда св. Сергій въ своей пустынѣ, такъ что люди пришлые не могли признать его, такъ прячется въ ней, едва замѣтная и не отовсюду своимъ одинокимъ, маленькимъ куполомъ видная, церковь Св. Троицы. Храмъ этотъ, въ которомъ, въ двойной ракѣ почиваютъ мощи его основателя, стоитъ, вѣроятно, на томъ же мѣстѣ, на которомъ нѣкогда срубилъ св. Сергій свою церковку, въ которой, за недостаткомъ іерея, долгое время не совершалась даже литургія. Эта церковка сгорѣла семь лѣтъ спустя по кончинѣ Сергія, въ нашествіе Едигея, въ 1408 году, и мѣсто, на которомъ она стояла и стоитъ нынѣшній храмъ, нѣсколько лѣтъ пустовало, чему была своя основательная причина. Сергій, какъ извѣстно, умирая, заповѣдалъ братіи похоронить его не въ церкви Св. Троицы, а на общемъ кладбищѣ, вмѣстѣ съ прочими усопшими братьями; онъ заповѣдалъ это, но только безъ «заклятія», чѣмъ обусловилось то, что братія, съ разрѣшенія митрополита Кипріяна, похоронила его все-таки въ церкви Св. Троицы; когда татары сожгли ее и воздвигнута была временно другая деревянная церковь Св. Троицы, то поставлена она была не на пепе-

лицѣ старой, а въ сторонѣ, потому что старое мѣсто, на которомъ подъ открытымъ небомъ покоился Сергій, предназначалось уже тогда на позведеніе каменнаго, болѣе богатаго храма, что и исполнено въ 1422 году, съ открытіемъ мощей.

Вѣроятно этотъ именно храмъ, безъ особыхъ, существенныхъ измѣненій, и глядитъ на насъ сегодня. Небольшой, всего девять сажень въ длину и семь въ ширину, онъ, какъ сказано, остается скромнымъ и не особенно замѣтнымъ между другихъ сооруженій; надъ четырехскатною крышей поднимается на невысокой шеѣ одинокій луковичный куполъ, на немъ третья позолота, 1880 года, такъ какъ двѣ другія—Іоаннову 1556 года и позолоту средины XVIII вѣка—слизало время. Не болѣе прочна оказалась стѣнопись внутри храма, одѣвающая всѣ свободныя его поверхности, не занятыя иконами: со времени возникновенія храма она въ 1854 году возобновлена въ четвертый разъ, такъ что отъ первоначальныхъ работъ иноковъ Андрея Рублева и Даніила сохранились, можетъ быть, частію одни только очертанія на темно-золотомъ фонѣ. Обиліе золота и серебра въ храмѣ этомъ кажется еще бо́льшимъ вслѣдствіе его малости, и многія сотни темнѣющихъ ликовъ въ оглавіяхъ, съ цатами и безъ нихъ, одухотворяютъ, въ особенности для того, кто умѣетъ читать по нимъ, каменную и металлическую основу храма. Пятирусный иконостасъ, полный иконъ, дважды обитъ серебряною позолоченною ризой; два основные столба, возвышающіеся между молящихся, тоже обставлены крупными иконами, круглыя арки тоже блистаютъ изображеніями, а малыя иконы тянутся по верху вокругъ плотнымъ драгоцѣннымъ поясомъ. Алтарная часть изобилуетъ свѣтомъ, падающимъ отъ задняго окна. Къ серебру, облекающему иконостасъ и столбы, слѣдуетъ прибавить серебро алтаря и массивной сѣни, его украшающей (около семи пудовъ вѣса), серебряный семисвѣщникъ и дарохранительницу (девять фунтовъ золота и тридцать два фунта серебра), устроенныс пждивеніемъ митрополита Платона, серебро и золото царскихъ вратъ, украшенныхъ еще Михаиломъ Оеодоровичемъ, громадный серебряный хоросъ, висящій посреди храма на цѣпяхъ (пять пудовъ вѣса), еще три паникадила и многое множество лампадъ и богатыхъ церковныхъ утварей. Очень характерно, что въ дарохранительницѣ на престолѣ, небольшія фигуры апостоловъ сдѣланы изъ золота и одинъ только Іуда изъ мѣди, своеобразный художественный пріемъ для выраженія сравнительной цѣнности изображаемаго! Между древнихъ иконъ много замѣчательныхъ; но первенствующія, безъ сомнѣнія,—чудотворный образъ Св. Троицы, обложенный золотомъ и каменьями еще въ 1600 году царемъ Борисомъ, и образъ видѣнія Богоматери преподобнымъ Сергіемъ, о которомъ помянуто выше.

Но главную святыню храма, духовный центръ его, составляютъ почивающія у южной стѣны, близъ иконостаса, мощи св. Сергія. Какъ уже упомянуто, Грозный, едва увидавшій свѣтъ Божій, былъ положенъ въ раку преподобнаго, но этой прежней раки не существуетъ болѣе; извѣстно только, что она была мѣдная, рѣшетчатая, и что въ ней, до устроенія серебряной, почивалъ преподобный; сохранился до настоящаго времени деревянный гробъ, въ которомъ

мощи Сергія обрѣтены; гробъ этотъ перенесенъ въ Спасо-Вноанскій монастырь. Святой основатель обители почиваетъ теперь въ двухъ ракахъ: первая, внутренняя, устроена изъ серебра Грознымъ, вторая — внѣшняя, пожертвована императрицей Анной въ 1737 году, имѣетъ болѣе 25 пудовъ вѣса и, по витіеватому рисунку деталей, вычурности орнаментовъ и какой-то давящей грузности, вполнѣ сохраняетъ черты художественности рисунка, какъ ее понимали полтораста лѣтъ назадъ. Надъ ракой тяготѣетъ тяжелая сѣнь. Многія негасящія лампады окружаютъ ее, а въ головахъ горитъ вѣчный елей.

Блескъ безчисленныхъ свѣчъ, безпрерывно возобновляемыхъ, перебѣгаетъ живыми искрами по холоду драгоцѣнныхъ металловъ, и черное одѣяніе гробоваго монаха при мощахъ, кажется отъ этого еще темнѣе.

Значительно иным является впечатлѣніе, производимое второю святынею лавры, —Успенскомъ соборомъ. Пять луковичныхъ главъ его (изъ нихъ позлащена только средняя, а остальныя—голубыя, усыпанныя золотыми звѣздами) бросаются прежде всего въ глаза путнику, одновременно съ колокольней и трапезной. Соборъ этотъ почти втрое больше Троицкаго, и на западномъ фронтѣ его виднѣется чрезвычайно характерная, полная мысли надпись: «Вѣдомому Богу». Поводомъ къ этой надписи, по объясненію Снегирева, послужили митрополиту Платону, во-первыхъ, надпись, которую на одномъ изъ языческихъ храмовъ въ Аѳинахъ встрѣтилъ апостолъ Павелъ и которая гласила: «Невѣдомому Богу», и, во-вторыхъ, слова пророка Давида: «Вѣдомъ во Іудеи Богъ». Соборъ этотъ—тоже каменное дѣяніе полувѣкового царствованія Грознаго, но оконченъ онъ и освященъ въ присутствіи царя Ѳеодора и царицы Ирины, годъ спустя по смерти Грознаго, т. е. въ 1585 году; слѣдовательно, онъ на полтораста слишкомъ лѣтъ юнѣе Троицкаго, что́ и замѣтно въ очень многомъ. Соборъ очень свѣтелъ, потому что подъ каждымъ изъ пяти куполовъ, на барабанахъ, расположено по восьми оконъ и, кромѣ того, на кубическомъ основаніи храма, его стѣнахъ, окна идутъ въ два свѣта; въ этомъ обиліи свѣта проступаетъ очень яркая стѣнная живопись конца XVII вѣка, распространяющаяся рѣшительно повсюду, включительно до куполовъ; она подновлена въ концѣ XVIII вѣка и еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Очень высокій, пятиярусный иконостасъ устроенъ лѣтъ полтораста тому назадъ и иконы его часто подновлялись; предъ девятью мѣстными иконами висятъ грузныя серебряныя лампады, даръ царей Петра и Іоанна Алексѣевичей; предъ престоломъ сѣнь, а запрестольный крестъ утвержденъ надъ двуглавымъ орломъ, выточеннымъ, согласно преданію, самимъ царемъ Петромъ; въ алтарной части имѣются хоры. Широкій просторъ церкви вовсе не нарушается четырьмя основными столбами, поднимающимися посрединѣ ея.

Какъ бы особою пристройкой къ собору являются церковь преподобнаго Никона и юго-западный притворъ. Послѣдній устроенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, совершилось явленіе Богоматери Сергію; совсѣмъ молодая, 1879 года, стѣнопись притвора очень недурна; въ немъ имѣются три почтенныя гробницы. Такъ же, какъ названный притворъ, слита воедино съ Троицкой и составляетъ съ нимъ одно дружески-родственное цѣлое—церковь преподобнаго

Никона. Какъ прислонился Никонъ, ближайшій ученикъ и преемникъ Сергія, къ своему наставнику, такъ пристроилась къ собору и его церковь, такъ что мощи ученика покоятся подлѣ мощей учителя. При Никонѣ, какъ извѣстно, выжжена была обитель Едигеемъ въ 1408 году, но уже чрезъ три года воздвигнутъ новый храмъ Св. Троицы; при Никонѣ, въ 1422 году, явлены мощи Сергіевы; при немъ составлено жизнеописаніе Сергіево, еще оставшимся тогда въ живыхъ, ученикомъ Сергія—Епифаніемъ. Никонова церковь значительно меньше малаго Троицкаго собора; она тоже блистаетъ золоченою головой, серебряною одеждой иконостаса и раки преподобнаго; любопытно сравнить характеръ стѣнописи наружныхъ стѣнъ ея 1840 года со стѣнописью внутреннихъ 1635 года, трижды, впрочемъ, подновленной.

Когда-то у собора этого была паперть; въ ней положены были перенесенныя въ 1606 году изъ Москвы тѣла царя Бориса, его супруги и сына, а затѣмъ подлѣ нихъ, въ заключеніе жизни, исполненной глубочайшаго трагизма, опущена въ землю и дочь Борисова—Ксенія. Паперть эта, за ветхостью, уничтожена, и усыпальница семьи Годуновыхъ осталась спротѣть подъ открытымъ небомъ. Такъ и стоитъ она до сихъ поръ, подлѣ сѣверо-западнаго угла храма, грустная, молчаливая; это безобразный кирпичный параллелепипедъ, безыскусственный до грубости и какъ бы въ укоръ художественному творчеству, которое не сдѣлало здѣсь для него ровно ничего, все-таки вызывающій на многія, очень вѣскія мысли... Утверждаютъ, будто на сѣверныхъ вратахъ собора былъ написанъ когда-то, по распоряженію самого Годунова, ангелъ страшнаго суда со скрижалями. Что̀ видѣть въ этомъ? упрекъ, жалобу, угрозу или, наоборотъ, чувство страха? Очень хороши слѣдующія слова объ этой усыпальницѣ А. Муравьева, сводящія къ нѣсколькимъ строкамъ весь исключительный драматизмъ, воплотившійся въ Годуновскую семью: «Временщикъ, цареубійца, царь, благодѣтель церкви и народа, гонитель всѣхъ близкихъ къ престолу, пораженный со всѣмъ родомъ призракомъ пораженнаго имъ отрока, дважды вырытый изъ могилы и трижды погребенный, какъ бы для страшной памяти одного убійства! Сколько ужаса подъ сводами сей малой палатки вмѣстѣ съ невинностію Ѳеодора и Ксеніи и бѣдствіями ихъ кроткой матери! Сколько собственной крови за кровь отрока! О, да приметъ ее ангелъ суда на свои страшные вѣсы, да свѣситъ съ Дмитріевою и скажетъ разъ рѣшительно: довольно!» Чудесныя слова полныя глубокаго смысла! А что̀, если въ самомъ дѣлѣ поверхъ всего этого можетъ возникнуть мысль о невинности Бориса, какою удивительною силой наливаются тогда сразу и безъ того необыкновенно сильные контрасты, удачно подобранные Муравьевымъ? Примирительное настроеніе къ памяти усопшихъ, сказавшееся въ словахъ Муравьева о Борисѣ, замѣчательно какъ общая народная черта наша.

Относительно усыпальницы Годуновыхъ Снегиревъ вспоминаетъ въ своемъ разсказѣ самыя характерныя посмертныя судьбы этой семьи. Гробъ Годунова, въ иноцѣхъ Боголѣпа, былъ вынутъ изъ его царской усыпальницы, выкинутъ въ особо пробитое отверстіе и опущенъ вторично въ землю въ убогомъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ гробами супруги и сына; въ 1606 году

гробы ихъ съ честію вынуты изъ этой земли и похоронены въ трапезѣ Успенскаго собора, куда перевезено также по смерти Ксеніи тѣло ея изъ Суздальскаго монастыря; трапеза эта, какъ сказано, разобрана, и съ 1781 года гробница Годуновыхъ обнажена, сиротна, задумчива. Снегиревъ приводитъ по поводу усыпальницы чрезвычайно любопытныя характеристики царевича Осодора и царевны Ксеніи, сдѣланныя современнымъ имъ писателемъ. Царевичъ былъ «отроча зѣло чюдно, благолѣпіемъ цвѣтущи, яко цвѣтъ дивный на селѣ отъ Бога преукрашенъ, і яко кринъ въ полѣ цвѣтущь: очи имѣя велики черны, лицо же ему бѣло-млечною бѣлостію блистаяся, возрастомъ средній, тѣломъ ізобиленъ; наученъ бѣ ото отца своего книжнему почитанію, во отвѣтехъ дивенъ и сладко рѣчивъ вельми». Еще лучше брата была царевна: «отроковица чюднаго домышленія, зѣлною красотою лѣпа, очи имѣя черны велики, свѣтлостію блистаяся, когда же въ жалости слезы от очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣлною блисташе; брови союзна, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостію облиянна, возрастомъ не высока, ни ниска, власы имѣя черны, аки трубы по плечамъ лежаху... гласы воспѣваемыя любяше і пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше». Трудно сдѣлать лучшее, болѣе типичное описаніе въ нѣсколькихъ строкахъ, двухъ свѣтозарныхъ, неповинныхъ существъ, черныя очи которыхъ закрылись такъ тяжело, такъ безвременно.

По всѣмъ Годуновымъ, каждое 1 мая, день смерти Борисовой, совершается въ лаврѣ соборнѣ, на опальной могилѣ ихъ, подъ звуки «Годуновскаго» колокола, панихида, причемъ на литургіи употребляются въ тотъ день драгоцѣнные вклады Годунова: сосуды, воздухи и покровъ на мощи св. Сергія. Сколько поводовъ для глубокаго раздумья. Да, вполнѣ умѣстны вышеприведенныя слова Муравьева: «да приметъ ангелъ суда кровь всей семьи Борисовой на свои страшные вѣсы, да свѣситъ съ Дмитріевою и скажетъ разъ рѣшительно: довольно!»

Церковь монастырская, построенная во имя самого основателя обители, составляетъ только составную, хотя и главную часть третьяго крупнаго сооруженія лавры, бросающагося въ глаза болѣе всѣхъ другихъ, а именно трапезной, съ ея папертью; этому слитію церкви съ трапезной есть нѣкоторыя существенныя причины. Во-первыхъ, какъ сказано выше, странноприимство введено въ обитель, вслѣдъ за общежитіемъ, при самомъ Сергіи, а въ зданіи трапезной, въ нижнихъ частяхъ ея, имѣются обширныя кухни и столовыя для богомольцевъ, никогда не оскудѣвающія. Во-вторыхъ, въ чинѣ монастырскомъ, опять-таки въ воспоминаніе основателя, существуютъ нѣкоторыя особенности трапезованія. Такъ, въ 1390 году, именно за трапезой, совершилось извѣстное чудо. Путешествовалъ тогда въ Москву изъ Перми св. Стефанъ; монастырская братія сидѣла за обычною трапезой, когда вдругъ, неожиданно для всѣхъ, Сергій встаетъ съ мѣста и дѣлаетъ поклонъ на западъ, тихо проговоривъ: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою!» Спрошенный братіей о причинѣ этого неожиданнаго поклоненія кому-то, Сергій отвѣтилъ, что въ эту именно минуту, по пути въ Москву идетъ епископъ Стефанъ, остановился противъ монастыря, поклонился Св. Троицѣ и

братію благословилъ; посланные немедленно вслѣдъ за этимъ братья поспѣшили на указанное Сергіемъ мѣсто и еще застали тамъ людей, сопровождавшихъ Стефана; на этомъ мѣстѣ, на девятой верстѣ отъ обители, поставлена часовня, а въ монастырѣ существуетъ обычай, ежедневно, во время трапезованія, ударять въ колокольчикъ, причемъ братія встаетъ, а очередной іеромонахъ произноситъ соотвѣтствующія слова. Вѣроятно, нѣкоторое соотношеніе къ этому имѣетъ также торжественная трапеза, совершаемая только въ этой лаврѣ, въ день ея праздника: митрополитъ и братія, въ присутствіи множества народа, садятся за столъ, уставленный, какъ замѣчаетъ Муравьевъ, кубками и стопами древнихъ царей, причемъ каждый сосудъ есть драгоцѣнность историческая, каждый обрядъ отголосокъ минувшаго; въ обычную минуту звонитъ колокольчикъ, совершается общій поклонъ, а въ концѣ трапезы всѣ подходятъ къ аналою, вкушаютъ хлѣба и пьютъ медъ изъ чаши, подаваемой самимъ митрополитомъ.

Зданіе трапезной очень велико и бросается въ глаза пестротой окраски и гармоничностью основныхъ линій и деталей. Открытая галлерея, устланная чугуномъ, во сто саженъ длиной, окружаетъ зданіе; само оно имѣетъ длины 34 сажени при ширинѣ въ 9 саженъ и покрыто остроконечною крышей, подъ фигурчатымъ гребнемъ; наружныя стѣны играютъ разноцвѣтными красками; окна, по двѣнадцати въ длину, обрамляются колонками. Церковь св. Сергія помѣщается на одной изъ узкихъ сторонъ трапезной, и надъ ней устроена книгохранительница, имѣющая до 10.000 томовъ и рукописей; висящее предъ амвономъ мѣдное паникадило, съ 12 апостолами и изображеніемъ Спасителя, служащаго имъ центромъ,—даръ Іоанна IV. Живопись внутри—конца прошлаго вѣка, но она настолько подновлена, что слѣда прежней не имѣется; въ окнахъ изображены Сергіевы ученики, между оконъ — притчи, надъ трапезною разстилаются изображенія всѣхъ святыхъ, по стѣнамъ—изгнаніе торговцевъ изъ храма и Вознесеніе Богоматери. а надъ входомъ—воскресеніе мертвыхъ.

Расположенныя надъ трапезной кухни и хлѣбопекарня способны къ очень значительному производству, такъ какъ богомольцевъ бываетъ иногда, напримѣръ въ маѣ мѣсяцѣ, до 25.000 человѣкъ; на большіе мѣстные праздники собирается не менѣе 5.000 человѣкъ; причемъ наименьшимъ количествомъ, не болѣе 50 человѣкъ, отличаются весьма немногіе дни.

Много воздвигнуто въ лаврѣ храмовъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ бы что̀ поразсказать. Въ церкви Св. Духа почиваетъ митрополитъ Филаретъ, умершій въ 1867 году; иконы иконостаса, сдѣланнаго изъ розоваго дерева, все стѣнописаніе исполнены исключительно лаврскими живописцами, причемъ отъ живописи 1655 года не осталось и слѣда; подлѣ церкви этой устроена часовня, въ которой, подъ шумъ весьма бойкой торговли образками, книгами, четками, почиваетъ преподобный Максимъ Грекъ.

Церковь видѣнія Божіей Матери Св. Сергію и Михею хранитъ мощи послѣдняго. Слѣдуетъ упомянуть о томъ объясненіи, которое, какъ утверждаетъ іеромонахъ Никонъ, даетъ народъ тому факту, что на иконѣ, изображающей это видѣніе, на Богоматерь смотритъ одинъ только Сергій, а Михей робко за-

кривается мантіей; преподобный Михей дѣлаетъ это потому, что за три года до видѣнія выпилъ чашицу вина и боялся оскорбить небесную Пришелицу своимъ дыханіемъ. Можетъ быть, дѣйствительно въ этомъ толкованіи даетъ откликъ какое-либо древнее преданіе, но несомнѣнно то, что оно замѣчательно граціозно. При освященіи этой церкви, послѣ ея возобновленія, присутствовалъ, въ 1842 году, Муравьевъ, и тогда именно сказана была митрополитомъ Филаретомъ, третьимъ настоятелемъ лавры изъ школы митрополита Платона и любимѣйшимъ изъ его учениковъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ его проповѣдей. Классическая проповѣдь эта была сказана на ту благородную въ художественномъ и ораторскомъ отношеніи тему, что онъ, митрополитъ, окруженный всѣмъ современнымъ великолѣпіемъ лавры, желалъ бы посмотрѣть пустыню Сергіеву въ ея первоначальномъ убожествѣ. «Кто покажетъ мнѣ, говорилъ святитель, малый деревянный храмъ... Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію... Отворите мнѣ дверь тѣсной храмины, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвы и воздыханій преподобнаго Сергія... Дайте мнѣ облобызать прахъ ея сѣней... Укажите мнѣ еще другія сѣни, другой келіи, которую своими руками, въ одинъ день, построилъ преподобный и получилъ за трудъ дня и голодъ нѣсколькихъ дней укрухъ согнивающаго хлѣба... Посмотрѣлъ бы я, какъ позже другихъ насажденный въ сей пустыни, преподобный Никонъ спѣшно ростетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Сергія... Послушалъ бы я молчанія Исаакіева... Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, рано понявшаго, что полезнѣе быть послушникомъ Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ»... «Вѣдь это все здѣсь...»—говорилъ проповѣдникъ, и Муравьевъ свидѣтельствуетъ о необычайномъ впечатлѣніи, произведенномъ на народъ названною проповѣдью. Въ этой же церкви хранится правая рука первомученика Стефана и камень отъ гроба Господня, привезенный Муравьевымъ. Шевыревъ упоминаетъ еще о волосахъ св. Стефана, а Снегиревъ—о золотомъ медальонѣ, висѣвшемъ на иконѣ, въ которомъ заключались будто-бы власы Богородицы.

Всѣ другія церкви лаврскія: Рождества Іоанна Предтечи, Одигитріи, Казанской, Покрова, Зосимы и Савватія, Варвары и Анастасіи, весьма разнообразны, но рѣшительно всѣ свидѣтельствуютъ о радѣніи русскихъ людей къ дому Сергіеву; полнѣйшимъ же свидѣтельствомъ этого радѣнія за цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ можетъ служить помѣщающаяся въ верхнемъ этажѣ особаго лаврскаго зданія, соединеннаго съ Троицкимъ соборомъ, ризница.

Въ лаврской ризницѣ, какъ въ каплѣ водъ солнце, отражается все огромное былое лавры, со всѣми его многоразличными особенностями. Если справедливо замѣтилъ Снегиревъ, что вышитая серебромъ узловатая надпись на гробовомъ покровѣ Ксеніи Годуновой, хранящемся въ ризницѣ, рѣзко напоминаетъ превратности судьбы этой царевны, то и многообразныя судьбы лавры сказываются вообще въ предметахъ ризницы. Какое, напримѣръ, безконечное разстояніе отъ деревянныхъ раскрашенныхъ красною краской служебныхъ сосудовъ Сергія, въ которые при его священнодѣйствіи сходилъ небесный огонь,

не жегъ ихъ и не опалялъ самого преподобнаго, отъ его крашенинной фелони, которой прикасались ангелы, когда они сослужили Сергію, отъ его кожаныхъ сандалій, тридцать лѣтъ лежавшихъ во гробѣ на его ногахъ, отъ его деревянной трости, хранящейся при мощахъ, до тѣхъ золотыхъ, усыпанныхъ алмазами сосудовъ, которые пожертвованы Годуновымъ, Екатериной II, до цѣлаго ряда тяжкихъ, вслѣдствіе груза драгоцѣнныхъ камней, ризъ, воздуховъ, панагій, покрововъ и митръ, до золотого посоха въ 6½ фунтовъ вѣсомъ, унизаннаго, какъ трава росою, брилліантами, яхонтами, изумрудами и подареннаго Александромъ II, въ день коронаціи, митрополиту Филарету? Если, повидимому, требуетъ повѣрки оцѣнка въ полтора милліона рублей, сдѣланная въ сороковыхъ годахъ однимъ иностранцемъ, устроенной при митрополитѣ Платонѣ одежды на престолъ, то, во всякомъ случаѣ, вещевыя богатства лавры очень значительны. Старѣйшее изъ Евангелій — 1343 года; старѣйшій крестъ присланъ св. Сергію патріархомъ Филоѳеемъ. Обладаетъ лавра и очень многими предметами высокой цѣны, не имѣющими духовнаго назначенія; упомянуть можно хотя бы о тѣхъ братинахъ и кубкахъ, которые при особенно торжественныхъ случаяхъ подаются на столъ. Вотъ, напримѣръ, образчики надписей, имѣющихся на этихъ братинахъ и кубкахъ:

«Подивитеся вы нынѣ,
Какъ у Сергія въ пустынѣ
Было прежде бѣдно, скудно,
Подивитесь же какъ чудно
Нынче послѣ всѣхъ лишеній,
Сколько въ лаврѣ украшеній
Позднимъ годомъ Богъ явилъ,
Всѣми благами снабдилъ».

«Разставили повсюду
Серебряну посуду,
Занялись бесѣдами
Со своими сосѣдями,
Пили, ѣли, вставши запѣли,
Что̀ кому до насъ
Когда праздникъ у насъ».

«Братина добра человѣки, пити изъ нея за здравіе, хваля Бога; воспоминаючи Его святыя заповѣди чрезъ апостола Павла: братіе, не упивайтося виномъ, въ немъ же есть блудъ» и т. д.

Всѣ богатства лавры стекались въ нее по множеству причинъ; она владѣла когда-то болѣе чѣмъ 100.000 крестьянъ, крупными и многими оброчными арендными статьями. Не для себя хранила она богатства эти и хранить ихъ; много, очень много имѣлось случаевъ, когда она снабжала средствами царей, царицъ, отдѣльные города; пришлось лаврѣ выдать тридцать тысячъ рублей, сумму громадную по тому времени, Лжедмитрію; особенно широко лились ея вспомоществованія въ тяжелые годы русской жизни, именно тогда, когда все, казалось, все пропадало, и воздвизался преподобный Сергій.

Воздвигнулся онъ въ 1608—1610 годахъ, во время осады лавры поля-

ками и русскими разбойными людьми; село Тушино, въ которомъ утвердился самозванецъ, откуда его прозвище, въ числѣ многихъ другихъ селъ, принадлежало лаврѣ; овладѣть лаврой значило имѣть въ своихъ рукахъ ключъ къ сѣвернымъ городамъ и Поволжью, и этого-то не допустила обитель, выдержавъ 16-мѣсячную осаду, измѣну, цынгу и другія напасти. На вражескую грамоту о сдачѣ обители, изъ нея отвѣчали, что даже «отроча въ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту... мы сія пріемше оплевахомъ». Осада началась. Отстрѣливались отъ непріятеля всѣ три боя лаврскихъ стѣнъ: верхній, средній и подошвенный; пронизывались ядрами ея иконы; кипятился для обливанія варъ, сѣра и смола; гудѣли взрывы подкоповъ, и все это при томъ условіи, что стѣны лавры, какъ это видно изъ грамоты Осодора Іоанновича 1593 года, во многихъ мѣстахъ «попровалились», и особенно «утла» была западная стѣна, та именно, на которую, отъ Красной горы, шло главное нападеніе. До четырехъ крупныхъ штурмовъ, не считая мелкихъ нападеній, выдержали защитники обители, до 35 вылазокъ сдѣлали они сами, причемъ, вспоминая Ослябя и Пересвѣта, старцы Осрапонтъ и Макарій, съ двадцатью братьями, садились на бранныхъ коней и удачно сбивали непріятеля. Не спалось въ лаврѣ никому въ эти завѣтные 16 мѣсяцевъ; не дремалъ въ своемъ гробу и св. Сергій и, неоднократно вставая, ходилъ по келіямъ, дворамъ и стѣнамъ и звалъ защитниковъ своего достоянія къ отпору.

Когда немного позже патріархъ іерусалимскій Ософанъ, въ 1619 году, посѣтилъ успокоенную и торжествующую лавру, онъ пожелалъ видѣть тѣхъ иноковъ, которые одѣвали броню ратную и, ко времени пріѣзда его, еще жили. Ихъ представилось до двадцати человѣкъ и старѣйшій изъ нихъ былъ Аоанасій Ощеринъ, «зѣло старъ сый, и весь уже пожелтѣлъ въ сѣдинахъ».—«Что ти свойственнѣе,—спросилъ Ощерина, какъ бы лукаво, патріархъ,—иночество ли въ молитвахъ особь, или подвигъ предъ всѣми людьми?»—«Всякая вещь и дѣло, владыко святый,—отвѣтилъ Ощеринъ,—въ свое время познается», и затѣмъ, обнаживъ сѣдую голову свою, показалъ ее и проговорилъ въ объясненіе: «Извѣстно ти буди, владыко мой, се подпись латинянъ на главѣ моей отъ оружія; еще же и въ лядвіяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтаются!»

Патріархъ расцѣловалъ старца «любезнѣ» и отпустилъ его и сподвижниковъ «съ похвальными словесы». Эти «шесть памятей свинцовыхъ» должно быть такъ и имѣются налицо въ землѣ, въ могилѣ Ощерина.

За это тяжкое время, если можно такъ выразиться, очами, языкомъ и душою лавры былъ знаменитый келарь ея Авраамій Палицынъ, оставившій намъ самое лучшее описаніе тѣхъ ужасныхъ, но славныхъ дней. Хотя очень много потрудился, во время названной осады, архимандритъ Іоасафъ, а позже, до заключенія Деулинскаго мира, его преемникъ Діонисій, но истинно государственною дѣятельностью, желѣзною волей и неусыпностью, вліявшею на весь ходъ дѣлъ, даже далеко за грани лавры, былъ Авраамій Палицынъ. Напрасно искать могилы его въ стѣнахъ лавры: останки его покоятся далеко, очень далеко, въ Соловецкомъ монастырѣ, во дворѣ, подлѣ соборнаго храма.

Во время самой осады Палицынъ находился подъ Смоленскомъ, съ ми-

трополитомъ Филаретомъ вмѣстѣ, въ посольствѣ, отправленномъ къ королю Сигизмунду, для испрошенія на царство королевича Владислава; еще до того, при Шуйскомъ, Палицынъ дважды прокормилъ Москву лаврскими хлѣбами. Тайно покинувъ смоленское посольство, онъ возвратился именно къ тому времени года, когда «не существовало больше ни царя, ни патріарха», когда, такъ сказать, не было самой Москвы, полтора года томившейся подъ игомъ польскимъ; лавра сдѣлалась сердцемъ всей Руси, и настоятель ея Діонисій одинъ замѣнялъ всѣ власти. Отъ Діонисія и Авраамія полетѣли тогда призывныя грамоты, «въ которыхъ болѣзнованія о всемъ государствѣ московскомъ безчисленно много». Летѣли эти грамоты въ Рязань, Ярославль, Нижній, въ Казань, Владиміръ, Переславль, Тулу, Калугу и понизовскіе города; призвали онѣ Пожарскаго, Минина, Трубецкаго, Ляпунова, Волынскаго, Волконскаго; сама лавра ставила стрѣльцовъ и снабжала снарядами и запасами. Палицынъ былъ поразительно неутомимъ: онъ умиротворилъ возникшую въ войскахъ Пожарскаго въ Ярославѣ смуту и съ тѣхъ поръ не покидалъ войска; онъ возвратилъ къ исполненію своего долга казаковъ въ вершительной битвѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Когда взятъ былъ Кремль, Палицынъ и Діонисій вступили въ запустѣвшій храмъ Успенія; оба они находились при избраніи Михаила, имѣвшемъ мѣсто на Троицкомъ, а не на другомъ какомъ подворьѣ; именно Палицынъ возвѣстилъ народу, съ Лобнаго Мѣста, объ этомъ избраніи, и находился въ числѣ пословъ, звавшихъ царя на царство; благословилъ же на царство Михаила, приходившаго поклониться св. Сергію, Діонисій.

Сочиненіе Палицына «Лѣтопись о многихъ мятежахъ» — первоисточникъ объ этомъ смутномъ времени; происходилъ родъ Палицыныхъ отъ знатныхъ новгородскихъ выходцевъ, отъ родоначальника Палицы, и не сказывается ли въ судьбахъ знаменитаго келаря преемственность смѣлаго, предпріимчиваго, воинственнаго духа его предковъ-новгородцевъ? Чрезвычайно естественъ былъ вопросъ, заданный въ 1842 году цесаревичемъ Александромъ митрополиту Филарету, показывавшему ему лаврскую святыню:

— Гдѣ же Авраамій?

— Погребенъ въ Соловецкомъ на своемъ обѣщаніи!—тихо отвѣтилъ ему митрополитъ.

И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, поручено холоднымъ нѣдрамъ Соловецкой обители хранить останки этого горячаго русскаго сердца, бывшаго въ самое тяжелое время—зачѣмъ не признавать этого?—чуть ли не сердцемъ Россіи? Авраамій, начавшій съ монашества въ Соловецкомъ монастырѣ, возвратился къ нему въ 1421 году и умеръ въ глубокой старости «на своемъ обѣщаніи». Что значатъ эти туманныя слова? Справедливы ли имѣющіяся на Авраамія нареканія? Что за странное отношеніе неисповѣдимыхъ судебъ къ двумъ главнымъ лаврскимъ дѣятелямъ тѣхъ смутныхъ дней, къ Авраамію, таинственно удаляющемуся въ Соловки, и Діонисію, несправедливо оклеветанному въ поврежденіи св. книгъ и претерпѣвшему въ продолженіе цѣлыхъ сорока дней всякую пытку и мученіе? Діонисій, возстановленный позже въ своихъ правахъ, мирно скончался въ 1633 году, и тѣло его для отпѣванія, совершеннаго ми-

трополитомъ, нарочно для этого привезено было въ Москву; память же Авраамія и послѣдніе дни его жизни остаются покрытыми глубокою тайной, и надо признаться, что въ этомъ сказывается одна изъ величайшихъ, можно сказать, не оправдываемыхъ ничѣмъ, неблагодарностей русскаго народа. Не пора ли вспомнить о келарѣ, и мѣсто ли ему лежать подъ холоднымъ небомъ странъ архангельскихъ, тогда какъ въ Троицкой Лаврѣ еще довольно мѣста для многихъ великихъ дѣятелей русскихъ, если таковые народятся! Замѣчательно, что даже Карамзинъ, столь чуткій къ признанію характерностей крупныхъ дѣятелей, касается Авраамія какъ бы вскользь, урывками, и въ послѣднихъ главахъ безсмертной «Исторіи Государства Россійскаго» могучая личность Палицына какъ бы задвинута цѣлымъ сонмомъ другихъ безконечно менѣе важныхъ людей! Повидимому, и у Карамзина не слагался еще въ полной желательной ясности обликъ великаго келаря, отправленнаго въ Соловки и спящаго тамъ «на своемъ обѣщаніи». Относительно святаго Сергія завѣтъ его быть похороненнымъ на братскомъ кладбищѣ не исполненъ; относительно Авраамія едва ли вѣроятно, чтобы онъ самъ желалъ лежать въ далекой, обуреваемой ледяными вѣтрами, лежащей на границѣ Россіи съ безконечностью обители Соловецкой?

Не исключительно замкнутыми въ стѣны высятся храмы и зданія лаврскія; многіе кресты, часовни, скиты, церкви и монастыри, находящіеся въ прямой связи съ нею, словно отклики главнаго аккорда, гудя своими колоколами, виднѣются по всѣмъ сторонамъ ея внѣ ограды и уходятъ въ темнѣющую даль чисто русскаго, привѣтливаго пейзажа. Кто же не слыхалъ и не знаетъ о юнѣйшихъ по времени Гевсиманскомъ скитѣ и Вноанскомъ монастырѣ?

Въ Вноаніи, въ трехъ верстахъ отъ лавры, почиваетъ основатель ея, митрополитъ Платонъ, умершій въ 1812 году, о которомъ Муравьевъ говоритъ, что не имѣлось у насъ послѣ Стефана Яворскаго такого замѣчательнаго лица въ іерархіи, какъ онъ. Шевыревъ замѣчаетъ довольно смѣло, что домъ Платона въ Вноаніи напомнилъ ему Фернейскій замокъ Вольтера: и тамъ, и здѣсь портреты Екатерины II; въ Фернеѣ вышитъ онъ шелкомъ и подаренъ самою государыней; въ Вноаніи подаренъ Потемкинымъ и вырѣзанъ изъ бумаги; тамъ, въ Фернеѣ, висятъ картины, относящіяся къ жизни Вольтера, здѣсь— къ жизни Платоновой. Вѣрно также и то, что митрополитъ Платонъ, какъ и Вольтеръ, очень любилъ природу и самъ насадилъ вноанскую рощу, густо разросшуюся по направленію къ пруду; онъ, повидимому, думалъ даже, если можно такъ выразиться, ввести природу въ архитектуру церковную, потому что этимъ только можно объяснить хотя отчасти ту странную, игривую мысль, которая лежитъ въ основаніи устройства вмѣсто иконостаса каменной покрытой мохомъ горы Оаворской и постановку гроба самого храмоздателя какъ бы въ пещерѣ. Сюда же перенесенъ и деревянный гробъ св. Сергія, въ которомъ обрѣтены мощи его; собственно говоря, это перенесеніе тоже прихоть, едва ли имѣющая многое въ свое оправданіе.

Влѣво отъ пути въ Вноанію идетъ дорога на Гевсиманію, устроенную

митрополитомъ Филаретомъ. Шевыревъ обращаетъ вниманіе на то, что на постройку этого убѣжища духовнаго успокоенія и молитвы не употреблено ничего изъ матеріаловъ, добываемыхъ въ нѣдрахъ горъ, что одна только растительная природа дала свой матеріалъ и что сосновые срубы церкви, перенесенной сюда изъ села Подсосенья, — церкви, построенной еще при архимандритѣ Діонисіи, несмотря на третье столѣтіе своего существованія, невредимы. Филаретъ почиваетъ, какъ сказано, не здѣсь, но въ лаврѣ, въ церкви Сошествія Св. Духа. Онъ родился при Екатеринѣ II и скончался въ 1867 году, на восемьдесятъ пятомъ году отъ рожденія; онъ удостоенъ былъ совершенно особаго довѣрія Александра I, вручившаго ему государственную тайну престолонаслѣдія и актъ отреченія отъ престола Константина Павловича; онъ вѣнчалъ на царство Николая I и Александра II и являетъ одинъ изъ рѣдчайшихъ примѣровъ особенно быстраго шествованія въ смыслѣ служебныхъ отличій; такъ, архимандритомъ назначенъ онъ 29 лѣтъ отъ роду, на 42 сдѣланъ митрополитомъ, на 51 удостоенъ Андрея Первозваннаго. Много есть еще людей, помнящихъ его невысокій ростъ, худобу, блестящіе, необычайно подвижные глаза; его знаменитыя, дѣйствительно ораторскія проповѣди, для которыхъ въ послѣдніе годы жизни у него не хватало голоса. Больной отъ природы, Филаретъ обладалъ громадною ученостью; одинъ перечень того, что̀ преподавалъ онъ разновременно, свидѣтельствуетъ объ этомъ: краснорѣчіе, риторика, философія, догматическое богословіе, исторія и древности церковныя. Въ долгіе годы своей дѣятельности, часто стоялъ онъ очень близко къ рѣшенію не только духовныхъ, но и высшихъ государственныхъ вопросовъ, такъ что въ нѣкоторомъ смыслѣ справедливо сказано о немъ, что онъ «былъ не представителемъ эпохи: онъ самъ и былъ эта эпоха». Кто изъ людей внимательныхъ къ книжному дѣлу не знаетъ прекраснаго труда: «Государственное ученіе Филарета», въ которой собраны и систематически изложены взгляды его на строй государства и общества, по разнымъ существеннымъ вопросамъ; превосходны параллели, имъ намѣчаемыя между государствами Запада, гдѣ «народы объюродѣли» въ многообразныхъ опытахъ конституцій и «договоровъ со властью», и Россіей, покоящейся въ самодержавіи?.. Филаретово вліяніе на судьбы уніи и раскола сказалось очень сильно; безсчетны изданія его «Катехизиса» и «Начатковъ христіанскаго православнаго ученія»; утверждаютъ, будто его рукѣ принадлежитъ манифестъ 19 февраля 1861 года; кто не знаетъ, наконецъ, — чтобы вспомнить о мелочи, — его стиховъ Пушкину? Въ послѣдніе годы его жизни не существовало отличій, которыя могли бы быть даны ему. 17 сентября 1867 года имѣлъ онъ во снѣ видѣніе своего отца, сказавшаго ему: «береги 19-е число»; о видѣніи этомъ тогда же сообщилъ Филаретъ намѣстнику Троицкой лавры; 19 сентября и 19 октября, ожидая своей кончины, причащался онъ; причастился также и 19 ноября, отслуживъ литургію, и во второмъ часу дня, дѣйствительно, найденъ бездыханнымъ. Онъ скончался въ Москвѣ. Зазвонили тогда съ Ивановской колокольни, и только 28 ноября, перевезенный въ Троицкую лавру, по совершенно исключительному, почти царскому церемоніалу, гробъ его преданъ землѣ.

Быстролетный очеркъ дѣятельности митрополита Филарета, послѣдняго изъ крупныхъ дѣятелей Сергіевой лавры, здѣсь настолько же умѣстенъ, какъ умѣстно было очертить дѣятельность келаря Авраамія Палицына. Забота мысли Сергіевой о пользѣ государства, а не только церкви, прямое участіе его въ нуждахъ народа и жизни людей, не только постомъ и молитвой, но и непосредственно, практическою дѣятельностью, всегда были, какъ видно, и будутъ лозунгомъ птенцовъ Сергіевой обители. Вотъ почему такъ безконечно важно исключительное значеніе основателя ея, подписавшаго духовное завѣщаніе Дмитрія Донского о престолонаслѣдіи и не останавливавшагося предъ тѣмъ, чтобы закрыть служеніе въ церквахъ нижегородскихъ, если въ видахъ жизненнаго дѣла это представлялось необходимымъ. Не только церкви, но и государству служилъ Сергій—и какъ служилъ? Его примѣру слѣдовали его преемники, и вотъ почему можно, и должно, говорить о «государственномъ» значеніи, какъ его самого, такъ и основанной имъ обители: Палицынъ, Филаретъ—только продолжатели мысли Сергіевой, на разстояніи долгихъ двухъ вѣковъ одинъ отъ другого. Какая преемственность!

Для дополненія сказаннаго умѣстно будетъ въ заключеніе припомнить вѣщія слова Сергіевы, сказанныя имъ пять вѣковъ назадъ Дмитрію Донскому, когда тотъ, повидимому, сомнѣвался въ томъ: идти ли ему на Мамая, или нѣтъ.

«Тебѣ, господине княже, — говорилъ Сергій, — слѣдуетъ заботиться и крѣпко стоять за своихъ подданныхъ и душу свою за нихъ положить, и кровь свою пролить... но прежде, господине, пойди къ нимъ съ правдой и покорностью, *какъ слѣдуетъ по твоему положенію поклоняться Ордынскому царю.* Вѣдь и Василій Великій утолилъ дарами нечестиваго царя Іуліана... Если такіе враги хотятъ отъ насъ чести и славы—дадимъ имъ; если хотятъ злата и серебра—дадимъ и это; но за имя Христово, *за вѣру православную* намъ подобаетъ душу свою положить и кровь пролить!..»

И на этомъ основаніи загорѣлся Куликовскій бой! И правъ, безконечно правъ былъ св. Сергій: въ православіи, а не въ чемъ иномъ жизнь Россіи! Если бы допустить даже, что погибло все, все; если бы, послѣ какого-нибудь великаго, послѣдняго боя, поникли долу, съ поломанными мечами въ рукахъ, на дымящихся развалинахъ нашихъ городовъ и весей, всѣ князья русскіе,—но сохранилось въ сердцахъ оставшихся въ живыхъ изъ народа православіе,—Русская самодержавная земля зародилась бы на томъ же мѣстѣ снова. Не быть никому иному на нашихъ пажитяхъ, кромѣ насъ. Яснѣе и сердечнѣе, и притомъ гораздо раньше другихъ, постигъ эту правду св. Сергій, и вотъ объясненіе тому исключительному поклоненію, какимъ его у насъ чествуетъ народъ: «Полюби святаго Сергія (и пойми его, необходимо добавить)—онъ былъ русскій въ душѣ», и если справедливо сказалъ гдѣ-то Филаретъ, что «когда темнѣетъ на дворѣ—усиливаютъ свѣтъ въ домѣ», то вспоминать о такихъ дѣятеляхъ, какимъ былъ Сергій, значитъ усиливать этотъ внутренній свѣтъ.

Оглавленіе

II тома

„По Сѣверо-Западу Россіи".

	стр.
Путешествіе четвертое (1886 г.)	1
Очеркъ путешествія	3
Транзундъ. Вильманстрандъ. Иматра	12
Выборгъ	21
Ревель	28
Балтійскій портъ. Гапсаль	48
Перновъ	54
Аренсбургъ	58
Виндава	64
Либава	68
Отъ Либавы до Митавы. Рингенъ	74
Митава	78
Рига	93
Устье Западной Двины. Усть-Двинскъ. Дуббельнъ	118
Икскюль. Штокманстофъ	125
Якобштадтъ. Крейцбургъ	129
Двинскъ	137
Псковъ	140
Псковское озеро. Талабскіе острова	156
Гдовъ. Отъ Гдова къ Юрьеву. Чудское озеро	163
Юрьевъ	170
Вейсенштейнъ	188
Везенбергъ	198
Нарва	211
Усть-Нарова, или Гунгербургъ. Ямбургъ	222
Прибалтійскій край за послѣднее десятилѣтіе	230
Путешествіе пятое (1887 г.)	237
Очеркъ путешествія	239
Луга	244
Порховъ	246
Опочка	251
Невель	256
Великія Луки	263
Торопецъ	269
Отъ Торопца на Холмъ къ Старой Руссѣ	275
Старая Русса	278
Крестцы	295
Путь къ Тихвину	299
Тихвинъ	302
Отъ Тихвина къ Новой Ладогѣ. Столбово. Ладожскіе каналы	316
Александро-Свирскій монастырь	322
Олонецъ	327
Валаамъ	332
Маріинская система. Валаамъ и Обонежье за послѣднее десятилѣтіе	349
I. Маріинская система	349
II. Валаамъ	367
III. По Обонежью	374
Путешествіе шестое (1888 г.)	395
Очеркъ пути	397
Ковна	405
Нѣманъ отъ Ковны до Юрбурга	412
Юрбургъ	423
Гродна. Осовецъ	428
Варшава	438
Новогеоргіевскъ	471
Ивангородъ	475
Брестъ-Литовскъ. Полѣсье	484
Несвижъ	501
Минскъ	511
Смоленскъ	519
Калуга	540
Тула	558
Троице-Сергіева лавра	577

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ сочиненію

„ПО СѢВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ“.

Томъ II.

„ПО ЗАПАДУ РОССІИ“.

стр.

Аа, рѣка 32, 60, 77, 78, 81, 124
Августъ Саксонскій 82, 84
Аверкій, бояринъ ростовскій . . . 583
Авраамій, игуменъ мирожскій. . . . 146
Авраамій Ростовскій. 243
Адлерфельдъ, историкъ 213
Адріанъ, инокъ Троицкой лавры. . . 590
Адріанъ Ондрусовскій 243
Александровская гимназія въ Ригѣ . 110
Александровскій посадъ. 161, 162
Александровское училище въ Митавѣ. 86
Александровское училище въ Ригѣ. . 114
Александръ I. 10, 22, 43, 60, 66, 81, 92, 104, 172, 175, 176, 179, 182, 199, 248, 266, 270, 272, 326, 413, 415, 592
Александръ II. 45, 86, 92, 94, 115, 186, 187, 193, 206, 210, 290, 326, 352, 592
Александръ III. 67, 115, 128, 192, 227, 349, 352
Александръ Невскій. 4, 143, 144, 161, 199, 240, 247, 271, 274
Александръ Свирскій . . . 243, 323, 324
Александръ, архимандр. Александро-Свирскаго монастыря. 325
Алексій, митрополитъ . 580, 587, 589, 590
Алексѣевское село. 578
Алексѣевъ, торопецкій комендантъ. 272, 273
Алексѣй Александровичъ, Великій Князь 285
Алексѣй Михаиловичъ, царь. 138, 578, 579, 592
Алексѣй Петровичъ, царевичъ . . . 214
Альбертъ, епископъ рижскій. 30, 50, 98, 119
Альпиеке 11
Амовжа, рѣка 10, 167, 168, 169
Андреевъ, Ефимъ, историкъ Гдова . 165
Андрея св. фортъ. 82
Анна Алексѣевна, супруга Іоанна IV. 314
Анна Іоанновна, императрица. 9, 37, 84, 85, 310, 598
Анненгофъ. 84
Антоній, преподобный 303
Аракчеевъ, графъ . . 210, 279, 283, 284
Аренсбургскій замокъ 60, 61
Аренсбургскій риттергаузъ. 58
Аренсбургъ . . . . 5, 6, 57, 58—63, 123
Аренсбургъ. Епископскій замокъ (Рисунокъ). 62
Аренсбургъ. Общій видъ (Рисунокъ) . 59
Арзубьевъ 282
Аррокюль 188, 189, 197
Арсеній Копевскій 243
Артыновъ, авторъ историч. записокъ . 165
Арцыбашевъ. 308
Ассериъ 123
Асташевъ, В. И. 16
«Аустра», общество 121
Афанасій Афонскій 591
Афанасій Сяндемскій 243
Бабкино, озеро. 273
Багратіонъ, князь 9, 101
Балавинскій 250
Балашово, село 257
Балкъ, генералъ. 214
Балтійскій Портъ. . . . . 48—53
Батенъ, станція. 67
Баторій, Стефанъ. 96, 99, 138, 142, 143, 146, 248, 253, 265, 271
Батый 297
Бауэръ, генералъ 37, 53, 91
«Баянъ», общество 114
Безыменная гора 252
Бенигна Готлибъ 82
Венкевичъ, Пахомій 133
Венкендорфъ, шефъ жандармовъ. 190, 215
Берестье 485
Бергъ 37
Бергхольцъ 191
Березовъ 6, 85
Березовы острова 22

стр.

Беръ, юрьевскій профессоръ . . . 11, 186
Бибиковъ, генералъ-аншефъ 260
Билленштейнъ, пасторъ 90
Бильдерлингсгофъ 123, 124
Биронъ, Эрнстъ-Іоганнъ 80, 81, 82
Бисмаркъ (фонъ-), Катарина 87
Бисмаркъ, Людольфъ 88
«Благодарность», орденъ 90
Бломестольмъ 242
Бобринскій, графъ 94
Бобръ, рѣка 435
Божеряновъ, историкъ 21
Больдерна 119, 123
Бонифацій IX, папа 36
Борецкая, Марфа 282
Борисъ, князь нижегородскій 589
Борисъ Годуновъ . . . 579, 595, 597, 599
Боровскій 132, 313
Борхи, графы 130
Боярщина 259
Брадке, попеч. юрьевск. учебн. окр. . 178
Бракель 84
Братовщина 579
Бредероде 199
Брестъ-Литовскъ . . . . . 484—500
Брестъ-Литовскъ. Новая церковь въ крѣпости (2 рисунка) 488, 489
Бригитта 36
Броунъ, лифляндскій ген.-губернаторъ. 98
Брячеславъ Полоцкій 271
Будбергъ, губернаторъ эстляндскій . . 199
Будбергъ, ландмаршалъ 100
Буденикъ 141
Будятино, село 141
Буксгевденъ, епископъ 55
Буксгевденъ, ландмаршалъ 58
Бунге, историкъ прибалтійск. край 8, 11, 126
Бутырскій, историкъ Опочки . . 253, 254
Бѣркe 12, 21
Бѣлоозеро 239, 271
Бѣляевъ, историкъ 8, 32, 126
Бѣсовъ Носъ (Рисунокъ) 392
Бюсби 63
Вайвара 224
Вайнопъ 222
Валаамъ . . . 241, 332—348, 367—374
Валаамъ. Водопроводъ и мастерскія (Рисунокъ) 347
Валаамъ. Монастырь. (Рисунокъ) . . 336
Валаамъ. Одна изъ дорогъ въ скиты (Рисунокъ) 344
Валаамъ. Скитъ Всѣхъ Святыхъ (Рисунокъ) 345
Валаамъ. Скитъ Св. Николая (Рисунокъ) 337
Вазенъ-Коски 18, 20
Вазуевъ 265, 267
Вальдемаръ, король датскій 31
Вальтеръ, генералъ-суперъ-интендентъ 191, 192
Варанье, островъ 161
Варлаамъ Хутынскій 591
Варшава . . . . . 438—470
Варшава. Большой театръ (Рисунокъ). 456
Варшава. Замковая площадь (Рисунокъ). 449
Варшава. Каѳедр. соборъ св. Іоанна (Рисунокъ) 453
Варшава. Лазенки. Дворецъ (2 рисунка) 443, 445
Варшава. Лазенки. Мостъ съ памятникомъ (Рисунокъ) 447
Варшава. Лазенки. Резервуаръ (Рисунокъ). 448
Варшава. Новый православ. соборъ (Рисунокъ) 459
Варшава. Общій видъ (Рисунокъ) . . 440
Варшава. Памятникъ гр. Паскевичу (Рисунокъ). 464
Варшава. Прежній видъ Стараго Мѣста (Рисунокъ) 451
Варшава. Ратуша (Рисунокъ) 457
Варшава. Саксонскій садъ (Рисунокъ). 461
Варшава. Свято-Троицкій соборъ (Рисунокъ) 441
Варшава. Соборная колокольня (Рисунокъ). 458
Варшава. Университетъ (Рисунокъ) . 465
Василевскій, великолуцкій помѣщ. . . 267
Василиса Мелентьева 314
Василій Дмитріевичъ, великій князь . 590
Василій Іоанновичъ, великій князь. . 306
Василій III 127
Васильчикова, Анна, супруга Іоанна IV. 314
«Вахтица», вѣтеръ. 160
Веберъ, докторъ. 286
Везенбергъ. . . . 10, 34, 188, 198—210
Везенбергъ. Развалины замка (Рисунокъ). 201
Везо. 222
Вейнемейненъ 23
Вейсенштейнъ . 10, 34, 188—197, 198, 199
Великая, рѣка 140, 146, 147, 149, 154, 157, 158, 167, 254, 255
Великія Луки . . . . 239, 240, 263—268
Венденъ. 7, 99
Вениаминъ, епископъ рижскій. . . . 94
Верки 222
Верхній, островъ 161, 162, 168
Вессе, эстонскій князь 60
Викторія, холмъ 228
Викъ. 189
Вильгельмъ, епископъ рижскій . 9, 55, 101
Вильманстрандъ . . . . . 12—20
Вильманстрандъ (Рисунокъ) 15
Вильна 84
Виндава, городъ . . . . . 6, 64—67
Виндава, рѣка 65, 66, 67
Винно, орденсмейстеръ 98
Вины, деревня 296
Вирландъ 189
Витгенштейнъ, графъ. 138, 155, 240, 259
Витебскъ 258
Витовтъ, князь литовскій. 239, 248, 252, 253
Витольдъ, князь литовскій 264
Вифанія въ Тр.-Серг. лаврѣ 594
Вишерская станція 296
Владиміръ Александровичъ, Великій Князь 46
116, 186, 187, 227, 285, 292, 293, 326

стр.

Владимiръ, князь полоцкій 125
Водяная башня. 595
Волквинъ, магистръ 30
Вологда. 10, 213
Волховъ 283, 319
Вольмаръ 50
Вормсъ, островъ. 49, 63
Воробьи, гора 269
Воронечъ 252, 253
Врепка, рѣка. 241
Вуокса. 16, 18, 20
Выборгскій заливъ. 14, 16
«Выборгскій тресвъ» 22
Выборгъ . . . 3, 12, 14, 16, 20, **21—27**
Выборгъ. Общій видъ (Рисунокъ) . . 25
Выборгъ. Паркъ Монрепо (Рисунокъ) . 26
Выборгъ. Рынокъ (Рисунокъ) 24
Выборгъ. Финляндскій берегъ близъ него (Рисунокъ) 13
Выбуты, село. 141
Выползавая гора 252
Выскатка, село 165
Вышгородъ въ Ревелѣ . . . 28, 30, 37
Вышгородъ, погостъ 246
Вѣпржъ. 475
Гаврилко, смолянинъ. 308
Гавріилъ, св. князь псковскій. . . . 148
Гагарины, Леонида и Александра, княжны 314
Газъ, докторъ. 284
Гайнажъ, мѣстечко. 121
Гамильтонъ 214
Ганзейскій союзъ 4, 5, 32, 35, 44, 55, 144
Ганзенъ, историкъ Нарвы 211
Ганъ, нарвск. гор. голова . 223, 224, 226
Гапсаль . . . . . 5, 31, 48—53, 60, 123
Гапсаль. Развалины древн. замка (Рисунокъ) 51
Гапсальскій древній замокъ 52
Гаррія 189
Гарръ 222
Гассельблатъ, пасторъ 194
Гастферъ, намѣстникъ рижскій . . . 100
Гдовъ . . . . . 10, **163—169**, 229, 249
Гедеонъ, епископъ псковскій 149
Гельмерсенъ, академикъ. 166
Генрихъ, епископъ шведскій 21
Генрихъ Латышъ . . 7, 8, 11, 32, 52, 126
Гербергитейнъ 248, 282
Гердерова площадка въ Ригѣ. . . . 9
Гердеръ, поэтъ 171
Германъ, епископъ эзельскій 55
Германъ и Сергій, святые. . . 242, 243
Герсикъ 126, 130
Гёте, поэтъ 171
Гильдія св. Канута 45
Гильзонъ (фонъ-), Гельвигъ. 196
Гиммельстьерна. 94, 191
Глюкъ, пробстъ. 214
Годунова, Ксенія 599
Годуновъ, Борисъ (см. Борисъ Год.).
Годуновъ, Осодоръ 599
Гойя, Маргарита 38
Головинъ, лифл. ген.-губ. 191

стр.

Гольдингенъ 9
Гольдингенское Покровское братство . 134
Горки, деревня 157, 158
Горки, усадьба 316, 318
Горнъ, комендантъ нарвскій . . 213, 220
Городское войско въ Ригѣ. 9
Горскій, историкъ Тр.-Серг. лавры . . 593
Готландія 212
Гохландъ 38
Граббе 37
Грасеъ, начальникъ Порхова. . . . 218
Грейгъ, адмиралъ 38
«Грива» 216, 251
Гривка 76, 133
Гродна . . . . . **428—437**
Гродна. Губернаторскій домъ (Рисунокъ). 433
Гродна. Новый замокъ (Рисунокъ) . . 433
Гродна. Общій видъ (Рисунокъ) . . . 429
Гродна. Развалины Коложской церкви (Рисунокъ). 432
Гродна. Флигель стараго замка (Рисунокъ) 432
Гросгольмъ 227
Гротіанъ, пасторъ 10
Грузино 241, 298, 299
Гунгербургъ . . . . . 123, **222—229**
Густавъ-Адольфъ 10, 59, 99, 165, 172, 174
«Gustaviana» 174
«Gustaviana-Carolina» 174
Гуте-Саль 60
Даго, островъ 6, 49, 58, 60, 194
Даннеброга орденъ 5, 30
Даніилъ, игуменъ Тр.-Серг. лавры . . 578
Даніилъ Холмскій, князь 282
Дарья, инокиня, супруга Іоанна IV 303, 314, 315
Двина Западная 7, 32, 93, 98, 118, 125, 137, 139, 259, 413
Двинскъ . . 3, 10, 76, 126, 130, **137—139**
Де-ла-Гарди 38, 53, 63, 248, 297, 307, 308, 314
Дерптъ — см. Юрьевъ.
Деулино, село 595
Динамидъ 120
Директорскій источникъ . . . 285, 286
Діонисій, игуменъ Троицкій 582
«Длинный Германъ» въ Ревелѣ . 28, 29, 30
«Длинный Германъ» въ Нарвѣ 214, 218, 227
Дмитрій Донской . . 306, 581, 589, 590
Дмитрій Ростовскій 306
Дмитрій царевичъ 314
Довмонтова стѣна 142, 150
Довмонтъ, князь псковскій . 4, 143, 148
Домеспесъ 67, 194
«Домъ моряковъ» въ Ригѣ 116
Донатъ, епископъ рижскій 94
Довгавгенъ 122
Доротея, герцогиня курляндская . . 9
Достоевскій, Оед. Мих. 241, 286, 290, 291, 292, 293
Дрейлевенъ, магистръ 50
Дрекслеръ, протоіерей 116
Дрикса, рѣка 80
Дуббельнъ . . . . . **118—124**
Дуббельнъ. Вокзалъ (2 рисунка) . 120, 121

стр.

Дубисса, рѣка 66
Дурбенъ 74
Дюкъ-де-Кроа 5
Евгеній, митрополитъ историкъ Пскова 252
Евдокія, супруга Дмитрія Донского . 590
Евфросинья, княжна полоцкая . . . 578
Едигей 593
Екатерина I 38, 128, 214, 266
Екатерина II . . . 3, 30, 46, 47, 48, 49, 78, 92, 98, 100, 128, 164, 165, 166, 175, 196, 199, 227, 229, 239, 248, 254, 260, 261, 266, 274, 283, 579.
Екатерина Павловна, великая княгиня 310
Екатериненталь въ Ревелѣ . . 28, 38, 39
Екатерининскій источникъ 286
Елисавета Алексѣевна, великая княгиня 149
Елисавета Петровна, императрица . . 38, 48, 92, 578, 579, 596
Еменецъ, селеніе 257
Еменка, рѣка 259
Ени 193
Епифаній, жизнеописат. Сергія Радонежскаго 582, 591
Еркюль 127
Жабенецъ, станція 246
Жанвильскіе курганы 258
Жерве, попеч. юрьевскаго учебн. окр. 178
Жижи, озеро 270
Жуковъ, табачный фабрикантъ . 249, 250
Жюно, генералъ, герцогъ Абрантесскій 271
Зайцево, село 296
Зальца 34
Замыцкій, историкъ Опочки 253
Заукъ, рѣчка 56
Здекауэръ, профессоръ 285
Зельбургъ 126, 130
Зиберы, графы 130, 132
Зимогорье 295
Зиновьевъ, лѣсоторговецъ 227
Зосима Соловецкій 282, 593
Зуркевичъ, бургомистръ 132
Зюнебургъ 6
Зюнебургскій замокъ 60
Ивангородъ (у Нарвы) 34, 38, 213, 214, 215, 218, 219, 227
Ивангородъ, крѣпость . . . . . 475—483
Иваново, село 260, 261
Ивановъ, архитекторъ 227
Иванъ-озеро 261
Иванъ Холмскій, князь псковскій . . 145
«Игнатъ Крестъ» 297
Игорь, князь 141
Изенбургъ 50
Изяславъ Васильковичъ, князь полоцкій 126
Изяславъ Владиміровичъ, князь . . . 126
Икона Корсунской Божіей Матери 270, 271, 272, 273
Икона Опочецкой Божіей Матери 252, 253
Икона Себежской Божіей Матери 252, 253, 258
Икона Старорусской Бож. Матери 279, 309, 310, 311
Икона Тихвинской Божіей Матери 303, 306, 308, 309, 310
Икскуль, Дитрихъ. 50

стр.

Икскуль, епископъ 36
Икскуль, рыцарь 35
Икскюль . . . . . 125—128
Илукстъ 9, 129, 130, 132, 134
Ильзенбергъ 138
Ильмень 239, 247, 282, 296
Ильмеръ 239
Инзельбергъ, село 259
Иннокентій, митрополитъ московскій 592
Иматра . . . . . 12—20, 18, 20, 21
Иматра. Виды на ней (Рисунки) . . 17
Иматра. Видъ послѣ постройки моста (Рисунокъ) 19
Иринархъ, епископъ рижскій 94, 96, 190, 193
Продіоновъ, Петръ, священникъ. 272, 273
Исакій, черноризецъ 271
Исидоръ, діаконъ, Лжедмитрій . . . 219
Исидоръ, пресвитеръ юрьевскій . . . 10
Ифланты польскіе 9, 130, 133
Іаковъ, герцогъ курляндскій 65, 68, 80, 130
Іервенъ 189
Іоаннъ III 34, 126, 127, 138, 213, 218, 227, 248, 264, 282, 317
Іоаннъ IV, Грозный 46, 127, 138, 149, 164, 165, 197, 219, 240, 242, 248, 257, 271, 273, 296, 307, 315, 324, 579, 581, 590, 592, 594, 597, 598, 599
Іоаннъ XI, король шведскій 38
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь . . . 264, 312
Іоаннъ Антоновичъ Ульрихъ 313
Іоаннъ-Казиміръ, король польскій . . 257
Іоасафъ, игуменъ снѣтогорскій . . . 157
Іона, мотрополитъ 590
Іосифъ Волоколамскій . . 586, 587, 593
Казакъ-Камень. 22
Казань 590, 595
Калевъ. 30, 31
Калита, Іоаннъ 21
Калуга . . . . . 540—557
Калуга. Городской садъ (Рисунокъ). . 549
Калуга. Домъ, гдѣ жила Марина Мнишекъ (2 рисунка) 544, 545
Калуга. Каѳедральн. соборъ (Рисунокъ). 541
Калуга. Никитская улица (Рисунокъ) . 547
Калуга. Церковь Мироносицкая (Рисунокъ). 553
Калуга. Церковь Св. Георгія (Рисунокъ). 552
Калуга. Часовня на мѣстѣ татарскаго побоища (Рисунокъ) 542
Калязинъ 297
Каналъ въ рѣку Днѣпръ (Рисунокъ) . 499
Каналъ герцога Іакова 80, 86
Канашово, усадьба 257, 259
Кандау, замокъ. 50
Канкринъ, графъ, министръ финансовъ. 210
Каномскій перевозъ . . . 319, 321, 322
Кантъ, философъ 171
Капустинъ, попеч. юрьевск. учебн. окр. 179
Карамзинъ, историкъ. . . . 11, 126, 578
Карлосы, острова 28
Карлсбадъ. 123
Карлъ XI, король шведскій . 100, 128, 180
Карлъ XII, король шведскій 53, 100, 124, 180, 258
Каррисъ, замокъ 60

стр.

Каспервикъ 222
Касьяновъ, И. А., пѣвецъ былинъ (Рисунокъ) 393
Кейзерлингъ, графъ, попеч. юрьевск. учебн округа 178, 180
Кекгольмъ 297
Кельбрантъ 191
Кенигсмаркъ, Аврора 82
Кергель 61
Керсдорфъ, ландмейстеръ 196
Кетлеръ, Гергардъ, гроссмейстеръ . . 82
Кивачъ. 18
Кижи. Спасо-Преображенская церковь (Рисунокъ) 381
Киннель, директоръ фабрики 215
Кириллъ Бѣлозерскій. 593
Кириллъ, схимонахъ 579
Кіуло, островъ 21
Климентъ III, папа 125
Клингеръ, попеч. юрьевск. учебн. окр. 177
Клястицкій бой. 240
Клястицы. 259
Книпроде 4, 34
Кнопке. 99
Кноппе. 104
Кнутсонъ, Карлъ 27
Кнутсонъ, Торкель. 21
Княжій-Боръ, деревня 296
Ковна . . . . . 405—411
Ковна. Развалины древняго замка (Рисунокъ) 409
Козинцовъ, музыкальный дѣятель . . 227
Койвиста 12
Кокенхузенъ. 99, 126, 127
Кокшерскій маякъ. 28
«Коллективныя собственности» . . . 127
Коломцы 291
Коложо. 252
Колчаны, пристань 318
Колывань. 31
Комтуры 50
Коноплищенская возвышенность . . 275
Конрадъ, князь мазовецкій. 438
Константинъ, князь ростовскій . . . 589
Константинъ Острожскій 253
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ . 165
Кончура, рѣчка. 595
Копорье 229
Корнилій Палеостровскій 243
Коростынская битва. 282
Корфъ, Николай, баронъ 135
Котка—см. Роченсальмъ
Кочневъ, лѣсоторговецъ. 227
Краббе, управл. морск. министр. . . . 66
Кракау, архитекторъ. 212
Крамеръ, Анна. 213, 214
Краузе, профессоръ 183
Крауклисъ, священникъ. 116
Крафтштремъ, попеч. юрьевск. учебн. округа 178
Крейцбургъ . . . . . 126, 129—136
Кренгольмская мануфактура . . 214, 220
Кренгольмъ, островъ . . . 214, 220, 221
Крестцы. . . . . 241, 295—301
«Крестьянскія горы». 61

стр.

Кривe 6
Кривобрюке 6
Кривитъ 271
Кромвель. 82
Кронштадтъ 12
Кругъ, докторъ 228
Крузе, адмиралъ 14
Крузенштернъ, адмиралъ 38
Крюйсъ, вице-адмиралъ. 22
Кукенойсъ 126, 127
Кукуй 299
Купуй 263
Куликовская битва 589, 590
Кулотино 299
Кульневъ, герой 1812 г. 138, 240. 259, 260
Кунцевичъ, Іосафатъ. 258
Курбскій, Андрей, князь . . . 257, 579
Курляндія. 6
Куттеркюль 224
Кюгельхенъ, художникъ. 182
Лагарпъ 176
«Ладо», общество 114
Ладожскіе каналы . . . . . 316—321
Ладожскій обводный новый каналъ (Рисунокъ) 320
Ладожское озеро 16
Лаксбергъ. 28, 38
Ланге 37
Ласси 85
Леаль 135, 194
Лекувреръ, Адріенна. 85
Леонидъ, архимандритъ 593
Леонтій Ростовскій 590
Лерхе, новгор. губернат. 298
Лжедмитрій 579
Либава . . . 6, 9, 66, 67, 68—73, 103, 124
Либава. Общій видъ (Рисунокъ) . . . 72
Либавскій портъ . . 68, 69, 70, 71, 72, 73
Ливенъ, графиня 87
Ливенъ, князь, попеч. юрьевск. уч. окр. 177
Ливонія 125
Лилла Ладугардъ 23
Линда 30, 31
Линданиссе, замокъ 5, 30
Линденъ 53
Липногорская станція 299
Лисовскій 580, 595
Литераты 110
Лійцъ, священникъ 193, 194
Ловать 239, 247, 259, 264, 266, 267, 268, 295
Лоде, пристань 58
Ломоносовская гимназія въ Ригѣ . . 110
Лоренцъ, проректоръ юрьевскій . . . 175
Лорингтофенъ, орденсмейстеръ . . . 120
Луга, городъ . . . . 229, 239, 244—245
Луга, рѣка 222, 244
Лука Давидъ. 11, 107
Лука, «разбойный человѣкъ» 264
Лунья, усадьба 168
Людовикъ XVI 82
Людовикъ XVIII 6, 81, 82
Лютеръ. 5
Люттихъ 85
Люцинъ 130, 259

стр.

Магербургъ 224
Магнусъ, король шведскій . . . 141, 242
Магольмъ 222
Мазепа 191
Маіорсгофъ 123, 124
Майдель, комендантъ выборгскій . . 22
Макарій Новгородскій 306
Макдональдъ 138, 259
Маковъ, мин. внутр. дѣлъ 194
Максимилла (Шишкина), игуменья. . 312
Максимъ Грекъ 594
Малюта Скуратовъ 297
Мамай 590
Мансдотеръ, Катарина 27
Маргарита, королева шведская . . . 42
Мардарій, архимандритъ 278
Марина Мнишекъ 149, 150
Маріенбургъ 214
Маріенгаузенъ 130
Маріенкирхе въ Ригѣ 101, 102
Маріинская система . 299, 300, 348—357
Маріинскій пріютъ въ Ригѣ 114
Марія, схимонахиня 579
Марія Нагихъ 314
Марія Павловна, Великая Княгиня . 186
Мартиніанъ, старецъ 308
Мартирій, святой 278, 279
Марфа, крылошанка 579
Матрикулы дворянскія. . . 42, 168, 169
Махметъ-Гирей 590
Маціевичъ, Арсеній 47
Маять, рѣчка 293
Мегрега, рѣка и селеніе 327
Медемъ, ландмейстеръ 196
Медемъ, Конрадъ, гросмейстеръ . . . 80
Мейнгардтъ, епископъ рижскій 9, 32, 91, 102, 125
Мекегофъ 196
Меланхтонъ 5
Мелкое, озеро 257
Меншиковъ, князь 6, 83, 84, 85
Морикъ, Джонъ 318
Меркель 100
Мерремюль 123, 224, 228
Меченосцы, рыцарскій орденъ . . . 7
Мещерскій, князь, начальн. Порхова . 248
Микетти, архитекторъ 38
Микола, мастеръ нѣмецкій . . . 248, 249
Минихъ, графъ 227
Минскъ . . . . . 511—518
Минскъ. Архіерейскій домъ (Рисунокъ) 513
Минскъ. Видъ собора (Рисунокъ) . . 512
Минскъ. Губернаторская улица (Рисунокъ) 515
Минскъ. Костелъ на Соборной площади (Рисунокъ) 514
Минскъ. Мясные ряды (Рисунокъ) . 517
Минскъ. Театръ и сквэръ (Рисунокъ) . 516
Мирожа, рѣчка 147
Митава . . . . . 6, 7, 9, 77, 78—92, 129
Митава. Замокъ (Рисунокъ) 81
Митава. Общій видъ (Рисунокъ) . . . 80
Митава. Паркъ (Рисунокъ) 83
Митава. Плавучій мостъ (Рисунокъ) . 89
Митава. Православн. соборъ (Рисунокъ) 87

стр.

Митава. Ратуша (Рисунокъ) 88
Митрофанъ, игуменъ 583
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь 242, 278, 282, 317, 323, 594, 595, 597
Михей, келейникъ Сергія Радонежскаго 591
Михельсонъ, Григорій . . 240, 262, 267
Михельсонъ, полководецъ 239, 260, 261, 262
«Моникъ», вѣтеръ 160
Молебенъ при началѣ прорытія канала (Рисунокъ) 497
Моллеръ, профессоръ живописи . . . 60
Молога 300
Монастырь Александро-Свирскій 319, 322—326
Монастырь Бесѣдный Николаевскій, въ Тихвинѣ 303, 306, 307
Монастырь Богородицкій, въ Тихвинѣ 242, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 315
Монастырь Бригитты, въ Ревелѣ . . . 5, 28, 36, 37, 46
Монастырь Валаамскій 242, 243, 323, 324
Монастырь Введенскій, въ Тихвинѣ . 242, 303, 304, 314, 315
Монастырь Вознесенскій, въ Великихъ Лукахъ 267
Монастырь Дымскій Антоніевъ, въ Тихвинѣ 303
Монастырь Ивановскій, въ Псковѣ 146, 156
Монастырь Ильинскій, въ Великихъ Лукахъ 267
Монастырь Михаила, въ Ревелѣ, женскій 42
Монастырь Михаила, въ Ревелѣ, цистерціанскій 29
Монастырь Палеостровскій (Рисунокъ) 384
Монастырь Печорскій, въ Псковской губ. 154
Монастырь Покрова, въ Якобштадтѣ 132
Монастырь Преображенскій, въ Невелѣ 260
Монастырь Св. Духа, въ Якобштадтѣ 130, 132, 133
Монастырь Снѣтогорскій, на р. Великой 156, 158
Монастырь Спасо-Виваискій , . . . 598
Монастырь Спасо-Мирожскій, во Псковѣ 146, 147, 150
Монастырь Спасо-Преображенскій, въ Старой Руссѣ 278, 279
Монастырь Хотьковъ 583
Монзундъ 49
Монрепо, паркъ 23
Монъ, островъ 58, 61
Морентейфъ, гросмейстеръ . . . 106, 107
Морицъ Саксонскій . . 6, 82, 83, 84, 85
Мста 296
Муравьевскій источникъ . . . 285, 286
Муравьевъ, паломникъ 577
Муравьевъ, графъ 9
Муромицы, деревня 157
Мытници 579
Мѣшковецкая возвышенность. . . . 275
Надихинъ, Иванъ, боярскій сынъ . 254
Наполеонъ 406, 411
Нарова. 34, 38, 167, 211, 213, 214, 215, 218, 222, 227

стр.

Нарва . 10, 124, 198, 211—221, 224, 226, 227
Нарва. Видъ отъ Наровы на соборъ (Рисунокъ) 217
Нарва. Общій видъ (Рисунокъ) . . . 216
Нарвскій водопадъ. 18, 20, 215
Нарвскій дворецъ Петра I . . . 219, 220
Наргенскій маякъ 28
Наргенъ, островъ 28
Находкинъ, историкъ Торопца . . . 272
Невель . . . . . 239, 256—262
Невельское озеро 259
Нейбадъ 123
Нейшлотъ. 16
Нектарій, старецъ. 589
Нельсонъ 37
Неосушенное болото (Рисунокъ). . . 496
Несвижъ . . . . . 501—510
Нессельроде, графъ 215
Несторъ, лѣтописецъ 271
Нижній-Новгородъ 589
Николаи, бороны 23
Николай I 9, 30, 43, 49, 92, 139, 191, 193, 196, 210, 240, 248, 254, 256, 266, 279, 284
Николай II, Государь Императоръ . . 349
Николай Николаевичъ Старшій, великій князь 14, 240
Николай Юродивый 148, 149
Никонъ, патріархъ. 578, 579
Никонъ, препод., преемникъ Сергія Радонежскаго. 593
Нилъ Сорскій 593
Нифонтъ, епископъ новгородскій 146, 147
Niagara. 18
Новая Ладога 241, 316, 318, 319
Новгородъ. 29, 32, 34, 142, 143, 144, 146, 240, 264, 265, 283
Новогеоргіевскъ. . . . . 471—474
Новоселье, станція 246, 251
Нуко 60
Нѣманъ . . . . . 66, 412—422
Нѣманъ. Видъ возлѣ Гродны (Рисунокъ). 421
Оболь, рѣка. 259
Обонежье . . . . . 374—394
Огильви, фельдмаршалъ-лейтенантъ. . 213
Одадуровъ 297
Одене, замокъ. 50
Одесса 7
Озерище, озеро. 257
Окуловская станція 296
Олай, король шведскій 42
Олеарій. 166, 214
Олегъ, князь рязанскій 589
Олонецъ. . . . . 319, 327—331
Ольга, св., княгиня. 3, 141, 147
Ольгердъ, литовскій князь. . 247, 248, 271
Ольгинъ городокъ 142
Ольгинъ дворецъ-житникъ 142
Ольгины ворота. 142
Ольгины слуды 141
Омундъ, Гансъ 56
Онежское озеро. Карта и видъ (Рисунокъ). 375
Онуфрій, игуменъ тихвинскій. . . . 308

стр.

Опекушинъ, скульпторъ 150
Олочка. . . . . 239, 251—255
Орловъ, графъ, шефъ жандармовъ. 191, 281
Орловъ, Алексѣй, великолуцк. помѣщ. 267
Ослябя 589
Осовецъ. . . . . 428—437
Остерманъ. 85
Островъ, городъ 251, 254
Оттонъ, епископъ 50
Отъ Гдова къ Юрьеву. . . . . 163—169
Отъ Тихвина къ Новой Ладогѣ. . 316—321
Отъ Торопца на Холмъ къ Старой Руссѣ. . . . . 275—277
Офенбергъ. 91
Шаббатъ-Шемперъ. 127
Павелъ I. 23, 101, 128, 175, 202, 304, 309
Падисъ. 53
Пакерортскій маякъ 48
Паленъ, баронъ, попеч. юрьевск. уч. окр. 178
Паленъ, лифл. ген.-губ. 96, 190
Палицынъ, Авраамій. 605, 606
Памятникъ Александру II въ Псковѣ. 150
Памятникъ Петру I въ Нарвѣ. . . . 220
Памятникъ Петру I въ Тихвинѣ. . . 315
Памятникъ Петру I на Гросгольмѣ. . 227
Параскева, супруга Алекс. Невскаго. 240, 271
Парротъ, профессоръ. 18, 175, 177
Паткуль 99
Паулуччи, маркизъ. 199
Пафнутьевъ садъ. 595
Пельтцеры. 215
«Первенецъ», товарищество. 321
«Перекоринъ» 135
Пересѣтовъ, помѣщикъ. 308
Пересѣтъ. 589
Перикола, усадьба. 317
Перно. 142
Перновъ. . . . . 5, 32, 54—57, 91, 123, 172, 174, 198
Перонъ, рѣчка 56
Петергофъ 124
Петръ I. 3, 7, 10, 21, 22, 23, 30, 37, 38, 39, 43, 46, 47, 48, 49, 53, 83, 92, 100, 104, 106, 128, 146, 150, 155, 165, 169, 175, 179, 180, 212, 213, 214, 218, 219, 220, 227, 258, 259, 264, 266, 272, 273, 274, 282, 287, 299, 312, 313, 324, 325, 326, 330, 351, 439, 579, 592, 595
Петръ II. 92
Петръ, митрополитъ. . . . 580, 588, 590
Печеры, городъ. 155
Пещера препод. Корнилія (Рисунокъ). 376
Пещуровъ, управл. морск. министерст. . 66
Пивовъ. 265
Пименъ, архіепископ. новгор. 307
Пинскъ (Рисунокъ) 493
Пироговъ, Н. И., хирургъ 185
Платонъ, епископ. рижск. 94, 192
Платонъ, митроп. моск. 586, 592, 594, 597
Плеттенбергъ, магистръ. 9, 34, 37, 98, 99, 108
Плячъ, латышъ. 7

стр.

Плотничья башня 596
Плѣшановъ, художникъ 212
Плятеръ, комендантъ Двинска . . . 138
Плятеры, графы 130
Побѣдная колонна въ Ригѣ 117
Повѣнецъ. Остатки доменной печи (Рисунокъ) 377
Повѣнецъ. Соборы (Рисунокъ) . . . 391
Повѣнецъ. Трактъ на Соловки (Рисунокъ) 389
Погодинъ, историкъ 11, 165, 180, 241, 287
Подерая 118
Подокапнье, село 246
Пожни 275
Поклонныя горы 273
Покровская башня въ Псковѣ . . . 143
Полисть, рѣка 279
Полоцкое княжество 125, 126
Полѣсье. . . . . 484—500
Порсе, Канутъ 34
Порусья, рѣка 279
Порховъ . . . . . 239, 246—250
Посошковъ . . . 241, 286, 287, 288, 289
Поссевинъ, Антонъ . . 130, 134, 248, 265
Потемкинъ, князь 101
Прасковья Оеодоровна, царица . . . 325
Прибалтійскій край . . . . . 230—235
Пріютино, мыза. 157
Прозоровскій, Симеонъ, князь . . . 308
Пскова, рѣка. 146, 147, 156
Псковская кустарная выставка . . . 150, 151, 152
Псковское озеро . 4, 10, 154, 156—162
Псковъ . . . 3, 4, 10, 140—155, 157, 252
Псковъ. Кремль и Троицкій соборъ (Рисунокъ) 141
Псковъ. Палаты Поганкина (Рисунокъ). 152
Псковъ. Печерскій монастырь (Рисунокъ). 153
Псковъ. Покровская башня и церк. Рожд. Богор. (Рисунокъ) 143
Псковъ. Пороменская церковь (Рисунокъ) 147
Псковъ. Развалины Варламовскихъ воротъ (Рисунокъ) 144
Псковъ. Развалины палатъ Марины Мнишекъ (Рисунокъ) 152
Псковъ. Спасо-Мирожскій монаст. (Рисунокъ) 151
Псковъ. Храмъ св. Георгія (Рисунокъ). 145
Псковъ. Храмъ св. Василія Великаго (Рисунокъ) 154
Псуде 60
Пугачевъ 239, 260, 261, 262
Пурцъ 222
Путь къ Тихвину . . . . . 299—301
Пушкино, село 579
Пюхтицъ 199, 200
Пятницкая башня 595
Равенъ-Сари 14
Радзивиллъ, гетманъ литовскій . . . 257
Радзивиллъ, графиня 165
Райя, рѣчка 122
Ракке, станція 188
Раммъ 53

стр.

Растрелли 6, 81, 594
Ратценбургъ, магистръ 138
Раухъ, лейбъ-медикъ 240, 284
Ревель . . . . . 5, 7, 9, 28—47, 50, 53, 55, 60, 91, 101, 106, 123, 198, 199.
Ревель. Башни Гуддагъ и Кюстерицъ (Рисунокъ) 31
Ревель. Виды его (Рисунокъ) . . . 40, 41
Ревель. Ворота на взморье (Рисунокъ) 33
Ревель. Домкирхе, Николайкирхе и Кикъ-инъ-ди-Кёкъ (Рисунокъ) . . . 39
Ревель. Замокъ ордена (Рисунокъ) . . 33
Ревель. Коммерческій портъ (Рисунокъ) 29
Ревель. Олайкирхе и «Толстая Маргарита» (Рисунокъ). 32
Ревель. Развалины монаст. Бригитты (Рисунокъ). 36
Ревель. Ратуша (Рисунокъ) 35
Ревель. Старый рынокъ (Рисунокъ) . 35
Ревель. Церковь св. Николая и двойныя ворота (Рисунокъ) 43
Ревель. Церковь св. Олая (Рисунокъ). 42
Ревельскій рейдъ 14
Ревельскій риттергаузъ 42
Ревельштейнскій маякъ 28
Рейнъ, Маргарита. 103
Решъ, фабрикантъ 229
Рига . . 7, 8, 9, 10, 32, 35, 55, 60, 66, 67, 84, 85, 91, 93—117, 119, 124,
Рига. Биржа (Рисунокъ). 108
Рига. Большая гильдія (Рисунокъ) . . 109
Рига. Внутр. видъ риттергауза (Рисунокъ). 103
Рига. Городская ратуша (Рисунокъ) . 107
Рига. Городской театръ (Рисунокъ). . 111
Рига. Домъ Черноголовыхъ (Рисунокъ). 102
Рига. Желѣзнодорожный мостъ (Рисунокъ). 116
Рига. Замковая площадь (Рисунокъ) . 105
Рига. Лютер. церковь св. Петра (Рисунокъ) 95
Рига. Плавучій мостъ (Рисунокъ) . . 115
Рига. Политехническое училище (Рисунокъ) 112
Рига. Пороховая башня (Рисунокъ) . 97
Рига. Правосл. каѳедр. соборъ (Рисунокъ). 96
Рига. Риттергаузъ (Рисунокъ) . . . 104
Рига. Русско-балтійск. вагонный зав. (Рисунокъ) 113
Рига, холмъ 125
Рижскій заливъ. 64
Рижскій «домъ моряковъ» 116
Рижское политехнич. училище. 111, 112, 114
Рингенъ . . . . . 74—77
Рипошъ. 118
Рихтеръ, историкъ. 11
Рогервикъ. 49
Рогнѣда. 141
Рождественскіе пороги 301
Розенъ, баронъ 53
Розеншильдъ-Паулинъ, графы. . . . 130
Розиттенъ 130
Романъ, князь новгородскій. 271

стр.

Романъ Юрьевичъ, князь 240
Россонь, рѣка 222, 226
Ростовъ Великій 589
Рохель, докторъ. 285
Роченсальмъ-Котка 23
Рублевъ, Андрей, инокъ. 597
Ругодивъ 213, 227
Румянцевъ, графъ, министръ коммерціи 199
Руно, островъ 64
Русвурмъ 55
Руссовъ, историкъ. 87
Русь. 279
Рутенбергъ 9, 11, 34, 52
Рыжково 319
Рѣпнинъ, князь, полководецъ 80
Рѣчь Посполитая 130, 132
Рюрикова крѣпость 239
Рюссовъ 11
Рязань 589
Сабуровъ, мин. нар. просв. 76, 111, 178
Савватій Соловецкій 243
Сагалаевъ, Пафнутій 595
Садовниковская богадѣльня въ Ригѣ . 114
Саймское озеро. 14, 16, 20
Саймскій каналъ 23, 27
Салисъ, рѣка. 122
Самсоновъ, генералъ 284
Сапѣга 271, 580
Свиная башня въ Псковѣ 142
Свирь 319, 322
Свіяжскъ 590
Святославъ Ростиславичъ, князь . . 279
Святыя ворота въ Тр.-Серг. лаврѣ. . 596
Святыя горы 253
Себежъ 253, 257, 258
Селезневъ-Губа 282
Семевскій, историкъ 273, 274
Сенъ-Сиръ 259
Сеньково 240, 262, 263
Серафимъ, еписк. рижскій 94
Сергій и Германъ, святые . 242, 243, 335
Сергій (Прозоровскій), схимникъ . . 312
Сергій Радонежскій 580, 581, 582, 583, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598.
Сережа, рѣка 277
Сверскъ, намѣстн. тверской 283
Сивошинъ перевозъ 259
Сигизмундъ-Августъ, кор. польскій 99, 138
Сигизмундъ III, кор. польскій . . . 405
Силламяги 123, 124
Сильмія 27
Симеонъ, князь ростовскій. 271
Симеонъ Полоцкій. 312
Симеонъ Юродивый 296
Симонъ, смоленск. архимандр. . . . 593
Симонъ Тодорскій, архіепископъ . . 149
Синоусовъ курганъ 239
Сиренцъ 199
Сисмакенъ. 194
Сицкій 265
Скитто, лифл. ген.-губ. 174
Скопинъ-Шуйскій, Михаилъ 297
Словенъ 279
Смоленскъ . . . . . 519—539

стр.

Смоленскъ. Весслуха и Покровск. церк. (Рисунокъ). 537
Смоленскъ. Древняя городская стѣна (Рисунокъ). 525
Смоленскъ. Молоховскія ворота (Рисунокъ). 529
Смоленскъ. Общій видъ (Рисунокъ). . 520
Смоленскъ. Памятникъ Глинкѣ (Рисунокъ). 533
Смоленскъ. Памятникъ 1812 года (Рисунокъ). 535
Смоленскъ. Успенскій соборъ (Рисунокъ). 521
Смоленскъ. Церкви (Рисунокъ) . . . 523
Смолка 226
Снегиревъ, историкъ 578
Снѣтки; ловля ихъ. . . . 159, 160, 161
Собачья гора 269
Соборъ Алекс. Невскаго въ Двинскѣ. 138, 139
Соборъ Воскресенскій въ Вел. Лукахъ 263, 264
Соборъ Дмитріевскій въ Гдовѣ . . . 164
Соборъ Корсунско-Богородицкій въ Торопцѣ. 270
Соборъ крестецкій. 298
Соборъ невельскій. 260
Соборъ Преображен. въ Алекс.-Свирскомъ монастырѣ 323
Соборъ Преображен. въ Нарвѣ . 211, 212
Соборъ Преображен. въ Опочкѣ . 252, 253
Соборъ Преображен. въ Порховѣ . . 249
Соборъ Преображен. въ Ревелѣ. 29, 30, 42
Соборъ ревельскій каоедр. лютер. 29, 38, 43, 44
Соборъ Рождества Христова въ Ригѣ. 94, 95
Соборъ Смолен. Бож. Мат. въ Олонцѣ. 328
Соборъ сольвычегодскій 164
Соборъ старорусскій 279
Соборъ Троицкій въ Псковѣ. 147, 148 149
Соборъ Успенскій въ Смоленскѣ. 519 521
Соборъ Успенскій въ Троице-Сергіевской лаврѣ 595, 598
Сосетъ, рыцарь. 93
Соловки 323
Соловьевъ, историкъ 11, 126 127
Соломино, озеро 273
Сомино 318
Софія Палеологъ 10, 157
Софія, царевна 579
Спасское озеро. 273
Станиславъ-Августъ, король польскій. 88, 258
Старая-Русса. . . 240, 265, 278—294, 317
Старая-Русса. Галлерея Муравьевск. источника (Рисунокъ) 288
Старая-Русса. Градирня (Рисунокъ) . 281
Старая-Русса. Общій видъ (Рисунокъ). 280
Старая-Русса. Прудъ изъ воды Муравьевскаго источника (Рисунокъ) . 289
Старорусскій дворецъ 279
Стефанъ, братъ Сергія Радонежскаго. 583
Стодевещеръ, архіеп. римск. . . 102, 103
Стокгольмъ 27
Столбово . . . . . 241, 309, 316—321
Столбовскій договоръ 248, 282, 314, 316, 317

стр.

Страсбургеръ 196
Строгановъ 176
Стрыйковскій, польскій лѣтописецъ . 265
Ступишинъ, выборгскій военный губернаторъ 23
Суворовъ, А. В., фельдмаршалъ. . 16, 261
Суворовъ, князь, ген.-губернаторъ. 133, 326
Судома, гора. 246
Сумбуловъ. 308
Суоме-Линна. 21
Суропскій маякъ 28
Сухона. 140
Сухощекъ. 282
«Сѣверикъ», вѣтеръ 160
Сясь. 299, 300, 301, 309, 316, 317, 318, 319
Сяськіе каналы. 318, 319
Табаго, островъ. 65, 82
Тайферъ 127
Талабскіе острова. . . . . 156—162
Талабское озеро 142, 157
Талабскъ, островъ. 161, 162
Талавенецъ, островъ. 161, 162
Тальсенъ 194
Таинское, село 578
Тарутино 406
Твердыня Ивашковичъ, псковитянинъ. 143
«Тепликъ», вѣтеръ. 160
Тизенгаузены 199
Тимофеевъ, полковникъ 167
Титовъ, Василій, дьякъ 312
Тихвинъ. . . 241, 248, 301, 302—315, 318
Тихвинъ. Видъ тихвинскаго монастыря (Рисунокъ) 305
Тихвинка. 302, 315, 316
Тихвинская система. 299, 300
Тихвинскій посадъ 308
Тихое озеро 226
Токмаковъ, историкъ. 315
Толвуй. Домъ Халтурина (Рисунокъ) . 385
Толвуй. Общій видъ съ озера (Рисунокъ). 379
Толль, языческій богъ 61
Тольсбургъ 198, 222
Топеліусъ, финляндскій поэтъ . . . 20
Торбино, станція 295
Торопа, рѣка. 273
Торопецъ . . . . . 240, 265, 269—274
Торстенсонъ, фельдмаршалъ 196
Травинъ, Леонтій 253
Транзундъ . . . . . 12—20
Транзундскій архипелагъ 14
Транзундскій плесъ 12
Транзундскій рейдъ 3, 12, 14
Трейдеръ 60
Тринидадъ, островъ 82
Троице-Сергіева лавра . . 297, 577—608
Троице-Сергіева лавра. Общій видъ (Рисунокъ) 584
Троице-Сергіева лавра. Усыпальница Годуновыхъ. (Рисунокъ) 585
Троицкіе походы 578
Троіатъ, князь литовскій 119
Труворова могила. 239
Трусовъ, воевода 308
Тукумъ. 66, 67, 193
Тула. . . . . 558—576

стр.

Тула. Арсеналъ (Рисунокъ). 569
Тула. Богадѣльня (Рисунокъ) 571
Тула. Воскресенск. церковь (Рисунокъ). 562
Тула. Кіевская улица (Рисунокъ) . . 573
Тула. Кремлевскій садъ. (Рисунокъ) . 563
Тула. Оружейный заводъ (2 рисунка). 565, 568
Тула. Развалины старинныхъ воротъ (Рисунокъ) 560
Тула. Развалины старинныхъ зданій (Рисунокъ) 559
Тула. Техническое училище (Рисунокъ). 575
Тула. Успенскій соборъ (Рисунокъ) . 561
Тюленъ (фонъ-), фохтъ 196
Тяпка, казакъ 308
Тяполово 277

Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія 76, 179, 193
Угодичъ, село 165
Удріасъ 224
Улановъ, генералъ 138
«Улей», общество 114, 115
Ульманъ, проф. юрьевскаго универс. 178
Унгернъ-Штернбергъ 53
Уранъ-Сари 14
Урусовъ, князь. 94
Усмайтенское озеро 85
Устрики, посадъ 287
Устье-Западной Двины . . . . . 118—124
Усть-Двинскъ . . . . . 118—124
Усть-Нарова . . . . . 123, 222—229
Усть-Нарова. Берегъ моря (Рисунокъ) 224
Усть-Нарова. Гавань. Маякъ. (Рисунокъ) 225
Усть-Нарова. Храмъ св. Владиміра (Рисунокъ 223
Усть-рѣка 307, 308
Устюгъ Великій 140
Уфа 260

Фаль 222
Федоръ, переяславецъ 308
Фельдманъ, генералъ, архитекторъ . . 43
Фелькерзамъ 94, 100, 191
Феодоръ Іоанновичъ 218, 282, 312
Феофанъ, патріархъ іерусалимскій . . 582
Фердинандъ, герцогъ курляндскій . 83, 84
Ферзенъ 196
Филаретъ, епископъ рижской 94
Филаретъ, митрополитъ 193, 582, 592, 593, 594
Филиппъ, митрополитъ 579, 593
Финкъ, рыцарь 229
Финляндія 3
Флетчеръ, посолъ англійскій 232
Флоровскія ворота 590
Фогельгольмъ, островъ 119
Фохтъ, историкъ 11
Фридрихъ II, король датскій 60
Фридрихъ-Вильгельмъ, супругъ Анны Іоанновны 84, 90
Фридрихъ-Вильгельмъ-Карлъ, генералъ-губернаторъ Финляндіи 23
Фридрихъ-Казиміръ, герцогъ Курляндскій 68
Фридрихштадскій уѣздъ 9

стр.

Хабибулинъ, Ахметка 282
Хавелау 168
Харкисари 14
Харрака 16, 20
Хилковъ, князь 271
Хилово, село 250
Хованскіе 579
Холмъ 277, 241, 264, 265
Холопій городокъ 300
Хотьково, станція 579
Христина, королева шведская . 60, 196

Царицынскій источникъ 286
«Царь-колоколъ» въ Троице-Серг. лаврѣ 595
Цвѣтаевъ, городской голова Нарвы . 226
Церковь Аннинская въ Митавѣ . . . 78
Церковь Владиміра въ Усть-Наровѣ . 227
Церковь Воздвиженія въ Тихвинскомъ монастырѣ 312
Церковь Воскресенская въ Торопцѣ . 274
Церковь Клементьевская въ Псковѣ . 146
Церковь Мироносицкая въ Псковѣ . 146
Церковь Николая по Гдовѣ 166
Церковь Николая въ Порховѣ . . . 249
Церковь Николая во Псковѣ 146
Церковь Николая, лютеранская, въ Ревелѣ 29, 44, 45
Церковь св. Николая, православная, въ Ревелѣ 46, 47
Церковь Николая въ Якобштадтѣ . . 130
Церковь Никона Преподобнаго въ Троице-Сергіевской лаврѣ 598, 599
Церковь Олая въ Ревелѣ . . . 29, 42, 43
Церковь Петра, лютеранская въ Ригѣ 104
Церковь Покрова въ Великихъ Лукахъ 267
Церковь Покрова въ Тихвинскомъ монастырѣ 312
Церковь Покрова въ Хотьковѣ . . . 579
Церковь Пороменская во Псковѣ . . 146
Церковь Преображенская въ Великихъ Лукахъ 267
Церковь Преображенская въ Мирожскомъ монастырѣ 147
Церковь Рождества Богородицы въ Псковѣ 143
Церковь Св. Духа въ Якобштадтѣ . . 135
Церковь Сергія въ Троице-Серг. лаврѣ 595
Церковь Симеона и Анны въ Митавѣ 78
Церковь Смоленской Божіей Матери въ Смоленскѣ 523, 524
Церковь Троицкая въ Митавѣ . . . 78
Церковь Троицы въ Троице-Сергіевск. лаврѣ 596
Церковь Успенія въ Гдовѣ 165
Церковь Успенія въ Ивангородской крѣпости 219
Церковь Успенія въ Тихвинскомъ монастырѣ 309
Церковь Успенская на Валаамѣ. . . 333
Церковь Штиглицевская въ Нарвѣ . 212
Цинцендорфъ, графъ 43

Чагинъ, академикъ 94
Чагодоща 300
Чаплинскій 580
Чарторыйскій 176
Чеглоковъ, бояринъ 282
Челищевы. 275, 276
Черемецкое озеро 215
Чересло, озеро 257
Черноголовые 9, 37, 38, 45, 46, 101, 105, 106
Черный Яръ 261
Чернышевъ, князь, военный министръ 285
Чернышевъ, комендантъ выборгскій . 22
Чесменскій бой 38
Чичаговъ, адмиралъ 3, 14, 37
Чудское озеро . . . . . 158, 163—169, 198, 199, 239

Шаренбекъ 50
Шведа, рѣка 80
Швейнфуртъ, путешественникъ . . . 112
Шворбе 61
Шевыревъ, историкъ 577, 580
Шелонь 239, 247, 249, 250
Шельдиха 319
Шереметевъ, графъ . . . 106, 135, 310
Шернстроле, комендантъ выборгскій . 22
Шестаковъ, управляющій морскимъ министерствомъ 66
Шиллеръ, поэтъ. 171
Ширрень, проф. юрьевск. универс. 11, 180
«Шлоссъ» въ Выборгѣ 14, 27
Шмецке 224, 225, 228
Штакельбергъ, баронъ, попечитель Юрьевскаго учебнаго округа . 179, 196
Штиглицъ, баронъ . . . 212, 213, 215
Штиглицевская мануфактура 212, 214, 215
Штонманнгофъ . . . . . 125—128
Шуйскій, Дмитрій 297
Шуйскій, Иванъ Петровичъ 265
Шульцъ-фонъ-Ашерадень 100
Шунга, село (Рисунокъ). 387
Шустовъ, Логинъ 309
Шхеры 16

Щербатовъ, князь, псковскій воевода. 254

Эверсъ, ректоръ юрьевск. универс. . 177
Эджвортъ-де-Фирмонъ, аббатъ . . . 82
Эдинбургъ 123
Эзель, островъ 5, 6, 50, 57, 58, 60, 61, 128
Эзо 222
Экхартъ, историкъ . . 11, 80, 90, 100, 179
Эландъ 14
Эмбахъ, рѣка 10, 167, 168, 169
Эмбеке 56
Эрикъ IX, святой 21
Эрикъ XIV, король шведскій . . 27, 34
Эстляндія 34
Этгингенъ, гофмейстеръ. 76

Юрбургъ . . . . . 412, 413, 423—427
Юрьевскій университетъ 172 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185
Юрьевъ . . . . . 10, 34, 55, 99, 126, 127, 169, 170—187
Юрьевъ. Аллея къ соборной лютеранской церкви (Рисунокъ) 183
Юрьевъ. Анатомическій театръ (Рисунокъ). 176

	стр.
Юрьевъ. Астрономическая обсерваторія (Рисунокъ)	177
Юрьевъ. Городская ратуша (Рисунокъ)	187
Юрьевъ. Зданіе университета (Рисунокъ)	173
Юрьевъ. Общій видъ (Рисунокъ)	171
Юрьевъ. Памятникъ Барклаю де-Толли (Рисунокъ)	184
Юрьевъ. Пристань на Эмбахѣ (Рисунокъ)	185
Юрьевъ. Развалины замковой церкви (Рисунокъ)	179
Юрьевъ. Развалины замковой церкви и библіотека (Рисунокъ)	181
Ягужинскій	53
Якобсонъ, редакторъ газеты «Саккала»	195
Якобштадтъ	82, 129—136
Якобштадтъ. Свято-Духовскій храмъ до взрыва (Рисунокъ)	131
Ямбургъ	10, 222—229
Ямкино, станція	246
Ярославль	253
Ярославъ	10, 31, 34, 126, 127, 169
Яуза	578, 579

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ ВЪ МИНИСТЕРСТВѢ ФИНАНСОВЪ
14001